

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

СТИВЕН ПИНКЕР

Почему насилия в мире
стало меньше

ЛУЧШЕЕ В НАС

АНО
альпина нон-фикшн

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

СТИВЕН ПИНКЕР

Почему насилия в мире
стало меньше

ЛУЧШЕЕ В НАС

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Еве, Карлу и Эрику,
Джеку и Дэвиду,
Яэль и Даниэль
и миру, который они унаследуют

Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

Блез Паскаль. Мысли[\[1\]](#).

Предисловие к русскому изданию **БЕССМЕРТНОЕ СОЛНЦЕ УМА**

Стивен Пинкер, автор книги «Лучшее в нас», — канадский ученый, нейропсихолог, лингвист и дважды лауреат Пулитцеровской премии, просветитель и популяризатор науки. Он учился и работал в Гарварде и Массачусетском технологическом институте. Стивен Пинкер — автор нескольких книг по психолингвистике и когнитивной теории, две из которых — «Как работает мозг» и «Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» — были опубликованы на русском языке. «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше» — его *magnum opus*, написанный в 2011 году, — приходит к русскоязычному читателю сегодня. Объемом, размахом и, не побоимся сказать, авторской самоуверенностью труд этот неуловимо напоминает «Войну и мир». В одном из эпизодов толстовской эпопеи молодой граф Ростов требует у управляющего «счета всего». Автор «Лучшего в нас» читателю эти самые «счета всего» представляет: книга полна графиков, диаграмм, числовых таблиц, оперирует огромным статистическим материалом. Один список использованной литературы образует хороший университетский курс социальных наук и истории.

О чем эта книга?

Это исторический обзор факторов, способствующих снижению насилия, с объяснением

причин их появления и описанием их действия во времени. Автор рассматривает всю человеческую историю под этим углом, а затем вычленяет тех «лучших ангелов», из-за которых насилие снижается, так же как и тех темных демонов, которые заставляют человека применять насилие к себе подобным.

Эта книга, пишет автор, родилась, как многое хорошее в наше время рождается, из дискуссий на форуме, где он задал вопрос своим коллегам: какая, по вашему мнению, самая недооцененная тенденция нашего времени? Проще говоря, что происходит важного, на что мы не обращаем внимания? Ему стали приходить ответы, из которых следовало, что тенденция, которую мы не видим, процесс, которого мы не замечаем, — это глобальное снижение насилия.

Стивен Пинкер ставит себя в невыгодное положение, стремясь доказать тезис, выглядящий в наше время идеалистическим или прямо нелепым. Пророки апокалипсиса всегда в цене: падение нравов и моральный регресс всякий может наблюдать на примере соседа (но никогда — самого себя), и непосредственный опыт подсказывает каждому из нас, что раньше трава была гуще, чаща чище, а все дороги вели в Изумрудный город. Но певцы прогресса перестали быть популярны с тех пор, как ушла эпоха Просвещения и потускнел культ Разума. Пытающийся доказать, что человечество с веками становится все гуманней, а нравы все мягче, выглядит как проповедник теории вечного мира из салона Анны Павловны Шерер (все читатели соглашались с юным Пьером, что «план вечного мира есть химера»).

Однако книга Пинкера как раз об этом — на огромном и разнообразном статистическом материале автор доказывает, что во всех сферах

человеческой деятельности за последние 2500 лет радикально снизился уровень насилия. Это касается как нравов войны, так и числа убийств в частной жизни, судебной пытки, пенитенциарных нравов, обращения с детьми, отношения к женщинам, сексуальным и этническим меньшинствам, животным. Пинкер как нейропсихолог отвергает тезис, что насилие составляет биологическую потребность нашего вида. Он считает, что человеку свойственно сотрудничество, что мы — социальные животные, и инстинкт подсказывает нам преимущество взаимопомощи перед насильственной конкуренцией.

Пинкер выделяет пять исторических сил, снижающих уровень насилия. Собственно, ниже следующее есть развернутое изложение известного пушкинского тезиса «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»:

Левиафан — появление современных национальных государств, монополизировавших насилие в рамках правоохранительной и правоприменительной системы.

Торговля — технологический прогресс, сделавший возможным обмен товарами на расстоянии, благодаря чему живой покупатель стоит дороже, чем вражеский труп.

Феминизация — рост уважения к интересам и ценностям женщин.

Глобализация и космополитизм — грамотность, мобильность и медиа, расширяющие круг наших симпатий к людям, непохожим на нас.

Рационализация, власть рассудка — применение научных и рациональных подходов к решению проблем, что позволяет осознать неэффективность замкнутого круга насилия и ценность кооперации.

Тезис о глобальной и устойчивой тенденции к снижению насилия парадоксальным образом возмущает наше нравственное чувство: он звучит как обесценивание людских страданий, новости о которых ежеминутно поставляют нам информационное пространство, как призыв к самоуспокоению и социальному квиетизму. Он, кажется, легко опровергаем любой ежеминутно приходящей новостью: информационное пространство полно описанием, и каждое кажется нам возмутительным, невиданным и, что хуже, неизбежным предвестником еще более ужасной череды зол и бедствий. На самом деле и изобилие такого рода новостей, и наше ими возмущение суть не опровержения, а подтверждения центральной мысли этой книги.

Есть общий закон: когда социум начинает избывать некое зло, его в публичном пространстве становится больше, потому что на него обращают внимание. Общераспространенное, общепринятое зло не замечается. Мы обращаем внимание — обычно с возмущением — на те социальные практики, которые или уходят, или нарождаются (конечно, всегда есть риск перепутать одно с другим).

Именно исходя из тенденции снижения насилия и повышения цены жизни человеческой те плохие новости о насилии, репрессиях, смертях, которые мы видим, поражают нас гораздо сильнее, чем они поражали наших равнодушных предков, привыкших к высокой смертности вокруг себя.

Мы воспитаны в убеждении, что XX век был самым кровавым во всей истории человечества, что его урок — варварство всегда рядом, слой цивилизации тонок и хрупок, ничто не предохраняет нас от быстрого и радикального одичания. При всем уважении к исследованиям о банальности зла, с их выводом «палачом может сделаться любой», они заслоняют от нас банальность добра — тот факт, что само наше возмущение ужасами войны есть плод гуманности, выращенной неуклонно прогрессирующей цивилизацией. Выясняется, что по проценту убыли мужского населения самой кровопролитной была не Вторая мировая, а гражданская война в Англии XVII века. А что такое в нашем представлении английская гражданская война? Кавалеры, пуритане-«железнобокие», неподкупный Кромвель, шпаги, кружевные рукава — сплошная романтика. Этнические чистки кажутся нам изобретением XX века, а на самом деле многовековая тотальная резня на границах Европы или на необозримых пространствах Средней Азии и Китая просто находилась за пределами наших познаний. В этом смысле приведенные в книге таблицы выстраивающие вооруженные конфликты по количеству людских потерь, — поучительное чтение.

Даже те черты современных конфликтов, которые кажутся нам наиболее отвратительными, — использование детей, игра «чей первый труп, тот и прав» и «кто первый выстрелил, тот и проиграл», сознательная работа на телевизионную картинку, размывание самого понятия «мирное население» — суть тоже извращенные плоды гуманистического прогресса. Условный террорист, умножающий жертвы среди своих, чтобы поставить противника в морально невыгодную позицию, рассчитывает на зрителей

глобального ютьюба, которым жалко чужих женщин и детей. Этот гуманный зритель — гражданин гуманного мира и плод его цивилизации.

Увы, тот процесс снижения роли насилия в делах человеческих, о котором пишет Пинкер, не является, по его собственным словам, ни линейным, ни непрерывным. Он касается преимущественно Европы и Северной Америки, и даже в пределах Первого мира всегда есть шанс провалиться в локальную историческую дыру, где вас радостно встретит XIII век, «Игра престолов» и прочий солнечный Арканар. Тенденции это не переменит — через исторически ничтожный срок и это окказиональное безобразие смоеет великая река прогресса, разве что не каждый сможет до этого момента дожить. Но книгу почитать тем более стоит — она распространяет редкий в наше время исторический оптимизм.

Перевод, как известно, самый глубокий вид чтения. По той же логике, научное редактирование перевода — способ погрузиться в текст на глубину следующего уровня. Научный редактор этой без преувеличения гигантской книги не рассчитывает, что текст удалось сделать безупречным или хотя бы избавить от тех необъяснимо очевидных ошибок, традиционно ускользающих от последовательных редакторских и корректорских просмотров, — кажется, их охраняет особый книжный демон, родственник тех домовых, которые в обычное время бесследно прячут вещи, только что бывшие у вас в руках. Но редактор рассчитывает, что читатель получит от этой книги то же бескорыстное удовольствие и ту же вполне осязаемую образовательную пользу, которую удалось получить от работы над ней. Редактор признается, что только в процессе работы смог твердо постичь разницу между

средним и медианным, а также приблизиться к пониманию того, что такое случайное распределение.

Что, может быть, еще важнее: эта книга проникнута уважением к человечеству — его неугасимому творческому духу, его не знающему преград разуму, его фундаментальному стремлению к добру. Идеологически и стилистически Стивен Пинкер близок не столько к современным образцам жанра просветительского нон-фикшна и эдьютейнмента (при всем уважении к ним), сколько к знакомой нам по детскому чтению просветительской литературе советских шестидесятых. Хотя Пинкер пишет вовсе не для юной аудитории, интенция просвещения, почтение к науке, гуманистическая рациональность вызывают в памяти книги вроде «Как человек стал великаном», или энциклопедию «Что такое? Кто такой?», или переводную «Радость познания», или те популяризаторские труды о ботанике, физике или математике, которые оставались в памяти читателя, не собиравшегося становиться ни ботаником, ни физиком, благодаря той бесконечно обаятельной интонации, с которой говорят только о том, что дорого и интересно, о чем хочется рассказать не с целью обучения и воспитания, а чтобы поделиться бесконечной радостью познания.

Наслаждение разума, осознающего себя в упражнении своих растущих сил, было в этих книгах ключевым стилеобразующим мотивом. В отличие от советских просветителей, тема Пинкера — не победа человека над природой, не овладение материей, а победа над самим собой, над темными демонами насилия, дикости, бессмысленного разрушения. Стивен Пинкер — рыцарь Просвещения, он оперирует его идеологическим аппаратом и его словарем — прогресса, разума, труда, сознательного

последовательного улучшения жизни. В публичном пространстве, заполненном мрачной конспирологией, разнообразными формами мистицизма и теми настроениями, которые в прошлом веке назывались упадническими, это производит освежающее впечатление внезапно распахнутой двери, через которую врывается дезинфицирующий солнечный свет. Да здравствует солнце, да скроется тьма!

*Екатерина Шульман,
Москва, август 2020 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена самому, может быть, важному процессу в человеческой истории. Хотите — верьте, хотите — нет, и я знаю, что большинство не поверит, но, если рассматривать дело в долгосрочной перспективе, уровень насилия в мире снижается, и, похоже, мы сегодня живем в самую мирную эпоху за все время существования нашего вида. Конечно, снижение это не всегда шло гладко, не свело насилие к нулю и нет никаких гарантий, что так будет продолжаться и дальше. И все-таки это явное достижение, которое прослеживается на различных временных отрезках — от тысячелетий до отдельных лет — и в различных сферах — от ведения войн до наказания детей.

Отказ от насилия затронул все стороны жизни. Обыденность выглядит совершенно по-другому, когда приходится постоянно беспокоиться об угрозе похищения, изнасилования, убийства; и весьма трудно развивать современное искусство, науку или торговлю, если поддерживающие их общественные институты громятся и уничтожаются с той же скоростью, что и создаются.

Историческая траектория насилия влияет не только на то, как мы проживаем свою жизнь, но и на то, как мы ее понимаем. К худу или к добру привели нас в итоге многовековые усилия человечества — краеугольный вопрос для ощущения смысла и цели существования. Как, например, оценивать «современность» с ее разрушением семьи, рода,

традиций и религии силами индивидуализма, космополитизма, рационального подхода и науки? Очень многое зависит от того, как мы воспринимаем последствия этих преобразований: видим ли мы наш мир как кошмар преступности, терроризма, геноцидов и войн или как благословенный по историческим стандартам период с беспрецедентно высоким уровнем мирного сосуществования.

Кроме того, вопрос, куда на самом деле направлен вектор насилия — вверх или вниз, тесно связан с концепцией человеческой природы. Хотя биологические теории природы человека часто ассоциируются с фатализмом в отношении насилия, а идея разума как чистого листа считается прогрессивной, я думаю, что дело обстоит ровно наоборот. Как нам следует оценивать первобытную жизнь на заре времен, в начале истории нашего вида? Убеждение, что уровень насилия с тех пор вырос, предполагает, что мир, который мы создали, непоправимо испортил нас. Мнение, что этот уровень снизился, предполагает, что хоть начали мы довольно мерзко, но все же, благодаря цивилизации, движемся в нужном направлении и можем надеяться на продолжение этого тренда.

Это толстая книга, но она и должна быть такой. Сначала мне предстоит убедить вас, что насилие действительно убывает на протяжении нашей истории, зная, что эта идея вызывает скептицизм, недоверие, а иногда и раздражение. Особенности нашего мышления вынуждают нас верить, что мы живем в жестокие времена, тем более когда СМИ щекочут нервы, следуя девизу: «Новость, где льется кровь, идет первой!» Человеческий мозг оценивает вероятность события тем выше, чем легче на ум приходят соответствующие примеры, а сцены

кровавых побоищ проникают в наше сознание чаще и откладываются в памяти лучше, чем кадры, на которых люди умирают от старости¹. И неважно, насколько низкой является доля насильственных смертей, в абсолютных цифрах их всегда достаточно, чтобы заполнить вечерние новости, поэтому интуитивные оценки уровня насилия далеки от реальных пропорций.

Психология морали также обманывает наше чувство опасности. Никто и никогда не сможет мобилизовать волонтеров, сообщая, что дела идут все лучше, потому и гонцов, приносящих хорошие новости, просят попридержать язык, чтобы не внушать людям чувство необоснованного оптимизма. Кроме того, в интеллектуальных кругах отказываются признавать, что в цивилизации, современности и в западном обществе вообще есть хоть что-нибудь хорошее. Но, возможно, иллюзию вечно царящего насилия питает одна из тех сил, что и привели к его спаду. Жестокость идет на убыль одновременно со снижением терпимости к насилию и к его воспеванию, и часто именно смена мировоззрения становится ведущей силой изменений. По сравнению с массовыми зверствами прошлого смертельная инъекция убийце в Техасе или единичные преступления на почве ненависти к представителям этнических меньшинств не такие уж шокирующие вещи. Но сегодня они воспринимаются как свидетельство нашего глубокого падения, а не как признак повышения моральных стандартов.

Бросая вызов предрассудкам, мне придется убеждать вас с цифрами в руках — я буду по крупицам собирать их из различных источников и всячески иллюстрировать. Каждый раз я буду объяснять, откуда

цифры взяты и каким образом они складываются в единую картину. Я ставлю перед собой задачу объяснить снижение насилия на разных уровнях: в семье, в жилых районах, между кланами и другими вооруженными группировками, среди больших наций и государств. В истории насилия на каждом уровне детализации прослеживается свой вектор развития, и каждый достоин отдельной книги. Но меня не перестает удивлять глобальная тенденция к его уменьшению, очевидная на сегодняшний день. Поэтому для поиска ответов на вопросы, когда, как и почему произошли все эти изменения, лучше собрать их под одной обложкой.

Разнообразные виды насилия демонстрируют общую тенденцию — вряд ли это может быть простым совпадением. Факты требуют объяснений. Соблазнительно пересмотреть историю насилия с точки зрения морали — как героическую сагу о борьбе добра со злом, но я выбрал другой ракурс. Мой подход в широком смысле научный: он сводится к поиску объяснений, почему так происходит. Иногда выясняется, что в каком-то конкретном вопросе росту миролюбия способствовали проповедники моральных ценностей и их деятельность. А иногда объяснение более прозаическое — вроде изменений в технологиях, управлении, торговых отношениях и в познании. Рассматривать спад насилия в качестве неудержимого двигателя прогресса, который возносит нас к идеальному миру точки Омега[2], тоже не стоит. Это совокупность статистических трендов в поведении групп людей в различные периоды времени, и поэтому его необходимо рассматривать с позиций психологии и истории — того, как разум человека справляется с изменяющимися обстоятельствами.

Значительная часть книги посвящена исследованию психологии насилия и ненасилия. Модель сознания, к которой я буду обращаться, — это синтез когнитивистики, аффективной и когнитивной нейронауки, социальной и эволюционной психологии и других наук о человеческой природе, которые я анализировал в книгах «Как работает мозг» (How the Mind Works), «Чистый лист» (The Blank Slate) и «Субстанция мышления» (The Stuff of Thought). Согласно такому толкованию, сознание — это комплексная система когнитивных и эмоциональных способностей, интегрированных в мозг, который обязан своей базовой конструкцией процессам эволюции. Некоторые из этих способностей склоняют нас к различным видам насилия. Другие — говоря словами Авраама Линкольна, «добрые ангелы нашей души» — настраивают на мир и сотрудничество. Объяснить спад насилия можно, определив, какие изменения в культурной и материальной среде помогли миролюбивой части нашего сознания одержать верх.

И наконец, мне нужно будет показать связь истории и психологии. В человеческих делах все взаимосвязано, и особенно верно это в отношении насилия. Всегда и повсюду более мирные сообщества обычно оказываются более богатыми, более жизнеспособными, более образованными, обладающими лучшей системой правления. Они с большим уважением относятся к женщинам и чаще преуспевают в торговле. Трудно сказать, какое из этих счастливых качеств запустило колесо добродетели, а какое просто прокатилось на нем за компанию, и было бы заманчиво согласиться с ничем не объясняющей рекурсией вроде «уровень насилия снизился, потому что культура стала менее жестокой». Социологи

различают эндогенные переменные — они находятся внутри системы, где на них может влиять тот самый феномен, который они призваны объяснить, и экзогенные — те, что приводятся в движение внешними силами. Экзогенные силы могут брать начало в объективной реальности — в изменениях технологий, демографии, механизмов коммерции и управления. Но еще они могут зарождаться в реальности интеллектуальной, по мере того как новые идеи возникают, распространяются и начинают собственную жизнь. Лучшее объяснение любых исторических изменений — то, которое идентифицирует подтолкнувшее их внешнее воздействие. Максимально придерживаясь фактов, я попытаюсь определить экзогенные силы, которые в разные периоды времени по-разному взаимодействовали с нашими умственными способностями и которые могут быть определены в качестве причин спада насилия.

Исследования, которые проливают свет на эти вопросы, складываются в эту книгу — такую объемную, что краткое изложение основных выводов прямо в предисловии ее не испортит. «Добрые ангелы нашей души» — это рассказ о шести тенденциях, пяти внутренних демонах и пяти исторических силах.

Шесть тенденций (главы 2–7). Чтобы показать связь разнообразных изменений, которые заставляют нас отказываться от насилия, я объединил их в шесть основных тенденций.

Первой из них стал начавшийся около 5000 лет назад и растянувшийся на несколько тысячелетий переход от анархии в группах охотников и собирателей, в условиях которой наш вид просуществовал большую часть своей эволюционной

истории, к первым земледельческим цивилизациям с городами и правительствами. С этим переходом связано снижение количества набегов и усобиц, свойственных первобытным обществам, и примерно пятикратное уменьшение количества насильственных смертей. Я называю это наступление мира Процессом усмирения.

Второй переход занял более 500 лет и хорошо задокументирован в Европе. В период между поздним Средневековьем и XX в. количество убийств в европейских странах сократилось в 10–50 раз. Социолог Норберт Элиас в ставшей классической книге «О процессе цивилизации» утверждает, что причиной этого удивительного сокращения стало объединение мелких феодальных владений в крупные королевства с централизованной властью и торговой инфраструктурой. Вслед за ним я называю этот тренд Цивилизационным процессом.

Третья трансформация длилась несколько столетий и началась во времена рационализма и европейского Просвещения в XVII–XVIII вв. (хотя у нее были предвестники в Древней Греции и в период Ренессанса, а также аналоги в других частях света). В это время появились первые организованные движения за отмену таких социально одобряемых форм насилия, как деспотизм, рабство, дуэли, пытки в судебных процессах, убийства из суеверия, жестокие казни и жестокое обращение с животными, а также первые ласточки организованного пацифизма. Историки иногда называют этот переход Гуманитарной революцией.

Четвертый важный переход состоялся по окончании Второй мировой войны. Две трети столетия спустя мы становимся свидетелями

исторически беспрецедентных изменений: могущественные державы и развитые государства в целом перестали воевать между собой. Историки называют это благословенное положение дел Долгим миром².

Пятая тенденция тоже имеет отношение к вооруженным конфликтам, однако не так очевидна. Возможно, читателям новостей будет трудно в это поверить, но со времени окончания холодной войны в 1989 г. число организованных столкновений всех видов — гражданских войн, геноцидов, террористических атак и репрессий со стороны авторитарных режимов — уменьшилось по всему миру. Поскольку это новое положение дел пока не выглядит устойчивым, я буду называть его Новым миром.

И наконец, в послевоенную эпоху, символом начала которой стало принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., мы наблюдаем растущее неприятие агрессии меньших масштабов, включая насилие в отношении этнических меньшинств, женщин, детей, гомосексуалов и животных. Эти логические следствия идеи прав человека — гражданские права, права женщин и детей, ЛГБТ и животных — защищает целый ряд общественных движений начиная с 1950-х гг. до сегодняшнего дня. Я называю это революциями прав.

Пять внутренних демонов (глава 8). Многие люди интуитивно придерживаются гидравлической теории насилия, думая, будто человеку свойственно внутреннее стремление к агрессии (инстинкт смерти или жажда крови), которое накапливается в нас и которое необходимо периодически выпускать. Современная наука понимает психологию насилия

иначе. Агрессия не единый мотив и уж тем более не нарастающий позыв. Это результат работы нескольких психологических систем, различающихся по запускающим их внешним воздействиям, внутренней логике, нейробиологическим основам и распределению среди различных слоев общества. Глава 8 посвящена объяснению пяти таких систем. *Хищническое* или *инструментальное* насилие — простое средство достижения цели. *Доминирование* — стремление к влиянию, престижу, славе и власти, принимает ли оно форму мачизма в отношениях между отдельными людьми или превращается в соревнование за превосходство среди расовых, этнических, религиозных сообществ или государств. *Месть* подогревается моральным стремлением к справедливости, наказанию и расплате. *Садизм* — удовольствие от страданий другого. И *идеология* — коллективная система убеждений, обычно включающая утопическое видение будущего, которое оправдывает неограниченное насилие ради неограниченного блага.

Четыре добрых ангела (глава 9). Люди по природе своей не добры (хотя и не злы), но наделены побуждениями, которые могут направить их от насилия к сотрудничеству и альтруизму. *Эмпатия* (сочувствующее сопереживание) одаривает нас возможностью чувствовать чужую боль и учитывать не только свои интересы, но и интересы других людей. *Самоконтроль* позволяет нам предвосхищать последствия импульсивных действий и подавлять их. *Моральное чувство* освящает множество норм и табу, регулирующих взаимодействия между людьми внутри культуры, иногда уменьшая уровень насилия, хотя зачастую (когда это племенные, авторитарные или пуританские нормы) увеличивая его. И способность

рассуждать позволяет нам освободиться от ограниченной точки зрения, раздумывать о нашем образе жизни, искать способы улучшить его и направлять действия других добрых ангелов нашей души. Я также кратко рассмотрю вероятность, что в Новейшей истории *Homo sapiens* буквально эволюционировали в сторону меньшей жестокости в конкретном биологическом смысле изменений генома. Но основной предмет моего исследования — изменения, случившиеся во внешней среде: исторические обстоятельства, которые по-разному взаимодействуют с неизменной человеческой природой.

Пять исторических сил (глава 10). В последней части я попытаюсь снова соединить историю и психологию, определив экзогенные силы, которые благоприятствуют нашим миролюбивым стремлениям и приводят к многократному снижению уровня насилия.

Левиафан — государство и его судебная система с монополией на законное применение силы — может ослабить искушение насилия во имя насилия, подавить мстительные побуждения и обойти ошибки эгоистичности (*self-serving biases*), которые заставляют каждую из конфликтующих сторон верить, что именно она действует с позиций добра. *Торговля* — игра с положительной суммой, выиграть в которой могут все; по мере того как технический прогресс делает возможным обмен товарами и идеями на больших расстояниях между большим количеством участников, ценность других людей выше, пока они живы, и их реже подвергают демонизации и дегуманизации. *Феминизация* — это процесс, в котором культуры со все большим уважением начинают относиться к интересам и ценностям

женщин. Так как насилие по большей части мужская прерогатива, культуры, которые наделяют женщин властью, обычно отказываются от прославления насилия и реже порождают опасные субкультуры неприкаянной молодежи. Силы *космополитизма* — грамотность, мобильность, средства массовой информации — позволяют нам принимать точку зрения других, непохожих на нас людей и расширять наш круг сочувствия, чтобы включить их всех. Наконец, знания и рациональность, которые все чаще применяются для улучшения условий человеческого существования, — *эскалатор разума* — заставляют осознать бессмысленность циклов насилия, постепенно ограничить предпочтение собственных интересов интересам других и начать относиться к насилию как к проблеме, которую нужно решить, а не как к соревнованию, в котором надо выиграть.

Когда узнаешь о спаде насилия, мир меняется. Прошлое выглядит не столь невинным, настоящее не столь зловещим. Начинаешь ценить маленькие радости совместного существования, которые показались бы утопией нашим предкам: в парке играет семья, члены которой принадлежат к разным расам, сатирик безнаказанно осыпает остротами главнокомандующего, страны мирно выходят из кризиса, вместо того чтобы развязать войну. И это не беспечность: мы наслаждаемся сегодняшним миром, потому что предшествующие поколения в свое время ужасались насилию и старались снизить его, и нам тоже следует работать над уменьшением сохраняющихся видов насилия. Более того, только признав, что уровень насилия падает, мы можем убедиться, что наша борьба стоит усилий. Бесчеловечное отношение к человеку долго было предметом рассуждений в категориях морали. Зная,

что какие-то факторы способствуют его снижению, мы можем рассуждать о нем в терминах причины и следствия. Вместо того чтобы спрашивать: «Почему разразилась война?», мы можем поинтересоваться: «Почему наступил мир?» Мы можем не только мучить себя вопросом, что мы делаем не так, но и разглядеть, что мы делаем правильно. Потому что мы явно что-то делаем правильно, и хорошо было бы точно знать, что именно.

Меня часто спрашивали, как случилось, что я заинтересовался анализом насилия. Я не делаю из этого секрета: насилие естественным образом вызывает озабоченность любого, кто изучает природу человека. Впервые я узнал о спаде насилия, прочитав «Убийство» (Homicide) — классический труд по эволюционной психологии, в котором Марго Уилсон и Мартин Дэйли исследовали высокий уровень насильственных смертей в негосударственных обществах и уменьшение их числа в период от Средневековья до наших дней. В предыдущих своих книгах я обсуждал эти нисходящие тенденции вместе с такими гуманистическими достижениями в истории Запада, как отказ от рабства, деспотизма и жестоких казней, в подтверждение идеи, что моральный прогресс вполне совместим с биологическим подходом к разуму человека и с признанием темной стороны человеческой природы³. Я упомянул эти сведения, отвечая в 2007 г. на вопрос форума www.edge.org: «Что вселяет в вас оптимизм?» Моя провокация вызвала шквал писем от ученых, специализирующихся на исторической криминологии и международных исследованиях, которые рассказали мне, что свидетельства в пользу исторического снижения насилия гораздо богаче, чем я себе

представлял⁴. Именно они убедили меня, что этот недооцененный материал ждет своего рассказчика.

В первую очередь я хочу выразить глубокую благодарность следующим ученым: Азару Гату, Джошуа Гольдштейну, Мануэлю Эйснеру, Эндрю Маку, Джону Мюллеру и Джону Картеру Вуду. В процессе работы над книгой я многое почерпнул из переписки с Питером Бреке, Тарой Купер, Джеком Леви, Джемсом Пейном и Рэндольфом Ротом. Эти исследователи щедро делились идеями, текстами и данными и любезно направляли меня в научных областях, далеких от моей специализации.

Дэвид Басс, Мартин Дэйли, Ребекка Ньюбергер Гольдштейн, Дэвид Хэйг, Джемс Пейн, Рослин Пинкер, Дженнифер Шихи-Скеффингтон и Полли Висснер прочли большую часть чернового варианта книги и предложили весьма полезные советы и критику. Комментарии к конкретным главам, предложенные Питером Бреком, Даниэлем Широ, Аланом Фиске, Джонатаном Готтшеллом, А. С. Грейлингом, Нилом Фергюсоном, Грэмом Гаррардом, Джошуа Гольдштейном, Джеком Хобаном, Стивенем Лебланом, Джеком Леви, Эндрю Маком, Джоном Мюллером, Чарльзом Сейфе, Джимом Сиданиусом, Майклом Спагатом, Ричардом Рэнгемом и Джоном Картером Вудом, также были бесценны.

Многие коллеги быстро откликнулись на мои запросы объяснениями или предложениями, которые затем стали частью книги: Джон Арчер, Скотт Атран, Дэниел Бэтсон, Дональд Браун, Ларс-Эрик Седерман, Кристофер Шабри, Грегори Кокран, Леда Космидес, Тови Дал, Ллойд Демос, Джейн Эсберг, Алан Фиске, Дэн Гарднер, Пинхас Гольдшмидт, Кит Гордон, Рейд Хасти, Брайан Хейс, Джудит Рич Харрис, Харольд

Херцог, Фабио Идробо, Том Джонс, Мария Конникова, Роберт Курцбан, Гэри Лафри, Том Лерер, Майкл Мэйси, Стивен Мальби, Меган Маршалл, Майкл Маккаллоу, Натан Мирволд, Марк Ньюман, Барбара Оукли, Роберт Пинкер, Сьюзан Пинкер, Зиад Обермайер, Дэвид Писарро, Таге Рэй, Дэвид Ропейк, Брюс Рассетт, Скотт Саган, Нед Сахин, Обри Шейхем, Фрэнсис Шен, подполковник Джозеф Шуско, Ричард Швейдер, Томас Соуэлл, Говард Стренд, Илавенил Суббиа, Ребекка Сазерленд, Филипп Тетлок, Андреас Форо Толлефсен, Джеймс Такер, Стаффан Ульфстренд, Джеффри Уотумалл, Роберт Уистон, Мэттью Уайт, майор Майкл Уизенфельд и Дэвид Уолп.

Коллеги и студенты Гарварда были щедры на экспертные заключения: Мазарин Банаджи, Роберт Дарнтон, Алан Дершовиц, Джеймс Энгелл, Нэнси Эткофф, Дрю Фауст, Бенджамин Фридман, Дэниел Гилберт, Эдвард Глейзер, Омар Султан Хэг, Марк Хаузер, Джеймс Ли, Бэй Маккалло, Ричард Макнелли, Майкл Митценмахер, Орландо Паттерсон, Леа Прайс, Дэвид Ренд, Роберт Сампсон, Стив Шоуэлл, Лоуренс Саммерс, Кайл Томас, Джастин Винсент, Феликс Варнекен и Дэниел Вегнер.

Хочу выразить особую благодарность исследователям, которые работали вместе со мной над данными, изложенными на этих страницах. Брайан Этвуд выполнил огромное число статистических анализов и поисков по базам данных с большой точностью, тщательностью и глубиной. Уильям Ковальски обнаружил множество подходящих примеров в опросах общественного мнения со всего мира. Жан-Батист Мишель, участвовавший в создании программы Bookworm, поисковика Google Ngram Viewer и коллекции книг Google Books, построил остроумную модель классификации войн по

магнитуде. Беннет Хазлтон выполнил содержательное исследование суждений людей об истории насилия. Эстер Снайдер помогала с составлением графиков и поисками литературы. Илавенил Суббиа создавала изящные графики и карты и много лет обеспечивала меня бесценными сведениями о культуре и истории Азии.

Джон Брокман, мой литературный агент, задал вопрос, который привел к написанию этой книги, и сделал множество полезных замечаний к ее черновому варианту. Венди Вульф, мой редактор в издательстве Penguin, детально проанализировала черновой вариант книги, что очень помогло сформировать ее окончательную версию. Я бесконечно благодарен Джону и Венди, а также Уиллу Гудладу из британского отделения Penguin за поддержку на всех этапах работы над книгой.

Сердечное спасибо моей семье за любовь и поддержку: Гарри, Рослин, Сьюзан, Мартину, Роберту и Крису. Огромная признательность Ребекке Ньюбергер Гольдштейн, которая не только улучшила содержание и стиль книги, но подбадривала меня своей уверенностью в важности проекта: она сделала больше, чем кто бы то ни было, для формирования моей картины мира. Я посвящаю эту книгу моим племянникам, племянницам и приемным дочерям: пусть они живут в мире, в котором количество насилия постоянно уменьшается.

Глава 1

ДРУГАЯ СТРАНА

Прошлое — это другая страна, там всё иначе.

Л. П. ХАРТЛИ. ПОСРЕДНИК

Если прошлое — другая страна, то страна эта удивительно жестока. Легко забыть, как опасна была жизнь раньше, как прочно зверства вплетались в ткань повседневного бытия. Культурная память выводит кровавые пятна прошлого, оставляя нам лишь бледные воспоминания. Женщина, надевающая крестик, редко осознает, что это инструмент пытки, казни — обычной в древнем мире; мужчина, упоминающий «мальчика для битья», не думает о старинном обычае пороть невинного ребенка за провинности принца. Нас окружают приметы жестокости жизненного уклада предков, но мы их почти не замечаем. И подобно тому как путешествия расширяют кругозор, мысленный тур в наше культурное наследие напомнит о том, насколько в прошлом все было по-другому.

В наш век, начавшийся с 11 сентября 2001 г., Ирака и Дарфура, заявление, что мы живем в небывало мирное время, может шокировать как нечто нереальное или даже неприличное. Я знаю и из личных разговоров, и из данных опросов, что большинство людей отказываются в это верить¹. В следующих главах я обосную свои доводы датами и цифрами. Но сначала хочу подготовить вас, напомнив об уличающих прошлое фактах — фактах, которые

вам и так известны. И не для того, чтобы поупражняться в риторике. Представители естественных наук обычно оценивают справедливость своих выводов о явлениях реального мира с помощью выборочного контроля, чтобы убедиться, что не просмотрели какой-то ошибки в методах и не дошли до абсурда. Зарисовки в этой главе — проба данных, которые будут приведены ниже.

Итак, мы отправляемся в путешествие в чужую страну, которая зовется «прошлое» и простирается от 8000 г. до н.э. до 1970-х гг. нашей. Это не гранд-тур по войнам и зверствам, которые мы уже заклеили за их жестокость, а скорее череда картин, открывающихся за обманчиво знакомыми вехами и напоминающих об ужасах, которые там сокрыты. Конечно, прошлое — это не одна страна, оно включает широкое разнообразие культур и обычаев. Что у них общего, так это шок, который мы испытываем при столкновении с привычным для давних времен фоном насилия и тем, как его терпели, а часто и приветствовали люди.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В 1991 г. два туриста наткнулись на тело, обнаружившееся в тающем льду в Тирольских Альпах. Посчитав, что это лыжник — жертва несчастного случая, спасатели вырубили труп из ледника, повредив его бедро и заплечный мешок. И только когда археологи опознали медный топор эпохи неолита, стало ясно, что мертвецу 5000 лет². Эци, Человек из льда, стал знаменитостью. Он попал на обложку журнала *Time*, о нем снимали документальные фильмы, писали статьи и книги. Со времен

«двухтысячелетнего человека» Мела Брукса («У меня больше 42 000 детей, но ни один меня не навещает») никто не рассказывал нам о прошлом так много [3]. Эци жил в переломный момент доисторической эпохи, когда на смену охоте и собирательству приходило земледелие, а орудия труда начали делать не из камня, а из металла. Кроме мешка и топорика он имел при себе колчан с оперенными стрелами, кинжал с деревянной рукояткой и уголек, завернутый в кусочек коры, — для разведения огня. На нем была шапка из медвежьего меха, завязанная под подбородком кожаным ремешком, штаны из звериных шкур и водонепроницаемые кожаные «мокасины», в которые он для тепла засовывал траву. Его суставы были изуродованы артритом, на теле остались следы татуировок — возможно, для воздействия на точки акупунктуры, а еще у него с собой был мешочек с грибами, предположительно лекарство.

Через десять лет после обнаружения Человека из льда рентгенологи сделали пугающее открытие: в плече Эци застрял наконечник стрелы. Он погиб не потому, что упал в расселину и замерз, как поначалу предполагали ученые. Его убили. По мере того как тело осматривала команда судмедэкспертов от археологии, картина преступления прояснялась. Руки, голова и грудь Эци были покрыты незажившими ранами. Анализ ДНК обнаружил кровь двух других людей на наконечниках его стрел, кровь третьего — на кинжале и кровь четвертого — на плаще. Возможно, Эци был членом группы, напавшей на соседнее племя. Он убил человека стрелой, вытащил ее, убил другого, снова забрал стрелу, нес раненого товарища на спине, а затем, отбивая атаку, сам был сражен стрелой.

Эци не единственный древний человек, ставший научной сенсацией в конце XX столетия. В 1996 г. в Кенневике, штат Вашингтон, были обнаружены кости, торчавшие из высокого берега реки Колумбия. Вскоре археологи откопали скелет человека, жившего 9400 лет назад³. Человек из Кенневика стал предметом широко освещавшихся юридических и научных дискуссий. Несколько племен американских индейцев заявили свои права на скелет и объявили о желании похоронить его в соответствии со своими традициями. Однако суд отклонил их требования, заметив, что ни одна человеческая культура не может похвастаться непрерывным существованием на протяжении девяти тысячелетий. Возобновив исследования, антропологи с удивлением выяснили, что Кенневикский человек анатомически очень отличается от сегодняшних аборигенов Америки. В одном докладе сообщалось, что у него были европейские черты, в другом — что он похож на айнов, коренных жителей Японии. То и другое предполагает, что заселение Америки — результат нескольких независимых миграций, и это противоречит результатам ДНК-анализа, показывающим, что аборигены Америки — потомки единой группы переселенцев из Сибири.

По множеству причин Кенневикский человек невероятно заинтриговал интересующихся наукой. И одна из таких причин — каменный осколок в его тазовой кости. Хотя кость частично зажила, а значит, он не погиб от этой раны, данные криминалистической экспертизы неоспоримы: в человека из Кенневика стреляли.

И это только два примера громких доисторических находок, доносящих до нас скверные новости о последних мгновениях обладателей этих костей.

Воображение посетителей Британского музея поражает так называемый человек из Линдоу — почти идеально сохранившееся тело двухтысячелетней давности, обнаруженное в 1984 г. в торфяном болоте в Англии⁴. Нам неизвестно, кто из его детей навещал отца, но мы знаем, как он умер. Ему проломали голову тупым предметом, сломали шею, закручивая вокруг нее шнур, и для верности перерезали горло. Возможно, человек из Линдоу был друидом, принесенным в жертву тремя разными способами, чтобы угодить трем богам. Многие найденные в болотах Северной Европы мужские и женские тела несут на себе следы того, что их обладателей задушили, ударили дубинкой, закололи или пытали.

Собирая материалы для этой книги, я за один только месяц наткнулся на две новые истории о хорошо сохранившихся человеческих останках. Во-первых, это был череп возрастом 2000 лет, найденный в грязевой яме в Северной Англии. Археолог, который очищал находку, почувствовал, что внутри что-то есть, заглянул в отверстие в основании черепа и увидел внутри желтую субстанцию, которая оказалась чудом уцелевшим мозгом. Но находка впечатляла не только своей сохранностью: череп был намеренно отделен от тела, что натолкнуло археологов на мысль о человеческом жертвоприношении⁵. Вторая находка — захоронение в Германии, возраст которого 4600 лет. Там были найдены останки мужчины, женщины и двух мальчиков. Анализ ДНК показал, что они были членами одной семьи — старейшей из известных науке. Все четверо были похоронены в одно и то же время — по мнению археологов, это значит, что они были убиты в ходе набега⁶.

Что было не так с древними людьми, если они не могли оставить нам ни одного интересного трупа, не прибегая к убийству? Некоторые случаи могут быть объяснены целями тафономии — изучением процессов, в ходе которых тела консервируются на протяжении долгого времени. Возможно, к концу I тысячелетия людей сбрасывали в болота, в которых они должны были сохраниться, для ритуальной жертвы. Однако относительно других упомянутых случаев мы не можем утверждать, что тела сохранились лишь потому, что люди были убиты. Позже мы рассмотрим результаты криминалистической экспертизы, позволяющие определить, как древний человек встретил свою смерть, независимо от того, как дошло его тело до нас. Пока же доисторические останки создают недвусмысленное впечатление, что прошлое — такое место, где у человека были очень высокие шансы заполучить физическое увечье.

ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

Наши представления о доисторическом насилии зависят от обстоятельств, при которых окаменели или случайно бальзамировались тела жертв, и потому заведомо не могут быть полными. Однако по мере распространения письменности древние люди оставляли все больше информации о том, как они вели свои дела. «Илиада» и «Одиссея» Гомера считаются первыми великими произведениями западной литературы и занимают верхние строчки в списках обязательного для культурного человека чтения. Хотя устные предания возникли во время Троянской войны, случившейся примерно за 1200 лет до н.э., записаны они были гораздо позже, между 800 и 650 гг.

до н.э. Считается, что они отражают жизнь племен и народов Восточного Средиземноморья именно в этот период⁷.

Сегодня часто приходится читать, что тотальная война, направленная против всего общества, а не только против его вооруженных сил, — современное изобретение. Среди причин тотальной войны называют появление национальных государств, универсалистские идеологии и технологии, позволяющие убивать на расстоянии. Но, если описания Гомера точны (а они не противоречат данным археологии, этнографии и истории), тогда войны в Древней Греции были столь же тотальными, как и в Новое время. Вот Агамемнон рассказывает Менелая о своих военных планах:

Что это как, Менелай мягкодушный, ты нынче к троянцам
Жалостлив? В доме твоём превосходное сделали дело
Эти троянцы! Пускай же из них ни один не избегнет
Гибели быстрой от нашей руки! Пусть ребята, которых
Матери носят во чреве своём, — пусть и те погибают!
Пусть они все без следа и без похорон — все пусть исчезнут!^{[4]⁸}

В книге «Поругание Трои» (The Rape of Troy) литературовед Джонатан Готтшелл описывает, как велись войны в Древней Греции:

Быстрые корабли с малой осадкой пристают к берегу, и прибрежные поселения подвергаются разграблению раньше, чем их соседи смогут прийти на выручку. Мужчин убивают, скот и другое движимое имущество похищают, женщин уводят в сексуальное и трудовое рабство. Мужчины в гомеровские времена жили под постоянной угрозой внезапной насильственной смерти, а женщины — в страхе за своих мужей и детей, опасаясь парусов на горизонте, которые могли быть предвестниками новой жизни в муках и рабстве⁹.

Часто пишут, что войны в XX в. были беспрецедентно разрушительными потому, что велись с помощью пулеметов, орудий, бомбардировщиков и

другого оружия, убивающего на расстоянии. Оно освобождает солдат от сдерживающих факторов ближнего боя, позволяя им безжалостно уничтожать множество обезличенных врагов. По этой логике ручное оружие далеко не так смертельно, как наши высокотехнологичные методы ведения войны. Но Гомер ярко описывает масштабные разрушения, производимые воинами в давние времена. Готтшелл приводит примеры образного ряда Гомера:

Холодная бронза с удивительной легкостью прорезает тела, и их содержимое изливается наружу липким потоком: сгустки мозга видны на концах дрожащих стрел, юноши трясущимися руками заталкивают обратно свои внутренности; глаза выбиты или вырезаны из черепа и незряче глядят из пыли. Острия проделывают новые входы и выходы в юных телах: в центре лба, на затылке, между глаз, в основании шеи; прорезают насквозь рты и щеки, пробивают бока, промежности, ягодицы, руки, пупки, спины, животы, соски, груди, носы, уши и подбородки... Копья, пики, стрелы, мечи, кинжалы и камни жаждут вкусить плоти. Брызжащая кровь затуманивает воздух. Мелькают фрагменты костей. Костный мозг вспухает в свежих обрубках...

И после битвы кровь льется из тысяч смертельных ран, из изувеченных тел, превращая пыль в грязь, питая полевые травы. Тяжелые колесницы, острые копыта лошадей и сандалии воинов втоптывают людей в землю так, что уже никого не узнать. Оружие и доспехи разбросаны по полю. Тела повсюду: разлагающиеся, распадающиеся, ими кормятся собаки, черви, мухи, птицы¹⁰.

И в XXI в., конечно, случаются изнасилования в военное время, но к таким вещам уже давно относятся как к жестоким военным преступлениям: большинство армий их стараются предотвращать, а остальные отрицают и скрывают. Однако для героев «Илиады» женское тело — законная военная добыча: женщину используют, присваивают, словно вещь, и избавляются от нее, как только заблагорассудится. Менелай развязывает Троянскую войну в ответ на похищение его жены Елены. Агамемнон навлекает беду на греков, отказавшись вернуть свою наложницу ее отцу, а когда все же уступает тому, то присваивает

одну женщину, принадлежащую Ахиллу, впоследствии предложив взамен 28. Ахилл, в свою очередь, весьма лаконично описывает свои достижения: «Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных, Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил, Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!»¹¹ Когда Одиссей возвращается к своей жене после двух десятилетий отсутствия, он убивает мужчин, добивавшихся ее благосклонности, пока все считали его погибшим, а обнаружив, что они любезничали с наложницами в его доме, заставляет сына убить и наложниц тоже.

Эти рассказы о массовых убийствах и изнасилованиях ужасны даже по стандартам современной военной документалистики. Гомер и его герои, безусловно, сожалеют о военных потерях, но принимают их как неизбежный жизненный факт, как погоду — то, о чем все говорят, но никто не может изменить. Одиссей говорит: «[Мы мужи, которым] с юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил в бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!»^[5] Изобретательность этих мужей, столь успешно применявшаяся во всем, что касалось оружия и военной стратегии, оказалась бесполезной, когда дело дошло до земных причин войны. Вместо того чтобы воспринимать ее как человеческую проблему, решать которую надлежит людям, они сочинили фантазию о вспыльчивых богах и списали свои трагедии на их завистливость и безрассудство.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИЯ

Как и поэмы Гомера, еврейская Библия (Ветхий Завет) слагалась в конце II тысячелетия до н.э., а записана

была на 500 лет позже¹². Но, в отличие от сочинений Гомера, Библия до сих пор почитается миллиардами людей по всему миру — ее называют источником нравственных ценностей. Это самая продаваемая книга в мире, она переведена на 3000 языков и лежит в прикроватных тумбочках в отелях по всему миру. Ортодоксальные евреи в своих молитвенных покрывалах целуют ее; свидетели в американских судах приносят клятву, положив на нее руку. Даже президент Соединенных Штатов принимает на ней присягу. Но при всем этом благоговении Библия — это непрестанное прославление насилия.

В начале Бог создал небо и землю. Затем Господь слепил человека из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни; и стал человек душой живою. И взял Господь одно из ребер Адама и сделал ему жену. И Адам дал ей имя Ева; потому что она была мать всего сущего. И познал Адам Еву, жену свою, и понесла она, и родила Каина. А потом родила она его брата Авеля. И говорил Каин с братом своим Авелем; и так случилось, что, когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. Учитывая, что население Земли насчитывало тогда ровно четыре человека, количество убийств составило 25%, что в тысячу раз превышает соответствующий уровень в западных странах в наши дни.

Не успели мужчины и женщины начать размножаться, как Бог решил, что они грешники и самое подходящее для них наказание — геноцид. (В скетче комика Билла Косби сосед умоляет Ноя хотя бы намекнуть, зачем тот строит ковчег. Ной отвечает вопросом на вопрос: «Сколько ты можешь продержаться на плаву?») Когда потоп схлынул, Бог объяснил Ною, в чем состоял моральный урок потопа

— в законе кровной мести: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека».

Следующая важная фигура в Библии — Авраам, духовный предок евреев, христиан и мусульман. У Авраама был племянник — Лот, живший в Содоме. Из-за склонности горожан к анальному сексу и другим подобным грехам Бог уничтожил каждого мужчину, женщину и ребенка, применив божественный напалм. Жена Лота в наказание за то, что обернулась посмотреть на адское пламя, также была приговорена к смерти.

Моральные ценности Авраама проходят испытание на прочность, когда Господь приказывает ему отвести сына Исаака на вершину горы, связать его, перерезать ему горло и сжечь его тело, принеся в дар Богу. Исаак спасается только потому, что в последний момент ангел останавливает руку его отца. Тысячи лет читатели мучились вопросом, почему Господь настаивал на таком ужасном испытании. Иногда говорят, что Бог вмешался не потому, что Авраам выдержал проверку, а потому, что провалил ее, но это не соответствует духу времени: главной добродетелью тогда считалась покорность Божьей воле, а не уважение к жизни человека.

У сына Исаака, Иакова, была дочь Дина. Ее похитили и изнасиловали — похоже, тогда это было обычной формой ухаживания, потому что семья виновника предложила родным девушки продать Дину в жены насильнику. Братья Дины заявили, что этому обмену мешает важный моральный принцип: насильник не обрезан. Так что они сделали встречное предложение: если все мужчины города сделают себе обрезание, Дину отдадут. И пока мужчины были небоеспособны из-за кровотокающих пенисов, братья

напали на город, разграбили и уничтожили его, убили мужчин, увели женщин и детей. Когда Иаков забеспокоился, что соседские племена могут в отместку напасть на них, его сыновья объяснили, что дело стоило риска: «А разве можно поступать с сестрой нашей, как с блудницей?»¹³ Вскоре после этого они подтвердили верность семейным ценностям, продав в рабство своего брата Иосифа.

Потомки Иакова, израэлиты, переселились в Египет и стали там слишком многочисленными. Это не понравилось фараону, он поработил их и приказал убивать всех мальчиков при рождении. Моисей избежал массового инфантицида, а когда вырос, потребовал, чтобы фараон отпустил его народ. Всемогущий Бог мог смягчить сердце фараона, но вместо этого он его ожесточил, что дает Богу повод поразить каждого египтянина болезненными нарывами и другими бедствиями, прежде чем убить на сей раз всех *египетских* первенцев. (Слово Песах буквально значит «прошедший мимо» — намек на то, что ангел, совершавший убийства младенцев, миновал дома израэлитов.) Господь продолжил массовые убийства, утопив войско египтян, преследовавших евреев, которые уходили по дну расступившегося Красного моря.

Израэлиты собрались на горе Синай и услышали Десять заповедей: великий нравственный закон, который запрещает «делать изображения того, что на небе вверху и на земле внизу», а также зариться на чужой скот, зато не возбраняет рабство, изнасилования, пытки, членовредительство и геноцид соседних племен. Израэлитам надоело ждать, пока Моисей спустится с горы с расширенным сводом законов, который будет предписывать смертную казнь

за богохульство, гомосексуальность, прелюбодеяние, непочтительность к родителям и работу в Шаббат. Чтобы скоротать время, они поклонились статуе тельца, и карой за это, как вы догадываетесь, стала смерть. Следуя приказаниям Бога, Моисей и его брат Аарон убили 3000 своих соплеменников.

Далее Господь посвящает семь глав книги Левит инструкциям, в которых объясняет, как неиссякаемым потоком приносить ему в жертву животных. Аарон и двое его сыновей изготовили ковчег для первой службы, но сыновья ошиблись и использовали не тот фимиам. За это Бог сжег их заживо.

По дороге к Земле обетованной израэлиты встретили мадианитян и, повинувшись воле Бога, вырезали мужчин, сожгли город, забрали скот, увели в рабство женщин и детей. Когда они вернулись к Моисею, тот пришел в ярость из-за того, что израэлиты пощадили женщин, ведь некоторые из них «были для сынов Израилевых поводом для отступления от Господа»^[6], в угоду другим богам. Поэтому Моисей приказал своим воинам довести геноцид до конца, а в награду взять себе рабынь, достигших брачного возраста, насилуя их в свое удовольствие: «Итак, убейте всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не узнали мужского ложа, оставьте в живых для себя»¹⁴.

Во Второзаконии, в главах 20 и 21, Господь дает израэлитам карт-бланш в отношении городов, которые не хотят им подчиниться: разрешает поразить весь мужеский пол острием меча, присвоить скот, женщин и детей. Конечно, мужчина, добывший себе прекрасную пленницу, сталкивается с проблемой:

она может не ответить на его чувства, потому что он убил ее родителей и братьев. Бог предвидит это неудобство и предлагает такое решение: похититель должен обрить ей голову, остричь ногти и запереть в своем доме на месяц, чтобы пленница выплакала себе все глаза. После этого он может идти и насиловать ее.

В отношении определенного списка врагов геноцид должен быть тотальным: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев, и Амореетов, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой»¹⁵.

Иисус Навин воплотил эту директиву в жизнь, вторгшись в Ханаан и разорив город Иерихон. Когда пали городские стены, его солдаты «предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом»¹⁶. Многие земли были опустошены, когда Иисус «поразил всю землю нагорную и полуденную, и низменные места, и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал заклятию, как повелел Господь Бог Израилев»¹⁷.

Следующим этапом в истории евреев стала эпоха судей, или племенных вождей. Самый известный из них, Самсон, заработал себе имя, убив 30 человек на своем свадебном пиру: ему нужна была их одежда, чтобы расплатиться за проигранное пари. Затем, чтобы отомстить за убийство своей жены и ее отца, он убил 1000 филистимлян и поджег их хлеба; избежав пленения, еще 1000 он умертвил челюстью осла. Когда же его все-таки поймали и ослепили, Бог одарил его мощью, которой хватило бы для террористической

атаки 11 сентября: в ярости Самсон обрушил огромное здание, похоронив под его обломками 3000 молившихся внутри мужчин и женщин.

Первый царь Израиля, Саул, основывает небольшую империю, что дает ему возможность расплатиться по одному старому счету. Столетиями ранее, во время исхода евреев из Египта, амалекитяне досаждали им, и Господь приказал «стереть с лица земли имя Амалека». Так что, провозглашая Саула царем, Самуил напоминает ему о божественном эдикте: «Теперь иди и порази Амалека и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»¹⁸. Саул исполнил приказ, но Самуил рассвирепел, узнав, что тот пощадил царя амалекитян Агага. И Самуил «разрубил Агага пред Господом».

Наконец Саула свергает его зять Давид, который подчиняет себе Южную Иудею, завоевывает Иерусалим и делает его столицей царства, которое простоит четыре столетия. Давида будут прославлять в книгах, песнях и скульптурах, а его шестиконечная звезда на 3000 лет станет символом его народа. И христиане тоже будут почитать его как предтечу Иисуса.

Но в Священном Писании Давид представлен не только как «сладкоголосый певец Израиля», искусный поэт и музыкант, автор псалмов. Завоевав себе репутацию убийством Голиафа, он нанимает банду вояк, присваивает имущество соотечественников и в качестве наемника сражается на стороне филистимлян. Эти достижения вызывают зависть Саула: женщины у него при дворе поют: «Саул убивал тысячами, а Давид — десятками тысяч». Саул

замышляет его убийство¹⁹. Давид еле спасается, после чего организует успешный переворот.

Когда Давид становится царем, ему приходится поддерживать свою с трудом заработанную репутацию убийцы десятков тысяч. После того как его генерал Иоав «стал разорять землю Аммонитян» и, завоевав, разрушил Равву, Давид «народ, который был в нем, вывел и умерщвлял их пилами, железными молотилами и секирами»²⁰. Но в конце концов он умудряется сделать нечто такое, что Бог находит аморальным: приказывает провести перепись населения. Чтобы наказать Давида за эту оплошность, Бог убивает 70 000 граждан его государства.

Внутри царской семьи секс и насилие идут рука об руку. Прогуливаясь однажды по крыше дворца, Давид подглядывает за обнаженной женщиной по имени Вирсавия, и ему нравится то, что он видит. Он посылает ее мужа на верную смерть в бою и забирает женщину в свой гарем. Позже один из сыновей Давида насилует собственную сестру, и в отместку его убивает их общий брат Авессалом. Авессалом поднимает восстание и пытается узурпировать трон Давида, вступив в близость с десятью его наложницами (и как обычно, нам не говорят, что при этом чувствовали наложницы). Убегая от армии Давида, Авессалом запутывается длинными волосами в ветвях дерева, и военачальник Давида пронзает его сердце тремя стрелами. На этом семейные дразги не заканчиваются. Вирсавия убеждает престарелого Давида провозгласить своим преемником ее сына Соломона. А когда законный наследник Давида, его старший сын Адония, протестует, Соломон его убивает.

Царю Соломону приписывают меньшее количество жертв, чем его предшественникам, зато он известен возведением Храма в Иерусалиме и написанием Книги притчей, Екклесиаста и Песни Песней (хотя при гареме из 700 принцесс и трех сотен наложниц он явно не мог уделять много времени сочинительству). Но более всего он прославился добродетелью, именуемой в его честь «мудростью Соломоновой». Две блудницы, жившие в одной комнате, разрешились от бремени с разницей в несколько дней. Один из младенцев умер, и каждая из женщин утверждала, что выжил именно ее ребенок. Мудрый царь разрешил спор, вытащив меч и пригрозив разрубить ребенка пополам, чтобы разделить его между женщинами. Одна из них отказалась от своих притязаний, и Соломон присудил ребенка ей. «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божья в нем, чтобы производить суд»²¹.

Дистанция, отделяющая нас от описываемых событий, может заставить забыть о жестокости мира, в котором они происходили. Просто представьте себе, как сегодня судья по семейным делам разрешает дело о спорном материнстве, достав бензопилу и угрожая расчленить младенца на глазах участников процесса. Соломон был уверен, что более добрая женщина (а мы так и не знаем, была ли она матерью ребенка) выдаст себя и что другая женщина будет настолько злобной, что позволит зарезать малыша в ее присутствии, — и оказался прав! И наверняка был готов устроить резню в случае ошибки — иначе он лишился бы всякого доверия. Женщины же, в свою очередь, должны были верить, что их царь способен на такое ужасное убийство.

Библия изображает мир, который, если смотреть на него нашими глазами, потрясает своей дикостью. Люди порабащают, насилуют, убивают своих ближайших родственников. Военачальники вырезают гражданских без разбора, не делая исключения для детей. Женщин покупают, продают и присваивают, как секс-игрушки. И Яхве мучает и убивает людей сотнями тысяч за неповиновение или вообще без причины. Эти зверства не единичны и ни для кого не секрет. В них замешаны все главные герои Ветхого Завета — те, кого дети рисуют фломастерами в воскресных школах. Все они вписываются в нескончаемую сюжетную линию, растянувшуюся на тысячелетия: от Адама и Евы до Ноя, патриархов, Моисея, Иисуса Навина, судей, Саула, Давида, Соломона и так далее. Согласно исследователю Библии Раймунду Швагеру, Ветхий Завет «содержит больше шестисот эпизодов, в которых говорится о народах, царях или людях, нападающих, убивающих, уничтожающих друг друга... И это не считая примерно тысячи стихов, в которых Яхве лично выступает палачом, приводящим в исполнение жестокий приговор, и множества других текстов, в которых Господь предаёт преступника мечу отмстителя или прямо приказывает убивать людей»²². Мэттью Уайт, называющий себя атроситологом (исследователем насилия), собирает базу данных, содержащую приблизительные оценки потерь в крупных войнах, массовых убийствах и геноцидах. Если верить указанным в Библии цифрам, описанные там зверства стоили жизни примерно 1,2 млн человек. (Он не включил в это число полмиллиона жертв войны между Израилем и Иудеей, описанной в 13-й главе Второй книги Паралипоменон, потому что посчитал, что такое количество убитых исторически

неправдоподобно.) Жертвы Всемирного потопа добавили бы еще около 20 млн к общей сумме²³.

Хорошо, что по большей части все это, конечно, вымысел. Нет никаких свидетельств, что Яхве насылал на планету Всемирный потоп и испепелял города, да и патриархи, Исход, завоевания и иудейская империя почти наверняка выдумки. Историки не нашли в египетских хрониках никаких упоминаний о побеге миллиона рабов (вряд ли этот факт ускользнул бы от их внимания), и археологи не откопали в развалинах Иерихона или соседних городов никаких свидетельств разграбления около 1200 г. до н.э. И если на рубеже I тысячелетия до н.э. действительно существовала империя Давида, простиравшаяся от Евфрата до Красного моря, никто из современников ее, похоже, не заметил²⁴.

Современные исследователи Библии установили, что это своего рода «Википедия». Она составлялась на протяжении более полутысячи лет авторами, писавшими в разных стилях, на разных диалектах, по-разному называвшими героев и понимавшими Бога; книга подвергалась хаотической редакции, что привело ко множеству противоречий, повторов и несуразиц.

Самые ранние части Священного Писания, скорее всего, относятся к X в. до н.э. Они содержат мифы о происхождении и гибели местных племен, своды законов, заимствованные у соседних культур Ближнего Востока. Тексты, вероятно, служили сводом правил самосудной расправы для племен железного века, которые пасли скот и возделывали склоны холмов на юго-восточных окраинах Ханаана. Племена начали вторгаться в долины и города, там и сям занимались мародерством и могли даже разрушить

город-другой. В итоге их мифы усваивались жителями Ханаана, объединяя всех общим происхождением, славной историей и набором табу, чтобы они не смешивались с чужаками, а также невидимым правоприменителем, не позволявшим им перегрызть друг другу глотки. Черновой вариант Библии с единой канвой исторического повествования, был создан примерно к концу VII — середине VI в. до н.э., когда вавилоняне завоевали Иудею и выдавили ее обитателей в другие земли. Окончательная редакция была выполнена после того, как евреи вернулись в Иудею в V в. до н.э.

Хотя исторические события в Ветхом Завете вымышлены (или в лучшем случае художественно переработаны, как в исторических драмах Шекспира), он показывает нам жизнь и ценности ближневосточных цивилизаций в середине I тысячелетия до н.э. Повинны израильтяне в геноцидах или нет, они определенно считали их хорошей идеей. Мысль, что у женщины есть законное желание не быть изнасилованной или забранной в наложницы, кажется, не приходила на ум никому. Авторы Библии не видят ничего плохого в рабстве или в жестоких наказаниях вроде ослепления, забрасывания камнями и четвертования. Человеческая жизнь не имела никакой ценности по сравнению с бездумным подчинением обычаю и авторитету.

Если вы думаете, что, анализируя буквальное содержание Священного Писания, я пытаюсь бросить вызов миллиардам людей, которые почитают его, вы упускаете главное. Нет нужды говорить, что подавляющее большинство строго соблюдающих предписания религии евреев и христиан исключительно приличные люди, которые не оправдывают геноцид, изнасилование, рабство или

побивание камнями за незначительные правонарушения. Они относятся к Библии скорее как к талисману. В последние столетия и тысячелетия Библию подправляли, трактовали аллегорически, заменяли менее жестокими текстами (Талмуд у евреев и Новый Завет у христиан) или осторожно обходили вниманием. И главное как раз в *этом*. Чувствительность к насилию изменилась настолько, что в отношении к Библии религиозные люди проводят различия: они превозносят ее как символ нравственности, но собственную мораль основывают на более современных принципах.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО

Вместо свирепого божества Ветхого Завета христиане предлагают новую концепцию Бога, представленную в Новом Завете в лице его сына Иисуса, Князя Мира. Определенно, любовь к врагам и готовность подставить вторую щеку — это заметный прогресс по сравнению с полным уничтожением всего живого. Справедливости ради надо отметить, что и Иисус не чурался угроз, дабы укрепить свою паству в вере. В Евангелии от Матфея 10:34–37 он говорит:

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел принести Я, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин Меня.

Не совсем ясно, что он планировал делать этим мечом, потому что нет никаких свидетельств, что он кого-нибудь им поразил.

Конечно, прямых подтверждений его слов и дел не существует²⁵. Слова, приписываемые Христу, были зафиксированы на бумаге десятилетия спустя после его смерти, и христианская Библия так же, как и еврейское Священное Писание, наполнена противоречиями, неподтвержденными историями и явными вымыслами. Но как еврейская Библия дает нам представление о ценностях середины I тысячелетия до н.э., так христианская Библия повествует о первых двух веках нашей. Безусловно, для этой эпохи история Христа совсем не уникальна. Во многих языческих мифах рассказывается о спасителе, сыне бога, рожденном девственницей в период зимнего солнцестояния в окружении представителей 12 зодиакальных знаков, принесенном в жертву в качестве козла отпущения во время весеннего равноденствия, сошедшем в преисподнюю, воскресшем, ко всеобщему ликованию, и символически съеденном его последователями, дабы обрести спасение и бессмертие²⁶.

История Иисуса разворачивается в декорациях Римской империи, последней в череде завоевателей Иудейского царства. Хотя первые столетия христианства совпали со временами *Pax Romana* (Римского мира), «мир» этот был весьма относительным. То было время безжалостной имперской экспансии, отмеченной завоеванием Британии и депортацией еврейского населения Иудеи, последовавшей за разрушением Второго храма в Иерусалиме. Самым известным символом империи был Колизей, который сегодня посещают миллионы туристов и изображение которого украшает миллионы коробок с пиццей по всему миру. На этом стадионе аудитория, сравнимая по числу с количеством зрителей Суперкубка по американскому

футболу, жадно поглощала сцены массовой жестокости. Обнаженных женщин привязывали к столбам, насиловали и отдавали на растерзание диким зверям. Армии невольников рубили друг друга в «потешных» боях. Рабы разыгрывали сцены из мифов о расчленении и смерти: например, человека, изображавшего Прометея, приковывали к камню и специально обученный орел выклевывал его печень. Гладиаторы бились до смерти, и привычные нам жесты «большой палец вверх» и «большой палец вниз», скорее всего, происходят от сигналов, которые публика показывала победителю, указывая, добиваться ли ему противника. Почти полмиллиона людей погибли здесь ужасной смертью, обеспечивая римским гражданам их хлеб и зрелища. В сравнении с римским размахом наши жестокие развлечения предстают совсем в другом свете (не говоря уж о нынешних «экстремальных видах спорта» и «игре до первого набранного очка»)²⁷.

Самым известным способом умерщвления в Риме было, конечно, распятие (*crucifixion*, от которого произошло английское слово «мучение» — *excruciating*). Каждый, кто хоть раз глядел на церковь хотя бы снаружи, наверное, вообразил на мгновение неопишемую муку смерти на кресте. Человек с крепким желудком может дополнить картину, прочитав опубликованную в 1986 г. в *Journal of the American Medical Association* медицинскую экспертизу смерти Христа, основанную на данных археологических и исторических источников²⁸.

Казнь в Риме начиналась с бичевания обнаженного узника. Римские солдаты секли человека по спине, ногам, ягодицам короткими бичами из кожаных полосок с вплетенными в них острыми камнями. По

словам авторов статьи, «рваные раны достигали глубоких скелетных мышц, вырывая из тела трепещущие полосы окровавленной плоти». Затем, привязав к рукам жертвы тяжелый деревянный брус, заставляли нести его к месту казни, где уже был вкопан в землю столб. Там человека бросали на израненную спину и сквозь запястья вбивали гвозди в брус. (Не сквозь ладони, как это обычно изображают: ладони не выдерживают веса тела.) Жертву поднимали на крест и прибивали ноги к столбу, не обеспечив им никакой опоры. Грудная клетка человека растягивалась под весом тела, и он не мог вдохнуть, если только не пытался подтянуться на пробитых руках или опереться на пронзенные гвоздями ноги. Смерть от асфиксии и кровопотери наступала после крестных мук длительностью от 3–4 часов до 3–4 суток. Палачи могли продлить пытку, предлагая бедняге отдых на опоре, или же поторопить смерть, переломав ему ноги дубинкой.

И хоть мне нравится думать, что ничто человеческое мне не чуждо, я не могу постичь хода мысли древних, придумавших эту вакханалию садизма. Даже если бы мне в руки попал Гитлер и я мог бы выбрать награду ему по заслугам, мне не пришлось бы в голову подвергнуть его такой пытке. Я не смог бы не содрогнуться от сочувствия и не хотел бы стать человеком, способным на такие зверства. Нет никакой пользы в добавлении еще одного бессмысленного злодеяния в копилку мирового зла. (И я считаю, что гарантия неотвратимости справедливого суда, а не усиление жестокости наказания способно помешать появлению новых деспотов.) Однако в стране под названием «Прошлое» распятие было обычной казнью. Изобрели его персы, в Европу принес Александр Македонский, и в

средиземноморских империях его применяли повсеместно. Иисус, обвиненный в организации мелкой смуты, был распят между двумя обычными ворами. И возмущение современников вызывало не то, что мелкие правонарушения наказываются распятием, а что к Иисусу отнесли как к мелкому преступнику.

Конечно, к распятию Иисуса никогда не относились легкомысленно. Крест стал эмблемой движения, которое распространилось по Древнему миру, он был принят Римской империей и по сей день остается самым известным в мире символом. Видимо, ужасная смерть, о которой он напоминает, и сделала его особенно убедительным знаком. Но давайте забудем о нашем отношении к христианству и подумаем о складе ума, способном найти смысл в распятии. Сегодня нас шокирует мысль, что великое нравственное движение выбрало своим символом изображение отвратительного средства пыток и казней. (Только представьте, что логотипом Музея Холокоста стала бы лейка душа [\[Z\]](#), или что тутси, спасшиеся от геноцида в Руанде, выбрали бы мачете в качестве символа новой религии.). Более того, какие выводы делали первые христиане из истории о распятии? Сегодня подобное варварство может породить разве что протест против жестокого режима и призывы к полному запрету таких пыток. Но ранние христиане думали совсем не об этом. Нет, распятие Христа — это Благая Весть, необходимый шаг к самому прекрасному эпизоду в истории. Позволив свершиться распятию, Господь оказал миру неоценимую услугу. И хотя он бесконечно могуществен, сострадателен и мудр, но не смог придумать ничего лучше для спасения человечества от наказания за грехи (в частности, первородного: все

люди грешны, поскольку являются потомками пары, которая когда-то ослушалась Бога), чем позволить пронзить конечности невинного человека (своего сына, только представьте!), чтобы он медленно задохнулся в агонии. Признав, что это садистское убийство — дар высшего милосердия, люди могли удостоиться вечной жизни. А если они не способны усмотреть в этом логики, их плоть будет вечно гореть в адском огне.

При таких взглядах на мир смерть в муках — это не безумный ужас, у нее есть и светлая сторона. Это дорога к спасению, часть божественного плана. Как и Иисус, ранние христиане искали места рядом с Богом, подвергаясь самым замысловатым смертным мукам. Больше тысячи лет христианские мартирологи описывали эти муки со сладострастным упоением²⁹.

Вот только несколько святых, чьи имена всем известны, в отличие от обстоятельств их смерти. Святой Петр, апостол и первый Папа, был распят вверх ногами. Святой Андрей, покровитель Шотландии, встретил свою смерть на Х-образном кресте — это его изображают диагональные полосы британского флага. Святой Лаврентий был зажарен живьем на гриле — факт, неизвестный большинству канадцев, которым это имя знакомо в качестве названия реки, залива и одного из двух главных бульваров Монреаля. Другой бульвар назван в честь святой Екатерины. Ее колесовали — казнь, в процессе которой палач привязывает жертву к колесу фургона, разможив ее конечности кузнечным молотом, насаживает изломанное, но все еще живое тело на спицы и подымает колесо на столб, чтобы птицы клевали плоть жертвы, пока она медленно умирает от боли и кровопотери. (Колесо святой Екатерины,

утыканное железными остриями, украшает герб одноименного колледжа в Оксфорде). Святая Варвара, в честь которой назван известный город в Калифорнии, была подвешена вниз головой за лодыжки, в то время как солдаты раздирали ее тело железными крюками, отрезали груди, прижгли раны раскаленным железом и разбили ей голову дубинками с острыми шипами. А еще есть святой Георгий, покровитель Грузии, Англии, Палестины, крестоносцев и бойскаутов. Поскольку Господь его все время воскрешал, Георгию пришлось принимать мученическую смерть многократно. Его, привязав груз к ногам, сажали верхом на острое лезвие, поджаривали на костре, пронзали шипами ноги, колесовали, вбили в голову 60 гвоздей, а затем распилили пополам.

В житиях святых этот вуайеризм использовался не для того, чтобы пробудить ненависть к пыткам, но чтобы вызвать восхищение мужеством мучеников. Как и в истории Иисуса, пытка считалась испытанием веры. Святые приветствовали свои муки, потому что страдания в этой жизни будут вознаграждены вечным блаженством в следующей. Христианский поэт Пруденций писал об одном из мучеников: «Мать его присутствовала, глядя на приготовления к смерти ее дорогого сына, и не показывала ни знака скорби, наоборот, торжествовала всякий раз, как шкварчала над дровами из оливы раскаленная сковорода, на которой жарился и горел ее ребенок»³⁰. Святой Лаврентий стал небесным покровителем юмористов, потому что, поджариваясь на решетке, он сказал своим палачам: «С этого бока я уже готов, переверните меня и попробуйте кусочек». Палачи здесь всего лишь статисты; их показывают в дурном

свете только потому, что они истязают *наших* героев; а не потому, что они вообще пытаются.

Ранние христиане также прославляли пытки как справедливое возмездие для грешников. Большинство людей слышало о семи смертных грехах, перечисленных папой Григорием I в 590 г. Но немногие знают, какие казни ждут в аду тех, кто их совершает:

Гордыня: колесование.

Зависть: помещение в ледяную воду.

Чревоугодие: принудительное кормление крысами, жабами и змеями.

Похоть: сжигание на костре.

Гнев: четвертование.

Жадность: варка в котле с кипящим маслом.

Лень: яма со змеями.

И продолжительность этих наказаний, естественно, вечность³¹.

Благословляя жестокость, раннее христианство создало прецедент, и пытки систематически применялись в христианской Европе на протяжении тысячи лет. Если вы понимаете, что значит «сжечь на костре», «подпалить пятки», «четвертовать», «разорвать лошадьми», «выпустить потроха», «содрать кожу», «испанский сапожок», «тиски для пальцев», «удавка», «медленно поджарить», «железная дева» (пустотелая фигура, изнутри утыканная гвоздями — это название позже позаимствовала одна рок-группа^[8]), вы знакомы с некоторыми из способов, которыми увечили еретиков в Средние века и в начале Нового времени.

Во времена испанской инквизиции церковные власти решили, что тысячи бывших евреев на самом деле не перешли в христианство. Чтобы заставить

выкрестов сознаться в тайном отступничестве, инквизиторы связывали им руки за спиной, вздергивали на дыбу и снова отпускали — и так несколько раз, — разрывая сухожилия и выдергивая руки из суставов³². Многие были сожжены заживо: судьба, которая постигла и Мигеля Сервета за то, что сомневался в учении Троицы, и Джордано Бруно за веру в то (кроме всего прочего), что Земля вращается вокруг Солнца, и Уильяма Тиндейла за перевод Библии на английский язык. Галилей, самая, наверное, известная жертва инквизиции, легко отделался: ему только *показали* инструменты для пыток (в частности, дыбу) и дали возможность отречься от «убеждения, что Солнце стоит неподвижно в центре мира, а Земля не центр его и движется». Сегодня дыбу рисуют разве что карикатуристы, иллюстрируя плоские каламбуры («упражнения на растяжку», «без боли нет достижений»). Однако раньше дыба вовсе не была предметом для шуток. Шотландский писатель и путешественник Уильям Литгоу, современник Галилея, описывал, на что похоже растяжение на дыбе:

Когда рычаги были нажаты, сила растяжения моих колен между двумя планками была такой, что порвала бедренные сухожилия и сокрушила коленные чашечки. Глаза мои начали вылезать из орбит, изо рта пошла пена, а зубы застучали, как барабанные палочки. С дрожащих губ срывались неистовые стоны, кровь хлестала из разорванных сухожилий рук, бедер и коленей. Когда тиски боли разжались, меня усадили на пол со связанными руками, непрерывно требуя: «Признавайся! Признавайся!»³³

Многих протестантов подвергали подобным пыткам, но когда они сами пришли к власти, то с энтузиазмом начали применять их к другим, включая сотни тысяч женщин, сожженных заживо за колдовство между XV и XVIII вв.³⁴ И как часто случалось в истории насилия, последующие поколения

довольно легкомысленно отнеслись к этим ужасам. В нашей поп-культуре ведьмы не жертвы пыток и казней, а проказливые героини мультиков или бойкие чаровницы вроде Брумгильды из комиксов или сестер Холливелл в сериале «Зачарованные».

Узаконенная пытка в христианском мире была не просто устоявшимся обычаем — в ней видели моральный смысл. Если вы на самом деле верите, что отказ принять Иисуса как своего спасителя — это путь к вечным мукам преисподней, тогда пытаться человека, пока он не признает истину, — значит оказать ему самую большую услугу в жизни: лучше несколько часов сейчас, чем вечность потом. Заткнуть рот еретику, пока он не сбил с толку других, обойтись с ним так, чтобы остальные боялись, — это разумные меры, предпринятые во имя общественного здоровья. Святой Августин объясняет эту мысль при помощи следующих аналогий: хороший отец не позволит своему сыну взять в руки ядовитую змею и добросовестный садовник обрежет сухую ветвь, чтобы спасти остальное дерево³⁵. Этот метод был рекомендован самим Иисусом: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают»³⁶.

И еще раз: смысл этих рассуждений не в том, чтобы обвинить христиан в одобрении пыток и преследований. Само собой разумеется, большинство благочестивых христиан сегодня вполне толерантные и гуманные люди. Даже те, кто мечет громы и молнии с телевизионных амвонов, не призывают сжигать еретиков заживо или вздергивать евреев на дыбу. Вопрос в том, почему они этого не делают, ведь их вера предполагает, что подобные действия послужат высшему благу. Ответ таков: сегодня люди западной

культуры сами определяют рамки своей религиозности. Когда они исповедуют веру в домах молитв, то делают вид, что согласны с принципами, почти не изменившимися за 2000 лет. Но когда доходит до дела, они подчиняются современным нормам ненасилия и толерантности — вот милосердное лицемерие, за которое все мы должны быть благодарны.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЫЦАРИ

Итак, к слову «святой» стоит присмотреться повнимательней. То же касается и слова «рыцарский». Легенды о рыцарях и дамах, живших во времена короля Артура, подарили западной культуре большую часть ее романтических образов. Ланселот и Гвиневера — архетипы романтической любви, сэра Галахад — воплощение галантности. Камелот, двор короля Артура, вдохновил на создание одноименного бродвейского мюзикла, и, когда после убийства Джона Кеннеди стало известно, что президент любил эти песни, его администрацию стали ностальгически называть Камелотом. Говорят, больше всего Кеннеди нравились такие строки: «И запомнит народ, / Что хотя бы на миг / Был у нас Камелот!»

По правде говоря, рыцарский стиль жизни надежно забыт, что пошло только на пользу его имиджу. Реальное содержание средневековых рыцарских легенд, сложившихся в VI в. и записанных между XI и XIII вв., не подходит для типичного бродвейского мюзикла. Историк Ричард Кэупер подсчитал число актов крайнего насилия в самой известной из легенд — легенде о Ланселоте (XIII в.), и в среднем они встречаются там на каждой четвертой странице.

Если останавливаться только на эпизодах, которые поддаются подсчету, по меньшей мере восемь сброшенных со своих лошадей намеренно затаптываются гигантскими копытами боевого коня победителя (не раз лишаясь чувств от боли), пять голов слетают с плеч, два плеча рассекаются, три длани отрезаются, три руки отрубаются на разной высоте, одного рыцаря бросают в открытый огонь и двух катапультируют навстречу смерти. Одну женщину рыцарь заковал в железные обручи, другая по воле Божией провела несколько лет в котле с кипятком, третья чудом увернулась от брошенного копья. Женщин регулярно похищают, и на одной из страниц нам сообщают о 40 изнасилованиях...

Среди этих историй есть три рассказа о междоусобных войнах (в одной из них полегло 100 человек убитыми, в другой — 500 отравленными). На каком-то турнире (как говорится, почувствуйте вкус!) Ланселот убил соперника копьем, а затем вытащил меч и начал «наносить удары направо и налево, убивая и рыцарей, и их коней, отрезая ступни и ладони, головы и руки, плечи и бедра, сражая каждого, кого видел, оставляя за собой скорбный след, так что вся земля была умыта кровью, где бы он ни проходил»³⁷.

Как вообще эти рыцари заслужили репутацию благородных людей? В легенде о Ланселоте сообщается, что «у него был обычай никогда не убивать рыцаря, умолявшего о пощаде, если только он раньше не поклялся этого сделать или если он не мог этого убийства избежать»³⁸.

Что касается пресловутого галантного отношения к дамам, то один рыцарь добивался расположения принцессы, поклявшись изнасиловать в ее честь самую красивую женщину, какую только сможет отыскать, а его соперник обещал присылать ей головы всех рыцарей, которых убьет на турнирах. Рыцари защищают дам исключительно от похищения другими рыцарями. Как говорится в легенде о Ланселоте, «обычаи королевства Логр таковы, что, если дама или девица путешествует одна, ей некого бояться. Но если она путешествует в компании рыцаря и другой рыцарь сумеет ее у него отбить, победитель может взять даму или девицу, как только он пожелает, не навлекая на

себя никакого стыда или вины»³⁹. Да уж, такое поведение сегодня не назовут рыцарством.

ЕВРОПА НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Прочитав главу 3, мы узнаем, что средневековая Европа немного поутихла, когда воинственных рыцарей приструнили монархи централизованных королевств. Но королей и королев тоже не назовешь образцом благородства.

Школьники заучивают ключевые события британской истории с помощью мнемонических правил вроде «развелся — казнил — умерла — развелся — казнил — пережила».

Королевам рубили головы! В 1536 г. Генрих VIII приказал казнить свою жену Анну Болейн, сфабриковав обвинение в прелюбодеянии и измене, хотя настоящей причиной была ее неспособность родить ему сына и увлечение Генриха одной из фрейлин. Две жены спустя он заподозрил в измене Екатерину Говард, и ее тоже отправил на плаху. (Туристы, посещающие Лондонский Тауэр, могут увидеть место казни.) Генрих определенно был ревнивцем: он приказал казнить прежнего любовника Екатерины через повешение, потрошение и четвертование: его сначала вздернули на виселицу, еще живого вынули из петли, выпотрошили, кастрировали, обезглавили и разрубили на части.

Трон перешел к сыну Генриха Эдуарду, затем к дочери Генриха Марии, а потом к другой дочери, Елизавете. «Кровавая Мэри» получила свое прозвище вовсе не за то, что смешивала водку с томатным соком, а потому, что сожгла на костре три сотни

религиозных отступников. И обе сестры придерживались традиций в урегулировании семейных разногласий: Мария заточила Елизавету в Тауэр и настояла на казни их кузины, леди Джейн Грей, а Елизавета, в свою очередь, отправила на плаху другую свою кузину — Марию, королеву Шотландии. Елизавета предала казни через повешение, потрошение и четвертование 123 священника, других врагов пытала ломающими кости кандалами (еще одна достопримечательность Тауэра). Сегодня британская королевская семья подвергается суровой критике за разнообразные оплошности — от неучтивости до супружеских измен. Хотя, казалось бы, люди должны быть им благодарны за то, что они до сих пор не обезглавили ни одного родственника и не выпотрошили ни единого священника.

И пусть Елизавета I санкционировала все эти пытки, она остается одним из самых почитаемых монархов Англии. Ее правление называют золотым веком, когда процветали искусства, в особенности театр. Никого не удивляет, что в трагедиях Шекспира полно насилия. Но для его вымышленного мира характерен такой уровень варварства, что это шокирует и привычных ко всему сегодняшних зрителей. Генрих V, один из шекспировских героев, выдвинул следующий ультиматум, угрожая французскому поселению во времена Столетней войны:

Весь в крови, от ярости слепой,
Солдат ухватит грязною рукой
За косы ваших дочерей кричащих,
Рванув отцов за бороды седые,
Им головы о стены раздробит;
Проткнет копьем детей полуодетых[9], [10].

В «Короле Лире» герцог Корнуэльский выкалывает глаза графу Глостеру («Вон, гадостная слизь!»), а его жена Регана приказывает выбросить истекающего кровью графа из дому: «Гоните в шею! Носом пусть найдет дорогу в Дувр»^[11]. В «Венецианском купце» Шейлок получает право вырезать фунт мяса из груди своего должника Антонио в качестве неустойки. В «Тите Андронике» двое мужчин убивают третьего, насилюют его невесту, вырезают ей язык, отрубают руки. Ее отец убивает насильников, печет из них пирог, который скармливает их матери, которую тоже убивает перед тем, как убить собственную дочь за то, что ее изнасиловали. Затем убивают самого отца, а потом и его убийцу. Детские книжки наводят не меньший ужас. В 1815 г. братья Якоб и Вильгельм Гримм опубликовали сборник старых народных сказок, которые были слегка адаптированы для детей. Широко известные как «Сказки братьев Гримм», они наряду с Библией и пьесами Шекспира считаются одной из самых переиздаваемых и уважаемых книг в западной литературе. И это вам не выхолощенная версия, представленная в диснеевских мультфильмах: сказки переполнены убийствами, инфантицидом, каннибализмом, нанесением увечий и сексуальными преступлениями — довольно зловещие сказочки. Например, вот вам три самые известные истории о мачехах:

- В неурожайный год отец и мачеха Гензеля и Гретель оставили их в глухом лесу, чтобы они умерли там от голода. Дети набрали на съедобный домик, в котором жила ведьма. Она схватила Гензеля и принялась его откармливать, чтобы потом съесть. К счастью, Гретель удалось запихнуть ведьму в раскаленную печь и «безбожная ведьма сгорела в ужасных муках»⁴⁰.

- Сводные сестры Золушки, пытаясь втиснуть ноги в хрустальные туфельки, последовали совету матери и отрезали себе одна пальцы, другая пятку. Голуби заметили кровь, и, когда Золушка вышла замуж за принца, они выклевали сестрам глаза, наказывая их за «нечестность и безнравственность слепотой на всю оставшуюся жизнь».
- Белоснежка вызвала зависть своей мачехи, королевы, так что королева приказала охотнику отвести ее в лес, убить и принести легкие и печень девушки на ужин. Когда королева узнала, что Белоснежке удалось спастись, она совершила еще три покушения на убийство: два с помощью яда и одно удушением. Когда же принц оживил Белоснежку, королева заявила на их свадьбу, но «железные туфли для нее уже грелись на углях... Ей пришлось надеть эту раскаленную докрасна обувь и танцевать, пока не свалилась замертво»⁴¹.

А сегодня поставщики увеселений для маленьких детей стали настолько нетерпимы к насилию, что даже ранние эпизоды «Маппет-шоу» кажутся им слишком опасными. И раз уж мы заговорили о кукольных представлениях: в Европе одним из самых популярных развлечений для детей было шоу Панча и Джуди. Еще в XX в. эта парочка вечно препирающихся перчаточных кукол частенько разыгрывала прежнюю буффонаду в нарядных кабинках в прибрежных английских городках. Филолог Гарольд Шехтер описывает обычный ее сценарий:

Начинается пьеса с того, что Панч хочет погладить соседского пса, который хватает его зубами за огромный нос. Отбившись от собаки, Панч предъявляет претензии ее владельцу Скарамушу и, осыпав его грубыми насмешками, сбивает ему голову «с плеч

начисто». Затем Панч зовет свою жену Джуди и требует поцелуя. Она отвечает ему ударом в лицо. В поисках объекта, на который можно излить нежность, Панч берет на руки своего малолетнего ребенка и начинает его убаюкивать. К сожалению, именно в этот момент малыш пачкает пеленки. Как любящий семьянин, Панч лупит ребенка головой о сцену, а затем бросает бездыханное тело зрителям. Возвращается Джуди и, узнав, что произошло, естественно, огорчается. Она вырывает палку из рук Панча и бьет его изо всех сил. Он отбирает дубинку обратно и избивает жену до смерти, а затем поет небольшую победную песенку:

Кто был обременен женой,
Но смог освободиться от нее
С помощью веревки, или ножа,
Или хорошей палки, как я?⁴²

Даже детские потешки Матушки Гусыни, которые по большей части датируются XVII–XVIII вв., режут слух по сравнению с тем, что мы позволяем маленьким детям слушать в наши дни. Петушка Робина хладнокровно убивают. Мать-одиночка живет в неблагоприятных условиях с кучей незаконнорожденных детей, бьет их и морит голодом. Двое детей, оставленных без присмотра, отправляются в опасное путешествие. Джек получает повреждение головы, которое может стоить ему сотрясения мозга, а состояние Джил вообще остается неизвестным. Бродяга признается, что спустил старика с лестницы. Джорджи-Порджи пристает к несовершеннолетним девочкам, что угрожает им посттравматическим расстройством. Шалтай-Болтай находится в критическом состоянии в результате несчастного случая. Халатная мать оставляет ребенка без присмотра на верхушке дерева, что приводит к катастрофическим последствиям. Дрозд нападает на помощницу по хозяйству, развешивающую постиранное белье, и злонамеренно повреждает ей нос. Три мыши, инвалиды по зрению, покалечены разделочным ножом. А вот свеча, что проводит тебя в постель, а вот топор, что отрубит тебе голову! В

журнале *Archives of Diseases of Childhood* была опубликована статья, в которой оценивался уровень насилия в разных жанрах детских развлечений. Рейтинг телепрограмм составил 4,8 сцены насилия в час, рейтинг детских стишков — 52,2⁴³.

ЧЕСТЬ В ЕВРОПЕ И В США В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Если у вас есть под рукой десятидолларовая купюра, посмотрите на изображенного на ней человека и задумайтесь о его жизни и смерти. Александр Гамильтон — одна из самых светлых фигур в американской истории. Соавтор «Федералиста»^[12], он помог сформулировать философские основы демократии. Первый министр финансов США, Гамильтон разработал институты, поддерживающие современные рыночные экономики. Он участвовал в Войне за независимость — предводительствовал тремя батальонами, был активным участником Филадельфийского конвента, командовал национальной армией, основал Банк Нью-Йорка, был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк и основал газету *New York Post*⁴⁴.

Однако в 1804 г. этот выдающийся человек совершил потрясающе глупый по нынешним меркам поступок. Гамильтон на протяжении длительного времени злобно переругивался со своим соперником, вице-президентом Аароном Бёрром, и, когда отказался принести извинения за резкие слова, которые ему приписывали, последний вызвал его на дуэль. Не только здравый смысл мог бы отсрочить его свидание со смертью⁴⁵. Дуэли уже почти вышли из

моды, и штат Нью-Йорк, в котором жил Гамильтон, запретил их. Сын Гамильтона погиб на дуэли, и в письме, объясняющем, почему он принял вызов Бёрра, Гамильтон перечисляет пять возражений против этого обычая. Однако вызов он принял, потому что, по его словам, «то, что светские люди называют честью» не оставило ему другого выбора. На следующее утро Гамильтон стрелялся с Бёрром. Бёрр стал не последним вице-президентом, стрелявшим в человека, но он оказался более меток, чем Дик Чейни, и на следующий день Гамильтон скончался.

Гамильтон также не единственный американский государственный деятель, оказавшийся втянутым в дуэль. Генри Клей однажды стрелялся, а Джеймс Монро передумал бросать вызов Джону Адамсу только потому, что Адамс тогда был президентом. Среди других лиц, изображенных на американских деньгах, есть и Эндрю Джексон, увековеченный на 20-долларовой купюре. В нем застряло такое количество пуль, что, по его собственным словам, при ходьбе он гремел, как погремушка. Даже Авраам Линкольн, Великий освободитель, запечатленный на пятидолларовой купюре, однажды принял вызов на дуэль, хоть и выдвинул такие условия, которые гарантировали, что дуэль не состоится.

Дуэли, конечно, не американское изобретение. Они появились в эпоху Ренессанса как средство уменьшить урон от убийств, вендетт и уличных драк среди аристократов и их приближенных. Когда дворянин чувствовал, что его честь задета, он вызывал другого на дуэль и насилие ограничивалось одной-единственной смертью, безо всяких обид со стороны родственников и друзей убитого. Но, как заметил эссеист Артур Кристал, «дворяне... относились к своей чести настолько серьезно, что практически любая

обида могла быть сочтена оскорблением. Два англичанина дрались на дуэли из-за того, что подрались их собаки. Два итальянца повздорили, сравнивая достоинства Тассо и Ариосто. Спор завершился, когда один из них, уже смертельно раненный, признался, что даже не читал поэта, которого с таким жаром защищал. А двоюродный дед Байрона Уильям, пятый барон Байрон, убил человека, с которым поспорил, чье поместье дает больше дичи»⁴⁶.

Дуэли продолжались в XVIII и XIX в., хотя Церковь их осуждала, а правительства многих стран запрещали. Самюэль Джонсон защищал этот обычай так: «Так же, как того, кто пытается залезть в ваш дом, позволительно застрелить того, кто лезет в вашу жизнь». На дуэлях дрались такие светила, как Вольтер, Наполеон, герцог Веллингтон, Роберт Пиль, Толстой, Пушкин и математик Эварист Галуа — последние двое погибли. Приближение, кульминация и исход дуэли — источник вдохновения для литераторов: их драматические возможности использовали в своих произведениях сэр Вальтер Скотт, Дюма-отец, Мопассан, Конрад, Толстой, Пушкин, Чехов и Томас Манн.

История дуэли демонстрирует загадочный феномен, с которым мы еще столкнемся: какой-то вид насилия на протяжении веков может быть частью культуры, а потом просто растворяется в воздухе. Когда дворяне соглашались на дуэль, они сражались не за деньги, не за землю и даже не за женщин, а за честь — странный предмет, который существует только потому, что все верят, что другие тоже верят, что он существует. Честь — это мыльный пузырь, надуть который могут некоторые свойства

человеческой натуры, такие как тяга к авторитету и укреплению норм, а продырявить — другие, например чувство юмора⁴⁷. В англоговорящем мире дуэли прекратились к середине XIX в., а в остальной Европе — в последующие десятилетия. Историки заметили, что этот обычай похоронили не столько юридические запреты или моральное осуждение, сколько насмешки. Когда «напыщенные джентльмены выходят на поле чести только для того, чтобы над ними посмеялось молодое поколение, — такого не выдержит ни один обычай, даже самый древний и освященный традицией»⁴⁸. Сегодня слова: «Разойдитесь на десять шагов, повернитесь и стреляйте!» — заставят скорее вспомнить о кролике Багзе Банни и Йоземите Сэме, чем о «людях чести».

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Наше путешествие по забытой истории насилия приближается к настоящему, и ландшафт выглядит более знакомым. Но даже в той области культурной памяти, что относится к прошлому столетию, есть реликты, которые, кажется, принадлежат другой стране.

Взять, к примеру, упадок воинской культуры⁴⁹. Старые города Европы и Америки усеяны сооружениями, демонстрирующими военную мощь государства. Пешеходы любят конными статуями военачальников, скульптурами, воплощающими мужскую мощь, изображениями богато одаренных природой греческих воинов, видят триумфальные арки, увенчанные колесницами, железные ограды в форме мечей и копий. Станции метро названы в честь победоносных сражений. В метро Парижа есть

станция «Аустерлиц», в Лондонском — «Ватерлоо». Фотоснимки столетней давности изображают мужчин в красочной парадной форме: они маршируют на государственных праздниках или дружески беседуют с аристократами на званых обедах. Визуальная символика старых государств наполнена агрессивными образами: метательными снарядами, холодным оружием, хищными пернатыми и представителями семейства кошачьих. Даже на печати штата Массачусетс, известного своим миролюбием, изображены отрезанная рука, потрясающая мечом, и американский индеец с луком и стрелами, а также девиз штата: «С мечом в руках мы жаждем мира, мира под сенью свободы». Не желая уступать, соседний Нью-Гэмпшир украсил номерные знаки своих автомобилей девизом: «Живи свободным или умри».

Но сегодня на Западе мы больше не называем общественные места в честь военных побед. Наши военные мемориалы изображают не гордых военачальников верхом на лошадях, но рыдающих матерей, измученных солдат или исчерпывающие списки жертв конфликта. Военнослужащие незаметны в общественной жизни, мундиры их невзрачны и престиж среди публики невысок. На Трафальгарской площади Лондона постамент напротив больших львов и колонны Нельсона недавно был увенчан скульптурой, настолько далекой от военной иконографии, насколько это вообще возможно: она изображает обнаженную беременную женщину-художницу, рожденную без рук и без ног. На поле под Ипром, во Франции, на месте битвы, вдохновившей Джона Маккрея на создание поэмы «На полях Фландрии», битвы, в память которой 11 ноября в странах Содружества люди вдевают в петлицы цветы

мака, недавно появился мемориал 10 000 солдат, расстрелянных за дезертирство, — тем, кого в свое время презирали как ничтожных трусов. И два свежих девиза штатов США: «Север, устремленный в будущее» у Аляски и «Земля живет праведностью» у Гавайев. (Хотя, когда штат Висконсин обсуждал замену своего слогана «Американская страна молока», одним из предложений было: «Ешь сыр или умри».)

Последовательный пацифизм особенно впечатляет в Германии — эта страна когда-то так прочно ассоциировалась с военными ценностями, что слова «тевтонский» и «прусский» стали синонимами жесткого милитаризма. Еще в 1964 г. сатирик Том Лерер выражал распространенные опасения от перспективы участия Западной Германии в многосторонней ядерной коалиции. В саркастической колыбельной певец заверяет ребенка:

Раньше немцы были воинственны и жестоки,
Но это никогда больше не повторится.
Мы преподали им такой урок в 1918-м,
Что с тех пор они нас почти не беспокоили.

Боязнь реваншизма со стороны Германии ожила в 1989 г., когда Берлинская стена рухнула и разделенная страна решила объединиться. Однако сегодня немецкая культура все еще поглощена самокритичным переосмыслением своей роли в мировых войнах и пропитана отвращением ко всему, что пахнет военщиной. Насилие табуировано даже в видеоиграх, и, когда компания Parker Brothers хотела вывести на немецкий рынок настольную игру «Риск», для победы в которой игроки должны завоевать мир, немецкое правительство пыталось подвергнуть ее цензуре. В итоге правила переписали так, что игроки «освобождали», а не завоевывали

территорию соперников⁵⁰. Немецкий пацифизм не сводится к символам: в 2003 г. полмиллиона немцев вышли на марш протеста против американского вторжения в Ирак. В ответ министр обороны США Дональд Рамсфелд прилюдно списал Германию со счетов как часть «старой Европы». Вспоминая историю бесконечных войн на континенте, это замечание можно назвать самым выразительным примером исторической амнезии — если не считать того студента, который пожаловался на обилие клише у Шекспира.

Многие из нас стали свидетелями другого изменения в западной восприимчивости к военной символике. Когда в 1940–1950-х гг. мир узнал о новом чудовищном оружии, люди не особенно испугались, даром что ядерная бомба недавно аннигилировала четверть миллиона жизней за раз и грозила погубить еще сотни миллионов. Нет, мир счел бомбу очаровательной! Сексуальный купальник, бикини, был назван в честь микронезийского атолла, испепеленного атомными испытаниями: дизайнер предположил, что реакция зевак на пляжный наряд будет сродни ядерному взрыву. Смехотворные меры «гражданской обороны» (бомбоубежища на заднем дворе или обучение школьников прятаться под парты в случае угрозы) поощряли иллюзию, что атомная атака не представляет собой ничего особенного. И сегодня тройной треугольник знака «Бомбоубежище» ржавеет над входами в подвалы американских школ и многоэтажных домов. Многие коммерческие логотипы 1950-х гг. изображают атомный гриб: леденцы «Ядерный взрыв», «Атомный рынок» (семейный продуктовый магазинчик неподалеку от кампуса Массачусетского технологического института) и «Атомное кафе», которое дало имя

документальному фильму 1982 г. о невероятном легкомыслии, с которым мир относился к ядерному оружию вплоть до середины 1960-х, когда ужас ситуации начал, наконец, проникать в сознание.

Еще одна значительная перемена на нашем веку — нетерпимость к демонстрации силы в обычной жизни. В прежние годы готовность человека использовать кулаки в ответ на оскорбление была признаком респектабельности⁵¹. Сегодня это признак хамства, симптом импульсивного расстройства личности, билет на терапию агрессивного поведения.

Один инцидент, случившийся в 1950-х гг., будет здесь хорошей иллюстрацией. Президент Гарри Трумэн прочел в газете *The Washington Post* недоброжелательный отзыв о выступлении его дочери Маргарет, начинающей певицы. Трумэн написал критику письмо на официальном бланке Белого дома: «Однажды я тебя где-нибудь встречу. И тогда тебе понадобится новый нос, примочки от синяков и, возможно, подгузник». Хотя любой может понять его порыв, сегодня публичные угрозы совершить в отношении критика физическое насилие при отягчающих обстоятельствах выглядят выходкой, категорически недопустимой со стороны лица, облеченного властью. А в то время отцовским благородством Трумэна восхищались.

И если вам понятно выражение «заморыш-девяносто-семь-фунтов» и «получить песком в лицо», вы, вероятно, знакомы с легендарной рекламой программы бодибилдинга Чарльза Атласа, которая начиная с 1940-х гг. публиковалась в журналах и комиксах. Типичный ее сюжет: слабака оскорбляют на пляже на глазах у его девушки. Он убегает домой, пинает стул, платит десять центов за марку, получает

по почте программу тренировок и возвращается на пляж, чтобы взять реванш и вернуть себе любовь юной красотки (рис. 1–1).

Не позволяй ему бить тебя, Джо!

Следи за базаром, парень...

Заткнись, ты, мешок с костями!

К черту все! Мне надоело быть тощим пугалом. Чарльз Атлас утверждает, что делает из меня нового человека! Заплачу за марку и получу его Бесплатную книгу!

Позже:

Ого! И не так много времени потребовалось. Вот это мускулы. Теперь я покажу тому грубияну.

Вот тебе приветик... от того «мешка с костями», помнишь?

О, Джо! Все-таки ты настоящий мужчина!

Какой парень! А ведь был таким худышкой!

РИС. 1–1. Обыденное насилие в рекламе бодибилдинга, 1940-е гг.

Продукт, предложенный Атласом, опередил время: популярность бодибилдинга взлетела до небес только в 1980-х гг. А вот его маркетинг безнадежно устарел. Сейчас в рекламе спортивных клубов и спортивной атрибутики не увидишь кулачных боев в защиту чести. Нам предлагают нарциссическую, даже гомоэротическую картинку. К удовольствию обоих полов, выступающие грудные мышцы и рельефные кубики пресса демонстрируются крупным планом, словно произведение искусства. Преимущество, которое сегодня обещает реклама, — красота, а не сила.

Насилие между мужчинами признано неприемлемым, но изменение отношения к насилию в отношении женщин кажется даже более революционным. Многие представители поколения беби-бума с ностальгией вспоминают ситком 1950-х гг. «Молодожены», в котором Джеки Глисон играет здоровяка — водителя автобуса. Он постоянно

изобретает схемы быстрого обогащения, а его здравомыслящая жена Алиса без устали их высмеивает. Одна из часто повторяющихся шуток в сериале — сцена, в которой Ральф трясет кулаком перед носом жены и рычит: «Когда-нибудь, Алиса, ох, когда-нибудь ты допросишься! Бац — прямо в челюсть!» (Или иногда: «Как дам — на луну улетишь!») Алиса всегда поднимает его на смех, но не потому, что оскорблена угрозами, а потому, что знает: у Ральфа просто не хватит духу так поступить. Сегодня этот тип юмора в массовых телепрограммах немислим, этого не позволит наша восприимчивость к насилию в отношении женщин. Взгляните на рекламу, напечатанную в 1952 г. в журнале *Life* (рис. 1–2).

Подобное игривое, эротизированное отношение к домашнему насилию абсолютно недопустимо сегодня, тогда же это было обычным делом. В 1950-х жену шлепали в рекламе рубашек фирмы «Ван Хейзен», в 1953 г. реклама почтовой маркировальной машины компании «Питни-Боуз» изображала раздраженного босса, кричащего на упрямую секретаршу, подпись под этим изображением гласила: «Неужели женщин нельзя убивать?»⁵²

Или возьмем многолетний бродвейский хит — мюзикл «Фантастикс», либретто которого написано по мотивам пьесы Эдмонда Ростана «Романтики», еще в 1905 г. переведенной на английский. В постановке звучала песенка в стиле Гилберта и Салливана «Все зависит от цены». Двое мужчин планируют похищение, в процессе которого сын одного из них должен будет спасти дочь другого:

If your husband ever finds out you're not "store-testing" for fresher coffee...

Текст гласит: «Если ваш муж когда-нибудь узнает, что вы не проверяете кофе на свежесть... Если он узнает, что вы по-прежнему рискуете покупать безвкусный несвежий кофе, он разозлится! Но сегодня есть способ убедиться в свежести кофе еще до покупки!»

РИС. 1–2. Домашнее насилие в рекламе кофе

Можно заказать насилие страстное,
Можно заказать насилие вежливое,
Можно заказать насилие с индейцами —
Очень мило смотрится.
Можно выбрать насилие на лошади —
Говорят, это забавная новинка.
Выбирай любое, все зависит от цены!

И хотя «насилие» (gare) в данном случае означало «похищение», а не «изнасилование», между первым представлением пьесы в 1960 г. и концом ее сценической жизни в 2002 г. восприятие этого слова изменилось. Вот что рассказал мне автор либретто «Фантастикс» Том Джонс (не родственник валлийского певца):

Время шло, и я начал беспокоиться насчет этого слова. Медленно, очень медленно до меня что-то стало доходить. Заголовки в газетах. Статьи о жестоких групповых изнасилованиях. И «изнасилования на свидании». Я начал думать: «Это не смешно». Да, мы не имели в виду изнасилование, но часть публики смешило эпатажное использование этого слова в качестве шутки.

В начале 1970-х гг. продюсер постановки отклонил просьбу Джонса разрешить ему изменить слова, но позволил добавить вступление к песне, объясняющее значение слова «насилие», и снизить количество его повторений. После того как в 2002 г. пьеса сошла со сцены, Джонс полностью переписал либретто, и в 2006 г. мюзикл был поставлен заново. Кроме того, Джонс принял необходимые юридические меры, чтобы гарантировать, что при постановке «Фантастикс» в любой точке мира будет использована только новая версия текста⁵³.

Дети до недавнего времени тоже были законным объектом насилия. Родители их не просто шлепали, что сегодня запрещено во многих странах, — детей часто били каким-нибудь предметом вроде щетки или лопатки и по обнаженным ягодицам, чтобы усилить боль и унижение.

Вот обычный сюжет детских книжек из 1950-х — мать предупреждает непослушного малыша: «Ну, подожди, вот отец вернется!», а когда глава семьи наконец является, он снимает ремень и избивает ребенка. Часто упоминаются и другие способы наказания через физическую боль: детей можно было отправить в постель без ужина или вымыть им рот с мылом. С детьми, отданными на милость посторонним взрослым, обращались и того хуже. Еще не так давно школьников дисциплинировали методами, которые сегодня были бы расценены как пытки и довели бы учителя до тюрьмы⁵⁴.

Мир сегодня считается беспрецедентно опасным местом. Невозможно следить за новостями и не бояться террористических атак, столкновения

цивилизаций или применения оружия массового поражения. Но люди склонны забывать об опасностях, заполнявших новости всего несколько десятилетий назад, и недооценивать, как нам повезло, что их больше не надо опасаться. В следующих главах я представлю цифры, доказывающие, что десятилетия 1960-х и 1970-х были гораздо более жестоким и опасным временем, чем то, в которое мы живем сейчас. А пока я выскажусь субъективно, в духе этой главы.

Я окончил университет в 1976-м. Как большинство выпускников, я не запомнил напутственной речи, которой нас провожали в большой мир, а значит, могу пофантазировать. Представьте себе такой прогноз эксперта по состоянию дел в мире, произнесенный в середине 1970-х гг.:

Уважаемый директор, преподаватели, семья, друзья и выпускники 1976 года! Начинается время больших испытаний. Но это также и время больших возможностей. Вы вступаете в жизнь образованными людьми, и я призываю вас вернуть долг обществу, работать ради светлого будущего и постараться сделать мир лучше.

Теперь, когда с этим покончено, я хочу поговорить о гораздо более интересных вещах. Я хочу поделиться моим видением будущего и рассказать, каким станет мир к вашей 35-й встрече выпускников. Начнется новое тысячелетие — и это будет реальность, которой мы и представить себе не можем. Я не говорю о техническом прогрессе, хотя плоды его возымеют невообразимый эффект. Я говорю о мире и безопасности человека, хотя вообразить это вам будет еще сложнее.

Без сомнения, мир в 2011 году все еще будет опасным местом. На протяжении следующих тридцати пяти лет, как и сегодня, будут войны и будут проявления геноцида — некоторые в совершенно непредсказуемых местах. Ядерное оружие все еще будет представлять угрозу. Некоторые из опасных регионов мира останутся опасными. Но на фоне этих постоянных произойдут невероятные перемены.

Первое и самое главное: кошмар, тенью лежащий на вашей жизни с тех самых ранних воспоминаний, когда вы в страхе скрывались в бомбоубежищах, — угроза ядерного апокалипсиса Третьей мировой войны — исчезнет. Через десять лет Советский Союз заключит с Западом мир, и холодная война закончится без

единого выстрела. Китай больше не будет угрожать войной, а станет нашим основным торговым партнером. Ядерное оружие в ближайшие тридцать пять лет не применят ни разу. Более того, войн между крупными государствами больше не будет вообще. В Западной Европе воцарится стабильный мир, а непрерывные боевые действия в Восточной Азии через пять лет тоже сменятся длительным спокойствием.

И еще хорошие новости. Восточная Германия откроет границы, и счастливые студенты разнесут Берлинскую стену вдребезги. Железный занавес падет, и государства Центральной и Восточной Европы, освободившись от советского влияния, превратятся в либеральные демократии. Советский Союз не только откажется от тоталитарного коммунизма, но и добровольно прекратит свое существование. Республики, десятилетиями и веками существовавшие под гнетом российской оккупации, станут независимыми государствами, большая часть — демократическими. Практически везде эти перемены произойдут без единой капли крови.

Фашизм тоже исчезнет из Европы, а затем и из большей части остального мира. Португалия, Испания и Греция станут либеральными демократиями. Так же, как и Тайвань, Южная Корея, большая часть Южной и Центральной Америки. Генералиссимусы, полковники, хунты, банановые республики и ежегодные военные перевороты сойдут со сцены цивилизованного мира.

Ближний Восток тоже ожидают сюрпризы. Только что закончилась пятая за последние двадцать пять лет война между Израилем и арабскими государствами. Эти войны стоили жизни пятидесяти тысячам человек, а недавно чуть не втянули сверхдержавы в ядерное противостояние. Но через три года на встрече в Кнессете президент Египта обнимет премьер-министра Израиля и они подпишут бессрочный мирный договор. Иордания также заключит длительный мир с Израилем. Периодически и Сирия будет вести с Израилем мирные переговоры, и две страны перестанут воевать.

В Южной Африке будет демонтирован режим апартеида и белое меньшинство передаст власть черному большинству. Не случится ни гражданской войны, ни кровавой бани, к бывшим угнетателям не применят жестких ответных мер.

Многие из этих перемен станут результатом долгой и отважной борьбы. Но некоторые случатся просто так, застав всех врасплох. Возможно, в будущем кое-кто из вас попытается выяснить, как это стало возможно. Я поздравляю вас с получением диплома и желаю вам успеха и радости на годы вперед.

Как бы отреагировала аудитория на этот взрыв оптимизма? Возможно, слушатели разразились бы

хихиканьем и шептали бы друг другу, что оратор объелся кислоты в Вудстоке. Однако оптимист не ошибся ни разу.

Невозможно глубоко узнать страну, путешествуя по принципу «каждый-день-новый-город», и я не жду, что наш тур галопом по столетиям убедит вас, что прошлое было более жестоким, чем настоящее. Теперь, когда мы вернулись домой, вас, естественно, переполняют вопросы. А что, мы уже не пытаем людей? Разве XX в. не был самым кровавым в истории? И не поменяли ли мы старые формы войны на новые? Разве мы живем не в Эпоху террора? Разве в 1910 г. люди не считали войну невозможной? И как там насчет всех этих цыплят на птицефабриках? И разве не могут террористы, вооруженные ядерной бомбой, завтра разжечь новую глобальную войну?

Отличные вопросы, и я попытаюсь ответить на них с помощью исторических изысканий и количественных данных. Но я надеюсь, что вышеизложенная «сверка с реальностью» подготовила почву и не позволит забыть, что при всех угрозах, с которыми мы сталкиваемся сегодня, прошлое было гораздо более опасным. Читателям этой книги (да и большинству остальных) не приходится волноваться о похищении в сексуальное рабство, санкционированном Господом геноциде, смерти на арене или турнире, казни на кресте, колесе, костре или дыбе за непопулярные убеждения, не стоит бояться обезглавливания за то, что не родила сына, потрошения за то, что встречался с особой королевской крови, пистолетных дуэлей в защиту чести, пляжных кулачных боев с целью произвести впечатление на подружку, и можно не опасаться

ядерной мировой войны, которая положит конец и цивилизации, и человечеству.

Глава 2

ПРОЦЕСС УСМИРЕНИЯ

Да, жизнь беспросветна, тупа и
кратковременна, но ты знал, на что идешь,
становясь пещерным человеком.

ПОДПИСЬ К КАРИКАТУРЕ ИЗ ЖУРНАЛА THE NEW YORKER¹

Томас Гоббс и Чарльз Дарвин были хорошими людьми, но их имена со временем превратились в язвительные эпитеты. Никто не хотел бы жить в гоббсовском или дарвиновском мире (не говоря уже о мире мальтузианском, макиавеллиевском или оруэлловском). Имена этих двух философов стали нарицательными благодаря скептическим характеристикам, которые они дали жизни в естественном состоянии: «Выживает наиболее приспособленный» (фраза, которую Дарвин использовал, но не придумал), «Жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс). Однако они понимали суть насилия гораздо глубже, тоньше и в итоге гуманистичнее, чем можно предположить по прилагательным, образованным от их имен. И сегодня любое изучение насилия над людьми должно начинаться с их теорий.

Эта глава посвящена происхождению насилия — в логическом и хронологическом смысле. Дарвин и Гоббс помогут нам рассмотреть адаптивный смысл насилия и то, каким образом мотивы, побуждающие к насилию, могли эволюционировать как часть природы

человека. Затем мы обратимся к предыстории насилия и узнаем, как оно появилось в нашей эволюционной ветви, насколько было распространено в дописьменную эпоху и какие исторические изменения впервые поспособствовали его спаду.

ЛОГИКА НАСИЛИЯ

Дарвин оставил нам теорию, объясняющую, почему живые существа обладают теми или иными чертами, и не только биологическими, но и психологическими, а именно базовыми настройками мышления и мотивами, управляющими поведением. Через 150 лет после публикации его «Происхождения видов» теория естественного отбора была полностью подтверждена в лабораторных и полевых исследованиях и обогатилась идеями из новых областей науки и математики, обеспечив нас связным и цельным пониманием живого мира. Я говорю о генетике, которая обнаружила репликаторы, обеспечивающие процесс естественного отбора, и о теории игр, проливающей свет на судьбу так называемых целеустремленных агентов (goal-seeking agents) в мире, населенном другими целеустремленными агентами².

Почему живые существа развивают в себе способность вредить другим живым существам? Ответ не так прямолинеен, как следует из фразы «выживают наиболее приспособленные». В книге «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) Ричард Докинз, объясняя современную синтетическую теорию эволюционной биологии, генетики и теории игр, пытается избавить читателей от бездумно-привычных представлений о живом мире. Он предлагает воспринимать животных как созданные генами (единственной сущностью,

которая исправно воспроизводится в процессе эволюции) «машины выживания» и поразмыслить, как бы они эволюционировали.

Для любой машины выживания другая такая машина (если это не ее собственный детеныш или близкий родственник) составляет часть ее среды обитания, подобно горе, реке или чему-то съедобному. Это нечто, преграждающее путь, или нечто, что можно использовать. От горы или реки такая машина выживания отличается одним: она склонна давать сдачи. Такое поведение объясняется тем, что эта другая машина также содержит свои бессмертные гены, которые она должна сохранить во имя будущего, и тем, что она также не остановится ни перед чем, чтобы сохранить их. Естественный отбор благоприятствует тем генам, которые управляют своими машинами выживания таким образом, чтобы те как можно лучше использовали свою среду. Сюда входит и наилучшее использование других машин выживания, относящихся как к собственному, так и к другим видам^[13]³.

Любой, кто видел, как ястреб терзает скворца, как туча кровососущих насекомых мучает лошадь, как вирус СПИДа медленно убивает человека, тот представляет себе, как машины выживания бессердечно используют другие подобные им машины. Насилие в живом мире распространено повсеместно, это стандартная установка по умолчанию, не требующая дальнейших объяснений. Если жертва принадлежит к другому виду, мы называем агрессоров хищниками или паразитами. Но жертва и агрессор могут относиться к одному виду: инфантицид, убийство сиблингов, каннибализм, изнасилования и смертельные схватки наблюдаются у многих животных⁴.

Тщательно подбирая выражения, Докинз объясняет, почему природа все же не превратилась в одну большую кровавую баню. Во-первых, животные менее склонны вредить своим близким родственникам, потому что любой ген, склоняющий животное вредить родне, имеет высокие шансы повредить и копию *самого себя*, находящуюся внутри

родственника, а значит, исчезнуть в результате естественного отбора. Еще важнее, подчеркивает Докинз, что другой организм отличается от реки или камня: *он может дать отпор*. Существо, ставшее агрессивным в результате естественного отбора, принадлежит к виду, другие представители которого в процессе эволюции стали в среднем так же агрессивны. Если ты атакуешь себе подобного, твой противник может быть так же силен и драчлив, как ты, и вооружен теми же средствами защиты и нападения. Вероятность пострадать, атакуя представителя своего вида, — мощное средство эволюционного давления, препятствующее неразборчивому применению когтей и зубов. Это соображение исключает и гидравлическую метафору, и большинство таких обывательских теорий насилия, как «жажда крови», «тяга к смерти» или «инстинкт убийства» и прочие деструктивные позывы, мотивы и импульсы. Где бы ни возникала тенденция к насилию, она всегда *стратегическая*. Организмы отбираются таким образом, чтобы применять насилие только в том случае, если ожидаемые выгоды перевешивают ожидаемые затраты. Этот принцип особенно верен в отношении разумных видов, развитый мозг которых позволяет им точнее оценивать предполагаемые затраты и выгоды в каждом конкретном случае, а не полагаться на средние данные, подсунутые эволюционной памятью.

Логика насилия в приложении к представителям разумного вида возвращает нас к Гоббсу. В важном отрывке из «Левиафана» (1651) ему не понадобилось и сотни слов, чтобы проанализировать склонность людей к насилию, и анализ этот ни в чем не уступает любому современному:

Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести. Люди, движимые первой причиной, употребляют насилие, чтобы сделаться хозяевами других людей, их жен, детей и скота; люди, движимые второй причиной, употребляют насилие в целях самозащиты; третья же категория людей прибегает к насилию из-за пустяков вроде слова, улыбки, из-за несогласия во мнении и других проявлений неуважения непосредственно по их адресу или по адресу их родни, друзей, их народа, сословия или имени^[14]⁵.

Гоббс считал соперничество неизбежным следствием того, что все стороны преследуют свои интересы. К настоящему времени мы убедились, что соперничество встроено в эволюционный процесс. Машины выживания, способные растолкать соперников локтями в борьбе за конечные ресурсы вроде пищи, воды и пригодной для жизни территории, превзойдут их числом и населят мир машинами выживания, наилучшим образом приспособленными для подобных состязаний.

Сегодня мы знаем, почему «жены» также являются ресурсом, за который мужчинам приходится конкурировать. Практически у всех животных вклад самок в потомство больше, чем вклад самцов. Это особенно верно для млекопитающих: мать вынашивает ребенка и кормит его грудью после рождения. Самец может увеличить число своих потомков, спариваясь с несколькими самками, что оставит других самцов бездетными, в то время как самка не может увеличить число своих потомков, спариваясь с несколькими самцами. Таким образом, у многих видов, не исключая человека, репродуктивная способность самки становится дефицитным ресурсом, за который состязаются самцы⁶. Ничто из сказанного выше не оправдывает изнасилования или драки и не

предполагает, что мужчина — робот, контролируемый генами, а женщина — безропотная сексуальная добыча, или что люди хотят иметь максимально возможное количество детей, или что они невосприимчивы к влиянию культуры — все это типичные ошибки в понимании теории сексуального отбора⁷.

Вторая причина конфликтов — неуверенность; во времена Гоббса под ней подразумевался скорее «страх», чем «застенчивость»^[15]. Вторая причина — следствие первой: соперничество порождает страх. Если у вас есть причины подозревать, что ваш сосед склонен вынести вас за рамки соперничества, скажем убив вас, тогда вам захочется защитить себя и избавиться от него с помощью превентивного удара. Этот соблазн может обуять вас, даже если вы в других обстоятельствах не обидели бы и мухи, — вы ведь не хотите погибнуть, не оказав сопротивления? Трагедия в том, что ваш соперник может думать точно так же, даже если *он сам* — человек, который мухи не обидит. И даже если он *знает*, что вы не испытываете к нему неприязни, у него есть все основания беспокоиться, что вы захотите нейтрализовать его просто из страха, что он нейтрализует вас первым, а это дает вам повод опередить и нейтрализовать его, и так до бесконечности. Политолог Томас Шеллинг предлагает следующую аналогию: вооруженный домовладелец натывается на вооруженного грабителя. Чтобы выжить, каждый из них захочет выстрелить первым. Этот парадокс иногда называют гоббсовской ловушкой, а в сфере международных отношений — дилеммой безопасности⁸.

Как разумные агенты могут выбраться из гоббсовской ловушки? Самый очевидный путь —

политика сдерживания. Не бей первым, но будь достаточно силен, чтобы пережить первый удар и отплатить агрессору тем же. Эффективная политика сдерживания может заставить противника отказаться от нападения, потому что это ему дорого обойдется: потери в результате возмездия превысят ожидаемую прибыль. Кроме того, политика сдерживания исключает нападение, вызванное страхом быть атакованным, потому что вы обещали не нападать первым и, что еще важнее, действительно не хотите нападать первым: сдерживание снижает необходимость в упреждающем ударе. Итак, главное в политике сдерживания — это убедительность, весомость ответной угрозы. Если ваш визави думает, что вас можно снести одним ударом, он не будет опасаться возмездия. И если он считает, что вы, подвергшись нападению, можете, по здравом размышлении, отказаться от мести, которая уже ничего не исправит, он может сыграть на этом и атаковать безнаказанно. Ваша политика сдерживания будет убедительной, только если вы энергично отметааете любые подозрения в слабости, преследуете всех нарушителей и всегда сравниваете счет. В этом случае становится понятным и нападение «из-за пустяка»: неосторожного слова, улыбки или другого признака неуважения. Гоббс называет этот мотив «славой», обычно говорят о «чести», но точнее всего будет «подтверждение репутации, реноме» (*credibility*).

Политика сдерживания также известна как баланс сил устрашения, а во времена холодной войны говорили о политике взаимного гарантированного уничтожения. Мир, основанный на политике сдерживания, хрупок, ведь сдерживание снижает насилие только угрозой насилия. Каждой стороне приходится реагировать на любые ненасильственные

знаки неуважения темпераментными демонстрациями агрессии, и в результате один акт насилия влечет за собой другой в бесконечном цикле мщения. Как мы увидим в главе 8, одна из неотъемлемых черт человеческой природы — ошибка эгоистичности (*self-serving bias*[16]), склонность при любых обстоятельствах оправдывать себя, заставляет каждую из сторон верить, что именно ее действия — справедливый акт возмездия, а действия соперника — ничем не спровоцированная агрессия.

Гоббс анализировал жизнь в состоянии анархии. Название его капитального труда указывает на способ ее избежать: это Левиафан — монархия или другая правящая власть, которая воплощает волю народа и пользуется исключительным правом на применение силы. Налагая на агрессоров наказание, Левиафан способен удержать их от нападения, то развеивая общее беспокойство относительно превентивных ударов, то устраняя постоянную готовность мстить, чтобы доказать свою решимость. И так как Левиафан — незаинтересованная третья сторона, он не ослеплен шовинизмом, заставляющим каждого из соперников думать, будто его оппонент — воплощение мирового зла, в то время как его собственная душа белее свежеевыпавшего снега.

Логику Левиафана можно схематически изобразить в виде треугольника (рис. 2–1). В каждом акте насилия есть три заинтересованные стороны: агрессор, жертва и наблюдатель. У каждого есть мотив к насилию: агрессор хочет поживиться за счет жертвы, жертва — отомстить врагу, наблюдатель — снизить побочный ущерб от их схватки. Насилие, проявляемое противоборствующими сторонами, можно назвать войной, насилие наблюдателя по отношению к ним — законом. Суть теории Левиафана в том, что закон

лучше войны. Теория Гоббса выдвигает предположение, которое можно проверить данными из истории насилия. Левиафан впервые вышел на сцену в недавних актах представления, разыгрываемого человечеством. Археологи говорят, что люди жили в состоянии анархии до возникновения цивилизации (примерно 5000 лет назад), когда оседлые земледельцы впервые объединились в города и государства и создали первые правительства. Если теория Гоббса верна, этот переход должен сопровождаться первым заметным спадом насилия. До появления цивилизации, когда люди жили без «общей власти, держащей всех в страхе», жизнь должна была быть более «беспросветна, тупа и кратковременна», чем в период, когда их принуждала к миру вооруженная власть. Это усовершенствование я буду называть Процессом умирения (Pacification Process). Гоббс утверждал, что «дикие люди в разных районах Америки» жили в условиях жестокой анархии, но не уточнил, каких конкретно людей имел в виду.

Не имея достоверных данных, любой мог пуститься в спекуляции о примитивных народах, и для появления альтернативной теории не потребовалось много времени. Оппонентом Гоббса стал родившийся в Швейцарии философ Жан-Жак Руссо (1712–1778).

РИС. 2–1. Треугольник насилия

Он предположил, что «нет ничего более кроткого, чем человек в его первоначальном состоянии... Пример дикарей... кажется, доказывает, что человеческий род был создан оставаться таким вечно... и что все дальнейшее развитие представляет собою шаги... к одряхлению рода»⁹.

Хотя суть философских систем Гоббса и Руссо не сводится к констатации «беспросветна, тупа и кратковременна» и идее о благородном дикаре, их взаимоисключающие стереотипы о жизни на лоне природы разожгли споры, продолжающиеся по сей день. В книге «Чистый лист» (*The Blank Slate*) я объясняю, каким образом этот вопрос отяготился эмоциональным, моральным и политическим багажом. Во второй половине XX в. романтическая теория Руссо стала политически корректной доктриной человеческой природы — и в качестве реакции на прежние расистские доктрины о «примитивных» народах, и из-за убеждения, что это более жизнеутверждающий взгляд на существование человека. Многие антропологи верят, что, если Гоббс был прав, война была бы неизбежной и даже желательной, поэтому любой, кто хочет мира, должен настаивать, что Гоббс ошибался. Эти «антропологи мира» (которые на самом деле ведут себя довольно агрессивно — этолог Йохан ван дер Деннен называет их «мафией мира и гармонии») отстаивают идею, что у людей и других животных стремление убивать себе подобных жестко подавляется, что война — недавнее изобретение и что до тех пор, пока примитивные народы не столкнулись с европейскими колонизаторами, войны между ними были ритуальными и бескровными¹⁰.

Я, как уже упоминалось в предисловии, считаю, что идея, будто биологические теории насилия пессимистичны, а романтические — оптимистичны, верна с точностью до наоборот, но смысл главы не в этом. Что касается насилия у догосударственных народов, Гоббс и Руссо заблуждались: ни тот ни другой ничего не знали о жизни до появления цивилизации. Сегодня у нас больше возможностей. Данная глава посвящена обзору того, что нам известно о насилии на ранних ступенях развития человека. Эта история началась задолго до того, как мы стали людьми, и для начала мы изучим агрессию среди наших кузенов-приматов и посмотрим, что она расскажет нам о возникновении насилия в общей эволюционной ветке. Когда же мы доберемся до нашего собственного вида, я сконцентрируюсь на контрасте между группами и племенами собирателей, живших в условиях анархии, и народами, жившими оседло, подчиняясь какой-либо форме правления. Кроме того, мы выясним, как собиратели воевали и из-за чего они воевали. Это приведет нас к центральному вопросу: были войны между анархическими племенами более или же менее разрушительными, чем войны между народами, живущими под властью государства? Чтобы ответить на него, следует перейти от повествования к цифрам и максимально точно оценить данные о количестве насильственных смертей на душу населения в обществах, живущих под властью Левиафана, и в тех, что живут в условиях анархии. В конце мы обсудим плюсы и минусы цивилизованной жизни.

НАСИЛИЕ У ПРЕДКОВ ЧЕЛОВЕКА

Насколько глубоко в прошлое можем мы проследить историю насилия? Хотя приматы — предки человека — давно вымерли, они оставили нам по крайней мере один источник данных о том, какими они могли быть: других своих потомков, шимпанзе. Естественно, мы произошли не от шимпанзе и не можем с уверенностью сказать, сохранили ли шимпанзе черты нашего общего предка или свернули в каком-то своем направлении. Но в любом случае полезно знать больше об агрессивности шимпанзе, поскольку так мы можем понять, как эволюционирует насилие у приматов, с которыми у нас есть общие черты. Это позволит также проверить эволюционное предположение, что агрессивные тенденции по природе своей стратегические, а не гидравлические и реализуются, только если потенциальные выгоды высоки, а риски низкие¹¹.

Обычные шимпанзе живут в сообществах, насчитывающих до 150 особей и занимающих определенную территорию. Когда шимпанзе рыскают по лесу в поисках фруктов и орехов, которые, естественно, растут там неравномерно, они часто разбиваются на более мелкие группы, размером от одной до 15 особей. Если такой отряд натывается на чужую группу на приграничной территории, их взаимодействие всегда враждебное. Если группы примерно равны по численности, они с шумом оспаривают границы. Противники издаю лающие звуки, гикают, трясут ветки, бросают предметы и атакуют друг друга с полчаса и дольше, пока одна из групп (как правило, та, что меньше) не отступает.

Такие стычки — свойственная многим животным демонстрация агрессивности. Раньше их считали сложившимися в интересах вида ритуалами,

предназначенными для урегулирования споров без кровопролития, сейчас же понимают как демонстрацию силы и решительности, позволяющую слабой стороне уступить и не подвергать участников риску, если исход схватки ясен заранее. Если же силы животных примерно равны, такая демонстрация может перерасти в серьезную схватку, где один или даже оба соперника могут пострадать или погибнуть¹². Драки между группами шимпанзе, однако, не перерастают в серьезные битвы, и раньше антропологи считали этот вид в целом миролюбивым.

До тех пор пока приматолог Джейн Гудолл, долгое время изучавшая жизнь шимпанзе в дикой природе, не сделала шокирующее открытие¹³. Если группа самцов шимпанзе встречает меньшую группу или одиночку из другого сообщества, они не кричат и не угрожают, но пользуются своим численным преимуществом. Если одиночка — фертильная молодая самка, они ухаживают за ней и пытаются спариться. Если же это самка с детенышем, самцы часто нападают, убивают и съедают детеныша. А если они встречают одинокого самца или отбивают его от группы, шимпанзе набрасываются на него со зверской жестокостью. Двое держат жертву, а остальные бьют, откусывают ему пальцы и гениталии, вырывают куски мяса, выкручивают конечности, пьют кровь или вспарывают глотку. Зафиксирован случай, когда шимпанзе одной группы убили всех самцов соседней стаи. Случись такое среди людей, это назвали бы геноцидом. Часто эти нападения не были результатом случайного столкновения — группа самцов в ходе приграничного патрулирования тихо и целенаправленно разыскивала и преследовала одиночек. Убийства происходят и внутри стаи. Группа самцов может прикончить соперника, а сильная самка

при содействии самца или другой самки способна убить детеныша более слабой.

Когда Гудолл впервые написала об этих убийствах, другие ученые задавались вопросом, не были ли эти дикие выходки симптомами какой-то патологии или же изменениями поведения, возникающими из-за того, что приматологи подкармливают шимпанзе для удобства наблюдений. Три десятилетия спустя сомнений почти не осталось: опасная агрессивность шимпанзе — часть их поведенческого репертуара. Приматологи непосредственно наблюдали или натыкались на свидетельства убийств почти 50 одиночек из соперничающих групп и больше 25 особей — в результате внутригрупповых конфликтов. Подобные вещи наблюдались как минимум в девяти сообществах, в том числе в тех, которые никогда не прикармливали. В некоторых стаях более трети самцов погибало насильственной смертью¹⁴.

Есть ли в поведении шимпанзе дарвиновский эволюционный смысл? Приматолог Ричард Рэнгем, ученик Гудолл, проверил различные гипотезы на обширных данных по демографии и экологии шимпанзе¹⁵. Ему удалось зафиксировать одно крупное эволюционное преимущество и одно поменьше. Когда шимпанзе избавляются от соперничающих самцов и их потомства, они расширяют свою территорию, вторгаясь в новые земли сразу или занимая их постепенно за счет численного преимущества в последующих схватках. Доступ к пище на этой территории имеют только они, их самки и их отпрыски, что, в свою очередь, приводит к повышению рождаемости в группе. Сообщество иногда принимает самок из уничтоженной стаи, и это — второе репродуктивное преимущество для самцов.

При этом шимпанзе не дерутся непосредственно за еду и самок. Все, к чему они стремятся, — доминировать на территории и уничтожить конкурентов, если это можно сделать с минимальным риском для себя. Эволюционные преимущества в этом случае являются косвенными и долгосрочными.

Что до рисков, шимпанзе минимизируют их, стараясь вступать в неравные схватки, в которых они минимум втрое превосходят соперников по численности. Стратегии поиска пищи, свойственные шимпанзе, часто приводят неудачливую жертву прямо в лапы врагу, потому что плодовые деревья растут не везде. Голодные шимпанзе вынуждены искать пропитание малыми группами или в одиночку, а иногда на свой страх и риск забредать на ничейные территории.

Какое отношение все это имеет к насилию у людей? Эти данные говорят в пользу вероятности, что предки человека предпринимали кровопролитные набеги еще 6 млн лет назад, во времена нашего общего с шимпанзе прародителя. Правда, есть и другая вероятность. Общий предок человека и шимпанзе (*Pan troglodytes*) дал начало и третьему виду приматов — бонобо, карликовым шимпанзе (*Pan paniscus*), которые разошлись с обыкновенными шимпанзе около 2 млн лет назад. Мы так же близки к бонобо, как и к обычным шимпанзе, а бонобо не были замечены в жестоких нападениях. Это их отличие от обыкновенных шимпанзе — один из самых известных фактов популярной приматологии. Бонобо стали известны благодаря своему миролюбию, матриархату и сладострастию — такие травоядные «шимпанзе-хиппи». В их честь назвали вегетарианский ресторан в Нью-Йорке, они вдохновили сексолога доктора Сьюзи на создание курса «Путь бонобо: к миру через

удовольствие», а Морин Дауд, колумнист *The New York Times*, выражала желание, чтобы современные мужчины избрали бонобо своей ролевой моделью¹⁶.

Приматолог Франс де Вааль подчеркивает, что теоретически наш общий с шимпанзе и бонобо предок мог быть ближе к бонобо, чем к обыкновенному шимпанзе¹⁷. Если так, межгрупповое насилие самцов не слишком глубоко пустило корни в эволюционной истории человека. Склонность обыкновенных шимпанзе и людей к жестоким нападениям могла появиться независимо друг от друга, возможно, агрессивность людей развилась лишь в отдельных культурах, а не в ходе эволюции вида в целом. А если так, у людей нет никаких врожденных склонностей к групповому насилию и, чтобы удержать их от него, не нужен Левиафан или любые другие институты.

У идеи, что люди произошли от мирного пращура вроде бонобо, есть два слабых места. Первый: нам очень легко обмануться историей шимпанзе-хиппи. Бонобо — исчезающий вид, живущий в недоступных лесах в глухих районах Конго, и все, что мы о них знаем, это результат наблюдений за группами детенышей и молодых особей, которых хорошо кормят в неволе. Многие приматологи подозревают, что систематическое изучение взрослых, голодных, крупных и свободных групп бонобо покажет нам менее радужную картину¹⁸. Оказывается, в дикой природе бонобо охотятся, конфликтуют и наносят друг другу увечья в схватках, порой смертельные. Безусловно, они менее агрессивны, чем обыкновенные шимпанзе: никогда не устраивают набегов и разные их группы могут мирно кормиться рядом; но миролюбие бонобо не безгранично.

Вторая и более важная проблема: общий предок людей и двух видов шимпанзе, скорее всего, больше походил на обыкновенных шимпанзе, чем на бонобо¹⁹. Бонобо — необычные приматы не только по поведению, но и по анатомии. Маленькие, детские головки, небольшие тела, невыраженный половой диморфизм и прочие черты незрелости отличают их не только от обыкновенных шимпанзе, но и от остальных больших человекообразных обезьян (горилл и орангутанов), и от ископаемых австралопитеков, предков человека. Их характерная анатомия, с учетом положения на генеалогическом древе гоминид, дает основания предполагать, что бонобо отделились от общего предка путем неотении — процесса, который перенастраивает программу роста так, что и во взрослом состоянии сохраняются некоторые ювенильные черты (в случае бонобо — свойства черепа и мозга). Неотения часто наблюдается у видов, подвергшихся приручению, например у собак, отделившихся от волков. Неотения — путь отбора менее агрессивных особей. Рэнгем доказывает, что основным двигателем эволюции бонобо был отбор по признаку сниженной агрессивности самцов. Бонобо ищут пищу большими группами и не передвигаются в одиночку, поэтому в их случае групповая агрессивность, вероятно, не оправдывает себя. Это заставляет предположить, что бонобо — нетипичные обезьяны и человек произошел от животного, которое было ближе к обыкновенному шимпанзе.

Даже если шимпанзе и люди изобрели групповое насилие независимо друг от друга, такое совпадение предоставляет пищу для размышлений. Тогда можно предположить, что кровопролитные набеги дают эволюционное преимущество разумным видам,

образующим группы разного размера, внутри которых родственные самцы создают коалиции и оценивают сравнительную силу друг друга. Когда мы будем изучать насилие среди людей, то заметим, что некоторые параллели здесь более чем очевидны.

Было бы здорово, если бы археологи нашли недостающее звено между общим предком и современным человеком. Но предки шимпанзе не оставили ископаемых останков, а останки и следы материальной культуры гоминид слишком скудны, чтобы дать нам прямые доказательства агрессивности, такие как сохранившееся оружие или следы ранений. Некоторые палеоантропологи ищут признаки агрессивности у ископаемых видов, измеряя клыки у самцов (большие заостренные клыки характерны для агрессивных видов) и обращая внимание на разницу в размерах самцов и самок (у полигинных видов самцы крупнее — чтобы успешнее драться с другими самцами)²⁰. К сожалению, маленькие рты гоминидов, в отличие от пастей других приматов, не открываются так широко, чтобы в длинных клыках был толк, и неважно, насколько агрессивны или миролюбивы были эти создания. К тому же ископаемые виды не были так предусмотрительны и не оставили нам достаточное количество полных скелетов, поэтому трудно точно определить их пол и сравнить размеры самок и самцов (отчего многие антропологи скептически относятся к недавнему заявлению, будто у *Ardipithecus ramidus*, вероятного предка *Homo*, чей возраст датируется 4,4 млн лет, клыки были короткие, а самки одного размера с самцами, из чего следует, что этот вид был моногамным и миролюбивым²¹). Если судить по более поздним и чаще встречающимся останкам, самцы нашего вида были крупнее самок уже 2 млн лет назад, и данное различие в размерах

сопоставимо с нынешним. Это укрепляет подозрение, что агрессивное соперничество между мужчинами имеет долгую историю в нашей эволюционной ветви²².

ВИДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Вид, к которому мы принадлежим, называется «человек современного анатомического типа», его возраст — 200 000 лет. Но «поведенчески современные» люди — с искусством, обрядами, одеждой, сложными инструментами и способностью жить в разных экосистемах — появились, вероятно, около 75 000 лет назад в Африке и вышли оттуда, чтобы заселить весь остальной мир. Когда вид только возник, люди жили маленькими кочевыми группами, состоящими из равноправных родственников, добывали пропитание охотой и собирательством, не зная ни письменности, ни правительства. Сегодня подавляющее большинство людей живут в оседлых стратифицированных обществах, насчитывающих миллионы человек, едят пищу, поставляемую сельским хозяйством, и подчиняются государственной власти. Этот переход, который называют Неолитической (относящейся к новокаменному веку) революцией, начался около 10 000 лет назад с возникновением земледелия в районе Плодородного полумесяца, а также в Китае, Индии, Западной Африке, Мезоамерике и в Андах²³.

Соблазнительно, конечно, использовать горизонт в 10 000 лет как границу между двумя главными эпохами существования человека: эрой охотников-собирателей, во время которой мы прошли большую часть биологической эволюции (реалии той эпохи еще

можно наблюдать у ныне живущих охотников-собирателей), и последовавшей эрой цивилизации. Эта разделительная линия фигурирует в теоретизировании о той экологической нише, к которой люди биологически приспособлены, — эволюционные психологи называют ее *зоной эволюционной адаптированности*. Но не эта зарубка на линии времен лучше всего соответствует гипотезе Левиафана.

Начать с того, что века в 10 000 лет имеет отношение только к *первым* земледельческим обществам. Сельское хозяйство в других регионах появилось позже и распространялось весьма постепенно. До Ирландии, например, земледелие добралось с Ближнего Востока только около 6000 лет назад²⁴. Всего за несколько столетий до наших дней охотники-собиратели населяли многие территории Американского континента, Австралии, Азии и Африки, а кое-где живут и сегодня.

К тому же общества нельзя строго разделить на общины охотников-собирателей и земледельческие цивилизации²⁵. Известные нам современные безгосударственные народы — это охотники-собиратели, живущие небольшими группами, вроде племени !кунг-сан в пустыне Калахари и инуитов в Арктике. Они сохранили свой образ жизни только потому, что живут в труднодоступных местах земли, на которые никто другой не претендует. Поэтому мы не можем считать их типичными представителями наших доисторических предков, живших, скорее всего, в более благоприятных условиях. Еще недавно собиратели жили в долинах и на берегах рек, богатых рыбой и дичью, что позволяло им вести более благополучный и сложноорганизованный оседлый

образ жизни. Индейцы Тихоокеанского побережья на северо-западе Северной Америки, известные своими тотемными столбами и церемонией потлача, — яркий тому пример. Вне досягаемости государства живут и племена Амазонии и Новой Гвинеи, которые не только занимаются охотой и собирательством, но вырубают и выжигают в джунглях клочки земли для выращивания бананов и сладкого картофеля. Их жизнь не так аскетична, как жизнь «классических» охотников-собирателей, но все же они гораздо ближе к ним, чем к оседлым земледельцам.

Когда первые крестьяне осели на земле и начали выращивать зерновые и бобовые растения, разводить одомашненных животных, их число резко выросло и появилось разделение труда: теперь одни люди питались пищей, которую выращивали другие. Но развитые государства и правительства появились далеко не сразу. Сначала роды объединялись в племена, соединенные родством и культурой, а племена — в племенные союзы с общим лидером и поддерживающей его свитой. Одни племена предпочитали заниматься пастбищным животноводством, они мигрировали вместе со скотом и продавали продукты животноводства оседлым земледельцам. Ветхозаветные евреи как раз и были пастухами, сформировавшими объединения племен примерно в те времена, что описываются в Книге Судей.

С зарождения сельского хозяйства до появления на сцене настоящих государств прошло еще около 5000 лет²⁶. Это произошло, когда более могущественные племенные объединения с помощью военной силы подчинили себе другие группы и племена, способствуя дальнейшей централизации власти и появлению ниш

для специализированных классов вроде солдат и ремесленников. Растущие государства строили крепости, города и другие защищенные поселения и изобрели письменность, позволившую им делать записи, собирать налоги и дани, учреждать законы, чтобы держать подданных в подчинении. Мелкие государства, покушавшиеся на благосостояние своих соседей, вынуждали тех обороняться, и в результате крупные государства поглощали более мелкие.

Среди разных обществ антропологи выделили множество подтипов и переходных классов и заметили, что не существует цивилизационного лифта, который бы автоматически превращал простые общества в сложные. Вожди и племена могут существовать неограниченно долгое время, например дожившие в Европе до XX в. черногорские племена. А когда государство рушится, ему может наследовать племенная система, как в греческие темные века (время действия поэм Гомера), последовавшие за крахом микенской цивилизации, и в европейские Темные века, наступившие после падения Римской империи. Даже сегодня многие части неэффективных государств — Сомали, Судана, Афганистана и Конго — это, по сути, союзы племен, управляемых вождями; только вождей мы теперь называем полевыми командирами²⁷.

Поэтому нет никакого смысла изучать исторический рост и спад насилия, нанося число смертей на отметки на линии времени. Если мы и увидим, что у какого-то народа уровень насилия снизился, так это потому, что изменился вид социальной организации, а не потому, что прозвенел будильник истории. Если такие изменения вообще случаются, они происходят в разное время. Также не

приходится ожидать равномерного спада насилия, начиная с племен кочующих охотников-собирателей и переходя к рассмотрению более сложных обществ оседлых охотников-собирателей, земледельческих общин, а затем малых и крупных государств. Глобальных изменений стоит ждать только с появлением первой формы социальной организации, стремящейся снизить насилие внутри своих границ. И это будет централизованное государство, Левиафан.

Это не значит, что любое раннее государство было содружеством, власть в котором образуется в результате общественного договора, принятого гражданами (как считал Гоббс). Правление во времена первых государств было больше похоже на бандитское «крышевание»: могущественные мафиози экспроприировали ресурсы местных жителей в обмен на защиту их от враждебных соседей и друг от друга²⁸. В этих условиях снижение насилия было на руку и господам, и подданным. Как фермер заботится, чтобы его животные не поубивали друг друга, так и правитель будет стараться удержать подданных от распрей и взаимных налетов. Подданные сводят счеты, имущество переходит из рук в руки, но, с точки зрения правителей, все это — чистые убытки.

Тема насилия в догосударственных обществах долго оставалась политизированной. Веками считалось, что первобытные люди были свирепыми варварами. Декларация независимости США, например, сетует, что король Англии «пытался направить на жителей наших границ безжалостных индейских дикарей, известный способ войны которых представляет собой

поголовное избиение всех возрастов, полов и состояний».

Сегодня этот отрывок кажется архаическим и оскорбительным. Словари предостерегают нас от использования в отношении примитивных народов слова «дикий» (*savage*, которое в английском языке родственно понятию «лесной», *sylvan*), а с учетом того, что нам сегодня известно о геноциде коренных американцев, устроенном европейскими колонистами, авторы Декларации независимости выглядят не лучшим образом. Современная озабоченность достоинством и правами каждого народа не позволяет нам высказываться слишком откровенно об уровне насилия в дописьменных культурах, да и «антропологи мира» успешно нанесли на них руссоистский макияж. Маргарет Мид, например, описывала культуру новогвинейского племени чамбри (чамбули) как сексуально-перевернутую, поскольку мужчины чамбри украшали себя кудрями и макияжем, но умалчивала о том, что право на эти «женственные» знаки отличия завоевывалось убийством члена соседнего племени²⁹. Антропологи, не поддерживающие подобные «мирные» трактовки, обнаруживают, что их неожиданно лишают возможности посещать места, в которых они работают, им вчиняют иски о защите чести и достоинства, а коллеги из профессиональных сообществ очерняют их и даже обвиняют в геноциде³⁰.

Да, по сравнению с современными войнами схватки между племенами могут показаться почти безобидными. Мужчины, имеющие претензии к соседней деревне, назначают тамошним мужчинам встречу в определенное время в определенном месте.

Стороны стоят, выдерживая расстояние, которое их копья и стрелы едва могут пролететь. Они ругаются, проклинаят и оскорбляют друг друга, бахвалятся, посылают стрелы и бросают копья, уклоняясь от стрел и копий противника. Как только один-два воина оказываются убитыми или ранеными, противостояние заканчивается. Само собой, эти шумные представления наводили наблюдателей на мысль, что битвы примитивных народов были ритуальными и символическими, совсем не похожими на знаменитые побоища между народами цивилизованными³¹. Историк Уильям Экхардт, автор часто цитируемого высказывания, что с течением времени насилие значительно возросло, писал: «Группы охотников-собираателей, числом от 25 до 50 человек каждая, вряд ли могли устроить настоящую войну. Им не хватило бы людей и оружия для ведения боевых действий, у них было мало причин для раздоров и недостаточно излишков, чтобы оплатить войну»³².

Только в последние 15 лет такие свободные от своекорыстных политических интересов ученые, как Лоуренс Кили, Стивен Леблан, Азар Гат и Йохан ван дер Деннен, начали систематический сбор данных, касающихся частоты и разрушительности военных действий догосударственных народов³³. Реальные цифры убитых в племенных войнах показывают, что безобидность таких конфликтов весьма условна. Во-первых, любая стычка может перерасти в побоище, усеивающее поле битвы мертвыми телами. Во-вторых, когда группы из нескольких десятков мужчин конфликтуют на регулярной основе, даже одна-две жертвы за одно столкновение повышают долю насильственных смертей, которая и так высока по любым стандартам.

Основная же ошибка вытекает из неспособности различать два вида насилия, важных даже при изучении поведения шимпанзе, — это стычки и набеги. Больше жизней уносят не шумные стычки, а внезапные набеги³⁴. Отряд проникает во вражескую деревню перед рассветом, сначала всаживают стрелу в вышедшего по нужде бедолагу, затем расстреливают тех, кто выглядывает из хижин, чтобы узнать, что происходит. Стены пронзают копьями, стреляют через двери и дымоходы, поджигают хижины. Сонных людей убивают десятками, а к тому времени, когда жители деревни наконец организуют защиту, атакующие уже растворяются в лесу.

Нередко нападающие истребляют всех жителей деревни поголовно или же убивают всех мужчин и уводят всех женщин. Другой бесшумный, но эффективный способ уменьшить численность врага — засада: воины прячутся в лесу вблизи от чужой охотничьей тропы и убивают каждого проходящего по ней мужчину из вражеского племени. Еще одна тактика — вероломство: племя делает вид, что готово примириться с врагами, приглашает их на праздник, на котором, по сигналу, ничего не подозревающих гостей убивают. По отношению к одиночке, забредшему на чужую территорию, тактика та же, что и у шимпанзе, — нападать без предупреждения.

Мужчины в догосударственных обществах (а это практически всегда мужчины) относятся к войне предельно серьезно — и в вопросах тактики, и в том, что касается вооружений. Они изготавливают химическое, биологическое и осколочное оружие³⁵. Они мажут наконечники стрел ядами, добытыми из ядовитых животных, втыкают их в тухлое мясо, чтобы рана загноилась. Наконечники прикрепляют к древку

так, чтобы оно легко отламывалось, — тогда жертва не сможет вытащить острие. Воины часто вознаграждают себя трофеями — головами, скальпами и гениталиями врагов. Они не берут пленных, хотя иногда могут притащить одного в деревню и запытать до смерти. Уильям Брэдфорд, один из прибывших на «Мэйфлауэре» колонистов, писал о коренных жителях Массачусетса: «Не довольствуясь умерщвлением врага, они с наслаждением подвергают его кровавым пыткам, как то: с живых сдирают кожу острыми раковинами, отрезают понемногу конечности, поджаривают их на углях и поедают на глазах у жертвы»³⁶.

Хотя нам неловко читать, как европейские колонисты называют аборигенов «дикарями», и мы справедливо обвиняем их в лицемерии и расизме, такие рассказы о зверствах местного населения — не выдумка. Существует множество свидетельств ужасающей жестокости племенных войн. В 1930-х гг. одно из племен группы яномамо, живущее в дождевых лесах Венесуэлы, похитило Хелену Валеро. Вот что она впоследствии рассказывала об одном из налетов:

Тем временем со всех сторон прибывали захваченные женщины с детьми... Мужчины начали убивать детей; маленьких, побольше, они убили их множество. Дети пытались бежать, но их ловили, бросали на землю и убивали из луков, пришпиливая стрелами к земле. Взяв самых маленьких за ножки, они били их о деревья и камни... Все женщины плакали³⁷.

В начале XIX в. английский каторжник Уильям Бакли сбежал из австралийской тюрьмы и три десятилетия безбедно прожил в племени аборигенов ватаурунг. Он оставил свидетельства об их образе жизни, в том числе о военных обычаях:

Приблизившись к расположению врага, они спрятались и лежали в засаде, пока все не утихло. Дождавшись, когда большинство вражеских воинов уляжется группами там и сям и уснет, наши налетели на них, нескольких ранили, а троих убили на месте.

Враг стремительно бежал, оставив оружие и амуницию в руках противника, бросив раненых, которых добили бумерангами. Три громких вопля увенчали триумф победителей. Тела убитых они ужасно изуродовали, отрезав им руки и ноги острыми камнями, ракушками и томагавками.

Когда женщины увидели, что их мужчины возвращаются с победой, они тоже подняли громкий крик, вытанцовывая в диком экстазе. Мертвые тела бросили на землю и принялись бить палками — люди, казалось, свихнулись от возбуждения³⁸.

О подобных случаях свидетельствовали не только жившие среди туземцев европейцы, но и сами аборигены. Роберт Насрук Кливленд из эскимосского племени инуиатов в 1965 г. вспоминал:

На следующее утро налетчики атаковали лагерь и убили всех оставшихся там женщин и детей... В вагины убитых женщин они затолкали нельму, а потом пришедшие из Ноатаки взяли Кититигаагваат и ее ребенка и отступили к верховьям реки Ноатак... Почти дойдя до деревни, они изнасиловали Кититигаагваат и бросили ее и ребенка умирать...

Несколько недель спустя охотники на карибу из Кобука вернулись домой, нашли разлагающиеся останки своих жен и детей и поклялись отомстить. Через год или два они отправились на север в верховья Ноатак в поисках врага. Вскоре они наткнулись на большую группу нуатаагмиутов и тайно последовали за ними. Однажды утром люди из лагеря нуатаагмиутов заметили большое стадо карибу и бросились в погоню. Пока они отсутствовали, налетчики из Кобука убили всех женщин в лагере. Они отрезали им гениталии, нанизали на веревку и быстро направились в обратный путь³⁹.

Каннибализм долго считался квинтэссенцией первобытной дикости, и антропологи были склонны отмахиваться от сообщений о каннибализме, считая их кровавыми наветами со стороны соседних племен. Но в последнее время криминологическая археология доказала, что каннибализм был очень распространен в доисторическую эпоху. Об этом свидетельствуют человеческие кости с отметками человеческих же зубов; кости, приготовленные и разбитые, как кости животных, а потом выброшенные вместе с пищевыми отходами⁴⁰.

Некоторым из таких костей 800 000 лет — это время появления *Homo heidelbergensis*, гейдельбергского человека, общего предка современных людей и неандертальцев. Следы человеческого белка были найдены в кухонной посуде и в экскрементах древних людей. Вероятно, каннибализм был настолько обычным делом в доисторическую эпоху, что даже повлиял на эволюцию человека: наш геном содержит гены, необходимые для защиты от так называемых прионных болезней, которыми рискуют заразиться каннибалы⁴¹. В подтверждение этого можно привести свидетельства очевидцев, например записи миссионеров о том, как воин-маори насмеялся над засушенной головой вражеского вождя:

Ты хотел убежать, да? Но моя боевая дубинка догнала тебя. И когда тебя сварили, ты стал моей едой. И где твой отец? Его сварили. Где твой брат? Его съели. Где твоя жена? Здесь она сидит, она теперь моя жена. А где твои дети? Вот они, с грузом на спине, носят еду — они теперь мои рабы⁴².

Многие ученые считают образ безобидных собирателей вполне правдоподобным, потому что им трудно вообразить цели и мотивы, которые могли бы подтолкнуть первобытных людей к войне. Вспомните, например, утверждение Экхардта, что у охотников-собирателей «было мало причин для раздоров». Но у существ, появившихся в результате естественного отбора, всегда есть причины воевать (что, конечно, не значит, что они всегда будут это делать). Гоббс писал, что у людей, в частности, есть три причины для войны: нажива, безопасность и убедительное сдерживание. Люди в догосударственных обществах воюют по всем трем причинам⁴³.

Собиратели могут воевать из-за территории — охотничьих угодий, источников воды, берегов и

устьев рек, месторождений ценных минералов вроде кремния, обсидиана, соли или охры. Они могут угонять скот или воровать заготовленную пищу. И очень часто они воюют из-за женщин. Мужчины могут захватить соседнюю деревню с единственной целью — увести женщин, которых они будут по очереди насиловать и поделят в качестве жен. Они могут напасть по какой-то другой причине и забрать женщин как «бонус» или потребовать женщин, обещанных им в жены, но не доставленных в условленное время. Молодые мужчины порой воюют ради трофеев, славы и других знаков удали, особенно если по их обычаям это необходимо для получения статуса взрослого.

Люди в догосударственных обществах также нападают ради безопасности. Дилемма безопасности, или гоббсовская ловушка, не дает им покоя: если их заставляет беспокоиться их малочисленность, они заключают союзы с соседними деревнями, а если видят, что вражеский альянс слишком разросся, наносят упреждающие удары. Воин яномамо как-то сказал антропологу: «Мы устали воевать. Мы больше не хотим убивать. Но враги коварны, и доверять им нельзя»⁴⁴.

Но самый распространенный мотив военных действий — это месть, которая служит нехитрой политикой сдерживания потенциальных врагов, повышая ожидаемые ими издержки будущих атак. Ахилл в «Илиаде» описывает психологическую черту, свойственную людям всех культур: гнев «в зарождении сладостней тихо струящегося меда, скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!»^[17]. Племена мстили за грабеж, измену, вандализм, браконьерство, похищение женщин,

предполагаемое колдовство, сорванные сделки и предыдущие акты насилия. В одном кросс-культурном исследовании выяснилось, что в 95% обществ люди полностью поддерживают идею «жизнь за жизнь»⁴⁵. Племенные народности не только чувствуют, как пламенный дым возрастает в груди, но и твердо знают, что их враги ощущают то же самое. Вот почему они иногда убивают всех до единого жителей вражеской деревни, понимая, что любой выживший захочет отомстить за погибших родственников.

УРОВЕНЬ НАСИЛИЯ В ГОСУДАРСТВАХ И ДОГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Хотя данные о насилии в догосударственных обществах разрушают стереотип о миролюбии охотников-собирателей, они не дают оснований судить, был уровень насилия в их эпоху выше или ниже, чем в так называемых цивилизованных обществах. В истории современных государств нет недостатка в ужасающих зверствах и расправах, и не в последнюю очередь над аборигенным населением всех континентов, а количество жертв военных действий между ними достигает восьмизначных цифр. Только посмотрев на эти данные, мы сможем понять, повысила цивилизация уровень насилия или же снизила его.

Конечно, если смотреть на абсолютные цифры, цивилизованные общества бьют все рекорды. Но на какие величины мы должны смотреть — на абсолютные или на *относительные*, вычисленные пропорционально величине населения? С точки зрения морали выбор довольно скользкий: что хуже — гибель 50% популяции в сотню человек или же гибель

1% популяции в один миллиард? С одной стороны, человек, которого пытаются или убивают, страдает одинаково сильно независимо от того, с каким количеством других людей разделяет он свою судьбу, так что именно объем страдания должен вызывать наше сочувствие и привлекать внимание. Но ведь можно рассудить и так, что обратная сторона удачи родиться — шанс умереть преждевременной или жестокой смертью от насилия, болезни или в результате несчастного случая. Так что мы можем записать число людей, которые в данном времени и месте без помех прожили свою жизнь полностью, в колонку «добро» и будем сверять с ней «зло», то есть число жертв насилия. А попросту можно спросить: «Если бы я жил в то время, каковы бы были мои шансы стать жертвой насилия?» Эта логика, касается ли она доли в популяции или же риска погибнуть для каждого отдельного индивида, приводит нас к выводу, что, сравнивая вредоносность насилия среди обществ, мы должны фокусироваться не на абсолютном количестве актов насилия, а на его пропорциональном уровне.

Давайте посмотрим, что произойдет, если мы примем за разделительную линию возникновение государств и по одну сторону поместим охотников-собирателей, охотников-земледельцев и другие племенные группы (всех эпох), а оседлые государства (также всех эпох) — по другую. Ученые недавно собрали достоверные данные о количествах насильственных смертей в догосударственных обществах во всей доступной антропологической и исторической литературе. Получить такие сведения можно из двух источников. Во-первых, из демографических данных, собранных этнографами: нас интересует число смертей у народов, которые они

изучали на протяжении длительных периодов времени⁴⁶. Во-вторых, у археологов, раскапывающих захоронения и изучающих запасники музеев в поисках признаков убийства⁴⁷.

Как можно установить причину смерти, если жертва умерла сотни или тысячи лет назад? Иногда доисторические скелеты находят вместе с палеолитическими уликами с места убийства: наконечником стрелы или копья, застрявшим в кости, как случилось с Эци и человеком из Кенневика. Но и косвенные улики бывают недвусмысленными. Археологи ищут на древних скелетах повреждения, характерные для нападений на человека: вмятины на черепе, нанесенные каменными орудиями отметины на костях конечностей или черепе, специфические повреждения локтевых костей (например, перелом Монтеджи, который человек получает, прикрывая голову руками). По некоторым признакам можно отличить травмы, полученные еще живым человеком, от повреждений, полученных в результате контакта останков с внешней средой. Живые кости ломаются как стекло, и края перелома острые и неровные; мертвые кости ломаются как мел, края перелома чистые и ровные. Если в месте повреждения кость разрушается не так, как в нетронутых областях, скорее всего, она была сломана уже после того, как окружающие ткани отмерли. Археологическими уликами могут быть военные укрепления, щиты, оружие наподобие томагавков (которые бесполезны на охоте) и сцены сражений, нарисованные на стенах пещер (некоторым из них более 6000 лет). И тем не менее подсчеты археологов обычно занижены, потому что такие причины смерти, как отравленная стрела, инфицированная рана, поврежденный орган или артерия, не оставляют следов на костях жертвы.

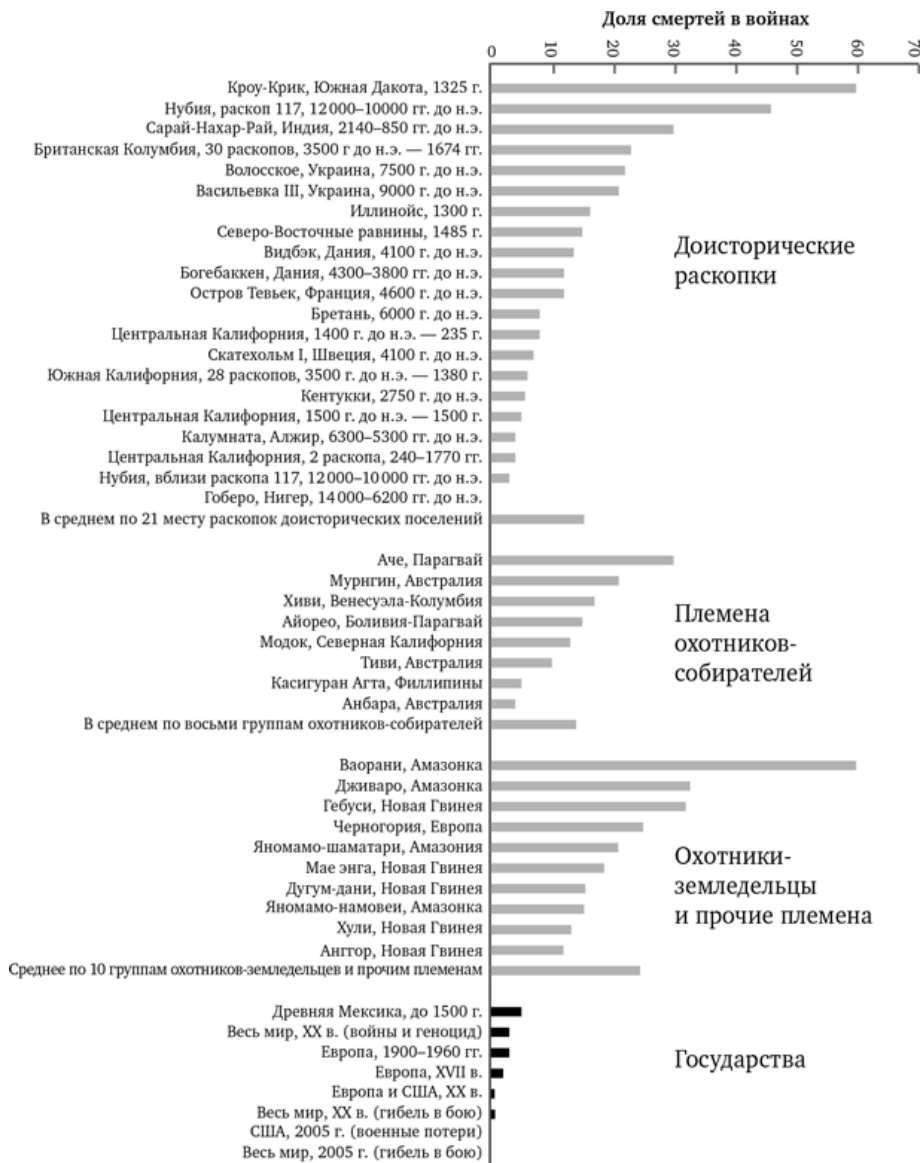
Зная примерное число насильственных смертей, перевести его в проценты можно двумя способами. Первый — подсчитать их долю. Эта пропорция даст нам ответ на вопрос: «Каковы шансы погибнуть от руки другого человека, а не от естественной причины?» График на рис. 2–2 показывает такую статистику на трех примерах догосударственных народов (скелеты доисторических времен, охотники-собиратели и охотники-земледельцы) и для различных централизованных государств. Давайте проанализируем.

Верхняя часть списка отражает уровень насильственных смертей, подсчитанный по данным археологических раскопок⁴⁸. Это скелеты охотников-собирателей и охотников-земледельцев из Азии, Африки, Европы и обеих Америк в период от 14 000 г. до н.э. до 1770 г., во всех примерах — задолго до появления государственных обществ или первого контакта с ними. Уровень насильственных смертей варьирует от 0 до 60%, в среднем — 15%.

Следующие цифры относятся к восьми современным или недавно существовавшим обществам, которые добывали пропитание преимущественно охотой и собирательством в Америке, Австралии и на Филиппинах⁴⁹. Средняя доля смертей в войнах здесь всего на волосок от среднего, оцениваемого по данным раскопок: 14%, с разбросом от 4 до 30%.

В предпоследнюю группу я объединил догосударственные общества, которые занимаются в разных пропорциях охотой, собирательством и земледелием. Все они из Новой Гвинеи и дождевых лесов Амазонии, за исключением черногорцев, последнего европейского племенного общества, в

котором количество насильственных смертей близко к среднему по группе: 24,5⁵⁰.

РИС. 2–2. Доли военных потерь в государственных и догосударственных обществах

Источники: археологические раскопки доисторических поселений: Bowles, 2009; Keeley, 1996. Охотники-собиратели: Bowles, 2009. Охотники-земледельцы и другие племенные группы: Gat, 2006; Keeley, 1996. Древняя Мексика: Keeley, 1996. Весь мир, XX в., войны и геноцид (включая искусственно вызванный голод): White, 2011. Европа, 1900–1960 гг.: Keeley, 1996, Wright, 1942, 1942/1964, 1942/1965; см. прим. 52. Европа, XVII в.: Keeley, 1996. Европа и США, XX в.: Keeley, 1996, Harris, 1975. Весь мир, XX в., гибель в бою: Lacina & Gleditsch, 2005; Sarkees, 2000; см. прим. 54. США, 2005 г., военные потери: см. текст и прим. 57. Весь мир, гибель в бою, 2005 г.: см. текст и прим. 58

И в конце мы видим данные, касающиеся обществ с государственным устройством⁵¹. Самые ранние относятся к городам и империям доколумбовой Мексики, в которой 5% смертей были насильственными. Несомненно, это было опасное место, но при этом уровень насилия составлял всего 3/5 от среднего в доисторическом обществе. Что касается современных государств, простор для выбора широк: сотни политических объединений, десятки столетий и множество видов насилия (войны, убийства, геноцид и так далее), так что тут нет единственно «верной» оценки. Но мы можем сделать сравнение максимально справедливым, выбрав *самые* жестокие времена и страны и добавив кое-какие цифры, касающиеся сегодняшнего положения дел в мире. Из главы 5 мы узнаем, что самыми жестокими столетиями за последние полтысячелетия европейской истории были XVII в. с его кровавыми религиозными войнами и XX-й, принесший две мировые войны. Историк Куинси Райт оценил уровень смертей в войнах XVII в. в 2% и долю погибших в боях первой половины XX в. в 3%⁵². Если добавить сюда последние четыре десятилетия XX в., доля будет еще ниже. Расчет, включающий американские военные потери, снижает общую цифру до менее чем 1%⁵³.

Сегодня, с опубликованием двух массивов количественных данных, которые я буду рассматривать в главе 5, исследования проблем войны проводятся с большей точностью. По самым скромным подсчетам, за весь XX в. в боях погибло около 40 млн человек⁵⁴. («Гибель в бою» относится к военнослужащим и гражданским лицам, убитым непосредственно в сражениях.) Если мы сопоставим

это количество с цифрой в 6 млрд человек, скончавшихся на протяжении XX в., и не будем принимать во внимание некоторые демографические тонкости, окажется, что только 0,7% населения Земли полегло на поле боя за эти 100 лет⁵⁵. Даже если мы утроим эту цифру или умножим ее на четыре, чтобы учесть не прямые смерти от вызванных войной голода и болезней, это все равно не сравняет разницу между государственными и догосударственными обществами. А если добавить смерти от геноцидов, чисток и других устроенных людьми бедствий? Мэттью Уайт, исследователь насилия, с которым мы познакомились в главе 1, считает, что на долю всех этих причин, вместе взятых, приходится около 180 млн смертей. И даже это повышает долю насильственных смертей в XX в. всего до 3%⁵⁶.

Теперь вернемся в настоящее. Согласно свежему выпуску статистического ежегодника *Statistical Abstract of the United States*, в 2005 г. скончалось 2 448 017 американцев. Этот год был одним из худших для страны по числу военных потерь за несколько десятилетий, потому что американские вооруженные силы участвовали в вооруженных конфликтах в Иране и Афганистане. Две войны, убившие 945 американских граждан, в сумме дают 0,004% (четыре тысячных процента) от общего количества смертей американцев за весь год⁵⁷. Даже если мы приплюсуем сюда 18 124 бытовых убийства, общая доля насильственных смертей не превысит 0,08% (восемь сотых процента). В других странах Запада эта цифра еще ниже. А во всем мире в 2005 г., по сообщениям Human Security Report Project, политическое насилие было непосредственной причиной 17 400 смертей (война, терроризм, геноцид, действия боевиков и военизированных группировок), что составляет

0,003% (три тысячных процента)⁵⁸. Это по самым скромным оценкам, включая только поддающиеся учету смерти, но, даже если мы умножим это число на 20, чтобы принять во внимание неучтенные гибели в бою и косвенные потери от голода и болезней, цифры все равно не достигнут даже 1%.

Итак, управляемые государства от догосударственных групп и племен отделяет гигантский провал на графике. Но мы сравнивали разрозненную коллекцию данных археологических раскопок, этнографических расчетов и современных оценок, причем некоторые из них подсчитаны, что называется, на коленке. Есть ли способ непосредственно сопоставить два информационных массива, один — с данными об охотниках-собираателях, другой — об оседлых цивилизациях, сравнивая людей, эпохи, методы с максимальной точностью? Экономисты Ричард Стекель и Джон Уоллис недавно изучили данные по 900 скелетам коренных американцев, найденным на пространстве от Южной Канады до Южной Америки, — все они умерли до прибытия Колумба⁵⁹. Стекель и Уоллис рассортировали их на охотников-собираателей и на жителей древних городов, последние принадлежали к цивилизациям Анд и Центральной Америки — инкам, ацтекам и майя. Доля останков охотников-собираателей с признаками смертельных травм составляла 13,4%, что близко к среднему по группе охотников-собираателей на рис. 2–2. Доля горожан с такими повреждениями равна 2,7%, что ближе к среднему значению для государств прошлых веков. Итак, принимая прочие факторы за константу, мы видим, что жизнь в цивилизованном обществе в пять раз снижает шанс пасть жертвой насилия.

Давайте попробуем оценить количество насилия другим способом, вычислив уровень убийств относительно доли живых, а не погибших людей. Эту статистику сложнее посчитать по захоронениям, зато легче по большинству других источников, потому что нам нужно только количество погибших и численность населения, а не перечень смертей из прочих источников. Количество насильственных смертей на 100 000 человек населения в год — стандартная оценка количества убийств, и в тексте книги я буду использовать ее как мерило насилия. Чтобы прочувствовать значение этих цифр, помните, что в самой безопасной точке человеческой истории — в Западной Европе на рубеже XXI в. — число бытовых убийств составляет 1 на 100 000 человек в год⁶⁰. Даже в самых миролюбивых обществах всегда найдутся молодые люди, ввязывающиеся в пьяные разборки, или старушки, подсыпающие мышьяк супругу в чай, так что это практически минимальный уровень, до которого может опуститься процент убийств. Среди современных стран Запада Соединенные Штаты находятся в опасной части списка по уровню убийств. В худшие 1970–1980-е гг. уровень убийств доходил до 10 на 100 000 человек, а в наиболее криминальных городах вроде Детройта поднимался до 45 на 100 000 человек в год⁶¹. Если вы живете в обществе с подобным уровнем убийств, вы будете замечать опасность и в обыденной жизни, а при уровне 100 убийств на 100 000 человек насилие коснется вас лично: предположим, у вас есть 100 родственников, друзей и близких знакомых, тогда в течение десяти лет один из них, вероятно, будет убит. Если рейтинг повысится до 1000 на 100 000 человек (1%), вы будете терять одного знакомого в год и сами имеете хороший шанс погибнуть от руки убийцы.

Рис. 2–3 показывает ежегодный уровень смертности в 27 догосударственных обществах (в том числе охотников-собирателей и охотников-земледельцев) и в девяти обществах под властью государства. Среднегодовой уровень смертности в войнах в догосударственных обществах составляет 524 на 100 000, или примерно полпроцента. В государстве ацтеков в Центральной Мексике — а эта империя воевала довольно часто — уровень был в два раза ниже⁶². Еще ниже в таблице располагаются данные по четырем государствам в столетия, ознаменовавшиеся наиболее разрушительными для них войнами. Франция XIX в. участвовала в революционных и Наполеоновских войнах, воевала с Россией и теряла в среднем 70 на 100 000 человек в год. XX в. был омрачен двумя мировыми войнами, повлекшими огромные потери для Германии, Японии и СССР/России, которая в том же веке пострадала от Гражданской и других войн. Ежегодная смертность в этих странах в XX в. равна 144, 27 и 135 на 100 000 человек в год соответственно⁶³. Соединенные Штаты в XX в. приобрели репутацию воинственной державы: страна сражалась в двух мировых войнах, а также на Филиппинах, в Корее, Вьетнаме и Ираке. Но ежегодные потери американцев были даже меньше, чем у других крупных государств в этом веке, примерно 3,7 на 100 000 человек⁶⁴. Даже если мы суммируем все смерти от организованного насилия по всему миру за весь век — войны, геноцид, чистки и искусственно созданный голод, мы получим уровень в 60 на 100 000 человек в год⁶⁵. Полоски, представляющие США и весь мир в 2005 г., такие тонкие, что почти незаметны на графике⁶⁶.

Так что и по этому критерию государства творят гораздо меньше насилия, чем племена и

традиционные общества. Современные страны Запада даже в те века, когда они переживали войны, несли в четыре раза меньше людских потерь по сравнению со средним уровнем в догосударственных обществах и в 10 раз меньше по сравнению с наиболее жестокими из них.

Пусть война и обычное дело для групп собирателей, но все же не повсеместное. Она и не должна быть таковой, если жестокие наклонности человека — стратегический ответ на внешние обстоятельства, а не автоматическая реакция на внутренние побуждения. По данным двух этнографических обзоров, от 65 до 70% племен охотников-собирателей воюют как минимум каждые два года, у 90% на долю каждого поколения выпадает как минимум однажды участвовать в военных действиях, и практически все остальные рассказывают о войнах, сохранившихся в культурной памяти⁶⁷. Значит, охотники-собиратели воюют часто, но способны избегать войн на протяжении длительных периодов времени. На рис. 2–3 упоминаются две народности, для которых характерен низкий уровень смертей в войнах: жители Андаманских островов и племя семай. Но и им есть о чем порассказать.

Документально подтвержденный ежегодный уровень смертности среди жителей Андаманских островов в Индийском океане составляет 20 на 100 000 человек, что гораздо ниже, чем в среднем по догосударственным обществам (более 500 на 100 000). Тем не менее они известны как одна из наиболее свирепых групп охотников-собирателей, живущих на земле. После землетрясения и цунами 2004 г. в

Индийском океане обеспокоенные наблюдатели полетели на острова на вертолетах и с облегчением увидели, что их там встретили градом стрел и копий — верный знак, что андаманцев не смыло гигантской волной. Два года спустя двое индийских рыбаков спьяну заснули в лодке, и их прибило к одному из островов. Рыбаков тут же прикончили, а вертолет, который послали забрать тела, обстреляли из луков⁶⁸.

Есть, конечно, и такие охотники-собиратели и охотники-земледельцы, как племя семаи — они *никогда* не были вовлечены в длительные межгрупповые убийства, которые можно назвать войной. «Антропологи мира» любили писать о них, поскольку считали, что именно такие племена типичны для эволюционной истории человека и что только более молодые и богатые сообщества земледельцев и пастухов прибегают к систематическому насилию. Эта гипотеза не касается напрямую вопросов, рассматриваемых в данной главе, ведь мы сравниваем не охотников-собирателей со всеми прочими, а людей, живущих в условиях анархии, с теми, кто живет под властью государства. И тем не менее есть основания оспорить гипотезу о безобидности охотников-собирателей. Из рис. 2–3 видно, что уровень военных потерь в их группах хоть и ниже, чем у земледельцев и племенных народов, но вполне с ними сопоставим. И как я уже упоминал, группы охотников-собирателей, которые мы наблюдаем сегодня, скорее всего, исторически нерепрезентативны. Мы обнаруживаем их в выжженных пустынях и на ледяных пустошах, где, кроме них, никто жить не хочет, и, возможно, они живут там именно потому, что научились не привлекать к себе внимания. Если кто-то действовал им на нервы, они предпочитали просто уйти в другое

место. Как сказал Ван дер Деннен, «большинство современных "мирных" собирателей... удовлетворили вековечное желание остаться в покое, выбирая одиночество, обрубая все контакты с другими людьми, убегая и прячась. Или же их заставляли подчиняться, завоевывали, умирняли силой»⁶⁹. Например, народность !кунг из пустыни Калахари, которых в 1960-х гг. перевозили как образец гармонии охотников-собирателей, в прошлом часто воевали с европейскими колонистами, с соседями банту и друг с другом, и на их счету числятся несколько массовых расправ⁷⁰.

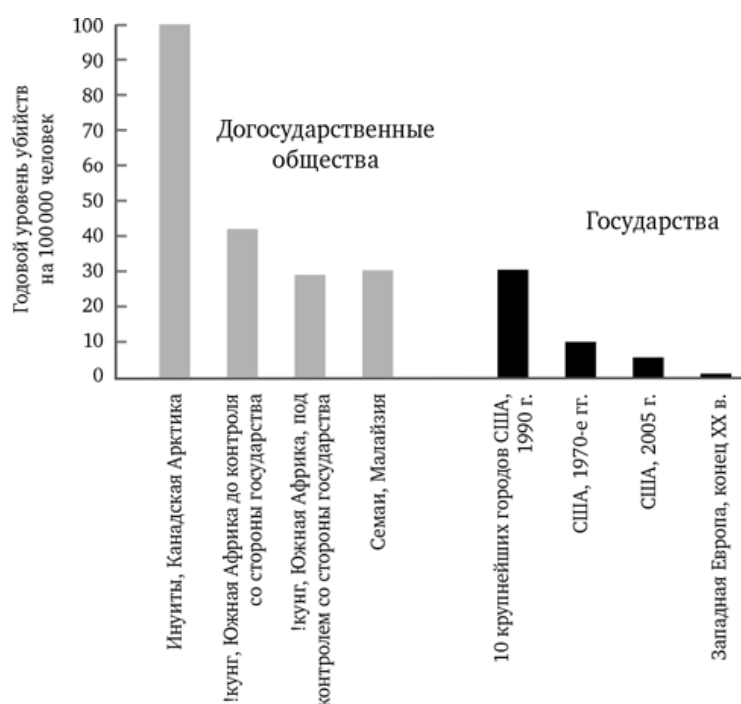
РИС. 2–3. Уровень военных потерь в государствах и догосударственных обществах

Источники: догосударственные: Хева и Гойлала: Gat, 2006; прочие: Keeley, 1996. Центральная Мексика, Германия, Россия, Франция, Япония: Keeley, 1996; см. прим. 62–63. США в XX в.: Leland & Oboroceanu, 2010; см. прим. 64. Весь мир в XX в.: White, 2011 см. прим. 65. Весь мир в 2005 г.: Human Security Report Project, 2008; см. прим. 57–58

Низкий уровень военных потерь в некоторых малочисленных сообществах может оказаться обманчивым и по другой причине. Хотя такие группы и избегают войн, они совершают убийства, уровень которых можно сравнить с уровнем убийств в современных государствах. На рис. 2–4 я расположил эти данные на шкале, масштаб которой в 15 раз больше, чем на рис. 2–3. Давайте начнем с нижней серой полосы в группе догосударственных обществ. Семаи — племя охотников-земледельцев, которым посвящена книга «Семаи: мирные люди Малайи» (The Semai: A Nonviolent People of Malaya). Они всячески стараются избегать применения силы, но число убийств у семаев мало потому, что самих семаев немного. Антрополог Брюс Науф, сделав расчеты, обнаружил, что уровень убийств в племени равен 30 случаям на 100 000 человек в год, что ставит семаев в один ряд с самыми опасными американскими городами в самые лихие годы, и в три раза выше уровня по США в целом в самые бурные десятилетия⁷¹. Аналогичным образом «сдулась» мирная репутация народа !кунг, исследуемого в книге «Безобидные люди» (The Harmless People), и инуитов (эскимосов) Центральной Арктики, которым посвящена книга «Никогда в гневе» (Never in Anger)⁷². Процент убийств у этих безобидных, не жестоких и не гневливых людей гораздо выше, чем у американцев и европейцев, а когда правительство Ботсваны взяло под контроль территории проживания !кунг, смертность в результате убийств снизилась на треть, как и предсказывает теория Левиафана⁷³.

Спад уровня убийств под властью государства настолько очевиден, что антропологи редко чувствуют необходимость подтверждать его цифрами. Различные

периоды мира и стабильности, *pace*, о которых читаешь в исторических книгах, — Римский, Исламский, Монгольский, Испанский, Оттоманский, Китайский, Британский, Австралийский (в Новой Гвинее), Канадский (на северо-западе Тихоокеанского побережья), Преторианский (в Южной Африке) — характеризуются снижением количества набегов, конфликтов и войн на территориях, взятых под контроль эффективным правительством⁷⁴.

РИС. 2–4. Уровень убийств в наименее жесточких догосударственных обществах в сравнении с государствами

Источники: !кунг и инуиты Центральной Арктики: Gat, 2006; Lee, 1982. Семаи: Knauff, 1987. 10 крупнейших городов США: Zimring, 2007, p. 140. США: FBI Uniform Crime Reports; см. прим. 73. Западная Европа (приблизительно): ВОЗ, см. прим. 66 к главе 3

Хотя имперские завоевания и методы правления сами по себе бывают жестокими, они действительно снижают системное насилие среди завоеванных народов. Процесс усмирения настолько всеобъемлющ, что антропологи часто расценивают его как методологическую помеху для исследований. По умолчанию считается, что народы, приведенные под юрисдикцию правительства, не будут проливать кровь с прежней частотой, потому их просто исключают из

исследований насилия в аборигенных обществах. Да и сами туземцы замечают этот эффект. Как сказал человек из племени аойяна, живущий в Новой Гвинее в условиях так называемого Австралийского мира, «жизнь стала лучше, когда пришло правительство», потому что «человек теперь может есть, не оглядываясь через плечо, и выйти утром облегчиться, не опасаясь, что его застрелят»⁷⁵.

Антропологи Карен Эриксен и Хизер Хортон дали количественную оценку закономерности, согласно которой наличие правительства может заставить общество отказаться от убийств, совершаемых из мести. Они сделали обзор 192 стандартных исследований и обнаружили, что в группах собирателей, не приведенных к миру колониальным или национальным правительством, люди мстят друг другу лично, а в племенных обществах прибегают к семейной кровной мести, особенно если им свойственна преувеличенная культура мужской чести⁷⁶. В обществах, подчиненных контролю централизованного правительства, и тех, где есть материальная база и схемы наследования, повышающие заинтересованность людей в социальной стабильности, возмездие осуществляется по решению суда или трибунала.

Есть грустная ирония в том, что, когда во второй половине XX в. колонии развивающегося мира освободились от европейского правления, многие из них снова начали интенсивно воевать, причем последствия усугублялись наличием современного оружия, организованных военных формирований и групп молодежи, не желающей подчиняться старейшинам племен⁷⁷. Как мы увидим в следующей главе, эти перемены направлены в сторону,

противоположную общеисторическому спаду насилия, но и они иллюстрируют роль Левиафана как движущей силы этого спада.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ НЕДОСТАТКИ

Так что же, Гоббс все понял правильно? Отчасти да. Природе человека свойственны три основных причины для конфликта: нажива (хищнические нападения), безопасность (упреждающие нападения) и честь (нападение с целью отомстить). И цифры подтверждают, что в целом, «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной», испытывая «вечный страх и постоянную опасность насильственной смерти».[18].

Но из своего кресла в Англии XVII в. Гоббс не мог увидеть картину целиком. Люди в догосударственных обществах тесно взаимодействуют с родственниками и союзниками, так что жизнь их не одинока, да и «жестока, беспросветна и тупа» она не всегда. Даже если они воюют каждые несколько лет, им хватает времени для собирательства, пиров, песен, рассказывания историй, воспитания детей, заботы о больных и для прочих обязанностей и удовольствий жизни. В черновом варианте моей предыдущей книги я мимоходом охарактеризовал яномамо как «свирепый народ», ссылаясь на название известной книги антрополога Наполеона Шаньона. Коллега-антрополог, читавший рукопись, написал на полях: «И дети свирепы? И старые женщины? И едят они тоже свирепы?»

Их жизнь нельзя однозначно назвать «бедной». Конечно, в догосударственных обществах нет

«удобных зданий и средств передвижения, там ничего не знают о том, как выглядит наша планета, об исчислении времени, о ремеслах и литературе», потому что все это сложно изобрести, если воины из соседней деревни постоянно будят вас ядовитыми стрелами, крадут ваших женщин и сжигают хижины. Но и первые люди, отказавшиеся от охоты и собирательства ради оседлой жизни и сельского хозяйства, выбрали сомнительную сделку. Проводить дни за плугом, питаясь крахмалистыми зерновыми, и жить бок о бок со скотом и тысячами других людей опасно для здоровья. Изучение Стекелем и его коллегами скелетов показывает, что по сравнению с охотниками-собирателями обитатели первых городов были анемичными, болезненными, с больными зубами и к тому же на шесть с лишним сантиметров ниже⁷⁸. Некоторые исследователи Библии считают, что история о потерянном рае — это культурная память о переходе от собирательства к сельскому хозяйству: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой»⁷⁹.

Почему же наши предки-собиратели покинули рай? Для многих просто не было выбора: число их увеличилось, и они попали в мальтузианскую ловушку — дикорастущие плоды земли больше не могли накормить людей, им пришлось самим выращивать себе пищу. Государства возникли позже, и собиратели, жившие у их границ, могли либо стать их частью, либо придерживаться прежнего образа жизни. Для тех, у кого был выбор, Эдем мог быть слишком опасным. Несколько больных зубов, абсцесс время от времени и шесть сантиметров роста были небольшой ценой за повышение в пять раз шансов избежать смерти от копья⁸⁰.

Повышенная вероятность естественной смерти потребовала и другой оплаты: как писал римский историк Тацит, «раньше мы страдали от преступлений; теперь мы страдаем от законов». Библейские истории, которые мы перечитывали в главе 1, рассказывают, что первые короли держали подчиненных в страхе с помощью тоталитарных идеологий и жестоких наказаний. Только подумайте о могущественном божете, следящем за каждым шагом человека, об обыденной жизни, регулируемой произвольными законами, о побивании камнями за богохульство и неверность, о праве царей забирать женщин в свой гарем или рубить младенцев пополам, о распятии воров и вероучителей. В этих подробностях Библия не грешит против истины. Социологи, изучающие возникновение государств, заметили, что на заре становления все они были стратифицированными теократиями, в которых элиты охраняли свои экономические привилегии, жестоко принуждая подданных к миру⁸¹.

Трое ученых проанализировали большую выборку культур, чтобы количественно оценить корреляцию между политической сложностью ранних обществ и их опорой на абсолютизм и жестокость⁸². Археолог Кит Оттербейн показал, что в обществах, которым свойственна большая централизация власти, женщин во время войн чаще убивают (а не умыкают), чаще держат рабов и совершают человеческие жертвоприношения. Социолог Стивен Спитцер показал, что сложные общества чаще склонны криминализировать действия, не приводящие к жертвам, вроде религиозного отступничества, сексуальных отклонений, супружеской неверности или колдовства, и наказывать нарушителей пытками, увечьем, обращением в рабство и казнями. Историк и

антрополог Лора Бетциг показала, что сложные общества чаще подпадают под управление деспотов, которые гарантированно побеждают в любом споре, имеют право безнаказанно убивать и собирать огромные гаремы. Она обнаружила, что такой деспотизм возникал у вавилонян, израильтян, римлян, самоанцев, фиджийцев, кхмеров, ацтеков, инков, натчез, а также у ашанти и других народов Африки.

Что касается насилия, первые левиафаны решили одну проблему, но создали другую. Теперь люди реже становились жертвами убийств или войн, но зато стонали под пятой тиранов, жрецов и клептократов. В этом темная сторона «усмирения»: не только установление мира, но и полный контроль насильственной власти. Этой второй проблеме пришлось ждать своего решения еще несколько тысячелетий, а во многих частях мира она не решена до сих пор.

Глава 3

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

В целом наша цивилизация основана на
подавлении инстинктов.

ЗИГМУНД ФРЕЙД

С тех пор как я научился пользоваться приборами, я мучился с соблюдением одного из правил застольного этикета: нельзя набирать пищу на вилку, помогая себе ножом. Я, конечно, могу подцепить достаточно крупные куски — те, что не разваливаются, когда вонзаешь в них зубцы. Но мощности моего мозжечка не хватает, чтобы справиться с мелкими кубиками или скользкими шариками, которые скачут по тарелке, стоит только их коснуться. И я гоняю еду по кругу в отчаянных попытках найти удобный край или уклон и подцепить упрямую горошину, надеясь, что ее скорость не разовьется до второй космической и она не выскочит на скатерть. Порой я старался улучшить момент, когда мой сосед по столу отвлечется, и потихоньку помогал себе ножом в надежде, что меня не поймают на этой оплошности. Все что угодно, лишь бы избежать славы неотесанного невежи, который использует нож не только для того, чтобы резать. «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю», — говорил Архимед. Но если бы он соблюдал правила столового этикета, то не смог бы сдвинуть и горошину с помощью ножа!

Помню, в детстве я пытался понять причину этого бессмысленного запрета. Что такого ужасного

случится, спрашивал я, если использовать столовые приборы эффективно и при этом гигиенично? Это же не картофельное пюре руками есть! Но, как и все дети, я проигрывал спор, слыша: «Потому что я так сказала», и десятилетиями ворчал про себя, возмущаясь бессмысленностью принятых правил. Но однажды, когда я собирал материал для этой книги, шторы упали с моих глаз, туман рассеялся и я навсегда перестал возмущаться правилом «без ножа». Этим прозрением я обязан величайшему мыслителю из тех, о которых вы никогда не слышали, — Норберту Элиасу (1897–1990).

Элиас родился в Германии, в Бреслау (сейчас Вроцлав, Польша), и изучал социологию и историю науки¹. Он бежал из Германии в 1933 г., потому что был евреем, попал в британский лагерь для интернированных лиц в 1940-м, потому что был немцем, и потерял обоих родителей в Холокосте. В довершение этих трагедий нацизм устроил ему еще одну: его главный труд, «О процессе цивилизации» (*Über den Prozeß der Zivilisation*), был опубликован в Германии в 1939 г. — в то время, когда сама эта идея казалась плохой шуткой. Элиас скитался по университетам, преподавал в вечерней школе, переучился на психотерапевта и, наконец, нашел место в Лестерском университете в Англии. О нем заговорили лишь в 1969-м, когда книга «О процессе цивилизации» была издана в английском переводе, а признание в научных кругах пришло к Элиасу в последнее десятилетие жизни, когда получил известность один удивительный факт. Это открытие касалось не застольного этикета, а истории убийств.

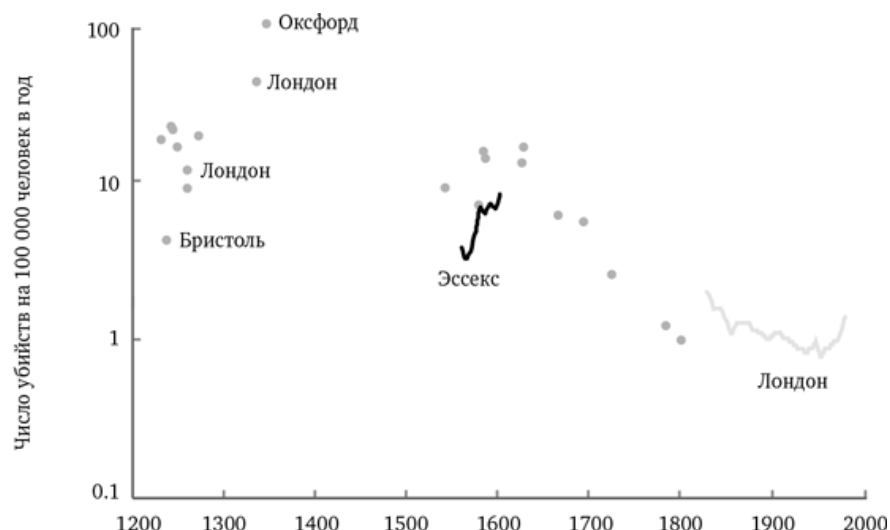

РИС. 3-1. Уровень убийств в Англии, 1200–2000 гг.: по оценке Гарра (1981)

Источник: Gurr, 1981, pp. 303–304, 313

В 1981 г. политолог Тед Роберт Гарр, изучив материалы судебных архивов, вычислил показатели уровня убийств в 30 разных временных точках британской истории, сравнил их с современными данными по Лондону и представил все на графике². Я воспроизвожу этот график на рис. 3-1, используя логарифмическую шкалу, в которой для единиц, десятков, сотен и тысяч отводятся вертикальные отрезки равной длины. Показатели подсчитаны так же, как в главе 2, то есть по числу убийств на 100 000 человек в год. Без логарифмической шкалы здесь не обойтись, поскольку уровень убийств снизился весьма резко. На рисунке видно, что с XIII по XX в. число убийств в различных районах Англии уменьшилось в 10, 50, а иногда и в 100 раз, например с 110 на 100 000 человек в Оксфорде XIV в. до менее чем одного случая на то же количество жителей в Лондоне середины XX в.

График поразил всех, кто его видел (и меня тоже — как я упоминал в предисловии, именно из этого зерна выросла книга, которую вы читаете). Это открытие разрушало все стереотипы об идиллическом прошлом и порочной современности. Когда я изучал

восприятие насилия с помощью интернет-опросника, выяснилось, что люди думают, что в Англии XX в. насилия было на 14% больше, чем в Англии XIV в., хотя на самом деле его стало на 95% меньше³.

Эта глава посвящена сокращению числа убийств в Европе со Средних веков до наших дней, а также примерам и контрпримерам из других мест и времен. Я позаимствовал название главы у Элиаса, потому что он — единственный из крупных социальных мыслителей, кто выдвинул теорию, способную объяснить этот феномен.

СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА УБИЙСТВ В ЕВРОПЕ

Прежде чем мы попытаемся объяснить это удивительное достижение, давайте убедимся в его реальности. После публикации графика Гарра историки-криминологи копнули историю убийств глубже⁴. Основываясь на архивах местных органов управления, судебных записях и материалах коронерских расследований, криминолог Мануэль Эйснер собрал обширную базу данных по убийствам в Англии за несколько столетий⁵. Каждая точка на рис. 3–2 — это показатель по какому-либо городу или судебному округу, размещенный на логарифмической шкале. К началу XIX в. британское правительство вело ежегодную статистику убийств в стране — эти данные отображены на графике серой линией. Историк Дж. С. Кокберн скомпилировал непрерывные данные по Кенту за период с 1560 по 1985 г. — Эйснер нанес их поверх собственных данных в виде линии черного цвета⁶.

И снова мы наблюдаем снижение годового показателя убийств, и не маленькое: с 4–100 на 100

000 в Средние века до 0,8 на то же количество людей в 1950-х. При этом высокий уровень насильственных смертей в Средневековье нельзя отнести на счет социальных потрясений, последовавших за «черной смертью» — эпидемией чумы 1346–1353 гг., судя по данным предшествовавших лет.

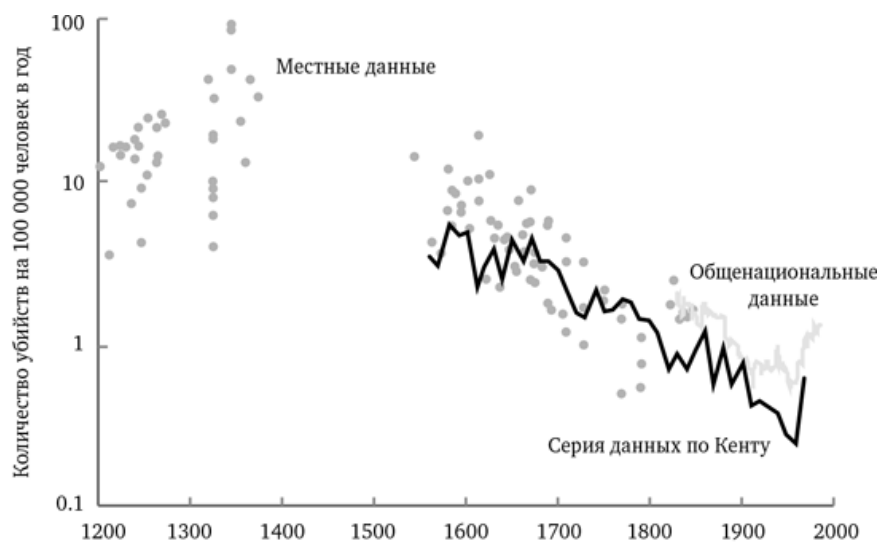

РИС. 3–2. Уровень убийств в Англии, 1200–2000 гг.

Источник: Eisner, 2003, table 1

Эйснер серьезно раздумывал над тем, насколько мы можем доверять этим данным. Исследователи насилия выбирают в качестве критерия именно убийства, поскольку независимо от того, что в той или иной культуре считается преступлением, от мертвого тела так просто не отмахнешься: люди всегда стремятся узнать, кто или что стало причиной смерти. Поэтому отчеты об убийствах — более надежный показатель уровня насилия, чем записи о грабежах, изнасилованиях или драках, и обычно (хоть и не всегда) эти показатели друг с другом коррелируют⁷.

И все же имеет смысл поинтересоваться, как люди различных эпох реагировали на убийства. Были ли они склонны, как и мы, отличать умышленное убийство от случайного, наказывали виновного или просто смирялись со случившимся? Убивали ли люди

предшествующих эпох так же часто, как грабили, насильствовали и дрались? Удавалось ли им спасать жертв нападения, тем самым не давая им превратиться в жертв убийства?

К счастью, на эти вопросы есть ответы. Эйснер цитирует исследования, показывающие, что, когда сегодня людям описывают обстоятельства убийства столетней давности и спрашивают, было ли убийство умышленным, они обычно приходят к тому же заключению, что и современники преступления. Эйснер показал, что уровень убийств в конкретный исторический период, как правило, действительно коррелирует с уровнем других насильственных преступлений. Он заметил, что любой прогресс в криминалистике, любое расширение системы уголовного правосудия приводит к *недооценке* степени сокращения числа убийств, потому что процент пойманных и осужденных убийц возрастает. Что касается медицинской помощи, врачи до XX в. были коновалами, которые убивали столько же пациентов, сколько излечивали. Тем не менее максимальный спад числа убийств наблюдается между 1300 и 1900 гг.⁸ В любом случае статистические шумы, приносящие социологам столько головной боли при оценке изменений в 50% или в 25%, не такая большая проблема, когда речь идет о разнице в 10 или 50 раз.

Но может быть, англичане, постепенно отказываясь от убийств, отличались этим от других народов Европы? Эйснер изучил доступные данные. Рис. 3–3 показывает, что разница невелика. Скандинавам потребовалась еще пара столетий, чтобы перестать убивать друг друга, а итальянцы всерьез не озаботились этим вопросом до XIX в. Но к началу XX в. годовой уровень убийств в каждой

западноевропейской стране превратился в тонкую линию, болтавшуюся около отметки 1 на 100 000 человек.

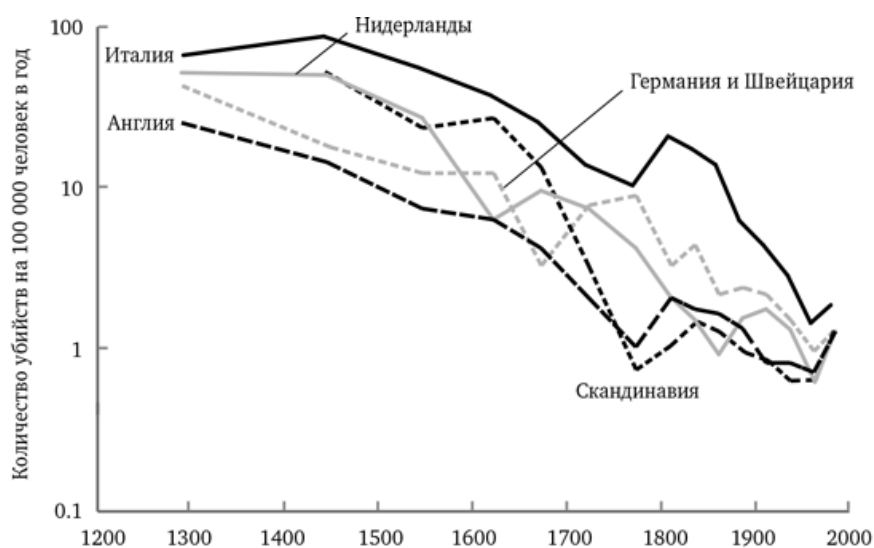

РИС. 3–3. Уровень убийств в пяти западноевропейских регионах, 1300–2000 гг.

Источник: Eisner, 2003, table 1

Чтобы объективно оценить спад насилия в Европе, давайте сравним его с уровнем догосударственных обществ, с которыми мы познакомились во 2-й главе. На рис. 3–4 мне, чтобы вместить данные, пришлось продлить вертикальный луч логарифмической шкалы до тысяч. Даже во времена позднего Средневековья нравы жителей Западной Европы были не так жестоки, как в неусмирённых догосударственных обществах вроде инуитов, находясь ближе к частично оседлым племенам-собираателям семаев и !кунг. Начиная с XIV в. уровень убийств в Европе стабильно снижался, слегка подскочив лишь в последней трети XX столетия.

Пока Европа в целом становилась менее кровавой, некоторые характеристики убийств оставались неизменными². Мужчины несли ответственность почти за 92% всех убийств (кроме убийств младенцев) и чаще всего убивали в возрасте от 20 до 30 лет. До 1960-х гг. города были в основном

безопаснее деревень. Но некоторые паттерны изменились. Раньше убийства с одинаковой частотой случались как в высшем обществе, так и среди представителей низших классов. Когда уровень убийств упал, он гораздо сильнее снизился в высших социальных классах — к этому важному изменению мы еще вернемся¹⁰.

РИС. 3–4. Уровень убийств в Западной Европе (1300–2000 гг.) и в догосударственных обществах

Источники: Догосударственные (геометрическое среднее по 26 обществам, за исключением племен семаи, !кунг и инуитов): см. рис. 2–3. Европа: Eisner, 2003, table 1; геометрическое среднее по пяти регионам; недостающие данные интерполированы

Стоит еще отметить, что уровень убийств посторонних людей снижался гораздо быстрее, чем число убийств детей, супругов, родителей, братьев и сестер. Этот общий паттерн статистики убийств иногда называют законом Веркко: уровень насилия в конфликтах между мужчинами везде и всегда варьирует сильнее, чем уровень домашнего насилия в отношении женщин или родни¹¹. Мартин Дэйли и Марго Уилсон считают, что родственники везде и всегда действуют друг другу на нервы с одинаковой силой, поскольку в этом случае конфликты интересов имеют куда более глубокие корни из-за частичного совпадения генов. А вот агрессивность в мужской среде, напротив, подогревается борьбой за доминирование, которая чувствительна к

воздействию обстоятельств. Уровень агрессивности, необходимый мужчине, чтобы отстоять свое место в неофициальной иерархии, зависит от того, как он оценивает агрессивность других мужчин: это обстоятельство запускает циклы жестокости или миролюбия, которые могут резко повышать или понижать уровень насилия. Психологию родства я буду исследовать детально в главе 7, а психологию доминирования — в главе 8.

ПРИЧИНЫ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛА УБИЙСТВ В ЕВРОПЕ

Давайте обсудим последствия многовекового снижения числа насильственных смертей в Европе. Считаете ли вы, что города с их анонимностью, скученностью, иммигрантами, смешением культур и классов — питательная почва для насилия? А что вы думаете о разрушительных социальных изменениях, принесенных капитализмом и индустриальной революцией? Может, вы убеждены, что жизнь в тихом местечке, замешанная на вере, традициях и страхе Божьем, защитит от убийств и разгула насилия? Что ж, подумайте еще раз. По мере того как Европа становилась все более городской, космополитичной, торговой, промышленной, индустриальной и светской, жизнь становилась безопаснее и безопаснее. И это возвращает нас к идеям Норберта Элиаса, к единственной теории, выдержавшей проверку фактами.

Элиас вывел теорию процесса цивилизации не из количественных данных, которых в его время было недостаточно, но исследуя бытовой уклад средневековой Европы. К примеру, он изучил серию

иллюстраций к немецкому манускрипту XV в., известному как «Средневековая домовая книга» (Das Mittelalterliche Hausbuch), — картинам обычной жизни, увиденным глазами рыцаря¹².

На фрагменте иллюстрации, воспроизведенном на рис. 3–5, крестьянин потрошит лошадь, а в это время свинья обнюхивает его обнажившиеся ягодицы. Рядом, в пещере, сидит пара, закованная в колодки. Чуть выше человека ведут на виселицу, на которой уже болтается один труп, а рядом вороны терзают тело жертвы колесования. Колесо и виселица — не центральный элемент рисунка, это просто часть ландшафта, такая же, как деревья или холмы.

РИС. 3–5. Фрагмент иллюстрации «Сатурн» (*Mittelalterliches Hausbuch*, 1475–1480)

Источник: Elias, 1939/2000, appendix. 2; см. Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988

Рис. 3–6 — это фрагмент другой иллюстрации, изображающей нападение рыцарей на деревню. В нижнем левом углу солдат вонзает нож в крестьянина; выше — другой солдат схватил селянина за подол рубахи; рядом, воздев руки, кричит женщина. Внизу справа — сцена убийства и грабежа в часовне, рядом рыцарь дубасит связанного мужчину. Вверху всадники поджигают ферму, а один из них угоняет скот и замахивается на жену крестьянина.

РИС. 3–6. Фрагмент иллюстрации «Марс» (*Mittelalterliches Hausbuch*, 1475–1480)

Источник: Elias, 1939/2000, appendix 2; см. Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988

Сегодня мы назвали бы рыцарей феодальной Европы полевыми командирами. Государственный аппарат был слаб, король считался всего лишь первым среди равных, постоянной армии не имел и страну практически не контролировал. Управление было отдано на откуп баронам, рыцарям и другим аристократам, владельцам феодальных вотчин. Они взыскивали оброк с крестьян, живших на их территории, и набирали из них свое войско. Рыцари разоряли соседские владения, следуя гоббсовской логике захватнических набегов, упреждающих атак и мести, и, как демонстрируют иллюстрации к «Средневековой домово́й книге», убивали не только друг друга. Историк Барбара Такман в книге «Загадка XIV века» (*A Distant Mirror: The Calamitous 14th*

Century) рассказывает, как они добывали средства к существованию:

Подобные локальные войны велись рыцарями с неистовым жаром и имели целью уничтожить врага или, как минимум, истребить как можно больше его крестьян и уничтожить поля, виноградники и сельскохозяйственные постройки с тем, чтобы уменьшить его доходы. В результате главной жертвой подобных войн становились крестьяне¹³.

Как я уже писал в главе 1, чтобы сдерживание было убедительным, рыцари участвовали в кровавых турнирах и прочих демонстрациях мужской доблести, прикрываясь словами «честь», «отвага», «рыцарство», «слава» и «галантность», что заставило потомков позабыть, какими кровожадными мародерами они были.

Междоусобные войны и турниры — привычный фон жизни в Средние века, жизни, жестокой и в других отношениях. Религиозные ценности насаждались при помощи символов кровавого распятия, страха вечных мук и сладострастных описаний страданий святых. Ремесленники совершенствовали свое умение, создавая садистские механизмы для казней и экзекуций. Разбойничьи шайки угрожали жизни и здоровью путешественников, а похищения ради выкупа были выгодным бизнесом. Как заметил Элиас, «простые люди — шляпники, портные и пастухи — тоже, не раздумывая, пускали в ход ножи»¹⁴. Даже священнослужители от них не отставали. Историк Барбара Ханауолт цитирует запись, сделанную в XIV в. в Англии:

Случилось в Ильвертофте в субботу, накануне Дня святого Мартина, в пятый год правления короля Эдуарда, что некто Уильям из Веллингтона, священник из Ильвертофта, послал своего причетника Джона в дом Джона Кобблера взять свечей на один пенни. Но Джон отказался отпускать товар в долг, и Уильям разъярился, выбил дверь и так треснул Джона в лоб, что мозги у того вылетели и он умер тотчас¹⁵.

Насилие пронизывало и развлечения. Барбара Такман описывает два популярных в те дни вида спорта: «Игроки со связанными за спиной руками пытались убить кота, привязанного к столбу, нанося ему удары головой, подставляя когтям отчаявшегося животного лицо и глаза... Или же мужчины с дубинками гоняли свинью в закрытом загоне и под смех зевак перепасовывали визжащее животное друг другу, пока не забивали его до смерти»¹⁶.

За десятилетия научной карьеры я прочел тысячи работ на самые разные темы, от грамматики неправильных глаголов до физики множественных вселенных. Но самой странной прочитанной мной журнальной статьей была «Потерять лицо, сохранить лицо: носы и честь в городах позднего Средневековья»¹⁷. В ней историк Валентин Грѐбнер приводит десятки записей о том, как людям в средневековой Европе отрезали носы. Иногда таким образом власти карали ересь, измену, проституцию или содомию, но гораздо чаще это была личная месть. В 1520 г. в Нюрнберге Ганс Ригель завел интрижку с женой Ганса фон Эйба. Ревнивец фон Эйб отрезал нос ни в чем не повинной жене Ригеля — невероятная несправедливость, усугубленная тем, что Ригелю присудили четыре недели тюрьмы за прелюбодеяние, в то время как фон Эйб остался безнаказанным. Подобные увечья были настолько обычным делом, что, как пишет Грѐбнер,

авторы пособий по хирургии времен позднего Средневековья уделяли особое внимание повреждениям носа, обсуждая, может ли отрезанный нос вновь отрасти, — противоречивый вопрос, на который французский королевский лекарь Анри де Мондевил в своей знаменитой книге «Хирургия» ответил категорическим «нет». Другие медицинские авторитеты XV в. были более оптимистичны: фармакопоя Хенриха фон Пфорспундта в 1460 г. обещала, кроме всего прочего, рецепт «нового носа» для тех, кто лишился собственного¹⁸.

Этот обычай отразился в странной английской идиоме «to cut off your nose to spite your face» (буквально: «отрезать себе нос, чтобы досадить лицу»). В те времена отрезание носа было типичным актом мести.

Как и другие исследователи Средневековья, Элиас был потрясен описаниями поведения людей того времени — в наших глазах они выглядят необузданными и импульсивными, почти как дети:

Не то чтобы люди вечно слонялись с угрожающим видом, нахмуренными бровями и воинственной миной на лице... Напротив, еще мгновение назад они шутили, но сейчас — слово за слово — подначивают друг друга и внезапно от смеха переходят к яростной ссоре. Многое из того, что кажется нам непонятым и противоречивым: сила их набожности, дикая боязнь ада, их чувство вины, их раскаяние, вспышки радости и веселья, внезапные припадки ненависти, неконтролируемая агрессивность — все это, как и быстрая смена настроения, на самом деле черты одной и той же структуры эмоциональной жизни. Порывам и эмоциям они давали больше воли, они были более свободными, прямыми, открытыми, чем в последующие времена. Это только нам, чьи чувства и их проявления приглушены, умерены и просчитаны, нам, в ком социальные табу глубоко вплетены в самую ткань психики с целью самоограничения и экономии энергии, открытая сила их набожности, агрессивности и жестокости кажется противоречивой¹⁹.

Такман тоже пишет о «детскости, заметной в средневековом поведении, и явной неспособности сдерживать какие бы то ни было импульсы»²⁰. Дороти Сэйерс в предисловии к своему переводу «Песни о Роланде» добавляет: «Идея, что сильный мужчина должен реагировать на личные драмы и общенациональные потрясения, едва заметно сжав губы и молча швырнув сигарету в камин, появилась совсем недавно»²¹.

И хотя детскость людей Средневековья, возможно, преувеличена, нормы эмоциональной экспрессивности действительно меняются со

временем. Элиас посвятил значительную часть книги «О процессе цивилизации» описанию этого перехода, опираясь на необычный источник: руководства по этикету. Сегодня мы думаем о книгах, подобных «Ежедневному этикету» Эми Вандербильд (Amy Vanderbilt's Everyday Etiquette) или «Руководству к безусловно правильному поведению» мисс Мэннерс (Miss Manners' Guide to Excruciatingly Correct Behavior), как о собрании полезных советов, помогающих избежать неловких ситуаций в обществе. Но в прошлом они считались серьезным нравственным руководством, их составляли лучшие умы своего времени. В 1530 г. великий ученый Эразм Роттердамский, один из столпов современной философии, написал труд по этикету, названный «О приличии детских нравов» (De civilitate morum puerilium), и на протяжении двух столетий книга оставалась общеевропейским бестселлером. Рассказывая, как не следует вести себя, это руководство дает нам представление о том, как люди себя, по всей видимости, вели.

Честно говоря, люди Средних веков были довольно-таки скотоподобны. Многие советы в книгах по этикету касаются удаления телесных выделений:

Не загрязняйте мочой и другими выделениями лестницы, коридоры, чуланы и гобелены. Не облегчайтесь на глазах у дам, у дверей или окон. Не елозьте на стуле, словно пытаетесь выпустить газы. Не суйте руки в штаны, чтобы почесать интимные места. Не приветствуйте человека, пока он мочится или испражняется. Не выпускайте газы шумно. Собравшись испражняться, не разоблачайтесь и не одевайтесь в присутствии других людей. Если на постоялом дворе вы делите с кем-нибудь кровать, не ложитесь к нему вплотную и не просовывайте свои ноги меж его ног. Если вы найдете нечто отвратительное на простынях, не поворачивайтесь к своему компаньону, не обвиняйте его и не предлагайте ему понюхать: «Хотел бы я знать, сильно ли это воняет».

Далее объясняется, как следует правильно очищать нос:

Не сморкайтесь в скатерть, в ладонь, рукав или шляпу. Не предлагайте использованный платок кому-нибудь еще. Не держите носовой платок во рту. Неприлично разворачивать использованный платок и пялиться в него, как будто из вашего носа могли вывалиться жемчуга и рубины²².

Затем подробно рассказывается, как правильно плевать:

Не плюйте в тазик, в котором моете руки. Не плюйте так далеко, что вам приходится потом смотреть, куда поставить ногу. Отворачивайтесь, когда плюете, чтобы не попасть в кого-нибудь. Если на землю упадут гнойные выделения, их следует втоптать, чтобы не вызвать у других отвращения²³. Если вы заметили у кого-нибудь на одежде слюну, говорить об этом невежливо.

А уж сколько советов относительно поведения за столом обнаруживал читатель в этой книге:

Не лезьте в блюдо поперед всех. Не набрасывайтесь на еду как свинья, хрюкая и чавкая. Не поворачивайте общее блюдо так, чтобы самый большой кусок мяса оказался ближе к вам. Не заглатывайте пищу так поспешно, словно вас вот-вот сволокут в тюрьму, не запикивайте в рот столько, чтобы щеки ваши раздулись, как кузнечные мехи, не чавкайте, как свиньи. Не макайте пальцы в соус на общем блюде. Не берите пищу с общего блюда ложкой, с которой вы уже ели. Не кладите обглоданную кость на общее блюдо. Не вытирайте столовые приборы скатертью. Не вытаскивайте пищу изо рта и не кладите ее на тарелку. Не предлагайте другим надкушенный кусок. Не облизывайте пальцы, не вытирайте их о хлеб или об одежду. Не наклоняйтесь, чтобы выпить суп из тарелки. Не выплевывайте кости, раковины, скорлупу или кожуру в ладонь и не бросайте их на пол. Не ковыряйтесь в носу за столом. Не пейте из тарелки, используйте ложку. Не прихлебывайте с ложки. Сидя за столом, не расстегивайте ремень. Не вытирайте тарелку пальцами. Не размешивайте пальцами соус. Не подносите мясо к носу, чтобы понюхать. Не пейте кофе с блюдца.

У современного читателя этот набор советов вызывает предсказуемую реакцию: какими же бесцеремонными, некультурными, вульгарными и недоразвитыми были люди в те времена! Это скорее подсказки родителей трехлетнему малышу, а не советы великого философа образованным читателям.

Но, как подчеркивает Элиас, привычка к утонченности, самоконтролю и предупредительности, которая для нас является второй натурой, не упала с неба. Всему этому надо было еще научиться — вот почему мы называем ее *второй* натурой, и в Европе она развивалась на протяжении всей ее современной истории.

Само количество приведенных советов рисует интересную картину. Три с лишним дюжины правил связаны друг с другом и касаются всего нескольких тем. Сегодня нас вряд ли нужно учить каждому правилу по отдельности, как будто, если чья-то мать вдруг что-нибудь упустит, ее выросший сын так и будет сморкаться в скатерть. Упомянутые правила (и множество неупомянутых) выводятся из нескольких принципов: контролируй свои желания, сдерживай позывы, учитывай чувства окружающих, не веди себя как мужлан, дистанцируйся от своей животной природы. И наказание за эти нарушения предполагалось внутреннее — чувство стыда. Элиас заметил, что в книгах по этикету редко упоминаются здоровье или соображения гигиены. Сегодня мы знаем, что отвращение родилось как бессознательная защита от биологического заражения²⁴, но представление о микробах и инфекциях появилось только в XIX столетии. Единственное логическое обоснование, указанное в книгах по этикету: не веди себя как крестьянин, как животное, не оскорбляй окружающих.

В средневековой Европе куда менее, чем сейчас, скрывалась сексуальная активность. Люди чаще обнажались публично, и пары не слишком-то старались сделать свою близость интимной. Проститутки открыто предлагали свои услуги; во

многих английских городах районы красных фонарей назывались «Аллея Пощупай под юбкой». Мужчины обсуждали свои сексуальные похождения в присутствии собственных детей, а внебрачные отпрыски воспитывались вместе с законными. При переходе к современности подобная откровенность стала считаться грубой, а позже и неприемлемой.

Эти новшества оставили следы и в языке. Слова, обозначающие крестьян, обрели второе значение, указывая на низость: «мужичье», «чернь», «деревенщина», «холоп», «плебей» (как противоположность аристократу). Многие слова, связанные с физиологическими актами и субстанциями, стали табуированными: прежде англичане ругались, апеллируя к сверхъестественным сущностям: «О Боже!» или «Господи Иисусе!». В начале новой эры ругательными стали слова, связанные с сексуальной сферой или телесными выделениями, и «англосаксонские слова из четырех букв», как их называют сегодня, уже нельзя было упоминать в приличном обществе²⁵. Как заметил историк Джеффри Хьюз, «дни, когда одуванчик можно было называть pissabed[19], цаплю — shitecrow, а пустельгу — windfucker, прошли вместе с временами гордо выставленных напоказ гульфиков»²⁶. Слова «ублюдок», «задница» и «шлюха» также превратились из общеупотребительных в табуированные.

Когда новый этикет укоренился, он коснулся и инструментов насилия, особенно ножей. В Средние века люди обычно носили с собой нож и пользовались им за обеденным столом, чтобы отрезать кусок мяса от жареной туши, подцепить его и поднести ко рту. Но доступ к оружию в большой компании и мелькание ножа у вашего лица постепенно начали

восприниматься неодобрительно. Элиас цитирует несколько правил этикета, касающихся использования ножей:

Не ковыряйте ножом в зубах. Не держите нож в руке все время, но беритесь за него лишь при необходимости. Не ешьте с ножа. Не режьте хлеб, ломайте его. Если передаете нож кому-либо, подавайте рукояткой вперед. Не сжимайте нож всей ладонью, как палку, держите пальцами. Не указывайте на человека ножом.

Именно тогда вилка вошла в повседневный обиход, и людям больше не нужно было есть с ножа. Стол сервировали особыми ножами, чтобы не приходилось обнажать свои, и концы столовых ножей были не острыми, а закругленными. Некоторые блюда никогда не резали ножом: рыбу, круглые объекты и хлеб — вспомните выражение «преломить хлеб».

Кое-какие средневековые запреты на ножи дожили до настоящего времени. Считается, что дарить нож — плохая примета, и потому к нему прилагают монетку, которую одариваемый возвращает, чтобы свести все к продаже. Считается, что так делают, дабы не «разрезать узы дружбы», но, скорее всего, — чтобы даже символически не направлять нож на друга. Похожее предубеждение гласит, что передавать нож за столом — плохая примета: лучше положить его на скатерть и позволить соседу взять нож самостоятельно. Концы столовых ножей всегда делают закругленными, лезвия затачивают не острее, чем необходимо: ножи для стейков подаются только вместе с мясом, а к рыбе приносят тупые ножи. Использовать нож можно только при крайней необходимости, когда без него не обойтись. Плохой тон — есть пирог ножом, подносить им пищу ко рту, смешивать ингредиенты («размешивая ножом, взбалтываешь вражду»), также нельзя ножом сгребать еду на вилку.

Так вот оно что!

Итак, теория Элиаса приписывает спад насилия в Европе важным психологическим изменениям (подзаголовок его книги — «Социогенетические и психогенетические исследования»). Он предположил, что на протяжении нескольких столетий, с XI или XII и до XVII–XVIII вв., европейцы все сильнее подавляли свои импульсы, учились предвидеть долгосрочные последствия своих действий, принимать к сведению чувства и мысли других людей. Культура чести (готовность дать отпор) сменилась культурой достоинства — готовностью контролировать собственные эмоции. Эти нормы уходят корнями в подробные инструкции, которые культурные авторитеты давали аристократам и знати, чтобы те могли дистанцироваться от черни и простонародья. Годы шли, и эти инструкции применялись для окультуривания детей со все более раннего возраста, пока не стали для нас второй натурой. Затем нормы этикета просочились и ниже: от высших классов к подражающим им буржуа и дальше, к простонародью, со временем став частью общей культуры.

Элиас заимствовал модель структуры психики у Фрейда: дети обзаводятся сознанием (Супер-Эго»), интериоризируя запреты родителей в раннем детстве, когда они еще слишком малы, чтобы понимать их. С помощью этих запретов «Эго» ребенка держит в узде свои биологические импульсы («Оно»). Элиас не был сторонником более экзотических идей Фрейда, таких как первобытное отцеубийство, инстинкт смерти и Эдипов комплекс, и его взгляд на психологию кажется совершенно современным. В главе 9 мы изучим способность разума, которую психологи называют

самоконтролем, умением отложить удовольствие и отрицательным временным предпочтением, а в народе сводящуюся к советам «посчитать до десяти», «придержаться лошадей», «прикусить язык», «копить на черный день» и «держаться член в штанах»²⁷. Мы также обсудим свойство, которое психологи именуют эмпатией, а также интуитивной психологией, принятием перспективы другого, теорией разума, — словом, то, что обычные люди называют «залезть в чужую голову», «увидеть мир чужими глазами», «стать на место другого», «почувствовать чужую боль». Элиас предвосхитил научное исследование двух этих добрых ангелов.

Критики Элиаса говорят, что в любом обществе есть свои нормы пристойного сексуального поведения и актов выделения, которые, предположительно, развиваются из врожденных эмоций, связанных с опрятностью, отвращением и стыдом²⁸. Но, как мы увидим, культурные отличия как раз и измеряются той степенью, до которой общества нагружают эти эмоции моралью. Не то чтобы средневековая Европа вообще не знала правил этикета, но, судя по всему, по сравнению с другими культурными нормами они не были приоритетными.

Элиас, к его чести, не поддавался научной моде и не стал утверждать, что европейцы на заре Нового времени «изобрели» или «сконструировали» самоконтроль. Он всего лишь предположил, что они отрегулировали умственную способность, которая всегда была частью человеческой природы, но которую люди Средневековья задействовали слабо. Он на этом настаивает, повторяя: «Точки отсчета не существует»²⁹. Как мы увидим в главе 9, способы, которыми люди усиливают или ослабляют

способность контролировать себя, — интереснейшая тема для психологического исследования. Возможно, самоконтроль — это что-то вроде мышцы, и, если упражнять ее при помощи застольного этикета, она становится достаточно сильной, чтобы помочь вам вовремя остановиться и не убить того, кто вас только что оскорбил. А возможно, определенный уровень самоконтроля определяется социальной нормой, так же как определяется, насколько можно приближаться к другому человеку или какой процент поверхности тела должен быть прикрыт на публике. Есть и третья возможность: самоконтроль — это адаптация, и его можно настраивать для получения максимальных выгод в конкретной среде. В конце концов, самоконтроль — это не абсолютная добродетель, он может стать и проблемой. Если вы всегда крепко держите себя в руках, агрессор использует это к своей выгоде, понимая, что сможет безнаказанно поживиться за ваш счет, не опасаясь мести, которую вы, скорее всего, посчитаете бессмысленной, — ведь она уже ничего не исправит. Но если у него есть причины полагать, что вы дадите сдачи не задумываясь и наплевав на последствия, он, скорее всего, с самого начала отнесется к вам с бóльшим уважением. При таких вводных людям выгоднее регулировать самоконтроль с учетом степени агрессивности окружающих.

В этой точке теория цивилизационного процесса неполна, поскольку ссылается на процесс, эндогенный по отношению к феномену, который она пытается объяснить. Спад агрессивного поведения, гласит теория, коррелирует со спадом импульсивности, культуры чести, сексуальной вседозволенности,

дикости и грубости за обеденным столом, что только запутывает нас в сетях психологических процессов. Вряд ли можно считать объяснением утверждение, что люди стали вести себя менее агрессивно потому, что научились подавлять свои агрессивные импульсы. Идея, что уменьшение импульсивности — причина, а спад насилия — следствие, так же неудовлетворительна, как и обратное допущение.

Но Элиас предположил существование внешнего триггера, запустившего весь процесс целиком, точнее двух триггеров. Первый из них — укрепление настоящего Левиафана после сотен лет анархии и феодальной раздробленности в Европе. Централизованные монархии обрели силу, взяли под контроль воинственных рыцарей и дотянули свои щупальца до самых дальних уголков их владений. По словам военного историка Куинси Райта, в Европе в XV в. было 5000 независимых политических единиц (в основном вотчин и княжеств), во времена Тридцатилетней войны в начале XVII в. — только 500, в эпоху Наполеона в начале XIX в. — 200 и в 1953 г. — менее 30³⁰.

Объединение политических единиц было частью естественного процесса агломерации: более сильные правители захватывали земли соседей и становились еще могущественнее. По мнению историков, этот процесс подстегнула военная революция: появление ружей, постоянных армий и других дорогостоящих военных технологий, которые можно позволить себе только при наличии большого государственного аппарата и стабильной доходной базы³¹. Вооруженные мечами конники и разношерстные банды крестьян не могли сравниться с организованной пехотой и артиллерией, которые

выводит на поле боя настоящее государство. Как сказал социолог Чарльз Тилли, «война создает государство. И наоборот»³².

Борьба рыцарей за территорию была помехой растущей власти королей, потому что, какая бы сторона ни побеждала, гибли крестьяне и падали производственные мощности, которые могли бы обеспечивать королям доход и снабжать их армию. И, взявшись за установление мира — «королевского мира», как его называли, короли были намерены сделать все как надо. Для рыцаря сложить оружие и позволить государству защищать его от врагов было рискованным шагом, поскольку враги могли расценить это как слабость. Государство должно было строго выполнять свою часть сделки, чтобы граждане не потеряли веру в его миротворческие возможности и не возобновили свои усобицы и вендетты³³.

Распри между рыцарями и крестьянами были не только помехой, но и упущенной выгодой. Во времена нормандского правления в Англии какой-то гений придумал, как погреть руки на национализации правосудия. Веками юридическая система относилась к убийству как к причинению вреда: вместо мщения семья жертвы требовала платы от семьи убийцы, так называемые «деньги за кровь», или «вергельд» (плата за человека), где «вер» означает «человек», как в слове «вервольф» (человек-волк). Король Генрих I дал убийству новое определение: теперь оно считалось преступлением против государства и ее символа — короны. Дела об убийствах теперь рассматривались не как «Джон Доу против Ричарда Роу», но как «Корона против Джона Доу» (позже, в США, «Народ против Джона Доу» или «Штат Мичиган против Джона Доу»). Гениальность идеи в том, что вергельд (часто все

имущество обидчика вместе с дополнительными деньгами, собранными с семьи) отходил теперь не семье жертвы, а лично королю. Правосудие вершили передвижные суды. Они приезжали в города и местечки с той или иной периодичностью и рассматривали накопившиеся дела. Чтобы выявить и представить суду все убийства, каждую смерть расследовал местный представитель короны — коронер³⁴.

Как только Левиафан принялся за дело, правила игры изменились. Теперь, чтобы сколотить состояние, не нужно было становиться самым страшным рыцарем в округе — нужно было совершить паломничество ко двору и подольститься к королю и его свите. Суд (по сути, правительственная бюрократия) не нуждался в забияках и горячих головах, но искал достойных доверия управляющих. Знати пришлось менять методы продвижения. Рыцари учились вести себя так, чтобы не обидеть королевских подручных, и развивали эмпатию, чтобы понимать, чего те хотят. Манеры, подходящие для двора, стали называться куртуазными (court — двор). Пособия по этикету — советы, куда девать выделения из носа, — первоначально появились как инструкции по поведению при дворе. Элиас проследил путь, которым куртуазность за несколько столетий просочилась от аристократов, живущих придворной жизнью, к высшей буржуазии, взаимодействующей с аристократами, и уже от них — к прочим представителям среднего класса. Свою теорию, увязывающую централизацию государственной власти с психологическими переменами у населения, Элиас резюмировал так: «Из воинов — в придворные».

~

Вторая внешняя переменная, случившаяся в Средние века, — экономическая революция. Основой феодальной экономики были земля и работавшие на ней крестьяне. Как любят говорить риелторы, земля — единственный товар, которого не становится больше. Если феодал хотел повысить свой уровень жизни или хотя бы сохранить его в условиях мальтузианского роста населения, наилучшим решением для него был захват земель соседа. На языке теории игр конкуренция за землю — игра с нулевой суммой: выигрыш одного участника есть проигрыш другого.

Это свойство средневековой экономики усиливала христианская идеология, враждебная к любым методам торговли или новым технологиям, помогающим заработать больше, используя тот же объем материальных ресурсов. Барбара Такман пишет:

Отношение Церкви к предпринимательству и коммерции... состояло в убеждении, что деньги — зло, что, согласно Блаженному Августину, «стяжательство само по себе — зло»^[20], что доход свыше минимально необходимого для поддержания дела — это алчность, делать деньги на деньгах, ссужая их под проценты, — грех ростовщичества, а перепродажа приобретенных оптом товаров по более высокой цене воистину аморальна и порицается каноническим правом; как резюмировал Блаженный Иероним, «купцы небогоугодны»³⁵.

Как сказал бы мой еврейский дедушка, «goyische korr!» — гойские головы! Евреи взяли на себя роль ростовщиков и посредников, за что и подвергались гонениям и преследованиям. Экономическую отсталость усиливали и законы того времени, которые предписывали фиксировать цены на «справедливом» уровне, покрывающем лишь затраты на материалы и добавленную стоимость вложенного труда. «Чтобы убедиться, что никто не получит преимущества над остальными, — объясняет Такман, — законы о коммерции запрещали совершенствование

инструментов и технологий, продажу ниже фиксированной цены, работу допоздна при искусственном освещении, привлечение новых учеников, использование труда жены или несовершеннолетних детей и рекламу своих товаров в ущерб интересам конкурентов»³⁶. Отличные правила для игры с нулевой суммой! Единственная остающаяся возможность разбогатеть — грабеж.

Сценарий игры с положительной суммой предполагает выбор, выгодный и той и другой стороне одновременно. Классическая игра с положительной суммой в обычной жизни — это обмен услугами, когда один индивид приносит другому значительную пользу при малых для себя затратах. Пример — приматы, помогающие друг другу избавиться от паразитов на спине, охотники, которые делятся мясом, когда один из них принесет добычу, которую не может употребить за раз, и родители, которые по очереди присматривают за детьми. Как мы увидим в главе 8, ключевой инсайт эволюционной психологии состоит в том, что кооперация и поддерживающие ее социальные эмоции — сострадание, доверие, благодарность, вина и гнев — развились потому, что они помогают людям процветать в играх с положительной суммой³⁷.

Классический пример игры с положительной суммой в экономике — обмен излишками. Когда у фермера больше зерна, чем он может съесть, а у пастуха больше молока, чем он может выпить, оба приобретут, если обменяют лишнее зерно на лишнее молоко. Как говорится, выигрывает каждый. Конечно, обмен окупается только в условиях разделения труда. Нет никакого смысла менять мешок зерна на мешок зерна. Фундаментальное открытие современной

экономики в том, что разделение труда — ключ к росту благосостояния. Узкие специалисты ищут способы повысить рентабельность и имеют возможность обмениваться произведенной продукцией. Эффективному обмену служит транспортное сообщение, позволяющее производителям меняться излишками, даже если их разделяет расстояние. Другие полезные изобретения — это деньги, ссудный процент и посредники: с их помощью самые разные производители могут обмениваться самыми разными излишками в любой момент времени.

Игры с положительной суммой меняют и побудительные мотивы для насилия. Если ты обмениваешься с кем бы то ни было услугами или излишками, то живой контрагент приносит больше пользы, чем мертвый. Ты стремишься лучше понять его потребности, чтобы обеспечить необходимыми вещами в обмен на вещи, нужные тебе. Хотя многие интеллектуалы вслед за святыми Августином и Иеронимом подозревают коммерсантов в эгоизме и жадности, на самом деле свободный рынок поощряет эмпатию³⁸. Хороший предприниматель должен заботиться о том, чтобы угодить потребителю, иначе того сманит конкурент; а чем больше клиентов привлечет бизнесмен, тем богаче станет. Эту идею, которую стали называть благотворной торговлей (*doix commerce*), сформулировал в 1704 г. экономист Самуэль Рикар:

Торговля связывает людей взаимной пользой... Благодаря торговле человек приобретает рассудительность, честность и хорошие манеры, учится быть осмотрительным и сдержанным в словах и делах. Чувствуя необходимость быть мудрым и честным, чтобы преуспеть, он избегает пороков, или, по крайней мере, его поведение демонстрирует добропорядочность и серьезность, чтобы не возбудить никакого неблагоприятного суждения со стороны нынешних и будущих знакомцев³⁹.

И это подводит нас ко второму внешнему изменению. Элиас заметил, что в эпоху позднего Средневековья европейская цивилизация стала выбираться из болота технологической и экономической стагнации. Деньги все шире замещали натуральный обмен, чему способствовало укрупнение государств и унификация национальных денежных систем. Заброшенное с упадком Римской империи строительство дорог возобновилось, облегчая транспортировку товаров во внутренние регионы страны, а не только вдоль морских побережий и судоходных рек. С изобретением подков, защищавших копыта от камней брусчатки, и хомутов, которые не душили тянущую тяжелый груз лошадь, конный транспорт стал более рентабельным. Колесные экипажи, компасы, часы, прядильные и ткацкие станки, водяные и ветряные мельницы тоже усовершенствовались к концу Средневековья. Знания и умения, необходимые для применения этих технологий на практике, все шире распространялись среди ремесленников. Новые изобретения способствовали разделению труда и увеличению количества излишков, смазывая механизм обмена. Жизнь предлагала людям все больше игр с положительной суммой и снижала привлекательность грабежа с суммой нулевой. Чтобы воспользоваться обстоятельствами в своих интересах, людям приходилось планировать будущее, контролировать импульсы, принимать чужую точку зрения и оттачивать социальные и мыслительные навыки, необходимые для процветания в системе социальных взаимоотношений.

Два пусковых механизма процесса цивилизации — Левиафан и благотворная торговля — тесно связаны. Торговля, как игра с положительной суммой,

процветает наилучшим образом под защитой Левиафана. Государство не только отличный инструмент для производства общественных благ, обеспечивающих инфраструктуру для экономической кооперации, таких как деньги и дороги. Оно еще может надавить на чашу весов, на которых игроки взвешивают сравнительные выгоды торговли и грабежа. Предположим, рыцарь может или отобрать десять мешков зерна у соседа, или, затратив такое же количество времени и сил, заработать денег, чтобы купить у него пять мешков зерна. При таких условиях грабеж выглядит довольно привлекательно. Но, если рыцарь знает, что за грабеж его оштрафуют на шесть мешков зерна и ему останется всего четыре, он, скорее всего, выберет честный путь. Причем не только давление Левиафана придает привлекательности торговле, но и торговля облегчает Левиафану его работу. Если купить зерна негде, тогда грабежу нет альтернативы и государству приходится грозить нарушителям драконовскими мерами: чтобы удержать от отъема десяти мешков зерна, нужно вводить штраф размером в десять мешков, а такие штрафы взыскивать гораздо труднее. Конечно, в реальности государство может пригрозить не штрафом, а физической расправой, но принцип остается тем же: удержать людей от преступления гораздо легче, если законная альтернатива представляется им более привлекательной.

Две эти цивилизационные силы подкрепляют друг друга, и Элиас считал их частью одного процесса. Централизация государственной власти и монополизация насилия, рост ремесленных гильдий и чиновничества, замена бартера деньгами, развитие технологий, расширение торговли, растущая сеть связей между географически удаленными агентами —

все сливается в один поток. Чтобы преуспеть в этих новых условиях, человеку нужно было развивать эмпатию и самоконтроль, пока они не станут, как писал Элиас, второй натурой.

Биологическая аналогия здесь напрашивается сама собой. Биологи Джон Мэйнард Смит и Эрш Сатмари утверждают, что каскад основных событий в истории жизни на Земле (возникновение генов, хромосом, бактерий, клеток с ядром, многоклеточных организмов, животных, размножающихся половым путем, и сообществ животных) запустила эволюционную динамику, схожая с процессом цивилизации⁴⁰. На каждом из этапов существования, способные быть либо эгоистичными, либо сотрудничающими, склонялись к сотрудничеству, если это давало им возможность стать частью более крупной системы. Они специализировались, взаимовыгодно обменивались, изобретали средства защиты, чтобы никто из них не мог действовать на пользу себе и во вред целому. Журналист Роберт Райт описывает похожую траекторию в книге с названием «Не-ноль» (Nonzero,), отсылающим к играм с ненулевой суммой, рассматривая историю человеческих обществ с той же точки зрения⁴¹. Мы еще поговорим о всеобъемлющих теориях спада насилия в последней главе нашей книги.

Теория цивилизационного процесса прошла самую строгую научную проверку: сделанное ею неочевидное предсказание исполнилось. В 1939 г. у Элиаса не было доступа к статистике убийств — он основывался на исторических текстах и старых книгах по этикету. Когда же Гарр, Эйснер, Кокберн и другие

ученые перевернули принятые представления своими графиками, демонстрирующими уменьшение смертности от убийств, единственной теорией, предсказавшей это, оказалась теория Элиаса. Однако с 1939 г. мы узнали о насилии много нового. Согласуются ли новые данные с идеями Элиаса?

Сам Элиас был в ужасе от отнюдь не цивилизованного поведения его родной Германии во время Второй мировой и пытался объяснить этот «процесс децивилизации» в рамках своей теории⁴². Он апеллировал к непростой истории объединения Германии и вытекающему отсюда недостатку веры в легитимность центральной власти. Он описывал прочность милитаристской культуры чести среди элит, связывал развал государственной монополии на насилие с ростом активности коммунистических и фашистских группировок, результатом чего стало снижение групповой эмпатии по отношению к чужакам, в особенности к евреям. Не могу сказать, что этими выкладками он спас свою теорию; возможно, ему не стоило и пытаться. Ужасы нацизма состояли не в возобновлении феодальных междоусобиц и поножовщины за обеденным столом — это было насилие иного масштаба, природа и причины его совершенно другие. На самом деле сокращение числа бытовых убийств в нацистской Германии продолжалось (рис. 3–19)⁴³. В главе 8 мы узнаем, как ограничение морального чувства и распределение убеждения и принуждения среди разных групп населения может привести к идеологическим войнам и геноциду даже в обществах, цивилизованных во всех прочих отношениях.

Эйснер отметил и еще один неловкий для теории цивилизационного процесса момент: спад насилия в

Европе и укрепление централизованных государств не всегда идут в ногу⁴⁴. Бельгия и Нидерланды двигались в авангарде спада, несмотря на отсутствие сильной централизованной власти. Да и в Швеции уровень насилия сокращался независимо от распространения государственной власти. А вот в Италии, напротив, спад насилия замедлился, хотя в распоряжении правительства был раздутый бюрократический аппарат и полиция. Да и жестокие наказания — предпочтительный метод усмирения в ранних современных монархиях — отнюдь не способствовали снижению насилия в тех регионах, где они применялись с наибольшим рвением.

Криминологи считают, что за усмиряющим влиянием государства стоит не только сила принуждения, но и доверие, которое оно внушает населению. В конце концов, ни одно государство не может посадить по информатору в каждом пабе и на каждой ферме, а те, что пытаются, — это тоталитарные государства, где правит страх, а не цивилизованные общества, где люди сосуществуют за счет самоконтроля и эмпатии. Левиафан может цивилизовать общество, только если граждане чувствуют, что законы государства, его органы правопорядка и другие социальные установления легитимны, а иначе они примутся за старое, как только Левиафан повернется к ним спиной⁴⁵. Это не опровергает теорию Элиаса, но уточняет ее. Насажение власти закона может остановить кровавую резню баронов, но снижение насилия до уровня современных европейских государств связано с весьма туманным процессом принятия населением идеи верховенства права.

Либертарианцы, анархисты и другие скептики, не верящие в государство-Левиафана, отмечают, что, будучи предоставлены сами себе, общества часто формируют нормы сотрудничества, позволяющие им разрешать споры ненасильственным путем, и обходятся без законов, полиции, судов и других инструментов власти. В романе «Моби Дик» моряк Измаил рассказывает, как, находясь в тысячах миль от сферы влияния законов, американские китобойщики решают споры из-за раненого или убитого кита, на которого претендуют команды двух кораблей:

Из-за этого между китоловами могли бы возникнуть самые неприятные и жестокие споры, не будь у них на все такие случаи своих писаных или неписаных непреложных и всемогущих законов. Но, несмотря на то что никакая другая нация никогда не имела писаного китобойного кодекса, все же американские китоловы были в этом деле сами себе и законодателями, и блюстителями закона. Да, эти законы можно было бы вычеканить на фарфинге королевы Анны или на лезвии гарпуна и носить на веревочке вокруг шеи — настолько они кратки:

1. Рыба на лине принадлежит владельцу лinya.
2. Ничья рыба принадлежит тому, кто первый сумеет ее выловить.[\[21\]](#).

Подобные неофициальные нормы существовали у рыбаков, фермеров и скотоводов во многих регионах мира⁴⁶. В книге «Порядок без права: как соседи улаживают споры» (Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes) ученый-правовед Роберт Элликсон описал современную американскую версию древней (и часто жестокой) конфронтации между земледельцами и скотоводами. Традиционно в округе Шапта на севере Калифорнии владельцы ранчо пасли скот на открытых пространствах, то есть были ковбоями, в отличие от скотоводов, которые начали разводить коров на огороженных ранчо. Те и другие соседствовали с фермерами, выращивающими кормовые культуры. Пасущиеся коровы периодически

забредают на поля, поедают посевы и выходят на дороги, где могут попасть под колеса машин. Поэтому все земли в округе поделены на пастбища неогороженные, где владелец скота не несет юридической ответственности за случайный ущерб, нанесенный его животными, и огороженные, где скотовод отвечает за своих животных, даже если инцидент произошел не по его вине. Элликсон обнаружил, что понесшие ущерб от потравы фермеры неохотно обращались в суд для возмещения убытков. Большинство местных жителей — скотоводы, фермеры, страховые агенты и даже юристы и судьи — неверно трактовали применяемые в данном случае законы, прекрасно обходясь несколькими неписаными правилами. Владелец скота всегда отвечал за повреждения, причиненные хоть на огороженном, хоть на неогороженном пастбище, но, если урон был разовый и небольшой, предполагалось, что владелец пастбища «забудет об этом». Люди годами подсчитывали в уме, кто что кому должен, и долги возмещались скорее услугами, чем наличными. Например, скотовод, чья корова повредила чужую изгородь, мог в другой раз бесплатно приютить отбившуюся от стада корову соседа. Нарушителей подобных правил осуждало общественное мнение (то есть пересуды соседей), им могли завуалированно пригрозить, иногда даже навредить по мелочи. В главе 9 мы пристальней рассмотрим стоящую за этими нормами психологию, которую можно свести к идее соблюдения равенства⁴⁷.

Как бы ни были важны неписанные законы, не стоит думать, что они могут заменить собой органы власти. Когда чужие коровы снесли вашу изгородь, фермеры округа Шаста не обращаются за помощью к Левиафану и все же живут под его защитой, зная, что,

если дойдет, например, до драки или убийства, власти вмешаются в их неформальные разборки. К тому же нынешний уровень мирного сосуществования местных жителей сам по себе является следствием локальной версии процесса цивилизации, ведь еще в 1850-х гг. число убийств в Северной Калифорнии достигало 45 на 100 000, что сравнимо с уровнем средневековой Европы⁴⁸.

Я думаю, что теория цивилизационного процесса объясняет современный спад насилия не только потому, что предсказала заметное снижение уровня убийств в Европе, но и потому, что дает верные прогнозы относительно тех мест и времен, которые не могут похвастаться благословенным уровнем убийств 1 на 100 000 в год, характерным для современной Европы. Два исключения, подтверждающие правило, — это зоны, в которые процесс цивилизации никогда не проникал полностью: низшие ступени социально-экономической лестницы и недоступные или малопригодные для жизни территории. Кроме того, существуют две области, где процесс цивилизации повернул вспять: это развивающийся («третий») мир и десятилетие 1960-х. Давайте наведемся туда.

НАСИЛИЕ И КЛАССЫ

Самое поразительное в уменьшении числа убийств в Европе — изменения социально-экономического профиля этого преступления. Сотни лет назад богатые не уступали бедным в агрессивности, а то и превосходили их⁴⁹. Благородные господа носили мечи и, не раздумывая, пускали их в ход, чтобы поквитаться с обидчиком. Дворяне путешествовали в компании вассалов (по совместительству телохранителей), так

что публичное оскорбление или месть за оскорбление могла перерасти в кровавую уличную драку между бандами аристократов (сцена, с которой начинается «Ромео и Джульетта»). Экономист Грегори Кларк изучил записи о смертях английских аристократов с позднего Средневековья до начала Промышленной революции. Я представил обработанные им данные на рис. 3–7, из них видно, что в XIV и XV в. в Англии насильственной смертью погибало невероятное количество благородных особ — 26%. Это близко к среднему уровню дописьменных культур (см. рис. 2–2). До однозначных величин процент убийств снижается только к началу XVIII столетия. Сегодня, разумеется, он почти равен нулю.

Процент убийств оставался ощутимо высоким, даже в XVIII и XIX в. насилие было частью жизни респектабельных членов общества, таких как Александр Гамильтон и Аарон Бёрр. Босуэлл цитирует высказывание Сэмюэла Джонсона, которому явно не составляло труда защитить себя словами: «Я поколотил многих, остальным хватило ума держать язык за зубами»^{[22]⁵⁰}. С течением времени представители высших классов стали воздерживаться от применения силы по отношению друг к другу, но, поскольку закон их защищал, сохраняли за собой право поднимать руку на тех, кто ниже по положению. Еще в 1859 г. автор изданной в Британии книги «Обычаи приличного общества» (The Habits of a Good Society) советовал:

Есть люди, образумить которых может только физическое наказание, и с таковыми нам придется в жизни столкнуться. Когда неуклюжий лодочник оскорбляет леди или пронзырливый извозчик досаждают ей, один хороший удар уладит дело... Поэтому мужчина, джентльмен он или нет, должен научиться боксировать... Правил тут немного, и опираются они на элементарный здравый смысл. Бей сильно, бей прямо, бей внезапно; одной рукой блокируй удары, второй наноси их сам.

Джентльмены не должны драться друг с другом; искусство бокса пригодится, чтобы наказать наглого здоровяка из низшего класса⁵¹.

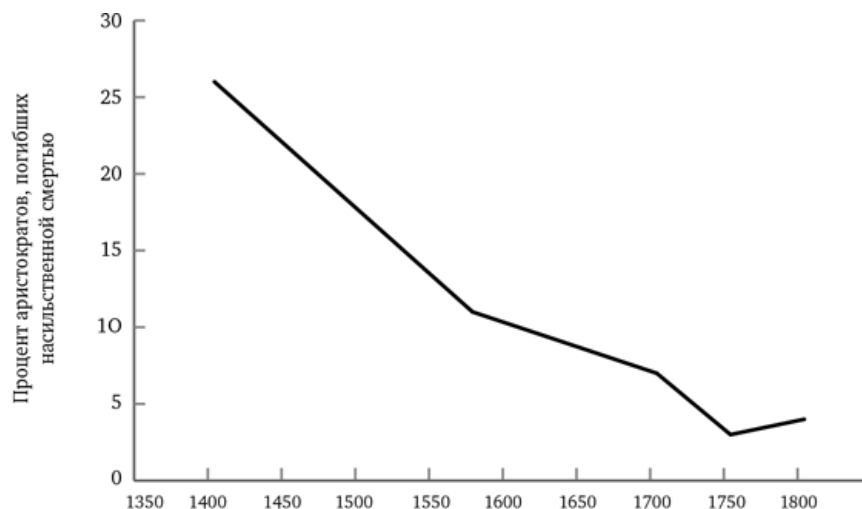

РИС. 3–7. Процент насильственных смертей английских аристократов мужского пола, 1330–1829 гг.

Источник: Clark, 2007a, p. 122. Данные, представляющие временные отрезки, взяты в средней точке

Общий спад насилия в Европе предварялся спадом насилия среди элит. Сегодня статистика каждой европейской страны показывает, что львиная доля убийств и других насильственных преступлений совершается представителями низших социально-экономических классов. Первая очевидная причина такого смещения — то, что в Средние века насилие помогало достичь высокого статуса. Журналист Стивен Сэйлер приводит один разговор, состоявшийся в Англии в начале XX в.: «Почетный член Британской палаты лордов сетовал, что премьер-министр Ллойд Джордж возводит в рыцарское достоинство нуворишей, только что купивших себе большие поместья. А когда его самого спросили: “Ну а как ваш предок стал лордом?” — он сурово ответил: “С помощью боевого топора, сэр, с помощью боевого топора!”»⁵².

Постепенно высшие классы откладывали свои боевые топоры, разоружали свиту и прекращали боксировать с лодочниками и извозчиками, а средние

классы следовали их примеру. Последних, конечно, умирил не королевский двор, а другие культурные силы. Служба на фабриках и в конторах заставляла учиться правилам приличия. Процессы демократизации позволили им солидаризироваться с органами управления и общественными институтами и дали возможность обращаться в суд для разрешения конфликтов.

А затем появилась муниципальная полиция, основанная в 1828 г. в Лондоне сэром Робертом Пилем. С тех самых пор английских полицейских называют «бобби» — уменьшительное от Роберт⁵³.

Насилие сегодня коррелирует с низким социально-экономическим статусом в основном потому, что элиты и средний класс добиваются справедливости через систему правосудия, в то время как низшие классы прибегают к решениям, которые исследователи называют «помоги себе сам». Речь не о книгах вроде «Женщины, которые любят слишком сильно» или «Куриный бульон для души» — под этим термином подразумеваются самосуд, линчевание, вигилантизм и другие формы насильственного возмездия, с помощью которых люди поддерживают справедливость в условиях невмешательства государства.

В известной статье «Преступление как социальный контроль» социолог права Дональд Блэк показывает: то, что мы называем преступлением, с точки зрения его исполнителя — восстановление справедливости⁵⁴. Блэк начинает со статистики, давно известной криминологам: только небольшая доля убийств (вероятно, не более 10%) совершается в практических целях, например убийство хозяина дома в процессе ограбления, полисмена в момент ареста или жертвы

грабежа или изнасилования (потому что мертвые не болтают)⁵⁵. Самый же частый мотив убийств — моральный: месть за оскорбление, эскалация семейного конфликта, наказание неверного или уходящего любовника и прочие акты ревности, мести и самозащиты. Блэк цитирует некоторые дела из судебных архивов Хьюстона:

Один молодой человек убил своего брата во время жаркой ссоры из-за того, что тот приставал с сексуальными намерениями к их младшим сестрам. Мужчина убил жену, поскольку она «спровоцировала» его, когда они ругались по поводу оплаты счетов. Женщина убила мужа за то, что тот ударил ее дочь (свою падчерицу), другая женщина убила своего 21-летнего сына, потому что он «шлялся с гомосексуалистами и употреблял наркотики». Два человека погибли от ран, полученных в драке из-за парковочного места.

Большинство убийств, замечает Блэк, в действительности представляют собой разновидность смертной казни, когда роль судьи, присяжных и палача выполняет одно частное лицо. Это напоминает нам, что наше отношение к акту насилия зависит от того, с какой вершины треугольника насилия (рис. 2–1) мы на него смотрим. Подумайте о мужчине, арестованном и привлеченном к ответственности за избивание любовника своей жены. С точки зрения закона преступник здесь муж, а жертва — общество, которое теперь добивается правосудия (на что указывает именование судебных дел: «Народ против Джона Доу»). Однако, с точки зрения любовника, преступник — муж, а он сам — жертва; если муж ускользнет из лап правосудия с помощью оправдательного приговора, досудебного соглашения или аннуляции процесса, это будет несправедливо: ведь любовнику запрещено мстить в ответ. А с точки зрения мужа, пострадал как раз он (ему изменили), агрессор — любовник, а справедливость уже восторжествовала; но теперь муж становится жертвой

уже второго акта насилия, где агрессор — государство, а любовник — его пособник. Блэк пишет:

Часто убийцы словно сами решают отдать свою судьбу в руки власти; многие терпеливо ждут прибытия полиции, некоторые даже сами сообщают о совершенном преступлении... В таких случаях, конечно, этих людей можно рассматривать как мучеников. Как и рабочие, нарушающие запрет на забастовки и рискующие попасть в тюрьму, и другие граждане, отрицающие закон по принципиальным соображениям, они делают то, что считают правильным, и готовы понести всю тяжесть наказания⁵⁶.

Наблюдения Блэка опровергают множество догм, касающихся насилия. И первая из них та, что насилие — следствие недостатка морали и справедливости. Напротив, насилие часто бывает следствием избытка морали и чувства справедливости, по крайней мере как это представляет себе виновник преступления. Еще одно убеждение, разделяемое многими психологами и специалистами по общественному здоровью: насилие — это своего рода болезнь⁵⁷. Но санитарно-гигиеническая теория насилия пренебрегает основным определением болезни. Болезнь — это нарушение, причиняющее человеку страдание⁵⁸. А даже самые агрессивные люди настаивают, что с ними все в порядке; это жертвы и свидетели считают, что что-то не так. Третье сомнительное убеждение заключается в том, что представители низшего класса агрессивны, поскольку нуждаются финансово (например, крадут еду, чтобы накормить детей) или потому, что они таким образом демонстрируют обществу свой протест. Насилие среди мужчин, принадлежащих к низшим классам, действительно может давать выход ярости, но направлена она не на общество в целом, а на поганца, который поцарапал машину и прилюдно унизил мстителя.

В заметке, написанной по следам статьи Блэка и названной «Сокращение числа убийств среди представителей элит», криминолог Марк Куни показал, что многие низкостатусные личности — бедные, необразованные, не имеющие семьи, а также представители меньшинств — живут, по сути, вне государства. Некоторые зарабатывают на жизнь незаконной деятельностью — продажей наркотиков или краденого, азартной игрой и проституцией — и потому не могут обратиться в суд или вызвать полицию, чтобы защитить свои интересы в экономических спорах. В этом отношении они схожи с высокостатусными мафиози, наркобаронами или контрабандистами: тем тоже приходится прибегать к насилию.

Люди с низким статусом обходятся без помощи государства и по другой причине: правовая система часто так же враждебна к ним, как и они к ней. Блэк и Куни пишут, что, сталкиваясь с бедными афроамериканцами, полицейские «колеблются между равнодушием и неприязнью, не желая быть вовлеченными в их разборки, но, если уж приходится вмешаться, действуют предельно жестко»⁵⁹. Судьи и прокуроры тоже «часто не заинтересованы в разрешении споров среди людей с низким социально-экономическим статусом и обычно стараются отделаться от них как можно скорее, причем, как считают вовлеченные стороны, с неудовлетворительным обвинительным уклоном»⁶⁰. Журналистка Хизер Макдональд цитирует сержанта полиции из Гарлема:

В прошлые выходные один известный на весь район придурок ударил ребенка. В ответ вся его семья собралась у квартиры обидчика. Сестры жертвы выбили дверь, но его мать избивала сестер до полусмерти, оставив их истекать кровью на полу. Драку затеяла семья жертвы: я мог бы привлечь их к ответственности за

нарушение неприкосновенности жилища. Но, с другой стороны, мать преступника виновна в жестоком избиении. Все они — отбросы общества, мусор с улиц. Они добиваются справедливости своими способами. Я сказал им: «Мы можем все вместе отправиться в тюрьму или поставить на этом точку». А иначе шестеро человек оказалось бы в тюрьме за свои идиотские поступки — и окружной прокурор был бы вне себя! Да никто из них все равно не пришел бы в суд⁶¹.

Неудивительно, что люди, занимающие в обществе низкое положение, не прибегают к законам и не доверяют им, предпочитая старые добрые альтернативы — самосуд и кодекс чести. На отношение полицейского к людям, с которыми он имеет дело на своем участке, молодые афроамериканцы, опрошенные криминологом Деанной Уилкинсон, отвечают взаимностью:

Реджи: Копы, работающие в нашем квартале, они здесь не на своем месте. Как можно посылать белых копов в черные районы «служить и защищать»? Так нельзя делать, потому что все, что они видят, — это черные физиономии преступников. Мы для них все на одно лицо. Хорошие негры похожи на плохих негров, потому прессуют всех.

Декстер: А черные копы еще хуже, потому что обламывают своих же. Они продажные, понятно? Они приходят на мою точку, забирают наркотики и продают их на улицах, чтобы потом арестовать кого-нибудь еще.

Квентин (говорит об убийце отца): Если я его увижу, что я должен делать? Я потерял отца, этого гада не поймали, тогда я достану его семью. Здесь это так устроено. Вот так это дерьмо тут работает. Не можешь достать его, мсти его семье... Мы все растем с этим дерьмом в голове, все хотим уважения, хотим быть мужчинами⁶².

Другими словами, исторический процесс цивилизации не устранил насилие полностью, но отодвинул его на социально-экономическую обочину.

НАСИЛИЕ В МИРЕ

Цивилизационный процесс распространяется не только вниз по социальной лестнице, но и по карте

мира от западноевропейского эпицентра. На рис. 3–3 мы видели, что первой утихомирилась Англия, затем Германия, чуть позже Нидерланды. На рис. 3–8 видно, как эта волна распространялась по Европе в конце XIX и начале XXI в.

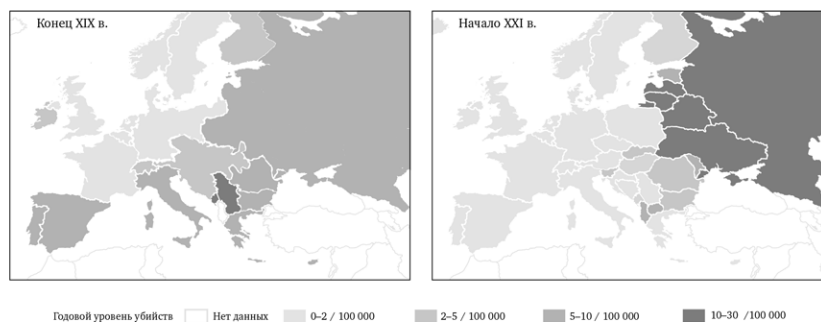

РИС. 3–8. География убийств в Европе, конец XIX и начало XXI в.

Источники: конец XIX в. (1880–1900): Eisner, 2003. Разделение области «больше 5,0 на 100 000» на секторы 5–10 и 10–30 сделано после консультации с автором. Данные по Черногории основаны на данных по Сербии. Начало XXI в. (в основном 2004 г.): United Nations Office on Drugs and Crime, 2009; данные были выбраны, как описано в прим. 66

В конце XVIII в. мирным центром Европы были северные индустриальные страны (Великобритания, Франция, Германия, Дания и Бенилюкс), окруженные несколько более буйными Ирландией, Австро-Венгрией и Финляндией, которые, в свою очередь, граничили с еще более склонными к насилию Испанией, Италией, Грецией и славянскими государствами. Сегодня мирный центр расширился и охватывает всю Западную и Центральную Европу, а вот Восточную Европу и гористые Балканы еще накрывает тень беззакония разной степени плотности.

Насилие внутри стран тоже распределено неравномерно: отдаленные и горные районы еще долго остаются опасными после того, как утихнут города и густозаселенные сельскохозяйственные районы. На Шотландском высокогорье клановые войны велись до XVIII в., а в Сардинии, на Сицилии, в Черногории и других частях Балкан — до XX в.⁶³ Неслучайно кровавые классические повествования, с которых я начал, — Ветхий Завет и поэмы Гомера — созданы народами, жившими в гористой местности.

А как обстоят дела в остальных регионах мира? В большинстве европейских стран статистика убийств ведется на протяжении сотни и более лет, но о других континентах этого не скажешь. Даже сегодня данные полицейского учета, передаваемые в Интерпол, часто сомнительны, а порой совершенно неправдоподобны. Правительства зачастую считают, что то, насколько успешно они удерживают своих граждан от убийств, никого больше не касается. К тому же полевые командиры развивающегося мира описывают свой бандитизм в терминах освободительных политических движений, что затрудняет попытки отделить жертв гражданской войны от жертв организованной преступности⁶⁴.

Не забывая об этих ограничениях, давайте все же присмотримся к распределению насилия на карте мира в наши дни. Самые надежные данные поступают от Всемирной организации здравоохранения. ВОЗ старается оценить причины смертности в максимально возможном количестве стран, опираясь на данные национальных министерств здравоохранения и другие источники⁶⁵. Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) дополняет эти данные своими оценками (максимальной и минимальной) по каждой отдельной стране. На рис. 3–9 на карту мира нанесены данные 2004 г. из последнего на момент написания этой книги отчета УНП⁶⁶. Хорошие новости: средний уровень убийств по всем странам мира в этом наборе данных составляет 6 на 100 000 в год. Общий же уровень убийств по миру в целом, вычисленный без разделения по странам, в 2000 г., по оценке ВОЗ, составил 8,8 на 100 000 в год⁶⁷. Оба показателя выигрывают в сравнении с трехзначными величинами

для догосударственных обществ и двузначными — для средневековой Европы.

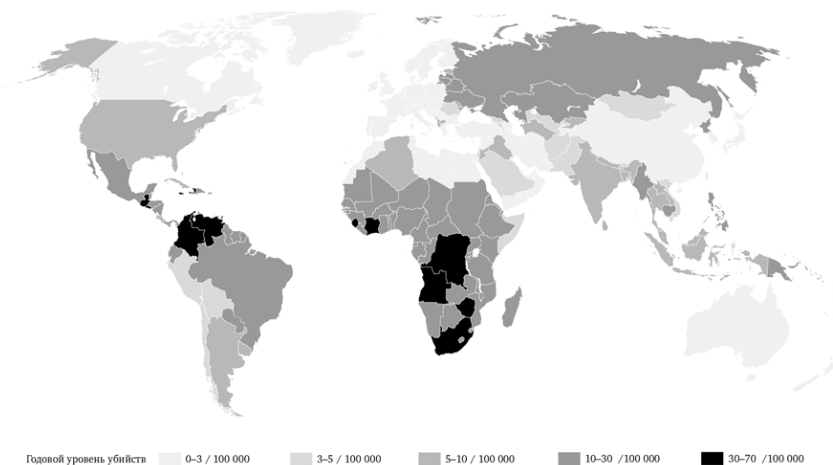

РИС. 3-9. География убийств в мире, 2004

Источник: Годовой уровень. Данные Управления ООН по наркотикам и преступности, международная статистика убийств, 2004, см. прим. 66. Данные по Тайваню предоставлены департаментом статистики Министерства внутренних дел КНР, 2000

На карте видно, что Западная и Центральная Европа сегодня являются самыми безопасными регионами Земли. К странам с достоверно низким уровнем убийств относятся и страны Содружества, когда-то входившие в состав Британской империи, — Австралия, Новая Зеландия, Фиджи, Канада, Мальдивы и Бермуды. Однако одна бывшая британская колония не переняла английскую модель цивилизованности, мы присмотримся к этой необычной стране в следующем разделе.

Некоторые из стран Азии тоже могут гордиться низким уровнем убийств, особенно те, что пошли по европейскому пути развития: Япония, Сингапур и Гонконг. Китай тоже сообщает о низком уровне убийств (2,2 на 100 000). Даже если мы примем данные из этой закрытой страны за чистую монету, при отсутствии временных рядов данных мы не можем узнать, что стоит за этими значениями — тысяча лет централизованного правления или же авторитарная природа нынешнего режима. Традиционные автократии (в том числе многие исламские государства) пристально следят за

гражданами и жестоко и неукоснительно наказывают их, если те преступают черту; вот почему мы называем их «полицейскими государствами». Неудивительно, что обычно там низкий уровень насильственных преступлений. Но я не могу не упомянуть анекдот, из которого ясно, что Китай, подобно Европе, прошел через длительный процесс цивилизации. Элиас заметил, что табу на ножи, сопровождавшее снижение насилия в Европе, в Китае зашло еще дальше. Веками ножи в Поднебесной использовали только повара на кухне, нарезаая пищу на мелкие, удобные для еды кусочки. За столом китайцы ножом не пользуются. «Европейцы — варвары, — цитирует китайцев Элиас. — Они едят кинжалами»⁶⁸.

А что происходит в других регионах мира? Криминолог Гэри Лафри и социолог Орландо Паттерсон утверждают, что кривая зависимости между преступностью и демократизацией похожа на перевернутую U. Крепкие демократии, как и традиционные автократии, представляют собой сравнительно безопасные места, но развивающиеся демократии и слабые демократии (их называют анократиями) часто страдают от насильственных преступлений и гражданских войн, время от времени перетекающих друг в друга⁶⁹. Сегодня наиболее криминогенными регионами мира являются Россия, Африка к югу от Сахары и некоторые страны Латинской Америки. Во многих из них полиция и суды коррумпированы — они вытягивают взятки и с преступников, и с жертв, обеспечивая протекцию тому, кто больше заплатит. Ямайку (33,7 на 100 000), Мексику (11,1) и Колумбию (52,7) раздирают на части вооруженные формирования, спонсируемые наркомафией и действующие там, где закон не может до них дотянуться. За последние четыре десятилетия, с

ростом трафика наркотиков, уровень убийств в этих странах резко возрос. Другие, например Россия (29,7) и Южная Африка (69), возможно, пережили процесс децивилизации в результате коллапса предыдущих форм правления.

Процесс децивилизации охватывает и страны, перешедшие от племенных войн к колониальному управлению, а затем к внезапной независимости, — назовем, к примеру, страны Центральной и Южной Африки и Папуа — Новую Гвинею (15,2). В статье «От копья до М-16» антрополог Полли Висснер описала историческую траекторию насилия у новогвинейской народности энга. Начала она с выдержек из полевого дневника антрополога, работавшего в этом регионе в 1939 г.:

Мы были сейчас в самом сердце долины Лай, одной из прекраснейших в Новой Гвинее, если не во всем мире. Повсюду прекрасно устроенные садовые участки, где растет сладкий картофель и купы казуарин. Ровные удобные дороги пересекают местность, рощицы усеивают ландшафт, напоминающий огромный ботанический сад.

Эти заметки Ролли Висснер сравнивает с записями из своего дневника 2004 г.:

Долина Лай практически заброшена. Как говорят энга, рай для птиц, змей и крыс. Дома сожжены дотла, посадки сладкого картофеля заросли сорняками, от деревьев остались пни. В лесах бушуют войны, уносящие множество жизней: местные «рэмбо» вооружены пистолетами и мощными винтовками. На обочинах дорог, там, где еще несколько лет назад шумели рынки, сейчас — зловещее запустение⁷⁰.

Народ энга никогда нельзя было назвать миролюбивым. Одно из племен, мае энга, представлено на рис. 2–3 линией, показывающей, что они истребляли друг друга, достигая годового уровня в 300 убийств на 100 000 человек — отрицательный рекорд этой главы. Здесь работали обычные гоббсовские механизмы: изнасилования и

прелюбодеяния, кража свиней и присвоение участков земли, оскорбления и, разумеется, месть, месть и еще раз месть. Тем не менее энга отдавали себе отчет во вредоносности войн, и некоторые племена предпринимали попытки (порой успешные) их ограничить. Например, они разработали законы против военных преступлений, напоминающие Женевскую конвенцию: запретили уродовать тела и убивать переговорщиков. И хотя порой энга вступали в разрушительные войны с другими деревнями и племенами, внутригрупповое насилие они старались контролировать. Каждое общество сталкивается с конфликтом интересов между молодыми людьми, которые хотят доминировать (прежде всего с целью доступа к женщинам), и старшим поколением, желающим минимизировать ущерб от усобиц в семье и общине. Старейшины энга собирали беспокойную молодежь в сообщества холостяков, поощряя их контролировать злые побуждения и внушая истины типа: «Кровь человека легко не смоешь» и «Кто убивает свинью — живет долго, а кто убивает человека — нет»⁷¹. Еще один цивилизующий механизм их культуры — нормы гигиены и пристойного поведения, о которых Висснер рассказала мне в письме:

Во время дефекации энга прикрываются накидками, чтобы не оскорбить никого, даже солнце. Для мужчины встать спиной к дороге и помочиться — немыслимая грубость. Они тщательно моют руки перед приготовлением еды, они очень скромны и всегда прикрывают гениталии. Хотя к сморканию относятся проще.

Но что важнее всего, энга легко приспособились к начавшемуся в конце 1930-х гг. Рах Australiana, Австралийскому миру. В последующие два десятилетия войны утихли, и многие энга с

облегчением отказались от насилия, предпочитая разрешать споры в суде, а не на поле битвы.

Однако, когда в 1975 г. Папуа — Новая Гвинея получила независимость, насилие среди энга тут же возобновилось. Правительственные чиновники раздавали земли и привилегии представителям своих кланов, провоцируя недовольство и месть со стороны обделенных. На смену традиционным сообществам холостяков пришли школы, где молодых энга готовили занять несуществующие рабочие места, — в итоге молодежь присоединялась к преступным рэскол-группировкам[23]. Они отвергали контроль старейшин и не подчинялись традиционным племенным нормам. Молодежь банды манили доступностью алкоголя, наркотиков, азартных игр в ночных клубах и огнестрельного оружия (в том числе автоматического — М-16 и АК-47). Страну, почти как во времена средневековых рыцарей, захлестнула стихия насилия, разбоев и поджогов. Государство, то есть необученная и слабо вооруженная полиция и продажные чиновники, были не способны поддерживать порядок. Управленческий вакуум, ставший следствием стремительной деколонизации, повернул цивилизационный процесс вспять, лишив жителей Папуа — Новой Гвинеи как традиционных норм поведения, так и современных институтов правоприменения. Такое падение нравов свойственно и другим бывшим колониям, что создает турбулентность, направленную против глобального тренда на снижение уровня убийств.

Западным наблюдателям часто кажется, что насилие в регионах, где сегодня царит беззаконие, постоянно и непреодолимо. Но в истории немало случаев, когда сообщества оказывались по горло сыты кровопролитием и предпринимали маневр, который

криминологи назвали цивилизационным наступлением⁷². Спад насилия в результате укрепления государства и развития торговли происходит сам по себе и является своего рода побочным продуктом, но цивилизационное наступление — это целенаправленные попытки части общества (обычно женщин, старейшин или религиозных деятелей) усмирить местных «рэмбо» и восстановить нормальную жизнь. Висснер описала цивилизационное наступление на территориях энга в 2000-х⁷³. Церковь постаралась снизить популярность бандитского образа жизни, привлекая молодежь к себе с помощью спорта, музыки и молитв, заменяя этику мести этикой прощения. В 2007 г. появилась мобильная связь, и старейшины племен оперативно информировали друг друга о разгорающихся конфликтах, а специальные «группы быстрого реагирования» спешили уладить дело, пока ситуация не вышла из-под контроля. Самых безудержных подстрекателей в кланах удалось усмирить, иногда посредством жестоких публичных казней. Старейшины вынудили муниципалитеты запретить азартные игры, алкоголь и проституцию, и молодое поколение откликнулось на принятые меры, осознав, что «жизнь Рэмбо коротка и бессмысленна». Висснер подсчитала: в 2000-х гг. число убийств после нескольких десятилетий роста заметно упало. Как мы увидим, это не единственный пример успешного цивилизационного наступления в истории.

НАСИЛИЕ В США

Насилие — явление столь же американское, как пирог с вишней.

Даже если спикер «Черных пантер» Х. Рэп Браун и перепутал вишневый пирог с яблочным, он верно указал на одну из типичных примет американской действительности. Статистика убийств в США отличается от статистики других западных демократий. В этом рейтинге Соединенные Штаты ближе к задиристому населению Албании и Уругвая, чем к родственным народам Британии, Нидерландов и Германии, демонстрируя значения, сравнимые со средним мировым уровнем. На протяжении XX в. уровень убийств в общем не снизился, что отражено на рис. 3–10 (для диаграмм XX в. я использую не логарифмическую, а линейную шкалу).

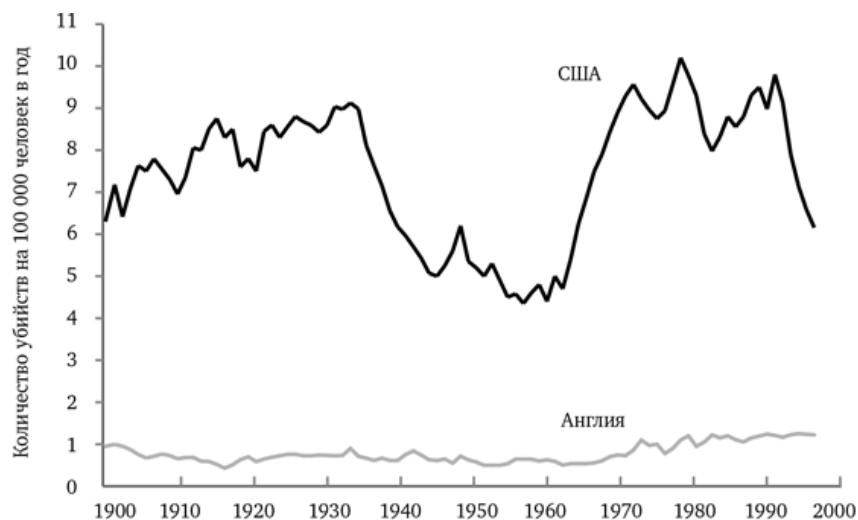

РИС. 3–10. Уровень убийств в США и Англии, 1900–2000 гг.

Источник: Graph from Monkkonen, 2001, p. 171; Zahn & McCall, 1999, p. 12. Данные Монкконена по США слегка отличаются от криминальных сводок ФБР, отраженных на рис. 3–18 и цитируемых в этой главе

Уровень убийств в Америке полз вверх до 1933 г., сорвался вниз в 1930–1940-х гг., в 1950-х оставался довольно низким, резко взлетел в 1962 г., в 1970–1980-х витал где-то в стратосфере и только в 1992 г. вновь начал опускаться. В 1960-х уровень насилия поднялся во всех западных демократических государствах, я вернусь к этому вопросу в следующем разделе. Но почему США вошли в XX в., имея процент убийств

гораздо выше британского, и так и не сократили разрыв? Может быть, США — это исключение из правила, согласно которому страны с хорошим правительством и крепкой экономикой проходят через процесс цивилизации, снижающий уровень насилия? И если так, то чем США от них отличаются? В газетных статьях нередко можно наткнуться на псевдообъяснения вроде такого: «Америка более агрессивна потому, что наша культура предрасполагает к насилию»⁷⁴. Как разорвать этот замкнутый круг? Дело ведь не в том, что американцы обожают палить во все стороны без разбора. Даже если не считать убийства, совершенные с применением огнестрельного оружия, и принять во внимание только убийства, совершенные с помощью веревок, ножей, стальных труб, монтировок и так далее, американцы все равно убивают гораздо чаще, чем европейцы⁷⁵.

Европейцы всегда считали Америку нецивилизованной страной, но это верно лишь отчасти. Чтобы понять особенности американского насилия, нужно помнить, что Соединенные Штаты — это, в сущности, соединенные государства. В вопросе насилия США не одна страна, а целых три. На карте 3–11 такой же растушевкой, что и на 3–9, отражен уровень убийств в 50 американских штатах в 2007 г.

Здесь отчетливо видно, что *некоторые* штаты не так уж сильно отличаются от Европы. В их числе оправдывающие свое название штаты Новой Англии и полоса северных штатов, протянувшаяся в направлении Тихого океана (Миннесота, Айова, обе Дакоты, Монтана и Северо-Тихоокеанские штаты), а также Юта. И дело не в одинаковом климате — Орегон в этом смысле не похож на Вермонт, — а

скорее в исторических путях миграции, которая шла в основном с востока на запад. Эта полоса мирных штатов, уровень убийств в которых не достигает 3 на 100 000 человек в год, — вершина градиента, сгущающегося от севера к югу. На юге расположились Аризона (7,4) и Алабама (8,9), которые проигрывают в сравнении с Уругваем (5,3), Иорданией (6,9) и Гренадой (4,9). А ведь есть еще и Луизиана (14,2) с уровнем убийств, близким к Папуа — Новой Гвинее (15,2)⁷⁶.

Второй контраст не так заметен на карте. Уровень убийств в Луизиане выше, чем в других южных штатах, а значения по округу Колумбия (еле заметная черная точка) зашкаливают за 30,8 — это на уровне самых опасных центральноамериканских и африканских стран. Это исключения, и причина их — в высокой доле проживающих там афроамериканцев. Нынешняя разница в уровне убийств среди белых и среди черных в Америке потрясает воображение. В 1976–2005 гг. средний уровень убийств среди белых американцев был равен 4,8, среди черных — 36,9⁷⁷. Дело не только в том, что черных арестовывают и осуждают чаще, этот разрыв нельзя объяснить расовой дискриминацией. На него указывают и результаты анонимных опросов, в рамках которых жертвы называют расовую принадлежность нападавших или когда люди вспоминают собственную историю правонарушений⁷⁸. Кстати, хотя процент афроамериканцев выше в южных штатах, разница в уровне насилия между Югом и Севером США не является следствием разницы между белым и черным населением. Белые южане агрессивнее белых северян, а черные южане, в свою очередь, агрессивнее черных жителей северных штатов⁷⁹.

И хотя жители северных штатов и белые американцы несколько агрессивнее западных европейцев (у которых средний уровень убийств равен 1,4), эта разница гораздо меньше разницы внутри страны. А стоит копнуть чуть глубже, становится ясно, что и США прошли через запущенный государством процесс цивилизации, хотя разные регионы пережили его в разное время и в разной мере. Копать неизбежно придется, потому что в сфере учета убийств США довольно долго были отсталой страной. Большинство убийств расследовались на уровне штатов, до 1930-х гг. адекватная федеральная статистика не велась. К тому же до недавнего времени то, что мы сегодня называем США, было постоянно меняющейся величиной. Основной состав из 48 штатов окончательно оформился только к 1912 г., и многие штаты периодически наполнялись очередной волной иммигрантов, которые меняли демографию Америки. Хотя большинство траекторий похожи на американские горки, они показывают, как различные части страны приходили к цивилизации по мере того, как анархия дальних рубежей уступала место государственному контролю.

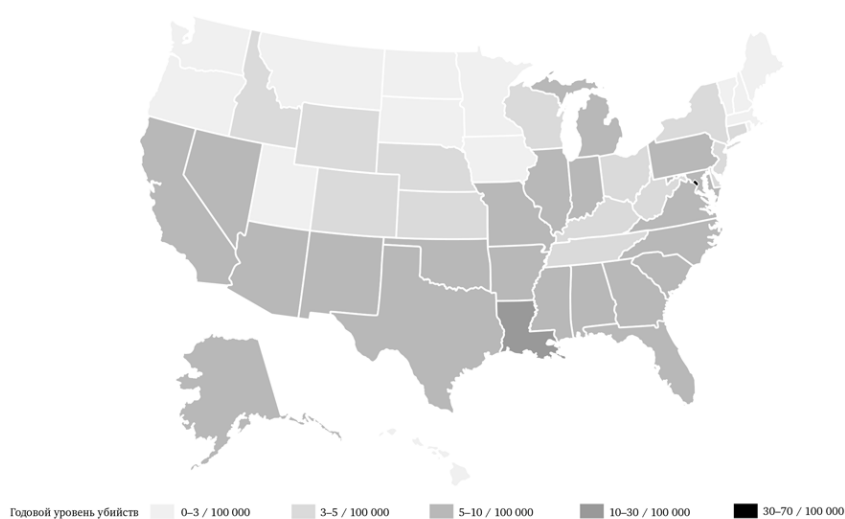

РИС. 3–II. География убийств в Соединенных Штатах, 2007

Источники: Data from U.S. Federal Bureau of Investigation, 2007, table 4, Crime in the United States by Region, Geographical Division, and State, 2006–7.

На рис. 3–12 сравниваются данные Рота по Новой Англии с показателями, вычисленными Эйснером по Англии. Заоблачно высокий уровень насильственных смертей в колониальной Новой Англии подтверждает наблюдение Рота, согласующееся с мыслью Эйснера: «Эпоха приграничного насилия с уровнем убийств около 100 на 100 000 взрослых в год закончилась в 1637 году, когда английские колонисты и их союзники из числа коренных американцев закрепили свое господство в Новой Англии». После укрепления государственного контроля графики, составленные для Англии и Новой Англии, становятся подозрительно похожими.

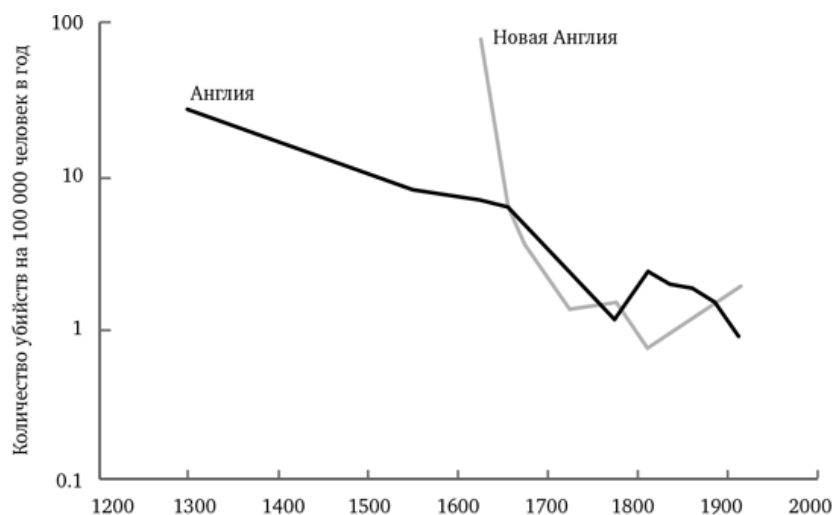

РИС. 3–12. Уровень убийств в Англии, 1300–1925 гг., и в Новой Англии, 1630–1914 гг.

Источники: данные по Англии: Eisner, 2003. Данные по Новой Англии: 1630–37, Roth, 2001, p. 55; 1650–1800: Roth, 2001, p. 56; 1914: Roth, 2009, p. 388. Оценка Рота умножена на 0,65, чтобы перевести данные по взрослому населению в данные по населению в целом; см. Roth, 2009, p. 495. Данные, представляющие временные отрезки, взяты в средней точке

Прочие северо-западные штаты тоже продемонстрировали падение с трехзначных и двузначных значений до типичных для современного мира однозначных. Нидерландская колония Новая Голландия с поселениями от Коннектикута до Делавэра пережила резкий спад насилия уже в первые десятилетия своего существования: с 68 до 15 на 100 000 (рис. 3–13). Но когда в XIX в. сбор данных возобновился, оказалось, что США дрейфуют прочь от

двух метрополий. Хотя более отдаленные и этнически однородные части Новой Англии (Вермонт и Нью-Гэмпшир) сохраняли уровень ниже 1 на 100 000, Бостон в середине XIX в. стал опаснее, чем был прежде, обойдя города бывшей Новой Голландии — Нью-Йорк и Филадельфию.

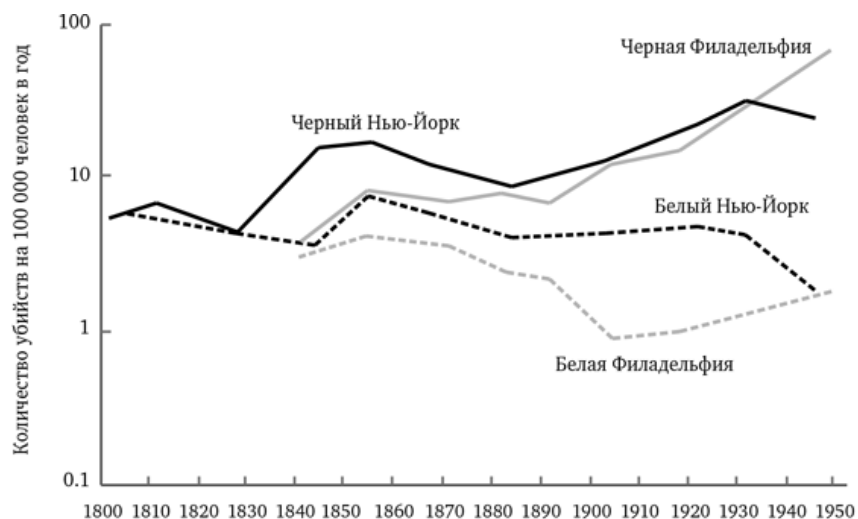

РИС. 3-13. Уровень убийств в северо-восточных штатах, 1636–1900 гг.

Источники: Roth, 2009, только белые. Новая Англия: pp. 38, 62. Новая Голландия: pp. 38, 50. Нью-Йорк: pp. 185. Нью-Гэмпшир и Вермонт: p. 184. Филадельфия: p. 185. Данные, представляющие временные отрезки, взяты в средней точке. Оценка Рота была умножена на 0,65, чтобы перевести данные по взрослому населению в данные по населению в целом: см. Roth, 2009, p. 495. Оценка для «взрослых, не родственников» была умножена на 1,1, чтобы сделать ее сопоставимой с оценкой по всем взрослым

Зигзаги северо-восточных штатов иллюстрируют две особенности американской версии процесса цивилизации. Тот факт, что среднее значение по разным штатам не зашкаливает, но и не опускается в самый низ графика, предполагает, что укрепление государственной власти на дальних рубежах страны может снизить годовой уровень убийств на порядок или около того — от 100 до примерно 10 на 100 000 человек. Но если в Европе нисходящая тенденция продолжалась и дальше, до единицы, то в Америке уровень обычно останавливался на значениях 5–15, где и находится до сего дня. Рот предположил, что, как только эффективное правительство утихомирит население с уровня сотен до десятков убийств на 100 000 человек в год, дальнейшее его снижение будет

зависеть от степени легитимности правительства, доверия народа законам и установленному порядку. Напомню, что Эйснер сделал схожее замечание по поводу цивилизационного процесса в Европе.

РИС. 3-14. Уровень убийств среди белого и черного населения Нью-Йорка и Филадельфии, 1797–1952 гг.

Источники: New York 1797–1845: Roth, 2009, p. 195. New York 1856–85: Average of Roth, 2009, p. 195 and Gurr, 1989a, p. 39. New York 1905–53: Gurr, 1989a, p. 39. Philadelphia: 1842—94: Roth, 2009, p. 195. Philadelphia 1907–28: Lane, 1989, p. 72 (средние значения за 15 лет). Philadelphia, 1950s: Gurr, 1989a, pp. 38–39. Оценка Рота умножена на 0,65, чтобы перевести данные по взрослому населению в данные по населению в целом (Roth, 2009, p. 495). Оценка по Филадельфии дополнительно умножена на показатель от 1,1 до 1,5, чтобы компенсировать, соответственно, количество не родственников относительно всех жертв и количество обвинений относительно количества убийств (Roth, 2009, p. 492). Данные, представляющие временные отрезки, взяты в средней точке

Согласно многим собранным Ротом малым базам данных, в середине XIX в. насилие в Америке возросло — и это вторая особенность американской версии цивилизационного процесса⁸⁰. Ход и последствия Гражданской войны нарушили социальный баланс во многих регионах страны, а города северо-востока захлестнула волна эмиграции из Ирландии, как мы видели, отстававшей от Англии по скорости сокращения числа убийств. В XIX в. американцы ирландского происхождения, подобно афроамериканцам в следующем столетии, были более агрессивны, чем их соседи, по большей части потому, что они и полиция не воспринимали друг друга всерьез⁸¹. Но во второй половине XIX в. силы правопорядка в американских городах разрослись,

стали профессиональнее и начали служить системе уголовного правосудия, а не осуществлять собственное посредством полицейских дубинок. В результате в XX в. уровень убийств среди белых американцев в крупных городах северной части страны снизился⁸².

Вторая половина XIX в. также ознаменовалась важными переменами. Диаграммы, которые я приводил до сих пор, показывают данные для белых американцев. Рис. 3–14 демонстрирует уровень убийств в двух городах, в которых показатели убийств среди белого и черного населения можно подсчитать по отдельности. Этот график проливает свет на тот факт, что разница в количестве убийств, совершаемых белыми и черными американцами, существовала не всегда. В первой половине XIX в. в городах северо-востока, в Новой Англии, на Среднем Западе и в Виргинии американцы разных рас убивали друг друга в равных пропорциях. Позже данные начали различаться, и брешь стала еще шире в XX в., когда количество убийств среди афроамериканцев стремительно взлетело, в три раза превысив показатели белых в Нью-Йорке 1850-х гг. и в 13 раз — столетием позже⁸³. О причинах, включающих экономическую сегрегацию и сегрегацию по месту жительства, можно написать еще одну книгу. Но, как видно, одна из причин в том, что афроамериканцы с низким уровнем дохода жили, по сути, без государства, полагаясь для защиты своих интересов больше на культуру чести (или, как ее еще называют, «кодекс улицы»), чем на закон⁸⁴.

~

Первыми успешно развивающимися английскими поселениями в Америке были Новая Англия и Виргиния. Если взглянуть на рис. 3–13 и 3–15, может показаться, что за первые 100 лет своего существования обе колонии прошли через сходные цивилизационные процессы. Но, присмотревшись к значениям на оси вертикалей, понимаешь, что показатели убийств для северо-востока попадают в промежуток от 0,1 до 100, а для юго-востока — от 1 до 1000, что в 10 раз больше. В отличие от разрыва между черными и белыми, расхождение между Севером и Югом имеет куда более глубокие корни в американской истории. С самого начала колонизации уровень насилия в колониях Чесапикского залива на территории Мэриленда и Виргинии был выше, чем в Новой Англии. И хотя он и снизился до приемлемых значений (1–10 на 100 000) и держался на этом уровне большую часть XIX в., другие регионы населенного Юга колебались в нижней части интервала 10–100 — взгляните, например, на цифры плантаторских округов Джорджии. Удаленные и горные регионы, такие как окраины Джорджии и граница между штатами Теннесси и Кентукки, оставались на нецивилизованном уровне в 100 и больше убийств на 100 000 человек, причем некоторые — даже в XIX в.

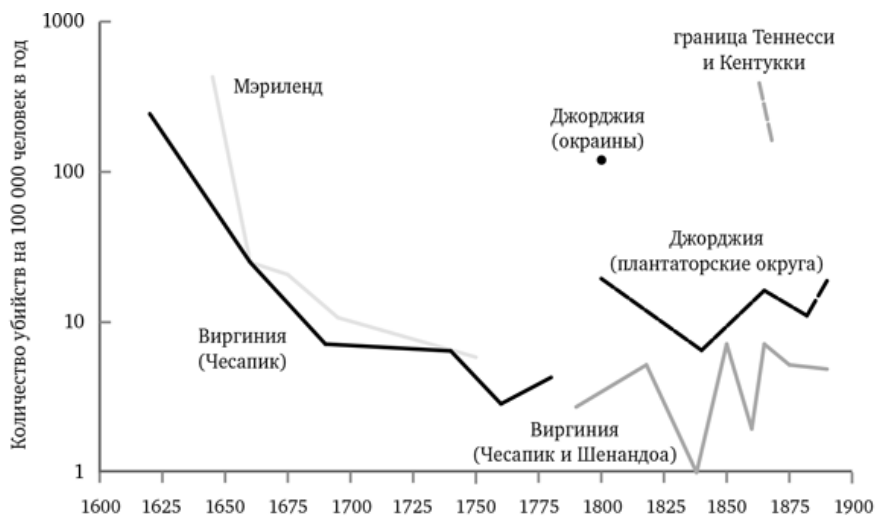

РИС. 3–15. Уровень убийств на юго-востоке США, 1620–1900 гг.

Источники: Roth, 2009, только белые. Виргиния (Чесапик): pp. 39, 84. Виргиния (Чесапик и Шенандоа): p. 201. Georgia: p. 162. Теннесси — Кентукки: pp. 336–37. Нулевое значение для Виргинии в 1838 г. принято за 1, так как логарифм о не определен. Оценки были умножены на 0,65, чтобы перевести уровень для взрослых в уровень по населению в целом; см. Roth, 2009, p. 495

Почему у Юга такая долгая история насилия? Самый исчерпывающий ответ: цивилизаторские усилия правительства никогда не продвигались на американский Юг так глубоко, как на Север (с Европой не будем и сравнивать). Историк Питер Спиренбург провокационно предположил, что в Америку «демократия пришла слишком рано»⁸⁵. В Европе сначала государство разоружило население и заявило монополию на насилие, а уже затем народ взял под контроль государственный аппарат. В Америке граждане пришли к власти раньше, чем государство принудило их сдать оружие: право иметь и носить его, как известно, сохраняется за ними и подтверждается Второй поправкой к Конституции. Другими словами, американцы, особенно на Юге и Западе, так в полной мере и не заключили общественный договор с государством, наделяющий последнее исключительным правом на законное применение силы. Легитимное насилие в американской истории по большей части было правом еще и отрядов милиции, вигилантов, линчующих толп, корпоративной полиции, детективных агентств

и всевозможных Пинкертонов-одинок, а еще чаще оставалось прерогативой частных лиц.

Как заметили историки, на Юге это распределение власти всегда было свято и неприкосновенно. По словам историка-криминолога профессора Эрика Монкконена, в XIX в. «на Юге государство намеренно оставалось слабым, отказываясь от обязанностей вроде исполнения наказаний и отдавая их на откуп гражданам»⁸⁶. Если убийство считалось «мотивированным», дело спускали на тормозах, а «большинство убийств... в южном захолустье были мотивированными — в том смысле, что жертва не сделала все возможное для того, чтобы спастись, или к убийству привел личный конфликт, или просто жертва и преступник были такими людьми, которые обычно убивают друг друга»⁸⁷.

Склонность южан полагаться на собственные силы при установлении правосудия долго оставалось частью мифологии Юга. Прививалась она еще в детстве. Юному Эндрю Джексону (президенту-дуэлянту, в котором, по его собственным словам, при ходьбе громыхали застрявшие в нем пули) мать советовала: «Никогда не обращай в суд, если тебя оклеветали, оскорбили или избили. Всегда решай эти дела сам»⁸⁸. Таким же подходом бравировали задиристые кумиры Юга — Дэниэл Бун и «король Дикого Фронтiera» Дэви Крокетт. Эта склонность поддерживала семейные вендетты — вспомним классическую вражду семейств Хэтфилдов и Маккоев на границе Кентукки и Западной Виргинии. Она не только увеличивала статистику убийств, но и оставила след в психологии современных южан⁸⁹.

Самостоятельное правосудие держится на убедительной демонстрации доблести и решимости, и

американский Юг по сей день одержим идеей эффективного устрашения, также известной как культура чести. Культура чести, не поощряя корыстное или инструментальное насилие, одобряет его в качестве мести за оскорбление или иное ущемление интересов. Психологи Ричард Нисбетт и Дов Коэн показали, что этот менталитет до сих пор пронизывает законы, политические принципы и установки южан⁹⁰. Они подсчитали, что количество убийств, совершенных при ограблении, на Юге не больше, чем на Севере. Разница заметна, только когда дело касается личных конфликтов. В ходе проведенных опросов южане порицали насилие как таковое, но одобряли, если оно применялось, чтобы защитить семью и дом. Законы южных штатов опираются на ту же мораль. Они наделяют граждан правом убивать для самозащиты и защиты собственности, накладывают меньше ограничений на покупку оружия, разрешают телесные наказания в школах и выносят за убийство смертный приговор, который уголовная система Юга с готовностью приводит в исполнение. Южане чаще выбирают армейскую карьеру, учатся в военных академиях и занимают воинственную позицию во внешнеполитических вопросах.

В серии остроумных экспериментов Нисбетт и Коэн показали, как культура чести влияет на поведение южан. Исследователи разослали в компании по всей стране поддельные письма с просьбой о работе. Половина из них содержала следующее признание:

Я хочу быть честным и избежать недопонимания, поэтому вам нужно кое-что узнать. Я был осужден за преступление, конкретнее — за убийство. Вы, скорее всего, захотите услышать подробности, прежде чем слать мне приглашение на работу, так что я объясню. Я ввязался в драку с типом, который завел

интрижку с моей невестой. Я жил тогда в маленьком городке, и однажды вечером этот человек оскорбил меня в баре в присутствии моих друзей. Он сказал при всех, что спал с моей невестой. Он смеялся мне в лицо и предлагал выйти и решить все по-мужски. Я был молод и не хотел отступать на глазах у всех. Мы вышли на улицу, и он напал на меня. Он свалил меня на землю и схватил бутылку. Я мог бы убежать, и судья потом сказал, что так я и должен был поступить, но моя гордость не позволила мне сделать этого. Я поднял валявшуюся на земле трубу и ударил его. Я не хотел его убивать, но через несколько часов он умер в больнице. Я понимаю: то, что я сделал, — неправильно.

Экспериментаторы разослали такое же количество писем, в которых вымышленный соискатель «признавался» в другом преступлении — угоне автомобиля, который он совершил по глупости, желая добыть денег для своей жены и детей. В ответ на письмо с признанием в убийстве ради защиты чести компании с Юга и с Запада чаще, чем северяне, присылали автору приглашения на работу, и их ответы были выдержаны в гораздо более теплом тоне. Например, владелица магазина с Юга извинилась, что у нее сейчас нет свободных вакансий, и добавила:

Что касается истории из вашего прошлого, наверное, любой мог попасть в такую ситуацию. Это был несчастный случай, и никто не имеет права вас в этом упрекать. Ваша честность подтверждает вашу искренность... Я желаю вам удачи в будущем. Вы позитивно настроены и стремитесь работать. Именно эти качества сегодня хотят видеть работодатели в своих сотрудниках. Когда устроитесь, заезжайте повидаться, если будете поблизости⁹¹.

Ничего такого же приветливого не написали ни компании с Севера, ни компании, получившие письмо с версией об угоне. Более того, северные компании скорее были готовы простить угон, чем убийство ради защиты чести, южные же и западные компании чаще закрывали глаза на убийство ради защиты чести, но не на кражу.

Нисбетт и Коэн зафиксировали южную культуру чести и в ходе лабораторных экспериментов.

Объектом их исследования были не «мужланы с болот Миссисипи», а благополучные студенты Мичиганского университета, прожившие на Юге по меньшей мере шесть лет. Их набирали для участия в психологическом эксперименте по «изучению некоторых психологических аспектов мышления в условиях дефицита времени» — немного абракадабры, маскирующей подлинную цель исследования. Проходя в лабораторию по узкому коридору, студенты должны были протискиваться мимо помощника экспериментатора, перебиравшего бумаги в шкафу. В половине случаев, когда респондент касался его, тот резко задвигал ящик, бормоча: «Придурок!» Потом экспериментаторы (которые не знали, оскорбили этого конкретного студента или нет), приглашали испытуемого в лабораторию, наблюдали за его поведением, проводили опрос и брали кровь на анализ. Они обнаружили, что студенты из северных штатов отшучивались и вели себя так же, как и контрольная группа, в которой никого не обругали. А вот студенты из южных штатов входили в лабораторию, кипя от негодования. Их ответы показывали снижение самооценки, а в крови повышался уровень тестостерона и кортизола — гормона стресса. Они более жестко общались с экспериментатором, крепче жали ему руку, а на обратном пути, когда другое подставное лицо загораживало им путь в узком коридоре, отказывались отойти и уступить дорогу²².

Есть ли какая-то внешняя причина, объясняющая, почему культура чести сильнее развита на Юге? Несомненно, чтобы поддерживать экономику рабства, требовалась некоторая брутальность, и это может быть одним из факторов, но самые опасные части Юга — это глухие районы, чья экономика никогда не

зависела от рабского труда на плантациях (рис. 3–15). На Нисбетта и Коэна произвела впечатление книга Дэвида Хэкетта Фишера «Семя Альбиона» (Albion's Seed) об истории британской колонизации США, и они задались вопросом, из каких мест Европы прибыли первые колонисты. Северные штаты заселяли английские пуритане и квакеры, голландцы и немцы, занимавшиеся фермерством у себя на родине, в то время как внутренние районы Юга в основном колонизировались шотландцами и ирландцами, из которых многие были овцеводами, жителями горных местностей, куда не дотягивались руки британского правительства. Нисбетт и Коэн предположили, что это и могло стать внешней причиной формирования культуры чести. Дело не только в том, что благополучие скотовода зависит от движимого материального имущества, — у этого имущества еще и ноги имеются: скот можно увести, а значит, отобрать его гораздо проще, чем землю у фермера. Скотоводы всего мира культивируют быструю и жестокую реакцию на обиды. Нисбетт и Коэн предположили, что шотландско-ирландские переселенцы принесли свою культуру с собой и сохранили ее, занявшись скотоводством в горах Южного Фронттира. И хотя современные южане скот, как правило, уже не разводят, культурные нормы могут существовать еще долгое время после того, как исчезнут породившие их обстоятельства. Поэтому южане и поныне ведут себя так, словно должны быть достаточно круты, чтобы дать отпор угонщикам скота.

Согласно этой гипотезе, люди могут веками придерживаться каких-то стратегий поведения после того, как те станут бесполезными. Однако, если посмотреть шире, теория культуры чести не зависит от этого предположения. В горах часто занимаются

скотоводством, потому что выращивать растения там сложно, гористые местности часто живут по своим собственным законам, потому что властям труднее добраться до них, умиротворить и управлять ими. Таким образом, истоки самостоятельного правосудия — в анархии, в отсутствии власти, а не в скотоводстве как таковом. Напомню, что, хотя владельцы ранчо пасли скот в округе Шапта больше 100 лет, тем не менее нанесенный скотом «мелкий ущерб» предписывалось «забывать», а не устраивать кулачные бои, защищая свою честь. Кроме того, в недавно проведенном исследовании, сравнивающем уровень насилия в южных графствах и их пригодность для скотоводства, связи между этими переменными обнаружено не было⁹³.

Итак, достаточно предположить, что переселенцы из отдаленных районов Британии осели в отдаленных районах Юга и что оба региона долгое время не знали закона и возвращали культуру чести. Хотелось бы еще понять, почему эта культура настолько устойчива. В конце концов, на Юге уже довольно давно действует система уголовного правосудия. Возможно, культура чести имеет здесь такую силу, потому что первый человек, который посмеет от нее отказаться, будет облит презрением как трус и клеймен как легкая добыча.

Американский Запад даже в XX в. оставался зоной анархии в еще большей степени, чем американский Юг. Голливудское клише «ближайшего шерифа можно найти в 90 милях отсюда» было суровой реальностью на миллионах квадратных миль Запада, а отсюда и другой стереотип, знакомый нам по вестернам, —

всепроникающее насилие. Набоковский Гумберт Гумберт, хлебнувший американской поп-культуры во время своего бегства с Лолитой через всю страну, смакует «кулачные удары, которыми можно оглушить быка» из ковбойских фильмов:

Были, наконец, фильмы «Дикого Запада» — терракотовый пейзаж, краснолицые, голубоглазые ковбои, чопорная, но прехорошенькая учительница, только что прибывшая в Гремучее Ущелье, конь, вставший на дыбы, стихийная паника скота, ствол револьвера, пробивающий со звоном оконное стекло, невероятная кулачная драка, во время которой грохается гора пыльной старомодной мебели, столы употребляются как оружие, сальто спасает героя, рука злодея, прижатая героем к земле, все еще старается нащупать оброненный охотничий нож, дерущиеся крикают, отчетливо трахает кулак по подбородку, нога ударяет в брюхо, герой, нырнув, наваливается на злодея; и тотчас после того, как человек перенес такое количество мук, что от них слег бы сам Геракл (мне ли не знать этого ныне!), ничего не видать, кроме довольно привлекательного кровоподтека на бронзовой скуле разогревшегося героя, который обнимает красавицу-невесту на дальней границе цивилизации⁹⁴.

В книге «Земля насилия: молодые люди и общественные беспорядки» (Violent Land: Young Men and Social Disorder) историк Дэвид Кортрайт показал, что голливудские вестерны хоть и романтизировали образ ковбоя, но довольно точно отражали уровень насилия на Западе. Жизнь ковбоя протекала между опасной изнурительной работой и днями получки, когда наши герои накачивались алкоголем, предавались азартным играм, разврату и бузотерству. «Чтобы сделать ковбоя символом американской истории, потребовалась своего рода нравственная хирургия. Ковбоя запомнили как героя и авантюриста верхом на коне. А безлошадный пьяница, спящий на куче навоза позади салуна, был забыт»⁹⁵.

На американском Диком Западе годовой уровень убийств был в 50 — несколько сот раз выше, чем в городах на Востоке и в сельскохозяйственных регионах Среднего Запада: 50 на 100 000 в Абилине,

Канзас, 100 — в Додж-Сити, 229 — в Форт Гриффине, Техас, и 1500 — в Эллсворте, Канзас⁹⁶. Причины были чисто гоббсовские. Система уголовного правосудия финансировалась недостаточно, ее служащие были некомпетентны и часто коррумпированы. «В 1877 году, — пишет Кортрайт, — только в Техасе около пяти тысяч человек числились в розыске — не слишком обнадеживающий признак эффективности правоохранительных органов»⁹⁷. Самовольное правосудие было единственным способом отвадить угонщиков скота, грабителей с большой дороги и прочих бандитов. Гарантировать убедительность угрозы возмездия могла лишь репутация решительного человека, и ее имело смысл защищать любой ценой, что увековечено в эпитафии на могиле в Колорадо: «Он назвал Билла Смита лжецом»⁹⁸. Свидетель описывает повод к драке, разразившейся во время карточной игры в служебном вагоне поезда, перевозившего скот. Один из ковбоев сказал: «Я не хочу играть грязной колодой». Другой ковбой счел, что «грязной колодой» назвали его, и, когда пороховой дым рассеялся, один человек был мертв и трое ранены⁹⁹.

В условиях гоббсовской анархии жили не только ковбойские края, но и регионы Запада, заселенные шахтерами, железнодорожными работниками, дровосеками и кочующими разнорабочими. Вот подлинный образец декларации права собственности, прибитый к столбу в 1849 г., во времена калифорнийской золотой лихорадки:

Всем и каждому! По законам Чистого Ручья и по праву применения оружия для защиты собственности, отсюда и на 50 футов по оврагу — это мой участок. Любой нарушитель права собственности будет наказан по всей строгости закона. Это не пустые угрозы: если необходимо, я буду отстаивать свое

имущество с оружием в руках, так что внимлите честному предупреждению¹⁰⁰.

Картрайт ссылается на цифры среднегодового уровня убийств (83 на 100 000) и на «обилие других свидетельств, что Калифорния во времена золотой лихорадки была жестоким и безжалостным местом. Названия лагерей золотоискателей говорят сами за себя: Выбитый Глаз, Застава Убийц, Ущелье Головорезов, Кладбищенский Приют. Был Город Висельников и Адский Город, Город Виски и Гоморра. Хотя, что интересно, не было Содома»¹⁰¹. В поселках, которые, как грибы, росли повсюду на Западе в период бурного развития добывающей промышленности, уровень убийств был дичайшим: 87 на 100 000 в Авроре, штат Невада, 105 — в Лидвилле, Колорадо, 116 — в Боди, Калифорния, и вопиющие 24 000 (почти один из четырех) — в Бентоне, Вайоминг.

Диаграмма 3–16, отображающая траекторию насилия на Американском Западе, основана на представленных Ротом выборочных данных о годовом уровне убийств в двух и более временных точках. Линия, представляющая Калифорнию, уходит вверх около 1849 г., с началом золотой лихорадки, но затем, вместе со штатами Юго-Запада, отражает характерные признаки цивилизационного процесса: более чем десятикратное снижение уровня убийств: с 100–200 до 5–15 на 100 000 (хотя, как и на Юге, снижение не продолжилось до 1–2, как в Европе или Новой Англии). Я показал на графике и спад насилия в калифорнийских скотоводческих округах (подобных тем, что изучал Элликсон) в подтверждение мысли, что регулируемое обычаями мирное сосуществование пришло к ним только после долгого периода беззакония и насилия.

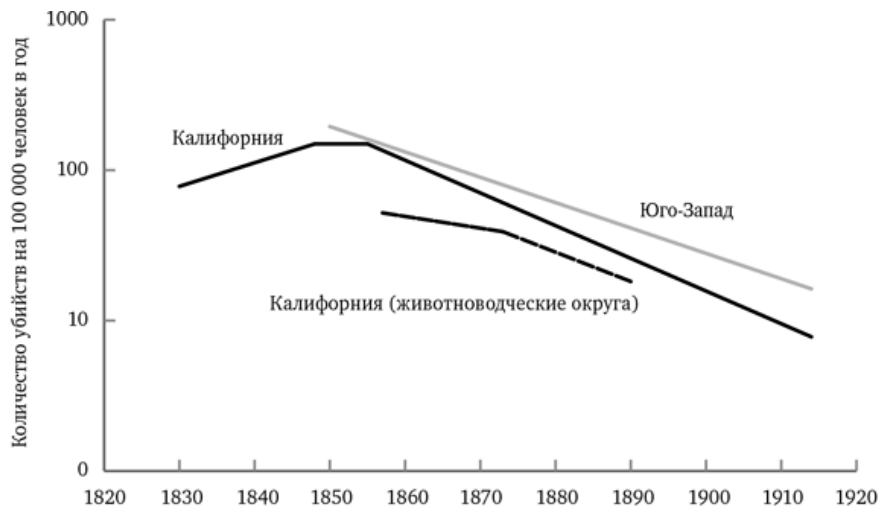

РИС. 3–16. Уровень убийств в юго-западных штатах Америки и в Калифорнии, 1830–1914 гг.

Источники: Roth, 2009, только белые. Калифорния (оценки): р. 183, 360, 404. Калифорния (животноводческие округа): р. 355. Юго-Запад, 1850 (оценки): р. 354. Юго-Запад, 1914 (Аризона, Невада и Нью-Мексико): р. 404. Теннесси — Кентукки: рр. 336–37. Оценки были умножены на 0,65, чтобы конвертировать уровень для взрослых в уровень по населению в целом; см. Roth, 2009, р. 495

Так что как минимум пять крупных регионов США — Северо-Восток, Среднеатлантические штаты, побережье Юга, Калифорния и Юго-Запад — подверглись цивилизационному процессу, хотя и в разное время и с разным успехом. Насилие на Американском Западе продержалось на две сотни лет дольше, чем на Востоке, — процесс его снижения продолжился и после знаменитого извещения 1890 г. о закрытии американского Фронттира, которое символически отмечает конец анархии в США.

~

Анархия была не единственной причиной кровавой вакханалии на Диком Западе и в других опасных зонах разрастающейся Америки — в рабочих лагерях, поселках бродяг и чайнатаунах («Брось, Джейк, это Китайский квартал»[\[25\]](#)). Согласно Кортрайту, дикость нравов усугублялась демографическими проблемами и законами эволюционной психологии. Эти регионы были населены молодыми холостяками, бежавшими на Фронтир с нищих ферм и из городских

гетто в поисках удачи. В науке о насилии есть важная константа: бóльшая его часть совершается мужчинами в возрасте от 15 до 30 лет¹⁰². И не только потому, что у большинства видов млекопитающих самцы — конкурирующий пол, но и потому, что у *Homo sapiens* позиция мужчины в неофициальной иерархии защищена его репутацией — вложение, которое будет окупаться на протяжении всей жизни, поэтому начинать инвестировать нужно как можно раньше.

Однако насилие среди мужчин имеет один ограничитель: энергию можно потратить на конкуренцию с другими мужчинами за доступ к женщинам и, собственно, на соблазнение женщин и инвестирование в своих детей: континуум, который биологи иногда называют «от подлецов до отцов» (cads versus dads)¹⁰³. В социальной экосистеме, состоящей в основном из мужчин, оптимальным выбором для одиночки будет «подлец», потому что без статуса альфа-самца не победишь в конкурентной борьбе и не подберешься поближе к немногочисленным женщинам. Этот выбор оправдывает себя и в среде, где женщин больше, но отдельные мужчины могут их монополизировать. В таких условиях ставить на кон собственную жизнь может быть выгодно, потому что, как заметили психологи Мартин Дэйли и Марго Уилсон, «любой индивид, которому грозит полный репродуктивный провал, должен удваивать усилия, часто с риском для жизни, чтобы попытаться улучшить существующее положение дел»¹⁰⁴. «Отцам» же благоприятствует экосистема с равным количеством мужчин и женщин и моногамными союзами между ними. При таких обстоятельствах жестокая конкуренция не дает мужчинам никаких репродуктивных преимуществ, но

грозит большим убытком: мертвец не может содержать своих детей.

Еще одна биологическая причина насилия в удаленных от цивилизации местах скорее нейробиологическая, чем социобиологическая: доступность спиртного. Алкоголь влияет на синаптические связи в мозге, особенно в префронтальной коре (см. рис. 8–3), ответственной за самоконтроль. Одурманенный алкоголем мозг хуже контролирует сексуальные побуждения, речь и тело, чему мы обязаны поговорками вроде «с пьяных глаз», «пьяная удаль» и «пьяному море по колено». Во множестве исследований было доказано, что люди со склонностью к насилию гораздо чаще прибегают к нему под влиянием алкоголя¹⁰⁵.

Свой вклад в укрощение Запада внесли не только шерифы со стальным взором и судьи-вешатели, но и понаехавшие женщины¹⁰⁶. Стандартные сцены из голливудских вестернов — «симпатичная школьная учительница приезжает в Гремучее Ущелье» — отражают историческую реальность. Природа не терпит перекосов в соотношении полов, и со временем с ферм и городов Востока страны потянулись на Запад вдовы, старые девы и молодые одинокие особы. Они искали свое семейное счастье, что вызывало энтузиазм самих холостяков и представителей местной власти и бизнеса, которых все сильнее раздражало падение нравов в буйных городках Дикого Запада. Прибыв на место, женщины использовали свою выгодную переговорную позицию, чтобы превратить Запад в более удобное для жизни место. Они побуждали мужчин оставить драки и пьянство ради брака и семейной жизни, выступали за строительство школ и церквей, закрывали салуны,

бордели, игровые притоны и другие заведения, конкурировавшие с ними за мужское внимание. Церковь с ее обязательными воскресными службами и восхвалением трезвости оказывала институциональную поддержку этому цивилизационному наступлению женщин. Сегодня мы посмеиваемся над Женским христианским союзом трезвости (и над тем, как активистка Кэрри Нейшн терроризировала питейные заведения, круша топором барные стойки) и над Армией спасения, гимн которой, согласно старой шутке, содержит слова: «Мы не едим печенье, потому что оно замешано на дрожжах, а даже одна крошка превращает мужчину в зверя». Но первые феминистки, участницы движений за трезвость, реагировали на реальное бедствие: разжигаемые алкоголем убийства в анклавах с большим количеством мужчин.

Мысль, что под влиянием женщин и брака молодые мужчины окультуриваются, может показаться банальной, как Канзас в августе [\[26\]](#), но в современной криминологии она остается общепринятой. В рамках одного известного исследования ученые на протяжении 45 лет вели наблюдение за тысячей подростков из бедных семей Бостона. Были выявлены два фактора, предрекающих, что подросток-правонарушитель не станет преступником: получение им постоянной работы и женитьба на женщине, о которой он заботится, — необходимость обеспечивать ее и детей. Второй фактор оказался существенным: совершать преступления продолжили три четверти холостяков и только треть женатых мужчин. И хотя из этого нельзя сделать вывод, брак ли удерживает мужчин от правонарушений, или же преступники реже женятся, социологи Роберт Сэмпсон, Джон Лауб и Кристофер

Уимер доказали на фактах, что женитьба оказывает положительное влияние. Если факторы, которые *обычно* побуждают мужчин вступать в брак, продолжают действовать, то вероятность правонарушений *действительно* снижается после женитьбы¹⁰⁷. Причину объяснил Джонни Кэш в известной песне “I Walk the Line”: «Поскольку ты со мной, я не перехожу черту».[27].

Изучение цивилизационного процесса на Западе и Диком Юге Америки помогает понять смысл политического ландшафта Америки сегодняшней. Многие интеллектуалы с Севера и обоих побережий озадачены обычаями своих соотечественников из традиционно республиканских штатов, одобряющих свободное владение оружием, смертные казни, слабое правительство, евангелическое христианство, «семейные ценности» и сексуальную сдержанность. А те, в свою очередь, озадачены нерешительностью демократических штатов по отношению к преступности и зарубежным противникам Америки, их доверием правительству, интеллектуальным неверием и терпимостью к распутству. Эта так называемая культурная война, как я подозреваю, следствие того, что исторически белая Америка пошла двумя разными цивилизационными дорожками. Север страны — это продолжение Европы, которая со Средних веков все быстрее продвигалась по пути цивилизации под влиянием придворной жизни и коммерции, Юг и Запад сохранили культуру чести, которая возникла в обходившихся без контроля властей районах растущей страны, уравновешивая ее собственными цивилизационными силами Церкви, семьи и трезвости.

ДЕЦИВИЛИЗАЦИЯ 1960-Х

Когда ты говоришь о разрушении, ты не знаешь, сможешь ли рассчитывать на меня[28].

ДЖОН ЛЕННОН. РЕВОЛЮЦИЯ 1

При всех несовпадениях траекторий исторического развития Европы и США один сдвиг они прожили синхронно: в 1960-х динамика насилия на обоих континентах совершила разворот на 180 градусов¹⁰⁸. На диаграммах с 3–1 до 3–4 показан скачок числа убийств в Европе, вернувший ее на уровень, с которым она распрощалась 100 лет назад. А на диаграмме 3–10 видно, как уровень убийств в Америке 1960-х пробил потолок. После 30 лет снижения числа насильственных смертей, захвативших Великую депрессию, Вторую мировую и холодную войну, уровень убийств среди американцев увеличился почти в два с половиной раза — с 4,0 в 1957 г. до 10,2 в 1980-м¹⁰⁹. Рост наблюдался во всех категориях насильственных преступлений, включая изнасилования, избиения, грабежи, и продолжался (со своими подъемами и спадами) три десятилетия. Города стали опасны, особенно Нью-Йорк, превратившийся в символ новой преступности. Хотя рост насилия затронул все расы и оба пола, особенно значительным он был среди чернокожих мужчин: годовой уровень убийств среди них к середине 1980-х взлетел до 72 на 100 000¹¹⁰.

Поток насилия, захлестнувший страну с 1960-х до 1980-х, перекрыл культуру Америки, ее политику и повседневную жизнь. Гангстерские шуточки стали основной темой юмористов, а упоминание Центрального парка — всем известного гиблого места — вызывало нервный смешок. Жители Нью-Йорка

баррикадировались в своих квартирах за семью замками и запорами, особо популярен стал «полицейский замок»: стальной прут, одним концом закрепленный на двери, а другим упирающийся в углубление в полу. Район Центрального Бостона, неподалеку от места, где я живу сейчас, называли «фронтальной полосой» из-за бесконечных грабежей и поножовщины. Жители массово покидали и другие американские города, опустевший центр которых окружало кольцо окраин, пригородных районов и закрытых соседских сообществ. Книжки, фильмы и сериалы использовали вечное городское насилие как фон: вспомните «Небольшие убийства», «Таксист», «Воины», «Побег из Нью-Йорка», «Форт Апач, Бронкс», «Блюз Хилл-стрит», «Костер тщеславия». Женщины записывались на курсы самообороны, чтобы научиться ходить уверенной походкой, использовать ключи, карандаши и каблучки-шпильки в качестве оружия, и отрабатывали удары каратэ и приемы джиу-джитсу на добровольце, одетом в резиновый костюм надувного человечка Мишлен. «Ангелы-хранители» в красных беретах патрулировали парки и метро, а в 1984 г. национальным героем стал Бернард Готц, тихий инженер, застреливший четырех бандитов в вагоне нью-йоркского метро. Страх перед преступностью привел к власти череду консерваторов: Ричарда Никсона (1968) с его девизом «Закон и порядок», отодвинувшим на задний план Вьетнамскую войну как основной вопрос избирательной кампании, Джорджа Буша-старшего (1988), намекнувшего, что его конкурент — губернатор Массачусетса Майкл Дукакис — одобрил амнистию, по которой на свободу вышел насильник, и многих сенаторов и конгрессменов, обещавших «всерьез взяться за преступность». И хотя общий страх был

преувеличенным: гораздо больше народу каждый год погибает в ДТП, чем от рук других людей, особенно среди тех, кто не вступает в споры с пьяной молодежью в барах, — ощущение, что количество насильственных преступлений выросло, не было игрой воображения.

Возвращения насилия в 1960-х никто не ожидал. Десятилетие было временем беспрецедентного экономического роста, практически полной занятости, такого высокого уровня экономического равенства, что о нем с ностальгией вспоминают и сегодня, исторического прогресса в расовом вопросе и расцвета правительственных социальных программ, не говоря уж о развитии медицины, спасавшей из лап смерти все больше жертв нападений. В 1962 г. социальные теоретики поставили бы на кон последнюю рубашку, доказывая, что эти благоприятные условия приведут к длительному снижению насилия. И лишились бы этого предмета гардероба.

Почему же западные страны на три десятка лет нырнули в омут преступности, из которого так окончательно и не выбрались? Это частный случай обращения вспять длительного тренда снижения насилия, который я исследую. Если мои рассуждения верны, то исторические перемены, которыми я пытаюсь объяснить спад насилия, должны были тоже синхронно двинуться в обратном направлении.

Первое, на что стоит взглянуть, — это, конечно, демография. 1940-е и 1950-е, когда уровень насилия коснулся дна, были эрой свадеб. Браки в США заключались чаще, чем когда-либо до и после этого временного отрезка, — в результате мужчины уходили с улиц и оседали в пригородах¹¹¹. Количество насилия

уменьшилось, зато повысилась рождаемость. Первые дети поколения беби-бумеров, рожденные в 1946-м, достигли криминально-опасного возраста в 1961-м; рожденные в 1954-м — в 1969 г. Можно было бы подумать, что взрыв преступности стал эхом взрыва рождаемости. Однако цифры это не подтверждают. Если бы причина была только в большем количестве подростков и 20-летних, совершавших преступления в количествах, свойственных этому возрасту, преступность с 1960-х до 1970-х выросла бы на 13%, а не на 135%¹¹². Молодежи стало не просто больше, она стала агрессивнее.

Криминологи пришли к выводу, что рост преступности в 1960-х нельзя объяснить обычными социально-экономическими переменными и что основной причиной стало изменение культурных норм. Конечно, чтобы избежать замкнутого круга «люди агрессивны, поскольку живут в агрессивной культуре», необходимо определить внешнюю причину культурных перемен. Политолог Джеймс Квинн Уилсон утверждает, что демография все же была важным стимулирующим фактором, но не из-за абсолютного, а из-за относительного количества молодежи. Он поясняет эту мысль, комментируя высказывание демографа Нормана Райдера:

«это как постоянное вторжение варваров, которых нужно окультурить и превратить в исполнителей различных функций, необходимых для выживания общества». «Вторжение» — взросление нового поколения молодых людей. Каждое общество более или менее успешно справляется с этим колоссальным процессом социализации, но иногда его буквально затапливает количественная неравномерность... В 1950-х и даже в 1960-х «наступающая армия» (молодежь в возрасте от 14 до 24 лет) была в три раза меньше «обороняющейся» (тех, кому от 25 до 64 лет). К 1970 г. соотношение изменилось: численность «наступающих» росла так быстро, что их было уже в два раза больше, — в последний раз такая ситуация наблюдалась в 1910 г.¹¹³

Дальнейший анализ показал, что сам по себе этот факт ничего не объясняет. Возрастная когорта, превосходящая по численности своих предшественников, не обязательно совершает больше преступлений¹¹⁴. Но я думаю, Уилсон кое-что нащупал, связав взлет преступности в 1960-х гг. с процессом межпоколенческой децивилизации. Новое поколение разными способами пыталось обернуть вспять восьмивековой цивилизационный тренд, описанный Элиасом.

Беби-бумеры были особенным поколением (да, мы, беби-бумеры, вечно говорим, что мы особенные). Их объединяло вдохновляющее чувство общности, словно это поколение было чем-то вроде этнической группы или нации. (Десятилетием позже их с претензией называли «нацией Вудстока».) Они не только численно превосходили предшествующее поколение, но, благодаря электронным медиа, сами ощущали силу своей численности. Беби-бумеры были первым поколением, выросшим перед включенным телевизором. Телевидение, особенно в эпоху трех национальных телесетей, помогло им осознать, что свой жизненный опыт они делят с другими беби-бумерами, и понять, что другие знают, что они про них тоже знают. Это *общее знание*, как называют его экономисты и логики, способствовало формированию горизонтальной сети солидарности, разрезающей вертикальные связи с родителями и авторитетами, которые раньше изолировали молодых людей друг от друга и заставляли их подстраиваться под старшее поколение¹¹⁵. Подобно протестующим, которые чувствуют свою силу, собравшись на митинге, беби-бумеры видели, как такая же молодежь отрывается под песни The Rolling Stones на «Шоу Эда Салливана», и знали, что каждый молодой человек в Америке тоже

смотрит это шоу, и знали, что те знают, что они тоже это знают.

Беби-бумеры были связаны друг с другом посредством еще одной новой технологии, впервые выведенной на рынок малоизвестной японской компанией под названием Sony: транзисторным радиоприемником. Родители, жалующиеся сегодня на айподы и мобильные телефоны, намертво приросшие к ушам подростков, позабыли, как когда-то их собственные родители были недовольны их пристрастием к радио. Я помню восторг, который охватывал меня, когда я ловил сигнал нью-йоркской радиостанции. Он электризовал атмосферу моей комнаты в Монреале, наполняя ее музыкой, записанной на студии Motown Records, и голосом Боба Дилана, рок-группами «британского вторжения» и психоделикой. Я чувствовал, что что-то происходит прямо сейчас, но мистер Джонс не знает, что именно.[\[29\]](#).

Чувство солидарности, объединяющее молодежь от 15 до 30 лет, было бы угрозой цивилизованному обществу даже в его лучшие времена. Но этот децивилизационный процесс был усилен тенденцией, нарастающей на протяжении всего XX столетия. Социолог Каз Воутерс, переводчик и интеллектуальный наследник Элиаса, утверждал, что, после того как европейский цивилизационный процесс прошел свой путь, его сменил процесс *деформализации*. Цивилизационный процесс представлял собой поток норм и правил хорошего тона, движущийся вниз по социально-экономической лестнице. Но по мере того, как западные страны становились более демократичными, высшие классы все сильнее дискредитировали себя в качестве образца для подражания и иерархия норм и манер

выравнивалась. Деформализация повлияла на моду: люди отказывались от шляп, перчаток, галстуков и платьев в пользу повседневной спортивной одежды. Она повлияла на язык: друзья стали называть друг друга по имени, а не *мистер* и *миссис*. Речь и поведение в целом стали менее шаблонными и более естественными¹¹⁶. Напыщенные леди из высшего общества вроде тех, кого играла Маргарет Дюмон в фильмах братьев Маркс, становились мишенью для насмешек, а не образцом для подражания.

После того как элиты постепенно поддались процессу деформализации, по их легитимности был нанесен второй удар. Движение за гражданские права обнажило позорные пятна на нравственности американского истеблишмента, а стоило критикам присмотреться к другим частям общества, проявилось и множество других изъянов. Угроза ядерного уничтожения, всепроникающая бедность, угнетение коренных американцев, грубое военное вмешательство в дела других стран, в частности Вьетнамская война, а впоследствии хищническое уничтожение окружающей среды, дискриминация женщин и гомосексуалов. Главный враг западного мироустройства — марксизм — начал пользоваться уважением как идеологическая база «освободительных» движений третьего мира, и стал особенно популярен в среде богемы и модных интеллектуалов. Социологические опросы с 1960-х до 1990-х гг. показывали падение доверия абсолютно ко всем общественным институтам¹¹⁷.

Остановить нивелирование иерархий и безжалостную критику правящей верхушки было невозможно, да по многим причинам и нежелательно. Но в результате упал и престиж аристократического и

буржуазного стиля жизни, который за несколько столетий стал менее насильственным по сравнению с образом жизни трудящихся и беднейших слоев населения. Раньше ценности проникали сверху вниз, от придворных к горожанам, теперь их стали заимствовать снизу, из уличной культуры, — этот процесс позже назвали «пролетаризацией» и «расширением границ нормы»¹¹⁸.

Эта волна двигалась противходом к цивилизационному приливу, и поп-культура того времени отражала эти завихрения. Конечно, насилие вернулось не потому, что произошли изменения в двух основных, по Элиасу, силах цивилизационного процесса. Контроль государства не выродился в анархию, как на Американском Западе и в обретших независимость странах третьего мира. Да и экономика, в основе которой лежит торговля и разделение труда, не уступила дорогу феодализму и натуральному обмену. Но следующий шаг в алгоритме Элиаса — психологические изменения, приводящие к большему самоконтролю и взаимной зависимости, — попал под массированный обстрел контркультуры, созданной поколением, повзрослевшим в 1960-х.

Основной целью атаки стал внутренний регулятор цивилизованного поведения — самоконтроль. Спонтанность, самовыражение и презрение к запретам стали главными добродетелями. «Если тебе это нравится — делай» — гласила надпись на модном значке. «Сделай это» (Do It) — название книги гражданского активиста Джерри Рубина. «Делай это, пока не насытишься (что бы это ни было)» — припев популярной песни группы BT Express. Тело стало важнее разума. Кит Ричардс заявлял: «Рок-н-ролл — это музыка ниже шеи». Юность ценилась выше

зрелости. «Не доверяй никому старше тридцати», — советовал левый активист Эбби Хоффман. «Надеюсь, я не доживу до старости», — пели The Who в песне «Мое поколение». Психическое здоровье очернялось, а душевные расстройства романтизировались, в том числе в кино: «Прекрасное безумие» (Fine Madness), «Полет над гнездом кукушки» (One Flew Over the Cuckoo's Nest), «Король червей» (King of Hearts), «Шизофреничка» (Outrageous). Ну и конечно, не обошлось без наркотиков.

Атаке со стороны контркультуры подвергся и идеал, согласно которому индивидуум должен быть оплетен сетью зависимостей и обязанностей перед другими людьми и общественными институтами. Если вам нужен образ, попирающий этот идеал с максимальной силой, вспомните о перекасти-поле (одно из значений выражения *rolling stone*). Взятый из песни блюзмена Мадди Уотерса, образ так хорошо ответил на запрос времени, что породил целых *три* культовых явления: рок-группу, журнал и известную песню Боба Дилана (в которой он высмеивает женщину из высшего общества, ставшую бездомной). «Настройся, включись, отключись» (“Tune in, turn on, drop out”) — лозунг бывшего гарвардского психолога-инструктора Тимоти Лири стал лозунгом психоделического движения. Идея координировать свои интересы с интересами других в процессе труда стала считаться предательством себя. Как пел Боб Дилан:

Я пытался стать самим собой.

Но они хотят, чтобы я стал таким же, как все.

Они говорят: «Пой, раб!» И я просто умираю от тоски.

Я больше не собираюсь работать на ферме Мэгги[30].

Элиас писал, что требования самоконтроля и добровольного погружения в сеть социальных взаимосвязей исторически отразились в представлении о времени и в изобретении устройств его отсчета: «Вот почему человек так часто восстает против социального времени, представленного в его или ее “Супер-Эго”, и вот почему множество людей вступают в конфликт с самими собой, пытаясь быть пунктуальными»¹¹⁹. Фильм 1969 г. «Беспечный ездок» (Easy Rider) начинается с того, что персонажи Денниса Хоппера и Питера Фонда выбрасывают свои часы в грязь, садятся на мотоциклы и отправляются открывать Америку. Та же нота звучит и в первом альбоме группы «Чикаго» (тогда они назывались Chicago Transit Authority): «А кто-нибудь вообще знает, который час? А кому-нибудь вообще есть до этого дело? Если да, то не могу себе представить почему». Для меня в мои 16 все это имело смысл, так что я выбросил свои часы Timex. Когда бабушка увидела мое голое запястье, она не поверила своим глазам: «Какой же ты мужчина без часов?» — полезла в комод и достала Seiko, которые купила в 1970 г. на Всемирной выставке в Осаке. Я храню их до сих пор.

Не только самоконтроль и социальная связанность, но и еще один, третий, идеал попал под обстрел: брак и семейная жизнь, которые так много сделали для укрощения мужской агрессивности в предшествующие десятилетия. Идея, что мужчина и женщина должны отдавать свои силы моногамным отношениям и воспитанию детей в безопасной среде, превратилась в мишень безжалостного высмеивания. Такая жизнь стала считаться мещанской, конформистской, потребительской, меркантильной, никудышной, пластиковой загородной пустыней в стиле ситкома «Приключения Оззи и Харриет».

Не припомню, чтобы в 1960-х кто-нибудь сморкался в скатерть, но поп-культура действительно воспевала нарушение чистоты, приличия и целомудрия. Хиппи повсеместно слыли немывыми и вонючими, хотя, по моему опыту, это не более чем наговоры. Но они, определенно отвергали общепринятые стандарты ухода за собой: неувядающим символом фестиваля в Вудстоке стали голые слушатели, резвящиеся в грязи. Отрицание норм приличия можно проследить по одним только обложкам музыкальных альбомов (см. фотографию 3–17). Например, “The Who Sell Out”, где измазанный соусом Роджер Долтри из группы The Who сидит в ванне, наполненной консервированными бобами, “Yesterday and Today” Beatles, где милая четверка украсила себя кусками сырого мяса и обезглавленными куклами (впрочем, обложку спешно отозвали), “Beggars Banquet”, альбом The Rolling Stones с фотографией грязного общественного туалета (первоначально отцензурированной), или обложку “Who’s Next”, на которой четверо музыкантов застегивают ширинки, отворачиваясь от стены, забрызганной мочой. Отрицание приличий распространилось и на живые концерты: Джими Хендрикс на сцене фестиваля в Монтерее имитировал половой акт со своей электрогитарой.

РИС. 3–17. Пренебрежение общепринятыми нормами опрятности и пристойности в 1960-х

Выкинуть наручные часы или искупаться в ванне с бобами — это, конечно, вовсе не то же самое, что

совершить настоящее жестокое преступление. 1960-е принято считать временем любви и мира, и в некоторых отношениях так оно и было. Но прославление распушенности перешло в снисхождение к насилию, а затем и в насилие как таковое. В конце каждого концерта The Who, как известно, в щепки разбивали свои инструменты. Это можно было бы считать безвредным представлением, если бы не следующий факт: барабанщик группы Кит Мун разнес вдребезги еще и десятки отельных номеров, на всю жизнь сделал глухим на одно ухо Пита Таунсенда, взорвав на сцене барабаны; бил жену, подружку и дочь; угрожал переломать руки клавишнику группы The Faces, встречавшемуся с его бывшей женой; случайно задавил машиной своего телохранителя и умер в 1978 г. от передозировки наркотиков.

Индивидуальное насилие иногда прославлялось в песнях как еще одна форма протеста против истеблишмента. В 1964 г. Марта Ривз и Vandellas пели: «Лето пришло, и пора танцевать на улицах». Четыре года спустя The Rolling Stones возразили: пора на улицах *драться*. Как дань «сатанинскому величию» и «симпатии к дьяволу» группа создала десятиминутную театрализованную песню «Полуночный бродяга» (Midnight Rambler), посвященную «бостонскому душителю» — насильнику и убийце, и заканчивалась она словами: «Я расколочу ваши зеркальные окна, пробью насквозь ваши окованные железом двери, я... всажу... нож... прямо...тебе... в горло!» Страсть, с которой рок-музыканты поднимали на флаг каждого головореза и серийного убийцу как отважного «борца» и «изгоя», высмеяли в фильме «Это Spinal Tap» (This Is Spinal Tap), где одноименная пародийная рок-группа рассказывает о своих планах написать рок-оперу о

Джеке-потрошители (с припевом: «Ах ты, негодник — дерзкий Джек!»).

Меньше чем через четыре месяца после Вудстока The Rolling Stones выступили на Альтамонтском фестивале в гоночном парке в Калифорнии, для обеспечения порядка на котором организаторы наняли байкеров из мотоклуба «Ангелы ада» — они в то время романтизировались как «изгой — братья контркультуры». Атмосфера концерта (да и 1960-х в целом) так описывается в «Википедии»:

Объевшийся ЛСД цирковой артист — исполин весом под 350 фунтов — разделся догола и понесся берсеркером сквозь толпу к сцене, сбивая с ног людей справа и слева. Несколько [\[31\]](#) Ангелов прыгнули со сцены и забили его дубинками до бессознательного состояния (*требуется подтверждение*).

Для рассказа о том, что случилось после, никакого подтверждения не требуется, поскольку это было показано в документальном фильме «Дай мне кров» (Gimme Shelter). «Ангел ада» избил солиста группы Jefferson Airplane прямо на сцене, Мик Джаггер безуспешно пытался успокоить неуправляемую толпу, а один из зрителей, вытащивший пистолет, был тут же зарезан другим «ангелом».

~

Когда в 1950-х рок-музыка ворвалась на сцену, политики и религиозные деятели обвиняли ее в атаке на нравственность и в поощрении преступности. В Музее и Зале славы рок-н-ролла в Кливленде можно посмотреть занимательные кадры, запечатлевшие консерваторов, мечущих громы и молнии. И что, нам теперь нужно — о ужас! — признать, что они были правы? Можем ли мы связать ценности поп-культуры 1960-х и совпавший по времени рост числа насильственных преступлений? Конечно, не

напрямую. Корреляция — это не причинность, и, возможно, третий фактор — противление ценностям цивилизационного процесса — стал причиной как преобразования поп-культуры, так и всплеска агрессивного поведения. К тому же подавляющее большинство беби-бумеров никогда не совершало никаких насильственных преступлений. Тем не менее установки и массовая культура усиливают друг друга, и в крайних точках, где это так или иначе может сказаться на впечатлительных личностях и субкультурах, существуют убедительные причинно-следственные связи между децивилизующим образом мыслей и потворством реальному насилию.

Одна из них — самокастрация системы уголовного правосудия Левиафана. Хотя рок-музыканты редко влияют на публичную политику непосредственно, писатели и интеллектуалы влияют, а они поддались духу времени и стали рационализировать модную разнузданность. Марксизм описывал жестокий классовый конфликт как путь к лучшему миру. Влиятельные мыслители вроде Герберта Маркузе и Пола Гудмана пытались соединить марксизм или анархизм с новой интерпретацией фрейдизма, уравнивая сексуальное и эмоциональное подавление с подавлением политическим, и приветствовали освобождение от всех ограничений как часть революционной борьбы. Возмутители спокойствия все чаще изображались борцами и нонконформистами, жертвами расизма, бедности и плохого воспитания. Граффити-вандалы стали «художниками», воры — «классовыми борцами», а уличные хулиганы — «общественными лидерами». Многие умные люди, отравленные радикальным шиком, делали невероятно глупые вещи. Выпускники элитных университетов собирали самодельные бомбы и ждали за рулем

угнанных автомобилей, пока «радикалы» стреляли в охранников во время вооруженных ограблений. Нью-йоркские интеллектуалы «велись» на околomarксистскую болтовню психопатов и добивались их освобождения из тюрем¹²⁰.

С начала сексуальной революции на заре 1960-х и до подъема феминизма в 1970-х контроль над женской сексуальностью считался привилегией умудренных опытом мужчин. Похвальба сексуальным принуждением и насилием из ревности появлялась в популярных книгах, фильмах и в песнях, например у Beatles в “Run for Your Life”, у Нила Янга в “Down by the River”, Джими Хендрикса в “Hey Joe”, у Ронни Хокинса в “Who Do You Love?”¹²¹ Такое поведение даже логически обосновывалось в политических сочинениях разного рода «революционеров». Вот что писал в своих мемуарах «Душа на льду» (Soul on Ice) — бестселлере 1968 г. — Эдридж Кливер, лидер «Черных пантер»:

Изнасилование — бунтарский акт. Мне нравилось попирать законы белого человека, бросать вызов его системе ценностей, и я осквернял его женщин — и, думаю, это соображение было для меня самым приятным, потому что я был крайне возмущен тем, как белые мужчины веками использовали чернокожих женщин. Я чувствовал, что вершу месть¹²².

Почему-то интересы женщин, которых он осквернял в этом бунтарском акте, никогда не фигурировали ни в его политических взглядах, ни в отзывах на книгу (*The New York Times*: «Блестящая и изобличающая»; *The Nation*: «Примечательная книга... прекрасно написанная»; *Atlantic Monthly*: «Умный, беспокойный, страстный и красноречивый человек»)¹²³.

Наконец рационализация преступности добралась до судей и законодателей, и они все чаще

отказывались помещать правонарушителей за решетку. Реформы той эпохи вовсе не оставляли на свободе «по формальным причинам» толпы жестоких уголовников, как можно предположить по фильмам о «Грязном Гарри», однако правоохранительные органы действительно отступали под натиском преступности. В США в период с 1962 до 1979 г. вероятность того, что преступление приведет к аресту, упала с 0,32 до 0,18, шанс, что арест приведет к тюремному заключению, — с 0,32 до 0,14, а риск, что преступление приведет к тюремному заключению, снизился с 0,1 до 0,02 — в пять раз¹²⁴.

Еще больше, чем возвращение преступников на улицы, делу навредило взаимное отчуждение между правоохранительными органами и местными сообществами, приведшее к упадку последних. Такие посягательства на общественный порядок, как бродяжничество, праздношатание и попрошайничество, были декриминализованы, а мелкие преступления вроде вандализма, граффити, безбилетного проезда и отправления естественных нужд на публике больше не привлекали внимания полицейских¹²⁵. С появлением антипсихотических лекарств с их эпизодической эффективностью и расширением рамок психической нормы палаты психиатрических больниц опустели, увеличивая ряды бездомных. Владельцы магазинов и равнодушные граждане, которые обычно присматривают за местным хулиганьем, под напором вандалов, попрошаек и грабителей отступили в пригороды.

Процесс децивилизации 1960-х гг. повлиял не только на политические решения, но и на личный выбор. Все больше молодых людей, как в песне Боба Дилана, отказывались «работать на ферме у Мэгги».

Вместо того чтобы вести уважаемую семейную жизнь, они объединялись в мужские компании, где разворачивались знакомые циклы борьбы за лидерство: оскорбления, мелкая агрессия и жестокая месть. Сексуальная революция, предоставившая мужчинам множество возможностей без налагаемой браком ответственности, увеличила степень этой сомнительной свободы. Некоторые мужчины пытались найти свое место под солнцем в прибыльной торговле привозными наркотиками, где самостоятельное правосудие — единственный способ защитить право собственности. На смертельно опасном рынке крэка в конце 1980-х входной барьер был особенно низок, потому что этот наркотик можно было продавать мелкими дозами. В итоге, вероятно в том числе и за счет подростков-распространителей крэка, число убийств между 1985 и 1991 гг. выросло на 25%. Вдобавок к насилию, сопровождающему любую торговлю запрещенными товарами, наркотики сами по себе, как и старый добрый алкоголь, снижают способность к самоконтролю и роняют искру в пороховую бочку.

Процесс децивилизации особенно сильно ударил по афроамериканской общине. Афроамериканцы стартовали с невыгодной позиции граждан второго сорта, что заставляло молодежь колебаться между уважаемым образом жизни и жизненным укладом социальных низов — как раз тогда, когда новые силы, направленные против истеблишмента, толкали их в неверном направлении. Правовая система защищала их еще хуже, чем белых американцев, как из-за старого полицейского расизма, так и из-за возникшей снисходительности судебной системы к преступности, жертвами которой чернокожие становились непропорционально

часто¹²⁶. Недоверие к юридической системе переросло в цинизм и даже паранойю, оставляя единственную альтернативу — самостоятельное правосудие¹²⁷.

Сыграло роль и то свойство афроамериканской семьи, которое впервые было отмечено социологом Дэниэлом Патриком Мойнихэном. За свой нашумевший доклад 1965 г. «Негритянская семья: за вмешательство государства» (*The Negro Family: The Case for National Action*) он вначале был ославлен, а затем оправдан¹²⁸. Значительная часть (а сегодня большинство) черных детей рождается вне брака, многие растут без отца. Эта тенденция, особенно заметная в начале 1960-х, усилилась в результате сексуальной революции и бездумной практики социальных льгот, поощрявшей молодых женщин «выходить замуж за государство», а не за отцов своих детей¹²⁹. Хотя я не сторонник теории родительского влияния, утверждающей, что мальчики без отцов растут агрессивными, поскольку им не хватает ролевой модели или мужской дисциплины (Мойнихэн сам, к примеру, вырос без отца), распространение безотцовщины приводит к росту насилия по другой причине¹³⁰. Молодые мужчины, не воспитывающие своих детей, в это время где-то болтаются, соревнуясь друг с другом за доминирование. В гетто такая комбинация взрывоопасна так же, как в ковбойских салунах и поселках золотоискателей, — на этот раз не потому, что женщин нет рядом, но потому, что женщины утратили свою выгодную переговорную позицию и не могут заставить мужчин вести цивилизованную жизнь.

ПРОЦЕСС ПОВТОРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (РЕЦИВИЛИЗАЦИЯ) В 1990-Х

Было бы ошибкой думать, что бум преступности в 1960-х гг. обратил вспять сокращение насилия на Западе и что исторические тенденции насилия цикличны или скачут вверх-вниз от эпохи к эпохе. В 1980 г., в худший в криминальном отношении период недавнего прошлого, уровень убийств в США составлял 10,2 на 100 000, то есть четверть от уровня Западной Европы в 1450 г., одну десятую от уровня насилия среди инуитов и одну пятнадцатую от среднего уровня догосударственных обществ (рис. 3–3).

Да и эта цифра — верхний предел, а не стабильное явление и не шаг к новой норме. В 1992 г. случилась неожиданная вещь: уровень убийств снизился сразу на 10% по отношению к предыдущему году и продолжал падать еще семь лет, достигнув в 1999 г. уровня 5,7 — самого низкого с 1966 г.¹³¹ Что ошеломляет еще сильнее — эти цифры оставались неизменными лет десять, а потом упали еще ниже: от 5,7 в 2006 г. до 4,8 в 2010-м. Верхняя линия на рис. 3–18 отражает изменения в уровне насилия в США с 1950 г., в том числе и новое дно, достигнутое в XXI столетии.

На рис. 3–18 отображены и данные по Канаде начиная с 1961 г. Канадцы убивают в три с лишним раза реже, чем американцы, отчасти потому, что в XIX в. Королевская канадская конная полиция добралась до Западного Фронта раньше, чем первые поселенцы, избавив их от необходимости культивировать агрессивную культуру чести. Несмотря на эту разницу, подъемы и спады уровня убийств движутся параллельно графику южного

соседа (с коэффициентом корреляции между 1961 и 2009 гг., равным 0,85) и в 1990-х опускаются так же низко: на 35% по сравнению с понижением на 42% у американских соседей¹³².

Параллельные траектории в Канаде и США — это только один из множества сюрпризов великого спада насилия в 1990-х. Две страны разнятся как в тенденциях экономического развития, так и в подходах к уголовному правосудию, и тем не менее обе пережили схожее снижение уровня насилия. То же самое можно сказать о большинстве стран Западной Европы¹³³.

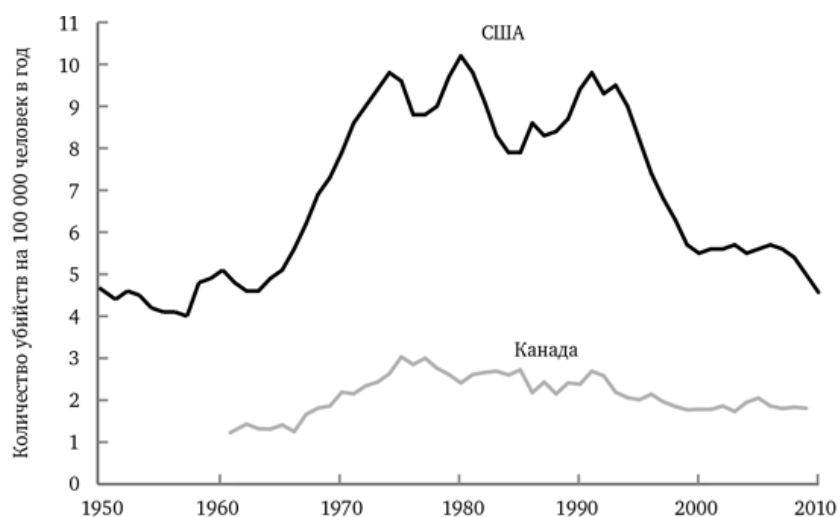

РИС. 3–18. Уровень убийств в США, 1950–2010 гг., и Канаде, 1961–2009 гг.

Источники: данные по США: FBI Uniform Crime Reports 1950–2010: U. S. Bureau of Justice Statistics, 2009; U. S. Federal Bureau of Investigation, 2010; Fox & Zawitz, 2007. Данные по Канаде, 1961–2007: Statistics Canada, 2008. Данные по Канаде, 2008: Statistics Canada, 2010. Данные по Канаде, 2009: K. Harris, "Canada's crime rate falls," *Toronto Sun*, Jul. 20, 2010

Рис. 3–19 отражает уровень убийств в пяти крупных европейских странах в XX в., демонстрируя историческую траекторию, которую мы отслеживаем: продлившееся до 1960-х гг. долгосрочное снижение, начавшийся в эти неблагоприятные годы подъем и недавнее возвращение к более мирному уровню. Даже крупные европейские страны демонстрируют этот спад, и хотя долго казалось, что Англия и Ирландия

останутся исключениями, в 2000-х уровень насилия там тоже снизился.

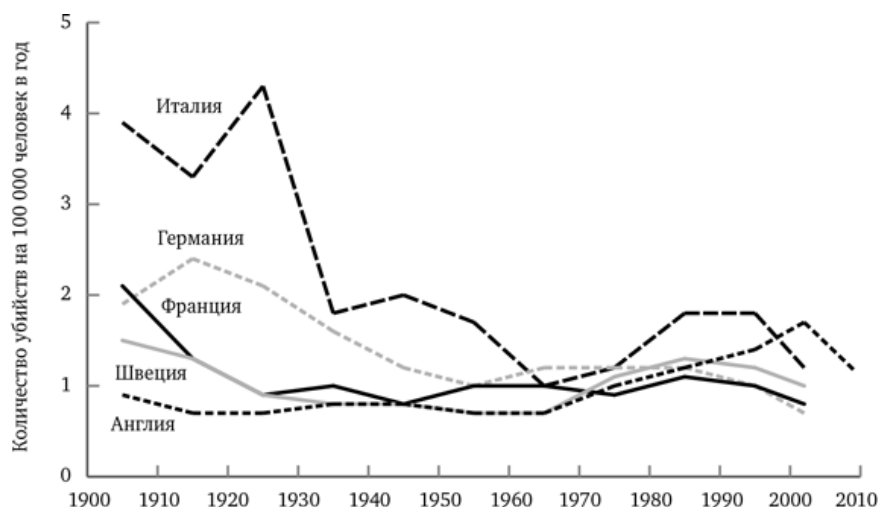

РИС. 3–19. Уровень убийств в странах Западной Европы, 1990–2009 гг.

Источники: Eisner, 2008, кроме Англии, 2009 — Walker et al., 2009; количество населения — U.K. Office for National Statistics, 2009

Люди не только стали убивать меньше, они также начали воздерживаться и от других способов причинения вреда. В США уровень серьезных преступлений снизился наполовину, включая изнасилования, грабежи, избиения, кражи со взломом, воровство и даже угоны машин¹³⁴. Результаты были заметны не только по цифрам статистических отчетов, но и в самой ткани повседневной жизни. Туристы и молодые работающие горожане вернулись в центры городов, и борьба с преступностью перестала быть главной темой президентских предвыборных кампаний.

Никто из экспертов этого не предсказывал. Даже когда спад насилия уже начался, все думали, что рост преступности, стартовавший в 1960-х, продолжится и дела примут еще худший оборот. В эссе, написанном в 1995 г., Джеймс Квинн Уилсон^[32] утверждал:

Там, у горизонта, уже клубятся тучи, которые ветер скоро донесет до нас. Население снова молодеет. К концу десятилетия в стране будет на миллион больше людей в возрасте от 14 до 17 лет. Половина из этого дополнительного миллиона — мужчины. Шесть процентов станут опасными рецидивистами, а это на 30

000 больше молодых грабителей, убийц и воров, чем мы имеем сейчас. Готовьтесь¹³⁵.

Туча на горизонте пополнила копилку высокопарных слов, сказанных другими «говорящими головами» при обсуждении проблемы преступности. Криминолог Джеймс Фокс предсказывал «кровавую баню» в 2005 г., утверждая, что волна преступности «будет такой мощной, что 1995 год покажется нам добрыми старыми временами»¹³⁶. Политолог и криминолог Джон Дилулио предупреждал, что к 2010 г. на улицы выйдет больше четверти миллиона «суперзлодеев, рядом с которыми легендарные уличные банды "Кровников" и "Калек" будут выглядеть ручными котятками»¹³⁷. В 1991 г. бывший редактор лондонской *Times* говорил, что «к 2000 году Нью-Йорк превратится в Готэм-сити без Бэтмена»¹³⁸.

Легендарный мэр Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардия мог бы сказать: «Если уж я делаю ошибку, то наилучшую!» (Уилсон поддержал тему, заметив: «Представители наук об обществе никогда не должны пытаться предсказать будущее; им хватает забот предсказывать прошлое».) Ошибкой криминологов была чрезмерная вера в краткосрочные демографические тенденции. Раздутый крэком пузырь насилия конца 1980-х втянул в себя множество тинейджеров, а к началу 1990-х число подростков должно было вырасти еще больше — отдаленные последствия беби-бума. Но *общая* численность криминально-опасной когорты, включающей не только подростков, но и 20-летних, в 1990-х на самом деле уменьшилась¹³⁹. Однако даже эта уточненная статистика не объясняет спад насилия, характеризующий это десятилетие. Распределение населения по возрастам меняется медленно, пока каждая поколенческая свинья протискивается сквозь

общего демографического питона[33]. Однако в 1990-х уровень преступности шел вниз семь лет подряд и задержался на новом низком уровне еще на девять лет. Как и в случае со взлетом преступности в 1960-х, изменения в уровне насилия для каждой возрастной группы превзошли эффект размера этих групп.

Экономика — другой традиционный подозреваемый, которого привлекают при объяснении преступных тенденций, — немногим лучше объясняет этот тренд. В США безработица в 1990-х снизилась, а в Канаде выросла, и тем не менее количество насильственных преступлений упало и в Канаде¹⁴⁰. Во Франции и Германии безработица росла, а уровень насилия падал, а в Ирландии и Британии, наоборот, безработица снижалась, а уровень насилия рос¹⁴¹. Это не так удивительно, как кажется, ведь криминологи давно знают, что уровень безработицы не влияет напрямую на уровень насильственных преступлений (при этом наблюдается некоторая корреляция с уровнем преступлений против собственности)¹⁴². Да что там говорить, через три года после финансового кризиса 2008 г., который стал причиной худшего экономического спада со времен Великой депрессии, уровень убийств в Америке упал еще на 11%, заставив криминолога Дэвида Кеннеди объяснять журналисту: «Идея, застрявшая у каждого в уме, — что, если экономика летит в тартарары, преступность растет — неверна. И никогда не была верна»¹⁴³.

Среди экономических показателей лучшим прогностическим фактором уровня насилия является неравенство¹⁴⁴. Но коэффициент Джини, стандартный индекс неравенства доходов, в США с 1990 до 2000 г. рос, а преступность продолжала снижаться, в то время

как в 1968 г., во время взлета преступности, этот индекс был на рекордно низком уровне¹⁴⁵. Объясняя подъемы и спады насилия наличием неравенства, мы сталкиваемся с проблемой: хотя неравенство коррелирует с насилием в штатах и государствах в целом, оно не коррелирует по времени со скачками насилия внутри отдельно взятой страны, вероятно, потому, что реальная причина различий — не неравенство само по себе, а постоянные особенности культуры или государственного управления, которые влияют как на неравенство, так и на насилие¹⁴⁶. Например, в обществах с высоким уровнем социального неравенства бедные районы остаются без полицейской защиты и рискуют стать зонами жестокой анархии.

Еще одна ложная зацепка обнаруживается в ученых разглагольствованиях, которыми пытаются увязать социальные тенденции с «умонастроением народа», сопровождающим текущие события. Террористическая атака 11 сентября 2001 г. привела к невероятным политическим, экономическим и эмоциональным потрясениям, но уровень убийств в ответ не подпрыгнул.

Падение преступности в 1990-х породило одну из самых странных гипотез в изучении насилия. Когда я рассказывал, что пишу книгу об историческом спаде насилия, мне постоянно сообщали, что этот феномен уже объяснен. Уровень насилия снизился, говорили мне, потому что после легализации аборт в 1973 г. (решение Верховного суда США по делу «Роу против Уэйда») нежеланные дети, которые выросли бы и стали преступниками, не родились главным образом

потому, что их матери сделали аборт. Впервые я услышал об этой теории в 2001 г., когда ее выдвинули экономисты Джон Донохью и Стивен Левитт, но тогда мне она показалась слишком остроумной, чтобы быть верной¹⁴⁷. Любая сенсационная гипотеза, которая объясняет крупные социальные тенденции одним-единственным недооцененным событием, практически со стопроцентной вероятностью окажется неверной, даже если в настоящий момент имеются данные в ее поддержку. Однако Левитт в соавторстве с журналистом Стивеном Дабнером популяризировал свою теорию в бестселлере «Фрикономика» (Freakonomics), и сегодня многие убеждены, что преступность в 1990-х снизилась потому, что еще в 1970-х женщины избавились от эмбрионов, обреченных развиться в преступников.

Справедливости ради нужно сказать: дальше Левитт доказывает, что решение по делу «Роу против Уэйда» было только одной из четырех причин спада насилия, и представляет сложные статистические расчеты в поддержку своей основной мысли. Например, он показал, что в штатах, легализовавших аборты до 1973 г., уровень насилия пополз вниз раньше, чем в прочих¹⁴⁸. Но он сопоставляет две крайние точки длинной, гипотетической и трудноуловимой причинно-следственной цепи, где первое звено — возможность сделать аборт, а последнее — снижение уровня насилия два десятилетия спустя, и игнорирует все звенья посередине: предположения, что легализация абортов уменьшила количество нежеланных детей, что нежеланные дети чаще идут по кривой дорожке и что именно первое прореженное абортами поколение обеспечило спад насилия в 1990-х. Но стоит дать этой корреляции другое объяснение (например, что

крупные либеральные штаты, первыми легализовавшие аборты, были также и первыми, по которым прокатилась и заглохла эпидемия наркотика крэка), и промежуточные звенья становятся неубедительными или исчезают вовсе¹⁴⁹.

Начать с того, что теория фриконики предполагает, будто женщины с одинаковой вероятностью зачинали нежеланных детей до и после 1973 г. и единственное различие состояло в частоте рождения таких детей. Но, когда аборты были узаконены, пары могли начать чаще заниматься незащищенным сексом, а к абортам прибегать как к методу контроля рождаемости. В таком случае женщина зачинает больше нежеланных детей, с помощью аборта избавляется от большинства из них, но общее число нежеланных детей может остаться прежним. Более того, доля нежеланных детей могла даже *возрасти*, если женщины, полагаясь на возможность сделать аборт, чаще занимались незащищенным сексом, а забеременев, упустили время для аборта или решали рожать. Это может объяснить, почему начиная с 1973 г. доля детей, рожденных самыми уязвимыми категориями женщин — бедными, одинокими, несовершеннолетними и афроамериканками, не уменьшилась, как следовало бы согласно теории фриконики. Она увеличилась, и намного¹⁵⁰.

Если же говорить об индивидуальных особенностях женщин из криминально опасного контингента, то здесь фриконики, похоже, вообще понимает вещи «с точностью до наоборот». Факт, подтвержденный в нескольких исследованиях: среди женщин, забеременевших случайно и не готовых растить ребенка, те, кто прерывает беременность, с

большей вероятностью окажутся дисциплинированными, трезвомыслящими и способными предвидеть последствия, а те, кто вынашивает и рождает, чаще бывают незрелыми дезорганизованными фаталистками, которые фокусируются на образе милого младенчика, а не на мысли о неуправляемом подростке¹⁵¹. Молодые женщины, выбирающие аборт, лучше учатся, реже живут на пособие и реже бросают школу, в отличие от тех, кто рождает или же не вынашивает беременность по естественным причинам. Получается, что право на аборт могло привести в мир поколение, более склонное к преступлениям, поскольку отсеяло именно тех детей, которые, благодаря генам или среде, с большей вероятностью смогли бы продемонстрировать выдержку и самоконтроль.

К тому же идеи фриконики о психологических причинах преступности словно вышли из комической арии члена банды из мюзикла «Вестсайдская история» («В семье я — явно лишний: // По пьянке был зачат. // Станешь плохим, // Если дома — ад!») и настолько же правдоподобны. Возможно, нежеланные дети, став взрослыми, и совершают больше преступлений, но куда вероятнее, что прямой причиной преступного поведения является не сам факт их нежеланности, а то, что женщины в криминальной среде рожают больше нежеланных детей. В исследованиях, сравнивающих результаты воспитания в семье с влиянием среды (сверстников), с исключением генетических факторов, практически всегда побеждает среда¹⁵².

И наконец, если бы доступность аборт после 1973 г. сформировала более законопослушное поколение, спад преступности начался бы с младшей

возрастной когорты, а по мере ее взросления возрастные рамки не затронутого насилием поколения расширились бы. Например, те, кому исполнилось 16 в 1993 г. (рожденные в 1977-м, когда аборты уже были разрешены), должны были бы совершать меньше преступлений, чем достигшие 16-летия в 1983 г. (рожденные в 1967-м, во времена запрета абортотв). По той же логике, 22-летние в 1993 г. все еще должны были быть более агрессивными, поскольку родились в 1971 г., до решения по делу «Роу против Уэйда». Только в конце 1990-х, когда первое после исторического решения Верховного суда США поколение достигло 20-летия, юноши этого возраста должны были бы стать менее жестокими. На самом деле все было наоборот. Когда в конце 1980-х и начале 1990-х подростило первое после дела Роу поколение, они не потянули статистику убийств вниз, а устроили небывалый беспредел. Спад насилия начался, только когда старшее поколение, родившееся задолго до Роу, сложило свои стволы и ножи, и уже от них более низкие уровни убийств спустились по возрастной шкале к более молодым гражданам¹⁵³.

~

Так чем же объяснить случившийся спад насилия? Сделать это пытались многие социологи, но лучшее, что они смогли придумать, — это что причин у спада множество и точно определить их невозможно, потому что случилось слишком много всего сразу¹⁵⁴. Тем не менее я думаю, что существует два правдоподобных и исчерпывающих объяснения. Первое — Левиафан стал больше, умнее и эффективнее. Второе — процесс цивилизации, который контркультура 1960-х пыталась повернуть

вспять, восстановил свое обычное течение и даже вышел в новую фазу.

К началу 1990-х гг. американцев уже тошнило от количества уличных грабителей, вандалов и выстрелов из проносящихся автомашин, и страна приняла меры к усилению системы уголовного правосудия. Самая эффективная из этих мер была также и самой грубой: более длительные сроки заключения для большего числа преступников. Количество попадавших в тюрьму в США практически не менялось с 1920-х до начала 1960-х гг., а к началу 1970-х даже сократилось. Но затем оно взлетело почти в пять раз, и сегодня более 2 млн американцев находятся за решеткой — самый высокий показатель в мире¹⁵⁵. Это три четвертых процента *всего населения США*, а доля молодых людей за решеткой еще выше, особенно если говорить об афроамериканцах¹⁵⁶. Марафон посадок начался в 1980-х с нескольких нововведений. Среди них — законы, требующие обязательного назначения наказания (например, калифорнийский «Третий залет — и ты вне игры»), бум строительства тюрем (которые поначалу вызывали протесты: «Только не у меня на заднем дворе!», а потом стали восприниматься как новые стимулы развития экономики) и война против наркотиков (которая криминализовала хранение кокаина и других наркотических веществ даже в небольших количествах).

В отличие от более сложных способов борьбы с криминалом массовые посадки практически всегда снижают уровень преступности, поскольку это очень простой механизм с минимумом движущихся частей. Тюремное заключение убирает с улиц самых опасных личностей, обезвреживает их и вычитает из

статистики несовершеннолетними преступления. Лишение свободы особенно эффективно, если большое количество преступлений совершается небольшой частью населения. Изучение криминальных сводок в Филадельфии, например, показало, что 6% молодых мужчин повинны более чем в половине всех правонарушений¹⁵⁷. Люди, чаще совершающие преступления, сильнее рискуют попасться, так что именно их чаще всего вылавливают и отправляют в тюрьму. Более того, люди, совершающие насильственные преступления, попадают и в другие неприятности, потому что предпочитают немедленное удовлетворение отложенным выгодам. Они чаще бросают школу, работу, попадают в ДТП, провоцируют драки, хулиганят и воруют, злоупотребляют алкоголем и наркотиками¹⁵⁸. В сети системы, отлавливающей наркоманов и других мелких правонарушителей, заодно попадется и некоторое количество опасных личностей, что дополнительно прореживает ряды агрессивных типов на улицах.

Кроме того, лишение свободы сокращает насилие и косвенно — путем знакомого нам эффекта сдерживания. Отсидевший в тюрьме подумает дважды, прежде чем снова преступить закон, и его знакомые тоже призадумаются, прежде чем идти по его стопам. Но доказать, что тюремное заключение удерживает людей от совершения преступлений (а не просто калечит их), нелегко, поскольку статистика изначально не дает такой возможности. В регионах с высоким уровнем преступности за решетку отправляют больше правонарушителей, и это создает иллюзию, будто лишение свободы увеличивает преступность, а не уменьшает ее. Но при должной изобретательности (например, сравнив рост числа

заклучений в тюрьму и последующий спад насилия или удостоверившись, не приводит ли более мягкая судебная политика к последующему росту насилия) можно проверить и эффект сдерживания. Исследования Левитта и других криминологов-статистиков подтверждают, что сдерживание работает¹⁵⁹. А если вы предпочитаете мудреной статистике полевые эксперименты, обратите внимание на случившуюся в 1969 г. забастовку монреальской полиции. Жандармы оставили службу всего на несколько часов, и за это время город, известный своей безопасностью, потрясли шесть ограблений банков, 12 поджогов, сотня грабежей и два убийства¹⁶⁰. После этого для восстановления порядка пришлось привлечь Королевскую канадскую конную полицию.

Однако теорию о том, что бум тюремных заключений привел к спаду насилия, нельзя назвать неоспоримой¹⁶¹. Во-первых, больше сажать начали в 1980-х, а насилие снизилось лишь десятилетие спустя. Во-вторых, в Канаде число тюремных заключений не выросло, но уровень насилия упал и там. Эти факты не опровергают мысль, что лишение свободы — важный фактор, но требуют дополнительных допущений, а именно: эффект от тюремных заключений со временем нарастает, достигает критической массы и выплескивается за границы государства.

Массовые посадки, снижая насилие, порождают свои проблемы. Когда самые агрессивные индивидуумы оказываются за решеткой, увеличение числа посадок быстро достигает точки падения эффективности, потому что каждый следующий арестант теоретически оказывается все менее агрессивным и удаление его с улицы все меньше

влияет на уровень насилия¹⁶². К тому же с годами склонность к насилию понижается, и поэтому содержание мужчин в тюрьмах после достижения ими определенного возраста мало способствует снижению преступности. С учетом всех этих аргументов число тюремных заключений имеет оптимальный уровень. Маловероятно, что американская система уголовного правосудия его отыщет, поскольку электоральная политика накручивает счетчик посадок, особенно в местах, где судей выбирают, а не назначают. Любой кандидат, заявляющий, что слишком много граждан отбывают слишком длительные сроки, подвергнется обвинениям в «мягкотелости» и получит под зад коленом. В результате в США заключают под стражу гораздо больше людей, чем следовало бы, причем эта политика приносит непомерный вред именно афроамериканским сообществам: они лишаются огромного количества мужчин.

Вторым инструментом повышения эффективности Левиафана в 1990-х стало повышение численности полиции¹⁶³. В приступе политической гениальности президент Билл Клинтон в 1994 г. подорвал позиции своих конкурентов-консерваторов, поддержав законодательную инициативу, обещавшую привлечь для службы в полиции дополнительно 100 000 человек. Усиленная таким образом полиция не только ловила больше преступников — ее ставшее более заметным присутствие само по себе удерживало население от правонарушений. Полицейские, как раньше, пешком патрулировали окрестности, а не только сидели в машинах в ожидании вызова на место происшествия. В некоторых городах, например в Бостоне, полицейские наряды сопровождал инспектор по условно-досрочному освобождению, хорошо знающий главных бузотеров и способный вернуть их

за решетку за малейший проступок¹⁶⁴. В Нью-Йорке Главное полицейское управление пристально отслеживало уровень преступности в жилых районах и нещадно давило на офицеров, если преступность на их участках ползла вверх¹⁶⁵. Присутствие полиции стало еще более заметным после разрешения пресекать незначительные правонарушения вроде рисования граффити, выбрасывания мусора в неположенном месте, назойливого попрошайничества, распития спиртного, отправления естественных нужд на публике и вымогания денег у остановившихся на светофоре водителей под предлогом «протираная» ветрового стекла грязной мочалкой. Смысл этих действий, первоначально озвученный Джеймсом Квинном Уилсоном и Джорджем Келлингом в известной теории разбитых окон, таков: аккуратность и чистота как бы напоминают, что полиция и местные жители следят за порядком, а грязь и разрушения — это сигнал, что тут никому ни до чего нет дела¹⁶⁶.

Верно ли, что более многочисленная и лучше организованная полиция стала движущей силой спада преступности? Исследования по этому вопросу представляют собой привычную для социологии путаницу переменных, но общая картина приводит к мысли, что правильный ответ: «Да, отчасти», даже если мы не можем точно определить, какое именно нововведение сработало. Это предположение подтверждено не только несколькими исследованиями, но и практикой: город Нью-Йорк, где приложили максимум усилий к совершенствованию методов работы полиции, демонстрирует самое значительное сокращение преступности. Некогда олицетворение урбанистического упадка, сегодня Нью-Йорк — один из самых безопасных американских городов. Уровень

преступности там снизился в два раза больше, чем в среднем по стране, и продолжил падать в 2000-х, когда по стране в целом тренд сошел на нет¹⁶⁷. Криминолог Франклин Цимринг в книге «Великий спад насилия в Америке» (The Great American Crime Decline) писал: «Тот факт, что с помощью увеличения числа полицейских, агрессивных методов охраны правопорядка и благодаря управленческой реформе удалось снизить число преступлений в Нью-Йорке более чем на 35% (что дало сокращение преступности в стране вдвое), можно назвать крупнейшим достижением в истории городской полицейской службы»¹⁶⁸.

Что же касается теории разбитых окон, то в академических кругах ее не жалуют, потому что она, как кажется, доказывает правоту консерваторов (в том числе бывшего мэра Нью-Йорка Руди Джулиани): уровень насилия регулируется скорее законом и порядком, чем «искоренением» бедности и расизма. С помощью обычных методов было практически невозможно доказать, что теория разбитых окон работает, поскольку города, придерживающиеся этой стратегии, нанимают и большее количество полицейских¹⁶⁹. Но в остроумном исследовании, о котором недавно писали в журнале *Science*, теорию разбитых окон подтвердили, не отступая от золотого научного стандарта — практического эксперимента с контрольной группой.

Трое ученых из Голландии выбрали переулок в Гронингене, где жители города паркуют свои велосипеды, и приклеили по рекламному проспекту к рулю каждого из них. Чтобы воспользоваться велосипедом, его хозяину нужно было избавиться от флаера, но хитрые экспериментаторы убрали все

урны, так что велосипедистам нужно было или забрать проспект с собой, или бросить его на землю. На стене над припаркованными велосипедами висело приметное объявление о запрете граффити. Сама стена была или сплошь покрыта граффити (для экспериментальной группы) или же абсолютно чиста (для контрольной группы). При наличии граффити на земле оказывалось в два раза больше рекламных проспектов — в точности так, как предсказывает теория разбитых окон. В других исследованиях было показано, что люди мусорят больше, если в поле их зрения попадают брошенные магазинные тележки или если они слышат вдалеке взрывы запрещенных петард. Подобные обстоятельства влияют не только на мелкие правонарушения вроде выбрасывания мусора на улицах. Еще в одном эксперименте прохожих соблазняли почтовым конвертом с надписанным адресом: он торчал из почтового ящика и сквозь бумагу просвечивала банкнота в пять евро. Если почтовый ящик был покрыт граффити или окружен мусором, четверть прохожих решалась на воровство; если же ящик был чистым, число воришек уменьшалось вдвое. Исследователи утверждают, что окружающая среда, которую содержат в порядке, возбуждает чувство ответственности не столько силами сдерживания (поскольку полиция Гронингена редко наказывает за выбрасывание мусора), сколько оповещающая о социальных нормах: здесь принято соблюдать правила¹⁷⁰.

~

Следовательно, чтобы объяснить спад преступности в 90-х, мы должны посмотреть, какие нормы и как изменились в это время (точно так же, как именно изменение норм помогло объяснить рост числа

преступлений тремя десятилетиями ранее). Хотя полицейская реформа почти наверняка внесла свой вклад в стремительное снижение насилия в США, в частности в Нью-Йорке, не стоит забывать, что Канада и Западная Европа тоже увидели спад насилия (хотя и не такой значительный), а они не переполняли свои тюрьмы и полицейские участки. Даже самые упрямые специалисты по криминальной статистике сдались и согласились, что основное объяснение следует искать в культурных и психологических изменениях, с трудом поддающихся подсчету¹⁷¹.

Великий спад насилия в 1990-х — одно из проявлений эволюции общественной морали, которую вполне можно назвать процессом повторной цивилизации (рецивилизации). Начать с того, что некоторые из наиболее безумных идей 1960-х потеряли свою привлекательность. Крах попыток построения коммунизма и осознание вызванных им экономических и гуманитарных катастроф лишили революционное насилие романтического флера и заронили сомнения в разумности перераспределения богатства под дулом пистолета. Широкая осведомленность об изнасилованиях и сексуальных домогательствах сделала идею «Если тебе нравится, сделай это!» в глазах людей отталкивающей, а не освобождающей. Чудовищную безнравственность насилия в бедных районах — детей, попавших под случайные пули, церкви, заполненные вооруженными гангстерами на похоронах убитых подростков, — уже нельзя было объяснить естественной реакцией на расизм и бедность.

Результатом стала волна цивилизационных наступлений. Как мы увидим в главе 7, позитивным наследием 1960-х гг. стали революции гражданских

прав — прав женщин, детей, гомосексуалов, консолидировавшихся в 1990-е, когда беби-бумеры сами стали истеблишментом. Их нетерпимость к изнасилованиям, избиениям, преступлениям на почве ненависти, преследованию геев и жестокому обращению с детьми способствовала переосмыслению идеи закона-и-порядка на прогрессивных основаниях, а усилия по превращению жилых районов, рабочих мест, школ и улиц в безопасные для уязвимых групп места (как в феминистической кампании протеста «Вернем себе ночь»^[34]) сделали жизнь безопасней для всех.

Одно из наиболее впечатляющих цивилизационных наступлений 1990-х было предпринято афроамериканскими сообществами, поставившими перед собой цель заново цивилизовать своих молодых людей. Как и при усмирении Американского Запада 100 лет назад, больше всего усилий приложили женщины и церковь¹⁷². В Бостоне группа священников, возглавляемая Рэем Хаммондом, Юджином Риверсом и Джеффри Брауном, вела работу по снижению уровня бандитизма в сотрудничестве с полицией и социальными службами¹⁷³. Они использовали свое знание местных сообществ, чтобы выявить самых опасных членов банд и дать им понять, что полиция и соседи за ними наблюдают. Для этого проводились встречи с самими участниками банд и с бабушками и матерями. Лидеры местных общин тоже помогали останавливать круговорот мести: они брали на особый контроль любого члена банды, если он недавно подвергся оскорблению, и принуждали его отказаться от мести. Вмешательство было эффективно не только из-за угрозы ареста, но и из-за внешнего давления, обеспечивающего считавшему себя оскорбленным выход из ситуации. Он мог отступить,

не потеряв лица, — так два сцепившихся драчуна позволяют тщедушным свидетелям растащить их в разные стороны. Эти усилия увенчались «Бостонским чудом» 1990-х: уровень убийств в городе упал в пять раз и с тех пор, с некоторыми флуктуациями, остается на низком уровне¹⁷⁴.

Полиция и суды, в свою очередь, стали использовать уголовные наказания не только как жесткое средство сдерживания и лишения прав, но для подтверждения и укрепления легитимности власти — второй стадии процесса цивилизации. Система уголовного правосудия работает исправно не потому, что «рациональные агенты» знают, что Большой Брат следит за ними в режиме 24/7 и в случае чего набросится и наложит взыскание, превышающее любую незаконно приобретенную выгоду. Ни у одной демократии нет ни ресурсов, ни желания превращать общество в подобие ящика Скиннера^[35]. Преступления в принципе можно выявить и наказать только выборочно, и отбор образцов должен быть достаточно справедлив, чтобы граждане считали легитимным режим в целом. Человек верит в легитимность власти, если чувствует, что система устроена так, что он сам и, что важнее, его противники имеют все шансы понести наказание в случае нарушения закона, так что все они могут научиться подавлять свои побуждения к хищничеству, упредительным ударам и самочинной мести. Но во многих юрисдикциях США наказание было столь непредсказуемо, что представлялось скорее невезением, чем закономерным последствием запрещенного поведения. Преступники безнаказанно нарушали испытательный срок, проваливали проверку на наркотики, видя, что их приятелям все это тоже сходит с рук, но однажды ни с того ни с сего

становились жертвами злого рока и отправлялись за решетку на долгие годы.

Теперь судьи в сотрудничестве с полицией и лидерами местных сообществ меняли стратегию борьбы с преступностью. Они отказывались от суровых, но непредсказуемых наказаний за крупные преступления в пользу скромных, но адекватных наказаний за более мелкие нарушения, гарантируя, например, что неявка на слушания по прохождению испытательного срока будет стоить обвиняемому нескольких дней в тюрьме¹⁷⁵. Такие меры опирались на два свойства психологии человека (которые я исследую в главе, посвященной нашим добрым ангелам). Первое: люди, особенно те, кто часто имеет проблемы с законом, не думают о будущем и больше реагируют на конкретные и немедленные наказания, чем на вероятные и отложенные¹⁷⁶. Второе: люди оценивают отношения с другими людьми и организациями с точки зрения морали — либо как игру в победителей и побежденных, либо как справедливый и взаимно соблюдаемый договор¹⁷⁷. Стивен Альм, судья, придумавший программу «испытательный срок с обеспечением исполнения», резюмировал: «Когда система непоследовательна и непредсказуема, когда людей наказывают случайным образом, они думают: “Инспектор по надзору меня невзлюбил” или “Кто-то затаил на меня зло”, а должны бы видеть, что со всеми нарушителями закона обращаются одинаково, точно так же, как с ними»¹⁷⁸.

Новое наступление с целью умерить насилие стремилось укрепить и навыки эмпатии и самоконтроля — внутренних стражей процесса цивилизации. Бостонская программа была названа «Коалицией десяти пунктов» в честь манифеста,

формулирующего десять целей, например: «Продвигать и популяризировать культурные изменения, помогающие снизить физическое и вербальное насилие среди черной молодежи, иницируя обсуждения, самоанализ и размышления о своих мыслях и действиях, которые тормозят наше развитие — личное и общественное». Коалиция также объединяет усилия с программой «Операция “Перемирие”», разработанной Дэвидом Кеннеди как воплощение кредо Иммануила Канта: «Нравственности, основанной только на внешнем принуждении, никогда не достаточно»¹⁷⁹. Журналист Джон Сибрук описал одно из мероприятий по формированию эмпатии:

Однажды я наблюдал страстное, почти осязаемое желание создать переживание, способное изменить членов банды. Бывший ее член по имени Артур Фелпс, которого все звали Попс, выкатил в центр комнаты инвалидную коляску с 37-летней женщиной. Ее звали Маргарет Лонг, и ее тело ниже груди было парализовано. «Семнадцать лет назад я выстрелил в эту женщину, — сказал Фелпс, рыдая. — И мне придется жить с этим каждый божий день». А Лонг воскликнула: «А мне приходится испражняться в пакетик!», вытащила калоприемник из кармана инвалидного кресла и подняла. Молодые люди смотрели на нее в ужасе. Последним выступал социальный работник Аарон Пуллис, и, когда он закричал: «Ваш дом в огне! Все здание горит! Спасайтесь! Вставайте!» — три четверти присутствующих вскочили на ноги, словно их дернули за веревочку¹⁸⁰.

Цивилизационное наступление 1990-х гг. преследовало еще одну цель — подчеркнуть важность ответственности. Именно последнего качества лишена жизнь члена банды. В столице страны прошли два широко освещавшихся в прессе мужских марша, участники которых подтверждали обязательства по поддержке собственных детей. В организованном Луисом Фараханом^[36] «Марше миллиона мужчин», участвовали черные мужчины, в «Марше верных обещанию» под эгидой консервативного

христианского движения — белые. Хотя оба движения носили неприятный оттенок этноцентризма, сексизма и религиозного фундаментализма, с исторической точки зрения они были частью более масштабного процесса — возврата к процессу цивилизации. В книге «Великий разрыв (The Great Disruption) политолог Фрэнсис Фукуяма заметил, что, когда уровень насилия в 90-х снизился, то же самое произошло и с другими приметами социальной патологии — разводами, зависимостью от социальных пособий, подростковыми беременностями, исключениями из школ, венерическими заболеваниями, ДТП и перестрелками с участием подростков¹⁸¹.

Процесс повторной цивилизации, наблюдаемый в последние два десятилетия, — это не только возвращение в русло, по которому Запад двигался со времен Средневековья. Исторически процесс цивилизации зародился как побочный продукт укрепления государства и развития торговли, в то время как недавний спад насилия по большей части стал результатом цивилизационного наступления, намеренно предпринятого для улучшений условий существования людей. Еще одно новшество — разрыв между внешними приметами цивилизации и привычкой к эмпатии и самоконтролю, которые для нас важнее всего.

Не все тренды децивилизации 1960-х развернулись вспять в 1990-х — исключением стала поп-культура. На фоне популярных исполнителей новой музыки — панка, металла, готического рока, гранжа, гангста и хип-хопа — участники The Rolling Stones выглядят как ячейка Женского христианского союза трезвости. В

голливудских фильмах кровь льется обильнее, чем когда-либо, любая порнография — на расстоянии клика компьютерной мыши от интересующегося. Наконец, популярным стал новый вид жестоких развлечений — видеоигры. И все же, несмотря на все эти приметы культурного разложения, количество насилия в реальной жизни уменьшилось. Процессу повторной цивилизации каким-то образом удалось повернуть вспять волну социальных проблем, не переставив культурные часы назад, на семейные ситкомы. Однажды вечером в переполненном вагоне бостонского метро я ехал с жуткого вида парнем в грубых ботинках и черной кожаной одежде — он был изукрашен татуировками и пирсингом. Другие пассажиры моментально вскочили с сидений, когда он прорычал: «А никто не хочет уступить место этой пожилой женщине? *Она могла бы быть вашей бабушкой!*»

Поколение X, повзрослевшее в 1990-х, считают жаждущим внимания, ироничным и постмодернистским. Его представители ломают комедию, пробуют разные стили и увлекаются старыми культурными жанрами, не принимая ничего всерьез. В этом отношении они умнее юных беби-бумеров, считавших болтовню рок-музыкантов серьезной политической философией. Сегодня подобная проницательность свойственна большей части жителей западного мира. В вышедшей в 2000 г. книге «Бобо в раю. Откуда берется новая элита» (Bobos in Paradise) журналист Дэвид Брукс заметил, что многие представители среднего класса стали «буржуазной богемой»: они могут выглядеть как маргиналы и жить при этом совершенно обывательской жизнью.

Каз Воутерс, беседовавший с Элиасом в конце его жизни, предположил, что мы проживаем новую фазу процесса цивилизации. Это долгосрочный тренд деформализации, о котором я упоминал выше, и он ведет к тому, что Элиас назвал «контролируемым освобождением от эмоционального контроля», а Воутерс — третьей натурой¹⁸². Наша первая натура состоит из сформировавшихся в ходе эволюции побуждений, управляющих жизнью в ее первозданном виде, вторая — из укоренившихся привычек цивилизованного общества, а третья — из сознательной рефлексии над этими привычками: именно с ее помощью мы оцениваем, каких культурных норм стоит придерживаться, а в каких больше нет необходимости. Столетия назад нашим предкам приходилось подавлять всякую спонтанность и индивидуальность, чтобы цивилизовать себя, но сейчас нормы ненасилия укоренились и мы можем отказаться от некоторых запретов, ставших лишними. Согласно этой точке зрения, то, что женщины не скрывают тело под одеждой полностью, а мужчины сквернословят на людях, не есть признаки культурного упадка. Напротив, это знак, что мы живем в обществе настолько цивилизованном, что не приходится бояться оскорблений или нападения в ответ. Как сказал писатель Роберт Говард, «цивилизованные люди более бесцеремонны, чем дикари, потому что знают, что за невежливость никто не проломит им череп». Может, пришло время и мне разрешить себе закатывать горошину на вилку с помощью ножа.

Глава 4

ГУМАНИТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Тот, в чьей власти заставить вас верить в нелепость, волен и заставить вас поддерживать несправедливость.[\[37\]](#).

ВОЛЬТЕР

В мире существует множество странных музеев. В калифорнийском городе Берлингеме есть музей «Сувениры Pez», где выставлены пять сотен дозаторов для мятных конфет, увенчанных головами героев мультфильмов. В Париже туристы часами стоят в очереди, чтобы попасть в музей, посвященный устройству городской канализации. «Веревка дьявола» — Музей колючей проволоки в техасском Маклине «представляет каждую деталь и аспект» этого ограждения. Токийский музей паразитологии Мегуро приглашает гостей «попытаться подумать о паразитах без чувства страха и потратить время на знакомство с чудесным миром паразитов». Есть еще и Фаллологический музей в Рейкьявике с «коллекцией из более чем сотни пенисов и их частей, принадлежащих почти всем земным и морским млекопитающим, встречающимся в Исландии».

Но музей, в котором я меньше всего хотел бы провести денек, — это Музей пыток и средневековой криминологии в итальянском Сан-Джиминьяно¹. Сайт TripAdvisor извещает: «Цена билета €8,00. Дороговато для маленького музея из десятка комнатушек, в которых выставлено около 100–150 экспонатов. Но

если вы фанат зловещих кошмаров, не проходите мимо. Копии и оригинальные инструменты пыток и казней размещены в мрачно освещенных комнатах с каменными стенами. Каждый экспонат сопровождается исчерпывающим описанием на итальянском, французском и английском языках. Не упущено ни одной детали, в том числе — для какого телесного отверстия был предназначен механизм, какую конечность призван был вывернуть, кем были его типичные жертвы и как они страдали и умирали».

Я думаю, даже читатели, утомленные зверствами современной истории, были бы шокированы этой демонстрацией средневековой жестокости. Вот «Колыбель Иуды», которую использовала испанская инквизиция: обнаженную жертву подвешивали за руки и за ноги, надевали для тяжести железный пояс и опускали анусом или вагиной на заостренный угол приспособления. Как только жертва расслабляла мышцы, орудие пытки проникало внутрь и разрывало ткани. А вот «Нюрнбергская дева» — разновидность «Железной девы»: острия внутри были расположены так, чтобы не проткнуть жизненно важные органы и не прекратить мучения жертвы раньше времени. Серия гравюр демонстрирует, как жертву подвешивали за лодыжки и распиливали на две части от промежности вниз; табличка объясняет, что такая казнь широко использовалась в Европе как наказание за бунты, колдовство и неподчинение приказам в армии. Вот «Груша» — надколотый деревянный набалдашник, усеянный заостренными шипами. Ее вставляли в рот, анус или вагину и раздвигали с помощью винтового механизма, разрывая тело жертвы изнутри. «Грушу» использовали для наказания за содомию, прелюбодеяние, инцест, ересь, богохульство и «плотский союз с Сатаной». «Кошачья

лапа», или «Испанский щекотун», — связка крючков, которыми раздирали плоть жертвы. «Маска позора» в виде свиной или ослиной головы служила как публичному унижению жертвы, так и для причинения мучений с помощью лезвия или круглой ручки, которую запихивали жертвам в нос или в рот, чтобы заглушить их стоны. «Вилка еретика» — палка с двумя острыми шипами с каждой стороны; один конец упирался в челюсть жертвы, второй — в основание шеи, так что, когда мышцы несчастного больше не выдерживали напряжения, шипы протыкали его с двух сторон.

Выставленные в Музее пыток инструменты отнюдь не редкие экспонаты. Подобные коллекции можно увидеть в Сан-Марино, Амстердаме, Мюнхене, Праге, Милане и в лондонском Тауэре. Изображения сотен видов пыток украшают подарочные фотоальбомы с названиями типа «Инквизиция» или «Пытки в искусстве» — некоторые представлены на рис. 4–1².

Пытки, конечно, не ушли в прошлое. И в наше время к ним прибегают полицейские государства, разъяренные толпы во время этнических чисток и геноцида и демократические правительства при проведении допросов и антитеррористических операций, ставших печально известными при администрации Джорджа Буша-мл. после террористической атаки 11 сентября. Но единичные, тайные и повсеместно осуждаемые в наше время случаи пыток не идут ни в какое сравнение с веками узаконенного садизма в средневековой Европе. Пытки в Средние века не были тайной, их не отрицали и не маскировали эвфемизмами. Они не были тактикой, с помощью которой репрессивные режимы запугивают своих политических противников, а режимы

демократические выбивают информацию у подозреваемых в терроризме. Это не был внезапный взрыв бешенства в толпе, разъяренной ненавистью к дегуманизированному врагу. Нет, пытки были вплетены в самую ткань жизни общества. Подобные виды наказаний развивались и поощрялись, давая выход художественному и техническому творчеству. Пыточные инструменты были тщательно сделаны и украшены. Они должны были не только причинять физическую боль, как, скажем, побои, но внушать животный ужас, проникая в чувствительные органы, нарушая телесную целостность, представляя жертв в унижительном виде, помещая их в позы, в которых их собственная ослабевающая выдержка увеличивала боль и вела к увечьям и смерти. Заплечных дел мастера были лучшими в своем веке знатоками анатомии и физиологии и использовали свои знания, чтобы продлить агонию, избежать повреждения нервов, чтобы боль не притупилась и жертва оставалась в сознании до самой смерти. Если пытали женщину, садизм приобретал эротическую окраску: перед пытками ее раздевали догола, и главной мишенью были грудь и гениталии. Страдания жертв были поводом для шуточек. Во Франции «Колыбель Иуды» называли «ночным дозором», поскольку она не позволяла жертвам заснуть. Людей жаривали живьем внутри железного быка, так что их вопли, словно мычание, доносились изо рта железного зверя. Обвиняемого в нарушении общественного порядка могли заставить носить «дудку гуляки» — копию флейты или трубы с прикрепленным к ней железным ошейником и клещами, ими сдавливали пальцы, ломая кости и суставы. Многие пыточные механизмы были сделаны в виде животных, им давали причудливые имена.

Средневековый христианский мир был культурой жестокости. пытки применялись властями по всей Европе, они были закреплены законодательно. Мелкие преступления карались ослеплением, клеймением, ампутацией рук, ушей, носов и языков и другими увечьями. Казни были садистическими оргиями, затяжными убийствами: сжигание на костре, колесование, четвертование лошаадьми, сажание на кол через анус, потрошение, когда кишки жертвы медленно наматывали на катушку, и повешение, которое было скорее постепенным удушением, чем быстрым переломом шеи³. Садистские пытки применялись и Церковью при допросах, охоте на ведьм и религиозных войнах. пытки были санкционированы папой римским с неподходящим именем Иннокентий IV (Innocent — невинный) в 1251 г., и орден монахов-доминиканцев осуществлял их с наслаждением. Как отмечается в альбоме «Инквизиция», в правление папы Павла IV (1555–1559) инквизиция была «совершенно ненасытна — Павел, сам доминиканец и бывший Великий инквизитор, был страстным мастером пыточных дел и жестоким массовым убийцей — таланты, за которые в 1712 г. он был причислен к лику святых»⁴.

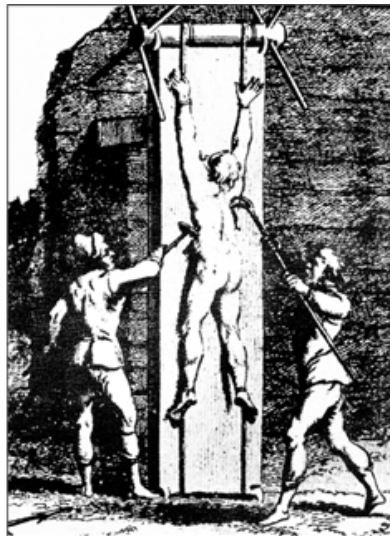

РИС. 4-1. *Пытки в Европе:*

Средневековье и начало Нового времени

Источники: распиливание: Held, 1986, p. 47; «кошачья лапа»: Held, 1986, p. 107; сажание на кол: Held, 1986, p. 141; сжигание на костре: Pinker, 2007a; «колыбель Иуды»: Held, 1986, p. 5; колесование: Purri, 1990, p. 39

Пытки не были просто жестоким правосудием, грубой попыткой сдержать насилие угрозой еще большего насилия. Большинство проступков, за которые человека отправляли на костер или виселицу, были ненасильственными, сегодня многие из них вообще не считаются правонарушением: например, ересь, богохульство, богоотступничество, критика правительства, сплетни, брань, прелюбодеяние и нетрадиционные сексуальные практики. И христианская, и светская системы правосудия, основанные на римском праве, использовали пытки, чтобы добиться признания и, таким образом, объявить подозреваемого виновным, несмотря на тот очевидный факт, что под пытками человек скажет что угодно, лишь бы остановить боль. Пытки ради признания были еще более абсурдны, чем пытки ради сдерживания, запугивания или получения объективной информации, например имен соучастников или мест, где спрятано оружие. Но никакие несообразности не должны были мешать делу. Если огонь сжег жертву и не случилось никакого чуда ради ее спасения, это считалось доказательством вины. Подозреваемую в колдовстве связывали и бросали в озеро: если выплыла — значит, она ведьма и ее нужно повесить; если же утонула — ну что ж, значит, была невиновна⁵.

Пытки и казни не скрывали в темницах, это было массовое развлечение, привлекавшее толпы зевак, упивавшихся муками и криками жертвы. Тела, сломанные на колесе, болтающиеся на виселицах или разлагающиеся в железных клетках, в которых жертв оставляли умирать от голода и холода, были привычной частью пейзажа. Некоторые из этих клеток до сих пор свешиваются с общественных зданий в

Европе, например с церкви Святого Ламберта в Мюнстере. Часто пытки становились коллективной забавой: закованную в колодки жертву щекотали, били, калечили, забрасывали камнями, пачкали грязью или фекалиями, иногда несчастные от этого задохнулись.

Систематическая жестокость европейцев была не уникальной. Сотни видов пыток, которым подвергались миллионы людей, задокументированы и другими цивилизациями: ассирийцев, персов, селевкидов, римлян, китайцев, индийцев, полинезийцев, ацтеков; они были обычным делом у американских племен и во многих африканских королевствах. Жестокие убийства и расправы описаны у евреев, греков, арабов и османских турок. И, как мы видели в конце главы 2, все первые развитые цивилизации были абсолютистскими теократиями, наказывавшими ненасильственные преступления пытками и увечьями⁶.

Эта глава посвящена впечатляющей исторической трансформации, которая заставляет нас сегодня ужасаться подобным обычаям. На современном Западе и в большинстве регионов мира смертная казнь и телесные наказания отменены, право государства на применение насилия к гражданам серьезно ограничено, рабство под запретом, и люди не жаждут крови с прежней силой. Все изменилось за короткий промежуток времени: началось в Веке разума в XVII в., а достигло кульминации в конце XVIII в., в эпоху Просвещения.

Кое в чем этот прогресс (а если это не прогресс, тогда что вообще можно назвать прогрессом?)

подтолкнул новые идеи — прямо сформулированные аргументы, убеждавшие, что узаконенное насилие следует минимизировать или отменить. Ускорило дело и изменение порога чувствительности. Люди стали сочувствовать все большему числу других людей и уже не могли оставаться равнодушными к их страданиям. Из этих предпосылок выросла новая идеология — она поставила в центр системы ценностей жизнь и счастье, а в основание концепции общественных институтов — здравый смысл и рациональные обоснования. Эту новую идеологию можно назвать гуманизмом или идеей прав человека, а ее стремительное воздействие на жизнь Запада во второй половине XVIII в. — Гуманитарной революцией.

Сегодня Просвещение часто упоминают с презрительной усмешкой. Сторонники критической теории винят его в катастрофах XX столетия; религиозные консерваторы из Ватикана и американские правые интеллектуалы горят желанием сменить его толерантный секуляризм на воображаемую моральную чистоту средневекового католицизма⁷. Даже умеренные атеисты нередко осуждают Просвещение как реванш интеллектуалов, как наивную веру, что человечество — раса высокоумных рациональных агентов. Эта массовая амнезия и неблагодарность стали возможны из-за естественной идеализации прошедших веков, о которой мы читали в главе 1: реальность вчерашних зверств проваливается в пропасть забвения, и воспоминания о них сохраняются лишь в безобидных идиомах и картинках. Если начало этой главы показалось вам слишком натуралистическим, так это сделано только для того, чтобы напомнить о

реальности той эпохи, которой положило конец Просвещение.

Конечно, исторические перемены не случаются по щелчку пальцев, и гуманистическое течение набирало силу веками до и после Просвещения, и не только на Западе⁸. Но в книге «Изобретение прав человека» (Inventing Human Rights) историк Линн Хант заметила, что понятие прав человека было внятно провозглашено в ходе двух исторических событий. Первое — подписание американской Декларации независимости в 1776 г. и французской Декларации прав человека и гражданина в 1789-м. Второе, в середине XX в., — подписание в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, закрепленное чередой Революций прав в последующие десятилетия (см. главу 7).

Мы увидим, что эти декларации не были просто прекраснородушной болтовней; Гуманитарная революция инициировала отмену многих варварских обычаев, которые являлись неотъемлемой частью жизни на протяжении большей части истории человечества. Но обычай, который ярче всего иллюстрирует прогресс человеколюбия, был искоренен задолго до этого времени, и его исчезновение — отправная точка в понимании спада узаконенного насилия.

УБИЙСТВА ИЗ СУЕВЕРИЯ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, КОЛДОВСТВО И КРОВАВЫЙ НАВЕТ

Самой мрачной и дремучей формой узаконенного насилия были человеческие жертвоприношения:

пытки и убийства невинных лиц, чтобы ублажить божество, жаждущее крови⁹.

Библейская история жертвоприношения Авраама доказывает, что человеческие жертвоприношения в I тысячелетии до н.э. не были чем-то невообразимым. Израильские племена хвалились, что их бог морально превосходит богов соседских племен, потому что он требовал убивать в его честь только овец и коров, но не детей. Но соблазн, видимо, никуда не делся, потому что израильтяне посчитали целесообразным наложить прямой запрет в Левите 18:21: «Из детей твоих не отдавай на служение Молоху (через огонь) и не бесчести имени Бога твоего». Веками их потомкам приходилось принимать меры, препятствующие возрождению этого обычая. В VII в. до н.э. царь Иосия осквернил место для жертвоприношений Тофет, чтобы «никто не проводил сына своего и дочери своей чрез огонь Молоху»¹⁰. После возвращения из Вавилонского пленения обычай человеческих жертвоприношений среди евреев сошел на нет, но выжил в качестве идеала в одной из отколовшихся от иудаизма сект, члены которой верят, что Бог принимает мучительную смерть невинного в обмен на избавление человечества от худшей судьбы. Секта называется христианство.

Человеческие жертвоприношения описаны в мифах всех основных цивилизаций. Вдобавок к еврейской и христианской Библиям, они упоминаются в греческой легенде о том, как Агамемнон принес в жертву дочь Ифигению в надежде выпросить попутный ветер для своего военного флота, в истории Рима — в рассказе о четырех рабах, сожженных, чтобы сдержать Ганнибала, в друидической легенде, повествующей, как жрецы

убили ребенка, чтобы восстановилось поступление строительного материала для крепости, и во множестве историй о многорукой индийской богине Кали и покрытом перьями ацтекском боге Кетцалькоатле.

Но человеческие жертвоприношения не просто завораживающая легенда. Две тысячи лет назад римский историк Тацит записал рассказ очевидца о подобных обычаях у германских племен. Плутарх рассказал, как это происходило в Карфагене, где туристы и сегодня могут увидеть обугленные кости жертвенных детей. Обычай человеческого жертвоприношения описан у гавайцев, скандинавов, инков, кельтов (помните «болотного человека»?), оно было поставлено на поток у мексиканских ацтеков, племени кхондов в Юго-Восточной Индии, в западноафриканских королевствах Ашанти, Бенине и Дагомее, где людей приносили в жертву тысячами. Мэттью Уайт подсчитал, что между 1440 и 1524 г. ацтеки приносили в жертву около 40 человек в день — всего 1,2 млн человек¹¹.

Человеческие жертвоприношения обычно предварялись пытками. Ацтеки, например, опускали жертв в костер, вытаскивали их, не давая умереть, и вырезали еще бьющееся сердце из груди (зрелище, неверно показанное в фильме «Индиана Джонс и храм судьбы» как жертвоприношение богине Кали в Индии 1930-х). Даяки на Борнео (остров Калимантан) убивали, нанося тысячи порезов бамбуковыми иглами и лезвиями, заставляя жертву медленно истекать кровью. Чтобы удовлетворить потребность в жертвах, ацтеки вели войны и брали пленных, а в Индии кхонды выращивали жертв для этой цели с детства.

Убийство ни в чем не повинных людей часто сочеталось с другими суеверными обычаями. Жертвы в честь начала строительства крепости, дворца или храма приносились в Уэльсе, Германии, Индии, Японии и Китае: человека замуровывали в фундамент, чтобы боги не наказали строителей за вмешательство в установленный порядок вещей. Другая богатая идея, независимо изобретенная во многих царствах (в том числе в Шумере, Египте, Китае и Японии), — жертвоприношение как часть похоронного ритуала. Когда правитель умирал, его приближенных и гарем хоронили вместе с ним. Индийская традиция сати, когда вдова присоединялась к умершему мужу на погребальном костре, — только один из его вариантов. Около 200 000 женщин приняли эту бессмысленную смерть со Средневековья до 1829 г., когда обычай был запрещен законом¹².

О чем думали все эти люди? Некоторые узаконенные убийства если и непростительны, то хотя бы объяснимы. Люди при власти убивают, чтобы избавиться от врагов, приструнить возмутителей спокойствия или продемонстрировать свое могущество. Но убивать невинных детей, начинать войну, чтобы разжиться жертвами, или специально растить касту обреченных — все это вряд ли можно считать эффективным способом остаться у власти.

В мудрой книге, посвященной истории насилия, политолог Джеймс Пейн предположил, что древние люди мало ценили чью бы то ни было жизнь, поскольку боль и смерть были обычной частью их собственного бытия. Это открывает дверь любым практикам, способным принести хоть минимальную выгоду, даже если цена этой выгоды — чужая жизнь. А если древние верили в богов, что свойственно

большинству народов, тогда человеческие жертвоприношения с легкостью можно было воспринимать как предложение такой выгоды богам. «Их примитивный мир был полон опасностей, страданий и внезапных несчастий, включая чуму, голод и войны. Естественно, они задумывались: какой бог мог создать такой мир? Правдоподобным был ответ: бог-садист, бог, которому нравится смотреть, как люди страдают и истекают кровью»¹³. Так что они могли подумать: если эти боги нуждаются в ежедневной дозе кровушки, почему бы не принять превентивные меры? Лучше он, чем я.

В одних регионах мира человеческие жертвоприношения были упразднены христианскими миссионерами, как, например, в Ирландии святым Патриком, в других — европейскими колонистами, например британцами в Африке и Индии. Чарльз Джеймс Нэпьер, главнокомандующий Британскими вооруженными силами в Индии, столкнувшись с жалобами местных на запрет обычая сати, ответил: «Вы говорите, сжигать вдов — ваш обычай. Хорошо. У нас тоже есть обычай: когда люди сжигают женщину живьем, мы накидываем им на шею петлю и подвешиваем. Стройте свои погребальные костры; а рядом мои плотники построят виселицы. Можете следовать своим обычаям, а мы будем следовать своим»¹⁴.

В большинстве регионов, однако, человеческие жертвоприношения прекратились сами собой. Израильтяне отказались от них около 600 г. до н.э., греки, римляне, китайцы и японцы несколькими столетиями спустя. Укрепление государства и изобретение письменности каким-то образом привело к тому, что люди пересмотрели свое мнение о

человеческих жертвоприношениях. Возможно, образованная элита, зарождение исторической науки и контакты с соседними народами помогли людям сообразить, что гипотеза о кровожадном боге неверна. Они усвоили, что сбрасывание девственницы в жерло вулкана не исцеляет болезни, не отвращает врагов и не приносит хорошую погоду. А может, как считал Пейн, более благополучная и предсказуемая жизнь понизила их фатализм и повысила ценность других людей. Обе версии правдоподобны, но доказать их нелегко, поскольку сложно обнаружить признаки экономического или научного прогресса, совпадающие с отказом от человеческих жертвоприношений.

Такой отказ всегда морально окрашен. Люди, жившие в эпоху запрета этой практики, понимают, что они продвигаются вперед, и с отвращением смотрят на непросвещенных соседей, цепляющихся за прежние обычаи. История, пришедшая к нам из Японии, иллюстрирует расширение круга сочувствия, которое наверняка внесло свою лепту в упразднение дикого обычая. Когда во 2 г. до н.э. умер брат императора, его свита была похоронена вместе с ним. Однако жертвы не умерли сразу — несколько дней они «кричали и стонали по ночам», расстраивая императора и других свидетелей. Когда пять лет спустя умерла жена императора, он изменил обычай погребального жертвоприношения и вместо живых людей в гробницу отправились их глиняные копии. Как пишет Пейн, «император сократил рацион божеств, потому что расплачиваться с ними человеческими жизнями стало слишком дорого»¹⁵.

Кровожадный бог, жаждущий любой человеческой жертвы, — не очень убедительное объяснение происходящих несчастий. Когда люди перерастают эту теорию, они продолжают искать сверхъестественные объяснения плохим вещам, которые с ними случаются. Разница в том, что их объяснения начинают больше соответствовать обстоятельствам. Они по-прежнему считают себя жертвами сверхъестественных сил, но теперь думают, что этими силами управляет конкретный человек, а не обобщенный бог. И зовут эту злобную личность ведьмой.

Колдовство — один из самых распространенных мотивов мести у охотников-собирателей и в племенных обществах. Согласно их теории причин и следствий, нет такой вещи, как естественная смерть. Любая гибель, которую нельзя объяснить очевидными причинами, объясняется причиной неочевидной, а именно чародейством¹⁶. Нам кажется невероятным, что столь многие общества санкционировали хладнокровные убийства такими безумными объяснениями. Но некоторые свойства человеческого мышления, а также типичные конфликты интересов помогают понять их чуть лучше. Мозг эволюционировал, чтобы выявлять скрытые силы природы, в том числе невидимые глазу¹⁷. В недоступных для эмпирической проверки областях всегда есть место фантазии, к тому же обвинения в ворожбе часто подогревались эгоистичными мотивами. Племенные народы, как показали антропологи, часто уменьшали число ненавистных некровных родственников обвинениями в колдовстве — удобный предлог, чтобы от них избавиться. Тем же способом можно было осадить недоброжелателя (особенно того, кто сам хвастался своей магической

силой), подтвердить собственную праведность, соревнуясь в местной репутационной лотерее, устранить неприятных, эксцентричных или докучливых соседей, особенно тех, у кого нет родственников, способных отомстить за их смерть¹⁸.

Люди могут использовать обвинения в колдовстве и для того, чтобы частично компенсировать убытки, отыскав виновника своих несчастий, — так жертвы несчастных случаев в США, споткнувшись на улице или пролив на себя горячий кофе, подают в суд на всех присутствовавших. И, возможно, самый мощный мотив — удержать неприятелей от коварных интриг и отрезать им отходные пути: заговорщики могут опровергнуть любую физическую связь с нападением, но кто может отрицать нематериальную связь? В романе Марио Пьюзо «Крестный отец» дону Вито Корлеоне приписывается авторство следующего принципа: «С теми, кто считает несчастный случай личным оскорблением, несчастные случаи не происходят». В киноверсии он объясняет главам других мафиозных семей: «Я суеверный человек. Если с моим сыном произойдет несчастный случай, если его вдруг молния ударит, я обвиню в этом кое-кого из присутствующих».

Моралистические обвинения могут разрастись в преследования тех, кто не сумел выдвинуть свои моралистические обвинения, доходя до паразитических случаев массового помешательства и коллективного безумия¹⁹. В XV в. два монаха опубликовали книгу, разоблачающую колдовство и названную «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), которую историк Энтони Графтон назвал «странной смесью “Монти Пайтон” с “Майн кампф”»²⁰. Побуждаемые содержащимися в книге

сенсационными разоблачениями и вдохновясь указанием книги Исход 22:18 «Ворожеи не оставляй в живых», охотники на ведьм во Франции и Германии за два столетия убили, по разным оценкам, от 60 000 до 100 000 обвиненных в колдовстве (85% из них — женщины)²¹. Казнь, чаще всего — сожжение на костре, предварялась пытками, во время которых женщины сознавались в таких преступлениях, как поедание младенцев, организация кораблекрушений, уничтожение урожая, полеты на метле на шабаш, совокупления с бесами, превращение своих любовников-демонов в кошек и собак, а также в том, что они насылали на мужчин импотенцию, внушая им, что те лишились пениса²².

Психология обвинений в колдовстве породила и другие кровавые наветы, например курсирующие по средневековой Европе слухи, будто евреи отравили колодцы или на пасху убивали христианских детей, чтобы испечь мацу на их крови. Тысячи евреев были зверски убиты в Англии, Франции, Германии, Бельгии и Нидерландах в Средние века, в отдельных районах еврейское население было полностью истреблено²³.

Охота на ведьм не выдерживает никакой разумной критики. Объективно говоря, женщина не может летать на метле или превратить человека в кота, и эти факты не так сложно доказать, если достаточному количеству людей будет позволено обмениваться впечатлениями и подвергать сомнению распространенные поверья. Редкие представители духовенства и властей даже в Средние века утверждали очевидное: ведьм не существует, и казнить кого-то за колдовство — просто омерзительно. (К сожалению, некоторые из этих скептиков сами в итоге попадали в пыточные

подвалы.)²⁴ Их голоса стали громче в Век разума, к ним присоединились такие влиятельные авторы, как Эразм Роттердамский, Монтень и Гоббс.

Некоторые из официальных лиц тоже поддались научному духу и решили проверить гипотезу о существовании колдовства самостоятельно. Судья из Милана убил мула, обвинил в этом злодеянии своего слугу и велел его пытать. В результате тот сознался в преступлении и даже отказался отречься от своего признания на эшафоте, поскольку боялся, что его начнут пытать снова. (Сегодня подобный эксперимент не был бы одобрен комиссией по защите участников экспериментов.) После этого судья запретил применение пыток в судебных расследованиях.

Писатель Дэниел Мэнникс описывает еще один эксперимент:

Герцог Брауншвейгский в Германии был настолько шокирован методами, которые применяла инквизиция в его вотчине, что попросил двух известных ученых-иезуитов наблюдать за допросами. После тщательной проверки иезуиты сказали герцогу: «Инквизиторы выполняют свои обязанности. Они арестовывают только людей, замешанных в ведовстве, — тех, на кого указали другие ведьмы в своих признаниях».

«Пойдемте в пыточную камеру», — предложил герцог. Священники последовали за ним в помещение, где несчастную женщину растягивали на дыбе. «Позвольте мне допросить ее», — сказал герцог. «Итак, женщина, ты призналась в ведовстве. А я подозреваю, что эти два человека — колдуны. Что скажешь? Еще один поворот рычага, палачи».

«Нет, нет! — закричала женщина. — Вы правы. Я часто видела их на шабашах. Они могут превращаться в козлов, волков и других животных».

«Что еще тебе известно о них?» — настаивал герцог.

«Несколько ведьм родили от них детей. А одна — так даже восемь! У детей были головы, как у жаб, и паучьи ноги».

Герцог повернулся к ошеломленным иезуитам: «Должен ли я теперь пытать вас, пока вы не признаетесь, друзья мои?»²⁵

Один из иезуитов, отец Фридрих Шпее, был так впечатлен, что в 1631 г. написал книгу, которая

положила конец преследованию ведьм в Германии[38]. Охота на ведьм пошла на спад в XVII в., когда в нескольких европейских государствах ее объявили незаконной. В Англии в последний раз женщину повесили за колдовство в 1716 г., а 1749 г. отмечен последним сожжением «колдуньи» на территории Европы»²⁶.

В остальных регионах мира узаконенные убийства из суеверия — человеческие жертвоприношения, кровавые наветы и преследование ведьм — исчезли под давлением двух причин. Одна — интеллектуальная: осознание, что некоторые события, даже те, которые сильно влияют на жизнь конкретного человека, происходят из-за персонифицированных сил природы и простой случайности, а не по умыслу других людей. Великий стимул прогресса нравов, наравне с «Возлюби ближнего своего» и «Все люди созданы равными», в наши дни можно прочесть на наклейке на бампере машины: «В жизни всякое случается».

Вторую причину объяснить сложнее — это возросшая ценность человеческой жизни и счастья. Почему нас шокирует эксперимент, в котором судья пытается слугу, желая доказать, что пытки аморальны, и причиняя вред одному, чтобы помочь многим? Ответ прост: мы сочувствуем другим людям, даже незнакомым, только потому, что они люди, и это сочувствие не позволяет нам причинить страдание человеческому существу. Даже если мы не можем избавиться от свойств натуры, которые заставляют нас обвинять в собственных неудачах других, мы все чаще не даем этому соблазну перерасти в насилие. Возросшая заинтересованность в благополучии других людей, как мы увидим далее, красной нитью проходит

сквозь ликвидацию других варварских обычаев в ходе Гуманитарной революции.

УБИЙСТВА ИЗ СУЕВЕРИЯ: РАСПРАВЫ НАД СВЯТОТАТЦАМИ, ЕРЕТИКАМИ И ВЕРООТСТУПНИКАМИ

Человеческие жертвоприношения и охота на ведьм — это лишь два примера того, сколько зла могут натворить люди, преследующие воображаемые цели. В этом ряду и психические больные, убивающие в плену иллюзий, как Чарльз Мэнсон, планировавший разжечь всемирную расовую войну, или Джон Хикли, мечтавший убить президента США, чтобы произвести впечатление на актрису Джоди Фостер[39].

Но самую большую опасность представляют религиозные верования, обесценивающие жизнь людей из плоти и крови: убеждение, что страдание в этом мире будет вознаграждено в следующем или что, врезавшись на самолете в небоскреб, пилот обеспечит себе на небесах компанию из 72 девственниц. Как мы видели в главе 1, если вы верите, что избежать вечных мучений можно, только приняв Иисуса как Спасителя, вы приходите к осознанию того, что ваш моральный долг — обращать остальных в вашу веру и заставить замолчать каждого, кто может посеять в ней сомнения.

Не поддающиеся проверке воззрения опасны прежде всего тем, что их склонны защищать насильственными методами. Люди определяют себя через свои убеждения и не могут с ними расстаться, поскольку истинностью верований подтверждаются их компетентность, авторитет и право вести за собой других. Бросьте вызов убеждениям человека — и вы

покуситесь на его достоинство, репутацию и власть. Но представления о мире, основанные на слепой вере, хронически уязвимы. Никого не задевает убеждение, что камни падают вниз, а не вверх, потому что вменяемые люди видят это своими глазами. Но с убеждениями, что младенцы рождаются уже обремененные грехом, а Бог един в трех лицах или что Али был вторым самым боговдохновенным человеком после Мухаммеда, дела обстоят по-другому. Когда люди строят свою жизнь в соответствии с этими догмами, а потом узнают, что другие прекрасно без них обходятся или, хуже того, убедительно их опровергают, они чувствуют себя одураченными. Истинность убеждений, основанных на вере, доказать невозможно, и верующий при виде неверия впадает в ярость и может попытаться устранить эту угрозу всему самому важному в его жизни.

Число еретиков и неверующих, ставших жертвами преследования со стороны христиан в Средневековье и раннее Новое время, поражает воображение и опровергает расхожее мнение, что XX в. был как-то особенно жесток. Хотя никто не знает точно, сколько народу полегло в тех праведных побоищах, получить представление о количестве можно из оценок, сделанных политологом Рудольфом Джозефом Руммелем в книгах «Смерть от руки государства» (Death by Government) и «Статистика демоцида» (Statistics of Democide) и историком Мэттью Уайтом в «Большой книге ужасных вещей» (Great Big Book of Horrible Things), а также на сайте «Смерть от массовых бедствий» (Deaths by Mass Unpleasantness)²⁷. Ученые попытались оценить количественно смертоносность войн и случаев геноцида, включая те, статистики по которым не имеется. Обратившись к имеющимся источникам, с помощью здравого смысла и учета

погрешностей они вычисляли среднее значение — часто как среднее геометрическое между максимальным и минимальным достоверными показателями. Далее я использую подсчеты Руммеля, которые в целом ниже цифр, представленных Уайтом²⁸.

С 1095 по 1208 г. армии крестоносцев вели «священные войны», пытаясь отбить Иерусалим у турок-сельджуков, завоевывая себе прощение грехов и пропуск в рай. По дороге к Святой земле они уничтожали еврейские общины, а после осады и разграбления Nikeи, Антиохии, Иерусалима и Константинополя вырезали их мусульманское и еврейское население. Руммель оценивает число погибших в 1 млн человек. В то время в мире в целом проживало около 400 млн человек, примерно шестая часть от числа всех живших в XX в., так что в процентном отношении количество жертв крестоносцев сравнимо с 6 млн жертв нацистского Холокоста²⁹.

В XIII в. катары Южной Франции впали в альбигойскую ересь, согласно которой существует два бога: один — бог добра, другой — зла. Разъяренный Ватикан в сговоре с королем Франции посылал в регион одну армию за другой — убив около 200 000 еретиков. Вот яркий пример военной тактики тех армий: захватив в 1210 г. город Брам и пленив сотни его защитников, они отрезали им носы и верхние губы и выкололи глаза всем, кроме одного, которому пришлось вести остальных в город Кабаре, чтобы принудить его жителей к капитуляции³⁰. Вы никогда не встречали катаров? Это потому, что крестовый поход против альбигойцев стер их с лица земли.

Историки классифицируют этот эпизод как чистый образец геноцида³¹.

Вскоре после подавления альбигойской ереси для искоренения прочих ересей в Европе была создана инквизиция. С конца XV до начала XVIII в. мишенью ее испанского отделения были новообращенные христиане из евреев и мусульман, подозреваемые в возврате к своим прежним верованиям. Судебный протокол XVI в. описывает «дознание» по делу женщины из Толедо, обвиненной в ношении чистого белья в субботу (знак, что она — тайная иудейка). Ее растягивали на дыбе и подвергали пытке водой (избавлю вас от деталей — это гораздо хуже, чем имитация утопления), давали отлежаться несколько дней и истязали снова, пока она безуспешно пыталась понять, какого признания от нее ожидают³². Сегодня в Ватикане заявляют, что инквизиция убила несколько тысяч человек, но они не учитывают огромное число жертв своих подразделений в Новом Свете, а также тех, кого церковь передавала светским властям, а уж они их казнили или заточали в тюрьмы (что часто означало медленную смерть). Руммель оценивает количество жертв одной только испанской инквизиции в 350 000 человек³³.

После Реформации католической церкви пришлось иметь дело с огромным количеством жителей Северной Европы, ставших протестантами (часто не по своей воле, а потому, что в эту веру переходил их король или герцог)³⁴. Протестантам, в свою очередь, приходилось иметь дело с отколовшимися сектами, которые не хотели иметь ничего общего ни с одной из ветвей христианства и, конечно, с евреями. Может показаться, что протестанты, которых католическая церковь так жестоко преследовала за ересь, должны

были отказаться от гонений на еретиков, но нет. В своем обширном трактате «О евреях и их лжи» Мартин Лютер советовал христианам, как поступать с этим «негодным и порицаемым народом»:

Во-первых... сожгите их синагоги и школы... а что не сгорит, засыпьте землей — так, чтобы никто и никогда не увидел бы ни камня, ни головешки... Во-вторых, снесите и разрушайте их дома... В-третьих, необходимо изъять все их молитвенные книги и религиозную литературу, по которой они учат идолопоклонничеству, лжи, проклятиям и богохульству. В-четвертых, запретите раввинам учить отныне и впредь под угрозой смерти... В-пятых, я советую полностью запретить выдавать евреям охранные грамоты для путешествий. В-шестых, я советую запретить им ростовщичество, а все наличные деньги и драгоценности из серебра и золота у них конфисковать и поместить на хранение. В-седьмых, я рекомендую дать в руки каждому молодому сильному еврею и еврейке молотильный цеп, топор, мотыгу, лопату, прялку или веретено и позволить им зарабатывать пропитание в поте лица своего, как и положено сынам Адама (Бытие 3:19). Потому что не должно быть так, что они позволяют нам, «проклятым гоям», тяжело работать в поте лица, пока «избранный народ» проводит время у печи, пируя и выпуская газы да к тому же кощунственно хвастаясь своей властью над христианами и наживаясь на нашем труде. Давайте, по примеру других здравомыслящих народов, изгоним их из нашей страны навсегда³⁵.

По крайней мере, Лютер был не против сохранить большинству евреев жизнь — анабаптисты (предшественники сегодняшних амишей и меннонитов) не удостоились такой милости. Анабаптисты считали, что новорожденных крестить не нужно — человек должен подтверждать свою веру самостоятельно, поэтому Лютер призывал убивать их. Второй столп Реформации, Жан Кальвин, придерживался схожих взглядов на ересь и богохульство:

Некоторые говорят, что нельзя так сурово карать тех, чье преступление заключается только в словах. Но мы даже на собак надеваем намордники, так можем ли мы позволять людям открывать рты и говорить все, что им вздумается? Господь ясно сказал, что лжепророков должно безжалостно забивать камнями. Если на кону честь Господня, мы должны попать пятой все природные чувства. Отец не должен жалеть свое дитя, а муж —

жену, так и друг не должен жалеть друга, который ему дороже жизни³⁶.

Кальвин на деле следовал своим убеждениям, приказав, кроме всего прочего, сжечь на костре философа Мигеля Сервета (сомневавшегося в догмате о Пресвятой Троице)³⁷. Третий главный бунтарь против католицизма той эпохи, Генрих VIII, каждый год своего правления сжигал (в среднем) 3,25 еретика³⁸.

Когда по одну сторону баррикад люди, придумавшие инквизицию и крестовые походы, а по другую — те, кто хотел убивать раввинов, анабаптистов и унитариев, неудивительно, что религиозные войны в Европе между 1520 и 1648 гг. были отвратительными, жестокими и долгими. Конечно, в них воевали не только за победу своей религии, но и за территорию, и за династическую власть, но именно религиозные различия не давали страстям остыть. По классификации военного историка Куинси Райта, к религиозным войнам относят войну с гугенотами во Франции (1562–1594), войну Нидерландов за независимость, известную также как Восемидесятилетняя война (1568–1648), Тридцатилетнюю войну (1618–1648), гражданскую войну в Англии (1642–1648), войны Елизаветы I с Ирландией, Шотландией и Испанией (1586–1603), войну Священной Лиги (1508–1516) и войны, которые Карл V вел в Мексике, Перу, Франции и в Османской империи (1521–1552)³⁹. Количество погибших в этих войнах ужасает. Во время Тридцатилетней войны была опустошена большая часть территории современной Германии, ее население сократилось почти на треть. Руммель оценивает число погибших в 5,75 млн, что по отношению к числу мирового населения того времени более чем в два раза

превышает уровень смертей в Первой мировой и приближается к уровню Второй мировой войны⁴⁰. Английский историк Саймон Шама считает, что гражданская война в Англии унесла почти полмиллиона жизней — потеря, пропорционально более высокая, чем потери в Первой мировой⁴¹.

Только во второй половине XVII в. европейцев отпустило желание убивать людей, которые неправильно верят в сверхъестественное. Вестфальский мир, в 1648 г. положивший конец Тридцатилетней войне, утвердил принцип, согласно которому каждый правитель имел право решать, будет его государство католическим или протестантским, а религиозное меньшинство оставляли в относительном покое. (Папа Иннокентий X не был с этим согласен: он объявил Вестфальский мир «пустым, ничего не значащим, не имеющим законной силы, несправедливым, дьявольским, греховным, беспредметным, бессмысленным и недействительным на все времена».)⁴² Испанская и португальская инквизиции начали выдыхаться в XVII в., утихли в XVIII в. и прекратили свое существование в 1834 и 1821 гг., соответственно⁴³. Англия отказалась от религиозных убийств после Славной революции 1688 г. И хотя ветви христианства до последнего времени периодически возобновляли распри (протестанты и католики в Северной Ирландии, католики и православные на Балканах), сегодня их споры затрагивают скорее этнические и политические, чем теологические вопросы. С 1790 г. евреи начали получать политические права в странах Запада: сначала в США, Франции и Нидерландах, а в следующие 100 лет — на большей части территории Европы.

Что же заставило европейцев решить, что можно дать своим отклоняющимся от истины соотечественникам право рискнуть и попасть в ад, увлекая других туда же своим дурным примером? Возможно, их вымотали религиозные войны, однако неясно, почему для этого потребовалось 30 лет, а не 20 или 10. Возникает ощущение, что люди стали больше ценить человеческую жизнь. В основном из-за перемен в эмоциональной сфере — развившейся привычки сопереживать боли и радостям ближнего. Кроме того, произошли интеллектуальные и нравственные перемены: сдвиг от признания ценности *души* к признанию ценности *жизни*. Доктрина святости души звучит возвышающе, но на самом деле она весьма пагубна. Она обесценивает земную жизнь как временную фазу, в которой человек проводит бесконечно малую часть своего существования. Смерть в таком случае лишь граница, переход, вроде подросткового возраста или кризиса середины жизни.

Постепенному переносу акцента с души на жизнь помогло и становление скептицизма и рационализма. Никто не может отрицать разницу между живым и мертвым или реальность страдания, но, чтобы поверить в то, что якобы происходит с бессмертной душой, когда она отделяется от тела, требуется идеологическая обработка. XVII в. был назван Веком разума — это было время, когда мыслящие люди начали заявлять, что вера должна быть подтверждена опытом и логикой. Такой подход развенчивал догмы о душе и спасении и лишал всяких оснований попытки заставить людей верить в невероятные вещи под угрозой меча (или приспособлений вроде «Колыбели Иуды»).

Эразм Роттердамский и другие философы-скептики заметили, что человеческое знание само по себе недостоверно. Если даже глаза можно обмануть зрительными иллюзиями (например, весло, опущенное в воду, кажется сломанным, а цилиндрическая башня на расстоянии выглядит прямоугольной), тогда почему мы должны доверять своим убеждениям о нематериальном?⁴⁴ Сожжение Кальвином Мигеля Сервета в 1553 г. вызвало широкое обсуждение самой идеи религиозных преследований⁴⁵. Французский теолог Себастьян Кастеллио возглавил это наступление, акцентируя внимание на абсурдности ситуации, когда разные люди непоколебимо уверены в истинности противоположных вещей. Он также указал на ужасные нравственные последствия претворения этих убеждений в жизнь.

Кальвин говорит, что он уверен в истине, и [другие секты] говорят то же самое; Кальвин говорит, что они не правы, и хочет судить их, и того же хотят и они. Так кто же должен быть судьей? Кто сделал Кальвина судьей над всеми сектами, чтоб он один мог убивать? У него есть Слово Божье, и у них тоже. Если дело его бесспорно, то для кого? Для Кальвина? Но тогда зачем он написал столько книг, провозглашая очевидную истину?.. Ввиду неопределенности мы должны воспринимать еретиков просто как людей, с которыми мы не согласны. И если мы собираемся убивать еретиков, логическим следствием была бы война на уничтожение, потому что в своей правоте уверен каждый. Кальвину пришлось бы вторгнуться во Францию и в другие государства, разрушить их города, предать мечу всех жителей, невзирая на возраст и пол, убить даже младенцев и скот⁴⁶.

В XVII в. эту аргументацию продолжили, среди прочих, Барух Спиноза, Джон Мильтон (который написал: «Раз истина выступила на борьбу, было бы оскорбительно прибегать к цензуре и запрещением, сомневаясь в ее силе. Пусть она борется с ложью: кто знает хоть один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе?»^[40]), Исаак Ньютон и Джон Локк. Зарождавшаяся

современная наука стала доказывать, что даже самые глубокие убеждения могут быть ложными, что мир работает по законам физики, а не по Божественной прихоти. Католическая церковь только навредила себе, угрожая Галилею пытками и приговорив его к пожизненному домашнему аресту за научную идею — как оказалось, верную. Скептический образ мысли, приправленный юмором и здравым смыслом, все чаще бросал вызов предрассудкам. В шекспировской пьесе «Генрих IV» Глендовер хвастается: «Я духов вызывать могу из бездны». Хотспер отвечает: «И я могу, и каждый это может, / Вопрос лишь, явятся ль они на зов». Фрэнсис Бэкон, которому часто приписывают слова, что убеждения должны опираться на наблюдения, писал о человеке, которого привели в молитвенный дом и показали изображения моряков, которые спаслись от кораблекрушения, выполнив свои святые обеты. Человека спросили, неужели это не доказывает могущество богов? «Ага, — ответил он, — а где нарисованы те, кто утонул, выполнив обеты?»⁴⁷

ЖЕСТОКИЕ И НЕОБЫЧНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Развенчание религиозных догм и предрассудков искоренило одну из причин для применения пыток, но суды все еще использовали их в качестве наказания за мирские преступления и правонарушения. В древности, в Средние века и в начале Нового времени люди считали жестокие наказания абсолютно обоснованными. Смысл наказания видели в том, чтобы сделать нарушителя настолько несчастным, чтобы и ему самому, и свидетелям казни больше не захотелось преступать закон. С этой точки зрения чем жестче наказание, тем лучше оно служит своей цели. К тому же государство, лишённое сильной полиции и

эффективного суда, должно стараться произвести максимальное впечатление минимальными средствами. Наказания должны быть такими жуткими и запоминающимися, чтоб каждый, кто это видел, был приведен страхом к покорности и разнес весть другим, запугав и их тоже.

Но привлекательность варварских наказаний была не только в их практической пользе. Очевидцы наслаждались жестокостью, даже если она не служила интересам правосудия. Например, животных истязали ради чистого удовольствия. В Париже XVI в. популярным развлечением было сжигание кошек — несчастное животное подвешивали над костром и медленно опускали в огонь. Как пишет историк Норман Дэвис, «зрители, в том числе короли и королевы, корчились от смеха, пока животное горело и обугливалось, воя от боли»⁴⁸. Популярны были собачьи и петушиные бои, бег быков, публичные казни животных-«преступников», травля медведей: животное приковывали к столбу и спускали на него собак, которые или гибли сами, или разрывали медведя на части.

Даже если люди не наслаждались пытками, они относились к ним с леденящим безразличием. Сэмюэл Пипс, вероятно один из наиболее утонченных людей своего времени, сделал 13 октября 1660 г. следующую запись в дневнике:

Ходил на Чаринг-Кросс смотреть, как повесят, выпотрошат и четвертуют генерал-майора Гаррисона; пока с ним это проделывали, он выглядел настолько бодрым, насколько может быть человек в его состоянии. Вскоре его четвертовали, показав его голову и сердце народу, издававшему радостные крики... Оттуда отправился к моему патрону, затем сводил капитана Каттенса и мистера Шепли в таверну «Солнце» и угостил их устрицами⁴⁹.

Шуточка Пипса про то, что Гаррисон «выглядел настолько бодрым, насколько может быть человек в его состоянии», относилась к человеку, которого частично задушили, выпотрошили, кастрировали, сожгли у него на глазах его же внутренности, а потом отрубили ему голову.

Даже менее замысловатые расправы, известные нам под эвфемизмом «телесные наказания», представляли собой отвратительные пытки. Сегодня дети фотографируются у колодок и позорных столбов, которые собирают вокруг себя туристов в исторических местах. А вот описание реальной казни у позорного столба в Англии (XVIII в.):

Один из них, низкорослый, никак не мог дотянуться до отверстия, предназначенного для головы. Однако солдаты просунули его голову в дыру, и бедняга скорее висел, чем стоял. Вскоре лицо его почернело, и кровь хлынула из ноздрей, глаз и ушей. Тем не менее толпа в ярости нападала на него. Солдаты открыли колодки, и горемыка упал замертво у подножия пыточного инструмента. Второй же бедолага был так изувечен и изуродован предметами, которые в него бросали, что лежал там без особых признаков жизни⁵⁰.

Другим видом «телесных наказаний» была порка — обычная расплата за грубость или леность, которая часто применялась к морякам британского флота и африканским рабам в Америке. Существовало множество разновидностей плеток: они были способны содрать кожу, превратить плоть в кровавый фарш, прорезать мышцы до костей. Чарльз Напьер вспоминал, что в британской армии в конце XVIII в. приговор в 1000 плетей не был редкостью:

Я часто видел жертв, которых три-четыре раза возвращали из госпиталя, чтобы отсчитать им оставшуюся часть наказания, слишком жестокого, чтобы его можно было вынести за один раз и не умереть. Ужасно было видеть, как тонкую нежную кожу едва зажившей спины вновь обнажали для истязания. Я был свидетелем сотен порок, и каждый раз наблюдал, что, когда кожа снята, жуткая боль смягчается. Люди бились в конвульсиях и кричали, пока счет плеток не доходил до трех сотен. А затем они

переносили остальные удары, часто до 800 или 1000, без единого стога. Они не подавали признаков жизни, и казалось, что палачи бичуют кусок бесчувственного сырого мяса⁵¹.

Выражение «протащить под килем» (*keelhaul*) сейчас иногда употребляется в смысле «сделать устное внушение». Но его буквальный смысл описывает еще одну традиционную для флота расправу. Морьяка привязывали к веревке и протаскивали под днищем корабля. Если он не тонул, нарощие на днище ракушки изрезали его плоть в клочья.

К концу XVI в. в Англии и Нидерландах наказанием за мелкие преступления вместо пыток и увечий стало тюремное заключение — не ахти какое улучшение. Узники должны были оплачивать еду, одежду и солому для своей постели, а если они или их родственники заплатить не могли, то обходились без всего этого. Иногда нужно было платить за «ослабление кандалов» — чтобы с шеи сняли воротник с железными шипами или расковали колодки, пригвождавшие ноги к полу. Паразиты, холод и жара, человеческие экскременты, скудная несвежая еда не только добавляли страданий, но и провоцировали болезни, превращая тюрьмы в фактические лагеря смертников. Многие из тюрем были заодно и работными домами, в которых полуголодных узников большую часть светового дня заставляли пилить дерево, дробить камни или крутить ступальное колесо⁵².

XVIII столетие стало поворотным пунктом в истории узаконенной жестокости на Западе. В Англии реформаторы и общественные комитеты критиковали «жестокость, варварство и поборы» в тюрьмах страны⁵³. Натуралистические описания пыток и экзекуций стали задевать чувства публики. Вот

рассказ о казни Катерины Хейз в 1726 г.: «Когда языки пламени коснулись ее, она попыталась оттолкнуть горящий хворост руками, но только обожгла их. Палач затащил веревку вокруг ее шеи, чтобы задушить женщину, но пламя уже начало припекать ему руки, и он был вынужден выпустить ее. В костер подбросили еще хвороста, и спустя три или четыре часа она превратилась в пепел»⁵⁴.

Невыразительное слово «колесование» даже близко не описывает ужас этого вида казни. По описанию одного хроникера, жертву превращали в «вопящую марионетку, корчащуюся в потоках крови, марионетку с четырьмя щупальцами, как у морского чудовища, сырую, липкую, бесформенную плоть, из которой торчали обломки костей»⁵⁵. В 1762 г. 64-летний французский протестант Жан Калас был обвинен в убийстве сына с целью помешать тому перейти в католицизм (на самом деле он пытался скрыть самоубийство сына)⁵⁶. Во время дознания с целью выпытать имена сообщников его подвешивали на дыбе и пытали водой, а затем колесовали. После двухчасовой агонии Каласа задушили, чтобы положить конец его мукам. Свидетели, слышавшие, как он кричал о своей невиновности, пока палач ломал ему кости, были потрясены ужасным зрелищем. Каждый удар железной дубинкой «проникал до глубины души», и «потоки запоздалых слез лились из глаз всех присутствующих»⁵⁷. Вольтер по этому поводу саркастически заметил, что иностранцы судят о Франции по ее утонченной литературе и прекрасным актрисам, не осознавая, что французы — жестокая нация, приверженная «отвратительным старым обычаям»⁵⁸.

Другие выдающиеся писатели тоже начали яростно выступать против изуверских казней. Одни, как Вольтер, пытались пристыдить соотечественников, называя казни варварскими, дикими, жестокими, грубыми, людоедскими и зверскими. Другие, как Монтескье, подчеркивали лицемерие, с каким христиане жалуются на жестокое обращение с ними древних римлян, японцев и мусульман, тогда как сами они ведут себя столь же жестоко⁵⁹. Третьи, как американский физиолог Бенджамин Раш, один из тех, чья подпись стоит под Декларацией независимости, обращались к общности человеческой природы читателей и жертв жестоких наказаний. В 1787 г. он писал: «Мужчины или женщины, которых мы ненавидим, обладают душой и телом, созданным из того же материала, что и тела и души наших близких. Они плоть от их плоти». И, добавил он, если мы будем воспринимать их несчастья без эмоций и сострадания, тогда «принцип милосердия... тоже перестанет работать и вскоре исчезнет из людских сердец»⁶⁰. Целью правосудия должно стать исправление оступившихся, а не причинение им вреда. А «публичное наказание никак не поможет преступнику измениться»⁶¹. Английский юрист Уильям Иден тоже отмечал отупляющее воздействие жестоких наказаний, написав в 1771 г.: «Мы оставляем тела таких же, как мы, людей гнить, выставляя их, как чучела на изгороди; на наших виселицах болтаются человеческие скелеты. Неужели можно сомневаться, что принудительное наблюдение подобных зрелищ может оказать какое-либо еще воздействие, кроме притупления чувств и уничтожения в людях милосердия?»⁶²

Самым влиятельным в этой плеяде мыслителей был миланский экономист и социолог Чезаре

Беккариа, чей бестселлер 1764 г. «О преступлениях и наказаниях» (*Dei delitti e delle pene*) повлиял на всех ведущих политических мыслителей мира, включая Вольтера, Дени Дидро, Томаса Джефферсона и Джона Адамса⁶³. Беккариа начал с первооснов: целью правосудия является достижение «наибольшего счастья наибольшего числа людей» (фраза, которую позже позаимствовал Иеремия Бентам в качестве девиза утилитаризма). Следовательно, налагать взыскания можно только для того, чтобы удержать людей от причинения другим вреда большего, чем тот, что был причинен им самим. Значит, наказание должно быть пропорционально ущербу от преступления, его цель — не привести в равновесие некие мистические весы справедливости, но установить работающий механизм стимулов: «Если одно и то же наказание предусмотрено в отношении двух преступлений, наносящих различный вред обществу, то ничто не будет препятствовать злоумышленнику совершить более тяжкое из них, когда это сулит ему большую выгоду». Если подходить к уголовному правосудию здраво, становится понятно, что неотвратимость и оперативность наказания важнее его строгости, что уголовные суды должны быть публичными и основываться на доказательствах и что смертные казни как сдерживающая сила нецелесообразны, а государство не должно обладать правом их применения.

Эссе Беккариа впечатлило не всех. Его включили в папский «Индекс запрещенных книг», его положения рьяно оспаривал правовед и богослов Пьер-Франсуа Муйар де Вуглен. Он насмехался над ранимостью и чуткостью Беккариа, обвинял его в безответственном подрыве проверенной временем системы и доказывал, что только суровые наказания могут уравновесить

врожденную испорченность человека, отягощенную первородным грехом⁶⁴.

Но в итоге победили идеи Беккариа, и через несколько десятилетий пытки были запрещены во всех крупных западных странах, включая только что отделившиеся Соединенные Штаты, где была принята Восьмая поправка к Конституции, запрещающая «жестокие и необычные наказания». Хотя невозможно точно рассчитать, насколько сократилось применение пыток (потому что многие страны запретили различные их виды в разное время), итоговый график на рис. 4–2 показывает, когда 15 крупных европейских стран (а также США) наложили прямой запрет на основные виды судебных пыточных практик.

Здесь и на других графиках этой главы я выделяю XVIII в., чтобы показать, как много гуманитарных реформ было начато в этот примечательный промежуток времени. Еще одна — предотвращение жестокого обращения с животными. В 1789 г. Иеремия Бентам логически обосновал права животных словами, которые и сегодня являются девизом зоозащитных движений: «Вопрос не в том, могут ли они думать или говорить. Вопрос в том, могут ли они страдать». В 1800 г. в британский парламент был внесен первый законопроект о запрете травли медведей. В 1822 г. был принят Закон о плохом обращении со скотом, а в 1835-м он распространился на быков, медведей, собак и кошек⁶⁵. Как и многие гуманитарные движения, зародившиеся в эпоху Просвещения, движение в защиту животных обрело второе дыхание в Эпоху революции прав во второй половине XX в., достигнув кульминации в 2005 г., когда в Британии запретили последний кровавый спорт — охоту на лис.

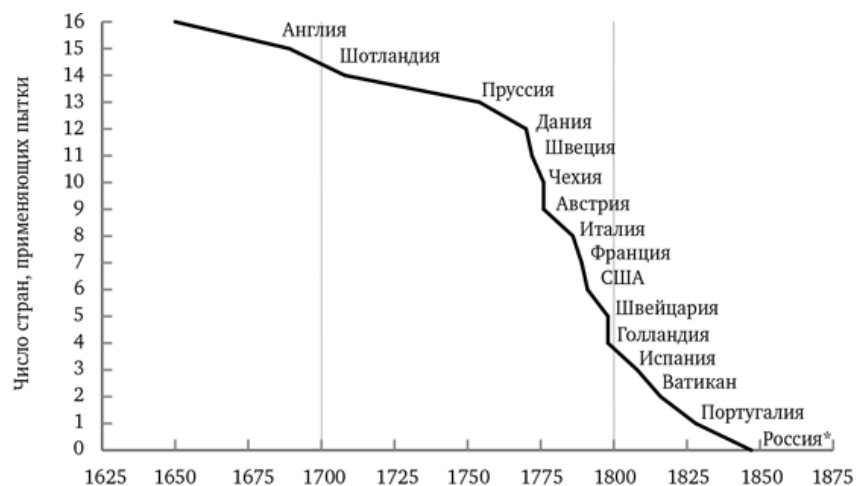

РИС. 4–2. Хронология запрета судебных пыток

Источник: Hunt, 2007, pp 76, 179; Mannix, 1964, pp. 137–38*

* В Российской империи пытки были запрещены указом Александра I в 1801 г. — Прим. ред.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Когда Англия в 1783 г. ввела быстрое повешение, а Франция в 1792-м — гильотину, это был нравственный прогресс, поскольку казнь, которая мгновенно лишает жертву сознания, более гуманна, чем та, что целенаправленно продлевает муки. Но и при этих условиях казнь — жесточайшее насилие, особенно когда применяется так бездумно и легкомысленно, как в большинстве государств на протяжении всей истории человечества. В библейские времена, в Средневековье и в начале Нового времени смертью каралось множество проступков и мелких правонарушений, включая мужеложество, распространение слухов, кражу капусты, сбор хвороста в Шаббат, пререкание с родителями и охаивание королевского сада⁶⁶. В последние годы правления Генриха VIII в Лондоне проводилось больше десятка смертных казней *каждую неделю*. В 1822 г. в Англии смертной казнью каралось 222

преступления, в том числе браконьерство, подделка товаров, кража кроликов из крольчатника и рубка деревьев. А учитывая, что в среднем судебное разбирательство длилось восемь с половиной минут, нет никаких сомнений, что на виселицу отправлялось множество невинных людей⁶⁷. Руммель подсчитал, что со времен жизни Иисуса и до XX в. за мелкие проступки было казнено 19 000 000 человек⁶⁸.

Но когда XVIII в. подошел к концу, смертная казнь сама очутилась в камере смертников. В 1783 г. в Англии были отменены публичные повешения — традиционный повод для шумных уличных гуляний. Оставлять трупы на виселицах было запрещено в 1834 г., а к 1861 г. из 222 статей, предусматривающих в качестве наказания смертный приговор, в Англии сохранилось всего четыре⁶⁹. В XIX в. многие европейские страны отменили смертную казнь за все преступления, кроме убийства и государственной измены, и в конце концов почти все западные государства отказались от нее полностью. Рис. 4–3 демонстрирует, что смертную казнь за уголовные преступления отменили практически все из 53 ныне существующих европейских стран, кроме России и Белоруссии^[41]. (Некоторые все еще выносят смертные приговоры за государственную измену и воинские преступления.) Законы, запрещающие смертную казнь, стали массово приниматься после Второй мировой войны, но сама практика впала в немилость задолго до этого времени. Нидерланды, например, официально отменили смертную казнь только в 1982 г., но на самом деле уже с 1860 г. там никого не казнили. В среднем же между фактическим отказом от применения смертной казни и ее законодательным запретом проходит примерно 50 лет.

Сегодня смертная казнь все чаще воспринимается как нарушение прав человека. В 2007 г. Генеральная ассамблея ООН 105 голосами против 54 (при 29 воздержавшихся) приняла резолюцию, призывающую ввести всемирный мораторий на исполнение смертных приговоров, — третья попытка, предпринятая после неудавшихся в 1994 и 1999 гг.⁷⁰ Соединенные Штаты были в числе стран, проголосовавших против. Как и со всеми формами насилия, США тут являются исключением среди западных демократий (или, может быть, следует сказать: частичным исключением, поскольку 17 штатов, по большей части северных, тоже отменили смертную казнь — четыре из них за последние два года, — а 18-й не приводит приговоры в исполнение вот уже 45 лет)⁷¹. Но и американская смертная казнь, при всей своей дурной славе, скорее символ, чем реальность. Рис. 4–4 показывает, как упало с колониальных времен число казней в США, вычисленное пропорционально к количеству населения, причем самый резкий спад случился в XVII и XVIII вв. — тогда же, когда на Западе сократилось число других форм узаконенного насилия.

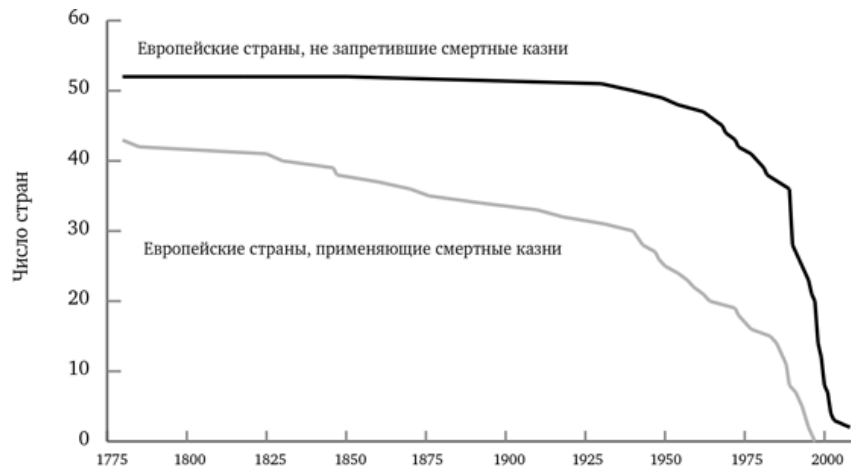

РИС. 4–3. Хронология отмены смертных казней в Европе

Источники: French Ministry of Foreign Affairs, 2007; Capital Punishment U. K., 2004; Amnesty International, 2010

РИС. 4–4. Статистика смертных казней в США, 1640–2010 гг.

Источники: Payne, 2004, p. 130, основано на данных Espy & Smykla, 2002. Данные за 2000-е и 2010-е гг.: Death Penalty Information Center, 2010b

Еле заметный на диаграмме подъем двух последних десятилетий отражает «суровую по отношению к преступности» политику — реакцию на вакханалию убийств в 1960–1980-х. Однако сегодня в Америке «смертный приговор» — практически фикция, поскольку обязательная правовая экспертиза бесконечно откладывает исполнение большинства таких приговоров и только несколько десятых процента всех убийц Америки отправляются на казнь⁷². Самый свежий тренд — новое понижение числа приводимых в исполнение приговоров:

пиковым годом по числу казней был 1999-й, с тех пор их годовое количество сократилось почти вдвое⁷³.

Параллельно уменьшению числа смертных казней снижалось и количество преступлений, караемых смертной казнью. В прошлом человека могли казнить за воровство, гомосексуализм, зоофилию, анальный секс, поджог, прелюбодеяние, колдовство, сокрытие рождения ребенка, кражу, подделку товаров, конокрадство, а рабов — за бунт. На рис. 4–5 показан процент казней в Америке за преступления, не являющиеся убийством (начиная с колониальных времен). В последние десятилетия единственным преступлением, кроме убийства, приведшим к смертной казни, был «сговор с целью убийства». В 2007 г. Верховный суд США постановил, что смертным приговором не должно караться никакое преступление против личности, если «жертва осталась в живых» (хотя смертные приговоры выносятся за некоторые преступления против государства — шпионаж, измену и терроризм)⁷⁴.

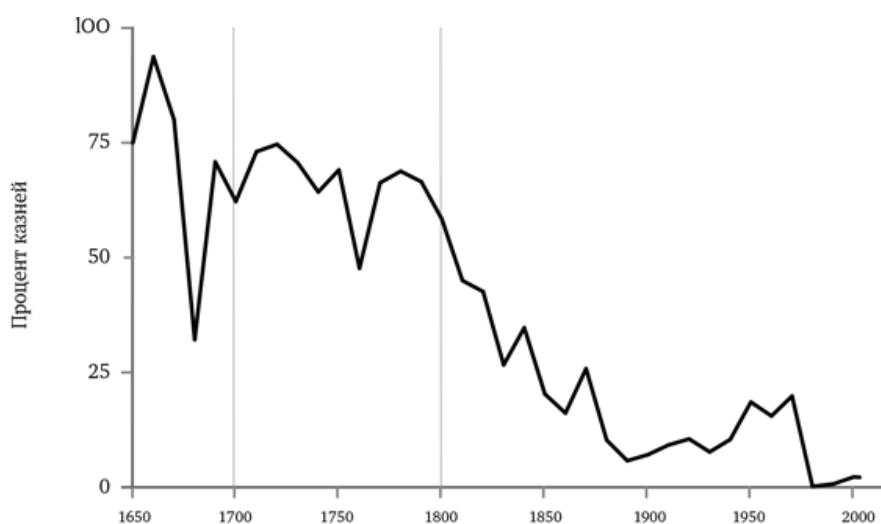

РИС. 4–5. Число казней за преступления, отличные от убийства США, 1650–2002 гг.

Источники: Espy & Smykla, 2002; Death Penalty Information Center, 2010a

Средства приведения приговора в исполнение тоже изменились. В Соединенных Штатах не только давно

отказались от мучительных казней вроде сжигания на костре, но и все время пытались сделать казнь максимально «гуманной». Проблема в том, что чем более эффективно метод гарантирует немедленную смерть (скажем, несколько пуль в мозг), тем более жестоким он будет выглядеть в глазах окружающих, которые не хотят, чтобы им напоминали, что здесь происходит убийство живого человека. В результате веревки и пули уступили дорогу невидимому газу и электричеству, на смену которым пришла квазимедицинская процедура смертельной инъекции под общим наркозом — и даже этот метод критикуют за то, что он эмоционально травмирует умирающего узника. Как замечает Пейн:

Проводя реформу за реформой, законодатели смягчали смертную казнь так, что сегодня она представляет собой лишь слабую тень прошлых экзекуций. Она не ужасает, не приводится в исполнение немедленно и, при нынешней ограниченности применения, не гарантирована (только одно убийство из двух сотен ведет к смертной казни). Что же означает утверждение, что в США есть смертная казнь? Если бы в США была смертная казнь в ее традиционной форме, мы бы казнили примерно 10 000 заключенных в год, в том числе некоторое количество абсолютно невинных людей. Приговоренных убивали бы мучительной смертью, и эти картины демонстрировали бы по национальному телевидению, где их могли бы увидеть все, даже дети (примерно 27 казней в день — для других телепрограмм просто не осталось бы времени). То, что даже защитники смертной казни были бы шокированы такими перспективами, показывает, что и они почувствовали силу растущего уважения к человеческой жизни⁷⁵.

Можно себе представить, какой легкомысленной могла показаться в XVIII в. идея запрета смертной казни. Считалось, что, не опасаясь страшных мук, преступники будут без колебаний убивать ради выгоды или мести. Но сегодня мы убедились, что отмена казней вовсе не повернула вспять многовековой тренд снижения уровня убийств; он продолжился, причем самый низкий уровень убийств в мире — в странах Западной Европы, ни одна из

которых не казнят людей. Это только один из примеров того, как после отмены институционализированного насилия, считавшегося неременным условием нормальной жизни общества, оказывается, что общество отлично обходится и без него.

РАБСТВО

В истории нашей цивилизации рабство скорее правило, чем исключение. Его одобряют Ветхий и Новый Завет, Платон и Аристотель оправдывали его как естественное установление и неотъемлемую черту цивилизованного общества. Так называемые демократические Афины в правление Перикла обратили в рабство 35% своего населения, так же поступала и Римская республика. Рабы всегда были основным военным трофеем, и человек любой расы, принадлежащий к «варварскому» племени, рисковал быть угнанным в рабство⁷⁶. Слово «раб» по-английски звучит как *slave*, потому что, как утверждает этимологический словарь, «в Средние века славян часто захватывали и угоняли в рабство». Государства и их вооруженные силы использовались или как инструмент порабощения, или как средство предотвращения порабощения, о чем напоминают нам слова гимна «Правь, Британия»: «Правь, Британия, волнами! Британцы никогда не будут рабами». Задолго до того, как европейцы превратили в рабов жителей Африки, тех порабощали другие африканские и исламские государства Северной Африки и Ближнего Востока. Некоторые из них законодательно запретили рабство совсем недавно:

Катар в 1952 г., Саудовская Аравия и Йемен в 1962-м, Мавритания в 1980-м⁷⁷.

Для военнопленных рабство часто было участью лучшей, чем смерть, а во многих обществах оно со временем выродилось в более мягкие формы: крепостничество, наемный труд, военная служба и профессиональные гильдии. Но по определению неотъемлемая черта рабства — насилие. Если человек выполняет все обязанности раба, но в любой момент может отказаться их выполнять и не подвергается принуждению или физическому наказанию, мы не называем его рабом: к рабам насилие применялось на регулярной основе. Библия указывает: «А если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан; но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро» (Исход 21:20–21). Тело раба не принадлежало ему, и даже те, с кем обращались хорошо, подвергались безжалостной эксплуатации. Женщины в гаремах были жертвами постоянных изнасилований, а охранявшим их евнухам отрезали ножом тестикулы (чернокожим евнухам — гениталии целиком) и прижигали рану кипящим маслом, чтобы они не умерли от кровопотери.

Торговля африканскими рабами — одна из самых жестоких глав человеческой истории. Между XVI и XIX вв. на борту трансатлантических рабских кораблей погибло как минимум 1,5 млн африканцев, скованных друг с другом в душных, заполненных нечистотами трюмах. Как писал один наблюдатель, «те, кому удалось пережить путешествие, представляли собой зрелище настолько душераздирающее, что не описать словами»⁷⁸. Еще миллионы сгинули, пока их гнали через джунгли и пустыни на рынки рабов Ближнего

Востока. Работорговцы обращались со своим грузом по принципу торговцев льдом, принимая как данность, что определенный процент товара будет утрачен в процессе транспортировки. Как минимум 17 млн, а по некоторым оценкам, все 65 млн африканцев расстались с жизнью по вине работорговцев⁷⁹. Работорговля не только убивала людей в процессе перевозки, но, обеспечивая постоянный приток свежих тел, поощряла рабовладельцев морить рабов непосильным трудом, а потом заменять их новыми. Но даже те рабы, которых держали в сравнительно хороших условиях, жили под вечной угрозой порки, изнасилования, получения увечий, насильственного разлучения с членами семьи и казни.

Рабовладельцы порой даровали своим рабам свободу, часто в завещаниях, потому что между ними завязывались личные отношения. Иногда, например в средневековой Европе, становилось выгоднее брать с людей налоги, чем держать их в оковах, или, если слабое государство не могло гарантировать рабовладельцам права собственности, рабство заменялось крепостным правом и барщиной. Но массовое движение против системы рабского труда зародилось только в XVIII в. и быстро подтолкнуло рабство к почти полному исчезновению.

Почему же человечество в итоге отказалось от такой сверхвыгодной организации труда? Историки долго спорили, была ли отмена рабства вызвана экономическими или же гуманистическими мотивами. Одно время экономическое обоснование казалось самым веским. В 1776 г. Адам Смит пришел к выводу, что рабство должно быть менее эффективным, чем наемный труд, поскольку только наемный труд представляет собой игру с положительной суммой:

Работа, выполняемая рабами, хотя она как будто требует расхода только на их содержание, обходится дороже всякой другой. Человек, не имеющий права приобрести решительно никакой собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше. Только насильственными мерами, а не его собственной заинтересованностью можно заставить его работать больше того, что достаточно для оплаты его собственного существования⁸⁰.

Как заметил политолог Джон Мюллер, «точка зрения Смита нашла поддержку, но, как водится, не среди рабовладельцев. Так что или Смит был не прав, или рабовладельцы были плохими бизнесменами»⁸¹. Некоторые экономисты, например Роберт Фогель и Стэнли Энгерман, считают, что Смит был по крайней мере частично не прав в отношении довоенного Юга, экономика которого была для своего времени несомненно эффективной⁸². И южное рабство, конечно, не сменилось более экономически целесообразными технологиями производства само по себе — его пришлось уничтожить войной и законами.

Да и в остальных регионах мира потребовались оружие и законы, чтобы остановить рабство. Британия — страна, некогда сильнее многих запятнавшая себя работорговлей, — запретила торговлю людьми в 1807 г. и полностью рабство на территории империи в 1833-м. К 1840-м гг. Британия начала оказывать жесткое давление на другие страны, заставляя их отказаться от работорговли, подкрепляя свою позицию экономическими санкциями и силами четверти Королевского военно-морского флота⁸³.

Большинство историков приходят к выводу, что британскую политику отмены рабства определяли гуманистические мотивы⁸⁴. Труд Локка «Два трактата о правлении» (Two Treatises on Government, 1689) поставил под сомнение нравственные основы рабства. И хотя сам автор, как и многие его последователи,

наживались на работорговле, их выступления в защиту свободы, равенства и всеобщих прав человека выпустили джина из бутылки. Оправдывать рабство становилось все сложнее. Многие писатели эпохи Просвещения, из гуманистических соображений яростно осуждавшие пытки, например француз Жак-Пьер Бриссо, применяли ту же логику, чтобы заклеить рабство. К ним присоединились квакеры, в 1787 г. основавшие влиятельное Сообщество против рабства, а также проповедники, ученые, политики, свободные чернокожие и бывшие рабы⁸⁵.

В то же время многие политики и проповедники защищали рабство, ссылаясь на авторитет Библии, настаивая на неполноценности африканской расы, разглагольствуя о важности сохранения южного стиля жизни, высказывая отеческую озабоченность, что освобожденные рабы не смогут жить самостоятельно. Эти аргументы не выдерживали никакой интеллектуальной и нравственной критики. Доводы разума гласили: непростительно разрешать одному человеку владеть другим, своевольно исключая того из числа участников общественного договора, лишая его возможности делать выбор и отстаивать свои интересы. Как сказал Джефферсон, «как никто не появляется на белый свет с седлом на спине, так никто не рождается и со шпорами на ногах, чтобы погонять других на законных основаниях»⁸⁶. Чувство отвращения к рабству подогревалось свидетельствами из первых рук о том, каково это — быть рабом. Увидели свет автобиографии: «Занимательное повествование о жизни Олауды Эквиано, африканца, написанные им собственноручно» (The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, the African, Written by Himself, 1789) и «Рассказ о жизни Фредерика Дугласа, американского раба» (Narrative of

the Life of Frederick Douglass, an American Slave, 1845). Еще сильнее на общественное мнение повлиял роман «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly, 1852), написанный Гарриет Бичер-Стоу. Повесть содержала душераздирающий рассказ о том, как у матерей отбирают детей, и еще один эпизод, в котором добрый Том был избит до смерти за отказ пороть других рабов. Книга разошлась тиражом более 300 000 экземпляров и стала искрой, воспламенившей аболиционистское движение. По легенде, Авраам Линкольн, в 1862 г. встретившись со Стоу, сказал: «Так это вы та маленькая женщина, которая начала великую войну».

В 1865 г., по окончании самой разрушительной войны в американской истории, рабство было запрещено Тринадцатой поправкой к Конституции. Многие страны запретили его еще раньше, а Франции принадлежит сомнительное достижение двойного запрета: в первый раз страна отменила рабство после Французской революции в 1794 г., а повторно — во времена Второй республики в 1848 г., потому что в 1802-м Наполеон Бонапарт его восстановил. Весь остальной мир быстро последовал их примеру. Хронология отмены рабства представлена во многих энциклопедиях — годы слегка разнятся в зависимости от того, как проводятся границы государств и что считается «отменой», но везде усматривается один и тот же сценарий: всплеск деклараций о запрете рабства в конце XVIII в. На рис. 4–6 можно видеть общее количество стран и колоний, официально отменивших рабство начиная с 1575 г.

В близком родстве с институтом рабства состоит практика долговой кабалы. В библейские и античные времена люди, не выплатившие долга, могли быть

обращены в рабство, посажены в тюрьму или казнены⁸⁷. Слово «драконовский» произошло от имени греческого законодателя Драконта, который в 621 г. до н.э. издал закон, предписывающий порабощать должников. Право Шейлока отрезать кусок плоти у Антонио в «Венецианском купце» — еще одно напоминание об этом обычае. Но уже в XVI в. банкротов больше не обращали в рабов и не казнили, вместо этого их тысячами бросали в долговые тюрьмы. Порой им выставляли счета за питание, несмотря на то что они были полностью разорены и должны были выживать на подаяние, которое удавалось выпросить у прохожих через окна тюрьмы. В долговых тюрьмах Америки в начале XIX в. томились тысячи людей, в том числе женщин; причем половина из них из-за долга, не превышавшего 10 долларов. В 1830-х гг. зародилось движение за реформы, которое, подобно аболиционистскому, взывало как к разуму, так и к чувствам. Комитет Конгресса США заявил, что идея «давать кредитору в каком бы то ни было случае власть над телом должника» противоречит принципам справедливости. Комитет заметил, что, «если бы пред нами предстали сразу все жертвы этого притеснения в сопровождении жен, детей и близких, вовлеченных в их разорение, это было бы зрелище, поражающее все человеческие чувства»⁸⁸. Долговая кабала была отменена почти всеми американскими штатами между 1820 и 1840 гг., а большинством европейских правительств — в 1860-х и 1870-х.

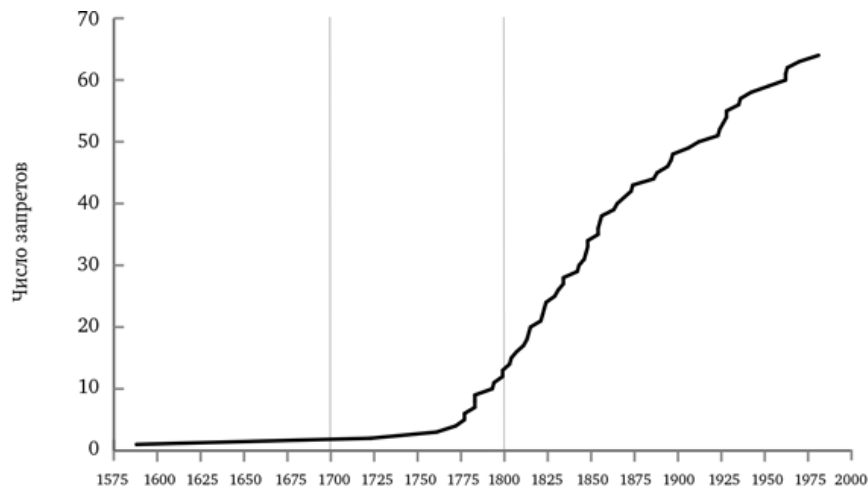

РИС. 4–6. Хронология отмены рабства

Источники: самый полный список запретов я нашел в «Википедии»: “Abolition of slavery timeline,” Wikipedia, http://en.wikipedia.org/wiki/Abolition_of_slavery_timeline, retrieved Aug. 18, 2009. Включены все упоминания официальных запретов рабства на государственном уровне из «Современной хронологии»

История нашего обращения с должниками, замечает Пейн, иллюстрирует загадочный процесс сокращения насилия во всех сферах жизни. Западные общества прошли путь от порабощения и убийства должников до заключения в тюрьмы и затем до лишения их ценностей в уплату долга. Но даже конфискация имущества, замечает он, это своего рода насилие. «Если Джон покупает продукты в кредит, а потом отказывается за них платить, он не применяет силу. Но когда бакалейщик идет в суд и заставляет полицию отобрать у Джона машину или банковский счет, именно он сам, вместе с полицией, инициирует применение силы»⁸⁹. А так как это все же насилие, даже если люди обычно так о нем не думают, эта практика тоже изживает себя. Законы о банкротстве теперь не требуют наказания должников или конфискации их имущества, они предоставляют им возможности начать сначала. Во многих странах дом, машина, пенсионные накопления должника, имущество его супруга защищены, и, когда человек или организация заявляет о банкротстве, большую часть долгов они могут списать без последствий. Во

времена долговых тюрем люди посчитали бы, что подобная мягкость приведет к гибели капитализма, который опирается на соблюдение договорных обязательств. Но экономическая экосистема, потеряв этот рычаг воздействия, создала новые: проверка кредитной истории, рейтинги кредитоспособности, страхование займов, кредитные карты — вот лишь некоторые из способов выживания экономики в условиях, когда заемщика больше нельзя приструнить угрозой правового принуждения. Целая категория насилия испарилась, а на ее месте возникли механизмы, выполняющие те же самые функции, — и никто даже не понял, что именно произошло.

Разумеется, рабство и другие формы закрепощения не исчезли с лица земли. Сегодня, когда проблемы торговли людьми, обрекаемыми на рабский труд и проституцию, широко освещаются, приходится слышать статистически неграмотные и безнравственные заявления, что с XVIII в. ничего не изменилось: как будто нет никакой разницы между нелегальной деятельностью, имеющей место кое-где в мире, и повсеместно узаконенной практикой прошлого. Более того, современную торговлю людьми, как бы чудовищна она ни была, нельзя приравнять к ужасам торговли черными рабами. Дэвид Фейнгольд, в 2003 г. инициировавший создание рабочей группы ЮНЕСКО по проблемам торговли людьми, сказал про сегодняшние очаги траффинга:

Уравнивание современного траффинга с системой рабского труда, в частности с трансатлантической работорговлей, в лучшем случае малоубедительно. В XVIII–XIX вв. африканских рабов похищали или брали в плен на войне. Их переправляли на кораблях в Новый Свет — в пожизненное рабство, вырваться из которого не могли ни они, ни их дети. И хотя некоторые жертвы современного траффинга тоже были похищены... большая его часть — это миграция, в которой что-то ужасным образом пошло не так. Жертвы покидают свои дома добровольно, хотя порой их к этому подталкивают обстоятельства: они уезжают в поисках

лучшей жизни, более благополучной или более интересной, и попадают в ловушку, где им угрожают и их эксплуатируют. Тем не менее это положение дел редко длится всю их жизнь, и жертвы траффинга не передают свой статус раба по наследству⁹⁰.

Фейнгольд также замечает, что цифры жертв траффинга, цитируемые активистами, журналистами и неправительственными организациями, обычно высосаны из пальца и в пропагандистских целях завышены. Тем не менее даже активисты осознают, какого фантастического прогресса достигло человечество. Заявление Кевина Бэйлса, президента организации «Свободу рабам», хоть и начинается с сомнительной статистики, позволяет увидеть ситуацию в перспективе: «В то время как абсолютное количество рабов сегодня больше, чем когда бы то ни было, оно составляет, вероятно, меньшую, чем когда бы то ни было, долю населения мира. Сегодня нам не нужно выигрывать битвы в судах: рабство повсеместно запрещено законодательно. Нам не нужно приводить экономические обоснования: ни одна экономика не основана на рабстве (в отличие от XIX в., когда с отменой рабства целые отрасли могли прийти в упадок). И нам не нужно выигрывать моральные споры: никто больше не пытается оправдать рабство»⁹¹.

Век разума и эпоха Просвещения положили конец многим жестоким установлениям. Но два из них оказались невероятно стойкими и просуществовали в большей части мира еще 200 лет: тирания и войны между крупными государствами. Хотя первые организованные движения за уничтожение этих явлений были практически задушены в колыбели, а их влияние начало сказываться только в наше время, их

происхождение — в той же великой интеллектуальной и эмоциональной перемене, которую мы называем Гуманитарной революцией. Поэтому я расскажу о них здесь.

ДЕСПОТИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Согласно известному определению социолога Макса Вебера, правительство — это институт, которому принадлежит исключительное право на законное применение насилия. Собственно говоря, правительства созданы, чтобы применять насилие. В идеале это насилие держится в резерве как инструмент усмирения преступников и агрессоров, но тысячелетиями правительства в массе своей не могли похвастаться подобной сдержанностью и предавались насилию с восторгом.

Все первые великие цивилизации были деспотиями в буквальном смысле: «правитель пользовался правом убивать подчиненных произвольно и безнаказанно»⁹². Приметы деспотизма, как показала Лора Бетциг, обнаруживаются в Вавилоне, Израиле, в Римской империи, у самоанцев, жителей Фиджи, кхмеров, индейцев натчез, ацтеков, инков и в девяти африканских королевствах. Деспоты использовали свою власть, чтобы получить эволюционное преимущество: жить в роскоши и наслаждаться плотскими утехами в огромных гаремах. Вот свидетельство очевидца, относящееся к началу британской колонизации Индии: «Праздник, устроенный правителем Сурата из династии Великих Моголов... был грубо прерван хозяином, который внезапно разгневался и приказал обезглавить на месте всех танцовщиц, к полному ошеломлению английских

гостей»⁹³. Гости могли себе позволить изумляться, поскольку их родина уже оставила в прошлом собственный деспотизм. Будучи время от времени не в духе, Генрих VIII казнил своих двух жен, несколько их предполагаемых любовников, множество собственных советников (включая Томаса Мора и Томаса Кромвеля), переводчика Библии Уильяма Тиндейла и десятки тысяч других людей.

Право деспотов убивать по собственному капризу маячит на заднем плане историй, которые рассказывают по всему миру. Мудрый царь Соломон предложил разрешить спор о материнстве, разрубив ребенка пополам. За сказками «Тысячи и одной ночи» стоит фигура персидского шаха, убивающего по невесте в день. Легендарный владыка индийской Ориссы Нарасимха повелел, чтобы ровно 12 сотен строителей построили собор ровно за 12 лет, иначе все будут убиты. А в сказке Доктора Сьюза «Бартоломео и пятьсот его шляп» главного героя чуть не обезглавили за то, что он не смог снять свою шляпу в присутствии короля.

Кто с мечом приходит, от меча и гибнет, и на протяжении всей истории человечества основным механизмом передачи власти были политические убийства — устранение действующего лидера с целью занять его место⁹⁴. Политические убийцы прошлого — не то же самое, что современные террористы, которые хотят таким образом сделать политическое заявление, или попасть в учебники истории, или просто находятся не в своем уме. Как правило, претендент на власть принадлежал к политической элите, убивал лидера, чтобы занять его место, и рассчитывал, что его восшествие на престол будет признано законным. Цари Саул, Давид и Соломон все были или жертвами,

или исполнителями заговоров с целью убийства, а Юлий Цезарь стал одним из 34 римских императоров (всего до разделения империи их было 49), убитых собственной охраной, высокопоставленными сановниками или членами семьи. Историк-криминолог Мануэль Эйснер подсчитал, что между 600 и 1800 гг. каждый восьмой европейский монарх был убит, находясь у власти. При этом убийцей, как правило, был аристократ, а трети претендентов удалось занять трон⁹⁵.

Политические лидеры не только убивают друг друга, но и рутинно применяют массовое насилие и к своим гражданам. Они могут их пытаться, лишая свободы, казнить, морить голодом или загонять в могилу тяжким трудом на гигантских стройках. Руммель подсчитал, что до XX в. правительства убили 133 млн человек, а общее число их жертв может превышать 625 млн⁹⁶. Так что, когда набеги и усобицы уже взяты под контроль, чтобы значительно снизить уровень насилия, надо сократить насилие *государственное*.

В XVII и XVIII вв. многие страны пошли по пути смягчения тирании и отказа от политических убийств⁹⁷. Эйснер подсчитал, что в период между ранним Средневековьем и 1800 г. число цареубийств в Западной и Северной Европе уменьшилось в пять раз. Хорошо иллюстрирует этот сдвиг судьба двух королей из династии Стюартов, вступивших в борьбу с английским парламентом. В 1649 г. Карла I обезглавили, но уже в 1688-м его сын Яков II был свергнут в результате бескровной Славной революции. Даже после попытки устроить государственный переворот его всего лишь отправили в изгнание. К 1776 г. американские революционеры

считали деспотизмом уже всего-навсего расквартирование британских войск и налоги на чай.

По мере того как правительства постепенно становились менее деспотичными, философы искали принцип, который позволил бы свести государственное насилие до минимально необходимого. И начали они с изменения понятий. Вместо того чтобы принимать государство как данность, неотъемлемую часть общества или земное воплощение божественной власти, люди начали думать о нем как об инструменте — о технологии, изобретенной людьми, чтобы укрепить их общее благосостояние. Конечно, правительства никогда не создавались целенаправленно, они существовали задолго до письменной истории, так что такой подход требует значительных усилий воображения. Спиноза, Гоббс, Локк и Руссо, а позже Джефферсон, Гамильтон, Джеймс Мэдисон и Джон Адамс пытались представить, какова была жизнь в первобытные времена, и ставили мысленные эксперименты в поисках ответа на вопрос, каким образом группа рациональных агентов могла бы улучшить свою жизнь. Возникающие при этом институты определенно не имели бы ничего общего с теократиями или наследственными монархиями того времени. Трудно представить себе правдоподобную модель, в которой рациональные агенты в естественных условиях выбрали бы такое устройство общества, которое наделяло бы королей божественной властью типа «Государство — это я» или возводило на трон десятилетних наследников, рожденных в кровосмесительных браках. Вместо этого государство служило бы интересам тех, кем оно правит. Его власть «держат их всех в страхе», как формулировал Гоббс, была бы не лицензией на издевательства над

гражданами ради собственных интересов, но только правом следить за выполнением общественного договора: «Человек должен согласиться, как и все остальные... отказаться от права на все вещи и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе»⁹⁸.

Надо сказать, что сам Гоббс недостаточно глубоко продумал свою идею. Он воображал, что люди каким-то образом наделят полномочиями суверена или некий комитет раз и навсегда и с того момента власть будет представлять их интересы настолько безупречно, что у них никогда не будет повода в ней сомневаться. Но стоит только подумать о типичном американском конгрессмене или о члене британской королевской семьи (не говоря уже о генералиссимусах и комиссарах), чтобы увидеть, что это прямой путь к катастрофе. Левиафаны реального мира — человеческие существа, со всей алчностью и глупостью, какую можно ожидать от представителя *Homo sapiens*. А вот Локк понимал, что люди у власти подвергаются соблазну «сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон как при его создании, так и при его исполнении для своей личной выгоды; тем самым их интересы становятся отличными от интересов всего сообщества, противоречащими целям общества и правления»⁹⁹. Он призывал к разделению законодательной и исполнительной ветвей власти и настаивал, что граждане сохраняют за собой право сбросить правительство, которое больше не выполняет своих обязательств.

Этот ход мысли был развит последователями Гоббса и Локка, которые в результате многолетних

размышлений и дебатов выработали проект американской конституционной власти. Они были одержимы вопросом, как правящий корпус, состоящий из несовершеннолетних людей, может сосредоточить в своих руках силу, достаточную для того, чтобы помешать гражданам губить друг друга и при этом не стать самым опасным хищником из всех¹⁰⁰. Как писал Мэдисон, «будь люди ангелами, ни в каком правительстве не было бы нужды. Если бы людьми правили ангелы, ни в каком надзоре над правительством — внешнем или внутреннем — не было бы нужды»¹⁰¹. Поэтому идеал Локка — разделение властей — был воплощен в проекте нового правительства, ведь «честолюбие должно противостоять честолюбию»¹⁰². Результатом стало разделение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, федеральная система, распределяющая власть между правительствами штатов и страны, а также регулярные выборы, цель которых — заставить правительство уделить некоторое внимание интересам граждан и передать власть мирным путем. И самое важное: чтобы обезопасить жизнь, свободу и стремление граждан страны к счастью, правительство должно было подписать программное заявление, ограничивающее его свободу действий, — «Билль о правах», очерчивающий границы, которые государство не имеет права преступить, применяя насилие против своих граждан.

Еще одной новинкой американской системы управления стало безусловное признание умиротворяющего эффекта игр с положительной суммой. Идеал мирной торговли был воплощен в Конституции: Пункт о регулировании торговли, Пункт об обязательной силе договоров и Пункт об изъятии

не позволяют правительству слишком активно вмешиваться во взаимовыгодный обмен между гражданами¹⁰³.

Формы демократии, опробованные в XVIII столетии, можно сравнить с внедрением новой сложной технологии, так сказать, в бета-версии. Английский вариант демократии был похож на жидкий чай, французский полностью провалился, а в американском обнаружился дефект, лучше всего подмеченный рэпером и актером Айс-Ти в пародии на Томаса Джефферсона, читающего черновой вариант текста Конституции: «Дайте-ка взглянуть... свобода слова, свобода вероисповедания, свобода печати, можно иметь в собственности негров... Мне нравится!» Но важнейшим свойством ранних версий демократии была возможность апгрейдить новинку. Бета-версии не только создавали зоны, пусть и ограниченные, однако свободные от инквизиции, жестоких пыток и деспотической власти, но и содержали средства к собственному совершенствованию. Каким бы лицемерным ни выглядело тогда утверждение: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными», оно стало инструментом расширения прав, к которому оказалось возможным прибегнуть 87 лет спустя, чтобы отменить рабство, а еще 100 лет спустя — и другие формы расовой дискриминации. Идея демократии, однажды выпущенная в мир, со временем распространялась все шире и, как мы увидим, оказалась одной из величайших технологий снижения насилия с момента появления государства как такового.

БОЛЬШИЕ ВОЙНЫ

На протяжении всей истории человечества оправданием войны служила емкая формула Юлия Цезаря: «Пришел. Увидел. Победил». Завоевания были основным занятием государств. Империи возникали и рушились, целые нации уничтожались и порабощались, и, похоже, никто не видел в этом ничего дурного. Исторические личности, к именам которых добавляли горделивую приставку «Великие», не были великими художниками, учеными, врачами или изобретателями, они не приносили человечеству ни мудрости, ни счастья. Они были диктаторами, завоевывавшими куски земли вместе с людьми, которые там жили. Если бы Гитлеру везло и дальше, он, возможно, вошел бы в историю как Адольф Великий. Даже сегодня история войн, как правило, дает читателю бездну информации о лошадях, оружии и порохе, но лишь слегка касается колоссального количества людей, убитых и покалеченных в этих авантюрах.

Тем не менее всегда были люди, которые обращали внимание на конкретных мужчин и женщин, задетых войной, и размышляли о ней в категориях морали. В V в. до н.э. китайский философ Мо-цзы, основатель религии, соперничающей с конфуцианством и даосизмом, заметил:

Убить одного человека — значит совершить преступление, караемое смертной казнью, убить десятерых — увеличить свою вину вдесятеро, убить сотню — в 100 раз. Все правители мира это признают, но, когда дело доходит до крупнейшего преступления из всех — войны с другой страной, — они восхваляют ее!..

Если бы человек при виде маленького черного пятна говорил, что оно черное, а при виде большого — что оно белое, было бы очевидно, что этот человек не способен отличить белое от черного... Если ты, рассуждая о справедливости, считаешь, что убить одного человека — несправедливо, а убивать множество невинных людей — справедливо, то это нельзя назвать знанием справедливости, знанием того, о чем идет речь¹⁰⁴.

Порой и западные прозорливцы воздавали должное идеалам мира. Пророк Исаия выражал надежду, что народы «перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»¹⁰⁵. Иисус проповедовал: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку»¹⁰⁶. Христианство зародилось как пацифистское движение, но в 312 г. этому пришел конец, когда римский император Константин, которого посетило видение пылающего в небе креста и начертанных над ним слов: «Сим победиши!», обратил Римскую империю в воинствующую версию христианства.

Периодические проявления пацифизма или усталости от войн никак не помешали почти непрерывным войнам следующего тысячелетия. Если верить «Британской энциклопедии», постулаты международного права в Средние века были таковы: «Если не было официально установлено перемирия или мира, считалось, что государства (даже христианские) находятся в состоянии войны друг с другом; (2) хотя существовали исключения, гарантированные личными охранными грамотами или договоренностями, государи считали себя вправе обращаться с иностранцами по своему личному усмотрению; (3) морское пространство считалось ничейной территорией, где каждый мог творить, что пожелает»¹⁰⁷. В XV–XVII вв. в Европе вспыхивали в среднем по три войны в год¹⁰⁸.

Моральные возражения против войны неопровержимы. Как пел музыкант Эдвин Старр,

«война — ради чего она? Она абсолютно не нужна. Война — это слезы тысяч матерей, чьи сыновья идут воевать и не возвращаются». Но на протяжении тысяч лет этот довод не был популярен по двум причинам.

Одна из них — проблема другого парня. Если страна решала более не учиться воевать, но ее соседи продолжали это делать, тогда миролюбивое государство не смогло бы сопротивляться неизбежному вторжению: серп — не чета копьё. Такова была судьба Карфагена в войне с Римом, Индии — в войне с захватчиками-мусульманами, катаров — в войне с Францией и католической церковью и восточноевропейских стран, которые не раз оказывались между Германией и Россией, как между молотом и наковальней.

Пацифизм не защищен и от милитаристских сил *внутри* страны. Когда государство воюет или находится на грани войны, власть не способна отличить пацифиста от труса и предателя. Анабаптисты — только одна из многих пацифистских сект, постоянно подвергавшихся гонениям¹⁰⁹.

Чтобы принести плоды, антивоенные настроения должны охватить разные заинтересованные группы одновременно. Также они должны быть укоренены в экономических и политических институтах, дабы не зависеть от силы и постоянства чьей бы то ни было добродетели. В Век разума и эпоху Просвещения пацифизм прошел путь от исполненной благих намерений, но беспомощной сентиментальности до движения с реальной программой действий.

Тщетность и порочность войны можно показать, воспользовавшись отстраняющим эффектом сатиры. Морализатора легко высмеять, полемисту — заткнуть рот, но сатирик добьется своего исподтишка. Убеждая

аудиторию взглянуть на вещи с точки зрения постороннего — шута, иностранца, путешественника, сатирик заставляет читателя признать лицемерие общества и недостатки человеческой природы, которые его порождают. Если аудитория смеется шутке, если читатель или зритель увлечен, они бессознательно соглашаются с произведенной автором деконструкцией норм, и тому не приходится опровергать их прямо и недвусмысленно. К примеру, шекспировский Фальстаф дает нам прекраснейший анализ концепции чести — источника колоссального объема насилия в истории человечества. Принц Хал уговаривает его воевать: «Но ведь ты должен заплатить богу дань смерти». Фальстаф размышляет:

Еще срок не пришел, а я терпеть не могу расплачиваться раньше времени. Какая нужда мне торопиться, когда меня еще не призывают к уплате? Ладно, не в этом дело: честь меня тянет. А если она совсем у меня на шее петлю затянет? Что тогда? Может ли честь приставить ногу? Нет. Или руку? Нет. Или уменьшить боль от раны? Нет. Значит, честь не очень искусный хирург? Нет. Что же тогда честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Славный счетец! Кто владеет честью? Тот, кто умер в среду. А он ощущает ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неощутима? Да, для мертвых неощутима. Но не может ли она остаться среди живых? Нет. Почему? Этого не допустит злословие. Потому я и не хочу чести. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. На этом кончается мой катехизис [\[42\]](#)¹¹⁰.

Злословие не допустит этого! Век с лишним спустя, в 1759 г., Сэмюэл Джонсон размышлял, как прокомментировал бы индейский вождь «науку и методы европейской войны» в речи, обращенной к своим подданным во время Семилетней войны:

У них есть письменный закон, и они хвастаются, что этот закон дан им тем, кто сотворил небо и землю, — и согласно этому закону они верят, что человек будет счастлив, когда жизнь оставит его. Почему нам не рассказали об этом законе? Они скрывают его, потому что сами нарушают. Как они могут проповедовать его индейцам, если одна из первых заповедей запрещает им поступать с другими так, как они не хотели бы, чтобы другие поступали с ними...

Эти ненасытные теперь наставили свои мечи друг на друга и решают свои споры посредством войны; давайте же посмотрим беспристрастно на это кровопролитие и вспомним, что смерть каждого европейца избавляет страну от тирана и грабителя, что это не конфликт между странами, но претензии хищника к зайчонку, тигра к оленю¹¹¹.

Книга Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726) была, по сути, упражнением в смене точек зрения, в данном случае с лилипутской до бробдинггеской. Свифт заставляет Гулливера поведать королю Бробдингнега новейшую историю своей родины:

Мой краткий исторический очерк нашей страны за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия...

Что касается вас самого (продолжал король), проведшего большую часть жизни в путешествиях, то я расположен думать, что до сих пор вам удалось избежать многих пороков вашей страны. Но факты, отмеченные мной в вашем рассказе, а также ответы, которые мне с таким трудом удалось выжать и вытянуть из вас, не могут не привести меня к заключению, что большинство ваших соотечественников есть порода маленьких отвратительных гадов, самых зловредных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности^[43]¹¹².

Сатира появилась и во Франции. В одной из своих «Мыслей» Блез Паскаль (1623–1662) изобразил следующий диалог: «Почему вы убиваете меня, когда за вами преимущество? Я безоружен». — «Как, разве вы не живете на другом берегу? Друг мой, если б вы жили на этом берегу, я был бы душегуб и убивать вас таким способом было бы несправедливо. Но коль скоро вы живете на другом берегу, я храбрец, и это справедливо»¹¹³. «Кандид» Вольтера (1759) — еще один роман, в котором язвительные антивоенные реплики вложены в уста выдуманного героя, как вот это определение войны: «Миллион головорезов,

разбитых на полки, носится по всей Европе, убивая и разбойничая, и зарабатывает этим себе на хлеб насущный»[\[44\]](#).

Вместе с сатирой, считающей войну занятием лицемерным и недостойным, в XVIII в. появились концепции, утверждающие, что она иррациональна и предотвратима. Одной из первостепенных стала теория мирной торговли: обоюдная выгода коммерции привлекательнее нулевой или отрицательной суммы выгод, которые приносит противоборствующим сторонам война¹¹⁴. И хотя математическая теория игр появится только через 200 лет, ее ключевая идея была сформулирована довольно рано: «Зачем тратить деньги и жизни, вторгаясь в страну и изымая ее богатства, если можно купить их дешевле, попутно продав соседям некоторую часть своих?» Аббат Сен-Пьер (1713), Монтескье (1748), Адам Смит (1776), Джордж Вашингтон (1788) и Иммануил Кант (1795) прославляли свободную торговлю за то, что она объединяет материальные интересы стран и таким образом поощряет их ценить благополучие друг друга. Как сказал Кант, «дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом, — вот что несовместимо с войной... Потому государства будут вынуждены (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру»¹¹⁵.

Квакеры, как и во время их борьбы против рабства, создали инициативные группы, противостоявшие институту войны. Хотя их преданность ненасилию происходила из религиозной веры в присутствие Божественного начала в каждом человеке, делу не помешало то, что квакеры были не луддитами-бессеребренниками, а влиятельными бизнесменами,

основавшими, среди прочего, страховую компанию Lloyd's of London, банк Barclays и колонию Пенсильвания¹¹⁶.

Самый примечательный антивоенный документ эпохи — эссе Иммануила Канта «К вечному миру»¹¹⁷. Кант не был мечтателем; он начинает с откровенного признания, что название сочинения позаимствовал с вывески трактира, на которой было изображено кладбище. Далее он излагает шесть предварительных шагов к вечному миру, за которыми следуют три окончательные статьи договора о вечном мире. Предварительные шаги: ни один мирный договор не должен допускать возможность будущей войны; государства не должны поглощать другие государства; постоянные армии должны исчезнуть; государства не должны занимать деньги для финансирования войн; государства не должны вмешиваться во внутреннюю политику других государств; во время войны государства должны избегать действий, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка наемных убийц, отравления и подстрекательства к измене.

Еще интереснее «окончательные статьи». Кант никогда не забывал о человеческой природе, в другой своей работе он писал: «Из кривого дерева человечества нельзя сделать ничего прямого». Так что он начинает с гоббсовской предпосылки:

Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние; последнее, наоборот, есть состояние войны, то есть если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено. Ведь прекращение военных действий не есть еще гарантия от них, и если соседи не дают друг другу такой гарантии (что может иметь место лишь в правовом состоянии), то тот из них, кто требовал этого у другого, может обойтись с ним как с врагом.

Затем Кант излагает три условия вечного мира. Первое: государство должно быть демократическим. Сам Кант предпочитал термин «республиканским», потому что понятие «демократический» он относил к власти толпы, а подразумевал правительство, преданное свободе, равенству и верховенству закона. Демократии вряд ли станут воевать друг с другом, утверждал Кант, и для этого есть две причины. Во-первых, демократия — это форма правления, которая по самой задумке («порожденной чистым источником верховенства закона») построена на ненасилии. Демократическое правительство использует власть только для того, чтобы гарантировать права граждан. Демократии, рассуждает Кант, склонны применять этот принцип и вовне, к своим отношениям с другими странами: те, как и их граждане, не заслуживают силового порабощения.

Что еще более важно, демократии склонны избегать войн, потому что выгоды войны отходят скорее к лидерам стран, а потери ложатся на плечи граждан. В автократиях «нет ничего легче, чем объявить войну, ведь верховный глава здесь не гражданин государства, а собственник его; война не лишит его пиров, охоты, роскошных замков, придворных празднеств и т.п., и он может, следовательно, решиться на нее как на увеселительную прогулку по самым незначительным причинам». Но если власть у граждан, они дважды подумают, тратить ли деньги и жизни людей на идиотские авантюры за рубежом.

Второе условие вечного мира по Канту: «международное право должно быть основано на федерации свободных государств» — «Лиге Наций», как он назвал ее. Эта федерация, своего рода международный Левиафан, обеспечит объективное,

независимое разрешение споров, и на ее решения не повлияет склонность каждой из противоборствующих стран верить, что правда всегда на ее стороне. Граждане подчиняются общественному договору — жертвуют некоторой долей личной свободы государству, чтобы избежать ужасов анархии, так же должно быть и с отдельными странами: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из незаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (незаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) государство народов, которое в конце концов охватило бы все народы Земли».

Кант не имел в виду всемирное правительство с глобальной армией. Он считал, что это международное право должно быть самореализующимся. «Это почитание, которое (на словах по крайней мере) каждое государство проявляет к понятию права, все же доказывает, что в человеке еще имеются значительные, хотя временами и дремлющие моральные задатки того, чтобы справиться когда-нибудь со злым принципом в себе (отрицать который он не может) и чтобы ждать того же от других». Автор эссе «К вечному миру» был, в конце концов, и автором категорического императива, призыва «поступать так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Звучит несколько прекраснодушно, но Кант спустился с небес на землю, привязав эту идею к распространению демократии. Любая из демократий способна понять важность принципов, которыми руководствуется

другая демократия. Это отличает их от теократий, основанных на локальных культурах, и от автократий, опирающихся на кланы, династии или харизматических лидеров. Другими словами, если у одного государства есть причины верить, что соседнее строит свою политику на тех же основаниях, потому что оба нашли одинаковые решения проблемы правления, тогда ни одному из них не придется бояться нападения со стороны соседа, ни одно не захочет атаковать первым, нанося упреждающий удар в целях самозащиты, и так далее. Так все избегут гоббсовской ловушки. И правда, в наше время шведы не выставляют ночные дозоры, боясь, что их соседи тайно вынашивают доктрину «Норвегия превыше всего», то же самое верно и в отношении норвежцев.

Третье условие вечного мира — это «всеобщее гостеприимство», или «всемирное гражданство». Люди из одной страны должны иметь право жить в безопасности в другой при условии, что, переезжая, они не берут с собой армию. Тогда появляется надежда, что коммуникации, торговля и другие «мирные взаимоотношения» вне рамок государственных границ свяжут всех людей мира в одно сообщество, так что «нарушение прав в одном месте будет ощутимо по всему миру».

Разумеется, сатирическое развенчание войн и полезные советы по сокращению их числа, предложенные Кантом, не оказали столь широкого воздействия, чтобы обезопасить западную цивилизацию от катастроф следующих полутора столетий. Но, как станет ясно в дальнейшем, они зарили в почву семя будущего антивоенного движения, которое в итоге заставит человечество разочароваться в войне. При этом новые подходы оказали и немедленный эффект. Историки заметили,

что около 1700 г. отношение к войнам начало меняться. Предводители наций стали изображать миролюбие и заявлять, что войну им навязали¹¹⁸. Как заметил Мюллер, «теперь было невозможно честно и прямо, как Юлий Цезарь, заявить: “Пришел, увидел, победил”. На смену этому пришло: “Я пришел, я увидел, а он напал на меня, пока я просто стоял и смотрел. Я победил”. Это следует считать прогрессом»¹¹⁹.

Еще более явно прогресс выразился в снижении привлекательности имперской власти. В XVIII в. некоторые воинственные страны — Нидерланды, Швеция, Испания, Дания и Португалия — начали реагировать на военные поражения не удвоением ставок и не планами вернуть былую славу, а отказом от завоевательных игр. Они оставляли войны и имперские амбиции другим и становились торговыми державами¹²⁰. В результате, как будет показано в главе 5, войны между державами стали реже, короче и ограниченнее по числу участников (хотя по мере развития военных технологий те, что все же случались, несли больше разрушений)¹²¹.

Но величайший прогресс все еще был впереди. Поразительное сокращение числа больших войн в последние 60 лет может быть отложенным подтверждением идеалистических теорий Иммануила Канта — если это и не «вечный», то уж наверняка «долгий мир», и он все еще продолжается. Как предсказывали великие мыслители Просвещения, мы обязаны этим миром не только снижению престижа войн, но и распространению демократии, развитию торговли и сотрудничества, а также росту международных организаций.

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ГУМАНИТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Итак, жестокие обычаи, на протяжении тысяч лет являвшиеся частью цивилизации, внезапно исчезли за какое-то столетие. Охота на ведьм, пытки узников, преследование еретиков, казни несогласных, порабощение чужеземцев — все это быстро превратилось из неизбежного в немислимое. Пейн отмечает, как сложно сегодня объяснить эти перемены:

Пути, которыми шел отказ от применения силы, весьма неожиданны, даже загадочны — настолько загадочны, что испытываешь соблазн поставить их в заслугу высшим силам. Раз за разом натыкаешься на жестокие обычаи, настолько укоренившиеся и самовоспроизводящиеся, что их исчезновение кажется просто чудом. Иной раз остается только мямлить: «Так исторически сложилось», пытаюсь объяснить, как такая в высшей степени благотворная стратегия — сокращение применения силы — была постепенно навязана человечеству, которое никогда не стремилось к ней сознательно и даже не соглашалось на нее¹²².

Один из примеров этого чудесного нечаянного прогресса — долгосрочный тренд отказа от использования силы для наказания должников, о котором люди никогда не думали именно как о тренде. Другой пример — то, что в англоговорящих странах политические убийства сошли на нет задолго до того, как были сформулированы принципы демократии. В таких случаях предпосылкой для целенаправленных реформ могут стать трудноуловимые изменения порога чувствительности. Сложно представить, что устойчивая демократия может возникнуть до того, как противоборствующие стороны откажутся от идеи, что убийство — отличный способ перераспределения власти. Недавние провалы попыток установить демократию в ряде африканских и арабских стран напоминают нам, что

преобразованиям в структуре власти должно предшествовать изменение норм применения насилия¹²³.

Тем не менее постепенные изменения представлений о допустимом часто не могут сломать привычную практику, пока новшества не будут введены росчерком пера. Работоторговля, например, была запрещена под влиянием этических дискуссий, убедивших власти издать законы и подкрепить их соблюдение пушками и фрегатами¹²⁴. Кровавые забавы, публичные повешения, жестокие наказания и долговые тюрьмы также были отменены законодательными актами, принятыми под влиянием публичных обсуждений, начатых возмутителями спокойствия.

Чтобы понять истоки Гуманитарной революции, не нужно выбирать между негласными нормами и четко сформулированными этическими доводами. Они влияют друг на друга. Чувствительность обостряется — потому чаще появляются мыслители, критикующие жестокие обычаи, а их аргументы чаще находят отклик. Эти аргументы не только убеждают людей, в чьих руках находятся рычаги власти, но и влияют на общую восприимчивость, проникая в споры, ведущиеся в трактирах и гостиницах, помогая людям постепенно прийти к новому согласию. И когда объявленный вне закона обычай исчезает из обыденной жизни, люди не могут даже представить себе, что подобное было когда-то возможно. К примеру, курение в офисах и школьных классах раньше было обычным делом, потом было запрещено и сегодня абсолютно невообразимо. Точно так же обычаи рабства и публичных повешений с течением времени, когда уже не остается в живых ни одного

очевидца, кажутся настолько немислимыми, что даже не обсуждаются.

Если говорить о чувствах, сильнее всего в процессе Гуманитарной революции изменилась реакция на страдание другого живого существа. Люди и сегодня вовсе не безукоризненны в моральном отношении. Они могут зариться на чужое, мечтать о сексе с неприемлемым партнером или об убийстве того, кто публично их оскорбил¹²⁵. Но другие греховные желания, свойственные прошлому, их больше не обуревают. Вряд ли кто-то захочет сегодня смотреть, как на костре сжигают кота, — не говоря уже о мужчине или женщине. Этим мы отличаемся от наших предков, живших несколько столетий назад, которые оправдывали пытки, применяли их и даже наслаждались, наблюдая агонию других живых существ. Что чувствовали они? И почему мы не чувствуем этого сегодня?

На этот вопрос невозможно ответить, не проникнув в психологию садизма, которая исследуется в главе 8, и эмпатии (глава 9). Но прямо сейчас мы можем присмотреться к некоторым историческим сдвигам, которые противостояли наслаждению жестокостью. Как всегда, самое сложное — определить внешний фактор, предшествовавший переменам восприятия и поведения, чтобы избежать рекурсии типа «люди перестали совершать жестокие поступки, потому что стали менее жестоки». Какие же перемены в среде обитания человека и в его окружении запустили процесс Гуманитарной революции?

~

Первый кандидат — процесс цивилизации. Вспомните предположение Элиаса, что при переходе к Новому времени люди не только тренировали самоконтроль, но и развивали эмпатию. Они делали это не для нравственного самосовершенствования, а чтобы отточить способности, которые могли помочь им лучше понять чиновников и торговцев и добиться процветания в обществе, которое все больше полагалось на взаимовыгодный обмен, а не на пахоту и разбой. И конечно, вкус к жестокости плохо совместим с сотрудничеством: трудно совместно трудиться с ближним своим, если ты знаешь, что он с удовольствием посмотрит, как тебя выпотрошат. Цивилизационный процесс снизил агрессивность людей, и вместе с этим снизилась необходимость в жестоких расправах — точно так же, как потребность «жестко бороться с преступностью» растет и падает вместе с колебаниями уровня преступности.

Историк Линн Хант, изучающая эволюцию прав человека, указала на другое следствие процесса цивилизации, вызывающее своего рода цепную реакцию: улучшения в области гигиены и манер, например употребление пищи с помощью столовых приборов, секс без свидетелей, стремление, чтобы телесные выделения не были видны на одежде. Растущая благопристойность, предполагает она, стимулировала чувство *автономности*: тело принадлежит человеку, оно неприкосновенно и не является собственностью общества. Неприкосновенность тела все чаще считалась достойной уважения, тем, что нельзя нарушать, нанося вред личности в угоду обществу.

Поскольку я сам больше люблю прикладные объяснения, то полагаю, что есть более прямая связь между чистотой и нравственными чувствами: люди

стали менее омерзительны. Все мы испытываем отвращение к грязи и телесным выделениям, и как сегодня многие стараются избегать бездомных, воняющих калом и мочой, так люди в прошлом меньше сочувствовали ближним, поскольку эти ближние были отвратительны. Более того, нам свойственно с легкостью переходить от физического отвращения к отвращению нравственному и считать грязное одновременно безнравственным и презренным¹²⁶. Исследователи гуманитарных катастроф XX в. удивлялись, с какой легкостью возрождается жестокость, когда одна группа начинает доминировать над другой. Философ Джонатан Гловер указал на нисходящую спираль дегуманизации. Презируемое меньшинство заставляют жить в убожестве, и в глазах окружающих его члены начинают выглядеть недочеловеками, почти животными, а это подталкивает доминирующую группу обходиться с ними все хуже, что дегуманизирует угнетенных еще сильнее, освобождая сознание гонителей от оставшихся ограничений¹²⁷. Возможно, этот механизм дегуманизации и заставляет киноленту цивилизации «прокручиваться назад». Так поворачивается вспять то движение к чистоте и чувству достоинства, которое на протяжении долгих веков постепенно заставляло людей выше ценить благополучие друг друга.

Увы, но цивилизационный процесс и Гуманитарная революция не следуют друг за другом таким образом, чтобы мы могли предположить существование причинно-следственной связи. Процессы развития государств, роста торговли и уменьшения количества убийств, которые двигали процесс цивилизации, продолжались несколько столетий, и все это время никого особо не беспокоили

жестокие наказания, власть королей и подавление ересей силой. Напротив, чем могущественнее становились государства, тем они становились безжалостнее. Например, пытки как способ добиться признания (а не как наказание) вернулись в судебную практику в Средние века, когда многие страны возродили у себя римское право¹²⁸. Вероятно, росту человеколюбия в XVII и XVIII в. способствовало нечто иное.

Есть и другое объяснение сокращения уровня насилия: люди стали больше сочувствовать друг другу, когда улучшились условия жизни. Пейн предполагает, что, «став богаче — начав лучше питаться, меньше болеть и жить в более комфортных условиях, люди стали выше ценить собственную жизнь, а с нею и жизнь других»¹²⁹. Допущение, что раньше жизнь не стоила ни гроша, а затем обрела ценность, более или менее вписывается в общий ход истории. Тысячелетиями мир двигался прочь от варварских обычаев вроде человеческих жертвоприношений и садистских казней, и параллельно увеличивалась продолжительность жизни человека, улучшались ее условия. Англия и Нидерланды, которые в XVII в. первыми отказались от живодерских практик, были и самыми богатыми странами того времени. Да и сегодня рабство, убийства из суеверия и прочие варварские обычаи встречаются преимущественно в беднейших регионах мира.

Но и гипотеза «жизнь-ничего-не-стоила» тоже не безупречна. Часто богатейшие государства своего времени, например Римская империя, были рассадниками садизма, и сегодня безжалостные

наказания вроде отсечения конечностей или побивания камнями обнаруживаются на Ближнем Востоке в богатых странах — экспортерах нефти. Есть и еще одна серьезная трудность: время не совпадает. История роста благосостояния современного Запада отражена на рис. 4–7, где специалист по истории экономики Грегори Кларк отобразил реальный доход на человека (количество денег, необходимое для покупки определенного количества пищи) в Англии с 1200 до 2000 г.

Богатство стало приумножаться только с началом промышленной революции XIX столетия. До XVIII в. превалировала математика Мальтуса: любой прирост количества произведенной пищи только увеличивал число голодных ртов, оставляя население таким же бедным, как раньше. Это было верно не только для Англии, но для мира в целом. Между 1200 и 1800 гг. показатели экономического благополучия — доход, калории и белки на душу населения, число выживших детей на одну женщину — ни в одной европейской стране не возрастали. Вряд ли они превосходили уровень, свойственный обществам охотников-собирателей. А вот когда благодаря промышленной революции появились эффективные технологии производства, каналы, железные дороги и прочая инфраструктура, экономики государств Европы пошли вверх, а благосостояние населения улучшилось. Тем не менее гуманистические изменения, которые мы пытаемся объяснить, начались раньше — в XVII в., усилившись в XVIII в.

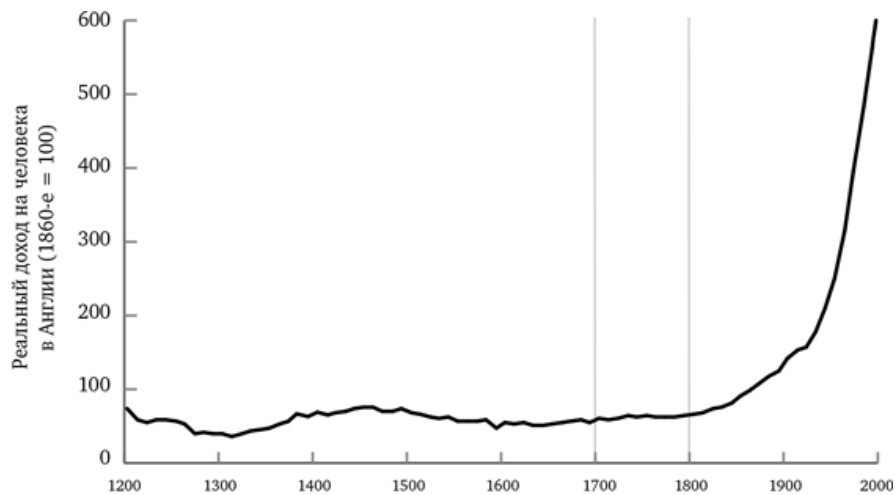

РИС. 4–7. Реальный доход на человека в Англии, 1200–2000 гг.

Источник: Clark, 2007а, р. 195

Но, даже если удастся доказать, что благополучие коррелирует с гуманистическими чувствами, установить причину этого будет непросто. Деньги не только помогают наполнить желудок и дают крышу над головой — они к тому же обеспечивают лучшее правительство, высокий уровень образованности и мобильности населения и прочие блага. К тому же не совсем очевидно, как бедность и нищета заставляют людей получать удовольствие от страданий других. Легко можно предположить и обратное: если ты на своей шкуре испытал лишения и боль, ты не захочешь причинять ее соседу, а если ведешь жизнь легкую и приятную, страдания ближнего для тебя менее реальны. Я еще вернусь к гипотезе «жизнь-ничего-не-стоила» в заключительной главе, но пока нам нужно поискать других кандидатов на роль внешней причины, сделавшей людей более сострадательными.

~

Одна из технологий, продуктивность которой значительно выросла еще до начала Промышленной революции, — книгопечатание. До изобретения Гутенбергом в 1452 г. печатного пресса каждую копию книги переписывали от руки. Этот процесс был

не только длительным (чтобы переписать 250-страничную книгу, требовалось 37 человеко-дней), но и весьма неэффективным в смысле использования энергии и материалов. Рукописный текст различать труднее, значит, рукописные книги должны быть большего формата и на них требуется больше бумаги. Переплет, хранение и транспортировка объемных фолиантов тоже обходились дороже. За два века после Гутенберга книгоиздание стало высокотехнологичным бизнесом и производительность изготовления бумаги и книгопечатания выросла более чем в 20 раз (рис. 4–8), опережая темпы роста всей британской экономики времен промышленной революции¹³⁰.

РИС. 4–8. Производительность книгопечатания в Англии, 1470–1860 гг.

Источник: Clark, 2007a, p. 253

РИС. 4–9. Количество книг, изданных на английском языке, по десятилетиям, 1475–1800 гг.

Источники: Simons, 2001; график взят из http://en.wikipedia.org/wiki/File:1477-1799_ESTC_titles_per_decade_statistics.png

Новая эффективная технология издания книг привела к взрыву книгопечатания. На рис. 4–9 видно, что число книг, издаваемых в год, в XVII в. стабильно росло, а к концу XVIII в. взлетело до небес.

При этом книги не были забавой одних лишь аристократов и интеллектуалов. Как отмечает литературовед Сюзанна Кин, «к концу XVIII в. платные библиотеки с выдачей книг на дом уже были широко распространены в Лондоне и провинциальных городах и большую часть их книжных фондов составляли романы»¹³¹. С ростом доступности книг росло и желание читать. Сложно оценить уровень грамотности до эпохи всеобщего образования и стандартизированных тестов, но историки отыскали убедительные косвенные показатели, например процент людей, сумевших расписаться в книге регистрации актов о заключении брака и в судебных документах. Рис. 4–10 показывает пару временных рядов, составленных Кларком и позволяющих предположить, что в XVII в. уровень грамотности в Англии удвоился и к концу столетия большая часть мужчин Англии уже умела читать и писать¹³².

Одновременно с этим рос уровень грамотности и в других странах Европы. К концу XVIII в. большинство французов умели читать, и, хотя по другим странам показатели грамотности за тот период недоступны, есть все основания предполагать, что в начале XIX в. в Дании, Финляндии, Германии, Исландии, Шотландии, Швеции и Швейцарии большинство мужчин были грамотными¹³³. Читающая аудитория росла, но и это еще не все: люди начали читать иначе — изменение, которое немецкий историк Рольф Энгельсинг назвал «революцией чтения»¹³⁴.

РИС. 4–10. Уровень грамотности в Англии, 1625–1925 гг.

Источник: Clark, 2007a, p. 179

Теперь читали не только религиозные, но и светские книги, читали не вслух, а про себя, читали актуальные памфлеты и периодику, а не многократно перечитывали несколько канонических текстов вроде альманахов, религиозных трактатов и Библии. По словам историка Роберта Дарнттона, «конец XVIII в. действительно кажется поворотным пунктом, временем, когда широкой публике становится доступно гораздо больше материалов для чтения, когда возникает широкая читательская аудитория, которая в XIX в. вырастет до огромных размеров — с промышленным производством бумаги, появлением

паровых печатных станков, линотипа и практически поголовной грамотностью»¹³⁵.

И конечно, людям XVII и XVIII в. уже было о чем читать. Научная революция показала, что обыденный человеческий опыт — это лишь узкий сегмент знаний на шкале от микроскопического до космического и наш дом во Вселенной вовсе не центр мироздания, а огромный камень, обращающийся вокруг звезды. Благодаря открытию Америки, Океании, Африки и морских путей в Индию и Азию европейцам явились новые миры: стало известно о существовании экзотических народов, жизнь которых была совсем не похожа на жизнь европейских читателей.

Развитие письменности и грамотности кажется мне самым подходящим кандидатом на роль внешней причины, запустившей Гуманитарную революцию. Изолированный мирок деревень и кланов, постижимый с помощью пяти чувств и обслуживаемый единственным провайдером контента — церковью, уступил место феерии народов, мест, культур и идей. И в силу разных причин расширение границ мышления вполне могло добавить человеколюбия чувствам и убеждениям людей.

РОСТ ЭМПАТИИ И УВАЖЕНИЯ К ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Способность человека сочувствовать — это не рефлекс, который автоматически включается в присутствии другого живого существа. Как мы увидим в главе 9, люди всех культур склонны проявлять сочувствие к родственникам, друзьям и младенцам, но на страдания широкого круга соседей, незнакомцев, иностранцев и прочих живых существ они обычно

реагируют сдержаннее. В книге «Расширяющийся круг» (The Expanding Circle) философ Питер Сингер доказывает, что на протяжении своей истории человечество расширяло круг существ, чьи интересы мы ценим как свои собственные¹³⁶. Интересный вопрос: что именно увеличивает круг эмпатии? Отличный вариант ответа: грамотность.

Чтение — это технология принятия перспективы другого. Когда в голове у тебя мысли, принадлежащие другому человеку, ты смотришь на мир его глазами. Ты не только в красках ощущаешь то, что не можешь испытать лично, но как будто проникаешь в голову другого человека и на время разделяешь его чувства и реакции. Конечно, «эмпатия» в смысле умения стать на чужое место — это не то же самое, что «эмпатия» как ощущение сострадания к человеку, но первое может естественным образом привести ко второму. Становясь на точку зрения другого, ты понимаешь, что и он тоже обладает сознанием, непрерывно проживая поток ощущений в первом лице и в настоящем времени, — очень похоже на тебя, но не совсем так, как ты. Предположение, что привычка к чтению слов другого может приучить входить в мысли этого другого, ощущать его боль и радость, не такая уж большая натяжка. Стоит лишь на мгновение поставить себя на место человека, чье лицо чернеет в отверстии позорного столба, который отчаянно отталкивает руками горящие вязанки хвороста или бьется в конвульсиях под ударами плети, — тут уж поневоле задумаешься, должна ли вообще подобная жестокость обрушиваться на живое существо.

Способность смотреть на мир чужими глазами меняет убеждения и другим способом. Знакомство с мирами, которые может увидеть только иностранец,

путешественник или историк, помогает превратить неоспоримые нормы («вот как это делается») в высказанные наблюдения («сейчас у нас принято делать так»). Подобное самоосознание — первый шаг к вопросу, нельзя ли делать это как-то по-другому. Кроме того, осведомленность, что в истории не раз первые становились последними и наоборот, приучает думать: «На его месте мог быть и я».

Силой поднимать читателя над его ограниченной точкой зрения обладают не только произведения, основанные на реальных событиях. Мы уже видели, как сатирическая литература, перемещающая читателя в воображаемый мир, откуда заметна глупость его собственного мира, может эффективно менять восприятие людей без обвинений и нравочений.

Реалистическая художественная литература, в свою очередь, способна расширить круг эмпатии читателей, побуждая их думать и чувствовать так, как это делают люди, заметно от них отличающиеся. Студентов-филологов учат, что XVIII в. был переломным моментом в истории романа. Их чтение стало массовым развлечением, и к концу века в Англии и во Франции ежегодно выходило до 100 романов¹³⁷. В отличие от ранних эпосов, перечисляющих подвиги героев, деяния святых или похождения аристократов, в этих книгах перед читателем представляли чаяния и утраты простых смертных.

Линн Хант подчеркивает, что расцвет Гуманитарной революции, пришедшийся на конец XVIII в., был также и временем расцвета эпистолярных романов. В этом жанре история рассказывается от лица героя, его собственными словами, открывая его

мысли и чувства в реальном времени, а не описывая их из отдаленной перспективы с точки зрения бесплотного рассказчика. В середине столетия неожиданно стали бестселлерами три мелодраматических романа, названных именами главных героинь: «Памела» (1740) и «Кларисса» (1748) Сэмюэла Ричардсона и «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо (1761). Взрослые мужчины рыдали, переживая запретную любовь, невыносимые насильственные браки и жестокие удары судьбы в жизни ничем не примечательных женщин (в том числе служанок), с которыми у них не было ничего общего. Армейский офицер в отставке изливал свои чувства в письме Руссо:

Благодаря вам я чуть не лишился из-за нее рассудка. Вообразите себе поток слез, который ее смерть из меня исторгла... Никогда я не плакал такими сладкими слезами. Это чтение так сильно на меня подействовало, что я думал, что и сам умру в эту возвышенную минуту¹³⁸.

Философы Просвещения превозносят способность романов заставлять читателя отождествлять себя с другим и сочувствовать ему. В своем панегирике Ричардсону Дидро писал:

Несмотря на все предосторожности, ты сам становишься участником событий, ты ввязываешься в разговоры, ты одобряешь, ты обвиняешь, ты восхищаешься, раздражаешься, чувствуешь негодование. Бесчисленное количество раз я, словно ребенок, впервые взятый в театр, восклицал: «Не верь, он тебя обманывает». <...> Его герои взяты из обыденной среды... страсти, которые он описывает, — те же, что снедают и меня¹³⁹.

Духовенство, разумеется, осуждало подобное чтение, несколько романов даже угодили в «Индекс запрещенных книг». Один католический клирик писал: «Откройте эти книги, и вы увидите, что почти в каждой из них попираются Божественная истина и человеческая справедливость, подрывается авторитет родителей, рвутся священные узы брака и дружбы»¹⁴⁰.

Хант предположила существование причинно-следственной связи: чтение эпистолярных романов о непохожих на тебя героях упражняет способность стать на место другого, что побуждает беспокоиться о жестоких наказаниях и прочих нарушениях прав человека. Как обычно, сложно исключить и иные объяснения этой корреляции. Возможно, люди становились более эмпатичны по другим причинам, которые одновременно сделали их восприимчивыми к эпистолярным романам и заставили беспокоиться об ущемлении интересов других людей.

Но эта гипотеза может оказаться не просто фантазией учителей словесности. Вот действительный порядок событий: новшества в технологии книгопечатания, массовый выпуск книг, распространение грамотности и популярность романов предшествовали гуманитарным реформам XVIII столетия. И в некоторых случаях популярные романы или мемуары наглядно показывали широкому кругу читателей страдания забытого класса жертв и подталкивали к политическим переменам. Примерно в одно и то же время книга «Хижина дяди Тома» пробудила аболиционистские настроения в США, «Оливер Твист» (1838) и «Николас Никльби» (1839) Чарльза Диккенса открыли людям глаза на ужасное обращение с детьми в английских рабочих домах и сиротских приютах, а книги Ричарда Генри Дана «Два года на палубе: рассказ о жизни в море» (Two Years Before the Mast: A Personal Narrative of Life at Sea, 1840) и «Белый бушлат» (White Jacket) Германа Мелвилла помогли положить конец поркам на флоте. В XX в. «На Западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка, «1984» Джорджа Оруэлла, «Слепящая тьма» Артура Кестлера, «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «Убить пересмешника» Харпер Ли,

«Ночь» Эли Визеля, «Бойня номер пять» Курта Воннегута, «Корни» Алекса Хейли, «Красная азалия» Анчи Мина, «Читая Лолиту в Тегеране» Азара Нафиси и «Секрет удовольствия» Элис Уокер (роман, рассказывающий об уродующем обычае женского обрезания) пробудили обеспокоенность публики страданиями людей, которые иначе могли бы остаться незамеченными¹⁴¹. Кино и телевидение охватывают еще большую аудиторию и обеспечивают впечатления практически из первых рук. В главе 9 мы узнаем об экспериментах, подтверждающих, что вымышленные истории способны пробудить в людях эмпатию и подтолкнуть их к действиям.

Был ли роман в целом и эпистолярный роман в частности важнейшим для расширения эмпатии жанром или нет, но распространение чтения, скорее всего, внесло свой вклад в Гуманитарную революцию, приучив людей менять узкую и ограниченную точку зрения. Помогало оно и по-другому: создавая очаги и рассадники новых представлений о нравственных ценностях и общественном порядке.

ГОСУДАРСТВО СЛОВЕСНОСТИ И ГУМАНИЗМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В романе Дэвида Лоджа «Мир тесен» (Small World, 1988) профессор объясняет, почему он считает, что элитные университеты изжили себя:

В современном мире информация становится более портативной. А люди — более мобильными... За последние двадцать лет три вещи революционизировали академическую жизнь: реактивные самолеты, прямая телефонная связь и копировальные машины... Если у тебя есть доступ к телефону, ксероксу и грантам, считай, что ты подключен к мировому кампусу — единственному университету, который имеет сейчас значение^[45]¹⁴².

Профессор Морис Запп знал, о чем говорил, но он преувеличивал значимость технологий 1980-х. Через 20 лет после того, как его слова были зафиксированы на бумаге, появились электронная почта и документооборот, веб-сайты, блоги, телеконференции, скайп и смартфоны. А за два века до сказанного им тогдашние технологии — парусные корабли, печатные книги и почтовые услуги — уже сделали информацию портативной, а людей мобильными. Результат был тот же самый: глобальный кампус, пространство общественной дискуссии, или, как это называли в XVII и XVIII вв., Государство словесности (Republic of letters)*.

Читатель XXI столетия, погружившись в историю философии, не может не впечатлиться блогосферой XVIII столетия. Стоило книге выйти из печати, как она немедленно начинала активно продаваться, допечатываться, переводиться на полдюжины языков, возбуждала поток комментариев в памфлетах и переписке и стимулировала написание новых книг. Мыслители вроде Локка и Ньютона обменивались десятками тысяч писем; один только Вольтер написал их 18 000, что составляет 15 томов¹⁴³. Конечно, такие обсуждения протекали, по нынешним меркам, очень медленно, растягиваясь на недели, иногда на месяцы, но со скоростью, достаточной для того, чтобы идеи могли формироваться, критиковаться, объединяться, отшлифовываться и попадать в поле зрения власть имущих. Характерный пример — труд Беккариа «О преступлениях и наказаниях», моментально ставший сенсацией и побудительным мотивом к отмене жестоких наказаний по всей Европе.

В условиях достаточного количества времени и последователей рынок идей мог не только

распространять, но и изменять их состав. Ни один человек не может быть настолько гениален, чтобы придумать сразу все важное с нуля. Ньютон (отнюдь не отличавшийся скромностью) писал своему коллеге Роберту Гуку в 1675 г.: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Разум человека способен скомпоновать сложную идею в единицу информации, соединить ее с другими идеями в составную композицию, упаковать теперь уже эту композицию как часть еще более крупного сооружения и так далее¹⁴⁴. Но для этого требуются непрерывные поставки дополнительных модулей и комплектующих, обеспечить которые может только сеть разумов других людей.

Глобальный кампус повышает не только уровень сложности идей, но и их качество. В полной изоляции расцветают все самые странные и токсичные идеи. Солнечный свет — лучшее дезинфицирующее средство, и, если неудачная идея открыта критике других умов, есть вероятность, что она завянет и засохнет. Предрассудки, догмы, легенды в Государстве словесности имеют меньший период полураспада, как и неудачные идеи о том, как контролировать преступность или управлять страной. Поджечь человека и посмотреть, загорится ли он, — идиотский способ установить его виновность. Столь же неумно казнить женщину за сношения с бесами и превращение последних в котов. И если вы не наследный абсолютный монарх, вы вряд ли позволите убедить себя в том, что наследственная абсолютная монархия — оптимальная форма правления.

Реактивный самолет — единственная технология «тесного мира» (small world) Лоджа, которая не устарела с появлением интернета. Это напоминает

нам, что порой ничто не заменит живого общения. Самолеты помогают людям встречаться, но люди, живущие в городах, уже находятся вместе, города всегда представляли собой плавильные тигли идей. Космополитичные города концентрируют критическую массу разнообразных умов, а в их закоулках и углах всегда могут укрыться инакомыслящие. Век разума и эпоха Просвещения были также и временем урбанизации. Лондон, Париж и Амстердам стали интеллектуальными рынками, где в салонах, кофейнях и книжных лавках собирались интеллектуалы, чтобы обсудить животрепещущие идеи.

Амстердам сыграл здесь особую роль. В XVII столетии, ставшем золотым веком Нидерландов, этот город был шумным причалом, открытым потоку товаров, идей, денег и людей. Он дал прибежище католикам, анабаптистам и протестантам всех мастей, а также евреям, чьи предки были изгнаны из Португалии. Он приютил издателей, быстро богатевших на выпуске нашумевших книг и экспорте их в страны, где они были запрещены. Один из жителей города, Спиноза, подверг Библию литературному анализу и выдвинул теорию всего, в которой не осталось места для живого Бога. В 1656 г. еврейская община изгнала его: воспоминания об инквизиции были еще свежи, и евреи опасались прогневать соседей-христиан¹⁴⁵. Для Спинозы это не стало трагедией, как могло бы, живи философ в уединенной деревушке; он просто собрал вещи и переехал в другой квартал Амстердама, а оттуда — в другой толерантный голландский город — Лейден. И везде он был доброжелательно принят в сообщество писателей, мыслителей и художников. Для Джона Локка Амстердам стал безопасным убежищем в 1683

г., когда его заподозрили в заговоре против английского короля Карла II. Рене Декарт тоже, как только обстановка накалялась, менял адреса, перемещаясь по Голландии и Швеции.

Экономист Эдвард Глейзер связал рост городов с появлением либеральной демократии¹⁴⁶. Деспотичные автократы могут сохранить власть, даже если граждане их ненавидят, благодаря парадоксу, который экономисты называют социальной дилеммой, или проблемой безбилетника. В условиях диктатуры автократ и его подручные очень мотивированы оставаться у власти, но каждый отдельный гражданин не очень-то стремится противостоять им, поскольку от ответных действий диктатора пострадает конкретный мятежник, в то время как выгоды демократии достанутся поровну каждому в стране. А вот плавильный тигель города способен объединить финансистов, юристов, писателей, издателей и торговцев с хорошими связями, которые, сговорившись в пабах и ратушах, могут бросить вызов действующей власти, разделяя между собой усилия и риски. Античные Афины, Венеция эпохи Ренессанса, революционные Бостон и Филадельфия, города Нидерландов — вот где зарождались новые демократии. Да и сегодня урбанизация и демократия тоже, как правило, идут рука об руку.

Политические и религиозные деспоты никогда не упускали из виду потенциальную силу свободного перемещения людей и информации, способную пошатнуть любой трон. Именно поэтому они подавляют свободу слова, письма и собраний, именно поэтому демократии защищают эти каналы связи своими биллями о правах. В отсутствие городов и

грамотности освободительные идеи с большим трудом рождались и взаимодействовали между собой, так что рост космополитизма в XVII и XVIII в. по праву может называться одной из причин Гуманитарной революции.

Собрать людей и объединить идеи еще не значит предопределить путь развития этих идей. Рождение Государства словесности и появление многонациональных городов само по себе не может объяснить, почему в XVIII в. получила развитие именно гуманитарная этика, а не всё более изобретательные обоснования пыток, рабства, деспотизма и войн.

По моему мнению, два этих изменения действительно связаны. Когда достаточно большое объединение свободных рациональных агентов обсуждает, как должно быть устроено общество, соблюдая логическую непротиворечивость и получая от внешней реальности обратную связь, их общее мнение будет продвигаться в определенном направлении. Нам не приходится объяснять, почему молекулярные биологи обнаружили, что у ДНК четыре основания: при условии что они добросовестно изучают биологию и что ДНК действительно имеет четыре основания, вряд ли они могли обнаружить что-то другое. Точно так же нет необходимости объяснять, почему просвещенные мыслители со временем начали выступать против рабства, жестоких наказаний, деспотических монархий, казней ведьм и еретиков. При достаточно тщательном изучении непредвзятыми, разумными и осведомленными мыслителями жестокие обычаи невозможно оправдывать до бесконечности. Вселенная идей, в

которой одна идея влечет за собой другую, сама по себе является внешней силой, и когда сообщество мыслителей проникает в эту вселенную, оно вынуждено двигаться в определенном направлении, независимо от своего физического окружения. Я думаю, что этот процесс нравственных открытий был важной причиной Гуманитарной революции.

Я готов протянуть эту нить рассуждений чуть дальше. Такое значительное количество жестоких институций сгнули за такой короткий промежуток времени, потому что сразивший их аргумент принадлежит внутренне непротиворечивой и логически последовательной философии, возникшей в Век разума и эпоху Просвещения. Идеи Гоббса, Спинозы, Декарта, Локка, Юма, Мэри Эстел, Канта, Беккариа, Адама Смита, Мэри Уолстонкрафт, Мэдисона, Джефферсона, Гамильтона и Джона Стюарта Милля слились в мировоззрение, которое мы называем гуманизмом эпохи Просвещения (также его называют классическим либерализмом, хотя с 1960-х гг. термин «либерализм» приобрел и другие значения). Вот краткий обзор этой философии — приблизительное, но более или менее связанное описание взглядов философов Просвещения.

Все началось со скептицизма¹⁴⁷. История человеческой глупости, а также собственный опыт иллюзий и заблуждений доказывают, что мужчины и женщины могут ошибаться. А значит, чтобы поверить во что-то, необходимы убедительные доводы. Вера, откровение, традиция, догма, авторитет и экстатический жар субъективной убежденности — все это залог ошибки и не должно более считаться источником знаний.

Есть ли что-то, в чем мы можем быть уверены? Декарт дал нам не самый плохой ответ: наше собственное сознание. Я знаю, что я мыслю, благодаря хотя бы тому, что задаюсь вопросом о пределах своего познания, и я также сознаю, что мое сознание вмещает в себя несколько видов опыта: восприятие внешнего мира и других людей, различные болевые ощущения и удовольствия, как чувственные (еда, покой, секс), так и духовные (любовь, знания и созерцание красоты)

Кроме того, мы преданы разуму. Если мы задаемся вопросом, прикидываем вероятный ответ и пытаемся убедить других в его верности, значит, мы сами размышляем и тем самым соглашаемся с тем, что разум заслуживает доверия. Мы верим в истинность выводов, полученных в результате непротиворечивого рассуждения, например в процессе доказательства математических и логических теорем.

Хотя мы не можем *логически доказать* что бы то ни было, касающееся физического мира, мы по праву *уверены* в конкретных фактах о нем. Обобщения на основе рассуждения и наблюдения — вот что мы называем наукой. Научный прогресс и его блестящий успех в изучении и изменении мира показывают, что познание возможно, хотя всегда не окончательно и подлежит пересмотру. Таким образом, наука — это парадигма, в рамках которой мы обретаем знание. Это не конкретные методы и научные организации, но система ценностей, помогающая нам объяснять мир, объективно отбирать правдоподобные гипотезы и осознавать неопределенность и ограниченность нашего понимания в каждый конкретный момент времени.

Главенство разума не значит, что каждый отдельный человек всегда рационален и не поддается влиянию страстей и иллюзий. Смысл в том, что люди способны рассуждать и что объединение людей, решивших совершенствовать свои способности и упражнять их открыто и честно, может совместными усилиями со временем проложить дорогу к более здоровым умозаключениям. Как заметил Линкольн, можно все время дурачить некоторых и некоторое время дурачить всех, но нельзя все время дурачить всех.

Среди знаний о мире, в которых мы можем быть с полным основанием уверены, — то, что другие люди, подобно нам, обладают сознанием. Другие сделаны из того же теста, стремятся к тем же целям и реагируют теми же внешними проявлениями боли и удовольствия на те же стимулы, которые и в каждом из нас вызывают боль или удовольствие.

Следуя этой логике, мы можем прийти к выводу, что люди, внешне отличающиеся от нас во многих отношениях — полом, расой, культурой, по сути такие же, как мы. Шекспир спрашивал устами Шейлока:

Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить?^[46]

Кросс-культурная общность базовых человеческих реакций имеет далеко идущие последствия. Первое: универсальная человеческая природа существует. Она вмещает наши общие удовольствия и страдания, наши общие способы мышления и нашу общую уязвимость перед глупостью (не в последнюю очередь жаждой мести). Природу человека можно изучать точно так

же, как и весь остальной мир. И наши решения по поводу обустройства жизни должны учитывать то, что нам известно о человеческой природе, даже если нам придется отказаться от собственных интуитивных представлений, когда наука поставит их под сомнение.

Еще одно следствие нашей психологической общности: как бы люди ни различались, теоретически они способны прийти к согласию. Я могу обратиться к вашему разуму и попытаться убедить вас по законам логики и доказательности, с которыми и вы и я согласны хотя бы потому, что мы оба — разумные существа.

Сознавать универсальность разума исключительно важно, именно это понимание дает нам возможность определить место для нравственности. Если я прошу вас сделать что-то, что касается меня лично, — убрать ваш ботинок с моей ноги, не тыкать в меня ножом почем зря или спасти моего тонущего ребенка — и если я хочу, чтобы вы воспринимали меня всерьез, я не могу при этом ставить свои интересы выше ваших (например, сохраняя за собой право, наступить на ногу вам, ткнуть вас ножом или позволить утонуть вашему ребенку). Я должен сформулировать свои доводы так, что сам буду вынужден отплатить вам тем же. Я не могу считать собственные интересы важнее только потому, что я — это я, а вы — нет, так же как у меня нет права считать, что место, на котором я стою, — особенное только потому, что здесь стою я¹⁴⁸.

Мы с вами должны достичь этого взаимопонимания не только для того, чтобы вести логически содержательную беседу, но потому, что взаимный отказ от эгоистичности — единственная для нас возможность преследовать свои интересы

одновременно. И вам, и мне будет лучше, если мы сможем обмениваться излишками, спасать детей друг друга, когда они попадают в беду, и удерживаться от убийств, вместо того чтобы сидеть на своих припасах, пока они не сгниют, равнодушно смотреть, как тонут чужие дети, и непрерывно враждовать. Конечно, каждому было бы чуть выгоднее действовать эгоистично за чужой счет, оставляя другого ни с чем, но тоже самое верно и для второй стороны, так что, если оба попытаются реализовать это преимущество, оба и плохо кончат. Любой независимый наблюдатель, и вы, и я, рассматривая вопрос рационально, решил бы, что мы должны стремиться к такому положению вещей, когда обе стороны ведут себя неэгоистично.

Следовательно, мораль — это не набор произвольных ограничений, продиктованных мстительным божеством и записанных в книгах; не обычай определенной культуры или племени. Это следствие взаимозаменяемости точек зрения и возможность, которую обеспечивает мир играм с положительной суммой. Этот принцип морали — основа множества версий «Золотого правила», сформулированного большинством религий мира, в категорическом императиве Канта, в Спинозовском «с точки зрения вечности», в общественном договоре Гоббса и Руссо, в самоочевидной истине Локка и Джефферсона: все люди созданы равными.

Из факта существования универсальной человеческой природы и из морального принципа, что никто не имеет права ставить свои интересы выше интересов других людей, мы можем вывести множество идей о том, как нам вести свои дела. Государство — полезная вещь, потому что в состоянии анархии людская меркантильность и самообман, а

также опасения перед этими несовершенствами в других приведут к постоянным распрям. Людям легче отказаться от насилия, если все остальные согласны сделать то же самое и если полномочиями разрешать конфликты наделена незаинтересованная третья сторона. Но, так как третья сторона будет представлена отнюдь не ангелами, а обычными людьми, их власть должна быть под контролем других людей — только так их можно заставить управлять, заботясь об интересах тех, кем они управляют. Правительство не должно применять насилие против собственных граждан сверх минимума, необходимого для предотвращения большего насилия. И оно должно содействовать такому устройству общества, которое позволит людям процветать за счет сотрудничества и добровольного обмена.

Эту цепь умозаключений можно назвать гуманизмом, потому что ценность, которую она принимает во внимание, — процветание людей — единственная ценность, которую невозможно отрицать. Я испытываю удовольствие и боль и преследую цели, к которым они меня подталкивают, так что я не могу отрицать право другого чувствующего агента делать то же самое.

Все это звучит банально или самоочевидно, если вы — дитя Просвещения и впитали гуманистическую философию с молоком матери. С исторической точки зрения ничего банального и самоочевидного тут нет. Не обязательно атеистический (он близок к деизму, в котором Бог идентифицируется с природой Вселенной), гуманизм Просвещения обошелся без священных книг, Иисуса, ритуалов, религиозного права, божественного замысла, бессмертных душ, жизни после смерти, мессианства или Бога, говорящего с отдельными людьми. Заодно он отменил в

сторону множество светских источников ценностей, если они не доказали свою важность для процветания человечества. Он отказался признавать ценностью авторитет страны, расы или класса, фетишизированные добродетели вроде мужественности, репутации, героизма, славы или чести; а также мистицизм во всех его проявлениях.

Я утверждаю, что гуманизм эпохи Просвещения прямо или косвенно лежит в основе разнообразных гуманитарных реформ XVIII и XIX столетий. Эта философия явно заложена в фундамент первых либеральных демократий, что особенно заметно в «самоочевидной истине» американской Декларации независимости. Позже она распространится и в других частях света, сливаясь с гуманистическими идеями, найденными местными культурами самостоятельно¹⁴⁹. И как мы увидим в главе 7, гуманистическая философия усилила свои позиции уже в наши дни — во время Революций прав.

Однако гуманизм Просвещения не сразу добился успеха. Хотя он помог уничтожить множество варварских обычаев и завоевал плацдармы в первых либеральных демократиях, в большей части остального мира его принципы были решительно отвергнуты. Первый повод для возражений родился из противоречий между силами просвещения, которые мы исследовали в этой главе, и силами цивилизации, которые мы изучали в предыдущей, — хотя, как мы увидим, примирить их нетрудно. Второе возражение было более фундаментальным, а его последствия — судьбоносными.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Вслед за эпохой Просвещения явилась Французская революция, — подарив миру мимолетную надежду на демократию, она повлекла за собой череду цареубийств и государственных переворотов, разбудила фанатиков и чернь, породила террор и войны, высшей точкой которых стала безумная захватническая кампания императора-мегаломаньяка. Более четверти миллиона человек были убиты в результате Революции и последовавших за ней событий, и от двух до четырех миллионов погибли во время революционных и Наполеоновских войн. Размышляя об этой катастрофе, люди приходили к напрашивающемуся выводу: «После того — значит вследствие того», так что и левые, и правые интеллектуалы во всем винили Просвещение. Вот что случается, говорили они, когда люди срывают плоды с древа познания, крадут у богов огонь и открывают ящик Пандоры.

Идея, что Просвещение несет ответственность за якобинский террор и Наполеоновские войны, мягко говоря, сомнительна. Политические убийства, погромы и завоевательные имперские войны — ровесники цивилизации, многовековая будничная реальность европейских монархий, и Франция здесь не исключение. Многие французские философы, чьими идеями вдохновлялись революционеры, были мыслителями-однодневками и не принадлежали к философскому направлению, связывающему Гоббса, Декарта, Спинозу, Локка, Юма и Канта. А вот Американская революция, которая держалась гораздо ближе к сценарию, заданному идеями Просвещения, подарила миру либеральную демократию, процветающую уже более двух столетий. В этой книге я буду доказывать, что данные, свидетельствующие о снижении насилия в ходе истории, снимают

подозрения с гуманизма Просвещения, и продемонстрирую несостоятельность как левых, так и правых его критиков. Однако один из этих критиков, англо-ирландский автор Эдмунд Берк, заслуживает особого внимания, поскольку апеллирует ко второму основному объяснению причин спада насилия — процессу цивилизации. Два объяснения пересекаются: оба они говорят о распространении эмпатии и умиротворяющем эффекте взаимовыгодного сотрудничества, но обращают особое внимание на разные свойства человеческой природы.

Берк стал отцом рационального секулярного консерватизма — идеологии, основывающейся на том, что экономист Томас Соуэлл назвал трагическим взглядом на природу человека¹⁵⁰. Согласно этому взгляду, человек вечно скован ограниченностью своих знаний, благоразумия и добродетели. Люди эгоистичны и недальновидны, и, если предоставить их самим себе, дело закончится гоббсовской войной всех против всех. Единственное, что удерживает нас на краю бездны, так это навыки самоконтроля и умение договариваться, которые люди впитывают в процессе приспособления к нормам цивилизованного общества. Социальные обычаи, религиозные традиции, сексуальные нормы, семья и прочие устоявшиеся политические институты — эти проверенные временем заплатки на слабых местах неизменной человеческой природы так же необходимы в наши дни, как и во времена, когда они вытащили нас из варварства, даже если никто сегодня не в состоянии объяснить их смысл.

Согласно Берку, ни один смертный не может быть настолько умен, чтобы построить общество на чисто теоретической основе. Общество — это органическая

система, оно развивается спонтанно, регулируется миллиардом взаимосвязей и приспособлений, и ни один человеческий ум не может даже претендовать на их понимание. То, что мы не способны описать внутреннюю механику этой системы словами, еще не значит, что ее надо целиком сдать в утиль или перекроить под влиянием последней модной теории. Такое грубое вмешательство приведет к вовсе незапланированным последствиям, а итогом будет хаос насилия.

Берк явно зашел слишком далеко. Было бы безумием утверждать, будто люди не должны выступать против пыток, охоты на ведьм и рабства, потому что таковы старинные традиции и если их внезапно упразднить, общество деградирует в толпу дикарей. Подобные практики и есть дикость, и, как мы видели, общества находят способы компенсировать исчезновение жестоких обычаев, которые раньше считались незаменимыми. Гуманность тоже может быть матерью изобретений[47].

Однако в словах Берка был резон. Неписанные правила цивилизованного поведения как в бытовом взаимодействии людей, так и в действиях правительств, могут выступать необходимым условием успешного осуществления реформ. Возможно, эволюцию этих норм и имеет в виду Пейн, когда упоминает о загадочных «исторических силах», — так случилось с политическими убийствами, число которых внезапно пошло на спад задолго до того, как были озвучены принципы демократии; так часто происходит с отживающими практиками — аболиционистские движения только добивают их последним милосердным ударом. Это может объяснить, почему либеральная демократия сегодня с

таким трудом приживается в тех странах развивающегося мира, которые еще не переросли свои суеверия, полевых командиров и межплеменные войны¹⁵¹.

В объяснении причин спада насилия нам не нужно делать выбор — или Цивилизация, или Просвещение. Порой первую скрипку играют негласные нормы сопереживания, самоконтроля и сотрудничества, а разумно сформулированные принципы равенства, ненасилия и прав человека следуют за ними. В другие периоды они меняются местами.

Эти колебания объясняют, почему Американская революция была не так кровава, как Французская. Отцы-основатели были продуктом не только Просвещения, но и английского процесса цивилизации — самоконтроль и сотрудничество были их второй натурой. «Уважительное отношение к мнению человечества требует от [народа] разъяснения причин, побудивших его к такому отделению, — вежливо объясняет Декларация независимости. — Благоразумие, разумеется, требует, чтобы правительства, установленные с давних пор, не менялись бы под влиянием несущественных и быстротечных обстоятельств». Благоразумие... ну разумеется.

Но добропорядочность и благоразумие отцов-основателей не были лишь бездумно усвоенной привычкой. Они целенаправленно рассуждали о тех пределах человеческих возможностей, которые и заставляли Берка так нервничать насчет сознательного рассуждения. «Что есть управление само по себе, — вопрошал Мэдисон, — как не величайшее из всех размышление о человеческой природе?»¹⁵² Они считали, что демократия должна

быть устроена так, чтобы нейтрализовать присущие человеку пороки, в особенности стремление лидеров злоупотреблять властью. Возможно, осознание человеческой природы было основным отличием американских революционеров от их французских собратьев, которые находились во власти романтического убеждения, что они упраздняют все ее ограничения. В 1794 г. Максимилиан Робеспьер, архитектор Террора, писал: «Французский народ как будто опередил на две тысячи лет остальной род человеческий; есть искушение считать, что это совсем другой род»¹⁵³.

В книге «Чистый лист» я доказывал, что два крайних взгляда на природу человека — трагическое видение, которое смиряется с ее дефектами, и утопическое видение, которое отрицает само ее существование, — определяют великий водораздел между правыми и левыми политическими идеологиями¹⁵⁴. И я предположил, что лучшее понимание человеческой природы в свете современной науки может указать нам менее упрощенный подход к политике, чем эти оба. Разум человека — не чистый лист, и никакая гуманная политическая система не должна обожествлять своих вождей или каким-либо образом переделывать своих граждан. При всех ограничениях природа человека включает рекурсивную, не замкнутую комбинаторную систему мышления, которая способна осознавать собственные ограничения. Вот почему двигатель гуманизма Просвещения — рациональность — никогда не будет опровергнута какими-либо недочетами или ошибками в размышлениях людей конкретной эпохи. Разум всегда может остановиться, заметить ошибку и пересмотреть правила, чтобы не попасться в следующий раз.

«КРОВЬ И ПОЧВА»

Вторая волна Контрпросвещения возникает в конце XVIII — начале XIX вв., и не в Англии, а в Германии. Различные течения этой идеологии исследуются в эссе Исайи Берлина и в книге философа Грэма Гаррарда¹⁵⁵. Эта волна началась с Руссо, а развивали ее такие теологи, поэты и эссеисты, как Иоганн Гаман, Фридрих Якоби, Иоганн Гердер и Фридрих Шеллинг. В отличие от Берка, они критиковали не непредсказуемые последствия Просвещения для социальной стабильности, но сами основания разума.

Первой ошибкой философов Просвещения, считали они, было то, что те начали с рассмотрения индивидуального сознания. Бесплотный обособленный мыслитель, вырванный из своей культуры и истории, — это фикция, плод воображения философа. Личность — не просто локус абстрактного мышления, безразличный к окружающим умник, а чувствующее тело, часть материальной природы.

Второй ошибкой было исходить из существования универсальной человеческой природы и универсально эффективной системы мышления. Люди укоренены в культуре и находят смыслы в ее мифах, символах, легендах. Истина не написана на небе, где каждый может ее увидеть, она таится в сюжетах и архетипах, специфичных для истории конкретного места, и придает существованию его обитателей смысл.

По этой логике, если исследователь критикует традиционные верования или обычаи, он упускает из виду главное. Только овладев опытом тех, кто живет в этой системе верований, можно действительно понять их. Библию поймут только те, кто захочет вникнуть в

опыт пастухов, пасших некогда свои стада на холмах Иудеи.

Каждая культура имеет свой, исключительно ей присущий *Schwerpunkt* («центр притяжения»), не нащупав его, мы не поймем ее значения и ценности¹⁵⁶. Космополитизм — не добродетель, это «отказ от всего, что делает человека лучшим человеком, лучшим собой»¹⁵⁷. Универсальность, объективность и рациональность отвергаются; романтизм, витализм, интуиция и иррационализм приветствуются. Нет ничего более характерного для всего движения *Sturm und Drang* («Бури и натиска»), чем восклицание его идейного вдохновителя Гердера: «Я здесь не для того, чтобы думать, но чтобы быть, чувствовать, жить!.. Сердце! Жар! Кровь! Человечность! Жизнь!»¹⁵⁸

Дитя Контрпросвещения, таким образом, преследует цель не ради ее объективной ценности или благородства, но потому, что она — уникальный плод его творческого духа. Неистощимый родник творчества может проистекать из истинной природы Творца, как полагали писатели и художники эпохи романтизма, или из некоей трансцендентной сущности — Вселенского Духа, Божественного пламени. Берлин уточняет:

Третьи отождествляют творческое «я» со сверхличным «организмом», ощущая себя его частицами или членами, — с нацией, Церковью, культурой, классом или самой историей, но непременно с могучей силой, которую они воплощают в своем земном бытии. Агрессивный национализм, самоотождествление с интересами класса, культуры, расы или сил прогресса — с волной исторической энергии, направленной в будущее, с чем-то и объясняющим, и оправдывающим поступки, которые вызывали бы ужас и презрение, если бы совершались в силу эгоистического расчета или иных светских мотиваций, — вся эта совокупность политических и нравственных представлений объемлется идеей самореализации. Сложилась эта идея, отрицая центральные посылки Просвещения, прежде всего ту, что истину, право,

добро, красоту можно раскрыть в их всеобщей значимости, правильно применяя объективные методы познания и интерпретации, которые каждый свободен использовать и поверять¹⁵⁹.

Противники Просвещения отрицали и предпосылку, что насилие — это проблема, которую нужно решать. Противоборство и кровопролитие — неотъемлемая часть естественного хода вещей, и избавиться от них невозможно, не лишив заодно жизнь ее внутренней силы и не исказив судьбы человечества. Гердер писал^[48]: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что составляет благо для его рода: она стремится к раздору»¹⁶⁰. Прославление борьбы в природе, у которой «окровавленные зубы и когти» (как сказал Теннисон), было всепроникающей темой искусства XIX столетия. Позже ей задним числом придадут налет научности при помощи так называемого социал-дарвинизма, хотя ссылка на Дарвина анахронична и несправедлива: его труд «Происхождение видов» был опубликован в 1859 г., гораздо позже того, как романтическое прославление борьбы стало популярной философией, да и сам Дарвин был бескомпромиссным либеральным гуманистом¹⁶¹.

Движение Контрпросвещения стало питательной средой для целого букета романтических движений, набравших силу в XIX в. Одни из них оказали влияние на искусство, подарив нам возвышенную музыку и поэзию. Другие стали политическими идеологиями, на нашу беду повернувшими вспять тренд на снижение насилия. Одна из этих идеологий приняла форму воинствующего национализма, получившего известность как идея «Крови и почвы». Его последователи считали, что этническая группа и земля, на которой она зародилась, составляют единое

целое, характеризующееся уникальными нравственными чертами, и что величие и слава группы важнее жизни и счастья ее отдельных членов. Другой политической идеологией стал романтический милитаризм, основанный на идее, что (как суммировал Мюллер) «война благородна, она воодушевляет, она добродетельна, славна, героична, восхитительна, прекрасна, свята и захватывающа»¹⁶². Третьей идеологией был марксистский социализм, рассматривающий историю через призму великой борьбы классов, достигающей апогея в подчинении буржуазии и победе пролетариата. Наконец, четвертой идеологией Контрпросвещения оказался национал-социализм, считающий историю великой межрасовой борьбой, достигающей апогея в подавлении низших рас и победе арийцев.

Гуманитарная революция стала исторической вехой в снижении насилия и одним из достижений, которыми может гордиться человечество. Убийства из суеверия, жестокие наказания, казни из прихоти и оптовая торговля людьми, быть может, и не исчезли с лица земли полностью, но их определенно удалось столкнуть на обочину истории. На фасаде деспотизма и милитаризма, тенью нависавших над человечеством с начала цивилизации, показались трещины. Гуманистическая философия Просвещения, объединившая эти достижения, закрепились на Западе и ждала своего времени, пока более жестокие идеологии двигались к своему трагическому концу.

Глава 5

ДОЛГИЙ МИР

Война, видимо, ровесница человечества, но мир
— это современное изобретение.

ГЕНРИ МЭЙН

В начале 1950-х гг. двое выдающихся британских ученых, размышляя об истории войн, рискнули предположить, что сулит миру грядущее. Один из них — Арнольд Тойнби (1899–1975), вероятно самый известный историк XX в. Он служил в Форин-офис[49] во время Первой и Второй мировых войн, по итогам каждой из них представлял британское правительство на мирных конференциях и проследил взлет и падение 26 мировых цивилизаций в своем капитальном 12-томном труде «Постижение истории» (A Study of History). Алгоритмы истории, какими он представлял их себе в 1950-х, не оставляли ему места для оптимизма:

В новейшей истории Запада война следовала за войной с растущей интенсивностью, и сегодня уже очевидно, что война 1939–1945 гг. не стала кульминацией этого нарастающего движения¹.

Тойнби можно простить такой мрачный прогноз, написанный на пороге холодной войны и ядерного века под влиянием еще свежих воспоминаний о Второй мировой. Многие другие видные комментаторы были так же пессимистичны, и предсказания надвигающегося конца света сыпались еще три десятилетия².

Круг научных интересов второго ученого был кардинально иным. Льюис Фрай Ричардсон (1881–1953) был физиком, метеорологом, психологом и специалистом в области прикладной математики. Его главным научным достижением стала разработка численных методов прогнозирования погоды — за несколько десятилетий до появления компьютеров, способных применять их³. Предсказания Ричардсона основывались не на знаниях о великих цивилизациях, а на статистическом анализе данных о сотнях вооруженных конфликтов за период в более чем 100 лет. Ричардсон высказывался осмотрительнее Тойнби и оптимистичнее:

Две мировые войны, разразившиеся в нынешнем столетии, оставили по себе смутное ощущение, что мир стал воинственнее. Но это ощущение нуждается в тщательном изучении. Вероятно, Третья мировая война случится еще не скоро⁴.

Бросая вызов общему мнению о неизбежности глобальной ядерной войны, Ричардсон опирался не на ощущения, а на статистику. Сегодня, через пять с лишним десятилетий, мы знаем, что именитый историк ошибался, а малоизвестный физик был прав.

В этой главе я расскажу, как Ричардсон пришел к своему предвидению: динамика войн между большими державами дарит нам неожиданно хорошие новости — очевидное нарастание интенсивности войн не ведет к новой катастрофе. И действительно, в последние 20 лет внимание мирового сообщества переместилось на другие виды конфликтов: войны между малыми государствами, гражданские войны, геноцид и терроризм; о них будет рассказано в следующей главе.

СТАТИСТИКА И ПОВЕСТВОВАНИЕ

Стоит вспомнить XX столетие, и предположение о том, что с течением истории количество насилия уменьшилось, кажется оскорбительным. Обычно его называют самым жестоким веком: его первая половина представляет собой череду мировых и гражданских войн и проявлений геноцида, которую Мэттью Уайт назвал гемоклизмом, то есть кровопролитным потоком^[50]⁵. Гемоклизм XX столетия стал не только невыносимой трагедией, унесшей миллионы жизней, но и переворотом в представлении человечества об исторической динамике. Надежды эпохи Просвещения на прогресс, движимый наукой и разумом, были погребены под тяжестью беспощадных диагнозов: возрождение инстинкта смерти, суд над современностью, обвинительный приговор западной цивилизации, Фаустов договор человечества с дьяволом науки и технологий⁶.

Но век состоит из 100 лет, а не из 50. Во второй половине XX в. великие державы, чего прежде не было никогда в истории, целенаправленно избегали военных действий — этот период историк Джон Гэддис назвал Долгим миром (Long Peace). За ним, в свою очередь, последовало столь же удивительное мирное окончание холодной войны⁷. Как разобраться в этом многоликом сумбурном веке? И к каким выводам мы придем, размышляя о перспективах войны и мира в веке нынешнем?

Спорящие друг с другом предсказания историка Тойнби и физика Ричардсона иллюстрируют дополняющие друг друга методы осмысления потока событий во времени. Традиционная история — это повествование о прошлом. Но, если мы хотим следовать совету Джорджа Сантаяны помнить

прошлое, чтобы не повторить его [\[51\]](#), необходимо выделить в этом прошлом *закономерности* — тогда мы будем знать, на что обращать внимание в настоящем. Выделением обобщаемых закономерностей из конечной совокупности наблюдений занимается каждый ученый, и некоторые из научных способов обнаружения закономерностей можно применить к историческим данным.

Предположим чисто теоретически, что Вторая мировая война была самым разрушительным явлением в истории (или предположим, что весь геноцизм XX в. заслуживает этого определения, если принять две мировые войны и спровоцированные ими акты геноцида за один затяжной исторический эпизод). Что это говорит нам о долговременных тенденциях войны и мира?

Ответ: ничего. Самое разрушительное событие в истории произошло в конкретный исторический период и с равным успехом может быть частью самых разнообразных долговременных трендов. Тойнби, например, считал Вторую мировую войну очередной ступенью лестницы, ведущей вверх (рис. 5–1, слева). Примерно так же мрачно и популярное предположение, что войны цикличны (рис. 5–1, справа). Как и многие безрадостные перспективы, обе модели породили достаточно мрачных шуток. Меня часто спрашивали, слышал ли я анекдот о человеке, который, упав с крыши офисного здания, кричал работающим на каждом этаже, мимо которого пролетал: «Пока все идет хорошо!» Не раз рассказывали мне и шутку об индюшке, которая накануне Дня благодарения радовалась, что ей повезло жить в эпоху уникально долгого мира между

фермерами и индюшками, который длится уже 364 дня⁸.

Но неужели исторические процессы столь же детерминированны, как законы гравитации или вращения нашей планеты? Математики утверждают, что через любое конечное количество точек можно провести бесконечное количество кривых. На рис. 5–2 изображены еще две линии, где все тот же исторический эпизод является частью совершенно разных трендов.

Рисунок слева отражает радикальное предположение: Вторая мировая — статистическая случайность, она не была ни шагом вверх по лестнице, ни знаком грядущих перемен да и вообще не была частью какого-либо тренда. На первый взгляд предположение кажется нелепым. Как случайная цепь событий могла привести к такому количеству катастроф, уместившихся в одно десятилетие: вторжения Гитлера, Муссолини, Сталина и императорской Японии, Холокост, сталинские чистки, ГУЛАГ, два взрыва атомных бомб (не говоря уже о Первой мировой войне и вооруженных конфликтах и геноциде двух предшествующих десятилетий)? К тому же обычно войны, о которых мы читаем в исторических книгах, уносят десятки или сотни тысяч, очень редко миллионы жизней. Если войны действительно разражаются без всякой закономерности, разве вероятность войны с 55 млн жертв не должна быть исчезающе мала? Ричардсон показал, что думать так нас заставляет когнитивная иллюзия. Когда железные кости судьбы уже покатались по игровому столу (как сказал германский рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег накануне Первой мировой), гибельные последствия могут

оказаться куда ужасней, чем способно себе представить наше ограниченное воображение.

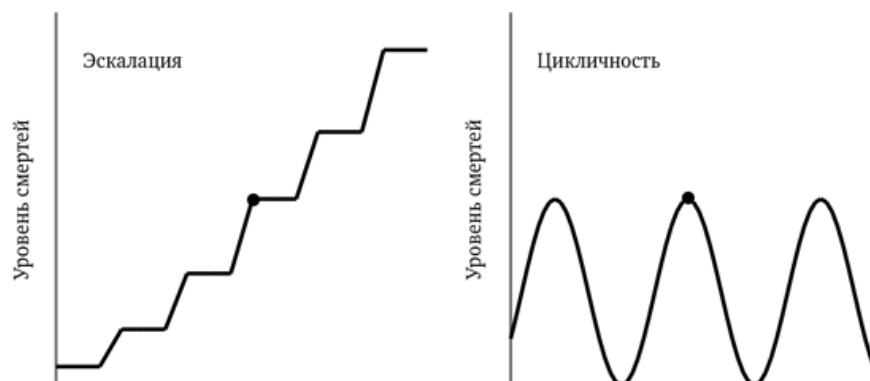

РИС. 5-1. Два пессимистических сценария исторической динамики войн

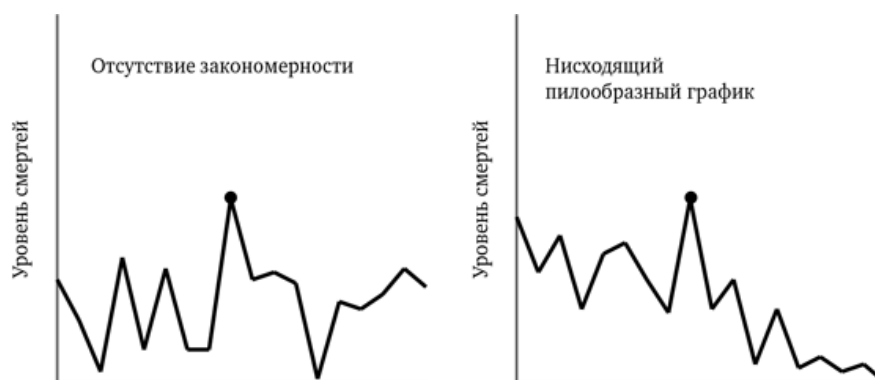

РИС. 5-2. Два менее пессимистических сценария исторической динамики войн

Правая часть рис. 5-2 представляет войну частью сценария настолько не пессимистического, что он выглядит почти оптимистическим. Могла ли Вторая мировая быть изолированным пиком на пилообразно нисходящем графике — «последнее прости» больших войн на их пути к пропасти исторического забвения? И снова мы убедимся, что это предположение не настолько фантастическое, как может показаться.

Похоже, что долгосрочная динамика войн в действительности представляет собой напластование нескольких трендов. Известно, что графики других комплексных последовательностей, например погоды, — это сумма нескольких кривых: циклического ритма времен года, случайных флуктуаций каждого дня и долговременной тенденции глобального потепления.

Цель этой главы — определить составляющие долгосрочной динамики межгосударственных войн. Я постараюсь убедить вас, что к ним относятся:

- отсутствие цикличности;
- большая доля случайности;
- усиление (недавно обращенное вспять) степени разрушительности войн;
- спад по всем другим параметрам войн и, следовательно, общее уменьшение количества войн между государствами.

XX в. не был необратимым падением в бездну порока. Напротив, самым его устойчивым нравственным трендом был пацифистский гуманизм. Эта идеология, корни которой уходят в эпоху Просвещения, отступила перед идеями Контрпросвещения, поддержанными находившимися тогда на подъеме деструктивными силами, но обрела второе дыхание с окончанием Второй мировой войны.

Чтобы обосновать свои выводы, я объединю два подхода к пониманию динамики войн: статистику Ричардсона и его последователей и повествование, которым традиционно пользуются историки и политологи. Статистический подход необходим, чтобы избежать ошибки Тойнби — весьма свойственной человеку склонности воображать большие закономерности в сложных статистических феноменах и с уверенностью экстраполировать их в будущее. Но если повествования без статистики слепы, то статистика без повествований пуста. История не скринсейвер с изящными кривыми графиков, извлеченными из рядов цифр; за графиками стоят реальные события, решения людей и

последствия применения ими оружия. Так что нам нужно еще объяснить, как различные лестницы, горки и зубцы, которые мы видим на графиках, возникают из поступков правителей и солдат, из штыков и бомб. В этой главе я буду переключаться между статистикой и повествованием, но для понимания чего-то столь сложного, как долговременная динамика войн, необходимы оба подхода.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ XX СТОЛЕТИЕ БЫЛО САМЫМ УЖАСНЫМ?

«Двадцатый век был самым кровопролитным в истории» — с помощью этого клише не раз предъявляли обвинение разношерстной компании демонов: атеизму, Дарвину, правительствам, науке, капитализму, коммунизму, идеалам прогресса и мужскому полу. Но правда ли это? В подтверждение этого заявления редко приводят цифры, относящиеся к какому-нибудь другому веку, и не вспоминают гемоклизмы, отстоящие чуть дальше во времени. Дело в том, что мы никогда достоверно не узнаем, какой век был наихудшим, поскольку даже число погибших в войнах XX в. трудно подсчитать, не говоря уже о столетиях, что были до него. Но похоже, что домыслы о самом кровопролитном веке просто иллюзия, и для такого предположения есть две причины.

Во-первых, если по сравнению с предыдущими столетиями в XX в. было, несомненно, больше насильственных смертей, то в нем и людей было больше. В 1950 г. население Земли составляло 2,5 млрд человек — это примерно в 2,5 раза больше, чем в 1800 г., в 4,5 раза больше, чем в 1600-м, в 7 раз больше, чем в 1300-м и в 15 в раз больше, чем в 1 г.

н.э. Поэтому, чтобы сравнить, например, кровопролитность войн XVII и XX вв., число погибших в 1600 г. нужно умножить на 4,5⁹.

Вторая причина — *историческая близорукость*: чем ближе к нам во времени какой-либо исторический эпизод, тем больше деталей мы можем разглядеть. Историческая близорукость может влиять и на общественное мнение, и на выводы профессиональных историков. Когнитивные психологи Амос Тверски и Даниэль Канеман показали, что люди интуитивно оценивают сравнительную частоту явлений сквозь призму так называемой эвристики доступности: чем легче вспомнить примеры явления, тем более вероятным оно кажется¹⁰. Люди, например, переоценивают вероятность бедствий, о которых кричат газетные заголовки, — авиакатастроф, нападений акул и террористических атак — и недооценивают вероятность опасностей, о которых никто не пишет, вроде ударов током, падений и утоплений¹¹. Рассуждая об интенсивности убийств в разные века, любой, не владеющий цифрами, склонен переоценивать те конфликты, которые ближе к нему во времени, лучше изучены или о которых чаще говорят. Исследуя историческую память, я попросил сотню пользователей интернета назвать за пять минут как можно больше известных им войн. Чаще всего в ответах фигурировали две мировые войны, войны, в которых участвовали США и недавние войны. Хотя больше всего войн, как мы увидим, случилось в более отдаленном прошлом, люди лучше *помнят* те, что велись недавно.

Делая поправку на эвристику доступности и резкий рост населения Земли в XX в., углубляясь в

исторические книги и масштабируя уровень смертей в соответствии с числом жителей в конкретный период, мы обнаруживаем огромное количество войн и кровопролитий, которые могут дать фору чудовищным преступлениям XX столетия. Таблица ниже воспроизводит список, составленный Мэттью Уайтом и озаглавленный «Двадцать (или около того) наихудших (вероятно) вещей, которые люди устраивали друг другу»¹². Количество жертв здесь взято как мода^[52] или медианное значение чисел, приводимых в большинстве исторических работ и энциклопедий. Учитываются не только прямые военные потери, но и гибель гражданского населения от голода и болезней, значительно превышающая показатели боевых потерь, что верно и для давних, и для недавних событий. Я добавил колонку, в которой показано, каким было бы число жертв, если бы численность человечества в названный период была такой же, как в середине XX в., и еще одну, с соответственно уточненным рейтингом.

Прежде всего спрошу: о всех ли этих войнах вы слышали раньше? (Я — нет.) И еще — знаете ли вы, что Первой мировой войне предшествовали пять войн и четыре резни с бóльшим количеством жертв? Я подозреваю, что многие читатели с удивлением обнаружат, что из 21 самого (известного нам) смертоносного события, которые устраивали люди, 14 случились до XX столетия. И это если считать в абсолютных цифрах. Если же считать в процентах к размеру популяции, то лишь одна из катастроф XX в. попадает в первую десятку. Самым же смертоносным катаклизмом всех времен и народов был мятеж Ань Лушаня вместе с последовавшей за ним восьмилетней гражданской войной, случившиеся в Китае во времена династии Тан. Согласно переписи населения, тогда

погибло две трети жителей Китая — шестая часть населения Земли¹³.

Конечно, не все цифры можно принимать на веру. Одни необъективны и возлагают вину за все смерти от голода или эпидемий на одну какую-нибудь войну, восстание или тиранию. А другие дошли до нас из культур, незнакомых с современными техниками вычисления и ведения записей. В то же время повествовательная история подтверждает, что ранние цивилизации умели убивать с размахом. Технологическая отсталость им не мешала, да мы и сами знаем на примере Руанды и Камбоджи, что огромное количество людей можно убить с помощью таких примитивных средств, как мачете и голод. К тому же в отдаленном прошлом средства убийства не были такими уж отсталыми, поскольку во все века в производстве оружия применяются самые передовые технологии своего времени. Военный историк Джон Киган отмечает, что в середине II тысячелетия до н.э. армии кочевников заливали кровью подвергшиеся их нападению цивилизации с помощью новой техники — колесниц. «Описывая круги на расстоянии 100 или 200 ярдов от толпы не защищенных доспехами пеших воинов, экипаж колесницы — один управляет, другой стреляет — мог убивать по шесть человек в минуту. За десять минут десять колесниц были способны уничтожить 500 человек и больше — число, для маленьких армий того времени сравнимое с военными потерями в битве на Сомме»¹⁴.

Рейтинг	Причина	Век	Число погибших	Число погибших в масштабе популяции XX в.	Уточненный рейтинг
1	Вторая мировая война	XX	55 000 000	55 000 000	9
2	Мао Цзэдун (в основном спровоцированный властями голод)	XX	40 000 000	40 000 000	11
3	Завоевания монголов	XIII	40 000 000	278 000 000	2
4	Восстание Ань Лушаня	VIII	36 000 000	429 000 000	1
5	Падение династии Мин	XVII	25 000 000	112 000 000	4
6	Восстание тайпинов	XIX	20 000 000	40 000 000	10
7	Уничтожение американских индейцев	XV–XIX	20 000 000	92 000 000	7
8	Иосиф Сталин	XX	20 000 000	20 000 000	15
9	Торговля рабами на Ближнем Востоке	VII–XIX	19 000 000	132 000 000	3
10	Трансатлантическая работорговля	XV–XIX	18 000 000	83 000 000	8

Окончание таблицы

Рейтинг	Причина	Век	Число погибших	Число погибших в масштабе популяции XX в.	Уточненный рейтинг
11	Тамерлан	XIV–XV	17 000 000	100 000 000	6
12	Британская Индия (в основном предотвратимый голод)	XIX	17 000 000	35 000 000	12
13	Первая мировая война	XX	15 000 000	15 000 000	16
14	Гражданская война в России	XX	9 000 000	9 000 000	20
15	Падение Римской империи	III–V	8 000 000	105 000 000	5
16	Свободное государство Конго	XIX–XX	8 000 000	12 000 000	18
17	Тридцатилетняя война	XVII	7 000 000	32 000 000	13
18	Смутное время в России	XVI–XVII	5 000 000	23 000 000	14
19	Наполеоновские войны	XIX	4 000 000	11 000 000	19
20	Гражданская война в Китае	XX	3 000 000	3 000 000	21
21	Религиозные войны во Франции	XVI	3 000 000	14 000 000	17

Степные кочевые орды — скифы, гунны, монголы, тюрки, мадьяры, татары, моголы[53] и маньчжуры — тоже работали над эффективностью убийств. На протяжении 2000 лет кочевники использовали искусно сделанные композитные луки (склеенные из трех слоев дерева и кости и обмотанные сухожилиями), что увеличивало количество жертв вторжений и набегов до колоссальных цифр. Эти племена несут ответственность за номера 3, 5, 11 и 15 в приведенном выше списке: все четыре номера попали в первую шестерку по числу жертв, вычисленных в соответствии с размером популяции.

Вторжение монголов на земли мусульман в XIII в. вылилось в гибель 1,3 млн человек только в городе Мерв и еще 800 000 в Багдаде. Исследователь монголов — английский историк Дж. Дж. Саундерс — пишет:

Есть что-то неопишимо отвратительное в холодной жестокости, с которой монголы расправлялись со своими жертвами. Обитателей захваченных городов собирали на открытом месте за стенами, и каждому вооруженному боевым топором монгольскому воину приказывали убить определенное число людей — 10, 20 или 50. Как доказательство того, что поручение было исполнено на совесть, солдаты иногда должны были отрезать по уху у каждого убитого, собирать их в мешки и относить своему командующему для подсчета. Через несколько дней после бойни войска возвращались в разоренный город в поисках случайно выживших, прятавшихся в щелях и подвалах. Их выискивали и убивали¹⁵.

Первый великий хан монголов Чингисхан оставил такое наблюдение о жизненных удовольствиях: «Величайшее счастье мужчины — побеждать своих врагов, гнать их перед собой, седлать их лошадей, лишать врагов богатства, видеть, как их любимые заливаются слезами, сжимать в объятиях их жен и дочерей»¹⁶. Современные генетики доказали, что это было не пустое бахвальство: 8% мужчин, живущих сегодня на территориях бывшей Монгольской империи, имеют общую Y-хромосому, появившуюся во времена Чингисхана, — по всей вероятности, они являются прямыми потомками великого хана и его сыновей, а также огромного количества женщин, которых те «сжимали в своих объятиях»¹⁷. Победы Чингисхана установили высокую планку, но Тамерлан, тюркский полководец, стремившийся восстановить империю монголов, превзошел достижения ее основателя. В каждом походе на западноазиатские города он убивал пленных десятками тысяч, возводя минареты из черепов. Один

сирийский очевидец насчитал 28 башен по 1500 голов в каждой¹⁸.

«Список наихудших вещей» также опровергает общепринятое мнение, что XX столетие, по сравнению с мирным XIX в., характеризовалось резким ростом организованного насилия. Во-первых, чтобы показать этот рост, нужно сильно проредить данные за XIX в., выкинув крайне разрушительные Наполеоновские войны в его начале. Во-вторых, временное затишье после Наполеоновских войн наступило только в Европе. В остальных регионах гемоклизмов было достаточно: восстание тайпинов в Китае (религиозный мятеж, который, похоже, был самой ужасной гражданской войной в истории), африканская работорговля, колониальные войны в Азии, Африке и на юге Тихоокеанского региона и два кровопролития, которые даже не попали в список: Гражданская война в Америке (650 000 смертей) и царствование Чаки — «зулусского Гитлера», который в своих завоевательных походах с 1816 по 1827 г. убил от 1 до 2 млн жителей Южной Африки. Не забыл ли я какой-нибудь континент? Ах да, Южная Америка. Среди множества тамошних войн — война Тройственного альянса, унесшая жизни 400 000 человек. Один только Парагвай потерял тогда больше 60% населения, что в относительных цифрах делает ее самой разрушительной войной Нового времени.

Исключения, конечно, не определяют тренд. До наступления XX в. на Земле случилось больше масштабных войн и военных конфликтов, но ведь и веков до него прошло больше. На рис. 5–3 список Уайта расширен с 21 до 100 событий, масштабированных относительно размеров мировой

популяции, Мы видим на нем, как распределены войны в период с 500 г. до н.э. по 2000 г. н.э.

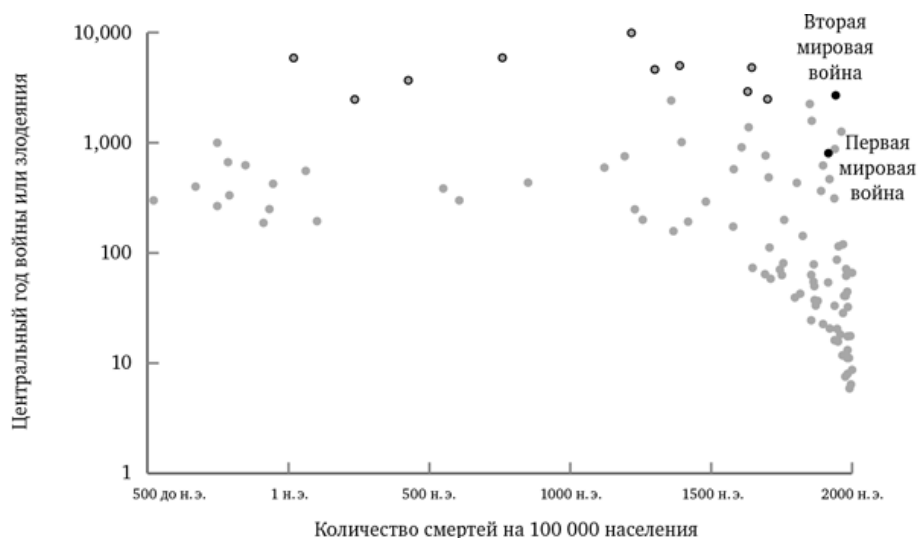

РИС. 5-3. 100 самых смертоносных войн и злодеяний в истории

Источник: данные Уайта, приведенные к численности населения Земли McEvedy & Jones, 1978, в центральной точке диапазона. Оценки не ранжировались по длительности войны. Обведенные точки означают события, уровень потерь в которых выше, чем в мировых войнах XX в. (слева направо): правление династии Синь, Троецарствие, падение Римской империи, восстание Лушаня, походы Чингисхана, работорговля на Ближнем Востоке, походы Тамерлана, трансатлантическая работорговля, падение династии Мин и покорение обеих Америк

Бросаются в глаза две закономерности. Во-первых, самые страшные войны и злодеяния, погубившие больше 10% населения Земли, довольно равномерно распределены на протяжении 2500 лет истории. Во-вторых, в годы, близкие к нашему времени, облако данных смещается вправо и вниз — к все более мелким конфликтам. Как можно объяснить это сужение? Вряд ли наши далекие предки воздерживались от малых кровопролитий, предаваясь только большим. Уайт предлагает более вероятное объяснение:

Может быть, таким колоссальным числом убитых в последние 200 лет мы обязаны лишь тому, что этот период лучше документирован. Я много лет изучаю документы и уже давно не наткнулся на случившееся в XX в. новое, ранее не освещенное массовое убийство. В то же время, открывая старый фолиант, я почти каждый раз нахожу еще сто тысяч позабытых жертв, убитых где-то в далеком прошлом. Возможно, некогда летописец и зафиксировал это событие и число смертей, но все поблекло за давностью лет. Может, кто-то из современных историков и возвращался к нему, но игнорировал число жертв, поскольку оно

не согласуется с его представлением о прошлом. Люди не верят, что можно было убить столько народу, не имея газовых камер и автоматов, так что отменяют свидетельства обратного как ненадежные¹⁹.

И конечно, на каждое злодеяние, описанное летописцами, а затем проигнорированное или незамеченное, должно приходиться множество других, о которых просто не сохранилось письменных свидетельств.

Неумение компенсировать эту историческую близорукость может даже ученых привести к неверным заключениям. Математик Уильям Экхардт составил список войн прошлого с 3000 г. до н.э. и построил график количества жертв на временной прямой²⁰. График демонстрирует увеличение кровопролитности войн на протяжении пяти тысячелетий: в XVI в. она начинает расти быстрее, в XX в. делает резкий скачок²¹. Но этот похожий на хоккейную клюшку график почти наверняка иллюзорен. Как заметил Джеймс Пейн, любое исследование, которое берется без поправки на историческую близорукость доказать рост кровопролитности войн, доказывает лишь то, что «агентство Associated Press — более полный источник информации о военных конфликтах, чем монахи XVI века»²². Пейн показал, что эта проблема реальна, изучив один из источников, которыми пользовался Экхардт, — монументальный труд Куинси Райта «Исследование войны» (A Study of War), содержащий список войн за период с 1400 по 1940 г. Райту удалось с точностью до месяца определить начало и конец 99% войн, имевших место между 1875 и 1940 гг., и только 13% войн, которые велись между 1480 и 1650 гг. Это верный знак, что записи о далеком прошлом гораздо

менее полны, чем те, которые касаются лет не столь отдаленных²³.

Историк и политолог Рейн Таагепера измерил историческую близорукость другим способом. Он взял исторический альманах и прошелся по его страницам с линейкой, измеряя количество дюймов текста, посвященного каждому из столетий²⁴. Разница была столь велика, что ему пришлось разместить данные на логарифмической шкале (на которой убывание в геометрической прогрессии выглядит прямой линией). Его график, воспроизведенный на рис. 5–4, показывает, что по мере продвижения в прошлое историческое освещение событий убывает экспоненциально на протяжении двух с половиной столетий; затем экспоненциальное убывание, хоть и не столь резкое, растягивается на три предыдущих тысячелетия.

Если бы дело касалось лишь нескольких мелких войн, ускользнувших от внимания древних летописцев, можно было бы не волноваться о занижении числа жертв, ведь большими потерями мы обязаны большим войнам, а их трудно не заметить. Но такой неполный учет может исказить не только точность наших расчетов, но и наше восприятие в целом. Киган пишет о так называемом горизонте войны²⁵. Ниже его находятся набеги, нападения, стычки, борьба за территорию, междоусобицы и налеты, которые историки отмечают в сторону как «примитивные» вооруженные конфликты. Выше горизонта — организованные завоевательные кампании и оккупационные войны, в том числе развертывающиеся по канонам военного искусства — именно их разыгрывают реконструкторы, нарядившись в костюмы или расставляя на карте

оловянных солдатиков. Вспомните «локальные войны» XIV в., описанные Такман, — те, что рыцари вели с осатанелой свирепостью, применяя единственную стратегию — уничтожить как можно больше чужих крестьян. Многие из этих зверств никогда не назывались «война такого-то и такого-то», о них не писали в исторических хрониках. И недоучет конфликтов, расположенных ниже горизонта войны, теоретически может сильно повлиять на подсчет жертв исторического периода в целом. Если в анархических феодальных обществах, на отдаленных рубежах и племенных территориях ранних эпох ниже горизонта войны оказывается больше конфликтов, чем в столкновениях левиафанов более поздних времен, тогда ранние периоды будут казаться нам менее жестокими, чем они были на самом деле.

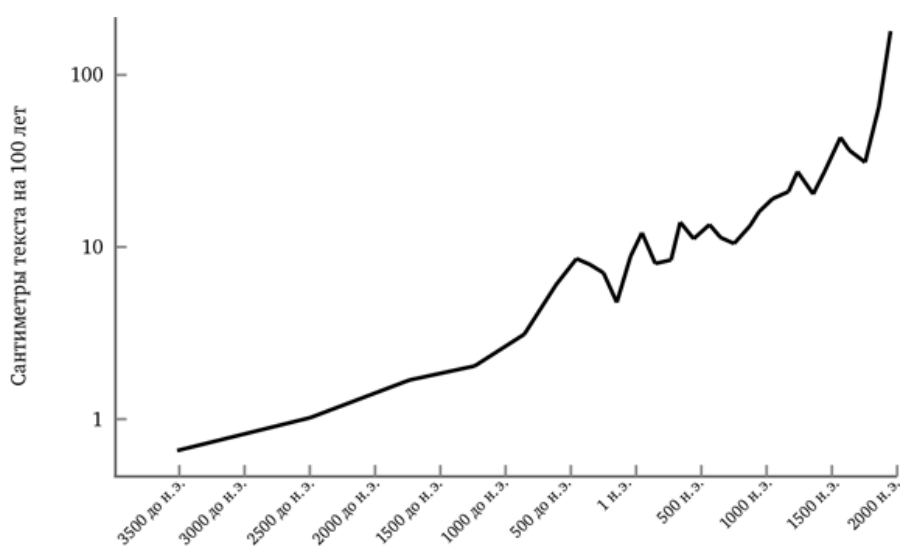

РИС. 5-4. Историческая близорукость: сантиметры текста, приходящиеся на конкретное столетие в историческом альманахе

Источник: Taagepera & Colby, 1979, p. 911

Так что, когда вводишь поправку на размер популяции, эвристику доступности и историческую близорукость, становится вовсе не так очевидно, что XX в. был самым кровопролитным в истории. Избавиться от этой догмы — значит сделать первый шаг к пониманию исторической динамики войн.

Следующий шаг — сосредоточиться на распределении войн во времени: там нас ждет еще больше сюрпризов.

СТАТИСТИКА КРОВОПРОЛИТНЫХ КОНФЛИКТОВ, ЧАСТЬ 1: ДАТИРОВКА ВОЙН

Льюис Ричардсон писал, что его стремление проанализировать состояние мира при помощи цифр выросло из двух личных убеждений. Будучи квакером, он верил, что «моральное зло войны перевешивает ее моральную пользу, несмотря на то что последняя больше на виду»²⁶. Будучи ученым, он думал, что в наших рассуждениях о войне много морализаторства, но мало знаний. «Праведное негодование настолько легко и удобно, что отвращает от изучения противоречащих ему фактов. Если же читатель возразит, что я отказался от этики ради ложной доктрины ‘*Tout comprendre c’est tout pardonner*’ (“Понять — значит простить”), я отвечу, что это только временная пауза в вынесении моральных оценок, сделанная потому, что ‘*Beaucoup condamner c’est peu comprendre*’ (“Много осуждать — значит мало понимать”)²⁷.

После тщательного изучения справочных и исторических материалов, относящихся к различным регионам мира, Ричардсон свел воедино данные по 315 «конфликтам со смертельным исходом», закончившимся между 1820 и 1952 гг. Он столкнулся с несколькими обескураживающими проблемами. Первая — что историческая наука, как правило, небрежна в отношении цифр. Вторая — что не всегда понятно, как считать войны, поскольку они то распадаются на несколько отдельных, то сливаются,

то затухают, то возобновляются. Вторая мировая — это одна война или две разных: в Европе и в Тихоокеанском регионе? Если это одна война, должны ли мы отнести ее начало к 1937 г., когда Япония начала массированное наступление в Китае, или даже к 1931-му, когда она вторглась в Маньчжурию, а не к общепринятому 1939-му? «Концепция войны как дискретного явления не вписывается в реальность, — заметил Ричардсон. — Ее объектность распадается»²⁸.

Распадение единых объектов знакомо физикам, и Ричардсон применил здесь два метода математической оценки. Вместо того чтобы искать неуловимое «точное определение» войны, он отдал предпочтение среднему над частным и в каждом неясном случае отдельно решал, считать ли войну одной или несколькими, систематически меняя подход (то объединяя войны, то разделяя их) и считая, что ошибки в конечном итоге нивелируют друг друга. Тот же самый принцип лежит в основе правила округления десятичных дробей до ближайшего целого числа: в половине случаев округление будет увеличивать число, в половине — уменьшать. И, заимствовав метод из астрономии, Ричардсон приписал каждому конфликту магнитуду (кровопролитность), а точнее — десятичный логарифм (по сути, число нулей) количества погибших. На логарифмической шкале конкретная степень погрешности измерений заметна не так, как на линейной. Например, неопределенность — 100 000 или 200 000 человек убила конкретная война — сводится к разнице в магнитуде всего лишь 5 против 5,3. Ричардсон рассортировал магнитуды по логарифмическим ячейкам: от 2,5 до 3,5 (от 316 до 3162 смертей), от 3,5 до 4, 5 (от 3163 до 31 622) и так далее. Еще одно достоинство логарифмической

шкалы: она помогает одновременно визуализировать конфликты разного масштаба — от вооруженных разборок до мировых войн.

Ричардсону также пришлось решать, какие конфликты учитывать, какие смерти считать и как далеко заходить. Считая критерием добавления исторического события в базу данных «злой умысел», он учитывал войны всех форм и масштабов, а также мятежи, восстания, кровопролитные бунты и геноцид. Все это Ричардсон называл «кровопролитными конфликтами», не вдаваясь в споры о том, что может называться войной, а что — нет. Магнитуда учитывает солдат, павших на поле боя и умерших из-за болезней и тяжелых условий, а также гражданских, убитых намеренно или случайно. Смерти мирного населения от болезней и тяжелых условий Ричардсон не учитывал, поскольку их можно скорее отнести на счет преступного бездействия, чем злого умысла.

Ричардсон сетовал на важный разрыв в исторических записях: уособицы, налеты и столкновения, в которых погибли от 4 до 315 человек (магнитуда 0,5–2,5), слишком масштабны для криминологов, но слишком мелки, чтобы привлечь внимание историков. Приводя пример столкновений, находящихся ниже горизонта войны, он цитирует Реджинальда Коупленда, писавшего об истории восточноафриканской работорговли:

Главным источником снабжения рабами были организованные набеги на избранные территории, постепенно продвигавшиеся вглубь континента по мере истощения участков. Арабы могли совершать набеги самостоятельно, но обычно они предпочитали подстрекать вождей племен к нападению на соседей. А чтобы обеспечить победу, одалживали им собственных вооруженных рабов и ружья. Результатом, конечно, был рост межплеменных столкновений до тех пор, «пока всю страну не объяло пламя».

Как классифицировать эту омерзительную практику? Была ли это одна длительная война между арабами и неграми, длившаяся

2000 лет и окончившаяся в 1880 году? Если так, то она стала причиной самого большого количества смертей за всю историю войн. Однако, судя по описанию Коупленда, кажется более целесообразным расценивать охоту за рабами как длительную серию небольших фатальных конфликтов между арабскими караванами и негритянскими племенами или деревнями с магнитудой 1, 2 или 3. Точная статистика недоступна²⁹.

Она недоступна и для 80 латиноамериканских революций, 556 крестьянских бунтов в России и 477 конфликтов в Китае. Ричардсон знал о них, но включить в свои подсчеты не смог³⁰.

Тем не менее Ричардсону удалось зафиксировать шкалу на уровне магнитуды 0, добавив статистику убийств, которые можно считать конфликтом с числом жертв 1 (так как $10^0 = 1$). А на аргумент Порции из шекспировского «Венецианского купца», что не следует путать убийство с войной, убийство — отвратительное преступление из корысти, а война — дело геройства и патриотизма, он отвечает: «И то и другое — смертоносные конфликты. Неужели вас никогда не ставил в тупик вопрос, почему убийство одного — зло, а десяти тысяч — славное деяние?»³¹

Затем Ричардсон проанализировал 315 конфликтов (не обладая компьютером), чтобы представить общую картину человеческого насилия, и проверил несколько гипотез, предложенных историками и его собственными предубеждениями³². Большинство из них не выдержали столкновения с фактами. Общий язык враждующих группировок (вопреки «надежде», давшей имя языку эсперанто) не снижает вероятности того, что они вступят в войну, — вспомним о большинстве гражданских войн или о войнах между странами Южной Америки в XIX в. Экономические показатели тоже плохая основа для прогнозов: например, не происходит никаких систематических нападений богатых стран на бедные и наоборот.

Войнам, как правило, не предшествует гонка вооружений.

Но кое-какие обобщения подтвердились. Устойчивые правительства подавляют назревающие конфликты: народ по одну сторону национальной границы с меньшей вероятностью вступит в гражданскую войну, чем в межгосударственную с людьми по другую сторону границы. Чаще в войну вступают соседние страны, но большие державы воюют со всеми подряд, поскольку империи, расширяясь, превращают в своих соседей почти всех. Общества, исповедующие воинственные идеологии, ввязываются в войны чаще других.

Но самые убедительные открытия Ричардсона касались статистических паттернов войн. Три сделанных им вывода надежны, глубоки и очень недооценены. Чтобы понять их, нам придется углубиться в парадоксы теории вероятности.

Представьте, что вы живете в месте, куда с одинаковой вероятностью на протяжении всего года может ударить молния. Предположим, что удары молний случайны: вероятность удара каждый день одинакова, и в среднем молния бьет один раз в месяц. Сегодня, в понедельник, в ваш дом попала молния. В какой из дней вероятность попадания *следующей* молнии в ваш дом будет наиболее высокой?

Ответ: завтра, во вторник. Вероятность, конечно, не очень велика; примерно 0,03 (одна молния в месяц). Теперь подумайте о том, каковы шансы, что молния ударит послезавтра, в среду. Чтобы это случилось, должны быть выполнены два условия. Во-первых, молния должна ударить в среду, вероятность

чего равна 0,03. Во-вторых, молния *не должна ударить* во вторник, иначе днем следующего удара станет вторник, а не среда. Следовательно, чтобы вычислить вероятность удара молнии в среду, нужно умножить вероятность, что молния не ударит во вторник (0,97 или $1-0,03$), на вероятность, что молния ударит в среду (0,3), что равно 0,0291, а это чуть меньше, чем вероятность удара во вторник. Как насчет следующего четверга? Чтобы молния ударила в четверг, она не должна ударить ни во вторник (0,97), ни в среду (0,97), но должна ударить в четверг, так что шансы равны $0,97 \times 0,97 \times 0,03 = 0,0282$. Вероятность удара в пятницу будет равна $0,97 \times 0,97 \times 0,97 \times 0,03 = 0,0274$. С каждым днем вероятность понижается (0,03 ... 0,0291... 0,0282... 0,0274), потому что для того, чтобы конкретный день стал тем самым днем, когда ударит молния, необходимо, чтобы она не ударила ни в один из предыдущих дней, и чем этих дней больше, тем меньше шансы, что серия продолжится. Точнее, вероятность этого снижается экспоненциально, с ускорением. Вероятность же того, что следующая молния ударит через 30 дней, равна $0,97^{29} \times 0,03$, то есть чуть больше 1%.

Почти никто не в состоянии понять это правильно. Я провел интернет-опрос сотни пользователей, выделив курсивом слово «*следующий*», так что не заметить его было невозможно. Шестьдесят семь человек решили, что «каждый день имеет равные шансы». Но этот ответ, хоть и кажется интуитивно верным, ошибочен. Если каждый день может оказаться тем самым днем, тогда вероятность, что молния ударит через 1000 лет, будет равна вероятности, что молния ударит через месяц. Это означало бы, что у дома равные шансы как тысячу лет простоять, не пострадав от молнии, так и пострадать

от нее в следующем месяце. Из оставшихся респондентов 19 подумали, что самая высокая вероятность наступит через месяц. И только пятеро из 100 ответили правильно: завтра.

Удары молний — это пример того, что статистики называют процессом (или потоком) Пуассона, названным в честь математика и физика XIX в. Симеона Дени Пуассона. В процессе Пуассона события возникают постоянно, случайно и независимо друг от друга. В каждый момент времени владыка небес Юпитер кидает кости, и, если выпадает двойка, он мечет стрелу молнии. В следующий момент он кидает кости вновь, абсолютно забыв, что случилось мгновение назад. По причинам, о которых мы сейчас узнали, в процессе Пуассона интервалы между событиями распределены экспоненциально: существует много небольших интервалов, а с увеличением их длительности интервалов становится все меньше. Из этого следует, что события, которые возникают случайным образом, скорее всего, будут «группироваться», собираться в кластеры, ведь чтобы распределить их во времени с равными интервалами, нужен *неслучайный* процесс.

Человеческому уму очень сложно осознать этот закон теории вероятности. Студентом я работал в лаборатории слухового восприятия. В одном эксперименте испытуемый, услышав сигнал, должен был немедленно нажать кнопку. Сигналы поступали случайным образом, в соответствии с процессом Пуассона. Испытуемые, такие же студенты, как я, знали это, но, как только эксперимент начинался, они выбегали из кабинки, чтобы сообщить: «Ваш генератор случайных событий сломался. Сигналы идут группами. Они звучат как бип-бип-бип-бип-бип...

Бип... бип-бип... бипи-ти бипи-ти бип-бип-бип». Они не осознавали, что случайность звучит именно так.

Эта когнитивная иллюзия впервые была замечена в 1968 г. математиком Уильямом Феллером в его классической работе по теории вероятности: «Для нетренированного глаза случайность выглядит как упорядоченность или тенденция к кластеризации»³³. Вот несколько иллюстраций иллюзии кластеризации.

Лондонский блиц. Феллер вспоминает, как во время Второй мировой войны лондонцы заметили, что некоторые городские районы чаще других подвергаются бомбардировке немецкими ракетами Фау-2, а в какие-то ракеты не попадают вовсе. Лондонцы решили, что ракеты в определенные районы направляются намеренно. Но когда статистики разделили город на маленькие квадраты и подсчитали попадания, они выяснили, что те подчиняются распределению Пуассона, другими словами, ракеты падали случайным образом. Этот эпизод описан в романе Томаса Пинчона «Радуга земного тяготения» (*Gravity's Rainbow*, 1973), герой которого, статистик Роджер Мексико, верно предсказал распределение бомбовых ударов, хотя и не точное место, куда упадут бомбы. Мексико приходилось отрицать, что он ясновидящий, и отказывать отчаянным требованиям посоветовать, где лучше спрятаться.

Ошибка игрока. Многие азартные люди лишились состояния из-за ошибки игрока — уверенности, что после ряда одинаковых исходов в игре, основанной на случайности (красное на колесе рулетки, семь очков, выпавшие при игре в кости), следующий поворот колеса или бросок костей должен дать другой результат. Тверски и Канеман показали, что люди

думают, будто естественная последовательность исходов подбрасывания монетки (к примеру, ООРРОРОООО) подстроена, потому что здесь орел выпадает чаще, чем считает это возможным их интуиция, и они убеждены, что только последовательности, где нет множества последовательных выпадений (ОРОРРОРООР) — честные³⁴.

Парадокс дней рождения. Многие удивляются, узнав, что если в комнате находится как минимум 23 человека, то вероятность, что у двух из них совпадет дата дня рождения, превышает 50%. Если же их 57, то вероятность повышается до 99%. В этом случае кажется, что мнимые кластеры размещаются в календаре. Существует ограниченное количество дат, на которые может выпасть день рождения (365), так что несколько дней рождения, распределенных по году, должны выпасть на один и тот же день, если только какая-то мистическая сила не попытается разделить их.

Созвездия. Мой любимый пример нашел биолог Стивен Гулд при посещении известных пещер светлячков в Вайтомо в Новой Зеландии³⁵. Темные своды гротов, усеянные крошечными светящимися насекомыми, напоминают планетарий с одной разницей: на них вы не видите созвездий. Гулд догадался о причине. Личинки светлячков прожорливы и поедают все, до чего смогут дотянуться, поэтому каждая старается держаться на некотором расстоянии от своих соседей. В результате они распределены по потолку более равномерно, чем звезды, с нашей точки зрения рассыпанные по небу без всякой системы. При этом именно звезды кажутся нам объединенными в созвездия, принимающие

форму Овна, Тельца, Близнецов и так далее, и тысячелетиями даруют знамения нашему мозгу, жаждущему во всем видеть паттерны. Коллега Гулда физик Эд Парселл подтвердил эту догадку, запрограммировав компьютер на создание двух случайных наборов точек. Виртуальные звезды были разбросаны по странице без всяких предварительных условий, виртуальным светлячкам были выделены случайные небольшие участки вокруг каждого, и другие светлячки претендовать на них не могли. Результат показан на рис. 5–5; вы наверняка догадаетесь, где звезды, а где светлячки. В левом наборе точек глаз выделяет скопления, цепочки, пустоты и нити (или — в зависимости от образов, занимающих ваш ум, — животных, обнаженные тела или лик Девы Марии). Левый набор — это множество, распределенное случайно, как звезды. Набор справа только кажется случайным — это множество, точки которого были специальным образом обособлены, как светлячки.

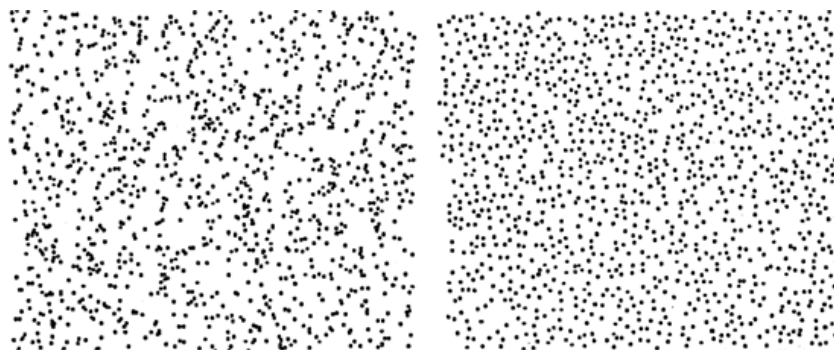

РИС. 5–5. Случайный и неслучайный паттерны

Источники: изображения, сгенерированные Эдом Парселлом; воспроизведено по Gould, 1991, pp. 266–67

Данные Ричардсона. Мой последний пример предложен еще одним физиком, нашим старым знакомым Льюисом Фраем Ричардсоном. Эти данные касаются феномена, возникающего естественным образом. Сегменты, изображенные на рис. 5–6, символизируют события различной длительности;

время отложено по оси X, магнитуда — по оси Y. Ричардсон показал, что эти события подчиняются процессу (он же поток событий) Пуассона: они начинаются и заканчиваются случайно. Глаз может усмотреть здесь паттерны, например пустоту вверху слева и несколько отдельных сегментов вверху справа. Но вы уже знаете, что подобным миражам доверять нельзя. И Ричардсон доказал, что статистически значимых закономерностей в распределении магнитуд нет. Просто закройте исключения большим пальцем — и получите полное впечатление случайности.

Вы, возможно, догадались, что за данные представлены на диаграмме. Каждый отдельный сегмент — это война. На горизонтальной оси отмечены четверти столетий от 1800 до 1950 г. На вертикальной — магнитуда войны, измеренная как десятичный логарифм количества погибших, от двойки внизу (100 смертей) до восьмерки вверху (100 млн смертей). А два сегмента вверху справа представляют Первую и Вторую мировые войны.

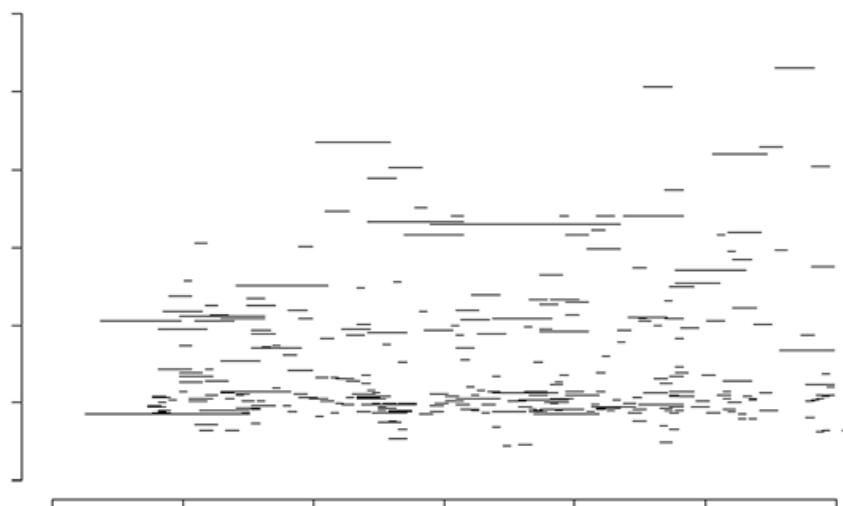

РИС. 5–6. Данные Ричардсона

Источник: график из Hayes, 2002, на основании данных из Richardson, 1960

Главное, что выяснил Ричардсон о хронологии войн, — они разражаются случайным образом. В каждый момент времени бог войны Марс кидает кости и, если выпадает двойка, заставляет парочку стран воевать. В следующий момент он вновь бросает кости, не запоминая, что случилось мгновение назад. И это заставляет интервалы между войнами распределяться экспоненциально: много коротких и меньше длинных.

Пуассоновская природа войн отрицает исторический нарратив, который видит созвездия в иллюзорных кластерах. А заодно опровергает теории, выделяющие в истории человечества великие закономерности, циклы и диалектику. Катастрофический конфликт не заставляет мир почувствовать усталость от войн и не обеспечивает ему мирную передышку. Образ пары забияк, которые чихают на планету и заражают ее инфекционной болезнью войны, также не выдерживает критики. Да и мирное состояние не порождает желание войны, как нестерпимое вожделение, которое рано или поздно должно разрядиться внезапным бурным спазмом. Нет, Марс просто продолжает кидать кости. При жизни Ричардсона и позже были скомпонованы еще полдесятка наборов данных о войнах, и все они подтверждают тот же вывод³⁶.

Ричардсон обнаружил, что не только моменты начала войн распределены во времени случайно, — то же самое касается и их окончания. Пакс, богиня мира, также ежесекундно бросает кости — и если выпадает пара шестерок, противники складывают оружие. Ричардсон обнаружил, что когда начинается малая война (магнитуда 3), то в каждый последующий год вероятность, что она закончится, слегка ниже среднего значения (0,43). А значит, большинство войн

длится чуть больше двух лет, верно? Если вы согласно кивнули, значит, слушали невнимательно! Если вероятность окончания каждый год одинакова, война с наибольшей вероятностью закончится через год, с чуть меньшей — через два, еще чуть меньше вероятность, что она продлится три года, и так далее. То же самое верно и для войн с большей магнитудой (4–7), которые с вероятностью 0,235 закончатся до истечения каждого последующего года. Длительность войн распределена экспоненциально, и чаще всего случаются самые короткие войны³⁷. Следовательно, дело не в том, что воюющие страны должны «дать выход агрессии», чтобы прийти в чувство, и не в том, что у войны есть «инерция», которая должна «исчерпать себя». Как только война началась, некая комбинация антивоенных сил — пацифизм, страх, поражение — подталкивают ее к окончанию³⁸.

Но если войны начинаются и заканчиваются случайно, бессмысленно даже пытаться изучать исторические закономерности войн, не так ли? Нет, не так. «Случайность» процессов Пуассона говорит о связи последовательных событий, а точнее, о том, что ее нет: генератор событий, как игральные кости, лишен памяти. Но никто не утверждает, что вероятность этих событий должна быть постоянной на протяжении длительных периодов времени. Марс может переключиться с разжигания войны после выпадения двойки к разжиганию ее после выпадения тройки, шестерки или семерки. Любой такой сдвиг со временем изменит вероятность войны, не изменив ее случайности: того факта, что начало одной войны не повышает и не понижает вероятности начала другой. Поток Пуассона с переменной вероятностью называется нестационарным. Значит, вероятность того, что с течением времени количество войн может

уменьшиться, существует. Это будет нестационарный поток Пуассона со снижающимся коэффициентом плотности.

С математической точки зрения война может одновременно быть потоком Пуассона и демонстрировать цикличность. Теоретически Марс может генерировать колебания, сначала раздувая войну по итогам 3% своих бросков, потом — по итогам 6%, а затем вновь возвращаясь к 3%. На деле непросто отличить циклы нестационарного потока событий Пуассона от ложных кластеров стационарного. Группа кластеров может обмануть нас, заставив думать, что вся система то растет, то убывает (как в так называемых бизнес-циклах, которые скорее представляют собой последовательность непредсказуемых скачков экономической активности, чем подлинный цикл с постоянным периодом). Существуют надежные статистические методы, с помощью которых можно проверить временные ряды на цикличность, но они релевантны, только если рассматриваемый промежуток времени гораздо больше периода искомого цикла, а иначе мы рискуем обнаружить множество мнимых циклов. Чтобы повысить достоверность выводов, неплохо бы иметь под рукой второй набор данных и повторить анализ на нем. Этим мы снизим вероятность самообмана и не примем за цикл случайные кластеры отдельной базы данных. Ричардсон проверил на цикличность войны с магнитудой 3, 4 и 5 (самые большие войны для этого слишком редки) и не нашел ровным счетом ничего. Другие аналитики исследовали цикличность войн на более длительных временных отрезках — в литературе можно найти описания циклов в 5, 15, 20, 24, 30, 50, 60, 120 и 200 лет. С таким количеством сомнительных

«циклов» благоразумнее считать, что войны в принципе не подвержены никакой цикличности, и именно к такому заключению пришли историки, исследующие войны математическими методами³⁹. Социолог Питирим Сорокин, еще один пионер статистического исследования войны, заключил: «История, по-видимому, не является ни столь монотонной и неизобретательной, как полагают сторонники строгой периодичности, «железных законов» и «всеобщих закономерностей», и не такой тупой и механистической, как двигатель, производящий одинаковое число оборотов в единицу времени».[54]⁴⁰.

Мог ли гемоклизм XX в. быть своего рода флуктуацией, случайностью? Сама эта мысль кажется чудовищным поруганием памяти жертв. Но статистика кровопролитных конфликтов не подразумевает таких максималистских выводов. На длительных промежутках времени случайности могут сопутствовать изменения вероятностей, и, конечно, вероятность каких-то событий в 1930-х гг. отличалась от таковой в другие десятилетия. Нацистская идеология, оправдавшая вторжение в Польшу, дабы увеличить жизненное пространство «высшей расы» — арийцев, была частью той же идеологии, что оправдывала уничтожение «низшей расы» — евреев. Воинствующий национализм был общей чертой политического климата Германии, Италии и Японии. Более того, в основе идеологий и нацизма, и коммунизма лежал утопизм Контрпросвещения. И даже если на длительных отрезках времени войны распределены случайно, иногда могут встречаться и исключения. К примеру, начало Первой мировой

войны предположительно увеличило вероятность войны, подобной Второй мировой.

Но статистический подход, и особенно осведомленность об ошибке кластеризации, предполагает, что мы склонны *преувеличивать* связность истории — склонны думать, что некое событие порождено историческими силами вроде циклов, пиков и траекторий столкновений. Но и с учетом всех этих вероятностей, для того чтобы разжечь войну с магнитудой 6 или 7, порой необходимо сочетание весьма случайных обстоятельств — таких, что, если бы у нас была возможность отмотать пленку истории назад и воспроизвести ее вновь, они могли бы и не повториться.

В 1999 г. Уайт, отвечая на «Вопрос года»: «Кто является самым важным человеком XX века?», выбрал Гаврилу Принципа. Кто такой Гаврило Принцип? Девятнадцатилетний сербский националист, убивший эрцгерцога Австро-Венгрии Франца-Фердинанда во время его визита в Боснию. На расстояние выстрела эрцгерцога привела череда ошибок и случайностей. Уайт объясняет свой выбор:

Вот человек, который в одиночку запустил цепную реакцию, приведшую к гибели 80 млн человек.

Как тебе такое, Альберт Эйнштейн?

Парой пуль этот террорист начал Первую мировую войну, уничтожившую четыре монархии и создавшую вакуум власти, заполненный в России коммунистами, в Германии — нацистами, которые потом столкнулись во Второй мировой войне...

Некоторые пытаются принизить значимость Принципа, утверждая, что война больших держав рано или поздно неизбежно случилась бы, учитывая международную напряженность тех времен. Я на это отвечаю, что она была не более неизбежна, чем, скажем, война между силами НАТО и странами Варшавского договора. В отсутствие этой искры войны великих держав можно было бы избежать, и не было бы ни Ленина, ни Гитлера, ни Эйзенхауэра⁴¹.

Историки, изучающие исторические альтернативы, например Ричард Нед Лебоу, выдвинули похожие аргументы⁴². Касательно Второй мировой британский историк Фрэнсис Гарри Хинсли писал: «Историки с полным на то правом почти единодушно уверены, что... причинами Второй мировой были личность и цели Адольфа Гитлера». Киган соглашается: «Только один европеец действительно хотел войны — Адольф Гитлер»⁴³. Политолог Джон Мюллер заключает:

Эти утверждения предполагают, что никакие движущие силы не толкали Европу к еще одной мировой войне, что исторические обстоятельства не делали это столкновение неизбежным и что большие европейские страны вовсе не двигались курсом, который должен был привести к войне. Другими словами, если бы Адольф Гитлер посвятил себя искусству, а не политике, если бы британские войска поддали газу в его окоп в 1918-м, если бы в него, а не в его соседа попала пуля во время Пивного путча 1923 г., если бы он не выжил в автомобильной аварии 1930-го, если бы Гинденбург не назначил его рейхсканцлером, если бы его каким-то образом лишили власти в любое время до сентября 1939-го (и даже, может быть, до мая 1940-го), величайшая европейская война, возможно, никогда не разразилась бы⁴⁴.

Так же, как и устроенный нацистами геноцид. Как мы увидим в следующей главе, большинство исследователей геноцида соглашаются с мыслью, вынесенной в заглавие эссе, написанного в 1984 г. социологом Милтоном Гиммельфарбом: «Не будь Гитлера, не было бы Холокоста»⁴⁵.

Вероятность — вопрос перспективы. С близкого расстояния мы видим конкретные причины отдельных событий. Можно предсказать даже то, как упадет монетка, если учесть начальные условия и законы физики, и опытный фокусник может выкинуть орла сколько угодно раз⁴⁶. Но если мы отодвигаемся на достаточное расстояние, в поле нашего зрения попадает огромное количество событий, и мы видим совокупность многих причин, которые иногда

нивелируют, а иногда усиливают друг друга. Физик и философ Анри Пуанкаре дал этому объяснение: в мире детерминизма мы замечаем работу случая, когда сумма множества мелких причин дает внушительный эффект либо когда одна мелкая причина, ускользнувшая от нашего внимания, порождает крупное событие, которое мы не можем не заметить⁴⁷. В случае организованного насилия некто хочет начать войну; он ждет подходящего момента, который может наступить (а может и нет); его враги решают или ввязаться в бой, или отступить; свистят пули; взрываются бомбы; погибают люди. Каждое отдельное событие можно объяснить законами нейробиологии, физики и психологии. Но в совокупности это множество причин, перемешавшись, может вызвать из небытия самые маловероятные события. Какие бы идеологические, политические и социальные течения ни поставили мир на грань катастрофы в первой половине XX в., нам ко всему прочему тогда еще и крупно не повезло.

А теперь к вопросу на миллион: вероятность возникновения войны со временем растет, уменьшается или не меняется? Ряд данных Ричардсона должен был бы показать рост. Он начинается сразу после Наполеоновских войн, что удаляет из временного ряда один из самых разрушительных периодов истории, а Вторую мировую — самую страшную войну в истории — напротив, захватывает. Ричардсон не дожил до эпохи Долгого мира последующих десятилетий, но он был достаточно проницательным математиком, чтобы утверждать, что такой мир статистически вероятен. Он изобрел изящные способы поиска

закономерностей на отрезках времени, которые не позволяют экстремальным событиям по краям ряда увести нас в сторону ошибочных выводов. Самым простым приемом было разделение войн по магнитудам и поиск закономерностей отдельно по каждой. Ни на одной из пяти ступеней (от 3 до 7) Ричардсон не нашел сколь-либо значимых трендов. Если он что и обнаружил, так это небольшой спад. «Есть предположение, — писал Ричардсон, — но не окончательное доказательство, что человечество начиная с 1820 г. стало чуть менее воинственным. Самые точные из доступных нам данных показывают небольшое уменьшение числа войн со временем... Но разница не настолько велика, чтобы отчетливо выделяться среди случайных изменений»⁴⁸. Это свидетельство готовности великого ученого отвергнуть случайные впечатления и общепринятые мнения и отдать приоритет фактам и рассудку написано во времена, когда еще не остыл пепел Европы и Азии.

И как мы увидим, анализ частоты войн во времени, проведенный на других наборах данных, указывает то же направление⁴⁹. Однако частота войн — это еще не все: магнитуда также важна. Можно понять тех, кто возражает Ричардсону, указывая, что его заявление об уменьшении воинственности человечества основано на выделении двух мировых войн в отдельный микрокласс, где статистика бесполезна. Но в другом своем исследовании он сосчитал все войны без разбору, не делая отличий между Второй мировой и скажем, боливийской революцией 1952 г., в которой погибло около тысячи человек. Сын Ричардсона обратил его внимание на тот факт, что если он разделит все войны на большие и малые, то, похоже, увидит две противоположные тенденции: количество

малых войн действительно уменьшается, в то время как частота больших, хоть их и гораздо меньше, все же в некоторой степени возрастает. Другими словами, между 1820 и 1953 гг. войны стали реже, но кровопролитнее. Ричардсон проверил предположение и обнаружил, что оно статистически значимо⁵⁰. И этот его вывод тоже был прозорлив: на других массивах данных показано, что до 1945 г. войны в Европе и войны между большими государствами в целом случались реже, но становились разрушительнее.

Так что это значит — более или же менее воинственным стало человечество? Простого ответа нет, поскольку «воинственность» (warlike) может означать разные понятия: и вероятность вступления страны в войну, и число погибших. Представьте два сельских округа с одинаковым количеством жителей. В одном живет сотня подростков-поджигателей, которым нравится устраивать пожары в лесу. Но леса там растут на изолированных друг от друга участках, поэтому каждый пожар гаснет, не нанеся значительного ущерба. Во втором округе живет всего два поджигателя и есть один громадный лес, так что даже маленькое пламя распространяется со скоростью, как говорится, лесного пожара. В каком округе проблема лесных пожаров острее? Тут нет однозначного ответа. Если нам важно количество преступных поползновений, дела хуже в первом округе, если важен риск серьезных разрушений — во втором. К тому же совсем не очевидно, что суммарный ущерб обязательно будет выше в том округе, где бушует один большой пожар. Чтобы разобраться, нам нужно от статистики частотности перейти к статистике размера.

СТАТИСТИКА КРОВОПРОЛИТНЫХ КОНФЛИКТОВ, ЧАСТЬ 2: МАГНИТУДА ВОЙНЫ

Ричардсон сделал еще одно важное открытие, касающееся статистики кровопролитных столкновений. Он подсчитал число конфликтов каждой магнитуды: сколько было тех, в которых погибли тысячи людей, тех, что унесли жизни десятков тысяч, сотен тысяч, и так далее. Не слишком удивительно, что малых войн обнаружилось много, а больших — всего несколько. Сюрпризом стала точность их соотношения. То, что обнаружил Ричардсон, сопоставив логарифм числа конфликтов каждой магнитуды с логарифмом числа погибших в них (что, собственно, и есть магнитуда), можно увидеть на рис. 5–7.

Представители точных наук, например физики, привыкли видеть данные, размещенные на идеальной прямой, — скажем, отношение объема газа к его температуре. Но никто и представить себе не мог, что так расположатся запутанные исторические данные. Эти цифры буквально выужены из бульона вооруженных конфликтов всех размеров (от величайших катаклизмов в истории человечества до переворотов в банановых республиках) и всех времен (от начала индустриальной революции до начала компьютерной эры). Просто челюсть отвисает при виде того, как эта смесь несвязанных данных укладывается в идеальную диагональ.

Если логарифм частоты величины пропорционален логарифму *размера* этой величины, так что на двойной логарифмической шкале соотношение между ними выглядит как прямая линия, это степенное распределение⁵¹. Названо оно

так потому, что, если убрать логарифмы и вернуться к первоначальным цифрам, вероятность появления величины будет пропорциональна размеру этой величины, возведенной в некоторую степень (что выражено направленной вниз линией бипологарифмического графика) плюс константа. В нашем случае степень равна $-1,5$, а значит, можно ожидать, что с каждым десятикратным скачком числа смертей в войне количество войн с подобным количеством жертв будет уменьшаться в три раза. Ричардсон нанес на свой график и убийства (конфликты с магнитудой 0), заметив, что качественно они следуют той же схеме: убийства гораздо, гораздо менее разрушительны, чем самые малые из войн, и гораздо, гораздо более распространены. Но наглядно видно, что одинокая точка убийств располагается на вертикальном луче намного выше, чем должна бы, если бы она была продолжением линии войн, то есть Ричардсон рисковал, утверждая, что все кровопролитные конфликты попадают в один непрерывный спектр. Ричардсон смело соединил точку убийств с линией войн плавной кривой, так что он мог представить их как не отраженные в исторических записях конфликты с единицами, десятками и сотнями погибших. Это как раз те стычки, которые оказываются ниже горизонта войны, проваливаясь в щель между криминологией и историей. Но пока давайте отвлечемся от убийств и мелких стычек и сосредоточимся на войнах.

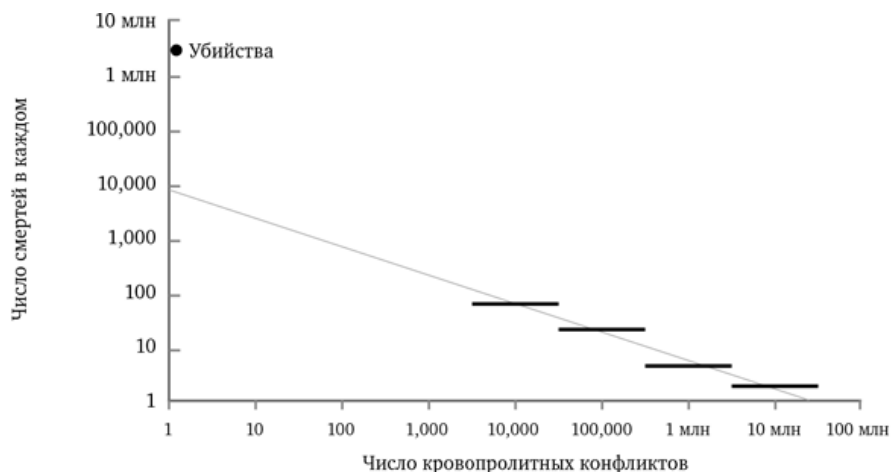

РИС. 5–7. Число кровопролитных конфликтов различной магнитуды, 1820–1952 гг.

Источник: Weiss, 1963, р. 103, на основе данных Richardson, 1960, р. 149. Группа 1820–1952 гг. относится к году окончания войны

Может, Ричардсону просто повезло с выборкой? Пятьдесят лет спустя политолог Ларс-Эрик Седерман графически отобразил более свежие цифры, взяв их из массива данных проекта «Корреляты войны». Данные касались 97 межгосударственных войн, случившихся между 1820 и 1997 гг. (см. рис. 5–8)⁵². Этот график в логарифмических координатах также превращается в прямую линию. (Седерман расположил данные несколько иначе, но для наших целей это не имеет значения.)⁵³

Степенные распределения привлекают особое внимание ученых по двум причинам⁵⁴. Во-первых, это распределение постоянно появляется в измерениях явлений, не имеющих между собой, на первый взгляд, ничего общего. Одно из первых степенных распределений было обнаружено в 1930-х гг. американским лингвистом Джорджем Кингсли Ципфом, изучавшим частотность слов английского языка⁵⁵. Если подсчитать частоту появления слов в большом корпусе текстов, найдется около десятка слов, которые появляются чрезвычайно часто — более чем в 1% словоупотреблений, в том числе *the* (7%), *be*

(4%), of (4%), and (3%) и a (2%)⁵⁶. Около 3000 слов появляются со средней частотой — примерно один раз на десять тысяч, например *confidence*, *junior* и *afraid*. Десятки тысяч слов появляются только один раз на миллион, среди них *embitter*, *memorialize* и *titular*. И частотность сотен тысяч других гораздо меньше одного на миллион, например *kankedort*, *apotropaic* и *deliquesce*.

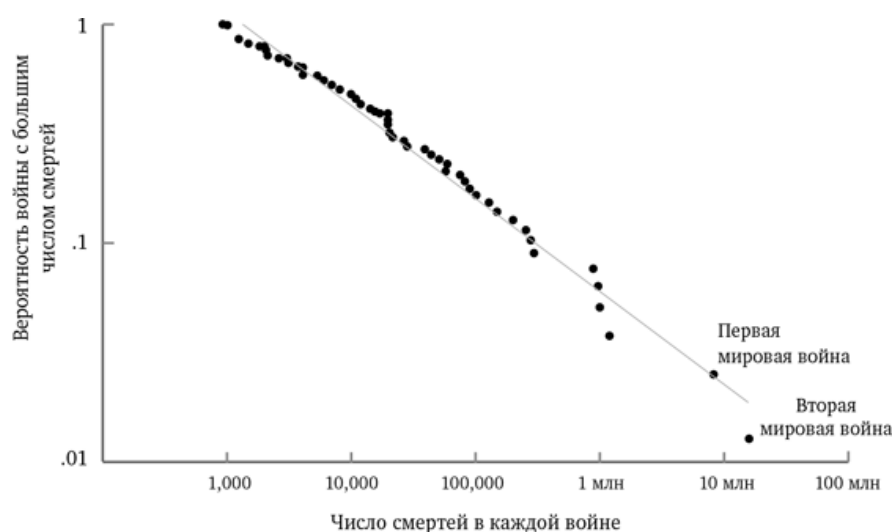

РИС. 5–8. Вероятность войн различной магнитуды, 1820–1997 гг.

Источник: Cederman, 2003, p. 136

Другой пример степенного распределения был открыт в 1906 г. экономистом Вильфредо Парето, обратившим внимание на распределение доходов в Италии: горстка людей была неприлично богата, в то время как большинство прозябало в нищете. С тех пор обнаружилось, что степенному распределению, среди прочего, подчиняется численность населения городов, распространенность имен, популярность веб-сайтов, число ссылок на научные работы, число проданных книг и музыкальных записей, количество видов в биологических таксонах и размеры лунных кратеров⁵⁷.

Второе, что нужно знать о степенных распределениях: они выглядят одинаково для

огромного круга величин. Чтобы понять, почему это так удивительно, давайте сравним степенное распределение с более привычным распределением, которое называют нормальным (также распределением Гаусса или колоколообразным). При измерениях роста мужчин или скорости машин на автомагистрали большая часть данных группируется вокруг среднего значения, уменьшаясь в обоих направлениях и образуя кривую, которая напоминает колокол⁵⁸. На рис. 5–9 представлены результаты измерений роста американских мужчин. Как видно, мужчин ростом 177 см достаточно много; тех, чей рост 168 см и 189 см — меньше; совсем мало тех, чей рост 153 или 204 см, и вообще нет таких, кто был бы ниже 57 см или выше 272 см (два экстремума, зафиксированные Книгой рекордов Гиннеса). Отношение крайних значений равно 4,8 — небольшая цифра, и можно поклясться, что вы никогда не встретите человека 5 м ростом.

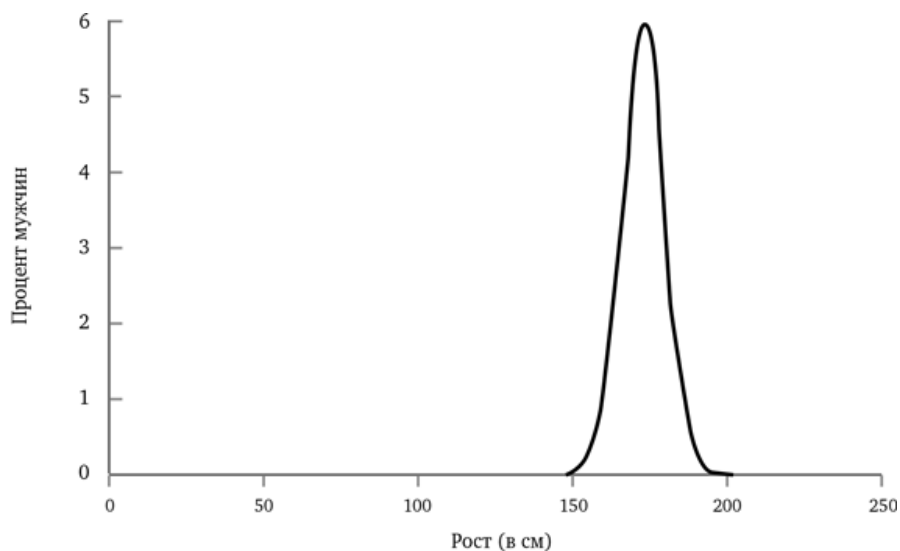

РИС. 5–9. Рост мужчин (нормальное или колоколообразное распределение)
Источник: Newman, 2005, p. 324

Но есть величины, чьи измерения не группируются у типичного значения, не снижаются симметрично в обоих направлениях и не вписываются в

ограниченный диапазон. Размер городов и населенных пунктов — хороший пример. Трудно ответить на вопрос, какого размера типичный американский населенный пункт. В Нью-Йорке живет 8 млн человек; самый маленький американский город, согласно Книге рекордов Гиннесса, — это Даффилд в Виргинии, там живут всего 52 человека. Отношение числа жителей самого большого города к самому маленькому составляет 150 000, что значительно превышает менее чем пятикратный перепад в росте мужчин.

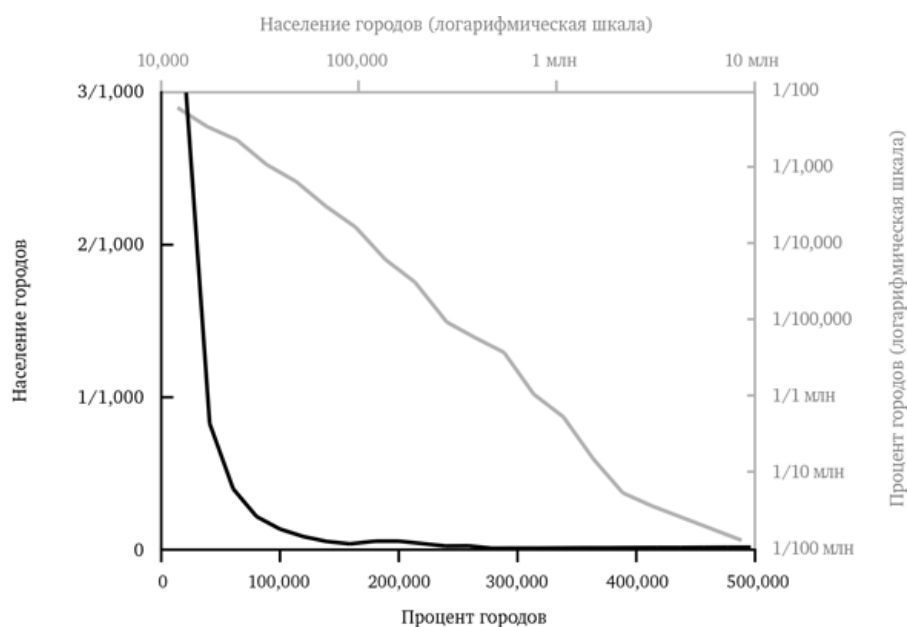

РИС. 5–10. Население городов (степенное распределение), отложенное на линейной и логарифмической шкале

Источник: Newman, 2005, p. 324

Кроме того, график распределения размеров городов не напоминает по форме колокол. Как показывает черная линия на рис. 5–10, он больше похож на букву L с высокой спинкой слева и длинным хвостом справа. Число городского населения здесь отложено на обычной линейной шкале на горизонтальной оси черного цвета: города с населением 100 000, 200 000 и так далее. Процент городов с соответствующим числом жителей указан на

черной вертикальной оси. В трех тысячных процента ($3/1000$, или $0,003$) американских городов число жителей равно 20 000, в двух тысячных процента ($2/1000$) городов проживает по 30 000 человек, в $1/1000$ — по 40 000 человек, и так далее — чем больше население, тем меньше городов⁵⁹. Теперь посмотрим на серые оси на графике вверху и справа. На них отложены те же самые числа, но на логарифмической шкале, на которой равномерно распределены не величины сами по себе, а их порядок (количество нолей). Точки, отмечающие размер популяции, — это 10 000, 100 000, 1 000 000 и так далее. Процент городов с определенным количеством жителей тоже ранжируется согласно порядку величины: 0,01%, 0,001%, 0,0001% и так далее. Когда координатные прямые выстроены таким образом, с распределением происходит нечто любопытное: L вытягивается в ровную линию. Значит, перед нами степенное распределение.

И это возвращает нас к теме войны. Так как войны подчиняются законам степенного распределения, некоторые из его математических свойств помогут нам понять природу войн и порождающие их механизмы. Начать с того, что степенные распределения с экспонентой, как в случае с войнами, даже не имеют среднего значения. Нет такой вещи, как типичная война, и нельзя ожидать, что, достигнув определенного числа жертв, война естественным образом сойдет на нет.

Кроме того, степенные распределения не масштабируемы. Спускаетесь вы или поднимаетесь по логарифмическому графику, они всегда выглядят одинаково — как прямая линия. С точки зрения математики это значит, что, какие бы единицы вы ни

рассматривали — большие или малые, распределение выглядит неизменным. Предположим, что компьютерные файлы в 2 Кб составляют четверть от файлов в 1 Кб. Если же сделать шаг назад и посмотреть на файлы более высокого ранга, мы обнаружим то же самое: файлы в 2 Мб составляют четверть от файлов в 1 Мб, а файлы в 2 Тб составляют четверть от файлов в 1 Тб. Что касается войн, можно размышлять так: каковы шансы, что маленькая война, скажем в 1000 смертей, перейдет в войну средних размеров — в 10 000 смертей? Шансы таковы же, как в случае, когда средняя война в 10 000 смертей превратится в большую войну в 100 000 смертей, или большая война в 100 000 смертей в масштабную войну в 1 000 000 смертей, или масштабная война в мировую.

И третье свойство степенных распределений — наличие так называемого толстого хвоста, когда предельные значения существуют в количествах, которыми нельзя пренебречь. Вы никогда не встретите пятиметрового человека и не увидите машину, летящую по автостраде со скоростью 500 км в час. Но вы вполне можете найти город с 14 млн жителей, или книгу, продержавшуюся в списке бестселлеров 10 лет, или лунный кратер, такой огромный, что он виден с Земли невооруженным глазом, — или войну, которая стала причиной гибели 55 млн человек.

Толстый хвост степенного распределения, который с подъемом по шкале магнитуд опускается полого, а не отвесно, означает, что предельные значения *крайне маловероятны*, но не *абсолютно невероятны*. Это важная разница. Шансы встретить пятиметрового человека равны нулю, это абсолютно невероятно, и вы можете головой поклясться, что этого никогда не случится. Но шансы, что город вырастет до 20 млн

жителей или что книга будет бестселлером 20 лет подряд, всего-навсего крайне маловероятны: скорее всего, этого не случится, однако можно вполне предположить, что когда-нибудь это произойдет. Что это значит применительно к войнам, понятно без объяснений. Крайне маловероятно, что мир столкнется с войной, в которой погибнет 100 млн человек, и еще менее вероятно, что какая-нибудь война приведет к гибели миллиарда живущих. Но в век ядерного оружия наше охваченное ужасом воображение и математика степенного распределения сходятся в одном: это не абсолютно невероятно.

До сих пор мы рассматривали причины войн как платоновские абстракции, как будто армии выходят на поле боя прямоком из уравнений. Что нам на самом деле нужно понять, так это *почему* войны распределяются по степенному закону, какая комбинация психологии, технологии и политики генерирует этот паттерн. Сегодня у нас нет убедительного ответа. Степенное распределение могут порождать самые разные механизмы, и доступные нам сведения о войнах не настолько точны, чтобы определить, какие из них действуют здесь.

Однако немасштабируемая природа распределения кровопролитных конфликтов может дать нам представление о движущих силах войны⁶⁰. Первое, что приходит в голову: *размер не имеет значения*. Во всех случаях действует одна и та же психологическая динамика — динамика теории игр, которая решает, будут ли стороны конфликта угрожать, пасовать, блефовать, открывать огонь, обострять ситуацию, продолжать сражаться или отступать, причем не важно, являются ли противоборствующие коалиции уличными бандами, отрядами боевиков или армиями

великих держав. Скорее всего, так случается, потому что люди — социальные животные, вступающие в союзы, которые объединяются в коалиции и так далее. И на каждом уровне организации эти коалиции могут столкнуться по воле какой-нибудь политической группировки или одного человека — главаря банды, босса мафии, полевого командира, короля или императора.

И как же догадку о том, что размер не имеет значения, внедрить в модели вооруженного конфликта, генерирующие степенное распределение? [61](#) Проще всего принять, что размеры коалиций сами распределены по степенному закону, что альянсы сражаются друг с другом пропорционально их числу и несут потери пропорционально своему размеру. Мы знаем, что некие объединения людей (города) распределены по степенному закону, и мы знаем почему. Один из самых распространенных источников степенного распределения — предпочтительное присоединение: чем нечто больше, тем больше новых членов оно привлекает. Предпочтительное присоединение называют еще «накапливающимся преимуществом», «деньги к деньгам» и «эффектом Матфея», по цитате из Евангелия от Матфея 25:29.[\[55\]](#), которую певица Билли Холидей сформулировала так: «Кто имеет, тот получит, кто не имеет — потеряет».[\[56\]](#) Популярные веб-сайты привлекают больше посетителей и становятся еще популярнее; хорошо продающиеся книги попадают в списки бестселлеров и распродают еще активнее; в крупных городах больше возможностей для работы и отдыха, поэтому туда переезжает все больше людей. (Как их удержишь на ферме, когда они видели Париж?).[\[57\]](#)

Ричардсон рассматривал это простое объяснение, но обнаружил, что цифры не сходятся⁶². Если кровопролитные конфликты распределяются так же, как размеры городов, то на каждое десятикратное уменьшение размера конфликта их количество должно тоже возрасти десятикратно. А на деле оно возрастает меньше чем вчетверо. К тому же в Новое время войны вели государства, а не города, а размеры государств подчиняются логарифмически-нормальному (видоизмененному Гауссову), а не степенному распределению.

Другой механизм предлагает теория сложных систем — она изучает законы, управляющие структурами, организованными по одинаковым схемам, несмотря на то что состоят они из разных единиц. Особое внимание исследователей привлекают системы, проявляющие свойство так называемой самоорганизованной критичности. «Критичность» можно представить себе в виде последней соломинки, ломающей спину верблюду: небольшое увеличение на входе в систему порождает неожиданно значительный результат на выходе. Тогда «самоорганизованная» критичность будет верблюдом, чья спина тут же восстанавливается до той степени прочности, при которой соломинки разных размеров могут сломать ее снова. Хороший пример — струйка песка, который сыплется на песчаную горку, периодически вызывая оползни различных размеров; распределение оползней регулируется степенным законом. Обрушения песка останавливаются в точке, где уклон достаточно полог, чтобы сохранять стабильность, но сыплющийся песок вновь увеличивает крутизну склона, провоцируя новое обрушение. Землетрясение и лесной пожар — примеры того же типа. Огонь сжигает лес, что позволяет новым деревьям расти в

случайном порядке. Отдельные участки поросли со временем сливаются, и это может послужить причиной нового пожара. Некоторые политологи создавали компьютерные симуляции, моделирующие войны по аналогии с лесными пожарами⁶³. В этих моделях страны завоевывают своих соседей и становятся больше — точно так же, как сливаются и укрупняются участки леса. Брошенная в траву сигарета может вызвать как небольшое возпламенение, так и всепоглощающий пожар — точно так же дестабилизирующее событие в компьютерной модели может породить как приграничный конфликт, так и мировую войну.

В этих моделях разрушительность войны зависит прежде всего от размера территорий воюющих сторон и их союзников. Но в реальном мире на уровень деструктивности влияет и решимость участников поддерживать огонь войны в надежде, что противник сломается раньше. Некоторые из самых кровопролитных войн в современной истории, такие как Гражданская война в Америке, Первая мировая, Вьетнамская и Ирано-иракская, были войнами на истощение: стороны вбрасывали в ненасытную утробу войны все больше и больше людей и ресурсов, ожидая, что противник исчерпает свои возможности первым.

Биолог Джон Мейнард Смит, впервые применивший теорию игр к эволюционному процессу, смоделировал этот вид противостояния как игру под названием «война на истощение»⁶⁴. Соперники конкурируют за ценный ресурс, пытаясь продержаться дольше противника, в то время как затраты обоих постоянно растут. Если противники — животные, соперничающие за территорию, они стоят и пристально смотрят друг на друга, пока один не

сдастся и не уйдет; затраты здесь — время и энергия, которую животные тратят на противостояние, а могли бы потратить на поиск пищи или партнера. С точки зрения математики игра на истощение эквивалентна аукциону, в котором приз достается участнику, предложившему максимальную цену, но *обеим сторонам* приходится заплатить ставку проигравшего. Если мы говорим о войне, то затраты здесь исчисляются жизнями солдат.

Война на истощение — один из парадоксальных сценариев теории игр (как и дилемма заключенного, трагедия общин и долларový аукцион), в котором рациональные агенты, преследуя свои интересы по отдельности, приходят к худшим результатам, чем в том случае, когда они сообща выработывают план и принимают общее связывающее их решение. Можно было бы подумать, что в играх на истощение каждая сторона должна придерживаться стратегии, предлагаемой покупателями на eBay: решить, сколько стоит предлагаемый товар, и не поднимать ставку выше этой суммы. Проблема в том, что другой участник может побить вашу ставку. Все, что ему нужно сделать, — это поставить еще один доллар (или подождать чуть дольше, или пожертвовать еще одним полком солдат), и он выиграет. Он заберет себе выигрыш по цене, близкой к той, что готовы были заплатить вы, при этом вы потратите почти столько же ресурсов и останетесь ни с чем. Разве можно это допустить? Поэтому всегда возникает соблазн придерживаться стратегии «бей каждую его ставку, предлагая на доллар больше», но и ваш соперник склонен действовать так же. Понятно, куда это ведет. Благодаря извращенной логике войны на истощение, а точнее тому, что проигравший тоже платит, игроки будут повышать ставки, даже пройдя точку, при

которой расходы превышают стоимость выигрыша. Они уже не смогут выиграть, но каждая сторона стремится хотя бы потерять меньше другой. Технический термин для этого результата в теории игр — «гибельный сценарий». Еще его называют пирровой победой, и военный аналог этого названия имеет глубокий смысл.

Одна из стратегий войны на истощение (где издержки, как вы помните, — это время) такова: каждый игрок ждет *случайное* количество времени, и среднее время ожидания равно той ценности, которую он приписывает оспариваемому ресурсу. В долгосрочной перспективе каждый игрок получает хорошую цену за свой вклад, но так как время ожидания случайно, никто не сможет предсказать, в какой момент соперник капитулирует и сколько нужно еще продержаться для того, чтобы победить. Другими словами, игроки следуют правилу: «Ежеминутно бросай кости и, если выпадет (скажем) четыре, уступи. Если нет, кидай кости снова». Это, конечно, процесс Пуассона, и сейчас вы уже знаете, что он приводит к экспоненциальному распределению периодов ожидания (потому что все более длительные периоды ожидания зависят все от менее вероятной серии бросков). Так как все заканчивается, когда одна из сторон поднимает белый флаг, длительность соревнования тоже будет экспоненциально распределена. Возвращаясь к нашим моделям, в которых затраты вычисляются скорее в солдатах, чем в секундах: если бы реальные войны на истощение протекали подобно войне на истощение в теории игр, тогда при прочих равных они подчинялись бы экспоненциальному распределению магнитуд.

Конечно, реальные войны подчиняются степенному распределению — с более толстым, чем у

экспоненциального, хвостом (что предполагает большее число серьезных войн). Но экспоненциальное распределение можно преобразовать в степенное, если на величины влияет второй экспоненциальный процесс, подталкивающий в противоположном направлении. И у игры на истощение есть особенность, позволяющая это сделать. Если один из игроков выдает свое намерение сдать на следующем ходу, скажем задрожав, побледнев или как-то по-другому проявив свое волнение, его оппонент может обратить эту информацию себе на пользу. Он подождет чуть дольше и будет выигрывать раз за разом. Как сказал Ричард Докинз, если биологический вид часто ввязывается в войны на истощение, он разовьет в себе умение сохранять бесстрастное лицо.

Нетрудно догадаться, что живые существа будут использовать в своих целях и противоположный вид сигналов — сигналы непоколебимой решимости продолжать борьбу. Если соперник принимает гордую позу, означающую: «Я буду стоять на своем и не пойду на попятную», противоположной стороне разумнее сдать и минимизировать свои потери, чем продолжать эскалацию до взаимного уничтожения. Но поза не зря зовется позой. Любой трус может скрестить руки на груди и метать грозные взоры — вторая сторона без труда выведет его на чистую воду. Доказать серьезность своих намерений можно, только демонстрируя сигналы, которые обходятся *недешево*: к примеру, если несговорчивый противник держит руку над свечой или режет себя ножом. (Конечно, нести издержки по собственному желанию имеет смысл, только если выигрыш очень важен или когда есть причины думать, что эскалация конфликта приведет к твоей победе.)

Во время войн на истощение готовность лидера нести долговременные потери может усиливаться по мере развития конфликта. Он следует девизу: «Мы продолжим сражаться, чтобы не вышло так, что наши парни погибли зря». Этот образ мысли, который называется «боязнь потери» или «ошибка невозвратных затрат» (а еще «бросать деньги на ветер» и «упорствовать в безнадежном деле»), совершенно иррационален, но удивительно устойчив в наших процессах принятия решения⁶⁵. Женщины и мужчины остаются в неудовлетворительном браке ради тех лет, которые они уже на него потратили, высидивают плохой фильм до конца, потому что заплатили за билет, пытаются вернуть проигранное в рулетку, делая двойную ставку, или несут последние деньги в финансовые пирамиды, потому что уже так много туда вложили. Хотя психологи до конца не понимают, почему люди ведут себя столь глупо, обычно это объясняют так: подобная настойчивость демонстрирует окружающим прочность нашей позиции. Человек словно заявляет: «Я принял решение, я не такой слабак, глупец или слюнтяй, чтобы позволить кому-то себя отговорить». В борьбе намерений, к которым относятся игры на истощение, «боязнь потери» может служить дорогостоящим и поэтому убедительным сигналом, что соперник не собирается сдаваться, упреждая намерение оппонента перестоять его в следующем раунде.

Я уже упоминал данные Ричардсона, свидетельствующие, что чем кровопролитнее схватка, тем дольше она длится: малые войны показывают бóльшую вероятность завершиться с каждым последующим годом, чем большие⁶⁶. Значения магнитуды в базе данных «Корреляты войны» тоже демонстрируют признаки растущей вовлеченности:

продолжительные войны не просто уносят больше жизней — они уносят их больше, чем можно было бы предположить, исходя только лишь из их длительности⁶⁷. Если оставить в стороне статистику и вернуться к реальным войнам, мы увидим, как работает этот механизм. Множество страшных войн обязаны своей разрушительностью лидерам одной или обеих сторон, следующим откровенно иррациональной стратегии боязни потери. В последние месяцы Второй мировой, когда поражение Германии было уже абсолютно неизбежно, Гитлер воевал с маниакальной яростью, и так же вела себя Япония. Песня протеста, выражающая мнение народа о другой деструктивной войне «Мы в грязи непролазной по пояс, а наш дурень орет: “Вперед!”»^[58] обязана своим появлением политике Линдона Джонсона, направленной на постоянную эскалацию Вьетнамской войны.

Системный биолог Жан-Батист Мишель обратил мое внимание на то, что именно растущая вовлеченность в ходе войны на истощение может вызывать степенное распределение. Нам просто нужно учесть, что лидеры продолжают наращивать издержки пропорционально своим прошлым вложениям: размер каждого нового вливания составляет, скажем, 10% от числа солдат, уже отправленных в бой. Рост в постоянной пропорции согласуется с хорошо известным психологическим законом Вебера: чтобы рост интенсивности ощущения был замечен, интенсивность раздражителя должна возрасти в определенной пропорции. Вы почувствуете, если в комнате, освещенной десятью лампочками, загорится одиннадцатая, но, если включены 100 ламп, вы не заметите добавления еще одной: чтобы ощутить изменение яркости,

потребуется включить еще десять. Ричардсон подметил, что точно так же мы воспринимаем и человеческие потери: «Сравните, например, как долго газеты выражали скорбь по поводу гибели британской субмарины “Фетида”, случившейся в мирное время, и как лаконично сообщали о таких же по числу военных потерях. Этот контраст можно считать примером закона Вебера — Фехнера: приращение расценивается относительно предыдущего количества»⁶⁸. Психолог Пол Словик недавно заново проанализировал несколько экспериментов, обосновывающих это наблюдение⁶⁹. Цитата, ошибочно приписываемая Сталину: «Смерть одного человека — трагедия; смерть миллионов — статистика», — оперирует неверными цифрами, но отражает реальное свойство человеческой психологии.

Если эскалация пропорциональна предыдущим вложениям (и на полях сражений гибнет постоянный процент посылаемых на войну солдат), тогда потери по ходу войны будут нарастать экспоненциально, как проценты на проценты. И если войны — игры на истощение, их продолжительность тоже будет распределена экспоненциально. Вспомните математическое правило: переменная распределяется по степенному закону, если представляет собой экспоненциальную функцию от второй переменной, распределенной экспоненциально⁷⁰. Я считаю, что лучшее объяснение степенного распределения магнитуды войны — совокупное влияние эскалации и истощения.

Даже если мы не до конца понимаем, по какой причине войны распределяются по степенному закону, природа распределения — его немасштабируемость и толстый хвост —

предполагает, что здесь действует комплекс глубинных процессов, для которых размер не имеет значения. Военные альянсы всегда могут стать чуть больше, войны могут длиться чуть дольше, потери оказаться чуть более тяжелыми с одинаковой вероятностью, независимо от того, какими большими, длительными или тяжелыми они были вначале.

Следующий очевидный вопрос по статистике кровопролитных конфликтов: что уносит больше жизней — множество малых войн или несколько больших? Степенное распределение само по себе не дает ответа. Можно представить себе набор данных, где потери в войнах каждого размера суммируются в одинаковое количество смертей: одна война с 10 млн жертв, 10 войн со 100 000 жертв и так далее до 10 млн единичных убийств. Но в действительности в распределении с экспонентой больше единицы (как в случае с войнами) цифры будут отклоняться к хвосту. О степенных распределениях с экспонентой такого типа часто говорят, что они следуют правилу 80:20, также известному как принцип Парето, согласно которому, скажем, в руках 20% жителей страны сосредоточено 80% ее богатства. Отношение может быть не точно 80:20, но многие степенные распределения склонны к подобному перекосу. Например, на 20% самых популярных веб-сайтов приходится около двух третей всех посещений⁷¹.

Ричардсон суммировал общее число смертей от всех кровопролитных конфликтов отдельно по каждой магнитуде. Программист Брайан Хейс составил по этим данным диаграмму (рис. 5–11). Серые столбцы, обозначающие уровень гибели в малых конфликтах

(от 3 до 3162 смертей), не отражают реальных данных, потому что проваливаются в дыру между криминологией и историей и не фигурируют в источниках, которыми пользовался Ричардсон. Вместо этого они показывают предполагаемые цифры, которые Ричардсон интерполировал с помощью гладкой кривой, соединяющей точку убийств с линией войн⁷². Но с ними или без них форма гистограммы впечатляет: пики по краям и провал в середине. Это значит, что из всех видов смертельного насилия (по крайней мере, в период 1820–1952 гг.) больше всего ущерба наносят убийства и мировые войны; все остальные виды конфликтов унесли гораздо меньше жизней. И 60 лет спустя соотношение не изменилось. Если взять США, в ближайших к нам по времени войнах погибло: в Корейской войне — 37 000 военнослужащих, во Вьетнамской — 58 000. Но *каждый год* в результате убийств страна теряет в среднем 17 000 человек, что начиная с 1950 г. составляет в сумме почти миллион жертв⁷³. Да и в мире в целом смертность в результате убийств превышает количество погибших в войнах, даже если приплюсовать к их числу косвенные потери из-за голода и болезней⁷⁴.

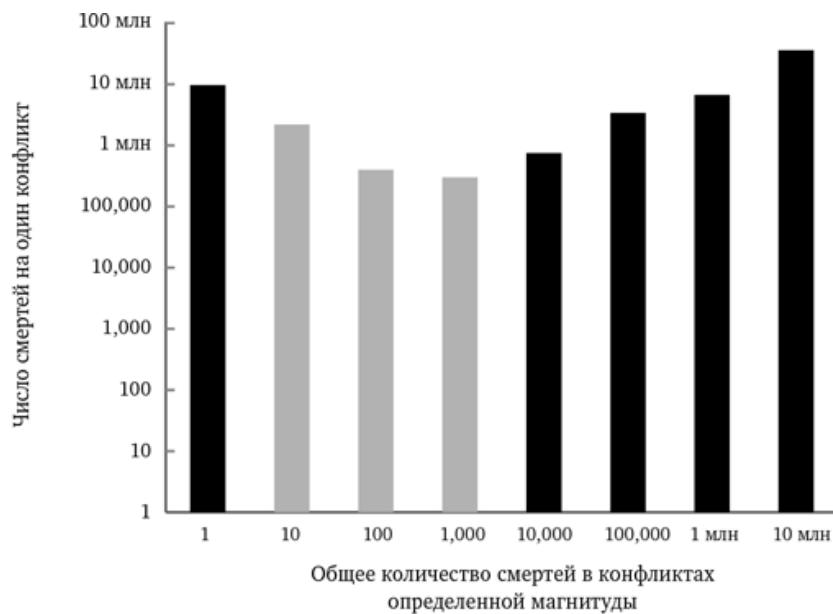

РИС. 5–II. Общее количество смертей в конфликтах различной магнитуды

Источник: график из Hayes, 2002, основанный на данных Richardson, 1960

Ричардсон также вычислил общую долю жертв кровопролитных конфликтов всех магнитуд, от убийств до мировых войн. Она равна 1,6%. Ричардсон замечает: «Это меньше, чем можно было подумать, учитывая, сколько внимания привлекают войны. Любители войн могут оправдать свои вкусы тем, что, если уж на то пошло, болезни уносят гораздо больше жизней»⁷⁵. Этот его вывод в значительной степени верен и в наши дни⁷⁶.

То, что 77% от всех погибших в вооруженных конфликтах за 130 лет стали жертвами всего двух мировых войн — необыкновенное открытие. Войны не следуют даже правилу 80:20, обычному для степенных распределений. Они следуют правилу 80:2. Всего 2% войн стали причиной почти 80% смертей⁷⁷. Такой крен говорит нам, что глобальные попытки снизить гибель в войнах должны быть направлены прежде всего на предотвращение больших войн.

Это соотношение подчеркивает и трудности, которые мы испытываем, пытаясь совместить любовь к связному историческому повествованию со

статистикой кровопролитных конфликтов. Когда мы пытаемся осмыслить итоги XX в., наше желание обнаружить там понятный исторический сюжет усиливается двумя статистическими иллюзиями. Первая из них — тенденция усматривать кластеры в случайно распределенных событиях. Вторая — ошибка нормального распределения, которая заставляет нас думать о крайних величинах как об абсолютно невероятных. Натыкаясь на необыкновенное событие, мы склонны считать, что за ним стоит необыкновенный замысел. Поэтому нам так трудно принять факт, что два самых смертоносных в истории события были хотя и маловероятны, но не абсолютно невероятны. Даже если международная напряженность льет воду на мельницу войны, война не обязательно должна разразиться. Но когда Рубикон перейден, война может бесконечно наращивать масштаб смертей вне зависимости от уже достигнутого уровня. Две мировые войны были в каком-то смысле ужасающе неблагоприятными примерами статистического распределения, вычисленного на широком промежутке разрушительности.

ДИНАМИКА ВОЙН МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Изучив статистику войн, Ричардсон сделал два основных вывода: сроки их случайны, а магнитуды распределены согласно степенному закону. Но он не смог объяснить, как два ключевых параметра — вероятность войн и их разрушительность — меняются с течением времени. Его предположение, что войны становятся реже, но кровопролитнее, относилось к периоду между 1820 и 1950 гг. и касалось

ограниченного списка войн из его базы данных. А что мы сегодня знаем о долгосрочной динамике вооруженных конфликтов?

Исчерпывающей базы данных по всем войнам в истории у нас нет, а даже если бы и была, мы бы не знали, как ее интерпретировать. На протяжении веков общества претерпевали настолько радикальные и неравномерные изменения, что, вычисляя общее число жертв по всему миру, нам пришлось бы суммировать данные по множеству обществ самых разных типов. Но политолог Джек Леви собрал массив данных, который дает нам ясную картину динамики войн на особенно важном для нас интервале времени и пространства.

Эпоха, о которой я говорю, началась в конце XV в., когда появление пороха, морской навигации и печатного пресса ознаменовало начало современности (если использовать одно из многочисленных значений слова «современность»). Именно тогда из средневекового лоскутного одеяла вотчин и герцогств стали появляться суверенные государства.

Страны, на которых Леви сосредоточил внимание, — те, что именуются *великими державами*, — горстка самых влиятельных государств конкретной эпохи. Леви обнаружил, что ответственность за большую часть всех конфликтов всегда несут несколько «горилл-гигантов»⁷⁸. Великие державы принимали участие в 70% всех войн, которые Райт включил в свою базу данных, охватывающую весь мир и полтысячелетия, а четверем из них принадлежит сомнительная честь участия как минимум в пятой части всех европейских войн⁷⁹. Ничего не изменилось и в наши дни: после Второй мировой войны Франция,

США, Великобритания и СССР/Россия были вовлечены в большее количество международных конфликтов, чем любые другие страны⁸⁰. Страны, которые то входят в лигу великих держав, то выпадают из нее, воюют гораздо чаще, когда принадлежат к этой лиге, чем когда находятся вне ее. Кроме того, изучая войны на примере великих держав, можно не бояться, что какой-нибудь конфликт с их участием мог ускользнуть от внимания летописцев — такие крупные события вряд ли можно не заметить.

Как видно из неравномерного степенного распределения магнитуд войны, на долю войн между великими державами (особенно тех, в которых участвуют сразу несколько из них) приходится значительная часть всех зафиксированных военных потерь⁸¹. Как гласит африканская пословица (авторство, как в случае с большинством африканских пословиц, приписывается множеству разных племен), «Когда слоны дерутся, гибнет трава». А эти слоны имеют обыкновение драться друг с другом, потому что никакой верховный сюзерен их не сдерживает и в состоянии гоббсовской анархии они в вечном страхе неустанно следят друг за другом.

Леви назвал технические критерии принадлежности к великим державам и перечислил страны, которые им удовлетворяли в период с 1495 до 1975 г. По большей части это большие европейские государства: Франция и Англия/Великобритания — на протяжении всего обозначенного периода, страны под властью династии Габсбургов — в период до 1918 г., Испания — до 1808 г., Нидерланды и Швеция — в XVII и начале XVIII вв., Россия/СССР — с 1721 г., Пруссия/Германия — с 1740 г. и Италия — с 1861 по 1943 г. Но

к великим принадлежат и несколько держав вне Европы: Оттоманская империя — до 1699 г., США — с 1898 г., Япония — с 1905 до 1945 г. и Китай — с 1949 г. Леви составил список войн, уровень боевых потерь в которых был не менее 1000 человек в год (общепринятая отсечка в большинстве баз данных, например в проекте «Корреляты войны»), где хотя бы с одной стороны воевала великая держава, а с другой стороны — любое централизованное государство. Он не стал учитывать колониальные и гражданские войны, за исключением конфликтов, в которых великая держава участвовала в гражданской войне на стороне повстанцев, а значит, вела войну против иностранного правительства. Используя набор данных проекта «Корреляты войны» и консультируясь с Леви, я продлил этот временной ряд еще на четверть века, до 2000 г. [82](#)

Давайте начнем с битв титанов — войн, где на каждой стороне воевала как минимум одна великая держава. Некоторые из них Леви назвал «всеобщими войнами» — мы их назовем «мировыми» в том смысле, в каком этого заслуживает Первая мировая: не потому, что огонь охватил весь земной шар, но потому, что в ней участвовало большинство великих держав. Этому критерию удовлетворяют Тридцатилетняя война (1618–1648 гг., шесть из семи великих держав), Голландская война Людовика XIV (1672–1678 гг., шесть из семи), Война Аугсбургской лиги (1688–1697 гг., пять из семи), Война за испанское наследство (1701–1713 гг., пять из шести), Война за австрийское наследство (1739–1748 гг., шесть из шести), Семилетняя война (1755–1763 гг., шесть из шести), французские революционные и Наполеоновские войны (1792–1815 гг., шесть из шести) и, конечно, обе мировые войны. Кроме этого,

насчитывается еще 50 с лишним войн, в которых сталкивались две или больше великих держав.

Важная характеристика войн — длительность: доля времени, в течение которого людям разных эпох приходится переносить тяготы, лишения и нарушение нормального хода жизни, пока большие страны выясняют отношения. Рис. 5–12 показывает, какую долю времени от каждой четверти века великие державы провели в битвах. В двух интервалах в начале графика (1550–1575 и 1625–1650 гг.) линия взлетает до потолка: великие державы сражались друг с другом 25 лет из 25. Это время ознаменовалось чудовищными европейскими религиозными войнами — в их числе Первая Гугенотская война и Тридцатилетняя война. Далее наблюдается безусловная тенденция к снижению. С течением лет великие державы все меньше времени проводили в войнах друг с другом, хоть и с несколькими отступлениями от правила, включающими 25-летние периоды французских революционных и Наполеоновских войн и двух мировых войн. В правой части графика заметны первые признаки Долгого мира. На четверть века с 1950 по 1975 г. прихлась всего одна война между большими державами (Корейская война 1950–1953 гг., в которой США столкнулись с Китаем), и с тех пор их больше не было.

РИС. 5–12. Доля лет, в которые великие державы воевали друг с другом, 1500–2000 гг.

Источник: график адаптирован из книги Levy & Thompson, 2011. Данные приведены для 25-летних периодов

Теперь давайте посмотрим на историю войн под более широким углом: сосредоточимся на более чем сотне войн между великой державой и любой другой страной — неважно, великой или нет⁸³. Имея в распоряжении такой значительный массив данных, мы можем развернуть параметр «лет в войне» из предыдущего графика по двум измерениям. Первое — частота. Рис. 5–13 показывает число войн, приходящихся на каждые четверть столетия. И снова мы видим спад на протяжении пяти сотен лет: великие державы все реже и реже ввязываются в войны. В течение последней четверти XX в. только четыре войны удовлетворяют критериям Леви: две войны между Китаем и Вьетнамом (1979 г. и 1987 г.), санкционированная ООН война против иракского вторжения в Кувейт (1991 г.) и бомбардировки Югославии силами НАТО, предпринятые с целью остановить изгнание этнических албанцев из Косово (1999 г.).

Второе измерение — длительность. Рис. 5–14 показывает, как долго в среднем тянулись эти войны. И опять мы видим тенденцию к понижению, хоть и с пиками в середине XVII столетия. Они появились не

потому, что годы Тридцатилетней войны бесхитростно посчитаны ровно за 30; следуя традиции других историков, Леви разделил эту войну на четыре отдельные. Но и с учетом этого религиозные войны той эпохи были нещадно длинными. Позже великие державы стремились положить конец боевым действиям как можно быстрее, и случившиеся в последней четверти XX в. четыре войны с участием великих держав длились в среднем по 97 дней⁸⁴.

РИС. 5-13. Частота войн с участием великих держав, 1500–2000 гг.

Источники: график Леви, 1983, за исключением последней точки, которая построена по данным проекта «Корреляты войны», 1816–1997, Sarkees, 2000; 1997–1999 — База данных военных потерь, Международный институт мира, Осло, 1946–2008, Lacina & Gleditsch, 2005. Данные приведены для 25-летних периодов

Что можно сказать о разрушительности этих войн? Рис. 5–15 показывает логарифм числа боевых потерь в войнах с участием хотя бы одной великой державы. Количество жертв войны росло с 1500-х до начала XIX в., до конца этого столетия рывками шло вниз, взлетало в годы Первой и Второй мировой, а во второй половине XX в. резко снизилось. Создается впечатление, что на большей части этого полутысячелетия войны велись все ожесточеннее — вероятно, из-за прогресса военных технологий и организованности. Если так, противоположные тренды — войн меньше, но их интенсивность выше —

подтверждают догадку Ричардсона, причем на временном отрезке в пять раз длиннее.

РИС. 5–14. Длительность войн с участием великих держав, 1500–2000 гг.

Источники: график Леви, 1983, за исключением последней точки, которая построена по данным проекта «Корреляты войны», 1816–1997, Sarkees, 2000; 1997–1999 — База данных военных потерь, Международный институт мира, Осло, 1946–2008, Lacina & Gleditsch, 2005. Данные приведены для 25-летних периодов

РИС. 5–15. Смерти в войнах с участием великих держав, 1500–2000 гг.

Источники: график Леви, 1983, за исключением последней точки, которая построена по данным проекта «Корреляты войны», 1816–1997, Sarkees, 2000; 1997–1999 — База данных военных потерь, Международный институт мира, Осло, 1946–2008, Lacina & Gleditsch, 2005. Данные приведены для 25-летних периодов

Доказать истинность этого впечатления невозможно, поскольку рис. 5–15 не разделяет частоту войн и их магнитуду, но Леви предположил, что чистую разрушительность можно выделить измерением, названным «концентрация»: причиненный конфликтом общий урон, разделенный на количество стран-участниц на год войны. Эти данные отображены на рис. 5–16. На этом графике стабильный рост смертоносности войн между великими державами до Второй мировой войны заметен сильнее, поскольку не замаскирован малым числом войн в конце XIX в. Потрясает тот факт, что во второй половине XX столетия тенденции, характеризующие последние 450 лет, внезапно сменились на противоположные. Конец XX в. — исключительное время, когда наблюдалось уменьшение как количества войн с участием великих держав, так и поражающей способности каждой из них — две нисходящие линии, в которых отразилось неприятие войны, свойственное Долгому миру. Прежде чем перейти от статистики к повествованиям, которые помогут нам объяснить факты, стоящие за этими трендами, давайте убедимся, что они сохраняются, если взглянуть на динамику войн шире.

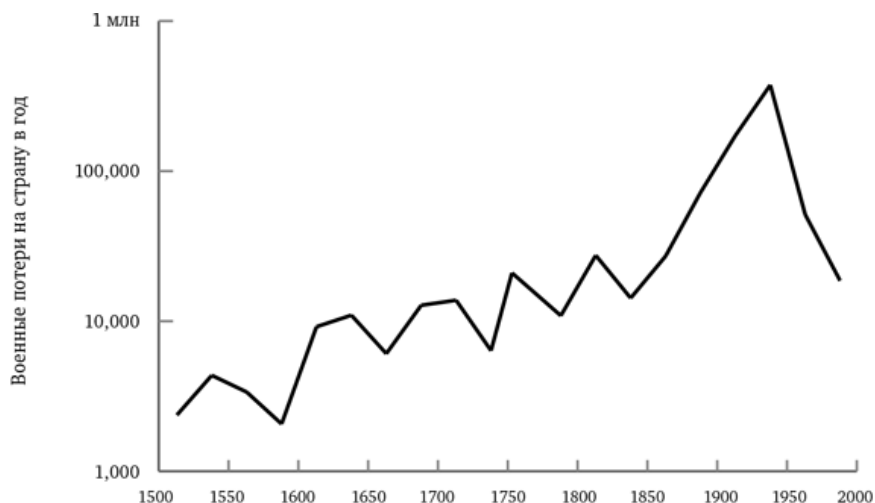

РИС. 5–16. Концентрация смертей в войнах с участием великих держав, 1500–2000 гг.

Источники: график Леви, 1983, за исключением последней точки, которая построена по данным проекта «Корреляты войны», 1816–1997, Sarkees, 2000; 1997–1999 — База данных военных потерь, Международный институт мира, Осло, 1946–2008, Lacina & Gleditsch, 2005. Данные приведены для 25-летних периодов

ДИНАМИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ВОЙН

Войны с участием великих держав — ограниченная, однако показательная выборка, на которой мы можем исследовать историческую динамику войны. Еще одно поле для исследований предоставляет Европа. Это не только континент, по которому доступны самые полные данные по количеству жертв, он к тому же оказывает и несоразмерно большое влияние на жизнь человечества в целом. В течение второй половины нашего тысячелетия значительная часть Земли входила в состав европейских империй, а оставшаяся с ними воевала. И тренды войны и мира, так же как и тренды в других сферах человеческой деятельности (технологии, мода, идеи), часто брали начало в Европе, распространяясь оттуда по всему свету.

Обширные исторические данные по Европе позволяют нам посмотреть на организованный конфликт под широким углом и включить в исследование не только межгосударственные войны с

участием великих держав, но и войны между менее влиятельными странами, вооруженные конфликты, количество жертв в которых не достигает тысячи в год, гражданские войны и проявления геноцида, а также гибель мирного населения из-за голода и болезней. Какую картину мы получим, если соберем все эти формы насилия, — высокую гряду мелких конфликтов, перетекающую в длинный хвост крупных?

Политолог Питер Бреке работает над полной описью кровопролитных конфликтов, которую он назвал Каталогом конфликтов⁸⁵. Его целью было собрать по крупицам всю доступную информацию о вооруженных конфликтах в письменных исторических источниках начиная с 1400 г. Бреке начал с пересмотра списков войн, сделанных Ричардсоном, Райтом, Сорокиным, Экхардтом, проектом «Корреляты войны», историком Эваном Луардом и политологом Калеви Холсти. Чтобы конфликт вошел в составленные ими списки, число его жертв должно было превысить довольно высокий порог, а конфликтующие стороны удовлетворять юридическим критериям государства. Бреке ослабил критерии и включил в свой каталог все описанные конфликты с числом жертв от 32 в год (магнитуда 1,5 по шкале Ричардсона) и все политические единицы, обладающие суверенитетом над территорией. Затем он отправился в библиотеку и углубился в книги и атласы, в том числе изданные в других странах и на других языках. Как подсказывает степенное распределение, ослабление входных критериев добавило не пару новых случаев, но обильный их поток: Бреке зафиксировал как минимум в три раза больше конфликтов, чем описано во всех предыдущих базах, вместе взятых. Сегодня его каталог содержит

4560 конфликтов, имевших место между 1400 и 2000 гг. (3700 из них включены в таблицу), а когда-нибудь их число дойдет до 6000. Примерно в трети из них доступны данные о количестве жертв, которые Бреке разделил на военные потери (солдаты, убитые в битвах) и общее количество смертей (включая гибель мирного населения от вызванных войной голода и болезней). Бреке любезно разрешил мне воспользоваться его базой данных в том виде, в котором она существовала в 2010 г.

Давайте начнем с простого подсчета конфликтов — не только войн, ведущихся великими державами, но всех кровопролитных конфликтов, больших и малых. Цифры на рис. 5–17 позволяют по-новому взглянуть на историю европейских войн.

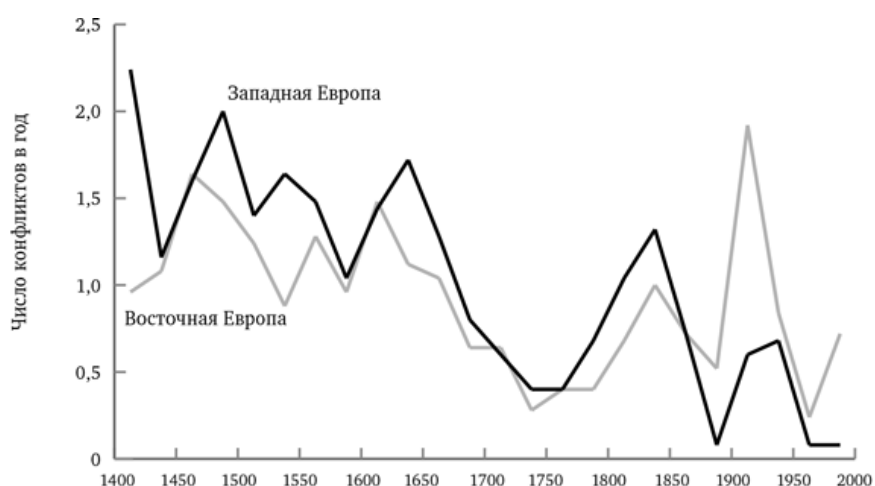

РИС. 5–17. Количество конфликтов в год в Большой Европе, 1400–2000 гг.

Источники: ConflictCatalog, Brecke, 1999; Long & Brecke, 2003. Конфликты подсчитаны по 25-летним периодам и включают межгосударственные и гражданские войны, проявления геноцида, перевороты и восстания. К «Западной Европе» относятся территории современной Великобритании, Ирландии, Дании, Швеции, Норвегии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, Германии, Швейцарии, Австрии, Испании, Португалии и Италии. К «Восточной Европе» — территории современного Кипра, Финляндии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и республик, ранее составлявших Югославию, территории Албании, Греции, Болгарии, Турции (европейской и азиатской ее частей), европейская часть России, Грузия, Армения, Азербайджан.

И снова мы видим спад по одному из показателей: частота вооруженных конфликтов снизилась. В XV в. европейские государства вступали в конфликты по три раза в год и чаще. Теперь это число скатилось практически до нуля в Западной Европе и до менее

чем одного конфликта в год в Восточной Европе. Но даже это падение не отражает реального положения дел, потому что половина конфликтов последних лет случилась в странах, которые в списке отнесены к европейским только потому, что некогда были частью Османской или советской империи; сегодня они обычно классифицируются как страны Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии (Турция, Грузия, Азербайджан и Армения)⁸⁶. Другие восточноевропейские конфликты происходили в бывших республиках Югославии и Советского Союза. Эти регионы — Югославия, Россия/СССР и Турция — также несут ответственность за взлет числа европейских конфликтов в первой четверти XX в.

Что можно сказать о количестве человеческих жертв? Вот где оказывается полезной вместительность Каталога конфликтов Бреке. Степенное распределение подсказывает, что самые большие войны с участием великих держав должны отвечать за львиную долю военных потерь — как минимум во всех войнах, которые превышают рубеж в 1000 смертей и о которых я говорил все это время. Но Ричардсон предупреждал, что большее число мелких конфликтов, не учитываемых в традиционной истории и наборах данных, могут в теории дать в сумме значительное число дополнительных смертей (серые столбцы на рис. 5–11). Каталог конфликтов — первый набор долгосрочных данных, который достигает этих серых зон и пытается перечислить стычки, бунты и боины, которые падают ниже горизонта войны (хотя, конечно, в прошлые века гораздо большая их часть просто не была документирована). К сожалению, каталог — незавершенная работа, и в настоящее время количество жертв указано менее чем для половины включенных в него конфликтов. Пока он не

завершен, мы можем получить первое приблизительное впечатление о динамике потерь в европейских конфликтах, заполняя недостающие данные средним значением числа жертв за четверть века. Мы с Брайаном Этвудом интерполировали значения, суммировав прямые и непрямые смерти в конфликтах всех типов и масштабов, разделили на количество жителей в Европе в каждый период и разместили данные на линейной шкале⁸⁷. Рис. 5–18 представляет максималистскую (хоть и ориентировочную) картину истории вооруженных конфликтов в Европе.

РИС. 5–18. Уровень смертей в конфликтах в Большой Европе, 1400–2000 гг.

Источники: ConflictCatalog, Brecke, 1999; Long & Brecke, 2003. Данные в колонке «Общее количество жертв» суммированы за период 25 лет. Повторяющиеся строчки удалены. Недостающие строчки были заполнены медианой, вычисленной по данным за четверть столетия. Данные по количеству населения взяты у McEvedy & Jones, 1978, в годы окончаний 24-летних периодов. «Европа» определена как на рис. 5–17

Масштабирование относительно размеров популяции не устраняет общего тренда на повышение, показывающего, что до 1950-х гг. способность жителей Европы убивать людей опережала их умение плодить новых. Но что действительно бросается в глаза, так это три гемоклизма. Кроме четверти века, на которую пришлась Вторая мировая война, опаснее всего жизнь в Европе была во время религиозных войн начала XVII в., на третьем месте — Первая мировая

война, на четвертом — французские революционные и Наполеоновские войны.

Итак, динамика организованного насилия в Европе выглядит примерно следующим образом: стабильный, но низкий уровень конфликтов с 1400 по 1600 г., кровопролитная баня религиозных войн, неровный спад до 1775 г., затем беспорядки во Франции, заметное затишье в середине и конце XIX в., а затем, после гемоклизма XX в., беспрецедентно низкий, сливающийся с землей уровень Долгого мира.

Какой смысл мы можем извлечь из медленных течений и внезапных скачков насилия с участием великих держав Европы за последние полтысячелетия? Мы достигли точки, в которой статистика должна передать слово повествовательной истории. В следующей части я расскажу, что скрывается за графиками, подкрепляя цифры, предоставленные счетчиками конфликтов, рассказами таких историков и политологов, как Дэвид Белл, Нил Фергюсон, Азар Гат, Майкл Говард, Джон Киган, Эван Луард, Джон Мюллер, Джеймс Пейн и Джеймс Шихан.

Чтобы получить некоторое представление о том, что будет дальше, подумайте о зигзагах на рис. 5–18 как о составляющей четырех течений. Современная Европа родилась из гоббсовского состояния частых, но небольших войн. Войн становилось меньше по мере того, как политические единицы укрупнялись. Одновременно войны становились все смертоноснее, потому что революция в военном деле позволяла создавать многочисленные и эффективные армии. Кроме того, в различные периоды европейские страны лавировали между тоталитарными идеологиями, подчиняющими интересы отдельных людей утопическим фантазиям, и просвещенческим

гуманизмом, считавшим эти интересы высшей ценностью.

ГОББСОВСКИЙ ФОН И ЭПОХИ ДИНАСТИЙ И РЕЛИГИЙ

Почти все последнее тысячелетие европейская история разыгрывалась на фоне непрекращающихся войн. Начиная с рыцарских распрей и набегов Средневековья все вновь возникающие политические единицы немедленно начинали воевать.

Само количество европейских войн просто не укладывается в голове. Бреке составил приквел к своему Каталогу конфликтов, в который включил 1148 конфликтов, относящихся к периоду с 900 г. н.э. до 1400 г. н.э., а сам каталог содержит еще 1166, случившихся с 1400 г. н.э. до настоящего времени, — примерно два новых ежегодно на протяжении 11 столетий⁸⁸. Львиную долю этих конфликтов, включая основную часть больших войн с участием великих держав, припомнят только самые усидчивые историки. Упоминание таких, к примеру, событий, как Датско-шведская война (1516–1525 гг.), Шмалькальденская война (1546–1547 гг.), Франко-савойская война (1600–1601 гг.), Польско-турецкая война (1673–1676 гг.), Война за клевское наследство (1609–1610 гг.) и Австро-итальянская война (1848–1849 гг.), заставляет даже самых образованных людей в недоумении морщить лоб⁸⁹.

Войны не только повсеместно велись на практике, они одобрялись и в теории. Говард заметил, что среди правящих классов «мир считался коротким интервалом между войнами», а войны были «почти бессознательной деятельностью, частью

естественного хода вещей»²⁰. Луард добавляет, что в битвах XV и XVI в. уровень смертности был сравнительно невысок, но, «даже если людские потери были высоки, нет никаких свидетельств, что это как-то влияло на правителей или военачальников. Смерти, как правило, считались неизбежными издержками войны, по определению славной и почетной»²¹.

Из-за чего они воевали? Мотивами были «три основные причины войны», по Гоббсу: нажива (чаще всего территория), упреждение нападения с целью наживы со стороны других и эффективное устрашение, оно же «честь». Принципиальная разница между европейскими войнами и налетами и усобицами кланов, рыцарей и полевых командиров состояла в том, что войны велись организованными политическими единицами, а не отдельными личностями или племенами. Завоевание и грабеж были основным инструментом вертикальной мобильности в века, когда богатство извлекалось из земли и ресурсов, а не из торговли и инноваций. Сегодня управление территорией не кажется нам особенно привлекательным карьерным выбором. Но выражение «Жить как король» напоминает, что столетия назад только оно могло обеспечить блага вроде обильной пищи, комфортабельного жилья, красивых вещей, круглосуточных развлечений и детей, способных прожить дольше года. Вечные исторические сложности, связанные с королевскими бастардами, намекают, что европейские короли всю пользовались нематериальной привилегией бурной сексуальной жизни, не уступая султанам с их гаремами, а слово «фрейлина» было эвфемизмом для «наложница»²².

Лидеры стремились не только к материальным вознаграждениям, но и к удовлетворению духовных запросов — жажды власти, славы и величия — наслаждения видеть, как все больше квадратных сантиметров политической карты Европы окрашивается в их цвета. Луард замечает, что, даже когда некие территории принадлежали правителям лишь номинально, они и в отсутствие реальной власти отправлялись воевать за «теоретическое право господства: кто должен присягать кому и от имени какой территории»⁹³. Часто войны служили лишь для выяснения, кто же «первый парень на деревне». На кону не стояло ничего, кроме желания одного из лидеров, чтобы другие платили ему дань уважения в форме титулов, любезностей или самого почетного места за столом. Война могла вспыхнуть из-за таких символических оскорблений, как отказ опустить флаг, приветствовать по правилам, убрать геральдический символ с герба или следовать протоколу старшинства послов⁹⁴.

Хотя желание королей возглавлять самый мощный политический союз не исчезало никогда, менялось определение союза, а вместе с ним природа и длительность конфликтов. В книге «Война на международной арене» (*War in International Society*), самой структурированной попытке совместить численные данные о войнах с повествовательной историей, Луард предлагает разделить всю историю вооруженных конфликтов в Европе на пять «эпох», каждая из которых определяется природой союзов, оспаривавших лидерство. На деле «эпохи» Луарда больше похожи на переплетающиеся нити в веревке, чем на вагончики, следующие друг за другом, но, если держать этот факт в уме, очерченная им схема

помогает систематизировать главные сдвиги в истории войн.

Первую из выделенных им эпох, длившуюся с 1400 по 1599 г., Луард назвал Эпохой династий. В то время королевские «дома», или коалиции, основанные на кровном родстве, бились за контроль над европейскими землями. Базовые знания по биологии объяснят, почему идея передачи лидерства по праву рождения — прямой путь к бесконечным войнам за наследство.

Властители постоянно сталкиваются с дилеммой: как совместить жажду вечной власти с осознанием собственной смертности. Естественным решением кажется выбрать потомка, обычно первородного сына, и назначить его своим преемником. Люди, как правило, не только считают потомство своим продолжением, но и рассчитывают, что сыновняя любовь подавит соблазн наследника слегка ускорить ход событий с помощью небольшого цареубийства. Это явилось бы хорошим выходом для биологического вида, представители которого были бы способны делиться и отпочковывать взрослые клоны самих себя незадолго до собственной смерти. Но в случае с *Homo sapiens* такая схема не работает.

Во-первых, люди рождаются незрелыми, в младенчестве они беспомощны, и детство у них длинное. Следовательно, отец может умереть, пока сын еще слишком мал, чтобы править. Во-вторых, черты характера полигенетичны, а значит, подчиняются статистическому закону регрессии к среднему: каким бы исключительно смелым и мудрым ни был родитель, его детям в среднем будет отвешено

меньше этих качеств. Как написала критик Ребекка Вест, за 645 лет династия Габсбургов не произвела на свет «ни одного гения, только пару способных правителей... а также бесчисленное количество бездарей и немало слабоумных и психопатов»²⁵. В-третьих, люди размножаются половым путем, и каждая личность — ветвь не одного, а двух генеалогических древ, и оба могут претендовать на верность человека, пока он жив, и на его наследство, когда он умрет. В-четвертых, люди сексуально диморфны и, хотя женские особи нашего вида в среднем получают меньше удовольствия от завоеваний и тирании, чем мужские, многие женщины способны при случае развить вкус к насилию. В-пятых, люди несколько полигамны, так что мужчины производят на свет бастардов, которые могут составить конкуренцию законному наследнику. В-шестых, люди плодовиты и на протяжении фертильных лет рожают нескольких потомков. Это готовит сцену как для конфликта отцов и детей, когда сын желает взять в свои руки генеалогическую франшизу до того, как отец сложит с себя полномочия, так и для соперничества сиблингов, потому что младший ребенок завидует родительским инвестициям в первенца. В-седьмых, люди склонны к семейному протекционизму и инвестируют не только в своих детей, но и в племянников тоже. Каждый из этих биологических фактов, а зачастую несколько сразу создают почву для разногласий при выборе подходящего преемника преставившегося монарха, и европейцы улаживали эти разногласия в бесконечных династических войнах²⁶.

~

Начало Эпохи религий Луард отсчитывает с 1559 г., а продлилась она до Вестфальского мира, в 1648 г. положившего конец Тридцатилетней войне. Противоборствующие религиозные коалиции, часто объединяясь с королями в соответствии с правилом *Un roi, une loi, une foi* («Один король, один закон, одна вера»), боролись за контроль над городами и странами как минимум в 25 межгосударственных войнах и 26 гражданских. Обычно это была война протестантов и католиков, но в России в Смутное время (междоцарствие от правления Бориса Годунова до прихода к власти династии Романовых) соперничали католическая и православная церкви. Религиозная лихорадка не ограничивалась христианским миром: христианские страны бились с мусульманской Турцией, а мусульмане — сунниты и шииты — участвовали в четырех войнах между Турцией и Персией.

Эпоха религий добавила бойни номер 13, 14 и 17 в масштабированный относительно размеров популяции список двадцати-одного-наихудшего-события на с. 248 и отметилась резкими пиками смертей (см. рис. 5–15 и 5–18). Эти рекордные показатели отчасти объясняются развитием военных технологий — мушкетов, пик и артиллерии. Но основным фактором должно было стать нечто другое, ведь в последующие века вооружения становились все более опасными, но уровень смертей при этом падал. Истинной причиной Луард считает религиозные страсти:

Военные действия, как никогда прежде, затрагивали мирное население, которое (особенно если верило в неправильного бога) часто считалось расходным материалом, что повышало жестокость войн и количество жертв. Божественным гневом можно было оправдать самые жуткие бойни. Герцог Альба, захватив Наарден (1572), уничтожил все мужское население города, объявив это наказанием Божиим за их жестоководное

упрямство в сопротивлении; а позже Кромвель, разрешив своим войскам устроить резню в ирландской Дроэде (1649), сказал, что это была «справедливая кара Божия». Жестокий парадокс: воевавшие за веру менее других были склонны проявлять милосердие к противнику. Поэтому в областях, сильнее всего страдавших от религиозных конфликтов той эпохи, ужасающее количество смертей происходило не только от военных действий, но и от голода и уничтожения посевов⁹⁷.

Названия вроде «Тридцатилетняя война» и «Восьмидесятилетняя война» (Война за независимость Нидерландов), как и неравномерные пики на графике длительности войн (рис. 5–14), дают понять, что религиозные войны были не только интенсивными, но и нескончаемыми. Историк дипломатии Гарретт Мэттингли замечает, что в тот период главный механизм завершения войн перестал работать: «Так как религиозные вопросы доминировали над политическими, любые переговоры с врагами граничили с ересью и предательством. Противоречия, разделявшие католиков и протестантов, не могли быть предметом обсуждения. Следовательно, дипломатические контакты сократились»⁹⁸. И это далеко не последний раз, когда одержимость идеологией подливала масла в огонь войны.

ТРИ ТЕЧЕНИЯ ЭПОХИ СУВЕРЕНИТЕТОВ

Историки считают, что Вестфальский мир 1648 г. не только положил конец религиозным войнам, но стал первым шагом на пути к современному международному порядку. Европа больше не напоминала пестрое лоскутное одеяло юрисдикций, номинально контролируемых римским папой и императором Священной Римской империи, а была поделена на суверенные государства. В Эпоху суверенитетов росло влияние государств, которые все еще ассоциировались с династиями и религиями, но

на деле основывали свое могущество на силе своих правительств, своей территории и экономики. Именно постепенное становление суверенных государств (кульминация процесса, начавшегося задолго до 1648 г.) породило два противоположно направленных тренда, заметных в каждом статистическом исследовании войн: они становились реже, но наносили все больше ущерба.

Главной причиной снижения числа войн стало уменьшение количества политических единиц, способных воевать друг с другом. Вспомните, что во времена Тридцатилетней войны в Европе насчитывалось 500 политических единиц, а к 1950-м гг. их было уже меньше 30⁹⁹. Но не может ли тогда снижение частоты войн быть попросту статистическим трюком? Взяв в руки ластик, дипломаты стерли линию на карте, которая разделяла враждующие стороны, и чудесным образом исключили их свары из числа межгосударственных войн, переместив в «гражданские». Но нет, этот спад реален. Как показал Ричардсон, на одной и той же территории случается гораздо меньше гражданских войн внутри границ государства, чем войн, пересекающих границы. В Англии, например, не случалось настоящей гражданской войны больше 350 лет, а вот с другими государствами она с тех пор воевала неоднократно. Это еще одна иллюстрация логики Левиафана. Когда мелкие графства и вотчины сливались в королевства, централизованная власть больше не позволяла им выяснять отношения друг с другом по тем же самым причинам, по которым власти не одобряют убийства (а фермеры не разрешают своей скотине драться): с точки зрения властителя, локальные войны на его территории — это чистые убытки. Таким образом, снижение частоты

войн — еще одно проявление процесса цивилизации, по Элиасу.

А вот повышение смертоносности войн — результат революции в военном деле¹⁰⁰. Государства взялись за вооружение всерьез. Совершенствовались оружие, особенно пушки и ружья, кроме того, государства могли увеличить число новобранцев, предназначенных убивать и умирать. В средневековой Европе и в Эпоху династий правители не без причины опасались давать крестьянам в руки оружие и обучать их военному делу. (Прямо-таки слышишь, как они задаются вопросом: «А если что-то пойдет не так?») Вместо этого они по мере необходимости собирали ополчения, вербуя наемников из правонарушителей и лоботрясов, которые не смогли откупиться. В своем эссе «Война и государство как организованная преступность» (War Making and State Making as Organized Crime) Чарльз Тилли пишет:

Во время войны... государственные власти подряжали частные корабли, нанимали бандитов, чтобы те устраивали набеги на противника, поощряли регулярные войска к грабегам и мародерству. Ожидалось, что солдаты и матросы на королевской службе самостоятельно обеспечат себе содержание за счет мирного населения — реквизируя, воруя и грабя. По окончании службы они частенько продолжали делать то же самое, но уже лишившись королевской защиты; бывшие моряки становились пиратами, бывшие солдаты — разбойниками.

Механизм работал и в обратном направлении: частенько короли вербовали вооруженных сторонников из отщепенцев. История о том, как Робин Гуд стал королевским лучником, может, и миф, но миф, отражающий реальность. Разница между «законным» и «незаконным» использованием насилия прояснялась не сразу, а по мере того, как вооруженные силы государств становились сравнительно единообразными и регулярными¹⁰¹.

По мере того как вооруженные силы становились единообразными и регулярными, они становились и более эффективными. Отморозки, из которых раньше состояли ополчения, могли нанести большой урон

мирному населению, но от них было мало толку в организованных сражениях, потому что мужество и дисциплина ничем их не привлекали. Мюллер поясняет:

В конце концов, кредо преступника вовсе не «Всегда готов!», «Один за всех и все за одного!», «Долг, честь, страна», «Банзай!» или «Помни Пёрл-Харбор!», но «Хватай деньги и беги». Для преступника гибель в бою (или при ограблении банка) — полный абсурд; ужасно глупо умирать ради острых ощущений и тем более ради награбленного добра, потому что, в конце концов, ты не сможешь взять его с собой в могилу¹⁰².

Но во время революции в военном деле XVI–XVII вв. государства взялись за создание постоянных профессиональных армий. Теперь они не только скребли по самому дну, но массово вербовали новобранцев из разных слоев общества. Муштрой, идеологической обработкой и жестокими наказаниями солдат готовили к организованным сражениям. Им внушали кодекс воинской дисциплины, стоицизма и отваги. В результате при столкновении двух регулярных армий число жертв мгновенно взлетало до небес.

Военный историк Азар Гат утверждает, что неправильно называть «революцией» то, что на самом деле было постепенным развитием¹⁰³. Процесс повышения эффективности армий был одной из сторон многовекового процесса технологического и организационного прогресса, повысившего эффективность *вообще всего*. Причем Наполеону, заменившему позиционные бои (при которых обе стороны пытаются сохранить своих солдат) смелыми атаками (когда задействуется любой доступный ресурс, чтобы сразу и полностью разгромить врага), приписывается новое достижение в увеличении числа смертей на полях сражений, превосходящее даже успехи революции военного дела¹⁰⁴. И еще одним

«шагом вперед» стала начавшаяся в XIX в. Промышленная революция, позволившая кормить, экипировать и быстро доставлять на фронт небывалое количество солдат. Возобновляемые источники пушечного мяса поддерживали огонь игры на истощение, продвигая войны все дальше вдоль толстого хвоста степенного распределения.

Одновременно с безостановочным наращиванием военной мощи укреплялась и вторая сила, способствующая снижению частоты военных действий (первая — консолидация государства). Многие историки называют XVIII в. передышкой в нескончаемой истории европейских войн. В предыдущей главе я упоминал, что такие империи, как Голландия, Швеция, Дания, Португалия и Испания, перестали соперничать с великими державами и перенаправили свою энергию с завоеваний на торговлю. Бреке пишет о «сравнительно мирном XVIII столетии» (по крайней мере, с 1713 по 1789 г.), который на рис. 5–17 выглядит как U-образный провал, а на рис. 5–18 — как неглубокая искривленная буква W между пиками религиозных и французских войн. Луард замечает, что в Эпоху суверенитетов с 1648 по 1789 г. «цели носили сравнительно ограниченный характер; многие войны так или иначе оканчивались вничью, и ни одна из сторон не достигала максимума своих целей. Часто войны длились долго, но умышленно велись сдержанными методами, и потери были не такими тяжелыми, как в предшествующие или последующие века». Конечно, и в XVIII в. случилось несколько кровопролитных драк, например мировая война, известная как Семилетняя, но, как замечает Дэвид

Белл, «историкам приходится научиться различать оттенки ужасности и, даже если восемнадцатое столетие и не превратило капающих слюной псов войны в “дрессированных пуделей”... конфликты этого периода все-таки относятся к наименее ужасным в истории Европы»¹⁰⁵.

И как мы выяснили в главе 4, этим затишьем мы обязаны Гуманитарной революции, нераздельно связанной с Веком разума, Просвещением и зарождением классического либерализма. Охлаждение религиозных страстей лишило войны их эсхатологического смысла, и лидеры теперь могли вести переговоры, а не сражаться до последнего человека. Суверенные государства стали торговыми державами и предпочитали торговлю с положительной суммой завоеваниям, чья сумма отрицательна. Прославленные писатели деконструировали концепцию чести, приравнивали войну к убийству, высмеивали европейскую историю насилия, описывали события с точки зрения солдат и завоеванных народов. Философы дали новое определение правительству: если раньше оно считалось средством воплощения желаний монарха, то теперь — инструментом улучшения жизни, свободы и счастья людей — и пытались придумать, как ограничить власть политических лидеров и побудить их отказаться от войн. Идеи просочились наверх и повлияли как минимум на некоторых правителей того времени. И хотя их «просвещенный абсолютизм» не перестал быть абсолютизмом, он был все же лучше абсолютизма непросвещенного. Кроме того, в XVIII в. в США и Великобритании пробились первые ростки либеральных демократий (которые, как мы увидим, оказались умиротворяющей силой).

ИДЕОЛОГИИ КОНТРПРОСВЕЩЕНИЯ И ЭПОХА НАЦИОНАЛИЗМА

Конечно, дальше все пошло вразнос. Французская революция, французские революционные и Наполеоновские войны стали причиной как минимум 4 млн смертей, заняв сразу несколько строк в списке «Самых ужасных дел» и сформировав резкий пик графика военных потерь на рис. 5–18.

Луард считает 1789 г. началом Эпохи национализма. Игроки предшествующей Эпохи суверенитетов захватывали территории, формируя династические империи, не ограниченные понятием «нации» как народа с общей землей, языком и культурой. В новую эпоху на сцену вышли государства, определяющие себя через национальную принадлежность своих граждан и соревнующиеся с другими нациями за превосходство. Националистические чаяния спровоцировали 30 войн за независимость в Европе и привели к независимости Бельгию, Грецию, Болгарию, Албанию и Сербию. Они же стали причиной войн за объединение Италии и Германии. Народы Азии и Африки тогда не считались достойными национального самовыражения, так что европейские государства укрепляли свою славу, колонизируя их.

В такой схеме Первая мировая война выглядит кульминацией этих националистических чаяний. Ее разжег сербский национализм, бросивший вызов империи Габсбургов, масла в огонь подлило националистическое противостояние германских и славянских народов (а вскоре и британцев и французов), а в результате многонациональные империя Габсбургов и Оттоманская империя

распались, а на карте Центральной и Восточной Европы появились новые национальные государства.

Конец Эпохи национализма Луард относит к 1917 г. Тогда в войну вступили Соединенные Штаты, переопределив ее как борьбу за демократию против тирании. Одним из итогов войны стала Октябрьская революция в России, которая привела к созданию первого коммунистического государства, и мир вошел в Эпоху идеологий, когда демократия и коммунизм воевали во Второй мировой войне с нацизмом и в холодной войне — друг с другом. В 1986 г. Луард после «1917» поставил тире и пробел, сегодня же мы можем дописать дату окончания Эпохи идеологий — 1989 г.

Концепция Эпохи национализма втиснута в довольно жесткие рамки. Начался этот период с французских революционных и Наполеоновских войн, возбужденных националистическими настроениями французов. Но эти войны были равно вдохновлены и идеями Французской революции — задолго до так называемой Эпохи идеологий. На графике эта эпоха напоминает трехслойный сэндвич — с разрушительными войнами в начале и конце и двумя рекордно длинными мирными интервалами (1815–1854 и 1871–1914 гг.) в середине.

Куда лучше можно понять последние два столетия, утверждает Майкл Говард, если рассматривать их как борьбу за влияние между четырьмя силами, которые порой вступали во временные союзы, — просвещенческим гуманизмом, консерватизмом, национализмом и утопическими идеологиями¹⁰⁶. Наполеоновская Франция, наследница идей Французской революции, в Европе стала ассоциироваться с французским Просвещением, хотя на самом деле была скорее первым воплощением

фашизма. Да, Наполеон осуществил несколько разумных реформ: например, ввел метрическую систему мер и Гражданский кодекс (который до сих пор действует во многих регионах мира, испытавших влияние Франции). Но по большей части он вращал стрелки часов истории в обратную сторону, удаляясь от гуманистических достижений Просвещения. Наполеон захватил власть путем переворота, уничтожил конституционное правление, восстановил рабство, прославлял войну, заставил папу короновать его императором, восстановил католицизм как государственную религию, посадил трех своих братьев и зятя на престолы других государств и с преступным пренебрежением к человеческой жизни вел безжалостные завоевательные кампании.

Белл показал, что революционная и наполеоновская Франция была одержима комбинацией французского национализма и утопической идеологии¹⁰⁷. Эта идеология, как различные версии христианства до нее и фашизм и коммунизм после, была мессианской, апокалиптической, экспансионистской и убежденной в собственной непогрешимости. Оппонентов она считала неисправимым злом, экзистенциальной угрозой, которая должна быть уничтожена ради достижения высшей цели. Белл замечает, что воинствующий утопизм исказил идеалы гуманистического прогресса Просвещения. Для революционеров кантовская «цель вечного мира имела ценность не потому, что удовлетворяла фундаментальному нравственному закону, но потому, что соответствовала историческому прогрессу цивилизации... Так они открыли дорогу идее, что во имя будущего мира все средства хороши — даже война на уничтожение»¹⁰⁸. Сам Кант презирал эту

интерпретацию, замечая, что такая война «привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества»[\[59\]](#). Отцы-основатели Америки, тоже осведомленные о том, из каких кривых досок сколочено человечество, были прямо-таки одержимы страхом перед явлением вождей империалистического или мессианского типа.

Французская идеология, насаждаемая штыками, распозлзлась по Европе. Неимоверной ценой она была вытеснена, однако дала начало множеству идей и философских течений, которые, как описано в главе 4, объединялись под флагом Контрпросвещения. Говард считает, что их общим знаменателем было «мнение, что человек не просто личность, которая, наблюдая и рассуждая, способна формулировать законы и строить на их основе справедливый и мирный социум, но прежде всего член общины, которая его формирует по законам, ему самому до конца непонятным, и которой он обязан оставаться верным».

Вспомним, что в Контрпросвещении было два основных течения, по-разному отозвавшихся на французскую заразу. Консерватизм Эдмунда Берка отстаивал мысль, что нравы общества — это проверенные временем проявления процесса цивилизации, укротившего темную сторону человеческой природы, и как таковые заслуживают уважения не меньшего, чем формалистические рассуждения интеллектуалов и реформаторов. Консерватизм Берка, сам по себе яркий пример рационализма, стремился всего лишь слегка откорректировать гуманизм Просвещения. Но романтический национализм Иоганна Готфрида фон Гердера разнес этот идеал в клочья. Гердер утверждал, что этническая группа — конкретно германский *Volk* — обладает уникальными качествами, которые не

позволят ей слиться воедино с человечеством в целом, и скреплена она узами крови и почвы, а не разумным общественным договором.

Согласно Говарду, «этому противоречию между Просвещением и Контрпросвещением, между личностью и народом суждено было пропитать и во многом сформировать историю Европы в XIX веке и всего мира в веке последовавшем»¹⁰⁹. В эти два столетия консерватизм Берка, просвещенный либерализм и романтический национализм сталкивались друг с другом в самых разных комбинациях (порой вынужденно объединяясь).

Венский конгресс 1815 г., где государственные мужи великих держав проектировали систему международных отношений, которая продержится почти столетие, стал триумфом берковского консерватизма, ценившего стабильность выше всего. Тем не менее, замечает Говард, архитекторы мира «были наследниками идей Просвещения в той же мере, что и деятели Французской революции. Они не верили ни в Божественное право королей, ни в священный авторитет Церкви; но, так как и король, и Церковь были необходимыми инструментами установления и поддержания внутреннего порядка, который столь грубо нарушила революция, их власть должна была быть повсеместно восстановлена и признана»¹¹⁰. Еще важнее, что «они больше не считали войну между крупными государствами неизбежной частью международных отношений. События предыдущих 25 лет показали, что это слишком опасно». Великие державы взяли на себя обязательства по сохранению мира и порядка (которые теперь отождествлялись). Этот «Европейский концерт» (Венская система

международных отношений) стал предтечей Лиги Наций, ООН и Евросоюза. Этому международному Левиафану принадлежит значительная заслуга в установлении длительных периодов мира в Европе XIX столетия.

Но стабильность эта насаждалась монархами, чьи владения представляли собой беспорядочные конгломераты этнических групп. И эти группы начали громко требовать участия в управлении своими делами. В результате пышным цветом расцвел национализм, который, по Говарду, «основан не столько на всеобщих правах человека, сколько на праве наций пробивать себе дорогу к жизни и защищать свое существование». Мир — не та ценность, о которой беспокоились в краткосрочной перспективе; мир наступит, «только когда все нации станут свободными. Между тем [нации] отстаивали свое право использовать в борьбе за свободу все доступные средства, начав именно те национально-освободительные войны, которые должна была предотвратить Венская система»¹¹¹.

Вскоре националистические чувства проникли во все политические течения. Единожды возникнув, национальные государства стали новой нормой, которую теперь стремились сохранять консерваторы. По мере того как монархи становились лицами наций, консерватизм и национализм постепенно сливались¹¹². А в умах многих интеллектуалов романтический национализм сплелся с гегелевской доктриной о том, что история — это неумолимая диалектика прогресса. Как кратко сформулировал эту доктрину Луард, «вся история представляет собой выполнение некоего Божественного плана; а война — способ, которым суверенные государства, через

которые план проявляет себя, регулируют свои разногласия, двигаясь к возникновению более совершенных государств (таких как Пруссия), знаменующему достижение этой Божественной цели»¹¹³. Со временем эта доктрина дала начало мессианским, воинствующим романтическо-националистическим движениям — фашизму и нацизму. Коммунизм XX в. тоже понимал историю как всемогущую диалектику насильственного освобождения, только вместо наций у него были классы¹¹⁴.

Можно подумать, что либеральные последователи британского, американского и кантианского Просвещения должны были бы оказать противодействие этому все более воинственному национализму, но оказались меж двух огней: не могли же они стать на сторону традиционных автократических монархий и империй! Так либерализм заключил союз с национализмом, прикрывшись маской «самоопределения народов», в какой-то идее было нечто смутно демократическое. К несчастью, дымка гуманизма, окутывающая эту фразу, обязана своим появлением роковой синекдохе. Термин «нация», или «народ», стал обозначать всех отдельных мужчин, женщин и детей, из которых и состоит нация, а потом нацию целиком стали олицетворять политические лидеры. Правитель, флаг, армия, территория, язык теперь уравнивались с миллионами людей из плоти и крови. Либеральная доктрина самоопределения народов была закреплена в речи Вудро Вильсона в 1916 г. и стала основой нового миропорядка, установившегося после Первой мировой войны. Одним из тех, кто мгновенно увидел внутреннюю противоречивость идеи «самоопределения народов», был госсекретарь

Вильсона Роберт Лансинг, который записал в своем дневнике:

Эта фраза просто начинена динамитом. Она питает надежды, которые никогда не осуществляются. Боюсь, она будет стоить тысячи жизней. И в итоге обязательно будет дискредитирована, названа мечтой идеалиста, который не смог распознать опасность, пока не стало слишком поздно останавливать тех, кто решит претворить этот принцип в жизнь. Какое несчастье, что эта фраза вообще прозвучала! Сколько горя она принесет! Страшно представить, что почувствует ее автор, подсчитав, сколько людей погибло из-за того, что он ее произнес!¹¹⁵

Лансинг ошибся только в одном: заплатить пришлось не тысячами, а десятками миллионов жизней. Опасность идеи «самоопределения» в том, что в действительности такой вещи, как «нация», в смысле этнокультурной группы, которой соответствует некий кусок земли, попросту не существует. В отличие от деревьев и гор, у людей есть ноги. Они переезжают в места, где больше возможностей, и зовут с собой друзей и родственников. Такая демографическая смесь превращает ландшафт во фрактал, в котором меньшинства находятся внутри меньшинств внутри меньшинств. Правительство, обладающее суверенной властью над территорией и заявляющее, что представляет нацию, никогда не сможет представлять интересы множества отдельных личностей, живущих на этой территории, проявляя при этом собственническую заинтересованность в людях, живущих на других территориях. Если благословенная Утопия — это мир, в котором политические границы совпадают с границами этническими, лидеры захотят поторопить ее приход с помощью этнических чисток и ирредентизма. А в отсутствие либеральной демократии и стойкой приверженности правам человека синекдоха, в рамках которой политические лидеры подменяют собой народ, превратит в пародию любую международную конфедерацию (такую, как

Генеральная Ассамблея ООН). Мелких диктаторов приглашают в семью наций и вручают им карт-бланш, дающий право безнаказанно морить граждан голодом, сажать их в тюрьмы и убивать.

Еще одним новшеством XIX в., которое положит конец длинному периоду мира в Европе, стал романтический милитаризм — доктрина, что война, независимо от ее стратегических целей, благотворна сама по себе. И среди либералов, и среди консерваторов распространилось мнение, что война развивает такие духовные качества, как героизм, готовность к самопожертвованию и мужественность, и необходима буржуазному обществу в качестве бодрящей очистительной терапии, излечивающей от изнеженности и материализма. Идея, что есть что-то изначально восхитительное в деятельности, цель которой — убивать людей и уничтожать вещи, сегодня кажется абсолютно безумной. Но в то время интеллектуалы захлебывались от восторга:

Война почти всегда расширяет умственный горизонт народа, возвышает его чувства.

Алексис де Токвиль

[Война — это] сама жизнь... Чтобы мир существовал, нужно есть и быть съеденным. И лишь воинственные нации всегда процветали, нация умрет, как только разоружится.

Эмиль Золя

Величие войны — в полном растворении ничтожного человека в великом понятии Государства. Она выявляет все великолепие самопожертвования соотечественников ради блага друг друга... любовь, дружелюбие и силу этих взаимных умонастроений.

Генрих фон Трейчке

Когда я утверждаю, что война — основа всех искусств, я имею в виду, что это основа всех высоких добродетелей и способностей человека.

Джон Рёскин

Война <...> поддерживает нравственное здоровье народов в индифференции против частных определенностей и против привыкания и окостенения^[60].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Война! Мы чувствуем очищение, освобождение, мы чувствуем великую надежду.

Томас Манн

Война необходима для развития человечества.

*Игорь Стравинский*¹¹⁶

Мир же, напротив, был «фантазией, и притом неприятной», как писал немецкий военный стратег Гельмут фон Мольтке, «без войны мир погрязнет в материализме»¹¹⁷. Фридрих Ницше соглашался: «Ожидать многого (если вообще чего-то) от человечества, если оно забудет, как воевать, — чистая иллюзия и прекраснодушие». По словам британского историка Джона Адама Крэмба, вечный мир будет означать, что «человечество, словно стадо коров, погрузилось в пережевывание жвачки... ночной кошмар, который может осуществиться, только если Солнце замерзнет и звезды сойдут с орбит»¹¹⁸.

Даже мыслители, выступавшие против войны, — Кант, Адам Смит, Ральф Уолдо Эмерсон, Оливер Уэнделл Холмс, Герберт Уэллс и Уильям Джеймс — находили для нее и добрые слова. Название написанного в 1906 г. эссе Джеймса «Моральный эквивалент войны» отсылает читателя не к чему-то такому же ужасному, как война, но к чему-то столь же прекрасному¹¹⁹. Разумеется, автор начинает с высмеивания взглядов романтического милитаризма:

«Ужасы» военного времени — приемлемая цена, которую мы вынуждены платить за бегство из затхлого мира конторских делопроизводителей, клерков и гувернеров, мира благотворительных фондов и потребительских обществ, смешанных школ и кружков любителей домашних животных, алчных магнатов и разнузданных феминистов. Жизнь без риска, отваги, самопожертвования, жалкое прозябание в

благоустроенном социальном ягнятнике... Что может быть хуже, презреннее такого существования?[61].

Но затем он внезапно соглашается, что «мужественность должна иметь дополнительную подпитку и новые области приложения; добродетели воина-аскета должны и впредь культивироваться, а презрение к мягкотелости, благородная удаль, готовность служить бескорыстно и преданно — оставаться фундаментом, на котором зиждется государство»[62]. И он предлагает программу обязательной общенациональной службы, которая «закалит наших юных тружеников, выбьет из них ребячество»[63], в угольных шахтах, литейных цехах, на рыболовецких судах и стройплощадках.

Романтический национализм и романтический милитаризм подпитывали друг друга, особенно в Германии, которая довольно поздно присоединилась к семье европейских государств и чувствовала, что тоже достойна быть империей. В Англии и Франции романтический милитаризм внедрял в головы людей мысль, что перспектива войны вовсе не так ужасна. Напротив, Хилэр Беллок писал: «Как же я хочу Великой войны! Она вычистит Европу не хуже метлы»¹²⁰. Поль Валери ощущал то же самое: «Я почти жажду чудовищной войны»¹²¹. Даже Шерлок Холмс отметил. В 1914 г. Артур Конан Дойл вложил в его уста слова: «[Это будет] холодный, колючий ветер, Ватсон, и может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан Богом, и, когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее»[64]¹²². Метафоры множились: новая метла, бодрящий ветер, нож садовника, очистительный шторм, очищающий огонь. Незадолго до своего поступления на морскую службу британский поэт Руперт Брук написал:

Велик Господь, к себе призвавший в час условленный,
Поймав нас, юных, пробудивший спящих,
Пределльно ловких, зорких, с верою не сломленной;
Сродни нырлящикам в прыжке изящном^[65].

«Конечно, нырлящики прыгали не в чистую воду, они купались в крови». Так прокомментировал критик Адам Гопник в 2004 г. появление семи новых книг, авторы которых все еще, столетие спустя, пытались выяснить, почему же разразилась Первая мировая война¹²³. Это была чудовищная мясорубка: 8,5 млн смертей на поле боя и около 15 млн в общем всего за четыре года¹²⁴. Вину за эту кровопролитную оргию нельзя возложить на один только романтический милитаризм. Писатели прославляли войну как минимум с XVIII в., но постнаполеоновский XIX в. ознаменовался двумя беспрецедентными по длительности периодами мира. Первая мировая стала идеальным штормом, в котором по воле железных игральных костей Марса внезапно слились самые разные деструктивные течения: милитаристские и националистические идеологии, внезапное столкновение амбиций, угрожавшее подорвать авторитет каждой из великих держав, гоббсовская ловушка, попав в которую напуганные лидеры атаковали, чтобы не быть атакованными, самонадеянность, убеждавшая каждого из них, что победа будет быстрой, военная техника, способная доставлять многочисленные армии к линии фронта, где те гибли сразу по прибытии, и игра на истощение, вынуждавшая обе стороны тратить все больше и погружаться в губительную ситуацию все глубже, — а нажал на спусковой крючок сербский националист, которому выпал шанс.

ГУМАНИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ В ЭПОХУ ИДЕОЛОГИЙ

В Эпоху идеологий, начавшуюся в 1917 г., курс на войну был предопределен системой фаталистических верований Контрпросвещения XIX в. Романтический воинствующий национализм подстегнул экспансионистские планы фашистской Италии, императорской Японии и нацистской Германии, которая к тому же испытала влияние расистской псевдонауки. Элиты этих стран выступали против упаднического индивидуализма и универсализма либерального Запада, руководствуясь убеждением, что судьбой им назначено править некой частью суши: Средиземноморьем, Тихоокеанским кольцом и Европейским континентом, соответственно¹²⁵. Вторая мировая война началась с вторжений, предпринятых диктаторами с целью исполнить свое предназначение. В то же самое время романтический военный коммунизм вдохновил на завоевания Советский Союз и Китай, которые стремились поторопить диалектический процесс свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата во всем мире. Холодной войной мы обязаны решимости США сдерживать подобные поползновения хотя бы в границах, установленных по окончании Второй мировой¹²⁶.

Но в этом описании упущен важный аспект, пожалуй сильнее всего повлиявший на историю XX столетия. Мюллер, Говард, Пейн и другие историки напоминают, что в XIX в. развивалось еще одно направление мысли: критика войны с позиций Просвещения¹²⁷. В отличие от либеральных сил, подавшихся обаянию национализма, антивоенное движение удерживало в поле внимания человека как

единицу, чьи интересы первостепенны. Это философское течение обращалось к кантианским принципам демократии, торговли, всеобщего гражданства и международного закона как к средствам установления мира.

В круг великих умов антивоенного движения XIX и начала XX в. входили квакер Джон Брайт, аболиционист Уильям Ллойд Гаррисон, сторонники теории мирной торговли Джон Стюарт Милль и Ричард Кобден, писатели-пацифисты Лев Толстой, Виктор Гюго, Марк Твен и Джордж Бернард Шоу, философ Бертран Рассел, промышленники Эндрю Карнеги и Альфред Нобель (учредитель Нобелевской премии мира), целый ряд феминисток и некоторые социалисты (следовавшие девизу «Штык — это оружие, с каждой стороны которого находится по рабочему»). Эти нравственные подвижники основывали новые институции, призванные предотвращать и сдерживать войны: Международный арбитражный суд в Гааге и Женевские конвенции, регулирующие ведение войны.

Идея мира впервые овладела умами людей после публикации двух бестселлеров. В 1889 г. австрийская писательница Берта фон Зутнер опубликовала книгу «Долой оружие!» (*Die Waffen nieder!*) — повествование от первого лица о беспощадности войны. А в 1909 г. британский журналист Норман Энджелл написал памфлет «Европейская оптическая иллюзия» (*Europe's Optical Illusion*), позже переработанный в книгу «Великая иллюзия» (*The Great Illusion*), где доказывал, что война экономически невыгодна. В примитивных экономиках, где богатство создается невозобновляемыми ресурсами вроде золота и земли или образуется ручным трудом мастеров-одиночек, грабеж вполне может быть прибыльным. Но в мире,

где богатство приумножается обменом, кредитом и разделением труда, завоевания не сделают завоевателя богаче. Минералы не выпрыгивают из земли, и хлеб сам собой не растет, так что завоевателю неизбежно придется оплачивать труд шахтеров и фермеров. На самом деле он даже обеднеет, поскольку война сама по себе стоит денег и жизней и разрушает сеть взаимного доверия и сотрудничества, которая и позволяет получать выгоду от торговли. Германия ничего не выиграет, захватив Канаду, точно так же, как канадская провинция Манитоба не разбогатеет, захватив канадскую провинцию Саскачеван.

При всей популярности антивоенной литературы пацифистские движения в то время казались слишком идеалистическими, чтобы удостоиться внимания со стороны политического мейнстрима. Зутнер приписывали «легкое амбре безумия», а ее Германское общество мира называли «смехотворным кружком кройки и шитья для сентиментальных тетушек обою пола». Друзья Энджелла советовали ему: «Не лезь в эти дела, иначе тебя определят в чудаки и глупцы, в сумасшедшие вроде длиннородых последователей секты "Новая мысль", которые шляются повсюду в сандалиях, питаясь одними орешками»¹²⁸. Герберт Уэллс писал о Шоу: «Этот престарелый подросток никак не уgomонится... Всю войну нам придется слушать, как он верещит, словно умственно отсталый ребенок в больничной палате»¹²⁹. И хотя Энджелл никогда не утверждал, что война изжила себя (он писал только, что война невыгодна экономически, и опасался, что опьяненные жаждой славы лидеры встрянут в нее в любом случае), поняли его именно так¹³⁰. После Первой мировой войны он стал настоящим посмешищем и до сих пор остается символом наивного оптимизма, когда речь заходит о

скором отказе от войн. Пока я писал эту книгу, не один обеспокоенный коллега отводил меня в сторонку, чтобы просветить насчет Нормана Энджелла.

Но, как утверждает Мюллер, если кто-то и смеется последним, так это Энджелл. Первая мировая война положила конец не только романтическому милитаризму, но и идее, что война в каком бы то ни было смысле желательна или неизбежна. «Первая мировая война, — замечает Луард, — изменила традиционные подходы. Впервые практически все ощущали, что намеренное развязывание войны больше невозможно оправдать»¹³¹. Так случилось не только потому, что Европа была потрясена гибелью людей и понесенными убытками. Как замечает Мюллер, в европейской истории и раньше случались сравнимые по разрушительности войны, но, стоило пыли развеяться, страны тут же, словно ничему не научившись, ввязывались в новую войну. Вспомните, что статистика кровопролитных конфликтов не показывает признаков усталости от войн. Мюллер утверждает, что на этот раз кардинальное отличие состояло в том, что теперь поблизости маячило антивоенное движение, готовое сказать: «А мы вас предупреждали!»

Эта перемена заметна и в подходах политических лидеров, и в культуре в целом. Когда люди осознали урон, нанесенный Первой мировой, о ней стали говорить, как о «войне с целью положить конец войнам», и, когда она закончилась, мировые лидеры пытались законодательно претворить надежду в реальность, формально отрекшись от войн и основав

Лигу Наций для их предотвращения в будущем. Какими бы обреченными ни казались эти попытки задним числом, в то время они были радикальным прорывом по сравнению с временами, когда война считалась славной, героической, доблестной или, говоря известными словами военного теоретика Карла фон Клаузевица, «продолжением политики другими средствами».

Первая мировая война к тому же стала первой «войной грамотных». К концу 1920-х гг. возник жанр горьких воспоминаний, сделавший трагедию и бессмысленность войны общим знанием. Среди великих книг той эпохи стихи и воспоминания Зигфрида Сассуна, Роберта Грейвса и Уилфреда Оуэна, прославленная книга Э. М. Ремарка и снятый по ней популярный фильм «На Западном фронте без перемен», поэма Томаса Элиота «Полые люди», повесть Хемингуэя «Прощай, оружие!», пьеса Шерриффа «Конец пути», фильм Кинга Видора «Большой парад», фильм Жана Ренуара «Великая иллюзия» — название позаимствовано из памфлета Энджелла. Как и другие облагораживающие произведения искусства, эти истории создавали у читателей и зрителей впечатление, что они сами прошли сквозь горнило войны, заставляя публику сочувствовать страданиям других. В незабываемой сцене в книге «На Западном фронте без перемен» молодой немецкий солдат рассматривает тело только что убитого им француза:

Уж, наверно, его жена думает сейчас о нем; она не знает, что случилось. Судя по его виду, он ей часто писал. Письма еще будут приходить к ней, — завтра, через неделю, быть может, какое-нибудь запоздавшее письмо придет даже через месяц. Она будет читать его, и в этом письме он будет разговаривать с ней...

Я обращаюсь к нему и высказываю ему все: прости меня, товарищ... Ах, если б нам почаще говорили, что вы такие же несчастные маленькие люди, как и мы, что вашим матерям так

же страшно за своих сыновей, как и нашим, и что мы с вами одинаково боимся смерти, одинаково умираем и одинаково страдаем от боли!

— Я напишу твоей жене, — торопливо говорю я умершему. — Я скажу ей все, что говорю тебе. Она не должна терпеть нужду, я буду ей помогать, и твоим родителям, и твоему ребенку тоже... Не в силах решиться, я держу бумажник в руке. Он падает и раскрывается. С фотографий на меня смотрят женщина и маленькая девочка. Это любительские снимки узкого формата, сделанные на фоне увитой плющом стены. Рядом с ними лежат письма^[66]¹³².

Другой солдат спрашивает, как начинаются войны, и ему отвечают: «Чаще всего от того, что одна страна наносит другой тяжкое оскорбление». Солдат говорит: «Страна? Ничего не понимаю. Ведь не может же гора в Германии оскорбить гору во Франции. Или, скажем, река, или лес, или пшеничное поле»¹³³. Благодаря такой литературе, замечает Мюллер, война перестала считаться славной, героической, священной, захватывающей, мужественной или очищающей. Теперь она была безнравственной, отвратительной, дикой, бессмысленной, глупой, жестокой и расточительной.

И, что не менее важно, абсурдной. Непосредственной причиной Первой мировой войны стало столкновение гордынь. Руководство Австро-Венгрии выдвинуло Сербии оскорбительный ультиматум, требуя, чтобы страна извинилась за убийство эрцгерцога и приняла жесткие меры для усмирения своих националистических движений. Россия обиделась за братьев-славян, Германия от имени немецкоязычного населения обиделась на то, что Россия обиделась, Британия и Франция не остались в стороне, и борьба самолюбий с оскорблениями, скандалами, попытками сохранить лицо, статус и авторитет вышла из-под контроля. Страх попасть в разряд «второразрядных держав»

заставил страны нападать друг на друга в смертельной игре «кто струсит первым».

Дразги из-за «чести» разжигали войну на протяжении всей кровопролитной истории Европы. Но, как заметил Фальстаф, честь — это просто слово, социальный конструкт, как сказали бы мы сегодня, — и «злословие не допустит этого». Что ж, злословие не заставило себя ждать. Возможно, лучший антивоенный фильм всех времен — это «Утиный суп» братьев Маркс (1933). Граучо играет Руфуса Файрфлая, новоназначенного лидера Фридонии, которого просят заключить мир с послом соседней Сильвании:

Я не заслуживал бы вашего высокого доверия, если бы не приложил все усилия для того, чтобы наша любимая Фридония жила с соседями в мире. Я рад буду встретить посла Трентино и от лица моей страны протянуть ему руку дружбы. Я уверен, что он примет этот жест доброй воли и ответит нам тем же.

А вдруг не ответит? Ничего себе! Я протягиваю ему руку, а он отказывается ее пожать. Мой авторитет будет раз и навсегда подорван. Глава государства, который позволил послу оскорбить себя! За кого он себя принимает, выставляя меня шутком в глазах моего народа? Только подумать! Я протягиваю ему руку, а эта гиена отказывается ее пожать. Что за негодяй, что за лицемерная свинья! Я этого так не оставлю, говорю вам! [Входит посол.] Так вы отказываетесь пожать мне руку? [Отвешивает послу пощечину.]

Посол: Миссис Тиздейл, все кончено! Назад дороги нет. Война объявлена!

Тут начинается диковинный музыкальный номер: братья Маркс играют, словно на ксилофоне, на остроконечных солдатских шлемах, уклоняются от пуль и бомб, а их одежда последовательно превращается в униформу солдат времен гражданской войны, форму бойскаутов, мундиры британских королевских гвардейцев, в одежду первых колонистов в енотовых шапках. Война — это своего рода дуэль, и вспомните, как высмеивание постепенно подтолкнуло

дуэли к исчезновению. Сегодня война подвергается той же дефляции, выполняя предсказание Оскара Уайльда: «До тех пор пока война считается порочной, она сохранит свое очарование; вот когда ее сочтут пошлой, она перестанет быть популярной».

Чарли Чаплин в еще одной классической сатире, в фильме «Великий диктатор» (1940), избрал себе другую мишень. Он высмеивал не вспыльчивых правителей выдуманных Руританий — к тому времени всех уже тошнило от военной культуры чести. Вместо этого он выставлял в шутовском виде слабо замаскированных современных диктаторов, которые придерживались этих устаревших идеалов. В незабываемой сцене Гитлер и Муссолини ведут переговоры в парикмахерской и каждый пытается доминировать, поднимая свое кресло все выше, пока макушки обоих не упрутся в потолок.

К началу 1930-х гг., считает Мюллер, общеевропейское отвращение к войне охватило и население Германии, и ее военное руководство¹³⁴. Хотя условия Версальского мира вызывали сильное недовольство среди немцев, мало кто был готов начать завоевательную войну, оспаривая их. Мюллер просмотрел список политических деятелей Германии, которые могли бы занять пост канцлера, и утверждает, что ни одного из них, за исключением Гитлера, не обуревало желание поработить Европу. Даже захват власти германскими военными, убежден историк Генри Тернер, не привел бы ко Второй мировой войне¹³⁵. Гитлер сыграл на всеобщей усталости от войн, он постоянно подчеркивал свое миролюбие, уверенный, что никто не попытается остановить его, пока это еще возможно. Мюллер перечитал биографии Гитлера в поисках

подтверждения мысли, с которой согласны многие историки: основную ответственность за крупнейший мировой катаклизм несет один-единственный человек.

После того как в 1933 г. [Гитлер] пришел к власти, он двигался быстро и решительно, убеждая, угрожая, подавляя, обманывая, дискредитируя, а во многих случаях убивая оппонентов или тех, кто мог бы ими стать. Он обладал чудовищной энергией и стойкостью, исключительной силой убеждения, отличной памятью, высокой способностью к концентрации, всеохватывающей жадой власти, фанатичной верой в свою миссию, непоколебимой самоуверенностью, невероятной дерзостью, выдающимся талантом лжеца, гипнотизирующим ораторским стилем и способностью быть абсолютно безжалостным к любому, кто встанет на его пути или попытается сбить с избранного курса...

Для достижения цели Гитлеру были необходимы хаос и недовольство — и он внес огромный вклад в их создание. И конечно, ему нужна была поддержка — единомышленники, которые раболепно молились на него; превосходная армия, подчиняющаяся приказам; население, поддающееся гипнозу и готовое отправиться на бойню; дезорганизованные, легковверные, близорукие и малодушные внешние противники; соседи, которые лучше позволят себя поглотить, чем выйдут на бой, — и ко всему этому он тоже приложил руку. Гитлер принял международное положение как факт, а затем манипулировал им, формируя нужные ему условия¹³⁶.

Пятьдесят миллионов смертей спустя (включая как минимум 12 млн тех, кто погиб в бессмысленной японской кампании по захвату Восточной Азии) человечество снова достигло положения, в котором смогло дать миру шанс.

ДОЛГИЙ МИР В ЦИФРАХ

Я посвятил большую часть этой главы статистике войн. Но сейчас готов представить вам самую интересную за период с 1945 г. цифру — ноль. Ноль — число, всплывающее ошеломительно часто, когда речь идет о характеристике войн за те две трети столетия,

что истекли с конца самой кровопролитной войны в истории. Я начну с самых важных пунктов:

Ноль — столько раз в вооруженных конфликтах применялось ядерное оружие. Им обладают пять великих держав, и все они вели боевые действия. Но ни один ядерный заряд не был взорван в ходе боя. И не только потому, что великие державы избегали взаимного самоубийства, которым стала бы ядерная война на уничтожение. Ни на полях сражений, ни для уничтожения материальной базы противника они не применяли даже «тактического» ядерного оружия, которое не слишком отличается от обычных взрывчатых веществ. В конце 1940-х гг. Соединенным Штатам принадлежала ядерная монополия, страна могла не бояться взаимного гарантированного уничтожения, и тем не менее США не использовали свой ядерный арсенал. Повсюду в этой книге я вычислял объем насилия в относительных цифрах. Если оценивать количество разрушений, которые страны действительно учиняли в пропорции к тому, что они могли бы натворить, учитывая разрушительную мощь, имевшуюся в их распоряжении, послевоенные десятилетия будут выглядеть на несколько порядков более мирными, чем любое другое время в истории.

Такой поворот событий вовсе не был предрешен. До внезапного финала холодной войны многие эксперты (в том числе Альберт Эйнштейн, Чарльз Перси Сноу, Герман Кан, Карл Саган и Джонатан Шелл) писали, что термоядерный апокалипсис вероятен, если не неизбежен¹³⁷. Видный исследователь международных отношений Ганс Моргентау в 1979 г. писал: «Мир неотвратимо движется к Третьей мировой — стратегической

ядерной войне. Я не верю, что можно что-то сделать для ее предотвращения»¹³⁸. Журнал *Bulletin of the Atomic Scientists*, как сказано на его веб-сайте, ставит целью «информировать общество и влиять на принятие политических решений путем публикаций аналитических отчетов, исследований и экспертных мнений об атомной». С 1947 г. журнал публикует знаменитые «Часы Судного дня», показывающие, «как близко человечество находится к катастрофическому уничтожению — метафорической полуночи». При первом появлении часов они показывали без семи минут полночь, и на протяжении следующих 60 лет стрелки несколько раз двигались вперед и назад: в 1953 г. на часах была полночь без двух минут, а в 1991 г. до полуночи оставалось целых 17 минут. В 2007 г. журнал решил, что часы, в которых минутная стрелка сдвинулась на две минуты за 60 лет, стоит отдать в починку. Но вместо настройки механизма они дали новое определение полуночи. Сегодня Судный день определяется как «гибель экосистем, наводнения, разрушительные штормы, засухи и таяние полярных льдов». Это своего рода прогресс.

Ноль раз обе мировые супердержавы (СССР и США) сталкивались друг с другом на полях сражений. Конечно, время от времени они воевали с союзниками своих врагов и таскали каштаны из огня чужими руками, разжигая войны между странами-сателлитами. Но каждый раз, когда США или СССР посылали войска в оспариваемый регион (Берлин, Венгрия, Вьетнам, Чехословакия, Афганистан), другая сторона не вставала у нее на пути¹³⁹. Важность этого нельзя переоценить: как известно, одна большая война способна погубить гораздо больше народу, чем несколько малых. В прошлом, если враг вторгся в нейтральную страну, великая держава выражала свое

неудовольствие на поле битвы. Но когда в 1979 г. Советский Союз ввел войска в Афганистан, США выразили неудовольствие, бойкотировав летние Олимпийские игры в Москве. Холодная война, ко всеобщему удивлению, закончилась в конце 1980-х без единого выстрела вскоре после прихода к власти Михаила Горбачева. Затем последовали мирный снос Берлинской стены и по большей части мирный распад Советского Союза.

Ноль раз великие державы воевали друг с другом с 1953 г. (или даже с 1945 г., потому что многие политологи не признают Китай великой державой до окончания Корейской войны). Мирный период, начавшийся в 1953 г., по длительности превосходит два предыдущих рекорда XIX века — 38 лет и 44 года. Фактически к 15 мая 1984 г. период мира между великими державами стал самым длительным со времен Римской империи¹⁴⁰. Никогда со II в. до н.э., когда тевтонские племена бросили вызов римлянам, не проходило так много времени без того, чтобы какая-нибудь армия не форсировала Рейн¹⁴¹.

Ноль раз с окончания Второй мировой воевали между собой страны Западной Европы¹⁴². То же касается и Европы в целом с 1956 г., когда Советский Союз кратковременно вторгся в Венгрию¹⁴³. Не забывайте, что до этого момента европейские государства, считая с 1400 г., начинали примерно по две войны в год.

Ноль — число межгосударственных войн, которые велись с 1945 г. между основными развитыми странами всего мира (44 страны с самым высоким доходом на душу населения). И опять исключением является вторжение в Венгрию в 1956-м¹⁴⁴. Сегодня мы принимаем как должное, что война — это то, что

случается в маленьких, бедных, отсталых странах. Но две мировые войны, а также множество пишущихся через дефис европейских войн прошлых столетий (Франко-русская, Австро-прусская, Русско-шведская, Англо-испанская, Англо-голландская) напоминают нам, что так было не всегда.

Ноль — число развитых стран, расширивших свои территории с конца 1940-х гг. путем поглощения другого государства. Польшу больше не стирают с карты, Британия не включает Индию в состав своей империи, и Австрия не поглощает какую-нибудь плохо лежащую балканскую территорию. Начиная с 1975 г. даже часть чужой территории ни разу не была захвачена другим государством. Близко к нулю и число постоянных территориальных завоеваний с 1948 г. (прогресс, который мы изучим внимательнее)¹⁴⁵. Более того, процесс расширения великих держав обратился вспять. В ходе «величайшей передачи власти в мировой истории» европейские страны вернули захваченные территории, отказавшись от имперских амбиций, и предоставили колониям независимость — иногда мирно, иногда потому, что потеряли вкус к колониальным войнам¹⁴⁶. Действительно, эти две категории войн исчезли полностью: имперские завоевательные войны и колониальные войны с целью удержать захваченные территории. Подробнее об этом — в следующей главе¹⁴⁷.

Ноль — число международно признанных государств, исчезнувших с карты мира в результате завоеваний после Второй мировой войны¹⁴⁸. (Исключением может быть Южный Вьетнам, в зависимости от того, расценивается ли его объединение с Северным Вьетнамом в 1975 г. как

завоевание или как окончание гражданской войны с международным участием.) Сравните: в первой половине XX в. 22 государства были оккупированы или поглощены, а в то время в мире было гораздо меньше государств как таковых¹⁴⁹. Хотя с 1945 г. немалое количество стран получили независимость, а несколько распались, в целом линии границ на карте мира 1950 г. совпадают с картами, изданными в 2010-м. Это тоже невероятный прогресс для мира, в котором вожди привыкли считать империалистические завоевания частью своих должностных обязанностей.

Основная мысль данной главы состоит в том, что все эти нулевые показатели, составляющие Долгий мир, суть результат одной из тех психологических перестроек, которые время от времени совершаются в ходе истории, приводя к снижению уровня насилия. В нашем случае речь идет о сдвигах в общепринятой категоризации войн в развитых странах (и во все большей степени по всему миру). На всем протяжении истории человечества влиятельные люди, жаждущие власти, престижа или мести, могли рассчитывать, что политическая сеть одобрит их желания и не станет сочувствовать жертвам попыток их удовлетворить. Другими словами, они верили в легитимность войны. Хотя психологические составляющие войны — доминирование, месть, бездушие, трайбализм, групповое мышление, самообман — не исчезли полностью за время, прошедшее с 1940-х гг., в Европе и в других развитых странах они были переосмыслены, что привело к снижению частоты войн.

Порой эти потрясающие достижения пытаются обесценить, указывая, что развивающийся мир по-прежнему воюет, так что, возможно, насилие не снизилось, а просто переместилось. В главе 6 мы проанализируем вооруженные конфликты в регионах мира, но пока стоит отметить, что это возражение бессмысленно. Не существует ни закона о сохранении насилия, ни системы сообщающихся сосудов, в которой снижение насилия в одном регионе мира приводит к повышению его уровня в каком-то другом регионе. Племенные, гражданские, локальные, работоторговческие, имперские и колониальные войны велись на территориях развивающихся стран тысячи лет. Мир, в котором война продолжается в некоторых из самых бедных государств, все-таки лучше, чем мир, где война бушует и в богатых, и в бедных странах, особенно учитывая неисчислимо больший ущерб, который могут нанести могущественные государства.

Несомненно, долгий мир — это еще не вечный мир. Тот, кто подходит к истории с точки зрения статистики, никогда не станет утверждать, что войны между великими державами, развитыми странами или европейскими государствами больше никогда не случится. Но в интересующие нас промежутки времени вероятности могут измениться. Частота выпадения двоек на железных игральные костях может снизиться, линия степенного распределения — резко уйти вниз. И похоже, в большей части мира так и случилось.

Надо сказать, что та же самая статистическая осведомленность заставляет рассматривать и альтернативные возможности. Возможно, вероятности вообще не изменились и мы делаем далеко идущие выводы на основании случайной последовательности мирных лет, подобно тому как мы

склонны делать далеко идущие выводы на основании случайных кластеров войн или злодеяний. Возможно, давление войны накапливается и система может взорваться в любой момент?

Скорее всего, этого не произойдет. Статистика кровопролитных конфликтов показывает, что война — это не маятник, не кастрюля-скороварка и не брожение масс, а лишенная памяти игра в кости, возможно игра с меняющейся вероятностью. Да и история многих стран подтверждает, что мир между ними может длиться вечно. Как сказал Мюллер, если бы лихорадка войны была циклична, «швейцарцы, датчане, шведы, голландцы и испанцы к настоящему времени просто кипели бы от желания подраться»¹⁵⁰. Но ни они, ни американцы с канадцами не страдают бессонницей, задаваясь вопросом, когда же, наконец, враг перейдет самую протяженную неохраемую границу в мире.

А не может ли полоса удачи закончиться? Тоже маловероятно. Послевоенные годы — самый длительный период мира между великими державами с момента их появления 500 лет назад¹⁵¹. Нынешний мир между государствами Европы также самый продолжительный за всю ее воинственную историю. Практически любая статистическая проверка может подтвердить, что, учитывая интенсивность войн предшествующих столетий, нули и близкие к нулю характеристики Долгого мира крайне маловероятны. Если принять за ориентир частоту войн между великими державами с 1495 по 1945 г., то шансы, что когда-нибудь наступит мир длиной в 65 лет, нарушенный всего одной войной великих держав (пограничный случай — Корейская война), составляют 1 к 1000¹⁵². Даже если за точку отсчета мы

примем 1815 г., что должно бы сработать против нас, позволяя мирному постнаполеоновскому XIX в. снизить базовый уровень воинственности, вероятность, что в послевоенную эру случится максимум четыре войны с участием великих держав, будет меньше 0,004, а вероятность того, что европейские государства единожды за все это время вступят в вооруженный конфликт (советское вторжение в Венгрию в 1956 г.), будет равна 0,0008¹⁵³.

Конечно, расчет степени вероятности сильно зависит от того, как мы определяем события. Вероятности разнятся, когда оцениваешь их с учетом полной осведомленности о том, что произошло (апостериорное сравнение, еще известное как «подгонка данных»), и когда отказываешься от каких бы то ни было предварительных прогнозов (априорное сравнение). Вспомните: вероятность того, что из 57 человек в комнате у двух день рождения придется на один день, равна 99 из 100; в этом случае конкретный день определяется только после того, как мы нашли эту пару. Вероятность, что кто-то разделит конкретно *мой* день рождения, ниже, чем 1 к 7; в этом случае мы определяем день заранее. Мошенник, оруduющий на фондовом рынке, может воспользоваться этим моментом, рассылая информационные бюллетени со всеми возможными прогнозами траектории развития рынка. Несколько месяцев спустя адресаты, которым повезло получить ряд верных предсказаний, будут считать его гением. Скептик, сомневающийся в реальности долгого мира, может заявить, что тот, кто понимает шум по поводу длительного мирного промежутка в конце этого самого промежутка, точно так же виновен в подгонке данных.

Однако существует целый ряд научных работ, написанных учеными, которые еще 20 лет назад заметили, что мирные годы длятся по причине нового мировоззрения, которое, по их предсказаниям, должно было сохраниться и в будущем. Сегодня мы можем утверждать, что их априорные прогнозы подтвердились. Вот названия книг и даты публикаций: «Приближающийся конец войны» (The Coming End of War, 1981) Вернера Леви, «Долгий мир. Элементы стабильности в послевоенной международной системе» (The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System, 1986) Джона Гэддиса, «Всадники Апокалипсиса: у ворот, заблудились или отступают?» (The Horsemen of the Apocalypse: At the Gate, Detoured, or Retreating? 1986) Калеви Холсти, «Затупившийся меч: сокращение военного давления в современной мировой политике» (The Blunted Sword: The Erosion of Military Power in Modern World Politics, 1988) Эвана Луарда, «Уход от Судного дня: прекращение больших войн» (Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War, 1989) Джона Мюллера, «Конец истории?» (The End of History? 1989) Фрэнсиса Фукуямы, «Отмена рабства и окончание международных войн» (The Abolition of Slavery and the End of International War, 1989) Джеймса Ли Рэя и «Война ушла в прошлое?» (Is War Obsolete? 1990) Карла Кейсена¹⁵⁴. В 1988 г. политолог Роберт Джервис так описал феномен, который все они заметили:

Самая ошеломляющая характеристика послевоенного периода именно эта: его можно называть «послевоенным», потому что с 1945 года большие державы не воевали друг с другом. Такой длительный период мира между самыми могущественными государствами беспрецедентен¹⁵⁵.

Эти ученые были уверены, что они не обманываются полосой удачи, но обнаруживают фундаментальный сдвиг, подтверждающий их

прогнозы на будущее. В начале 1990 г. Кейсен сделал приписку к своей рецензии на книгу Мюллера:

Очевидно, что глубокая трансформация международной структуры в Европе — и во всем мире — уже идет. В прошлом для закрепления подобных перемен, как правило, требовалась война. Аргументы, выдвинутые автором, подтверждают предположение, что в этот раз изменения обойдутся без боевых действий (хотя не обязательно без внутреннего насилия в государствах, которых они коснутся). Так что пока — в середине января — все идет хорошо. Автор и его читатели будут с пристальным вниманием и волнением каждый день проверять это предсказание¹⁵⁶.

Далеко идущие оценки устаревания межгосударственных войн особенно впечатляют, когда исходят от военных историков. Эти ученые провели всю жизнь, погрузившись в летописи военных событий, и должны бы более всех прочих пресытиться надеждами, что уж в этот раз все будет по-другому. В своем капитальном труде «История войн» (A History of Warfare) Джон Киган (военный историк, которого так часто называют «выдающимся», что некоторые думают, будто это его второе имя) написал в 1993 г.:

После того как я всю свою жизнь читал о войне, вращался в военных кругах, посещал места сражений и наблюдал их последствия, мне кажется, что люди теперь не считают войну желательной, полезной и уж тем более рациональной и не думают о ней как о способе урегулирования противоречий¹⁵⁷.

Еще раньше, в 1991 г., столь же выдающийся исследователь Майкл Говард писал:

...вполне возможно, что война в смысле крупного, организованного вооруженного конфликта между высокоразвитыми обществами больше не повторится и новый международный порядок утвердится окончательно¹⁵⁸.

А в 1986-м не менее выдающийся Эван Луард, наш проводник по шести столетиям войн, утверждал:

Самой удивительной из всех была перемена, случившаяся в Европе, где международные войны фактически прекратились... С учетом масштаба и частоты европейских войн в предшествующие века, это изменение невероятного масштаба —

возможно, самый впечатляющий перелом в мировой истории войн¹⁵⁹.

Сегодня, 20 с лишним лет спустя, ни у кого из них нет причин менять свои оценки. В книге 2006 г. «Война в человеческой цивилизации» (War in Human Civilization) — обширнейшем труде по истории войн, приправленном гоббсовским реализмом эволюционной психологии, — Азар Гат пишет:

Похоже, среди развитых либеральных демократий... установилось действительное *состояние* мира, основанное на непреложной взаимной уверенности, что война между ними невозможна даже в теории. Ничего подобного раньше в истории не случалось¹⁶⁰.

ДОЛГИЙ МИР: НАСТРОЕНИЯ И СОБЫТИЯ

Выделяя курсивом «действительное *состояние* мира», Гат подчеркивает не только факт, что число войн между развитыми странами оказалось равно нулю, но и изменения, произошедшие в их мировоззрении. Способы, которыми развитые страны осмысливали войну и готовились к войне, претерпели радикальные изменения.

Смертоносность войн с 1400 г. выросла (см. рис. 5–16) главным образом из-за введения воинской повинности — способа непрерывного снабжения армий пушечным мясом. Ко времени Наполеоновских войн в большинстве европейских стран уже применялись различные формы призыва в армию. Отказ от службы по убеждению вряд ли существовал даже в виде идеи, а методы вербовки были гораздо менее мягкими, чем пугавшие американских юношей в 1960-х телеграммы, начинавшиеся со слова «приветствуем». Идиома «pressed into service» («принудить к службе») произошла от выражения

«press gang» («банда вербовщиков»). Так назывались шайки костоломов, которым правительство платило, чтобы они похищали мужчин прямо с улиц и силком отправляли их в армию или на флот. Континентальный флот времен Американской революции почти полностью был набран такими методами¹⁶¹. Обязательная военная служба могла забирать значительную часть жизни мужчины — порой до 25 лет, как для отданного в солдаты крепостного крестьянина в России XIX столетия.

Призыв в армию — насилие в квадрате: людей силой заставляют служить, а служба в армии резко повышает вероятность смерти или увечья. Во времена, когда непосредственной внешней угрозы нет, объем призыва — мерило готовности государства санкционировать применение силы. После Второй мировой срок обязательной военной службы во всем мире постепенно снижался. В США, Канаде и большинстве европейских стран обязательный призыв отменили полностью, в других государствах сохранили скорее для формирования чувства гражданской общности, чем для обучения боевым навыкам¹⁶². Пейн собрал статистику по срокам службы по призыву между 1970 и 2000 гг. в 48 развитых государствах; я добавил данные за 2010 г. и внес их в график 5–19. Мы видим, что обязательный призыв стал выходить из употребления еще до того, как в конце 1980-х завершилась холодная война. В 1970 г. только 19% из этих 48 государств обходились без обязательного призыва, уже в 2000 г. их доля достигла 35%, в 2010 г. — 50%, а скоро превзойдет и 50%, потому что как минимум две страны (Польша и Сербия) планируют отменить его в начале 2010-х^[67]¹⁶³.

Еще один индикатор воинственности — размер вооруженных сил страны по отношению к количеству населения, причем неважно, набирают ли солдат по призыву или с помощью телерекламы, обещающей добровольцам, что армия поможет им реализовать себя. Пейн показал, что доля населения, которую страна ставит под ружье, — лучший индикатор поддержки ею милитаристской идеологии¹⁶⁴. После Второй мировой войны США объявили демобилизацию, но быстро нашли себе нового врага в ходе холодной войны и так не сократили свои вооруженные силы до довоенного уровня. Однако рис. 5–20 показывает, что с середины 1950-х доля военнослужащих по отношению к количеству населения США постоянно снижалась. В Европе сокращение вложений человеческого капитала в военный сектор началось еще раньше.

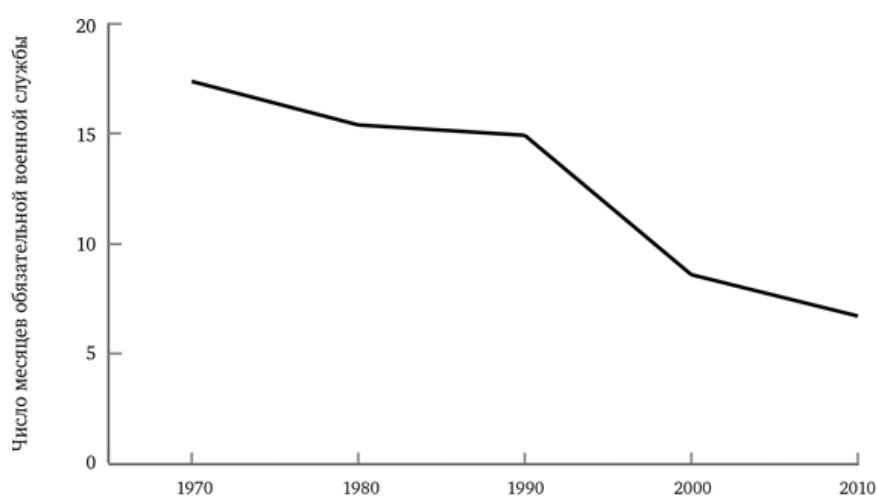

РИС. 5–19. Срок обязательной службы по призыву, 48 государств, 1970–2010 гг.

Источники: график для 1970–2000 гг. из Payne, 2004, р. 74, по данным International Institute for Strategic Studies (London). Данные за 2010 г. из *The Military Balance* (International Institute for Strategic Studies, 2010). Недостающие данные добавлены из *The World Factbook*, Central Intelligence Agency, 2010

Другие большие страны — Австралия, Бразилия, Канада и Китай — в тот же период сокращали свои вооруженные силы. По окончании холодной войны тренд стал глобальным: от пика в более чем 9 военнослужащих на 100 000 человек в 1988 г. средний показатель по всем развитым государствам к 2001 г.

понижился до 5,5¹⁶⁵. Конечно, здесь мы отчасти обязаны тому, что многие небоевые функции, например стирка обмундирования и организация питания, были отданы на аутсорсинг частным подрядчикам, и тому, что богатейшие страны заменяют военнослужащих на переднем крае роботами и дронами. Но век роботизированных войн все еще в будущем, и последние события показали, что численность личного состава по-прежнему основной ограничитель при использовании военной силы. Если уж на то пошло, сама роботизация вооруженных сил — проявление тенденции, которую мы исследуем. Страны вкладываются в эти фантастически дорогие технологии, потому что жизнь граждан (причем граждан и других стран тоже) стала цениться выше.

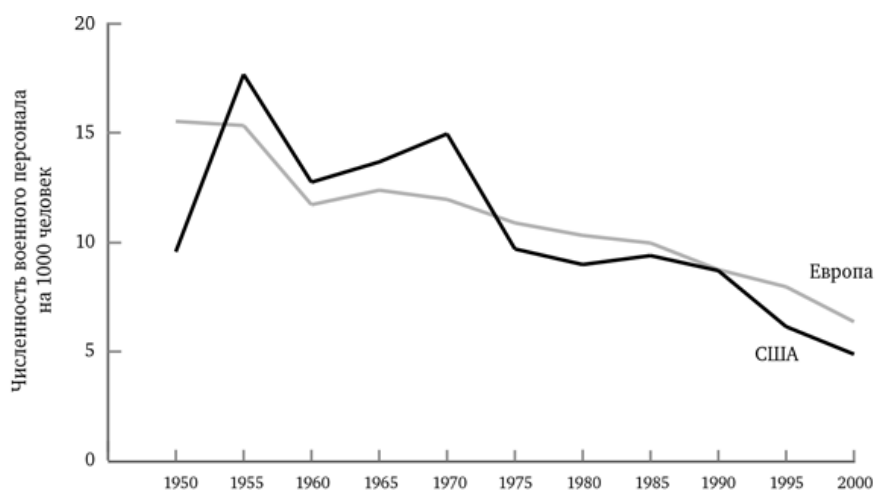

РИС. 5–20. Численность военного персонала, США и Европа, 1950–2000 гг.

Источники: база данных «Корреляты войны», 1816–2001; www.correaltesofwar.org, Sarkees, 2000. Незвешенное среднее за каждые пять лет. «Европа» включает Бельгию, Данию, Финляндию, Францию, Грецию, Венгрию, Ирландию, Италию, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Румынию, Россию/СССР, Испанию, Швецию, Швейцарию, Турцию, Великобританию, Югославию

Поскольку войны начинаются в умах людей, то именно в умах людей должны мы возвести бастионы мира.

Девиз ЮНЕСКО

Ряд сверок с реальностью, подтверждающих, что мировоззрение правителей и народов изменилось, —

еще одно доказательство того, что Долгий мир не случайность. Склоняющие к войне умонастроения — национализм, территориальные амбиции, международная культура чести, всеобщее одобрение войны и безразличие к человеческим жертвам — во второй половине XX в. вышли из моды в развитых странах.

И знаменем этих изменений стало утверждение в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, подписанной 48 странами. Вот несколько первых ее статей:

Статья 1. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Статья 2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете.

Статья 3. Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.[\[68\]](#).

У кого-то возникает соблазн обесценить этот манифест, объявив его убаюкивающей болтовней. Но, подтверждая идеал Просвещения, провозгласивший человека высшей ценностью политики, подписанты отвергли царившую более столетия доктрину, согласно которой высшей ценностью является нация, народ, культура, *Volk*, класс или другая общность (не говоря уже о догмате предшествующих веков, в котором высшей ценностью был монарх, а народ — его или ее движимым имуществом). Необходимость констатации всеобщих прав человека стала очевидна в

1945–1946 гг. на Нюрнбергском процессе. Тогда некоторые юристы утверждали, что нацистов следует судить только за геноцид, который они устроили на оккупированных землях, например в Польше, ведь согласно прежним представлениям, никого в мире не касалось, что власть творила на собственной территории.

Великие державы всерьез нервничали, подписывая Декларацию, что еще раз подтверждает, что она не была ничего не значащим сотрясением воздуха. Британия волновалась по поводу своих колоний, США — из-за негров, Советский Союз беспокоился о своих марионеточных государствах¹⁶⁶. Но благодаря Элеоноре Рузвельт, которая провела 83 предварительные встречи, добиваясь принятия Декларации, все прошло без возражений (хотя 8 стран советского блока демонстративно отказались голосовать).

45 лет спустя отречение от идеологии Контрпросвещения четко сформулировал Вацлав Гавел, писатель, ставший президентом Чехословакии после того, как мирная «Бархатная революция» в этой стране свергла коммунистическое правительство. Гавел писал: «Величие идеи европейской интеграции на демократических основаниях — в ее способности победить старую идею Гердера о национальном государстве как о высшем проявлении национальной жизни»¹⁶⁷.

Парадоксальным образом свой вклад в Долгий мир внесла фиксация государственных границ. ООН инициировала принятие нормы о том, что существующие государства и их границы нерушимы. Осуждая любую попытку изменить их силой как «агрессию», новое соглашение вычеркнуло

расширение территорий из списка легитимных действий на международной арене. Возможно, в границах мало смысла, возможно, правительства внутри этих границ недостойны править страной, но государственные деятели более не считали возможным перекраивать границы с помощью насилия. В целом охрана нерушимости границ произвела умиротворяющий эффект, потому что, как заметил политолог Джон Васкес, «из всех противоречий, которые теоретически могут вызвать войну, территориальные споры приводят к ней чаще всего. Войны крайне редко ведутся без какой-либо связи с территориальными вопросами»¹⁶⁸.

Политолог Марк Захер дал этому сдвигу количественную оценку¹⁶⁹. С 1951 г. случилось всего десять вмешательств, которые повлекли за собой значимые изменения государственных границ, и все они случились до 1975 г. Несколько раз новый флаг водружался в малонаселенных районах и на почти безлюдных островах, в других случаях инциденты способствовали образованию новых политических единиц (например, Бангладеш), но не помогали приращению земель завоевателя. На первый взгляд десять — весьма много, но, как показано на рис. 5–21, на самом деле это число означает резкий спад на фоне предыдущих трех столетий.

Израиль здесь исключение, подтверждающее правило. Извилистая «зеленая линия», у которой остановились израильские и арабские войска в 1949 г., в те времена не нравилась никому, особенно арабским государствам. Но в последующие десятилетия она обрела почти мистический статус единственной истинной границы Израиля. Под давлением международного сообщества Израиль

освободил большую часть территорий, оккупированных им в разнообразных войнах, и в течение жизни нашего поколения, вероятно, уйдет и с остальных, обменяв одни небольшие участки земли на другие, за исключением, возможно, Иерусалима, где норма неразделенного города столкнется с нормой нерушимых границ. Земли, захваченные в результате других завоевательных войн (например, нападения Индонезии на Восточный Тимор), также были возвращены. Самый впечатляющий пример недавнего времени — нападение Саддама Хусейна на Кувейт в 1990 г. (единственный раз после 1945 г., когда одна страна — член ООН поглотила другую целиком). Возмущенная международная коалиция в два счета вытеснила захватчика с территории Кувейта.

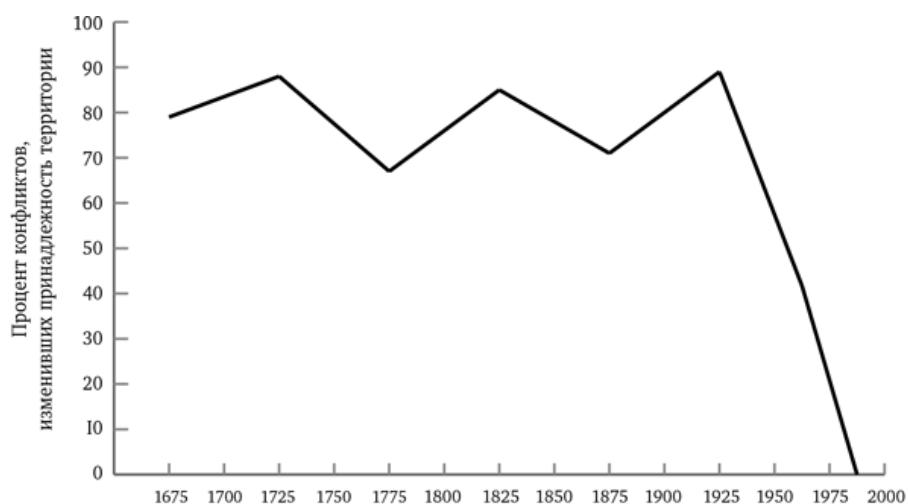

РИС. 5–21. Процент войн, приведших к перераспределению территории, 1651–2000 гг.

Источник: Zacher, 2001, tables 1, 2; данные за каждые полвека отмечены в средней точке, за исключением последних 50 лет XX столетия, где каждая точка представляет четверть века

Психологические категории, лежащие в основе идеи незыблемости государственных границ, не столько эмпатия или моральное суждение, сколько нормы и табу (это тема главы 9). Влиятельные страны больше не считают завоевание возможным. Если сегодня какой-нибудь политик в демократической стране выступит с предложением завоевать другое

государство, его встретят не контраргументами, а непониманием, протестами или смехом.

Норма территориальной целостности, подчеркивает Захер, расправилась не только с завоеваниями, но и с другими видами манипуляций с границами. Во времена деколонизации границы вновь образованных независимых государств были просто линиями на карте, которые имперская администрация нарисовала десятки лет назад, порой разделяя земли компактного проживания какого-нибудь этноса или, наоборот, объединяя территории враждующих племен. Тем не менее после деколонизации не возникло никакого движения, которое стремилось бы усадить лидеров новых государств за одним столом, дать им чистую карту и карандаш и провести границы заново. Да и после распада СССР и Югославии условные линии между бывшими союзными республиками или областями без всякого пересмотра стали прочными межгосударственными границами, разделяющими суверенные страны.

Сакрализация произвольных линий на карте может казаться нелогичной, но в уважении норм, даже случайных и необоснованных, есть смысл. Специалист по теории игр Томас Шеллинг заметил: если обеим сторонам более выгодна серия компромиссов, чем отказ от переговоров в принципе, любой заметный мысленный ориентир может подтолкнуть их к взаимовыгодному соглашению¹⁷⁰. Например, продавец и покупатель могут сойтись на среднем между их предложениями или согласиться на какое-то круглое число, вместо того чтобы бесконечно спорить о справедливой цене. Китобои в «Моби Дике» подчинялись норме «Рыба на лине принадлежит владельцу лinya», потому что знали: это поможет им

избежать «самых неприятных и жестоких споров». Юристы говорят, что право собственности — это 9/10 закона, и все знают, что крепкие заборы — гарантия хороших соседей.

Уважение к норме территориальной целостности подтверждает, что споры, подобные тем, что европейские лидеры вели с Гитлером в 1930-х, когда захват им Австрии и части Чехословакии считался вполне резонным способом добиться совпадения границ Германии с районами проживания этнических немцев, более невозможны. Действительно, эта норма противоречит идеалу национального государства и близкому ему принципу самоопределения народов, которым были одержимы в конце XIX и начале XX вв. правители государств. Провести плавную границу через фрактал взаимопроникающих этнических групп — неразрешимая геометрическая задача, и жизнь в существующих границах лучше бесконечных попыток вычислить квадратуру круга, грозящих этническими чистками и завоеваниями с целью воссоединения народов.

Норма территориальной целостности не раз приводила к несправедливостям, когда этнические группы оказывались внутри политических единиц, абсолютно не заинтересованных в их благополучии. Эта тонкость не ускользнула от мелвилловского Измаила, размышлявшего: «Что такое бедная Ирландия для грозного гарпунщика Джона Булля[69], как не рыба на лине?» Некоторые мирные европейские границы разделяют страны, удобно гомогенизированные массовыми этническими чистками Второй мировой войны и теми, что случились после, когда миллионы этнических немцев и славян были изгнаны из своих домов. Сейчас к странам третьего мира предъявляются более высокие

требования и, согласно аргументу социолога Энн Хиронаки, норма территориальной целостности и неприкосновенности границ может приводить к затягиванию гражданских войн в этих регионах. Но для мирового сообщества в целом принцип нерушимости границ кажется хорошим компромиссом. Как будет показано в следующей главе, большое количество малых гражданских войн приводит к меньшим потерям, чем несколько больших межгосударственных, не говоря уже о мировых, в полном соответствии с законами степенного распределения кровопролитных конфликтов. Более того, гражданских войн стало меньше и они стали менее разрушительными, когда современные государства перестали считать себя хранилищем души нации и превратились в многонациональный общественный договор, удовлетворяющий принципам прав человека.

Вместе с идеалами национализма и покорения других народов в послевоенные десятилетия поблек и еще один — честь. Луард высказался здесь довольно сдержанно: «В целом ценность человеческой жизни сегодня, вероятно, выше, а важность национального престижа (или «чести»), вероятно, ниже, чем раньше»¹⁷¹. Никита Хрущев, возглавлявший СССР на пике холодной войны, выразил новое мировосприятие, сказав: «А что, мы должны были вести себя, как офицеры в царское время, — пукнул на балу и застрелился от позора?»^[70]. Лучше отступить, чем ввязаться в войну»¹⁷². Лидеры многих стран согласны с ним: они предпочитают отступить и не открывать огонь в ответ на провокации, которые в предыдущие столетия подтолкнули бы их к войне.

В 1979 г. США ответили на два случившихся почти подряд вызова — советское вторжение в Афганистан и захват американского посольства в Иране при потворстве со стороны местного правительства — всего лишь бойкотом Московской Олимпиады и ежедневными выпусками телепрограммы Nightline, посвященной кризису с заложниками. Президент Джимми Картер позже скажет: «В моем распоряжении имелось оружие, с помощью которого я мог стереть Иран с лица земли. Но в этом случае погибли бы и наши дипломаты, и я не хотел убивать двадцать тысяч граждан Ирана. Так что я не стал применять силу»¹⁷³. Хотя американские «ястребы» были в ярости из-за «слабохарактерности» Картера, их кумир Рональд Рейган в ответ на взрывы в Бейруте в 1983 г., в результате которых погиб 241 американский военнослужащий, вывел из страны американские войска, а в 1987 г. не ответил агрессией на инцидент с фрегатом «Старк», по которому иракский истребитель по ошибке выпустил две ракеты, убив 37 моряков. Взрывы в поездах в Мадриде в 2004 г., устроенные исламскими террористами, не только не настроили испанцев против мусульман, но сподвигли их на вотум недоверия правительству, втянувшему страну в Иракскую войну, что, по общему мнению, и вызвало эту атаку.

Самый большой вклад в развенчание понятия «чести» внесло разрешение Карибского кризиса в 1962 г. Возможно, мир в пучину кризиса низвергло именно стремление лидеров укрепить международный авторитет своей державы, но Хрущев и Кеннеди, оказавшись в эпицентре конфликта, осознали, что обоим нужно сохранить лицо и решать проблему придется совместно¹⁷⁴. Кеннеди читал книгу Барбары Такман «Августовские пушки» (The Guns of August),

историю Первой мировой войны, и знал, что международная игра в «кто первый струсит», подогреваемая «личными комплексами ущербности и величия», может привести к катастрофе. Его брат Роберт Кеннеди впоследствии вспоминал:

Никто не хотел войны за Кубу, но могло случиться так, что одна из сторон делает шаг, который — ради «безопасности», или «гордости», или «сохранения лица» — потребует ответа от другой стороны, что, в свою очередь, по тем же причинам безопасности, гордости или сохранения лица повлечет реакцию противодействия и в итоге перерастет в вооруженный конфликт. Этого мы хотели избежать¹⁷⁵.

Хрущев, как видно из его саркастической реплики о царском офицере, тоже был осведомлен о психологии чести и имел интуитивное представление о правилах теории игр. В самый напряженный момент кризиса он так описал ситуацию Кеннеди:

Мы с вами не должны тянуть за концы веревки, на которой вы завязали узел войны, потому что чем сильнее мы с вами тянем, тем туже становится узел. В какой-то момент он уже будет затянут так сильно, что тот, кто завязал его, больше не сможет его развязать, и тогда узел придется разрубить¹⁷⁶.

Они развязали узел, делая взаимные уступки: Хрущев убрал ракеты с Кубы, Кеннеди — из Турции. Кроме того, Америка дала обещание не вторгаться на Кубу. Деэскалация Карибского конфликта — это не просто необыкновенное везение. Мюллер изучил историю конфронтации сверхдержав во времена холодной войны и пришел к выводу, что напряжение нарастало не равномерно, подобно ходу эскалатора, но поэтапно, словно шаги по ступеням лестницы. Лидеры несколько раз начинали опасный подъем, но с каждой ступенькой страх высоты усиливался, и они искали повода осторожно спуститься вниз¹⁷⁷.

И несмотря на все ботинки, которыми стучал по столу Советский Союз, лидеры именно этой державы освободили мир от угрозы очередного катаклизма:

Михаил Горбачев не препятствовал исчезновению сначала концлагеря, а затем и Советского Союза, что историк Тимоти Гартон-Эш назвал «умопомрачительным отречением от использования силы» и «блестящим примером роли личности в истории».

Последняя ремарка напоминает нам, что вероятность в истории работает в обоих направлениях. Если параллельные вселенные существуют, то наверняка в какой-то из них водитель автомобиля эрцгерцога не ошибся, поворачивая в Сараево, а полицейский во время Пивного путча выстрелил в другого человека — и история обошлась чуть меньшим количеством войн. Но возможно, в других мирах американский президент внял совету Комитета начальников штабов и напал на Кубу, а Советский Союз двинул вперед танки, реагируя на снос Берлинской стены и история обогатилась парочкой новых войн. Но учитывая, что меняющиеся вероятности зависят от преобладающих в обществе идей и норм, неудивительно, что в нашей вселенной первая половина XX в. прошла под влиянием Гаврилы Принципа и Гитлера, а вторая — Кеннеди, Хрущева и Горбачева.

Соппротивление населения демократических стран воинственным планам своих лидеров тоже изменило ландшафт ценностей XX столетия. Конец 1950-х и начало 1960-х гг. запомнились массовыми демонстрациями за ядерное разоружение, символом которых (а потом и других антивоенных движений) стал «пацифик» — голубиная лапка в круге. К концу 1960-х США раздирали протесты против войны во Вьетнаме. Антивоенные убеждения больше не

считались уделом сентиментальных тетушек обоих полов, и длиннобородые идеалисты в сандалиях не считались чужаками: к ним принадлежала значительная часть поколения, достигшего зрелости в этом десятилетии. Если произведения искусства, разоблачавшие Первую мировую войну, появились спустя десять и более лет после ее окончания, то массовое искусство 1960-х осуждало гонку ядерных вооружений и Вьетнамскую войну в реальном времени. Антивоенная пропаганда пронизывала телевизионные шоу и сериалы, которые показывали в прайм-тайм (такие как «Комедийный час братьев Смозерс» и «Военно-полевой госпиталь» (M*A*S*H)), и многие популярные кинофильмы и песни:

«Уловка-22» • «Система безопасности» • «Доктор Стрейнджлав» • «Сердца и мысли» • «FTA» — «Как я выиграл войну» • «Джонни взял ружье» • «Король червей» • «МЭШ» • «О, что за чудесная война» • «Бойня номер пять».

«Ресторан Элис» • «Унесенные ветром» • «Жестокая война» • «Канун разрушений» • «Я чувствую, что готов умереть» • «Дайте миру шанс» • «Счастливого Рождества (война кончилась)» • «Я больше не буду маршировать» • «Если бы у меня был молоток» • «Представь себе, собирается сильный дождь» • «Прошлой ночью я видел странный сон» • «Пулемет» • «Мастера войны» • «Пилот» • «Три пять ноль ноль» • «Всеми свое время» • «Универсальный солдат» • «Что происходит?» • «Господь на нашей стороне» • «Война (для чего она?)» • «По уши в грязи» • «Куда исчезли все цветы?»

Как и в 1700-х и 1930-х, деятели искусства не только читали проповеди о безнравственности войны, они высмеивали ее, выставляя нелепой. На рок-фестивале в Вудстоке в 1969 г. группа Country Joe and the Fish пела:

И один, два, три, за что мы воюем?
Не спрашивайте меня, мне наплевать!
Следующая остановка — Вьетнам!
И пять, шесть, семь, открывайте врата рая!
Нет времени, чтобы спрашивать почему!
Клево! Мы все умрем!

В песне-монологе 1967 г. «Ресторан Элис» Арло Гатри рассказывает, что он призван в армию и должен явиться к военному психиатру в призывном пункте Нью-Йорка:

Я вошел туда и сказал: «Доктор, я хочу убивать. Я имею в виду, я хочу, хочу убивать. Убивать. Я хочу, хочу проливать кровь, вырезать кишки и рвать жилы зубами. Грызть мертвую обугленную плоть. Я говорю убивать, УБИВАТЬ, УБИВАТЬ, УБИВАТЬ». И я начал подпрыгивать и орать: «УБИВАТЬ, УБИВАТЬ», и он тоже начал прыгать вместе со мной, и мы оба орал: «УБИВАТЬ, УБИВАТЬ». Тут вошел сержант, прицепил мне на грудь жетон и отправил меня в коридор, сказав: «Вот это наш парень».

Этот момент в истории культуры легко упустить, приняв за привычную ностальгию беби-бумеров по временам их юности. Как шутил Том Лерер, они выиграли все битвы, зато у нас самые лучшие песни. Но в некотором смысле и наше поколение выиграло свою битву. Реагируя на общенациональный протест, Линдон Джонсон не выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах 1968 г. Это способствовало победе Ричарда Никсона, который изменил военные планы, отказавшись от победы в войне ради спасительного для репутации вывода войск (однако не раньше чем еще 20 000 американцев и 1 000 000 вьетнамцев погибло в боях). После прекращения огня в 1973 г. американские войска были выведены, и Конгресс положил войне конец, запретив повторную интервенцию и сократив финансирование южновьетнамского режима.

После этого, как принято считать, США впали во «вьетнамский синдром» и сторонились всякого военного противостояния. К 1980-м страна оправилась достаточно, чтобы принять участие в нескольких малых войнах и опосредованно поддерживать антикоммунистические движения, но очевидно, что ее военная политика никогда не будет

прежней. Этот феномен, названный «страхом потерь», «неприятием войны» и «Доверской доктриной» (требование, чтобы как можно меньше гробов, покрытых государственным флагом, прибывало на базу ВВС США в Довер) напоминают даже президентам-«ястребам», что страна не станет мириться с военными авантюрами, во множестве уносящими жизни. К началу 1990-х единственно приемлемыми для Америки войнами стали точечные вмешательства с использованием технологий дистанционного управления. Страна уже не могла согласиться с войной на истощение, которая перемалывает солдат десятками тысяч, или с истреблением иностранных мирных граждан с воздуха, как в Дрездене, Хиросиме и Северном Вьетнаме. Заметно изменились и сами вооруженные силы. Военачальники всех уровней осознали, что бессмысленные убийства — это репутационная катастрофа внутри страны и вред для отношений с другими государствами, поскольку отвращает союзников и подстегивает противников¹⁷⁸. Корпус морской пехоты готовит состав по программе «Этика морского пехотинца», в рамках которой военнослужащим внушают новый кодекс чести¹⁷⁹. Он звучит так: «Этика воина — защита жизни. Чьей жизни? Своей и других. Чьих других? Всех прочих». Кодекс пропагандируется при помощи стимулирующих эмпатию историй вроде «Случая на охоте», рассказанного Робертом Хамфри, офицером в отставке с безупречной репутацией, командиром стрелкового взвода, участвовавшего в битве за Иводзиму во Второй мировой войне¹⁸⁰. История повествует о том, как американские военнослужащие, расквартированные в бедной азиатской стране, отправились охотиться на кабана.

Они взяли в гараже грузовик и направились в лес. По пути заехали в маленькую деревушку — нанять нескольких местных, чтобы те расчищали им путь в джунглях и показывали дорогу.

Деревня была очень бедной. Глиняные хижины, ни электричества, ни проточной воды. Проулки утопали в грязи, пахло там отвратительно. Кругом кишели мухи. Люди в грязной одежде были неприветливы. Женщины прикрывали лица, сопливые дети были одеты в тряпье.

Вскоре один из американцев в грузовике сказал: «Здесь воняет». Другой поддержал его: «Они живут, как животные». И в заключение молодой авиатехник добавил: «Да, жить им незачем, они уже почти мертвы».

Что тут скажешь? В их словах была доля истины.

Но тут заговорил старый сержант. Он был молчуном и высказывался нечасто. Если бы не военная форма, его, наверное, можно было принять за одного из суровых деревенских мужчин. Он взглянул на авиатехника и сказал: «Ты думаешь, им незачем жить, да? Ну, если ты так уверен, почему бы тебе не взять нож, не слезть с грузовика и не пойти убить одного из них?»

В грузовике повисло гробовое молчание...

Сержант продолжил: «Я тоже не знаю, почему они так цепляются за жизнь. Может, из-за своих сопливых детей или этих женщин в шароварах. Но, как бы то ни было, они ценят свою жизнь и жизни тех, кого любят, так же, как и американцы. И если мы не перестанем говорить о них гадости, они вышвырнут нас из своей страны!»

Какой-то солдат спросил, что мы, благополучные американцы, можем сделать, чтобы показать, что мы уважаем крестьян как равных, несмотря на их нищету. Сержант, не задумываясь, ответил: «Не будьте трусами, слезьте с грузовика, погрузитесь по колено в грязь и овечий навоз. Наберитесь смелости и пройдите по деревне с улыбкой на лице. И когда увидите самого страшного и вонючего крестьянина, сумеете посмотреть ему в глаза и дать понять, что вы знаете, что этот человек страдает так же, как вы, и надеется так же, как вы, и, как и все мы, хочет лучшего для своих детей. Или так, или мы проиграем».

«Этика воина», даже если считать этот кодекс всего лишь благим намерением, показывает, что американская армия прошла долгий путь с тех пор, когда солдаты отзывались о вьетнамских крестьянах как об «узкоглазых чурках», когда военные с неохотой брались за расследования зверств в отношении гражданского населения, таких как бойня в Сонгми.

Бывший морпех Джек Хобан, способствовавший принятию «Этики война», писал мне: «Когда в 1970-х я поступил в морскую пехоту, наш девиз был “Убивать, убивать, убивать”. Вероятность того, что когда-то он сменится кодексом чести, который учит быть “защитниками всех прочих — в том числе врагов, если это возможно”, была равна нулю».

Конечно, войны, которые в первом десятилетии XXI в. Америка вела в Афганистане и Ираке, показали, что страна вовсе не отказывается повоевать. Но даже они очень отличаются от войн прошлого. В обоих конфликтах фаза межгосударственной войны была короткой, а уровень военных потерь (по историческим стандартам) — низким¹⁸¹. Больше всего людей в Ираке погибло по причине межобщинного насилия и последовавшей анархии, а к 2008 г. число американцев, сложивших голову в Афганистане, составило 4000 (сравните с 58-тысячными потерями в ходе Вьетнамской войны). И даже это число привело к избранию президента, который два года спустя завершил военную миссию в Афганистане. В этой войне военная авиация США даже во время самых активных бомбежек талибов в 2008 г. следовала гуманитарному протоколу, одобренному организацией «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch) за «эффективную минимизацию ущерба мирному населению»¹⁸². Политолог Джошуа Голдстайн, рассуждая о том, почему стратегия интеллектуальных ударов помогла значительно снизить количество потерь среди гражданских в Косово и в обеих войнах в Ираке, прокомментировал использование военных дронов против «Талибана» и «Аль-Каиды»^[71] в Афганистане и Пакистане в 2009 г.:

Там, где раньше армии пришлось бы пробивать себе дорогу к укрытиям боевиков, по пути убивая и изгоняя гражданских

десятками тысяч и сровняв с землей города и деревни беспорядочным артиллерийским огнем и бомбовыми ударами, чтобы достать нескольких вражеских бойцов, теперь дроны направляют единственную ракету в дом, в котором засели боевики. Да, иногда такие удары наносятся ошибочно, но по любым историческим меркам уровень потерь среди гражданских снизился кардинально.

Эта тенденция зашла так далеко и мы так легко приняли ее за должное, что единственная шальная ракета, убившая в феврале 2010 г. десять мирных жителей в Афганистане, стала сенсационной новостью. Тем не менее эта ужасная трагедия стала исключением на фоне в целом низкого уровня вреда, нанесенного мирным жителям в ходе крупнейшего военного наступления за все восемь лет вооруженного конфликта. И даже эти десять смертей заставили американского командующего войсками принести глубокие извинения президенту Афганистана, а для мировых СМИ этот случай стал главной новостью всей этой военной кампании. Дело не в том, что убийство десяти гражданских «нормально», а в том, что в любой войне прошлого, всего несколько лет назад, такой эпизод вряд ли вообще привлек бы чье-то внимание. Масштабная гибель мирного населения считалась необходимым и неизбежным, хоть и безрадостным, побочным продуктом войны. То, что мы входим в эпоху, когда такие допущения больше не релевантны, — это и вправду хорошая новость¹⁸³.

Суждение Голдстайна подтвердилось в 2011 г., когда журнал *Science* обнародовал данные о гибели мирного населения из документов WikiLeaks и ранее засекреченных баз данных военной коалиции, возглавляемой США. В этих документах утверждается, что с 2004 по 2010 г. в Афганистане погибло около 5300 гражданских лиц, причем большая часть из них (около 80%) стали жертвами талибских повстанцев, а не сил коалиции. Даже если удвоить эту цифру, это все равно экстраординарно низкий уровень гибели гражданского населения для крупной военной операции, особенно в сравнении с Вьетнамской войной, где в ходе военных действий погибло как минимум 800 000 гражданских лиц¹⁸⁴.

Как бы сильно ни менялось американское отношение к войне, европейские подходы изменились до неузнаваемости. Как сказал специалист по

международным отношениям Роберт Каган, «американцы — с Марса, европейцы — с Венеры»¹⁸⁵. В феврале 2003 г. в европейских городах прошли массовые демонстрации против готовящегося вторжения в Ирак под руководством США. Протесты собрали по миллиону человек в Лондоне, Барселоне и Риме и по полмиллиона в Мадриде и Берлине¹⁸⁶. Плакаты в Лондоне гласили: «Нет смертям за нефть», «Остановите сумасшедшего ковбоя», «Америка — вот настоящее государство-изгой!», «Готовьте чай, а не войну», «Хватит с нас» и просто «Нет». Германия и Франция прямо отказались присоединиться к США и Британии, а Испания вскоре вышла из коалиции. Даже война в Афганистане, которая вызвала меньше протестов в Европе, велась по преимуществу американскими солдатами. Участие в военной операции на стороне НАТО принимали 44 страны, но американцы составляли больше половины живой силы. К тому же, что касается военных качеств, европейские солдаты заслужили не лучшую репутацию. Капитан Канадских вооруженных сил писал мне в 2003 г. из Кабула:

Когда сегодня утром начался концерт «калашниковых», я рассчитывал, что часовые на вышках нашего лагеря откроют огонь. Я даже подумал, что они уснули. И это в порядке вещей. Наши вышки охраняют солдаты бундесвера, и они не выполняют своих обязанностей... даже на посту. Это еще мягко сказано — немцы действительно несколько раз покидали вышки. Первый раз это случилось, когда нас обстреляли ракетами. Потом — когда на вышках было слишком холодно. Немецкий лейтенант, с которым я заговорил об отсутствии чести и базовой солдатской порядочности, ответил, что Канада должна была оборудовать вышки обогревателями. Я парировал, что это Германия должна была обеспечить своих солдат теплой одеждой. Я хотел было упомянуть, что Кабул — это все же не Сталинград, но прикусил язык.

Немецкая армия сегодня не та, что была раньше. Как я несколько раз слышал, «это не вермахт». Вспоминая историю, я считаю, что оно и к лучшему. Однако, пока моя безопасность

зависит от бдительности этих потомков высшей расы, я все же слегка беспокоюсь¹⁸⁷.

В книге «Куда ушли солдаты? Преобразование современной Европы» (Where Have All the Soldiers Gone? The Transformation of Modern Europe), в Британии выпущенной под названием «Монополия на насилие: почему европейцы не хотят воевать» (The Monopoly on Violence: Why Europeans Hate Going to War), историк Джеймс Шихан доказывает, что европейцы поменяли само свое представление о государстве. Государство теперь не носитель военной силы, обеспечивающий величие и безопасность нации, но поставщик социального спокойствия и материального благополучия. Тем не менее при всем различии американских «сумасшедших ковбоев» и европейских «слабаков-капитулянтов» то, что в последние шесть десятилетий они параллельными курсами отдаляются от войны, с исторической точки зрения значит больше, чем остающиеся между ними различия.

ДОЛГИЙ МИР — ЯДЕРНЫЙ МИР?

Что же пошло не так? Как получилось, что, наперекор мнениям экспертов, часам Судного дня и столетиям кровопролитной европейской истории, Третья мировая так и не началась? Что позволяет выдающимся военным историкам употреблять головокружительные формулировки типа «перемены огромного масштаба», «самый впечатляющий перелом в мировой истории войн», «никогда ничего подобного не было»?

Для многих ответ очевиден: бомба. Воевать стало слишком опасно, и правители перепугались до смерти.

Ядерный паритет удерживает их от начала войны, которая превратится в глобальную катастрофу и уничтожит цивилизацию, если не человечество как таковое¹⁸⁸. Как сказал Уинстон Черчилль в своей последней речи в палате общин, «может вполне оказаться, что по странной иронии судьбы мы подошли к тому моменту во всей этой истории, когда страх становится залогом безопасности, а угроза полного уничтожения всего и вся — гарантией выживания»¹⁸⁹. Эксперт по внешней политике Кеннет Уолтц призывал «отдать должное нашему ядерному благословению», а Элпет Росту предлагала номинировать ядерную бомбу на Нобелевскую премию мира¹⁹⁰.

Будем надеяться, что премию бомбе все же не вручат. Если бы Долгий мир был ядерным, счастье наше было бы призрачным, потому что любое недопонимание, или случайность, или генерал ВВС, обуреваемый жаждой крови, могли бы спровоцировать апокалипсис. К счастью, при внимательном рассмотрении оказывается, что вовсе не угрозу ядерного уничтожения должны мы благодарить за Долгий мир¹⁹¹.

Во-первых, прежде оружие массового уничтожения никогда не мешало движению к войне. Основатель Нобелевской премии мира еще в 1860-х гг. писал, что изобретение им динамита «скорее приведет к миру, чем тысяча международных конференций, потому что как только люди осознают, что целую армию можно уничтожить в мгновение ока, они точно обратятся к сияющему миру»¹⁹². Похожие предсказания делались относительно подводных лодок, артиллерии, бездымного пороха и скорострельного автоматического оружия¹⁹³. В 1930-х мир был объят

страхом, что отравляющие газы, распыляемые с аэропланов, положат конец цивилизации и человечеству, но и этот страх не приблизил нас к отказу от войн¹⁹⁴. Как сказал Луард, «история не подтверждает, что существование разрушительного оружия само по себе способно сдержать войну. Если бактериологическое оружие, отравляющие вещества, нервно-паралитические газы и другие химические вооружения не помешали начать войну в 1939 г., непонятно, почему ядерное оружие должно воспрепятствовать ей сегодня»¹⁹⁵.

К тому же теория ядерного мира не может объяснить, почему страны, не владеющие ядерным оружием, тоже воздерживаются от войн: почему, например, трения 1995 г. по поводу прав на вылов рыбы между Канадой и Испанией или разногласия 1997 г. между Венгрией и Словакией из-за плотины на Дунае так и не переросли в войну, как это постоянно случалось в европейском прошлом. В эпоху Долгого мира лидерам развитых стран не приходится размышлять, кого из своих соседей можно безопасно атаковать (Германию и Италию — да, Британию и Францию — нет), потому что они теперь вообще не держат в уме эту возможность. И дело не в том, что их сдерживают ядерные крестные отцы: США не приходится угрожать Канаде и Испании ядерным шлепком, если те станут слишком шумно делить камбалу.

Что касается сверхдержав, Мюллер предлагает более простое объяснение тому, что они избегают схваток друг с другом: их сдерживает перспектива обычной войны. Как продемонстрировала Вторая мировая, конвейерные линии могут серийно производить танки, артиллерию и бомбардировщики,

способные сровнять с землей города и убить десятки миллионов. Для Советского Союза, понесшего в этой войне самые значительные потери, данный факт был особенно очевиден. Маловероятно, чтобы основной причиной, удерживающей великие державы от боевых действий, была незначительная разница между немислимым ущербом, который может нанести ядерное оружие, и мыслимыми, но все же ужасающими потерями, которые влечет за собой традиционная война.

В конце концов, теория ядерного мира не может объяснить, почему в наши дни страны, не обладающие ядерным оружием, зачастую провоцируют или отказываются уступить противнику, который им обладает, ведь именно такого рода противостояния ядерная угроза должна была бы сдерживать¹⁹⁶. Северная Корея, Северный Вьетнам, Иран, Ирак, Панама и Югославия бросали вызов США, афганские и чеченские боевики — Советскому Союзу и Российской Федерации, Египет — Британии и Франции, Египет и Сирия — Израилю, Вьетнам — Китаю, а Аргентина — Великобритании. Если уж на то пошло, Советский Союз установил контроль над Восточной Европой как раз в те годы (1945–1949), когда у США уже было ядерное оружие, а у СССР его еще не было. Страны, дразнившие могущественные ядерные державы, не были самоубийцами. Они прекрасно понимали, что, если речь не идет об экзистенциальной опасности, угроза применения ядерного оружия всего лишь блеф. Аргентинская хунта вторглась на Фолклендские острова в полной уверенности, что Британия в ответ не превратит Буэнос-Айрес в радиоактивный кратер. Да и Израиль всерьез не угрожал ядерным ударом ни египетским армиям, собиравшимся у его границ в 1967 и 1973 гг., ни тем более столице Египта — Каиру.

Томас Шеллинг и политолог Нина Танненвальд писали о «ядерном табу» — общем представлении о ядерном оружии как особой категории ужасного¹⁹⁷. Есть представление о том, что один тактический ядерный удар — даже такой, который по разрушительности сравним с обычным оружием, — проломит брешь в истории, откроет дверь в мир невообразимых последствий. Идея любого ядерного взрыва вызывает отвращение. Нейтронная бомба — оружие, которое причиняет минимальные разрушения взрывом, но убивает армии резким выбросом радиации, — оказалось мертворожденным дитятей военных лабораторий из-за охватившего мир омерзения, даже несмотря на то, что, как заметил политолог Стэнли Хоффман, нейтронная бомба удовлетворяет требованиям моральных философов о справедливом ведении войны¹⁹⁸. Полубезумная программа 1950–1960-х гг. «Мирный атом», в рамках которой с помощью ядерных взрывов предлагалось рыть каналы, углублять гавани и отправлять ракеты в космос, сегодня выглядит анекдотом из невежественного прошлого.

Разумеется, факт неприменения ядерного оружия со времен Нагасаки еще не означает абсолютного табу¹⁹⁹. Ядерные бомбы не сами себя собирают — государства прилагают массу усилий к проектированию, сборке, доставке и установлению правил применения ядерного оружия. Но эта деятельность относится к сфере гипотетического и имеет мало общего с планированием реальных войн. Есть и явные признаки того, что здесь действует психология табу, — общая убежденность, что некоторые мысли нельзя даже впускать в свое сознание. Взять хотя бы слово, которым чаще всего описывают перспективу ядерной войны: *немыслимо*. В

1964 г., после рассуждений кандидата в президенты США Барри Голдуотера о возможности применения тактического ядерного оружия во Вьетнаме, предвыборный штаб Линдона Джонсона запустил знаменитый телевизионный ролик «Ромашка»: девочка, обрывая лепестки цветка, отсчитывает секунды до ядерного взрыва. Считается, что своей убедительной победой на выборах Джонсон в некоторой мере обязан этому рекламному ролику²⁰⁰. Религиозные аллюзии окружали ядерное оружие с тех пор, как Роберт Оппенгеймер, увидев в 1945 г. результаты первых ядерных испытаний, процитировал Бхагавадгиту: «Теперь я стал Смертью, разрушителем миров». Обычно же язык описания был библейским: *апокалипсис, Армагеддон, конец света, Судный день*. Дин Раск, госсекретарь США при Кеннеди и Джонсоне, писал, что, если страна использует ядерное оружие, «в глазах последующих поколений мы будем отмечены печатью Каина»²⁰¹. В 1985 г. физик Элвин Вайнберг, чьи разработки помогли созданию бомбы, спрашивал:

Не наблюдаем ли мы постепенную сакрализацию Хиросимы — возвышение ее до статуса глубоко мистического события, по религиозной силе равного событиям библейским? Я не могу этого доказать, но я убежден, что широкое внимание, сопровождающее сороковую годовщину Хиросимы, схоже с соблюдением главных религиозных праздников... Сакрализация Хиросимы — одна из самых обнадеживающих тенденций ядерной эры²⁰².

Ядерное табу оформлялось постепенно. В главе 1 упоминается, что как минимум десять лет после Хиросимы многие американцы считали, что атомная бомба — замечательная вещь. В 1953 г. Джон Фостер Даллес, госсекретарь США при администрации Эйзенхауэра, порицал то, что он называл «мнимым отличием» и «табу», окружающим ядерное оружие²⁰³. Во время кризиса 1955 г. с участием Тайваня и КНР Эйзенхауэр сказал: «В любом бою, где можно

применить эти штуки в строго военных целях и по строго военным целям, я не вижу, почему бы нам не использовать их так же, как мы используем пули и все остальное»²⁰⁴.

Но в следующее десятилетие ядерное оружие получило клеймо, которое вытеснило подобные заявления за пределы допустимого. До многих стало доходить, что поражающая способность этого оружия — иного порядка, чем что бы то ни было в истории, что оно нарушает идею пропорционального ответа на нападение и что планы защиты мирного населения (вроде бомбоубежищ во дворах или обучения детей прятаться под парты в школах) просто дурная шутка. Люди начали понимать, что радиоактивное заражение может вызывать генные мутации и рак в течение десятилетий после взрыва. Радиоактивные осадки, выпадающие после ядерных испытаний в атмосфере, к тому времени уже загрязнили дожди по всему миру стронцием-90, радиоактивным изотопом, замещающим кальций в костях и зубах детей. (Об этом поет Мальвина Рейнольдс в песне «Что они сделали с дождем?».)

И хотя США и СССР продолжали наперегонки развивать ядерные технологии, они начали, пусть и лицемерно, заявлять о своей поддержке идей ядерного разоружения на конференциях и в декларациях. Параллельно этому стихийные общественные движения стигматизировали ядерное оружие. Публичные фигуры, такие как Лайнус Полинг, Бертран Рассел и Альберт Швейцер, подписывали петиции и выходили на демонстрации вместе с миллионами простых граждан. Растущее давление помогло принудить сверхдержавы сначала к мораторию, затем и к запрету атмосферных ядерных

испытаний и наконец — к череде соглашений по контролю вооружений. Карибский ядерный кризис 1962 г. стал переломным моментом. Линдон Джонсон воспользовался изменениями в своих целях, демонизировав Голдуотера в предвыборном ролике «Ромашка» и обратив внимание публики на границы допустимого: «Не питайте иллюзий. Не существует такой вещи, как конвенциональное ядерное оружие. За девятнадцать наполненных страхом лет ни одна страна не применила атом против другой. Сделать это сейчас — взять на себя политическую ответственность высшего порядка»²⁰⁵.

Миру везло, и два неядерных десятилетия превратились в три, четыре, пять и шесть, и табу укреплялось само по себе, как случается всегда, когда нормы становятся общим знанием. Применение ядерного оружия стало невысказанным, потому что каждый знал, что оно невысказано, и все знали, что все это знают. То, что ядерной угрозе по причине ее растущей неэффективности не удавалось предотвращать большие (Вьетнам) и маленькие войны (Фолкленды), — невысокая цена за бесконечную отсрочку Армагеддона.

Норма, которая держится только потому, что все ее соблюдают, может и внезапно исчезнуть. Можно волноваться — нужно волноваться, что ядерные державы, не входящие в клуб великих держав (Индия, Пакистан, Северная Корея, вскоре к ним может присоединиться Иран), откажутся разделять общую убежденность, что использование ядерного оружия невысказано. Хуже того, террористические организации, которым вдруг удастся заполучить

какую-нибудь неучтенную боеголовку, могут сделать нарушение ядерного табу своей целью, поскольку весь смысл международного терроризма именно в том и состоит, чтобы шокировать мир ужасным зрелищем. Есть опасения, что даже один ядерный удар создаст прецедент, способный снять все ограничения. Пессимист сказал бы, что Долгий мир — зависел он до настоящего момента от ядерного сдерживания или нет — это всего лишь минутная передышка. Она обязательно закончится, когда ядерное оружие распространится по миру, маньяк из развивающегося мира положит конец полосе удачи и табу падет как для великих, так и для малых стран.

Ни один здравомыслящий человек сегодня не может остаться равнодушным к рискованному положению дел в сфере ядерной безопасности. Однако все не настолько плохо, как думают многие. В следующей главе мы изучим перспективы ядерного терроризма. А пока давайте посмотрим на ядерные государства.

Один из позитивных признаков: ядерное оружие распространяется не так быстро, как ожидалось. В 1960-м Джон Кеннеди на предвыборных дебатах предсказывал, что к 1964 г. в мире будет «десять, пятнадцать, двадцать» ядерных государств²⁰⁶. Общее беспокойство возросло, когда Китай в 1964 г. провел первые испытания, доведя число членов ядерного клуба до пяти менее чем за 20 лет. Том Лерер выразил охвативший всех ужас перед бесконтрольным распространением ядерного оружия в песне «Кто следующий?». В ней он перечислил страны, которые, как ожидалось, вскоре станут ядерными державами («На очереди Люксембург / И кто знает? Может, Монако»).

Но единственной страной, оправдавшей ожидания Лерера, стал Израиль («Господь мой пастырь» — гласит псалом / Но на всякий случай — понаделаем бомб!»). Не исполнилось и предсказание, что Япония «безусловно начнет разработку ядерного оружия» к 1980-м гг. и что объединенная Германия «без ядерного оружия не будет чувствовать себя в безопасности»: ни та ни другая не заинтересовалась его разработкой²⁰⁷. Хотите — верьте, хотите — нет, но с 1964 г. немало стран *отказались* от ядерного оружия — примерно столько же, сколько вступило в клуб ядерных держав. Пока Израиль, Индия, Пакистан и Северная Корея создавали собственные средства нанесения ядерного удара, Южная Африка демонтировала свой ядерный арсенал незадолго до коллапса режима апартеида в 1989 г., а Казахстан, Украина и Беларусь сказали «спасибо, не надо» арсеналам, унаследованным от прекратившего существование Советского Союза. И, верите или нет, с 1980-х число неядерных стран, пытающихся сконструировать собственную бомбу, снизилось. Основанная на подсчетах политолога Скотта Сагана диаграмма отображает число неядерных держав, в которых действовали программы разработки ядерных вооружений начиная с 1945 г. (см. рис. 5–22).

На диаграмме видно, что в разное время Алжир, Австралия, Бразилия, Египет, Ирак, Ливия, Румыния, Южная Корея, Швейцария, Швеция, Тайвань и Югославия пытались создать ядерное оружие, но передумали — кого-то переубедили удары ВВС Израиля, большинство приняли решение добровольно.

РИС. 5–22. Неядерные государства, которые прекратили разработки ядерного оружия, 1948–2010 гг.

Страны, перед названием которых стоит символ “–”, в указанном году свернули ядерную программу. Страны, название которых написано серым, по состоянию на 2010 г. подозреваются в разработке ядерного оружия. Хотя Израиль в 2007 г. разбомбил предполагаемые ядерные объекты в Сирии, в 2010 г. инспекторов Международного агентства ядерной энергии (МАГАТЭ) не впустили в эту страну, и они оставили ее в списке разрабатывающих ядерное оружие государств. *Источники:* Sagan, 2009, с обновленной информацией из Sagan, 2010, предоставлены Scott Sagan и Jane Esberg

Насколько надежно ядерное табу? Может ли страна-изгой нарушить его и таким образом отменить для всех? И разве история не доказывает, что со временем любая военная технология перестает вызывать отторжение и находит дорогу на передовую?

В поисках ответа на этот вопрос можно обратиться к истории отравляющих газов — главного кошмара Первой мировой войны. В книге «Табу на химическое оружие» (The Chemical Weapons Taboo) политолог Ричард Прайс напоминает, как в первой половине XX в. химическое оружие получило позорное клеймо. Гаагская конвенция 1899 г., одно из множества международных соглашений, регулирующих ведение войн, наложила запрет на разрывные пули, воздушные бомбардировки (с аэростатов, поскольку до изобретения аэропланов оставалось еще четыре года) и снаряды с отравляющим газом. Если вспомнить, что

случилось потом, этот беззубый манифест добрых намерений заслуживает места скорее в мусорной корзине истории.

Но Прайс доказал, что стороны в Первой мировой войне чувствовали необходимость отдавать Конвенции дань уважения. Германия, впервые применив смертельный газ на поле боя, заявила, что это была месть Франции за применение газовых гранат и что эти действия не противоречат букве закона, поскольку на противника не сбрасывали снаряды с газом, а только открывали цилиндр и позволяли ветру донести его во вражеские окопы. И хотя эти запоздалые оправдания были абсолютно неубедительны, отметим факт, что Германия вообще чувствовала необходимость оправдываться. Позже Англия, Франция и США заявляли, что действуют в ответ на незаконное применение газа Германией, и все стороны решили, что Конвенция больше не работает, поскольку к конфликту присоединились страны, не подписывавшие ее (в том числе США).

После Первой мировой отвращение к химическому оружию распространилось по всему миру. В 1925 г. в рамках Женевского протокола был введен новый запрет: «Считая, что применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов, равно как и аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира; считая, что запрещение этого применения было сформулировано в договорах, участниками коих является большинство мировых держав, в целях повсеместного признания вошедшим в международное право сего запрещения, равно обязательного для совести и практики народов»^{[72]²⁰⁸}. Со временем к протоколу

присоединились 133 страны, хотя многие из подписавшихся оставили за собой право хранить оружие в качестве сдерживающей силы. Как объяснил Уинстон Черчилль, «мы, со своей стороны, твердо решили не использовать это гнусное оружие до тех пор, пока немцы не применят его первыми. Тем не менее, зная подлый нрав главного гунна, мы не преминули принять все необходимые предупредительные меры»²⁰⁹.

Важен был этот документ или нет, табу на использование отравляющих газов в международных войнах закрепилось. Удивительно, что, хотя противостоящие стороны имели тонны этой дряни, отравляющие газы ни разу не использовались на полях сражений Второй мировой войны. Все хотели избежать бесчестья и позора, которые обрушились бы на головы тех, кто вернет отравляющий газ на поле боя. К тому же нацистов некоторое время сдерживала надежда, что Англия смирится с их завоеваниями на континенте. И все опасались возмездия со стороны противника.

Запрет удержался даже после событий, которые вполне могли стать триггером неудержимой эскалации. Как минимум в двух эпизодах войны союзные войска допустили случайную утечку газов. Германскому командованию были даны объяснения, оно ими удовлетворилось и не нанесло ответного удара²¹⁰. Этому помогла и свойственная людям способность к когнитивной классификации. В 1930-х гг. фашистская Италия применила отравляющий газ в Абиссинии, а императорская Япония — в Китае, но эти события хранились в умах лидеров в отдельной «папке», поскольку происходили в «нецивилизованных» уголках мира, а не внутри семьи

наций, — их не считали прецедентом, способным обнулить табу.

За годы, минувшие с 1930-х, отравляющий газ применялся всего несколько раз: Египтом в Йемене в 1967 г. и Ираком против Ирана (и собственных граждан — курдов) во время войны 1980–1988 гг. Нарушение табу — возможно, именно оно погубило Саддама Хусейна. Отвращение, вызванное химическими атаками, заставило замолчать оппозицию в США, что привело к войне и свержению в 2003 г. режима Хусейна. На суде использование химического оружия вменялось ему в двух из семи пунктов выдвинутых обвинений, и в 2006 г. Саддам Хусейн был казнен²¹¹. Страны мира официально запретили химическое оружие в 1993 г., и сейчас все известные его запасы находятся в процессе уничтожения.

Не совсем понятно, почему из всего разнообразия вооружений именно ядовитые газы были выделены как нечто особенно мерзкое — и настолько нецивилизованное, что даже нацисты не использовали их на поле боя (хотя без всяких угрызений совести применяли в других местах). Отравиться газом крайне неприятно, однако вряд ли приятнее быть порезанным на куски металлическими обломками или продырявленным пулей. Если же говорить о цифрах, то газ гораздо менее смертоносен, чем пули и бомбы. В Первой мировой войне от последствий применения ядовитых газов умер 1% тех, кто подвергся их воздействию, и эти смерти составили менее 1% от общего числа погибших²¹². И хотя химическая война — это полный хаос, и ни один боевой командир не захочет отдать себя на милость ветра, который дует, куда вздумается, однако Германия с помощью газа

могла бы уничтожить британцев при Дюнкерке да и американские войска могли бы выкурить японских солдат из пещер на островах Тихого океана. Даже сложность применения химического оружия вряд ли делает его уникальным, поскольку большинство новых военных технологий поначалу неэффективны. Первое пороховое ружье, например, было трудно заряжать, из него почти невозможно было прицелиться, и временами оно взрывалось прямо в руках у солдат. Химическое оружие было не первым, которое сочли варварским: в эпоху луков и пик огнестрельное оружие осуждалось как аморальное, подлое и недостойное мужчины. Почему же табу на применение химического оружия прижилось?

Вероятно, человеческий ум видит в ядах нечто особенно отталкивающее. Да, чтобы военные могли делать свое дело, наш ум допускает приостановление базовых норм нравственности на поле боя, но, похоже, это относится только к одномоментному и направленному применению силы против врага, который способен ответить тем же. Даже пацифистам могут нравиться фильмы о войне или видеоигры, где свистят пули, мелькают кинжалы и рвутся бомбы, но, похоже, никто не испытывает удовольствия при виде зеленоватого облака, наползающего на поле боя и медленно превращающего живых людей в трупы. Отравители всегда клеймились как особенно мерзкие и вероломные убийцы. Яд скорее оружие злого колдуна, чем воина; женщины (в ее полном владении находится кухня и аптечка, а это пугает), а не мужчины. В книге «Ядовитая женщина» (Venomous Woman) литературовед Маргарет Холлисси пишет об этом архетипе:

Яд никогда не может быть честным оружием в поединке между равными соперниками, как шпага или пистолет — атрибуты

настоящего мужчины. Мужчина, использующий это тайное оружие, не заслуживает даже презрения. Публично объявленное соперничество — это своего рода связь, в которой каждая сторона предоставляет противнику возможность проявить отвагу... Дуэлянт открыт, честен и силен; отравитель — обманщик, интриган и слабак. Человек с пистолетом или шпагой — это угроза, но он прямо об этом заявляет, и его предполагаемая жертва может вооружиться в ответ... Отравитель же использует недоступное секретное знание для компенсации своей физической слабости. Слабая женщина, планирующая отравление, так же опасна, как мужчина с пистолетом, но, так как она вынашивает свои замыслы в тайне, ее жертва безоружна²¹³.

Какое бы омерзение к ядам мы ни унаследовали от нашего эволюционного и культурного прошлого, чтобы оно укоренилось как военное табу, потребовалось некоторое время. Прайс считает важным то, что в ходе Первой мировой войны отравляющие газы ни разу не использовались против гражданского населения. Как минимум в этом отношении не случилось никакого происшествия, способного поколебать табу. В 1930-х все уже испытывали ужас перед тем, что сброшенные с аэропланов газовые бомбы уничтожат города, и люди сплотились в решимости не допустить использования химического оружия.

Аналогия между табу на химическое и на ядерное оружие достаточно прозрачна. Сегодня именно эти два вида объединяются под названием «оружие массового уничтожения» (хотя ядерное оружие несравнимо более деструктивно), потому что эти табу взаимно укрепляются по ассоциации. Ужас перед ядерным и химическим оружием умножен перспективой медленной смерти от вызываемых им болезней и тем, что оно стирает границы между полем боя и мирной жизнью.

Мировой опыт применения химического оружия позволяет сделать некоторые довольно

обнадеживающие, как минимум по стандартам ядерного века, выводы. Не всякая смертоносная технология становится постоянной частью военного арсенала; некоторых джиннов можно затолкать обратно в бутылки, моральные нормы могут порой укорениться в качестве международных и влиять на методы ведения войны. Более того, эти нормы могут быть достаточно крепки, чтобы устоять перед единичными исключениями, которые не обязательно приведут к неконтролируемой эскалации. Это открытие особенно обнадеживает, хотя лучше бы о нем знали немногие в этом мире.

Если миру удалось избавиться от химического оружия, не может ли то же самое произойти и с ядерным? Недавно люди, которых можно назвать столпами Америки, предложили именно это в идеалистическом манифесте под названием «Мир, свободный от ядерного оружия». Составляли его такие выдающиеся личности, как Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер и Сэм Нанн²¹⁴. Шульц был госсекретарем при администрации Рейгана, Перри — министром обороны при Клинтоне. Киссинджер — советник по национальной безопасности и госсекретарь при Никсоне и Форде. Нанн был председателем Сенатской комиссии по делам Вооруженных сил и долгое время считался ведущим экспертом по национальной безопасности среди законодателей. Никого из них не заподозришь в прекраснодушном пацифизме.

Поддерживает их команда мечты: закаленные войнами государственные деятели из демократических и республиканских администраций, начиная с администрации Джона Кеннеди. Среди них

пять бывших госсекретарей, пять бывших советников по национальной безопасности и четыре бывших министра обороны. Три четверти ветеранов, занимавших эти посты, подписали требование постепенного гарантированного обязательного уничтожения всех видов ядерных вооружений, получившее известность как «Глобальный ноль»²¹⁵. Барак Обама и Дмитрий Медведев поддержали его в своих выступлениях (что способствовало присуждению Бараку Обаме Нобелевской премии мира в 2009 г.), а несколько аналитических центров приступили к обсуждению методов достижения этой цели. Разработанная ими дорожная карта включает четыре этапа переговоров, сокращения вооружений и верификации и демонтаж в 2030 г. последней боеголовки²¹⁶.

Как можно догадаться по послужному списку его сторонников, за «Глобальным нолем» стоит довольно много расчетливой «реальной политики». С концом холодной войны ядерный арсенал великих держав превратился в нелепость. Он больше не нужен для сдерживания существующей угрозы со стороны враждебной супердержавы, а с учетом ядерного табу не служит никакой военной цели. Угроза ответного удара не может удерживать террористов, потому что их бомбы прилетят без обратного адреса, а если они еще и религиозные фанатики, то на земле для них вообще нет ничего достаточно ценного. Какими бы прекрасными ни были соглашения о сокращении ядерных вооружений, они не слишком усиливают международную безопасность, пока где-то хранятся тысячи боеголовок и технологии их производства не забыты.

Программа «Глобальный ноль» стремится распространить табу с *применения* ядерного оружия на *обладание* им. Табу предполагает взаимное понимание того факта, что существуют четкие границы между категориями «всё» и «ничего» и что граница, отделяющая ноль от любого числа больше нуля, очевиднее любой другой. Ни одна страна не может объяснить хранение ядерного оружия необходимостью защититься от соседа, если у его соседей нет ядерного оружия. Не может она и заявлять, что страны с ядерным наследством коварно сохраняют за собой право обладания ядерным арсеналом. Развивающиеся страны не будут выглядеть более развитыми, обретая ядерный арсенал, если страны первого мира отказываются от него как от устаревшего и отвратительного. И любое государство-изгой или террористическая группировка, которая вынашивает планы раздобыть ядерную боеголовку, станет парией в глазах всего мира — безнравственным преступником, а не доблестным бунтарем.

Проблема в том, как нам добраться отсюда туда. Процесс разоружения откроет окно временной уязвимости, во время которой державы, остающиеся ядерными, могут попасть под власть фанатичных экспансионистов. Есть вероятность, что ядерные державы попытаются схитрить, придержав несколько боеголовок на тот случай, если их противники сделают так же. Государство-изгой может поддержать ядерных террористов, если будет уверено, что не станет мишенью ответного удара. И в мире, который избавился от ядерного оружия, но все еще хранит знание о том, как его производить, — а этого джинна обратно в бутылку не загонишь, — любой кризис может дать новый старт гонке вооружений, в которой

первый достигший финиша рискует поддаться соблазну нанести превентивный удар, пока соперник его не опередил. Некоторые эксперты по ядерной стратегии, в том числе Томас Шеллинг, Джон Дейч и Гарольд Браун, скептически относятся к мысли, что свободный от ядерного оружия мир достижим или даже желателен. Однако другие специалисты в ответ на эти возражения рисуют схемы, планируют расписания и продумывают меры по обеспечению безопасности²¹⁷.

Учитывая всю неоднозначность вопроса, никто не вправе предрекать, что ядерное вооружение вскоре повторит судьбу отравляющих газов. Но то, что перспектива запрета вообще обсуждается в качестве достижимой, есть само по себе признак устойчивости Долгого мира. Если такой запрет случится, это будет означать абсолютный спад насилия. Мир, свободный от ядерного оружия! Какой реалист мог о таком мечтать?

ДОЛГИЙ МИР — ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР?

Если Долгий мир не порождение страха и не дитя угрозы уничтожения, тогда чье же это дитя? Можем ли мы идентифицировать экзогенную переменную — некое изменение, не являющееся частью мирного процесса, которое зародилось в послевоенную эпоху и может оказаться общей движущей силой снижения насилия? Существует ли причинно-следственная связь, способная объяснить все более убедительно, чем «развитые страны перестали воевать, потому что стали менее воинственными»?

В главе 4 мы познакомились с теорией 200-летней давности, выдвигающей ряд предположений на этот

счет. В своем эссе «К вечному миру» Иммануил Кант вывел три условия, выполнение которых должно снизить мотивацию вести войны, — при этом от правителей не требуется становиться благороднее или добрее.

Первое условие — демократия. Демократическое правительство создано, чтобы разрешать конфликты между гражданами на основе признанного всеми верховенства права, так что демократии должны руководствоваться той же этикой и в межгосударственных отношениях. К тому же каждая демократия знает, как работает любая другая демократия, потому что все они построены на общем разумном основании, а не выросли из культа личности, мессианского кредо или шовинистической миссии. Доверие, которое в силу этих причин демократии испытывают друг к другу, должно в зародыше останавливать гоббсовский цикл насилия, когда страх превентивного удара со стороны противника побуждает нанести превентивный удар. В довершение ко всему, поскольку демократические лидеры несут ответственность перед своим народом, они будут с меньшей вероятностью инициировать глупые войны для приумножения собственной славы за счет жизней и благополучия граждан.

Теория Демократического мира имеет два веских аргумента для объяснения Долгого мира. Первый — что тренд направлен в нужную сторону. Корни европейской демократии на удивление неглубоки. Восточная часть континента до 1989 г. находилась под властью коммунистических диктатур, а Испания, Португалия и Греция до 1970-х гг. были диктатурами фашистскими. Германия, начиная Первую мировую, была милитаристской монархией, а поддержала ее монархистская Австро-Венгрия; Вторую мировую

Германия начала в качестве нацистской диктатуры при поддержке фашистской Италии. Даже Франции для того, чтобы прийти, наконец, к демократии, потребовалось пять попыток, перемежающихся монархиями, империями и режимом Виши. Не так давно многие эксперты считали, что дни демократии сочтены. В 1975 г. Дэниэл Патрик Мойнихэн сокрушался, что «либеральная демократия по американской модели все больше смахивает на монархию XIX в., устаревшую форму правления, что все еще держится там и сям в изолированных или диких местах и даже может хорошо подходить для каких-то особых случаев, но просто неуместна в будущем. Это точка, в которой мир уже был, но не та, к которой он движется»²¹⁸.

Лучше бы социологи не брались предсказывать будущее, им и прошлое-то непросто предсказать. На рис. 5–23 показана судьба демократий, автократий и анократий (нечто среднее между демократией и автократией) в десятилетия после Второй мировой войны. Год, в который Мойнихэн анонсировал смерть демократии, стал решающим в судьбе различных форм правления, и оказалось, что демократия как раз та точка, к которой движется мир, особенно развитый мир. Южная Европа стала полностью демократической в 1970-х, а Восточная — в начале 1990-х. Сегодня единственной европейской страной, классифицированной как автократия, является Беларусь, а все прочие, кроме России, — полноценные демократии. Демократическая форма правления преобладает в обеих Америках и среди развитых стран АТР, таких как Южная Корея и Тайвань²¹⁹. Кроме того что демократия вносит свой вклад в дело мира, эта форма правления применяет минимум насилия к

своим гражданам, так что усиление демократии само по себе важная веха в историческом спаде насилия.

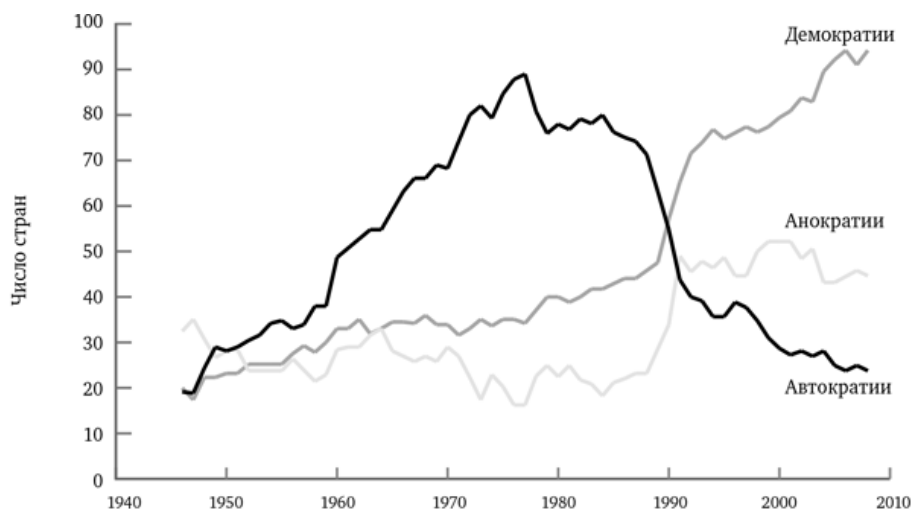

РИС. 5–23. Демократии, автократии и анократии, 1946–2008 гг.

Источник: Marshall & Cole, 2009. Учитывались только страны с населением больше 500 000 чел. на 2008 г.

Еще один аргумент в пользу Демократического мира — фактоид, который иногда преподносят как исторический закон. Вот что говорил об этом в 2008 г. бывший премьер Великобритании Тони Блэр в телевизионном интервью Джону Стюарту:

Стюарт: Наш президент — вы же с ним встречались? Он большой сторонник свободы. Думает, если бы все страны были демократическими, войны бы прекратились.

Блэр: Ну, как показывает история, две демократии никогда не воевали друг с другом.

Стюарт: У меня есть вопрос. Аргентина. Демократия?

Блэр: Да, это демократия. Они выбирают президента.

Стюарт: Великобритания. Демократия?

Блэр: Более или менее. Была, когда я уезжал оттуда.

Стюарт: Эмм... а вы, ребята, не воевали?

Блэр: На самом деле на тот момент Аргентина не была демократией.

Стюарт: Черт! Я думал, я его подловил.

Если развитые страны стали демократиями после Второй мировой войны и если демократии никогда не воюют друг с другом, тогда у нас есть объяснение,

почему развитые страны после Второй мировой войны прекратили воевать.

Но, как видно из скептических вопросов Стюарта, демократическая теория мира подвергалась серьезной критике, особенно после того, как Буш и Блэр воспользовались ею для обоснования вторжения в 2003 г. в Ирак. Знатоки истории с удовольствием приводят контрпримеры, вот несколько из коллекции Уайта.

- Греческие войны, V в. до н.э. Афины против Сиракуз.
- Пунические войны, II и III в. до н.э. Рим против Карфагена.
- Американская революция, 1775–1783 гг. США против Великобритании.
- Французские революционные войны, 1793–1799 гг. Франция против Великобритании, Швейцарии и Нидерландов.
- Война 1812 г., 1812–1815 гг. США против Великобритании.
- Франко-римская война, 1849 г. Франция против Римской республики.
- Гражданская война в Америке, 1861–1865 гг. Соединенные Штаты против Конфедерации.
- Испано-американская война, 1898 г. США против Испании.
- Англо-бурская война, 1899–1901 гг. Великобритания против Трансвааля и Оранжевой республики.
- Первая Индо-пакистанская война, 1947–1949 гг.

- Гражданская война в Ливане, 1978 г., 1982 г. — Израиль против Ливана.
- Хорватская война за независимость, 1991–1992 гг. Хорватия против Югославии.
- Война в Косово, 1999 г. НАТО против Югославии.
- Каргильская война, 1999 г. Индия против Пакистана.
- Вторая ливанская война, 2006²²⁰.

Каждый из этих примеров был тщательно изучен, чтобы определить, были ли воюющие государства действительно демократическими. Греция, Рим и Конфедеративные Штаты были рабовладельческими государствами, Британия — монархией, правом голоса в которой до 1832 г. обладало незначительное число граждан. В других войнах принимали участие в лучшем случае новоиспеченные или очень слабые демократии — Ливан, Пакистан, Югославия и (в XIX в.) Франция и Испания. До первых десятилетий XX в. права голоса не было у женщин, а они, как мы еще узнаем, склонны голосовать за более миролюбивую политику, чем мужчины. Большинство сторонников идеи Демократического мира готовы вычеркнуть все столетия до XX в. и забыть про новые и нестабильные демократии. Тогда они смогут с полным правом настаивать, что зрелые, стабильные демократии ни разу не воевали друг с другом.

На это критики теории Демократического мира отвечают, что, если очерчивать круг демократий настолько узко, внутрь попадает всего горстка стран и по законам вероятности войн между ними не может быть много. Если две страны не входят в клуб великих

держав, они могут начать войну, только если граничат друг с другом, так что большая часть теоретически возможных противостояний так или иначе исключена по географическим причинам. Нам не нужно апеллировать к демократии, чтобы объяснить, почему никогда не воевали между собой Новая Зеландия и Уругвай или Бельгия и Тайвань. Если к тому же уменьшить массив данных, отбрасывая примеры в начале линии времени (ограничивая ее, как делают некоторые, периодом после Второй мировой), тогда Долгий мир отлично объясняет более циничная теория: с начала холодной войны союзники самой могущественной державы мира, США, не воевали друг с другом. Другие проявления Долгого мира, например, то, что великие державы не воюют между собой, Демократическим миром никогда не объяснялись и, как считают его критики, вероятно, стали результатом взаимного сдерживания, ядерного или традиционного²²¹.

Последняя проблема теории Демократического мира как минимум в том, что касается общей предрасположенности к войнам: демократии часто ведут себя не так порядочно, как должны бы, по мнению Канта. Постулату, что демократии распространяют вовне свою готовность подчиняться законной власти и мирно разрешать конфликты, противоречат войны, которые вели Британия, Франция, Нидерланды и Бельгия, создавая или защищая свои колониальные империи, — а это как минимум 33 войны в период между 1838 и 1920 гг. и еще несколько, продолжавшихся до 1950-х и даже 1960-х гг. (Франция в Алжире). Странников теории Демократического мира обескураживают и американские интервенции времен холодной войны, когда ЦРУ помогало свержению более или менее

демократических правительств в Иране (1953 г.), Гватемале (1954 г.) и Чили (1973 г.), поскольку те слишком отклонялись влево, что не нравилось Америке. Защитники теории возражают, что европейский империализм хоть и не исчез мгновенно, но все же с развитием демократии в метрополиях постепенно сошел на нет, а американские вмешательства проводились тайно и, в отличие от войн, были скрыты от глаз публики, а значит, эти исключения только подтверждают правило²²².

Когда спор вырождается в жонглирование определениями, специально подобранными примерами и ситуативными оправданиями, пора призвать на помощь статистику кровопролитных конфликтов. Два политолога, Брюс Рассетт и Джон Онил, вдохнули новую жизнь в теорию Демократического мира. Уточнив определения, проконтролировав искажающие факторы и проверив математическую версию теории, они предложили новую формулировку: дело не в том, что демократии *никогда* не воюют (в этом случае каждый предполагаемый контрпример становится решающим), а то, что при прочих равных они воюют *намного реже*, чем недемократические страны²²³.

Рассетт и Онил развязали этот узел, применив множественную логистическую регрессию: статистический метод, способный разделить влияние разных факторов. Допустим, вы узнали, что заядлые курильщики чаще страдают от сердечных заболеваний, и хотите подтвердить, что повышенный риск болезней сердца связан именно с курением, а не с недостатком физической нагрузки, которая часто сопровождает курение. Сначала вы пытаетесь собрать как можно больше данных о сердечных приступах при

помощи искажающего фактора — данных о физической активности пострадавших. После изучения большой выборки медицинских записей вы выясняете, что в среднем каждый лишний час упражнений в неделю несколько снижает вероятность инфаркта. Тем не менее корреляция не идеальна — у некоторых лентяев здоровое сердце, а кое-кого из спортсменов увезли на «скорой» прямо из спортзала. Разница между числом инфарктов, которое мы прогнозируем на основе данных о физической активности, и числом действительно случившихся инфарктов называется *остатком* (разность между наблюдаемой и предвычисленной величиной). Опираясь на набор остатков, мы можем определить влияние той переменной, которая нас действительно интересует, — курение.

Теперь попробуем использовать вторую возможность для маневра. В среднем заядлые курильщики меньше занимаются спортом, хотя некоторые упражняются довольно интенсивно, а другие не тренируются вовсе. Отсюда мы получаем второй набор остатков: расхождение между действительным уровнем курения и уровнем, который можно было бы предположить, основываясь на данных о физической активности. Теперь осталось только выяснить, коррелируют ли остатки, полученные из соотношения курение — активность (насколько люди курят больше или меньше, чем вы предполагали, исходя из их уровня активности) с остатками, полученными из соотношения активность — инфаркты (насколько больше или меньше инфарктов случается у курильщиков, чем можно было бы предположить, исходя из их уровня активности). Наличие корреляции между наборами остатков означает, что курение коррелирует с инфарктами

сильнее их совместной корреляции с физической активностью. Если при этом вы измеряете связь с курением на этапе жизни перед инфарктом, а не после (чтобы исключить возможность, что это инфаркты заставляют людей курить, а не наоборот), у вас есть основания утверждать, что курение может быть *причиной* инфаркта. Множественная регрессия позволяет проделывать то же самое с любым количеством связанных прогностических факторов, а не только с двумя.

Основной недостаток множественной регрессии в том, что чем больше переменных нужно распутать, тем больше требуется данных, потому что каждый искажающий фактор поглощает максимум вариаций данных, а основной гипотезе приходится довольствоваться теми, что остались. К счастью для человечества, но к неудовольствию социологов, межгосударственные войны случаются не настолько часто. Проект «Корреляты войны» в период с 1823 до 1997 г. насчитывает только 79 полномасштабных межгосударственных войн (с числом погибших как минимум 1000 человек в год), 49 из них случились после 1900 г. Для статистики этого слишком мало. Поэтому Рассетт и Онил обратились к более крупному массиву данных, включающему вооруженные межгосударственные противостояния, когда страны приводят армии в боевую готовность, стреляют в воздух, поднимают в небо истребители, скрещивают мечи, потрясают кулаками и всячески поигрывают военными мускулами²²⁴. Принимая во внимание, что на каждую настоящую войну приходится гораздо большее число конфликтов, в войну не переросших, причем причины у тех и других одни и те же, для целей статистики вполне можно воспользоваться базой вооруженных противостояний. Проект

«Корреляты войны» между 1816 и 2001 г. насчитывает более 2300 вооруженных межгосударственных противостояний — количество, которое удовлетворит даже самых требовательных социологов²²⁵.

Для начала Рассетт и Онил определили единицы анализа: пары стран за каждый год с 1886-го по 2001-й, которые хотя бы с некоторой долей вероятности могли начать войну — или потому, что были соседями, или потому, что одна из них была великой державой. Первое, что нужно было узнать, — действительно ли в данном году эти две страны столкнулись в вооруженном противостоянии. Далее ученые выясняли, насколько демократической была *наименее* демократическая из них за год до конфликта, предполагая, что, даже если демократическое государство миролюбиво, более воинственный (и вероятно, менее демократический) противник способен втянуть его в войну. Кажется не очень справедливым осуждать демократические Нидерланды за то, что в 1940 г. страна оказала сопротивление немецкой оккупации, так что паре Нидерланды —Германия в 1940 г. будет приписан предельно низкий уровень демократии, характеризующий Германию 1939 г.

Чтобы преодолеть искушение подгонять данные под ответ, определяя уровень демократии (особенно в странах, которые называют себя «демократиями» на основании инсценированных выборов), Рассетт и Онил опирались на данные проекта Polity^[73]. Этот проект присуждает каждой стране баллы демократичности от 0 до 10 на основании того, насколько конкурентны ее политические процессы, насколько открыта процедура избрания лидера и

сколько ограничений налагается на его власть. Исследователи бросили в котел статистики несколько переменных, способных влиять на вооруженные противостояния в мире «реальной политики»: были ли пары стран официальными союзниками (это понижает вероятность конфликта между ними), была ли одна из них великой державой (так как великие державы вечно ищут неприятностей) и, если ни одна из них не относится к великим державам, была ли одна из них значительно сильнее другой (потому что страны воюют реже, если силы неравны и результат столкновения предрешен).

Действительно ли демократии, при прочих равных условиях, с меньшей вероятностью ввязываются в вооруженные противостояния? Ответ: определенно да. Если менее демократический член пары был чистой автократией, вероятность конфликта удваивалась по сравнению с парой государств в зоне среднего риска. Если обе страны были полностью демократическими, вероятность конфликта снижалась более чем вдвое²²⁶.

Выходит, теория Демократического мира выглядит даже убедительнее, чем надеялись ее защитники. Демократии не только избегают столкновений друг с другом — есть предположение, что они воздерживаются от любых конфликтов²²⁷. Демократии не воюют с друг другом не только потому, что все они одного поля ягоды, — ведь не существует же «автократического мира» — какого-нибудь кодекса воровской чести, соблюдая который автократии также избегали бы конфликтов друг с другом²²⁸. Демократический мир существовал не только на протяжении 115 лет, охваченных базой данных, но и в поддиапазонах 1900–1939 и 1989–2001 гг.

Следовательно, Демократический мир — это не побочный продукт Pax Americana времен холодной войны²²⁹. На самом деле никаких признаков Pax Americana или Pax Britannica не существовало: периоды, в которые одна из этих стран являлась единственной доминирующей в военном отношении державой, были не более мирными по сравнению с периодами, когда таких держав было несколько²³⁰. Нет никаких подтверждений и тому, что новые демократии — драчливые исключения из правил Демократического мира: вспомните страны Балтии и Центральной Европы, которые пришли к демократии после распада Советского Союза, или государства Южной Америки, скинувшие свои хунты в 1970–1980-х. Ни одна из этих стран не начала воевать²³¹. Рассетт и Онил нашли единственное ограничение для Демократического мира: он вступил в свои права только около 1900 г., как и следовало предположить, учитывая множество контрпримеров, относящихся к XIX в.²³²

Демократический мир неплохо прошел строгую проверку. Однако это не значит, что мы все должны броситься насаждать свободу и внедрять демократическое правление в каждой автократии, до которой только сможем дотянуться. Демократия не экзогенна по отношению к социуму; это не список управленческих алгоритмов, выполнение которых влечет за собой все прочие блага. Демократия вплетена в ткань цивилизованных отношений, которые включают прежде всего отказ от политического насилия. Я уже говорил о том, что Англия и США стали демократиями не раньше чем политические лидеры этих стран и их оппоненты отказались от обычая убивать друг друга. Без цивилизованных отношений в обществе демократия

не гарантирует внутреннего мира. Хотя новые и неустойчивые демократии не начинают межгосударственных войн, в следующей главе мы увидим, что в таких странах ведется непомерно большое количество войн гражданских.

Но даже в отношении отказа демократических стран от межгосударственных войн превозносить демократию как основную причину мира преждевременно. Демократические страны пожинают благословенные плоды эффекта Матфея: те, что имеют, приумножают, те, что не имеют, теряют. Граждане демократических стран не только не стонут под пятой тиранов, они еще и богаче, здоровее, лучше образованны, пользуются всеми преимуществами международной торговли и членства в международных организациях. Чтобы объяснить Долгий мир, нам нужно рассмотреть влияние каждого из этих факторов по отдельности.

ДОЛГИЙ МИР — ЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИР?

Демократический мир иногда считают частным случаем либерального мира — «либерального» в смысле классического либерализма с его вниманием к политической и экономической свободе, а не в смысле левого либерализма²³³. Теория либерального мира включает и доктрину мирной торговли, в соответствии с которой торговля — это форма взаимного альтруизма, обеспечивающая выгоды обоим участникам и сообщающая каждому эгоистичную заинтересованность в благополучии другого. Роберт Райт, который отвел почетное место взаимному обмену в книге «Не ноль» (Nonzero) — трактате об истории сотрудничества, сформулировал

это так: «Я считаю, что мы не должны бомбить японцев хотя бы потому, что они сделали мой минивэн».

Популярный термин «глобализация» напоминает нам, что в последние десятилетия международная торговля растет как на дрожжах. Новые технологии сделали торговлю проще и дешевле: это и транспорт — реактивные самолеты и корабли-контейнеровозы, и электронные коммуникации — телекс, факс, международные телефонные линии, спутники и интернет, и торговые соглашения, снизившие тарифы и ограничения, а также обмен валют и каналы международного финансирования, позволяющие деньгам пересекать границы, и то, что современная экономика все больше опирается на идеи и информацию, а не на материальные объекты и ручной труд.

История полна примеров, подтверждающих, что чем свободнее торговля, тем прочнее мир. XVIII в. стал свидетелем не только затишья в войнах, но и вступления Европы на путь коммерции — королевские патенты и монополии уступили место свободным рынкам, а меркантильный настрой «Разори соседа» сменился международной торговлей под девизом «Пусть выиграет каждый». Страны, отказавшиеся от игр великих держав и сопровождающих эти игры войн, например Нидерланды в XVIII в., Германия и Япония во второй половине XX в., часто перенаправляли свою энергию на достижение статуса великих торговых держав. Протекционистские тарифы 1930-х гг. привели к падению объемов международной торговли и, вероятно, к росту напряженности на международной арене. Доброжелательные отношения между США и Китаем, у которых мало общего, кроме потока товаров

в одну сторону и долларов — в другую, и сегодня напоминают нам о примиряющем эффекте торговли. Не уступает идее Демократического мира как способа предотвращения конфликтов и неопровержимая «теория золотых арок»: страны, в которых имеются рестораны «Макдональдс», не воюют друг с другом. Единственное бесспорное «столкновение бигмаков» случилось в 1999 г., когда авиация НАТО бомбила Югославию²³⁴.

Но, кроме шуток, многие историки сомневаются, что торговля в целом поддерживает мир. В 1986 г. Джон Гэддис писал: «Приятно было бы в это верить, но у нас на удивление мало исторических свидетельств»²³⁵. Действительно, в древности и в Средние века развития торговой инфраструктуры было недостаточно для установления мира. Технологии, способствующие торговле, — корабли и дороги — упрощали и разбой, иногда с участием тех же путешественников, следовавших правилу: «Если их больше, торгуй. Если нас больше — грабь»²³⁶. В последующие столетия прибыль от торговых операций стала такой заманчивой, что торговлю в колониях и слабых странах порой насаждали силой. Самый позорный пример — Опиумные войны XIX в., которые Британия вела с Китаем, чтобы британские торговцы могли беспрепятственно продавать в Поднебесной опасный наркотик. К тому же войны великих держав часто проходили с участием стран, активно торговавших друг с другом.

Норман Энджелл, сам того не желая, подорвал веру в связь между торговлей и миром: публика считала, будто за пять лет до Первой мировой он заявлял, что свободная торговля уже сделала войну бессмысленной. Скептики любят потоптаться по

больной мозоли, указывая, что в довоенные годы уровень финансовой взаимозависимости в Европе был чрезвычайно высок, как и товарооборот между Англией и Германией²³⁷. Как с болью заметил сам Энджелл, экономическая бессмысленность войн заставляет избегать их, только если страна в принципе заинтересована в процветании. Зачастую лидеры готовы пожертвовать некоторым уровнем благополучия страны (на самом деле значительной его долей), чтобы укрепить национальное величие, продвинуть утопические идеологии или восстановить историческую справедливость — как они ее видят. И даже в демократических странах граждане могут их поддержать.

Рассетт и Онил, защищая демократический мир с цифрами в руках, хотели заодно оценить достоверность и теории либерального мира, а они были скептиками из скептиков. Они заметили, что, хотя международная торговля непосредственно перед Первой мировой была на пике, она и близко не достигла той доли валового внутреннего продукта, до которой выросла после Второй мировой войны (рис. 5–24).

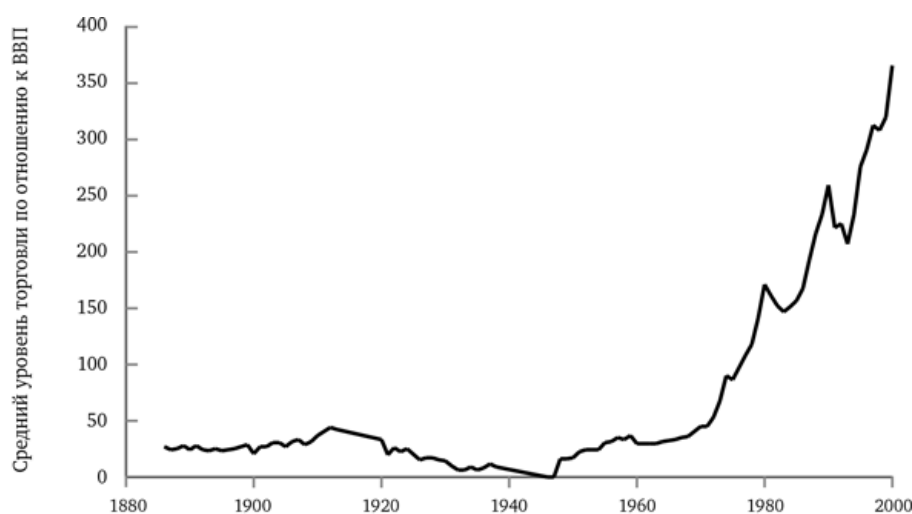

РИС. 5–24. Международная торговля по отношению к ВВП, 1885–2000 гг.

Источник: Russett, 2008, основано на данных из Gleditsch, 2002

Кроме того, торговля может служить умиротворяющей силой, только если она закреплена международными соглашениями, которые не позволяют странам внезапно впасть в протекционизм и перекрыть кислород своим торговым партнерам. Гат показывает, что на рубеже XIX — XX вв. Британия и Франция демонстрировали намерения стать самодостаточными империями и жить на торговые прибыли от своих колоний. Это заставило нервничать Германию и заронило в головы ее лидеров мысль о том, что им тоже нужна империя²³⁸.

Имея на руках примеры и контрпримеры с обеих сторон и учитывая статистические наложения между торговлей и другими полезными вещами (демократией, членством в международных организациях и альянсах и общим процветанием), пора вновь прибегнуть к множественной регрессии. Каждой паре государств в зоне риска Рассетт и Онил присвоили показатель «объем торговли», вычисленный как доля от ВВП более коммерчески ориентированной стороны. Они обнаружили, что для стран, которые в определенный год сильнее зависели от торговли, вероятность участия в вооруженных противостояниях в ближайший год была ниже даже при условии контроля переменных демократии, соотношения сил, статуса великой державы и экономического роста²³⁹. Другие исследования показали, что умиротворяющий эффект торговли зависит и от развитости страны: те государства, у которых есть доступ к финансовой и технологической инфраструктуре, удешевляющей торговлю, чаще склонны решать споры без бряцания оружием²⁴⁰. Это согласуется с предположениями Энджелла и Райта, что сегодня, благодаря широким историческим

переменам, финансовые интересы склоняют страны скорее к торговле, чем к войне.

Рассетт и Онил обнаружили, что на уровень миролюбия благотворно влияет не только объем двустороннего товарооборота, но и зависимость каждой стороны от международной торговли: страна, включенная в мировую экономику, с меньшей вероятностью очутится в центре вооруженного противостояния²⁴¹. Это позволяет выдвинуть более емкую теорию мирной торговли. Международная торговля лишь одна сторона коммерческого духа страны. Есть и другие: открытость зарубежным инвестициям, свобода граждан заключать обеспеченные правовой защитой контракты и желание полагаться на добровольный финансовый обмен в противоположность автономности, бартеру и грабежу. Умиротворяющий эффект торговли в этом широком смысле кажется даже более серьезным, чем влияние демократии. Демократический мир вступает в игру, только если обе стороны придерживаются демократической формы правления, а влияние торговли проявляется, даже если рыночной экономикой может похвастаться лишь одна из них²⁴².

Такие открытия привели некоторых политологов к еретической идее «капиталистического мира»²⁴³. Слово «либеральный» в формулировке «либеральный мир» относится как к политической открытости демократии, так и к экономической открытости капитализма, и согласно теории капиталистического мира, значительную долю умиротворения обеспечивает именно экономическая открытость. Среди аргументов сторонников этой теории (от которых левые лишаются дара речи) — то, что многие из доводов Канта в пользу демократии приложимы и к

капитализму. Капиталистическая экономика опирается на добровольные соглашения между гражданами, а не на приказы и жесткий контроль, что может обеспечить ей те же плюсы, которые Кант приписывал демократическим республикам. Этика добровольных переговоров внутри страны (как и этика законной передачи власти) естественным образом распространяется на отношения с другими странами. Прозрачность и понятность рыночного государства убеждает его соседей, что оно не объявит вдруг военное положение, а это вскрывает гоббсовскую ловушку и ограничивает возможности лидеров рискованно блефовать и балансировать на грани войны. Ограничена ли власть правительства урнами для голосования или же нет, в рыночной экономике она в любом случае ограничена влиятельными игроками, которые контролируют средства производства и могут противостоять нарушению хода международной торговли как вредному для бизнеса. Эти ограничения тормозят персональные амбиции правителя, его стремление к славе, величию и вселенской справедливости, как и соблазн ответить на провокацию безрассудной эскалацией конфликта.

Демократии склонны быть капиталистическими и наоборот, но эта корреляция не идеальна: Китай, например, капиталистическая страна, и при этом автократия, а Индия — демократия, но до недавних пор, безусловно, социалистическая. Некоторые политологи использовали это несовпадение, чтобы противопоставить демократию капитализму при анализе базы данных вооруженных противостояний и других международных кризисов. Как и Рассетт и Онил, они тоже обнаружили явный миротворческий эффект капиталистических переменных —

международной торговли и открытости для глобальной экономики. Тем не менее некоторые из них не согласны, что демократия вносит свой вклад в дело мира, если статистически исключить ее корреляцию с капитализмом²⁴⁴. Так что несмотря на то, что выяснение относительного вклада политического и экономического либерализма временно погрязло в ученом занудстве, комплексная теория либерального мира стоит на твердой почве.

Сама идея капиталистического мира шокирует тех, кто помнит времена, когда капиталистов считали «торговцами смертью» и «штурманами войны». Эта ирония не ускользнула от выдающегося исследователя проблем мира — норвежского ученого Нильса Петтера Гледича, который завершил свою речь в качестве президента Ассоциации международных исследований (ISA) в 2008 г. новой версией лозунга 1960-х: «Занимайтесь деньгами, а не войной»²⁴⁵.

ДОЛГИЙ МИР — КАНТИАНСКИЙ МИР?

После Второй мировой войны лучшие умы человечества страстно желали выяснить, что же пошло не так. Был предложен ряд программ по предотвращению новой катастрофы. Мюллер пишет о самой популярной из них:

Некоторые западные ученые, определенно снедаемые чувством вины за свой вклад в изобретение нового высокоэффективного оружия... вышли из своих лабораторий и отложили в сторону исследования, озаботившись делами человеческими. Они быстро пришли к заключению, выраженному с категорической определенностью, прибегать к которой в обсуждении материального мира им почему-то не свойственно. И хотя Альберт Эйнштейн добился величайших достижений, будучи гражданином суверенной Швейцарии, он оказался так же невосприимчив к швейцарскому опыту, как и все прочие. «Пока существуют могущественные суверенные государства, — заявил

он, — война неизбежна»... К счастью, ему и другим ученым удалось-таки обнаружить единственное приспособление, которое может решить проблему. «Только создание мирового правительства может предотвратить угрозу самоуничтожения человечества»²⁴⁶.

Надежда на мировое правительство кажется линейным продолжением логики Левиафана. Если национальное правительство с монополией на применение силы внутри страны решает проблемы убийств, локальных и гражданских войн, почему тогда *мировое* правительство с монополией на легитимное применение *военной* силы не является решением проблемы войны между нациями? Немногие интеллектуалы заходили так далеко, как Бертран Рассел, который в 1948 г. предлагал выдвинуть Советскому Союзу ультиматум: или СССР немедленно подчинится мировому правительству, или США сбросят на него атомную бомбу²⁴⁷. Но идею мирового правительства продвигали среди прочих Эйнштейн, Уэнделл Уилки, Хьюберт Хамфри, Норман Казинс, Роберт Мейнард Хатчинс и Уильям О. Дуглас. Многие полагали, что мировое правительство может постепенно вырасти из ООН.

Сегодня идея мирового правительства жива главным образом среди чудаков и любителей научной фантастики. Загвоздка в том, что настоящее правительство опирается на взаимное доверие граждан и общие ценности народа, которым оно управляет, а добиться этого в масштабах планеты нереально. Еще одна проблема: у мирового правительства не будет альтернативы — другой страны, у которой оно могло бы заимствовать опыт управления или куда недовольные граждане могли бы эмигрировать, а также у него не будет естественных сдержек против стагнации и самонадеянности. И ООН вряд ли когда-нибудь превратится в правительство,

которому кто-то захочет подчиняться. Совет Безопасности ООН связан по рукам и ногам правом вето, на котором настаивали великие державы, прежде чем уступить ему некоторую долю власти, и сейчас Генеральная Ассамблея — это скорее трибуна для демагогических речей тиранов, чем мировой парламент.

В эссе «К вечному миру» Кант описывал «федерацию свободных государств», мало похожую на международного Левиафана. Он думал не о глобальном мегаправительстве, а о постепенно расширяющемся клубе либеральных республик, который опирался бы скорее на мягкую власть моральной легитимности, чем на монополию на применение силы. Современный эквивалент такого клуба — международные межправительственные организации (ММО) — бюрократические структуры с ограниченными полномочиями, созданные для координации политики государств в области, где у них есть общие интересы. Международная организация, наилучшим образом зарекомендовавшая себя в деле достижения мира, — это скорее не ООН, а Европейское объединение угля и стали — ММО, основанная в 1950 г. Францией, Западной Германией, Бельгией, Нидерландами и Италией. Ее целью было контролировать общий рынок и регулировать производство двух этих стратегических важных товаров. Организация была создана специально как механизм подавления исторически обусловленного соперничества и амбиций — особенно со стороны Западной Германии — в совместных коммерческих предприятиях. Объединение угля и стали подготовило почву для появления Европейского экономического сообщества, которое в свою очередь заложило основы Евросоюза²⁴⁸.

Ряд историков считает, что эти организации помогли вынести идею войны за рамки коллективного сознания народов Западной Европы. Сделав национальные границы проницаемыми для людей, денег, товаров и идей, они ослабили соблазн наций конкурировать за блага с оружием в руках, точно так же как существование Соединенных Штатов ослабляет желание, скажем, Миннесоты и Висконсина мериться силами на поле боя. Объединяя государства, лидерам которых приходится встречаться и работать вместе, ММО укрепили нормы сотрудничества. В качестве беспристрастного судьи ММО может урегулировать споры между странами — членами организации. А используя в качестве приманки «морковку» огромного общего рынка, ММО способны склонить претендентов на членство в них отказаться от имперских амбиций (как в случае с Португалией) или придерживаться либеральной демократии (как в случае с бывшими странами советского блока и, возможно, когда-нибудь, Турцией)²⁴⁹.

Рассетт и Онил предположили, что членство в межправительственных организациях — это третья вершина треугольника умиротворяющих сил, открытие которого они приписывают Канту; две другие — демократия и торговля. Хотя Кант не выделяет торговлю в эссе «К вечному миру», он воздает ей должное в других работах, так что Рассетт и Онил чувствовали себя вправе начертить такой треугольник. Международные межправительственные организации не обязаны руководствоваться утопическими или идеалистическими целями. Они могут координировать оборону, валюту, почтовые сообщения, тарифы, движение по каналам, право рыбной ловли, вопросы экологии, туризм, борьбу с военными преступлениями, таблицу мер и весов,

дорожные знаки — все что угодно, при условии что являются добровольной ассоциацией правительств. На рис. 5–25 видно, что в XX в. число членов этих организаций стабильно росло, резко подскочив после Второй мировой войны.

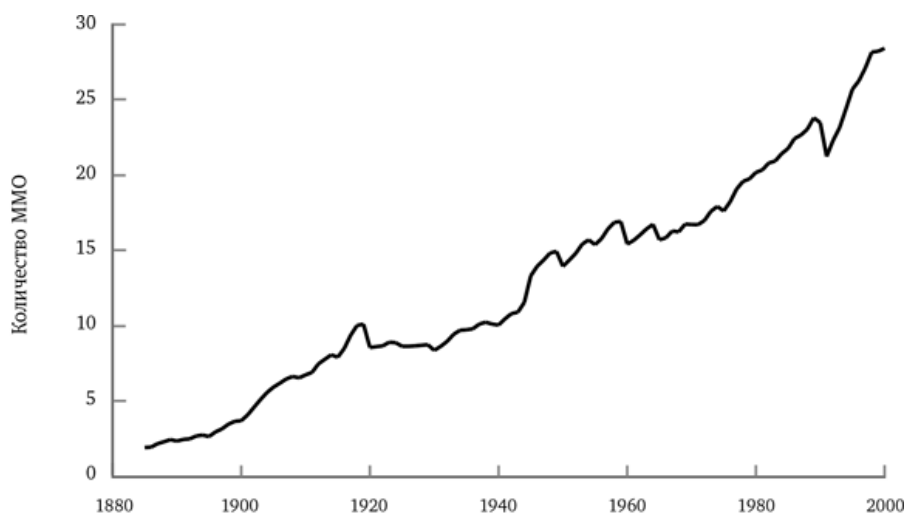

РИС. 5–25. Среднее число членов ММО по парам стран, 1885–2000 гг.

Источник: Russett, 2008

Чтобы выяснить, внесло ли членство в ММО свой отдельный вклад в дело мира или же просто сопутствовало демократии и торговле, Рассетт и Онил посчитали число межправительственных организаций, к которым пары стран принадлежат одновременно, и подвергли эти данные регрессионному анализу вместе с показателями демократии, торговли и переменными «реальной политики». Они пришли к выводу, что Кант попал в точку все три раза: демократия способствует миру, торговля способствует миру и членство в международных организациях способствует миру. По сравнению со случайно взятой парой стран шансы пары, по всем трем переменным входящей в первую десятку, ввязаться в любой данный год в вооруженное противостояние на 83% меньше, чем у среднестатистической пары стран, то есть очень близки к нулю²⁵⁰.

А может, Кант был прав и в более широком смысле? Рассетт и Онил обосновали правомерность треугольника Канта с помощью сложных корреляций. Но, когда мы делаем выводы о причинах и следствиях на основе корреляции данных, всегда может оказаться, что настоящей причиной как изучаемого нами эффекта, так и переменной, которой мы его объясняем, является нечто третье, какой-то скрытый фактор. В случае треугольника Канта каждая из трех предполагаемых причин умиротворения может быть следствием еще более глубокой и еще более кантианской причины: готовности решать конфликты средствами, приемлемыми для всех вовлеченных сторон, отказываясь от навязывания своей воли более слабому участнику. Нации становятся демократиями, только когда их политические элиты устают убивать друг друга в борьбе за власть. Они обращаются к торговле, только когда начинают ценить всеобщее процветание больше личного триумфа. Страны присоединяются к международным организациям, только если готовы жертвовать некоторой долей суверенитета ради общей выгоды. Другими словами, подписываясь под кантовскими переменными, нации и их лидеры все чаще следуют категорическому императиву Канта «поступай так, чтобы максима твоей воли могла быть всеобщим законом». Быть может, долгим миром мы обязаны нисхождению на международную арену категорического императива?

[251](#)

Наверное, ученый-международник презрительно фыркнет при одной мысли об этом. В соответствии с влиятельной теорией под претенциозным названием «реализм» отсутствие мирового правительства

обрекает нации на вечное пребывание в состоянии гоббсовской анархии. А это значит, что лидеры всегда будут действовать как психопаты: учитывать только эгоистичный национальный интерес и не поддаваться смягчающему влиянию сентиментальных (и самоубийственных) мыслей о морали²⁵².

Сторонники реализма обосновывают его природой человека, причем теория человеческой природы, на которую они опираются, гласит, что люди — эгоистичные рациональные животные. Но, как будет показано в главах 8 и 9, люди еще и животные *моральные*: не в том смысле, что их поведение морально с точки зрения независимого этического анализа, а в том, что их поведением управляет моральная интуиция, подкрепляемая эмоциями, нормами и табу. Более того, люди еще и мыслящие животные, формирующие убеждения и действующие в соответствии с ними. Ни одно из этих дарований само по себе не принуждает наш вид к миру. Но рассчитывать, что в определенный исторический период некое сочетание моральных и когнитивных способностей лидеров и коалиций склонит страны к мирному сосуществованию, вовсе не прекраснодушно и ненаучно. Возможно, Долгий мир — именно такой период.

Следовательно, на Долгий мир, кроме трех предварительных кантианских причин, может влиять и самая главная кантианская причина. Нормы, принятые во влиятельных кругах развитых стран, могут эволюционировать, дополнившись убеждением, что война аморальна по своей сути, потому что вредит человеческому благополучию, и прибегать к ней можно только в исключительных случаях, для предотвращения еще большего вреда человеческому

благополучию. Если так, войны между развитыми странами повторяют судьбу таких обычаев, как рабство, крепостное право, колесование, четвертование, травля медведей, сжигание кошек и еретиков, утопление ведьм, вешание воров, публичные казни, выставление гниющих на виселицах трупов на обозрение, дуэли, долговые тюрьмы, бичевание, протаскивание под килем и других практик, которые в процессе Гуманитарной революции прошли путь от обыденных до сомнительных, аморальных, немислимых и наконец позабытых.

Можем ли мы идентифицировать экзогенные причины нового гуманистического отвращения к войне в развитых странах? В главе 4 я предположил, что Гуманитарную революцию ускорили книгопечатание, грамотность, путешествия, наука и другие космополитические силы, расширяющие интеллектуальные и моральные горизонты людей. Вторая половина XX в. демонстрирует очевидную параллель: появление телевидения, компьютеров, спутников, телекоммуникаций, авиапутешествий и беспрецедентное распространение науки и высшего образования. Гуру коммуникационных исследований Маршалл Маклюэн назвал послевоенный мир «глобальной деревней». В деревне судьба каждого как на ладони. Если деревня — естественный размер нашего круга эмпатии и если деревня становится глобальной, возможно, ее жители будут больше беспокоиться о других, чем во времена, когда эмпатия вмещала один только клан или племя. Мир, в котором можно открыть утреннюю газету и увидеть полные ужаса глаза обнаженной маленькой девочки, которая бежит, спасаясь от напалма, навстречу зрителю, находящемуся за тысячи километров от нее, — это совсем не тот мир, в котором какой-нибудь писатель

может заявить, что война — «основа всех высших добродетелей и способностей человека» или что она «расширяет умственный горизонт народа, возвышает его чувства».

Конец холодной войны и мирный распад советской империи тоже связывают с большей свободой перемещений человека и распространения информации в конце XX столетия²⁵³. К 1970–1980-м гг. попытки Советского Союза укрепить свою власть тотальным контролем над информационным пространством и передвижениями людей уже всерьез мешали развитию страны. Конечно, с точки зрения современной экономики обходиться без ксерокопий, факсов и персональных компьютеров (не говоря уже о зарождающемся интернете) — это полный абсурд. Но дело еще и в том, что руководство страны не могло и дальше ограждать ученых и мыслителей от идей, проникающих с процветающего Запада, как не могло и держать послевоенное поколение в неведении о существовании рок-музыки, модных джинсов и других привилегий личной свободы. Михаил Горбачев был человеком космополитических вкусов и ввел в свою администрацию аналитиков, учившихся и бывавших на Западе. Советское руководство формально заявило о своей поддержке прав человека, подписав в 1975 г. Хельсинкские соглашения, и международные сети активистов-правозащитников пытались побудить население СССР требовать их соблюдения на практике. Горбачевская политика гласности позволила Александру Солженицыну в 1989 г. издать свой «Архипелаг ГУЛАГ», а дебаты в Совете народных депутатов транслировались по телевидению, демонстрируя миллионам россиян жестокость прошлого советского правительства и несостоятельность существующего²⁵⁴. Кремниевые

микросхемы, реактивные самолеты и электромагнитные волны распространяли идеи, разъедающие железный занавес. Хотя сегодня кажется, что авторитарный Китай опровергает гипотезу, что технологии и путешествия являются силами либерализации, его нынешнее правительство несопоставимо менее кровожадно, чем закрытый режим Мао, — и в следующей главе это будет доказано цифрами.

Может быть еще одна причина, почему антивоенные чувства наконец укоренились. Динамика насильственных смертей в Европе (рис. 5–18) представляет собой кривую с тремя пиками — религиозные войны, французские революционные и Наполеоновские войны и две мировые, а за ними следуют протяженные долины, причем каждая расположена ниже предыдущей. После каждого гемоклизма мировые лидеры пытались, и безуспешно, снизить вероятность повторения аналогичной катастрофы. Конечно, их соглашения и договоренности долго не держались, и изучение истории без опоры на цифры может создать впечатление, что дни Долгого мира сочтены и что вот-вот разразится еще бóльшая война. Однако пуассоновское распределение войн не показывает ни периодичности, ни циклов нарастания и разрядки напряжения. Ничто не мешает миру учиться на своих ошибках и каждый раз опускать вероятности войн еще ниже.

Ларс-Эрик Седерман вновь обратился к Канту и заметил одну тонкость в его рекомендациях по достижению вечного мира. Кант не испытывал иллюзий относительно того, что национальные лидеры будут достаточно проницательны, чтобы вывести условия вечного мира из первичных

принципов; он понимал, что им придется учиться на горьком историческом опыте. В эссе под названием «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Иммануил Кант писал:

[Природа] посредством войн и требующей чрезвычайного напряжения никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством бедствий, которые из-за этого должны даже в мирное время ощущаться внутри каждого государства, побуждает сначала к несовершенным попыткам, но в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил, — к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния дикости²⁵⁵.

Седерман предположил, что теорию Канта о мире через научение стоит совместить с теорией мира через демократию. Хотя все государства, включая демократии, в первое время довольно воинственны (ведь многие демократии выросли из великих держав) и любая страна может оказаться внезапно втянутой в ужасную войну, возможно, демократии лучше других умеют учиться на своих ошибках — ведь они открыты информации, а их лидеры несут ответственность за свои действия²⁵⁶.

Седерман вычислил историческую траекторию вооруженных противостояний с 1837 по 1992 г. по парам демократий и парам других стран (рис. 5–26). Понижающаяся зубчатая линия показывает, что вначале демократии были довольно воинственны и в дальнейшем время от времени переживали турбулентность, от которой уровень вооруженных конфликтов взлетал до небес. Но после каждого пика этот уровень быстро возвращался на землю. К тому же кривая обучаемости у зрелых демократий оказалась круче, чем у молодых. Автократии тоже возвращались к более мирному уровню после внезапного всплеска больших войн, однако делали это медленнее и неравномернее. Смутное представление о том, что

после гомоклизма XX в. демократический мир «устал от войны» и «вынес уроки из своих ошибок», может содержать некоторую долю истины²⁵⁷.

РИС. 5–26. Вероятность вооруженных противостояний в парах демократических и прочих стран, 1825–1992 гг.

Источник: Cedergap, 2001. Линия представляет скользящие средние значения за 20 лет по парам стран в зоне риска

Антивоенные баллады 1960-х гг. настойчиво повторяли, что доказательства бессмысленности войн существовали всегда, только люди упрямо отказывались их видеть. «Сколько людей должно умереть, чтобы они осознали, что уже погибло слишком много? Ответ, мой друг, витает в воздухе». «Куда ушли солдаты? На кладбище, каждый. Неужели мы никогда ничему не научимся?» После 500 лет династических войн, религиозных войн, войн за суверенитет, националистических, идеологических, после множества малых войн на гребне распределения и нескольких кошмарных в его хвосте цифры позволяют предположить, что мы в конце концов взяли за ум.

Глава 6

НОВЫЙ МИР

У Макбета слабы были оправдания — и загрызла его совесть. Да и Яго — ягненок. Десятком трупов обрывалась фантазия и душевные силы шекспировских злодеев. Потому что не было у них идеологии.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

Казалось бы, исчезновение самой серьезной угрозы в истории человечества заставит специалистов по международным отношениям вздохнуть с облегчением. Вопреки предсказаниям экспертов, советские танки не вторглись в Западную Европу, а Карибский, Берлинский и Ближневосточный кризисы не переросли в ядерный холокост¹. Города не превратились в пепел; атмосфера не загрязнена радиоактивными осадками, Земля не задыхается в тучах пыли, заслонившей солнце, и виду *Homo sapiens* не грозит судьба динозавров. Да и объединенная Германия не превратилась в «четвертый рейх», и демократия не пошла по стопам монархии, а великие державы и развитые страны не развязали Третью мировую войну, но пришли к долгому миру, который становится все дольше. Наверняка эксперты уже несколько десятилетий отмечают улучшения в судьбах мира.

Но нет — ученые мужи угрюмы как никогда! В 1989 г. Джон Грей пророчил «возвращение на классическую почву истории, почву соперничества

великих держав... территориальных требований и войн»². Редактор газеты *The New York Times* в 2007 г. писал, что процесс уже идет: «Много времени не потребовалось [после 1989 г.], чтобы все вернулось на круги своя и история, подталкиваемая новым взрывом идеологического насилия и абсолютизма, легла на привычный обгащенный кровью курс»³. Политолог Стэнли Хоффман жаловался, что потерял охоту читать лекции по международным отношениям, поскольку с конца холодной войны «только и слышишь, что о терактах, террористах-смертниках, перемещенных лицах и геноцидах»⁴. И либералы, и консерваторы равно пессимистичны: в 2007 г. писатель-консерватор Норман Подгорец опубликовал книгу под названием «Четвертая мировая война» (World War IV), посвященную «долгой борьбе с исламофашизмом», а либеральный колумнист Фрэнк Рич писал, что мир сейчас «опаснее, чем когда-либо»⁵. Если Рич прав, тогда в 2007-м мир был опаснее, чем во время двух мировых войн, Берлинских кризисов 1949 и 1961 гг., Карибского кризиса и всех войн на Ближнем Востоке. Что и говорить, это было бы довольно опасное место.

Откуда это уныние? Во-первых, Кассандры на экспертном рынке котируются выше, чем Поллианны [[74](#)]. Во-вторых, это черта человеческого характера: как заметил Дэвид Юм, «склонность осуждать настоящее и преклоняться перед прошлым глубоко укоренена в человеческой природе и влияет даже на людей глубокомысленных и высокообразованных». Но я считаю, что в основном этим унынием мы обязаны математической безграмотности наших медийных и интеллектуальных кругов. Журналист Майкл Кинсли недавно написал: «Когда поколение беби-бума достигло зрелости, американцы умирали и убивали на другом конце

света. Сейчас, когда беби-бумеры уже выходят на пенсию, наша страна продолжает делать все то же самое. Это чертовски разочаровывает»⁶. Значит, 5000 погибших американцев — это то же самое, что и 58 000 погибших американцев, а 100 000 убитых иракцев — то же самое, что и несколько миллионов убитых вьетнамцев? Если мы не сверяемся с цифрами, то практикуемое в СМИ правило: «Новость, в которой льется кровь, идет первой» — включает упрощенный когнитивный вывод: «Если я знаю об этом больше, значит, это происходит чаще», что в итоге приводит к так называемому ложному чувству опасности⁷.

Эта глава посвящена трем видам организованного насилия, подогревающего новый пессимизм. Я упоминал о них в предыдущей главе, посвященной войнам между великими державами и развитыми государствами. Долгий мир не положил конца этим видам конфликта, оставляя впечатление, что мир сегодня «опаснее, чем когда-либо».

Первый вид организованного насилия включает все прочие категории войн (кроме войн великих держав и развитых государств), самые заметные из которых — гражданские войны и войны между повстанцами, партизанами и вооруженными формированиями, терзающие развивающийся мир. Это так называемые «новые войны», или «конфликты низкой интенсивности», которые, как говорят, переполнены «первобытной ненавистью»⁸. Известные фотографии африканских подростков с автоматами Калашникова в руках укрепляют впечатление, что глобальное бремя войны не облегчилось, а просто переместилось из Северного полушария в Южное.

Новые войны считаются особенно губительными для мирного населения из-за голода и болезней,

которые они приносят, — эти жертвы, как правило, не попадают в сводки погибших. По широко цитируемой статистике в начале XX в. 90% жертв войны составляли солдаты и только 10% — гражданские лица, но к концу века показатели поменялись местами. Ужасающие цифры смертности от голода и эпидемий, не уступающие числу жертв нацистского Холокоста, приходят из разоренных войной стран вроде Демократической Республики Конго.

Второй вид организованного насилия, которое мы будем рассматривать, — массовые убийства по этническим и политическим причинам. Столетие, с которым мы недавно простились, называют Эпохой геноцида. Некоторые обозреватели считают, что этнические чистки начались в Новое время, затем их на протяжении некоторого времени сдерживала гегемония супердержав, но в конце холодной войны чистки возобновились с удвоенной силой и сегодня распространены как никогда прежде.

Третий вид организованного насилия — это терроризм. После атаки на США 11 сентября 2001 г. страх перед терроризмом привел к появлению раздутого бюрократического аппарата, к двум войнам, которые Америка вела за своими рубежами, и к маниакальным дебатам на политической арене внутри страны. Считается, что терроризм представляет «угрозу существованию» США, может «расправиться с нашим образом жизни» и положить конец «цивилизации как таковой»⁹.

Безусловно, каждое из этих трех бедствий продолжает собирать урожай человеческих жизней. В этой главе мы выясним, насколько велика их жатва сегодня, — выросла она или снизилась за последние несколько десятилетий. Только недавно политологи

попытались измерить эти бедствия и в результате пришли к неожиданному выводу: *все эти виды насилия снижаются*¹⁰. Спад начался не так давно, в последние два десятилетия или меньше, и пока нельзя рассчитывать, что он продолжится. Учитывая эту неопределенность, я буду называть эти изменения Долгим миром (Long Peace). Тем не менее сокращение насилия действительно наблюдается и заслуживает нашего пристального внимания. Спад значителен, противоречит общепринятому мнению и может помочь нам определить, что же мы делаем правильно, чтобы продолжать делать это и дальше.

ДИНАМИКА ВОЙН В ДРУГИХ РЕГИОНАХ МИРА

Чем же был занят остальной мир в течение тех шести столетий, когда великие державы и европейские государства проходили через Эпохи династий, религий, суверенитетов, национализма и идеологии и сотрясались под ударами двух мировых войн, после которых успокоились в Долгом мире? К сожалению, европоцентризм исторической науки не позволяет нам дать точного ответа на этот вопрос. До наступления эпохи колониализма на значительных территориях Африки, Азии и обеих Америк пышным цветом цвели междоусобицы, разбой и работорговля, которые либо не достигали горизонта войны, либо канули в Лету безо всякого исторического следа. Колониализм принес туда новые бедствия — имперские войны, посредством которых великие державы завоевывали себе колонии, подавляли в них сопротивление и отвечали на притязания конкурентов. Эта эпоха видела уйму войн. В период с 1400 до 1938 г. Каталог конфликтов Бреке

насчитывает 276 ожесточенных конфликтов в обеих Америках, 283 — в Северной Африке и на Ближнем Востоке, 586 — в Центральной Африке, 313 — в Центральной и Южной Азии и 657 — в Восточной и Юго-Восточной Азии¹¹. Историческая близорукость не позволяет сделать достоверных заключений о частоте и смертоносности этих войн, но из предыдущих глав понятно, что многие из них были опустошительными. Речь идет в том числе о гражданских и межгосударственных войнах, которые относительно числа населения (а в некоторых случаях и в абсолютных цифрах) были смертоноснее любой европейской войны: Гражданская война в Америке, восстание тайпинов в Китае, война Тройственного альянса в Южной Америке и завоевания Чаки Зулу на юге Африки.

В 1946 г., когда европейские страны, великие державы и развитой мир вступили в период мира, ученые сфокусировали внимание на исторических данных о мире в целом. Этим годом открывается подробный Набор данных о военных потерях, собранный Бетани Лачиной, Нильсом Петером Гледичем и их коллегами из Института исследований мира в Осло (PRIO Battle Deaths Dataset, Набор данных ИИМО)¹². Он включает все известные нам вооруженные конфликты, в которых погибало как минимум 25 человек в год. Конфликты, уровень гибели в которых достигает 1000 в год, называются «войнами (что согласуется с определением, данным в проекте «Корреляты войны»», но в прочих отношениях никак особенно не выделяются (однако я буду и дальше называть войнами вооруженные конфликты независимо от их размеров).

Составители Набора данных ИИМО стремились опираться на максимально надежные критерии, чтобы аналитики могли корректно сравнивать регионы мира и обобщать долгосрочные тенденции. При отсутствии строгих критериев — когда в одном случае аналитики считают только случаи гибели в ходе боевых действий, а в другом еще и косвенной гибели от эпидемий и голода, или когда в одних регионах учитываются только войны, в которых армия противостоит армии, а в других считаются и случаи геноцида — сравнения бессмысленны и их слишком легко использовать в тех или иных пропагандистских целях. Аналитики ИИМО внимательно просмотрели исторические записи, публикации в СМИ, правительственные доклады и доклады правозащитных организаций, чтобы подсчитать количество жертв войны настолько объективно, насколько это вообще возможно. Их оценки сдержанны; более того, они очевидно занижены, поскольку исключают все предполагаемые смерти и смерти, причины которых не могут быть установлены с точностью. Похожие критерии и те же самые данные используются и в других каталогах конфликтов (это в том числе Uppsala Conflict Data Project (UCDP), начинающийся с 1989 г., набор данных Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), использующий уточненные сведения из UCDP, и Human Security Report Project (HSRP), который опирается на материалы ИИМО и UCDP)¹³.

Как и Льюис Ричардсон, исследователи при подсчете конфликтов столкнулись с нехваткой объективности, поэтому, введя строгие критерии, они разделили конфликты на категории¹⁴. Прежде всего массовое насилие разделили на три вида — в зависимости от вызвавших насильственные действия

причин и, что не менее важно, от исчисляемости. Понятие «война» (или «вооруженный конфликт», если речь идет о событии меньшего масштаба) естественным образом относится к организованным и социально санкционированным массовым убийствам. По определению в войне хотя бы с одной стороны участвует правительство и оспаривается контроль над каким-то государственным ресурсом, обычно территорией или аппаратом управления. Чтобы подчеркнуть это отличие, наборы данных определяют войну в узком смысле как «вооруженный конфликт с участием государства», и это единственный вид конфликтов, по которым доступны данные начиная с 1946 г.

Вторая категория — это «негосударственные» или «межобщинные» конфликты, в которых сталкиваются бандформирования, повстанческие отряды или вооруженные группировки (часто этнические или религиозные).

К третьей категории относят так называемое «одностороннее насилие»: геноцид, политцид и прочее истребление безоружных граждан правительством или боевиками. Одностороннее насилие не включено в Набор данных ИИМО из-за решения разделить насилие на категории в зависимости от его причины, а также как дань традиции: историки долгое время пристально присматривались именно к войнам, и лишь недавно выяснилось, что геноцид уносит гораздо больше жизней¹⁵. Рудольф Руммель, политолог Барбара Харфф и участники проекта UCDP собрали набор данных о случаях геноцида, которые мы рассмотрим в следующей части книги¹⁶.

Первую из трех категорий — конфликты с участием государства — затем разделили еще на несколько, в зависимости от того, с кем воюет правительство. Типичная война — это война *межгосударственная*, например Ирано-иракская в 1980–1988 гг. Второй вид — *экстрагосударственные* или *эктрасистемные* войны, где государству противостоит некая сила вне его границ, но не другое признанное государство. Это, как правило, имперские войны, когда государство подавляет туземное сопротивление в попытках прибрать к рукам колонию, или колониальные войны — с целью удержания колоний, например действия Франции в Алжире с 1954 по 1962 г.

И наконец, есть еще *внутригосударственные* войны, когда правительство воюет с повстанческими или сепаратистскими движениями. Эти, в свою очередь, подразделяются на полностью внутригосударственные гражданские войны (как недавно завершившаяся война в Шри-Ланке между правительственными силами и «Тиграми освобождения Тамил-Илама») и *интернационализованные внутригосударственные* войны, когда в страну вторгается иностранная армия — обычно для того, чтобы помочь правительству справиться с бунтом. Войны в Афганистане и Ираке начались как межгосударственные конфликты (США и союзники против контролируемого талибами Афганистана; США и союзники против контролируемого баасистами Ирака), но как только прежнее правительство было отстранено от власти, а вторгшиеся армии начали оказывать поддержку новому правительству в его борьбе против мятежников, эти конфликты были переопределены

как интернационализованные внутригосударственные войны.

Теперь вернемся к вопросу, какие смерти учитывать. Наборы данных ИИМО и UCDP суммируют *прямые смерти*, или число погибших в ходе боевых действий: людей, которых застрелили, зарезали, отравили газом, взорвали, утопили или намеренно заморили голодом в ходе столкновений такого типа, когда атакующие и сами могли пострадать¹⁷. Учитываются и военнослужащие, и гражданские лица, попавшие под перекрестный огонь или убитые шальной пулей («сопутствующие потери»). В число прямых смертей не включают *косвенные смерти* от голода, болезней или развала инфраструктуры. Сумма прямых и косвенных смертей — общее число погибших по причине войны — называется «избыточной смертностью».

Почему в наборы данных не включена косвенная смертность? Не для того, чтобы вычеркнуть этот вид бедствий из учебников истории, но потому, что прямая смертность — единственная, которую можно уверенно подсчитать. Прямые смерти также удовлетворяют нашему непосредственному представлению об ответственности: некто несет ответственность за последствия своих действий, если он их предвидел, намеревался совершить и воплотил свои намерения в реальность через последовательность событий, в которой не слишком много неконтролируемых промежуточных звеньев¹⁸. В этом и состоит проблема с оценкой косвенной смертности: чтобы ее подсчитать, нужно решить философскую задачу — вообразить мир, в котором войны не было, прикинуть, сколько людей умерло бы тогда, а затем использовать эти данные как точку

отсчета. А для этого требуется нечто вроде абсолютного знания. Допустим, после войны выросла смертность от голода. Но если бы войны не было, это еще не значит, что не случилось бы и голода, например по причине ошибочных действий правительства. А если год случился засушливый, то чем вызван был голод — войной или погодой? Если уровень смертности от голода в год, предшествующий войне, снижался, должны ли мы заключить, что, не будь войны, он упал бы еще больше, или следует оставить его на уровне последнего довоенного года? Если бы Саддам Хусейн не был низложен, продолжил бы он убивать политических противников в количествах, превышающих число жертв насилия между общинами, последовавшего за его поражением? Должны ли мы добавить 40 или 50 млн жертв пандемии испанки 1918 г. к 15 млн убитых в Первой мировой войне? Ведь вирус гриппа не стал бы таким патогенным, если бы война не загнала столько людей в окопы¹⁹. Оценка косвенной смертности постоянно требует ответов на подобные неразрешимые вопросы.

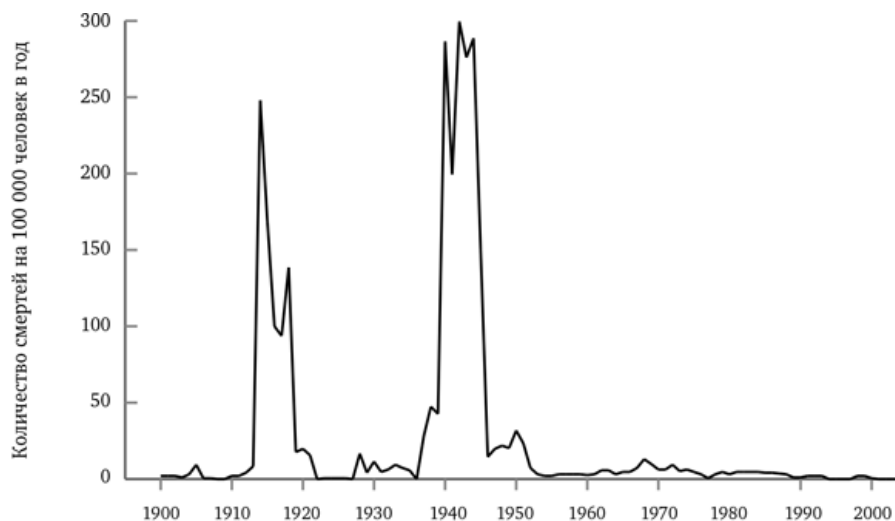
Войны, как правило, одновременно причиняют разрушения самых разных видов, и та, что убивает больше людей на поле боя, обычно ведет и к большему числу смертей от голода, болезней и сбоев в работе инфраструктуры. Число погибших в ходе боевых действий до некоторой степени может служить косвенным показателем общей разрушительности войны. Но так бывает не всегда, и далее мы выясним, являются ли развивающиеся страны, с их хрупкой инфраструктурой, более уязвимыми перед эффектом домино, чем развитые государства, и не изменилось ли основное соотношение — не стала ли прямая

смертность недостоверным показателем общего количества жертв конфликта?

Теперь, когда у нас есть точный инструмент — наборы данных по конфликтам, давайте узнаем, что они могут рассказать нам о недавней динамике войн в мире. Для начала посмотрим на XX в. в целом (рис. 6–1). Визуализация выполнена Лачиной, Гледичем и Рассеттом, которые объединили данные проекта «Корреляты войны» за 1900–1945 гг. с данными ИИМО за 1946–2005 гг. и разделили цифры на численность населения Земли, чтобы вычислить шанс человека погибнуть в бою в каждый год из этих 100 лет.

График напоминает нам о чудовищной разрушительности двух мировых войн. Эти войны не были ни шагами по лестнице, ни колебанием маятника — это высоченные пики, вздымающиеся над ухабистыми низинами. После Второй мировой уровень смертности в ходе боевых действий резко упал (во время нее этот уровень доходил до 300 на 100 000 человек в год) и с тех пор никогда больше так высоко не поднимался.

РИС. 6–1. Уровень смертности в ходе боевых действий в вооруженных конфликтах с участием государства, 1900–2005 гг.

Источник: Russett, 2008, основано на Lacina, Gleditsch, & Russett, 2006

Внимательный читатель заметит спад внутри спада — от нескольких мелких пиков в первое послевоенное десятилетие до низменностей настоящего времени. Давайте рассмотрим этот тренд поближе, распределив все смерти по типам войн, ставших их причиной (рис. 6–2).

На этой диаграмме толщина каждого слоя показывает уровень прямой смертности для конкретного вида конфликта с участием государства, а высота набора слоев отражает суммарный уровень смертности во всех конфликтах данного года. Для начала посмотрим на диаграмму в целом. Хотя резкий спад, случившийся после Второй мировой войны, остался «за кадром», ясно видно, что число погибших в ходе боевых действий за последние 60 лет постепенно снижается, к первой декаде XXI в. превратившись в исчезающе тонкую нить. Даже при том что на это десятилетие пришелся 31 вооруженный конфликт (включая Ирак, Афганистан, Чад, Шри-Ланку и Судан), оно показывает поразительно низкий уровень прямой смертности: около 0,5 на 100 000 в год, что ниже уровня убийств даже в самых миролюбивых

обществах²⁰. Значения, конечно, занижены, так как включают только зафиксированные смерти, но то же самое верно и для всего временного ряда в целом. Даже если мы умножим эти показатели на пять, они все равно будут значительно ниже среднего уровня убийств в мире (8,8 на 100 000 в год)²¹. В абсолютных цифрах ежегодное число погибших в войнах упало более чем на 90% — от 500 000 в год в конце 1940-х до примерно 30 000 в год в начале 2000-х гг. Хотите — верьте, хотите — нет, но с глобальной, исторической и математической точки зрения мечта сочинителей песен протеста 1960-х стала реальностью: мир (почти) положил конец войнам.

РИС. 6–2. Уровень смертности в ходе боевых действий в вооруженных конфликтах с участием государства, 1946–2008 гг. Число смертей военнослужащих и гражданских лиц в вооруженных конфликтах с участием государства по отношению к количеству жителей Земли

Источники: UCDP/ PRIO Armed Conflict Dataset; см. Human Security Report Project, 2007, основанный на данных Lacina & Gleditsch, 2005, уточненных в 2010 г. Tara Cooper. Где возможно, используется «наиболее достоверная» оценка; в других случаях — геометрическое среднее между максимальной и минимальной оценками. Данные о количестве населения Земли предоставлены Бюро переписи ООН, 2010с. Данные за 1946–1949 гг. взяты у McEvedy & Jones, 1978, и для соразмерности умножены на 1,01

А теперь давайте вернемся к реальности и рассмотрим изменения поближе — категория за категорией. Мы можем начать с бледного участка слева внизу — он представляет войны, которые полностью исчезли с лица земли: экстрагосударственные или колониальные. Война, в

которой великая держава пытается сохранить за собой колонию, может быть весьма разрушительна — в качестве примера приведу попытки Франции удержать Вьетнам между 1946 и 1954 гг. (375 000 прямых смертей) и Алжир между 1954 и 1962 гг. (182 500 прямых смертей)²². После «величайшей передачи власти в истории» этот вид войн больше не существует.

Теперь обратим внимание на черный слой — войны между государствами. Они распределены по трем заметным возвышенностям, каждая из которых ниже предыдущей: первая относится ко временам Корейской войны (1950–1953) — миллион смертей в ходе боев за четыре года, вторая — к Вьетнамской войне (1962–1975) — 1,6 млн смертей за 14 лет) и последняя — это Ирано-иракская война (645 000 прямых смертей за девять лет)²³. С конца холодной войны случились только две крупные межгосударственные войны: Первая война в Персидском заливе (23 000 погибших) и война 1998–2000 гг. между Эритреей и Эфиопией (50 000 погибших). В первом десятилетии нынешнего века межгосударственных войн стало меньше, они стали короче и уровень прямой смертности в них снизился (Индо-пакистанская война и война Эритреи с Джибути не считаются войнами в формальном смысле, поскольку уровень смертности в них не достигал 1000 человек в год. То же самое относится и к быстрому свержению афганского и иракского режимов). В 2004, 2005, 2006, 2007 и 2009 гг. межгосударственных конфликтов не случилось вовсе.

Долгий мир — уклонение великих держав и развитых государств от большой войны — распространяется по всему миру. Амбициозные

великие державы больше не чувствуют необходимости утверждать свое величие имперскими завоеваниями или атаками на слабые страны: Китай гордится своим «мирным развитием», Турция — политикой, которую она называет «ноль проблем с соседями», а министр иностранных дел Бразилии недавно подытожил: «Я не думаю, что многие страны могут похвастаться тем, что окружены десятью другими, но ни с кем не воевали уже 140 лет»²⁴. Похоже, и Восточная Азия вслед за Европой разлюбила воевать. Хотя в десятилетия после Второй мировой войны это был самый кровавый регион мира, а в Корее, Китае и Индокитае велись разрушительные войны, с 1980 до 1993 г. число конфликтов, как и число погибших в них, резко упало и с тех пор остается на исторически беспрецедентно низком уровне²⁵.

Но, по мере того как угасали межгосударственные войны, разгорались гражданские. Слева на рис. 6–2 заметен очень крупный темно-серый ломоть — это, прежде всего, 1 200 000 жертв гражданской войны в Китае (1946–1950), а широкий светло-серый полумесяц, верхний слой в 1980-х, — это 435 000 жертв гражданской войны в Афганистане с участием СССР. Темно-серый слой, протянувшись через 1980-е и 1990-е, продолжается массой мелких гражданских войн в Анголе, Боснии, Чечне, Хорватии, Сальвадоре, Эфиопии, Гватемале, Ираке, Либерии, Мозамбике, Сомали, Судане, Таджикистане и Уганде. Но и он в 2000-х сузился до тонкой полоски.

Чтобы яснее понять, о чем говорят эти цифры, разложим показатели по двум основным измерениям войны: число войн каждого вида и их смертоносность. Рис. 6–3 отражает общее число конфликтов каждого вида, без учета количества погибших в них —

напомню, оно может не превышать 25 человек. Колониальные войны сошли на нет, межгосударственные иссякают, но интернационализованные гражданские, которые с концом холодной войны на какое-то время прекратились, потому что СССР и США перестали оказывать поддержку странам-сателлитам, возродились в войнах по восстановлению порядка в Югославии, Афганистане, Ираке и в других местах. Но самая важная новость — резкий рост числа внутренних гражданских войн: он начался в 1960-х, достиг пика в 1990-х, затем до 2003 г. их число снижалось, а потом снова слегка подскочило.

Рис. 6–3. Число вооруженных конфликтов с участием государств, 1946–2009 гг.

Источники: UCDP/ PRIO Armed Conflict Dataset; см. Human Security Report Project, 2007, основанный на данных Lacina & Gleditsch, 2005, уточненных в 2010 г. Tara Cooper

Почему размер слоев на этих двух графиках настолько отличается? Потому, что войны распределены по степенному закону, а значит, меньшее число войн в хвосте распределения отвечает за большую долю смертей. Больше половины из 9,4 млн прямых жертв 260 конфликтов между 1946 и 2008 гг. погибли всего в пяти войнах, три из них — межгосударственные (Корея, Вьетнам, Иран — Ирак) и две внутригосударственные (Китай и Афганистан).

Уменьшением числа смертей мы по большей части обязаны сматыванию этого толстого хвоста — меньшему количеству действительно разрушительных войн.

Кроме того что войны разных *размеров* вносят разный вклад в общее количество жертв, войны разных *типов* тоже отличаются по смертоносности. Рис. 6–4 отображает второе измерение войны — сколько людей убивает в среднем каждая из них.

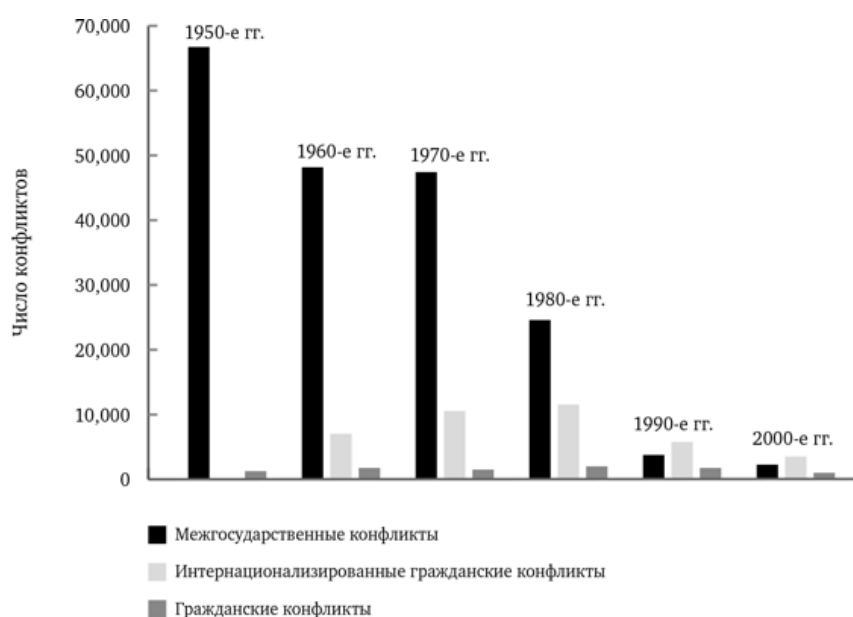

РИС. 6–4. Смертоносность межгосударственных и гражданских войн, 1950–2005 гг.

Источник: UCDP/ PRIO Armed Conflict Dataset, Lacina & Gleditsch, 2005; adapted by the Human Security Report Project; Human Security Centre, 2006

До последнего времени самым смертоносным типом войны (с большим отрывом!) была межгосударственная война. Никто не может превзойти двух Левиафанов в умении рекрутировать пушечное мясо, выпускать снаряды и стирать в порошок города, взвинчивая потери до поистине впечатляющих значений. Ей намного уступают второй и третий вид войн, ввязываясь в которые Левиафан простирает свою мощь в другие регионы мира, оказывая помощь загнанному в угол правительству или защищая свои колонии от чужого посягательства.

В хвосте тянутся внутренние гражданские войны, которые, как минимум с окончанием китайской бойни 1940-х гг., были уже не так опустошительны. Группировка вооруженных автоматами Калашникова повстанцев, бросая вызов правительству маленькой страны, до которой нет дела великим державам, способна нанести весьма ограниченный урон. Но и здесь уровень смертности за последнюю четверть века сократился²⁶. В 1950 г. в вооруженном конфликте (любого типа) в среднем погибало 33 000 человек, в 2007 г. — меньше 1000²⁷.

Какие выводы мы можем сделать, наблюдая за колеблющейся динамикой конфликтов послевоенного периода и затишьем Нового мира? Прежде всего: театр военных действий переместился. Сегодня войны ведутся в основном в бедных странах и чаще всего вдоль линии, которая тянется от Центральной и Восточной Африки через Ближний Восток и Юго-Западную Азию до Северной Индии и Юго-Восточной Азии. На рис. 6–5 продолжавшиеся в 2008 г. конфликты отмечены черными точками и растушевкой. Войны бушуют там, где живет «беднейший миллиард» — люди с самым низким доходом. Почти половина всех конфликтов приходится на страны, в которых проживает нищая шестая часть населения планеты. До 2000 г. конфликты разгорались и в других небогатых регионах мира, в том числе в Центральной Америке и в Западной Африке. Но география и экономика войны отнюдь не являются историческими константами. Помните, что на протяжении 500 лет богатейшие страны Европы постоянно вцеплялись друг другу в глотки.

Связь между бедностью и войной сегодня устойчивая, но существенно нелинейная. Вероятность гражданской войны в богатых развитых странах равна нулю. Для стран с ВВП на душу населения около \$1500 в год (по курсу 2003 г.) вероятность нового конфликта в ближайшие пять лет равна примерно 3%. Но с этого момента риск возрастает: для стран с ВВП в \$750 он составляет 6%; для стран, чьи граждане зарабатывают \$500, — 8%, для стран, в которых люди выживают на \$250, риск равен 15%²⁸.

Эту корреляцию легко объяснить, предположив, что бедность порождает войны, потому что людям приходится бороться за выживание в условиях ограниченности ресурсов. Но, хотя войны порой действительно ведутся за доступ к воде или пахотной земле, все не так просто²⁹. Прежде всего, причинно-следственная связь здесь не настолько однозначна. Не только бедность — причина войны, но и война — причина бедности, потому что сложно накопить блага, когда дороги, фабрики и житницы постоянно взлетают на воздух, а самых умелых работников и управленцев убивают или принуждают спасаться бегством. Войну называют «развитием наоборот», и экономист Пол Кольтер подсчитал, что типичная гражданская война обходится стране в \$50 млрд³⁰.

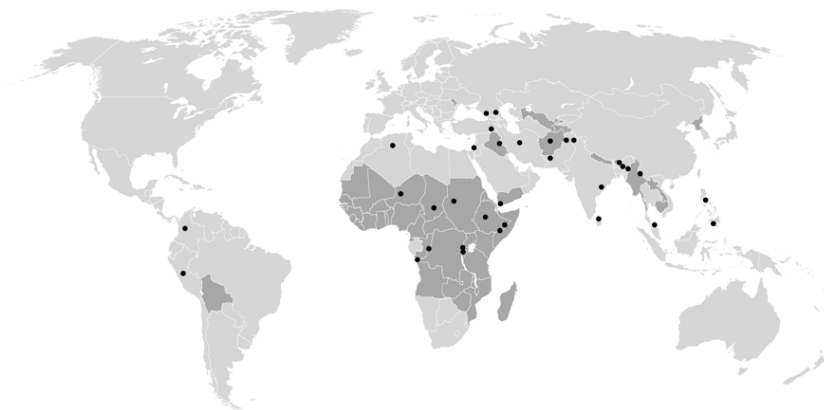

РИС. 6–5. География вооруженных конфликтов, 2008 г.

В странах, окрашенных на карте в темно-серый цвет, проживает «беднейший миллиард» населения Земли. Точки представляют зоны вооруженных конфликтов в 2008 г.

Источник: Data from Håvard Strand and Andreas Forø Tollefsen, Peace Research Institute of Oslo (PRIO); adapted from a map by Halvard Buhaug and Siri Rustad in Gleditsch, 2008.

Кроме того, само наличие ценных ресурсов в недрах земли не провоцирует войны и не обеспечивает мира. Многие бедные и истерзанные войной африканские страны богаты золотом, нефтью, бриллиантами и стратегическими металлами, а природные ресурсы благополучных мирных стран, таких как Бельгия, Сингапур, Гонконг, настолько малы, что и говорить не о чем. Должна быть какая-то третья переменная (предположительно, нормы и навыки цивилизованного торгового сообщества), которая выступает причиной как богатства, так и мира. Даже если бедность порождает конфликты, возможно, причина не в том, что людям приходится перегрызать друг другу глотки в борьбе за доступ к дефицитным ресурсам: самая важная вещь, которую страна может купить за деньги, — это эффективная полиция и армия, способная поддерживать мир в стране. Тогда бóльшая часть плодов экономического развития поступает в руки правительства, а не бандитов, и это одна из причин того, что «экономические тигры» развивающегося мира сегодня находятся в состоянии относительного спокойствия³¹.

Какое бы влияние ни оказывала бедность, ее показатели, как и показатели других «структурных

переменных», в частности относительного количества молодежи и мужчин в стране, меняются слишком медленно, чтобы полностью объяснить недавний подъем и спад гражданских войн в развивающемся мире³². Порождаемые ими эффекты тем не менее взаимосвязаны с формой правления в стране. На уровень прямой смертности в гражданских войнах 1960-х очевидным образом повлияла деколонизация. Хотя европейские правительства, завоеывая страну и подавляя бунты, обходились с местным населением жестоко, они, как правило, внедряли на местах надежно функционирующую полицию, судебную систему, строили общественно-полезную инфраструктуру. Несмотря на то что колониальные администрации частенько оказывали предпочтение какой-то одной этнической группе, их главной заботой был контроль над всей колонией, поэтому они честно укрепляли закон и порядок и, в общем, не позволяли одной группе безнаказанно душировать другую. Когда колониальные правительства отбыли на родину, они захватили с собой и компетентную власть. Та же самая полуанархия вспыхнула и в ряде регионов Центральной Азии и на Балканах в 1990-х, когда коммунистические федерации, которые правили там десятилетиями, внезапно развалились. Один боснийский хорват так объяснял, почему этническое насилие в Югославии разгорелось только после распада страны: «Мы жили в мире и гармонии, потому что на каждом углу стояло по полицейскому, обеспечивавшему нашу крепкую взаимную любовь»³³.

Зачастую к власти в освободившихся колониях приходили авторитарные лидеры, клептократы, а порой и полные психопаты. Они ввергали территории в анархию, открывая дверь хищничеству и гангстерским войнам, о которых говорилось в главе 3

— в воспоминаниях Полли Виссер о децивилизационном процессе в Новой Гвинее. Новые правители перенаправляли поток налогов в свои карманы и кошельки своих приближенных, а их автократическое правление не оставляло притесняемым группам никакой надежды на перемены, кроме бунта или переворота. Они не реагировали на мелкие беспорядки, позволяя им разрастись, а затем посылали эскадроны смерти уничтожать целые деревни, что только сильнее разжигало сопротивление³⁴. Символом этой эпохи был Жан-Бедель Бокасса, правитель Центрально-Африканской империи — маленькой страны, которая раньше звалась Центрально-Африканской Республикой. У Бокассы было 17 жен, он своими руками расчленил (а по слухам, иногда и ел) своих противников, приказал забить до смерти школьников, протестовавших против введения дорогой школьной формы с его изображением, и короновался на церемонии, которая вместе с золотым тронem и усыпанной бриллиантами императорской короной обошлась одной из беднейших стран мира в треть ее годового дохода.

Во времена холодной войны такие тираны оставались у власти с благословения великих держав, которые следовали словам Франклина Рузвельта, сказанным им в адрес главы Никарагуа Анастасио Сомосы: «Может, он и сукин сын, но он наш сукин сын»³⁵. Советский Союз готов был поддержать любой режим, который, по его мнению, приближал всемирную коммунистическую революцию, а США оказывали поддержку каждому, не подпавшему под советское влияние. Другие великие державы, например Франция, принимали сторону режимов, поставлявших им нефть и полезные ископаемые.

Автократов вооружала и финансировала одна супердержава, повстанцев, воевавших с ними, — другая, и обе были больше заинтересованы в победе своих приспешников, чем в окончании конфликта. На рис. 6–3 видно, что второй пик гражданских войн приходится на годы после 1975-го, когда Португалия демонтировала свою колониальную империю, а поражение Америки во Вьетнамской войне вдохновило повстанцев по всему миру. Число гражданских войн подскочило до 51 в 1991 г., когда — и это не совпадение — Советский Союз исчез с карты мира, забрав с собой и опосредованные конфликты холодной войны.

Но исчезновение марионеточных войн отвечает только за одну пятую общего сокращения числа конфликтов³⁶. Коммунизм больше не подливал масла в огонь войны: он был последним из антигуманных, романтизирующих борьбу вероучений Эпохи идеологий Луарда (далее мы изучим новое учение — исламизм). Религиозные и политические идеологии проталкивают войны все дальше по хвосту распределения смертоносности: воодушевленные ими лидеры стремятся выстоять в разрушительной войне на истощение, невзирая на людские потери. Три самых страшных конфликта после Второй мировой были разожжены китайским, корейским и вьетнамским коммунистическими режимами, которые с фанатическим упрямством пытались продержаться дольше своих противников. Мао Цзэдун, например, без всякого стеснения заявлял, что жизни граждан ничего для него не значат: «У нас так много людей. Мы можем позволить себе пожертвовать несколькими. Что это изменит?»³⁷ В другой раз он уточнил, что имеет в виду под словом «несколько»: 300 млн человек — в то время половина населения

Китая. Еще он говорил, что при случае готов забрать с собой и половину человечества: «Даже если погибнет половина человечества, вторая половина выживет. Зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим»³⁸.

Что касается верного друга китайских коммунистов — Вьетнама, об американских ошибках в той войне написано немало, и часто теми, кто в те годы принимал стратегические решения. Самой серьезной оказалась недооценка способности северных вьетнамцев и вьетконговцев мириться с потерями. Когда война началась, американские стратеги, в частности Дин Раск и Роберт Макнамара, не думали, что отсталый Северный Вьетнам сможет противостоять самой сильной армии мира, и были уверены, что заставят противника капитулировать. Джон Мюллер заметил:

Если посчитать показатель смертности как процент от довоенной популяции для каждой из сотен стран, участвовавших в международных и колониальных войнах с 1816 года, становится понятно, что Вьетнам — исключительный случай... Коммунисты считали приемлемым число смертей, в два раза превышающее уровень, с которым были готовы мириться японцы — фанатики и камикадзе — во Второй мировой войне. История знает и другие случаи, когда воюющие государства допускали такие же высокие потери живой силы, но это были Германия и СССР, которые во время Второй мировой войны боролись за само свое существование, а не за экспансию, как северные вьетнамцы. Во Вьетнаме Америке противостояла невероятно хорошо функционирующая организация — терпеливая, очень дисциплинированная, с настойчивым руководством и по большей части не подверженная коррупции или распущенности. Хотя коммунисты часто терпели крупные военные поражения, переживали периоды внешнего давления и истощения ресурсов, они всегда восстанавливались, перевооружались и возвращались. Возможно, как сказал один американский генерал, «они были лучшим нашим врагом за всю историю Америки»³⁹.

Хо Ши Мин был прав, пророчествуя: «На каждого погибшего своего солдата вы можете убить десять моих людей. Но все равно проиграете». Американская

демократия не готова была жертвовать и малой долей от того количества жизней, которые легко бросал в топку войны северовьетнамский диктатор (не спрашивая мнения тех десятых), и США, при всех имеющихся преимуществах, со временем проиграли в этой войне на истощение. Но к началу 1980-х, когда Китай и Вьетнам начали отказываться от идеологии, становясь торговыми государствами, и перестали терроризировать население, они уже были не готовы нести такие потери в нецелесообразных войнах.

Мир, который ценит прелести буржуазной жизни больше чести, славы и идеологии, — это мир, в котором убивают меньше людей. В 2008 г., после поражения Грузии в пятидневной войне с Россией за контроль над крошечными Абхазией и Южной Осетией, президент Михаил Саакашвили объяснил журналисту *The New York Times*, почему он решил не организовывать сопротивления:

Мы стоим перед выбором. Мы можем превратить эту страну в Чечню — у нас для этого достаточно людей и оружия — или нам придется отступить, но остаться современной европейской страной. Со временем мы выгнали бы их, но для этого нам пришлось бы уйти в горы и отрастить бороды. Это стало бы невыносимо тяжелым мировоззренческим и эмоциональным грузом для нации⁴⁰.

Объяснение пафосное, да и лукавое: Россия не собиралась оккупировать Грузию, однако точно отражает выбор, стоящий перед развивающимися странами и лежащий в основе нового мира: уйти в горы и отрастить бороды или остаться современной страной.

Конец холодной войны; закат идеологий — а что еще привело к некоторому уменьшению числа гражданских войн в последние два десятилетия и к

постепенному снижению числа смертей в них? И почему в развивающемся мире конфликты продолжаются (33 — в 2008 г., и все, кроме одного, гражданские войны), а в развитом мире практически исчезли?

Давайте начнем с кантианского треугольника: демократия, открытая экономика и членство в международных организациях. Статистический анализ Рассетта и Онила, изложенный в предыдущей главе, охватывает весь мир, но рассматривает только межгосударственные конфликты. Насколько хорошо триада умиротворяющих факторов действует на гражданские войны внутри развивающихся стран, где и вспыхивает большая часть сегодняшних конфликтов? Выяснилось, что не все здесь так гладко.

Казалось бы, если много демократии — это хорошо для подавления войн, то немного демократии — уже лучше, чем ничего. Но с гражданскими войнами это не работает. В этой главе (и в главе 3, когда речь шла об убийствах) мы упоминали анократию — форму правления, которую нельзя назвать ни полностью демократической, ни целиком автократической⁴¹. Анократии также называют полудемократиями, преторианскими режимами и (мое любимое, случайно подслушанное на конференции) дрянным правлением (*crappy government*). Это администрации, которые ничего не делают как надо. В отличие от автократических полицейских государств, они не запугивают население до полной беспомощности, но и более или менее сносной системы правоохранительных органов, как в демократических государствах, у них тоже нет. Они часто отвечают на отдельные преступления повальной мезтью всему сообществу. Анократии сохраняют клептократические

привычки автократий, из которых они произросли: налоговые поступления и государственные посты раздаются приближенным, которые потом вымогают у населения взятки за полицейскую защиту, благоприятные судебные вердикты или бесконечные разрешения, необходимые, чтобы сделать хоть что-нибудь. В таких странах работа на власть — единственный способ выбраться из нищеты, а наличие своего человека во власти — единственный способ получить такую работу. В ситуации, когда доступ к вершинам власти периодически присваивается в ходе «демократических выборов», ставки непомерно высоки, как и в любом состязании за ценную и неделимую добычу. Клань, племена и этнические группы пытаются оттеснить друг друга от избирательных урн, а затем бьются, чтобы опровергнуть результат, который им не нравится. Согласно данным «Всемирного доклада о конфликтах, правлении и нестабильных государствах», вероятность анократии «испытать новые взрывы войн в обществе примерно в 6 раз выше, чем у демократии, и в 2,5 раза выше, чем у автократии». Речь идет о межэтнических гражданских войнах, революционных войнах и переворотах⁴².

Рис. 5–23 объясняет, почему уязвимость анократий в отношении насилия стала проблемой. Когда в конце 1980-х число автократий в мире стало уменьшаться, число анократий выросло. Теперь они расположены по оси от Центральной Африки через Ближний Восток до Западной и Южной Азии, что в целом совпадает с зонами войн на рис. 6–5⁴³.

Там, где завоевание государственной власти воспринимают как джекпот, при котором «победитель получает все», опасность гражданских войн возрастает

еще больше, если в распоряжении правительства оказывается манна небесная вроде нефти, золота, бриллиантов и стратегических полезных ископаемых. Это золотое дно вовсе не благословение свыше, а источник так называемого проклятия ресурсов, известного также как парадокс изобилия и «золото дураков». Для стран, богатых легко монополизированными невозобновляемыми ресурсами, характерен медленный экономический рост, дрянное правление и высокий уровень насилия. Как сказал венесуэльский политик Хуан Пабло Перес Альфонсо, «нефть — это экскременты дьявола»⁴⁴. Природные ресурсы способствуют концентрации власти и денег в руках монополистов — обычно правящей элиты, но иногда и местечкового некоронованного короля. Лидер сосредоточен только на том, как отбиться от конкурентов, покушающихся на его дойную корову, и совершенно не заинтересован в укреплении торговли, которая обогащает общество в целом, связывая людей взаимными обязательствами. Кольер, экономист Дамбиса Мойо и другие аналитики обратили внимание на связанный с этим парадокс. Помощь из-за рубежа может даже усугубить проблему, потому что расходуется не на построение устойчивой экономической инфраструктуры, а обогащает лидеров, которые ее «распределяют» и укрепляют свою власть. Столь же токсична сверхприбыльная контрабанда вроде кокаина, опиума и бриллиантов, поскольку доход, который она приносит, позволяет коррумпированным политикам и наркобаронам контролировать нелегальные анклавности преступности и каналы сбыта товара.

Кольер заметил, что «страны третьего мира существуют в XXI столетии, но по сути живут в XI, их реальность — гражданские войны, чума и

невежество»⁴⁵. Аналогия с этим злополучным столетием, стоявшим у порога цивилизационного процесса с его эффективным управлением, вполне уместна. В книге «Пережитки войны» (The Remnants of War) Мюллер замечает, что сегодня большая часть вооруженных конфликтов в мире это не завоевательные кампании, осуществляемые силами профессиональных армий. Нынче это грабеж, запугивание, месть и насилие, совершаемое группами безработной молодежи на службе у бандитов или местных политиков, очень похожими на личные армии средневековых баронов, набранные из отбросов общества. Мюллер пишет:

Такие войны называют «новыми войнами», этническими конфликтами или — торжественно — столкновением цивилизаций. Но на самом деле большая их часть, хоть и не все, ближе к беспринципному хищничеству довольно мелких групп преступников, головорезов и прочего отребья. Они участвуют в вооруженном конфликте как наемники какого-нибудь отчаявшегося правительства или как независимые или полунезависимые бандформирования. Эти рыцари удачи, раз за разом прикрывающиеся этнической, националистической, цивилизационной или религиозной риторикой, могут навлечь массу бедствий на граждан, на которых наживаются главари банд, но вряд ли они сильно отличаются от обычных преступников⁴⁶.

Мюллер цитирует рассказы свидетелей, подтверждающие, что печально известные гражданские войны и проявления геноцида 1990-х в Боснии, Колумбии, Хорватии, Восточном Тиморе, Косово, Либерии, Руанде, Сьерра-Леоне, Сомали, Зимбабве и других странах так называемой Афразийской дуги нестабильности велись, как правило, группировками в стельку пьяных или одурманенных наркотиками бандитов. Вот как Мюллер рисует образ некоторых «солдат» гражданской войны в Либерии 1989–1996 гг.:

Боевики обыкновенно копировали героев жестоких американских фильмов «Рэмбо», «Терминатор» или «Убийца из

джунглей», и многие брали совершенно невообразимые псевдонимы: Полковник К Бою, Капитан Миссия Невыполнима, Генерал Мокруха, Полковник Юный Головорез, Генерал Король Джунглей, Полковник Душегуб, Генерал Военный Туз III, Генерал Иисус, Майор Беда, Генерал Голозад и, конечно, Генерал Рэмбо. А раньше они еще и наряжались в экстравагантные до безумия костюмы — женские платья, парики, колготки; украшали себя человеческими костями, ярким маникюром и даже (по крайней мере, в одном случае) стульчаком в цветочек в качестве головного убора⁴⁷.

Политологи Джеймс Фирон и Дэвид Лайтин сопроводили эту зарисовку данными, подтверждающими, что гражданские войны сегодня ведутся небольшими группами легковооруженных мужчин, которые, используя знание местного ландшафта, ускользают от правительственной армии и запугивают осведомителей и сторонников правительства. У мятежей и партизанских войн в отдаленных районах может быть сколько угодно причин, но по сути это не столько межэтническая, религиозная или идеологическая борьба, сколько битва за место под солнцем между уличными бандами или мафиями. Осуществив регрессионный анализ 122 гражданских войн с 1945 по 1999 г., Фирон и Лайтин обнаружили, что при равном уровне доходов на душу населения (который они взяли в качестве приблизительной оценки правительственных ресурсов) вероятность гражданских войн *не повышалась* для стран, осуществляющих дискриминацию своих религиозных или языковых меньшинств, или для стран с высоким уровнем имущественного неравенства. Гражданские войны чаще разгорались в странах с большим количеством населения, гористым ландшафтом, новыми или нестабильными правительствами, значительным нефтяным экспортом и (возможно) с большой долей молодых мужчин. Фирон и Лайтин заключают: «Наша теоретическая интерпретация скорее гоббсовская, чем

экономическая. Там, где власть государства сравнительно слаба и неустойчива, страх и удобный случай способствуют возвышению местных царьков, которые осуществляют самосуд, присваивая себе право на “сбор налогов” в собственный карман»⁴⁸.

Волна гражданских войн поднялась из децивилизационной анархии деколонизации, а недавний ее спад можно объяснить процессом возвращения цивилизации, в рамках которого компетентные правительства начинают служить своим гражданам и защищать, а не эксплуатировать их⁴⁹. Во многих африканских странах психопатов вроде Бокассы сменили ответственные демократические лидеры, а ЮАР проголосовала за Нельсона Манделу, одного из величайших государственных деятелей в истории⁵⁰.

Для осуществления такого перехода нужны идеологические изменения, причем не только внутри страны, но и в международном сообществе. Историк Жерар Прюнье заметил, что в Африке 1960-х идея независимости от колониального правления приняла черты мессианского идеала. Своей приоритетной задачей новые африканские государства считали внешний блеск независимости — самолеты, дворцы и собственные государственные институты. Многие попали под влияние «теоретиков зависимости», убеждавших правителей третьего мира выйти из глобальной экономики и развивать автономную промышленность и аграрный сектор, что с точки зрения современной экономики прямая дорога к нищете. Часто экономический национализм сочетался с романтическим милитаризмом, прославляющим

насильственное свержение власти, символами которого стали две политические иконы 1960-х: портрет сияющего Мао в мягких тонах и контрастная графика изображений лихого Че. Когда диктатуры популярных революционеров перестали казаться привлекательными, новой панацеей стали демократические выборы. Никому не кажутся романтическими скучные атрибуты процесса цивилизации: компетентное правительство, эффективная полиция и надежная инфраструктура торговли и бизнеса. Но история доказывает, что без этих институтов снизить уровень хронического насилия невозможно, а значит, невозможно добиться и других общественных благ.

В последние два десятилетия великие державы, государства-доноры и межправительственные организации (такие как Африканский союз) начали форсировать процесс. Они наказывали, стыдили, подвергали остракизму, а в некоторых случаях вторгались в страны, попавшие под контроль некомпетентных тиранов⁵¹. Чаше предпринимались усилия по борьбе с коррупцией, идентифицировались препятствия, которые мешают развивающимся странам влиться в глобальную экономику. Возможно, именно комбинация этих непопулярных мер начала исправлять аномалии власти и общества, из-за которых с 1960-х до начала 1990-х гг. в развивающихся странах бушевали гражданские войны.

Ответственное правительство стремится быть демократическим и рыночно ориентированным. В нескольких регрессионных исследованиях ученые искали в наборах данных по гражданским конфликтам признаки либерального мира, подобного тому, что

помогает объяснить отсутствие войн между развитыми странами. Мы уже знаем, что первая опора мира — демократия — не снижает *число* гражданских войн, особенно тех, что вспыхивают в неустойчивых анократиях. Но похоже, что демократия снижает их *ожесточенность*. Политолог Бетани Лачина обнаружила, что при прочих равных потери, понесенные в гражданских войнах демократиями, в два раза меньше потерь недемократических стран. В 2008 г. Гледич, изучая либеральный мир, сделал вывод, что «крупномасштабные гражданские войны в демократиях случаются редко»⁵². Вторая опора либерального мира еще прочнее: открытость глобальной экономике, торговле, иностранным инвестициям, внешней помощи (при условии выполнения некоторых обязательств) и доступ к электронным медиа, похоже, снижают как вероятность, так и ожесточенность гражданских конфликтов⁵³.

Теория кантианского мира утверждает, что он покоится на трех опорах и третья из них — международные организации. Особенно большую роль в снижении числа гражданских войн сыграли международные миротворческие силы⁵⁴. В постколониальные десятилетия число гражданских войн росло не столько потому, что они чаще начинались, сколько потому, что реже заканчивались (2,2 начавшихся и 1,8 завершившихся войны в год) и таким образом накапливались⁵⁵. К 1999 г. гражданская война в среднем длилась 15 лет! Ситуация начала меняться в конце 1990-х и в 2000-х, когда гражданские войны стали затухать быстрее, чем успевали разгореться новые. Теперь войны чаще

заканчивались переговорами, а не выявлением безусловного победителя, и больше не тянулись до бесконечности. Раньше часто случалось так, что угли конфликта тихо тлели пару лет, а затем разгорались снова, теперь они все чаще остывали окончательно.

Это упрочение мира совпадает по времени с усилением миротворческих сил. Рис. 6–6 демонстрирует, что начиная с конца 1980-х гг. международное сообщество постоянно наращивало миротворческие операции и, что еще важнее, расширяло штат миротворцев. Теперь они могли выполнять свою задачу должным образом. Переломным моментом стало окончание холодной войны, после чего великие державы сильнее хотели завершения конфликта, чем победы своей марионетки⁵⁶. Рост влияния миротворцев — это еще и признак наступления более гуманных времен. Войну вообще все чаще считали отвратительной, и это отношение распространилось и на войны, в которых гибли люди с другим цветом кожи.

РИС. 6–6. Рост миротворческих сил, 1948–2008 гг.

Источник: Gleditsch, 2008, based on research by Siri Rustad

Миротворчество — одна из тех задач, которые ООН, при всех ее недостатках, выполняет хорошо (хоть и не справляется с предотвращением войн). В

книге «Работает ли миротворчество?» (Does Peacekeeping Work?) политолог Вирджиния Пейдж Фортна отвечает на этот вопрос «твердым уверенным “да”»⁵⁷. Фортна составила набор данных, включающий 115 эпизодов прекращения огня с 1944 по 1997 г., и проверила, действительно ли присутствие миротворцев снижает вероятность возобновления войны. Набор данных объединил миротворческие миссии ООН, постоянно действующих организаций (НАТО и Африканского союза) и временных коалиций государств. Фортна пришла к заключению, что присутствие миротворцев снижает риск рецидива войны на 80%. Это не значит, что миротворческие миссии успешны всегда, — геноцид в Боснии и Руанде тому подтверждение, — но в среднем они действительно мешают войне возобновиться. При этом миротворческие силы даже не должны быть многочисленными. Слово тщедушный рефери, разнимающий драки разгоряченных хоккеистов, легковооруженная, а то и невооруженная миссия способна встать между враждующими силами и убедить их сложить оружие. И даже если в этом миротворцы не преуспеют, их присутствие может предотвратить вмешательство в конфликт более крупных игроков. Делу мира служат не только солдаты в голубых касках. Свой вклад вносят и чиновники, надзирающие за проведением выборов, реформирующие полицию, контролирующие соблюдение прав человека и осуществляющие надзор за функционированием слабого правительства.

Почему миротворчество работает? Первая причина — эффект Левиафана: крупные и хорошо вооруженные миссии могут нанести ответный удар по нарушителям мирного соглашения, повышая цену агрессивных действий. Применяются не только

материальные поощрения и наказания, но и репутационные. Сотрудник миссии рассказывал, что склонило Афонсу Длакаму и его силы сопротивления РЕНАМО к подписанию мирного соглашения с правительством Мозамбика: «Для Длакамы было очень важно, чтобы его принимали всерьез, приглашали на коктейльные вечеринки и оказывали ему уважение. С помощью ООН он добился, чтобы правительство перестало называть РЕНАМО вооруженными бандитами. Когда тебя уговаривают, это приятно»⁵⁸.

Даже небольшие миссии могут успешно укреплять мир, поскольку они освобождают неприятелей из гоббсовской ловушки, в которой каждая сторона испытывает соблазн атаковать первой из страха попасть под упреждающий удар. Сам факт допуска миротворцев на свою территорию — дорогостоящий (а потому убедительный) сигнал, что враждующие стороны всерьез решили сложить оружие. Заняв позицию, миротворцы усиливают ощущение безопасности: они контролируют исполнение соглашений и способны заверить каждую из сторон, что противник втайне не замышляет недоброе. Вместе с тем миротворческие силы могут взять на себя ежедневные обязанности полиции и сдерживать мелкие акты насилия, не давая им перерасти в циклы мести. Миротворцы способны распознать бузотеров и вредителей, мечтающих сорвать соглашение, и, если кто-то устроит провокацию, миротворцы могут убедить пострадавшую сторону, что это была атака отщепенцев, а не начало нового витка агрессии.

У миротворческих инициатив есть и другие рычаги влияния — они могут, например, прекратить контрабандную торговлю, финансирующую

мятежников и боевиков, которые часто едины в двух лицах. Лидеров, выполняющих мирные соглашения, поощряют финансово, укрепляя их власть и популярность у избирателей. Как сказал один местный житель о кандидате в президенты Сьерра-Леоне, «если придет Кабба, придут белые, придет ООН, придут деньги»⁵⁹. К тому же с солдатами стран третьего мира, как некогда и с солдатами Средневековья, часто расплачиваются возможностью грабить, а деньги, выделяемые мировым сообществом, можно направить на программы «демобилизации, разоружения и реинтеграции», цель которых — вернуть Генерала Голозада и его товарищей в гражданское общество. Бунтовщики с «убеждениями», получая подкуп от нейтральной стороны, а не от презираемого врага, сохраняют достоинство и не чувствуют, что продались. Можно надавить на политических лидеров, чтобы те предоставили посты в правительстве противоборствующим политическим или этническим группам. Как в случае с утешительной финансовой конфетой, уступки, сделанные независимой стороне, а не заклятому врагу, помогают сохранить лицо. Дезмонд Маллой, сотрудник миссии ООН в Сьерра-Леоне, подметил, что «миротворцы создают атмосферу, благоприятствующую переговорам. [Уступки] становятся предметом гордости — люди так устроены. Все, что нужно, — это механизм, который позволяет вести переговоры без ущерба для чувства собственного достоинства»⁶⁰.

~

Однако читателей новостей, знающих о кровавых банях в Конго, Ираке, Судане и других подобных местах, сложно убедить даже такой обнадеживающей статистикой. Данные ИИМО/UCDP, на которые я

опираюсь, ограничены по двум параметрам. Во-первых, в них попадают только конфликты с участием государства — войны, в которых хотя бы одна сторона представляет правительство. Во-вторых, они учитывают только случаи прямой гибели в ходе сражений — людей, павших от боевого оружия. Какая картина предстанет перед нами, если мы станем искать потерянные ключи не только под ярко горящим фонарем?

Первое исключение, не попавшее в наборы данных, — это негосударственные конфликты (межобщинное насилие) между боевиками, ополченцами, мафиями, группами мятежников или повстанцев, часто связанными этнической общностью. Такие конфликты обычно возникают в несостоятельных государствах — это почти неизбежно. Если правительство допускает какие-либо военные действия на своей территории, не потрудившись принять в них участия, — это окончательный провал государственной монополии на насилие.

До недавних пор ученые просто не интересовались негосударственными конфликтами. Никто не вел подсчетов, так что и нам нечего считать и мы не можем вывести никаких трендов. Даже ООН, чья миссия — предотвращать «бедствия войны», отказывается вести статистику по межобщинному насилию (да и любой другой форме вооруженных конфликтов), поскольку государства — члены ООН не хотят, чтобы социологи совали нос не в свое дело и демонстрировали всему миру бесчинства, творимые их кровавыми режимами, или ужасы, которые не в силах предотвратить их беспомощные правительства⁶¹.

Тем не менее, если взглянуть на историю в целом, можно предположить, что в наше время негосударственных конфликтов должно быть гораздо меньше, чем десятилетия и столетия назад, когда государства контролировали лишь малую часть земель. Племенные войны, работорговля, нападения разбойников и кочевых племен, пиратские сражения, войны феодалов и аристократов — все они велись без участия государств и были бичом человечества тысячи лет. В Китае с 1916 до 1928 г. более 900 000 человек погибло в боях между военными правителями⁶².

Только в 2002 г. исследователи начали фиксировать негосударственные конфликты. С тех пор силами UCDP собран набор данных по негосударственным конфликтам (Non-State Conflict Dataset), который позволяет нам сделать три важных открытия. Первое: в отдельные годы негосударственные конфликты так же многочисленны, как конфликты с участием правительственных сил, что больше говорит о редкости войн, чем о частоте межобщинных столкновений. Большая часть, что не удивительно, происходит в Центральной Африке, хотя на Ближнем Востоке цифры тоже растут (что особенно заметно в Ираке). Второе: негосударственные конфликты убивают намного меньше людей, чем конфликты с участием правительства. И опять удивляться нечему: государства по определению профессионалы в деле насилия. Третье с 2002 до 2008 г. (последний год этого набора данных) количество смертей в целом понизилось, хотя 2007-й был самым кровопролитным годом межобщинного насилия в Ираке⁶³. Итак, насколько можно судить, вряд ли в негосударственных конфликтах гибнет так много людей, чтобы повернуть вспять тенденцию к снижению числа жертв

вооруженных конфликтов, которая и определяет Новый мир.

Еще один непростой вопрос — число непрямых смертей мирного населения от голода, болезней и беззакония, усугубленного войной. Часто приходится читать, что 100 лет назад только 10% связанных с войной смертей приходилось на долю мирного населения, а сегодня это число выросло до 90%. Новые эпидемиологические исследования, обнаруживающие чудовищное число «избыточных смертей» гражданских лиц (прямых и косвенных), подтверждают это заявление. Вместо того чтобы считать погибших по материалам прессы и неправительственных организаций, ученые проводят выборочные опросы, уточняя, погиб ли у опрашиваемых кто-то из близких или знакомых, а затем экстраполируют полученные данные на все население. В одном из таких обзоров, опубликованном в медицинском журнале *Lancet* в 2006 г., число жертв войны в Ираке с 2003 до 2006 г. оценивается в 600 000 человек, что значительно превышает 80 000–90 000 смертей, насчитанных за этот период ИИМО и Iraq Body Count, авторитетной неправительственной организацией⁶⁴. Другой опрос, проведенный в Демократической Республике Конго, определил число погибших в гражданской войне на уровне 5,4 млн, что примерно в 35 раз выше оценки ИИМО и составляет половину от всех смертей во всех войнах с 1946 г.⁶⁵ Даже учитывая, что данные ИИМО зафиксированы на нижней границе диапазона (из-за жесткого требования, чтобы причина смерти была точно определена), это изрядная разница. Закрадывается сомнение: а можно ли вообще

интерпретировать снижение числа боевых потерь как укрепление мира?

Данные о потерях всегда морализуются, и не удивительно, что эти три числа (90%, 800 000 и 5,4 млн), которые выдвигали в качестве обвинений соответственно XX столетию в целом, вторжению Буша в Ирак и равнодушию мирового сообщества к бедам Африки, были широко растиражированы. Но объективный взгляд на источники предполагает, что эти ревизионистские оценки недостоверны (из чего, конечно, не следует, что мы можем равнодушно взирать на гибель мирного населения во время войны).

Начать с того, что изменение пропорции потерь среди гражданского населения с 10% на 90% оказалось полностью надуманным. Политологи Эндрю Мак (из HSRP), Джошуа Голдстайн и Адам Робертс, каждый по отдельности, попытались отследить происхождение этого мифа — все они знали, что соответствующих данных не существует⁶⁶. Они были в курсе, что это заявление не проходит простейших сверок с реальностью. На протяжении значительной части истории человечества крестьяне жили натуральным хозяйством, производя минимум излишков. Орда солдат, вынужденная самостоятельно добывать себе пропитание, легко может обречь местное население на голодную смерть. Во времена Тридцатилетней войны войска не только устраивали бесчисленные расправы над крестьянами, но и целенаправленно разрушали дома, жгли посевы, резали домашний скот, уничтожали источники воды, повышая и без того чудовищный уровень смертей среди мирного населения. Гражданская война в Америке, с ее блокадами, уничтожением посевов и

тактикой выжженной земли, привела к огромному числу жертв среди мирного населения (историческая реальность, отраженная в клятве Скарлетт О'Хары: «Господь свидетель, я больше никогда не буду голодать!»)⁶⁷. Во время Первой мировой войны линия фронта проходила по населенным районам, артиллерийские снаряды дождем сыпались на города и деревни, и каждая сторона пыталась заморить голодом чужое население, устраивая блокады. Как я уже упоминал, если прибавить число умерших от испанки 1918 г. к косвенным смертям Первой мировой, число жертв среди гражданских лиц увеличится во много раз. Во время Второй мировой мирных граждан истребляли Холокостом, авианалетами люфтваффе, бомбардировками немецких и японских городов в духе «Бойни номер пять» и двумя ядерными взрывами. Какими бы разрушительными ни были сегодняшние войны для мирного населения, вряд ли они могут быть значительно хуже.

Голдстайн, Робертс и Мак, отследив происхождение мифа, докопались до цепи искажений, перемешавшей различные виды жертв: боевые потери одной эпохи сравнивались с боевыми потерями, косвенной гибелью, ранениями и беженцами другой. Мак и Голдстайн прикинули, что на долю гражданских лиц приходится примерно половина прямых смертей и пропорция эта меняется от войны к войне, но не растет со временем. И действительно, далее мы увидим, что в последние годы она значительно снизилась.

Из всех новых эпидемиологических оценок самого широкого внимания удостоилось исследование журнала *Lancet*, посвященное смертности в Ираке⁶⁸.

Команда из восьми иракских медицинских работников ходила от двери к двери в 18 регионах страны и опрашивала людей о недавно умерших родственниках. Эпидемиологи вычли уровень смертности в годы до вторжения 2003 г. из уровня смертности в последующие годы, считая, что разницу нужно отнести на счет войны, а затем умножили получившуюся пропорцию на размер населения Ирака. Эта арифметика предполагает, что число умерших во время войны выросло на 655 000 человек. И 92% этих дополнительных смертей, по словам родственников, были прямыми смертями от пулевых ранений, воздушных налетов и заминированных автомашин, а не косвенными — от голода и болезней. Если так, данные стандартного подсчета жертв в Ираке занижены в семь раз.

Но без дотошных критериев формирования выборки, экстраполяция цифр на всю популяцию может сильно отклониться. Команда статистиков под руководством Майкла Спагата и Нила Джонсона сочла эти оценки недостоверными и обнаружила, что непропорционально большое количество опрошенных семей живет на главных улицах и перекрестках — как раз в тех местах, где бомбардировки и перестрелки наиболее вероятны⁶⁹. В углубленном исследовании, проведенном ВОЗ, были получены цифры, которые в четыре раза меньше приведенных в журнале *Lancet*, и даже для такого результата потребовалось зависить первоначальные показатели на поправочный коэффициент 35%, чтобы компенсировать ложь, переезды и провалы в памяти. Нескорректированные цифры ВОЗ составляют около 110 000, что уже гораздо ближе к числу жертв боевых действий⁷⁰.

Другая команда эпидемиологов планировала опровергнуть тезис, что с середины XX в. число погибших в ходе боевых действий снизилось. Они вывели свои цифры, опираясь на данные ретроспективных исследований гибели в войнах в 13 странах⁷¹. Спагат, Мак и их сотрудники изучили эти цифры и показали, что они сильно разбросаны и потому бесполезны для оценки динамики потерь⁷².

Что касается 5,4 млн жертв (90% из них от болезней и голода) гражданской войны в Демократической Республике Конго, цифры тоже оказались завышены⁷³. Международный комитет спасения (IRC) подсчитал их, используя показатель довоенного уровня смертности, который был сильно занижен (потому что относился к Центральной Африке в целом, жизнь в которой благополучнее, чем в ДРК). Этот показатель вычли из уровня смертности во время войны, который был сильно завышен (поскольку данные поступали из районов, которым IRC оказывал гуманитарную помощь, — а это как раз районы, сильнее прочих пострадавшие от войны). Проект HSRP, признавая, что косвенные смерти в ДРК высоки — вероятно, больше миллиона человек, предупредил о недопустимости оценки дополнительных смертей по данным ретроспективных исследований, поскольку в этом случае вдобавок ко всем ошибкам выборки приходится еще и выдвигать сомнительные предположения о том, что было бы, если бы не было войны⁷⁴.

Удивительно, но HSRP собрал доказательства, что уровень смертности от болезней и голода в войнах последних трех десятилетий стремится не к повышению, а к понижению⁷⁵. Может показаться, что ученые утверждают, будто война в итоге полезна для

детишек и других живых существ, но они говорят не об этом. Ученые документально подтвердили, что смерти от недоедания и голода в развивающемся мире с течением времени стабильно снижаются и что гражданские войны, которые ведут сегодня группки повстанцев в отдельных регионах, не достигают той степени разрушительности, чтобы повернуть ход событий вспять. Более того, когда в зону военных действий спешно доставляются продукты и медикаменты, где они распределяются среди населения в периоды временного прекращения огня, прогресс может ускориться.

Как это стало возможно? Не все знают о перемене к лучшему, которую ЮНИСЕФ называет Революцией выживания ребенка (это касается и выживания взрослых, но дети до пяти лет — самая уязвимая категория, и на их спасение направлено значительно больше усилий). Гуманитарная помощь теперь лучше организована. Вместо того чтобы пытаться залить проблему деньгами, гуманитарные организации воспользовались открытиями в сфере общественного здоровья, выяснив, какие бедствия уносят больше всего жизней и какие средства максимально эффективны против каждого из них. В значительной мере детскую смертность в развивающемся мире вызывают четыре причины: малярия, диарейные заболевания (такие как холера и дизентерия), респираторные инфекции (пневмония, грипп и туберкулез) и корь. Все они предотвратимы или излечимы, и часто это обходится не так дорого. Противомоскитные сетки, противомалярийные лекарства, антибиотики, системы очистки воды, регидратационная терапия (немного соли и сахара в чистой воде), вакцинация и кормление грудью (снижающее заболеваемость острыми кишечными и

респираторными инфекциями) могут спасти огромное количество жизней. За последние три десятилетия только вакцинация (которой в 1974 г. было защищено всего 5% детей по всему миру, а сегодня — 75%) сохранила 20 млн жизней⁷⁶. Готовое к использованию лечебное питание, такое как Plumpy'nut — пакетики арахисовой пасты, которая, как говорят, нравится детям, может значительно понизить уровень недоедания и смертность от голода.

В совокупности все эти меры понизили человеческую цену войны и развеивают опасения, что рост числа косвенных смертей поглотит снижение потерь в ходе боевых действий. Согласно оценкам HSRP, во время четырехлетней войны в Корее около 4,5% населения ежегодно гибло от болезней и голода. Что касается гражданской войны в Конго, даже если принять за истину самую пессимистическую оценку в 5 млн косвенных смертей, уровень смертности составит 1% населения страны в год, что более чем в 4 раза ниже, чем в Корее⁷⁷.

Трудно увидеть проблеск надежды в судьбах развивающегося мира, где войны продолжают сеять неисчислимы бедствия. Попытки снизить количественные характеристики этих бедствий могут казаться бессердечными, особенно когда завышенные цифры используются в пропагандистских целях, помогая привлечь больше денег и внимания к проблеме. Но нельзя отказываться от морального долга правильно представлять факты, и не только для того, чтобы не лишиться доверия. Осведомленность, что в войнах по всему миру теперь гибнет меньше людей, может сокрушить цинизм аудитории, которая уже устала проявлять сочувствие и склоняется к мнению, что бедные страны — это ад крошечный без

всякой надежды на улучшение. Определение факторов, способствующих снижению печальных цифр, скорее заставит нас делать вещи, улучшающие жизнь людей, вместо того чтобы хвалиться своим альтруизмом. Среди сюрпризов статистики есть несколько поразительных: например, тот факт, что упавшая с неба независимость, богатые природные ресурсы, революционный марксизм (если он успешен) и выборная демократия (если нет) могут увеличить количество жертв насилия; но есть и несколько скучных: эффективные правоохранительные органы, открытость мировой экономике, миротворцы ООН и арахисовая паста могут это количество снизить.

ДИНАМИКА ГЕНОЦИДА

Среди всех видов насилия, на которые способен наш несчастный вид, геноцид стоит отдельно не только как самая гнусная разновидность, но и как та, которую почти невозможно понять. У нас не возникает вопроса, почему люди время от времени вступают в смертельные схватки за деньги, честь или любовь, почему они казнят преступников или берут в руки оружие, чтобы сразиться с другими вооруженными людьми. Но мысль, что некто захочет подчистую истребить миллионы невинных, включая женщин, детей и стариков, кажется, оскорбляет само наше представление о роде человеческом. Геноцид (убийство по признаку расы, религии, национальности или принадлежности к группе), политицид (убийство за политические взгляды) или демоцид (любое массовое убийство мирных лиц правительством или боевиками) — это убийства по категории жертв, совершаемые не из-за того, что люди делают, но из-за того, кем они являются, что

идет вразрез с обычными мотивами наживы, страха и мести⁷⁸.

Геноцид шокирует воображение невероятным количеством жертв. Руммель, один из первых историков, попытавшихся подбить цифры, пришел к выводу, что правительствами своих стран в XX в. было убито 169 млн человек⁷⁹. Эта оценка, конечно, завышена, но большинство исследователей насилия соглашаются, что в XX в. геноцид погубил больше людей, чем войны⁸⁰. Мэттью Уайт, детально проанализировав все опубликованные расчеты, подсчитал, что демоцид XX в. унес жизни 81 млн человек; еще 40 млн погибли в результате искусственно вызванного голода (в основном по вине Сталина и Мао), что в целом составляет 121 млн человек. В боевых действиях XX в. погибло 37 млн солдат и 27 млн гражданских лиц, еще 18 млн умерли от спровоцированного войнами голода, что в сумме дает 82 млн смертей⁸¹. (Уайт, впрочем, добавляет, что около половины смертей от демоцида приходится на годы войны, и не случились бы без нее.)⁸²

Убийство огромного числа людей в сжатые сроки требует методов массового уничтожения — еще одна леденящая душу подробность. Нацистские газовые камеры и крематории навсегда останутся самым шокирующим символом геноцида. Но для бойни с высокой пропускной способностью пригодились и достижения современной химии, и железные дороги. Когда вожди Французской революции подавили бунт в Вандее в 1793 г., им пришла в голову идея погрузить узников на баржи, затопить их, подождать, пока все утонут, поднять баржи на поверхность — и повторять это, пока не кончатся пленные⁸³. Даже во время Холокоста газовые камеры были не самым

эффективным средством массового уничтожения. Нацисты убили больше людей с помощью айнцагрупп — эскадронов смерти, историческими предшественниками которых были вооруженные метательным оружием мобильные отряды, такие как ассирийские колесницы и конные монгольские орды⁸⁴. Во время геноцида хуту, устроенного тутси в Бурунди в 1972 г. (за 22 года до геноцида тутси, устроенного хуту в Руанде), один из причастных объяснял:

Есть разные способы, разные. Можно собрать две тысячи человек в здании, например в тюрьме. Там есть несколько широких коридоров. Здание заперто. Людей оставляют там на пятнадцать дней без еды, без воды. Потом двери открывают и находят трупы. Людей не били, ничего такого. Они просто мертвы⁸⁵.

Безликий военный термин «осада» скрывает факт, что лишить город пищи и добить его ослабевших защитников — проверенный временем и выгодный по затратам способ истребления. Как подчеркивают Фрэнк Чок и Курт Йонассон в книге «История и социология геноцида» (The History and Sociology of Genocide), «авторы учебников истории не пишут, чем оборачивалось завоевание и разрушение города для его жителей»⁸⁶. Одно из немногих исключений — библейская книга Второзаконие, предрекающая бедствия, основываясь на воспоминаниях об ассирийском или вавилонском завоевании:

И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, которых Господь Бог твой дал тебе, в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой. Муж, изнеженный и живший между вами в великой роскоши, безжалостным оком будет смотреть на брата своего, на жену недра своего и на остальных детей своих, которые останутся у него, и не даст ни одному из них плоти детей своих, которых он будет есть, потому что у него не останется ничего в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой во всех жилищах твоих. Женщина, жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю по причине роскоши и изнеженности, будет безжалостным оком смотреть на мужа недра своего и на сына

своего и на дочь свою и не даст им последа, выходящего из среды ног ее, и детей, которых она родит; потому что она, при недостатке во всем, тайно будет есть их, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой в жилищах твоих⁸⁷.

Кроме количества жертв и методов их умерщвления, геноцид поражает воображение ничем не мотивированным садизмом, которому предаются преступники. Свидетели всех без исключения случаев геноцида вспоминают, каким мучениям, пыткам и увечьям подвергаются жертвы⁸⁸. В романе «Братья Карамазовы» Достоевский писал о зверствах турок в Болгарии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда нерожденных детей вырезали из живота матерей, а уши узников вечером прибивали гвоздями к изгороди, чтобы утром вздернуть бедолаг на виселицу: «В самом деле, выражаются иногда про “зверскую” жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать»⁸⁹. Мои собственные изыскания в истории геноцида обогатили воображение образами, которые больше никогда не дадут мне заснуть спокойно. Я вспоминаю два, которые просто застряли в моей памяти, — не из-за того, что они как-то особенно кровавы (хотя таких рассказов множество), но из-за хладнокровия исполнителей. Оба взяты из книги Джонатана Гловера «Человечество: моральная история XX века» (Humanity: A Moral History of the Twentieth Century).

Во время китайской «культурной революции» 1966–1975 гг. Мао поощрял мародерствующих хунвейбинов терроризировать «классовых врагов» —

учителей, управленцев, потомков феодалов и «богатых крестьян», что обрекло на смерть около 7 млн человек⁹⁰. Вот один из эпизодов:

Молодчики, грабившие дом пожилой пары, нашли ящики с французскими фужерами. Старик умолял не уничтожать ценное стекло, но один из них ударил его дубинкой в челюсть, разбив до крови рот и выбив зубы. Студенты разбили посуду и ушли, оставив пару рыдать на полу⁹¹.

В годы Холокоста Кристиан Вирт командовал лагерем принудительного труда в Польше, где евреев морили работой до смерти, заставляя сортировать одежду убитых единоверцев^[75]. Детей у них забирали и отправляли в лагеря смерти.

Однажды Вирт сделал исключение. Одного еврейского мальчика примерно десяти лет накормили сладостями и одели как маленького эсэсовца. Вирт с мальчиком разъезжали среди узников: Вирт на белом коне, мальчик — на пони; они стреляли в пленников из автоматов в упор, убив в том числе и мать мальчика⁹².

Гловер замечает: «Никакая реакция омерзения и гнева даже отдаленно не может быть адекватной этой абсолютной квинтэссенции глумления и презрения к человеку».

Как могут люди так поступать? Осмысление убийств по категории, раз уж мы на них способны, должно начинаться с психологии категоризации⁹³.

Люди рассортировывают окружающих по воображаемым ячейкам в соответствии с принадлежностью к группе, а также с обычаями, внешностью и убеждениями. И хотя возникает соблазн считать такое стереотипное восприятие ментальным дефектом, категоризация — неотъемлемое свойство нашего разума. Категории позволяют нам из нескольких наблюдаемых качеств

делать выводы о качествах ненаблюдаемых. Заметив цвет и форму ягоды и определив, что это малина, я могу понять, что она сладкая, утоляет голод и не ядовита. Конечно, предположение, что у группы людей, как у каких-нибудь фруктов, могут быть общие черты, оскорбительно с точки зрения политкорректности, но, если бы их не было, не было бы ни культурного разнообразия, ни этнических качеств, которыми люди гордятся. Люди объединяются в группы, потому что у них действительно есть общие черты, пусть даже и статистически. Так что разум, который делает выводы о людях на основании категории, к которой они принадлежат, вовсе не испорчен. Афроамериканцы сегодня действительно чаще живут на пособие, чем белые, евреи действительно имеют более высокий средний доход, чем англосаксонские протестанты, а студенты бизнес-школ в среднем действительно придерживаются более консервативных политических взглядов, чем студенты, изучающие искусства²⁴.

Категоризация создает проблемы, если выходит за рамки статистики. Во-первых, когда люди подвергаются давлению, сбиты с толку или взволнованны, они забывают, что категория — это упрощение, и действуют, как если бы этому стереотипу соответствовали каждый мужчина, женщина и ребенок²⁵. Во-вторых, люди обычно морализируют, приписывая похвальные черты своим друзьям и порицаемые — врагам. Во время Второй мировой войны, например, американцы считали, что у русских больше положительных черт, чем у немцев. А в годы холодной войны они думали ровно наоборот²⁶. В конце концов, люди обычно эссенциализируют группы, то есть пытаются свести их особенности к нескольким конкретным, якобы общим

для всех чертам. Дети, отвечая на вопрос экспериментаторов, говорят, что усыновленный младенец будет говорить на языке своих биологических, а не приемных родителей. Становясь старше, люди продолжают думать, что членам конкретной этнической или религиозной группы свойственна некая общая биология, которая делает группу гомогенной, неизменной, предсказуемой и отличной от других групп⁹⁷.

Мысленная привычка воспринимать отдельную личность как представителя категории становится по-настоящему опасной в условиях конфликта. Она превращает гоббсовскую триаду мотивов насилия — наживу, страх и сдерживание — из камня преткновения в личных склоках в повод к этнической войне. Исторические исследования показывают, что исполнители геноцида руководствуются все той же триадой мотивов, подсыпая в адское варево два новых яда, с которыми мы познакомимся позже⁹⁸.

Иногда геноцид начинается ради получения выгоды. Коренные жители занимают возделенную землю, пользуются источниками воды, пищи или полезных ископаемых, а захватчики хотели бы их присвоить. Уничтожить людей — словно раскорчевать землю или вывести вредителей. Массовое убийство становится возможным благодаря одному свойству нашей психологии: сострадание можно включать и выключать, помещая другого человека в разные категории. С точки зрения завоевателя, геноцид аборигенного населения всего лишь целесообразный прием захвата земель или рабов, а жертвы не считаются за людей. Достаточно вспомнить бесчисленные изгнания и массовые убийства коренных жителей Америки поселенцами или

властями в США, бесчеловечную политику бельгийского короля Леопольда по отношению к африканским народностям в Свободном государстве Конго, истребление германскими колонистами племени гереро в Юго-Западной Африке, нападения кочевников-джанджавидов, поощряемых правительством современного Судана, на чернокожих жителей Дарфура⁹⁹.

Когда завоеватели понимают, что оставить коренных жителей в живых и собирать с них дани и налоги выгоднее, чем стирать их с лица земли, они применяют другую жестокую тактику. Укрепляя свою репутацию людей, готовых не колеблясь устроить кровавую резню, захватчики могут выдвигать ультиматум: сдавайтесь или умрите. Чтобы угрозе поверили, агрессор должен быть готов ее осуществить. В этом и был смысл уничтожения захваченных городов Чингисханом и его ордами.

Присоединив захваченную территорию к империи, оккупанты держат ее в подчинении с помощью угрозы, что на любой бунт обрушатся всей своей мощью. В 68 г. правитель Александрии вызвал римские войска, чтобы подавить мятеж евреев против римского правления. Историк Иосиф Флавий писал: «Как только мятеж был подавлен, евреев безжалостно и полностью истребили. Одних ловили на открытых пространствах, других загоняли в дома, грабили их и поджигали. Римляне не проявляли милосердия ни к малым детям, ни к старикам и убивали людей без разбору, пока не затопили кровью все вокруг и не предали смерти 50 000 евреев»¹⁰⁰. Похожая тактика против повстанцев применялась и в XX в., например Советами в Афганистане, правыми военными

правительствами в Индонезии и Центральной Америке.

Загнанному в угол дегуманизированному народу остается лишь защищаться или бить противника его же оружием, а это может добавить взаимного страха в отношения между группами и установить гоббсовскую ловушку. Каждая группа будет считать другую угрозой своему существованию и стремиться избавиться от нее превентивно. После развала социалистической Югославии в 1990-х геноцид боснийцев и косовских албанцев, устроенный сербскими националистами, отчасти был спровоцирован опасениями, что сербы сами станут жертвами геноцида¹⁰¹.

Если члены группы видят, как их товарищей убивают, если они сами едва избежали гибели или живут в постоянном страхе, что враги хотят их убить, их переполняют праведный гнев и желание отомстить предполагаемым обидчикам. Как и любая месть, реальная резня бессмысленна, но во всеуслышание заявленная неумолимая *готовность* ее осуществить, невзирая на вероятную расплату, может быть запрограммирована в нас эволюцией, культурными нормами или и тем и другим с целью сделать сдерживание убедительным.

Гоббсовы мотивы не объясняют до конца, почему желание захватить чужие ресурсы, нанести превентивный удар или отомстить направляется на *группу* в целом, а не на конкретных лиц, создающих трудности и помехи захватчикам. Одной из причин может быть привычка мыслить категориями. Другая проиллюстрирована в фильме «Крестный отец-2» в эпизоде, где мать юного Вито Корлеоне умоляет дону сицилийской мафии сохранить мальчику жизнь:

Вдова: Дон Франческо, вы убили моего мужа, потому что он не покорился. И его старшего сына Паоло, потому что он поклялся отомстить. Но Вито только девять. Он глуповат и не говорит.

Франческо: Я не слов его боюсь.

Вдова: Он слабый. Он никого не тронет.

Франческо: Он станет сильным, когда вырастет.

Вдова: Не бойтесь, мальчик ничего вам не сделает.

Франческо: Он будет мстить, когда станет мужчиной.

Что ж, он отомстил. В фильме взрослый Вито возвращается на Сицилию, просит встречи с престарелым доном и, шепнув ему на ухо свое имя, убивает его.

Солидарность членов семьи, клана или племени, в частности готовность мстить за убийство, делает всех их законной добычей для того, кто хочет свести счеты с одним из них. Хотя группы равного размера, вынужденные контактировать на регулярной основе, стремятся ограничивать месть личной схваткой один на один, постоянные нарушения правил могут превратить ситуативный гнев в хроническую ненависть. Как писал Аристотель, «рассерженный человек хочет, чтобы тот, кто вызвал его гнев, тоже пострадал; ненавидящий желает, чтобы объект его ненависти перестал существовать»¹⁰². Если одна из сторон имеет численное или тактическое преимущество, она может воспользоваться возможностью и решить проблему раз и навсегда. Враждующие племена прекрасно осведомлены о практических выгодах геноцида. Антрополог Рафаэль Карстен работал с племенем дживаро, проживающим в тропических лесах Эквадора (именно дживаро мы обязаны одной из самых длинных полосок на графике смертоносности войн — см. рис. 2–2). Вот что он пишет об их способах ведения войны:

Небольшие склоки между родами одного племени носят характер личной кровной вражды, основанной на принципе справедливого возмездия, но войны между разными племенами — это, по существу, войны на уничтожение. Здесь нет места принципу «жизнь за жизнь», цель — полностью истребить все вражеское племя... Побеждающая сторона больше волнуется о том, чтобы не оставить в живых ни одного врага, даже малолетних детей, из страха, как бы выжившие, став старше, не вознамерились отомстить победителям¹⁰³.

С другого конца света ему вторит антрополог Маргарет Дарем, описывая случай в албанском племени, которое обычно соблюдало принципы соразмерной мести:

В феврале 1912 года мне рассказали об удивительном случае правосудия «оптом». Некая семья из рода Фанди-байрак, известная грабежами, перестрелками и прочим лиходейством, считалась настоящей язвой на теле племени. Общее собрание приговорило мужчин этой семьи к смерти, их решили подстеречь и перестрелять. В оговоренный день было убито семнадцать человек. Одному из них было всего пять лет, другому — двенадцать. Я возмущалась убийством невинных детей, но мне сказали: «Дурные побеги надо выпалывать с корнем». Вера в наследственность была так сильна, что намеревались даже убить несчастную беременную женщину, чтобы она не родила вдруг мальчика и не возобновила вражду¹⁰⁴.

Эссенциалистское представление о «дурных побегах» — одна из нескольких биологических метафор, вдохновленных страхом мести со стороны потомков. Люди понимают, что, если оставят в живых хоть парочку побежденных врагов, те могут расплодиться и создать проблемы их детям и внукам. Человеческий ум часто работает по аналогии, и образ клубка неприятных размножающихся существ постоянно приводит на ум концепцию вредителей¹⁰⁵. Исполнители геноцида по всему миру продолжают заново изобретать все ту же метафору, давно ставшую клише. Заклятых врагов называют крысами, змеями, червяками, гнидами, навозными мухами, паразитами, тараканами или (там, где они являются вредителями) обезьянами, бабуинами и собаками¹⁰⁶. «Раздавите

гнид и избавитесь от вшей», — писал английский военачальник в 1641 г., оправдывая приказ уничтожить тысячи ирландских католиков¹⁰⁷. «Из гниды появляется вша», — напоминает глава калифорнийских поселенцев в 1856 г., перед тем как вырезать 240 индейцев племени юки в качестве мести за убитую лошадь¹⁰⁸. «Гниды станут вшами», — говорит полковник Джон Чивингтон в 1864 г. перед бойней на Сэнд-Крик, в которой погибли сотни индейцев шайеннов и арапахо¹⁰⁹. Язвы, рак, бактерии, вирусы и другие зловердные биологические агенты тоже используются в качестве фигуры речи в поэтике геноцида. В случае с евреями Гитлер не ограничился одной метафорой, но все они были биологическими: евреи — вирус, евреи — кровососущие паразиты, евреи — нечистая раса, евреи — ядовитое семя¹¹⁰.

Мозг человека создал защиту от заражения биологическими агентами — чувство отвращения¹¹¹. Обычно его вызывают телесные выделения, части тел животных, насекомые, черви-паразиты и переносчики болезней, заставляя людей избавляться от загрязняющей субстанции или того, что ее напоминает или было с ней в контакте. Отвращение легко связать с моралью, рисуя пространство, один полюс которого идентифицируется с духовностью, чистотой, праведностью и непорочностью, а другой — с животным началом, грязью и бездуховностью¹¹². Поэтому то, что вызывает отвращение, кажется нам не только физически отталкивающим, но и недостойным. Метафоры английского языка, описывающие злодеев, часто используют образ переносчика инфекции: крысы, черви, тараканы, вши. Чего стоит только печально известный термин 1990-х,

которым маскировались насильственные переселения и геноцид: этнические *чистки*.

Но метафорическое мышление работает в обоих направлениях. Мы не только используем вызывающие отвращение метафоры к людям, чья человеческая ценность девальвирована, мы еще и обесцениваем людей, которые нам физически отвратительны (феномен, с которым мы познакомились в главе 4, изучая идею Линн Хант о том, что распространение правил гигиены в Европе привело к отмене жестоких наказаний). На одном краю континуума аскеты в белых одеждах, соблюдающие ритуалы очищения, — они считаются святыми. На другом — люди, живущие в деградации и грязи, этих считают недочеловеками. Химик и писатель Примо Леви описывает это феномен на примере транспортировки евреев в лагеря смерти в Германии:

Эсэсовцы из конвоя развлекались, без стеснения глядя на мужчин и женщин, присаживавшихся на корточки где придется — среди платформы или на путях. Пассажиры немецких поездов не скрывали своего отвращения: такие, как эти, заслуживают своей участи; посмотрите только, как они себя ведут! Они не *Menschen*, не человеческие существа, а животные, свиньи, это ясно как божий день^[76]¹¹³.

Эмоциональные тропы, ведущие к геноциду, — гнев, страх и отвращение — могут пересекаться. В книге «Хуже, чем война» (*Worse than War*) об истории геноцида XX в. политолог Дэниел Голдхаген подчеркивает, что его причины могли быть разными. Он классифицировал случаи геноцида по вызвавшим их эмоциям: была ли группа жертв *дегуманизирована* (как объект морализированного отвращения), *демонизирована* (как объект морализированного гнева), или то и другое вместе, или ни то ни другое¹¹⁴. Дегуманизированная группа подвергается истреблению как своего рода вредители: таким племя

гереро выглядело в глазах немецких колонистов, такими турки видели армян, суданские мусульмане — черных дарфурцев, да и европейские поселенцы смотрели на коренные народы под тем же углом. Демонизированная группа, напротив, считается наделенной обычными мыслительными способностями, что отягощает их вину за впадение в ересь или отход от единственно истинной веры. Среди этих современных еретиков были как жертвы коммунистических автократий, так и пострадавшие от рук их антиподов — правых диктатур Чили, Аргентины, Индонезии и Сальвадора. А ведь есть еще и демоны чистой воды — группы, которым удалось стать как отвратительными недочеловеками, так и презренными злодеями. Такими нацисты видели евреев, такими хуту и тутси видят друг друга. И наконец, существуют группы, которых не считают ни чистым злом, ни полуживотными, но которых боятся как потенциальных агрессоров и уничтожают упреждающим ударом, — ситуация, имевшая место на Балканах после распада Югославии.

До сих пор я пытался объяснить геноцид следующим образом: привычный нашему уму эссенциализм делит людей на категории, а морально окрашенные эмоции распространяются на категорию в целом. Эта логика способна превратить гоббсовскую конкуренцию среди людей или армий в гоббсовское соперничество народов. Но у геноцида есть еще одна судьбоносная составляющая. Как писал Солженицын, чтобы убивать миллионами, требуется *идеология*¹¹⁵. Утопические кредо, не различающие отдельных людей в заклеянных моральной оценкой категориях, могут перерасти в идеологию могущественного режима и в

полной мере использовать его разрушительную мощь. Именно поэтому идеологии генерируют высокие пики на графике количества смертей в геноцидах. Поощряющие категоризацию идеологии — это христианство времен Крестовых походов и религиозных войн (и, как ни странно, восстания тайпинов в Китае), революционный романтизм, ответственный за политический Французской революции, национализм, вызвавший геноцид в Османской Турции и на Балканах, нацизм, на котором лежит вина за Холокост, и марксизм, спровоцировавший чистки, высылки, голод и террор в сталинском СССР, маоистском Китае и Камбодже Пол Пота.

Почему утопические идеологии так часто приводят к геноциду? На первый взгляд это кажется невозможным. Даже если в реальности Утопия недостижима по массе практических причин, не должны ли поиски безупречного мироустройства привести нас как минимум к лучшему варианту — к миру, который, скажем, на 60% ближе к идеальному, ну или хотя бы на 15%? В конце концов, люди должны мечтать о большем. Нам свойственно целиться выше, фантазировать о невозможном, представлять вещи, которых никогда не было, и спрашивать: «А почему нет?»

Утопические идеологии приводят к геноциду по двум причинам. Первая — они принимают на вооружение губительную прикладную систему счисления. В Утопии каждый счастлив вечно, и потому ее моральная ценность безгранична. Большинство из нас согласятся, что с этической точки зрения позволительно перевести неуправляемую вагонетку с путей, на которых она задавит пятерых, на пути, где она лишит жизни лишь одного. Но представьте, что,

повернув вагонетку, можно спасти 100 млн жизней, или миллиард, или — в неопределенном будущем — бесконечно огромное количество. Сколько тогда жизней можно принести в жертву ради беспредельного блага? Несколько миллионов могут показаться довольно неплохой сделкой.

Но и это еще не все. Представьте, что некие люди, узнав о том, что идеальный мир возможен, тем не менее противятся его наступлению. Именно они — единственное препятствие на пути к светлому будущему. Что за злодеи! Вот теперь и сложите два и два.

Вторая опасность Утопии — идея, что в ней все должно соответствовать строгому плану и выполнять определенные функции. А как же люди? Ну, они составляют разные группы. Некоторые упрямо, возможно слишком упрямо, придерживаются ценностей, которым нет места в идеальном мире. Каково место предпринимателей в мире, основанном на общественной собственности? Умников — в мире, полагающемся на ручной труд, наглецов — в мире благочестивых, кланов — в мире всеобщей солидарности, горожан и торговцев — в мире, который решил вернуться к природным основам? Почему бы с самого начала не избавиться от этих соринки в глазу, с чистого листа создав идеальное общество?

В книге «Кровь и почва: история геноцида и истребления со Спарты до Дарфура» (Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur) историк Бен Кирнан обратил внимание на еще одну любопытную черту утопических идеологий. Снова и снова они испытывают ностальгию по исчезнувшему сельскому раю, куда стремятся

вернуться, считая его здоровой альтернативой нынешнему урбанистическому упадку. Вспомните: после того как интеллектуальные рынки многонациональных городов положили начало Просвещению, немецкое Контрпросвещение романтизировало связь народа с его землей — та самая «кровь и почва», которую Кирнан вынес в название книги. Свободные метрополисы с их мобильным населением, этническими и профессиональными анклавами — прямое оскорбление для мировоззрения, мечтающего о мире гармонии, чистоты и органической целостности. Националистические движения XIX и начала XX в. вдохновлялись утопическими образами этнических групп, процветающих на родной земле, образами, часто основанными на мифах о племенах предков, поселившихся на этой территории на заре времен¹¹⁶. Этот аграрный утопизм лежит в основе двойной одержимости Гитлера — его ненависти к евреям, которые были для него олицетворением городов и торговли, и его безумного плана расчистить Восточную Европу, чтобы обеспечить жителей немецких городов землей для возделывания. Огромные аграрные коммуны Мао и высылка Пол Потом горожан в сельские районы, ставшие для них кладбищами, — еще один пример.

Коммерческая активность, которая обычно сконцентрирована в городах, сама по себе может разжечь моралистическую ненависть. Как будет показано в главе 9, наше интуитивное восприятие экономики сводится к идее обмена товаров или услуг равной ценности, например три цыпленка за один нож. Наше мышление не может с такой же легкостью освоить абстрактный математический аппарат современной экономики — деньги, прибыль, процент

и рента¹¹⁷. В интуитивно понятной экономике фермеры и ремесленники производят осязаемые материальные ценности. Снимающие пенки купцы и другие посредники, помогая перемещению товаров, но ничего не производя, кажутся паразитами, несмотря на ценности, которые они создают, осуществляя транзакции между незнакомыми и удаленными друг от друга производителями и потребителями. Кредиторы, ссужающие деньги и требующие оплатить эту услугу, вызывают еще большее возмущение, хоть и обеспечивают людей деньгами в те моменты жизни, когда есть возможность использовать их наилучшим образом. Люди забывают о неосязаемом вкладе купцов и ростовщиков и считают их кровопийцами (и вновь биологическая метафора). Антипатия к конкретному посреднику может легко перерасти в антипатию к его этнической группе. Капитал, необходимый для процветания в профессии посредника, — это скорее знания и опыт, а не земли или фабрики, им легко поделиться с семьей и друзьями, его легко переместить в другое место. Все это ведет к тому, что нишу посредника, как правило, занимает конкретная этническая группа, а ее представители переезжают с места на место — туда, где требуются их услуги и где они становятся процветающим меньшинством и объектом зависти и неприязни¹¹⁸. Этнические или социальные группы, занимавшие нишу посредников, часто становились жертвами дискриминации, выселения, погромов и геноцидов: буржуазные меньшинства в Советском Союзе, Китае и Камбодже, индийцы в Восточной Африке и Океании, ибос в Нигерии, армяне в Турции, китайцы в Индонезии, Малайзии и Вьетнаме и евреи в Европе¹¹⁹.

Демоцид часто вписан в кульминацию эсхатологического мифа — последний спазм насилия перед тысячелетним блаженством. Историки часто подмечали параллели между утопическими идеологиями XIX и XX вв. и апокалиптическим мировоззрением традиционных религий. Даниэль Широ и социальный психолог Кларк Макколи делятся своим наблюдением:

Марксистская эсхатология во многом подражала христианской доктрине. Вначале существовал идеальный мир без частной собственности, классов, эксплуатации и отчуждения — райский сад. Затем явился грех: изобретение частной собственности и появление эксплуататоров. Человечество было изгнано из рая и обречено на неравенство и нужду. Люди экспериментировали с разными способами производства — от рабовладельческого и феодального до капиталистического — в поисках решения, но не находили его. И наконец явился истинный пророк с посланием о спасении, Карл Маркс, который проповедовал истину науки. Он обещал избавление, и за ним последовали лишь несколько адептов, которые и распространили истину дальше. Но когда-нибудь пролетариат, носитель истинной веры, будет обращен избранными — партийными руководителями — и объединится, чтобы построить лучший мир. Окончательная, яростная революция сотрет с лица земли капитализм, отчуждение, эксплуатацию и неравенство. После этого история закончится, потому что на земле наступит рай и истинно верующие будут спасены¹²⁰.

Основываясь на работах историков Иоахима Феста и Джорджа Мосса, Широ и Макколи пишут и о нацистской эсхатологии:

Неслучайно Гитлер пророчил «Тысячелетний рейх», тысячу лет совершенства, похожую на тысячелетнее царство Христово, обещанное в «Откровении» Иоанна Богослова. За ним должны были последовать возвращение зла, великая битва между добром и злом и финальная победа Господа над Сатаной. Весь образный ряд нацистской идеологии и режима был глубоко мистическим, религиозным, пронизанным христианским, литургическим символизмом и апеллировал к высшему закону, к миссии, назначенной судьбой и доверенной пророку Гитлеру¹²¹.

Но, безусловно, должность лидера Утопии предъявляет к претенденту определенные требования. Вы готовы принять на себя весь стресс и

ответственность за управление совершенным миром? Лидеры Утопий отбираются по критериям нарциссизма и безжалостности¹²². Они абсолютно уверены в высокой нравственности своих побуждений и с нетерпением принимаются за все новые и новые реформы, на ходу внося поправки в свои грандиозные схемы, имеющие чудовищные последствия для народов. Портреты председателя Мао висели по всему Китаю, а маленькие сборники его высказываний в красной обложке имелись у каждого китайца. Ли Чжисуй, личный врач Мао и единственный близкий ему человек, описывал его как ненасытного к лести, требующего наложниц для сексуального обслуживания и чуждого теплу и состраданию¹²³. В 1958 г. Мао решил, что страна может удвоить производство стали, если крестьяне будут выплавлять ее в малых плавильных печах на заднем дворе. Под угрозой смерти за невыполнение плана крестьяне переплавляли свои ножи, лопаты и дверные ручки в куски бесполезного металла. Мао также вообразил, что Китай может высвободить посевные площади для лугов и садов и выращивать большой урожай зерновых на маленьких участках, если фермеры будут засеивать семена чаще и глубже, чтобы классовая солидарность помогла колосьям вырасти крепкими и полновесными¹²⁴. Пытаясь воплотить его видение, крестьян сгоняли в коммуны по 50 000 человек, и каждого, кто не проявлял энтузиазма или указывал на очевидное несоответствие, убивали как классового врага. Глухой к сигналам реальности, показывавшим, что обещанный «Большой скачок вперед» на самом деле стал большим скачком назад, Мао стал зачинщиком голода, унесшим жизни от 20 до 30 млн жителей Китая.

Мотивы организаторов чрезвычайно важны для понимания природы геноцида, потому что психология геноцида — эссенциализм как образ мышления, гоббсовское сочетание жажды наживы, страха и мести, морализация таких эмоций, как отвращение, и главенство утопических идеологий — не захватывает население моментально, заставляя людей совершать массовые убийства. Группы, которые избегают, опасаются или презирают друг друга, могут сосуществовать без геноцида вечно¹²⁵. Подумайте об афроамериканцах на рабовладельческом Юге, палестинцах в Израиле и на оккупированных территориях, африканцах в ЮАР времен апартеида. Даже в Германии с ее вековыми традициями антисемитизма вряд ли кто-то еще кроме Гитлера и нескольких фанатиков-приспешников думал, что истребление евреев — отличная идея¹²⁶. Во время геноцида убийства совершает только часть населения, как правило полиция, армия или ополчение¹²⁷.

В I в. н.э. Тацит писал: «Шокирующие преступления совершаются по инициативе нескольких, с одобрения большинства, при молчаливом согласии всех». Политолог Бенджамин Валентино в книге «Окончательные решения» (Final Solutions) пишет, что такое разделение усилий имело место и в случаях геноцида XX столетия¹²⁸. Лидер мелкой клики решает, что настало время для геноцида. Он отдает приказ небольшому вооруженному отряду убежденных последователей, конформистов и отбросов общества (часто, подобно средневековым армиям, это преступники, искатели приключений и просто молодые бездельники). Те рассчитывают, что население мешать им не станет, и благодаря некоторым особенностям социальной психологии, которые мы рассмотрим в главе 8, эти

расчеты обычно оправдываются. Психологические источники геноцида (эссенциализм, морализация и утопические идеологии) в разной степени влияют на каждую из составляющих отряд групп. Они полностью поглощают разум лидеров и их верных соратников, но на остальных должны подействовать лишь до той степени, чтобы они не мешали вождям претворять планы в реальность. Незаменимость предводителей, организовавших геноцид в XX в., очевидна: когда они умирали или теряли власть, убийства прекращались¹²⁹.

Если наш анализ верен, геноцид может возникать в результате токсичных взаимодействий между различными свойствами человеческой психологии (включая эссенциализм, морализацию и интуитивное понимание экономики), гоббсовской дилеммой безопасности, традиционными идеологиями и возможностями, доступными лидерам. Тогда главный вопрос выглядит следующим образом: как изменилось их взаимодействие с течением истории?

Вопрос непростой, потому что историки никогда особенно геноцидом не интересовались. С Античности библиотечные полки заполнялись сочинениями о войне, но геноцид оставался неизученным, хоть и убивал в больших масштабах. Чок и Йонассон пишут об античной истории: «Мы знаем, что исчезали целые империи, что города пропадали с карт, и мы предполагаем, что по сути некоторые войны были геноцидом; но мы не знаем точно, что случилось с людьми, попавшими в гущу событий. Их судьба была попросту не важна. Если о них вообще упоминалось, то наравне со стадами коров, овец и другого скота»¹³⁰.

Как только осознаешь, что бойни, расправы и разграбления прошлых веков мы сегодня назвали бы геноцидом, становится ясно, что геноцид отнюдь не является феноменом XX столетия. Люди, знакомые с античной историей, знают, как афиняне уничтожили Мелос во время Пелопоннесской войны в V в. до н.э.: согласно Фукидиду, «афиняне убили всех, кто мог держать оружие, а женщин и детей угнали в рабство». Другой известный пример — разрушение римлянами Карфагена и истребление его населения в Третьей Пунической войне в III в. до н.э. Это была тотальная война: говорят, что римляне засыпали землю солью, чтобы сделать ее навеки бесплодной. Другие исторические случаи геноцида: кровавые бани, описанные в «Илиаде», «Одиссее» и Ветхом Завете, расправы и массовые убийства во время Крестовых походов, подавление альбигойской ереси, монгольские завоевания, охота на ведьм в Европе и мясорубка европейских религиозных войн.

Авторы последних исследований по истории массовых убийств твердо убеждены, что идея, будто XX в. был каким-то особенным «веком геноцида», просто миф. На первой странице своей книги Чок и Йонассон пишут: «Геноцид практиковался во всех регионах мира и на протяжении всей истории» и добавляют, что 11 выполненных ими предметных исследований случаев геноцида, имевших место до XX в., «не претендуют на полноту и репрезентативность»¹³¹. Кирнан соглашается: «Главный вывод книги — геноцид практиковался повсеместно и до XX века». Понять, что он имеет в виду, можно, просто просмотрев оглавление его книги:

Часть первая: Начало имперской экспансии

1. Геноцид Античности и раннего Нового времени

2. Испанские завоевания в Новом свете (1492–1600)
3. Огнестрельное оружие и геноцид в Восточной Азии (1400–1600)
4. Массовые расправы в раннее Новое время в Юго-Восточной Азии

Часть вторая: Поселенческий колониализм

1. Английское завоевание Ирландии (1565–1603)
2. Колониальная Северная Америка (1600–1776)
3. Массовое насилие в Австралии (XIX в.)
4. Геноцид в США
5. Геноцид в Африке (1830–1910)¹³²

Руммель приводит много подтверждений своему выводу: «Массовые убийства императорами, королями, султанами, ханами, президентами, губернаторами, генералами и другими правителями собственных граждан или людей, которые находились под их защитой и руководством, составляют значительную часть нашей истории». Он насчитал 133 147 000 жертв 16 случаев демоцида, имевших место до XX в. (в том числе в Индии, Иране, Османской империи, Японии и России), и предположил, что общее число жертв демоцида может достигать 625 716 000 человек¹³³.

В списки геноцида попадал отнюдь не каждый эпизод массовой гибели людей. Авторы составляли их очень осторожно, учитывая, например, что коренных американцев выкашивали скорее болезни, чем целенаправленное истребление, хотя некоторые случаи были несомненным геноцидом. В 1638 г. пуритане Новой Англии уничтожили племя пекотов, после чего проповедник Инкрис Мэзер призвал конгрегацию возблагодарить Бога за то, «что мы сегодня отправили шестьсот языческих душ в ад»¹³⁴. И это прославление геноцида не повредило его карьере. Позже он стал президентом Гарвардского университета, и один из университетских «домов», к

которому я сейчас приписан, назван в его честь и следует девизу: «В духе Инкриса Мэзера!»

Мэзер не был ни первым, ни последним, кто возблагодарил Бога за геноцид. В Библии рассказывается, как Яхве приказал еврейским племенам исполнить геноцид дюжину раз и как моавитяне в IX в. до н.э. вернули должок, вырезав население нескольких еврейских городов во имя уже своего божества Аштар-Кемоша¹³⁵. В «Бхагавадгите» (написанной около 400 г.) индуистский бог Кришна укоряет смертного Арджуну за то, что тот не желает перебить враждебную клику, к которой принадлежали дед и учитель Арджуны: «Нет лучшего для тебя дела, чем биться за веру; не нужно сомневаться... душе нельзя повредить никаким оружием, ее не сжечь огнем... [Поэтому] тебе не о чем горевать»¹³⁶. Вдохновленный завоеваниями Иисуса Навина, Оливер Кромвель перебил в одном ирландском городе всех мужчин, женщин и детей и так объяснил свои действия Парламенту: «Господь благословил наши усилия в Дроэде. Этот город защищали 3000 человек. Я думаю, мы предали мечу всех»¹³⁷. Английский Парламент выпустил единогласное заявление «Парламент одобряет казнь Дроэды как акт справедливости по отношению к городу и акт милосердия по отношению к тем, кто должен быть предупрежден»¹³⁸.

Это шокирует, но до недавнего времени люди не считали геноцид чем-то особенно ужасным, пока дело не касалось их самих. Одно из редких исключений — испанский священник XVI в. Антонио де Монтесинос, который протестовал против чудовищного обращения испанцев с индейцами и чей голос был, по его собственным словам, «гласом вопиющего в

пустыне»¹³⁹. Конечно, еще со Средних веков существовали воинские кодексы чести, безуспешно пытавшиеся запретить убийство мирных жителей, и такие мыслители, как Эразм Роттердамский и Гуго Гроций, протестовали против этой бесчеловечной практики, но только в конце XIX в., когда граждане начали возражать против уничтожения коренных народов Американского Запада и британских колоний, неприятие геноцида стало всеобщим¹⁴⁰. И тем не менее даже в 1886 г. Теодор Рузвельт, будущий «прогрессивный» президент и лауреат Нобелевской премии мира, мог написать: «Я, конечно, не утверждаю, что хороший индеец — это мертвый индеец, но думаю, что для девяти из десяти так, да и судьба десятого меня не очень волнует»¹⁴¹. Критик Джон Кэри подтверждает, что даже в XX в. британская литературная интеллигенция жестоко дегуманизировала простой народ, который они считали настолько вульгарным и лишенным души, что ему не стоило и жить. Фантазии о геноциде не были чем-то необычным. Дэвид Лоуренс в 1908 г. писал:

Будь моя воля, я построил бы камеру смерти — огромную, как Хрустальный дворец. Там тихо играл бы военный оркестр, мигал огнями синематограф. И я прошел бы по улицам и закоулкам, и собрал бы всех больных, хромых и увечных; я бы заботливо проводил их туда, и они посылали бы мне слабые улыбки благодарности; а оркестр тихонько наигрывал бы «Аллилуйя»¹⁴².

Опросы общественного мнения, проведенные в США в годы Второй мировой, показывают, что от 10 до 15% американцев высказывались за поголовное уничтожение японцев после победы Америки¹⁴³.

Все изменилось после войны. В английском языке не было даже слова «геноцид» до 1944 г., когда польский адвокат Рафаэль Лемкин изобрел его в докладе о нацистском правлении в Европе. А годом позже этот доклад был использован для

информирования обвинителей на Нюрнбергском процессе¹⁴⁴. Когда мир узнал об истреблении нацистами евреев Европы, человечество содрогнулось, потрясенное чудовищным числом смертей и ужасающими кадрами из освобожденных лагерей смерти: конвейеры газовых камер и крематориев, горы обуви и очков, тела, сложенные штабелями, словно дрова. В 1948 г. Лемкин добился, чтобы Конвенцию о предотвращении преступлений геноцида и наказании за него одобрила ООН, и впервые в истории геноцид был признан преступлением независимо от того, кем были его жертвы. Джеймс Пейн заметил такой извращенный признак прогресса: сегодня отрицатели Холокоста как минимум чувствуют необходимость его отрицать. Раньше исполнители геноцида и их сторонники геноцидом похвалялись¹⁴⁵.

Немало послужила осознанию ужасов геноцида и готовность выживших в Холокосте делиться своими историями. Об исторической уникальности таких мемуаров первыми написали Чок и Йонассон¹⁴⁶. Выжившие в геноциде относились к своему опыту как к унижительному поражению и считали, что рассказывать о нем значило бы только подтверждать горький вердикт истории. Когда диапазон гуманистического восприятия изменился, геноцид стал считаться преступлением против человечности, а выжившие начали свидетельствовать против исполнителей. Дневник Анны Франк, описывающий жизнь в укрытии в оккупированном нацистами Амстердаме, пока девочку не отправили на смерть в лагерь Берген-Бельзен, был опубликован ее отцом вскоре после войны. Воспоминания Эли Визеля и Примо Леви о депортации и о лагерях смерти были изданы в 1960-х, и сегодня «Дневник» Франк и «Ночь»

Визеля остаются одними из самых читаемых книг в мире. Позже Александр Солженицын, Анчи Мин и Дит Пран поделились своими мучительными воспоминаниями о коммунистических кошмарах Советского Союза, Китая и Камбоджи. Вскоре другие выжившие — армяне, украинцы, цыгане — рассказали свои истории, а недавно к их голосам присоединились тутси, боснийцы, дарфурцы. Эти воспоминания помогли нам переосмыслить концепцию истории. «На протяжении большей части истории, — писали Чок и Йонассон, — новости исходили от правителей, в XX веке ньюсмейкерами впервые стали те, кем правили»¹⁴⁷.

Каждый, кто вырос среди выживших в Холокосте, знает, что приходилось им претерпеть. По окончании войны они десятилетиями хранили свой опыт как позорный секрет. Кроме унижения, выпадающего на долю жертвы, отчаянное положение, до которого они были доведены, порой лишало узников последних следов человечности, так что можно понять их желание забыть прошлое. На одной семейной встрече в 1990-х я познакомился с родственником жены, пережившим Аушвиц. Он тут же сжал мое запястье и рассказал свою историю. Однажды, когда узники ели, один из них рухнул замертво. Другие бросились на его тело, перемазанное экскрементами, и вырвали кусок хлеба из его пальцев. Когда кусок разделили, разразился яростный спор: некоторые считали, что им достались жалкие крохи — меньше, чем остальным. Чтобы рассказать о подобной деградации, нужна невероятная смелость. А еще уверенность, что слушатель поймет ее как свидетельство обстоятельств, а не как описание характера людей.

Хотя обилие массовых убийств в истории опровергает утверждение о «веке геноцида», все равно удивляешься эволюции этого явления до наступления, на протяжении и по завершении XX столетия. Руммель первым из политологов попытался собрать некоторые цифры. В своей диалогии «Смерть от руки правительства» (Death by Government, 1994) и «Статистика демоцида» (Statistics of Democide, 1997) он проанализировал 141 режим XX в., допускавший геноцид до 1987 г., и контрольную группу из 73 правительств, не совершавших массовых убийств. Он собрал столько независимых оценок числа погибших, сколько смог найти (включая про- и антиправительственные источники, ошибки которых, как он считал, компенсируют друг друга), и с помощью сверок с реальностью выбрал обоснованные оценки, близкие к середине ранга¹⁴⁸. Его определение демоцида примерно совпадает с определением UCDP (одностороннее насилие) и с нашей бытовой концепцией «убийства» с той лишь разницей, что убийцей здесь является не человек, а правительство, жертвы не вооружены и убиты намеренно. Таким образом, к демоциду относятся этноцид, политицид, чистки, террор, убийства гражданских лиц эскадронами смерти (включая частные вооруженные формирования, на действия которых правительство закрывает глаза), а также голод, вызываемый блокадами и конфискацией продуктов, гибель людей в лагерях для интернированных и прицельные бомбардировки мирного населения, как в Дрездене, Гамбурге, Хиросиме и Нагасаки¹⁴⁹. При этом Руммель исключил китайский «Большой скачок» из своего анализа 1994 г., посчитав, что причиной порожденных им бедствий были глупость и бездушие, а не злой умысел¹⁵⁰.

Наверное, именно потому, что в руммелевском определении демоцида и в заглавии его книги фигурировала фраза «смерть от руки правительства», выведенная им оценка в 170 млн жертв правительств XX в. очень популярна среди анархистов и радикальных либертарианцев. Но идея, что «правительства являются основной причиной предотвратимых смертей», не тот урок, который следует извлечь из данных Руммеля, и тому есть несколько причин. Во-первых, его определение «правительства» широкое, ему соответствуют даже военизированные формирования, группировки боевиков и армии полевых командиров, но все это скорее признаки отсутствия правительства. Уайт проверил исходные данные Руммеля и подсчитал, что медианный показатель смертности по вине 24 таких псевдоправительств в его списке равен примерно 100 000, в то время как медианный показатель смертности от рук признанных правительств суверенных государств составляет 33 000. Все-таки правительства убивают в среднем в три раза меньше людей, чем любые альтернативы официальной власти¹⁵¹. К тому же большинство правительств в наше время вообще не совершают демоцида: ответственные власти, содействуя вакцинации, санитарии, безопасности на дорогах и поддержанию общественного порядка, спасают гораздо больше жизней, чем губят виновники демоцида¹⁵².

В анархистских интерпретациях упускается, что массово убивают людей не все правительства, но лишь правительства определенного типа. Уточню — три четверти всех смертей от рук 141 режима, предрасположенного к демоциду, были совершены четырьмя правительствами, которые Руммель назвал «декамегаубийцами»: Советским Союзом — 62 млн

человек, КНР — 35 млн, нацистской Германией — 21 млн и националистическим Китаем в 1928–1949 гг. — 10 млн¹⁵³. Еще 11% от общего числа жертв были убиты 11 «мегаубийцами», включающими императорскую Японию — 6 млн, Камбоджу — 2 млн и Османскую империю — 1,9 млн. Оставшиеся 13% приходятся на долю остальных 126 режимов. Проявления геноцида не подчиняются строго степенному распределению по той причине, что мелкие бойни на спине распределения обычно не считаются геноцидом. Но это распределение ненормально перекошено, в пропорции 80:4 — 80% всех жертв были убиты 4% режимов.

К тому же в подавляющем большинстве случаев демоцида виновны *тоталитарные* правительства: коммунистические, нацистские, фашистские, милитаристские и исламистские режимы, которые стремятся контролировать все стороны жизни общества. Тоталитарные режимы несут ответственность за 138 млн смертей (82% от общего числа), причем 110 млн смертей (65%) приходится на долю коммунистических режимов¹⁵⁴. Авторитарные режимы — автократии, терпимые к независимым общественным институтам вроде бизнеса и Церкви, занимают второе место, убив 28 млн человек. Демократии (согласно определению Руммеля, открытые, конкурентные, выборные и ограниченные в своей власти правительства) лишили жизни 2 млн человек (в основном в колониях или через продовольственные блокады и бомбардировки мирного населения во время мировых войн). Жертвы геноцида распределены так асимметрично не просто потому, что под рукой у тоталитарных бегемотов вроде СССР и КНР было больше народа. Подсчитав проценты, а не абсолютные числа, Руммель

обнаружил, что в XX в. тоталитарные правительства уничтожали до 4% населения своих стран, авторитарные правительства истребили 1%, демократические — 0,4%¹⁵⁵.

Руммель был одним из первых защитников теории демократического мира. Он считал, что она лучше объясняет спад демоцида, чем войн. «Могущественные тоталитарные коммунистические режимы, — пишет Руммель, — истребляют граждан десятками миллионов, а многие демократии, напротив, порой не могут казнить даже серийных убийц»¹⁵⁶. Демократии совершают меньше случаев демоцида, потому что представляют форму правления, которая по определению стремится разрешать конфликты, не прибегая к насилию. Более того, власть демократического правительства ограничена сетью организационно-правовых сдержек, так что его глава не может по своему капризу приказать армии и полиции приступить к массовым убийствам граждан по всей стране. Подвергнув свой набор данных ряду логистических регрессий (считая постоянными этническое разнообразие страны, ее богатство, развитость, плотность населения и культуру — африканскую, азиатскую, латиноамериканскую, мусульманскую, англо-американскую и т.д.), Руммель показал, что случаи демоцида коррелируют с недостатком демократии¹⁵⁷. Вывод, по его мнению, очевиден: «Проблема — это власть. Решение — демократия. План действий — возвращать свободу»¹⁵⁸.

Так каков же вектор развития геноцида? Руммель попытался разбить проявления геноцида в XX в. по годам — полученные им данные, взвешенные относительно населения мира, представлены серой

линией на рис. 6–7. Как и смерти в войнах, смерти при демоциде сконцентрированы в диких всплесках гемоклизма середины XX столетия¹⁵⁹. В кровавом потоке слились нацистский Холокост, сталинские чистки, зверства японцев в Китае и Корее и бомбардировки европейских и японских городов. На левом склоне пика выделяется геноцид армян во время Первой мировой войны и советская коллективизация, убившая миллионы людей из разных наций и классов. Правый склон отмечен истреблением миллионов этнических немцев в коммунистических Польше, Чехословакии и Румынии и взлетом смертности в ходе насильственной коллективизации в Китае. Неловко говорить, что в этих трендах есть нечто хорошее, но в некотором смысле оно есть. Мир больше не видел ничего подобного кровопусканию 1940-х: в четыре последующих десятилетия уровень (и число) смертей от демоцида заметно, хотя и не плавно, снижался. (Мелкие пики — это зверства пакистанцев в войне за независимость Бангладеш в 1971 г. и красных кхмеров в Камбодже в конце 1970-х.) Руммель считает, что причиной спада демоцида по окончании Второй мировой войны стал закат тоталитаризма и расцвет демократии¹⁶⁰.

РИС. 6–7. Уровень смертей из-за геноцида, 1900–2008 гг.

Источники. Данные для серой линии, 1900–1987 — Rummel, 1997. Данные для черной линии, 1955–2008 — Political Instability Task Force (PITF) State Failure Problem Set, 1955–2008, Marshall, Gurr, & Harff, 2009; Center for Systemic Peace, 2010. Количество погибших в последующие годы вычислено как геометрическое среднее по промежуткам в таблице 8.1 (Harff, 2005), распределенное по годам в соответствии с пропорциями в базе данных Excel. Данные по количеству населения мира согласно U. S. Census Bureau, 2010с. Данные по численности населения за 1900–1949 гг. взяты у McEvedy & Jones, 1978, и умножены на 1.01, чтобы их можно было сопоставить с остальными данными

Набор данных Руммеля ограничивается 1987 г., как раз тогда, когда события снова приняли неожиданный оборот. Коммунизм пал, демократий стало больше — а мир был шокирован неприятным сюрпризом геноцида в Боснии и Руанде. По мнению большинства обозревателей, эти «новые войны» показывают, что, несмотря на все уроки прошлого, мы все еще живем в Эпоху геноцида.

Недавно политолог Барбара Харфф протянула нить исторической динамики геноцида дальше во времени. Всего за четыре месяца 10 000 вооруженных мачете мужчин, многие из которых были алкоголиками, наркоманами, маргиналами и бандитами, спешно нанятыми правительством хуту, убили в Руанде около 700 000 тутси¹⁶¹. По мнению многих наблюдателей, военная интервенция мировых держав могла без особого труда остановить эту небольшую группу убийц¹⁶². Билла Клинтона, в частности, не оставляло чувство вины за бездействие, и в 1998 г. он поручил Харфф проанализировать факторы риска и

предупредительные сигналы геноцида¹⁶³. Она собрала данные по 41 случаю геноцида и политицида между 1955 (вскоре после смерти Сталина и начала процесса деколонизации) и 2004 гг. Ее критерии были более строгими, чем у Руммеля, и ближе к первоначальному определению геноцида, данному Лемкиным: эпизоды насилия, в которых государство или вооруженная власть намереваются целиком или частично уничтожить определенную группу населения. Только пять из 41 эпизода оказались геноцидом в традиционном понимании этноцида — уничтожения группы по признаку национальности. Большая часть была политицидом или политицидом *и* этноцидом, когда представителей этнической группы уничтожали по подозрению в поддержке враждебного политического клана.

На рис. 6–7 данные Харфф размещены на одной координатной плоскости с данными Руммеля. Цифры Харфф, как правило, ниже, особенно для конца 1950-х, потому что число учтенных ею жертв китайского «Большого скачка» оказалось меньше. Но дальше линии повторяют изгибы друг друга, снижаясь от пика 1971 г. Так как со второй половины XX в. геноцид стал уносить гораздо меньше жизней, на рис. 6–8 я увеличил масштаб графика Харфф. На эти же оси нанесены значения из третьего набора данных (UCDP One-Sided Violence Dataset). В него вошли все эпизоды, в которых правительство или любая вооруженная власть убивала как минимум 25 граждан в год, даже если убийцы не намеревались уничтожить группу как таковую¹⁶⁴.

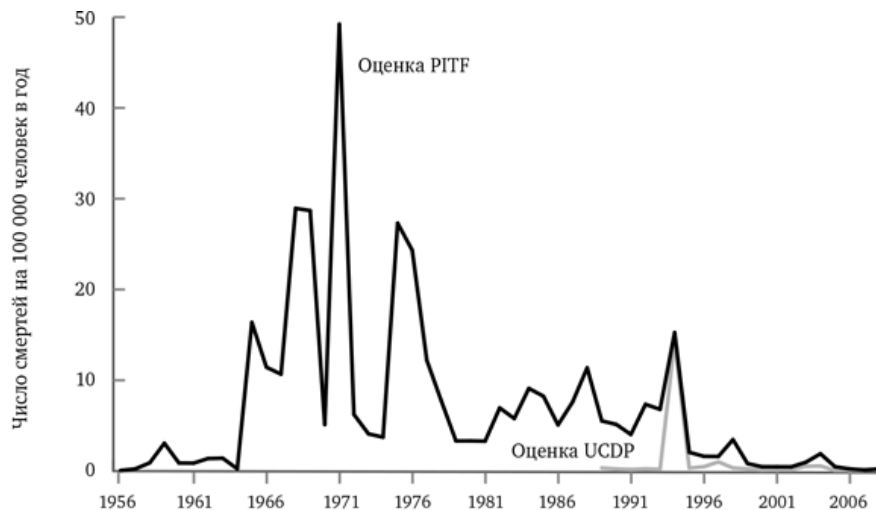

РИС. 6–8. Уровень смертей в геноцидах, 1956–2008 гг.

Источники: PITF estimates, 1955–2008 — те же, что на рис. 6–7; UCDP, 1989–2007: “High Fatality” с <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/> (Kreutz, 2008; Kristine & Hultman, 2007), разделенные на число жителей Земли по оценке U. S. Census Bureau, 2010с

График показывает, что за два десятилетия с конца холодной войны проявления геноцида не возобновились. Напротив, пик массовых убийств (не считая Китая в 1950-х) был пройден в середине 1960-х и в конце 1970-х гг. На эти 15 лет приходится политцид коммунистов в Индонезии (1965–1966, «год опасной жизни», 700 000 смертей), Китайская «культурная революция» (1966–1975, около 600 000 погибших), геноцид тутси против хуту в Бурунди (1965–73, 140 000), пакистанская резня в Бангладеш (1971, около 1,7 млн), безжалостная гражданская война между севером и югом Судана (1956–1972, около 500 000), режим Иди Амина в Уганде (1972–1979, около 150 000), безумие в Камбодже (1975–1979, 2,5 млн) и десятилетняя бойня во Вьетнаме, кульминацией которой стало изгнание «людей в лодках» (1965–1975, около 0,5 млн)¹⁶⁵. Два десятилетия, прошедших с окончания холодной войны, отметились геноцидом в Боснии (1992–1995, 225 000 смертей), Руанде (700 000) и Дарфуре (2003–2008, 373 000). Цифры ужасают, но на графике видно, что это пики трендов, безусловно направленных вниз. (Недавние исследования показали, что некоторые из

этих чисел, вероятно, завышены, но я буду придерживаться официальных данных.)¹⁶⁶ Начало нового тысячелетия — самое спокойное в плане геноцида время за последние 50 лет. Данные UCDP ограничены узким временным окном и, как все их оценки, более консервативны, но демонстрируют ту же тенденцию: геноцид в Руанде в 1994 г. отличается от прочих эпизодов одностороннего насилия, и ничего подобного ему с тех пор не случилось.

Харфф должна была не только посчитать случаи проявления геноцида, но и определить факторы риска. Она заметила, что практически всегда геноцид случался после развала государства — в гражданских войнах, революциях, переворотах. Она выделила контрольную группу 93 случаев развала государства, после которых геноцида не произошло, сопоставила их максимально точно с примерами противоположного хода событий и провела логистический регрессионный анализ, чтобы определить отличия, характерные для ситуации в стране за год до геноцида.

Она доказала, что некоторые факторы, казавшиеся исследователям важными, таковыми не являются. Например, вопреки общепринятому мнению, что проявления геноцида — это взрывы примитивной ненависти, которые неизбежно случаются, когда этнические группы живут бок о бок, степень этнического разнообразия не имеет значения. Уровень экономического развития тоже не помогает предсказать геноцид. В бедных странах политические кризисы случаются чаще, а кризис — необходимое условие геноцида, но при сравнении стран, в которых кризис случился, выяснилось, что беднейшие из них

вовсе не подвержены повышенному риску сорваться в реальный геноцид.

Харфф определила шесть факторов риска, которые в 3/4 случаев отличают опасные и не опасные с точки зрения геноцида кризисы¹⁶⁷. Первый — предыдущая история геноцида в стране: вероятно потому, что какой бы ни была причина первоначального геноцида, в мгновение ока она не исчезнет. Второй — недавняя история политической нестабильности, а точнее, количество кризисов режима, межэтнических и революционных войн за предшествующие 15 лет. Правительства, чувствуя угрозу, испытывают соблазн уничтожить группы, которые, по их мнению, ведут подрывную деятельность и оказывают пагубное влияние. Такие правительства охотно эксплуатируют вызванный ими хаос, стремясь достичь своих целей, пока оппозиция не мобилизовалась¹⁶⁸. И третий фактор: правящую элиту составляют выходцы из этнического меньшинства, скорее всего, потому, что такая слабая позиция заставляет лидеров беспокоиться о надежности их власти.

Три других провозвестника знакомы нам из теории либерального мира. Харфф подтвердила мнение Руммеля, что демократия — это ключевой фактор предотвращения геноцида. С 1995 по 2008 г. автократии, при прочих равных, давали в три с половиной раза больше случаев геноцида, чем развитые или даже слабые демократии. Своего рода демократический хет-трик: страны с демократическим устройством реже ввязываются в межгосударственные войны, в них реже вспыхивают крупные гражданские войны и допускается геноцид. В частичных демократиях (анократиях) серьезные политические кризисы случаются чаще, чем в

автократиях, — это доказывает анализ гражданских войн, выполненный Фироном и Лайтином, но, когда кризис случается, частичные демократии реже автократий начинают геноцид.

Открытость торговле приносит еще один тройной выигрыш. Харфф обнаружила, что в странах, которые больше зависят от международной торговли, опасность геноцида ниже, так же как и угроза гражданской или межгосударственной войны. Защитный эффект торговли в данном случае не может породиться (как в случае межгосударственных войн) непосредственно выгодами торговли, поскольку торговля, о которой мы говорим (импорт и экспорт), не включает в себя прямых обменов с уязвимыми этническими или политическими группами. Почему же тогда торговля важна? Иногда потому, что страна А каким-то образом (по моральным причинам или из-за этнической общности) заинтересована в благополучии группы, живущей в границах страны Б. Если Б хочет торговать с А, ей придется отказаться от соблазна уничтожить эту группу. Кроме того, участие в торговом обмене требует установок, способствующих миролюбию, в том числе готовности соблюдать международные нормы и признавать верховенство закона, а также намерения улучшать материальное благополучие граждан, вместо того чтобы воплощать свое видение чистоты, славы или высшей справедливости. Последний прогностический фактор геноцида — ограничительная идеология. Правящие элиты, зачарованные мировоззрением, которое определяет некоторую группу как препятствие на пути к идеальному обществу и выдавливает ее «вне установленной вселенной обязательств»^[ZZ], чаще возбуждают геноцид, чем элиты, придерживающиеся более прагматичных или

эклектичных принципов государственного управления. К ограничительным идеологиям, по классификации Харфф, относятся марксизм, исламизм (особенно требующий строгого соблюдения законов шариата), милитаристский антикоммунизм и национализм, демонизирующий этнических или религиозных противников. Харфф описывает, каким образом эти факторы риска перерастают в геноцид:

Почти всегда геноцид и политицид второй половины столетия были либо идеологическими, как в Камбодже, либо карательными, как в Ираке (кампания Саддама Хусейна против иракских курдов в 1988–1991 гг.). Сценарий, ведущий к *идеологическому геноциду*, развивается, когда к власти приходит, особенно путем гражданской войны или революции, новая элита, принося с собой новое видение перерожденного общества, очищенного от нежелательных или опасных элементов. *Карательные геноцид и политицид* возникают во время затянувшихся внутренних войн... когда одна сторона, обычно правительство, стремится разрушить базу поддержки оппозиции, подавив мятеж военной силой¹⁶⁹.

Таким образом, спад геноцида на протяжении последней трети столетия можно отнести на счет тех же факторов, что снизили число межгосударственных и гражданских войн: стабильное правительство, демократия, открытость торговле, гуманистические философии правления, которые отдают приоритет интересам отдельных людей, а не борьбе групп.

При всех строгих ограничениях логистической регрессии этот метод — настоящая мясорубка, закладывая в которую набор переменных на выходе мы получаем вероятности. При этом за кадром остается крайне неравномерное распределение человеческой цены отдельных случаев геноцида — то, каким образом горстка мужчин под влиянием одной из нескольких идеологий в какой-то момент берет дело в свои руки, приговаривая к смерти огромное

число людей. Факторы риска, возрастая и понижаясь, определенно влияют на вероятность случаев геноцида, уносящих тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч жизней. В то время как чудовищные проявления геноцида, убивающие десятки миллионов, обусловлены не столько постепенными политическими переменами, сколько парой неожиданных идей и случайных событий.

Прежде всего это относится к марксистской идеологии, захлестнувшей мировую историю подобно цунами. От осознания мощи гуманитарных последствий марксизма захватывает дух. Эта идеология спровоцировала декамегаубийства, совершенные марксистскими режимами СССР и Китая, она же окольными путями повлияла на те, что совершил нацистский режим. Гитлер читал Маркса в 1913 г., и, хотя он терпеть не мог марксистский социализм, гитлеровская диалектика борьбы за Утопию отличается лишь тем, что место классов в идеологии национал-социализма заняли расы. Неудивительно, что некоторые историки считают марксизм и нацизм родными братьями¹⁷⁰. Вдобавок марксизм запустил реакции, вызвавшие политический воинствующих антикоммунистических режимов в Индонезии и Латинской Америке и разрушительные гражданские войны 1960–1980-х, подогреваемые холодной войной сверхдержав. Суть не в том, что марксизм несет моральную ответственность за все эти непредвиденные последствия. Важно, чтобы любая историческая концепция в полной мере учитывала широкомасштабные последствия этой отдельно взятой идеи. Валентино заметил, что закат геноцида — это в значительной мере закат коммунизма и что «важнейшая причина массовых убийств XX века, похоже, уходит в прошлое»¹⁷¹. И вряд ли она снова

войдет в моду. В свой звездный час марксистские режимы оправдывали насилие поговоркой: «Не разбив яиц, омлет не приготовишь»¹⁷². Историк Ричард Пайпс так подытожил исторический приговор марксизму: «Во-первых, люди — не яйца; во-вторых, никакого омлета в мясорубке не пожаришь»¹⁷³. Валентино считает, что, «может, праздновать ”конец истории” и рановато, но, если никакая больше губительная идея не распространится так широко, как коммунизм, в грядущем веке на долю человечества, скорее всего, выпадет значительно меньше массовых убийств, чем в веке прошедшем»¹⁷⁴.

«Увенчали» эту исключительно разрушительную идеологию катастрофические решения нескольких личностей, вышедших на историческую сцену в определенные моменты XX столетия. Я уже упоминал, что многие историки присоединяются к хору: «Не было бы Гитлера, не было бы и Холокоста»¹⁷⁵. Но Гитлер был не единственным тираном, чья одержимость убила миллионы людей. Историк Роберт Конквест, эксперт по сталинскому политициду, пишет, что «в конечном итоге сам Большой террор возник из личных и политических мотивов Сталина»¹⁷⁶. Что касается Китая, невозможно себе представить, чтобы голод «Большого скачка» опустошил страну, не будь безрассудных планов Мао. Историк Гарри Хардинг заметил по поводу цепи китайских политицидов: «Принципиальная ответственность за “культурную революцию” — движение, от которого пострадали десятки миллионов китайцев, — лежит на одном человеке. Без Мао не было бы “культурной революции”»¹⁷⁷. В условиях, когда незначительные факторы вызывают такие чудовищные страдания, мы никогда не сможем до конца понять бедствия XX

столетия. Идеологии подготовили почву и привлекли людей, отсутствие демократии предоставило им возможности, но десятки миллионов были обречены на смерть решениями всего трех человек.

ДИНАМИКА ТЕРРОРИЗМА

Терроризм — разновидность насилия, необычная несоразмерностью причиненного ущерба и вызванного страха. По сравнению с потерями от убийств, войн и геноцида число жертв терроризма по всему миру не превышает статистической погрешности: от международного терроризма (когда граждане одного государства устраивают теракты в другом) начиная с 1968 г. гибнет менее 400 человек в год, а от внутреннего терроризма — около 2500 в год, считая с 1998 г.¹⁷⁸ Цифры, с которыми мы имели дело до этого, — как минимум на два порядка выше.

Но после атаки 11 сентября 2001 г. терроризм стал навязчивой идеей. Ученые мужи и политики только о нем и говорят, а определение «экзистенциальный» (обычно в сочетании с «кризисом» или «угрозой») звучит чаще, чем во времена Сартра и Камю. Эксперты заявляют, что терроризм сделал США «уязвимыми» и «хрупкими» и что он угрожает разделаться с «современным государством», «нашим образом жизни» или «с цивилизацией как таковой»¹⁷⁹. В статье, опубликованной в 2005 г. в журнале *Atlantic*, бывший сотрудник Белого дома, специалист по борьбе с терроризмом, уверенно предсказывал, что к десятой годовщине атаки 9/11 американская экономика рассыплется под ударами систематических взрывов в казино, метро и торговых центрах, крушений самолетов, сбитых из переносных ракетно-зенитных

комплексов, и страшных диверсий на химических заводах¹⁸⁰. Огромный бюрократический аппарат Министерства внутренней безопасности, набранный чуть ли не за ночь, принялся успокаивать страну театральными мерами безопасности: объявлениями об уровнях террористической угрозы, помечаемых разными цветами, советами запастись полиэтиленовой пленкой и клейкой лентой, маниакальной проверкой удостоверений личности (хотя фальшивые настолько распространены, что даже дочь Джорджа Буша-мл. пыталась заказать коктейль «Маргарита», предъявив поддельное удостоверение), конфискацией маникюрных ножниц в аэропортах, ограждением почтовых отделений в глубинке бетонными барьерами и маркировкой 80 000 объектов как «потенциальных целей террористических атак» — в список среди прочего попал парк Уики Уэши Спрингс, популярное местечко во Флориде, где в больших стеклянных аквариумах плавают хорошенькие женщины в костюмах русалок.

И все это в ответ на опасность, от которой гибнет ничтожное число американцев. Три тысячи погибших 9/11 выбиваются из этого ряда, помещаясь далеко в хвосте степенного распределения террористических атак¹⁸¹. База данных по международному терроризму Национального консорциума по изучению терроризма и средств противодействия ему (крупнейший общедоступный набор данных по террористическим атакам) сообщает, что, не считая атаки 9/11, между 1970 и 2007 гг. в мире случился только один крупный теракт, унесший 500 жизней¹⁸². Взрыв, организованный в 1995 г. Тимоти Маквеем в федеральном офисном здании в Оклахоме, унес жизни 165 человек; в стрельбе, устроенной двумя подростками в школе «Колумбайн» в 1999 г., погибли

17 человек, в остальных терактах гибло не больше дюжины человек. Не считая жертв теракта 9/11, за 38 лет по вине террористов в Америке погибло 340 человек, после 9/11 — даты, которая знаменует начало так называемой Эпохи террора, — 11.

И хотя Министерству внутренней безопасности удалось предотвратить несколько терактов, чаще всего их действия были скорее отпугиванием редких в наших местах слонов; и каждый день, в который мы со слоном не столкнулись, доказывал эффективность принятых мер¹⁸³.

Сравните число американцев, погибших от терроризма (с учетом или без учета жертв атаки 9/11) и умерших от других предотвратимых причин. Каждый год больше 40 000 американцев гибнут в ДТП, 20 000 — неудачно падают, 18 000 погибают от рук убийц, 3000 тонут (в том числе 300 — в собственных ваннах), 3000 гибнут в пожарах, 24 000 умирают от случайных отравлений, 2500 — от послеоперационных осложнений, 300 задыхаются в собственных постелях, 300 захлебываются рвотными массами и 17 000 прощаются с жизнью по причине «прочих и неуточненных нетранспортных происшествий и их последствий»¹⁸⁴. Да что говорить — во все годы, кроме 1995 и 2001, американцы гибли от удара молнии, аллергии на арахис, укуса пчелы, «воспаменения пижамы» или от столкновения с оленем чаще, чем от террористических актов¹⁸⁵. Число таких смертей настолько мало, что даже попытки избежать их могут *увеличить* риск гибели. Когнитивный психолог Герд Гигеренцер подсчитал, что за год после атаки 9/11 1500 американцев погибли в автомобильных авариях, решив ехать на машине, а не лететь на самолете — из страха, что

самолет захватят террористы. Они не знали, что вероятность погибнуть при перелете из Бостона в Лос-Анджелес равна риску смерти в ДТП, если вы проехали всего 12 миль. Иными словами, число людей, погибших из страха лететь на самолете, в шесть раз превышает число жертв авиакатастроф 11 сентября¹⁸⁶. Но и это еще не все: атака 9/11 втянула США в две войны, в которых погибло гораздо больше американцев и британцев (а также афганцев и иракцев), чем в теракте 11 сентября.

Несоответствие между паникой, которую порождает терроризм и количеством смертей, которые он приносит, — не случайность. Весь смысл терроризма — в создании паники, как ясно из самого его названия^[78]. Хотя определения различаются (как в клише «для одного — террорист, для другого — борец за свободу»), терроризмом обычно считается преднамеренное насилие, предпринятое негосударственной структурой против мирных граждан (гражданских лиц или военнослужащих не при исполнении обязанностей) для достижения политических, религиозных или социальных целей, спланированное, чтобы надавить на правительство, запугать общество или донести до него некое сообщение. Террористы хотят вынудить правительство уступить их требованиям, подорвать уверенность граждан в способности правительства защитить их или спровоцировать массовые репрессии, которые восстаноят народ против правительства и повлекут за собой хаос, в котором террористические группировки надеются одержать верх. Террористов можно назвать альтруистами в том смысле, что их мотивирует высшая цель, а не личная выгода. Они действуют скрытно и без объявления войны, а потому повсеместно считаются трусами. Они своего рода

специалисты в области связей с общественностью: ищут публичности и внимания к себе и добиваются их через страх.

Терроризм — асимметричная война, тактика слабого против сильного. Террористы используют страх, чтобы нанести эмоциональную травму, которая будет непропорционально больше вреда, причиненного людям и собственности. Когнитивные психологи Тверски, Канеман, Гигеренцер и Словик показали, что восприятие человеком опасности опосредуется двумя суеверными страхами¹⁸⁷. Первый — это постижимость: с понятным ужасом проще иметь дело. Люди сильнее нервничают из-за новых и непредсказуемых рисков, из-за рисков с отложенным эффектом или тех, в которых современная наука еще не разобралась. Второй суеверный страх — ожидание худшего исхода. Люди боятся худших сценариев — неконтролируемых, катастрофических и несправедливых (когда опасности подвергаются одни, а наживаются на этом — другие). Психологи предполагают, что эти иллюзии — наследство древней системы межнейронных связей в мозге, которая эволюционировала, чтобы защитить нас от естественных рисков — хищников, ядов, врагов и ураганов. Она отлично справлялась с задачей распределения бдительности в сообществах, не знакомых с высшей математикой, — а именно в них протекала жизнь человека до XX в., когда ученые начали собирать статистические наборы данных. Во времена научной неграмотности такие причуды психологии даже приносят некоторую вторичную выгоду: люди преувеличивают опасность, исходящую от врагов, чтобы получить с них компенсацию, привлечь на свою сторону союзников или оправдать

превентивный удар (убийства из суеверного страха, которые мы обсуждали в главе 4)¹⁸⁸.

Хорошо известно, что ошибки в восприятии рисков искажают общественную политику. Пишутся законы, запрещающие пищевые добавки, тратятся огромные средства на предотвращение попадания химических примесей в водостоки, хотя они представляют исчезающе малую, не поддающуюся измерению угрозу здоровью. В то же время меры, которые, вне всякого сомнения, спасают жизни, к примеру введение жестких ограничений скорости на автострадах, вызывают сопротивление¹⁸⁹. Иногда раздутый прессой несчастный случай становится пророческой аллегорией, зловещим предзнаменованием апокалипсиса. Радиационный инцидент 1979 г. на атомной электростанции Три-Майл-Айленд не повлек человеческих жертв и, скорее всего, не повлиял на заболеваемость раком, но остановил развитие ядерной энергетики в США и еще внесет свой вклад в глобальное потепление, повысив потребность в сжигании ископаемого топлива.

Атака 9/11 зловещим образом повлияла на сознание американцев. Крупные теракты представляли собой небывалую стратегию, нападение было неожиданным, катастрофическим (по сравнению с прежними) и ничем не спровоцированным, а потому запредельно пугающим и непонятным. Способность террористов добиваться психологического преимущества, инвестируя минимум средств в разрушение, стала полной неожиданностью для Министерства внутренней безопасности США, которое превзошло само себя, нагнетая панику и ужас. Философия этого учреждения гласит: «Сегодня террористы могут ударить когда

угодно, куда угодно и практически любым оружием». И это не ускользнуло от Усамы бен Ладена, который злорадствовал: «Америка переполнена страхом с севера до юга, с запада до востока». Потраченные им на атаку 11 сентября \$500 000 обернулись для Соединенных Штатов триллионом долларов экономических потерь¹⁹⁰.

Компетентные лидеры изредка осознавали арифметику терроризма. Джон Керри во время президентской кампании, на минуту забывшись, сказал журналисту *The New York Times*: «Нам нужно вернуться назад, туда, где жизнь не крутилась вокруг террористов, где они были лишь досадной неприятностью. Как бывший сотрудник правоохранительных органов, я знаю, что мы никогда не положим конец проституции или нелегальным азартным играм. Но мы можем укротить организованную преступность и остановить ее рост. Терроризм не угрожает нам ежеминутно; да, мы продолжаем бороться с ним, но он не разрушает самого строя нашей жизни»¹⁹¹. Как говорят в Вашингтоне, самая страшная оплошность политика — случайно сказать правду, и Джордж Буш с Диком Чейни вцепились в это высказывание, назвав Керри «непригодным на роль лидера» и вынудив его срочно отыграть назад.

Взлеты и падения терроризма — важнейшая часть истории насилия, и не по числу убитых, а по тому, какое влияние психология страха оказывает на общество. Безусловно, если когда-нибудь террористы взорвут ядерную бомбу, число жертв будет чудовищным. Но к проблеме ядерного терроризма мы обратимся в следующем разделе, а пока ограничимся реальным, а не гипотетическим насилием.

Терроризм — не новость. Когда 2000 лет назад римляне завоевали Иудею, группа бойцов сопротивления исподтишка нападала на римских чиновников и сотрудничавших с ними евреев, надеясь заставить римлян удалиться. В XI в. секта мусульман-шиитов использовала террористов-смертников; те подбирались поближе к лидерам, которые, по их мнению, отошли от веры, и убивали их на глазах у всех, зная, что сами тут же будут убиты телохранителями. С XVII по XIX в. последователи одного индийского культа задушили десятки тысяч путешественников в жертву богине Кали. Все эти группы не преследовали никаких политических целей, но оставили в истории свои имена: зелоты, ассасины и тхаги-душител¹⁹². И если слово «анархист» ассоциируется для вас с одетым в черное бомбистом, вы не ошибаетесь — так на рубеже XX в. называли себя члены движения, практиковавшего «пропаганду действием». Они взрывали бомбы в кафе, парламентах, консульствах и банках и убили десятки политических деятелей, в том числе русского царя Александра II, президента Франции Сади Карно, короля Италии Умберто I и президента США Уильяма Маккинли. Живучесть таких образов и символов демонстрирует, какие глубокие корни пустил терроризм в нашем культурном сознании.

Думать, что терроризм — феномен нового тысячелетия, — значит попросту иметь короткую память. Романтизированное политическое насилие 1960–1970-х отметилось сотнями взрывов, захватов и перестрелок между разнообразными армиями, лигами, коалициями, бригадами, фракциями и фронтами¹⁹³. В США действовали «Черная армия

освобождения», «Лига защиты евреев» и группа «Синоптики» (назвавшая себя по строчке Боба Дилана «Не нужен синоптик, чтобы сказать, куда дует ветер»), FALN (группа, боровшаяся за независимость Пуэрто-Рико) и «Симбионистская армия освобождения» (САО). С последней связана одна из самых фантастических историй 1970-х. В 1974 г. ее участники похитили наследницу газетной империи Патрицию Херст, промыли ей мозги и убедили присоединиться к их группе. Под псевдонимом Таня она участвовала в ограблении банка и фотографировалась в берете и с автоматом на фоне семицветного флага САО. Этот образ стал одним из символов 1970-х — наряду с фотографиями Ричарда Никсона, покидающего Белый дом на вертолете, и участниками группы «Би Джит» в белых диско-костюмах из полиэстера.

В Европе в те же годы орудовали Ирландская республиканская армия и Ассоциация обороны Ольстера (Британия), «Красные бригады» (Италия), террористическая группировка Баадер-Майнхоф («Фракция Красной Армии» в Германии) и ЭТА (баскская сепаратистская группировка в Испании), в Японии — «Красная Армия Японии», а в Канаде — Фронт освобождения Квебека. Терроризм был настолько привычным фоном европейской жизни, что Луис Бунюэль использовал его в качестве дежурной шутки в любовной драме 1977 г. «Этот смутный объект желания»: машины и магазины то и дело взлетают на воздух, но герои почти не обращают на это внимания.

И где все они сейчас? В странах развитого мира внутренний терроризм канул в лету вместе с диско-костюмами из полиэстера. Мало кто знает, что почти все террористические группировки терпят неудачу и

абсолютно все распадаются¹⁹⁴. В последнее трудно поверить, однако оглянитесь вокруг. Израиль все еще существует, Северная Ирландия не вышла из состава Соединенного Королевства, а Кашмир по-прежнему остается частью Индии. Курдистан, Палестина, Квебек, Пуэрто-Рико, Чечня, Корсика, Тамил-Илам и Страна Басков не стали независимыми государствами. Филиппины, Алжир, Египет и Узбекистан не превратились в исламистские теократии; Япония, США, Европа и Латинская Америка не стали религиозными, марксистскими, анархистскими или нью-эйдж-утопиями.

Цифры подтверждают это впечатление. В исследовании 2006 г. «Почему терроризм не работает» политолог Макс Абрамс рассматривает 28 группировок, которые Государственный департамент США в 2001 г. назвал иностранными террористическими организациями: большая их часть проявляла активность на протяжении нескольких десятилетий. Если отбросить чисто тактические достижения (внимание СМИ, новые сторонники, освобожденные узники и выкупы), Абрамс обнаружил, что только в трех случаях (7%) эти группировки достигали своих целей: «Хезболла» изгнала многонациональные миротворческие силы и израильские войска с территории Южного Ливана в 1984 и 2000 гг., а «Тигры освобождения Тамил-Илама» взяли под контроль северо-восточное побережье Шри-Ланки в 1990-м. И даже это преимущество было утеряно в 2009 г., когда военные Шри-Ланки разбили «Тигров», снизив уровень успеха террористов до 2 эпизодов из 42, то есть до 5%. Террором можно добиться гораздо меньшего, чем экономическими санкциями (еще одна форма политического давления): санкции достигают цели в трети всех

случаев. Размышляя о недавней истории, Абрамс заметил, что терроризм время от времени может преуспеть, если цели его ограничены, например изгнать иностранные силы с территории, которую тем надоело удерживать, как в процессе деколонизации 1950–1960-х гг., когда европейские державы массово покидали колонизированные страны независимо от действий террористов¹⁹⁵. Но максимума терроризм не достигает никогда: террористам ни разу не удалось насадить в государстве свою идеологию или полностью его уничтожить. К тому же Абрамс выяснил, что и эти несколько побед одержаны в ходе кампаний, в которых группировки брали под прицел военных, а не простых граждан, а это уже больше похоже на действия партизан, чем на чистый терроризм. Кампании же, нацеленные на мирное население, терпят неудачу всегда.

В своей книге «Как заканчивается терроризм» (How Terrorism Ends) политолог Одри Кронин изучала набор данных покрупнее: 457 террористических кампаний, которые велись с 1968 г. Как и Абрамс, она обнаружила, что терроризм практически никогда не работает. Террористические группы вымирают все быстрее, существуя в среднем от пяти до девяти лет. Кронин указывает, что «государства до некоторой степени бессмертны; группы — нет»¹⁹⁶.

К тому же они не получают того, к чему стремятся. Никогда мелкая террористическая организация не захватывала власть в государстве, а 94% их не достигли вообще никаких стратегических целей¹⁹⁷. Террористические кампании заканчиваются смертью или пленением лидеров, искореняются государствами, трансформируются в повстанческие или политические движения. Многие выдыхаются из-за внутренних

разногласий, неумения основателей найти себе преемников и отступничества молодых активистов, выбирающих мирные удовольствия семейной жизни.

Террористические группировки самоуничтожаются и другим способом. Раздосадованные отсутствием прогресса, обеспокоенные тем, как бы их аудитория не заскучала, террористы обостряют тактику. Они выбирают в жертвы известных, уважаемых людей или стараются впечатлить числом смертей, зная, что так им достанется больше внимания СМИ. Внимание они, конечно, к себе привлекают, но не то, на которое надеются. Испытывая отвращение к «бессмысленному насилию», бывшие сторонники отворачиваются, не дают больше денег, не предоставляют убежищ и не уклоняются от сотрудничества с полицией. Итальянские «Красные бригады» самоликвидировались в 1978 г., когда похитили пользовавшегося популярностью бывшего премьер-министра Италии Альдо Моро, продержали его в заложниках два месяца, а потом, всадив ему в голову 11 пуль, бросили тело в багажнике автомобиля. За несколько лет до этого Фронт освобождения Квебека похожим образом переоценил свои возможности во время октябрьского кризиса 1970 г., похитив министра труда Пьера Лапорта и задушив беднягу его же четками: тело также оставили в багажнике машины. Маквей, взорвав бомбу в офисном здании в Оклахома-Сити в 1995 г. и убив при этом 165 человек (в том числе 19 детей), выбил почву из-под ног правого антиправительственного движения в США. Как метко заметила Кронин, «язык насилия понимают все, но и рамки приличия тоже»¹⁹⁸.

Нападения на мирных граждан обрекают террористов на гибель не только потому, что отвращают от них политических сторонников, — охваченная страхом общественность голосует за закручивание гаек. Абрамс изучал общественное мнение во время террористических кампаний в Израиле, России и США и выяснил, что после крупной атаки на мирное население отношение к группе резко меняется в худшую сторону. Испаряется любое намерение идти с группой на компромисс или признавать обоснованность ее требований. Публика считает терроризм экзистенциальной угрозой и поддерживает меры, способные подавить его навсегда. Суть асимметричной агрессии в том, что одна сторона по определению сильнее другой. Как говорит пословица, в гонке не всегда побеждает быстрее, а в битве — сильнее. Но ставить лучше на них.

Хотя террористические кампании по природе своей обречены на провал, однако не успевают исчезнуть старые, как на их месте пробиваются новые. Мир не оскудевает поводами для недовольства, и, пока вера в эффективность терроризма жива, его идеи будут инфицировать недовольных.

Историческая динамика терроризма туманна. Статистические агентства начали сбор данных только около 1970 г., причем их базы основывались на разных критериях и различались по охвату материала. Даже в лучшие времена бывает сложно отличить террористическую атаку от несчастного случая, убийства или действий съехавшего с катушек одиночки, а в зонах военных действий граница между терроризмом и атаками повстанцев часто бывает

размыта. К тому же статистика крайне политизированна: одни заинтересованные лица стараются раздуть цифры, чтобы посеять страх перед терроризмом, другие — преуменьшить их, чтобы приписать себе заслугу его подавления. И пока весь мир взбудоражен международным терроризмом, правительства считают терроризм внутренний, который убивает в 6–7 раз больше людей, исключительно своей проблемой, которая никого больше не касается. Самый полный общедоступный набор данных, которым мы располагаем, это Глобальная база данных по терроризму (GTD), объединяющая наборы данных, составленные ранее. И хотя нельзя принимать на веру каждый зигзаг графика, потому что некоторые пики и провалы — результат перехлеста или неудачного совмещения баз, основанных на разных критериях, общее представление, действительно ли терроризм разросся в так называемую Эпоху террора, получить можно [199](#).

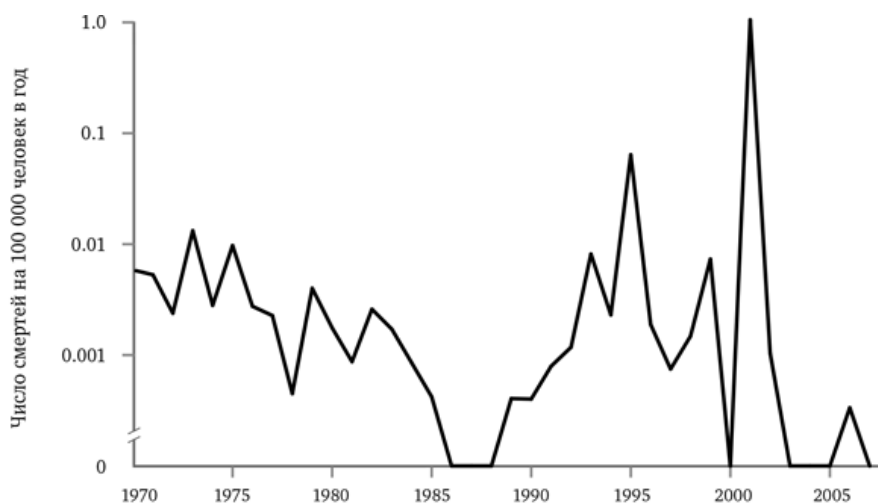

РИС. 6–9. Уровень смертности от терроризма, США, 1970–2007 гг.

Источник: Global Terrorism Database, START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2010, <http://www.start.umd.edu/gtd/>), состояние на 6 апреля 2010 г. Значения 1993 г. взяты из приложения к National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2009. Так как логарифм нуля не определен, годы, в которые никто от терроризма не погиб, оценены приблизительно в 0,0001

Самые точные данные собраны по терактам на территории США по той простой причине, что их было

всего несколько и каждый изучен досконально. На рис. 6–9 все они, начиная с 1970 г., размещены на логарифмической шкале, потому что иначе график был бы похож на гигантскую иглу атаки 9/11, торчащую из слегка смятого коврика. Логарифмическая шкала позволяет разглядеть пики террористических актов в Оклахоме в 1995 г. и школе «Колумбайн» в 1999-м (сомнительный пример терроризма, но за одним исключением, описанным ниже, при построении графиков я никогда не пересматриваю наборы данных). Без учета этих двух пиков тренд с 1970-х гг., пожалуй, направлен скорее вниз, чем вверх.

Динамика терроризма в Западной Европе (рис. 6–10) наглядно показывает, что большинство террористических организаций не добиваются успеха и что все они распадаются. Даже пик 2004 г. — теракты в Мадриде — не может замаскировать спад, особенно по сравнению с годами известности «Красных бригад» и группы Баадер-Майнхоф.

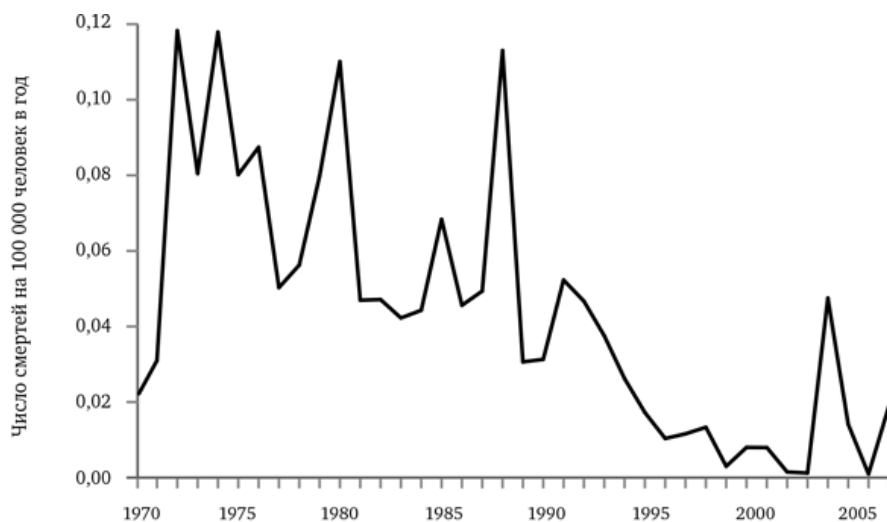
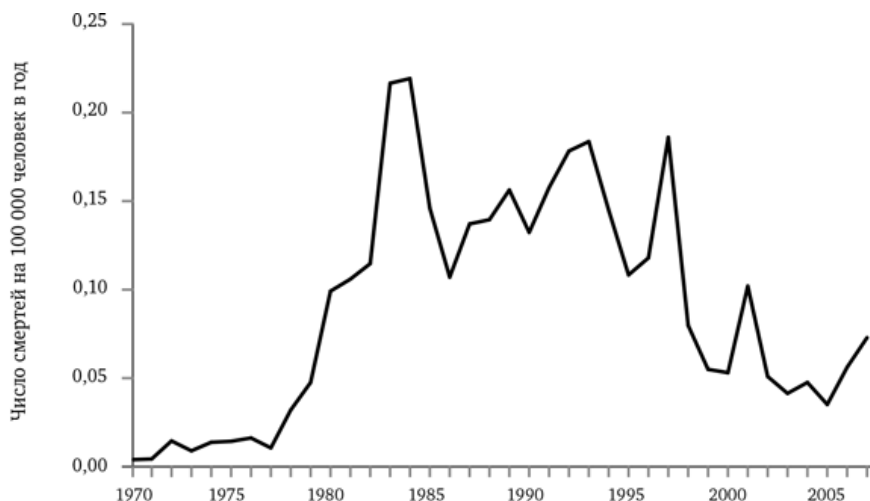

РИС. 6–10. Уровень смертности от терроризма, Западная Европа, 1970–2007 гг.

Источник: Global Terrorism Database, START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2010, <http://www.start.umd.edu/gtd/>, по состоянию на 6 апреля 2020 г.). Данные 1993 г. интерполированы. Численность населения по данным UN World Population Prospects (United Nations, 2008, April 23, 2010), данные по годам, не оканчивающимся на 0 или 5, интерполированы

Какова же глобальная судьба терроризма? Хотя статистика администрации Джорджа Буша-мл., обнародованная в 2007 г., похоже, подтверждает сделанное ею предупреждение о росте терроризма в мире, команда HSRP заметила, что в эту статистику включены случаи смерти мирного населения в войнах в Ираке и Афганистане, которые, случись они в другой стране, были бы отнесены на счет гражданской войны. Когда общепринятые критерии выдерживаются строго, эти смерти не учитываются и картина предстает совсем другая. Рис. 6–11 отражает всемирный ежегодный показатель смертоносности терроризма (как обычно, на 100 000 человек) без учета жертв гражданских войн в Ираке и Афганистане. Общемировое число погибших необходимо интерпретировать с осторожностью, потому что значения взяты из объединенной базы данных и могут быть выше или ниже в зависимости от того, сколько источников информации принималось во внимание в каждом из первоначальных наборов. Но вид графика не меняется, даже если учитывать только крупные террористические атаки (с числом смертей как минимум 25), которые привлекают столько внимания, что попадают во все поднаборы данных.

РИС. 6–II. Глобальный уровень смертности от терроризма, за исключением Афганистана (2001 г.) и Ирака (2003 г.)

Источник: Global Terrorism Database, START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2010, <http://www.start.umd.edu/gtd>, по состоянию на 6 апреля 2010 г.). Данные 1993 г. интерполированы. Численность населения по данным U. S. Census Bureau, 2010с; оценка для 2007 г. экстраполирована

Подобно графикам межгосударственных, гражданских войн и проявлений геноцида, эта диаграмма также преподносит нам сюрприз. Первая декада нового тысячелетия — рассвет Эпохи террора — демонстрирует не подъем или новое плато, но спад по сравнению с пиком 1980-х — начала 1990-х. Мировой терроризм вырос в конце 1970-х и снизился в 1990-х по тем же причинам, по каким и гражданские войны, и геноцид росли и снижались в тот же период. Националистические движения зародились после деколонизации, обрели поддержку со стороны великих держав, которые вели холодную войну чужими руками, и угасли с падением Советской империи. Скачок конца 1970-х — начала 1980-х гг. в основном был делом рук террористов Латинской Америки (Сальвадора, Никарагуа, Перу и Колумбии), которые несут ответственность за 61% смертей от терроризма между 1977 и 1984 гг. (большая часть их целей — военные и полицейские. GTD включает подобные инциденты в свою базу данных в тех случаях, если они должны были привлечь внимание публики, а не причинить прямой вред)²⁰⁰. Латинская

Америка внесла свой вклад и во второй подъем терроризма в 1985–1992 гг. (около трети смертей), вместе с «Тамильскими тиграми» в Шри-Ланке (15%) и группировками в Индии, на Филиппинах и в Мозамбике. Хотя часть террористической активности в Индии и на Филиппинах лежит на совести мусульманских группировок, число погибших в мусульманских странах было минимальным: около 2% в Ливане, 1% в Пакистане. Спад терроризма, начавшийся в 1997 г., был нарушен терактом 9/11 и недавним подъемом насилия в Пакистане — в основном в качестве побочного эффекта Афганской войны: граница между этими двумя странами символическая.

Итак, цифры показывают, что мы не живем в Эпоху террора. Если уж на то пошло, не считая войн в Ираке и Афганистане, мы наблюдаем ослабление терроризма, начавшееся в те десятилетия, когда он не занимал так много места в общественном сознании. К тому же до недавних пор терроризм не был исключительно мусульманским феноменом.

Но разве сегодня это не так? Не должны ли мы ожидать, что террористы-смертники из «Аль-Каиды», ХАМАС и «Хезболлы» подхватят упавшее знамя? И что пытаются скрыть исследователи, не учитывая смерти гражданских лиц в Ираке и Афганистане, многие из которых стали жертвами террористов-смертников? Ответ на эти вопросы потребует более пристального взгляда на терроризм в исламском мире, особенно на терроризм смертников.

Хотя атака 9/11 не ознаменовала начало новой Эпохи террора, можно сказать, что она открыла эпоху

исламистских террористов-смертников. Угонщики самолетов 9/11 не смогли бы совершить теракт, если бы не были готовы умереть в процессе, и с тех пор число атак террористов-смертников возросло с пяти за год в 1980-х и 18 за год в 1990-х до 180 за год между 2001 и 2005 годами. Большинство терактов совершены исламистскими группировками, мотивы которых были религиозными хотя бы частично²⁰¹. По данным Национального антитеррористического центра США, в 2008 г. экстремисты-сунниты были ответственны почти за 2/3 смертей от терактов, исполнителей которых удалось определить²⁰².

Как средство убийства мирных жителей, терроризм смертников — тактика дьявольской изобретательности. Доставка оружия к цели осуществляется с ювелирной точностью — с помощью идеальных манипуляторов и двигателей, которые называются руками и ногами, контролируется глазами и мозгом разумного существа и производится максимально незаметно — человеком, который выглядит точно так же, как миллионы других людей. Подобным технологическим совершенством не обладает ни один боевой робот. Преимущества этого способа не только теоретические. Хотя с помощью смертников совершается малая доля террористических атак, именно в них гибнет больше всего людей²⁰³. Лидеры террористического движения не могут устоять перед такой выгодной сделкой. Как объяснял один палестинский функционер, для успешной миссии нужны только «готовый молодой человек... гвозди, порох, зажигалка и короткий шнур, ртуть (которую легко добыть из термометра), ацетон... Самый дорогостоящий этап — транспортировка в израильский город»²⁰⁴. Единственная реальная технологическая загвоздка —

готовность молодого человека. Как правило, люди не хотят умирать, и это нежелание формировалось на протяжении полумиллиарда лет естественного отбора. Как лидерам террористов удастся обойти это препятствие?

Люди подвергают себя риску погибнуть на войне столько, сколько существуют сами войны, но ключевое слово здесь «риск». Естественный отбор работает со средними значениями и может благоприятствовать готовности смириться с небольшой вероятностью погибнуть как частью сделки, предоставляющей возможность отхватить куш — в виде земли, женщин или безопасности²⁰⁵. Но готовности погибнуть наверняка эволюция благоприятствовать не может: любые гены, позволяющие делать подобные выборы, довольно быстро вышли бы из оборота. Неудивительно, что самоубийственные миссии редки в истории военных сражений. Банды разбойников предпочитают безопасность налетов и засад риску планомерных операций, и даже тогда бойцы не гнушаются заявлений о своих плохих предчувствиях и дурных предзнаменованиях, чтобы не принимать участия в опасных предприятиях их боевых товарищей²⁰⁶.

Современные армии мотивируют солдат принимать на себя бóльшие риски, поощряя их за храбрость почетом и наградами и применяя негативные стимулы к тем, кто пытается снизить риск, — позор и наказания для трусов, казнь дезертиров без суда и следствия. Иногда особая категория солдат, так называемые заградительные отряды, следует за подразделением и убивает каждого, кто откажется наступать. Конфликт интересов между военачальниками и солдатами порождает хорошо

известное лицемерие военной риторики. Вот как английский генерал распространялся о мясорубке Первой мировой войны: «Ни один человек не отказался наступать под крайне жестким артобстрелом, не испугался пуль и пулеметных очередей, которые в конце концов выкосили всех... Я никогда не видел и даже представить себе не мог такой великолепной демонстрации отваги, дисциплины и решимости». Рассказ простого сержанта звучал иначе: «Мы с самого начала знали, что пересекать открытое пространство таким образом — чистое самоубийство. Но ты должен идти. Ты находишься меж двух огней. Если пойдешь вперед, тебя, скорее всего, застрелят. Если пойдешь назад, тебя отдадут под трибунал и тоже застрелят. Что остается делать?»²⁰⁷

Солдаты могут принять риск смерти на поле боя и по другой причине. Эволюционный биолог Джон Бёрдон Сандерсон Холдейн, когда его спросили, отдаст ли он жизнь за брата своего, ответил: «Нет, не меньше чем за двух братьев и восемь кузенов». Он опирался на феномен, который позже получит название родственный отбор, совокупная приспособляемость и nepotический альтруизм. Естественный отбор благоприятствует любым генам, склоняющим организм к самопожертвованию на благо кровного родственника, — до тех пор, пока выигрыш родственника, поделенный на степень родства, превышает цену поступка для организма. Дело в том, что таким образом гены оказывают помощь собственным копиям в теле родственника и получают долговременное преимущество перед генами, ориентированными узко эгоистично. Критики, которые неправильно понимают эту теорию, думают, что организмам приходится сознательно вычислять их

генетическое родство и высчитывать, сколько пользы самопожертвование принесет их ДНК²⁰⁸. Но конечно, от организмов требуется лишь склонность преследовать цели, которые помогают другим организмам — тем, что статистически могут быть их генетическими родственниками. У сложных организмов, таких как люди, эта склонность встроена в психику в качестве эмоции братской любви.

Небольшие племена, в которых люди провели большую часть своей эволюционной истории, держались вместе за счет кровного родства, а люди, как правило, чаще рождаются с соседями. В племени яномамо, например, два жителя одной деревни, выбранные случайным образом, приходятся друг другу как минимум двоюродными братьями и сестрами, а люди, которые считают друг друга родственниками, обычно связаны еще теснее²⁰⁹. Генетическая близость повышает эволюционную выгоду готовности рискнуть жизнью и здоровьем, если рискованный поступок может послужить благу друзей-воинов. К слову сказать, самцы шимпанзе (единственные из приматов) нападают группой, потому что, в отличие от самок, не покидают стаю по достижении сексуальной зрелости, следовательно, связаны родством с другими самцами группы²¹⁰.

Как и со всеми аспектами нашей психологии, на которые пролила свет теория эволюции, здесь важно не *реальное* генетическое родство (охотники-собиратели, не говоря уже о шимпанзе, не отправляют образцы слюны в определяющие генотип лаборатории), но *восприятие* родства, пока оно коррелирует с реальностью на достаточно длительных промежутках времени²¹¹. Среди факторов, вносящих свой вклад в восприятие родства, — опыт совместного

взросления, наблюдение, как твоя мать заботится о другом человеке, общие трапезы, мифы об общем предке, эссенциалистское ощущение общей плоти и крови, общие ритуалы и испытания, физическое сходство (часто подчеркнутое прическами, татуировками, шрамированием и т.п.) и такие метафоры, как «содружество», «братство», «семья», «отечество», «родина-мать» и «кровь»²¹². Военачальники используют каждый трюк, чтобы заставить своих солдат ощущать себя генетической родней и принимать биологически предсказуемые риски. Шекспир проиллюстрировал это в самом известном мотивационном спиче в литературной истории войн — в речи, с которой Генрих V обращается к своим людям перед битвой в День святого Криспиана:

И Криспианов день забыт не будет
Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас —
О нас, о горсточке счастливых, братьев.
Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
Мне станет братом^[79].

И в наши дни командиры тоже стараются объединить солдат в такое братство — огневые группы, отряды, взводы из полдюжины или нескольких десятков бойцов служат плавильным тиглем для базисной эмоции, которая заставляет мужчин воевать, — братской любви. Одно из открытий психологии войны гласит, что солдаты в основном воюют из верности своим однополчанам²¹³. Писатель Уильям Манчестер вспоминает о том, как служил в морской пехоте во время Второй мировой войны:

Эти люди в строю были моей семьей, моим домом. Они были ближе мне, чем я могу описать, ближе любого прошлого или

будущего друга. Они никогда не предавали меня, и я не мог предать их... Я должен был быть с ними, не мог позволить им умереть, а себе — жить, зная, что мог спасти их. Да, сейчас я понимаю — мы воевали не за страну, военно-морские силы, славу или другую абстракцию. Мы воевали друг за друга²¹⁴.

Два десятилетия спустя еще один бывший морпех, Уильям Бройлз, предложил похожее осмысление опыта, пережитого им во Вьетнаме:

Самая стойкая эмоция на войне, когда все остальное отходит на второй план, — товарищество. Друг на войне — это человек, которому ты можешь доверять во всем, потому что доверяешь ему свою жизнь... Несмотря на свой крайне правый имидж, война — единственный доступный нам опыт утопии. Личная собственность и достоинства ничего не значат: группа — это все. Все, что у тебя есть, ты делишь с друзьями. Это не избирательный процесс, но любовь, которая не требует причин, превосходит расу, личность и образование — все эти вещи, которые в мирное время имеют так много значения²¹⁵.

Да, в экстремальных ситуациях человек может отдать жизнь ради спасения отряда братьев, но вряд ли ради их блага он способен спокойно запланировать самоубийство и совершить его в нужный момент. Если бы люди могли так поступать, правила ведения войны были бы совершенно другими. Чтобы избежать паники и бегства с поля сражения (как минимум в отсутствие заградотрядов), план боя обычно строится таким образом, чтобы конкретный солдат не знал, что именно он обречен на смерть. Например, во время Второй мировой войны специалисты по авиационной стратегии вычислили, что вероятность выжить у пилота бомбардировщика выше, если все бросят жребий и те, кому не повезет, отправятся в смертельный полет с таким количеством горючего в баке самолета, которого хватит только для того, чтобы долететь до места бомбардировки, чем в том случае, когда все без исключения искушают судьбу с полными баками, позволяющими вернуться на базу. Понимая это, пилоты все же предпочитали более высокий риск с шансом на возвращение менее вероятному риску

неизбежной смерти²¹⁶. Как же организаторы террористических актов смертников преодолевают это психологическое препятствие?

Как правило, срабатывает идея загробной жизни, например бесконечных сексуальных утех, обещанных угонщикам самолетов в атаке 9/11. (Японским пилотам-камикадзе приходилось утешаться всего лишь перспективой растворения в великом царстве духа.) Однако в наши дни терроризм смертников был усовершенствован «Тамильскими тиграми». Хотя они воспитывались по индуистским канонам, сулившим реинкарнацию, идеология группы была светской: обычная смесь национализма, романтического милитаризма, марксизма-ленинизма и антиимпериализма, повсеместно вдохновлявшая в XX в. освободительные движения третьего мира. Но для будущего террориста предвкушение жизни после смерти, с гаремом девственниц или без них, редко становится главным побудительным мотивом. Ожидание приятной жизни после смерти способно склонить чашу весов субъективных выгод и затрат (и потому так трудно представить себе смертника-атеиста), но редко становится единственной побудительной причиной.

Опрашивая неудавшихся или потенциальных террористов-смертников, антрополог Скотт Атран развеял немало расхожих заблуждений на их счет. Мы имеем дело не с необразованными нищими нигилистами или психопатами — как правило, смертники являются выходцами из среднего класса с соответствующим уровнем образования и устоявшимися моральными принципами. Они не демонстрируют признаков очевидной психопатологии. Атран пришел к выводу, что

движущие ими мотивы можно отыскать в непотическом альтруизме²¹⁷.

Поведение «Тигров освобождения Тамил-Илама» объясняется сравнительно просто. Они создали свой эквивалент заградотрядов: выбрав исполнителей смертельного теракта, они угрожали убить их семьи, если те откажутся²¹⁸. Несколько отличаются методы ХАМАС и других палестинских террористических группировок: они предпочитают кнуту пряник и выплачивают семье смертника щедрое ежемесячное пособие либо крупную сумму единовременно, а также гарантируют им почет и уважение в обществе²¹⁹. Хотя в целом нельзя ожидать, что экстремальное поведение принесет выгоды в смысле биологической приспособляемости, антропологи Аарон Блэкуэлл и Лоуренс Сугияма показали, что в случае террористов-смертников из Палестины это может сработать. На Западном берегу и в секторе Газа не просто найти себе жену: денег на выкуп невесты требуется немало, жениться на кузинах по отцовской линии запрещено, а соотношение женщин и мужчин складывается не в пользу последних, поскольку женщины часто становятся вторыми-третьими женами в полигамных браках или выходят замуж за состоятельных арабов, живущих в Израиле. Блэкуэлл и Сугияма замечают, что 99% палестинских террористов-смертников — это мужчины, 86% из них не женаты и 81% имеют как минимум шестерых братьев и сестер — больше, чем в среднем по Палестине. Построив демографическую модель, ученые обнаружили, что деньги, полученные за смертника, обеспечивают достаточно невест его братьям, что выгодно в смысле репродукции.

Атран выяснил, что смертников можно вербовать, не используя прямых средств поощрения. Возможно,

наиболее эффективным инструментом вербовки является перспектива присоединиться к счастливому сообществу «братьев». Террористические ячейки зачастую возникают как группы неработающих, неженатых молодых людей, они собираются в кафе, общежитиях, на футбольных трибунах, в парикмахерских и интернет-чатах и внезапно обретают смысл жизни, посвящая ее своей новой «семье». Юноши всех культур творят глупости, чтобы доказать свою храбрость и преданность, особенно в группах, где человек может сделать нечто заведомо бессмысленное, потому что знает, что в его стае такие выходки считаются крутыми²²⁰. (Мы вернемся к этому феномену в главе 8.) Преданность группе усиливается религиозными чувствами, и не только обещанием рая, но ощущением душевного трепета от того, что человек переживает причастность к защите святынь, высшему предназначению, духовным поискам или джихаду. Религия превращает преданность делу в сакральную ценность — благо, которое нельзя променять ни на что, включая собственную жизнь²²¹. Преданность питается жаждой мести, которая в воинствующем исламе принимает форму воздаяния за унижения и обиды, нанесенные любому мусульманину в любой точке планеты в любой момент истории, или за некое символическое оскорбление, например присутствие армии неверных на священной для мусульман земле. Докладывая о результатах своих исследований подкомитету Сената США, Атран заметил:

Посмотрите на молодых людей вроде тех, что устроили взрывы в Мадриде в 2004 г. и резню в лондонском метро в 2005-м, пытались взорвать самолеты, летевшие в США в 2006 и 2009 гг., и отправлялись на верную смерть в дальние страны, чтобы убивать неверных в Ираке, Афганистане, Пакистане, Йемене и Сомали. Взгляните на тех, кого они боготворят, как они организованы, что связывает их и что их ведет, — и вы увидите, что самых опасных террористов в мире сегодня вдохновляет не столько Коран или религиозное учение, сколько захватывающее

общее дело и призыв к действию, обещающему славу и почет в глазах друзей, вечное уважение и память в мире, жизнью в котором сами они насладиться не смогут... Джихад — это работодатель, придерживающийся политики равных возможностей... братский союз, обещающий подвиги, приключения и славу. Все равны, и каждый может попытаться отрезать голову Голиафу ножом для разрезания бумаг²²².

Местечковые имамы не особо влияют на эту радикализацию, потому что юноши, желающие развернуть ад на земле, редко спрашивают совета у старейшин. «Аль-Каида» стала мировым брендом, распространяя свои идеи через разветвленные социальные связи, а не с помощью централизованного рекрутингового агентства.

При внимательном рассмотрении терроризм смертников на первый взгляд наводит на грустные мысли: похоже, мы воюем с многоголовой гидрой, которую невозможно уничтожить, ликвидировав лидеров движения или разрушив место его дислокации. Тем не менее мы знаем, что все террористические организации со временем исчезают бесследно. Есть ли признаки того, что исламский терроризм начинает выдыхаться?

Определенно да. Бесконечными нападениями на мирных жителей Израиля террористы добились того, чего добивались повсюду в мире: задушили любое к себе сочувствие и готовность оппонентов идти на компромиссы²²³. После того как в 2000 г. Ясир Арафат отказался от соблюдения Кэмп-Дэвидских соглашений, что спровоцировало вторую интифаду, экономический и политический потенциал Палестины неуклонно снижался. В долговременной перспективе, добавляет Кронин, терроризм смертников — тактика абсолютно идиотская, поскольку, столкнувшись с ним,

нация-жертва теряет всякое желание мириться с присутствием в обществе агрессивного меньшинства: никогда не знаешь, кто из них взорвет себя в следующую секунду! Хотя Израиль столкнулся с неодобрением международного сообщества, построив разделительный барьер, другие страны, пострадавшие от террористов-смертников, замечает Кронин, предпринимают похожие меры²²⁴. Палестинские лидеры Западного берега недавно отrekliсь от насилия и направили свою энергию на компетентное управление, а активисты перешли к бойкотам, акциям гражданского неповиновения, мирным протестам и другим формам ненасильственного сопротивления²²⁵. Они даже привлекли в качестве символической поддержки Раджмохана Ганди (внука Махатмы Ганди) и Мартина Лютера Кинга III. Слишком рано говорить, что эти события знаменуют поворотный пункт в тактике палестинцев, но их отказ от терроризма не был бы исторически беспрецедентным.

Судьба «Аль-Каиды» — отдельная история. Марк Сейджман, бывший офицер ЦРУ, наблюдающий за активностью этой террористической группировки, в 2004 г. насчитал десять серьезных заговоров, направленных против стран Запада (часто как ответ на вторжение в Ирак). Однако в 2008 г. таких заговоров было уже всего три²²⁶. Причина не только в том, что база «Аль-Каиды» в Афганистане была уничтожена, а лидеры убиты, включая самого Усаму бен Ладена (в 2011 г.), — движение постепенно теряло поддержку со стороны мусульман²²⁷. В последние шесть лет терроризм в мусульманском мире все чаще воспринимается как аморальная дикость, подтверждая замечание Кронин, что язык международного общения — это приличие, а не насилие. Стратегические цели «Аль-Каиды» —

панисламский халифат, замещение репрессивных и теократических режимов еще более репрессивными и теократическими, геноцид неверных — теряют свою привлекательность по мере того, как люди осознают, что все это значит на самом деле. «Аль-Каида» не устояла перед соблазном, погубившим многие террористические группы, — желанием оставаться в центре внимания, совершая все более кровавые атаки на группы, способные вызвать еще больше сочувствия (что по вине «Аль-Каиды» обернулось десятками тысяч жертв среди самих мусульман). Терракты без всякой определенной цели в середине 2000-х гг. — в ночном клубе на острове Бали, на свадьбе в Иордании, на египетском курорте, в лондонской подземке, в кафе в Стамбуле и Касабланке — лишали жизни и мусульман, и немусульман. Ветвь движения, известная как «Аль-Каида в Ираке» (AQI), окончательно сорвалась с цепи, взрывая бомбы в мечетях и госпиталях, на рынках, волейбольных матчах и похоронах и запугивая сопротивляющихся отрубанием конечностей и голов.

Джихад против сил джихада велся на нескольких уровнях. Исламские государства, некогда потворствовавшие исламским экстремистам, — Саудовская Аравия и Индонезия — решили, что пора бы и меру знать, и начали закручивать гайки. Даже идеологи движения отвернулись от него. В 2007 г. один из наставников бен Ладена, саудовский богослов Салман аль-Ауда, написал Усаме открытое письмо, обвиняя его в «поощрении терроризма самоубийц, который сеет смерть и страдания и разрушает семьи и сообщества мусульман»²²⁸. Он не побоялся перейти на личности: «Брат мой Усама, сколько крови уже пролилось? Сколько невинных людей, детей, стариков и женщин было убито... во имя “Аль-Каиды”? Будешь ли ты рад предстать перед Всевышним, влача за собою

бремя сотен тысяч или миллионов жертв?»²²⁹. Это обвинение задело чувствительную струну: две трети постов на сайтах исламистских организаций и телеканалов были благоприятными; выступление аль-Ауды перед молодыми мусульманами Британии также было встречено с энтузиазмом²³⁰. Великий муфтий Саудовской Аравии Абдуль-Азиз Аль аш-Шейх утвердил эту позицию, выпустив в 2007 г. фетву, запрещающую гражданам страны присоединяться к иностранным джихадам. Он осудил бен Ладена и его приближенных за то, что они «превращают арабскую молодежь в ходячие бомбы для достижения своих личных политических и военных целей»²³¹. В том же году другой близкий «Аль-Каиде» мудрец, египетский богослов Саид Имам Аль Шариф (известный как Доктор Фадль), опубликовал книгу под названием «Обоснование джихада» (Rationalization of Jihad), потому что, как он объяснил, «джихад...в последние годы запятнал себя серьезными нарушениями законов шариата... Они убивают сотнями, в том числе женщин и детей, мусульман и не мусульман, во имя джихада!»²³².

Арабские улицы согласились. В 2008 г. один из участников дискуссии на джихадистском сайте спросил лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири: «Извините, мистер Завахири, но кто с вашего высшего благословения убивает неповинных людей в Багдаде, Марокко и Алжире?»²³³ Опросы общественного мнения выявили гнев и возмущение по всему исламскому миру. Между 2005 и 2010 гг. число респондентов в Иордании, Пакистане, Индонезии, Саудовской Аравии и Бангладеш, одобрявших самоподрывы и другое насилие против мирного населения, резко снизилось — часто до уровня 10%. И хотя и эта цифра выглядит варварски высокой,

политолог Фаваз Гергес (собравший данные) напоминает нам, что не меньше 24% американцев сказали интервьюерам, что «взрывы и другие атаки, преднамеренно нацеленные на гражданское население, иногда или часто оправданны»²³⁴.

Общественное мнение очень важно, особенно в зонах военных действий, где террористы не могут обойтись без поддержки населения²³⁵. В конце 2007 г. поддержка «Аль-Каиды» в приграничной северо-западной провинции Пакистана упала с 70 до 4% всего за пять месяцев — в немалой степени как реакция на убийство смертником Беназир Бхутто, в прошлом занимавшей пост премьер-министра страны. В том же году исламисты получили 2% голосов на выборах — в пять раз меньше, чем в 2002-м. Опрос, проведенный ABC/ВВС в Афганистане в 2007 г., показал, что поддержка джихадистов упала до 1%²³⁶. В 2006 г. в Ираке большинство суннитов и практически все курды и шииты уже не симпатизировали AQI, а к декабрю 2007-го атаки AQI на гражданское население осуждали 100% иракцев²³⁷.

Общественное мнение обнадеживает, но сказывается ли оно на уменьшении насилия? Террористы полагаются на поддержку со стороны населения, так что очень вероятно, что да. 2007 год, ставший поворотным в восприятии терроризма мусульманским миром, стал переломным и по числу атак смертников в Ираке. Организация Iraq Body Count сообщает, что количество заминированных автомобилей и самоподрывов смертников уменьшилось с 21 в день в 2007 г. до менее восьми в день в 2010 г. — по-прежнему слишком много, и все же это знак прогресса²³⁸. Изменения в установках мусульман не единственная причина спада этого вида

насилия, помогло и увеличение группировки американских солдат в первой половине 2007 г., и другие военные меры. Но кое-какие из военных мер в свою очередь опираются на сдвиги установок. «Армия Махди» — ополчение шиитов, возглавляемое Муктадой ас-Садром, — в 2007 г. заявила о прекращении огня; к движению «Пробуждение суннитов» примкнули десятки тысяч молодых мужчин, которые отказались сражаться с правительством, поддержанным Америкой, и приняли участие в подавлении «Аль-Каиды в Ираке»²³⁹.

Терроризм — это тактика, а не идеология и не режим, так что мы никогда не выиграем войну с ним, так же как и не сможем «избавить мир от зла» — цель, поставленная Джорджем Бушем в речи, посвященной теракту 9/11. В век глобальных средств массовой информации всегда где-нибудь отыщется идеология, затаившая обиду, соблазненная потрясающей доходностью инвестиций в терроризм, — волна ужаса в ответ на ничтожные затраты на насилие. Точно так же всегда будут существовать бандитские братства, готовые рискнуть всем ради чувства товарищества и обещанной славы. Становясь тактикой крупного повстанческого движения, терроризм может нанести гигантский урон людям и мирной жизни, а гипотетическая угроза ядерного терроризма (к которой я обращусь в конце этой главы) придает новый смысл слову «террор». Но в любых других обстоятельствах история учит, а недавние события подтверждают, что террористические движения несут в себе семя собственной смерти.

КУДА АНГЕЛЫ БОЯТСЯ ЗАГЛЯНУТЬ

Новый мир — это снижение числа войн, геноцидов и терактов. Он начался более двух десятилетий назад с окончанием холодной войны и развивается чрезвычайно неравномерно. Новый мир не сравнялся по длительности с Долгим миром, он не настолько радикален, как Гуманитарная революция и не изменил культуру подобно цивилизационному процессу. Вопрос: сколько еще он продлится? Я практически уверен, что на протяжении моей жизни Франция не вступит в войну с Германией, сжигание кошек и колесование людей не возобновятся, а сотрапезники не начнут каждый день набрасываться друг на друга с ножом или отрезать соседям носы, — но ни один разумный человек не выскажет такой же уверенности, когда речь идет о вооруженных конфликтах в мире в целом.

Меня порой спрашивают: «Откуда вы знаете, что завтра не случится войны (геноцида, теракта), которая опровергнет ваш тезис полностью?» Спрашивающие не уяснили главной идеи книги. Я не утверждаю, что мы вошли в так называемую эру Водолея, в которой все до единого земляне утихомируются на веки вечные. Суть в том, что значительное снижение насилия уже произошло, и нам необходимо осознать этот факт. Снижение разных видов насилия происходит под влиянием политических, экономических и идеологических условий в отдельных культурах в определенное время. Если условия изменятся, насилие может вернуться.

К тому же на Земле живут миллиарды людей. Статистика степенного распределения и события двух последних столетий подтверждают, что горстка преступников может причинить значительный ущерб. Если где-то среди 6 млрд человек есть фанатик, которому удастся заполучить ядерную бомбу, он

может в одиночку взвинтить уровень террора до предела. Но и в этом случае нам все равно нужно будет объяснить, почему уровень убийств упал в 100 раз, почему исчезли рынки рабов и долговые тюрьмы, почему Советы и Америка не начали войну из-за Кубы, не говоря уж о войне Канады и Испании из-за вылова камбалы.

Моя цель — объяснять факты прошлого и настоящего, а не прорицать гипотетические вероятности будущего. Но, спросите вы, разве не в этом задача науки — выдвигать предсказания, которые можно подтвердить или опровергнуть? Разве любую теорию, претендующую на понимание прошлого, не нужно оценивать по ее способности прогнозировать будущее? Хорошо. Тогда я предсказываю, что вероятность крупного эпизода насилия в следующее десятилетие (конфликт с 100 000 жертв в год или миллионом в целом), равна 9,7%. Откуда я взял эту цифру? Ну, она достаточно мала, чтобы передать ощущение «вероятно, нет», но не так мала, чтобы я выставил себя абсолютным профаном, если что-то подобное действительно случится. Я хочу сказать, что идея научного предсказания теряет смысл, когда дело касается единичного события — в данном случае, всплеска массового насилия в следующем десятилетии. Конечно, если бы у нас под рукой было несколько разных миров, мы могли бы наблюдать их в развитии и сравнивать в динамике; но у нас есть только этот.

Разумеется, я не знаю, что произойдет в мире в грядущем десятилетии, да и никто не знает. Но не все разделяют мою сдержанность. Поиск в сети по словам «грядущая война» выдает 2 млн ссылок с различными продолжениями: «с исламом», «с Ираном», «с Китаем», «с Россией», «в Пакистане», «между Ираном и

Израилем», «между Индией и Пакистаном», «против Саудовской Аравии», «в Венесуэле», «в Америке», «между западными странами», «за природные ресурсы», «из-за климата», «за воду» и «с Японией» (последнее относится к 1991 г. и должно бы заставить всех быть поскромнее в предсказаниях). Книги с заголовками вроде «Столкновение цивилизаций», «Мир в огне», «Четвертая мировая» и (мое любимое) «Мы обречены» демонстрируют ту же степень уверенности.

Кто знает? Может, они и правы. Но в оставшейся части главы я попробую доказать, что, возможно, они и ошибаются. Нас не в первый раз пугают верной гибелью. Эксперты предсказывали губительные для цивилизации газовые атаки с воздуха, глобальную термоядерную войну, советское вторжение в Западную Европу, уничтожение половины человечества Китаем, широкое распространение ядерного оружия, реваншистскую Германию, восходящее солнце милитаристской Японии, города, разоренные сорвавшимися с цепи подростками, мировую войну за уменьшающиеся запасы нефти, ядерную войну между Индией и Пакистаном и ежедневные теракты вроде 9/11²⁴⁰. В этом разделе мы изучим четыре угрозы Новому миру — столкновение с исламской цивилизацией, ядерный терроризм, разработку ядерного оружия Ираном и климатические изменения — и для каждого случая я покажу, что все это «не исключено, но маловероятно».

~

Мусульманский мир, судя по всему, бойкотирует спад насилия. Больше 20 лет заголовки новостей шокируют западного читателя, упоминая варварские действия во

имя ислама. Среди них — смертный приговор писателю Салману Рушди, в 1989 г. изобразившему на страницах своего романа пророка Мухаммеда, казнь незамужней беременной женщины, забитой камнями в Нигерии в 2002 г., смерть голландского режиссера Тео ван Гога, зарезанного в 2004 г. за продюсирование фильма Айнаан Хирси об отношении к женщинам в исламских странах, кровавый налет 2005 г. на редакцию датской газеты, непочтительно изобразившей пророка, тюремное заключение и угроза поркой британской учительнице в Судане, которая позволила своему классу назвать плюшевого мишку в честь Мухаммеда, и, конечно, теракт 9/11, в ходе которого 19 мусульман убили почти 3000 человек.

Впечатление, что мусульманский мир погрузился в насилие, от которого отказался мир западный, — это вовсе не симптом исламофобии, это подтверждается цифрами. Мусульмане составляют пятую часть населения Земли и большинство — в четверти стран мира, при этом больше половины вооруженных конфликтов в 2008 г. бушевали в мусульманских странах или велись при участии мусульманских оппозиционных движений²⁴¹. Власти мусульманских государств призывают на обязательную армейскую службу больший по сравнению с другими странами процент граждан²⁴². Мусульманские группировки занимают две трети списка иностранных террористических организаций, составленного Госдепартаментом США, а в 2008 г. кровавая жатва суннитских террористов составила почти две трети от числа жертв терактов, чьих исполнителей можно точно установить²⁴³.

Вопреки мировой тенденции к распространению демократии лишь в четверти исламских государств имеются выборные правительства, да и эти страны трудно назвать настоящими демократиями²⁴⁴. Их лидеры получают на выборах абсурдно высокий процент голосов и злоупотребляют властью, бросая оппонентов в тюрьмы, запрещая оппозицию, распуская парламент и отменяя выборы²⁴⁵. И дело не в том, что мусульманские страны больше подвержены риску превратиться в автократию потому, что они больше, беднее и располагают запасами нефти. Даже в регрессионном анализе, который уравнивает эти факторы, в странах, где доля мусульманского населения выше, гражданских прав у населения меньше²⁴⁶. Очевидно, что вопрос о политических правах — а именно возможность открыто говорить, писать и собираться, не подвергая себя опасности тюремного заключения, — это в большой мере вопрос насилия.

Кажется, что законы и обычаи многих мусульманских государств не испытали влияния Гуманитарной революции. По данным «Эмнести Интернешнл», практически в трех из четырех мусульманских стран применяется смертная казнь (в немусульманском мире — в одной из трех стран) и во многих приняты жестокие наказания вроде побивания камнями, ослепления, клеймения, отрезания языка, ампутации рук и даже распятия²⁴⁷. Ежегодно больше 100 млн девочек в исламских странах подвергаются уродованию гениталий, а когда они вырастут, их могут облить кислотой или даже убить, если они не угодят отцу, братьям или мужу, за которого были выданы замуж насильно²⁴⁸. Эти страны последними запретили рабство (Саудовская Аравия — в 1962 г., Мавритания — в 1980-м), и именно в

странах ислама людей чаще всего похищают и обращают в рабство²⁴⁹. Во многих мусульманских странах колдовство не просто называют преступлением — за него до сих пор могут осудить. Например, в 2009 г. в Саудовской Аравии судили мужчину, у которого полиция изъяла рекламный проспект на языке его родной Эритреи: незнакомые буквы полицейские посчитали оккультными символами. Подсудимого приговорили к 300 ударам плетью и трехлетнему тюремному заключению²⁵⁰.

Насилие в исламском мире санкционировано не только религиозными предрассудками, но и усердно культивируемой культурой чести. Политологи Халед Фаттах и Карин Мария Фирке описали, как «дискурс оскорбления» пронизывает идеологию исламистских организаций²⁵¹. Детальное перечисление обид, оскорбляющих ислам, — Крестовые походы, история западной колонизации, существование Израиля, присутствие американских войск на арабской земле, отсталость исламских стран — используется для оправдания огульного возмездия «виновной» цивилизации в целом и каждому ее представителю в отдельности, а также мусульманским лидерам неудовлетворительной идеологической чистоты. Радикальные ветви ислама придерживаются классически геноцидной идеологии: история видится им жестокой борьбой, которая завершится славной победой над неисправимо порочным классом людей. Разглагольствуя о тысячелетнем катаклизме, который разрешится утопией, спикеры «Аль-Каиды», ХАМАС, «Хезболлы» и иранского режима демонизировали всех своих врагов (сионистов, неверных, крестоносцев, политеистов) и оправдывали убийства целых категорий людей — евреев, американцев и тех, кто, по их мнению, оскорбляет ислам²⁵².

Историк Бернард Льюис не единственный вопрошал: «Что же пошло не так?»^[80]. В 2002 г. группа арабских ученых при содействии ООН опубликовала беспристрастный «Доклад о развитии человеческого потенциала в арабских странах», подчеркнув, что он «написан арабами для арабов»²⁵³. Авторы подтвердили, что арабские страны страдают от политических репрессий, экономической отсталости, дискриминации женщин, неграмотности и самоизоляции. Ко времени публикации доклада весь арабский мир экспортировал меньше промышленных товаров, чем Филиппины, качество интернета там было хуже, чем в Центральной Африке, патентов регистрировалось в 50 раз меньше, чем в одной только Южной Корее, а книг на арабский язык переводилось в пять раз меньше, чем на греческий²⁵⁴.

Так было не всегда. В Средние века исламская цивилизация была, бесспорно, более утонченной и развитой по сравнению с христианской. Пока европейцы использовали свои таланты для изобретения пыточных инструментов, мусульмане сохраняли классическую греческую культуру, впитывали знания индийской и китайской цивилизаций и развивали астрономию, архитектуру, картографию, медицину, химию, физику и математику. Символом той эпохи и по сей день остаются арабские цифры (позаимствованные в Индии), а также многие слова и понятия: алкоголь, алгебра, алхимия, азимут, алгоритм и др. Когда Запад начал обгонять мусульманский мир в науках, он все еще отставал в правах человека. Льюис замечает:

В большинстве тестов на толерантность ислам, в теории и на практике, не выдерживает сравнения с западными демократиями, так как за последние два или три столетия они ушли далеко вперед, однако ислам очень выигрывает в сравнении с большинством других христианских и

постхристианских обществ и режимов. В истории ислама нет ничего похожего на эмансипацию, принятие и интеграцию верующих и неверующих на Западе, но зато в истории ислама нет и ничего подобного испанской инквизиции, изгнанию евреев и мусульман, аутодафе, религиозным войнам, не говоря уж о недавних преступлениях попустительства и молчаливого пособничества²⁵⁵.

Почему ислам уступил лидерство и не пережил свой Век разума, эпоху Просвещения и Гуманитарную революцию? Некоторые историки винят в этом агрессивные высказывания Корана, но по сравнению с нашими восхваляющими геноцид священными книгами в Коране нет ничего такого, что нельзя было бы скорректировать умелым комментарием или ссылкой на изменившиеся нормы.

Льюис в качестве причины указывает на исторически сложившееся слияние церкви и государства. Мухаммед был не только духовным лидером, но и политическим и военным руководителем, и лишь недавно некоторые исламские государства начали вникать в концепцию отделения религиозного от светского. Идеи, которые могли бы внести вклад в гуманизацию мусульманского общества, не проходили религиозные фильтры, и возможности для их восприятия и комбинирования были утрачены. Льюис обращает внимание на то, что в прошлом с классического греческого на арабский переводились работы философов и математиков, но не поэзия, художественные и исторические книги. Мусульмане хранят богатую историю своей цивилизации, но не проявляют интереса к азиатским, африканским и европейским соседям и собственным предкам-язычникам. Османские наследники классической исламской цивилизации не принимали механические часы, европейские единицы измерения, экспериментальную науку, современную философию, финансовые инструменты капитализма,

художественную литературу других культур и — что, наверное, важнее всего — печатный пресс. (Книгопечатание считалось святотатством.)²⁵⁶ Гуманитарную революцию в Европе ускорили грамотность и космополитизм — они расширили круг эмпатии и создали рынок идей, из которого возник либеральный гуманизм. Возможно, тяжелая рука религии перекрыла поток идей в центры исламской цивилизации, оставив ее на сравнительно нелиберальной ступени развития. Неслучайно в 2010 г. власти Ирана ограничили количество студентов, обучающихся гуманитарным специальностям: по мнению аятоллы Хаменеи, это «развивает скептицизм и сеет сомнения в религиозных принципах»²⁵⁷.

Каковы бы ни были исторические причины, глубокая пропасть разделяет сегодня западную и исламскую культуру. Как считает политолог Сэмюэл Хантингтон, это привело нас к новой эре мировой истории — эре столкновения цивилизаций: «Великая историческая линия разлома между цивилизациями Евразии опять объята пламенем. Это особенно заметно вдоль границ исламского блока наций, который полумесяцем протянулся от Африки до Центральной Азии. Мусульмане враждуют с православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме и католиками на Филиппинах. Границы исламского мира кровавы»^[81]²⁵⁸.

Хотя драматический взгляд на столкновение цивилизаций обрел популярность среди ученых мужей, мало кто из исследователей международных отношений воспринимает теорию Хантингтона всерьез. Слишком уж много конфликтов случается внутри мусульманских государств и между ними

(например, война Ирака с Ираном в 1980-х и вторжение в Кувейт в 1990-м) и слишком много — внутри немусульманских государств и между ними, чтобы линия исторического разлома адекватно отражала распределение насилия в современном мире. К тому же, как подчеркивают Нильс Питер Гледич и Хальвард Бухауг, несмотря на то что доля вооруженных конфликтов с участием мусульманских стран и группировок в последние два десятилетия возросла (с 20% до 38%), число их не стало больше. Как видно на рис. 6–12, число конфликтов в странах ислама держится на прежнем уровне, просто остальной мир стал более миролюбив — этот феномен я называю Новым миром.

Важно подчеркнуть, что концепция «исламской цивилизации» оказывает медвежью услугу миллиарду с лишним мужчин и женщин, живущих в таких разных странах, как Мали, Нигерия, Марокко, Турция, Саудовская Аравия, Бангладеш и Индонезия. Мусульманский мир разделен не только на страны, есть и более важный водораздел: западная публика формирует свое мнение о мусульманах, ориентируясь на два сомнительных образа — на фанатиков, привлекающих внимание прессы своими фетвами и джихадами, и на богатеющих на нефти автократов. Убеждения молчаливого (часто вынужденно молчаливого) большинства почти не влияют на эти стереотипы. Возможно ли, чтобы волна либерализации, прокатившаяся по миру в последние десятилетия, не затронула миллиард триста тысяч мусульман?

РИС. 6–12. Конфликты с участием мусульман и мировые конфликты, 1990–2006 гг.

Источник: Data from Gleditsch, 2008. Под «конфликтами с участием мусульман» подразумеваются конфликты с участием мусульманских стран и/или исламских оппозиционных движений. Хальвард Бухаут опирался на данные UCDP/PRIО и свою собственную классификацию конфликтов

Ответ можно найти в масштабном опросе общественного мнения, проведенном Институтом Гэллапа между 2001 и 2007 гг. в 35 странах, в которых живет 90% всех мусульман мира²⁵⁹. Результаты опроса подтверждают, что большинство исламских государств вряд ли в ближайшее время станут светскими либеральными демократиями. Мусульмане Египта, Пакистана, Иордании и Бангладеш ответили интервьюерам, что шариат (принципы, лежащие в основе законов ислама) должен быть единственной основой законодательства в их странах, а большинство жителей прочих стран полагают, что он должен быть по крайней мере одной из основ. Точно так же большинство американцев верят, что Библия должна быть одной из основ законодательства, но вряд ли они имеют в виду, что людей, работающих в воскресенье, нужно забивать камнями. Религия держится на неясных аллегориях, эмоциональной приверженности текстам, которые никто не читает, и на других формах безобидного лицемерия. Как и верность американцев Библии, преданность большинства мусульман шариату скорее символ их связи с моральными устоями и принадлежности к

культуре, чем буквальное желание видеть, как казнят прелюбодеев. В жизни истолкование положений шариата в сторону смягчения часто одолевает суровый фундаменталистский смысл. (Нигерийских женщин, например, никогда не казнили.) Наверное, это возможно потому, что большинство мусульман не видят противоречий между шариатом и демократией. И действительно, несмотря на провозглашаемую верность идеям шариата, подавляющее большинство мусульман считает, что религиозные лидеры не должны активно участвовать в составлении конституции страны.

Хотя очень многие мусульмане испытывают недоверие к США, это недоверие не обязательно отражает негативное отношение к Западу и принципам демократии. Зачастую мусульмане считают, что США *не желают* распространения демократии в мусульманском мире, и в этом есть смысл: США, что ни говори, поддерживали автократические режимы в Египте, Иордании, Кувейте и Саудовской Аравии, не признали победу ХАМАС на выборах на палестинских территориях, а в 1953 г. помогли лишить власти в Иране демократически избранного Мохаммеда Моссадыка. К Франции и Германии отношение мусульман более дружелюбное: от 20% до 40% опрошенных сообщают, что восхищаются «честной политической системой, уважением к человеческим ценностям, свободой и равенством» западной культуры. Более 90% хотели бы гарантий свободы слова в собственных конституциях, и значительное число респондентов поддерживает свободу вероисповедания и собраний. Львиная доля респондентов во всех крупных мусульманских странах сказали, что женщинам нужно позволить голосовать без вмешательства мужчин, работать на любой

работе, иметь равные с мужчинами права и занимать высшие посты в правительстве. Мусульманский мир в большинстве своем отвергает насилие, творимое «Аль-Каидой». Только 7% респондентов одобрили теракт 9/11, и это было еще до 2007 г., когда популярность «Аль-Каиды» резко упала.

Но разве призывы к политическому насилию не продолжают? Команда Мэрилендского университета исследовала цели 102 мусульманских организаций Северной Африки и Ближнего Востока и обнаружила, что между 1985 и 2004 гг. доля организаций, поддерживающих насилие, упала с 54 до 14%²⁶⁰. Доля избравших ненасильственный протест выросла в три раза, а число организаций, принимающих участие в предвыборной борьбе, удвоилось. Эти изменения помогли уменьшить число погибших от терроризма (рис. 6–11), что можно отследить и по новостям, где сообщения о терактах в Египте и Алжире появляются гораздо реже, чем несколько лет назад.

Исламская изоляция ослабляется воздействием либеральных сил: независимыми информационными агентствами типа «Аль-Джазиры», кампусами американских университетов в странах Залива, распространением интернета, в том числе социальных сетей, соблазнами глобальной экономики, а еще — движением за права женщин, отражающим подавленный внутренний спрос, поддержанный негосударственными организациями и западными единомышленниками. Возможно, консервативные идеологии устоят перед этими силами и обрекут мусульманский мир на вечное прозябание в Средневековье. Но скорее всего, этого не произойдет.

В начале 2011 г., когда эта книга готовилась к печати, растущий протест привел к смещению

лидеров Египта и Туниса и угрожал режимам Иордании, Бахрейна, Ливии, Сирии и Йемена. Делать прогнозы рано, но практически все эти протесты были ненасильственными и неисламистскими, их вдохновляли мечты о демократии, достойном правлении и экономической жизнеспособности, а не желание глобального джихада, установления халифата или смерти неверных. Возможно, даже этот ветер перемен не помешает исламским тиранам или радикальным революционным группировкам втянуть нежелающее того население в катастрофическую войну. Но более вероятным кажется, что «грядущая война с исламом» никогда не грянет. Страны ислама вряд ли объединятся, чтобы бросить вызов Западу: они слишком разные, и враждебность Западу не сплотит их. Одни — Турция, Индонезия и Малайзия — прочно встали на путь либеральной демократии. Другим суждено остаться под управлением «сукиных сынов», но это будут «наши сукины сыны». Третьи попытаются с грехом пополам воплотить в жизнь оксюморон шариатской демократии. И ни одна не возьмет на вооружение идеологию «Аль-Каиды». С учетом сказанного выше Новому миру грозят только три реальные опасности: ядерный терроризм, иранский режим и изменения климата.

Хотя обычный терроризм, как однажды сказал Джон Керри, представляет собой скорее неприятность, чем угрозу самой ткани жизни, терроризм, оснащенный оружием массового поражения, — это совсем другое дело. Терракт, жертвами которого станут миллионы, не только возможен теоретически — это согласуется со статистическими трендами терроризма. Ученые-информатики Аарон Клозе, Максвелл Янг и политолог

Кристиан Гледич, поместив данные о числе погибших в результате 11 000 террористических атак на логарифмической шкале, увидели, что они образуют практически прямую линию²⁶¹. Террористические атаки распределяются по степенному закону, а это значит, что они генерируются механизмами, которые делают экстремальные события практически (но не полностью) невероятными.

Исследователи предложили простую модель, чем-то похожую на ту, что мы с Жаном-Батистом Мишелем предложили для войн, используя несложный подход — комбинацию экспоненциальных функций. С увеличением времени, затраченного на подготовку теракта, число жертв теракта растет экспоненциально: заговор, подготовка которого требует в два раза больше времени, может убить, скажем, в четыре раза больше людей. Атака террориста-смертника, которую можно подготовить за несколько дней или недель, обычно убивает не больше десятка человек. Взрывы бомб в Мадриде в 2004 г., когда погибло около 200 человек, готовились шесть месяцев, а теракт 9/11, унесший 3000 жизней, — два года²⁶².

Но время работает против террористов: каждый день подготовки и планирования повышает вероятность поимки, срыва заговора или предательства. Если эта вероятность постоянная, длительность заговора будет распределена экспоненциально. (Кронин показала, что террористические организации мрут как мухи, подчиняясь экспоненциальному закону.) Комбинируя экспоненциально растущую угрозу с экспоненциально сокращающимися шансами на успех, мы получаем степенное распределение с его на удивление толстым хвостом. Учитывая, что в реальности существуют

оружие массового поражения и религиозные фанатики, готовые ради высшей цели совершать ужасные преступления, длительное время подготавливаемый заговор, который выльется в чудовищное количество смертей, не выходит за рамки возможного.

Статистическая модель — это, конечно, не магический кристалл прорицателя. Даже если мы могли бы экстраполировать линию существующих точек данных, масштабные террористические атаки в хвосте распределения тем не менее почти (хотя и не абсолютно) невероятны. Более того, экстраполировать данные мы не можем. С приближением к хвосту степенного распределения точки данных начинают давать сбои, рассеиваясь вокруг линии или смещая ее к крайне низким вероятностям. Статистический диапазон урона, причиняемого терроризмом, напоминает, что мы должны учитывать и наихудшие сценарии, но ничего не говорит нам об их вероятности.

Давайте подумаем. Какова, по вашему мнению, вероятность того, что в следующие пять лет осуществится каждый из следующих сценариев: 1) глава государства одной из развитых стран погибнет от руки наемного убийцы; 2) в теракте или в ходе военных действий будет взорвана атомная бомба; 3) Венесуэла и Куба объединятся и спонсируют марксистские повстанческие движения в одной или нескольких странах Латинской Америки; 4) Иран передаст ядерную бомбу террористической группировке, которая применит его против Израиля или США; 5) Франция откажется от ядерного оружия? Я разместил 15 похожих сценариев на одном интернет-ресурсе и попросил пользователей (177 человек) оценить вероятность каждого. Медианная

оценка вероятности взрыва ядерной бомбы (сценарий 2) оказалась равной 0,20; вероятность, что террористическая группа получит бомбу от Ирана и взорвет ее в США или Израиле (сценарий 4) опрошенные оценили в 0,25. Около половины респондентов решили, что сценарий 4 более вероятен, чем сценарий 2, — и допустили грубую ошибку в вычислении вероятностей. Вероятность совмещения событий (случается и событие А, и событие Б) не может быть выше вероятности, что случится только одно или другое. Вероятность, что вы вытащите из колоды именно валета и именно красной масти, не может быть выше вероятности, что вы вытащите хоть какого-нибудь валета, учитывая, что в колоде есть еще и черные масти.

Тверски и Канеман показали, что такую же ошибку делают очень многие, в том числе сами статистики²⁶³. Представьте себе Билла: ему 34 года, он образован, но лишен воображения, обязателен и довольно скучен. В школе ему хорошо давалась математика, в искусствах и гуманитарных науках он не преуспевал. Каковы шансы, что Билл играет на саксофоне? А каковы шансы, что он бухгалтер, который играет на саксофоне? Многие считают более вероятной вторую возможность, но это же абсурд! В мире явно меньше бухгалтеров, играющих на саксофоне, чем просто саксофонистов. Рассуждая о вероятностях, люди полагаются на воображение, а не на законы математики. Билл попадает под стереотип бухгалтера, а не саксофониста, и наша интуиция следует за стереотипом.

Ошибке конъюнкции, как называют ее психологи, подвержены разные виды рассуждений^[82]. Присяжных легче убедить в виновности

подозреваемого, если сказать им, что нечистый на руку бизнесмен убил своего работника, чтобы тот не выдал его полиции, чем если просто проинформировать их о факте убийства. (Адвокаты в суде всю используют эту ошибку, добавляя дополнительные детали к сценарию, чтобы сделать его выразительнее, хотя каждая дополнительная деталь, математически говоря, делает сценарий менее вероятным.) Даже профессиональные аналитики выше оценивают вероятность неправдоподобных сценариев, если сопроводить их правдоподобной причиной (цены на нефть вырастут, что приведет к падению спроса), чем вероятность того же самого сценария, поданного отдельно (спрос на нефть снизится)²⁶⁴. Люди готовы платить больше за страховку авиаполета от случаев терроризма, чем за страховку полета от всех страховых случаев²⁶⁵.

Уже понятно, к чему я веду. Воображение с легкостью проигрывает перед нашим внутренним взором фильм о том, как исламистская группировка покупает бомбу на черном рынке или получает ее от государства-изгоя, а затем взрывает в густонаселенном районе. Если одного воображения недостаточно, есть индустрия развлечений, с удовольствием снимающая драмы про ядерный терроризм: «Правдивая ложь», «Цена страха», «24 часа». Сюжет так захватывает, что мы оцениваем его вероятность гораздо выше, чем если бы представили себе все события, которые должны произойти, чтобы сделать подобную катастрофу возможной, и перемножили их вероятности. Поэтому столь большой процент опрошенных рассудил, что вероятность ядерного теракта, спонсированного Ираном, выше, чем ядерного теракта как отдельного факта. Дело не в том, что ядерный терроризм невозможен или

абсолютно невероятен. А только в том, что вероятности, приписываемые ему всеми, кроме профессиональных риск-аналитиков, неправдоподобно высоки.

Что я имею в виду, говоря «неправдоподобно»? Например, оценки «определенно» и «скорее да, чем нет». В 1974 г. физик Теодор Тейлор заявил, что к 1990 г. будет уже слишком поздно пытаться сдерживать ядерный терроризм²⁶⁶. В 1995 г. выдающийся борец с угрозой ядерного терроризма Грэхам Эллисон написал, что в сложившихся обстоятельствах ядерная атака на американские цели, скорее всего, случится до конца десятилетия²⁶⁷. В 1998 г. эксперт по контртеррористической деятельности Ричард Фалькенрат написал, что «нет никаких сомнений, что возможность обретения и использования ядерного, биологического и химического оружия будет доступна все большему числу негосударственных факторов»²⁶⁸. В 2003 г. представитель США в ООН Джон Негропonte полагал, что существует «высокая вероятность» применения оружия массового уничтожения в ближайшие два года. А в 2007 г. физик Ричард Гарвин оценил рост вероятности ядерной террористической атаки 20% в год, что к 2010 г. составит около 50%, а за десять лет должно дойти до 90%²⁶⁹.

Подобно составителям прогнозов погоды для телевидения, ученые мужи, политики и специалисты по противодействию терроризму склонны преувеличивать вероятность худшего сценария, и на то у них есть причины. Пугать правительства, чтобы те принимали дополнительные меры по охране оружия и расщепляющихся материалов и контролировали террористические группы, которым может прийти в голову заполучить их, — тактика,

безусловно, предусмотрительная. Переоценивать риск безопаснее, чем недооценивать его, но только до некоторого уровня, доказательство чему — дорогостоящее вторжение в Ирак в поисках несуществующего оружия массового уничтожения. Оказалось, что несбывшиеся пророчества кошмаров не вредят профессиональной репутации экспертов, а вот рискнуть и дать прогноз «безоблачно», чтобы потом закончить карьеру, когда тебе в физиономию запустят радиоактивным яйцом, не готов почти никто²⁷⁰.

Ряд аналитиков — Мюллер, Джон Парачини и Майкл Леви — все же рискнули изучить сценарии бедствия последовательно, компонент за компонентом²⁷¹. Начать с того, что из четырех видов оружия массового поражения три — гораздо менее разрушительны, чем старые добрые взрывчатые вещества²⁷². Радиационные, или «грязные», бомбы (обычные взрывчатые вещества, упакованные в радиоактивные материалы, которые можно добыть, например, из медицинских отходов) вызовут небольшой и краткосрочный подъем радиации, сравнимый с подъемом на высокогорье. Боевые химические вещества, если только они не применяются в закрытых пространствах вроде метро (и даже там урон от них меньше, чем от обычной взрывчатки), быстро рассеиваются, уносятся ветром и разлагаются под воздействием солнечных лучей. (Напомню, что в Первую мировую от отравляющих газов погибло совсем немного людей.) Биологическое оружие, способное вызывать эпидемии, было бы неприемлемо дорогим в производстве и применении, причем неумелые любители, пытающиеся его создать, поставили бы под удар прежде всего самих себя. Неудивительно, что биологическое и химическое

оружие, хоть оно и доступнее атомного, использовалось в терактах только трижды за 30 лет²⁷³. В 1984 г. члены секты Раджниша заразили салат-бары в ресторанах Орегона сальмонеллой, из-за чего заболел 751 человек (никто из них не умер). В 1990 г. «Тамильские тигры», атакуя укрепление, открыли несколько емкостей с хлором, которые нашли на бумажной фабрике неподалеку. От этой атаки пострадали 60 человек, и на этот раз никто не погиб, после чего облако хлора накрыло самих «Тигров» и убедило их никогда больше так не делать. Японская секта «Аум Синрикё», до того как пустить в токийском метро боевой газ зарин, убивший 12 человек, предприняла десять безуспешных попыток применить биологическое оружие. Четвертый случай — рассылка конвертов со спорами сибирской язвы в 2001 г., в результате чего погибло пять американцев, оказался скорее серией беспорядочных убийств, чем террористической атакой.

По-настоящему оружием массового поражения следует называть только ядерное оружие. Мюллер и Парачини, проверив множество сообщений о том, что террористы подобрались «очень близко» к обладанию ядерной бомбой, обнаружили, что все это было выдумкой. Сообщения о заинтересованности дельцов черных рынков в приобретении бомбы превращались в сообщения о реальных переговорах, наброски — в детальные планы, а неубедительные улики (вроде алюминиевых трубок, закупленных в 2001 г. Ираком) — в доказательство успехов иранской ядерной программы.

Каждый из этих следов, которые теоретически могут привести к ядерному терроризму, при тщательном расследовании оказывается чередой

невероятных событий. Возможно, какое-то время существовало окно уязвимости в хранении ядерного оружия в России, но сегодня большинство экспертов соглашаются, что это окно закрыто и что никакая пропавшая бомба не попала на ядерный рынок. Стивен Янгер, бывший руководитель программы по изучению ядерного оружия в Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, сказал: «Несмотря на то что болтают в новостях, все ядерные державы весьма серьезно относятся к охране своих боеприпасов»²⁷⁴. Россия не хочет, чтобы бомба попала в руки чеченцев или других сепаратистов, а Пакистан так же тщательно охраняет свою ядерную бомбу от заклятого врага «Аль-Каиды». К тому же, что бы там ни говорили, эксперты по безопасности считают, что шансы правительства и высшего военного руководства Пакистана попасть под контроль исламских экстремистов практически равны нулю²⁷⁵. Ядерное оружие оснащено комплексными механизмами блокировки для предотвращения несанкционированного взрыва, а если не хранить боеголовки должным образом, они превращаются в радиоактивный металлолом²⁷⁶. Поэтому Саммит по ядерной безопасности, созданный Бараком Обамой в 2010 г. для выработки мер по предотвращению ядерного терроризма, призвал 47 стран-участниц контролировать не только готовое оружие, но и расщепляемые материалы — плутоний и обогащенный уран.

Опасность кражи расщепляемых материалов реальна, и меры на саммите рекомендовались здравые, разумные и давно назревшие. Но не стоит увлекаться фантазиями о бомбе, собранной в гараже, и думать, что такое развитие событий неизбежно или хотя бы высоко вероятно. Уже принимаются меры,

которые усложнят кражу и контрабанду расщепляемых материалов, а случись вдруг такая пропажа, охоту на преступника начнут агентства безопасности всех стран мира. Производство действующего ядерного оружия требует точного оборудования и недоступных любителям технологий. Комиссия Гилмора, консультирующая президента и Конгресс США по вопросам терроризма с использованием оружия массового поражения, назвала задачу «сверхсложной», а Эллисон описал ядерную бомбу как «массивную, громоздкую, небезопасную, ненадежную, непредсказуемую и неэффективную»²⁷⁷. Более того, злоумышленников, пытающихся разжиться материалами, экспертами и оборудованием, подстерегает опасность обнаружения, предательств, ловушек, оплошностей и неудач. В книге «О ядерном терроризме» (On Nuclear Terrorism) Майкл Леви перечислил все обстоятельства, которые должны сложиться нужным образом, чтобы террористам удалось взорвать ядерную бомбу, и подытожил: «Закон Мерфи применительно к ядерному терроризму должен звучать следующим образом: все, что способно пойти не так, возможно, пойдет не так»²⁷⁸. Всего на пути ядерного терроризма Мюллер насчитал 20 препятствий и заметил, что, даже если шансы террористической группы преодолеть каждое из них равны 50 из 100, совокупная вероятность успеха составляет один шанс на миллион. Майкл Леви ограничивает диапазон с другой стороны, вычислив, что, даже если процесс будет осложнен десятью препятствиями и вероятность прохождения каждого будет равна 80%, совокупная вероятность успеха ядерных террористов равна одному шансу из десяти. Так что вряд ли мы пострадаем от ядерного терроризма. Террористическая группа, взвешивающая

свои шансы, даже полагаясь на самую оптимистическую оценку, скорее всего, решит посвятить себя проектам с более высокой вероятностью успеха. Повторюсь, это не значит, что ядерный терроризм невозможен, а лишь то, что он, вопреки утверждениям многих, не является неминуемым, неизбежным и в высокой степени вероятным.

Если верить нынешним прогнозам, то в момент, когда вы читаете мою книгу, Новый мир уже сотрясают взрывы большой войны с Ираном, возможно ядерной. Пока я пишу эти строки, напряжение вокруг ядерной программы Ирана нарастает. Иран обогащает достаточно урана, чтобы создать ядерный арсенал, и отвергает требования международного сообщества допустить инспекторов и подчиниться другим положениям Договора о нераспространении ядерного оружия. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад насмехается над западными лидерами, поддерживает террористические группировки, обвиняет США в спекуляциях на атаке 9/11, отрицает Холокост, призывает «стереть Израиль с карты» и молится о пришествии Двенадцатого Имама, мусульманского Спасителя, который провозгласит век мира и справедливости[83]. Если верить некоторым шиитским интерпретациям ислама, мессия появится только после того, как весь мир погрузится в войну и хаос.

Все это, мягко говоря, смущает, и многие авторы приходят к выводу, что Ахмадинежад — второй Гитлер, который вскоре создаст ядерное оружие и атакует Израиль или же передаст бомбу группировке «Хезболла», уступив ей эту честь. Менее

катастрофические сценарии предсказывают, что ядерный Иран будет шантажировать весь Ближний Восток, заставляя его подчиниться своей гегемонии. Эта перспектива может не оставить Израилю или США другого выбора, кроме превентивного удара по иранским ядерным объектам, даже если это выльется в годы террористических атак и военных действий. В 2009 г. колонка редактора *The Washington Times* гласила: «Война с Ираном теперь неизбежна. Единственный вопрос, насколько она близка?»²⁷⁹

Леденящий душу сценарий ядерной атаки иранских фанатиков действительно возможен. Но неизбежен ли он или только весьма вероятен? Нужно ни в грош не ставить Ахмадинежада и очень цинично оценивать его мотивы, чтобы представить себе менее кошмарный образ будущего. Джон Мюллер, Томас Шеллинг и другие международные аналитики проделали это за нас и решили, что иранская ядерная программа — это еще не конец света²⁸⁰.

Иран подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, и Ахмадинежад постоянно повторяет, что цель иранской ядерной программы — исключительно энергетика и медицинские исследования. В 2005 г. верховный руководитель Ирана Али Хаменеи (власть которого была выше власти Ахмадинежада) выпустил фетву, в которой заявил, что ядерное оружие запрещено исламом²⁸¹. Если Иран все-таки разработает ядерную бомбу, это будет не первый случай в истории, когда национальные лидеры лгали, скрестив за спиной пальцы. Но, загнав себя в угол, они рискуют потерять всякий кредит доверия в глазах мира (в том числе доверие великих держав, от которых зависят: России,

Китая, Турции и Бразилии). Такая перспектива может как минимум заставить их притормозить.

То, что Ахмадинежад мечтает о пришествии Двенадцатого Имама, еще не значит, что он планирует поторопить его приход с помощью ядерного холокоста. Две даты, на которые эксперты с уверенностью прогнозировали этот апокалипсис (2007 и 2009 гг.), уже миновали²⁸². А вот как сам Ахмадинежад в 2009 г. объяснил, во что он верит, в интервью корреспонденту NBC Энн Керри:

Керри: Вы сказали, что верите, что его прибытие, апокалипсис, случится уже при вашей жизни. Как вы думаете, что вам нужно сделать, чтобы приблизить его появление?

Ахмадинежад: Я никогда такого не говорил... Я говорил о мире... То, что было сказано об апокалиптической войне — глобальной войне и тому подобных вещах, — так это говорят сионисты. Имам принесет нам здравый смысл, науку и культуру. Он придет, чтобы остановить войны. Не будет больше вражды, ненависти, конфликтов. Он призвет всех к братской любви. Конечно, он вернется с Иисусом Христом. Они придут вместе. И, работая вместе, они наполнят этот мир любовью. Сплетни о масштабной войне, апокалиптической войне и так далее и тому подобное — это все ложь²⁸³.

Как еврей-атеист я должен сказать, что нахожу эти соображения весьма обнадеживающими. Они не слишком отличаются от тех, которых придерживаются христиане, на самом деле они даже мягче, потому что многие христиане верят в апокалиптическую войну и фантазируют о ней в популярных романах. А по поводу фразы, которая была переведена как «стереть Израиль с карты», Этан Броннер, журналист *The New York Times*, консультировался с переводчиками с персидского и аналитиками риторики иранского правительства, чтобы выяснить значение фразы в контексте, и все они в один голос утверждают, что Ахмадинежад мечтал о смене режима когда-нибудь в будущем, а не геноциде со дня на день²⁸⁴. Высокопарные изречения иностранных лидеров не

впервые переводятся неверно, что заставляет вспомнить слова Хрущева: «Мы вас еще похороним», которые, как оказалось, означали «переживем», а не «загоним в могилу».

Существует более расчетливое объяснение поведения Ирана. В 2002 г. Джордж Буш-мл. назвал Ирак, Северную Корею и Иран «осью зла», вторгся в Ирак и сместил правительство страны. Северокорейские лидеры восприняли это как сигнал и быстро нарастили ядерную мощь, которая (как они наверняка считали) положит конец всяким разговорам о том, что США нападет и на них. Вскоре после этого и Иран поставил свою ядерную программу на ускоренные рельсы, намереваясь создать достаточно неопределенности (обладает ли страна ядерным оружием или может его быстро собрать), чтобы подавить любые мысли «великого Сатаны» о вторжении.

Но даже если Иран действительно станет ядерной державой, скорее всего, ничего особенного не случится. Как показывает история XX в., единственное реальное применение ядерного оружия — сдерживание противника, угрожающего полным уничтожением; вот почему неядерные страны осмеливаются бросать вызов ядерным державам. Последние примеры распространения ядерного оружия это подтверждают. В 2004 г. все думали, что если Северная Корея обретет ядерные заряды, то уже к концу десятилетия она поделится ими с террористами и развяжет ядерную гонку с Южной Кореей, Японией и Тайванем²⁸⁵. Северная Корея обзавелась ядерным потенциалом, десятилетие закончилось, и ничего не случилось. Да и вряд ли какая-нибудь страна передаст ядерное оружие опасным психам из террористических

групп, потеряв контроль над использованием бомбы и поставив себя под угрозу последствий ее применения²⁸⁶.

Ирану же, прежде чем решиться сбросить бомбу на Израиль (или якобы случайно допустить его утечку в руки «Хезболлы») без всякой выгоды для себя, придется принять во внимание высокую вероятность ядерного ответа со стороны вспыльчивых израильских военачальников и вторжения коалиции великих держав, разъяренных нарушением ядерного табу. Конечно, тегеранский режим одиозен и во многом иррационален, но я не думаю, что его верхушка настолько не заботится о сохранении своей власти, чтобы решить уничтожить самих себя в погоне за высшей справедливостью для радиоактивной Палестины или ради скорейшего появления Двенадцатого Имама — с Иисусом или без него. Томас Шеллинг в речи при вручении ему Нобелевской премии спрашивал: «Чего может добиться Иран своими ядерными боеголовками, кроме разрушения собственной системы? Ядерное оружие слишком ценное, чтобы раздавать его направо и налево или продавать, слишком дорогое, чтобы тратить его на убийство людей, когда, размахивая ядерной дубинкой, можно заставить США, Россию или любую другую страну колебаться, решая, применять ли против Ирана военную силу»²⁸⁷.

Рассуждение о более оптимистичных сценариях кажется небезопасным, но опасность тут подстерегает с обеих сторон. Осенью 2002 г. Джордж Буш предупредил страну: «Америка не должна игнорировать сгустившуюся над нами угрозу. При виде явных свидетельств опасности мы не можем дожидаться окончательного доказательства —

дымящегося ствола, которое явится в виде ядерного гриба». «Явные свидетельства» заставили Америку ввязаться в войну, которая стоила больше 100 000 жизней и почти триллион долларов и не сделала мир безопаснее. Самонадеянная уверенность, что Иран готовится использовать ядерное оружие (несмотря на 65 лет авторитетных предсказаний неизбежной катастрофы, которые постоянно оказывались ложными), может привести к еще более дорогостоящим авантюрам.

Сегодня у людей на уме другой печальный сценарий. Температура на планете растет, что через несколько десятков лет может привести к подъему уровня мирового океана, опустыниванию и засухам в одних регионах, наводнениям и ураганам — в других. Экономики стран будут разрушены, начнется конкуренция за ресурсы. Население потянется прочь из бедствующих регионов, по пути приходя в столкновение с негостеприимными местными жителями. В 2007 г. статья в *The New York Times* предупреждала: «Изменения климата могут угрожать международной безопасности больше, чем гонка вооружений между США и СССР во время холодной войны или распространение ядерного оружия в государствах-изгоях сегодня, а контролю он поддается хуже»²⁸⁸. В том же году Эл Гор и Межправительственная комиссия по проблемам климатических изменений получили Нобелевскую премию мира за призыв к действиям против глобального потепления, потому что, как было сказано, изменения климата представляют угрозу международной безопасности. Растущие опасения взбудоражили всех. Называя глобальное потепление

«фактором наращивания нестабильности», группа американских военных писала, что «изменения климата создадут условия, которые приведут к широкомасштабной войне с терроризмом»²⁸⁹.

И снова мне кажется, что приемлемым ответом на все эти страхи было бы «может, да, а может, и нет». Хотя климатические изменения могут принести множество бедствий и уже поэтому стоит попытаться их минимизировать, они не обязательно приведут к вооруженному конфликту. Наблюдающие за динамикой войны и мира политологи —Хальвард Бухауг, Идеан Салехьян, Оле Тейсен и Нильс Гледич — скептически относятся к популярной идее, что люди воюют за ограниченные ресурсы²⁹⁰. Голод и нехватка ресурсов трагически постоянны в странах Центральной и Южной Африки, таких как Малави, Замбия и Танзания, но в войнах они не участвуют. Ураганы, потопаы, засухи и цунами (такие, как чудовищный катаклизм в Индийском океане в 2004 г.), как правило, не вызывают вооруженных конфликтов. В 1930-х гг. Пыльный котел^[84] принес американцам много лишений, но не гражданскую войну. И хотя температуры в Африке в последние 15 лет стабильно растут, число гражданских войн и погибших в них падает. Да, конкуренция за землю и воду может спровоцировать локальные столкновения, но для настоящей войны враждующие стороны должны быть вооружены и организованы, а здесь сильнее влияние плохого правления, закрытых экономик и милитаристских идеологий, чем доступность воды и земли. Связать это с терроризмом могут только ярые борцы с ним: террористы, как правило, выходцы из нижнего слоя среднего класса, а не бедные фермеры²⁹¹. Что касается геноцида, суданское правительство перекладывает вину за

массовые убийства в Дарфуре на факт опустынивания, отвлекая внимание мирового сообщества от своей роли в подстрекании к этническим чисткам или терпимости к ним.

Выполнив регрессионный анализ вооруженных конфликтов 1980–1992 гг., Тейсен обнаружил, что вероятность конфликта выше в том случае, если страна бедна, перенаселена, политически нестабильна и богата нефтью, чем если она страдает от засух, недостатка воды или умеренной деградации земель. (Серьезная деградация оказывает некоторый эффект.) Тейсен заключил: «Мнение, что мы обречены из-за связи между дефицитом ресурсов и жестокими внутригосударственными конфликтами, мало поддерживается исследованиями на больших массивах». Салехьян добавляет, что сравнительно недорогие улучшения в водопользовании и земледелии могут вознаградить развивающийся мир ростом продуктивности при постоянной и даже уменьшающейся площади сельскохозяйственных земель, а компетентное правительство способно снизить человеческую цену экологического ущерба, как это происходит в развитых демократиях. Состояние окружающей среды лишь один из ингредиентов смеси, взрывоопасность которой больше зависит от политической и социальной организации, и войны за ресурсы совсем не являются неизбежными, даже в мире с меняющимся климатом.

Ни один разумный человек не возьмется утверждать, что Новый мир перерастет в Долгий, не говоря уже о мире вечном. Наверняка будут еще и войны, и теракты, вероятно крупные. Главные из этих «известных неизвестных» факторов — воинствующий

исламизм, ядерный терроризм, ухудшение экологической обстановки. Наверняка не все опасные неизвестные нам известны. Возможно, новое руководство Китая решит поглотить Тайвань или Россия оккупирует пару бывших советских республик, провоцируя ответные меры со стороны Америки. Может, агрессивный чавизм[85] выйдет за границы Венесуэлы, породив марксистские повстанческие и антиповстанческие движения по всему развивающемуся миру. Может быть, прямо сейчас террористы из очередного «движения освобождения», о котором никто пока не слышал, планируют теракт страшной разрушительной силы или в уме коварного фанатика уже дозревает эсхатологическая идеология, которая приведет его к власти в большой стране и погрузит мир в войну. Как заметила персонаж юмористического шоу Saturday Night Live Розанна Розаннаданна, «всегда что-нибудь случается — не одно, так другое».

Но и позволять богатому воображению руководить нашей оценкой вероятностей так же глупо. Всегда будет что-то случаться, но количество таких событий может уменьшиться, а сами они могут стать не такими ужасными. Цифры говорят нам, что число войн, проявлений геноцида и терактов за последние два десятилетия снизилось — не до нуля, но значительно. Модель мышления, согласно которой количество насилия в мире неизменно, каждое перемирие в одном месте вызывает новую войну в другом, а каждый мирный период — это тайм-аут, в который давление войны нарастает и ищет разрядки, — фактическая ошибка. Миллионы людей сегодня живы благодаря тому, что не случилось гражданских войн и геноцида, — а они случились бы, если бы мир не изменился и остался таким, каким был в 1960–1980-х.

У нас нет никаких гарантий, что условия, благоприятствующие счастливым исходам, — демократия, экономическое процветание, ответственное правительство, миротворцы, открытые экономики и упадок бесчеловечных идеологий — продлятся вечно. Но они и не исчезнут в мгновение ока.

Конечно, мы живем в опасном мире. Как я неустанно подчеркиваю, статистическое понимание истории гласит, что страшные катастрофы маловероятны, но не абсолютно невозможны. Но ведь то же самое можно сказать и в более оптимистичном ключе. Страшные катастрофы не абсолютно невозможны, но они маловероятны.

Глава 7

РЕВОЛЮЦИИ ПРАВ

Я мечтаю, что однажды эта нация распрямится и будет жить в соответствии с истинным смыслом своего принципа: «Мы считаем самоочевидным, что все люди сотворены равными».

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ

Ребенком я не мог похвастаться силой, ловкостью или проворностью, и командные виды спорта для меня превращались в череду унижений. Баскетбол в моем исполнении представлял собой серию неуклюжих бросков в направлении кольца. На канате я болтался, как клубок водорослей на леске, а во время бейсбольных матчей торчал на выжженном солнцем поле, молясь, чтобы никакой случайный мяч не полетел в мою сторону.

Но один талант спасал меня от судьбы изгоя: я не боялся боли. Если удары наносились без жульничества и без унижения, я мог противостоять лучшим драчунам. Мальчишеская культура, процветающая вдали от глаз учителей физкультуры и вожатых летних лагерей, давала много возможностей показать себя.

Мы играли в грубый хоккей и контактный американский футбол (без шлемов и щитков), где и меня толкали, и я толкался, ввинчиваясь в самую гущу схватки за мяч. Мы играли в «мяч-убийцу»: один из мальчиков вцеплялся в волейбольный мяч и

отсчитывал секунды, а остальные тузили его, пока он мяч не отпустит. Мы играли в «лошадь», строго-настрого запрещенную вожатыми, без сомнения по совету юристов: толстый пацан («подушка») упирался в дерево, другой наклонялся и обхватывал его за пояс, за ним третий, и так выстраивалась вся команда, формируя цепочку спин. Игроки второй команды по очереди с разбега запрыгивали «лошади» на спину: «лошадь» могла или устоять под их напором и выиграть, или же рассыпаться и проиграть. А по вечерам мы играли в «костяшки» — запрещенную карточную игру, в которой проигравшего лупили колодой по пальцам: несколько ударов плашмя, несколько — ребром колоды, расплата зависела от разницы в счете и регулировалась сложным набором правил о недопустимости как уклонения, так и чрезмерного применения силы. Матери регулярно проверяли наши руки в поисках улик — ссадин и синяков.

Никакая активность, которую предлагали нам взрослые, не могла сравниться с этими безумными удовольствиями. Ну разве что «вышибалы»: хаос и восторг, шанс подставить под удар агрессивного товарища по команде, уклоняясь от летящих мячей, бросаясь на пол и обманывая смерть, пока мяч не влетит в тебя со смачным звуком. Это была единственная игра, которую я с нетерпением ждал на уроках «физического воспитания» (вполне оруэлловское название).

Но сегодня мальчишки проиграли еще одну битву в вековой войне с вожатыми летних лагерей, учителями физкультуры, мамами и юристами. В школьных округах в одном за другим «вышибалы» попадают под запрет. Заявление Национальной ассоциации спорта и физического воспитания, написанное кем-то, кто

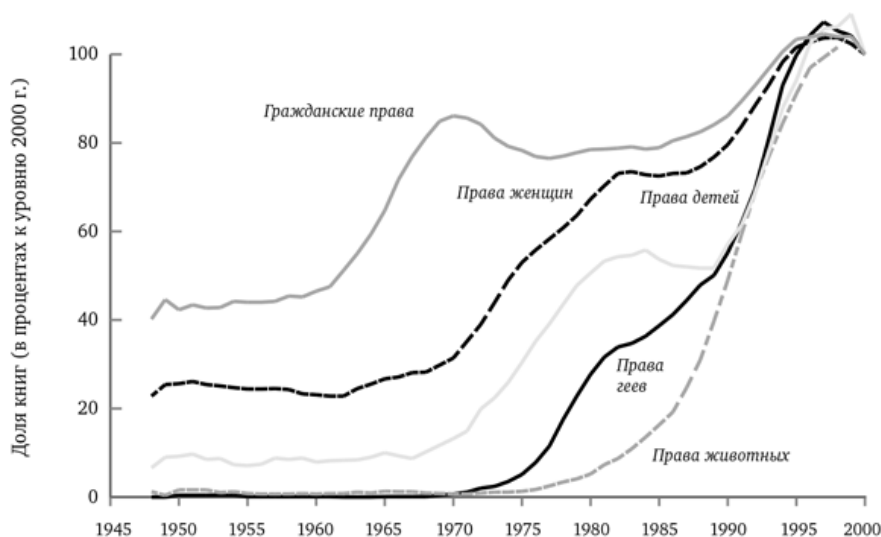
никогда не был мальчиком и, вероятно, ни разу мальчиков не видел, объясняет причину:

Ассоциация считает, что «вышибалы» — неподходящая активность для школьной программы физического воспитания. Некоторым детям — самым развитым и уверенным — она нравится. Но многие ее не любят! Вряд ли получит удовольствие школьник, получивший удар в живот, голову или промежность. Учить детей, что победу можно одержать, избивая других, — неприемлемо.

Да, судьба «вышибал» — еще один знак исторического спада насилия. Насилие ради развлечения вписано в историю нашего вида. Шуточные потасовки обычны для юных самцов-приматов, а грубые игры — одно из самых стойких гендерных различий у человека¹. Перевод этих импульсов в экстремальный спорт — общий прием для культур всех времен и народов. Помимо гладиаторских боев в Риме и средневековых рыцарских турниров, история кровавых видов спорта включает потешные драки острыми палками в Венеции времен Возрождения (аристократы и священники присоединялись к веселью), игры индейцев сиу, в которых мальчики хватали друг друга за волосы и пытались ударить соперника коленом в лицо, ирландские бои стенка на стенку с применением дубинок, которые назывались «шилейла», или «пинки», — забава, популярная в XIX в. на Американском Юге: соперники сцеплялись локтями и пинали друг друга по лодыжкам до тех пор, пока один из них не падал, и прочие виды кулачных драк, по правилам похожие на правила современного бокса (не бить по голове, ниже пояса и т.д.)².

Но в последние полвека импульс развития недвусмысленно направлялся против мальчиков всех возрастов. Хотя люди не утратили вкуса к имитационному и добровольному насилию, они

устроили общественную жизнь так, чтобы выдавить за рамки нормы самые соблазнительные виды насилия настоящего. Западная культура распространяла свое неприятие насилия все дальше и дальше по шкале магнитуд. После Второй мировой отторжение насилия в виде войн и геноцидов, убивающих тысячами и миллионами, распространилось на насилие в виде погромов, линчеваний и преступлений на почве ненависти, убивающих сотнями, десятками и единицами. Это отторжение расширилось с убийства на другие формы вреда — изнасилование, нанесение телесных повреждений, избиение и запугивание. Оно распространилось на уязвимые категории жертв, которые в прежние времена выпадали из круга подлежащих защите, — на расовые меньшинства, женщин, детей, гомосексуалов и животных. Запрет «вышибал» — флюгер, указывающий направление этого ветра перемен.

РИС. 7-1. Использование терминов «гражданские права», «права женщин», «права детей», «права геев» и «права животных» в англоязычных книгах, 1948–2000 гг.

Источник: 5 млн книг, оцифрованных Google Books и проанализированных программой Bookworm (Michel et al., 2011). Bookworm — более мощная версия программы Google Ngram Viewer (ngrams.googlelabs.com), она может анализировать долю книг, а не только текстов, в которых обнаружены искомые слова. Подсчитано процентное отношение числа книг, содержащих каждый из этих терминов в 2000 г., со скользящим средним в пять лет

Стигматизации и даже криминализации соблазнов насилия способствовал каскад кампаний за «права» —

гражданские права, права женщин, детей, геев и животных. Все эти движения во второй половине XX в. развивались в тесной связи, и я буду называть их революциями прав. На рис. 7–1 можно увидеть, как распространялись идеи прав в этот период: здесь изображена доля англоязычных книг (в процентах к 2000 г.), изданных между 1948-м (который символически открывает эру революций прав подписанием Декларации прав человека) и 2000 г., — книг, в которых содержатся словосочетания: «гражданские права», «права женщин», «права детей», «права геев» и «права животных».

Термины «гражданские права» и «права женщин» присутствовали в общественном сознании с XIX в. Число упоминаний «гражданских прав» устремилось вверх между 1962 и 1969 гг., в эпоху самых впечатляющих побед в истории американского движения за гражданские права. Следом за ними начинают свое восхождение «права женщин», вскоре к ним присоединяются «права детей», в 1970-х на сцену выходят «права геев», а за ними подтягиваются и «права животных».

Эти неравномерные подъемы могут нам кое-что рассказать. Каждое движение за права учитывало успех предшествующих и перенимало их тактику, риторику, а главное — моральное обоснование. Двумя веками ранее, во времена Гуманитарной революции, переосмысление укоренившихся обычаев вызвало каскад реформ. Их связывал воедино гуманизм, ставивший радости и горести каждого человека выше цвета его кожи, социального класса и национальности. В этом случае концепция прав человека оказывалась не ступенькой, на которой можно остановиться, но движущимся эскалатором. Если право чувствующего существа на жизнь, свободу

и поиски счастья не может быть ограничено из-за цвета его кожи, почему же оно ограничивается другими не относящимися к делу признаками вроде пола, возраста, сексуальных предпочтений или даже биологического вида? Слепая привычка или грубая сила могут мешать людям пройти по такой цепи аргументов к логичным выводам, но в открытом обществе это движение не остановить.

Революции прав вновь поднимают вопросы Гуманитарной революции и одновременно воспроизводят одну любопытную черту цивилизационного процесса. Переходя к современности, люди не осознавали, что претерпевают изменения, которые снизят насилие, а когда эти изменения укоренились, сам процесс был забыт. Совершенствуя нормы самоконтроля, европейцы думали, что становятся более цивилизованными и утонченными, и не подозревали, что поддерживают кампанию, которая снизит статистику убийств. Сегодня мы не часто размышляем о смысле обычаев, оставленных нам этими изменениями, и не задумываемся, что запрет есть горошек ножом — следствие неприятия поножовщины за обеденным столом. О том, что трепетное отношение к религии и «семейным ценностям» в традиционно республиканских штатах Америки уходит корнями в годы, когда оно было необходимо для усмирения буйнов в ковбойских городках и шахтерских поселках, тоже давно позабыто.

Запрет игры «вышибалы» — пример того, как еще одна успешная кампания против насилия, движение за предотвращение жестокого обращения с детьми, слегка перегибает палку. Это напоминает нам, что цивилизационное наступление может оставить

культуре в наследство странные обычаи, правила и табу. Правила этикета, привнесенные революциями прав, распространились настолько широко, что даже обрели собственное имя. Мы называем их политкорректностью.

Революции прав оставили нам еще одно любопытное наследство. Их поступательное движение связано с развитием чувствительности к новым видам страдания, а потому они стирают собственные следы и заставляют нас забывать о достигнутых успехах. Революции прав повлекли за собой измеримый и значительный спад во многих категориях насилия. Но не все готовы признать эти победы: кое-кто просто не в курсе статистики, а активисты в погоне за все новыми целями не хотят снижать эмоциональный накал и отрицают достигнутый прогресс. Расовая дискриминация, против которой поднялась первая волна борьбы за гражданские права, на практике означала суды Линча, ночные налеты, погромы и физические расправы над черными гражданами на избирательных участках. Когда мы говорим о расовой дискриминации сегодня, речь обычно идет о том, что черных водителей чаще останавливает полиция. (Кларенс Томас описал свои успешные, но непростые слушания об утверждении в должности в Верховном суде как «высокотехнологичное линчевание» — верх безвкусицы, демонстрирующий, однако, какой долгий путь мы прошли.)[\[86\]](#). Раньше дискриминацией женщин называли законы, позволявшие мужьям насиловать, избивать и запирают своих жен, сегодня дискриминацией считается тот факт, что среди профессоров инженерных кафедр элитных университетов не соблюдается гендерная пропорция 50/50. Движение за права геев прошло путь от отмены законов о казнях, нанесении увечий и уголовном

преследовании гомосексуалов до отмены законов, определяющих брак как союз мужчины и женщины. Я ни в коем случае не утверждаю, что мы должны удовлетвориться существующим положением вещей или обесценивать усилия, предпринимаемые для борьбы с оставшейся дискриминацией и притеснением. Я только хочу напомнить, что первостепенная цель любых движений за права — защита дискриминируемых категорий от физического насилия и убийств. Мы должны признавать, ценить и стараться понять эти победы, даже частичные

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СУДОВ ЛИНЧА И РАСОВЫХ ПОГРОМОВ

Американское движение за гражданские права — цепь важных событий длиной в 20 лет. Все началось в 1948 г., когда президент Гарри Трумэн положил конец сегрегации в армии США; ускорилось в 1950-х, когда Верховный суд запретил сегрегацию в школах, Розу Паркс арестовали за отказ уступить место в автобусе белому мужчине, а Мартин Лютер Кинг в ответ организовал бойкот общественного транспорта; достигло пика в начале 1960-х, когда 200 000 человек прошли по Вашингтону и услышали, как Кинг произносит одну из величайших речей в истории; и завершилось принятием Закона об избирательных правах в 1965 г. и Законов о гражданских правах в 1964 и 1968 гг.

Этим триумфам предшествовали другие — менее заметные, но не менее важные. В 1963 г. Кинг начал свою речь, заметив: «Сто лет назад великий американец, в символической тени которого все мы сегодня стоим, подписал Прокламацию об

освобождении рабов... великий свет надежды для миллионов черных невольников». Однако «сто лет спустя негры все еще несвободны». Афроамериканцы не смогли осуществить свои права — их запугивали угрозой насилия. Не только правительство насаждало сегрегацию и дискриминационные законы, афроамериканцев сдерживал межобщинный конфликт: так называется категория насилия, в рамках которой группа граждан определенной расы, племени, религии или языка угрожает другой. Банды наподобие Ку-клукс-клана терроризировали черные семьи во многих регионах США. Известны тысячи случаев, когда толпа публично пытала или казнила — линчевала жертву или устраивала оргию вандализма и убийств в черном сообществе — такие расовые погромы также называют смертельными этническими бунтами.

В своей книге, посвященной смертельным этническим бунтам, политолог Дональд Горовиц досконально изучил сообщения о 150 эпизодах этой формы межобщинного насилия, случившихся в 50 странах, и описал их общие черты³. Этнический бунт сочетает черты террора и геноцида с собственными уникальными признаками. В отличие от двух этих форм коллективного насилия, этнический бунт не спланирован, не вдохновлен какой-либо внятной идеологией, им никто не руководит, осуществляется он не властями и не вооруженными формированиями, хотя его исполнители и рассчитывают, что власть закроет глаза на происходящее. Психологические корни этнического бунта те же, что и у геноцида. Одна группа эссенциализирует другую (приписывает ее членам неизменный набор качеств), отказывает им в праве называться людьми, считает их воплощением зла — или делает то и другое сразу. Собирается толпа,

которая наносит удар — превентивный, из гоббсовского страха, что враг нападет первым, или ответный, в качестве мести за подлое преступление. Повод к нападению (угроза безопасности или преступление) обычно муссируется в слухах, раздувается, а то и просто выдумывается. Бунтовщики, охваченные ненавистью, нападают с inferнальной яростью. Они не грабят, а поджигают и уничтожают добро, они убивают, насилуют, пытаются, калечат всех подряд представителей ненавидимой ими группы, а не ищут предполагаемых обидчиков. Обычно они вооружены холодным оружием и всяким подручным инструментом, а не ружьями и пистолетами. Исполнители (в основном это, конечно, молодые мужчины) предаются зверствам в каком-то эйфорическом угаре и потом их не мучает совесть: свои действия они считают оправданным ответом на недопустимую провокацию. Этнические бунты не уничтожают группу жертв полностью, но убивают гораздо больше, чем террористические акты; число погибших в среднем колеблется около десяти человек, но может достигать сотен, тысяч или (как после отделения Пакистана от Индии в 1947 г.) сотен тысяч. Смертельные этнические бунты становятся эффективным инструментом этнических чисток, заставляя миллионы беженцев покидать дома в страхе за свою жизнь. Подобно терроризму, смертельные бунты дорого обходятся стране, порождают панику, приводят к введению военного положения, уничтожению демократии, переворотам и сепаратистским войнам⁴.

Смертельные этнические бунты вовсе не изобретение XX в. Погром — русское слово, которым называли антиеврейские бунты, в XIX в. регулярно вспыхивавшие в черте оседлости в Российской

империи, а они, в свою очередь, были всего лишь очередной волной тысячелетнего межобщинного насилия в отношении евреев в Европе. В XVII и XVIII вв. по Англии прокатилась волна смертельных бунтов против католиков. Чтобы удержать толпу от бесчинств, магистраты публично зачитывали указы, угрожавшие горожанам наказанием, если они немедленно не разойдутся. Эта мера контроля толпы сохранилась в выражении «зачитать акт о нарушении порядка»^{[87]⁵}.

Межобщинное насилие в США тоже имеет долгую историю. В XVII, XVIII и XIX вв. практически каждая религиозная община пострадала от смертельных бунтов — пилигримы, пуритане, квакеры, католики, мормоны и евреи, как и общины иммигрантов из Германии, Польши, Италии, Ирландии и Китая⁶. Как упоминалось в главе 6, межобщинное насилие в отношении некоторых коренных народов Америки достигало таких масштабов, что попадает в категорию геноцида. Хотя федеральное правительство не совершало прямого геноцида, оно виновно в нескольких этнических чистках. Насильственное переселение «пяти цивилизованных племен» по «тропе слез» с родных земель на юго-востоке США на территорию современной Оклахомы обернулось гибелью десятков тысяч индейцев от голода, болезней и отсутствия крыши над головой. Не так давно — в 1940-х гг. — сотню тысяч американских японцев загнали в концентрационные лагеря только потому, что Соединенные Штаты в то время воевали с Японией.

Но дольше всех жертвами межобщинного насилия и насилия со стороны властей оставались афроамериканцы⁷. Хотя суды Линча считаются чисто

южным феноменом, два самых страшных случая произошли в Нью-Йорке: бесчинства 1741 г., последовавшие за слухами о восстании рабов, когда афроамериканцев сжигали на кострах, и бунты 1863 г. против призыва в армию (изображенные в фильме 2002 г. «Банды Нью-Йорка»), когда толпа линчевала как минимум 50 человек. На Юге после Гражданской войны в некоторые годы счет убийств афроамериканцев шел на тысячи, а в более чем 25 городах в начале XX в. происходили расовые бунты, в которых людей убивали десятками⁸.

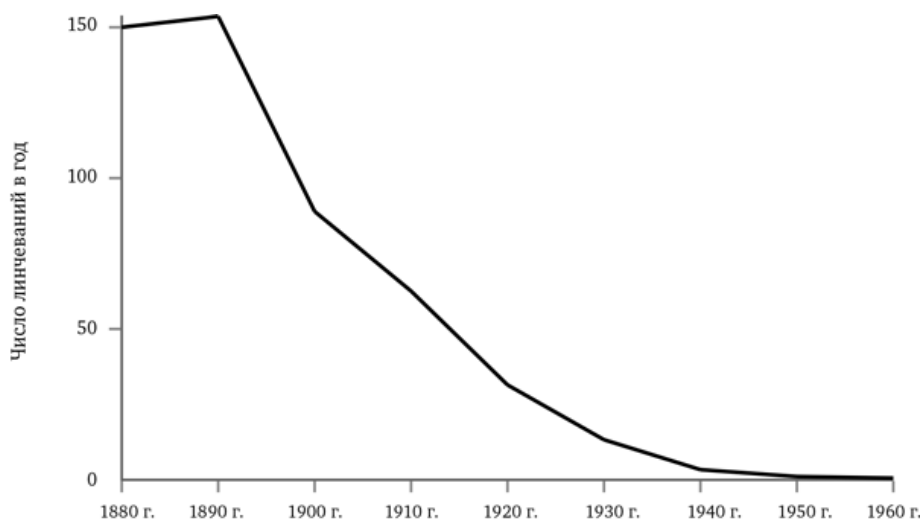

РИС. 7–2. Линчевания в США, 1882–1969 гг.

Источник: график из книги Раупе, 2004, р. 182

В Европе массовые беспорядки всех видов пошли на спад в середине XIX столетия. В США смертельные бунты сократились в конце того же века, а к 1920 г. затихли окончательно⁹. Джеймс Пейн, основываясь на данных Бюро переписи населения США, подсчитал число линчеваний начиная с 1882 г. и обнаружил, что оно значительно снизилось с 1890 до 1940 г. (рис. 7–2). В тот период сообщения о линчеваниях еще появлялись в новостях, а шокирующие фотографии повешенных и сожженных тел публиковались в газетах и распространялись активистами, в частности членами Национальной ассоциации содействия

прогрессу цветного населения. В 1930 г. школьный учитель по имени Эйбел Меерополь увидел фотографию, запечатлевшую двух повешенных в Индиане мужчин, и написал стихотворение с такими строчками:

Южные деревья принесли диковинные плоды.

Кровь на листе, и кровь на корнях.

Черное тело раскачивается на южном ветру,

Диковинный плод висит на высоком тополе.

(Позже Меерополь и его жена Анна усыновят осиротевших сыновей Этель и Юлиуса Розенбергов, когда эту пару казнят за то, что Юлиус передал американские ядерные секреты Советскому Союзу.) Меерополь положил стихи на музыку, и песня “Strange Fruit” («Странный плод») стала визитной карточкой певицы Билли Холидей, а в 1999 г. журнал *Time* назвал ее «песней XX века» в США¹⁰. И опять мы натываемся на повторяющийся парадокс хронологии: протест стал массовым именно тогда, когда количество преступлений уже пошло на спад. Последнее нашумевшее линчевание попало в поле зрения публики в 1955 г., когда в штате Миссисипи похитили, избили, искалечили и убили четырнадцатилетнего Эмметта Тилла за то, что он присвистнул при виде белой женщины. На устроенном для проформы суде полностью «белое» жюри присяжных оправдало убийц.

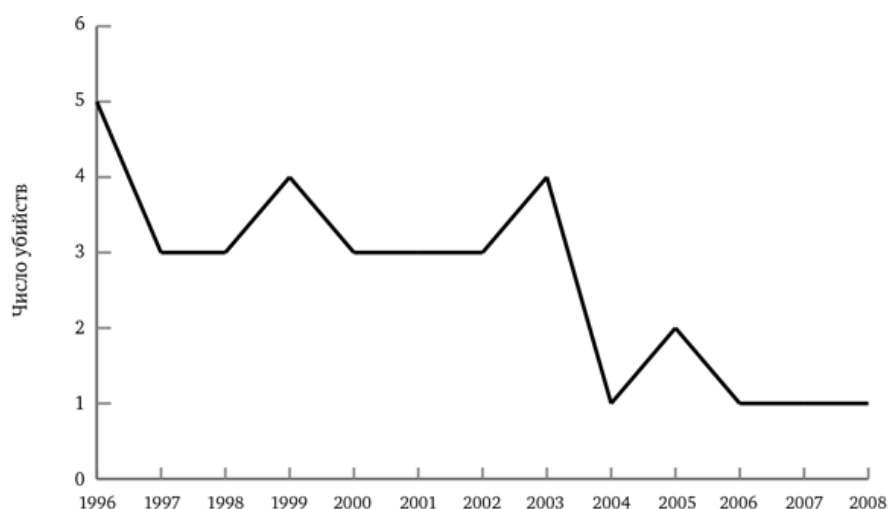
Опасения, что линчевания возобновятся, вернулись в конце 1990-х, когда страну всколыхнуло жестокое убийство. В 1998 г. три расиста из Техаса похитили чернокожего Джеймса Берда, избили его до потери чувств, приковали за лодыжки к пикапу и протащили три мили по тротуару, пока тело не наткнулось на дренажную трубу, которая разорвала

его на куски. Хотя это убийство очень отличалось от линчеваний, имевших место столетием раньше, когда целое сообщество казнило чернокожего в атмосфере всеобщего веселья, слово *линчевание* в отношении этой зверской выходки употреблялось очень часто. Убийство произошло через несколько лет после того, как ФБР начало собирать статистику по так называемым преступлениям на почве ненависти — актам насилия, которому человек подвергается из-за своей расы, религии или сексуальной ориентации. Благодаря тому что с 1996 г. ФБР публикует эту статистику ежегодно, у нас есть возможность выяснить, было ли убийство Берда частью нового тревожного тренда¹¹. На рис. 7–3 показано количество афроамериканцев, убитых за последние годы по мотивам расовой ненависти. Числа на вертикальной оси отражают не количество убийств на 100 000 человек — это *абсолютные значения*. Пятеро афроамериканцев были убиты из-за цвета своей кожи в 1996-м — первом году этого временного ряда, далее количество жертв ежегодно снижалось. В стране, где совершается 17 000 убийств в год, число убийств, мотивом которых была расовая ненависть, упало до уровня статистического шума.

Конечно, менее серьезные формы насилия встречаются гораздо чаще: нападение при отягчающих обстоятельствах (нападающий применяет оружие или наносит телесные повреждения), простое нападение и запугивание (человека заставляют почувствовать себя в опасности). Хотя абсолютные цифры расово мотивированных инцидентов тревожат — несколько сотен простых нападений, столько же нападений при отягчающих обстоятельствах и тысячи случаев угроз в год, — эти цифры нужно рассматривать в контексте

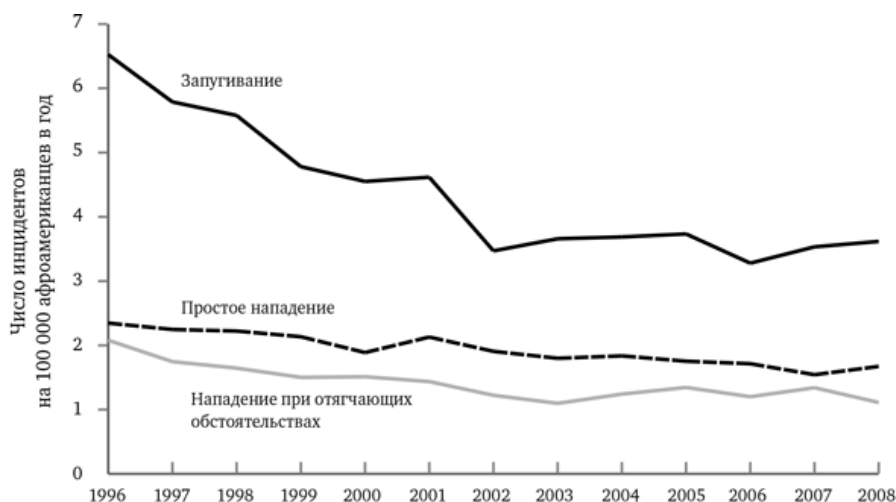

всей криминальной статистики Америки, а это миллион нападений при отягчающих обстоятельствах в год. Уровень расово мотивированных инцидентов составляет примерно 0,5% от уровня нападений в целом (322 на 100 000 человек в год), что меньше уровня убийств в целом — людей всех рас по любой причине. И как видно на рис. 7–4, с 1996 г. количество всех трех видов преступлений на почве ненависти снижается.

РИС. 7–3. Убийства афроамериканцев на почве ненависти, 1996–2008 гг.

Источник: данные из ежегодного отчета ФБР о преступлениях на почве ненависти (<http://www.fbi.gov/hq/cid/civilrights/hate.htm>); см. U. S. Federal Bureau of Investigation, 2010a

РИС. 7–4. Преступления ненависти против афроамериканцев (кроме убийств), 1996–2008 гг.

Источник: данные из ежегодного отчета ФБР о преступлениях на почве ненависти (<http://www.fbi.gov/hq/cid/civilrights/hate.htm>); см. U. S. Federal Bureau of Investigation, 2010a. Число случаев поделено на количество населения по данным статистических агентств, умноженное на 0,129 — долю афроамериканцев в популяции, согласно переписи населения 2000 г.

Когда исчезли линчевания, исчезли и погромы, направленные против черных американцев. Горовиц обнаружил, что во второй половине XX в. смертельные этнические бунты — объект его исследований — перестали происходить на Западе¹². Так называемые расовые бунты середины 1960-х гг. в Лос-Анджелесе, Ньюарке, Детройте и других американских городах представляли собой совершенно другой феномен: афроамериканцы были агрессорами, а не жертвами, число погибших оставалось низким (гибли в основном сами нападающие, застреленные полицией) и практически весь ущерб наносился собственности, а не людям¹³. С конца 1950-х гг. в США не случалось бунтов, направленных против конкретной этнической или расовой группы; не было их и в других зонах межэтнической напряженности на Западе — в Канаде, Бельгии, на Корсике, в Каталонии и Стране Басков¹⁴.

Насилие в отношении чернокожих американцев продолжилось и в конце 1950-х — начале 1960-х гг., но уже в другой форме. Хотя атаки редко называли террористическими, это, безусловно, был терроризм: нападениям подвергались мирные жители, число жертв было невелико, атаки широко освещались, они предпринимались для запугивания и преследовали исключительно политические цели, а именно предотвращение расовой дегрегации на Юге. И как все прочие террористические кампании, сегрегационный терроризм подписал себе смертный приговор, когда пересек черту и заставил публику сочувствовать жертвам. Случаи, когда толпы мерзких типов выкрикивали грязные ругательства и грозили смертью черным детям, поступающим в белые школы, получали широкую огласку. Особенно прочный след в

культурной памяти оставил день, когда шестилетняя Руби Нелл Бриджес — в сопровождении федеральных приставов — впервые пошла в школу в Новом Орлеане. Джон Стейнбек, который ездил по стране, собирая материал для документальной книги «Путешествие с Чарли в поисках Америки» (*Travels with Charlie*), в то время был в городе:

Потом у школьного подъезда остановились два огромных черных автомобиля, набитые здоровенными мужчинами в светлых фетровых шляпах. В толпе будто перестали дышать. Здоровенные маршалы вылезли из машин — четверо из каждой, и откуда-то из недр переднего автомобиля извлекли малюсенькую негритянскую девочку в белоснежном накрахмаленном платье и в новых белых туфельках, таких маленьких, что ступни ее казались почти круглыми. Белоснежное платье резко подчеркивало черноту лица и тоненьких ног малышки. Здоровенные маршалы поставили ее на тротуар, и сразу по ту сторону деревянной загородки закричали, заулюлюкали. Маленькая девочка не смотрела на воющую толпу, но сбоку мне было видно, что белки у нее выступили из орбит, как у испуганного олененка. Маршалы повернули девочку кругом, точно куклу, и странная процессия двинулась по широкому тротуару к зданию школы — здоровенные маршалы и между ними ребенок, казавшийся совсем лилипутом от такого соседства. Малышка шла, шла и вдруг ни с того ни с сего подскочила, и, по-моему, я понял, в чем тут было дело. За всю свою жизнь эта девочка, вероятно, и десяти шагов не сделала без того, чтобы не подпрыгнуть, но сейчас первый же ее прыжок оборвался, словно под какой-то навалившейся на нее тяжестью, и маленькие круглые туфельки перешли на размеренный шаг, нехотя ступая между рослыми конвоирами^[88]¹⁵.

Этот случай был запечатлен на картине, опубликованной в 1964 г. в журнале *Look* под заголовком: «Проблема, с которой все мы живем». Ее автор — Норман Роквелл, художник, чье имя стало синонимом сентиментальных изображений идеализированной Америки. В 1963 г. случилось еще одно из ряда вон выходящее событие: в результате взрыва бомбы в бирмингемской церкви погибли четыре черные девочки, посещавшие воскресную школу. Церковь служила местом проведения митингов за гражданские права. В том же году ку-клукс-

клановцы жестоко расправились с Меган Эверс, боровшейся за гражданские права, а в следующем году были убиты Джеймс Чейни, Эндрю Гудман и Майкл Швернер. Правительство не отставало от разъяренных толп и террористов. Отважную Розу Паркс и Мартина Лютера Кинга бросили в тюрьму, участников мирных маршей разгоняли, используя брандспойты, собак, плетки и дубинки, и все это показывали по телевидению.

После 1965 г. противодействие движению за гражданские права угасло, нападения на афроамериканцев ушли в прошлое, а терроризм в отношении них уже не пользовался поддержкой общества. В 1990-х много писали о поджогах «черных» церквей на Юге, но это оказалось выдумкой¹⁶. Преступления на почве ненависти по-прежнему привлекают пристальное внимание прессы и общества, но, к счастью, это очень редкий феномен в современной Америке.

Линчевания и расовые бунты в других странах и против других этнических групп тоже пошли на спад. Теракт 9/11, взрывы бомб в Лондоне и Мадриде были ровно той символической провокацией, которая в предыдущие десятилетия могла бы вызвать антимусульманские волнения по всему западному миру. Но никаких беспорядков не случилось, и обзор насилия в отношении мусульман, проведенный в 2008 г. правозащитной организацией, не выявил в западных странах ни единого случая убийства из ненависти к мусульманам¹⁷.

Горовиц назвал несколько причин исчезновения смертоносных этнических бунтов на Западе. Первая —

действия власти. В каком бы беспамятстве ни находилась толпа, о собственной безопасности нападающие не забывают и предпочитают действовать, когда полиция отворачивается. Незамедлительная реакция сил правопорядка умиряет дебоши и пресекает циклы межгруппового насилия в зародыше, но о мерах противодействия стоит позаботиться заранее. Местные полицейские, как правило, принадлежат к тем же этническим группам, что и исполнители насилия, и могут разделять их ненависть к жертвам, а потому подготовленная гражданская дружина будет действовать эффективнее служителей порядка. Кроме того, вооруженная полиция может причинить смертей больше, чем предотвратить, и, следовательно, полицейских нужно учить не применять силу сверх той, что необходима для разгона толпы¹⁸.

Другая причина исчезновения погромов не настолько конкретна: растущее отвращение к насилию и даже к мельчайшему рудименту мировоззрения, которое может к насилию привести. Вспомните, что главный фактор риска геноцида и смертельных этнических бунтов — эссенциалистская психология, которая относит представителей другой группы к категории неодушевленных помех, отвратительных паразитов или алчных, злобных, инакомыслящих негодяев. Это отношение может быть узаконено правительственной политикой такого типа, которую Дэниэл Голдхаген называл «ликвидационной», а Барбара Харфф — «ограничительной»: она воплощается в жизнь в виде апартеида, принудительной ассимиляции и в крайних случаях — депортаций и геноцида. Тед Роберт Гарр показал, что дискриминационные стратегии, даже не доходящие до крайностей, представляют собой фактор

риска жестоких этнических конфликтов, таких как гражданские войны и бунты¹⁹.

Попробуем представить, какими должны быть политические меры, диаметрально противоположные ограничительным. Это не только вычеркивание из свода законов всех законодательных актов, нарушающих права какого-либо конкретного меньшинства, но и движение к противоположному полюсу — принятие антидискриминационных, снимающих ограничения стратегий: интеграция школ, образовательные преференции, расовые и этнические квоты в правительстве, бизнесе и образовании. Такой курс обычно называют позитивной дискриминацией, хотя в Америке прижилось определение «аффирмативные действия» (политика равных возможностей). Какова бы ни была заслуга подобных стратегий в том, что геноцид и погромы больше не грозят гражданам развитых стран, они явно сконструированы как полная противоположность ограничительной политики, которая провоцировала эти зверства или не препятствовала им в прошлом. И они обретают все большую популярность по всему миру.

В докладе под названием «Сокращение политической этнической дискриминации, 1950–2003» политологи Виктор Асал и Эми Пэйт изучали набор данных, фиксирующий статус 337 этнических меньшинств в 124 странах начиная с 1950 г.²⁰ (Он частично совпадает с набором данных Харфф по случаям геноцида, который мы рассматривали в главе 6.) Асал и Пэйт вычислили процент стран, в которых приняты дискриминационные стратегии в отношении этнического меньшинства, и тех, что применяют положительную дискриминацию. Как видно на рис. 7–

5, в 1950 г. 44% правительств использовали враждебные по отношению к группам населения дискриминационные стратегии; к 2003 г. таких осталось только 19% — гораздо меньше тех, что взяли на вооружение аффирмативные действия.

Когда Асал и Пэйт разбили данные по регионам, они обнаружили, что особенно хорошо меньшинства чувствуют себя там, где осталось не так много государственной дискриминации, — на американском континенте и в Европе. В Азии, Северной Африке, Центральной Африке и особенно на Ближнем Востоке меньшинства все еще подвергаются притеснениям, хотя и здесь с окончанием холодной войны наблюдаются изменения к лучшему²¹. Авторы делают вывод: «Груз официальной дискриминации стал легче везде. Хотя этот тренд начался в западных демократиях в конце 1960-х, к 1990-м он достиг всех уголков мира»²².

РИС. 7–5. Дискриминационные и аффирмативные политические стратегии, 1950–2003 гг.

Источник: график из книги Asal & Pate, 2005

На убыль пошла не только официальная дискриминация со стороны властей, но и

дегуманизирующий и демонизирующий настрой в умах людей. Интеллектуалам, которые настаивают, что США — расистская до мозга костей страна, это заявление может показаться неправдоподобным. Но на протяжении всей книги мы читали о том, как после каждой моральной победы в истории человечества откуда ни возьмись появлялись комментаторы, утверждавшие, что никогда еще дела не были так плохи. В 1968 г. политолог Эндрю Хакер предсказывал, что афроамериканцы вскоре восстанут и начнут «взрывать мосты и гидромагистрали, расстреливать здания, убивать чиновников и общественных деятелей. И конечно, будут массовые бунты»²³. То, что впоследствии взрывы и массовые волнения случались редко, не помешало ему выпустить в 1992 г. книгу «Две нации: Черные и белые, разделенные, враждебные, неравные» (Two Nations: Black and White, Separate, Hostile, Unequal), в которой он утверждал, что «огромный разрыв между расами сохраняется и мало надежды, что он исчезнет в грядущем веке»²⁴. Хотя 1990-е были десятилетием, когда в опросах общественного мнения самыми популярными американцами называли Опру Уинфри, Майкла Джордана и Колина Пауэлла, интеллектуалов охватил пессимизм относительно расовых взаимоотношений. Правовед Деррик Белл, например, в 1992 г. утверждал в книге с подзаголовком «Незыблемость расизма» (The Permanence of Racism), что это «неотъемлемый, вечный и несокрушимый компонент американского общества»²⁵.

Социолог Лоуренс Бобо и его коллеги решили прояснить дело, изучив историю отношения белых американцев к черным²⁶. Они не нашли ничего незыблемого, неприкрытый расизм постепенно отмирает. На рис. 7–6 видно, что в 1940-х и в начале

1950-х гг. большинство американцев были против того, чтобы черные дети учились вместе с белыми, а в начале 1960-х почти половина опрошенных сообщала, что они готовы переехать, если в соседнем доме поселится черная семья. К десятилетию 1980-х доля людей, придерживающихся таких взглядов, снизилась до однозначной цифры.

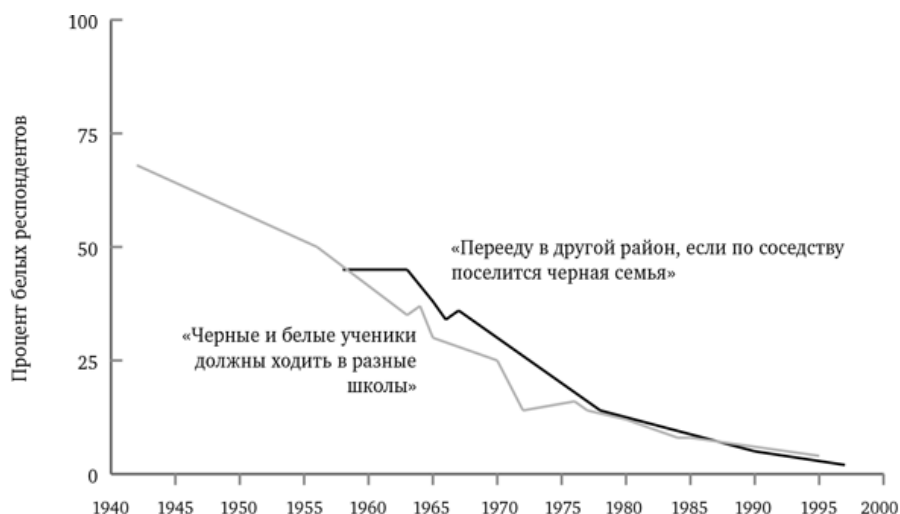

РИС. 7–6. Сегрегационистский образ мыслей в США, 1942–1997 гг.

Источники: «Разные школы» — данные из книги Schuman, Steeh, & Bobo, 1997, по социологическим опросам National Opinion Research Center, University of Chicago. «Перееду в другой район» — данные из книги Schuman, Steeh, & Bobo, 1997, по социологическим опросам Gallup Organization

Рис. 7–7 показывает, что в конце 1950-х только 5% белых американцев одобряли межрасовые браки. К концу 1990-х их одобряли уже две трети опрошенных, а в 2008 г. — почти 80%. На некоторые вопросы — вроде «Должен ли у черных быть доступ к любой работе?» — процент расистских ответов уже в начале 1970-х упал настолько, что такие вопросы убрали²⁷.

РИС. 7-7. Отношение белых к межрасовым бракам в США, 1958–2008 гг.

Источники: «Не одобряю» — Schuman, Steeh, & Bobo, 1997, по социологическим опросам Gallup Organization. «Против» — General Social Survey (<http://www.norc.org/GSS>)

Дегуманизирующие и демонизирующие убеждения тоже вышли из моды. В среде белых американцев подобные установки чаще всего принимали вид предубеждения, что афроамериканцы ленивее белых и не так умны. Но в последние два десятилетия доля американцев, придерживающихся подобных взглядов, падает, и сегодня число тех, кто считает, что неравенство белых и черных — следствие невысоких способностей афроамериканцев, ничтожно (рис. 7–8).

Религиозная нетерпимость тоже постоянно ослабевает. В 1924 г. 91% учащихся старших классов соглашались с утверждением, что «христианство — единственная верная религия и всех людей нужно обратить в истинную веру». К началу 1980-х с этим утверждением были согласны всего 38% респондентов. В 1996 г. 62% протестантов и 74% католиков считали, что «все религии одинаково хороши» — мнение, которое озадачило бы их предков поколение назад, не говоря уже о людях, живших в XVI столетии²⁸.

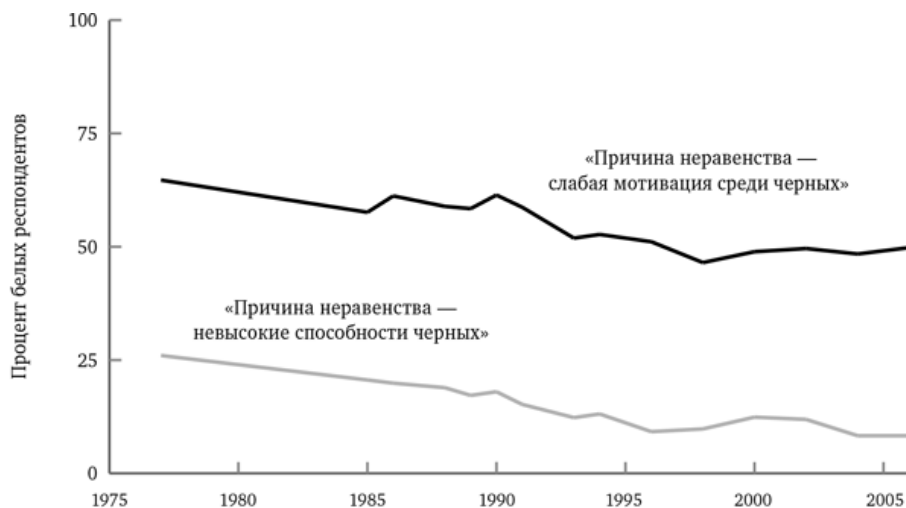

РИС. 7–8. Негативное мнение об афроамериканцах, 1977–2006 гг.

Источник: Bobo & Dawson, 2009, по данным General Social Survey (<http://www.norc.org/GSS>)

Осуждение взглядов, чреватых дегуманизацией или демонизацией меньшинств, распространяется далеко за рамки опросов. Оно изменило западную культуру, государственное управление, спорт и обыденную жизнь. Более полувека Америка избавлялась от расистского имиджа, отраженного в ее массовой культуре. Сначала исчезли оскорбительные пародии на афроамериканцев: карикатурные музыкальные номера, шоу типа «Амос и Энди», фильмы вроде диснеевской «Песни Юга» и некоторые серии мультсериала про кролика Багза Банни²⁹. Карикатурные образы в логотипах, рекламе и даже садовых украшениях исчезли тоже. Кульминация движения за гражданские права стала поворотным пунктом — табу быстро распространилось на другие этнические группы. В 1964 г., когда я был ребенком, в продаже появились растворимые напитки под названием «Смешная рожица». Разные их вкусы назывались «Чокнутый виноград», «Лимон-горлопан», «Китайская вишня» и «Индийский апельсин», и каждый был проиллюстрирован гротескной карикатурой. Однако время для этого было неподходящее, и через два года последние из них переименовали в нейтральные «Чух-чух вишня» и

«Развеселый апельсин»³⁰. И в наши дни легендарные спортивные команды проводят ребрендинги, меняя названия, которыми обязаны стереотипам о коренных американцах. Недавний пример — переименование команды Университета Северной Дакоты «Воинственные сиу». Унизительные расовые и этнические шутки, оскорбительные названия меньшинств и наивные рассуждения о врожденных расовых различиях табуированы в дискуссионном пространстве и уже разрушили карьеру нескольких политиков и деятелей прессы. Конечно, в выгребных ямах интернета и в кулуарах политических правых все еще можно обнаружить немало отвратительного расизма, но от массовой культуры и большой политики его отделяет четкая граница. Например, в 2002 г. лидер республиканского меньшинства сената Трент Лотт поддержал выдвижение Строма Термонда на президентских выборах 1948 г.: Термонд в то время был горячим сторонником сегрегации. После громкого скандала внутри республиканской партии Лотта принудили подать в отставку.

Меры по искоренению любых предпосылок для распространения взглядов, которые могут привести к расовому насилию, определили границы того, что можно думать и что говорить. В обществе, которое претендует на то, чтобы судить людей не по цвету кожи, а по личностным качествам, сложно рационально обосновать расовые преференции и квоты. Но никто из ответственных лиц не готов от них отказаться, потому что это снизит представительство афроамериканцев на профессиональных позициях и может снова расколоть общество. Поэтому всякий раз, когда расовые преференции объявляются нелегальными или народ голосует против них на референдумах, их маскируют эвфемизмами

«аффирмативные действия» или «разнообразие» и ищут обходные пути (такие как гарантии поступления в университеты лучших учеников каждой школы вместо лучших учеников штата).

Внимание к расовой проблеме сохраняется и после поступления в высшие учебные заведения. Многие университеты собирают новичков на специальные семинары, заставляя их признаваться в неосознанном расизме, в большинстве учебных заведений запрещены некоторые слова (любой суд признал бы такой запрет неконституционным), а мнение, которое может оскорбить определенное меньшинство, считается преступным³¹. Подчас обвинения в «расовом харассменте» превращаются в самопародию, как в случае со студентом Университета Индианы, которого обвинили в поддержке Ку-клукс-клана за то, что он читал книгу о крахе этой организации, или с профессором Брандейского университета, который был признан виновным за то, что произнес слово «мексикашка» на антирасистской лекции, посвященной дискриминации испаноязычных³². Пустяковые случаи расовой «бесчувственности» заставляют университеты вводить мучительные ритуалы общественного порицания, искупления и нравственного очищения³³. (Например, в 1993 г. студент Пенсильванского университета заорал на припозднившихся гуляк: «Заткнитесь, черные буйволы!» Так называют буянов на его родном иврите. Это сочли новым расовым оскорблением.) Единственное, что можно сказать в защиту такого лицемерия, — оно может быть той ценой, которую нам приходится платить за исторически беспрецедентный уровень расовой обходительности (хотя природа лицемерия предполагает, что и такое говорить нельзя).

В книге «Чистый лист» я доказывал, что гипертрофированный страх перед возвращением расовой враждебности исказил социальные науки, сильно надавив на чашу «воспитание» на весах «природа или воспитание» даже для тех сторон природы человека, которые никакого отношения к расовым различиям не имеют и характерны для нашего вида в целом. Логика такова: если в природе человека есть *хоть что-то* врожденное, тогда различия между расами или этническими группами тоже могут оказаться врожденными, а вот если разум при рождении — чистый лист, тогда все разумы приходят в мир одинаково чистыми. Ирония в том, что политизированное отрицание природы человека по умолчанию опирается на мрачную теорию, что представители нашего вида постоянно рискуют скатиться в расовую вражду, а потому на борьбу с ней нужно бросить все культурные ресурсы.

ПРАВА ЖЕНЩИН И СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА ИЗНАСИЛОВАНИЙ И ИЗБИЕНИЙ

Окунаясь в историю насилия, снова и снова удивляешься тому, что категории насилия, которые сегодня шокируют нас до глубины души, в прошлом воспринимались совершенно по-другому. История изнасилований — яркий тому пример.

Изнасилование — одно из основных злодеяний в репертуаре человека. Оно соединяет в себе боль, унижение, запугивание, травму, крадет репродуктивные возможности женщины, вмешивается в состав и качество ее потомства. К тому же это одно из самых распространенных преступлений. Антрополог Дональд Браун включил

изнасилование в свой список человеческих универсалий — это преступление описано в хрониках всех времен и народов. Ветхий Завет повествует о временах, когда братья изнасилованной женщины продавали ее насильнику, когда божественный декрет даровал солдатам право насиловать пленниц, а короли брали себе наложниц тысячами. Изнасилования были обычным делом в Амазонии, в гомеровской Греции, в средневековой Европе и в Англии во время Столетней войны (шекспировский Генрих V предупреждал французскую деревню, что, если они не сдадутся, «их девы в руки попадут горячего и буйного насилья»). Массовые изнасилования — атрибут геноцида и погромов по всему миру, включая недавние массовые помешательства в Боснии, Руанде и Демократической Республике Конго. Изнасилования идут вслед за наступающими армиями, примеры тому — немцы в Бельгии в годы Первой мировой войны, японцы в Китае и русские в Восточной Европе во время Второй мировой, пакистанцы в Бангладеш во время войны за независимость³⁴.

Браун замечает, что, хотя изнасилование — одна из человеческих универсалий, таковой же является и запрет на изнасилование. Но для того, чтобы узнать, что о вреде изнасилования думали его жертвы, историку придется потратить немало времени и сил, выискивая свидетельства из разных веков и культур. На Скрижалях Завета не было высечено «Не насилуй», хотя десятая из заповедей приоткрывает завесу над статусом женщины в то время: в списке собственности ее супруга она упоминается после дома, но перед слугами и скотом. В Библии неоднократно повествуется о том, как замужнюю жертву изнасилования признают виновной в измене и забивают камнями до смерти — этот обычай позже

был заимствован законами шариата. Изнасилование считалось преступлением не против женщины, но против мужчины — ее отца, мужа, а в случае с рабыней — хозяина. Моральные и юридические нормы всего мира кодифицировали изнасилование похожим образом³⁵. Изнасилование считалось похищением девственности дочери у ее отца или верности женщины у ее мужа. Насильник мог загладить вину, выкупив жертву себе в жены. Женщина считалась виновной в том, что ее изнасиловали. Изнасилование было привилегией мужа, синьора, рабовладельца или владельца гарема. Оно считалось законной военной наградой.

Когда властители средневековой Европы взяли уголовное правосудие под свой контроль, изнасилование стали считать уже не нарушением прав мужа или отца, но преступлением против государства, которое на первый взгляд представляло интересы женщин и общества, но на практике заметно склонило чашу весов Фемиды в пользу обвиняемого. Ложное обвинение в изнасиловании выдвинуть легко, а защититься от него сложно, и под этим предлогом неподъемное бремя доказательств было возложено на обвинительницу, как во многих правовых кодексах именовали жертву. Судьи и адвокаты порой даже заявляли, что женщину нельзя принудить к сексу против ее воли, потому что «невозможно продеть нитку в движущуюся иголку»³⁶. Полиция часто относилась к делам об изнасиловании как к развлечению, вытягивая из жертвы порнографические детали или отмахиваясь от нее язвительными замечаниями вроде: «Да кто на тебя позарится?» или «Жертва изнасилования — это проститутка, которой не заплатили»³⁷. В суде женщина словно оказывалась на скамье подсудимых вместе с подзащитным: она

должна была доказывать, что не обольщала, не поощряла и не давала согласия насильнику. Женщин не допускали в жюри присяжных по делам об изнасилованиях, якобы чтобы оградить их от показаний, которые могут «смутить»³⁸.

Если исходить из современных моральных представлений, непонятно, почему изнасилование так распространено в истории, а интересы пострадавших не учитываются правовой системой. Но с точки зрения генетических интересов, формировавших желания и чувства человека в процессе эволюции, до того как гуманизм эпохи Просвещения определил наши нравственные ценности, здесь нет никакой загадки. Изнасилование связывает три стороны, каждая — со своим отдельным набором интересов: насильника, мужчину, собственнически заинтересованного в женщине, и саму женщину³⁹.

Эволюционные психологи и многие из радикальных феминисток согласны, что изнасилование управляется законами человеческой сексуальности. Андреа Дворкин писала: «Мужчина хочет то, чем обладает женщина, — он хочет секса. Он может украсть его (изнасилование), убедить женщину отдать его (соблазнение), арендовать его (проституция), взять в аренду на долгое время (брак в США) или владеть им напрямую (брак в большинстве обществ)»⁴⁰. Эволюционная психология добавляет к данному анализу расшифровку ресурсов, подкрепляющих эти транзакции. У многих видов один пол способен размножаться быстрее другого, поэтому участие медленно размножающегося пола будет дефицитным ресурсом, и быстро размножающийся пол будет вынужден конкурировать за доступ к нему⁴¹. У млекопитающих и у многих птиц именно

самка размножается медленнее из-за длительного периода гестации, а у млекопитающих еще и лактации. Самки — разборчивый пол, а самцы воспринимают ограничение доступа к самкам как препятствие, которое необходимо преодолеть. Домогательства, запугивание и принуждение к коитусу свойственны многим видам, в том числе гориллам, орангутангам и шимпанзе⁴². Что касается людей, мужчины прибегают к принуждению в присутствии нескольких факторов риска: мужчина жесток, бездушен и авантюристичен по натуре; он неудачник, не способный привлечь партнершу другими средствами; он изгой и не слишком боится осуждения со стороны сообщества; если он знает, что риск наказания низок, как во время войн и погромов⁴³. Около 5% изнасилований заканчиваются беременностью, а это предполагает, что изнасилование может принести насильнику эволюционное преимущество: что бы ни склоняло мужчин к совершению изнасилований, эволюционный отбор не обязательно должен был выбраковывать изнасилование, он мог его поддерживать⁴⁴. Это, конечно, не значит, что мужчины «рождены, чтобы насиловать», или что насильники «не могли устоять», или что изнасилование «естественно» как неизбежное или простительное. Но такой подход помогает объяснить, почему изнасилование было бичом всех человеческих обществ.

Вторая сторона в изнасиловании — это семья женщины, особенно ее отец, братья и муж. Мужчины, в отличие от прочих млекопитающих, кормят, защищают своих отпрысков и их мать и заботятся о них. Но такие инвестиции рискованны с генетической точки зрения. Если жена вступает в тайную связь, есть

опасность инвестировать в чужого ребенка, что с эволюционной точки зрения — самоубийство. Любой ген, который позволяет человеку быть равнодушным к подобному риску, в процессе эволюции проигрывает генту, повышающему бдительность. Важно помнить, что гены не дергают за ниточки поведения непосредственно; они осуществляют свое влияние, формируя эмоциональный репертуар мозга, в данном случае — эмоцию ревности⁴⁵. Мужчины приходят в ярость при мысли о неверности партнерши и предпринимают меры, чтобы этого не допустить. Один из способов добиться своего — запугать женщину и ее предполагаемых партнеров, а в случае необходимости привести угрозу в исполнение, чтобы никто не смел сомневаться в ней в дальнейшем. Другой — контролировать передвижения супруги и ее способность использовать сексуальные сигналы в собственных интересах. Отцы тоже могут проявлять к сексуальности своих дочерей собственнические чувства, очень похожие на ревность. В традиционных обществах дочерей продают за калым, и, поскольку девственность гарантирует, что женщина не беременна чужим ребенком, целомудрие — это коммерческое преимущество. Продается именно оно. Отцы, а в некоторой степени братья и матери, будут защищать столь ценный ресурс, охраняя чистоту своих дочерей. У старшего поколения женщин есть и свои мотивы регулировать сексуальную конкуренцию со стороны молодых девушек.

Конечно, женщины тоже ревнуют своих партнеров, как биологи и предсказывают, исходя из факта, что мужчины инвестируют в свое потомство. Неверность мужчины грозит тем, что поток его инвестиций будет перенаправлен на другую женщину и их общих детей, и потому партнерша будет стараться удерживать

партнера от загулов. Но цена неверности для двух полов различна, и мужская ревность оказывается более беспощадной, жестокой и направленной против сексуальной (а не эмоциональной) неверности⁴⁶. Не существует общества, в котором женщины и их семьи были бы одержимы девственностью женихов.

Мотивы, сформированные эволюционными интересами, не воплощаются в социальные обычаи прямо, но побуждают людей поддерживать законы и культурные нормы, защищающие эти интересы. В результате широко распространяются юридические и культурные нормы, утверждающие право мужчин контролировать сексуальность их жен и дочерей. Человеческий мозг питается метафорами, и понятие собственности оказывается тесно связано с идеей женской сексуальности⁴⁷. Собственность — понятие растяжимое, и законы разных стран признают право собственности на нематериальные активы: воздушное пространство, изображения, мелодии, фразы, электромагнитные диапазоны и даже гены. Неудивительно, что концепция собственности распространялась на то, что собственностью быть никак не может: на живых людей с их интересами — детей, рабов, женщин.

В своей статье «Человек, который принял жену за собственность» (The Man Who Mistook His Wife for a Chattel) Марго Уилсон и Мартин Дэйли документально доказали, что во всем мире женщин традиционно признавали собственностью их отцов и мужей. Законы о собственности давали хозяину право продавать, обменивать или избавляться от своего имущества безо всяких помех и ожидать, что общество признает его право на возмещение ущерба, если собственность украдена или повреждена другим.

Интересы женщины в общественном договоре не учитывались, и изнасилование считалось агрессией против мужчины, ею владевшего. Изнасилование приравнивалось к повреждению товара или воровству ценного имущества. Поэтому, если женщина не находилась под защитой мужчины-собственника, ее не защищали и законы об изнасиловании, а изнасилование жены мужем было полной бессмыслицей — нельзя же украсть у самого себя!

Мужчины защищают свои инвестиции еще одним способом: возлагая вину за любую потерю или снижение сексуальной ценности на саму женщину. Возложение вины на жертву лишает женщину возможности оправдаться и принуждает ее держаться подальше от рискованных ситуаций и сопротивляться насильнику, независимо от цены этого сопротивления для ее свободы и безопасности.

Хотя самые вопиющие стереотипы восприятия женщины как собственности исчезли в позднем Средневековье, сама эта модель до недавнего времени пронизывала законы, обычаи и ощущения⁴⁸. Женщина, а не мужчина носит помолвочное кольцо, давая понять, что она «занята»; отец ведет невесту к алтарю, передавая ее мужу; женщина меняет отцовскую фамилию на фамилию мужа. До 1970-х гг. изнасилование в браке не считалось преступлением ни в одном штате США, а юридическая система не уделяла должного внимания интересам женщин при расследовании дел об изнасилованиях. Изучив судебные дела, правоведы пришли к выводу: судей необходимо целенаправленно убеждать в ложности народной теории о виновности женщин в том, что их изнасиловали, иначе она будет вкрадываться в рассуждения судей, хотя американское

законодательство давно уже не поддерживает эту концепцию⁴⁹. Что же касается ощущений, мужа и партнеры зачастую ведут себя жестоко и не сочувствуют женщинам, пережившим изнасилование, заявляя: «Это я чего-то лишился. Меня обманули. Раньше она была полностью моя, а теперь нет». Нередки случаи, когда после изнасилования брак распадается⁵⁰.

И наконец, мы добрались до третьей стороны изнасилования — жертвы. Тот же самый генетический расчет, который помогает предсказать, что мужчины иногда заинтересованы в том, чтобы принудить женщину к сексу, и что родственники женщины будут считать изнасилование агрессией против них самих, предполагает, что женщины должны сопротивляться изнасилованию и испытывать к нему отвращение⁵¹. Эволюция в условиях полового размножения заставляет женщину контролировать свою сексуальность. Для нее важно самой выбрать время, условия и партнера, чтобы убедиться, что ее детям достанется самый подходящий, щедрый и заботливый отец из всех доступных и что дети будут рождены в самое удачное время. Опять подчеркну, что женщина не подсчитывает репродуктивную выгоду буквально — сознательно или бессознательно; это не чип в мозгу, который автоматически контролирует поведение. Это просто эволюция эмоций — в нашем случае желания женщины контролировать свою сексуальность и страдания, если этот контроль был отнят у нее силой⁵².

История изнасилования — пример того, как интересы женщин не учитывались в процессе неявного торга, формирующего традиции, моральные кодексы и законы. Наша нынешняя отзывчивость, тот

факт, что сегодня мы считаем изнасилование чудовищным преступлением против женщины, — пример того, как общество заново оценивает интересы притесняемых групп. Это заслуга гуманистического мировоззрения, которое ставит во главу угла страдания и благо каждого живого человека, а не власть, традиции и религиозные практики. В основе гуманистического мировоззрения лежит принцип автономии: человек обладает абсолютным правом на свое тело, это не общественное достояние, судьбу которого можно обсуждать с другими заинтересованными сторонами⁵³. Нынешняя мораль не ищет баланса между желанием женщины не подвергаться изнасилованию, интересами мужчины, который хочет ее изнасиловать, и интересами мужа и отца, которые стремятся монополизировать ее сексуальность. Сегодня право женщины самостоятельно распоряжаться своим телом считается абсолютным, а интересы прочих претендентов в расчет не принимаются. (Единственный компромисс, который мы сегодня признаем, — это интересы обвиняемого в изнасиловании в процессе уголовного судопроизводства, потому что его автономия тоже под угрозой.) Здесь можно вспомнить и о том, что в век Просвещения принцип автономии стал основой для запрета рабства, отказа от деспотизма, долговой кабалы и жестоких наказаний.

Очевидная сегодня мысль, что изнасилование — это всегда злодеяние по отношению к жертве, овладела умами не сразу. Английское законодательство впервые обратило некоторое внимание на интересы жертвы в конце Средних веков, но только в XVIII в. закон установился в той форме, в которой существует и поныне⁵⁴. Неслучайно права

женщин начали признавать именно в эпоху Просвещения — в общем-то впервые в истории. В эссе, написанном в 1700 г., Мэри Эстелл использовала применявшийся против рабства и деспотизма довод, распространив его и на подавление женщин:

Если абсолютная власть не нужна в государстве, почему же она существует в семье? И если она есть в семье, почему ее нет в государстве? Поскольку нет таких причин для одного, которые не послужили бы подкреплением другого, если *все люди рождены свободными*, то почему же женщины рождаются рабынями — а это, должно быть, правда: ведь зависимость от *изменчивых, неясных, неведомых, произвольных желаний* мужчин — точное описание рабства?⁵⁵

Потребовалось 150 лет, чтобы из этого рассуждения родилось общественное движение. Первая волна феминизма, начало которой в США в 1848 г. ознаменовалось конвенцией Сенека-Фолз^[89], а конец — ратификацией Девятнадцатой поправки к Конституции в 1920 г., давшей женщинам право голосовать, избираться в число присяжных, иметь собственность в браке, разводиться и получать образование. Но чтобы изменить отношение общества к изнасилованию, потребовалась вторая волна феминизма, поднявшаяся в 1970-х.

Большая заслуга в этом принадлежит бестселлеру Сьюзен Браунмиллер «Против нашей воли» (Against Our Will). Браунмиллер пролила свет на снисходительное отношение к изнасилованию в религии и законодательстве, в условиях войны и рабства, в работе органов полиции и в массовой культуре. Она представила современную статистику изнасилований, привела свидетельства от первого лица — что такое быть изнасилованной и осмелиться выдвинуть обвинение в изнасиловании. Браунмиллер показала: точка зрения женщин в основных общественных институтах не представлена и именно

ее отсутствие сформировало атмосферу легкомысленного отношения к насилию. (О чем свидетельствует распространенная сальность: «Если насилие неизбежно — расслабься и получай удовольствие».) Эта книга написана в те годы, когда децивилизационный процесс 1960-х романтизировал насилие как разновидность сопротивления, а сексуальная революция представляла распущенность признаком культурной утонченности. Подобная извращенность ближе по духу мужчинам, чем женщинам, и в совокупности такие взгляды сделали изнасилование чуть ли не модным. Браунмиллер демонстрирует пугающую героизацию образа насильника в обывательской и высокой культуре и пересказывает заставляющие поежиться комментарии, сочувственные по отношению к насильнику. К примеру, фильм Стэнли Кубрика «Заводной апельсин» (1971) показывал негодяя, поклонника музыки Бетховена, который ради развлечения избивал людей до полусмерти и насиловал женщин на глазах их мужей. Обозреватель журнала *Newsweek* восклицал:

На самом глубоком уровне «Заводной апельсин» — это одиссея личности, определяющая, что значит быть настоящим человеком... В качестве воображаемого героя Алекс обращается к чему-то темному и первобытному в каждом из нас. Он воплощает в жизнь наши мечты о немедленном сексуальном удовлетворении, о высвобождении гнева и подавленных инстинктов мести и нашу нужду в приключениях и вершинах экстаза⁵⁶.

Похоже, автор обзора забыл, замечает Браунмиллер, что это кино смотрят два пола: «Я уверена, ни одна женщина не думает, что хулиган с носом, как у Пинокио, и парой ножниц воплощает ее желание немедленного удовлетворения, мести или приключений». Но критика нельзя обвинять в вольной интерпретации намерений авторов фильма. Сам

режиссер Кубрик использовал местоимение первого лица множественного числа, чтобы объяснить свой подход:

Алекс символизирует человека в его естественном состоянии, каким он был бы, если бы общество его не «цивилизовало». Мы подсознательно отзываемся на его не отягощенную чувством вины свободу убивать и насиловать и выражать нашу естественную дикую самость; мощь этой истории в том, что она дает нам представление об истинной природе человека⁵⁷.

Книга «Против нашей воли» помогла включить в национальную повестку вопросы изменения законов и судебной практики в делах об изнасиловании. Когда книга вышла, супружеское изнасилование не считалось преступлением, а в США сегодня оно вне закона во всех штатах, как и в большинстве стран Западной Европы⁵⁸. Кризисные центры для пострадавших от изнасилования стараются сделать процесс подачи заявления в полицию менее травматичным, помогают реабилитации жертв; в студенческих кампусах на каждом шагу натыкаешься на сообщения об их услугах. На рис. 7–9 воспроизведен стикер, расклеиваемый над раковинами в туалетах Гарварда. В нем указаны телефоны пяти агентств, куда могут обратиться студентки за помощью.

Сегодня все уровни системы уголовного правосудия обязаны серьезно относиться к посягательствам на половую неприкосновенность. Недавний случай ярко иллюстрирует произошедшие перемены. Одна из моих студенток шла по рабочему пригороду Бостона, где к ней пристали трое молодых парней, один из которых схватил ее за грудь, а когда она возмутилась, пригрозил ее ударить. Когда она сообщила об этом в полицию, с ней отправили офицера под прикрытием: вдвоем они три дня катались по району в розовом «кадиллаке» 1978 г.,

конфискованном у наркоторговцев, пока она не опознала нападавшего. С ее согласия помощник окружного прокурора выдвинул против хулигана обвинение в нападении второй степени, и тот был признан виновным. По сравнению с тем, как всего несколько десятилетий назад относились даже к жестоким изнасилованиям, такая мобилизация правоохранительной системы ради сравнительно мелкого преступления — знак больших перемен.

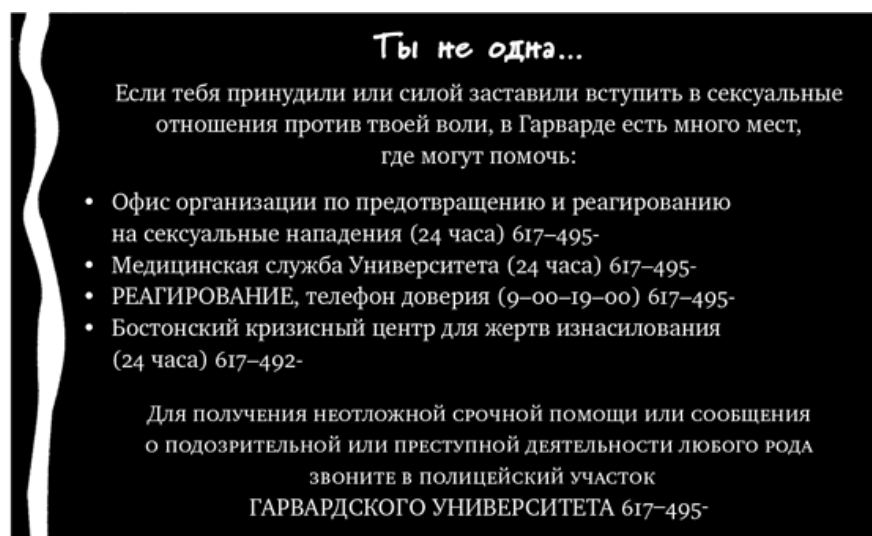

РИС. 7-9. Стикер о предотвращении изнасилования и реагировании на него

До неузнаваемости изменилось и отношение к изнасилованию в массовой культуре. Сегодня в кино и телефильмах сцены изнасилования используются, чтобы вызвать сочувствие к жертве и отвращение к насильнику. Популярные телесериалы, такие как «Закон и порядок: специальный корпус», доводят до сознания зрителя идею, что сексуальные агрессоры — убогие подонки, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, и что анализ ДНК неизбежно приведет насильника на скамью подсудимых. Но самое поразительное — индустрия видеоигр, потому что это язык нового поколения, соперничающий по части доходности с кино и музыкальной индустрией. Видеоигры — буйная анархия нерегулируемого

контента, в основном созданного молодыми людьми для молодых людей. Они переполнены насилием и гендерными стереотипами, но отсутствие некоторых из них бросается в глаза. Правовед Фрэнсис Шен провел контент-анализ видеоигр начиная с 1980-х и обнаружил табу, близкое к абсолютному:

Кажется, что изнасилование — единственная вещь, которую невозможно поместить в видеоигру... В играх можно убивать людей десятками, часто жестоко, и даже уничтожать целые города, что в реальной жизни было бы определенно хуже изнасилований. Но в видеоигре возможность нажать клавишу X, чтобы изнасиловать другого персонажа, — это нечто невыносимое. Когда дело касается изнасилования, оправдание «это просто игра», похоже, не работает... Даже в виртуальном мире ролевых игр изнасилование — табу.

Изучив видеоигры всего мира, Фрэнсис Шен нашел всего лишь несколько исключений из правила, и каждое вызывало немедленный яростный протест⁵⁹.

Но снизили ли все эти перемены число реальных изнасилований? Подсчитать это трудно, поскольку данные занижаются (не все жертвы изнасилований обращаются в полицию) и в то же самое время завышаются (как в широко муссируемом, но абсолютно ложном обвинении, выдвинутом в 2006 г. против трех игроков в лакросс из Университета Дьюка)⁶⁰. Периодически всплывает псевдостатистика: например ложное утверждение, что в университетах изнасилованию подвергается каждая четвертая студентка. (Это утверждение основано на широком определении изнасилования, которого никогда не приняли бы даже предполагаемые жертвы. Например, оно включает ситуацию, в которой перебравшая алкоголя женщина согласилась на секс, а наутро об этом пожалела.)⁶¹ Не идеальный, но достаточно надежный набор данных предоставляет Национальное виктимизационное исследование. Этот опрос с 1973 г. проводит Бюро судебной статистики США,

методически опрашивая крупную стратифицированную выборку населения, чтобы оценить реальный уровень преступности, исключив искажающий фактор — долю жертв, которые не заявляют о преступлении в полицию⁶². Опрос разработан таким образом, чтобы свести к минимуму неполноту предоставления сведений: например, 90% интервьюеров — женщины. После того как в 1993 г. методология проведения опроса была усовершенствована, оценки предыдущих лет скорректировали так, чтобы данные оставались соизмеримыми. Изнасилование было определено широко, но не слишком: как половой акт, к которому жертву принудили угрозами или физической силой, при этом учитывается не только завершённое изнасилование, но и его попытка в отношении мужчин и женщин, гомосексуалов и гетеросексуалов. (Хотя в действительности, конечно, большинство изнасилований — это нападение мужчины на женщину.)

Рис. 7–10 показывает статистику изнасилований за последние четыре десятилетия. Заметно, что за 35 лет число изнасилований снизилось на поразительные 80%: с 250 (1973 г.) до 50 (2008 г.) на 100 000 человек старше 12 лет. На самом деле спад может быть даже более значительным, потому что сейчас, когда изнасилование считается серьёзным преступлением, женщины с большей готовностью сообщают о нём, чем раньше, когда случаи насилия часто скрывали и обесценивали.

В главе 3 говорилось о том, что в 1990-х произошёл спад всех категорий преступности — от убийств до угонов автомобилей. Не является ли снижение числа изнасилований частным случаем спада преступности,

а не достижением феминисток, пытающихся искоренить это преступление? На рис. 7–10 я дополнительно поместил график уровня убийств (взятый из Сводного отчета о преступности ФБР), выровняв оба графика относительно данных 1973 г. Очевидно, что динамика изнасилований отличается от динамики убийств. Уровень убийств прыгал вверх и вниз до 1992 г., упал в 1990-х и в III тысячелетии остается неизменным. Уровень изнасилований начал понижаться около 1979 г., резко снизился в 1990-х и продолжает неравномерное снижение в XXI в. Уровень убийств к 2008 г. опустился до 57% от уровня 1973 г., в то время как уровень изнасилований за тот же период упал до 20%.

Если тренды, отмеченные в обзорах, реальны, уменьшение числа изнасилований представляет собой еще один крупный спад насилия, пусть он и остался практически незамеченным. Организации по борьбе с изнасилованиями не празднуют победу, они формируют мнение, что сегодня женщинам грозит бóльшая, чем когда-либо, опасность. И хотя тридцатилетний тренд снижения числа изнасилований невозможно объяснить теми же причинами, что и сокращение количества убийств на протяжении семи лет, политики и криминологи не спешат с ответом. Не существует «теории разбитых окон», не придумана «фрикономика», которая пробовала бы объяснить этот тридцатилетний крутой спуск.

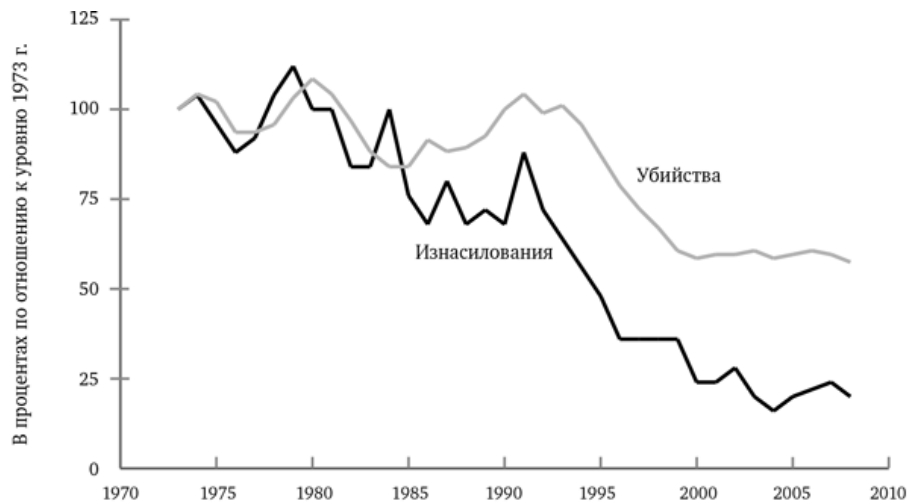

РИС. 7–10. Уровень убийств и изнасилований в США, 1973–2008 гг.

Источник: данные FBI Uniform Crime Reports и National Crime Victimization Survey; U. S. Bureau of Justice Statistics, 2009

Возможно, сработала не одна, а несколько причин. Какая-то доля спада, случившегося в 1990-х, скорее всего, была обусловлена теми же причинами, что и общий спад преступности: повышение эффективности работы органов правопорядка, снижение числа опасных мужчин на улицах. До, во время и после этого спада феминистская оптика выделяла изнасилование в особую категорию преступлений, привлекая к нему внимание полиции, судов и социальных служб. В 1994 г. новый импульс этим усилиям придал Закон о насилии в отношении женщин, предусматривающий увеличение федерального финансирования и усиление контроля над программами по предотвращению изнасилований. Закон гарантировал, что в случае изнасилования анализы и тесты ДНК будут проводиться в обязательном порядке — теперь многие насильники попадали за решетку сразу, лишаясь возможности преступить закон еще пару раз. Вообще говоря, есть вероятность, что именно феминистской кампании против изнасилований мы обязаны общим падением преступности в 1990-х. Когда в 1960–1970-х преступность резко возросла и застыла на уровне

высокого плато, именно феминистская кампания в защиту женщин помогла лишить уличное насилие его романтического флера, утвердив право человека на безопасность и возобновив цивилизационный процесс.

Заслуги феминизма нельзя недооценивать, но надо признать, что и общество в целом было уже готово принимать меры для уменьшения числа изнасилований в Америке. Американцы не считали, что женщин нужно унижать в полицейских участках и судах, что мужья имеют право насилловать жен или что в подъездах и на парковках женщин должны поджидать насильники. Победа была быстрой, не породила мучеников, не потребовала бойкотов или столкновений разгневанных толп с полицией. Феминисткам в их битве очень помогло и то, что во власти стало больше женщин: развитие технологий изменило традиционное гендерное разделение труда, которое приковывало женщин к домашнему очагу и детям. Но они победили еще и потому, что на сторону феминизма все чаще вставали не только женщины, но и мужчины.

Несмотря на смехотворные заявления, будто из-за «противодействия» феминизму женщины не достигли никакого прогресса, цифры показывают, что общество сегодня стоит на безусловно более прогрессивных позициях. Психолог Джин Твенге объединила данные стандартизированных опросов, собранные за четверть века. Опросы выявляли отношение к женщинам и включали следующие вопросы и утверждения: «То, что в брачных клятвах женщинам до сих пор приходится соглашаться с обещанием “слушаться и повиноваться”, оскорбительно», «Женщинам стоит больше беспокоиться не о своих правах, а о том, чтобы стать хорошими женами и матерями» и «Женщинам

не стоит посещать те же места и пользоваться той же свободой, что и мужчины»⁶³. На рис. 7–11 отображены средние результаты 71 исследования, в которых с 1970 по 1995 г. изучались установки мужчин и женщин студенческого возраста в США. Поколение за поколением студенты обоих полов придерживались все более прогрессивных взглядов на место женщины в обществе. Фактически мужчины в начале 1990-х были большими феминистами, чем женщины в 1970-х. Студенты-южане несколько отставали от северян, но временные тренды были похожи, как и отношение к женщинам, измеренное в других выборках по Америке.

Все мы сегодня феминисты. Сегодня западная культура воспринимает мир с общечеловеческой точки зрения, не зависящей от пола. Формирование универсальной общегражданской точки зрения с помощью рассуждения и аналогии двигало нравственный прогресс как Гуманитарной революции XVIII в., так и революций прав в XX столетии. Неудивительно, что признание прав женщин последовало за признанием прав расовых меньшинств — ведь если все люди созданы равными, тогда почему к ним не причислены женщины? Внешний признак этого стремления к унификации — желание современных авторов избегать местоимений мужского рода «он» или «его», имея в виду человека в общем. Более глубокий знак — переориентация законов и нравственных норм так, чтобы они были справедливы не только со специфически мужской точки зрения.

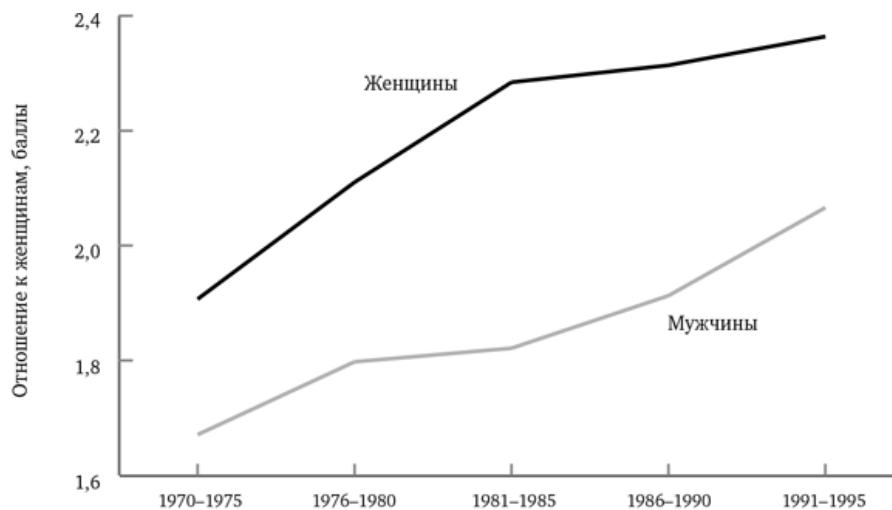

РИС. 7-11. Отношение к женщинам в США, 1970–1995 гг.

Источник: график из книги Twenge, 1997

Насильники — мужчины; их жертвы, как правило, женщины. Кампания против изнасилований набрала силу не только потому, что женщины проложили себе путь в органы власти и отрегулировали инструменты управления, чтобы те служили их интересам, но и, как я подозреваю, потому, что присутствие женщин изменило подходы обладающих властью мужчин. Моральные установки определяют не только кто платит, а кто получает, они определяют и то, что считается выгодой, а что убытком. И нигде разрыв в ценностях не имеет таких последствий, как в интерпретации сексуальности с точки зрения мужчины и с точки зрения женщины.

В книге «Возлюбленные воинов» (Warrior Lovers), анализирующей эротическую литературу, написанную женщинами, психолог Кэтрин Салмон и антрополог Дональд Симонс пишут: «Углубиться в эротику, созданную для того, чтобы она нравилась другому полу, — значит всмотреться в разделяющую нас психологическую пропасть... Контраст между любовными романами и порнофильмами настолько глубок и всеобъемлющ, что остается только удивляться, как мужчины и женщины вообще могут

сосуществовать, не говоря уж о том, чтобы жить вместе и успешно растить детей»⁶⁴. Смысл эротики в том, чтобы предложить потребителю сексуальный опыт без необходимости подстраиваться под желания противоположного пола, она открывает доступ к истинным, ничем не прикрытым желаниям мужчин и женщин. Порнография, созданная для мужчин, — визуальная, анатомически подробная, импульсивная, абсолютно неразборчивая, не учитывающая контекст и характер персонажей. Эротика для женщин гораздо чаще вербальная, психологическая, рефлексивная, серийно моногамная, богатая контекстом и характерами. Мужчины фантазируют о совокуплении с телами, женщины — о занятиях любовью с людьми.

Не то чтобы изнасилование было нормальной частью мужской сексуальности, но оно возможно благодаря тому, что мужское желание неразборчиво в выборе сексуального партнера и безразлично к его внутренней жизни — здесь больше подходит термин «объект», а не «партнер». Из-за несовпадения концепции секса мужчины и женщины по-разному воспринимают сексуальную агрессию. Психолог Дэвид Басс в своих исследованиях показывает, что мужчины недооценивают то, насколько травматична сексуальная агрессия для женщин, а женщины переоценивают травму сексуальной агрессии для мужчин⁶⁵. Этот гендерный разрыв заставляет по-новому взглянуть на бездушное отношение к жертве изнасилования в традиционных правовых системах и нравственных кодексах. Возможно, это не просто безжалостное злоупотребление властью мужчин над женщинами — может быть, это еще и неспособность мужчин понять отличный от их собственного образ мыслей, при котором внезапный необдуманный секс с незнакомцем выглядит отвратительным, а не

привлекательным. Общество, в котором мужчины работают бок о бок с женщинами и вынуждены учитывать их интересы, обосновывая свои собственные, — это общество, в котором вряд ли может сохраниться в неизменности тупоголовое нежелание ничего не знать.

Гендерный разрыв помогает объяснить и политкорректную идеологию изнасилования. Мы уже говорили о том, что успешные кампании против насилия часто оставляют после себя сомнительные правила этикета, странную идеологию и табу. Сегодня правильно думать, что изнасилование не имеет никакого отношения к сексу — это всего лишь вопрос власти. Как писала Браунмиллер, «с доисторических времен до наших дней изнасилование выполняет важную функцию. Это не больше и не меньше, как сознательный процесс запугивания, которым все мужчины держат в страхе всех женщин»⁶⁶. Насильники, пишет она, подобны мирмидонцам, легендарному племени воинов, произошедших от муравьев, которые служили Ахиллу: «Насильники в прямом смысле выполняют функцию мирмидонцев в нашем обществе»⁶⁷. Теория мирмидонцев, конечно, абсурдна. Она не только возвышает насильников до положения героев-альтруистов, воюющих за высшую цель, и клеветает на других мужчин, обвиняя их в том, что им выгодны изнасилования женщин, которых они любят. Эта теория также предполагает, что секс — единственная вещь, которой мужчины не пытаются завладеть силой, а это противоречит бесчисленным фактам о статистическом распределении насильников и их жертв⁶⁸. Браунмиллер пишет, что заимствовала эту идею у своего старого профессора с коммунистическими убеждениями, и она действительно соответствует марксистской

концепции, объясняющей поведение людей классовой борьбой⁶⁹. Однако, если мне будет позволено высказаться несколько предвзято, теория о том, что изнасилование не имеет отношения к сексу, кажется правдоподобной гендеру, которому трудно поверить в привлекательность безличного секса с нежелающим того незнакомцем.

Здравый смысл никогда не мог повлиять на ставшие священными нормы и табу, сопровождавшие спад насилия, и сегодня специалисты сходятся во мнении, что «изнасилование и сексуальное преступление не являются актами секса или похоти — это вопрос агрессии, власти и унижения, когда секс используется лишь как инструмент. Цель насильника — доминирование». (На что журналист Хизер Макдональд заметила: «Парни, которые зажимают девушек на пивных вечеринках, хотят только одного — и уж точно не восстановления патриархата»⁷⁰.) Из-за этого неприкосновенного убеждения консультанты центров по предотвращению изнасилований дают студентам советы, которые ни один здравомыслящий родитель никогда не дал бы своей дочери. Когда Макдональд спросила заместителя директора такого офиса в университете, обучают ли они студенток принимать разумные решения, советуя им: «Не напивайтесь, не ложитесь в постель с парнем, не снимайте с себя одежду и не позволяйте себя раздеть», та ответила: «Мне не нравится эта идея. Получается, если [студентка] изнасилована — это может быть ее вина, а это никогда не ее вина, и то, как кто-то одет, не может быть поводом для изнасилования или нападения... Я бы никогда не позволила своим сотрудникам распространять сообщение, что в изнасиловании виновата жертва — из-за того, как она

была одета, или из-за того, что недостаточно сопротивлялась».

К счастью, студентки, которых опрашивала Макдональд, не позволяют этой «сексуальной корректности» повлиять на их собственный здравый смысл. Идеологически правильная линия, которой придерживаются официальные лица в кампусах — многообещающая тема для исследования в социологии убеждений, но все это не так важно по сравнению с историческим прогрессом: расширение социальных установок и законодательные меры, предпринятые с учетом интересов женщин, в последние десятилетия снизили распространенность одной из основных категорий насилия.

Другая категория насилия, от которой страдают женщины, называется рукоприкладством, побоями, насилием семейным или со стороны сексуального партнера, бытовым или домашним. Мужчины запугивают, избивают, а в крайних случаях убивают своих нынешних или бывших жен и подруг. Самый частый мотив — ревность или страх, что женщина уйдет, хотя за этим может стоять и доминирование: мужчина «наказывает» женщину за неповиновение, если она подвергла сомнению его авторитет или не выполнила свои домашние обязанности⁷¹.

Семейное насилие — крайняя из мер, с помощью которых мужчины контролируют свободу, особенно сексуальную, своих партнерш. С биологической точки зрения такое поведение может иметь отношение к феномену «охраны партнера»⁷². У многих видов, где самцы вносят родительский вклад в потомство, а самки имеют возможность спариваться с другими

самцами, самец повсюду следует за самкой, изолирует ее от возможных соперников, а заподозрив, что его усилия могут не увенчаться успехом, старается незамедлительно с нею спариться. Женщин заставляют закрывать лицо чадрой или вуалью, надевают на них пояса верности, ограничивают свободу передвижения и общение с противоположным полом, производят калечащие операции на женских половых органах — все это принятые тактики охраны партнерши. Чтобы еще надежнее себя обезопасить, мужчины договариваются с другими мужчинами (иногда со старшими родственниками), чтобы те признавали монополию на партнершу их законным правом. Юридические нормы в культурах так называемого Плодородного полумесяца, Дальнего Востока, обеих Америк, Африки и Северной Европы практически идентичным образом приравнивали женщин к имуществу^[90]⁷³. Измену понимали как вред, причиненный соперником мужу. Последний взамен получал право на взыскание убытков, развод (и возврат уплаченных за жену денег), а также на месть. Измена всегда определялась брачным статусом женщины; брачный статус мужчины, как и собственные предпочтения женщины, отношения к делу не имели. Вплоть до второго десятилетия XX в. муж имел законное право «наказывать» жену⁷⁴.

В 1970-х страны Запада аннулировали законы, которые отражали отношение к женщине как к собственности супруга. Стали более справедливыми законы о разводе. Муж, убивший любовника жены или ее саму, больше не мог заявить, что его спровоцировали и потому у него была уважительная причина. Не мог он и удерживать жену силой, не давая ей покинуть дом. Нельзя было уже и выдвинуть

законное обвинение против родных или друзей, которые давали беглянке приют⁷⁵. Сегодня в США практически повсеместно открыты убежища, где женщины могут укрыться от агрессивных партнеров; законодательство признает их право на безопасность и криминализирует домашнее насилие. Полиция, которая старалась держаться подальше от «семейных ссор», теперь в большинстве штатов обязана арестовать супруга при подозрении в жестоком обращении. Во многих юрисдикциях прокуратура *должна* выписать охранный ордер, запрещающий виновному супругу приближаться к своему дому и партнерше, а затем привлечь его к ответственности. Суд не может закрыть дело, даже если жертва откажется выдвигать обвинение⁷⁶. Эти меры задумывались как помощь женщинам, попавшим в цикл насилия (нападение, извинение, прощение и новое нападение), но стали настолько безальтернативными, что некоторые правоведы, например Джинни Сук, считают, что сегодня это работает против интересов женщин, отказывая им в самостоятельности.

Взгляды и подходы тоже изменились. Веками избивание жены считалось нормой: в пьесе XVII в., написанной Бомонтом и Флетчером, мы читаем, что «благотворительность и побои начинаются дома»^[91], а в телесериале XX в. слышим, как водитель автобуса Ральф Крамден угрожает супруге: «Однажды, Элис... Бац — прямо в табло!»^[92]. Всего лишь в 1972 г. респонденты помещали насилие по отношению к супругу на 91-е место в списке из 140 серьезных преступлений. (Респонденты того же опроса считали, что продавать ЛСД хуже, чем «изнасиловать незнакомку в парке»⁷⁷.) Читателям, не доверяющим данным опросов, могу напомнить об эксперименте,

который провели в 1974 г. социальные психологи Ланс Шотленд и Маргарет Стро. Студенты, заполняя опросники, якобы случайно слышали, как за дверью аудитории разгорается спор между мужчиной и женщиной (нанятыми актерами). Вот как сами авторы описали методику эксперимента:

Перепалка продолжалась примерно 15 секунд, а затем мужчина набросился на женщину и стал безжалостно трясти ее; женщина сопротивлялась и пронзительно кричала, умоляя ее отпустить. В ее возмущенных восклицаниях повторялась одна из двух фраз. В варианте «Незнакомцы» женщина кричала: «Я тебя не знаю», в варианте «Супруги»: «Не знаю, зачем я вообще вышла за тебя замуж!»⁷⁸

Большинство студентов выбегали из лаборатории, чтобы узнать, что случилось. Если актеры изображали незнакомцев, почти две трети студентов считали необходимым вмешаться, как правило приближаясь к паре и надеясь, что те остановятся. Если же актеры играли мужа и жену, вмешаться решалась едва ли пятая часть студентов. На стене висел телефонный аппарат, рядом был записан номер телефона полиции кампуса, но почти никто из студентов даже не потрудился снять трубку. Когда их просили объяснить свое поведение, они говорили, что семейная ссора не их дело. В 1974 г. насилие, недопустимое по отношению к незнакомцу, считалось допустимым в браке.

Сегодня этот эксперимент нельзя воспроизвести из-за ограничений, которые накладывает федеральный закон на эксперименты на людях, — еще одна примета нашего не расположенного к насилию времени. Но результаты других исследований позволяют сделать вывод, что сегодня люди реже решают, что не должны вмешиваться, если муж бьет жену. В опросе 1995 г. более 80% респондентов назвали домашнее насилие «очень серьезной

социальной и юридической проблемой» (более серьезной, чем живущие в нищете дети и состояние окружающей среды), 87% считали, что должны вмешаться, если муж бьет жену, даже если она не ранена, и 99% были убеждены, что, если мужчина травмировал женщину, необходимо сообщить в полицию⁷⁹. Те же опросы, проводившиеся в другие десятилетия, показывают поразительные перемены. В 1987 г. только половина американцев думала, что мужчина не должен бить жену ремнем или палкой; десятилетием позже так считали уже 86%⁸⁰. На рис. 7–12 приведены статистически скорректированные результаты четырех опросов, в которых респонденты отвечали на вопрос, одобряют ли они поведение мужа, избивающего свою жену. Между 1968 и 1994 гг. уровень одобрения упал вполовину, с 20 до 10%. Хотя мужчины чаще женщин одобряют домашнее насилие, волна феминизма захлестнула и их, и мужчины в 1994 г. были менее снисходительны к «домашним боксерам», чем женщины в 1968-м. Эта тенденция отмечалась во всех регионах страны — как среди белого, так и среди черного и испаноязычного населения.

Как обстоят дела с домашним насилием сейчас? Прежде чем рассматривать тренды, давайте поразмышляем над удивительным заявлением, что женщины склонны к домашнему насилию не меньше мужчин. Социолог Мюррей Страус много раз на условиях анонимности опрашивал мужчин и женщин, применяли ли они когда-нибудь насилие к своему партнеру, и не обнаружил существенных различий между полами⁸¹. В 1978 г. Страус писал: «Старые комиксы, в которых жена гоняется за мужем со скалкой или швыряет в него чашки и тарелки, ближе к реальности, чем мы (особенно те, кто сочувствует

феминизму) думаем»⁸². Некоторые активисты привлекают внимание к проблеме избиваемых мужчин и призывают создать сеть убежищ от жестоких жен и подруг. Неожиданный поворот. Если женщины никогда не были жертвами отдельного гендерного насилия под названием «избиение жен», а оба пола равно становились жертвами «супружеского избиения», тогда было бы ошибкой спрашивать, сократилось ли избиение жен в ответ на кампанию по предотвращению насилия в отношении женщин.

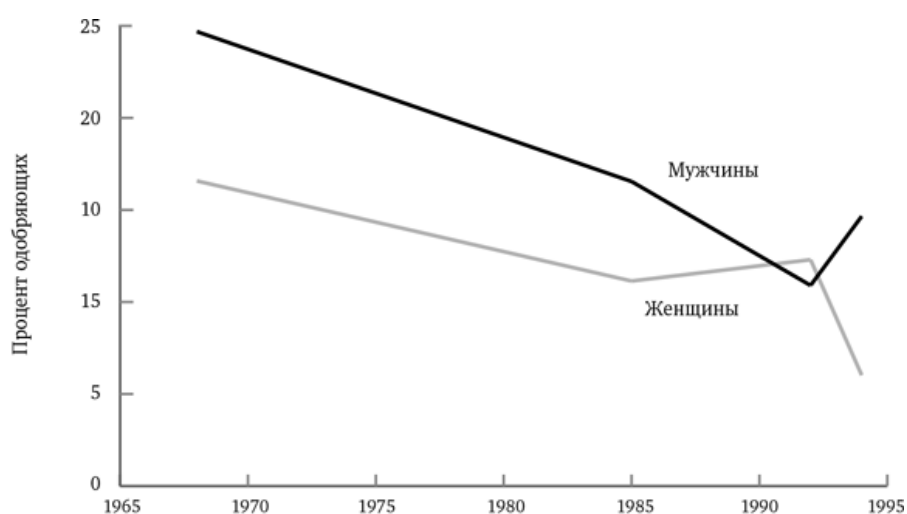

РИС. 7–12. Одобрение домашнего насилия в отношении женщин в США, 1968–1994 гг.

Источник: график из книги Straus et al., 1997

Чтобы разобраться, о чем нам говорит это открытие, нужно с осторожностью интерпретировать термин «домашнее насилие». Нужно понимать, что есть разница между обычными семейными скандалами, которые перерастают в насилие («общение посредством битой посуды», как называют это Роджерс и Харт), и систематическим запугиванием и применением физической силы к партнеру⁸³. Социолог Майкл Джонсон проанализировал данные о взаимодействии в партнерских отношениях, где практикуется насилие, и обнаружил ряд приемов контроля, которые, как правило, применяются

одновременно. В некоторых парах партнер угрожает другому применением силы, контролирует семейные финансы, ограничивает перемещения второго, перенаправляет гнев и агрессию на детей или животных и намеренно не выражает симпатии и благодарности. При этом контролер, применяющий насилие, практически всегда мужчина, вторая сторона — практически всегда женщина, вынужденная прибегать к насилию, защищая себя и детей. Если же в семье нет контролера, насилие возникает, только если спор зашел слишком далеко, — в таких семьях мужчины лишь слегка превосходят женщин по склонности к насилию. Таким образом, гендерно-нейтральная статистика насилия объясняется разницей между контролерами и скандалистами. Цифры в обзорах насилия отражают число ссор в семьях, где нет контролера и в ссорах женщины получают столько же оплеух, сколько отвешивают сами. Пугающими цифрами полицейской статистики, поступающими из убежищ для женщин, судов и больниц, мы обязаны парам с контролером: как правило, преступление совершает мужчина, запугивающий женщину, а иногда — женщина, защищающая себя. В конфликтах бывших супругов асимметрия выражена еще сильнее: именно мужчина преследует женщину, угрожает и причиняет ей вред. Другие исследования подтверждают, что постоянные угрозы, серьезное насилие и маскулинность, как правило, сочетаются друг с другом⁸⁴.

Так изменилось что-то с течением времени или же нет? Что касается мелких актов агрессии — взаимных толчков и тычков, скорее всего, нет⁸⁵. Но уровень серьезного насилия, по данным Национального виктимизационного опроса, упал. Как и в случае с изнасилованиями, цифры из виктимизационного

опроса нельзя использовать в качестве точных измерений уровня домашнего насилия, но они полезны как показатели временных трендов, особенно в последние годы, когда возросшая осознанность по отношению к домашнему насилию поощряет респондентов к большей откровенности. На рис. 7–13 представлены данные Бюро юстиции за период с 1993 по 2005 г. Уровень насилия над женщинами со стороны их партнеров снизился почти на две трети, над мужчинами — почти в половину.

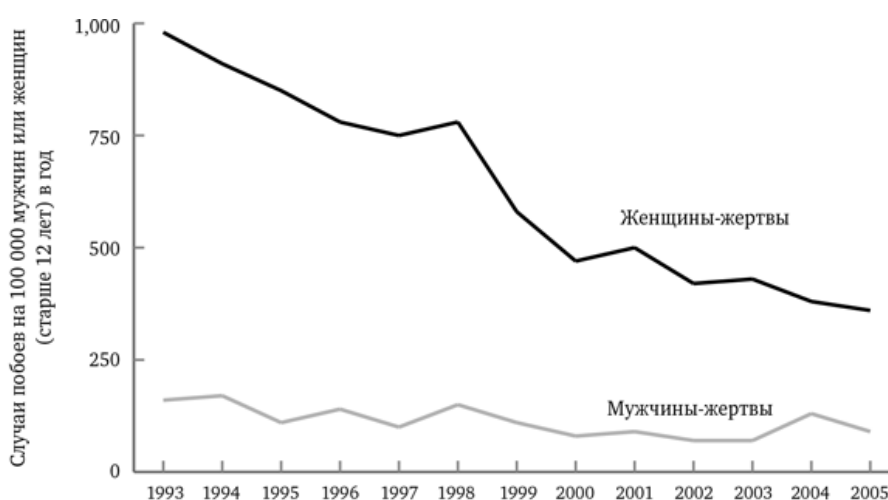

РИС. 7–13. Побои, нанесенные сексуальными партнерами в США, 1993–2005 гг.

Источник: данные Bureau of Justice Statistics, 2010

Спад, скорее всего, начался еще раньше. В исследовании Страуса женщины в 1985 г. в два раза чаще сообщали о серьезных актах насилия со стороны мужей, чем в 1992 г., когда начался сбор данных на федеральном уровне⁸⁶.

Как обстоят дела с крайними случаями домашнего насилия — убийствами? Для социолога убийство мужа женой или наоборот — очень удобный объект исследования, поскольку здесь не приходится беспокоиться о точности определений или утаивании респондентами информации: смерть есть смерть. Рис. 7–14 показывает уровень убийств, совершенных сексуальными партнерами с 1976 до 2005 г.,

вычисленный как доля от 100 000 человек того же пола.

И вновь мы видим значительный спад. Что особенно интересно, феминизм оказался весьма полезен мужчинам. За годы подъема женского движения шансы мужчины быть убитым своей женой, бывшей женой или подружкой упали в шесть раз. Так как никаких кампаний по снижению насилия в отношении мужчин в этот период не проводилось, а женщины в целом менее склонны к совершению убийств, самое правдоподобное объяснение этой тенденции состоит в том, что женщины убивали избивающих их партнеров, когда те угрожали убить их, если они уйдут. Появление убежищ для женщин и охранных ордеров помогает женщинам уйти, не прибегая к крайним мерам⁸⁷.

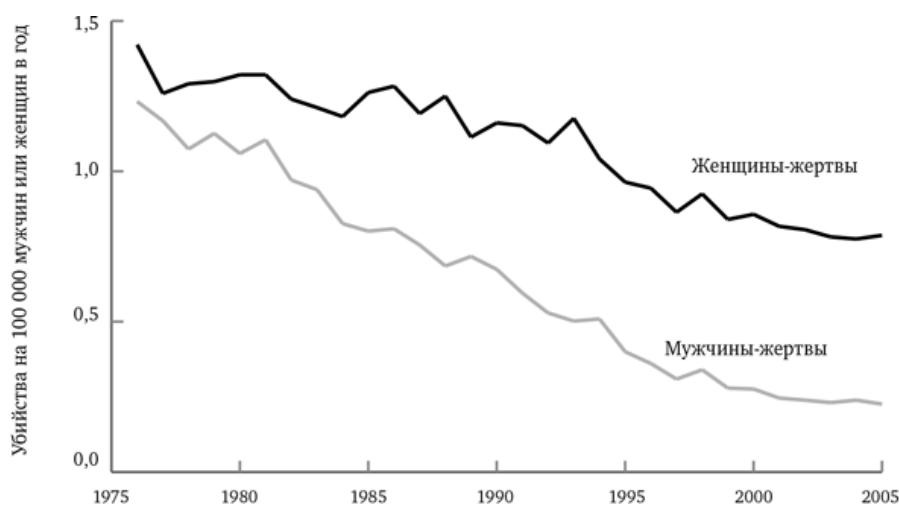

РИС. 7–14. Убийства, совершенные сексуальными партнерами в США, 1976–2005 гг.

Источники: Bureau of Justice Statistics, 2011, уточнено по Sourcebook of Criminal Justice Statistics Online (<http://www.albany.edu/sourcebook/csv/t31312005.csv>). Численность населения — по данным переписи населения США

~

А как обстоят дела в мире в целом? К сожалению, трудно ответить определенно. В отличие от убийств, определения изнасилования и насилия в семье сильно разнятся, и данные полиции здесь не слишком

помогают, потому что любое изменение в уровне насилия по отношению к женщинам может быть скрыто изменениями в готовности женщин сообщать о нем в полицию. Правозащитные организации, склонные раздувать статистику насилия и умалчивать об изменении тенденций с течением времени, тоже добавляют путаницы. Министерство внутренних дел Великобритании проводит виктимизационное исследование в Англии и Уэльсе, но не предоставляет данных по трендам в области домашнего насилия и изнасилований⁸⁸. Но, если суммировать данные ежегодных докладов по отдельности (рис. 7–15), становится очевиден значительный спад семейного насилия, подобный тому, что наблюдается в США. Из-за разницы в определениях домашнего насилия и способах подсчета численности населения цифры на графике не сопоставимы с данными на рис. 7–13, но временные тренды явно совпадают. Можно с уверенностью предположить, что уровень семейного насилия падает и в других западных демократиях, — потому что домашнее насилие становилось предметом для беспокойства в каждой из них.

РИС. 7–15. Домашнее насилие в Англии и Уэльсе, 1995–2008 гг.

Источники: данные British Crime Survey, U. K., Home Office, 2010. Data aggregated across years by Dewar Research, 2009. Population estimates from the U. K. Office for National Statistics, 2009

Хотя США и другие страны Запада часто обвиняют в женоненавистничестве и патриархальности, в остальных регионах мира дела обстоят гораздо, гораздо хуже. Как я уже упоминал, обзоры домашнего насилия в США, достаточно широкие и включающие мелкое насилие вроде тычков и шлепков, не показывают разницы между мужчинами и женщинами; то же самое верно для Канады, Финляндии, Германии, Британии, Ирландии, Израиля и Польши. Но остальному миру гендерное равенство домашнего насилия не знакомо. Психолог Джон Арчер изучил соотношение полов в обзорах семейного насилия в 16 странах и обнаружил, что в не относящихся к западному миру государствах, включая Индию, Иорданию, Японию, Корею, Нигерию и Папуа — Новую Гвинею, в основном распускают руки мужчины⁸⁹.

Всемирная организация здравоохранения недавно опубликовала обзор уровней серьезного семейного насилия в 48 странах⁹⁰. В целом от насилия в семье страдает от одной пятой части до половины всех женщин мира, и дела обстоят гораздо хуже в странах вне Западной Европы и англоязычного мира⁹¹. В США, Канаде и Австралии меньше 3% женщин сообщают, что партнер бил их в предшествующий год, в других странах уровень таких сообщений в разы выше: 27% — в Никарагуа, 38% — в Корее, 52% — в Палестине. Отношение к домашнему насилию тоже сильно разнится. Около 1% новозеландцев и 4% жителей Сингапура соглашались, что муж может побить жену, если она ему возражает или не подчиняется. В удаленных районах Египта с этим утверждением согласны 78% опрошенных, в индийском штате Уттар-Прадеш — до 50%, в Палестине — 57%.

Законы против насилия в отношении женщин в остальном мире тоже не успевают за юридическими реформами в демократических обществах⁹². 84% государств Западной Европы законодательно запретили или собираются запретить домашнее насилие, а 72% объявили вне закона изнасилование в браке. В Восточной Европе доля таких стран 57% и 39%, соответственно; в Азии и Океании — 51% и 19%, в Латинской Америке — 94% и 18%; в Центральной Африке — 35% и 12,5%, в арабских государствах — 25% и 0%. Лидируют в нарушении прав женщин Центральная Африка, Южная и Юго-Западная Азия, где женщин систематически подвергают мукам, о которых на Западе в XXI в. и слышали-то немногие: убийство младенцев женского пола, уродование гениталий, продажа девочек в сексуальное рабство, детская проституция, убийства во имя чести. Непослушных жен или тех, за кем дали мало приданого, обливают кислотой или горящим керосином; массовые изнасилования во время войн, бунтов и геноцида — обычное дело⁹³.

Может быть, разницу в уровне насилия в отношении женщин на Западе и в остальном мире можно объяснить так называемым эффектом Матфея, под влиянием которого сливаются в один поток многие благотворные факторы — демократия, процветание, экономическая свобода, образование, технологии, эффективное правительство?^[93] Если и можно объяснить, то не целиком и полностью. Корея и Япония — благополучные демократии, но уровень домашнего насилия в отношении женщин в этих странах высок, а кое-какие латиноамериканские страны гораздо менее развиты, но демонстрируют большее равенство полов и низкий уровень насилия в семье. Следовательно, целесообразно сосредоточиться

не на богатстве страны, а на культурных различиях, которые делают жизнь женщины безопаснее. Джон Арчер обнаружил, что женщины реже становятся жертвами семейного насилия в странах, где они лучше представлены в правительстве и профессиональной сфере и вносят большой вклад в семейный бюджет. Кроме того, в более индивидуалистических культурах, где люди ощущают себя личностями, имеющими право преследовать собственные цели, наблюдается меньше насилия в отношении женщин, чем в культурах коллективистских, где люди прежде всего считают себя членами сообщества и ставят его интересы выше собственных⁹⁴. Эти корреляции не доказывают причинности, но они согласуются с предположением, что снижению насилия в отношении женщин на Западе способствует гуманистический образ мысли, который возвышает права отдельного человека над традициями общества и все чаще учитывает точку зрения женщин.

Хотя я даю прогнозы с большой осторожностью, но считаю весьма вероятным, что в ближайшие десятилетия насилие в отношении женщин пойдет на спад повсеместно. Усилия прилагаются как снизу, так и сверху. Международное сообщество согласилось, что насилие в отношении женщин — это самая острая из существующих проблем в области прав человека⁹⁵. Усилия были предприняты скорее символические: теперь ежегодно 25 ноября отмечается День искоренения насилия в отношении женщин, а с высоких трибун ООН звучат бесчисленные декларации и заявления. Хоть меры эти и беззубы, история запрета рабства, китобойного промысла, пиратства, каперства, химического оружия, апартеида и ядерных испытаний в атмосфере показывает, что просветительские международные кампании с

течением времени могут многое изменить⁹⁶. Как заметила глава Фонда развития в интересах женщин ООН (ЮНИФЕМ), «национальных планов, стратегий и законов сегодня больше, чем когда бы то ни было, да и темпы изменений возрастают во всем мире»⁹⁷.

Если говорить об усилиях снизу, изменение установок в мировом масштабе гарантирует, что в ближайшие годы в политике и экономике мы будем видеть все больше женщин. Опросы общественного мнения, проведенные в 2010 г. в 22 странах Исследовательским центром Пью, подтвердили, что в большинстве стран (в том числе в США, Китае, Индии, Японии, Южной Корее, Турции, Ливане, в странах Европы и Латинской Америки) как минимум 90% респондентов обоих полов считают, что женщины должны иметь равные с мужчинами права. Даже в Египте, Иордании, Индонезии, Пакистане и Кении более 60% поддерживают равноправие, и только в Нигерии пропорция близка к соотношению 50/50⁹⁸. Право женщин работать вне дома одобряется еще шире. Напомню, что, по данным Всемирного опроса Института Гэллапа, даже в мусульманских странах большая часть женщин считает, что женщины имеют право голосовать по своему выбору, заниматься любой работой, служить в правительстве, и большая часть мужчин в большинстве стран с ними согласна⁹⁹. Как только сдерживаемая потребность прорывается наружу, интересы женщин становятся все шире представлены в нормах и планах их стран. Аксиому, что мужчины не должны бить женщин, невозможно опровергнуть, и, как сказал Виктор Гюго, «нет ничего сильнее идеи, время которой пришло».

ПРАВА ДЕТЕЙ, УБИЙСТВА МЛАДЕНЦЕВ, ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ И ШКОЛЬНАЯ ТРАВЛЯ

Что общего у Моисея, Измаила, Ромула и Рема, Эдипа, Кира Великого, Саргона, Гильгамеша и Хоу-цзи (основателя династии Чжоу)? Каждого из них в младенчестве родители бросили на погибель¹⁰⁰. Образ беспомощного крошки, в одиночестве умирающего от холода и голода, оставленного на растерзание хищникам, тронет самого черствого человека, так что неудивительно, что истории о брошенных младенцах, прошедших путь до основателей династий, можно отыскать в мифологии евреев, мусульман, римлян, греков, персов, аккадцев, шумеров и китайцев. Но архетип покинутого младенца настолько вездесущ не только потому, что это удачный сценарный прием. Он говорит еще и о том, насколько распространен был инфантицид в истории человечества. С незапамятных времен родители бросали, душили, били, топили или травили своих новорожденных детей¹⁰¹.

Антрополог Лайла Уильямсон пишет, что детоубийство практиковалось на всех континентах и всеми типами сообществ — от кочующих и оседлых догосударственных племен (в 77% которых был принят инфантицид) до развитых цивилизаций¹⁰². До недавних времен от 10% до 15% младенцев убивали вскоре после рождения, а в некоторых обществах доля убитых новорожденных доходила до 50%¹⁰³. По словам историка Ллойда Демоса, «некогда все семьи практиковали детоубийство. Во всех государствах существовал обычай приносить в жертву младенцев.

Все религии начинают с членовредительства и убийств детей»¹⁰⁴.

Хотя детоубийство — крайняя степень ненадлежащего обращения с детьми, история нашей культуры знает много других его форм, включая принесение детей в жертву богам, продажу их в рабство, в супружество и на религиозную службу. Детей эксплуатировали, заставляя чистить дымоходы и лазать по туннелям угольных шахт, наконец, подвергали телесным наказаниям на грани пыток¹⁰⁵. Мы прошли долгий путь, добираясь до точки, когда врачи прикладывают героические усилия, выхаживая недоношенных младенцев, когда от человека не требуют экономической продуктивности лет до 30, а насилием в отношении детей считается игра «вышибалы».

Как можно понять нечто, настолько противное идеалу продолжения жизни, как убийство новорожденного? В заключительной главе книги «Жестокое сердце / Жестокая жизнь» (Hardness of Heart / Hardness of Life), исследующей всемирную историю детоубийств, доктор Ларри Милнер признается:

Я начал эту книгу с одной целью: желая понять, как человек может взять своего собственного ребенка и задушить его? Когда много лет назад я задался этим вопросом, то думал, что дело в некой уникальной патологии, ошибке природы. Зачем бы эволюции развивать врожденную тенденцию убивать отпрысков, когда уровень выживания и так балансирует на грани? Дарвиновский естественный отбор генетического материала предполагает, что гарантированно выживет лишь самый приспособленный; склонность к детоубийству — явный признак дезадаптивного поведения, которое не соответствует этому разумному стандарту. Но ответ, к которому я пришел в результате своих исследований, таков: добровольное убийство собственного ребенка в стрессовой ситуации — одна из самых «естественных вещей», которые может сделать человеческое существо¹⁰⁶.

Ответ на недоумение Милнера нужно искать в разделе эволюционной биологии, который называется теорией жизненного цикла¹⁰⁷. Нам кажется, что мать должна считать каждого своего ребенка бесконечно ценным, но эта идея вовсе не согласуется с теорией естественного отбора, более того, она ей противоречит. Цель отбора — приумножить количество выживших потомков особи, а это требует компромисса между инвестициями в новорожденного и сбережением ресурсов для уже имеющихся и будущих детей. Млекопитающие вкладывают в потомство больше времени, энергии и пищи, чем все прочие животные, а люди в этом смысле лидируют среди млекопитающих. Беременность и роды — только начало материнского инвестиционного процесса, на кормление отпрыска мать расходует даже больше калорий, чем потратила на его вынашивание¹⁰⁸. Природа, как правило, не терпит невозвратных затрат, так что можно ожидать, что мать оценит детеныша и обстоятельства, чтобы решить, выделять ли ему дополнительные инвестиции или же сохранить силы для его существующих или еще не рожденных братьев и сестер¹⁰⁹. Если детеныш выглядит болезненным или ситуация не благоприятствует его выживанию, матери сокращают расход ресурсов на него и вкладывают их в наиболее здорового из выводка или ждут более благоприятного момента, чтобы попытаться вновь завести потомство.

Для биолога инфантицид у человека — пример такой же расстановки приоритетов¹¹⁰. До недавнего времени женщины кормили детей грудью до двух или трех лет, прежде чем вернуться к полноценной фертильности. Дети часто умирали, особенно в первые несколько лет. У большинства женщин до зрелости доживало не больше 2–3 детей, у многих —

ни одного. Чтобы стать бабушкой в тех условиях, в которых жили наши прародители, женщине порой приходилось делать трудный выбор. Теория расстановки приоритетов предполагает, что мать позволит новорожденному умереть, если его перспективы дожить до зрелости невелики. Прогноз может быть основан на признаках неблагополучия ребенка (черты уродства или отсутствие реакции на внешние раздражители и т.п.) или на опасностях, угрожающих успешному материнству (например, наличие других детей, война или голод, отсутствие поддержки со стороны родственников или отца ребенка и т.д.). Также прогноз должен зависеть от возраста женщины: достаточно ли она молода, чтобы попытаться снова завести ребенка.

Мартин Дэйли и Марго Уилсон проверили теорию расстановки приоритетов на выборке из 60 неродственных друг другу обществ из этнографической базы данных¹¹¹. Инфантицид был отмечен в большинстве из них, и в 112 случаях антропологи установили его причину. 87% причин удовлетворяли теории расстановки приоритетов: муж женщины не был отцом ребенка, младенец имел врожденные аномалии или болезни или же его шансы дожить до зрелости были невелики, потому что он был одним из близнецов, имел близкого по возрасту старшего сиблинга, не мог рассчитывать на отца или же родился в семье, находящейся в тяжелых материальных условиях.

Повсеместность и эволюционная обоснованность инфантицида предполагают, что при всей очевидной бесчеловечности это, как правило, не бессмысленное убийство, а особая категория насилия. Антропологи, опрашивавшие этих женщин (или их родственников,

потому что событие могло быть слишком болезненно для женщины и мать не могла о нем говорить), часто упоминают, что она считала эту смерть неизбежной трагедией и горевала по утерянному ребенку. Антрополог Наполеон Шаньон писал о жене вождя племени яномамо: «Когда я приступил к полевой работе, Бахами была беременна, но, когда мальчик родился, она убила его, объяснив в слезах, что у нее не было выбора. Младенец соперничал бы с Аривари, ее младшим ребенком, которого она все еще кормила грудью. Она решила не отнимать Аривари от груди, подвергая его здоровье опасности, а избавиться от новорожденного»¹¹². Хотя яномамо называют свирепым народом, инфантицид не обязательно проявление тотальной свирепости. Некоторые воинственные племена, особенно в Африке, редко убивают своих новорожденных, а кое-какие из сравнительно мирных делают это регулярно¹¹³. Название фундаментального труда Милнера восходит к словам отца антропологии Эдварда Тейлора, который еще в XIX в. писал: «Инфантицид — следствие жестокости жизни, а не жестокости сердец»¹¹⁴.

Критическая точка в выборе между сохранением или убийством ребенка устанавливается как личными чувствами, так и культурными нормами. Наша культура благоговеет перед чудом рождения и идет на любые усилия, чтобы помочь ребенку выжить. Мы уверены, что радостная связь между матерью и младенцем почти инстинктивна. В действительности установление такой связи требует преодоления значительных психологических препятствий. В I в. Плутарх указывал на неприятную истину:

Ведь нет ничего столь несовершенного, столь беспомощного, голого, столь бесформенного и грязного, как человек при своем рождении, ибо ему, как можно было бы сказать, природа не дала даже чистого пути к свету; оскверненный кровью и покрытый

грязью, более напоминающий убитого, чем только что рожденного, он — предмет, которого не желал бы ни коснуться, ни поднять, ни поцеловать, ни обнять никто, кроме любящего его природной, естественной любовью¹¹⁵.

«Родительская любовь» далека от спонтанной. Дэйли и Уилсон, а позже и антрополог Эдвард Хаген, предположили, что послеродовая депрессия и ее более мягкая версия, подавленность матери в послеродовом периоде, вовсе не гормональная дисфункция — так проявляются эмоции, свойственные периоду, отведенному природой для принятия решения: оставлять ли ребенка¹¹⁶. Матери, страдающие от послеродовой депрессии, часто чувствуют эмоциональную отстраненность от новорожденного или даже таят навязчивые мысли о нанесении ему вреда. Как считают психологи, легкая депрессия часто помогает точнее оценить жизненные перспективы, чем розовые очки, которые мы обычно надеваем. Типичные переживания молодой матери — как я справлюсь с этой обузой? — всегда выражали разумное сомнение женщины, которой нужно было выбирать между трагедией сейчас и вероятностью еще более крупной трагедии потом. Когда дела налаживаются, а печаль развеивается, большинство женщин сообщают, что полюбили своих детей, внезапно разглядев их уникальную, прекрасную индивидуальность.

Хаген изучил психиатрическую литературу о послеродовой депрессии, чтобы проверить пять предположений теории о том, что депрессия — это период принятия решения, инвестировать ли в новорожденного. Как и предполагалось, послеродовая депрессия чаще настигает женщин, лишенных социальной поддержки (одинокие, разведенные, неудовлетворенные браком или разлученные с родителями), тех, у кого были сложные роды или

ребенок родился нездоровым, безработных или жен безработных. Хаген отыскал данные о послеродовой депрессии в нескольких незападных культурах, упоминавших те же факторы риска (хотя ему не удалось найти подходящих исследований о депрессии в традиционных клановых обществах). И последнее: послеродовая депрессия очень слабо коррелирует с гормональным дисбалансом предположительно потому, что это не дисфункция, а врожденная особенность.

Многие культурные традиции сложились с целью подавить чувства окружающих к новорожденному до тех пор, пока его шансы выжить не будут достаточно высоки. Обычай запрещает прикасаться, давать имя, регистрировать новорожденного официально, пока не минует опасный период, а момент перехода часто отмечается шумным праздником, как в наших традициях крещения или обрезания¹¹⁷. Иногда и этот процесс разбивают на несколько шагов, как в традиционном иудаизме, который наделяет ребенка официальными правами личности только по прошествии 30 дней.

Я попытался объяснить детоубийство лишь для того, чтобы сократить дистанцию между временами, когда оно считалось приемлемым, и нынешним восприятием ужасности такого поступка. Но разделяющая их пропасть огромна. Даже если мы понимаем безжалостную эволюционную логику, сопровождавшую нелегкую жизнь предков, многие из видов инфантицида нам трудно понять и невозможно простить. Примеры, приведенные в списке Дэйли и Уилсона, включают убийство новорожденного, зачатого на стороне, или убийство новым мужем всех детей женщины от предыдущего брака. Дэйли и

Уилсон пишут, что 14% причин детоубийства, приведенных в списке, не так просто спрогнозировать, даже опираясь на законы эволюционной биологии: это и жертвоприношения, и месть бабушки ребенка своему зятю, и детоубийство, совершаемое, чтобы устранить претендентов на трон или избежать обязательств, налагаемых родством, и самая распространенная причина — убийство младенца только потому, что это девочка.

Убийства младенцев-девочек сегодня попали в центр внимания благодаря данным переписей населения, которые обнаружили в развивающемся мире огромный дефицит женщин. «Исчезнувшие сто миллионов» — так чаще всего говорят о недостатке дочерей, особенно заметной в Индии и Китае¹¹⁸. Азиатские семьи часто отмечены нездоровым пристрастием к сыновьям. В некоторых странах беременная женщина может пройти амниоцентез или УЗИ-обследование и сделать легальный аборт, если беременна девочкой. Такой высокотехнологичный подход может создать впечатление, что дефицит девочек — это современная проблема, но убийства младенцев женского пола практиковались в Китае и Индии на протяжении 2000 лет¹¹⁹. Китайские акушерки держали у кровати ведро с водой, чтобы утопить новорожденную. В Индии были свои способы: «дать пилюлю из табака и гашиша, заставить захлебнуться молоком, смазать грудь матери опиумом или соком ядовитого дурмана, залепить рот и нос девочки коровьим навозом, чтобы она задохнулась». И тогда, и сейчас, даже если девочка умудрялась выжить, ее шансы дожить до зрелости были невысоки. Родители отдают большую часть еды мальчикам, и,

как рассказывал китайский врач, «если заболевает сын, родители тут же отправляют его в больницу, а если заболевает дочь, родители обычно говорят друг другу: “Ну что же, подождем до завтра, посмотрим, как она будет себя чувствовать”»¹²⁰.

Убийство девочек, которое также называют фемицидом, не ограничивается Азией¹²¹. Живущие в Амазонии яномамо — одно из множества племен охотников-собирателей, которые предпочитают убивать девочек. В Древней Греции и Риме детей «выбрасывали в реки, навозные кучи и выгребные ямы, оставляли умирать от голода, бросали в глуши на волю стихий и диких зверей»¹²². В Европе инфантицид был распространен в Средние века и в эпоху Возрождения¹²³. И везде девочек убивали чаще, чем мальчиков. Часто семьи убивали всех девочек, пока не родится мальчик; дочерей, рожденных после него, оставляли жить.

Убийство девочек абсолютно бессмысленно с биологической точки зрения. У каждого ребенка есть и отец, и мать, и если люди озабочены продолжением рода или династии, выбраковывать дочерей — чистое сумасшествие. Основной принцип эволюционной биологии гласит, что соотношение полов 50/50 к возрасту сексуальной зрелости гарантирует устойчивое равновесие в популяции, потому что, если мужчин будет больше, дочерей будет не хватать. Тогда иметь дочь будет выгоднее, чем иметь сына: именно дочери будет проще привлечь сексуального партнера и произвести на свет следующее поколение. То же самое касается сыновей, если в популяции будет больше девочек. Учитывая, что родители, при рождении ребенка или позже, до некоторой степени могут контролировать соотношение полов выжившего

потомства, грядущие поколения должны наказывать их, если они будут регулярно отдавать предпочтение какому-то одному полу¹²⁴.

Существует наивная гипотеза, базирующаяся на соображении, что число женщин в популяции определяет скорость ее роста. Возможно, племена или народы, которые размножились до мальтузианского предела и сталкиваются с угрозой нехватки пищи или земли, убивают своих дочерей, чтобы достичь нулевого прироста населения?¹²⁵ Слабость этой теории в том, что многие племена и цивилизации, одобрявшие инфантицид, вовсе не жили в условиях нехватки ресурсов. Есть и более серьезная проблема — фатальная ошибка, свойственная любой наивной теории группового отбора: механизм, который она предполагает, внутренне противоречив. Любая семья, которая не подчинится концепции и сохранит своих дочерей в живых, станет преобладать в популяции, увеличивая число своих потомков, в то время как оставшиеся не у дел холостые сыновья их альтруистических соседей потомства не оставят. Род, склонный убивать новорожденных дочерей, вымер бы давным-давно, и существование фемицида в любом сообществе — загадка.

Может ли эволюционная психология объяснить данную дискриминацию? Критики такого подхода утверждают, что это не более чем упражнение в креативности, поскольку, если хорошо постараться, любому феномену можно найти остроумное эволюционное объяснение. Но это иллюзия, которая возникла как раз потому, что очень многие остроумные эволюционные гипотезы были подтверждены фактами. Успех подобных попыток вовсе не гарантирован. К примеру, теория Триверса —

Уилларда о соотношении полов в приложении к фемициду у человека при всей своей остроумности не подтвердилась¹²⁶.

Биолог Роберт Триверс и математик Дэн Уиллард размышляли следующим образом: несмотря на то что сыновья и дочери в среднем способны произвести на свет равное количество внуков, *максимальное ожидаемое* их число разнится в зависимости от пола. Сын в случае удачи может обойти других мужчин, оплодотворить сколько угодно женщин и породить уйму потомков; но даже самая плодовитая дочь не способна родить и выкормить потомство сверх естественного предела, ограниченного длительностью ее репродуктивного периода. С одной стороны, дочь — беспроигрышный вариант: неприспособленный сын не выдержит конкуренции с другими мужчинами и вообще не оставит потомства, а дочь, даже самая неприспособленная, практически никогда не испытывает недостатка в потенциальных сексуальных партнерах. Конечно, ее приспособляемость тоже важна: здоровая и привлекательная дочь родит и сохранит больше детей, чем нездоровая и непривлекательная, но разница не так велика, как в случае с сыном, где вопрос стоит: все или ничего. Если предположить, что родители в какой-то мере могут прогнозировать приспособляемость своих детей (скажем, контролируя собственное здоровье, питание или территорию) и изменять соотношение полов потомства, напрашивается вывод, что в благоприятных условиях они будут выбирать сыновей, а в неблагоприятных — оказывать предпочтение дочерям.

Теория Триверса — Уилларда подтвердилась для многих видов, но не для *Homo sapiens*. В традиционных

обществах богатые и статусные люди живут, как правило, дольше и привлекают больше партнеров лучшего качества. Согласно теории, высокостатусные люди должны предпочитать сыновей, а низкостатусные — дочерей. Иногда (например, при завещании имущества) именно так и происходит¹²⁷. Но в том, что касается самой важной милости — разрешения новорожденному жить, теория работает не очень хорошо. Эволюционные антропологи Сара Хрди и Кристен Хоукс в своих работах показали, что теория Триверса — Уилларда верна лишь наполовину. Представители высших каст в Индии действительно чаще убивают дочерей, но и в низших кастах поступают так же! Вообще практически невозможно найти сообщество, которое убивало бы сыновей¹²⁸. Культуры, практикующие инфантицид, либо соблюдают гендерное равенство и убивают мальчиков и девочек без разбору, либо предпочитают убивать девочек — а вместе с ними гибнет и объяснение фемицида, данное Триверсом и Уиллардом.

Можно предположить, что правы феминистки, которые убеждены, что такая абсолютная мизогиния, как убийство девочек, объясняется сексизмом общества, нарушающим само право на жизнь: быть женщиной — преступление, караемое смертью. Но и эта гипотеза тоже не работает. Неважно, насколько распространен (в прошлом или настоящем) в обществе сексизм, никто не хочет жить в мире, свободном от женщин. Мужчины не обитают стаями в домиках на деревьях, куда женщинам вход заказан, — они зависят от женщин в плане секса, детей, воспитания этих детей, зависят от пищи, большую часть которой добывают и готовят женщины. Семьи, убивающие девочек, хотят, чтобы женщины продолжали существовать. Они только предпочитают,

чтобы растил их кто-нибудь другой. Убийство девочек — вид социального паразитизма, проблема безбилетника, генеалогическая трагедия общин¹²⁹.

Проблема безбилетника возникает, когда ресурс общего пользования — в данном случае пул потенциальных невест — никому не принадлежит. Если бы родители обладали правом собственности на своих детей и обменивали их на свободном брачном рынке, сыновья и дочери ценились бы одинаково и ни одному полу не оказывалось бы предпочтения. Если вам нужен бравый воин или крепкий работник, неважно, кого вы растите — сына, который сам выполнит эту работу, или дочь, которая приведет в дом зятя. Семьи, где больше сыновей, обменивали бы их на невесток и наоборот. Да, родители вашего зятя могут захотеть, чтобы он остался с ними, но вы можете использовать свою более выгодную позицию: если парню действительно нужна жена, придется ему переехать и поселиться у вас. Сыновей будут предпочитать, только если права собственности на рынке искажены и родители метафорически владеют сыновьями, но не дочерьми.

Хоукс заметила, что у охотников-собираателей фемицид более распространен в патрилокальных общинах (когда дочь уходит жить в семью мужа), чем в матрилокальных (сын уходит жить в семью жены) и в тех, где пара сама решает, где им жить. Патрилокальное устройство свойственно племенам, в которых соседские деревни постоянно воюют между собой, поэтому мужчины, принадлежащие к одной семье, вынуждены держаться вместе. Если же враг не соседская деревня, а чужое племя, мужчины обладают большей свободой передвижения по принадлежащей им территории. Племена, раздираемые внутренними

сварами, впадают в циклы насилия: они убивают новорожденных девочек, чтобы их жены поскорее родили им мальчиков, новых воинов, тогда они смогут отбивать вражеские нападения и совершать удачные набеги на другие деревни, чтобы похитить у них дефицитный ресурс — женщин, чью численность они сами же и уменьшили. Военственные племена Древней Греции попадали в ту же ловушку¹³⁰.

Но причем тут централизованные государства вроде Китая и Индии? Хоукс отмечает, что в обществах, практикующих фемицид, родители точно так же владеют сыновьями, но не дочками, хотя причины здесь скорее экономические¹³¹. В стратифицированных обществах, где элиты предпочитают не делить богатство, наследство чаще всего отходит сыну. Кастовая система Индии стала дополнительным фактором, искажающим брачный рынок: низшие касты должны были выплачивать немалое приданое, чтобы дочь могла выйти замуж за жениха из более высокой касты. В Китае именно сын и его жена должны поддерживать родителей в старости, а рассчитывать на поддержку дочери и ее мужа не приходится (отсюда поговорка: «Дочь подобна пролитой воде»)¹³². Политика «Одна семья — один ребенок», принятая в 1978 г., обострила желание китайцев иметь сына, который помогал бы им на склоне лет. Сын с экономической точки зрения — ценный вклад, а дочь — обуза, и родители реагируют на этот перекося самыми крайними способами. Сегодня инфантицид считается преступлением и в Китае, и в Индии. Однако говорят, что в Китае на смену инфантицидам пришли селективные аборты — они тоже запрещены, но по-прежнему широко практикуются. В Индии власти регулярно закрывают клиники, работающие по принципу «УЗИ — аборт», но

проблема все еще не решена¹³³. Борьба с фемицидом, безусловно, будет вестись все активней хотя бы потому, что правительства наконец сделали нехитрые демографические подсчеты и осознали, что фемицидом сегодня означает толпы неуправляемых холостяков завтра (феномен, к которому мы еще вернемся)¹³⁴.

Ни оказавшиеся в отчаянном положении молодые матери, ни отцы, сомневающиеся в своем отцовстве, ни родители, предпочитающие сына, — никто на Западе больше не может убивать новорожденных безнаказанно¹³⁵. В 2007 г. в США жертвами детоубийств стал 221 младенец из 4,3 млн родившихся (0,00005%), что по отношению к историческому среднему представляет собой снижение в 2000 или даже 3000 раз. Около четверти погибших были убиты своими матерями в первый день жизни — о таких случаях часто писали газеты в конце 1990-х. Эти матери скрывали беременность, рожали тайно (в одном случае — на школьном выпускном), душили новорожденных и выбрасывали их тела в мусорные баки¹³⁶. Они находились в той же ситуации, что и их предшественницы в доисторические времена: слишком молодые, незамужние, рожавшие в одиночестве и не рассчитывавшие на поддержку родни. В других случаях младенцев убивали их приемные отцы. Иногда малыши становились жертвами материнской депрессии: мать решала умереть и забрать ребенка с собой, в уверенности, что без нее он все равно не выживет. Известны случаи, когда депрессия перерастала в послеродовой психоз и мать убивала детей в состоянии бреда, как печально

известная Андреа Йейтс, в 2001 г. утопившая пятерых своих детей в ванне.

Что же сократило число случаев инфантицида на Западе на три порядка? Первым шагом была криминализация этого действия. Библейский иудаизм запрещал детоубийство, хотя и не полностью: убийство младенца младше месяца не считалось преступлением, и этой уловкой по очереди воспользовались Авраам, царь Соломон и сам Яхве, насылая на Египет казнь № 10¹³⁷. Более явный запрет был наложен талмудическим иудаизмом и христианством, из последнего он проник в позднюю Римскую империю. Запрет основывался на идее, что жизнь принадлежит Богу и только он может давать ее и отнимать, так что родители больше не имели права распоряжаться жизнью своих детей. Как следствие, в моральном кодексе и законодательстве западных стран возникло табу на убийство: никто не имел права взвешивать ценность жизни конкретного человека. (Исключения, конечно, были с радостью сделаны для еретиков, неверных, нецивилизованных племен, враждебных народов и нарушителей любого из нескольких сотен законов. Да и мы каждый раз определяем ценность *статистических* жизней в противоположность жизням конкретным, посылая в горячую точку солдат или полицию или урезая дорогостоящие расходы на медицину и меры безопасности.)

Но разве не странно называть защиту конкретных жизней «табу»? Это же аксиома. Изучать святость жизни, препарировав ее в ярком свете ламп, — это чудовищно! Но именно такая реакция и создает табу: исследовать табу о ценности отдельной жизни с научной или даже нравственной точки зрения,

бесспорно, возможно. В 1911 г. английский врач Чарльз Мерсье выдвинул аргумент, согласно которому инфантицид следует считать менее гнусным преступлением, чем убийство ребенка постарше или же взрослого:

Разум жертвы еще не развился настолько, чтобы он мог страдать от перспективы приближающейся боли или смерти. Он не способен ощущать страх или ужас. Да и сознание его не развито настолько, чтобы он мог чувствовать боль на сколь-нибудь существенном уровне. Потеря новорожденного не пробивает брешь в семье, не лишает детей кормильца или матери, друга или человеческого существа, помощника или товарища¹³⁸.

Сегодня мы знаем, что младенцы чувствуют боль, но нить размышлений Мерсье подхватили некоторые современные философы, вторгшиеся в запретные зоны этики своими рассуждениями об абортах, правах животных, исследованиях стволовых клеток и эвтаназии — и неизменно подвергавшиеся остракизму после публикации своих работ¹³⁹. И хотя немногие из них признались бы, что согласны с Мерсье, подобные мысли так или иначе прокрадываются в наши безотчетные чувства, и убийство новорожденного матерью люди отличают от всех прочих видов убийства. Законодательства многих европейских стран выделяют инфантицид в особую категорию убийств или по умолчанию определяют умственное состояние матери как временное помешательство¹⁴⁰. Законы США не делают такого различия, но, если мать убивает новорожденного, обвинители часто не обвиняют ее, судьи не объявляют виновной, а матери, все же признанные виновными, как правило, избегают тюремного заключения¹⁴¹. В 1997 г. ажиотаж, поднятый журналистами, не позволил судам проявить снисходительность к юным матерям, выбрасывавшим младенцев в мусорные баки, но и они вышли на свободу через три года.

Табу на лишение человека жизни, как и табу на применение ядерного оружия, — это, в общем, очень хорошая вещь. Поразмышляйте над воспоминаниями человека, чья семья в 1846 г. добиралась с группой поселенцев из Калифорнии в Орегон. По пути они наткнулись на брошенную восьмилетнюю индейскую девочку, голодную, раздетую, покрытую ранами и нарывами.

Мужчины собрались, чтобы решить, как с ней поступать. Мой отец хотел взять ребенка с собой, остальные предлагали убить ее, тем самым положив конец ее мукам. Отец сказал, что это будет умышленное убийство. Голосованием было решено не делать ничего, но оставить девочку там, где нашли. Моя мать и тетка не хотели бросать эту малышку на произвол судьбы. Они задержались, чтобы помочь ей. Когда они наконец догнали нас, их глаза были полны слез. Мать рассказывала, что она встала на колени рядом с девочкой и просила Господа позаботиться о ней. Один из молодых парней, присматривавших за лошадьми, так переживал из-за того, что приходится бросить девочку, что вернулся и выстрелил ей в голову, чтобы избавить от мучений¹⁴².

Сегодня эта история повергает нас в шок. Но для поселенцев моральный выбор действительно состоял в том, чтобы оставить девочку умирать или убить ее, чтоб не мучилась. Сегодня мы предаемся подобным размышлениям, собираясь усыпить дряхлую собаку или сломавшую ногу лошадь, чтобы избавить животное от страданий, но людей мы выделяем в сакральную категорию. Вето, основанное на святости человеческой жизни, запрещает любые размышления: право человека на жизнь не обсуждается.

Реакция на нацистский Холокост, прогрессирующий поэтапно, намертво утвердила табу на лишение человека жизни. У нацистов все началось с эвтаназии умственно отсталых людей, психически больных и детей-инвалидов, затем дозволение убийства распространилось на гомосексуалов, славян, цыган и евреев. Каждая ступень облегчала следующий шаг идеологам

Холокоста и их соучастникам¹⁴³. Сейчас мы понимаем, что четкая граница на самом верху этого скользкого спуска останавливает людей, не давая им скатиться в полную аморальность. После Холокоста табу на манипуляции с жизнью и смертью вытеснило за рамки дозволенного публичное обсуждение инфантицида, евгеники и эвтаназии. Но, как и все другие, табу на лишение человека жизни противоречит некоторым свойствам реальности, и сегодня в области биоэтики ведутся яростные дискуссии, цель которых — примирить табу с нечеткостью биологической границы, отделяющей жизнь от нежизни во время эмбриогенеза, комы или постепенного угасания¹⁴⁴.

Любое табу, которое стремится противостоять мощным влечениям, порожденным самой природой человека, необходимо укреплять слоями эвфемизмов и лицемерия; и все равно его практическое воздействие ограничено. С инфантицидом в европейской истории происходило в точности то же самое. Если говорить о человеческой природе, вряд ли можно оспорить заявление, что люди склонны заниматься сексом в самых разных обстоятельствах, а вот растить получающихся в результате детей готовы не всегда. В отсутствие контрацепции, аборт или развитой системы социальной поддержки детей будет рождаться много, но не каждому повезет появиться на свет в окружении людей, готовых долгие годы заботиться о нем. Табуируется при этом инфантицид или нет, многие из этих малышей погибнут.

Почти полтора тысячелетия иудеохристианский запрет инфантицида сосуществовал с массовым инфантицидом в реальной жизни. Как пишет один историк, младенцев в Средние века бросали на

погибель «в огромных количествах и абсолютно безнаказанно, а современники писали об этом с самым холодным равнодушием»¹⁴⁵. Милнер приводит данные регистрации рождений, из которых видно, что в богатых семьях в среднем регистрировалось 5,1 рождения, в семьях среднего класса — 2,9, а у бедняков — 1,8, добавляя: «Нет оснований полагать, что количество беременностей было таким же»¹⁴⁶. В 1527 г. французский священник писал: «Отхожие места полнятся криками детей, которых туда выбросили»¹⁴⁷.

Периодически, в конце Средневековья и с наступлением Нового времени, система уголовного права пыталась справиться с инфантицидом. Однако успехи были сомнительными. В некоторых странах грудь незамужних служанок регулярно проверяли на лактацию, а если женщина не могла предъявить ребенка, ее пытали, чтобы выяснить, что она с ним сделала¹⁴⁸. Женщину, скрывшую рождение мертвого ребенка, обвиняли в убийстве и приговаривали к ужасной казни: зашивали в мешок с парой диких кошек или топили в реке. Даже если наказания были менее экстравагантными, кампания по искоренению инфантицида путем убийства юных матерей (многие из них были служанками, забеременевшими от хозяина), начала доставлять дискомфорт: общество осознало, что святость человеческой жизни оно охраняет, позволяя мужчинам избавляться от ненужных любовниц.

Тут же было придумано множество фиговых листков, чтобы прикрыть плоды «грешной» любви. Несчастные случаи, которые назывались «заспать ребенка» (когда мать случайно душила дитя, навалившись на него во сне), стали достигать

масштабов эпидемии. Женщинам предлагали оставлять нежеланных детей в приютах, в целях анонимности их оборудовали вращающимися платформами или люками в двери. Уровень смертности в таких приютах варьировал между 50 и 99%¹⁴⁹. Женщины передавали детей кормилицам или в семьи, которые брали их на воспитание за деньги, но и там уровень выживаемости был примерно таким же. Матери и кормилицы легко могли раздобыть опиум, алкоголь и патоку, чтобы успокоить беспокойного ребенка, и, при правильной дозировке, он мог успокоиться навсегда. Выживших нередко отправляли в работные дома, где они «не страдали от избытка пищи или одежды», как писал Диккенс в «Оливере Твисте», и где в «восьми с половиной случаях из десяти, оно [дитя] или заболело от голода и холода, или по недосмотру падало в огонь, или погибало от удушья. В любом из этих случаев несчастный малютка отправлялся в иной мир, чтоб там соединиться со своими родителями, коих он не ведал в этом»^[94]. Но и при такой изобретательности крошечные тельца часто находили в парках, под мостами и в канавах. В 1862 г. британский коронер заметил: «Обнаружив тело ребенка, полицейские, кажется, испытывают не больше волнения, чем при виде мертвой кошки или собаки»¹⁵⁰.

Нынешним сокращением числа случаев инфантицида в несколько тысяч раз мы частично обязаны материальному благополучию, достигнутому западным обществом, — теперь матери редко попадают в безвыходное положение, а частично технологиям — безопасной и надежной контрацепции и абортам, сокращающим число нежеланных младенцев. Но причина еще и в том, что ценность ребенка сильно выросла. Вместо того чтобы оставлять

малыша на волю божью, западное общество наконец усвоило, что жизнь ребенка священна и неважно, кто его родители, насколько нечист и бесформен он при рождении, насколько заметную брешь пробивает его смерть в семье, насколько дорого обходится его прокорм и воспитание. В XX в., еще до того, как аборт стали широко доступны, забеременевшая девушка реже рожала в одиночестве и тайно избавлялась от ребенка, потому что общество предоставляло ей выбор: появлялись дома для незамужних матерей и агентства, подбиравшие нежеланным детям приемных родителей, а приюты больше не были лагерями смерти. Почему правительства, благотворители и Церковь начали вкладывать деньги в эти спасительные меры? Создается впечатление, что детей стали ценить выше: наш коллективный круг эмпатии расширился и вместил их интересы, начиная с первого и главного — выживания. Анализ прочих аспектов отношения к детям подтверждает, что произошедшие перемены — колоссальны.

Прежде чем обратиться к общей картине любви к детям в современной западной культуре, я должен посвятить несколько слов более циничному взгляду на историческую судьбу инфантицида. Согласно альтернативной версии, инфантициды на Западе не исчезли с течением лет, просто люди переключились с убийства детей вскоре после рождения на убийство их вскоре после зачатия.

Действительно, сегодня почти везде в мире абортами заканчивается тот же процент беременностей, который раньше заканчивался

убийством младенца¹⁵¹. Женщины в развитых странах Запада избавляются от 12% до 25% беременностей; в ряде бывших коммунистических стран эта пропорция превосходит 50%. В 2003 г. в США был произведен 1 млн аборт, в европейских и западных странах — около 5 млн, еще 11 млн — в остальном мире. Если считать аборты одной из форм насилия, Запад не достиг никакого прогресса в области защиты детей. С этой точки зрения, особенно притом что аборты стали широко доступны только в 1970-х (это касается и США, где аборты были легализованы в 1973 г., после решения Верховного суда по делу Роу против Уэйда), нравственное состояние Запада не улучшилось, оно просто рухнуло.

Здесь не место обсуждать безнравственность аборт, но, рассмотрев тенденции насилия в широком контексте, мы сможем лучше понять, каким образом люди осмысляют аборт. Противники легализации аборт предсказывали, что принятие этой практики обесценит человеческую жизнь и поставит общество на скользкий путь, ведущий к инфантициду, эвтаназии инвалидов, обесцениванию жизни детей и — пуще того — к многочисленным убийствам и геноциду. Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что ничего подобного не произошло. В большинстве стран Северного полушария аборты легальны уже десятки лет, но ни в одной стране предельно разрешенный срок аборта не сдвинулся так далеко, чтобы перерасти в убийство ребенка. Не подготовили аборты и почву для эвтаназии детей-инвалидов. За время, что прошло с легализации аборт, уровень всех категорий насилия снизился и, как мы увидим далее, ценность жизни детей резко выросла.

Противники абортов назвали бы спад всех форм насилия, кроме убийства эмбрионов, потрясающим примером нравственного лицемерия. Но есть и другое объяснение этого несоответствия. Сегодня мы все чаще осмысляем моральную ценность в терминах *сознания*, точнее способности страдать и наслаждаться, и связываем сознание с активностью мозга. Это изменение — следствие отказа от традиций и религии как источника нравственного просвещения в пользу науки и светской философии. Точно так же, как окончание жизни теперь определяется прекращением активности мозга, а не остановкой сердца, началом жизни считается момент появления первых признаков сознания у плода. С точки зрения современной науки основа сознания — это активность нейронов, связывающая таламус с корой больших полушарий, — она отмечается примерно на 26-й неделе беременности¹⁵². Более того, люди интуитивно чувствуют, что плод не обладает сознанием в полной мере. Психологи Хизер Грей, Курт Грей и Дэниел Вейнер выяснили: большинство опрошенных считает, что плод может ощущать больше, чем робот или труп, но меньше, чем животные, младенцы, дети и взрослые¹⁵³. Львиная доля абортов производится задолго до того, как плод обзаведется функционирующим мозгом, и в соответствии с этим пониманием сравнительной ценности человеческой жизни осмысляется фундаментальное отличие аборта от инфантицида и других форм насилия.

В то же время можно ожидать, что общая неприязнь к уничтожению чего угодно живого подтолкнет людей к отказу от абортов, даже если они не будут считать их полноценным убийством. И это действительно происходит. Малоизвестный факт: уровень абортов падает по всему миру. Рис. 7–16

показывает уровень аборт в регионах мира, для которых доступны данные (хоть и не всегда достаточно достоверные) за 1980, 1996 и 2003 гг.

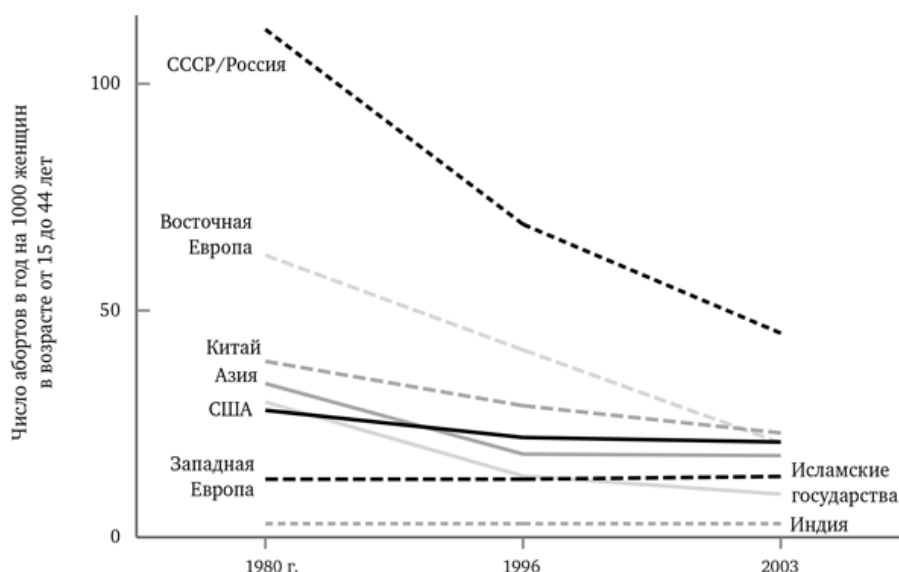

РИС. 7–16. Число аборт в мире, 1980–2003 гг.

Источники: Henshaw, 1990; 1996 & 2003; Sedgh et al., 2007. «Восточная Европа» здесь включает Болгарию, Чехословакию/Чехию и Словакию, Венгрию, Югославию/Сербию–Черногорию, Румынию. «Западная Европа» — Бельгию, Данию, Англию и Уэльс, Финляндию, Нидерланды, Норвегию, Шотландию, Швецию. «Азия» — Сингапур, Японию, Южную Корею (2003 г. приравнен к 1996-му). «Исламские государства» включают Тунис и Турцию

Спад резче всего выражен в странах бывшего социалистического блока, в которых, как говорят, до того сложилась «культура аборт». В коммунистическую эру аборт были доступны, а вот средства контрацепции, как и прочие товары народного потребления, распределялись государством, а не законами спроса и предложения и потому всегда были в дефиците. Но аборт стали реже также и в Китае, США, в азиатских и в тех исламских странах, где они разрешены. Только в Индии и Западной Европе уровень аборт не падает, но в этих регионах он и с самого начала был низким.

Причины спада по большей части практические. Контрацепция дешевле и удобнее аборт, и, если она легко доступна, именно к ней будут прибегать дальновидные люди, способные к самоконтролю. Но даже женщины, прибегающие к аборт, и их

соотечественники, выступающие за то, чтобы эти операции оставались легальными и безопасными, все равно оценивают аборты с точки зрения морали. Считается, что число абортов стоит свести к минимуму, даже если они не запрещены законом. Если так, динамика абортов поможет найти точки соприкосновения в горячих дебатах борцов «за право на жизнь» и «за выбор». Страны, разрешающие аборты, не встали на скользкую дорожку, ведущую к детоубийству и другим формам насилия. Они все чаще действуют так, словно исходят из нежелательности абортов и стараются снизить их частоту в рамках стремления защитить все живые существа.

В долгие и безотрадные века насилия в отношении детей если младенец и выживал в свой день рождения, то лишь для того, чтобы подвергнуться жестокому обращению и суровым наказаниям в последующие годы. Хотя охотники-собиратели использовали телесные наказания умеренно, методы воспитания, принятые во всех остальных обществах, словно сошли со страниц «Алисы в Стране чудес»:

Малютку сына — баю-бай!

Прижми покрепче к сердцу

И никогда не забывай

Задать ребенку перцу![\[95\]](#)¹⁵⁴

Ведущая теория развития ребенка гласила, что дети от рождения испорчены и социализировать их можно только силой. Выражение «Пожалеешь розги — испортишь ребенка» приписывается советнику ассирийского царя, жившему в VII в. до н.э. Позже эта мудрость перекочевала в «Книгу притчей Соломоновых»: «Кто жалеет розги своей, тот

ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притчи 13:24)¹⁵⁵. Средневековый французский стихотворец предупреждал: «Лучше бить ребенка, пока он мал, чем увидеть, как его повесят, когда он вырастет». Священник-пуританин Коттон Мэзер (сын Инкриза Мэзера^[96]) в своей заботе о благополучии ребенка заходил еще дальше: «Лучше розги, чем адские муки»¹⁵⁶.

И как всегда, когда дело касалось наказаний, люди прилагали все способности к изобретению технологий, которые могут дать человеку настолько неприятный опыт, насколько это вообще возможно. Демос пишет о средневековой Европе:

То, что детей, в которых вселился бес, нужно лупить, считалось само собой разумеющимся. Для этой цели существовало множество инструментов: от плетки-девятихвостки, розог и лопат до тростниковых лоз, железных прутьев и хворостин, кнутов и бичей (сплетенных из металлических звеньев), стрекал (заостренных палок, которыми кололи руки или голову ребенка) и специальных школьных инструментов вроде круглой колотушки с отверстием, которой наставляли волдыри. Порки, описываемые в источниках, почти всегда были жестокими, до синяков и до крови, начинались они во младенчестве, обычно имели эротический подтекст, поскольку удары наносились по обнаженным частям тела вблизи гениталий, и являлись обычной частью повседневной жизни ребенка¹⁵⁷.

Суровые телесные наказания столетиями были обычным делом. В одном исследовании обосновывалось мнение, что во второй половине XVIII в. всех без исключения американских детей били палками, плетью или чем-нибудь еще¹⁵⁸. Дети подлежали наказанию и со стороны закона; в недавно изданной биографии Сэмюэла Джонсона между делом упоминается, как в Англии в XVIII в. повесили семилетнюю девочку за кражу нижней юбки¹⁵⁹. Немецких детей даже на рубеже XX в. «регулярно сажали на горячую железную плиту за упрямство, привязывали к кровати на несколько дней, бросали в

ледяную воду или снег, чтобы “закалить”, и каждый день заставляли часами стоять на коленях на деревянном чурбаке, пока их родители ели или читали»¹⁶⁰. Приучая детей к туалету, многих мучили клизмами, а в школах учеников «пороли, пока не слезет кожа».

Жестоким обращением отличилась не только Европа. Порки детей описаны в Древнем Египте, Шумере, Вавилоне, Персии, Греции, Риме, Китае и у мексиканских ацтеков, которые били детей «ветками с колючими шипами, связывали им руки и пороли острыми листьями агавы и плетками, а также держали над огнем из высушенного острого перца, заставляя вдыхать едкий дым»¹⁶¹. Демос пишет, что маленьких японцев даже в XX в. «жестоко избивали, поджигали благовония на их коже, приучали к горшку постоянными клизмами... пинали, подвешивали за ноги, заталкивали под ледяной душ, душили, втыкали иголки в тело, отрезали суставы пальцев»¹⁶². (Будучи не только историком, но и психоаналитиком, Демос собрал достаточно материала, которым можно объяснить зверства Второй мировой войны.)

Детей подвергали и психологическим пыткам. Даже сказки постоянно напоминали им, что родители могут их бросить, приемные родители — мучить, а сказочные монстры или дикие звери — покалечить. Сказки братьев Гримм не единственный пример детской литературы, рассказывающей о бедах, которые могут обрушиться на непослушного или беспечного ребенка. Английских младенцев, например, убаюкивали песенкой о Наполеоне:

Вот он скачет мимо дома!

Тише, тише, мой малыш.

Если он тебя услышит,

Разорвет, как кошка мышь.
Будет бить тебя жестоко,
Бить до крови, карапуз!
Ручки-ножки оторвет
И сожрет их, хрусь-хрусь-хрусь!¹⁶³

Повторяющийся мотив детских стишков: ребенок совершает небольшой проступок или несправедливо в нем обвинен, за это мачеха его убивает, разделяет, варит и подает на обед ничего не подозревающему папаше. В версии на идише жертва подобной несправедливости нашептывает с того света своей сестре:

Мать извела меня, отец сожрал меня.
Шейнделе, они обсосали мои кости и выбросили их в окно¹⁶⁴.

Но зачем родителям пытаться, морить голодом, лишать заботы или стращать ребенка? Разве эволюция не побуждает их вкладываться в детей по максимуму, если весь смысл и цель естественного отбора — дать жизнеспособное потомство? Дети же, со своей стороны, должны беспрекословно подчиняться наставлениям родителей, поскольку те действуют ради их же блага. Такой наивный взгляд предполагает гармонию между родителем и ребенком, поскольку каждый из них «хочет» одного: чтобы ребенок вырос здоровым и достаточно сильным, чтобы иметь собственных детей.

Триверс первым заметил, что теория естественного отбора ничего подобного не предполагает¹⁶⁵. На самом деле эволюционная генетика семьи несет в себе зерно конфликта между детьми и родителями. Родителям приходится распределять вложения (ресурсы, время и риск) на всех своих детей —

рожденных и еще не рожденных. При прочих равных каждый потомок одинаково ценен и каждый получает больше родительских инвестиций, пока мал и беспомощен и не может сам о себе позаботиться. Дети же видят ситуацию иначе. Хотя ребенок заинтересован в благополучии родных братьев и сестер, так как делит с ними половину генов, единственный обладатель 100% своих генов — он сам, так что в собственном благополучии заинтересован в первую очередь. Нестыковка желаний родителей (поровну распределить силы на всех детей) и желаний ребенка (чтобы ему доставалось больше, чем братьям и сестрам) называется конфликтом отцов и детей. На карту поставлен родительский вклад в ребенка и его братьев и сестер, однако этим братьям и сестрам даже не обязательно существовать: родитель должен беречь силы для будущих детей или внуков. На самом деле первая дилемма родительства — оставить ли новорожденного в живых — это частный случай детско-родительского конфликта.

Теория конфликта детей и родителей ничего не говорит о том, сколько инвестиций в себя должен хотеть отпрыск и сколько должны ему предоставить родители. Смысл ее в том, что, сколько бы родители ни дали, ребенок хочет немного больше. Дети плачут, когда им нужна помощь, и родители не могут игнорировать их плач. Но дети плачут немного громче и дольше, чем необходимо. Родители дисциплинируют детей, чтобы удержать их от опасных ситуаций, и социализируют, чтобы сделать эффективными членами общества. Но ради своего удобства родителям приходится муштровать ребенка чуть сильнее и социализировать чуть больше, чтобы он лучше ладил с братьями, сестрами и родней, — выше уровня, в котором заинтересован сам ребенок.

Конечно, как и всегда, лексика целеполагания («хочет», «интересы», «ради») не означает в сознании людей буквальных желаний, но используется как условное обозначение эволюционного давления, которое и сформировало их сознание.

Конфликт детей и родителей объясняет, почему воспитание детей всегда поединок воли, но не объясняет, почему в одну эпоху он ведется розгами и хлыстами, а в другую — нравоучениями. Трудно не сочувствовать детям, которые тысячелетиями напрасно страдали от рук тех, кто должен был о них заботиться. Если на войне противники не уступают друг другу в свирепости, то насилие при воспитании детей полностью одностороннее. Дети, которых в прошлом порол и жгли, были не вреднее нынешних детей, а став взрослыми, вели себя не лучше. Напротив, мы убедились, что уровень импульсивного насилия взрослых был в прошлом гораздо выше. Что помогло нынешним родителям осознать, что детей можно социализировать и малой толикой той грубой силы, которую применяли их предки?

Первый толчок был идеологическим и, как и другие гуманистические реформы, берет начало в Веке разума и эпохе Просвещения. Тактики, которых придерживаются в детско-родительском конфликте дети, заставляют родителей всех времен называть их маленькими дьяволятами. В период расцвета христианства это ощущение подкреплялось религиозной верой во врожденную испорченность и первородный грех человека. Немецкий проповедник в 1520-х гг., например, учил, что дети таят желания «распутства, разврата, грязных мыслей, похотливости, идолопоклонства, веры в волшебство, враждебности, драк, гнева, азарта, неподчинения, смуты, крамолы, ненависти, убийства, пьянства и обжорства», и это

только для начала¹⁶⁶. Выражение «выбить дурь» не было просто фигурой речи. К тому же фатализм по отношению к участи человека заставлял считать развитие ребенка вопросом судьбы или Божественной воли, а не ответственности родителей и учителей.

Сдвигом парадигмы мы обязаны «Мыслям о воспитании» Джона Локка — эта его работа была издана в 1693 г. и быстро обрела широкую известность¹⁶⁷. Локк предположил, что ребенок «лишь белая бумага, воск, который можно лепить и формировать как вздумается» — доктрина, именуемая теорией *tabula rasa*, чистого листа. Локк писал, что образование детей может «изменить человечество», и поощрял учителей проявлять симпатию к ученикам и пытаться встать на их точку зрения. Учителя должны внимательно наблюдать «изменения нрава» детей и помогать учиться с удовольствием. Они не должны ожидать от маленьких детей таких же «манер, серьезности и прилежания», как от старших. Напротив, «им следует позволять... неразумность и непосредственность, свойственную их годам»¹⁶⁸.

Сегодня мы не видим ничего необычного в идее, что то, как с детьми обращаются, определяет, какими они вырастут, но в те времена это было в новинку. Ряд современников и последователей Локка прибегали к метафорам, чтобы напомнить окружающим о годах жизни, которые формируют личность. Джон Мильтон писал: «Детство показывает человека, как утро показывает день». Александр Поуп возвысил корреляцию до причинно-следственной связи: «Куда веточка гнется, туда и дерево клонится». А Уильям Вордсворт изобрел свое сравнение: «Ребенок — отец мужчины». Новая концепция детства заставила обдумать моральные и практические последствия

воспитательных мер. Порка больше не считалась изгнанием вселившихся в ребенка злых сил или методом воздействия, который поможет снизить частоту нежелательного поведения в настоящем. Порка формирует человека, которым станет ребенок, так что ее последствия, ожидаемые или непредвиденные, могут изменить будущее человечества.

Следующий сдвиг сознания произвел Жан Жак Руссо, который заменил христианскую веру в первородный грех романтическим понятием первородной безгрешности. В трактате 1762 г. «Эмиль, или О воспитании» Руссо писал: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вырождается в руках человека»^[97]. Предвосхищая теории психолога XX в. Жана Пиаже, Руссо разделил детство на последовательность стадий, сфокусированных на инстинктах, ощущениях и идеях. Он утверждал, что маленькие дети еще не достигли возраста идей и от них нельзя ждать рассуждений на уровне взрослых. Вместо того чтобы муштровывать их, вдавливая правила добра и зла, взрослые должны позволять детям взаимодействовать с природой и учиться на собственном опыте. Если в процессе исследования мира дети что-то ломают, так это не со зла, но по незнанию. «Уважайте детство, — настаивал он — Дайте дольше действовать природе, прежде чем возьметесь действовать вместо нее»¹⁶⁹. Романтизм XIX в. вслед за Руссо считал детство периодом мудрости, чистоты и творчества, стадией, когда детям позволяют получать удовольствие, а не наказывают, лишая его. Подход, знакомый сегодня, но радикальный тогда.

В эпоху Просвещения элиты начали усваивать благосклонные к детям доктрины чистого листа и

первородной безгрешности. Но историки считают, что по-настоящему отношение к детям поменялось значительно позже, на рубеже XIX–XX в.¹⁷⁰ Экономист Вивиана Зелицер предположила, что «сакрализация» детства в глазах родителей из среднего и высшего классов произошла в период с 1870-х по 1930-е гг. Именно тогда дети обрели сегодняшний статус «экономически невыгодных, эмоционально бесценных»¹⁷¹. Все началось в Англии, где скандалы с «фермами младенцев»^[98] привели к созданию в 1870 г. Общества защиты детей и способствовали принятию в 1872 и 1897 гг. законов о защите жизни детей. Примерно в то же время благодаря появлению пастеризации и стерилизации посуды для детей меньшее число младенцев стало попадать в руки кормилиц-убийц. И хотя поначалу индустриальная революция избавила детей от непосильного труда на фермах, всего лишь заменив его непосильным трудом на заводах и фабриках, законодательные реформы последовательно запрещали эксплуатацию детей. Тогда же изобилие, достигнутое в результате индустриальной революции, снизило уровень детской смертности и необходимость в детском труде и вдобавок обеспечило приток налоговых поступлений, которые можно было направить на социальные нужды. Все больше детей училось в школах, которые стали обязательными и бесплатными. Чтобы справиться с беспризорниками, оборванцами и попрошайками, болтавшимися по улицам городов, учреждения социального обеспечения основывали детские сады, приюты, исправительные школы, летние лагеря и клубы для мальчиков и девочек¹⁷². Детская литература издавалась, чтобы доставлять удовольствие маленьким читателям, а не для запугивания и чтения нотаций. Возникшее «Движение

по исследованию детства» ставило своей целью найти научный подход к развитию человека и замещало предрассудки и демагогию бабушек предрассудками и демагогией экспертов по воспитанию детей.

Мы уже видели, как в период гуманитарных реформ признание прав одной группы по аналогии вело к признанию прав другой: деспотизм мужей сравнивали с деспотизмом королей, а два столетия спустя движение за гражданские права вдохновило движение за права женщин. Защита детей, подвергающихся насилию, тоже извлекла пользу из аналогии — как ни странно, с животными.

В 1874 г. на теле десятилетней сироты Мэри Эллен Маккормак, проживавшей на Манхэттене в семье приемной матери и ее второго мужа, соседи разглядели подозрительные порезы и ушибы¹⁷³. Соседи сообщили об этом в Департамент исполнения наказаний, который управлял городскими тюрьмами, домами бедняков, сиротскими приютами и сумасшедшими домами. Так как законов, которые защищали бы детей как отдельную категорию, не существовало, социальный работник обратился в Американское общество защиты животных. Основатель общества усмотрел сходство между бедственным положением девочки и положением лошадей, которых он спасал от жестоких владельцев конюшен. Он нанял адвоката, который представил творческую интерпретацию права неприкосновенности личности Верховному суду штата Нью-Йорк и подал ходатайство, чтобы ребенка забрали из семьи. Девочка спокойно рассказала:

У мамы есть привычка бить и пороть меня почти каждый день. Она обычно бьет меня кнутом из сыромятной кожи. У меня на голове сейчас две черно-синих отметины от этого кнута и порез слева на лбу — это сделала мама, ножницами... Я никогда не

решалась сказать кому-нибудь, потому что иначе меня выпороли бы.

Газета *The New York Times* напечатала эти показания в статье «Бесчеловечное обращение с малюткой», и девочку забрали из дома. Ее удочерил социальный работник, а занимавшийся ее делом адвокат основал Нью-Йоркское общество по предотвращению жестокого обращения с детьми — первое в мире общество защиты детей. Вместе с другими общественными институтами, возникшими следом, Общество учреждало убежища для детей, лоббировало законы, наказывающие жестоких родителей. В Англии первым судебным делом по защите ребенка от жестоких родителей также занялось Королевское общество по предотвращению жестокости к животным, а уже из него выросло Национальное общество по предотвращению жестокости к детям.

На рубеже XIX–XX вв. ценность детей в глазах западного общества выросла, но не следует понимать этот как резкий переход или однократное событие. Выражение любви к детям, горе от их потери и беспокойство из-за плохого обращения с ними можно обнаружить в любой период европейской истории и в любой культуре¹⁷⁴. Даже родители, жестоко обращавшиеся с детьми, чаще всего поступали так под влиянием ошибочного убеждения, что действуют в интересах ребенка. Как и в случаях со снижением других видов насилия, здесь сложно выделить влияние происходивших одновременно перемен — популярности идей Просвещения, растущего благосостояния, реформ законодательства, изменения социальных норм.

Каковы бы ни были причины перемен, в 1930-е гг. прогресс не остановился. Бестселлер Бенджамина

Спока «Ребенок и уход за ним» (Baby and Child Care) в 1946 г. казался радикальной книгой, поскольку автор не поощрял матерей шлепать детей, скупиться на выражение привязанности к ним и следовать жесткому режиму дня. Даже для послевоенного поколения родителей (которых за снисходительность к детям часто и несправедливо обвиняли в недостатках выращенного ими поколения беби-бума) теория Спока, без сомнения, была недостижимым ориентиром. Когда беби-бумеры сами стали родителями, они были еще внимательнее к своим детям. Локк, Руссо и реформаторы XIX в. привели в движение эскалатор доброты к детям, и в последние десятилетия он движется все быстрее.

Начиная с десятилетия 1950-х люди все болезненнее воспринимают ситуации, в которых дети становятся жертвами любых форм насилия. Насилие, которое люди лучше всего могут контролировать, — это, конечно, то, которое они насаждают сами: взбучки, шлепки, удары, порки, трепки, подзатыльники, тычки и другие виды телесных наказаний. В XX в. мнение элит о телесных наказаниях изменилось кардинально. Сегодня, кроме как в фундаменталистских христианских общинах, вряд ли где услышишь, что пожалеть розги — значит испортить ребенка. Сцены с участием отца или матери с ремнем в руках и заплаканных детей, привязывающих подушку к своим ягодицам, больше не увидишь в семейных комедиях.

Со времен доктора Спока гуру воспитания все чаще выступали против порки¹⁷⁵. Сегодня ассоциации педиатров и психологов борются с этим методом воспитания, хоть и не всегда выражаясь настолько

точно, как Мюррей Страус, озаглавивший свою статью «Детей нельзя бить никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах»¹⁷⁶. Эксперты выступают против порок по трем причинам. Во-первых, у порки есть вредные побочные эффекты в будущем: агрессия, преступность, дефицит эмпатии и депрессия. Теория причинно-следственных связей, гласящая, что порка учит ребенка решать проблемы насилием, кажется весьма спорной. Вполне вероятно, что корреляция между поркой и насилием объясняется тем, что генетически жестокие родители производят на свет таких же жестоких детей и что культуры и общины, которые попустительствуют поркам, терпимы и к другим видам насилия¹⁷⁷. Во-вторых, порка как способ прекратить нежелательное поведение не особенно эффективна. Объяснение ребенку его проступка, ненасильственные наказания вроде выговора или времени, проведенного в одиночестве, работают не хуже. Боль и унижение не позволяют ребенку усвоить, что именно он сделал неправильно, а если единственным мотивом правильного поведения будет стремление избежать наказания, тогда, как только мама и папа отвернутся, дети пустятся во все тяжкие. Но, возможно, самая веская причина избегать порки — символическая. Это третья, по Страусу, причина, почему детей нельзя бить ни за что и никогда: «Избиения противоречат идеалу ненасилия в семье и обществе».

Слушали ли родители экспертов или пришли к тем же выводам самостоятельно? Опросы общественного мнения иногда интересуются, согласны ли респонденты с утверждениями вроде «Порой необходимо дисциплинировать ребенка хорошей поркой» или «При некоторых обстоятельствах ребенка можно отшлепать». Количество утвердительных

ответов зависит от формулировки вопроса, но во всех опросах, в которых формулировка не менялась с течением времени, виден тренд на понижение. Рис. 7–17 демонстрирует динамику с 1954 г., вычисленную по трем наборам данных — для США, Швеции и Новой Зеландии. До начала 1980-х гг. около 90% респондентов в англоязычных странах одобряли физические наказания. Однако не успело смениться поколение, как в некоторых опросах процент одобрительных ответов снизился больше чем наполовину. Уровень одобрения зависит от страны и региона: шведы одобряют порки гораздо реже, чем американцы и новозеландцы, да и американцы отличаются друг от друга — как и можно было ожидать, учитывая существование южной культуры чести¹⁷⁸. В опросе 2005 г. уровень одобрения порок колебался примерно от 55% в северных демократических штатах вроде Массачусетса и Вермонта до более чем 85% в южных республиканских штатах вроде Алабамы и Арканзаса¹⁷⁹. Для всех 50 штатов уровень одобрения порок повторяет уровень убийств (два измерения показывают корреляцию в 0,52 на шкале от –1 до 1). Это может значить, что дети, которых били, вырастают и становятся убийцами, но, скорее всего, субкультуры, поощряющие физические наказания для детей, одобряют и агрессивное отстаивание чести среди взрослых¹⁸⁰. Однако отношение к поркам меняется повсеместно, так что к 2006 г. уровень неодобрения телесных наказаний в южных штатах достиг уровня, наблюдавшегося в 1986 г. в северных центральных и среднеатлантических штатах¹⁸¹.

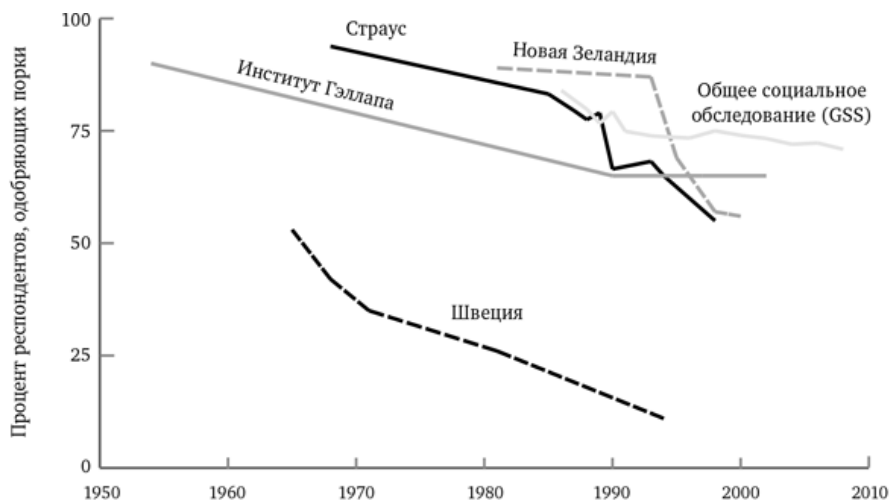

РИС. 7–17. Одобрение физических наказаний в США, Швеции и Новой Зеландии, 1954–2008 гг.

Источники: Gallup/ABC: Gallup, 1999; ABC News, 2002. Straus: Straus, 2001, p. 206. General Social Survey*: <http://www.norc.org/GSS+Website/>, средние арифметические взвешенные. New Zealand: Carswell, 2001. Sweden: Straus, 2009

* Общее социальное обследование (General Social Survey, GSS) — социологический опрос, проводящийся с 1972 г. Национальным центром изучения общественного мнения при Университете Чикаго. — Прим. пер.

А как насчет поведения родителей? Многие из них все еще шлепают ребенка по ручке, если малыш тянется к запрещенному объекту, но во второй половине XX в. все прочие виды телесных наказаний переживают спад. В 1930-х американские родители лупили своих детей по три раза в месяц и чаще, что составляет как минимум 30 порок в год. К 1975 г. число порок снизилось до десяти, к 1985-му — почти до семи¹⁸². В Европе дела обстоят еще лучше¹⁸³. В 1950-х 94% шведов били своих детей, 33% делали это каждый день; к 1995 г. их доля упала до 33% и 4% соответственно. К 1992 г. немецкие родители прошли огромный путь по сравнению со своими прапрадедушками, которые сажали их прадедушек на горячую плиту и привязывали к кровати. Но 81% родителей все еще отвешивали детям пощечины, 41% лупили их палкой и 31% били детей до синяков и ссадин. К 2002 г. эти цифры упали до 14, 5 и 3% соответственно.

Сохраняются различия и между странами. В Израиле, Венгрии, Нидерландах, Бельгии и Швеции только 5% студентов колледжей вспоминают, что были биты, будучи подростками, а в Танзании и Южной Африке таких уже около четверти¹⁸⁴. В целом в богатых странах детей бьют меньше, за исключением развитых стран Азии — Тайваня, Сингапура и Гонконга. Этот контраст наблюдается и среди этнических групп в США, где афроамериканцы и азиаты бьют детей чаще, чем белые¹⁸⁵. Но уровень одобрения порок снизился во всех трех группах¹⁸⁶.

В 1979 г. в Швеции запретили пороть детей¹⁸⁷. К Швеции вскоре присоединились другие скандинавские страны, за ними несколько стран Западной Европы. Организация Объединенных Наций и Евросоюз призвали все страны — члены ООН запретить физические наказания. В ряде государств были запущены кампании, привлекающие к проблеме внимание общественности, а в 24 странах телесные наказания детей сегодня караются законом.

Запрет порки — это потрясающий прогресс. На протяжении тысячелетий дети считались собственностью родителей, и то, как они с этой собственностью обращались, никого больше не касалось. Этот запрет лежит в русле других видов вмешательства государства в дела семьи — обязательного образования и вакцинации, изъятия детей из неблагополучных семей, принудительного лечения против воли религиозных родителей, запрета женского обрезания в мусульманских общинах европейских стран. Можно смотреть на такое вмешательство как на тоталитарное вмешательство государства в сферу личной жизни. Но, с другой стороны, это показатель исторического движения к

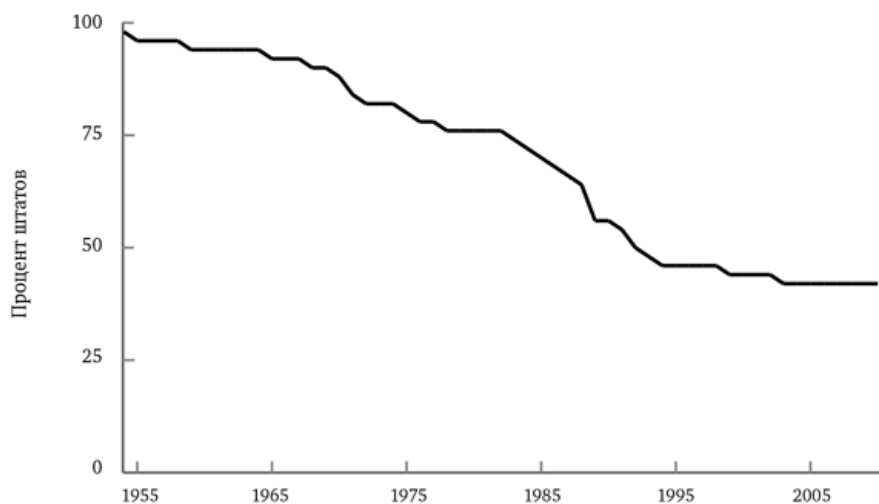
признанию автономии личности. Дети тоже люди, у них, как и у взрослых, есть право на жизнь и здоровье (и на неприкосновенность гениталий), которое охраняется общественным договором, наделяющим государство властью. Тот факт, что родители заявляют, что дети — их собственность, не может обнулить это право.

Американцы в таких вопросах традиционно становятся на сторону семьи, а не государства, и ни один штат пока не запретил телесные наказания детей родителями. Но когда дело доходит до телесных наказаний детей правительством, а конкретно — работающими на него учителями, от этой формы насилия начинают отказываться. Даже в республиканских штатах, где три четверти населения одобряет порки в семье, только 30% согласны на шлепки в школах, а в демократических штатах уровень одобрения ниже в половину¹⁸⁸. Число американцев, одобряющих телесные наказания в школах, снижалось с 1950-х гг. (рис. 7–18). Со временем это отношение воплотилось в законы. Рис. 7–19 показывает, как уменьшалась доля американских штатов, где разрешены телесные наказания в школах.

РИС. 7–18. Одобрение американцами телесных наказаний в школах, 1954–2002 гг.

Источники: данные за 1954–1994 гг. из Gallup, 1999; за 2002 г. из ABC News, 2002

РИС. 7–19. Американские штаты, где были разрешены телесные наказания в школах, 1954–2010 гг.

Источник: Leiter, 2007

В мире этот тренд выражен еще ярче: телесные наказания в школах сегодня считаются нарушением прав человека, как и другие формы незаконного насилия со стороны государства. Они осуждены Комитетом ООН по правам ребенка, Комитетом ООН по правам человека и Комитетом ООН против пыток и запрещены в 106 странах — более чем в половине государств мира¹⁸⁹.

~

Да, большинство американцев до сих пор считают, что родители вправе наказывать детей физически, однако

проводят все более четкую границу между мягким насилием, которое они считают воспитательным (шлепки и подзатыльники), и серьезным насилием, которое расценивается как жестокое обращение — удары, пинки, порки, избиения и запугивание (например, пугать ребенка ножом или пистолетом или угрожать сбросить с высоты). Исследуя домашнее насилие, Страус просил респондентов заполнить чек-лист, включающий в том числе и наказания, которые считаются жестокими. Он обнаружил, что между 1972 и 1992 гг. число матерей, которые признаются в таких наказаниях, снизилось почти в два раза — с 20% до почти 10%¹⁹⁰.

Опрашивая тех, кто применяет насилие, а не тех, кто от него страдает, социологи сталкиваются с серьезной проблемой: для такого респондента дать положительный ответ — значит признаться в проступке. Возможно, в реальности родителей, избивающих своих детей, не стало меньше, просто они теперь реже сознаются. Когда-то мать, избившая ребенка до синяков, могла считать, что это вполне нормальное наказание, но начиная с 1980-х гг. лидеры общественного мнения, знаменитости и сценаристы телесериалов все активнее привлекали внимание к жестокому обращению с детьми, часто изображая распускающих руки родителей отвратительными чудовищами, а их выросших детей навечно травмированными. Как следствие, мать, в гневе избившая ребенка, теперь будет не так откровенна, отвечая на вопросы. За прошедшие годы насилие в отношении детей стало своего рода моральной стигмой. В 1976 г. на вопрос «Является ли жестокое обращение с детьми проблемой нашей страны?» ответ «Да» давали 10% респондентов, а в 1985 и 1999 гг. — уже 90%¹⁹¹. Страус утверждал, что этот нисходящий

тренд отражает как снижение терпимости к жестокому обращению, так и собственно снижение уровня насилия. Он добавляет, что, даже если большей частью спада мы обязаны снижению терпимости, нам все равно есть что праздновать. Снижение терпимости к насилию в отношении детей привело к появлению «горячих телефонных линий», найму дополнительных инспекторов по защите детей, расширению прав полиции, социальных работников, школьных консультантов и волонтеров, которые, заметив тревожные признаки, могут принять меры к наказанию жестоких родителей: направить их на консультации, а в крайнем случае — забрать детей из опасного дома.

Ведут ли все эти изменения норм и институтов к лучшему? Для сбора сводных данных в США была основана Национальная система сбора данных по жестокому обращению и неисполнению родительских обязанностей. Психолог Лиза Джонс и социолог Дэвид Финкельхор распределили эти данные по годам и показали, что в период с 1990 до 2007 г. уровень физического насилия в отношении детей снизился в два раза (рис. 7–20).

Джонс и Финкельхор показали, что за этот период уровень сексуального насилия и частота жестоких преступлений в отношении детей — избиений, ограблений, изнасилований — также снизились на долю от одной третьей до двух третьих. Для подкрепления своих выводов они просматривали обзоры виктимизации, данные об убийствах, признания правонарушителей и уровень инфицирования болезнями, передающимися половым путем, — все это идет на спад. За последние два десятилетия жизнь детей и подростков улучшилась практически по всем поддающимся измерению

параметрам. Несовершеннолетние реже убегают из дома, беременеют, вступают в конфликт с законом или совершают самоубийства. В Англии и Уэльсе тоже наблюдается снижение насилия в отношении детей: по самым свежим данным, доля детей, погибающих насильственной смертью, с 1970-х гг. снизилась почти на 40%¹⁹².

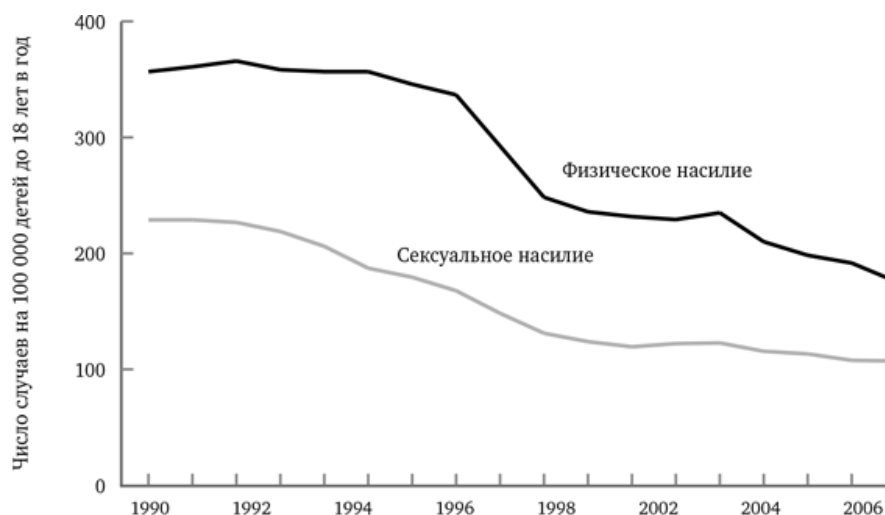

РИС. 7–20. Жестокое обращение с детьми в США, 1990–2007 гг.

Источники: Jones & Finkelhor, 2007; Finkelhor & Jones, 2006

Спад насилия в отношении детей в 1990-х частично совпадает с сокращением числа убийств в целом, причины которого также сложно определить. Финкельхор и Джонс изучили те, что лежат на поверхности. Демография, смертная казнь, кокаин, оружие, аборт и тюремные заключения не могут объяснить это снижение. В какой-то мере его объясняет благосостояние тех лет, но не оно обеспечило, к примеру, сокращение сексуального насилия и спад физического насилия в 2000-х, когда экономика обвалилась. Увеличение числа полицейских и кризисных специалистов социальных служб, скорее всего, тоже помогло, но Финкельхор и Джонс считают, что вызвать все эти изменения мог еще один внешний фактор. Начало 1990-х было временем прозака и риталина. Доктора массово

прописывали пациентам лекарства от депрессии и дефицита внимания, вытаскивая родителей из депрессии и помогая детям контролировать свои импульсы. Финкельхор и Джонс указали и на трудноуловимое, но потенциально мощное изменение культурных норм. Как мы выяснили в главе 3, 1990-е стали временем цивилизационного наступления, которое развернуло вспять разнузданность 1960-х и усилило неприятие абсолютно всех форм насилия. К тому же «опраизация»^[99] Америки заклеяла домашнее насилие, дестигматизируя — а на самом деле превознося — жертв, которые осмеливались о нем заговорить.

Еще один вид насилия, от которого страдают дети, — это насилие со стороны других детей. Буллинг (травля) существует, скорее всего, столько же, сколько сами дети, которые, как и молодые особи многих других приматов, жаждут доминировать в социальном окружении, демонстрируя свою силу и прыть. Воспоминания о детстве полнятся рассказами о жестокости других детей, а агрессивный юный задира — один из штампов массовой культуры. Стоит вспомнить таких негодяев, как Бутч и Войм из «Пострелят», Бифф Таннен из кинотрилогии «Назад в будущее», Нельсон Манц из «Симпсонов» и Мо из комикса «Кальвин и Гоббс» (рис. 7–21).

До недавних пор взрослые не принимали буллинг всерьез, считая его присущей детству неприятностью. «Мальчики есть мальчики», — говорили они и верили, что способность переносить унижение в детстве научит детей справляться с ним и во взрослой жизни. Жертвам же было абсолютно некуда податься, потому что пожаловаться учителю или родителю значило

заработать клеймо ябеды и слюнтая и окончательно превратить свою жизнь в ад.

Но в результате очередного исторического структурного сдвига этот вид насилия перемещается из категории неизбежного в категорию немислимого: буллинг последовательно искореняют. Все началось как реакция на шок и невозможность осмыслить случившееся, вызванные в 1999 г. стрельбой в школе «Колумбайн». Средства массовой информации поперебой обвиняли в произошедшей трагедии субкультуры готов и качков, антидепрессанты, видеоигры, интернет, жестокие кинофильмы, рок-певца Мэрилина Мэнсона — и травлю. В итоге выяснилось, что убийцы вовсе не были готами, над которыми издевались качки, как утверждали журналисты¹⁹³. Но у публики сложилось мнение, что стрельба была актом мести, и педагоги умело использовали эту легенду, организовав кампанию против буллинга. К счастью, теория «сегодня — преследуемый, завтра — снайпер в школьной столовой» сосуществует с более убедительными обоснованиями ущерба, который наносит травля: жертвы буллинга страдают от депрессии, плохо учатся и подвержены высокому риску суицида¹⁹⁴. Уже 44 штата приняли законы, запрещающие школьную травлю, и во многих приняты образовательные программы, которые осуждают буллинг, поощряют эмпатию и учат детей решать конфликты конструктивно¹⁹⁵. Организации педиатров и детских психологов призвали общество противостоять буллингу, а журналы, телеканалы, медиаимперия Опры Уинфри и сам президент США поддержали эту кампанию¹⁹⁶. В следующее десятилетие шуточки о травле в популярных комиксах «Кальвин и Гоббс»

стали выглядеть оскорбительными — как реклама кофе из 1950-х, в которой муж избивал жену.

- Я собираюсь поколотить тебя на уроке физкультуры, ты, жалкий хлюпик!
- Что ж, брызжущий гормонами придурок, давай прямо сейчас! Когда вырастешь, уже не сможешь бить людей безо всякой причины!
- Похоже, ты прав.
- Вообще-то я не это имел в виду.

РИС. 7–21. Еще одна форма насилия в отношении детей

Но даже без учета психологических последствий моральный аргумент против буллинга неопровержим. Как подметил Кальвин, взрослые не могут лупить друг друга безнаказанно. Мы защищаем себя законами, полицией, правилами охраны труда и социальными нормами, и нет никакого разумного объяснения тому, что дети остаются без защиты, — за исключением нашей лени, бессердечия и нежелания поставить себя на их место. Возросшая ценность детей как часть движения к унификации нравственной позиции сделала кампанию по их защите от насилия сверстников неизбежной — как и попытки оградить их от всех прочих угроз. Дети и подростки долгое время становились жертвами мелких преступлений вроде воровства карманных денег, уничтожения личного имущества, приставаний и домогательств, которые не попадали ни под школьные уставы, ни под уголовное законодательство. И здесь интересы юных людей признают все чаще.

Это что-то изменило? Да, дело определенно сдвинулось с мертвой точки. В 2004 г. Министерство юстиции и Министерство образования США

обнародовали доклад «Показатели школьной преступности и безопасности», составленный по данным исследований виктимизации, а также школьной и полицейской статистики. Это исследование должно было прояснить тенденции насилия в школах с 1992 по 2003 г.¹⁹⁷ Вопросы, касающиеся буллинга, появились в анкетах только в последние три года, но динамику других видов насилия удалось отследить за весь период: оказалось, что число драк, запугиваний, а также воровства, сексуальных посягательств, грабежей и избиений снизилось (рис. 7–22).

И вопреки опасениям, которые недавно изо всех сил раздували СМИ, предъявляя в качестве доказательства видео с YouTube, на которых девочки-подростки мутузят друг друга, американские школьницы не пустились во все тяжкие. Число убийств и грабежей, совершенных девушками, сейчас находится на самом низком за 40 лет уровне, а доля девушек, владеющих оружием, как и доля драк, нападений и телесных повреждений, нанесенных девушками и девушкам, снижается уже в течение десяти лет¹⁹⁸. Учитывая популярность YouTube, можно предположить, что в будущем нас ждет еще не одна новая истерия, подогреваемая видеороликами (Бабушки-садистки? Кровожадные младенцы? Белки-убийцы?).

И хотя рано говорить, что у детей все хорошо, дела определенно обстоят лучше, чем раньше. Скажу больше: в каком-то смысле мы слишком усердствуем с их защитой, создавая святыни и табу.

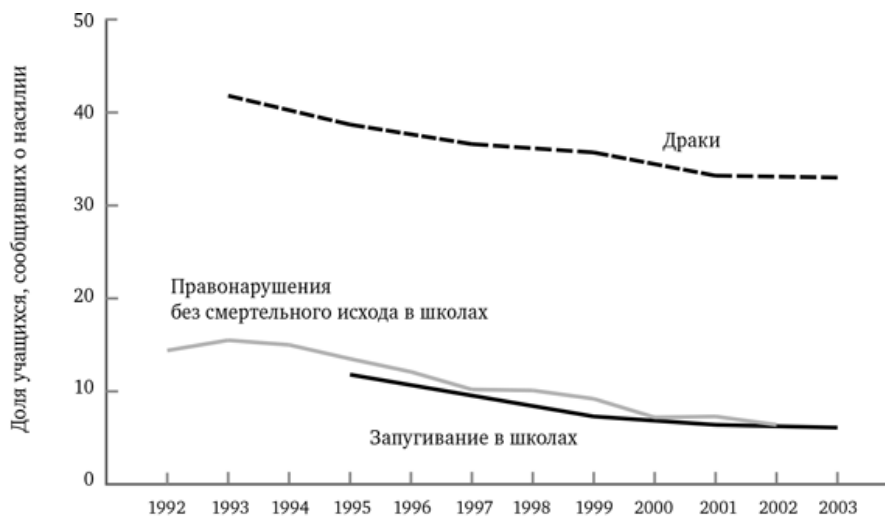

РИС. 7–22. Насилие в отношении молодежи в США, 1992–2003 гг.

Источник: данные DeVoe et al., 2004

Одно из этих табу психолог Джудит Харрис называет *презумпцией воспитания*¹⁹⁹. Локк и Руссо кардинально преобразовали концепцию воспитания, изменив роль воспитателя — теперь он должен был не выбивать из ребенка дурь, но растить из него такого взрослого, каким хочет его видеть. К концу XX в. мысль, что родители могут навредить своим детям, избивая их или лишая заботы (что правда), переросла в идею, что у родителей есть возможность формировать интеллект своих детей, их личность, социальные навыки и психические расстройства (что неправда). Почему неправда? Ну, например, потому, что дети иммигрантов усваивают акцент, ценности и нормы поведения своих друзей, а не своих родителей. Значит, дети социализируются в группе сверстников, а не в семье — как известно, «ребенка растит вся деревня». Психологи установили, что черты личности и коэффициент умственного развития приемных детей коррелируют с показателями их биологических, а не сводных братьев и сестер. Отсюда следует, что личность и интеллект взрослого человека формируются генами и случаем (так как корреляция далека от идеальной даже среди однойцевых

близнецов), а не родителями, по крайней мере не теми воспитательными мерами, которые они равно прикладывают ко всем своим детям. Несмотря на это, идея презумпции воспитания господствует в профессиональной среде, диктуя матерям роль круглосуточных роботов-воспитателей, ответственных за стимулирование, социализацию и развитие характера маленьких «чистых листов» на их попечении.

Еще одна неприкосновенная святыня — кампания по изоляции детей от мельчайшего следа легчайших признаков крошечного напоминания о насилии. В 2009 г. в Чикаго 25 школьников от 11 до 15 лет предавались традиционной забаве школьных столовых — бросали друг в друга едой. Прибыла полиция, на детей надели наручники, доставили в участок, сфотографировали в профиль и анфас и выдвинули им обвинение в опасном поведении²⁰⁰. Политика запрета на оружие в школе дошла до абсурда: шестилетнего скаута хотели отправить в исправительную школу за то, что он положил в коробочку для завтрака походный столовый прибор (складная ложка-вилка-нож). Двенадцатилетнюю девочку, которая, работая над школьным проектом, вырезала окошки в бумажных домиках кухонным ножом, исключили из школы, а скаута-подростка, который, следуя девизу «Будь готов», держал в багажнике автомобиля спальный мешок, запас воды и еды и перочинный ножик, временно отстранили от занятий²⁰¹. Многие школы специально наняли вооруженных свистками тренеров, чтобы те руководили детьми на переменках и организовывали правильные игры, потому что дети, предоставленные сами себе, могут покалечиться, посориться из-за мяча или скакалки или не поделить игровую площадку²⁰².

Взрослые все настойчивее пытаются изъять любое изображение насилия из детской культуры. В кульминационном моменте фильма «Инопланетянин» (1982) Эллиот крадетсЯ мимо полицейского кордона, посадив инопланетянина в багажник своего велосипеда. В 2002 г., к двадцатилетию выхода на экраны, фильм был выпущен в новой версии: Стивен Спилберг с помощью компьютерной обработки разоружил полицейских, заменив их винтовки на рации²⁰³. На Хеллоуин американским родителям рекомендуются «позитивные» костюмы для детей: исторические персонажи, продукты вроде морковки или тыквы, а не зомби, вампиры и герои фильмов ужасов²⁰⁴. В памятке, которую раздавали родителям одной из школ Лос-Анджелеса, говорилось:

Костюмы не должны изображать гангстеров или героев фильмов ужасов и не должны быть страшными.

Маски разрешены только во время парада.

Костюмы не должны унижать ни одну расу, религию, национальность, инвалидов или пол.

Запрещены накладные ногти.

Запрещено оружие, даже игрушечное.

А где-то в другом калифорнийском местечке мать, которая подумала, что ее дети в Хеллоуин могут испугаться фальшивых могил и монстров в саду у соседа, позвонила в полицию и заявила о преступлении на почве ненависти²⁰⁵.

Рост ценности детей достиг исторического предела. Теперь, когда им не грозит опасность быть задушенными при рождении, заморенными голодом в приютах, отравленными кормилицами, забитыми до смерти отцами, запеченными в пирог мачехами, заморенными непосильным трудом в шахтах и на фабриках, умершими от инфекционных болезней, избитыми хулиганами в школе, эксперты ломают

голову в поисках способов еще надежнее уберечь детей от всего на свете. Им не позволено находиться на улице в солнечный день (рак кожи), играть на траве (клещи), покупать лимонад со столиков на улице (бактерии на лимонной кожуре) или слизывать тесто для пирога с ложечки (сальмонелла из сырых яиц). Согласованные с адвокатами игровые площадки покрыты резиновыми ковриками, горки и турники едва достают детям до пояса, а качающиеся доски убраны вовсе (а то вдруг тот, кто снизу, прыгнет, чтобы тот, кто сверху, свалился на землю — в чем, собственно, и состоит веселье). Когда продюсеры детской телепрограммы «Улица Сезам» выпустили классические первые серии (1969–1974) на DVD, на коробке пришлось поместить предупреждение, что это шоу не предназначено для детей!²⁰⁶ В некоторых сериях дети были показаны в опасной ситуации: они забирались на турники, катались на велосипедах без шлемов, ползком пробирались по трубам и принимали угощение — молоко и печенье — от подозрительных незнакомцев. «Маппет-шоу» тоже подвергли цензуре, потому что в конце каждого выпуска конферансье Коржик, одетый в смокинг, съедал свою курительную трубку, представляя в привлекательном свете потребление табачных изделий и подвергая зрителей опасности подавиться.

Но ничто не изменило детство сильнее страха, что ребенка похитят, — классического примера фобии²⁰⁷. В 1979 г. шестилетний Итан Патц исчез по пути к остановке школьного автобуса на Манхэттене, и с тех пор похищенные дети приковывали внимание всей страны, а три группы лиц изо всех сил сеяли панику среди американских родителей. Убитые горем родители погибших детей по вполне понятным причинам хотели, чтобы их трагедия помогла

избежать беды другим: некоторые посвятили свою жизнь информации о киднеппинге. (Один из них, Джон Уолш, придумал размещать фотографии похищенных детей на упаковках молока и вел мрачную телепрограмму «Разыскиваются», посвященную самым ужасным похищениям и убийствам.) Политики, полицейские чины и пиарщики способны унюхать беспроблемную тему за милую — кто может быть против защиты детей от извращенцев? Они устраивали претенциозные церемонии, вводя меры безопасности и называя их именами пропавших детей («Код Адам», «Оповещение Эмбер», «Закон Меган», Национальный день пропавших детей). Средства массовой информации тоже никогда не упустят шанс поднять рейтинг — они нагнетали страх круглосуточными телемарафонами, документальными фильмами («Это кошмар, преследующий каждого родителя...») и сериями «Закона и порядка», посвященными преступлениям на сексуальной почве.

Детство никогда не было таким, как сегодня. Американские родители не выпускают детей из поля зрения. Детей возят, сопровождают на любых мероприятиях, контролируют с помощью мобильных телефонов, которые не снижают тревожность родителей, а повергают их в панику, если ребенок не отвечает на первый же звонок. Теперь нельзя просто завести друзей на детской площадке: матерям приходится договариваться об «игровых встречах» — понятие, которого до 1980-х вообще не существовало²⁰⁸. Сорок лет назад двое из трех детей ходили в школу пешком или ездили на велосипеде, сегодня только 10% поступают так. Поколение назад 70% детей играли на улице, сегодня таких только 30%²⁰⁹. В 2008 г. девятилетний сын нью-йоркской

журналистки Ленор Скенази упростила ее позволить ему самому поехать домой на метро. Она согласилась, и он благополучно добрался до дома. Написав об этом в колонке в газете *The New York Sun*, она попала в центр поднятого СМИ скандала, в котором ее заклеили как «худшую мать Америки». (Пример заголовка: «Мать позволила девятилетнему ребенку ехать домой на метро одному: колумнистка вызвала споры своим экспериментом по детской самостоятельности».) В ответ она основала движение «Дети на свободе» и предложила ввести Национальный день «давайте-приведем-детей-в-парк-и-оставим-их-там», чтобы научить детей играть самостоятельно, без присмотра взрослых²¹⁰.

Скенази, конечно, не худшая мать Америки. Она просто сделала то, чего никогда не делал ни один политик, полицейский чин, родитель или телепродюсер, — трезво взглянула на факты. Подавляющее большинство разыскиваемых детей, чьи фотопортреты печатают на пакетах молока, не были похищены извращенцами, торговцами детьми или ради выкупа — это подростки, сбежавшие из дома, или дети, которых увезли разведенные отцы или матери, не согласные с решением суда об опеке. В 1990-х в год происходило от 200 до 300 случаев похищения детей незнакомцами, сегодня — около 100 в год, жертвами убийства становится примерно половина похищенных. Учитывая, что в США насчитывается 50 млн детей, вероятность похищения и убийства равна одному случаю на миллион (0,1 на 100 000, если использовать нашу обычную шкалу). Это в 20 раз меньше риска утонуть и в 40 раз — риска погибнуть в ДТП. Писатель Уорик Кэрнс подсчитал, что, если вы *хотите*, чтобы незнакомец гарантированно похитил и удерживал в течение одной

ночи вашего ребенка, вам придется оставлять его на улице без присмотра на протяжении 750 000 лет²¹¹.

Но ведь безопасность ребенка настолько важна, что, даже если эта предосторожность сохранит хотя бы несколько жизней в год, она стоит и нервов, и денег, не так ли? Нет, этот аргумент ошибочен. Людям приходится жертвовать безопасностью ради других необходимых вещей, например когда они откладывают деньги на обучение детей в колледже, вместо того чтобы установить в доме систему пожаротушения, или везут детей на каникулы, вместо того чтобы позволить им играть в видеоигры в безопасной спальне все лето напролет. Кампания защиты от похищений обходится довольно дорого: дети не проживают свое детство в полной мере и все чаще страдают от лишнего веса, работающие женщины мучаются хронической тревожностью, а молодежь боится рожать детей.

И даже если бы минимизация риска была нашим единственным приоритетом, ее все равно не достичь соблюдением бесчисленных мер предосторожности. Фотографии пропавших на пакетах молока — пример того, что криминологи называют «правоохранительным театром»: они создают видимость бурной деятельности, но толку не приносят никакого²¹². Когда 300 млн человек меняют свою жизнь, чтобы сделать безопаснее жизнь 50 человек, это, скорее всего, принесет больше вреда, чем пользы: непредвиденные последствия таких перемен скажутся на гораздо большем количестве людей. Приведу лишь два примера. Родители, которые возят своих детей на занятия, сбивают в два раза больше школьников, чем все другие водители, вместе взятые. Чем больше родителей везут детей на уроки, оберегая их от

похитителей, тем больше детей гибнет²¹³. Еще один вид «правоохранительного театра» — электронные табло на автомагистралях, на которых высвечиваются имена пропавших детей — и которые становятся причиной пробок, отвлекают водителей и приводят к неизбежным ДТП²¹⁴.

Движение за увеличение ценности жизни ребенка в последние 200 лет — одно из величайших моральных достижений в истории. Но движение последних двух десятилетий по увеличению этой ценности до бесконечности может привести лишь к абсурду.

ПРАВА ГЕЕВ, СОКРАЩЕНИЕ ГОМОФОБИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Было бы преувеличением утверждать, что британский математик Алан Тьюринг объяснил природу логического и математического мышления, изобрел компьютер, решил философскую проблему связи души и тела и спас западную цивилизацию. Но, честно говоря, не таким уж большим преувеличением²¹⁵.

В своей эпохальной работе 1936 г. Тьюринг изложил ряд простых механических операций, которых было достаточно для вычисления любого математического или логического выражения, если оно вообще исчислимо²¹⁶. Эти операции можно было легко интегрировать в машину — цифровой компьютер, и десятилетие спустя Тьюринг создал его рабочую версию, ставшую прототипом компьютеров, которыми мы пользуемся сегодня. В годы Второй мировой войны он работал на британскую разведку,

возглавлял группу, взломавшую шифр, который нацисты использовали для связи с подводными лодками, что помогло прорвать немецкую морскую блокаду и изменить ход войны. Когда война закончилась, Тьюринг написал научную работу (до сих пор актуальную), которая отождествляла мышление с вычислением, таким образом предложив объяснение тому, каким образом физическая система может осуществлять мышление²¹⁷. Затем он энергично взялся за одну из сложнейших проблем науки — как из сгустка химических элементов в процессе эмбрионального развития возникает структурированный организм — и предложил изящное решение.

И как же западная цивилизация отблагодарила одного из своих величайших гениев? В 1952 г. британское правительство подвергло его аресту, отозвало его допуск к секретной информации, угрожало ему тюрьмой. Тьюринга подвергли химической кастрации и довели до самоубийства на 42-м году жизни.

Что же сделал Тьюринг, чтобы вызвать такую потрясающую неблагодарность? Он занимался сексом с мужчиной. Гомосексуальные акты в Британии того времени были противозаконны, и его обвинили в «грубой непристойности» по тому же закону, который в предыдущем столетии сломал жизнь другому гению, Оскару Уайльду. Тьюринга преследовали из опасений, что гомосексуалы представляют легкую добычу для советских агентов. Смехотворность подобных опасений стала очевидна восемь лет спустя, когда британский министр обороны Джон Профьюмо был отправлен в отставку из-за связи с любовницей советского шпиона.

Как минимум с тех пор, как книга Левит (20:13) вынесла смертный приговор мужчинам, возлежащим с мужчиной как с женщиной, власти использовали свою монополию на насилие, чтобы бросать в тюрьмы, пытаться, калечить и убивать гомосексуалов²¹⁸. Гомосексуал, избежавший насилия со стороны властей в виде законов против непристойности, содомии, мужеложества, противоестественных половых актов или преступлений против природы, мог подвергнуться насилию со стороны рядовых граждан в форме гомофобии, преследования и преступлений на почве ненависти.

Гомофобное насилие, стихийное или же инициированное властями, — загадочная строка в списке видов человеческого насилия, потому что в данном случае агрессор не получает никакой выгоды. Никакой ресурс на кону здесь не стоит, а так как гомосексуальность — преступление без пострадавшего, ее искоренение не поможет достичь общественного порядка. Раз уж на то пошло, можно было бы ожидать, что гетеросексуальные мужчины будут радоваться существованию геев: «Замечательно! Больше женщин достанется мне!» По той же логике женская гомосексуальность вообще должна быть самым чудовищным из преступлений, потому что лишает общество сразу двух способных к деторождению женщин. Однако гомофобия наблюдается гораздо чаще лесбофобии²¹⁹. Мужская гомосексуальность законодательно запрещена во многих странах, женская не выделена в отдельное преступление ни в одной правовой системе, и преступления ненависти против геев случаются гораздо чаще, чем против лесбиянок, — примерно пять к одному²²⁰.

Гомофобия — эволюционная загадка, как и гомосексуальность сама по себе²²¹. А вот в гомосексуальном поведении, напротив, никакой загадки нет. Люди — вид, склонный к разнообразным перверсиям, они постоянно ищут сексуального удовлетворения с помощью самых разных живых и неживых объектов, которые никак не способствуют размножению. Мужчины в полностью мужском окружении (корабли, тюрьмы и закрытые школы) часто получают удовлетворение с любым доступным поблизости объектом, напоминающим женское тело. Педерастия, которая предполагает совокупление с мягким, гладким и послушным объектом, была распространена в ряде обществ, включая, как всем известно, элиту Древней Греции. Когда гомосексуальное поведение закреплено в качестве нормы, неудивительно, что гомофобии в обществе не наблюдается. Женщины же в массе своей не столь пылкие, но более гибкие в сексуальном плане, и многие из них в течение жизни спокойно проходят сквозь периоды счастливого целибата, промискуитета, моногамии или гомосексуальности, что объясняет существование в американских колледжах феномена ЛДВ (LUG, lesbians until graduation — «лесбиянки до выпускного»)²²².

Но гомосексуальная ориентация — настоящая головоломка. Почему существуют мужчины и женщины, которые в любых обстоятельствах предпочитают гомосексуальные отношения гетеросексуальным и избегают сношений с противоположным полом? Как минимум у мужчин гомосексуальная ориентация кажется врожденной. Мужчины-геи, как правило, сообщают о том, что представители своего пола привлекали их с того момента, когда они впервые ощутили сексуальное

влечение в препубертате. К тому же сексуальная ориентация у однояйцевых близнецов совпадает чаще, чем у разнояйцевых, а значит, общие гены какую-то роль играют. Кстати, гомосексуальность — один из немногих примеров в спорах о влиянии природы и воспитания на формирование личности, когда политкорректным ответом будет: «Природа». Считается, что, если гомосексуальность — врожденная черта, значит, человек не сам решает стать геем и потому его нельзя осуждать за его образ жизни, а геи при всем желании не смогут совратить своих друзей или одноклассников.

Но как генетическая тенденция избегать гетеросексуального секса может длительное время сохраняться в популяции — ведь носители этих генов не оставят потомков или же оставят их очень мало? Возможно, «гены гомосексуальности» имеют некое компенсационное преимущество, например усиливают фертильность, если их носитель — женщина (особенно если гены содержатся в X-хромосоме, которых у женщин две). Тогда, чтобы ген продолжал распространяться, преимущество, которое он обеспечивает женщинам, должно быть только чуточку выше половины неудобств для мужчин²²³. Вероятно, предполагаемый ген гомосексуальности вызывает ее только в определенных условиях, которые еще не существовали в эпоху формирования нашего генного набора. Этнографы установили, что почти в 60% дописьменных обществ гомосексуальность была неизвестна или крайне редка²²⁴. Или, может быть, гены оказывают лишь косвенное влияние, делая эмбрион чуть более чувствительным к гормональным изменениям или антителам, влияющим на развивающийся мозг.

Каким бы ни было объяснение, люди гомосексуальной ориентации, выросшие в обществе, которое не поощряет гомосексуальное поведение, могут стать объектом всеобщей враждебности. Среди традиционных обществ, которые обращают внимание на сексуальную ориентацию, почти в два раза больше таких, где гомосексуальность порицают, чем тех, где к ней толерантны²²⁵. И в традиционных, и в современных обществах нетерпимость может перерасти в насилие. Задиры и хулиганы видят в геях легкую добычу, на которой можно продемонстрировать окружающим или друг другу свою удаль. Законодатели же, составляя законы и распоряжения, опираются на свои представления о гомосексуальности, в которых чувство брезгливости переплетается с моральными установками, заставляя людей считать объективно греховным все то, что вызывает у них инстинктивное отвращение²²⁶. Это «короткое замыкание» способно превратить стимул избегать гомосексуального партнера в побуждение ненавидеть гомосексуальность. Как минимум с библейских времен гомофобные чувства трансформировались в законы, которые карали гомосексуалов смертью или увечьями, особенно в христианских и мусульманских странах и в их бывших колониях²²⁷. Ужасный пример из XX в. — уничтожение гомосексуалов во время Холокоста.

Эпоха Просвещения, поставившая под сомнение все нравственные заповеди, основанные на физиологических импульсах или религиозных догмах, вызвала к жизни новый взгляд на гомосексуальность²²⁸. Монтескье и Вольтер доказывали, что гомосексуальность необходимо декриминализовать, хотя они и не заходили так далеко, чтобы утверждать, что она приемлема с

нравственной точки зрения. В 1785 г. Иеремия Бентам сделал следующий шаг. Используя утилитаристский образ мысли, который считает нравственным лишь то, что приносит максимум пользы максимальному количеству людей, Бентам доказывал, что в гомосексуальности нет ничего аморального, поскольку она никому не вредит. Гомосексуальность была легализована во Франции после Революции и в горстке других стран в последующие десятилетия, как показано на рис. 7–23. Движение возобновилось в середине XX в. и ускорилось в 1970-х и 1990-х, когда движение за права геев укрепились идеалом прав человека.

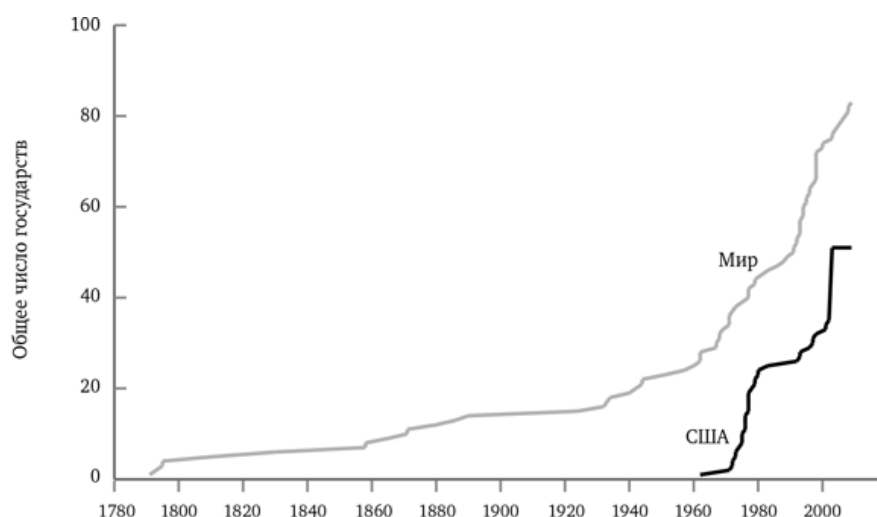

РИС. 7–23. Хронология декриминализации гомосексуальности, в США и в мире

Источники: Ottosson, 2006, 2009. Даты для семи стран (Восточный Тимор, Суринам, Чад, Беларусь, Фиджи, Непал и Никарагуа) взяты с “LGBT Rights by Country or Territory,” http://en.wikipedia.org/wiki/LGBT_rights. Даты для 36 стран, которые в настоящий момент допускают гомосексуальность, не указаны ни в одном из источников

Сегодня гомосексуальность легализована почти в 120 странах, запрещена в 80 — по большей части это государства Африки, Карибского бассейна, Океании и исламского мира²²⁹. Хуже того, в Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Йемене, на части территории Нигерии и Сомали и повсеместно в Иране гомосексуальность карается смертью (притом что в Иране, по словам Махмуда Ахмадинежада, геев нет). Но международное давление действует. Все

правозащитные организации считают уголовное преследование гомосексуалов нарушением прав человека, и в 2008 г. 66 стран — членов Генеральной ассамблеи ООН подписали декларацию, призывающую к отмене таких законов. В сопровождавшем декларацию заявлении Наванетхем Пиллэй, Верховный комиссар ООН по правам человека, писала: «Принцип универсальности не имеет исключений. Права человека — воистину прирожденные права всех человеческих существ»²³⁰.

На графике видно, что в США декриминализация гомосексуальности началась позже. Еще в 1969 г. гомосексуальность считалась нарушением закона во всех штатах, кроме Иллинойса, и полиция часто развеивала скуку долгими ночами, устраивая налеты на места встреч геев: организаторов арестовывали, людей разгоняли — иногда с помощью полицейских дубинок. Но в том же 1969 г. налет полицейских на ночной клуб «Стоунволл Инн» в Гринвич-Виллидж спровоцировал трехдневные протесты и мобилизовал сообщества геев в США, заставив их бороться за отмену законов, криминализирующих гомосексуальность или дискриминирующих геев^[100]. В 2003 г., вслед за еще одной волной декриминализации, Верховный суд США отменил «Положение о запрете противоестественного секса» в Техасе и постановил, что все подобные законы, принятые штатами, — антиконституционны. Судья Энтони Кеннеди апеллировал к принципу личной автономии и невозможности оправдать применение силы государства для навязывания религиозных верований или традиций:

Свобода предполагает автономию личности, а значит, свободу мысли, верований, самовыражения и личной жизни... Конечно, следует признать, что влиятельные голоса, осуждающие гомосексуальное поведение как аморальное, звучали веками.

Осуждение было вызвано религиозной верой, концепцией правильного и приемлемого поведения и уважением к традиционной семье... Однако эти соображения не дают ответа на вопрос, стоящий перед нами. И вопрос этот таков: вправе ли большинство использовать силу государства, чтобы через уголовное законодательство насаждать свои взгляды во всем обществе²³¹.

Между первой волной легализации в 1970-х и отменой полтора десятилетия спустя последних антигейских законов американское отношение к гомосексуальности радикально изменилось. Эпидемия СПИДа в 1980-х мобилизовала группы гей-активистов и подтолкнула многих знаменитостей к признанию своей гомосексуальности, а о многих других это стало известно уже после их смерти. В их числе актеры Джон Гилгуд и Рок Хадсон, певцы Элтон Джон и Джордж Майкл, модельеры Перри Эллис, Рой Холстон и Ив Сен-Лоран, звезды спорта Билли Джин Кинг и Грег Луганис, комики Эллен Дедженерис и Розы О'Доннелл. Звезды вроде Кэтрин Дон Ланг, Фредди Меркьюри и Боя Джорджа выставляли свою гомосексуальность напоказ, популярные авторы Харви Файерстин и Тони Кушнер писали о СПИДе и проблемах геев в своих пьесах и сценариях. Положительные герои-геи стали появляться в романтических комедиях и сериалах вроде «Уилл и Грейс» и «Эллен», а благожелательное отношение гетеросексуалов к гомосексуальности все чаще считалось нормальным. Персонажи сериала «Сайнфелд» Джерри и Джордж часто повторяли: «Мы не геи! Не то чтобы в этом было что-то плохое...» Когда гомосексуальность была дестигматизирована, окультурена и даже облагорожена, все меньше гомосексуалов чувствовали, что должны держать свою ориентацию в тайне. В 1990 г. мой научный куратор, выдающийся психолингвист и социальный психолог, рожденный в 1925 г., опубликовал автобиографическое эссе, начинающееся словами:

«Уж если Роджер Браун признался, теперь для этого смелости вообще не требуется»²³².

Американцы все чаще осознавали, что гомосексуалы присутствуют в их реальном и виртуальном окружении, и держать геев вне круга эмпатии становилось все труднее. Опросы общественного мнения показывали, что взгляды американцев меняются. Рис. 7–24 отображает мнение американцев о том, является ли гомосексуальность недопустимой с точки зрения морали (опрос проводили две организации), должна ли она быть легальной и должны ли геи иметь равные возможности для трудоустройства. Я разместил ответы «да» на последние два вопроса вверх ногами, так, чтобы во всех случаях более низкий уровень отражал ответы большей толерантности.

Чаще всего респонденты соглашались с необходимостью равных возможностей для геев. Движение за гражданские права сделало требование справедливости для всех общепринятым правилом приличия, и американцы не поддерживали дискриминацию, даже если не одобряли стиль жизни геев. В новом тысячелетии одобрение трудовой дискриминации окончательно сместилось в маргинальную зону. С конца 1980-х американцы в своих моральных оценках ориентировались на ощущение справедливости, и многие готовы были сказать: «Не то чтобы в этом было что-то плохое». В 2008 г. Институт Гэллапа так описал настроения американского общества в заголовке своего пресс-релиза: «Половина американцев считает гомосексуальность аморальной: тем не менее большинство поддерживает легализацию гомосексуальных отношений и терпимость к геям»²³³.

РИС. 7–24. Нетерпимость к гомосексуальности в США, 1973–2010 гг.

Источники: «Неправильно с точки зрения морали?» (GSS): General Social Survey, <http://www.norc.org/GSS+Website>. Все прочие вопросы: Gallup, 2001, 2008, 2010. Все данные отражают количество утвердительных ответов; показатели утвердительных ответов для вопросов о равных возможностях и законности вычтены из 100

Либералы, белые американцы и атеисты относятся к гомосексуальности спокойнее, чем консерваторы, афроамериканцы и верующие, но все группы населения движутся к большей терпимости. Личное знакомство способствует этому: опросы, проведенные Институтом Гэллапа в 2009 г., показали, что те шесть (из десяти) американцев, которые дружат с открытым гомосексуалом или имеют родственника или сослуживца-гея, чаще поддерживают однополые браки и легализацию однополых отношений, чем те четверо, которые с геями не знакомы. Однако толерантность распространяется все шире: даже среди американцев, никогда не знавших лично ни одного гомосексуала, 62% сказали, что в присутствии гея чувствовали бы себя вполне комфортно²³⁴.

Впечатляющие перемены произошли в самой показательной страте населения. Многие говорили мне, что молодые американцы те еще гомофобы, потому что используют выражение «Это так по-гейски!» как оскорбление. Но цифры говорят обратное: чем моложе респонденты, тем терпимее они к гомосексуальности²³⁵. Более того, их принятие

морально глубже. Толерантные респонденты старших возрастов постоянно обращаются к идее «природы» в дебатах о причинах гомосексуальности, и приверженцы этой идеи более терпимы, чем их противники, которые ссылаются на «воспитание», потому что чувствуют, что человека нельзя осуждать за черты, которые он не выбирал. В то же время подростки и двадцатилетние чаще объясняют гомосексуальность обстоятельствами или средой, и при этом они относятся к ней гораздо терпимее. Выходит, они с самого начала не считают, что в гомосексуальности есть что-то плохое, так что, мог ли гей выбрать свою ориентацию, для них вообще не важно. Подход таков: «Гей? Да как скажешь, чувак». Молодежь, конечно, всегда либеральнее старшего поколения, и, может быть, по мере их продвижения вверх по демографической шкале они растеряют свою терпимость. Но я в этом сомневаюсь. Их искреннее принятие поражает меня как истинная разница между поколениями, такая, которую эта когорта пронесет с собою до старости. Если так, страна будет становиться все более толерантной по мере того, как гомофобное старшее поколение станет покидать этот мир.

Население, которое ничего не имеет против гомосексуальности, скорее всего, не только не позволит полиции и судам использовать силу против геев, но и наделит государство властью предотвращать гомофобное насилие со стороны других граждан. Большинство американских штатов, как и 20 с лишним стран мира, приняли законы о преступлениях на почве ненависти, которые ужесточают наказание за насилие, мотивированное сексуальной ориентацией другого человека, его расой, религией

или полом. И с 1990-х гг. правительство США их поддерживает. Последний шаг в этом направлении — принятый в 2009 г. Акт Мэтью Шепарда и Джеймса Берда-мл. о предотвращении преступлений на почве ненависти. Этот закон назван в честь студента Университета Вайоминга Шепарда, гея, которого в 1998 г. избили, пытали и оставили умирать, привязав на ночь к ограждению. Второе имя в названии закона — афроамериканца Джеймса Берда, которого убили в том же году, протащив несколько миль за пикапом.

Толерантность к гомосексуальности выросла, а терпимость к гомофобному насилию упала. Но привели ли перемены во взглядах и законах к спаду гомофобного насилия? Тот факт, что геи стали гораздо более заметны (как минимум в городах, приморских штатах и в университетских кампусах), предполагает, что они чувствуют себя в большей безопасности. Но весьма трудно доказать, что уровень реального насилия изменился. Соответствующая статистика доступна только после 1996 г., когда ФБР начало публиковать данные по преступлениям на почве ненависти, классифицированные по мотивам, жертвам и природе преступления²³⁶. Но даже эти цифры сомнительны, потому что зависят от желания жертв сообщать о таких случаях и готовности местной полиции расценивать злодеяние как преступление на почве ненависти и сообщать о нем в ФБР²³⁷. Статистику убийств вести проще, но, к неудобству для статистиков (и к счастью для человечества), не так уж много людей убивают за их сексуальную ориентацию. С 1996 г. ФБР регистрировало менее трех убийств из-за гомосексуальности из примерно 17 000 убийств, совершаемых за год. Насколько можно судить, другие гомофобные преступления так же редки. В 2008 г. вероятность, что гомосексуал станет жертвой насилия

из-за своей ориентации, достигала трех случаев на 100 000, в то время как вероятность оказаться жертвой преступления просто потому, что он человек и живет среди людей, была в 100 раз выше²³⁸.

Мы не знаем, снизились ли рассматриваемые вероятности с течением лет. С 1996 г. в США не наблюдается значимых изменений в частоте трех из четырех основных типов преступлений на почве ненависти к геям (нападение при отягчающих обстоятельствах, простое нападение и убийство — хотя убийства настолько редки, что в любом случае бессмысленно искать тренды)²³⁹. Рис. 7–25 иллюстрирует частоту той категории насилия, которая действительно идет на убыль, а именно запугивания (когда человека заставляют чувствовать угрозу ее или его личной безопасности). На том же графике для сравнения отмечена частота нападений при отягчающих обстоятельствах.

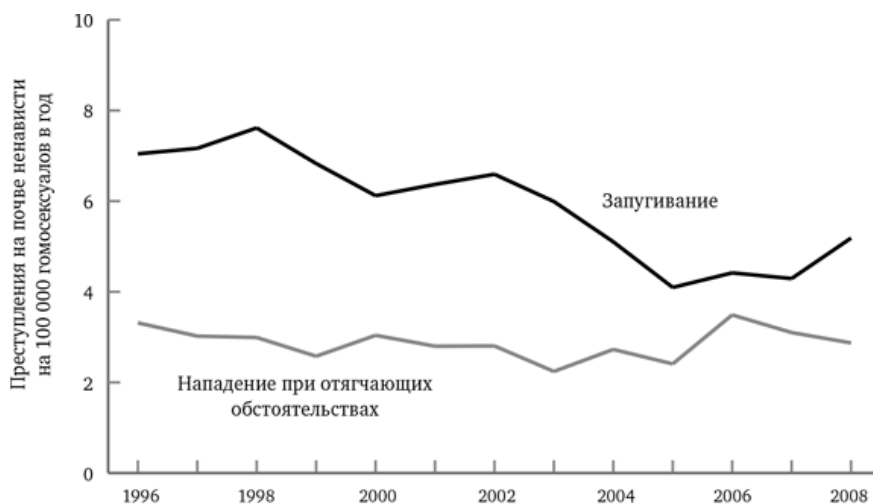

РИС. 7–25. Преступления на почве ненависти в отношении гомосексуалов в США, 1996–2008 гг.

Источник: Ежегодный отчет ФБР о преступлениях на почве ненависти (<http://www.fbi.gov/hq/cid/civilrights/hate.htm>). Число случаев поделено на количество населения, охватываемого отчетностью, и умножено на 0,03 — общепринятая оценка числа гомосексуалов среди взрослого населения

Итак, сегодня я могу утверждать, что американские гомосексуалы гораздо реже становятся жертвами нападений, запугивания, дискриминации и

морального осуждения и, что, наверное, важнее всего, им абсолютно не грозит насилие со стороны власти. Первый раз за 1000 лет граждане более чем в половине стран мира могут чувствовать себя в безопасности — правда, далеко не все, кто имеет на нее право, но это явный прогресс по сравнению с временами, когда даже герои, защищавшие свою страну на войне, не могли защитить себя от костоломов в полицейских мундирах.

ПРАВА ЖИВОТНЫХ И СНИЖЕНИЕ ЖЕСТОКОСТИ

Сейчас я расскажу вам о своем самом ужасном поступке. В 1975 г., учась в университете, я устроился поработать на каникулах ассистентом в лабораторию поведения животных. Однажды вечером профессор дал мне задание. Среди лабораторных крыс был один крысеныш-заморыш, который не подходил для текущих исследований, и профессор решил задействовать его в новом эксперименте. Для этого крыс нужно было выдрессировать, выработав у них реакцию избегания. Пол скиннеровского ящика подключили к генератору, который посылал электрический импульс каждые шесть секунд, если только крыса не нажимала на рычаг, обеспечивая себе десятисекундное избавление от боли. Зверьки учились быстро и нажимали на рычаг каждые 8–9 секунд, бесконечно откладывая удар током. От меня требовалось посадить крысу в ящик, установить таймер и идти домой. Вернувшись в лабораторию рано утром, я должен был найти там идеально выдрессированное животное.

Но, открыв утром ящик, я обнаружил нечто другое. Спина крысы была чудовищно изогнута, ее была неконтролируемая дрожь. Каждые несколько секунд она подпрыгивала, причем на расстоянии от рычага. Я понял, что крыса так и не научилась нажимать на рычаг и всю ночь ее каждые шесть секунд било током. Когда я вытащил ее, она не реагировала на прикосновения. Я кинулся к ветеринару двумя этажами ниже, но было уже слишком поздно, через час она умерла. Я замучил животное до смерти.

С самого начала, еще когда мне описывали эксперимент, я чувствовал: что-то здесь было не так. Даже если бы все шло, как задумано, крыса провела бы 12 часов в постоянной панике, а в лабораториях не всегда все идет по плану, это я уже знал. Профессор был радикальным бихевиористом, для него вопрос: «А что там чувствует крыса?» — вообще не существовал. Но я таким не был и ни секунды не сомневался, что крысы чувствуют боль. Профессор собирался предложить мне место в своей лаборатории, и я знал, что отказ от проведения эксперимента на его решение не повлияет. И все равно выполнил задание, позволив переубедить себя этически ложным, но психологически убедительным доводом, что это всего лишь стандартная процедура.

Ассоциация с кое-какими эпизодами истории XX в. была слишком болезненной, и в следующей главе я порассуждаю насчет полученного мною урока. Я рассказал об этом пятне на моей совести, чтобы показать, каким было стандартное отношение к животным в то время. Чтобы заставить животных работать за еду, мы морили их голодом, пока вес испытуемых не достигал 80% от нормы, что для мелких животных означает голодные муки. В соседней лаборатории голубей били током через цепочки,

пропущенные под крыльями; я видел, как звенья цепочки врезались в их тело, доходя до мяса. В другой лаборатории крыс били током через булавки, воткнутые им в грудь. В одном эксперименте по эндорфинам животные не могли избежать ударов током, которые описывались как «крайне интенсивные, лишь немного не достигающие уровня тетанического сокращения мышц» — что означает неудержимые судороги. Бездушное отношение не ограничивалось рамками эксперимента. Об одном исследователе рассказывали, что он в припадках гнева хватал ближайшую крысу и швырял ее в стену. Другой поделился со мной злой шуткой: в научном журнале была напечатана фотография крысы, которая научилась ложиться на спину и нажимать рычаг подачи пищи передней лапкой, чтобы избежать удара током. Подпись гласила: «Завтрак в постель».

Я рад сообщить, что всего пять лет спустя безразличие к качеству жизни лабораторных животных стало немыслимым и даже незаконным. С 1980-х гг. любое использование животных в исследованиях или их дрессировка должны быть одобрены Комитетом по содержанию и использованию лабораторных животных (IACUC), и любой экспериментатор подтвердит, что эти комитеты вовсе не формальность. Размер клеток, количество и качество пищи, ветеринарное обслуживание, физическая активность и контакты с сородичами строго регулируются. Ученые и их ассистенты должны проходить обучающие курсы по этике экспериментов над животными, они обязаны посетить серию открытых дискуссий и сдать экзамен. Любой эксперимент, подвергающий животное дискомфорту или стрессу, должен отвечать оговоренным условиям, его необходимо обосновать,

доказав, что он может принести «колоссальную пользу для науки и благополучия человека».

Подходы ученых тоже изменились. Последние опросы показали, что практически все исследователи, экспериментирующие на животных, уверены, что животные испытывают боль²⁴⁰. Сегодня экспериментатор, который не заботится о благополучии лабораторных животных, подвергнется осуждению со стороны коллег.

Изменение отношения к лабораторным животным только одна сторона еще одной революции прав — растущего убеждения, что животным нельзя неоправданно причинять боль, увечья или смерть. Революция прав животных — это весьма показательный пример спада насилия и самый подходящий для того, чтобы закончить исторический обзор снижения его уровня в целом. Уникальность этой революции в том, что ее двигал чисто этический принцип: нельзя причинять страдания чувствующему существу. В отличие от прочих революций прав, движение за права животных не было инициировано самими пострадавшими: крысы и голуби вряд ли могли обосновать свою точку зрения. Не стала она и побочным продуктом торговли, взаимного обмена или любых других контактов с положительной суммой: животным нечего предложить нам взамен на более человеческое отношение. В отличие от революции прав детей, доброе отношение к животным не обещает нам улучшения их характера в будущем. Интересы животных защищали люди: они черпали уверенность в размышлениях и сострадании и вдохновлялись другими революциями прав. Дело не всегда шло гладко, и уж точно, если бы мы спросили самих животных, вряд ли они поблагодарили бы нас от всей

души. Но прогресс очевиден, и это касается всех аспектов взаимоотношений с братьями нашими меньшими.

Когда мы думаем о равнодушии к качеству жизни животных, мы прежде всего представляем себе научные лаборатории и агропромышленные фермы. Но такое отношение к животным вовсе не современный феномен. В истории человечества оно было принято по умолчанию²⁴¹.

Убивать животных, чтобы есть их мясо, — одно из условий человеческого существования. Наши предки охотились, свеживали добычу и, предположительно, готовили ее уже как минимум 2 млн лет назад, и наши рты, зубы и пищеварительный тракт приспособлены для рациона, включающего мясо²⁴². Жирные кислоты и цельный белок мяса обеспечили эволюцию нашего требующего поступления энергии мозга, а доступность мяса способствовала эволюции социальных качеств человека²⁴³. Для наших предков сорвать куш на охоте значило стать обладателем ценности, которую можно продать или разделить, что готовило почву для взаимного обмена и кооперации: удачливый охотник, раздобывший столько мяса, что его нельзя съесть в один присест, захочет поделиться им в надежде, что в следующий раз, когда повезет другому, тот его тоже не обидит. Мужчины добывали мясо, женщины собирали растительную пищу, и это взаимовыгодное сотрудничество создавало дополнительную — помимо очевидных — связь между ними. Мясо было для мужчины эффективным способом внести родительский вклад в своих детей и укрепить семейные узы.

Об экологической значимости мяса на всем протяжении эволюции нашего вида говорит и психологическая важность мяса в жизни человека. Поедание вкусного мяса вызывает приятные ощущения. В ряде традиционных культур желание отведать мяса обозначается специальным словом, а прибытие охотника с добычей становится поводом для деревенского праздника. Удачливых охотников уважают, они ведут более активную сексуальную жизнь — иногда пользуясь своей популярностью, иногда прямо обменивая одно плотское удовольствие на другое. К тому же в большинстве культур трапеза не считается праздничной, если на столе нет мяса²⁴⁴.

Учитывая, насколько важно для людей мясо, неудивительно, что качество жизни существ, чьи тела его производят, находилось в самом низу списка наших приоритетов. Вот признаки, позволяющие предположить, что снижение насилия среди людей не обязательно должно коснуться животных: они нам не близкие родственники, они не могут обмениваться с нами услугами, мимические сигналы большинства других видов не пробуждают в нас сочувствия. Защитники природы часто сожалеют, что люди страдают только харизматичным млекопитающим — им повезло иметь облик, на который мы эмоционально откликаемся: улыбчивым дельфинам, пандам с печальным взглядом и тюленятам с их детскими мордочками. Несимпатичным видам приходится полагаться только на себя²⁴⁵.

Охотникам-собираателям из детских книжек часто приписывают уважение к природе, однако оно не мешало им охотиться на крупных животных до полного истребления или жестоко мучить пойманных зверей. В племени хопи, например, детей поощряли

играть с пойманными птицами, ломая им ноги и отрывая крылья²⁴⁶. На сайте, посвященном традиционной кухне коренных американцев, выложен следующий рецепт:

ЖАРЕНАЯ ЧЕРЕПАХА

Ингредиенты: одна черепаха, один костер.

Инструкция: положите черепаху на спину в огонь.

Когда услышите, как треснул панцирь, блюдо готово²⁴⁷.

В традиционных культурах животных нередко разделывают или варят живыми. Масаи регулярно пускают скоту кровь и смешивают ее с молоком, чтобы приготовить изысканный напиток, а кочевники Азии срезают куски курдючного жира с живых баранов, которых специально разводят для этой цели²⁴⁸. К домашним животным относятся не лучше: в недавнем кросс-культурном исследовании было установлено, что в половине традиционных культур, представители которых держат собак, их убивают — чаще всего, чтобы съесть, а плохо обращаются с собаками больше половины этих народов. Мбути в Африке, например, «безжалостно избивают своих охотничьих собак с рождения и до смерти, как бы ценны они ни были»²⁴⁹. Когда я спросил приятельницу-антрополога о том, как относятся к животным охотники-собиратели, с которыми она работала, та ответила:

Это, наверное, самое трудное в профессии антрополога. Они чувствуют мою слабость и пытаются продать мне всех детенышей подряд, в подробностях рассказывая, что они иначе с ними сделают. Раньше я обычно уносила животных далеко в дикие места и там выпускала, но они выслеживали меня и приносили тех же самых зверей на продажу снова!

Ранние цивилизации, которые зависели от прирученного домашнего скота, порой вырабатывали нормы обращения с животными, но последним от того было немного толку. Основной принцип гласил, что

звери существуют для пользы человека. Первое, что сказал Бог Адаму и Еве: «Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Бытие 1:28). Хотя прародители питались лишь фруктами, после потопа диета людей стала мясной. И Бог сказал Ною: «Да страшатся вас и да трепещут все звери земные и все птицы небесные: все, что движется на земле, и все рыбы морские — в ваши руки отданы они; все движущееся, что живет, будет вам в пищу, как зелень травную даю вам все» (Бытие 9:2–3). Пока римляне в 70 г. н.э. не разрушили второй храм, иудейские священники убили в нем невероятное количество животных — не для того, чтобы накормить людей, но из суеверия, что Бога надо периодически задабривать хорошо прожаренным стейком. (Запах жареного на углях мяса, согласно Библии, есть «приятное благоухание» и «благоухание, приятное Господу».)

В Древней Греции и Риме примерно так же представляли себе место животных в миропорядке. Аристотель писал, что «растения созданы для блага животных, животные — для блага человека»²⁵⁰. Греческие ученые применяли этот подход на практике, проводя вивисекцию живых млекопитающих, включая иногда и *Homo sapiens*. (По словам римского врача Цельса, в эллинистической Александрии медики «с высочайшего разрешения освобождали преступников из тюрем и вскрывали их живьем, рассматривая, пока те еще дышат, части, которые природа скрыла от непосредственного наблюдения».)²⁵¹ Римский анатом Гален писал, что предпочитал работать со свиньями, а не с обезьянами, поскольку на мордах обезьян, которых он резал,

появлялось «неприятное выражение»²⁵². А его соотечественники наслаждались, наблюдая, как на арене Колизея убивают и пытаются животных — не исключая и прямоходящих приматов. В христианские времена святой Августин и Фома Аквинский соединили библейские взгляды с эллинистическими, чтобы оправдать аморальное отношение к животным. Фома Аквинский писал: «Божественным Провидением [животные] предназначены к пользе человека... Поэтому нет ничего плохого в том, что люди используют их — убивая или поступая как угодно по-другому»²⁵³.

Да и современная философия в этом отношении начала не слишком хорошо. Декарт писал, что животные — часовые механизмы, не способные чувствовать боль или удовольствие. Как будто крик боли — это просто звук, издаваемый механизмом, вроде звонка будильника. Декарт знал, что нервная система животных и людей схожи, и нам кажется странным, что он наделял сознанием людей, но отказывал в нем животным. Но философ искренне верил в существование души, дарованной людям Богом, и именно душу считал носителем сознания. Размышляя о собственном сознании, он писал: «Я не могу различить в себе никаких частей, но усматриваю лишь абсолютно единую и целостную вещь... равным образом частями ума не могут быть названы ни способность желать, ни способность чувствовать, ни способность понимать и т.д., ибо один и тот же ум желает, чувствует и понимает»²⁵⁴. Язык тоже считался свойством неделимой сущности, которую мы называем разумом или душой. Животные не разговаривают, значит, не имеют души; следовательно, и сознания у них тоже нет. Человек, как и животные, обладает телом и мозгом, но, кроме

того, у него есть душа, которая взаимодействует с мозгом через особую структуру — шишковидное тело (эпифиз).

С точки зрения современной нейронауки это несусветная глупость. Сегодня мы знаем, что сознание, вплоть до мельчайшего проблеска, определяется физиологической активностью мозга. Мы знаем, что язык вовсе не неотъемлемая часть сознания, что демонстрируют люди, перенесшие инсульт и потерявшие способность говорить, но не превратившиеся при этом в бесчувственных роботов. Однако афазия была описана только в 1861 г. соотечественником Декарта Полем Брока, и для своего времени идеи Декарта звучали достаточно правдоподобно. Веками анатомы расчленяли живых животных — еще и потому, что Церковь запрещала вскрытие человеческих трупов. Ученые отрезали живым животным конечности, чтобы посмотреть, могут ли те отрастать заново, вытаскивали кишки, сдирали кожу, удаляли органы, в том числе глаза²⁵⁵.

Сельское хозяйство было не гуманнее. Веками фермеры кастрировали и клеймили скот, прокалывали уши и носы, купировали хвосты. Жестокие обычаи жирового откорма с целью смягчить мясо (знакомые нам по протестам против фуа-гра и мяса молочных телят) изобретены не сегодня. Вот несколько способов смягчения мяса, применявшихся в XVII в. британскими кулинарами:

Птице, чтобы прибавила в весе после долгого пути с фермы, сшивали кишки; из живых индюшек выпускали кровь, подвесив вверх ногами и надрезав вену во рту; гусей прибывали гвоздями к полу; лососей и карпов разделявали на котлеты живьем, чтобы мясо было плотнее; угря свеживали живым: наматывали на вертел, насадив глазом на гвоздь, чтобы не дергался... Считалось, что мясо быка несъедобно и вредит здоровью, если животное предварительно не травили собаками... Телят и свиней забивали до смерти кнутом, завязанным в узлы, чтобы сделать мясо мягче,

вместо того чтобы отбивать мясо уже убитого животного, как это делают сейчас. Один из рецептов начинается так: «Возьмите не слишком старого красного петуха и забейте его до смерти»²⁵⁶.

Агропромышленные фермы тоже не являются изобретением XX столетия:

В Англии в елизаветинское время свиней, откармливаемых на убой, «держали в жуткой тесноте, чтобы животные не могли повернуться и вынуждены были все время лежать на животе». «Они едят в муках, — писал современник, — лежат в муках и спят в муках». Птицу и дичь тоже часто откармливали в темноте и тесноте, иногда к тому же ослепляя. Считалось, что гуси лучше набирают вес, если перепонки их лап прибиты гвоздями к полу, и в обычаях хозяек XVII в. было отрубать ноги живой птице в уверенности, что это сделает мясо мягче. В 1686 г сэр Роберт Саутвелл объявил об изобретении «стойла, в котором скот ест и пьет из одной кормушки и не двигается с места, пока не согдится для забоя». В Дорсете овец, откармливаемых к рождественскому столу аристократов, специально держали в тесных темных клетях²⁵⁷.

Таких порядков придерживались веками, и страдания животных не принимались во внимание. Рыболовные крючки и гарпуны не изменились с каменного века, да и в рыболовной сети рыба погибает от медленной асфиксии. Удила, плетки, шпоры, хомуты и тяжелые грузы превращали в ад жизнь вьючных животных, особенно тех, кто проводил весь день, вращая в темноте ворот мельницы или водозаборного колеса. Каждый, кто читал роман «Моби Дик», знает о жестокости китобойного промысла. А для развлечения — вспомните главы 3 и 4 этой книги — бытовали кровавые забавы: убить ударами головы привязанного к столбу кота, забить свинью палкой, затравить собаками медведя или сжечь кошку.

На протяжении этой долгой истории эксплуатации и жестокости были люди, которые призывали к регулированию содержания животных. Но они редко

руководствовались состраданием к их ощущениям. В основе вегетарианства, протестов против вивисекций и других движений в защиту животных всегда лежит широкий набор мотивов²⁵⁸. Давайте рассмотрим некоторые из них.

Я уже упоминал тенденцию разума морализовать континуум «отвращение — чистота». При этом морализуются оба конца шкалы: на одном полюсе мы отождествляем аморальность с грязью, бездушием, гедонизмом и распущенностью; на другом — ставим знак равенства между добродетелью и чистотой, скромностью, аскетизмом и умеренностью²⁵⁹. Это влияет и на наше отношение к еде. Поедание мяса неопрятное и приятное и потому плохо; вегетарианство — чистое и умеренное, а потому хорошо.

К тому же человеческий разум предрасположен к эссенциализму, и мы склонны понимать клише «Ты есть то, что ты ешь» буквально. Поглощение мертвой плоти может восприниматься как заражение: возникает чувство, что такое усвоение животного начала может наделить человека чертами зверя. Даже студенты университетов Лиги плюща поддаются этой иллюзии. Психолог Пол Розин показал, что студенты верят, будто племена, которые охотятся на черепаха ради мяса и на кабанов ради щетины, должны быть хорошими пловцами, а племена, которые охотятся на кабанов ради мяса, а на черепаха ради панциря, должны быть сильными воинами²⁶⁰.

Романтические идеологии тоже могут поощрять отказ от мяса. В языческих верованиях, в идеологии «крови и почвы», в фантазиях о жизни до грехопадения процесс добывания и приготовления мяса может изображаться как нечто

противоестественное, а вегетарианство — как здоровая жизнь на дарах земли²⁶¹. По схожим причинам озабоченность судьбой лабораторных животных может подпитывать антипатию к науке и разуму в целом. Как писал Вордсворт в стихотворении «Все наоборот»:

Ведь наш безжизненный язык,
Наш разум в суете напрасной
Природы искажают лик,
Разъяв на части мир прекрасный^[101].

В довершение ко всему разные субкультуры относятся к животным по-разному, и моралистическая озабоченность вопросом: «А как там обращается с животными мой сосед?» — неважно, как это делаю я, — может стать формой социального соперничества. Жестокие развлечения в особенности дают прекрасный повод для классовой борьбы, и средний класс выступает за запрет петушиных боев, которые нравятся низшему классу, и охоты на лис — забавы высших классов²⁶². Замечание Томаса Маколея «Пуританин презирает травлю медведей не потому, что медведь страдает, но потому, что зритель наслаждается» подсказывает, что кампании против насилия скорее хотят искоренить жестокость в людях, чем избавить животных от страданий. И помогает понять, как любовь к животным может превратиться в мизантропию — нелюбовь к людям.

Еврейские пищевые законы — еще один пример смещения мотивов, стоящих за табу на мясо. Книги Левит и Второзаконие подают эти правила как жесткие догмы: Бог не должен объяснять свои приказы простым смертным. Но, если верить поздним интерпретациям, сделанным раввинами, законы прививают заботу о благополучии животных хотя бы

тем, что заставляют евреев остановиться и осознать, что они собираются съесть живое существо, полностью принадлежащее Богу²⁶³. Забивать животных должен профессиональный мясник, который рассекает сонную артерию, трахею и пищевод одним ударом остро отточенного ножа. Для тех времен это было очень гуманной технологией — однозначно лучшей, чем отрезать части от живого существа или поджаривать его живьем. Но и это далеко не безболезненная смерть, и некоторые гуманитарные организации сегодня пытаются запретить такую практику. Заповедь «не варить козленка в молоке матери его» — основа запрета смешивать мясные продукты с молочными — также была интерпретирована как выражение сострадания к животным. Но, если вдуматься, это проявление чувствительности наблюдателя. Для козленка, которого собираются превратить в жаркое, ингредиенты соуса — наименьшая из неприятностей.

Культуры, полностью перешедшие в вегетарианство, тоже руководствовались смешанными мотивами²⁶⁴. В VI в. до н.э. Пифагор основал культ, последователи которого не только измеряли стороны треугольника — они избегали мяса, в основном потому, что верили в переселение души из тела в тело, в том числе в тела животных. До того как в 1840-х гг. появилось слово «вегетарианство», воздержание от мяса называлось пифагоровой диетой. Вегетарианство индусов тоже основано на доктрине реинкарнации, хотя циничные антропологи вроде Марвина Харриса предложили более прозаическое объяснение: скот в Индии выгоднее использовать как тягловый, молочный и поставляющий навоз (топливо и удобрение), чем в качестве ингредиента говяжьего карри²⁶⁵. Духовный смысл вегетарианства индусов

перешел в буддизм и джайнизм, хотя там внимание к интересам животных выражено более явно благодаря философии ненасилия. Монахи-джайны подметают землю перед собой, чтобы не наступить на насекомое, а некоторые еще и носят маски, чтобы не убить микробов, вдохнув их.

Но в XX в. нацизм развеял любые иллюзии, что вегетарианство и человеколюбие как-то связаны²⁶⁶. Гитлер, как и многие его приспешники, был вегетарианцем не столько из сострадания животным, сколько из-за одержимости чистотой, языческого желания воссоединиться с почвой и в пику антропоцентризму и мясным ритуалам иудаизма. Демонстрируя потрясающие способности человеческого разума к разделению морали на изолированные зоны, нацисты, осуществляя немислимые эксперименты на живых людях, ввели законы по защите лабораторных животных такой строгости, которой Европа еще не видывала. Были законодательно установлены правила гуманного обращения с животными на фермах, съемочных площадках и в ресторанах, где рыбе надо было давать анестезию, а омаров запрещалось опускать в кипящую воду живьем. Благодаря этой странной главе в истории прав животных защитникам вегетарианства пришлось отказаться от самого надежного своего аргумента: поедание мяса делает людей агрессивными, а отказ от него — миролюбивыми.

Ряд самых ранних проявлений этической озабоченности благополучием животных относится к эпохе Возрождения. Европейцы заинтересовались вегетарианством, когда узнали об Индии — стране,

где никто не ест мяса. Писатели, в числе которых были Эразм и Монтень, осуждали жестокое обращение с животными — охоту и скотобойни, а Леонардо да Винчи сам стал вегетарианцем.

Но только в XVIII и XIX вв. эти доводы в пользу животных стали звучать убедительно, частично благодаря науке. Субстанциальный дуализм Декарта, который считал сознание ничем не связанной сущностью, существующей отдельно от мозга, проложил путь теориям монизма и пропетивного дуализма[102], которые уравнивали или как минимум соединяли сознание с активностью мозга. Раннее нейробиологическое мышление возымело последствия и для животных. Вольтер писал:

Варвары хватают эту собаку, которая так неизмеримо превосходит человека в дружбе; они прикрепляют ее к столу, они разрезают ее живьем, чтобы показать тебе ее мезентериальные вены. Ты обнаруживаешь в ней точно такие же органы чувств, какие есть в тебе. Отвечай, ты, полагающий, что организм — машина: неужели природа вложила в это животное органы чувств для того, чтобы оно ничего не ощущало? Неужели оно обладает нервами для того, чтобы быть бесчувственным?²⁶⁷

Иеремия Бентам, с точностью лазера препарируя мораль, заострил внимание на вопросе, которым мы должны руководствоваться в нашем отношении к животным: могут ли они страдать. К началу XIX в. Гуманитарная революция распространила свое внимание не только на людей, но и на прочие чувствующие существа, Первой целью была избрана самая заметная форма садизма по отношению к животным — кровавые забавы, а затем и издевательства над вьючными, сельскохозяйственными и лабораторными животными. Когда первая из соответствующих мер — запрет жестокого обращения с лошадьми — была в 1821 г. представлена английскому парламенту, идея

вызвала припадки смеха у парламентариев, которые говорили, что так дело вскорости дойдет до защиты собак, а того гляди и кошек. Через два десятилетия именно так и случилось²⁶⁸. В том же столетии в Британии смесь гуманизма и романтизма вызвала к жизни антививисекторские лиги, вегетарианские движения и общества по предотвращению жестокого обращения с животными²⁶⁹. После публикации в 1859 г. «Происхождения видов» Дарвина биологи, принявшие теорию эволюции, не могли больше считать, что сознание присуще только людям, и к концу века в Британии вивисекция была запрещена законодательно.

В середине XX в. кампания по защите животных замедлилась. Пережив лишения двух мировых войн, население было так благодарно за доступное мясо с агропромышленных ферм, что не утруждало себя мыслями о том, откуда оно берется. Внес свою лепту и бихевиоризм: став в начале XX в. ведущим течением в психологии и философии, бихевиоризм постулировал, что сама идея, будто животные что-то там ощущают, — ненаучная наивность, смертный грех антропоморфизма. В то же самое время движения зоозащитников, повторяя судьбу пацифистского движения XIX в., подорвали свое реноме и стали ассоциироваться с утопистами и фанатичными сторонниками здорового питания. Даже один из величайших гуманистов XX в. Джордж Оруэлл презирал вегетарианцев:

Такое впечатление, что слова «коммунизм», «социализм» магнитом стягивают со всей Англии нудистов, пламенных поборников фруктовых соков и сандалет на босу ногу, сексуальных маньяков, энтузиастов траволечения, квакеров, пацифистов и феминисток. Инстинкт сразу говорит людям, что чудак, вопреки нормам человечества желающий гастрономическими вывертами на пяток лет продлить

существование своей туши, — это особь не совсем человеческой породы^[103]²⁷⁰.

Все изменилось в 1970-х²⁷¹. Рут Гаррисон в книге «Животные-машины» (Animal Machines, 1964) описала бедственное положение скота на фермах. Другие публичные фигуры вскоре тоже подключились к делу. Бриджид Брофи принадлежит заслуга изобретения термина «права животных», который она специально сконструировала по аналогии: она хотела ассоциировать «доводы в пользу нечеловекоподобных животных с плеядой эгалитаристских и либертарианских идей, которые раз за разом, часто со впечатляющими политическими результатами, приходили на помощь другим подавляемым классам, таким как рабы, гомосексуалы и женщины»²⁷².

Поворотной на этом пути стала книга философа Питера Сингера «Освобождение животных» (Animal Liberation, 1975), которую окрестили «библией движения за права животных»²⁷³. Эпитет ироничный вдвойне, потому что Сингер секулярист и утилитарист, а утилитаристы скептически относились к естественным правам, с тех пор как Бентам назвал идею «высокопарной чепухой». Но вслед за ним Сингер изложил безупречно точный аргумент в пользу всестороннего учета *интересов* животных, хотя и не обязательно предоставления им «прав». Он начинает рассуждение с постулата, что не интеллект или принадлежность к определенному виду, а само наличие сознания у живого существа обязывает нас рассуждать о нем с позиций морали. Следовательно, мы не должны причинять ненужных страданий животным, так же как мы не причиняем их младенцам или психически больным. Вывод: мы все должны стать вегетарианцами. Люди могут прекрасно жить на современной вегетарианской диете, а

заинтересованность животных в жизни без боли и преждевременной смерти однозначно перевешивает то незначительное приращение удовольствия, которое мы получаем, поедая их плоть. Довод, что люди едят мясо «по своей природе», следуя культурной традиции, или же биологической эволюции, или тому и другому, морально неприемлем.

Как и Брофи, Сингер сделал все возможное, чтобы провести аналогию между движением за повышение качества жизни животных и другими революциями прав 1960-х и 1970-х гг. Аналогия начинается с названия — аллюзии к освобождению колоний, женщин и гомосексуалов — и продолжается популяризацией термина «спесишизм» (видовая дискриминация), родственного словам сексизм и расизм. Сингер цитировал писательницу-феминистку XVIII в. Мэри Уолстонкрафт, которая утверждала, что, если верны ее доводы относительно женщин, мы должны дать права также и «тварям». Критики сочли это доведением тезиса до абсурда, но Сингер доказывает, что это разумное заключение. Для Сингера эти аналогии не просто риторические приемы. В другой своей книге «Расширяющийся круг» он изложил теорию нравственного прогресса, согласно которой естественный отбор одарил людей зерном эмпатии по отношению к родне и друзьям и они постепенно растили его, включая в круг сочувствия все больше живых существ — от семьи и деревни до клана, племени, народа, вида и всех чувствующих существ²⁷⁴. Книга, которую вы читаете, многим обязана этому озарению.

Моральные аргументы Сингера были не единственной силой, побуждающей людей сочувствовать животным. Быть пламенным

поборником фруктовых соков и сандалет на босу ногу, сексуальным маньяком, энтузиастом траволечения, квакером, пацифистом и феминистом — иногда в одном лице — в 1970-х это уже было хорошо и правильно. Довод в пользу вегетарианства, основанный на сострадании, вскоре был подкреплён другими аргументами: что от мяса толстеют, что оно вредно и забивает артерии, что выращивание зерна на корм животным, а не для питания людей — это трата земли и еды, что миазмы сельскохозяйственных животных наносят страшный вред экологии, особенно метан, вызывающий парниковый эффект газ, который коровы выделяют с обоих концов.

Называть происходящее можно как угодно: освобождением животных, правами животных, гуманным обращением с животными или защитой животных, но после 1975 г. в западной культуре стабильно росла нетерпимость к насилию в отношении животных. Изменения заметны как минимум в полудюжине областей.

Я уже упомянул первую: защита лабораторных животных. Сегодня нельзя мучить их, подвергать стрессу или убивать во имя науки; даже в школьных биологических лабораториях освященная годами традиция препарирования лягушек повторила судьбу чернильниц и логарифмических линеек. (В некоторых школах теперь лягушек препарируют виртуально, в специальной компьютерной программе.)²⁷⁵ Рутинное тестирование косметики и бытовой химии на животных в коммерческих лабораториях тоже подвергается жесткой критике. С 1940-х гг., вслед за сообщениями о том, что несколько женщин ослепли

после использования туши для ресниц, содержащей каменноугольную смолу, многие средства бытовой химии проверяли на безопасность с помощью печально известного теста Дрейза — внося вещество в глаза кролику и наблюдая за появившимися повреждениями. До наступления 1980-х мало кто слышал о тесте Дрейза, и до 1990-х мало кто понимал маркировку «без жестокости» (cruelty-free), которая означает, что при разработке продукта этот тест не применялся. Сегодня таким значком отмечены тысячи потребительских товаров, он стал популярен настолько, что даже маркировка «презервативы без жестокости» уже никого не удивляет. Тестирование потребительских товаров на животных продолжается, но объемы его снижаются, а правила становятся все жестче.

Другое заметное изменение — запрет кровавых развлечений. В 2005 г. британским аристократам, охотившимся на лис, пришлось отправить на покой своих гончих и повесить на стенку охотничьи рога, а в 2008 г. Луизиана стала последним американским штатом, запретившим петушиные бои, на протяжении многих веков популярные во всем мире. Как и другие запрещенные пороки, обычай все еще жив, в частности среди иммигрантов из Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, но в США он уже много лет теряет популярность, а во многих других странах тоже попал под запрет²⁷⁶.

Даже благородная коррида под угрозой. В 2004 г. муниципалитет Барселоны запретил кровавое состязание между матадором и быком, а в 2010 г. запрет распространился на всю Каталонию. Государственные телеканалы в Испании прекратили прямые трансляции боя быков, зрелище было

признано слишком жестоким для детей²⁷⁷. Европарламент обсудил общеевропейский запрет. Как и официальные дуэли и другие жестокие обычаи, обставленные с пышностью и церемонностью, бои быков могут со временем отойти в прошлое — не потому, что их приговорит сострадание или запретит правительство, но потому, что злословие не допустит этого.^[104] В 1932 г. в книге «Смерть после полудня» Эрнест Хемингуэй объяснял примитивную притягательность корриды:

...в миг убийства [Матадор] должен извлекать еще и духовное наслаждение. Убийство без помарок и способом, который дает тебе эстетическую радость вместе с гордостью, всегда было одним из наиболее ярких удовольствий для определенной части человечества. Стоит только принять идею господства смерти, как заповедь «Не убий» становится естественной, ей легко подчиниться. Но когда человек бунтует против смерти, он извлекает наслаждение из того факта, что присвоил себе один из богоподобных атрибутов, а именно право причинять смерть. Это одно из наиболее сильных чувств, которые испытывают люди, любящие убивать. Подобные вещи осуществляются из гордыни, а гордыня, разумеется, есть христианский грех и языческая добродетель. Корриду создает гордыня, а великого матадора — наслаждение убийством^[105].

Тридцать лет спустя Том Лерер^[106] несколько иначе описал свое впечатление от корриды. «В мире нет ничего прекраснее, — восклицал он, — чем смельчак, в одиночку и с голыми руками противостоящий полутонне разъяренного жаркого». В кульминационном куплете своей баллады он пел:

Отрадно было видеть, как бандерильеро мастерски угробили быка.
Я так не веселился со дня, когда Ровер, пес моего брата, попал под машину.

«Ровера сбил “Понтиак”, — добавляет Лерер, — сбил его с такой грациозностью и артистизмом, что свидетели вознаградили водителя и ушами, и хвостом сразу». Отношение молодых испанцев сегодня ближе к чувствам Лерера, чем Хемингуэя. Их герои не матадоры, а певцы и футболисты, которые становятся

известными, не воспевая и не эстетизируя гордость убийством животного. Но у корриды в Испании все еще есть верные поклонники — люди среднего возраста и старше.

Охота еще одно развлечение, стремительно теряющее популярность. То ли из сочувствия Бэмби, то ли из-за нежелания быть ассоциированными с Элмером Фаддом^[107], все меньше американцев убивают животных для развлечения. На рис. 7–26 показано, как за последние 30 лет снизилась доля американцев, которые, отвечая на вопросы Общего социального обследования (GSS), указали, что они сами или их супруг(а) охотятся. Демографическая статистика показывает, что средний возраст охотников растет²⁷⁸.

Дело не только в том, что американцы проводят все больше времени за мониторами компьютеров и все меньше — на свежем воздухе. По данным американского Управления охоты и рыболовства, между 1996 и 2006 гг. число охотников, дней охоты и денег, потраченных на охоту, снизилось на 10–15%, в то время как число любителей-натуралистов, времени и денег, потраченных на наблюдение за дикой природой, возросло на 10–20%²⁷⁹. Людям все еще нравится контактировать с животными, но теперь они предпочитают смотреть на них, а не стрелять. Пока еще не ясно, не будет ли спад развернут вспять помешательством на потреблении исключительно местных продуктов, из-за которого молодые успешные горожане отправляются на охоту, чтобы сократить расстояние от места производства продуктов до своего стола и питаться экологически чистым и гуманно добытым мясом животных, выращенных на свободном выпасе²⁸⁰.

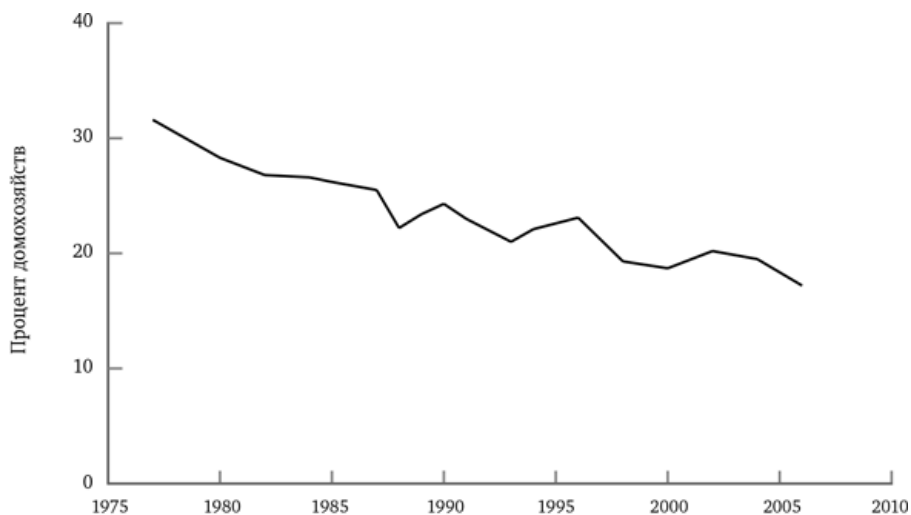

РИС. 7–26. Процент американских семей, промысляющих охотой, 1977–2006 гг.

Источник: General Social Survey, <http://www.norc.org/GSS+Website/>

Трудно представить, что рыбалку можно считать гуманным спортом, но рыболовы стараются изо всех сил. Одни отпускают выловленную рыбу, другие идут еще дальше, давая рыбе сорваться с крючка еще в воде, потому что, вытащенная на воздух, она подвергается серьезному стрессу. Еще лучше ловля без крючка: рыбак наблюдает, как форель взлетает в воздух, чувствует некоторое натяжение лески — и этого достаточно. Вот как рассказывает один из них: «Я вошел в мир форелей самым естественным образом, не то что прежде. Я не нарушаю их режим кормления. Они и так постоянно выпрыгивают из воды, а я все еще получаю свое маленькое удовольствие, заставляя рыбу взлетать в воздух. Я больше не хочу причинять вред форели, и я нашел способ сделать это, не бросая рыбалки»²⁸¹.

Узнаете ли вы следующее клише?

Ни одно дерево не пострадало в процессе написания этого поста.

Ни один хомяк не пострадал в процессе съемок этого книжного обзора.

Ни один белый медведь не пострадал в процессе производства этой рекламы.

Ни один козел не пострадал в процессе написания этой статьи.

Ни одна банка кока-колы не пострадала в процессе производства этого продукта.

Ни один член Движения чаепития^[108] не пострадал в процессе протестования этого счета за медпомощь.

Все это отсылка к маркировке, которая по правилам Американского общества защиты животных (АНА) должна подтвердить, что ни одно животное не пострадало в производстве кинофильма, и которая появляется в титрах после имен светооператоров и рабочих сцены²⁸². Раньше, чтобы показать, как лошадь срывается с утеса, ее действительно безжалостно сталкивали вниз, и АНА сформировало отдел по кинематографии и телевидению и разработало правила использования животных в кино. Общество утверждает, что «сегодняшние потребители, все более озабоченные вопросами благополучия животных, уполномочили АНА требовать большей ответственности и подотчетности компаний шоу-бизнеса, использующих актеров-животных» (термин, на котором они настаивают, поскольку «животные — это не бутафория»). Руководство по безопасному использованию животных в киноиндустрии, впервые утвержденное АНА в 1988 г., представляет собой брошюру на 131 странице, начинается с определения животного («любое чувствующее существо, включая птиц, рыб, рептилий и насекомых») и не оставляет без внимания ни один биологический вид²⁸³. Я открыл брошюру на первой попавшейся странице:

ДЕЙСТВИЯ С ВОДОЙ (также см. раздел 5 «Безопасность на воде»)

6–2. Ни одно животное нельзя подвергать избыточному воздействию при симуляции дождя. Давление воды и скорость лопастей, используемых для создания этого эффекта, нужно постоянно контролировать.

6–3. При симуляции дождя следует обязательно использовать резиновые коврики и другие нескользящие материалы или поверхности. Если необходимо обеспечить эффект грязи, глубина грязи должна быть одобрена АНА до начала съемок. Если

необходимо, под грязью должна быть помещена нескользящая поверхность.

АНА гордится тем, что «с момента введения этого руководства число несчастных случаев, болезней и гибели животных на съемочной площадке резко сократилось». Организация подтверждает свои слова цифрами, и, так как я с удовольствием иллюстрирую свое повествование графиками, на рис. 7–27 я показал, как со временем снижалось число фильмов, признанных «неприемлемыми» из-за жестокого обращения с животными-актерами.

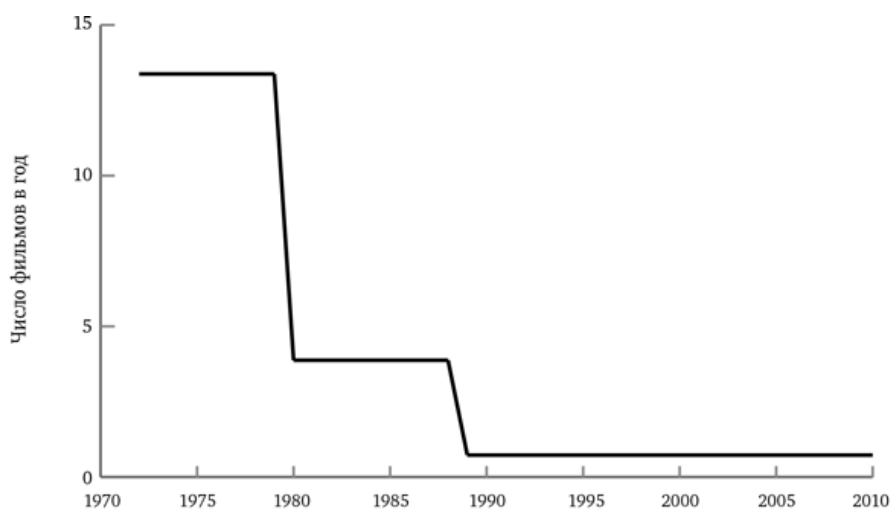

РИС. 7–27. Число кинофильмов в год, на съемках которых пострадали животные, 1972–2010 гг.

Источник: American Humane Association, Film and Television Unit, 2010

Если этого недостаточно, чтобы убедить вас, что борьба за права животных вышла на новый уровень, примите во внимание события 16 июня 2009 г., описанные в статье *The New York Times* под заглавием: «Что такое: белое, со ста тридцатью двумя комнатами и жужжит?» Ответ: Белый дом, который одолели насекомые. Во время телевизионного интервью огромная муха кружила у головы президента Обамы. Спецслужбы ее не сбили, и президент взял дело в свои руки, прихлопнув насекомое. «Пришиб кровопийцу», — сообщил главный дезинсектор США. Эти кадры стали сенсацией YouTube, но вызвали недовольство

активистов организации «Люди за этическое отношение к животным». Они написали в своем блоге: «Нельзя сказать, что президент Обама и мухи не обидит» — и во избежание подобных инцидентов в будущем послали ему одну из своих гуманных ловушек для насекомых²⁸⁴.

И наконец, мы добрались до мяса. Если бы кто-нибудь подсчитал, сколько животных жило на земле за последние 50 лет и вычислил объем причиненного им вреда, ему пришлось бы сказать, что мы абсолютно не продвинулись в вопросе гуманного обращения с животными. Дело в том, что революция прав животных практически перечеркивается другой революцией — революцией бройлерных цыплят²⁸⁵. Лозунг кампании 1928 г. «Цыпленка в каждую кастрюлю» напоминает нам, что некогда куриное мясо считалось роскошью. Рынок ответил на повышенный спрос выведением мясных пород цыплят и методами эффективного, но менее гуманного их откорма: у цыплят на птицефермах хилые лапки, они живут в переполненных клетках, дышат зловонным воздухом, с ними жестоко обходятся во время транспортировки и забоя. В 1970-х гг. потребителей убеждали, что белое мясо полезнее красного (идею взял на вооружение Национальный союз свиноводов, придумав слоган: «Еще одно белое мясо»). И так как птицы — создания с небольшими мозгами, относящиеся к другому биологическому классу, в общем считалось, что они обладают сознанием в меньшей мере, чем млекопитающие. В результате спрос на птицу возрос, превзойдя к началу 1990-х гг. спрос на говядину²⁸⁶. Чтобы удовлетворить этот спрос, потребовалось привести в мир и лишить жизни на

несколько миллиардов несчастных созданий больше: ведь чтобы получить столько мяса, сколько дает одна корова, нужно убить 200 цыплят²⁸⁷. Этот зловещий тренд не был порожден снижением нравственной восприимчивости или новым равнодушием — история агропромышленных ферм и жестокого обращения с птицей и скотом уходит во тьму веков. То, что цифры под давлением экономических перемен и изменившегося вкуса выросли, осталось незамеченным, потому что большинству людей нет дела до жизни цыплят. То же самое до известного предела верно и в отношении других животных, обеспечивающих нас мясом.

Но ситуация начинает меняться. Первый признак — рост вегетарианства. Наверняка не я один, принимая гостей в 1990-х, слышал от усевшегося за стол приятеля: «О, я забыл сказать. Я не ем мертвых животных». Сегодня вежливый хозяин, приглашая гостей на обед, обязательно поинтересуется, есть ли у них какие-нибудь пищевые ограничения, а участники конференций могут поставить галочку в клеточке и вместо порции резиновой курицы получить тарелку разваренных баклажанов. Тренд попал в поле зрения публики в 2002 г., когда журнал *Time* выбрал темой номера: «Нужно ли вам становиться вегетарианцем? Миллионы американцев отказываются от мяса».

Пищевая индустрия ответила изобилием вегетарианских и веганских продуктов. Вегетарианские отделы моего местного супермаркета предлагают соевые бургеры, салат-бургеры, бургеры с ростками пшеницы, веджибургеры с вегетарианской котлетой, тофу-доги, нет-доги, умные хот-доги, фейкобекон, соевое мясо, соевые сосиски, соевые колбаски, соевые котлетки, крылышки баффало без

мяса, жаркое без мяса, соевые стрипсы, вегетарианские белковые ломтики, ведж-устрицы и ту-нет (вегетарианский тунец). Технологическая и лингвистическая изобретательность — доказательство как популярности нового вегетарианства, так и того, что мясной голод никуда не исчез. Те, кому нравятся обильные завтраки, могут наслаждаться вегетарианскими ломтиками для завтрака с омлетом из тофу или омлетом из сои с веганреллой вместо моцареллы. А на десерт заказывать бобовое или рисовое мороженое и тофутти, украшенное вегетарианскими взбитыми сливками и вишенкой. Окончательно заменить мясо смогут ткани животных, выращенные в пробирке, — так называемое мясо без ножек. Вечные оптимисты из организации «Люди за этическое отношение к животным» предложили награду в миллион долларов ученому, который первым выведет на рынок искусственное куриное мясо²⁸⁸.

При всей заметности вегетарианства строгих вегетарианцев очень мало. Не так-то это легко. Вегетарианцев окружают мертвые животные и их обожатели-мясоеды, да и их собственный мясной голод никуда не делся. Неудивительно, что многие не выдерживают: любой опрос о пищевых привычках выявляет в три раза больше бывших вегетарианцев, чем практикующих²⁸⁹. Многие из тех, кто продолжает называть себя вегетарианцем, убедили себя, что рыба — это овощ, и спокойно едят рыбу и морепродукты, а иногда и курицу²⁹⁰. Другие интерпретируют свои диетические ограничения как евреи в китайском ресторане, позволяя себе сделать исключение для узко определенных категорий еды или для пищи, съеденной вне дома. Демографический сектор с самой большой долей вегетарианцев — это девочки-

подростки, и их основной мотив, скорее всего, не сострадание к животным. Вегетарианство среди них чаще всего вызвано расстройствами пищевого поведения²⁹¹.

Но, быть может, число вегетарианцев хотя бы растет? Насколько можно судить, да. Вегетарианское общество Британии суммировало результаты всех опросов, какие только смогло найти, и опубликовало данные в информационном письме. На рис. 7–28 отражено число положительных ответов на все вопросы анкетирования, в которых спрашивалось, считают ли себя респонденты вегетарианцами. Наилучшая эмпирическая прямая позволяет предположить, что за последние два десятилетия число вегетарианцев выросло более чем в три раза — с 2% в популяции до почти 7%. В США Группа поддержки вегетарианства поручила агентствам по изучению общественного мнения напрямую спрашивать у американцев, едят ли они мясо, рыбу или птицу, чтобы исключить нестрогих вегетарианцев и тех, кто, так сказать, творчески подходит к классификации видов. Цифры получились меньше, но тренды схожи — рост более чем в три раза за 15 лет.

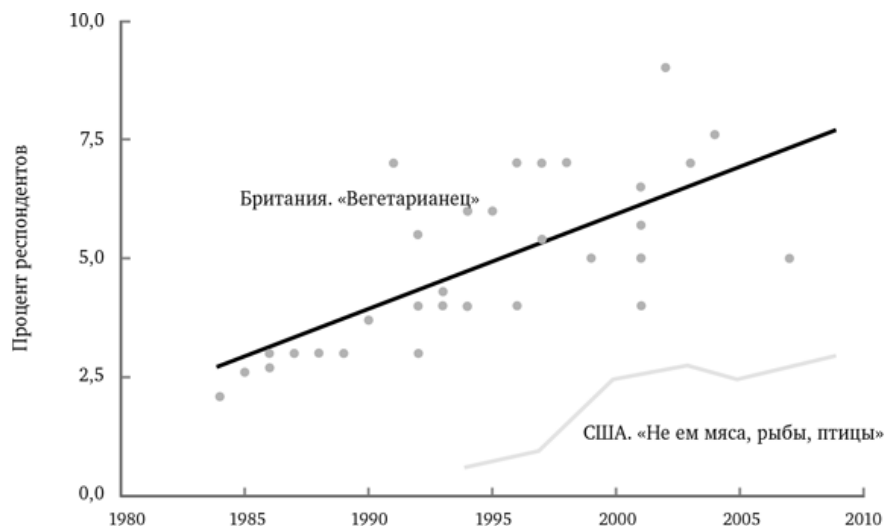

РИС. 7–28. Вегетарианство в США и Великобритании, 1984–2009 гг.

Источники: Великобритания: Vegetarian Society, <http://www.vegsoc.org/info/>. Исключены опросы, спрашивающие о членах семьи, опрашивающие студентов или касающиеся «строгого» вегетарианства. США: Vegetarian Resource Group, *Vegetarian Journal*. 2009: <http://www.vrg.org/press/2009poll.htm>. 2005 и 2003: <http://www.vrg.org/journal/vj2006issue4/vj2006issue4poll.htm>. 2000: <http://www.vrg.org/nutshell/poll2000.htm>. 1997: <http://www.vrg.org/journal/vj97sep/979poll.htm>. 1994: <http://www.vrg.org/nutshell/poll.htm>

При всеобщей озабоченности благополучием животных может показаться удивительным, что процент вегетарианцев хоть и растет, но все еще настолько низок. Однако он и не должен быть высоким. Быть вегетарианцем и заботиться о качестве жизни животных не одно и то же. Не только сами вегетарианцы руководствуются самыми разными мотивами — здоровьем, вкусом, экологией, религией, желанием свести с ума мать, но и те, кто беспокоится о благополучии животных, часто сомневаются, что вегетарианство — лучший способ избавить их от страданий. Гамбургер, от которого альтруистически отказывается вегетарианец, вряд ли снизит огромный спрос на мясо или спасет хоть одну корову. А даже если и спасет, жизнь остальных коров от этого легче не станет. Изменение порядков, сложившихся в пищевой индустрии, — это дилемма коллективных действий, в которой индивидуумы склонны отказываться от самопожертвования, если на общее благополучие оно не повлияет.

Тем не менее рост вегетарианства говорит о растущей обеспокоенности благополучием животных, которая может проявляться и по-другому. Люди, которые продолжают есть мясо, могут стараться есть его меньше (потребление мяса млекопитающих в Америке снизилось по сравнению с 1980 г.)²⁹² Рестораны и супермаркеты все чаще сообщают клиентам, чем питалось их основное блюдо или продукт и насколько привольно паслось, пока еще имело копыта или лапки. В 2010 г. в США два крупнейших производителя мяса птицы объявили, что переходят на более гуманные методы забоя: птиц, прежде чем подвесить их за лапки и перерезать горло, будут усыплять углекислым газом. Тут продавцам приходится балансировать на грани флага. Посетителям ресторанов нравится, когда с их обедом до последнего вздоха обращались гуманно, но об обстоятельствах, в которых он испустил этот последний вздох, они предпочитают ничего не знать. И даже самые гуманные технологии умерщвления сталкиваются с проблемой имиджа. Так, один мясник сказал: «Не хочу, чтобы публика говорила, будто мы отправляем цыплят в газовые камеры»²⁹³.

Еще важнее то, что население в большинстве своем поддерживает правовые меры, решающие проблему коллективных действий: законы, которые заставляют фермеров и переработчиков мяса гуманно обращаться с животными. В опросе, проведенном в 2000 г. Институтом Гэллапа, 80% британцев сказали, что «хотели бы улучшения условий содержания животных на британских фермах»²⁹⁴. Даже американцы, известные своими либертарианскими взглядами, хотели бы, чтобы власти внедряли соответствующие сегодняшнему дню правила содержания животных. В опросе Института Гэллапа, проведенном в 2003 г.,

96% американцев сочли, что животные заслуживают как минимум некоторой защиты от причинения им вреда и от эксплуатации, и только 3% сказали, что защита не нужна, «ведь это просто животные»²⁹⁵. Хотя американцы не согласны на запрет охоты или отказ от использования животных в медицинских исследованиях и тестировании продукции, 62% поддерживают «строгие законы, регулирующие содержание скота на фермах». Когда у них есть возможность, они превращают свои мнения в решения. Права сельскохозяйственных животных оговорены в законах Аризоны, Колорадо, Флориды, Мэйна, Мичигана, Огайо и Орегона, а в 2008 г. 63% калифорнийцев одобрили Закон о предотвращении жестокого обращения с сельскохозяйственными животными, который запрещает клетки для телят, клетки для птиц и станки для свиноматок, стесняющие движения²⁹⁶. А в американской политике есть своего рода закон: куда Калифорния, туда и вся страна.

А Калифорния, похоже, идет след в след за Европой. Евросоюз разработал правила содержания животных, «которые начинаются с утверждения, что животные — чувствующие существа. Основная задача — подтвердить, что животные не должны переносить ненужной боли или страдания, и обязать владельцев соблюдать минимальные требования к уходу за ними»²⁹⁷. Не все пошли так далеко, как Швейцария, где 150-страничные правила обязывают хозяев собак посетить четырехчасовой курс теоретической подготовки и определяют, как владельцы домашних животных должны содержать, кормить, выгуливать своих любимцев, играть с ними и избавляться от них. (Живых золотых рыбок не стоит смывать в унитаз.) Но даже швейцарцы на референдуме 2010 г. воспротивились распространению на всю страну

принятой в Цюрихе практики, в рамках которой государство оплачивает «адвоката для животных» и привлекает к уголовной ответственности нерадивых хозяев, а заодно и рыболова, который похвастался репортеру местной газеты, что целых 10 минут вытаскивал из воды огромную щуку. (Рыбак был оправдан, щука съедена.)²⁹⁸ Все это похоже на ночной кошмар американского консерватора, но и консерваторы тоже считают, что правительство должно регулировать содержание животных. В 2003 г. большинство республиканцев одобрили принятие «строгих законов», в которых были бы прописаны правила обращения с сельскохозяйственными животными²⁹⁹.

Насколько далеко все это пойдет? Меня часто спрашивают, думаю ли я, что нравственный прогресс, благодаря которому мы прошли путь от запрета пыток и рабства до гражданских прав, прав женщин и гомосексуалов, поведет нас и дальше — к запрету употребления мяса, охоты и экспериментов на животных. Будут ли наши потомки в XXII в. ужасаться, что мы ели мясо, так же как мы ужасаемся тому, что наши предки держали рабов?

Может, да, а может, и нет. Аналогия между притеснением людей и притеснением животных оказалась риторически яркой, а поскольку все мы чувствующие создания, еще и интеллектуально убедительной. Но сама аналогия не точна: афроамериканцы, женщины, дети и геи не бройлерные цыплята, и я сомневаюсь, что судьба прав животных с некоторым отставанием повторит судьбу прав человека. В своей книге «Радость, гадость и обед.

Вся правда о наших отношениях с животными» (Some We Love, Some We Hate, Some We Eat) психолог Хэл Херцог изложил причины, по которым нам так трудно выработать логически непротиворечивую моральную философию, которая определяла бы наше отношение к животным. Я назову причины, которые меня потрясли.

Первая проблема — жажда мяса и социальное удовольствие, которое мы получаем, поедая его в компании. Хотя индусы, буддисты и джайны доказали, что общества, не употребляющие мяса, вполне могут существовать, доля рынка, занятая вегетарианскими продуктами (3% в США), показывает, что мы очень далеки от кардинальных перемен. Собирая информацию для этого раздела, я с удивлением обнаружил, что, по данным опроса, проведенного в 2004 г. Исследовательским центром Пью, 13% респондентов назвали себя вегетарианцами. Но, изучив информацию, написанную мелким шрифтом, я обнаружил, что опрос проводился среди сторонников кандидата в президенты Говарда Дина, губернатора-либерала из Вермонта. Значит, даже в этой цитадели левых, «зеленых» и веганов, в краю, знаменитом мороженым Ben & Jerry's, которое придумала парочка бывших хиппи, 87% населения — мясоеды³⁰⁰.

Однако проблема глубже, чем просто мясной голод. Взаимодействие людей и животных часто представляет собой игру с нулевой суммой. Животные атакуют наши дома, едят наши припасы, а иногда и наших детей. Они заставляют нашу кожу чесаться и кровоточить. Они переносят болезни, которые мучают и убивают нас. Они едят друг друга, а заодно уничтожают и редких животных, которых мы хотели бы сохранить. Без их участия в экспериментах

развитие медицины остановится, и миллиарды живущих и еще не рожденных людей будут страдать и умирать, сохраняя жизнь мышам. Этический расчет, который придает равный вес страданиям всех чувствующих существ, запретит отдавать предпочтение нашему собственному виду и не позволит обменять благополучие зверя на благополучие человека, например застрелить дику собаку, чтобы спасти маленькую девочку. Несомненно, интересы людей будут для нас чуть важнее хотя бы из-за биологической уникальности человека: крупный мозг позволяет нам ценить наше существование, размышлять о прошлом и будущем, бояться смерти и делить радости жизни с близкими. Но от табу на прекращение человеческой жизни, которое среди прочего защищает и жизнь умственно недееспособных — только потому, что они тоже люди, придется отказаться. Сингер бестрепетно принимает такие последствия морали, не различающей биологические виды³⁰¹. Но вряд ли эта мораль в обозримом будущем укоренится в западном обществе.

И наконец, достигнув тех областей нашего разума, где моральные установки начинают ломаться, движение за права животных столкнется со сложнейшими проблемами объяснения. Одна из них — так называемая трудная проблема сознания, а именно вопрос, как из обработки информации нейронами возникают ощущения³⁰². Декарт, конечно, ошибался насчет млекопитающих, и я почти уверен, что и насчет рыб тоже. Но не был ли он прав относительно устриц? Слизняков? Термитов? Земляных червей? Если мы хотим этической определенности на кухне, в саду, во время ремонта домов и на активном отдыхе, нам придется решить этот философский вопрос — ни больше ни меньше!

Другой парадокс состоит в том, что человеческие существа одновременно являются как рациональными моральными агентами, так и организмами, частью «природы с окровавленными зубами и когтями». Что-то во мне протестует при виде охотника, стреляющего в лося. Но почему я не расстраиваюсь, представляя себе охотника и убитого им медведя гризли? Почему не чувствую моральной обязанности заставить медведя питаться соевыми котлетами со вкусом лосятины? Должны ли мы постепенно избавиться от хищников или превратить их в травоядных на генном уровне?³⁰³ Мы содрогаемся при мысли о таких экспериментах, потому что, правильно или нет, но приписываем некоторый этический вес тому, что считаем «естественным», природным. Но если мы делаем скидку на природное хищничество других видов, почему не учитываем собственное, особенно если сами стремимся минимизировать страдания животных с помощью своих когнитивных и нравственных способностей?

Я подозреваю, что эти трудности не позволят движению за права животных в точности повторить динамику других революций прав. Но вопрос, где же мы проведем финишную черту, пока еще не актуален. Сегодня у нас есть масса возможностей значительно сократить страдания животных при относительно небольших издержках для людей. Учитывая недавние перемены в людской чувствительности, жизнь животных, несомненно, будет улучшаться.

ИСТОЧНИКИ РЕВОЛЮЦИЙ ПРАВ

Когда я готовился писать эту главу, то знал, что десятилетия Долгого мира и Нового мира были также

и десятилетиями прогресса для расовых меньшинств, женщин, детей, гомосексуалов и животных. Но я и представить себе не мог, что количественные измерения показывают спад всех видов насилия: преступлений на почве ненависти и изнасилований, избиений жен и детей и даже числа кинофильмов, при съемке которых пострадали животные. Как нам понять этот полувековой дрейф в сторону ненасилия?

У всех этих движений есть нечто общее. Каждый раз им приходилось плыть против мощных сил человеческой природы: дегуманизации и демонизации изгоев, сексуальной ненасытности мужчин и их собственнических чувств в отношении женщин, против конфликта родителей и детей, проявляющегося детоубийством и телесными наказаниями, против морализации сексуального отвращения, выраженного гомофобией, против жадности мяса и упоения охотой, против ограничений эмпатии, касающейся лишь родственников, партнеров по взаимному обмену и тех, кто нам симпатичен.

Мало того что биология подкладывает нам свинью, авраамические религии прописали худшие инстинкты человека в законах и верованиях, поощрявших насилие тысячелетиями: демонизация неверных, право собственности на женщин, грехи детей, ненормальность гомосексуальности, власть над животными, якобы лишенными души. Азиатским культурам тоже есть чего стыдиться, а особенно массового нежелания растить дочерей, что приводит к геноциду новорожденных девочек. Общепринятые практики становятся нормой: избиение жен и детей, ограничение движений скота, пытки крыс током были приемлемыми, потому что все считали их приемлемыми.

Поскольку насилие вечно, нравственный образ жизни требует разумного ограничения инстинктов, культурных, религиозных обычаев и пересмотра привычных подходов, что и показали нам революции прав. Традиционные нормы должны заменить этика, которая руководствуется состраданием и разумом и говорит на языке права. Мы принуждаем себя встать на место (или на лапы) других чувствующих существ, учитывать их интересы, начиная с интереса жить и не испытывать боли, и стараемся не принимать во внимание поверхностные черты вроде расы, национальности, пола, возраста, сексуальной ориентации — и до некоторой степени — биологического вида.

Этот вывод лежит в русле моральных устоев Просвещения, а также гуманистических и либеральных течений, из него выросших. Революции прав — это либеральные революции. Каждая ассоциировалась с либеральными движениями, каждая сегодня распределена по градиенту от Западной Европы и демократических американских штатов до республиканских американских штатов, демократий Латинской Америки и Азии и далее — в авторитарные страны, исламские государства и страны Африки. Каждая революция оставила западной культуре в наследство избыток правил приличия и табу, которые заслуженно высмеиваются как «политкорректность». Но цифры доказывают, что благодаря им смертей и страданий стало гораздо меньше, а современная культура отказывается терпеть насилие в какой бы то ни было форме.

Послушав беседы либеральных оракулов, можно подумать, что Соединенные Штаты на протяжении 40 лет уклонялись вправо: от Никсона и Рейгана до Гингрича и Буша и до нынешних «сердитых белых

мужчин» из Движения чаепития. Но в каждом вопросе, затронутым революциями прав, — о межрасовых браках, о расширении прав женщин, об отношении к гомосексуальности, о наказании детей и обращении с животными — взгляды консерваторов меняются вслед за взглядами либералов, и в результате сегодняшние консерваторы либеральнее вчерашних либералов. Как пишет консервативный историк Джордж Нэш, «на практике, если не в теории, американский консерватизм сильно шагнул влево по сравнению с 1980-ми»³⁰⁴. (Может, как раз поэтому эти белые мужчины такие сердитые.)

Что же стало причиной революций прав? Выявить причины Долгого мира, Нового мира и спада преступности в 1990-х было нелегко, но еще сложнее определить внешний фактор, который объяснил бы, почему революции прав вспыхивали одна за другой. Однако мы можем рассмотреть типичных кандидатов на эту роль.

Достаток людей после войны вырос, но благосостояние так неравномерно влияет на общество, что вряд ли эта идея поможет нам проникнуть в суть и определить непосредственный спусковой механизм революций прав. Имея деньги, можно усовершенствовать образование и охрану правопорядка, общественные науки, социальную помощь и средства массовой информации, упрочить позиции женщин в профессиональной среде, улучшить условия жизни детей и животных. Сложно выделить в качестве причины что-то одно, но, если бы мы и смогли, перед нами все равно встал бы вопрос, почему общество решило распределить плоды экономического процветания таким образом, чтобы минимизировать ущерб для уязвимых слоев

населения. Мне неизвестно о точном статистическом анализе, я не могу выявить корреляции между временем подъема движений за права угнетенных в период с 1960-х до 2000-х гг. и экономическими подъемами и рецессиями этих десятилетий.

Демократическая форма управления государством, конечно, сыграла свою роль. Революции прав происходят в демократических системах: демократия — это общественный договор, заключенный гражданами с целью снизить насилие, и как таковые демократии содержат в себе точки роста, способствующие включению в социальный контракт групп, которые первоначально в него не входили. Но почему это происходит именно тогда, когда происходит, остается загадкой: демократия в этом процессе не совсем внешний фактор. В ходе движения за гражданские права, устранившего неравенство черных американцев, предметом дискуссии стали сами демократические механизмы. В ходе других революций все новые группы приглашались или сами прокладывали себе путь к полноценному участию в социальном контракте. Только после этого правительство начинало насилие по отношению к затронутым группам (в том числе свое собственное насилие).

Во время революций прав сеть взаимного обмена и торговли расширилась благодаря переходу от экономики, основанной на вещах, к экономике, основанной на информации. Женщины стали меньше занятыми домашней рутинной, и, как следствие, организации смогли поставить себе на службу таланты более широкого слоя людей, не полагаясь лишь на привычный штат сотрудников или старых приятелей. Когда женщины и меньшинства стали частью политических механизмов торговли и

управления, они постарались действовать так, чтобы их интересы принимались в расчет. Мы видели, как это работает: в странах, где женщин в правительстве и профессиональной сфере больше, насилия в отношении женщин меньше, а люди, лично знакомые с гомосексуалами, реже осуждают гомосексуальность. Но, как и демократия, инклюзивность институтов не полностью внешний фактор. Возможно, невидимая рука информационной экономики повысила благосклонность институтов к женщинам, меньшинствам и геем, но, чтобы добиться полной интеграции, до сих пор необходима жесткая рука правительства в виде антидискриминационных законов. А что касается детей и животных, рынка для взаимовыгодного обмена нет вообще: все выгоды направлены в одну сторону.

Если бы мне пришлось поставить все деньги на одну самую важную экзогенную причину революций прав, я бы выбрал технологии, которые сделали людей и информацию мобильнее. Десятилетия революций прав были временем электронных революций: в жизнь вошли телевидение, транзисторные радиоприемники, кабельное ТВ, спутники, межконтинентальные телефонные линии, ксероксы, факсы, интернет, мобильные телефоны, текстовые сообщения, сетевое видео. Это были годы скоростных автомагистралей, поездов и реактивных самолетов. Это было время беспрецедентного развития системы высшего образования, время, когда горизонт научного знания отодвигался все дальше. Не так широко известно, что именно тогда резко вырос годовой объем книгоиздания: в США за 40 лет (1960–2000) он увеличился почти в пять раз³⁰⁵.

Я уже писал об этой связи. Гуманитарная революция выросла из грамотного мира, а Долгий мир и Новый мир — из глобальной деревни. И вспомните, что пошло не так в исламском мире, — возможно, дело в отказе от печатного прессы, нежелании признать важность книг и идей, которые в них содержатся.

Как распространение идей и людей приводит к реформам, снижающим насилие? Самый очевидный путь — развенчание невежества и предрассудков. Взаимодействующее и образованное население хотя бы в среднем и в долгосрочной перспективе не может не избавиться от губительных убеждений: что представители других рас и национальностей по своей природе алчны или вероломны, что в экономических и военных неудачах виноваты предатели из этнических меньшинств, что женщины не имеют ничего против изнасилований, что детей нужно бить, чтобы правильно их воспитать, что геи сами решают стать гомосексуалами, потому что ведут порочную жизнь, что животные не чувствуют боли. Развенчание предрассудков, заставляющих нас мириться с насилием, приводит на ум высказывание Вольтера: тот, в чьей власти заставить вас верить в нелепость, волен и заставить вас поддерживать несправедливость.

Есть и другой способ: книги приглашают читателя встать на место других, не похожих на него людей. Гуманитарную революцию продвигали «Кларисса», «Памела» и «Юлия», «Хижина дяди Тома» и «Оливер Твист», а также свидетельства очевидцев, наблюдавших колесование, сожжение или бичевание. Электронный век обновил эти технологии эмпатии, помогая им проникать глубже и воздействовать эффективнее. Афроамериканцы и гомосексуалы

выходили на сцену, становились гостями ток-шоу и положительными героями в кино. Документальные кадры запечатлели их борьбу с правительством, направлявшим против них пожарных с брандспойтами и полицейских с собаками. Увидели свет такие книги и пьесы, как «Путешествие с Чарли в поисках Америки», «Изюминка на солнце» и «Убить пересмешника». Феминистки излагали свои аргументы, участвуя в ток-шоу, их устами говорили персонажи мыльных опер и телесериалов.

В главе 9 я расскажу, что сострадание и сочувствие к ближнему пробуждает не только взгляд на мир его глазами. Помогает еще и интеллектуальная гибкость — свойство разума, побуждающее нас выйти за рамки узкого личного опыта, поразмышлять о том, каким мог бы быть мир, и пересмотреть привычки, мотивы и нормы, которые руководят нашими убеждениями и системой ценностей. Вероятно, заслуга в формировании такого рефлексивного образа мысли принадлежит всеобщему образованию и широкому распространению электронных медиа. Об этом в восхищении писал Пол Саймон:

Дни нашей жизни — времена чудес,
Звонки соединяют континенты,
И камера следит за каждым шагом,
И мы друг друга видим — все и каждый^[109].

Есть и третий способ, которым поток информации может подтолкнуть нравственный прогресс. Ученые, изучающие особенности материального прогресса в разных уголках мира, например экономист Томас Соуэлл в своей трилогии «Культура» (Culture) или физиолог Джаред Даймонд в книге «Ружья, микробы и сталь» (Guns, Germs, and Steel), пришли к выводу, что ключ к материальному успеху — местоположение в

крупном бассейне сбора информации, куда со всех сторон стекаются знания об инновациях³⁰⁶. Никто не может быть умен настолько, чтобы в полной изоляции изобрести все, что может потребоваться человеку. Успешные инноваторы не только стоят на плечах великих предшественников, они постоянно воруют интеллектуальную собственность, присваивая идеи, стекающиеся к перекресткам миров. Цивилизациям Европы и Западной Азии удалось завоевать мир потому, что купцы и завоеватели, следуя по пешим и морским путям, приносили с собой изобретения, сделанные в самых разных концах Евразии: зерновые культуры и алфавитное письмо с Ближнего Востока, порох и бумагу из Китая, одомашненных лошадей из степей Украины, морскую навигацию из Португалии и многое другое. Не случайно слово «космополит» означает «гражданин мира», а «изолированный» в английском языке родственно слову «островной». Общества, которые отрезаны от внешнего мира морем или непроходимыми горами, как правило, являются технологически отсталыми. И морально отсталыми тоже. Вспомните, что культуры чести, чья высшая этическая ценность — племенная лояльность и кровная месть, могут существовать в горных регионах веками, несмотря на то что их соседи, обитающие в долинах, уже давно прошли через процесс цивилизации.

То, что верно для технологического прогресса, может быть истиной и для прогресса нравственного. Индивиды или цивилизации, собирающие информацию из всех возможных источников, придумывают моральные инновации, более сбалансированные и универсальные, чем может изобрести даже самый просветленный пророк, живущий в пустыне. Позвольте мне

проиллюстрировать этот пункт историей революций прав.

В своем эссе «Паломничество к ненасилию» (Pilgrimage to Nonviolence) Мартин Лютер Кинг подробно изложил новые идеи, которые он вплел в свою политическую философию³⁰⁷. Как студент, обучавшийся теологии в конце 1940-х — начале 1950-х, Кинг был, конечно, хорошо знаком с Библией и точкой зрения ортодоксальной теологии. Но он читал и сочинения богословов-отступников, таких как Вальтер Раушенбуш, который сомневался в исторической точности Библии и критиковал догму, гласящую, что Иисус умер за грехи людей.

Затем Кинг занялся «серьезными исследованиями социальных и этических теорий великих философов — от Платона и Аристотеля до Руссо, Гоббса, Бентама, Милля и Локка. Эти мастера заставили меня размышлять, и, хотя я готов был спорить с каждым из них, я, без сомнения, много почерпнул из их работ». Кинг внимательно прочел (и отверг) Ницше и Маркса, получив прививку от авторитарных и коммунистических идей, которые казались такими соблазнительными другим либеральным движениям. Он также отверг «антирационализм европейского теолога Карла Барта», а вот «удивительное проникновение в природу человека, особенно в том, что касается поведения стран и социальных групп» Рейнгольда Нибура высоко оценил. «Рассуждения Нибура помогли мне распознать иллюзию поверхностного оптимизма по поводу природы человека и опасность ложного идеализма».

Мировоззрение Кинга окончательно сформировалось после поездки в Филадельфию на лекцию Мордехая Джонсона, президента Гарвардского

университета. Джонсон, вернувшийся из путешествия в Индию, рассказывал о Махатме Ганди, чей авторитет способствовал получению его страной независимости. «Его выступление было таким глубоким и будоражающим, — писал Кинг, — что я в тот же день купил полдюжины книг о жизни и работе Ганди».

Кинг сразу понял, что идеи Ганди о ненасильственном сопротивлении были не моралистическим выражением любви, как ненасилие в учении Иисуса. Это был набор продуманных тактик, помогающих одержать победу над противником, не уничтожая, а переигрывая его. Кинг предположил, что отказ от насилия не позволяет проникнуть в ряды движения смутьянам и баламутам, которые ищут острых ощущений и случая подраться. Когда движение терпит первые неудачи, табу на применение насилия помогает удержать первоначальный смысл и сохранить провозглашенные цели. Ненасильственное сопротивление не позволяет врагам назвать их насилие защитой или мстью и таким образом оправдать его, поэтому в глазах наблюдателей мирное движение остается на стороне добра, выталкивая противника на темную сторону. По той же причине отказ от насилия разобщает врага: его приверженцы чувствуют себя все менее комфортно, поддерживая лагерь, запятнавший себя односторонним насилием. И все это время движение настойчиво продвигает собственную программу, добиваясь своего сидячими забастовками, стачками и демонстрациями. Такая тактика, очевидно, сработает не с каждым противником, но с некоторыми может оказаться удачной.

Историческое выступление Кинга на марше в Вашингтоне в 1963 г. представляло собой гениальную комбинацию идей, которые он аккумулировал: образы

и язык библейских пророков, свойственное христианству возвышение страдания, идеал личных прав человека из европейского Просвещения, ритм и возвышенные метафоры афроамериканской церкви и стратегический план индийца Ганди, вскормленного джайнистской, индуистской и британской культурами.

Все остальное — уже история. Моральные построения Кинга, брошенные во вселенную идей, взяли на вооружение другие борцы за права. Они сознательно переняли название его движения, его моральный смысл и, что примечательно, многие из его тактик.

Самым удивительным в революциях прав конца XX в. оказалось то, как мало насилия они применили и даже спровоцировали. Мартин Лютер Кинг стал мучеником движения за гражданские права, как и горстка жертв террора сегрегационистов. Но городские бунты, которые мы ассоциируем с эпохой 1960-х, не имели отношения к движению за гражданские права — они случились, когда его ключевые вехи были уже пройдены. Другим революциям вообще не пришлось прибегать к насилию: Стоунволлское восстание обошлось без жертв, было несколько террористических атак радикалов-зоозащитников — и на этом все. Их лидеры и вдохновители писали книги, произносили речи, организовывали марши, лоббировали законы и собирали подписи за проведение референдумов. Им пришлось лишь чуточку подтолкнуть в нужном направлении общество, которое уже было восприимчиво к этике, основанной на представлении о правах личности, и все чаще осуждало насилие в любой форме. Потрясающий контраст с судьбой первых движений, положивших конец деспотизму,

рабству и колониальным империям только после кровавых бань, уносивших жизни сотен тысяч и миллионов людей.

ОТ ИСТОРИИ К ПСИХОЛОГИИ

Позади у нас шесть глав, описывающих исторический спад насилия. Просматривая график за графиком, мы видим, как первые десятилетия нового III тысячелетия оказывались в самом низу нисходящей тенденции применения силы в разные исторические периоды. Конечно, насилие не исчезло, но надо признать, что мы живем в невероятное время. Может быть, это только точка на линии, по которой мы движемся к еще большему миролюбию. Может быть, это снижение к новой норме, когда все сравнительно простые возможности для уменьшения насилия уже исчерпаны, а новые будут даваться все труднее и труднее. Возможно, это просто везение, которое скоро прекратится. Но независимо от того, как тренды экстраполируются в будущее, в точку настоящего нас привело нечто замечательное.

Одно из самых известных высказываний Мартина Лютера Кинга было позаимствовано им из эссе, написанного в 1852 г. аболиционистом Теодором Паркером, унитарийским проповедником:

Я не претендую на понимание нравственного универсума; дуга его огромна, мои глаза видят лишь ближайшую часть; я не могу зрительно исчислить эту дугу и завершить ее; я могу лишь осознать ее внушением совести. И, насколько я вижу, эта дуга склоняется в сторону справедливости³⁰⁸.

Сто пятьдесят лет спустя мы своими глазами видим, что дуга склонилась к справедливости так, что Паркер и представить себе не мог. Я тоже не претендую на понимание нравственного универсума,

и я не могу осознать ее внушением совести. Но в следующих двух главах мы посмотрим, что мы в состоянии понять с помощью науки.

Глава 8

ВНУТРЕННИЕ ДЕМОНЫ

...а гордый человек,
Облекшись краткой и ничтожной властью,
Забыв о хрупкости своей стеклянной
И бренности, как обезьяна злая,
Такое перед небом вытворяет,
Что плачут ангелы[110].

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР. МЕРА ЗА МЕРУ

На понимание человеческой природы сильно влияют оба аспекта снижения насилия: 1) само насилие, 2) факт его снижения. Шесть предыдущих глав живописали историю человечества как череду кровопролитий. Мужчин косили племенные войны и междоусобицы, новорожденных девочек — инфантицид; людей подвергали жестоким пыткам из мести или ради удовольствия, а из названий всевозможных убийств можно составить рифмованный словарь: демоцид, геноцид, этноцид, политицид, инфантицид, фемицид а также человекоубийство, цареубийство, детоубийство, братоубийство, женоубийство, мужеубийство и, наконец, терроризм смертников. Насилие пронизывает историю и предысторию нашего вида, и нет оснований полагать, будто оно возникло в каком-то одном месте, распространившись затем по миру.

Но в этих же шести главах приведено полсотни графиков, иллюстрирующих временные тренды насилия, и все они представляют собой линию, направленную из верхнего левого угла в нижний правый. Ни один вид насилия в истории не был зафиксирован на неизменном уровне. Что бы ни было его причиной, насилие — это не физиологическая потребность вроде утоления голода, секса или сна.

Спад насилия позволяет нам разобраться с противопоставлением, которое с начала времен мешало пониманию корней насилия: хорош ли человек сам по себе или плох, ангел он или же злая обезьяна, ястреб или голубь, грязное животное из упрощенно понимаемого Гоббса или же благородный дикарь из упрощенно понимаемого Руссо. Предоставленные самим себе, люди не погружаются в состояние мирного сотрудничества, но и не мучаются жаждой крови, которую необходимо регулярно утолять. Должна быть как минимум доля истины в концепциях, утверждающих, что разум человека состоит не из одной, а из нескольких частей, а именно в теориях психологии способностей, множественного интеллекта, ментальных органов, модулярности сознания и предметной специфики психических процессов, а также в метафоре, представляющей разум в виде швейцарского ножа. Природе человека свойственны не только стремления, подталкивающие к насилию: хищничество, жажда власти и мести, но и те, что при благоприятных обстоятельствах способны направить нас к миру: сострадание, справедливость, самоконтроль и благоразумие. В 8-й и последующих главах рассматриваются эти побуждения и обстоятельства, их вызывающие.

ТЕМНАЯ СТОРОНА

Однако, прежде чем взяться за изучение наших внутренних демонов, мне нужно доказать, что они существуют. Сегодняшняя интеллектуальная вселенная отторгает идею, что человеческой природе вообще свойственны какие-либо побуждения, провоцирующие насилие¹. Хотя теория о том, что мы произошли от миролюбивых шимпанзе и что первобытные люди не знали насилия, давно развенчана антропологией, порой все еще читаешь, что к насилию прибегают лишь отдельные паршивые овцы, которые и портят картину, а все прочие представители рода человеческого благодущны до мозга костей.

Действительно, жизнь большинства людей в большинстве обществ не оканчивается насильственным образом. Вертикальные оси графиков в предыдущих главах исчисляются в единицах, десятках, максимум сотнях убитых на 100 000 человек в год, и только изредка, когда речь идет о племенных войнах или геноцидах, уровень доходит до тысяч. Верно и то, что в большинстве враждебных противостояний соперники — люди или же другие животные — обычно отступают до того, как кто-нибудь из них серьезно пострадает. Даже в военное время не все солдаты могут заставить себя стрелять в людей, а если все-таки стреляют, страдают потом от посттравматического стрессового расстройства. Некоторые авторы приходят к выводу, что очень многие люди по природе своей не переносят насилия и что большое число жертв — это всего лишь доказательство того, как много бед могут натворить несколько психопатов.

Но позвольте мне заверить вас, что большинство из нас — и вы тоже, мой дорогой читатель, — просто созданы для насилия, даже если вам никогда не представится возможность его применить. Начнем с детства. Психолог Ричард Трембли, измерявший уровень агрессивности на протяжении жизни испытуемых, показал, что самая жестокая стадия вовсе не отрочество и даже не юность, а возраст, заслуженно называемый «ужасные два»². Типичный двухлетка пинается, кусается и дерется, в дальнейшем уровень физической агрессии ребенка постепенно снижается. Трембли пишет: «Малыши не убивают друг друга лишь потому, что мы не даем им ножи и пистолеты. Вопрос... на который мы пытаемся ответить последние тридцать лет, — как дети учатся агрессии. Но это неправильный вопрос. Нам надо спрашивать, как они учатся миролюбию»³.

Теперь давайте заглянем в себя. Фантазировали ли вы когда-нибудь об убийстве кого-то очень вам неприятного? В одном исследовании психологи Дуглас Кенрик и Дэвид Басс задали этот вопрос демографической страте, известной своей чрезвычайно низкой склонностью к насилию, — студентам университетов — и были ошарашены результатом⁴. От 70% до 90% мужчин и от 50% до 80% женщин признались в том, что хотя бы раз за предыдущий год фантазировали об убийстве. Когда я рассказал об этом исследовании на лекции, студенты закричали: «А остальные соврали!» Пожалуй, они бы поддержали Кларенса Дэрроу, сказавшего: «Я никого не убивал, но многие некрологи читаю с большим удовольствием»^[111].

Мотивы воображаемых убийств похожи на те, что заполняют реальные полицейские сводки: ссора

влюбленных, реакция на угрозу, месть за унижение или предательство, семейный конфликт, причем статистически чаще конфликт с приемными родителями, чем с родными. Часто эти фантазии разворачиваются перед внутренним оком в подробнейших деталях, как грезы о мести неверной возлюбленной, которым предается персонаж Рекса Харрисона, дирижируя симфоническим оркестром в фильме «Клянусь в неверности» (Unfaithfully Yours). Один молодой человек в опросе Дэвида Басса сказал, что прошел 80% пути к убийству бывшего друга, который соврал его невесте, будто жених ей изменяет, после чего сам попытался ее соблазнить:

Сначала я переломал бы ему все кости, начав с пальцев на руках и ногах, постепенно продвигаясь к более крупным. Затем я проткнул бы ему легкие и, возможно, еще кое-какие органы. Ну, в общем, постарался бы причинить ему как можно больше боли перед тем, как прикончить⁵.

Женщина рассказала, что на 60% продвинулась к убийству бывшего бойфренда, который угрожал, что, если она к нему не вернется, он отошлет видео, на котором они занимаются сексом, ее новому парню и однокурсникам:

Я практически сделала это. Я пригласила его на обед. И когда он, как дурак, стоял на кухне и чистил морковь для салата, я подошла к нему, смеясь, чтобы он ничего не заподозрил. Я хотела быстро схватить нож и бить его в грудь, пока он не умрет. И я на самом деле взяла нож, но он понял мои намерения и убежал.

Многие убийства предваряются подобными длительными фантазиями. Убийства, совершаемые в действительности, скорее всего, лишь верхушка колоссального айсберга воображаемых убийств, погруженного в пучину процессов торможения. Судебный психиатр Роберт Саймон так и назвал свою книгу (перефразируя Фрейда, перефразирующего Платона[112]): «Плохие люди делают то, о чем

мечтают хорошие» (Bad Men Do What Good Men Dream).

Да и те, кто не предаётся мечтам об убийствах, получают большое удовольствие, наблюдая, как убивают другие. Люди тратят бездну времени и денег, углубляясь в какой-нибудь из бесконечного множества жанров кровавой виртуальной реальности: библейские истории, поэмы Гомера, жития святых, изображения адских мук, героические мифы, эпосы о Гильгамеше и Беовульфе, греческие трагедии, гобелен из Байё^[113], шекспировские драмы, сказки братьев Гримм, скетчи Панча и Джуди, опера, детективы, криминальные драмы, бульварные и приключенческие романы, авантюрные новеллы, парижский театр ужасов «Гран-Гиньоль», народные баллады об убийствах, фильмы-нуар, вестерны, комиксы про супергероев, сериал «Три балбеса» (Three Stooges), мультфильмы про Тома и Джерри и Хитрого Койота, видеоигры, а также фильмы с участием одного бывшего губернатора Калифорнии. В книге «Дикий досуг: культурная история жестоких развлечений» (Savage Pastimes: A Cultural History of Violent Entertainment) исследователь Гарольд Шехтер пишет, что сегодняшние фильмы ужасов просто цветочки по сравнению с инсценировками пыток и членовредительств, веками забавлявших публику. Задолго до изобретения компьютерной графики театральные режиссеры использовали всю свою изобретательность, чтобы навести на зрителей страху такими спецэффектами, как «фальшивая голова, которую можно отрубить и насадить на пику, поддельная кожа, которую можно “содрать” с тела актера, потайной пузырек, наполненный кровью, которая эффектно разбрызгивается в нужный момент»⁶.

Впечатляющий дисбаланс между количеством актов агрессии, которые люди себе воображают, и теми, что они осуществляют на деле, может кое-что поведать нам об устройстве нашего разума. Статистика насилия недооценивает важность его в жизни человека. Наш мозг руководствуется латинской поговоркой «Хочешь мира — готовься к войне». Даже в самых миролюбивых обществах людей завораживает логика блефа и обмана, психология дружбы и предательства, уязвимость человеческого тела — как можно ею воспользоваться и как защитить себя от чужих посягательств. Удовольствие, которое люди получают от жестоких развлечений вопреки цензуре и моральному осуждению, предполагает, что мозг испытывает потребность в информации о том, как применять насилие⁷. Скорее всего, в эволюционной истории нашего вида насилие было не настолько редким, чтобы люди могли себе позволить не знать, как оно работает⁸.

Антрополог Дональд Саймонс заметил похожее несоответствие в другом важном предмете греховных фантазий и развлечений — в сексе². Люди мечтают о запретном сексе и посвящают ему книги и картины гораздо чаще, чем им занимаются. Как и прелюбодеяние, насилие может быть маловероятным событием, но, если не упустить подвернувшуюся возможность, потенциальные последствия для приспособляемости, о которой писал Дарвин, будут весьма значительны. Саймонс предполагает, что высшие уровни сознания предназначены именно для обработки редких, но важных событий. Мы не часто размышляем о ежедневной активности вроде перевозки предметов, прогулок, разговоров и вряд ли готовы платить деньги, чтобы увидеть нечто подобное в кино. Но вот запретный секс, насильственная смерть

и резкое повышение статуса в духе Уолтера Митти определенно привлекут внимание зрителя^[114].

Но вернемся к нашим мозгам. Мозг человека — разбухшая и перекрученная версия мозга других млекопитающих. Все основные его части имеются и в мозге наших покрытых шерстью кузенов, и заняты эти части примерно тем же самым: обработкой информации, поступающей от органов чувств, контролем мускулов и желёз, хранением и извлечением воспоминаний. Есть там и сеть областей, названная контуром ярости (*Rage circuit*). Вот как нейробиолог Яак Панксепп описывает последствия стимуляции электрическим разрядом участка такой нервной цепи в мозге кошки:

Через несколько секунд электростимуляции мозга мирное животное совершенно преобразилось. Кот яростно кинулся на меня, выпустив когти, оскалив клыки, шипя и плюясь. Он мог прыгнуть куда угодно, но нацелился прямо мне в голову. К счастью, от злобной твари меня отделяла перегородка из плексигласа. Меньше чем через минуту после прекращения стимуляции кот снова был расслаблен и спокоен и его можно было гладить без опаски¹⁰.

В мозге человека есть аналог кошачьего контура ярости, и его тоже можно стимулировать электричеством — не в эксперименте, конечно, а во время нейрохирургической операции. Вот как один хирург описывает, что происходит в этом случае:

Самый интересный (и самый впечатляющий) эффект стимуляции — вызов ряда агрессивных реакций, от связанных и адекватно адресованных вербальных (один пациент сказал хирургу: «Сейчас бы встал и покусал вас») до неконтролируемой нецензурной брани и физически опасного поведения... Однажды, через тридцать секунд после прекращения стимуляции, пациента спросили, чувствует ли он злость. Он признал, что был очень зол, но теперь все прошло, и он весьма озадачен¹¹.

Коты шипят; люди ругаются. Тот факт, что контур ярости может активировать речь, предполагает, что

он соединен действующими связями с другими областями мозга¹². Контур ярости — одна из областей мозга, которые контролируют агрессию у млекопитающих и, как мы увидим далее, помогают понять разнообразие видов агрессии, в том числе и у человека.

Если насилие наложило отпечаток на наше детство, запечатлелось в фантазиях, искусстве и мозге, как может случиться, что солдаты в бою порой не желают стрелять — ведь именно для этого они туда и посланы? Известный опрос, проведенный среди ветеранов Второй мировой войны, утверждает, что не больше 15–25% из них могли стрелять в противника, в других работах сообщалось, что большая часть выпущенных пуль вообще ни в кого не попадает¹³. Ну, первое заявление основано на сомнительном исследовании, а второе просто уводит нас в сторону от темы: большая часть патронов в бою расходуется не на то, чтобы убить вражеских солдат, а чтобы не дать им приблизиться¹⁴. Неудивительно, что в боевых условиях не так-то легко попасть в цель. Кроме того, нужно учитывать, что тревожность на поле боя высока и многие солдаты не в силах нажать на курок просто потому, что парализованы страхом.

Люди вообще с опаской прибегают к смертоносному насилию — взять хотя бы уличные драки и пьяные разборки. По большей части реальные стычки не похожи на великолепные кулачные бои из голливудских вестернов, так впечатлявшие набоковского Гумберта Гумберта: «Отчетливо трахает кулак по подбородку, нога ударяет в брюхо, герой, нырнув, наваливается на злодея». Социолог Рэндалл

Коллинз просмотрел фотографии, киноленты и свидетельства очевидцев драк и обнаружил, что они ближе к двухминутной стычке в скучной хоккейной игре, чем к яростной схватке в Гремучем ущелье¹⁵. Двое мужчин вспыхивают, говорят гадости, размахиваются и промахиваются, вцепляются друг в друга, иногда падают на пол. Время от времени одному из них удается высвободить руку и нанести пару ударов, но чаще всего мужчины ослабляют хватку, обмениваются пустыми угрозами, бравируют, чтобы сохранить лицо, и удаляются, унося с собой свое Эго, пострадавшее сильнее, чем тело.

Действительно, мужчины, вступая в конфликт лицом к лицу, часто ведут себя довольно сдержанно. Но это не означает мягкости и уступчивости. Напротив, именно такого поведения и стоит ожидать, учитывая анализ насилия, сделанный Гоббсом и Дарвином. Во 2-й главе упоминалось, что предрасположенность к насилию должна была эволюционировать в мире, в котором все развивают у себя ту же склонность (как писал Ричард Докинз, живые существа отличаются от камня или реки тем, что склонны давать сдачи). Это значит, что первый же ваш шаг к причинению вреда ближнему выполняет сразу две задачи:

1. Увеличивает вероятность того, что цель вашей атаки пострадает.
2. Дает этой цели мощный мотив нанести урон вам, пока вы не причинили вред ей.

Даже если вы одержите победу и убьете своего соперника, то поставите перед его родней цель убить вас в отместку. Очевидно, что, по дарвиновской логике, прежде чем вступить в серьезную схватку с

равным соперником, индивид должен обдумывать этот шаг очень, очень тщательно, что выражается в озабоченности или некотором оцепенении. Без осторожности нет доблести, и сострадание тут ни при чем.

Но, когда появляется возможность уничтожить ненавистного врага, а опасность его ответных действий невелика, живое существо, согласно Дарвину, такую возможность не упустит. Мы видели это на примере схваток шимпанзе. Когда группа самцов, патрулирующих территорию, натывается на чужого самца, отбившегося от стаи, они до конца используют преимущество в силе и разрывают чужака на кусочки. Люди в догосударственных обществах тоже уничтожали своих врагов не в заранее спланированных по всем правилам боевого искусства сражениях, но в неожиданных набегах и засадах. Преобладающая доля насилия у людей — насилие коварное: подлые приемы, удары исподтишка, нечестные драки, превентивные нападения, ночные набеги, стрельба из движущейся машины.

Коллинз описал и регулярно возникающий синдром, который он назвал *перенаправленной паникой*, хотя более знакомым термином было бы *неистовство*. Когда коалиция агрессоров долгое время, испытывая постоянную тревогу и страх, преследует противника или ждет его нападения и вдруг застает его беспомощным, страх превращается в ярость и мужчины взрываются диким бешенством. В исступлении они избивают врагов до бесчувствия, пытаются и увечат мужчин, насилуют женщин и уничтожают имущество. Перенаправленная паника — это насилие в самой ужасной его форме. Это состояние ума провоцирует геноцид, дикие зверства, смертельные этнические бунты и битвы, в которых

пленных не берут. Оно стоит за эпизодами полицейского беззакония, подобными жестокому избиению в 1991 г. Родни Кинга, пытавшегося скрыться от преследователей на автомобиле и сопротивлявшегося аресту. Наступает момент, когда ярость сменяется экстазом, и толпа бесчинствует, смеется и вопит, упиваясь своим изуверством¹⁶.

Буйству учить не нужно. Когда оно вспыхивает в армейских или полицейских частях, командиров это часто застает врасплох и они вынуждены подавлять его, поскольку бессмысленные убийства и зверства не решают никаких военных или правоохранительных задач. Неконтролируемое бешенство может быть примитивной адаптацией, помогающей воспользоваться моментом и окончательно разгромить опасного врага, пока он не собрался с силами и не отомстил. Здесь наблюдается поразительное сходство со смертоносными нападениями шимпанзе, когда триггером насилия может стать беззащитный одиночка, встретившийся группе из трех-четырех особей¹⁷. Учитывая инстинктивный характер подобного бешенства, можно предположить, что поведенческий репертуар человека содержит алгоритмы насилия — оно дремлет до поры, но пробуждается в определенных обстоятельствах, а не накапливается постепенно, подобно чувству голода или жажде.

МОРАЛИЗАТОРСКИЙ РАЗРЫВ И МИФ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЧИСТОГО ЗЛА

В книге «Чистый лист» я доказывал, что современное отрицание темной стороны природы человека — доктрина благородного дикаря — возникло как

реакция на романтический милитаризм, гидравлические теории насилия и прославление борьбы и конфликта, столь популярные в конце XIX — начале XX вв. Ученых и исследователей, подвергающих эту доктрину сомнению, обвиняют в оправдании насилия, поливают грязью и даже избивают¹⁸. Миф о благородном дикаре кажется еще одним примером противодействия насилию, оставившим нам культурное наследие в виде моральных норм и табу.

Но сегодня, благодаря блестящему анализу социального психолога Роя Баумайстера, изложенному в его книге «Зло» (Evil), я убежден, что сам по себе отказ признавать способность человека творить зло может быть чертой человеческой природы¹⁹. Баумайстер решил изучить общепринятое понимание зла, когда заметил, что люди, наносящие ущерб другим, — идет ли речь о мелких грешках или же о серийных убийствах и геноциде, — вообще не думали, что делают что-то не так. Как же получается, что злых людей в мире так мало, а зла так много?

Когда психологи сталкиваются с вечными загадками, они прибегают к экспериментам. Баумайстер и его коллеги Арлин Стилвелл и Сара Уотман вряд ли могли заставить людей совершать зверства прямо в лаборатории, но они знали, что обыденная жизнь подсовывает нам немало мелких неприятностей, которые можно рассмотреть под микроскопом²⁰. Каждого испытуемого они просили привести два случая: один — когда он сам на кого-то разозлился, другой — когда кто-нибудь разозлился на него. Порядок вопросов менялся случайным образом, а чтобы респондентам не приходилось давать ответы подряд, в промежутке они выполняли сложные

задания. Большинство из нас злятся как минимум раз в неделю, а почти все — как минимум раз в месяц, так что материала для воспоминаний было предостаточно²¹. И обидчики, и пострадавшие вспоминали о нагромождениях лжи, несдержанных обещаниях, нарушении правил и обязательств, выданных секретах, нечестных поступках и конфликтах из-за денег.

Но это единственное, в чем они сходились. Психологи просеяли рассказы сквозь мелкое сито и закодировали черты вроде продолжительности конфликта, виновности каждой стороны, мотивов обидчика и последствий нанесенного ущерба. Если составить из этого связные рассказы, они звучали бы примерно так:

Рассказ обидчика. Эта история началась с нанесенного вреда. В тот момент у меня были убедительные причины поступить именно так. Возможно, меня спровоцировали. Или я просто отреагировал на ситуацию так, как отреагировал бы любой разумный человек. У меня было полное право поступить так, и винить меня за это нечестно. Ущерб был нанесен незначительный, устранить его нетрудно, и я извинился. Пора бы уже все забыть, что было, то прошло.

Рассказ пострадавшего. Эта история началась задолго до нанесения ущерба, ставшего последней каплей в долгой цепи обид. Действия обидчика были непоследовательны, бессмысленны и необъяснимы. Или же он ненормальный садист и хотел насладиться моими страданиями, хотя я ни в чем не был виноват. Нанесенный им ущерб чудовищен и непоправим, последствия будут ощущаться вечно. Никто не должен забыть о том, что произошло.

Оба участника конфликта не могут быть правы, более того, ни один из них не может быть прав всегда, поскольку те же самые участники рассказывали две истории — с точки зрения пострадавшего и с точки зрения обидчика. Нечто в психике человека искажает память о неприятных событиях и их интерпретацию.

Это ставит перед нами очевидный вопрос. А не пытается ли наш внутренний злодей преуменьшить наши проступки, чтобы оправдать себя? И не лелеет ли свои обиды наша внутренняя жертва, пытаясь завоевать симпатии окружающих? Поскольку психологи не присутствовали при описываемых событиях, они не могли узнать, чьим воспоминаниям стоит верить.

Стилвелл и Баумайстер придумали остроумный способ обойти эту трудность и *проконтролировать* само событие. Они сочинили туманную историю о том, как один студент предложил другому помощь в подготовке курсовой работы, но по каким-то причинам не сдержал своего обещания, в результате чего второй студент получил низкую оценку, был вынужден сменить специализацию и перейти в другой университет²². Участники (сами студенты) должны были прочесть историю, а затем пересказать ее с максимальной точностью, первую половину — от лица обидчика, вторую — от лица пострадавшего. Третью группу попросили пересказать историю от третьего лица, при этом детали, которые участники этой группы упоминали или, наоборот, опускали, служили показателем обычных искажений, вносимых человеческой памятью, вне зависимости от искажений, приносимых нашим эгоизмом. Психологи закодировали рассказы, отметив пропущенные и приукрашенные детали, призванные улучшить образ обидчика или пострадавшего.

Ответ на вопрос: «Кому мы должны поверить?» — оказался таким: никому. По сравнению с опорными пунктами истории и незаинтересованным пересказом от третьего лица обидчика и пострадавшие искажали события в одинаковой степени, но в разных

направлениях, опуская или подчеркивая детали таким образом, чтобы действия их персонажа выглядели более обоснованными, чем действия оппонента. Заметьте, участники эксперимента не получали от этого никакой выгоды. История не касалась их лично, их даже не просили проявлять симпатию к персонажу или оправдывать чье-либо поведение — просто прочесть, запомнить и пересказать от первого лица. Но и этого было достаточно для активации когнитивных процессов пропаганды в свою пользу.

Противоречивые описания обиды с точки зрения агрессора, его жертвы и нейтральной стороны — это психологический аспект треугольника насилия, изображенного на рис. 2–1. Назовем его морализаторским разрывом.

Морализаторский разрыв — это часть феномена, известного как ошибка эгоистичности. Люди стараются выглядеть хорошими. «Хорошими» может означать успешными, сильными, популярными и компетентными или же добродетельными, честными, щедрыми и бескорыстными. Желание человека подать себя с выгодной стороны — одно из основных открытий социальной психологии XX в. Впервые о нем заговорил социолог Эрвин Гоффман в работе «Самопрезентация в обыденной жизни» (The Presentation of Self in Everyday Life), а среди недавних работ можно назвать труды Кэрол Таврис и Эллиота Аронсона «Ошибки были сделаны (но не мной)» (Mistakes Were Made but Not by Me), Роберта Триверса «Обман и самообман» (Deceit and Self-Deception) и Роберта Курцбана «Почему все (кроме меня) лицемеры» (Why Everyone (Else) Is a Hypocrite)²³. Среди характерных феноменов — когнитивный диссонанс (под влиянием которого люди меняют свое

отношение к поступку, совершенному вынужденно, чтобы сохранить впечатление, будто полностью контролируют свое поведение) и так называемый эффект Лейк-Уобегон (названный по названию придуманного Гаррисоном Киллором города, в котором все дети отличаются способностями выше среднего уровня). Поддавшись этому предубеждению, люди считают себя выдающимися в желаемом им качестве²⁴.

Ошибка эгоистичности — это эволюционная цена, которую мы платим за возможность быть общественными животными. Люди собираются в группы не потому, что их магнитом притягивает друг к другу, как металлических роботов, но потому, что у нас есть социальные и моральные чувства. Мы ощущаем тепло и симпатию, благодарность и доверие, одиночество и вину, ревность и злость. Эти эмоции — внутренние регуляторы, помогающие людям воспользоваться преимуществами жизни в обществе (взаимовыгодным обменом или помощью других) и избежать издержек (эксплуатации со стороны мошенников и социальных паразитов)²⁵. Мы симпатизируем, доверяем и благодарны тем, кто готов объединиться с нами, и вознаграждаем их нашим собственным сотрудничеством. И злимся и подвергаем остракизму тех, кто обманывает, — их мы наказываем или отказываемся с ними сотрудничать. Собственный уровень добродетели индивида — это компромисс между уважением, вытекающим из репутации человека, на которого можно положиться, и незаконными выгодами от тайного мошенничества. Социальная группа — это рынок готовых к сотрудничеству лиц разной степени щедрости и благонадежности, где каждый старается создать себе

славу максимально щедрого и надежного, что на деле может быть некоторым преувеличением.

Морализаторский разрыв включает в себя взаимодополняющие тактики торга в переговорах о компенсации ущерба между обидчиком и пострадавшим. Словно обвинитель в судебном процессе, социальный истец будет преувеличивать боль и страдания, выпавшие на его долю, и упирать на преднамеренность или как минимум на преступное бездействие ответчика. Ответчик же будет подчеркивать разумность или неизбежность своего поступка и преуменьшать страдания истца. Альтернативными формулировками участники задают рамки торга о компенсации и играют на публику, соревнуясь за расположение окружающих и репутацию ответственного члена общества²⁶.

Триверс, первым предположивший, что моральные эмоции — это инструменты адаптации, служащие целям сотрудничества, обнаружил еще одну важную деталь. Дело в том, что, пытаясь произвести впечатление, преувеличивая свою доброту и мастерство, люди вынуждены одновременно развивать в себе способность видеть такие уловки насквозь, что инициирует психологическую гонку вооружений между теми, кто лучше лжет, и теми, кто лучше распознает ложь. Ложь можно узнать по внутренней противоречивости (сравните с поговоркой на идише «Лжецу нужна хорошая память») или по таким признакам, как неуверенность, нервная жестикуляция, краска стыда и потливость. Триверс рискнул предположить, что естественный отбор может способствовать некоторой способности к *самообману*, позволяющему подавить предательские признаки в зародыше. Мы лжем себе, чтобы наша

ложь казалась правдоподобнее другим²⁷. Но наше бессознательное хранит знание об истинном размере наших талантов, не давая нам зайти слишком далеко и потерять связь с реальностью. Первую формулировку этой мысли Триверс приписывает Джорджу Оруэллу: «Секрет владычества в том, чтобы вера в свою непогрешимость сочеталась с умением учиться на прошлых ошибках».[115]²⁸.

Самообман — удивительная концепция, поскольку парадоксальным образом предполагает, что некое «само» может быть одновременно и обманщиком, и обманутым. Нетрудно показать, что люди подвержены ошибке эгоистичности, подобно весам в мясной лавке, настроенным обвешивать в пользу мясника. Но довольно сложно доказать, что люди склонны к самообману, психологическому эквиваленту двойной бухгалтерии теневого бизнеса, где есть бухгалтерские книги для общего доступа и тайные, в которых записана соответствующая действительности информация, необходимая для ведения дел²⁹.

Социальные психологи Пьеркарло Вальдесоло и Дэвид Дестено придумали остроумный эксперимент, чтобы поймать хитреца за руку в процессе лицемерного самообмана³⁰. Они попросили участников эксперимента помочь им в планировании и оценке исследования, в ходе которого половина из них получит легкое и приятное задание: им нужно будет 10 минут просматривать фотографии, а половина — трудное и утомительное: например, им придется 45 минут решать математические задачи. Испытуемым сказали, что работать нужно будет в парах, но кому какое задание поручить, еще не решено. Экспериментаторы позволили самим участникам выбрать, каким образом будут

распределяться приятные и неприятные задания. Испытуемые могли просто взять себе легкое задание или прибегнуть к помощи генератора случайных чисел. Эгоисты есть эгоисты: практически все выбрали первый вариант и взяли легкое задание себе. Позже им выдали анонимные опросники, в которых ненавязчиво задавался вопрос, считают ли они свой выбор честным. Лицемеры есть лицемеры: почти все ответили утвердительно. Когда экспериментаторы опросили другую группу участников, честно или эгоистично поступили испытуемые, те единодушно ответили — эгоистично. Разница между тем, как мы судим о поведении других людей и как оцениваем собственное, — классический пример ошибки эгоистичности.

Но вот принципиальный вопрос: действительно ли эгоист глубоко внутри нас считает, что он действовал честно? Или же сознание — внутренний пропагандист — просто стоит на своем, пока зеркало бессознательного точно отражает реальность? Чтобы это выяснить, психологи отвлекли сознание, заставив группу участников удерживать в памяти семизначные числа во время заполнения анкеты с вопросом, поступили ли они (или другие) справедливо. Когда сознание ослабляло хватку, ужасная правда выплывала наружу: участники судили себя так же строго, как и других людей. Это подтверждает мысль Триверса: в глубине души мы всегда знаем правду.

Я был счастлив это узнать — не только потому, что теория самообмана так изящна, что заслуживает быть истинной, но и потому, что она дарит человечеству проблеск надежды. Признать стыдную правду о самих себе — одно из самых болезненных переживаний (Фрейд описал целый арсенал защитных механизмов, призванных отложить этот ужасный момент:

отрицание, подавление, проекция и реактивное образование), однако это, как минимум в принципе, возможно. Вероятно, нам придется высмеивать, убеждать или отвлекать заблуждающихся на свой счет, на это может потребоваться время, но люди способны распознать свою неправоту. И мы не должны обманываться насчет самообмана. Не учитывая его влияния, люди в массе своей склонны неверно судить об ущербе, который они нанесли другим или от которого пострадали сами.

Знание об этих роковых причудах нашей психологии заставляет по-новому взглянуть на общественную жизнь, на историю и современность. Дело не только в том, что в споре всегда участвуют две стороны, а еще и в том, что каждая *искренне* верит в свою версию случившегося, в то, что именно она невинная и вечно гонимая жертва, а ее обидчик — злобный, коварный садист. И каждая сторона переписывает историю и составляет базу данных, подтверждающих ее искренние убеждения³¹. Например:

- Крестовые походы знаменовали подъем религиозного идеализма, запятнанного, конечно, отдельными перегибами, но зато они подарили миру плоды культурного обмена. Крестовые походы были серией жестоких погромов еврейских общин, всего лишь эпизодом в длинной истории европейского антисемитизма. Крестовые походы были агрессивным вторжением в мусульманские земли и началом долгой истории унижения ислама христианством.

- Гражданская война в Америке была необходима, чтобы искоренить порочный институт рабства и сохранить страну, преданную идеалам свободы и равенства. Гражданская война в Америке на деле была захватом власти централизованной тиранией, намеревающейся уничтожить образ жизни и традиции Юга.
- Советская оккупация Восточной Европы была актом агрессии со стороны империи зла, разделившей континент железным занавесом. Варшавский договор был оборонительным блоком, созданным для защиты СССР и его союзников от повторения ужасной трагедии двух немецких вторжений.
- Шестидневная война была борьбой за выживание страны. Она началась, когда Египет изгнал миротворцев ООН и оккупировал проливы Эт-Тиран — первый пункт плана, цель которого — скинуть евреев в море, и закончилась, когда Израиль восстановил целостность разделенного города и укрепил границы. Шестидневная война была агрессивной завоевательной кампанией. Она началась, когда Израиль вторгся в чужие земли и закончилась их экспроприацией и установлением режима апартеида.

Противоборствующие стороны разделяет не только агрессивная пропаганда, но и календарь, которым они отсчитывают историю, а еще — значение, какое они придают памяти. Пострадавшие — прилежные ученики, они ничего не забывают. Обидчики — прагматики, живущие в настоящем. Обычно мы думаем, что историческая память — хорошая вещь,

но, если какие-то события сохраняются в ней как незажившие раны, память может взывать к насилию. Лозунги «Помни Аламо!», «Помни Мэйн!», «Помни Лузитанию!», «Помни Пёрл-Харбор!» и «Помни 9/11!» — это не рекомендации освежить в памяти историю, но боевые кличи, втягивавшие Америку в войны. Часто говорят, что Балканы — это регион, проклятье которого состоит в слишком большой концентрации истории на квадратный километр. Сербь, которые в 1990-х устраивали этнические чистки в Хорватии, Боснии и Косово, считаются одним из самых часто страдавших от агрессии народов на Земле³². Их воспаляет историческая память о разграблении Сербии нацистским марионеточным государством на территории Хорватии во время Второй мировой, Австро-Венгерской империей — в Первой мировой войне и турками-османами — после битвы при Косово в 1389 г. Отмечая 600-ю годовщину Косовской битвы, президент Слободан Милошевич произнес воинственную речь, которая провозвестила Балканские войны 1990-х гг.

В конце 1970-х гг. вновь избранное сепаратистское правительство Квебека заново открыло для себя прелесть национализма XIX в. и в ознаменование подъема квебекского патриотизма, кроме всего прочего, сменило девиз на квебекских номерных знаках с «Прекрасная провинция» на «Я помню». Что именно помню, не уточнялось, но большинство канадцев интерпретировало это как ностальгию по Новой Франции, захваченной Британией в 1763 г. в ходе Семилетней войны. Это «помню» заставило понервничать англоговорящих жителей Квебека и спровоцировало исход моего поколения из Квебека в Торонто. К счастью, европейский пацифизм конца XX в. преодолел французский национализм XIX столетия,

и сегодня Квебек — в высшей степени космополитичная и мирная территория.

Слишком хорошей памяти жертвы соответствует дырявая память агрессора. В поездке по Японии в 1992 г. я купил туристический буклет, в который была вложена краткая хронология всей японской истории. Сразу после заметки о периоде демократии Тайсё с 1912 по 1926 г. следовало сообщение о Всемирной выставке в Осаке в 1970-м. Похоже, в промежутке ничего интересного в Японии не происходило.

Просто теряешься, когда осознаешь, что каждая из конфликтующих сторон — от соседей по общежитию, скандалящих из-за курсовой работы, до государств, развязывающих мировые войны, — убеждена, что правда на ее стороне и что она в состоянии подтвердить свои убеждения историческими сведениями. Сведения эти могут содержать какое-то количество откровенной лжи, а могут быть искажены замалчиванием фактов, которые с нашей стороны видятся значительными, и сакрализацией событий, которые мы считаем священным прошлым. Осознание сбивает с толку: оказывается, наш недруг бывает в чем-то прав, а мы сами не так уж и безгрешны. Дело может дойти до драки, в которой каждый убежден, что правда на его стороне, и никто не готов пересмотреть свою точку зрения, потому что не замечает собственного самообмана.

Вот пример: вряд ли американцы сегодня решатся пересмотреть свое мнение о роли «великого поколения» в завершении самой справедливой войны — Второй мировой. Но, перечитав историческую речь Франклина Рузвельта, последовавшую за атакой на Пёрл-Харбор в 1941 г., испытываешь дискомфорт, потому что это классический образчик дискурса

жертвы. В тексте можно отметить все основные категории, выделенные Баумайстером: фетишизация памяти («день, навсегда отмеченный позором»), невиновность жертвы («Соединенные Штаты находились в состоянии мира с этой страной»), бессмысленность и порочность агрессии («ничем не спровоцированное и подлое нападение»), переоценка нанесенного ущерба («жестокий урон, нанесенный американским военно-морским и вооруженным силам. Было потеряно много жизней американцев») и справедливость возмездия («американский народ использует всю свою праведную мощь во имя достижения полной победы»). Сегодня историки говорят, что эти громкие утверждения еще не вся правда. США, предполагая, что японцы могут напасть на континентальную часть страны, наложили жесткое эмбарго на поставки нефти и технологий в Японию. Понеся сравнительно небольшие военные потери в Пёрл-Харборе, впоследствии США принесли в жертву 100 000 жизней американцев, чтобы отомстить за 2500 погибших при авианалете, загнали ни в чем не повинных американских японцев в концентрационные лагеря и добились победы, сбросив на гражданское население Японии зажигательные и атомные бомбы, что можно считать одним из величайших военных преступлений в истории³³.

Даже в тех случаях, когда ни один разумный независимый наблюдатель не испытывает никаких сомнений в том, кто прав, а кто виноват, мы должны быть готовы надеть психологические очки и увидеть, что злодеи всегда уверены, что поступают нравственно. Эти очки причиняют психологический дискомфорт³⁴. Понаблюдайте за своей реакцией при чтении следующей строки: «Попробуйте взглянуть на

это с точки зрения Гитлера». (Или Усамы бен Ладена, или Ким Чен Ира.) Тем не менее Гитлер, как все чувствующие существа, определенно имел свою точку зрения и, по словам историков, высокоморальную. Пережив неожиданное поражение Германии в Первой мировой войне, Гитлер решил, что объяснить его можно только предательскими действиями внутреннего врага. Он был оскорблен губительной продуктовой блокадой, организованной союзниками, и наложенными на Германию из мести репарациями. Гитлер испытал на себе экономический хаос и уличное насилие 1920-х. К тому же он был идеалистом и считал, что героическими жертвами можно добиться наступления тысячелетнего царства утопии³⁵.

Если вернуться к магнитуде межличностного насилия, самые жестокие серийные убийцы преуменьшают или даже оправдывают свои преступления способами, которые были бы просто смешны, если бы их поступки не были так ужасны. В 1994 г. полиция процитировала слова массового убийцы: «Кроме того, что двух мы убили, двух других ранили, ударили женщину рукояткой пистолета, а в рот еще одному запихнули лампочку, мы вообще никому не причинили вреда»³⁶. Серийный насильник и убийца в интервью социологу Дайане Скалли заявил, что был «добрым и нежным» с женщинами, которых похищал под дулом пистолета, и что им нравилось, когда он их насиловал. В доказательство своей доброты он утверждал, что нож в жертву вонзал без предупреждения: «Убийство всегда было внезапным, они ничего не успевали заподозрить»³⁷. Джон Уэйн Гэйси, который похитил, изнасиловал и убил 33 мальчика, сказал: «Я вижу себя скорее жертвой, чем преступником» — и на полном серьезе добавил: «Я был лишен детства». Его детские

несчастья не прекратились и во взрослые годы, когда СМИ, по непонятной для него причине, попытались выставить его «мерзавцем» и сделать из него «козла отпущения»³⁸.

Мелкие преступники тоже охотно рационализируют. Любой, кто работал с заключенными, знает, что тюрьмы сегодня забиты исключительно невинно осужденными — и не только осужденными по ошибке, но и борцами, самостоятельно отстаивавшими справедливость. Вспомните теорию Дональда Блэка о преступлении как форме социального контроля (глава 3), которая объясняет, почему большинство насильственных преступлений не приносят исполнителю прямой выгоды³⁹. Преступника провоцирует оскорбление или предательство; возмездие, которое мы расцениваем как избыточное (ударить сварливую жену во время ссоры, убить нахала в споре за парковочное место), с его точки зрения, естественный ответ на провокацию и восстановление справедливости.

Чувство тревоги, с которым мы читаем о таких рационализациях, может рассказать нам нечто интересное и о самих психологических очках. Баумайстер заметил, что ученый или исследователь, пытаясь понять злонамеренные действия, становится на точку зрения преступника⁴⁰. Оба принимают отстраненную, аморальную позицию. Оба рассматривают случившееся в контексте, всегда внимательны к обстоятельствам и тому, какую роль они сыграли. Оба верят, что преступление можно объяснить. Напротив, точка зрения моралиста — это точка зрения жертвы. Причиненное зло

воспринимается с изумлением и ужасом. Оно вызывает горе и гнев даже спустя продолжительное время. Моралисты исходят из посылки, что, хотя мы, смертные, изо всех сил пытаемся объяснить преступление какими-то неубедительными рациональными построениями, оно остается вселенской тайной, проявлением неотвратимого и необъяснимого мирового зла. Многие исследователи Холокоста считают аморальными даже попытки объяснить его⁴¹.

Баумайстер называет это представление мифом о существовании чистого зла. Образ мысли, который мы принимаем, надев психологические очки, — это точка зрения жертвы. Зло — намеренное и неоправданное причинение вреда ради причинения вреда; оно совершается глубоко порочным мерзавцем, а жертва его невинна и чиста. Это миф (что видно через психологические очки), потому что в действительности зло совершают обычные люди, реагирующие на обстоятельства (в том числе на провокацию со стороны жертвы) способами, которые сами они считают разумными и справедливыми.

Миф о чистом зле рождает архетип, общий для всех религий, детской литературы, националистических мифологий и сенсационных заголовков новостей. Во многих религиях зло персонифицировано в дьяволе — Аид, Сатана, Вельзевул, Люцифер, Мефистофель — или выступает антитезисом всеблагому Богу в дуалистической манихейской схватке. В популярной литературе зло принимает вид преступника, серийного убийцы, злого духа, монстра, Джокера, противника Джеймса Бонда или, в зависимости от кинематографического времени, нацистского офицера, советского шпиона, итальянского гангстера,

арабского террориста, бандита из гетто, мексиканского наркобарона, императора галактики или управляющего корпорацией. Злодеи могут стремиться к власти и богатству, но эти мотивы туманны и неубедительны — чего они на самом деле хотят, так это хаоса и страдания невинных жертв. Злой герой, как правило, соперник и враг доброго и часто чужак, иностранец. Голливудские злодеи, даже если и не представляют конкретное государство, говорят с неопределенным иностранным акцентом.

Миф о чистом зле сбивает нас с толку и мешает понять зло настоящее. Так как точка зрения ученого отражает точку зрения злодея, а моралист принимает сторону жертвы, публике кажется, будто ученый «ищет оправдание преступнику» или «обвиняет жертву». Люди уверены, что исследователь придерживается аморальной доктрины «понять — значит простить». (Вспомните замечание Ричарда Льюиса о том, что много осуждать — значит мало понимать.) Обвинения в размывании границ зла особенно вероятны, когда мотив, который аналитик приписывает злоумышленнику, оказывается мелким и простительным вроде зависти, жажды мести или престижа, а не грандиозным злоумышлением вроде сохранения страдания в мире или насаждения расовой, классовой или гендерной дискриминации. Обвинения звучат и тогда, когда аналитик утверждает, что мотив злодеяния присущ каждому человеческому существу, а не только нескольким психопатам или представителям враждебной политической системы (вспомним популярную доктрину благородного дикаря). Ханна Арендт в своей книге, посвященной судебному процессу над Адольфом Эйхманом, обвинявшимся в организации логистики Холокоста, для описания заурядности этого

человека и будничности его мотивов употребила выражение «банальность зла»⁴². Была она права насчет Эйхмана или нет (историки показали, что он был в большей степени идейным антисемитом, чем полагала Арендт), она предвидела деконструкцию мифа о существовании чистого зла⁴³. И четыре десятилетия исследований в области социальной психологии — некоторые из них были вдохновлены самой Арендт — выявили банальность огромного количества побуждений, приводящих к страшным последствиям⁴⁴.

В оставшейся части главы я расскажу о системах мозга и мотивах, которые склоняют нас к насилию, попытаюсь определить, что их активизирует, а что ослабляет, в надежде, что это поможет пролить свет на исторический спад насилия. Возможно, кому-то покажется, будто я принимаю точку зрения злоумышленника, — но это только одна из опасностей, сопутствующих моей попытке. Другая — допущение, что природа организовала мозг в нагруженные моральными смыслами системы, направляющие нас к добру и влекущие ко злу. Как мы увидим, границы, разделяющие внутренних демонов этой главы и добрых ангелов следующей, хоть и отражают нейробиологическую реальность, но часто проводятся лишь для удобства, потому что одни и те же системы мозга могут обуславливать как лучшее, так и худшее в поведении человека.

ОРГАНЫ НАСИЛИЯ

Одно из проявлений мифа о чистом зле — считать насилие животным импульсом. Это ярко иллюстрируют слова «скотский», «звероподобный»,

«зверский», «бесчеловечный» и «дикий», как и изображение дьявола с рогами и хвостом. Насилие, конечно, не редкость в царстве животных, но думать, что оно возникает из одного-единственного позыва, — значит смотреть на мир глазами жертвы. Подумайте о тех ужасных злодеяниях, которые представители нашего вида обрушивают на муравьев. Мы едим их, травим, случайно наступаем на них и давим намеренно. И каждая категория этого термитоцида объясняется совершенно разными мотивами. Но будь вы муравьем, вас мало бы заботили тонкие различия побуждений. Мы люди и поэтому склонны думать, что все ужасные вещи, которые одни люди совершают по отношению к другим, порождены одним животным мотивом. Однако биологи давно заметили, что мозг млекопитающих оснащен особыми нейроцепями, обеспечивающими весьма разные виды агрессии.

Самый очевидный вид агрессии в царстве животных — это хищничество. Хищники — соколы, орлы, волки, львы, тигры и медведи — украшают форму спортсменов и национальные гербы, и многие авторы вслед за Уильямом Джеймсом [\[116\]](#) возлагают вину за человеческое насилие на «хищника внутри». Но с точки зрения биологии хищничество ради пропитания кардинально отличается от агрессии, направленной на соперника или врага. Любители кошек прекрасно понимают эту разницу. Если их питомец замечает на полу жука, он припадает к земле — тихий, напряженный и сосредоточенный. Когда же один уличный кот встречает другого, оба стоят, выгнув спину и распушив шерсть, шипят и вопят. Ученые, имплантировав электрод в контур ярости кота, нажатием кнопки переводили животное в режим атаки. Если бы электрод возбуждал другую цепь, они могли бы переключить его в режим охоты и

развлекаться, наблюдая, как кот преследует воображаемую мышь⁴⁵.

Подобно многим системам мозга, нервные цепи, контролирующие агрессию, организованы иерархически. Подпрограммы, контролирующие движения мускулов, локализуются в задней части головного мозга, ближе к спинному. Эмоциональные состояния, которые их запускают, обрабатываются в среднем и переднем мозге, например в контуре ярости. Стимулируя задний мозг кота, исследователи могут вызвать состояние, которое называется поддельной яростью. Кот шипит, оцетинивается и обнажает клыки, но, если его погладить, он не нападает. Если же ученые стимулируют контур ярости в высших слоях мозга, это вызывает отнюдь не поддельное эмоциональное состояние: кот сходит с ума от бешенства и пытается вцепиться экспериментатору в лицо⁴⁶. Эволюция нашла применение этой модульной конструкции. Разные млекопитающие используют разные части тела в качестве наступательного оружия: челюсти, клыки, рога и — у приматов — руки. Удивительно, но, хотя цепи заднего мозга, управляющие этими внешними устройствами, могут перепрограммироваться или изменяться по мере эволюции вида, основные программы, контролирующие эмоциональное состояние, остаются неизменными⁴⁷. Это касается и эволюционной линии приматов, ведущей к людям, как обнаружили нейрохирурги, когда нашли эквивалент контура ярости в мозге своих пациентов.

Рис. 8–1 — это компьютерная модель мозга крысы в боковой проекции. Крыса — мелкий зверек, чье выживание во многом зависит от обоняния, поэтому ее обонятельные луковицы огромны — чтобы

разглядеть остальные части мозга, их пришлось убрать с левой стороны картинки. Как у всех четвероногих, тело крысы расположено горизонтально, и те части нервной системы, которые мы привыкли считать «высшими» и «низшими», на самом деле расположены спереди назад: высшие мыслительные функции крысы, какими бы они ни были, выполняются в передней (левой) части модели, а контроль тела — в задней (правой), перед спинным мозгом, который был бы виден в правом углу рисунка, если бы был на нем изображен.

Контур ярости — это путь, который связывает три главные структуры нижней части мозга⁴⁸. В среднем мозге есть слой тканей, называемый околотоводопроводным (периакведуктальным, центральным) серым веществом. «Серое» оно потому, что состоит из вещества серого цвета (нейронов, лишенных белой миелиновой оболочки), «околотоводопроводное» потому, что окружает заполненный жидкостью канал, который тянется сквозь центральную нервную систему от спинного мозга до желудочков — крупных полостей головного мозга. Околотоводопроводное серое вещество содержит нейроцепи, контролирующие сенсомоторные компоненты ярости. Они получают входные сигналы от зон мозга, регистрирующих боль, равновесие, голод, кровяное давление, пульс, температуру и звуки (в частности, писк других крыс) — все, что может раздражать, расстраивать или злить животное. Их выходные сигналы возбуждают двигательные программы, которые заставляют крысу атаковать, кусаться и царапаться⁴⁹. Одно из первых открытий в биологии насилия — связь между болью или фрустрацией и агрессией. Когда животное бьют током или лишают доступа к пище, оно нападает на

ближайшее живое существо, а если живой цели поблизости нет, атакует неживой объект⁵⁰.

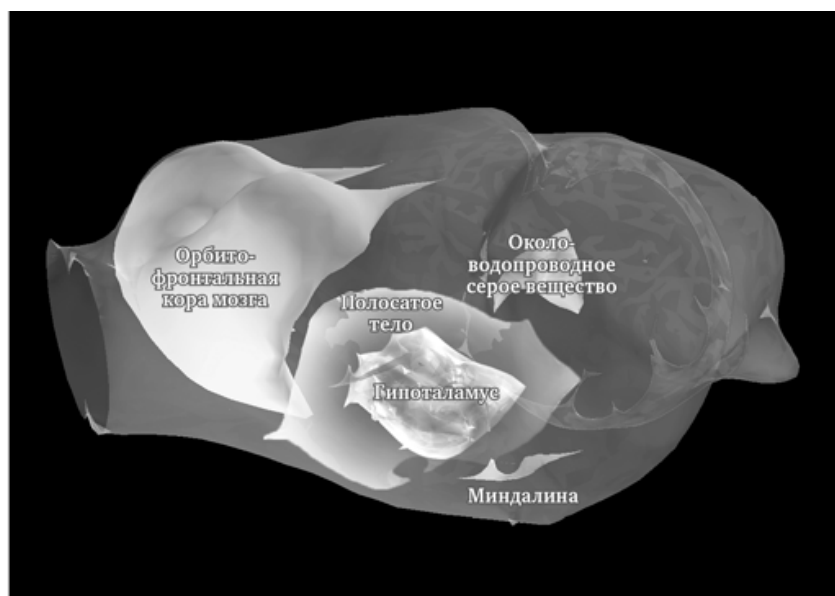

РИС. 8–1. Мозг крысы. Основные структуры, отвечающие за агрессию

Источник: Allen Mouse Brain Atlas, <http://mouse.brain-map.org>

Центральное серое вещество частично контролируется гипоталамусом — кластером ядер, которые регулируют эмоциональный, мотивационный и психологический статус животного, включая голод, жажду и половое влечение. Гипоталамус следит за температурой тела, давлением и химией крови и располагается поверх гипофиза, который выделяет в кровеносную систему гормоны, управляющие, помимо прочего, высвобождением адреналина из надпочечников, а также тестостерона и эстрогена из яичек и яичников. Два из его ядер, медиальное и вентролатеральное, входят в контур ярости. Слово «вентральный» относится к передней, брюшной части тела животного, тогда как «дорсальный» — к задней, или спинной его части. Те же термины употребляются и при описании мозга человека, но, так как благодаря процессу эволюции наш мозг венчает теперь вертикально расположенное тело, термин «вентральный» в применении к человеку означает

сторону, обращенную к ногам, а «дорсальный» — к макушке черепа.

Гипоталамусом управляет миндалина (миндалевидное тело), названная так из-за ее формы. Это маленький многокомпонентный орган, соединенный с системами мозга, отвечающими за память и мотивацию. Он придает эмоциональную окраску нашим мыслям и воспоминаниям, в частности отвечает за страх. Когда животное приучают, что после звукового сигнала следует удар, именно миндалина помогает установить связь, которая наделяет этот звук аурой тревоги и страха. Миндалина животного возбуждается при виде опасного хищника или угрожающего поведения представителя своего вида. Например, у человека миндалина реагирует на злое выражение лица.

В высшей точке контур ярости подключается к коре больших полушарий — тонкому слою серого вещества на внешней поверхности полушарий головного мозга, где производятся вычисления, обеспечивающие восприятие, мышление, планирование и принятие решений. Полушария разделяются на доли, и та, что расположена спереди, — лобная доля — принимает решения, отвечающие за выбор поведения. Один из важнейших участков лобных долей располагается над глазами — орбитами — и поэтому называется орбитофронтальной или орбитальной корой⁵¹. Орбитальная кора тесно связана с миндалиной и другими эмоциональными цепями и помогает переработать эмоции и воспоминания в решения о том, что делать дальше. Когда живое существо регулирует свою готовность к атаке, реагируя на обстоятельства, в том числе на эмоциональное

состояние животного и все уроки, которые оно вынесло из прошлого, за все отвечает именно эта часть мозга, размещенная за глазными яблоками. Кстати, хотя я описал контроль ярости как последовательность команд, спускающихся сверху вниз — от орбитальной коры к миндалине, далее к гипоталамусу, а от него к центральному серому веществу и, наконец, к двигательным программам, — связь здесь двусторонняя, поскольку наличествуют значительный поток обратной информации и перекрестная связь между этими и другими областями мозга.

Как я уже упоминал, хищничество и ярость по-разному проявляются в поведении млекопитающих, и, чтобы вызвать их, нужно стимулировать разные части мозга. Хищничество использует цепь внутри системы, которую Панскепп назвал поисковой⁵². Основная часть поисковой системы тянется от среднего мозга (не показанного на рис. 8–1) через пучок нервных волокон в центральной части (медиальный пучок переднего мозга) к гипоталамусу, а оттуда вверх к полосатому телу — основной части так называемого рептильного мозга. Полосатое тело состоит из множества параллельных нервных пучков, оно спрятано глубоко внутри полушарий мозга и тесно связано с лобными долями.

Поисковую систему обнаружили психологи Джеймс Олдс и Питер Милнер. Вживив электрод в центр мозга крысы и присоединив его к рычагу скиннеровского ящика, они обнаружили, что крыса будет нажимать рычаг бесконечно, до полного истощения стимулируя собственный мозг⁵³. Сначала они думали, что нашли центр удовольствия, но сегодня нейробиологи считают, что эта система

обеспечивает желание или стремление, а не реальное удовольствие. (Главное открытие взрослой жизни — что нужно быть осторожнее в желаниях, ведь, получив желаемое, можно и не обрадоваться — обусловлено анатомией мозга.) Поисковая система связана не только нервными волокнами, но и химически. Ее нейроны передают друг другу нервный импульс с помощью нейротрансмиттера, который называется дофамин. Вещества, увеличивающие количество дофамина (кокаин и амфетамины), возбуждают животное, а вещества, понижающие его уровень (антипсихотики), делают его апатичным. (Вентральное полосатое тело содержит и цепь, отвечающую на другие группы трансммиттеров — эндорфины и эндогенные опиаты. Эти цепи теснее связаны с удовольствием, получаемым при вознаграждении, чем с предвкушением удовольствия.)

Поисковая система определяет цели, которые преследует животное, например доступ к рычагу, нажав на который получаешь пищу. В естественных условиях поисковая система мотивирует хищное животное охотиться. Хищник преследует добычу в состоянии, которое мы могли бы назвать приятным предвкушением. Догнав жертву, хищник убивает ее беззвучно, что совершенно не похоже на яростную атаку, сопровождающуюся устрашающим рычанием.

Животные атакуют, не только нападая, но и защищаясь⁵⁴. Простейший триггер атаки — внезапная боль или фрустрация, причем сигнал о фрустрации поступает от поисковой системы. Этот рефлекс можно наблюдать и в некоторых примитивных реакциях у людей. Если внезапно плотно прижать ручки младенца к бокам, ребенок реагирует вспышкой ярости, а взрослый, ударив по пальцу молотком или не

получив того, на что рассчитывал, разражается бранью или ломает вещи (что среди технических специалистов называется «методом ремонта электронной аппаратуры путем удара кулаком по корпусу»). Защитная атака, которая у крыс представляет собой бросок в лицо врагу, вызывается еще одной системой мозга — той, что отвечает за страх. Контур страха, как и контур ярости, состоит из цепи, которая тянется от центрального серого вещества через гипоталамус к миндалине. Контуров страха и ярости не сливаются: они соединяют разные ядра в каждом из этих органов, но их близкое положение объясняет легкость, с которой они взаимодействуют⁵⁵. Слабый испуг может вызвать реакцию «беги или замри», в то время как экстремальный ужас, усиленный другими стимулами, провоцирует яростную атаку. У людей перенаправленная паника или ярость может быть результатом такой же передачи управления от контура страха к контуру ярости.

Панскепп определил четвертую мотивационную систему в мозге млекопитающих, которая может вызывать насилие; он назвал ее системой межсамцовой агрессии или доминирования⁵⁶. Подобно цепям страха и ярости, она тянется от центрального серого вещества через гипоталамус и миндалину, соединяя по пути еще три ядра. В каждом из этих ядер есть рецепторы тестостерона. Как заметил Панскепп, «практически у всех млекопитающих сексуальность самцов требует решительной манеры поведения и потому в норме тесно связана с агрессивностью. Действительно, эти влечения в центральной нервной системе переплетены, и, насколько нам известно, нейронная сеть для этого типа агрессии расположена рядом с

поисковой системой и контуром ярости и, вероятно, тесно взаимодействует с обеими»⁵⁷. Если говорить на языке не анатомии, но психологии, поисковая система заставляет самца с готовностью и даже радостью искать агрессивных столкновений с другими самцами, но, когда битва началась и один из соперников чувствует опасность поражения или гибели, сосредоточенная драка может уступить место слепой ярости. Панскепп заметил, что, хотя эти два вида агрессии и взаимодействуют друг с другом, они различаются нейробиологически. При повреждении определенных зон среднего гипоталамуса или полосатого тела животное скорее нападет на хищника или на экспериментатора, чем на другого самца своего вида. И, как мы увидим, если ввести животному (или мужчине) тестостерон, это не сделает его универсально раздражительным. Напротив, он будет чувствовать себя прекрасно, но, столкнувшись с соперником, будет готов к драке⁵⁸.

С первого взгляда на мозг человека понятно, что мы имеем дело с очень необычным млекопитающим. На рис. 8-2, где кора головного мозга изображена прозрачной, в мозге человека можно найти аналог всех зон мозга крысы, включая те, в которых располагаются контуры ярости, страха и доминирования: миндалину, гипоталамус и центральное серое вещество (которое находится внутри среднего мозга и окружает водопровод). Хорошо видно и полосатое тело, чья вентральная часть помогает устанавливать цели для мозга в целом.

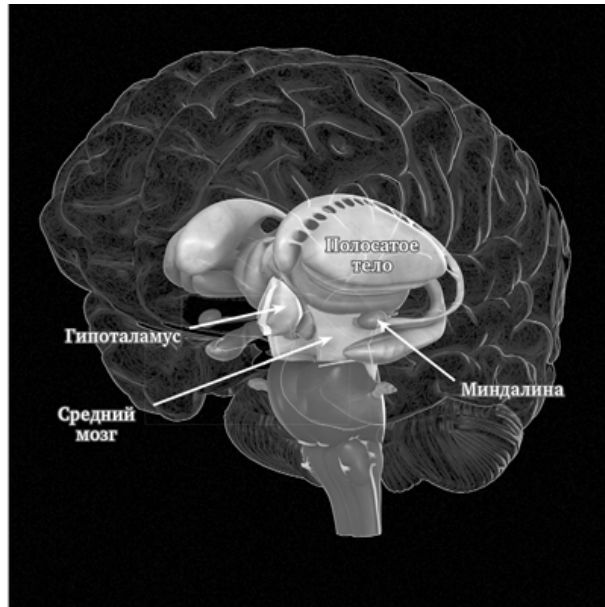

РИС. 8–2. Мозг человека, основные подкорковые структуры, управляющие агрессией

Источник: 3D Brain Illustration by AXS Biomedical Animation Studio, created for Dolan DNA Learning Center

Эти структуры занимают большую часть мозга крысы, но в мозге человека они скрыты за внушительными полушариями. Как видно на рис. 8–3, кора больших полушарий, подобно смятой газете, покрыта бороздками, а иначе бы она не уместилась в черепе. Большая часть полушарий занята лобными долями, которые на этом рисунке занимают примерно три четверти площади мозга. Строение мозга человека предполагает, что у *Homo sapiens* примитивные импульсы страха, ярости и желания должны подчиняться рассудочному сдерживанию в форме благоразумия, морализации и самоконтроля, хотя, как и в любых попытках укротить зверя, не всегда понятно, кто одерживает верх.

Орбитальная (глазничная) кора получила свое название не случайно: это большая сферическая вмятина, которая соответствует костной структуре глазницы. Ученые еще в 1848 г. узнали, что орбитальная кора как-то связана с регуляцией эмоций. Железнодорожный рабочий Финеас Гейдж,

закладывая порох в углубление скалы, вызвал взрыв, в результате которого железный лом прошел сквозь его щеку и верхнюю часть черепа⁵⁹. Компьютерная реконструкция, сделанная в XX в. на основании дыр в черепе, показывает, как лом прошел сквозь орбитальную и вентромедиальную кору с внутренней стороны полушария (она изображена на срединном срезе мозга на рис. 8–4). Орбитальная и вентромедиальная кора переходят одна в другую, оборачиваясь вокруг нижнего края лобной доли, и нейрохирурги часто называют комбинацию этих областей мозга одним из двух терминов.

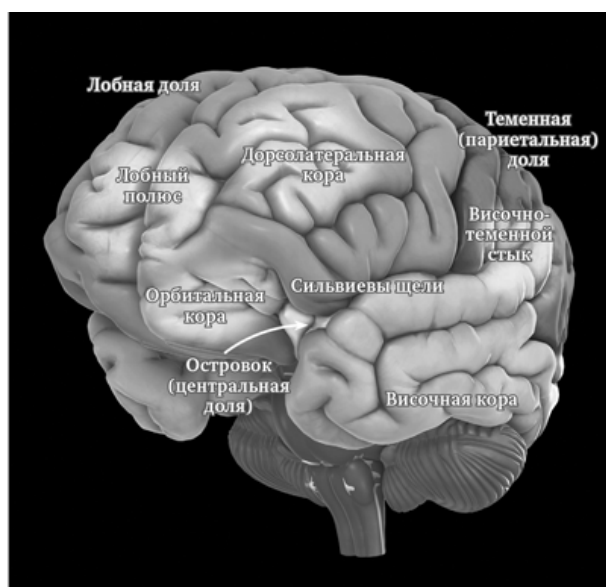

РИС. 8–3. Мозг человека. Основные зоны коры, контролирующей агрессию

Источник: 3D Brain Illustration by AXS Biomedical Animation Studio, created for Dolan DNA Learning Center

Хотя органы чувств Гейджа, его память и движения не пострадали, вскоре стало ясно, что разрушенные части мозга выполняли важную работу. Вот как его врач описывал изменения:

Равновесие или, так сказать, баланс между его интеллектуальными способностями и животными свойствами кажется нарушенным. Он импульсивен, груб и подчас несдержан в непристойных ругательствах (что раньше было ему не свойственно), не уважает товарищей, не выносит ограничений или советов, если они входят в конфликт с его желаниями; временами упрям и строптив и в то же время капризен и

нерешителен, строит множество планов на будущее, но не предпринимает ничего для их воплощения, а вскоре отказывается от них ради других, которые кажутся ему более подходящими. Он сущее дитя в своих интеллектуальных способностях и проявлениях, но с животными желаниями взрослого мужчины. Хоть Финеас и не посещал школу, до травмы он обладал хорошо сбалансированным разумом, и те, кто его знал, считали Гейджа практичным и толковым деловым человеком, очень энергичным и настойчивым в воплощении своих планов. В этом отношении его мозг изменился радикально — так сильно, что его друзья и знакомые говорят, что он «больше не Гейдж»⁶⁰.

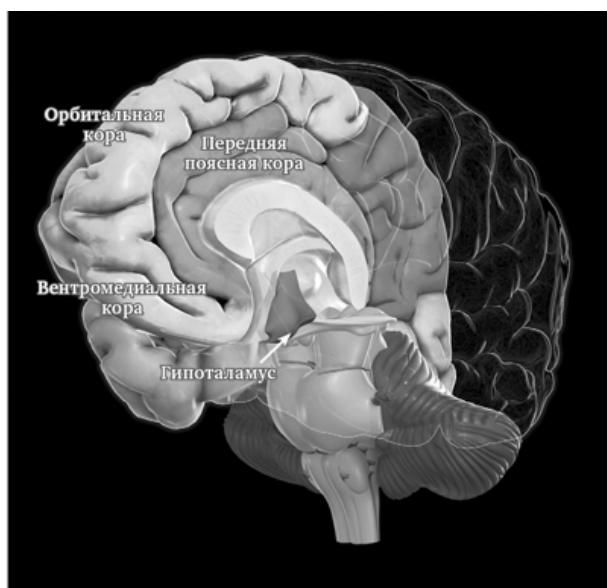

РИС. 8–4. Мозг человека, медиальный срез

Источник: 3D Brain Illustration by AXS Biomedical Animation Studio, created for Dolan DNA Learning Center

Гейдж со временем вернул себе упомянутое равновесие, а его историю пересказывали, приукрашивая и искажая, поколениям первокурсников психологических факультетов, но и сегодня наше понимание функций орбитальной коры во многом совпадает с описанием, оставленным его доктором.

Орбитальная кора тесно связана с миндалиной, гипоталамусом и другими частями мозга, отвечающими за эмоции⁶¹. Она пронизана нейронами, которые используют дофамин как нейротрансмиттер; эти нейроны связаны с поисковой

системой полосатого тела. Она примыкает к зоне коры, которую называют центральной долей или островком, передняя часть которого еле видна за сильвиевой щелью на рис. 8–3; основная же часть островка простирается под щелью, закрытая нависающими краями лобных и височных долей. Островок регистрирует физические ощущения, включая чувство вздутого живота, тошноты, тепла, полного мочевого пузыря и учащенного сердцебиения. Интересно, что мозг воспринимает метафоры «кровь вскипает» и «меня от него тошнит» буквально. Когнитивист и специалист в области наук о мозге Джонатан Коэн и его команда обнаружили, что, если человек чувствует, что другой обходит его при дележе добычи, островок активизируется. Если же добычу делит компьютер и злиться не на кого, островок не реагирует⁶².

Орбитальная кора располагается над глазами (рис. 8–3), а вентромедиальная уходит внутрь мозга (рис. 8–4). Как уже упоминалось, они смежные, различить, какая из них за что отвечает, сложно, потому их часто не разделяют. Похоже, орбитальная кора больше занята оценкой существования как приятного или неприятного (что соответствует ее месту рядом с островком, принимающим сигналы от внутренних органов), а вентромедиальная определяет, получаешь ли ты желаемое и избегаешь ли нежелательного (что соответствует ее расположению вдоль средней линии мозга, где пролегает поисковая цепь)⁶³. Эта разница может переходить и в область морали, порождая разницу между эмоциональной реакцией на причиненный вред и рациональным рассуждением. Но граница между ними нечеткая, и я буду называть обе эти зоны орбитальной корой.

Входные сигналы орбитальной коры — внутренние ощущения, объекты желания и эмоциональные импульсы, а также ощущения и воспоминания, приходящие из других областей коры, — позволяют ей служить регулятором эмоций. Телесные ощущения гнева, тепла, страха и отвращения соединяются с личными целями индивида, затем преобразованные сигналы обрабатываются и отсылаются обратно в эмоциональные структуры, из которых поступили. Кроме того, сигналы отправляются и выше, в зоны коры, которые заведуют хладнокровным размышлением и управлением операциями. Предлагаемая нейробиологами структурная схема довольно точно соответствует тому, что психологи наблюдают в клиниках и лабораториях. С учетом разницы между цветистым языком медицинских описаний XIX в. и научным жаргоном нашего века сегодняшние истории болезней пациентов с повреждениями орбитальной коры подошли бы и Финеасу Гейджу: «расторможенные, социально неадекватные, неверно интерпретирующие настроения окружающих, импульсивные, равнодушные к последствиям своих действий, безответственные в быту, не отдающие себе отчета в серьезности своего положения и малоинициативные»⁶⁴.

Психологи Анджела Скарпа и Эдриан Рейн составили похожий список, но в конце добавили симптом, который имеет отношение к нашей дискуссии: «склонность к спорам, равнодушие к последствиям поведения, потеря социальных навыков, импульсивность, рассеянность, ограниченность, неуравновешенность, насилие»⁶⁵. Последнее существительное — итог собственных исследований Рейна, который, вместо того чтобы отбирать

пациентов с повреждениями орбитальной коры и затем изучать их личность, отбирал людей, склонных к насилию, и затем изучал их мозг. Он сосредоточился на испытуемых с антисоциальным расстройством личности. Американская психиатрическая ассоциация определяет его суть как «доминирующий паттерн неуважения или нарушения прав других», включая нарушение закона, обман, агрессивность, опрометчивость и отсутствие угрызений совести. Большая часть уголовников — люди с антисоциальным расстройством личности, а тех из них, кому, сверх того, свойственны бойкость, нарциссизм, напыщенность и поверхностное обаяние, называют психопатами (иногда социопатами). Просканировав мозг склонных к насилию людей с антисоциальным расстройством личности, Рейн обнаружил, что орбитальная область у них меньше и менее метаболически активна; то же можно сказать о других частях их эмоционального мозга, включая миндалину⁶⁶. В одном эксперименте Рейн сравнивал мозг заключенных, совершивших импульсивное убийство, с мозгом преднамеренных убийц. Функции орбитальной коры были нарушены только у импульсивных убийц, почему можно предположить, что самоконтроль, осуществляемый этой зоной мозга, — важный ограничивающий фактор насилия.

Но орбитальная кора может выполнять и другие функции. Обезьяны с поражениями орбитальной коры с трудом вписываются в иерархию стаи и чаще вступают в драки⁶⁷. Неслучайно люди с повреждениями орбитальной коры нечувствительны к социальным промахам. Когда им рассказывают историю про женщину, по рассеянности выбросившую подарок подруги или проболтавшуюся, что ту не пригласили на вечеринку, пациенты не

понимают, почему все говорят о какой-то неловкости и не осознают, что подруге может быть обидно⁶⁸. Рейн обнаружил, что люди с антисоциальным расстройством личности, которым поручали составить и произнести речь о своих ошибках (что для обычных людей тяжелое испытание, вызывающее смущение, стыд и вину), не проявляли при этом никаких эмоциональных реакций⁶⁹.

Итак, орбитальная кора (вместе со своей вентромедиальной соседкой) отвечает за несколько умиротворяющих способностей мозга человека, включая самоконтроль, сопереживание, следование нормам и договоренностям. При этом орбитальная кора является довольно примитивной частью мозга. Она имеется даже у крыс и получает входные сигналы в прямом и переносном смысле от внутренностей. Более сложные и интеллектуальные регуляторы насилия опираются на другие области мозга.

Задумайтесь, как мы решаем, наказывать или простить человека, причинившего нам вред? Чувство справедливости подсказывает, что виновность человека зависит не только от самого вреда, но и от психологического статуса виновника — от наличия преступного умысла или воли, согласно большинству юридических систем необходимой, чтобы счесть действие преступлением. Предположим, женщина убила своего мужа, подсыпав ему в чай крысиный яд. Решение, посылать ли ее на электрический стул, очень сильно зависит от того, что было написано на контейнере, в который она опустила ложку, — «сахар» или «крысиный яд», то есть от того, знала ли она, что отравит мужа и желала его смерти, или же это была

трагическая случайность. Инстинктивный эмоциональный ответ на противоправное действие или плохой поступок («Она убила мужа! Позор!») может побуждать нас к мести независимо от намерений женщины. Морализаторский разрыв возникает из-за того, что психологический статус правонарушителя критически важен для решения о его виновности. Жертвы утверждают, что преступник намеренно и осознанно хотел навредить им, а он настаивает, что вред был причинен случайно.

Психологи Лиана Янг и Ребекка Сакс помещали людей в аппарат МРТ и предлагали им читать истории, повествующие о случайном или намеренном причинении вреда⁷⁰. Они обнаружили, что за способность оправдывать обидчика в зависимости от его психического состояния отвечает область мозга на стыке между височными и теменными долями, подсвеченная на рис. 8–3 (хотя в реальном исследовании активизировалась аналогичная зона правого полушария). В височно-теменной узел поступают самые разные данные, включая информацию о положении собственного тела, а также тел и действий других людей. Еще раньше Сакс выяснила, что эта зона отвечает за умственную способность, которую называют ментализацией, интуитивной психологией или теорией разума, проще говоря, за умение понимать убеждения и желания другого человека⁷¹.

Существует еще один вид морального оценивания, который руководствуется не только телесными ощущениями, — это оценка последствий при выборе действия. Поразмышляйте об избитом примере из области морали: семья прячется от нацистов в подвале. Должны ли они придушить младенца, чтобы

он не выдал их своим плачем, — ведь тогда погибнет вся семья, включая ребенка? А как вы относитесь к идее столкнуть толстяка на рельсы, чтобы его массивное тело остановило укатившуюся вагонетку до того, как она врежется в группу из пяти путевых рабочих? Прагматичный расчет скажет, что оба убийства позволительны, потому что, пожертвовав одной жизнью, мы спасем пять. Но многие воспротивятся удушению ребенка или убийству толстяка — вероятно потому, что почувствуют внутреннее инстинктивное отторжение от убийства невинного человека своими руками. В похожей дилемме случайному свидетелю происходящего нужно решить, должен ли он потянуть за рычаг и направить мчащуюся вагонетку на боковой путь, где она убьет не пять рабочих, а только одного. В этом варианте все соглашались, что следует перекинуть рычаг и спасти пять жизней, пожертвовав одной, — скорее всего, респондент не испытывает чувства, что совершил убийство: он всего лишь не смог остановить вагонетку⁷².

Философ Джошуа Грин, работая с Коэном и его коллегами, показал, что висцеральная инстинктивная реакция против удушения младенца и принесения в жертву толстяка рождается в миндалине и орбитальной коре, а прагматичный расчет, высчитывающий количество спасенных жизней, обрабатывается в лобных долях, в области, называемой дорсолатеральной префронтальной корой — она также подсвечена на рис. 8–3⁷³. Дорсолатеральная кора — это часть мозга, которая чаще всего участвует в интеллектуальном, абстрактном решении задач, — она активизируется, например, при прохождении теста IQ⁷⁴. Когда люди размышляют о проблеме плачущего в подвале

ребенка, возбуждаются обе области — и орбитальная кора (реагирующая на ужас удушения младенца), и дорсолатеральная (подсчитывающая количество спасенных и потерянных жизней), а чтобы примирить их, в игру вступает еще одна область мозга, которая имеет дело с конфликтующими импульсами, — передняя поясная кора у срединной линии, показанная на рис. 8–4. У людей, решивших, что в данной ситуации младенца можно убить, отмечалась бóльшая активность в дорсолатеральной коре.

Височно-теменной узел и дорсолатеральная префронтальная кора человеческого мозга, значительно увеличившиеся в процессе эволюции, одарили нас способностью к холодному расчету, который оправдывает некоторые виды насилия. Тот факт, что мы не можем окончательно определиться, считать ли удушение младенца насилием или способом предотвратить насилие, показывает, что по сути своей рассудительные части мозга не внутренние демоны и не добрые ангелы. Это инструменты мышления, которые могут как подстегивать насилие, так и подавлять его, и, как мы увидим дальше, человек с готовностью использует обе эти способности в свойственных ему видах насилия.

Мой короткий экскурс в нейробиологию насилия лишь слабо очерчивает наше научное представление о нем, а наше научное представление лишь примерно описывает сам этот феномен. Но, надеюсь, я убедил вас в том, что насилие растет не из одного-единственного психологического корня — их несколько, и принципы их работы отличаются. Чтобы их понять, нам нужно изучать не только структуру мозга, но и его программное обеспечение — причины,

по которым люди осуществляют насилие. Эти причины встроены в микросхемы мозга в виде сложных шаблонов; они не считываются прямо из нейронов, так же как невозможно посмотреть фильм, поместив DVD-диск под микроскоп. Поэтому дальше я с помощью психологии постараюсь увидеть более широкую картину, сопоставляя психологические феномены с нейроанатомией.

У насилия множество классификаций, и принципы разделения на виды в них похожи. Я немного изменю четырехчастную схему Баумайстера, разбив одну из категорий на две⁷⁵.

Первую категорию насилия можно назвать практической, инструментальной, корыстной или хищнической. Это простейший вид насилия: использование силы как средства добиться своего. Оно используется для достижения целей, поставленных поисковой системой, и для удовлетворения таких мотивов, как алчность, похоть и честолюбие, и руководит им разум в целом, который могла бы символизировать дорсолатеральная префронтальная кора.

Вторая причина насилия — доминирование — желание взять верх над соперниками (Баумайстер называет это эготизмом). Оно может быть связано с системами доминирования и межсамцовой агрессии, которые активируются тестостероном. Тем не менее доминирование свойственно не только мужчинам и даже не обязательно отдельным людям — группы тоже конкурируют за доминирование.

Третья причина насилия — месть — стремление отплатить злом за зло. Его непосредственный источник — система ярости, но месть может использовать в своих целях и поисковую систему.

Четвертая причина — садизм — удовольствие от причинения страдания. Этот мотив, равно загадочный и пугающий, может быть побочным продуктом нескольких особенностей нашей психологии, прежде всего поисковой системы.

Пятая и самая богатая последствиями причина насилия — идеология, верные сторонники которой соединяют множество мотивов в единое вероучение и вовлекают других людей в достижение своих деструктивных целей. Идеологию нельзя приписать какой-либо части мозга или даже мозгу в целом, потому что она «рассеяна» по головам множества людей.

ХИЩНИЧЕСТВО

Первая категория насилия на самом деле вообще не категория, потому что ее исполнители не испытывают разрушительных побуждений вроде ненависти или гнева. Они просто выбирают самый короткий путь к объекту желания, и на этом пути вдруг встает живое существо. Хищничество можно назвать категорией только от противного, поскольку оно становится возможно благодаря отсутствию какого-нибудь подавляющего фактора вроде сочувствия или моральной обеспокоенности. Когда Иммануил Кант сформулировал второе определение категорического императива — поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству, — он, в сущности, определил мораль как отказ от этого вида насилия.

Хищничество можно назвать корыстным, инструментальным или практическим насилием⁷⁶.

Оно соотносится с первой причиной конфликтов по Гоббсу: нападение ради наживы. Хищничество — это описанная Докинзом «машина выживания», считающая другую такую же машину частью окружающей среды вроде камня, реки или куска пищи. Хищничество — образ мысли Клаузевица, сказавшего, что война — это продолжение политики другими средствами. Хищничество — легендарный ответ Вилли Саттона на вопрос судьи, почему он грабит банки: «Потому что там лежат деньги». Хищничество позволяет увеличить трудоспособность коня, если кастрировать его с помощью двух кирпичей. На вопрос: «Разве это не больно?» — фермер ответил: «Нет, если большие пальцы вовремя убирать»⁷⁷.

Так как хищническое насилие — это только средство достижения цели, у него столько же разновидностей, сколько целей у людей. Образцовый пример — буквальное хищничество, охота ради пропитания или для развлечения, — никакой враждебности к жертве оно не предполагает. Охотники вовсе не ненавидят свою добычу, они превозносят ее и превращают в тотем — в древности изображая на стенах пещер, а в наши дни вешая голову животного над камином. Охотники могут даже сочувствовать своей добыче — доказательство того, что сама по себе эмпатия не способна преградить путь насилию. Эколог Луис Либенберг изучал замечательную способность охотников племени !кунгсан по нескольким чуть заметным следам определять местонахождение и физическое состояние добычи, которую они преследуют в пустыне Калахари⁷⁸. Им помогает эмпатия: охотник ставит себя на место животного и представляет, от чего оно бежит и куда, вероятнее всего, направляется. Возможно, в этом есть

даже своего рода любовь. Однажды вечером, когда бейсбол по телевизору уже закончился, я в полной прострации таращился на экран, не в силах встать с дивана и переключить канал. По кабельному телевидению шла передача о рыбалке; состояла она полностью из кадров, на которых мужчина средних лет плывал в алюминиевой лодке по невыразительным водоемам и вытаскивал из воды одного за другим крупных окуней. Каждый раз он подносил рыбу к лицу, гладил ее, причмокивал губами и ворковал: «О-о, какой же ты красавец! Ну просто прелесть!»

Пропасть между точкой зрения агрессора (аморальной, прагматичной, даже легкомысленной) и жертвы особенно широка в нашем хищническом отношении к животным. Очевидно, что окунь, имея он возможность, вряд ли ответил бы взаимностью на чувства рыбака, а мы сами не хотели бы знать, согласен ли бройлерный цыпленок или живой лобстер с идеей, что удовольствие, которое мы получаем от поедания их плоти (предпочитая ее блюдам, к примеру, из баклажанов), оправдывает принесенную ими жертву. Это же нелюбопытство делает возможным хладнокровное хищническое насилие в отношении людей.

Вот несколько примеров: римляне, подавляющие восстания в провинциях империи, монголы, стирающие с лица земли сопротивляющиеся города, грабящие и насилующие банды демобилизованных солдат, колонисты-поселенцы, выгоняющие или истребляющие коренных жителей, гангстеры, избивающие конкурента, информатора или неподкупного чиновника, диктаторы, приказывающие убить политического оппонента, и правительства, бросающие диссидентов в тюрьму или отправляющие их на эшафот, воюющие страны, бомбящие вражеские

города, шпана, избивающая жертву, не желающую отдавать им кошелек или автомобиль, преступники, убивающие свидетеля преступления, мать, задушившая новорожденного, которого не надеется прокормить. Защитное и превентивное насилие — сделаю это с другими, пока они не сделали того же со мной, — тоже один из видов инструментального насилия.

Хищническое насилие может быть самым странным и загадочным феноменом в сфере морали именно потому, что оно настолько обыденно и объяснимо. Мы читаем о зверствах (скажем, о повстанцах, устроивших лагерь на крыше дома в Уганде, которые развлекаются тем, что крадут женщин, связывают их, насилуют, а затем сбрасывают с крыши на верную смерть), трясем головой и спрашиваем себя: «Как люди могут так поступать?»⁷⁹ Мы отказываемся принять очевидные ответы вроде скуки, похоти или развлечения, потому что страдание жертвы настолько явно непропорционально выигрышу преступника. Мы принимаем точку зрения жертвы и неизбежно приходим к идее чистого зла. Но чтобы понять подобные бесчинства, лучше спрашивать не почему они случаются, а почему они не случаются намного чаще.

За вероятным исключением монахов-джайнов, все мы замешаны в хищническом насилии, хотя бы в отношении насекомых. В большинстве случаев соблазн поживиться за счет ближнего своего подавляется эмоциональными и когнитивными ограничениями, но у какого-то числа людей эти ограничения отсутствуют. Психопаты составляют от 1 до 3% мужской популяции. Оценка колеблется в зависимости от того, имеется ли в виду широкое

определение антисоциального личностного расстройства, которое позволяет включить в категорию множество типов бездушных отморожков, или же более узкое, включающее только самых хитрых манипуляторов⁸⁰. С детства психопаты лгут и обижают тех, кто слабее, они не способны к состраданию или сожалению; от 20 до 30% преступников, совершающих насильственные преступления, клинические психопаты; психопаты повинны в половине всех серьезных преступлений⁸¹. Они совершают и ненасильственные преступления вроде выманивания у пожилых людей их сбережений, они склонны руководить бизнесом с холодным безразличием к благополучию работников или акционеров. Мы знаем, что области мозга, отвечающие за социальные эмоции, особенно миндалина и орбитальная кора, у психопатов заметно уменьшены или неактивны, хотя других признаков патологии они могут и не демонстрировать⁸². У некоторых людей признаки психопатии развиваются после повреждения этих зон мозга в результате болезни или несчастного случая, но вообще психопатия частично наследуется. Психопатия могла возникнуть как стратегия меньшинства, эксплуатирующего большую популяцию склонных доверять и сотрудничать⁸³. Хотя ни в одном обществе не найдется такого количества психопатов, чтобы полностью укомплектовать ими армию или ополчение, подобные типы стекаются туда в непропорционально больших количествах, привлеченные возможностью грабить и насиловать. В главе 6 мы читали о том, что во время геноцида и гражданских войн часто возникает разделение труда между идеологами и военачальниками, командующими процессом, и боевыми отрядами

психопатов, которые с радостью воплощают их планы⁸⁴.

Психология хищнического насилия основана на способности человека соотносить цели и средства и на том факте, что нравственные ограничения не распространяются автоматически на наше отношение к каждому живому существу. Но у хищнического насилия есть две психологические особенности.

Хотя это чисто практическое насилие, человеческий разум не может долго предаваться абстрактным размышлениям. Он склонен скатываться к эволюционно проверенным и эмоционально наполненным категориям⁸⁵. Если объект охоты попытается защититься, в дело, скорее всего, вступят эмоции. Преследуемая добыча может спрятаться и перегруппироваться, может дать сдачи или даже уничтожить хищника превентивным ударом — этот вид инструментального насилия создает дилемму безопасности и гоббсовскую ловушку. В этом случае разум хищника может перейти от бесстрастного анализа целей и средств к отвращению, ненависти и злости⁸⁶. Мы уже читали о том, как нападающие сравнивают своих жертв с червями и вредителями и относятся к ним с отвращением. Или воспринимают их как экзистенциальную угрозу и ненавидят — эмоция, которая, как заметил Аристотель, отражает желание не наказать противника, но прекратить его существование. Когда полное уничтожение невозможно и нападающим по-прежнему приходится контактировать со своими жертвами — напрямую или при участии третьей стороны, — они могут злиться на них. Хищники реагируют на защитные действия

добычи так, словно сами подверглись атаке: испытывают возмущение и жаждут отомстить. Вследствие морализаторского разрыва они преуменьшают значение своего акта агрессии, представляя его необходимым и нормальным, и представляют ответное действие как неспровоцированное и разрушительное. Каждая сторона будет считать последствия по-своему: преступник — настаивая на равенстве пережитого ущерба, жертва — на неравенстве, и эта арифметическая разность может, виток за витком, раскрутить механизм мести, динамику которой мы изучим далее.

Есть и второй способ, с помощью которого ошибка эгоистичности может разжечь из искр хищнического насилия адский огонь. Люди преувеличивают не только свои моральные добродетели, но и свою силу и возможности — этот вид ошибки эгоистичности называется позитивными иллюзиями⁸⁷. Сотни исследований показали, что люди переоценивают свое здоровье, лидерские способности, силу интеллекта, профессиональную компетентность, спортивное мастерство и управленческие навыки. Люди также необоснованно верят в свое исключительное везение. Большинство считает, что уж они-то, в отличие от всех прочих, построят отличную карьеру, родят одаренных детей и доживут до глубокой старости, не став жертвой несчастного случая, преступления, болезни, депрессии, нежелательной беременности или землетрясения.

Почему мы поддаемся подобным заблуждениям? Позитивные иллюзии делают нас счастливее, увереннее в себе и психически устойчивее, но это не объясняет, для чего они вообще существуют. Почему,

собственно, наш мозг должен быть устроен так, чтобы нереалистичные оценки делали нас счастливее и увереннее в себе? Не лучше ли, чтобы уровень нашей удовлетворенности жизнью отвечал реальному положению дел? Самое правдоподобное объяснение состоит в том, что позитивные иллюзии — это тактика торга, убедительный блеф. Чтобы привлечь союзника к рискованному предприятию, выторговать лучшие условия сделки или принудить соперника отступить, полезно убедительно преувеличить свои возможности, причем лучше искренне верить в свои преувеличения, чем цинично лгать, потому что вечное соревнование между ложью и распознаванием лжи одарило окружающих умением видеть откровенную ложь насквозь⁸⁸. Пока ваши преувеличения не станут смехотворными, публика не сможет полностью игнорировать вашу самопрезентацию, полагая, что вы-то знаете себя лучше всех прочих и не можете позволить себе слишком сильно исказить самооценку, а иначе будете постоянно попадать в неприятности. Для вида в целом было бы лучше, если бы люди не преувеличивали свои достоинства, но наш мозг совершенствовался не в интересах вида, и никто не может позволить себе быть единственным честным человеком в сообществе хвастунов⁸⁹.

Чрезмерная уверенность в себе дополнительно усугубляет трагедию хищничества. Если бы люди были полностью рациональными существами, они прибегали бы к хищнической агрессии, только будучи уверены в успехе и только если ожидаемая прибыль превышала бы потери, которыми грозит столкновение. По той же логике более слабая сторона должна уступать сразу, как только станет ясен неизбежный результат. В мире, населенном рациональными агентами, было бы много

эксплуатации, но не так много войн или драк. Насилие выходило бы на сцену только в ситуации, когда силы противоборствующих сторон равны и единственным способом выяснить, кто сильнее, оставалась бы схватка.

Но в мире, где процветают позитивные иллюзии, вдохновленный ими агрессор атакует, а жертва сопротивляется, даже когда шансов на успех уже нет. Уинстон Черчилль заметил: «Как бы ни были вы уверены в победе, всегда помните, что противник в ней тоже уверен, иначе войны бы просто не было»⁹⁰. В результате разгораются войны на истощение (и те, что описывает теория игр, и реальные войны), которые, как мы читали в главе 5, представляют собой одно из самых губительных явлений в истории и несут ответственность за толстый хвост войн высокой магнитуды в степенном распределении кровопролитных конфликтов.

Военные историки давно заметили, что военачальники часто принимают безумно опрометчивые решения⁹¹. Вторжение в Россию Наполеона и столетие спустя Гитлера — бесславные тому примеры. В последние 500 лет страны, развязывавшие войны, проигрывали их с частотой от четверти до половины всех случаев, а если и побеждали, победы зачастую были пирровы⁹². Ричард Рэнгем, вдохновленный книгой Барбары Такман «Ода политической глупости: от Трои до Вьетнама» (The March of Folly: From Troy to Vietnam) и теорией самообмана Роберта Триверса, предположил, что некомпетентность командования часто объясняется не нехваткой данных или стратегическими ошибками, но излишней самоуверенностью⁹³. Лидеры переоценивают свои шансы на победу. Их бравада

может вдохновить войска и запугать более слабого противника, но может и привести к столкновению с врагом, который не так слаб, как кажется, и тоже может быть обманут собственной самоуверенностью.

Политолог Доминик Джонсон, работавший с командой Ричарда Рэнгема [\[117\]](#), провел эксперимент, чтобы проверить, может ли взаимная чрезмерная самоуверенность привести к войне⁹⁴. Они запустили военную игру умеренной сложности, в которой пары участников изображали лидеров государств. Они могли вести переговоры, угрожать друг другу или же атаковать, не считаясь с расходами и конкурируя за алмазные месторождения в оспариваемом приграничном регионе. Победителем считался игрок, который после нескольких раундов игры скопил бóльшую сумму денег (если его страна вообще выживала). Игроки взаимодействовали через компьютер, не видя друг друга и не зная, кто играет против них — мужчина или женщина. Перед началом игры их просили предсказать, насколько хорошо они проявят себя по сравнению с другими участниками. Экспериментаторы фиксировали эффект Лейк-Уобегон: почти все игроки считали, что справятся лучше прочих. Однако эффект Лейк-Уобегон всегда допускает возможность того, что на самом деле обманывают себя не все, и даже не большинство участников. Предположим, 70% игроков заявили, что покажут себя лучше среднего уровня. Так как половина любой популяции на самом деле выше среднего уровня, вероятно, самооценка только 20% игроков была завышена. Но не ради этого затевалась военная игра. Чем самоувереннее был участник, тем хуже оказывался результат.. Такие игроки, (особенно сталкиваясь друг с другом), чаще предпринимали неподготовленные атаки, провоцируя обмен

разрушительными ответными ударами в последующих раундах игры. И конечно, женщины не удивятся, что пары сверхсамоуверенных игроков, в итоге уничтожившие друг друга, составляли почти исключительно мужчины.

Чтобы применить теорию излишней самоуверенности к реальному миру, недостаточно показать, что военачальники прошлого иногда ошибались. Нужно еще доказать, что в момент принятия судьбоносного решения они владели информацией, которая убедила бы незаинтересованного наблюдателя, что попытка воевать закончится поражением.

В работе «Самоуверенность и война: хаос и слава позитивных иллюзий» (Overconfidence and War: The Havoc and Glory of Positive Illusions) Доминик Джонсон подтвердил гипотезу Рэнгема, изучив прогнозы, которые делали лидеры перед началом войны. Он показал, что прогнозы эти были чрезмерно оптимистичны и противоречили доступной информации. Например, за несколько недель до начала Первой мировой лидеры Англии, Франции и России, с одной стороны, и Германии, Австро-Венгрии и Османской империи — с другой, утверждали, что одержат победу, а их армии со славой вернутся домой к Рождеству. Толпы возбужденных добровольцев стекались на призывные участки по обе стороны будущей линии фронта не потому, что были альтруистами, мечтающими умереть за свою страну, — они просто не думали, что идут на смерть. А администрации трех президентов США раздували войну во Вьетнаме, несмотря на многочисленные доклады американской разведки о том, что победа малой кровью вряд ли возможна.

Разрушительные войны на истощение, указывает Джонсон, не требуют, чтобы обе стороны были уверены, что одержат победу. Все что нужно, так это чтобы их субъективные оценки вероятности победить были в сумме больше единицы. В современных конфликтах, замечает Джонсон, где туман войны особенно густ, а лидеры оторваны от реального положения дел, они могут оставаться самоуверенными дольше, чем в ходе мелких столкновений, в которых эволюционировали позитивные иллюзии. Нашему времени грозит и другая опасность: сегодня власть в государстве чаще всего берут в руки люди, которым свойственна как раз чрезмерная самоуверенность — большая, чем в среднем по популяции.

Джонсон ожидал, что войны, подогреваемые самоуверенностью, будут не так часты в демократиях, где свободный поток информации способен развеять иллюзии лидера, подставив их холодному ветру реальности. Но он обнаружил, что все меняет сам по себе поток информации, а не просто демократическая система правления. Джонсон опубликовал свою книгу в 2004 г., и выбор обложки был очевиден — известная фотография 2003 г.: Джордж Буш-мл. в форме пилота на борту авианосца, украшенного баннером «Миссия выполнена». Самоуверенность не сказалась на ходе войны в Ираке (если мы, конечно, не говорим о Саддаме Хусейне), но она оказалась фатальной для построения в Ираке демократии — эту миссию администрация Буша полностью провалила. Политолог Карен Альтер, которая проводила свой анализ до начала войны, показала, что администрация Буша была нетипично закрыта в процессе принятия решений⁹⁵. Словно иллюстрируя феномен группового мышления, команда Буша верила в собственную

непогрешимость и сильные стороны, не хотела слышать никаких возражений, принуждала оппонентов к единомыслию и подавляла внутренние разногласия⁹⁶.

Перед началом войны в Ираке министр обороны Дональд Рамсфелд сказал:

Есть известные известные, мы знаем, что они нам известны. Мы знаем и о существовании известных неизвестных; то есть мы знаем, что есть что-то, о чем мы не знаем. Но есть и неизвестные неизвестные — те, о которых мы не знаем, что мы о них не знаем.

Джонсон, следуя наблюдению философа Славоя Жижека, заметил, что Рамсфелд упустил критически важную четвертую категорию — неизвестные известные, вещи, о которых мы знаем или должны бы знать, однако игнорируем их или замалчиваем. Именно неизвестные известные позволили умеренному инструментальному насилию (несколько недель шока и трепета) положить начало бесконечному обмену всеми другими видами насилия.

ДОМИНИРОВАНИЕ

Образные выражения «надувать щеки», «нарываться на грубость», «задирать нос», «бросить перчатку» или «мериться длиной» описывают действие, которое не имеет никакого смысла, однако провоцирует борьбу за превосходство. Похоже, здесь мы сталкиваемся с категорией, кардинально отличной от хищнического, практического или инструментального насилия. Никакой осязаемой выгоды победитель не получает, при этом борьба за доминирование — один из самых смертоносных видов людских конфликтов. На одном конце шкалы магнитуд мы видели, что множество войн Эпох династий, суверенитета и национализма, в

том числе и Первая мировая, велись из-за туманных претензий на национальное превосходство. На другом конце шкалы один из основных мотивов убийства — «ссоры по сравнительно банальным причинам; оскорбления, ругань, тычки и т.д.».

В своей книге об убийствах Мартин Дэйли и Марго Уилсон пишут, что «участники этих “банальных ссор” ведут себя так, будто на кону стоят вещи поважнее отсутствия сдачи или свободного бильярдного стола, и нам следует с уважением и вниманием учитывать их точку зрения»⁹⁷. Стычки за доминирование не так нелепы, как кажется. В условиях анархии человек может защитить свои интересы, только подтверждая репутацию крутого парня, умеющего и готового постоять за себя. Решимость, конечно, можно продемонстрировать, отомстив обидчику по факту, но лучше обнаружить ее заранее, до того как ущерб будет вам нанесен. Чтобы ваши угрозы не казались пустым сотрясением воздуха, необходимо выставлять напоказ свою непоколебимость и готовность дать отпор, сообщая всем и каждому: «Не связывайся со мной!» Каждый хочет быть в курсе, на что способны остальные, если дело дойдет до драки, ведь, зная это, стороны смогут избежать ненужного кровопролития, не ввязываясь в стычки, исход которых предрешен⁹⁸. Если соотношение сил постоянно и всем известно, такое положение дел называется иерархией подчинения. Иерархия подчинения держится не только на грубой силе. Даже самый лихой примат не сможет выстоять в одиночку против троих. Чтобы доминировать, нужно уметь привлекать союзников, которые, в свою очередь, не выбирают себе команду случайным образом, но предпочитают объединяться с самыми сильными и умными⁹⁹.

Ресурс, который непосредственно оспаривается в борьбе за доминирование, — это информация, поэтому доминирование во многом отличается от хищничества. Во-первых, если борьба за доминирование грозит перерасти в смертельную схватку, особенно между противниками, которые равны по силам и одурманены своими позитивными иллюзиями, то преимущественно они (и животные, и люди) довольствуются демонстрацией. Соперники хвастаются силой, потрясают оружием и балансируют на грани фола; состязание заканчивается, когда одна из сторон отступает¹⁰⁰. Для хищничества, напротив, самое главное — завладеть объектом желания.

Информация как ресурс, оспариваемый в борьбе за превосходство, осложняет ситуацию еще и тем, что насилие в этом случае привязано к обмену данными. Репутация — это социальная конструкция, фундамент которой — так называемое общее знание. Чтобы избежать схватки, соперники не только должны знать, кто из них сильнее, каждый из них еще должен знать, что все окружающие об этом знают, а еще — что окружающие знают, что он об этом знает и так далее¹⁰¹. Брошенный публично вызов способен разрушить общее знание, поэтому борьба за превосходство ведется в общем информационном поле. Стычку может спровоцировать оскорбление, особенно в культуре чести и в культурах, одобряющих дуэли. Оскорбление воспринимается как физическая травма или похищение собственности, оно порождает страстное желание жестоко отомстить (и здесь к психологии доминирования примешивается психология мести, обсуждать которую мы будем в следующей части главы). Изучая уличное насилие в США, ученые установили, что для молодых мужчин, следующих кодексу чести, вероятность в течение

ближайшего года совершить серьезное насильственное преступление максимальна¹⁰². Кроме того, выяснилось, что в присутствии наблюдателей вероятность перерастания ссоры в драку удваивается¹⁰³.

Когда борьба за доминирование ведется в закрытой группе, это игра с нулевой суммой: чей-то ранг растет, чей-то понижается. Доминирование чаще всего порождает насилие именно в маленьких группах — бандах или изолированных коллективах, где ранг человека полностью определяет его социальную ценность. Если же некто принадлежит к нескольким группам и может выбирать, он скорее отыщет ту, где его будут ценить, и тогда оскорбление или неуважение не будет иметь серьезных последствий¹⁰⁴.

Так как единственная ценность, за которую сражаются в борьбе за превосходство, — это информация, насилие, с помощью которого определяется, кто же здесь босс, может прекратиться, не спровоцировав вендетты. Приматолог Франс де Вааль обнаружил, что большинство приматов после драки мирятся¹⁰⁵. Они берут друг друга за руки, целуются, обнимаются, а бонобо еще и занимаются сексом. Спрашивается, зачем они вообще дрались, если все равно собирались помириться, или почему они мирятся, если у них была причина для драки. Дело в том, что приматы мирятся только с теми, чьи долговременные интересы частично совпадают с их интересами. К примирению может сподвигнуть генетическое родство, совместная защита от хищников, сговор против третьей стороны или общая цель — как в эксперименте, в котором обезьяны получали пищу, только если действовали сообща¹⁰⁶. Интересы двух особей не могут совпадать полностью,

так что у них всегда есть причины вступить в борьбу за доминирование или попытаться отомстить кому-то внутри группы, но и частичное совпадение не позволяет им метелить друг друга бесконечно, не говоря уже об убийстве. Приматы, чьи интересы не связаны, соперников не прощают, что приводит к эскалации насилия. Шимпанзе, например, после драки мирятся только с членами своей группы, но не испытывают потребности примириться после стычки с членами другой стаи¹⁰⁷. И, как мы узнаем в следующей главе, люди, прощая и примиряясь, тоже руководствуются наличием общих интересов.

Метафора «мериться длиной» предполагает, что пол, лучше оснащенный для подобных соревнований, будет чаще вступать и в борьбу за доминирование. У многих приматов, в том числе у людей, оба пола не стесняются в средствах ради достижения превосходства (обычно над представителями своего же пола), однако похоже, что доминирование важнее для мужчин: для них оно обретает мистический статус бесценного достояния, ради которого можно пожертвовать чем угодно. Исследования личностных ценностей мужчин и женщин показывают, что мужчины придают непропорционально большое значение профессиональному статусу по сравнению со всеми прочими жизненными благами¹⁰⁸. Они готовы идти на большой риск и демонстрируют бóльшую самоуверенность и самонадеянность¹⁰⁹. Большинство специалистов по экономике труда считают, что эти различия между полами вносят вклад в поддержание гендерного разрыва в зарплатах и карьерном росте¹¹⁰.

Бесспорно, мужчины — гораздо более агрессивный пол. Во всех обществах именно мужчины, а не женщины дерутся понарошку и всерьез, задираются, владеют оружием, любят жестокие развлечения, фантазируют об убийстве и убивают, насилуют, начинают войны и участвуют в них¹¹¹. Этот гендерный разрыв универсален, а запускающий его механизм почти наверняка биологический. Разница проявляется в раннем детстве, она обнаруживается у большинства других приматов и, кстати, характерна и для тех мальчиков, которых (из-за аномалии развития гениталий) воспитывали как девочек¹¹².

Мы уже знаем, почему возникает это различие: самцы млекопитающих размножаются быстрее (могут иметь значительно больше потомства), чем самки, поэтому самцы конкурируют за репродуктивные возможности, в то время как цель самок — обеспечить выживание себе и потомству. Мужчины могут позволить себе более агрессивное соперничество, поскольку без отца потомство еще может выжить, а вот без матери — вряд ли. Это не значит, что самки всегда избегают насилия (еще Чак Берри пел, что Венера Милосская потеряла руки, борясь за кареглазого красавца^[118]), но оно выглядит для них менее привлекательным. Женская тактика конкуренции — это физически менее опасная социальная агрессия вроде распространения слухов и остракизма¹¹³.

Теоретически жестокая конкуренция за партнера и агрессивная борьба за доминирование не обязательно должны быть связаны между собой. Не нужно прибегать к идее доминирования, чтобы объяснить, почему Чингисхан оплодотворил так много женщин, что его Y-хромосома для сих пор распространена в

Центральной Азии; достаточно знать, что он убивал отцов и мужей этих женщин. Но, учитывая, что приматы, ведущие общественный образ жизни, регулируют уровень насилия, уступая доминантным индивидам, доминирование и сексуальный успех на деле идут рука об руку в истории нашего вида. В негосударственных сообществах доминирующие мужчины имеют больше жен, подружек и больше романов с женами других мужчин¹¹⁴. Для шести империй Древнего мира и Средневековья корреляцию между статусом и сексуальным успехом можно определить точно. Лаура Бетциг подсчитала, что императоры часто имели тысячи жен и наложниц, принцы — сотни, аристократы — десятки, мужчины из высшего класса — менее дюжины, а мужчины из среднего класса — от трех до четырех¹¹⁵. (Отсюда математически следует, что многие мужчины низшего сословия не имели ни одной жены — и это сильный мотив выбиться наверх.) Недавно, с появлением надежной контрацепции и благодаря демографическому переходу, эта корреляция ослабла. Но богатство, власть и профессиональный успех все еще увеличивают сексуальную привлекательность мужчины, а самый очевидный признак физического превосходства — высокий рост — все еще дает мужчине преимущество в экономической, политической и романтической конкуренции¹¹⁶.

Если инструментальное насилие опирается на поисковую и вычислительную системы мозга, то контур доминирования задействует систему, которую Яак Панскепп назвал «межсамцовой агрессией». На самом деле ее стоило бы называть внутривидовым соперничеством, поскольку она есть и у женщин. Мужчины, как правило, тоже вкладывают в ребенка некоторую долю родительских инвестиций, а значит,

эволюция должна была наградить и женщин склонностью конкурировать за партнера. Тем не менее как минимум один участок цепи внутривидового соперничества, расположенный в передней преоптической зоне гипоталамуса, у мужчин в два раза больше¹¹⁷. И вся система межсамцовой агрессии напичкана рецепторами тестостерона, которого в крови мужчин в 5–10 раз больше, чем у женщин. Вспомните, что гипоталамус контролирует гипофиз, который выделяет гормоны, приказывающие семенникам или надпочечникам продуцировать больше тестостерона.

Хотя в обыденном представлении тестостерон выступает причиной мужской драчливости, — «вещество, которое заставляет мужчин вести себя типично по-мужски: вставать в позу, толкаться, вопить, рыгать, драться и играть на воображаемой гитаре», как писала журналист Натали Анжье, — биологи не уверены, что в агрессивности мужчин виноват именно этот гормон¹¹⁸. Повышенный уровень тестостерона действительно заставляет большинство птиц и млекопитающих вести себя более буйно, а пониженный их умиротворяет — это знает любой владелец кастрированного пса или кота. Но у людей, по ряду скучных биохимических причин, влияние этого гормона измерить труднее, с агрессией он связан только косвенно — и причина этого психологическая и довольно интересная.

Насколько ученым известно, тестостерон не делает мужчин универсально агрессивными, но готовит их к борьбе за доминирование¹¹⁹. У шимпанзе уровень тестостерона возрастает при виде готовой к спариванию самки и зависит от ранга самца в стае, который, в свою очередь, зависит от его

агрессивности. У человека уровень тестостерона повышается в присутствии симпатичной женщины и в предвкушении соперничества с другими мужчинами, например в спорте. В разгаре матча или поединка уровень тестостерона поднимается еще выше, и даже по окончании матча он продолжает повышаться у победителей — но не у проигравших. Мужчины с высоким уровнем тестостерона играют агрессивнее, принимают более грозный вид, реже улыбаются и крепче жмут руку. Участвуя в экспериментах, они чаще акцентируют внимание на сердитых лицах и воспринимают нейтральное выражение лица как недоброе. Уровень гормона повышают не только разнообразные виды соперничества и спорт: вспомните, как южане, которых в эксперименте Ричарда Нисбетта по исследованию психологии чести подвергали оскорблениям, реагировали на это выбросом тестостерона. Они выглядели рассерженными, крепче жали руку и выходили из лаборатории более уверенной походкой. На крайней отметке спектра агрессивности находятся заключенные с высоким уровнем тестостерона, совершающие больше актов насилия, чем другие.

Уровень тестостерона в организме растет у подростков и в юности, а к среднему возрасту снижается. Он падает, когда мужчина женится и обзаводится детьми и когда он проводит с ними время. Таким образом, тестостерон — это внутренний регулятор фундаментального компромисса между родительскими усилиями и усилиями по спариванию (последние включают как соблазнение лиц противоположного пола, так и отпугивание соперников своего пола)¹²⁰. Тестостерон может быть тем рычагом, который превращает мужчин «в отцов или в подлецов».

Рост и падение уровня тестостерона на протяжении жизни более или менее коррелирует с увеличением и уменьшением мужской задиристости. Кстати, простейшее определение насилия: «Насилие — это то, что делают молодые мужчины» — легче сформулировать, чем объяснить. Понятно, почему в процессе эволюции мужчины стали агрессивнее женщин, но неясно, для чего молодые мужчины должны быть агрессивнее старых. В конце концов, у молодых больше времени впереди, и, принимая опасный вызов, они рискуют большей долей своей непрожитой жизни. Логично было бы ждать противоположного: мужчины могли бы позволить себе быть более беспечными, когда их дни сочтены, а очень старые мужчины, по идее, должны очертя голову предаваться последней вакханалии изнасилований и убийств, пока их не пристрелит группа захвата¹²¹. Этого не случается, во-первых, потому, что у мужчин всегда есть возможность инвестировать в своих детей, внуков, племянников и племянниц, поэтому мужчины старшего возраста, физически более слабые, зато сильные социально и экономически, выиграют больше, обеспечивая и защищая свою семью, чем производя на свет новых потомков¹²². Во-вторых, доминирование у людей — это вопрос репутации, инвестиции с длительным периодом окупаемости. Всем нравятся победители, и успех влечет за собой новый успех. Так что репутационные ставки самые высокие на начальном этапе конкуренции.

Итак, тестостерон готовит мужчин (и в некоторой степени женщин) к борьбе за превосходство. Он не является прямой причиной насилия, потому что многие виды насилия не имеют отношения к доминированию, а большая часть стычек разрешается

демонстрацией силы и балансированием на грани, а не реальным насилием. Но в той мере, в какой проблема насилия остается проблемой молодых неженатых, попирающих законы мужчин, непосредственно или под влиянием лидера конкурирующих за доминирование, она действительно является проблемой избытка тестостерона в мире.

Социальная природа доминирования помогает понять, люди какого склада чаще других готовы идти на риск, отстаивая свое превосходство. За последние четверть века стало невероятно популярным ошибочное мнение, будто причина насилия заключается в низкой самооценке. Эту теорию отстаивают десятки видных экспертов, она вдохновила на создание школьных программ, которые помогают детям думать о себе лучше, а в конце 1980-х побудила калифорнийских законодателей сформировать Рабочую группу по повышению самооценки. Однако Баумайстер доказал, что трудно выдумать более смехотворную и безумно ошибочную идею. Насилие — проблема не слишком низкой, а слишком высокой самооценки, особенно незаслуженной¹²³. Самооценку можно измерить, и исследования показывают, что самооценка психопатов, хулиганов, школьных драчунов, жестоких мужей, серийных насильников и тех, кто совершает преступления на почве ненависти, просто зашкаливает. Дайана Скалли опрашивала отбывающих срок насильников, которые хвастались тем, что «суперталантливы и суперуспешны»¹²⁴. Психопаты и другие жестокие люди нарциссичны: они думают о себе хорошо, не опираясь на свои

достижения, а поскольку искренне верят, что по умолчанию имеют на это право. Когда реальность расставляет все по местам (что неизбежно), они воспринимают плохие новости как личное оскорбление, а того, кто их сообщает, угрожая их хрупкой репутации, считают злонамеренным клеветником.

Личностные черты, склоняющие к насилию, приносят еще больше бед, когда речь идет о политических лидерах, ведь решения политиков сказываются на судьбах сотен миллионов людей, а не только тех несчастных, что живут с ними рядом или каким-то образом перешли им дорогу. Тираны, ввергавшие свои народы в нищету или развязывавшие опустошительные завоевательные войны, несут ответственность за чудовищное количество страданий. В главах 5 и 6 мы видели, что часть вины за страшные войны, увеличивавшие толщину хвоста распределения, и за декамегаубийства XX в. может быть возложена на характеры всего трех человек. Тираны помельче вроде Саддама Хусейна, Мобуту Сесе Секо, Муаммара Каддафи, Роберта Мугабе, Иди Амина, Жан-Беделя Бокассы и Ким Чен Ира терроризировали свои народы в меньшем масштабе, но оттого судьба их подданных не менее трагична.

В академической среде изучение психологии политических лидеров пользуется плохой репутацией. Причины понятны: у исследователя нет возможности исследовать объект непосредственно, и слишком уж велик соблазн усмотреть в морально неполноценных личностях психическую патологию. Психоистория^[119] известна причудливыми психоаналитическими домыслами об обстоятельствах, превративших Гитлера в то, чем он стал: у него был дедушка-еврей, у него не было одного яичка, он был

латентным гомосексуалистом, он был асексуален, он был сексуальным фетишистом. Как написал журналист Рон Розенбаум в книге «Объясняя Гитлера» (Explaining Hitler), «в поисках Гитлера был обнаружен не единый последовательный непротиворечивый его образ, но скорее множество самых разных Гитлеров, альтернативных Гитлеров, конкурирующих воплощений противоречивых концепций. Гитлеров, которые бы другу другу “Хайль!” не сказали, столкнувшись лицом к лицу в аду»¹²⁵.

Тем не менее самые непритязательные попытки классификации личности, которые сортируют, а не объясняют людей, могут кое-что рассказать о психологии современных тиранов. «Диагностическое и статистическое руководство по психическим болезням» (DSM) Американской психиатрической ассоциации определяет нарциссическое расстройство личности как «доминирующий паттерн величия, потребность в обожании и отсутствие эмпатии»¹²⁶. Как все психиатрические диагнозы, нарциссизм — довольно размытая категория, в чем-то он совпадает с психопатией («доминирующий паттерн неуважения и нарушения прав других») и с пограничным личностным расстройством («нестабильность настроения, черно-белое мышление, хаотичность и непрочность межличностных отношений, образа себя, личностной идентичности и поведения»). Но трио симптомов, составляющих суть нарциссизма, — величие, потребность в обожании и отсутствие эмпатии — подходит тиранам с точностью до буквы¹²⁷. Особенно это заметно в их тщеславных памятниках самим себе, иконографических портретах и подобострастных массовых сборищах в их честь. Имея в своем распоряжении армию и полицию, самовлюбленные лидеры оставляют след не только в

скульптуре — они могут санкционировать массовое насилие. Как и у заурядных хулиганов и костоломов, раздутое чувство собственного достоинства тиранов постоянно находится в опасности: в любой момент оно может лопнуть, подобно мыльному пузырю, и потому любое несогласие воспринимается ими не как критика, а как чудовищное преступление. В то же время отсутствие эмпатии не позволяет им смягчить кары, которые они обрушивают на своих реальных или воображаемых оппонентов. Оно же не дает им задуматься о человеческой цене еще одного набора симптомов, описываемого в DSM, — их «фантазий о безграничном успехе, власти, блистательности, красоте и идеальной любви», которые тиран пытается реализовать в ненасытных завоеваниях, грандиозных строительных проектах или утопических планах. А мы уже знаем, что самоуверенность развязывает войны.

Безусловно, чтобы выбиться в лидеры, нужно обладать немалой уверенностью в себе, и в нынешнем веке психологии эксперты часто приписывают антипатичным им лидерам нарциссическое личностное расстройство. Но важно не размывать разницу между политиками, сверкающими белозубыми улыбками, и психопатами, которые тащат страну в пропасть, прихватив с собой значительную часть остального мира. Демократия хороша еще и тем, что принятая в демократических странах процедура выбора лидеров не поощряет абсолютное отсутствие эмпатии в претендентах, а сдержки и противовесы ограничивают урон, который может нанести обществу лидер с манией величия. Даже в автократиях личность лидера (сравните Горбачева со Сталиным) может сильнейшим образом влиять на статистику насилия.

Стремление к власти может нанести еще больший ущерб благодаря одному свойству общественного сознания, о котором рассказывается в следующей поэтической истории. Каждый декабрь мое сердце согревает добрая традиция: канадская провинция Новая Шотландия посылает величественную рождественскую ель в город Бостон в благодарность за гуманитарную помощь, которую бостонские организации оказали жителям Галифакса после разрушительного взрыва в декабре 1917 г. военного корабля, груженного взрывчаткой. Как уроженец Канады, живущий нынче в Новой Англии, я ощущаю тепло на сердце дважды: первый раз — как благодарность за щедрую помощь, оказанную моим соотечественникам, канадцам, второй — как признательность за прекрасный подарок моим бостонским друзьям. Но, если задуматься, весь этот ритуал выглядит весьма странно. Лично я не имею никакого отношения к упомянутым благородным поступкам, а потому не заслуживаю благодарности и не обязан ее испытывать. Люди, которые выбирают, срубают и отправляют дерево в Бостон, никогда не встречались ни с жертвами давнего инцидента, ни с бостонскими благотворителями. То же самое касается и тех, кто устанавливает и украшает ель на площади в Бостоне. Насколько я знаю, ни один пострадавший не дожил до наших дней. Но все мы испытываем эмоции, похожие на обмен соболезнованиями и благодарностью между двумя индивидами. Каждый держит в голове образ «Новой Шотландии» и образ «Бостона», наделяя их набором моральных эмоций и оценок, сообразно которым конкретные мужчины и женщины играют роль, отведенную им социальным ритуалом.

Доля идентичности личности заимствуется у идентичности группы, с которой человек себя ассоциирует¹²⁸. В нашем сознании группы рассортированы по ячейкам, подобно разным людям, с их желаниями, убеждениями, похвальными и предосудительными чертами. Эта социальная идентичность, по всей видимости, носит адаптационный характер, поскольку для благополучия индивидуума группы чрезвычайно важны. Наша приспособленность зависит не только от нашей личной судьбы, но от судьбы группы, деревни и племени, к которым мы принадлежим, члены которой связаны реальным или воображаемым родством, сетью взаимного обмена и преданностью общему благу, включая защиту от врагов. В группе есть пользующиеся уважением люди, которые помогают контролировать распределение общественных благ и наказывают паразитов, не желающих вкладывать равную с другими долю. На психологическом уровне эти вклады в благополучие группы приводят к частичной утрате границ между группой и личностью. От лица своей группы мы можем чувствовать сострадание, благодарность, злость, вину, доверие или недоверие к другой группе, распространяя эти чувства на всех ее представителей, независимо от их личных заслуг.

Лояльность своей группе, участвующей в соревновании, — от спортивной команды до политической партии — помогает нам косвенно реализовать инстинкт доминирования. Джерри Сайнфелд^[120] заметил однажды, что сегодня спортсмены так часто переходят из клуба в клуб, что фанат больше не может поддерживать команду. Ему приходится сохранять верность логотипу и униформе: «Ты вскакиваешь, вопишь и улюлюкаешь, мечтая,

чтобы одежда твоего города победила одежду соседского». Но мы вскакиваем и улюлюкаем: настроение спортивных фанатов повышается и понижается в зависимости от успехов любимой команды¹²⁹. Размытость границ можно точно оценить в лаборатории. Если команда побеждает, уровень тестостерона у болельщиков растет точно так же, как если бы они лично одержали победу в армрестлинге или в теннисе¹³⁰. Уровень тестостерона избирателей растет или падает, когда их кандидат выигрывает или проигрывает выборы¹³¹.

Неважно, как мы относимся к отдельным представителям чужой группы, в тайных уголках души мы всегда хотим, чтобы победила наша. Психолог Генри Тайфель провел ряд экспериментов, в которых распределял участников на группы по какому-либо банальному признаку: например, в одну попадали те, кому понравилась картина Пауля Клее, а во вторую — те, что предпочли рисунок Василия Кандинского¹³². Затем он попросил испытуемых разделить деньги между членами своей и чужой группы, причем члены групп были обозначены номерами, а сами испытуемые ничего не теряли и не приобретали. Однако они не только отдавали деньги своим временным товарищам и обделяли тех, кто попал в другую группу (например, семь центов любителю Клее, один — поклоннику Кандинского), но и отказывались вознаградить обоих за счет экспериментатора (который предлагал заплатить 19 центов поклоннику Клее, а 25 — любителю Кандинского). Предпочтение своей группы проявляется с самого раннего возраста: учить этому не приходится, скорее, нужно отучать. Психология развития показала, что дошкольники исповедуют расистские взгляды, которые шокировали бы их

либеральных родителей, и даже младенцы охотнее взаимодействуют с представителями собственной расы и теми, кто говорит со знакомым акцентом¹³³.

Психологи Джим Сиданиус и Фелисия Пратто предположили, что все люди — одни больше, другие меньше — стремятся к социальному доминированию, иначе говоря, к трайбализму. Они хотят, чтобы социальные группы были организованы иерархически, а их собственная группа доминировала над всеми прочими¹³⁴. Установка на социальное доминирование, как показали ученые, побуждает людей усваивать целый ряд мнений и ценностей, в их числе патриотизм, расизм, вера в судьбу, карму, проклятие и национальное предназначение, а также милитаризм, жестокость к преступникам и приверженность существующей структуре власти и неравенства. Напротив, люди, не одержимые идеей социального доминирования, чаще исповедуют гуманизм, социализм, феминизм, равенство прав, политический прогрессивизм, эгалитаристские и пацифистские идеи христианской Библии.

Теория социального доминирования предполагает, что идея расы, из-за которой сломано столько копий в дискуссиях о предубеждениях, с психологической точки зрения не важна. Как показали эксперименты, люди способны разделять мир на своих и чужих на основе любых приписанных им общих черт, включая предпочтение разных художников-экспрессионистов. Психологи Роберт Курцбан, Джон Туби и Лида Космидес замечают, что в эволюционной истории человека расы были отделены друг от друга океанами, пустынями и горными цепями (почему, собственно, и возникли расовые различия) и редко встречались лицом к лицу. Врагами человека были деревни, кланы

и племена представителей его собственной расы. Люди мыслят не расами, а коалициями — то, что сегодня многие коалиции (соседи, банды, страны) совпадают с расами, просто случайность. Любое некорректное отношение, которое люди проявляют к другим расам, легко может быть направлено и на представителей других коалиций¹³⁵. Эксперименты психологов Ричарда Такера, Уоллеса Ламберта, а позже Катерины Кинцлер показали, что одно из самых сильных предубеждений вызывает речь: люди не доверяют тем, кто говорит с чужим акцентом¹³⁶. Это явление отсылает нас к прелестной истории со словом «шибболет», которая рассказывается в Книге Судей Израилевых (12:5–6):

И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: “позвольте мне переправиться”, то жители Галаадские говорили ему: “не Ефремлянин ли ты?” Он говорил: “нет”. Они говорили ему: “скажи: шибболет”, а он говорил: “сибболет”, и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи.

Феномен национализма становится понятнее, если рассматривать его на пересечении психологии и истории. Здесь сливаются воедино три явления: лежащие в основе трайбализма эмоции и побуждения, когнитивная концепция «группы» как народа с общим языком, землей и предками и политическая машина государства.

Эйнштейн называл национализм «корью человечества». Это не всегда верно — иногда национализм не опаснее насморка, но он может стать заразным, если группе свойственен нарциссизм в психиатрическом смысле: огромное, но хрупкое Эго с незаслуженной претензией на превосходство.

Вспомните, если оскорбительные сигналы реальности приводят нарцисса в ярость, нарциссизм может спровоцировать насилие. Добавьте к нарциссизму национализм — и перед нами смертельно опасное явление, которое политологи называют ресентиментом: убеждение, что какая-то нация или цивилизация имеет историческое право на величие, а ее нынешний невысокий статус можно объяснить только происками внешних или внутренних недругов¹³⁷.

Ресентимент взвинчивает эмоции, свойственные неудачной попытке доминировать, — унижение, зависть, ярость, к которым и без того склонны нарциссы. Историки Лия Гринфельд и Даниель Широ считают, что крупные войны и проявления геноцида первой половины XX в. можно отнести на счет ресентимента Германии и России. Обе нации думали, что реализуют свои справедливые притязания на превосходство, в котором им отказывают вероломные враги¹³⁸. От современных наблюдателей не укрылось, что сегодня ресентимент пестуют и Россия, и исламский мир, и эти переживания о неза заслуженно утерянном величии представляют собой угрозу миру, которой не стоит пренебрегать¹³⁹.

Ряд европейских стран, в числе которых Голландия, Швеция и Дания, двинулись в противоположном направлении: отказавшись еще в XVIII в. от участия в гонке за превосходство, они поддерживают свою самооценку более осязаемыми, хотя и менее волнующими достижениями вроде получения прибыли и создания комфортной среды для жизни¹⁴⁰. Национальная гордость этих и других государств (таких как Канада, Сингапур и Новая Зеландия), для которых вопрос величия никогда не

был первостепенным, вполне ощутима, но обоснована их достижениями, и на международной арене эти страны не создают никаких проблем.

Амбиции групп определяют и судьбу соседних этносов. Ученые-этнографы отрицают распространенное мнение, что старинная ненависть не умирает и нации, живущие по соседству, никогда не перестанут вцепляться друг другу в глотки¹⁴¹. В конце концов, на Земле говорят на 6000 языков, и как минимум на шести сотнях из них говорят довольно много людей¹⁴². По любым подсчетам, число вспыхивающих смертоносных этнических конфликтов мизерно по сравнению с числом тех, что могли бы вспыхнуть. В 1996 г. Джеймс Фирон и Дэвид Лайтин произвели один такой подсчет. Они сосредоточили внимание на двух регионах мира, где образовалась взрывоопасная смесь этнических групп: республики только что распавшегося Советского Союза в начале 1990-х (таких групп там было 45) и недавно избавившаяся от колониализма Африка 1960–1979 гг. (как минимум 160 групп, а то и намного больше). Фирон и Лайтин подсчитали число гражданских войн и случаев межобщинного насилия (например, смертоносных конфликтов) как отношение к числу пар этнических групп, проживающих по соседству. Оказалось, что на территории бывшего СССР такое насилие реализовалось в 4,4% возможных случаев, в Африке — менее чем в 1%. В развитых странах с национально разнородным населением (Новая Зеландия, Малайзия, Канада, Бельгия, с недавних пор США) уровень межэтнического насилия оказался еще ниже¹⁴³. Этнические группы могут действовать друг другу на нервы, но до убийств дело не доходит. Собственно, удивляться тут нечему. Если этнические группы ведут себя как люди, яростно борющиеся за

свой статус, то уместно напомнить себе, что у людей дело далеко не всегда доходит до драки.

Мирное сосуществование этнических групп зависит от нескольких факторов. Важнейший из них, как подчеркивают Фирон и Лайтин, — то, как группа наказывает нарушителя, напавшего на члена другой группы¹⁴⁴. Если злоумышленника хватают и подвергают наказанию в его собственном сообществе, обиженная группа может считать случившееся частным инцидентом, а не началом войны. (Вспомните, что одна из причин эффективности международных миротворческих сил состоит в том, что они обуздывают нарушителей к удовлетворению другой стороны конфликта.) Политолог Стивен ван Эвера предположил, что еще более важным фактором может выступать идеология. Тучи вражды быстро сгущаются, если народы, живущие на одной территории, страстно мечтают создать собственное государство, рассчитывают объединиться со своими диаспорами из других стран, сохраняют воспоминания о том, как их прадеды страдали по вине соседей, не раскаиваясь в грехах предков, и живут под руководством неэффективного правительства, которое мифологизирует славную историю одной группы, вычеркивая прочие из социального контракта.

Многие мирные страны сегодня переосмысливают понятие национального государства, очищая его от трайбалистской психологии. Правительство больше не считается исполнителем страстных желаний определенной этнической группы, но рассматривается как договор, сторонами которого являются все народы и все группы, живущие на территории страны. Часто машина государства хитро сконструирована,

оснащена сложными устройствами передачи власти и высокого статуса, разделения полномочий и обеспечения равных возможностей, и все это скреплено несколькими национальными символами вроде сборной страны по футболу¹⁴⁵. Люди защищают цвета национального флага, а не кровь и почву. Это неразбериха отражает неразбериху расщепленной личности человека, в которой индивидуальная идентичность сосуществует с определением себя через принадлежность к разнообразным группам¹⁴⁶.

Социальное доминирование — мужское занятие. Неудивительно, что мужчины как пол, более озабоченный доминированием, испытывают более интенсивные трайбалистские чувства, в том числе расистские и милитаристские, и чаще готовы мириться с неравенством¹⁴⁷. С другой стороны, именно мужчины чаще страдают от расизма. Вразрез популярному постулату, что расизм и сексизм — это близнецы-братья, поддерживающие структуру власти белого мужчины, из-за которой афроамериканские женщины подвергаются двойной дискриминации, Сиданиус и Пратто обнаружили, что женщины гораздо реже становятся мишенью расизма. Отношение мужчин к женщинам может быть патерналистским или эксплуататорским, но воинственности, с которой они воспринимают других мужчин, здесь нет. В поисках объяснений Сиданиус и Пратто обращаются к эволюции этих оскорбительных взглядов. Корень сексизма — в генетически обусловленном желании мужчин контролировать поведение женщин, в особенности сексуальное поведение. Трайбализм же появился потому, что группам мужчин в ходе

эволюции приходилось конкурировать друг с другом за доступ к ресурсам и женщинам.

Итак, излишняя самоуверенность, агрессивность и межгрупповая враждебность в большей мере присущи мужчинам, что заставляет в очередной раз задуматься: а не был бы наш мир безопаснее, если бы у власти были женщины? Тот же вопрос будет не менее интересным, если изменить наклонение и время глагола: стал ли мир безопаснее, ведь женщин у власти сейчас больше? И станет ли он еще более миролюбивым с увеличением количества женщин у руля?

Я думаю, что ответ на все три вопроса: «Да», хоть и с оговорками. С оговорками, потому что определить связь между полом и насилием сложнее, чем просто констатировать, что «мужчины — с Марса». В книге «Война и гендер» (War and Gender) политолог Джошуа Голдстейн изучил область пересечения этих двух категорий и установил, что во все времена и в каждом обществе именно мужчины создавали армии и командовали ими¹⁴⁸. (Архетип амазонок и других женщин-воительниц обязан своим появлением не столько исторической реальности, сколько мужчинам, которых заводит образ перетянутых ремнями молодых женщин в боевом снаряжении, типаж Лары Крофт и Зены — королевы воинов.) Даже в феминистском XXI столетии 97% всех солдат и 99,9% воюющих солдат — мужчины. (В Израиле, где, как известно, призывают в армию и женщин, они большую часть времени служат в госпиталях или за офисными столами.) Мужчины могут похвастаться и тем, что занимают верхние строчки в списках безумных завоевателей, кровавых тиранов и отморожков, устраивающих геноцид.

Но нельзя сказать, что женщины на всем протяжении этой кровавой вакханалии осознанно возражали против нее. Не раз они возглавляли армии или участвовали в войнах, не раз вдохновляли своих мужчин на бой, поддерживали и помогали им, в прошлом — сопровождая армии в качестве маркитанток, а в XX столетии — вставая к фабричному станку. Многие королевы и императрицы, в том числе Изабелла Испанская, Мария и Елизавета I Английские, российская императрица Екатерина Великая, хорошо проявили себя, подавляя внутренних врагов и завоеывая внешних, да и в XX в. Маргарет Тэтчер, Голда Меир, Индира Ганди и Чандрика Кумаратунга управляли своими странами в военное время¹⁴⁹.

Несоответствие между тем, на что способны женщины во время войны, и тем, что они делают обычно, вовсе не парадокс. В традиционных обществах женщины живут в постоянной опасности похищения, изнасилования, гибели детей от рук врагов, и неудивительно, что они желают победы для своих мужчин. В государствах с регулярными армиями разница между полами (физическая сила и желание грабить и убивать, свойственные мужчинам, и способность женщин рожать и растить детей), а также неудобства смешанных армий (с возникающими любовными интрижками и борьбой за доминирование внутри них) приводили к разделению обязанностей, и роль пушечного мяса доставалась мужчинам. Если же говорить о лидерских способностях, то очевидно, что женщины, оказавшись у власти, будут исполнять свои должностные обязанности, в которые раньше довольно часто входило ведение войн. В эпохи соперничающих династий и империй королева, как бы ей того ни

хотелось, вряд ли могла позволить себе быть единственным пацифистом в мире. И конечно, черты мужчин и женщин в значительной степени совпадают: даже если средний уровень какой-то способности у мужчин и женщин разнится (что характерно для любых качеств, важных для ведения боевых действий), в мире можно отыскать много женщин, которые и в этом будут успешнее большинства мужчин.

Но исторически женщины были и будут умиротворяющей силой. Традиционная война — это мужская игра: женщины племени никогда не сбиваются в банды и не устраивают набеги на соседние деревни, похищая женихов¹⁵⁰. Различия между полами расставляют декорации для «Лисистраты» Аристофана, где женщины Греции устраивают сексуальную забастовку, чтобы заставить своих мужчин положить конец Пелопоннесской войне. В XIX в. феминизм часто был связан с пацифизмом и другими движениями против насилия, например с аболиционизмом и борьбой за права животных¹⁵¹. В XX в. женские объединения активно участвовали и периодически добивались успеха в борьбе против ядерных испытаний, Вьетнамской войны, жестоких конфликтов в Аргентине и Северной Ирландии, бывшем СССР и Югославии. По итогам почти трех сотен опросов общественного мнения, проведенных в США между 1930-ми и 1980-ми гг., мужчины выбирали «насильственные и силовые решения» в 87% случаев¹⁵². Они поддерживали военную конфронтацию с Германией в 1939 г., с Японией — в 1940-м, СССР — в 1960-м и Вьетнамом — в 1968 г. На всех выборах президента США начиная с 1980 г. женщины отдавали предпочтение кандидатам от демократов, а в 2000 и 2004 гг. женщины массово

голосовали против Джорджа Буша, поддержанного большинством мужчин¹⁵³.

Хотя женщины чуть больше привержены делу мира, мнения мужчин и женщин внутри одного сообщества обычно коррелируют¹⁵⁴. Когда в 1961 г. американцев опрашивали, должна ли страна «вступить в глобальную ядерную войну, но не жить под коммунистическим игмом», 87% мужчин ответили «да», и «всего» 75% женщин согласились с ними. Это доказывает, что женщины миролюбивы только в сравнении с мужчинами, принадлежащими тому же времени и обществу. Гендерный разрыв становится шире, если разногласия раскалывают страну (как Вьетнамская война), или уже, если в обществе царит согласие (как в годы Второй мировой), или разрыв вовсе отсутствует, если проблемой одержимо общество в целом (отношение израильтян и арабов к разрешению арабо-израильского конфликта).

Даже если сами женщины не выступают против войны, их положение в обществе может влиять на воинственность социума в целом. Признание прав женщин и негативное отношение к войне идут рука об руку. В опросах, проведенных в странах Ближнего Востока, респонденты, одобрявшие гендерное равенство, одобряли и мирное решение арабо-израильского конфликта¹⁵⁵. В ряде этнографических обзоров традиционных культур было показано, что чем лучше общество относится к своим женщинам, тем меньше оно любит воевать¹⁵⁶. Это верно и для современных стран — в широком диапазоне от Западной Европы и голосующих за демократов штатов США до республиканских штатов и таких исламских стран, как Афганистан и Пакистан¹⁵⁷. И как мы узнаем в главе 10, обществам, которые наделяют женщин

правами и властью, не угрожает опасность появления крупных когорт неприкаянных молодых мужчин, с их склонностью создавать проблемы¹⁵⁸. И конечно, десятилетия Долгого мира и Нового мира были временем, когда свершилась революция прав женщин. Мы не знаем, что здесь причина, а что следствие, но и биология, и история утверждают, что при прочих равных мир, где женщины обладают бóльшим влиянием, будет миром, где меньше воюют.

Доминирование — это адаптация к жизни в условиях анархии. В обществе, которое прошло через цивилизационный процесс, или в международной системе, регулируемой соглашениями и нормами, оно абсолютно ни к чему. Все, что снижает важность концепции доминирования, скорее всего, снизит и частоту конфликтов между индивидами и войн между группами. Это не значит, что исчезнут эмоции, подталкивающие к борьбе за превосходство, — они неотъемлемая часть нашей природы, особенно у определенного пола, но их можно ограничить.

Во второй половине XX в. концепции доминирования и родственных ему доблестей вроде мужественности, чести, престижа и славы были деконструированы. Отчасти эрозии этих понятий способствовал информационный процесс (вспомните, как братья Маркс высмеивали ура-патриотизм в картине «Утиный суп»), отчасти — появление женщин на рынке труда. Женщинам, которые смотрят на борьбу за превосходство с некоторой психологической дистанции, она видится мальчишеским баловством, поэтому с ростом влияния женщин доминирование теряет привлекательность. (Любой, кто работал в

смешанном коллективе, знает, что женщины не принимают всерьез бессмысленное надувание щек, которому предаются их коллеги-мужчины, называя его «типично мужским поведением».) Космополитизм, который позволяет нам со стороны увидеть нашу собственную культуру чести в гипертрофированной культуре чести других стран, также способствует ее разрушению. Слово «мачо», заимствованное из испанского, сейчас имеет презрительный оттенок и означает потакающего своим прихотям фанфарона, а не мужественного героя. В популярной культуре манерный хит «Мачо Мэн» диско-группы Village People и другие гомоэротические образы еще больше подрывают престиж внешних проявлений маскулинного доминирования.

Еще одной подрывной силой, по моему мнению, стал прогресс биологической науки и ее влияние на письменную культуру. Люди все чаще понимают позыв к доминированию как пережиток эволюционного процесса. Аналитика Google Books показывает скачок популярности биологического жаргона, в том числе терминов «тестостерон» (с 1940-х), «ранг в иерархии» и «иерархия подчинения» (с 1960-х) и «альфа-самец» (с 1990-х)¹⁵⁹. В 1980-х к ним прибавился шуточный псевдомедицинский термин «спермотоксикоз», снижающий ставки в борьбе за превосходство. Он намекает, что слава, которой ищут мужчины, может быть плодом их примитивного воображения — показателем химического состава крови, покорным следованием инстинктам, которые кажутся нам смешными, когда мы наблюдаем их у петухов и бабуинов. Сравните эти биологические термины, помогающие нам взглянуть на ситуацию со стороны, со старыми определениями «славный» и «почетный», которые объективируют награду в борьбе

за доминирование, подразумевая, что некоторые достижения славны и почетны по своей природе. Частота употребления этих оборотов в англоязычных текстах снижается на протяжении последних 150 лет¹⁶⁰. Навык рассматривать свои инстинкты в ярком свете разума, не принимая как должное порожденные ими состояния сознания, поможет игнорировать импульсы, которые способны привести к губительным последствиям.

МЕСТЬ

Решимость причинить боль тому, кто сделал больно тебе, столетиями превозносилась в высокопарных выражениях. Ветхий Завет, который одержим мстостью, подарил нам емкие фразы вроде «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека», «Око за око» и «Мне возмездие и аз воздам». Ахилл у Гомера говорит, что мсть «сладостней тихо струящего меда. Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает». Шекспировский Шейлок называет мсть в финале своего перечня свойств, общих для всех людей, а отвечая на вопрос, что он будет делать с востребованным фунтом плоти, отвечает: «Рыбу на него ловить! Пусть никто не насытится им, — оно насытит мсть мою»^[121].

Другие культуры похожим образом поэтизируют сведение счетов. Выходец из воинственного черногорского клана Милован Джилас, ставший вице-президентом коммунистической Югославии, описывал жажду мсти как «блеск наших глаз, жар наших щек, биение пульса в голове, слово, которое каменеет во рту, когда мы слышим, что наша кровь пролита»¹⁶¹. Житель Новой Гвинеи, узнав, что убийцу

его дяди догнала стрела и теперь он парализован, сказал: «Я чувствую, как у меня растут крылья, что я вот-вот взлечу, и я бесконечно счастлив»¹⁶². Джеронимо, вождь племени апачей, смакуя расправу над четырьмя ротами мексиканской армии, писал:

Все еще покрытый кровью врагов, все еще сжимая мое торжествующее оружие, все еще разгоряченный упоением боя, победы и мести, я был окружен отважными апачами и назван вождем всех апачей. Затем я приказал снять с убитых скальпы.

Я не мог вернуть к жизни моих родных и близких, не мог оживить убитых апачей, но я мог насладиться мезтью.

Дэйли и Уилсон комментируют: «Насладиться? Джеронимо писал эти строки в тюремной камере, а его племя было разбито и практически уничтожено. Желание отомстить кажется таким бессмысленным: бесполезно плакать над пролитым молоком, и пролитую кровь тоже не вернешь»¹⁶³.

Но при всей бессмысленности желание отомстить — одна из основных причин насилия. 95% культур недвусмысленно одобряют кровную мезть; мезть — основной мотив племенных войн¹⁶⁴. Из мести совершается от 10 до 20% убийств во всем мире, из мести школьники приносят в класс винтовки, а взрослые устанавливают взрывные устройства¹⁶⁵. Мезть, цель которой не конкретный человек, а группа, — основной мотив городских беспорядков, террористических атак, возмездия за них и войн¹⁶⁶. Историки, изучавшие вопрос, каким образом лидеры принимают решение нанести ответный удар и объявить войну, заметили, что их сознание в этот момент часто бывает затуманено красной пеленой гнева¹⁶⁷. Писали, например, что реакция американцев на Пёрл-Харбор представляла собой «смесь изумления, ужаса, домыслов, горя, унижения и перекрывавшей все эти чувства вспышки неистового гнева»¹⁶⁸.

Никакая альтернатива войне (типа политики сдерживания или давления на японское правительство) даже не рассматривалась, саму мысль об этом сочли бы предательством. Похожей была реакция американцев на теракты 9/11: вторжение США в Афганистан было вызвано как жаждой мести, так и стратегическим расчетом, что это предотвратит будущие атаки террористов¹⁶⁹. Мотивом убийства 3000 человек 11 сентября 2001 г. тоже была месть, как объяснил Усама бен Ладен в своем «Письме Америке»:

Аллах Всемогущий дал позволение и предоставил возможность отомстить. Если нас атакуют, у нас есть право на ответный удар. Кто бы ни уничтожал наши города и деревни, мы имеем право уничтожить его города и деревни. Кто бы ни похищал наше богатство, мы имеем право разрушить его экономику. И кто бы ни убивал наших мирных жителей, мы имеем право убивать его мирных жителей в ответ¹⁷⁰.

Мечь не ограничивается горячими головами политиков и вождей, она легко находит кнопку в мозгу каждого. Фантазии об убийстве, в которых сознаются студенты университетов, — это почти без исключения фантазии о мести¹⁷¹. Даже в условиях лабораторного эксперимента студентов легко заставить мстить за унижение. Их просят написать сочинение, а потом показывают оскорбительный отзыв на него, написанный другим студентом (помощником экспериментатора) или полностью выдуманный. И тут Аллах улыбается: автора сочинения просят принять участие в исследовании, которое по чистой случайности дает шанс наказать критика, ударив его током, оглушив звуком клаксона или (в нынешних экспериментах, которые должны быть одобрены комиссиями по этике, запрещающими насилие) заставив его выпить острый соус якобы с целью изучения вкусовых ощущений. Работает без осечки¹⁷².

Мечь — это позыв в прямом смысле слова. В одном из экспериментов в тот момент, когда участник готовится нанести удар возмездия, аппарат ломается (не без помощи экспериментатора), так что он или она не может довести дело до конца. Все испытуемые затем принимали участие в фиктивной дегустации вина. Те, кому не удалось отомстить, выпивали гораздо больше, словно чтобы утопить свое горе¹⁷³.

Нейробиология мести начинается с контура ярости в проводящих путях, связывающих средний мозг с гипоталамусом и миндалиной. Контур ярости побуждает пострадавшее животное нападать на ближайшего вероятного обидчика¹⁷⁴. У людей система может получать информацию из всех областей мозга, включая височно-теменной узел, который регистрирует, намеренно или случайно был причинен вред. Затем контур ярости активирует островок, который возбуждает ощущения боли, отвращения и гнева. (Напомним: островок активируется, когда человек чувствует, что сосед его обделил¹⁷⁵.) Это неприятные ощущения, и мы знаем, что животные стараются избегать электростимуляции контура ярости.

Но потом мозг может перейти в другой режим обработки информации. Поговорки «Мечь сладка», «Не злись, но разозли обидчика» и «Мечь — блюдо, которое подают холодным» можно считать гипотезами нейробиологии эмоций. Они предполагают, что характер активности мозга способен меняться, переключаясь с мучительного гнева на хладнокровное и доставляющее удовольствие преследование добычи. И как часто случается, народная нейробиология права. Группа ученых во главе с Домиником де Кервеном провела эксперимент,

который иногда называют «Игра в доверие». Испытуемый доверял некую сумму денег другому участнику, который инвестировал их для получения прибыли, а затем или делился ею с инвестором, или оставлял все себе¹⁷⁶. Участники, которых обманули, получали возможность оштрафовать мошенника, хотя иногда им предлагали платить за эту привилегию. Пока они раздумывали, стоит ли воспользоваться предложением, ученые сканировали их мозг. Оказалось, что в этот момент зажигалась та же область полосатого тела (центр поисковой системы), которая возбуждается, когда человек жаждет никотина, кокаина или шоколада. О да, месть сладка. Чем ярче светилось на мониторе полосатое тело, тем большую сумму человек готов был заплатить за возможность наказать мошенника, а значит, это возбуждение отражает настоящее желание — то, за что человек готов платить. Когда участник соглашался с предложением, зажигалась орбитальная и вентромедиальная кора — область мозга, взвешивающая плюсы и минусы различных действий; в данном случае она, скорее всего, оценивала стоимость мести и удовлетворение, которое та подарит.

Чтобы отомстить, нужно отключить эмпатию, и этот процесс тоже можно увидеть, исследуя мозг. Немецкий нейропсихолог Таня Сингер и ее коллеги провели похожий эксперимент, в котором доверие участников — мужчин и женщин — было либо вознаграждено, либо обмануто другим испытуемым¹⁷⁷. Затем участники получали легкий удар током по пальцам и наблюдали, как бьют током надежного партнера или же обманщика. Когда боль причиняли достойному доверия партнеру, участники буквально чувствовали ее: при виде страданий

хорошего парня (или девушки) в их мозге зажигалась та же часть островка, которая возбуждалась, когда они сами ощущали воздействие электрического тока. Если же удар доставался обманщику, женщины не могли выключить эмпатию: их островок по-прежнему светился сочувствием. А вот сердца мужчин ожесточались: их островок оставался темным, но зажигались полосатое тело и орбитальная кора — знак того, что цель определена и достигнута. Причем яркость, с которой зажигались эти структуры, была пропорциональна силе, с какой участники хотели отомстить. Результаты эксперимента подтверждают мнение последовательниц «феминизма различий», таких как Кэрол Гиллиган, о том, что мужчины больше склонны к карательному правосудию, а женщины — к милосердию¹⁷⁸. Авторы исследования тем не менее замечают, что женщины могут чувствовать отвращение к физическим наказаниям, а если возмездие принимает форму штрафа, критики или остракизма, способны быть не менее мстительными¹⁷⁹.

Невозможно отрицать хладнокровное сладкое удовольствие, которое доставляет месть. Негодяй, получающий заслуженную кару, — вечный архетип, и не только Грязный Гарри чувствует, что день прошел не зря, если плохой парень получил по заслугам. Один из моих любимых моментов — сцена из фильма Питера Уира «Свидетель». Харрисон Форд играет агента под прикрытием, которому приходится жить с семьей амишей в сельском уголке Пенсильвании. Однажды, одетый как амиш, он везет семью в город на повозке, и по дороге какие-то паршивцы начинают их оскорблять. Подтверждая свое миролюбие, амиши сносят оскорбления, даже когда один из хулиганов насмехается над почтенным отцом семейства.

Персонаж Форда, на голове которого красуется соломенная шляпа, медленно закипает, поворачивается к наглецу и, к удивлению шайки и к удовольствию кинозрителей, сбивает его с ног одним ударом.

Почему это безумие называют отмщением, расплатой? Хотя наша психотерапевтическая культура представляет жажду мести как болезнь, а прощение — как лекарство, позыв к мести выполняет безусловно разумную функцию: сдерживание¹⁸⁰. Дэйли и Уилсон поясняют: «Чтобы сдерживание было эффективным, нужно убедить врага, что любая его попытка отстоять свои интересы за ваш счет приведет к суровому наказанию, что его агрессивный маневр завершится для него чистыми убытками и лучше бы ему не рисковать»¹⁸¹. Возмездие как метод сдерживания существует не просто потому, что «так уж сложилось», его необходимость не раз демонстрировалась в математических и компьютерных моделях эволюции сотрудничества¹⁸².

Некоторые формы сотрудничества объяснить легко, когда перед нами родственники, или супруги, или члены одной команды, или закадычные друзья с общими интересами. Что хорошо для одного, хорошо и для другого — нечто вроде симбиоза здесь в порядке вещей. Труднее объяснить сотрудничество, когда интересы людей хотя бы частично расходятся и каждый хочет использовать себе на пользу готовность другого сотрудничать. Простейший способ смоделировать такое затруднение — игра с положительной суммой, известная как дилемма заключенного. Представьте себе серию сериала

«Закон и порядок», в которой двух сообщников содержат в разных тюремных камерах, явных улик против них нет и прокурор каждому предлагает сделку. Если один из них свидетельствует против сообщника («предает»), в то время как тот сохраняет верность («сотрудничает»), предателя выпустят на свободу, а сообщника посадят на 10 лет. Если каждый из них предаст и даст показания против сообщника, оба отправятся в тюрьму на шесть лет. Если оба сохраняют верность («сотрудничают»), прокурор сможет обвинить их только в менее опасном преступлении и они выйдут на свободу через шесть месяцев. Рис. 8–5 показывает так называемую платежную матрицу дилеммы; выбор и выигрыши первого заключенного (кличка Левша) напечатаны черным, второго (кличка Брут) — серым.

		Выбор Брута	
		Сотрудничать	Предать
Выбор Левши	Сотрудничать	6 месяцев (вознаграждение) 6 месяцев (вознаграждение)	10 лет (отступные предателя) Свобода (искушение)
	Предать	Свобода (искушение) 10 лет (отступные предателя)	6 лет (наказание) 6 лет (наказание)

РИС. 8–5. Дилемма заключенного

Трагедия в том, что оба должны сотрудничать и согласиться на вознаграждение в виде отсидки в шесть месяцев, что и превратит ситуацию в игру с положительной суммой. Но каждый неизбежно предаст, посчитав, что для него это лучший выход: если сообщник сотрудничает, предатель выходит на свободу; если сообщник предает, предатель получает только шесть лет, а не 10, которые грозили бы ему, если бы он в одиночку хранил верность. Так что оба предают друг друга, руководствуясь одной и той же логикой, и оба садятся в тюрьму на шесть лет, а не на шесть месяцев, которые отсидели бы, если бы действовали не эгоистично, а альтруистически.

Дилемму заключенного называют одной из величайших идей XX столетия, потому что она сводит трагедию общественной жизни к лаконичной формуле¹⁸³. Дилемма возникает в ситуации, когда самый выгодный выбор — предать, если партнер сотрудничает, самый невыгодный — сотрудничать, если партнер предает, а сумма выигрышей достигает максимума, если оба сотрудничают, и минимума, если оба предадут. Эта структура характерна для многих жизненных передраг, и не в последнюю очередь для ситуации инструментального насилия, где быть агрессором против пацифиста — значит пользоваться всеми выгодами эксплуатации, а быть агрессором против такого же агрессора — значит пострадать обоим, поэтому вам обоим лучше быть пацифистами, и вы были бы ими, если бы не страх, что другой окажется агрессором. Мы уже видели похожие драмы, к которым относятся война на истощение, игра «Общее благо» и игра «Доверие», где личный эгоизм соблазнителен, а взаимный эгоизм губителен.

Хотя однократная дилемма заключенного трагична, повторяющаяся дилемма заключенного, в которой игроки взаимодействуют не единожды и накапливают выигрыши, ближе к жизни. Она может даже послужить моделью эволюции сотрудничества, если выигрыши исчисляются не в сроках тюремного заключения, не в долларах и центах, а в количестве потомков. Виртуальные организмы^[122] разыгрывают раунды дилеммы заключенного, которую можно представить как возможность помочь друг другу, скажем через взаимный груминг, или же отказать в помощи. При этом выигрыши в здоровье и затраты времени выражаются в количестве выживших потомков. Повторяющиеся раунды игры можно уподобить поколениям организмов,

эволюционирующих путем естественного отбора, что дает возможность узнать, какая из конкурирующих стратегий в конце концов наполнит популяцию своими потомками. При этом число комбинаций слишком велико для математического доказательства, но стратегии можно записать в виде компьютерных программ, которые будут состязаться друг с другом по круговой схеме, позволяя увидеть, каких успехов они добиваются в виртуальной эволюционной борьбе.

В первом таком чемпионате, проведенном политологом Робертом Аксельродом, победителем стала простая стратегия «Око за око»: сотрудничать на первом этапе, а далее сотрудничать, если партнер отвечает тем же, и отказываться от сотрудничества, если от него отказывается партнер¹⁸⁴. Так как сотрудничество вознаграждается, а предательство наказывается, отступники тоже начинают сотрудничать, и в итоге выигрывают все. Эта концепция очень похожа на теорию Роберта Триверса об эволюции взаимного альтруизма, которую он выдвинул несколькими годами ранее, не обосновав ее математически¹⁸⁵. Положительная сумма выигрышей получается из взаимных одолжений (каждый может принести окружающим пользу, которая недорого ему обойдется) и соблазна «проехать без билета»: воспользоваться преимуществами и ничем не жертвовать. Идею Триверса, что моральные эмоции возникли как адаптация к сотрудничеству, можно непосредственно приложить к алгоритму «Око за око». Сотрудничество на первом этапе — это отзывчивость. Сотрудничество с тем, кто отвечает тебе тем же, — благодарность. Гнев — отказ помогать отступнику, наказание в отместку. Наказание может выглядеть как отказ сотрудничать или выразиться в причинении вреда. Отмщение не болезнь — это необходимое

условие сотрудничества, препятствующее эксплуатации хорошего парня.

С тех пор были проведены и проанализированы сотни чемпионатов по повторяющейся дилемме заключенного, которые помогли сформулировать несколько новых выводов¹⁸⁶. Один из них тот, что в стратегии «Око за око», даже в самой элементарной, можно выделить компоненты, которым она обязана своим успехом и которые можно встроить в другие стратегии. Эти компоненты получили названия по чертам характера, и не только для лучшего запоминания: динамика сотрудничества способна объяснить, почему люди развили в себе именно эти черты. Первый компонент успеха стратегии «Око за око»: это добрая стратегия, когда сотрудничают с первой попытки, то есть используют возможность для взаимовыгодного сотрудничества и не предают, пока не столкнутся с предательством. Второй компонент: это простая стратегия; если правила стратегии слишком сложны и игроки не понимают, как она реагирует на их действия, тогда ее ходы фактически становятся непредсказуемыми и лучшим ответом ей станет стратегия «Всегда предавай»; правила же стратегии «Око за око» просты и понятны, и другим игрокам нетрудно под нее подстроиться. Третий компонент успеха стратегии «Око за око»: она мстительна, отвечает предательством на предательство, осуществляя простейший вид мести. И последнее: она милосердна и способна прощать — оставляет открытой дверь к раскаянию, и, если партнер после цепи предательств переходит к сотрудничеству, «Око за око» немедленно начинает сотрудничать в ответ¹⁸⁷.

Последняя черта — способность прощать — оказалась важнее, чем думалось поначалу. Слабость стратегии «Око за око» в том, что она уязвима перед ошибками и непониманием. Предположим, один из игроков намерен сотрудничать, но по ошибке предает. Или же стратегия неверно принимает сотрудничество другого игрока за предательство и предает в ответ. Тогда предаст и оппонент, что ввергнет игроков в бесконечный цикл предательств — компьютерный эквивалент междоусобной войны. В реальном шумном мире, где невозможно исключить ошибки и непонимание, «Око за око» уступает первенство еще более милосердной стратегии — «Щедрое око за око». Время от времени «Щедрое око за око» случайным образом дарует предателю прощение и возобновляет сотрудничество. Акт безусловного прощения может вернуть на путь сотрудничества пару, угодившую в ловушку цикла взаимного предательства.

Беда в том, что, если в популяции присутствуют несколько психопатов, разыгрывающих стратегию «Всегда предавай», и несколько простаков, придерживающихся правила «Всегда сотрудничай», слишком милосердная стратегия больше не работает. Психопаты процветают, эксплуатируя простаков, и размножаются до такой степени, что начинают эксплуатировать и всех прочих. Шанс на удачу в таком мире есть у стратегии «Раскаивающееся око за око», которая прощает не всех. Она запоминает *собственное* поведение и, если в раунде взаимного предательства была и ее вина из-за случайной ошибки или непонимания, оставляет одно предательство оппонента без наказания, переключаясь на сотрудничество. Но если она предавала в ответ на действия оппонента, то безжалостно мстит. Если оппонент тоже придерживается стратегии

«Раскаивающееся око за око», он простит оправданную месть и пара вновь вернется к сотрудничеству. Так что не только месть, но еще и прощение и раскаяние необходимы общественным организациям, чтобы пользоваться выгодами сотрудничества.

Для развития сотрудничества критически важна возможность повторных встреч. Сотрудничество не может возникнуть в однократной дилемме заключенного и разрушается даже в повторяющейся, если игроки знают, что им предстоит сыграть ограниченное количество раундов, потому что с приближением конца игры каждый участник испытывает соблазн безнаказанно предать. По тем же причинам пары игроков, постоянно играющие друг против друга (скажем, потому, что они соседи и не могут переехать), как правило, прощают чаще, чем те, что могут отправиться на поиски другого сообщества и новых партнеров. Компании, организации и другие социальные структуры своего рода виртуальные районы. Они побуждают группы людей взаимодействовать снова и снова, раз за разом прощая друг друга, потому что взаимное предательство будет губительно для всех.

У людей сотрудничество имеет еще одну характерную особенность. У нас есть речь, и нам не обязательно сталкиваться с каждым лично, чтобы узнать, к сотрудничеству или предательству он склонен. Мы можем навести справки и узнать, как человек вел себя в прошлом. Эта непрямая взаимность, как называют ее специалисты по теории игр, придает исключительную важность репутации и слухам¹⁸⁸.

Потенциальные сотрудники должны уравнивать эгоизм и обоюдную выгоду не только в парах, но и в группах. Специалисты по теории игр исследовали многопользовательскую версию дилеммы заключенного, названную игрой «Общественное благо»¹⁸⁹. Каждый игрок может пожертвовать деньги в общий котел, который затем удваивается, и вся сумма делится поровну между игроками (можно представить себе рыбаков, скидывающихся на благоустройство гавани и строительство маяка, например, или владельцев бутиков в торговом центре, в складчину оплачивающих услуги охранников). Для группы лучше всего, если каждый жертвует максимально много, в то время как для индивида лучше ограничить собственный вклад и попробовать проехать за чужой счет. Беда в том, что в этом случае жертвования сведутся к нулю и в итоге проиграют все. (Биолог Гарретт Хардин предложил идентичный сценарий, назвав его «Трагедией общин». Ни один фермер не может устоять перед соблазном пасти свою корову на общинной земле, истощая кормовую базу, что приводит к убыткам для всех. Загрязнение окружающей среды, бесконтрольный вылов рыбы и выбросы углекислого газа в атмосферу — примеры таких общих убытков из реальной жизни.)¹⁹⁰ Но если у игроков есть способы наказать безбилетников, отомстив за попытку эксплуатировать группу, тогда каждый заинтересован вкладываться на равных, и все остаются в выигрыше.

Модели эволюции сотрудничества становятся все хитроумнее — сегодня при невысоких затратах можно воссоздать почти бесконечное количество миров. Но в самых правдоподобных из них мы наблюдаем эволюцию «слишком человеческих» феноменов — эксплуатации, возмездия, прощения, раскаяния,

репутации, слухов, кланов и добрососедских отношений.

Так оправдывает ли себя месть в реальном мире? Действительно ли убедительная угроза наказания испугает потенциального эксплуататора и заставит его передумать? Ученые отвечают на этот вопрос утвердительно¹⁹¹. Когда люди разыгрывают в экспериментах дилемму заключенного, они склоняются к стратегии «Око за око» и наслаждаются плодами сотрудничества. А если участвуют в «Игре в доверие» (еще одна версия дилеммы заключенного, использовавшаяся в экспериментах по нейровизуализации мести), право инвестора наказать мошенника нагоняет на того достаточно страху, чтобы заставить справедливо разделить доход от инвестиций. Если в правилах игры «Общественное благо» прописана возможность наказывать иждивенцев, люди не пытаются эксплуатировать окружающих. Помните, как авторам сочинений в одном исследовании давали шанс отомстить за негативный отзыв, ударив критика током? Если они знали, что критик потом может дать сдачи, чтобы отомстить за месть, они снижали напряжение¹⁹².

Мсть будет сдерживающей силой, только если мститель создал себе репутацию человека, который будет мстить, даже если ему это невыгодно. Теперь понятно, почему желание отомстить может быть таким неодолимым, всепоглощающим и порой контрпродуктивным (как в случае, когда без суда убивают неверного супруга или неучтивого незнакомца)¹⁹³. Более того, месть эффективнее всего, если нарушитель знает, что покарал его именно

мститель, тогда в дальнейшем он сможет изменить свое поведение по отношению к этому человеку¹⁹⁴. И потому мстящий чувствует, что его жажда мести удовлетворена, только если нарушитель знает, кто и за что его наказывает¹⁹⁵. Эти импульсы побуждают нас к сдерживанию, которое правоведы называют «специфическим», — к наказанию, которое помешает правонарушителю совершить преступление снова.

Психология мести питает и то сдерживание, которое правоведы называют «общим», — наказание, о котором оповещают заранее, чтобы запугать и удержать желающих от соблазна преступить закон. Психологический эквивалент общего сдерживания — это культивирование репутации человека, которому нельзя безнаказанно садиться на голову. (Не дергай супермена за плащ, не плюй против ветра, не снимай маску с одинокого ковбоя и не связывайся с Джимом.) Экспериментально доказано: если дело происходит на публике, нарушителя наказывают строже, порой несоразмерно причиненному им ущербу¹⁹⁶. И мы уже знаем, что в присутствии наблюдателей конфликт перерастает в драку в два раза чаще¹⁹⁷.

Мсть весьма эффективный сдерживающий фактор, порой это может объяснить поведение, не поддающееся другим объяснениям. Теория рационального агента, популярная в экономических и политических науках, никак не могла понять поведения людей в игре «Ультиматум»¹⁹⁸. Первый игрок (раздающий) получает некую сумму денег и должен разделить ее между собой и вторым игроком (принимающим), который может либо согласиться на предложенные условия и получить свою долю, либо отвергнуть схему раздела. Во втором случае денег не получает никто. Рациональный раздающий захотел бы

оставить себе львиную долю, рациональный принимающий взял бы предложенные крохи, потому что даже часть пирога — это лучше, чем ничего. Но в реальности раздающий, как правило, предлагает почти половину всей суммы, а принимающий не соглашается, если предлагается доля намного меньше половины, несмотря на то что его отказ лишает денег обоих игроков. Почему люди ведут себя так нерационально? Теория рационального агента не учитывала психологию мести. Когда предложение слишком мало, принимающий возмущен. Помните, я упоминал нейровизуализацию мести? Чтобы увидеть, как островок в нашем мозге загорается гневом, ученые использовали именно «Ультиматум»¹⁹⁹. Гнев заставляет принимающего мстить партнеру по игре. Большинство раздающих понимают это возмущение и делают предложение достаточно щедрое, чтобы второй игрок мог его принять. Когда же раздающему не приходится опасаться возмездия, потому что правила игры изменены и партнер в любом случае должен согласиться с условиями раздела (игра «Диктатор»), он предлагает гораздо меньше.

Однако загадка остается. Если месть эволюционировала как инструмент сдерживания, почему к ней так часто прибегают в реальности? Почему она не работает подобно ядерному арсеналу в холодной войне, создавая баланс угроз, который держит в узде всех? Зачем нужны циклы вендетты с возмездием, провоцирующим возмездие?

Основная причина — морализаторский разрыв. Люди считают вред, который они причинили другим, оправданным и незначительным, а вред, от которого

пострадали сами, — неспровоцированным и колоссальным. Эта бухгалтерия заставляет обе стороны набирающего обороты конфликта по-разному подсчитывать число ударов и по-разному взвешивать нанесенный ущерб²⁰⁰. Как сказал психолог Дэниел Гилберт, противники, увязшие в затянувшейся войне, часто ведут себя как мальчишки на заднем сиденье автомобиля, которые жалуются родителям: «Он ударил меня первый». — «А он стукнул меня сильнее!»²⁰¹

Простую аналогию тому, каким образом непонимание может привести к эскалации конфликта, можно увидеть в эксперименте Сукхвиндера Шергилла, Пола Бэйза, Криса Фрита и Дэниела Вулперта, в котором участник помещал палец под опускающуюся планку, которая могла довольно сильно его придавить²⁰². Потом он должен был в течение трех секунд давить на палец партнера с той же силой, какую почувствовал сам. Затем его партнер получал те же инструкции и участники менялись местами, запоминая приложенную к ним силу. После восьми раундов второй участник применил силу *в 18 раз* большую, чем та, что была приложена к нему в самом начале. Причина здесь в том, что люди недооценивали давление, которое они оказывали, в отношении к тому, какое они ощущали, и каждый раз они усиливали давление примерно на 40%. В конфликтах реальной жизни такая ошибка восприятия порождается не только иллюзиями чувства осязания, но и иллюзией морального чувства, а в результате и там и там все ту же затягивается спираль болезненной эскалации.

На страницах этой книги я уже отдавал должное Левиафану — правительству с монополией на

легитимное применение силы — как основному способу снижения насилия. Конфликты и анархия идут рука об руку. Сегодня мы можем оценить по достоинству психологию, лежащую в основе эффективности Левиафана. Закон может быть туп как осел, но это незаинтересованный осел, и он способен взвесить причиненный вред без эгоистичных искажений, свойственных исполнителю или жертве. Одна сторона всегда будет не согласна с его решением, но монополия правительства на насилие не позволяет проигравшему что-либо предпринять, причем он и хочет этого меньше, ведь он не выказал слабости перед противником и ему нет нужды затевать драку, чтобы отстоять свою честь. Аксессуары Юстиции, римской богини правосудия, выражают эту логику сжато и точно: 1) весы, 2) повязка на глазах, 3) меч.

Левиафан, осуществляющий правосудие с мечом в руках, все еще пользуется этим оружием. Мы знаем, что мстительность правительства может переходить все границы — вспомните о жестоких наказаниях и экзекуциях, популярных до Гуманитарной революции, и об избыточных тюремных сроках в наши дни в США. Уголовные наказания часто оказываются тяжелее, чем это необходимо для тонкой настройки стимулов, которые могли бы минимизировать сумму причиненного обществу вреда. Отчасти это делается сознательно. Смысл уголовного наказания не только в специфическом и общем сдерживании и поражении в правах. Наказание — это еще и справедливое возмездие, отражающее желание граждан отомстить²⁰³. Даже будучи уверенны, что совершивший гнусное преступление впредь никогда не нарушит закон и никому не подаст пример, мы чувствуем, что «справедливость должна

восторжествовать», а преступник — пострадать, чтобы уравновесить страдание, причиненное им. Психологический мотив воздаяния по заслугам понятен. Дэйли и Уилсон замечают:

С точки зрения эволюционной психологии этот почти мистический и, похоже, абсолютный моральный императив — продукт психического механизма с простой и ясной адаптивной функцией: установить справедливость и определить такую меру наказания, чтобы нарушители не получили никаких выгод от своего проступка. Огромный объем мистико-религиозной абракадабры об искуплении, покаянии, Божественной справедливости и тому подобном — это апелляция к высшей, непредвзятой власти по очевидно земному, мирскому, прагматическому вопросу: воспрепятствование эгоистичной конкуренции путем снижения выгод до нуля²⁰⁴.

Итак, месть — это абсолютный императив. Охваченные жаждой возмездия, мы не думаем о ее эволюционном смысле. В силу этого расплата, которую люди определяют за вину, может очень слабо соответствовать задачам стимулирования.

Психологи Кевин Карлсмит, Джон Дарли и Пол Робинсон придумали несколько сценариев, чтобы отделить сдерживание от желания отомстить²⁰⁵. Справедливое возмездие учитывает мотивы преступника. К примеру, растратчик, который спускает деньги на предметы роскоши, скорее всего, получит более суровое наказание, чем тот, кто отсылает их нищим сотрудникам компании в странах третьего мира. Сдерживание, напротив, учитывает, какой пример нарушение подает окружающим с учетом грозящего возмездия. Злоумышленник вычисляет целесообразность правонарушения, умножая вероятность провала на величину грозящего наказания; следовательно, преступление, обнаружить которое труднее, должно караться строже. По тем же соображениям строже нужно карать и преступление, привлекающее внимание публики, потому что в этом

случае наказание содействует общему сдерживанию. Но когда психологи просили респондентов назначить наказание выдуманному преступнику из этих примеров, их решения были направлены только на справедливое возмездие, но не на сдерживание. Люди строги к мотивам преступника, но вообще не учитывают тот факт, что преступление было трудно обнаружить или что оно широко освещалось в прессе.

Реформы, за которые выступал экономист-утилитарист Чезаре Беккариа во времена Гуманитарной революции и которые привели к отмене жестоких наказаний, были необходимы для того, чтобы правосудие отказалось от импульсивного порыва заставить негодяя страдать и обратилось к практическим задачам сдерживания. Эксперимент Карлсмита предполагает, что люди и сегодня не прошли этот путь до конца и не думают о правосудии с чисто утилитаристской точки зрения. Однако в книге «Чистый лист» я доказывал, что даже те судебные процедуры, которые, как кажется, вызваны желанием отомстить, в конечном итоге служат целям сдерживания: если система когда-нибудь станет слишком уж узко практической, преступники научатся ее обигрывать. Наше желание восстановить справедливость лишает их этого шанса²⁰⁶.

Даже самая справедливая система уголовного правосудия не может следить за гражданами повсеместно и круглосуточно. Приходится рассчитывать на то, что они усвоят нормы порядочности и будут сдерживать свое желание отомстить. В главе 3 мы видели, как владельцы ранчо и фермеры округа Шапта улаживают проблемы без

привлечения полиции — благодаря принципу взаимности, слухам и окказиональному вандализму. Незначительный ущерб предлагается просто «забыть»²⁰⁷. Почему члены некоторых сообществ готовы забыть о своих обидах, а другие говорят о «блеске глаз, жаре щек и биении пульса в голове»? Теория цивилизационного процесса Норберта Элиаса предполагает, что государственное правосудие способно запустить эффект домино, побуждая граждан усваивать нормы самоконтроля и подавлять импульсы к возмездию. В главах 2 и 3 мы видели множество примеров того, как усмирение, осуществленное властями, колоссально снижало уровень смертоносного насилия. В главе 9 мы узнаем об экспериментах, доказывающих, что, освоив самоконтроль в одной ситуации, человек может прибегнуть к нему и в других.

Из главы 3 мы узнали еще и о том, что сам факт существования власти снижает уровень насилия лишь до известных пределов — с нескольких сотен до нескольких десятков убийств в год на 100 000 человек. Дальнейшее снижение до однозначных чисел зависит от таких туманных факторов, как уверенность населения в легитимности власти и общественного договора. Похоже, экспериментаторы услышали эхо этого явления в лаборатории. Экономисты Бенедикт Геррманн, Кристиан Тони и Симон Гэхтер предложили студентам университетов из 16 стран принять участие в игре «Общественное благо» (игроки жертвуют деньги в общий котел, затем сумма удваивается и перераспределяется между ними). В одном варианте игры у участников была возможность наказывать друг друга, во втором — нет²⁰⁸. К ужасу своему, исследователи обнаружили, что игроки из нескольких стран наказывали не скупых участников, а

щедрых. Эти враждебные действия предсказуемо понижали уровень благополучия группы в целом, потому что усиливали худшие инстинкты каждого игрока и его желание поправить свои дела за счет остальных. Пожертвования быстро сходили на нет, все оставались на бобах. Похоже, теми, кто наказывал щедрых жертвователей во вред группе, руководило преувеличенное желание отомстить. Когда другие участники наказывали их за скупость, эти игроки, вместо того чтобы одуматься и увеличить свой вклад в следующем раунде (как поступали в оригинальном исследовании участники из США и Западной Европы), наказывали тех, кто наказывал их, то есть вкладчиков-альтруистов.

Что отличает страны, где наказанные раскаиваются (США, Западная Европа, Австралия и Китай), и те, граждане которых злобно мстят (Россия, Украина, Греция, Саудовская Аравия и Оман)? Исследователи осуществили серию множественных регрессий, обработав более десятка разных показателей — от экономических до результатов международных исследований. Основным фактором, помогающим предсказать избыточную мстительность, оказался уровень гражданского сознания — насколько люди осознают, что мошенничать с подоходным налогом, получать от правительства не полагающиеся выплаты и перепрыгивать турникеты в метро — это не нормально. (Социологи считают, что нормы гражданского сознания составляют львиную долю социального капитала страны и гораздо важнее для ее процветания, чем материальные ресурсы.) Откуда же берутся эти нормы? Всемирный банк присваивает странам баллы по показателю, называемому «Верховенство закона». Чем этот показатель выше, тем проще гражданам обеспечить исполнение

частноправового договора, обратившись в суд, тем чаще они считают свою систему правосудия справедливой, тем меньшую роль играют в стране черный рынок и организованная преступность, тем выше качество работы полиции, тем меньше уровень преступности и насилия. В описанных выше экспериментах показатель верховенства закона в стране достоверно предсказывал, насколько ее граждане подвержены искушению мстить вне правовых рамок: жители стран со слабой властью закона чаще предавались деструктивной мести. Как во всех явлениях с большим числом переменных, невозможно с уверенностью сказать, что здесь причина, а что — следствие, но результаты свидетельствуют, что непредвзятое правосудие справедливого государства заставляет граждан подавлять тягу к мести, не позволяя ситуации перейти в деструктивный цикл.

Мечь, при всей ее тенденции к обострению, должна быть оснащена механизмом регуляции. Если бы это было не так, морализаторский разрыв раздувал бы каждое оскорбление в бесконечный конфликт, как в эксперименте, участники которого с каждым разом все безжалостнее расплющивали друг другу пальцы. Мечь не всегда обостряется, особенно в гражданских обществах с верховенством закона, более того, нам не следует этого ожидать. Модели эволюции сотрудничества показали, что самые успешные агенты, следующие стратегии «Око за око», периодически шли на уступки, были готовы к раскаянию и прощению, особенно если находились в одной лодке с другими агентами.

В работе «По ту сторону мести: эволюция инстинкта прощения» (Beyond Revenge: The Evolution of the Forgiveness Instinct) психолог Майкл Маккалоу показал, что наш разум действительно оснащен регулятором мстительности²⁰⁹. Известно, что некоторые виды приматов после драки целуются и мирятся, по крайней мере если их интересы связаны родством, общими целями и общими врагами²¹⁰. Маккалоу показал, что и у людей в подобных обстоятельствах включается инстинкт прощения.

Жажду мести проще всего приглушить, если обидчик принадлежит к нашему естественному кругу эмпатии. Мы прощаем родственников и близких друзей за проступки, которые не спустили бы чужакам. И когда наш круг эмпатии расширяется (процесс, который мы изучим в следующей главе), вместе с ним расширяется и наш круг прощения.

Второе обстоятельство, которое ослабляет желание отомстить обидчику, — невозможность разорвать с ним отношения, поскольку они слишком важны. Человек может нам не нравиться, но деваться некуда — нужно учиться с этим жить. Во время предвыборной гонки кандидаты на выдвижение от одной партии несколько месяцев забрасывают друг друга грязью, а их язык тела, особенно заметный в теледебатах, ясно показывает, что они терпеть друг друга не могут. Но, когда победитель определился, они прикусывают язык, проглатывают гордость и объединяются против общего врага из соперничающей партии. Нередко победитель даже приглашает проигравшего стать членом кабинета министров. Общая цель побуждает прежних врагов к примирению, что было наглядно продемонстрировано в известном эксперименте, проведенном в 1950-х гг. в

летнем лагере под названием «Пещера грабителей». Мальчиков разделили на команды, после чего они по собственной инициативе развязали войну. Она велась неделями — с нападениями, ответными ударами и опасным оружием вроде камней в носке²¹¹. Но когда психологи устраивали «случайности», которые не оставляли мальчикам выбора кроме как объединиться, чтобы получить доступ к питьевой воде или вытащить застрявший в грязи автобус, стороны заключали перемирие, преодолевали взаимную враждебность и даже налаживали дружеские связи с членами другой команды.

Третий регулятор насилия включается, когда мы уверены, что обидчик уже не опасен. Каким бы теплым ни было прощение, никто не готов разоружаться, если обидчик может напасть снова. И если злоумышленник хочет избежать вашего гнева и обратиться к лучшему в вас, он должен вас убедить, что у него больше нет причин для нападения. Для начала он может заявить, что уже причиненный вред был печальным результатом стечения обстоятельств, которое никогда больше не повторится, что его действия были ненамеренными или неизбежными или что он не предвидел последствий. Неслучайно именно к таким извинениям прибегают виновные лица, какой бы ущерб они ни нанесли — это одна из сторон морализаторского разрыва. Если тактика не срабатывает, виновник может встать на вашу сторону, признав, что он действительно поступил неправильно, выразить вам сочувствие, загладить вину, возместив ущерб, и предоставить убедительные гарантии того, что больше такое не повторится. Другими словами, он может извиниться. Исследования показали, что такие тактики действительно могут смягчить испытывающую злость и возмущение жертву.

Но и с извинениями не все так просто — ведь это могут быть пустые слова! Неискреннее извинение может разъярить сильнее, чем полное его отсутствие: оно усугубляет уже нанесенную обиду циничной попыткой избежать расплаты. Обиженная сторона должна заглянуть обидчику в душу и увидеть, что тот отказался от намерений навредить снова. Сигналы, помогающие донести до пострадавшего сообщение, что обидчик больше не представляет опасности, — это демонстрируемые эмоции стыда, вины и смущения²¹². Задача извиняющегося — сделать эти эмоции видимыми. И, как всегда, единственный способ сделать сигнал убедительным — не экономить на средствах его выражения. Когда подчиненный примат хочет умиловать доминантного, он съеживается, отводит взгляд и подставляет уязвимые части тела. Соответствующее поведение и у людей — подлизываться, подхалимничать, кланяться и расшаркиваться. Помогает и передача контроля над языком нашего тела вегетативной нервной системе — рефлекторной цепи, которая контролирует кровообращение, мышечный тонус и активность желёз. Извинения, подкрепленные покраснением, заиканием и слезами, убедительнее спокойных, собранных и сдержанных. Плач и румянец особенно эффективны, потому что они ощущаются и внутри, и таким образом создают общее знание. Извиняющийся знает, что наблюдатель понимает его эмоциональное состояние, а наблюдатель знает, что другой это знает и так далее. Общее знание уничтожает самообман: виновная сторона больше не может отрицать неудобную правду²¹³.

~

Маккалоу заметил, что присущие нам регуляторы мести в дополнение к системе уголовного правосудия предлагают еще один способ ослабить общественный конфликт. Потенциальная отдача может быть огромна, поскольку судебная система дорога, неэффективна, не отвечает нуждам жертв и тоже по-своему жестока, так как силой помещает преступника в тюрьму. Сегодня во многих городских и сельских сообществах уже работают программы реституционного (восстановительного) правосудия, иногда дополняющие уголовное судопроизводство, иногда заменяющие его. Преступник и жертва, часто в сопровождении семьи и друзей, собираются вместе; координатор предоставляет жертве возможность выразить свою боль и гнев, а преступнику — шанс проявить искреннее раскаяние и предложить возмещение ущерба. Действо напоминает телешоу, но оно способно утолить боль жертв и поставить как минимум некоторых преступников на прямую дорогу, спасая их от медленно мелющих мельниц системы уголовного правосудия.

Последние два десятка лет и на международной арене все чаще звучат извинения политических лидеров за преступления, совершенные их правительствами. Политолог Грэм Доддс составил «почти исчерпывающий хронологический список основных политических извинений» в истории. Список открывается 1077 г., когда «император Священной Римской империи Генрих IV извинился перед папой Григорием VII за конфликты между Церковью и государством, простояв босиком в снегу три дня»²¹⁴. Следующего извинения пришлось ждать 600 лет: в 1711 г. штат Массачусетс извинился перед семьями жертв салемской «охоты на ведьм». Первое извинение XX в. — признание Германии в том, что она

начала Первую мировую войну, сделанное при заключении Версальского мира в 1919 г., вероятно, не лучшая реклама жанра политического раскаяния. Но череда извинений, сыпавшихся на рубеже XX–XXI в., знаменует новую эру в самовыражении государств. Впервые в истории лидеры стран поставили идею исторической истины и международного урегулирования над эгоистичными заявлениями о непогрешимости и правоте своей страны. В 1984 г. Япония «извинилась» за оккупацию Кореи, когда император Хирохито сказал прибывшему с визитом южнокорейскому президенту: «Печально, что в этом столетии было такое несчастливое время». Но не прошло и десяти лет, как высшие лица Японии один за другим начали приносить все более вежливые извинения. Германия извинилась за Холокост, США — за депортацию американских японцев, Советский Союз извинился за убийство польских узников в годы Второй мировой, Британия извинилась перед ирландцами, индийцами и маори, а Ватикан извинился за свою роль в религиозных войнах, преследовании евреев, работорговле и дискриминации женщин. Рис. 8–6 показывает, как политические извинения стали приметой нашего времени.

Действительно ли извинения и другие примирительные жесты, имеющиеся в социальном репертуаре людей, способны остановить циклы насилия? Политологи Уильям Лонг и Питер Бреке обратились к этому вопросу в своей книге 2003 г. «Война и примирение: разум и чувства при разрешении конфликтов» (War and Reconciliation: Reason and Emotion in Conflict Resolution). Бреке — ученый, составивший каталог конфликтов, на который я опирался в работе над главой 5, и вопрос

конфликтов авторы тоже рассмотрели с цифрами в руках. Они выделили 114 пар стран, воевавших между собой с 1888 по 1991 г., а кроме того, изучили 430 гражданских войн. Затем они определили мероприятия, способствовавшие примирению, — церемонии или ритуалы, сводившие вместе лидеров воюющих сторон, — и сравнили число вооруженных противостояний (угроз или реальных столкновений) за несколько десятилетий до и после этого, чтобы узнать, внесли ли ритуалы какой-либо вклад в развитие событий. Выдвигая гипотезы и интерпретируя свои находки, они опирались как на теорию рационального агента, так и на идеи эволюционной психологии.

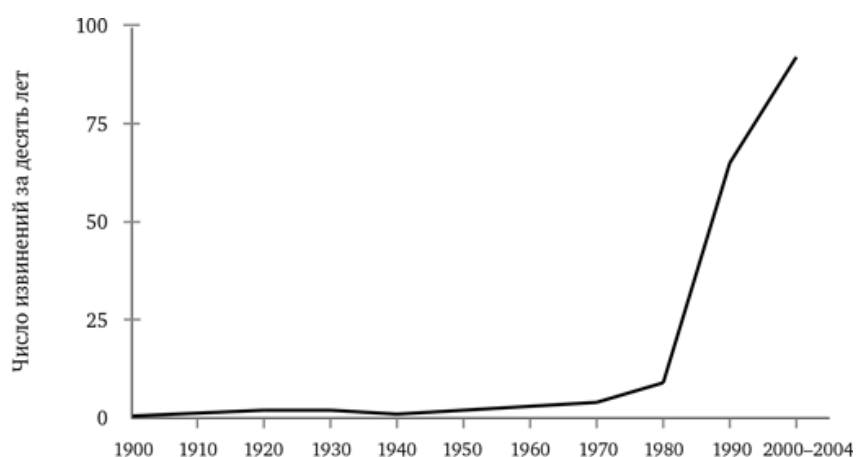

РИС. 8–6. Извинения политических и религиозных лидеров, 1900–2004 гг.

Источники: Data from Dodds, 2003b, and Dodds, 2005

В случае международных разногласий эмоциональные жесты ничего особо не меняют. Лонг и Бреке выделили 21 мероприятие по международному урегулированию и сравнили те, что примирили воюющие стороны, с теми, которым это не удалось. Успех сопутствовал не символическим жестам, но дорогостоящим сигналам. Лидеры одной или обеих стран совершают новые, добровольные, рискованные, бесповоротные и смелые шаги навстречу миру, и противник верит, что оппонент

вряд ли возобновит враждебные действия. Обращение Анвара Садата к израильскому парламенту в 1977 г. яркий тому пример. Шаг исключительный и совершенно точно дорогостоящий, поскольку в итоге стоил Садату жизни. Но в результате был заключен мирный договор, который действует по сей день. Процесс примирения сопровождался парой мелодраматичных церемоний, и сегодня Египет и Израиль не воюют, хотя и не скажешь, что поддерживают дружеские отношения. Лонг и Бреке замечают, что иногда пары стран, веками враждебно смотревшие друг на друга, превращаются в добрых приятелей — Англия и Франция, Англия и США, Германия и Польша, Германия и Франция, — но дружелюбие не приходит по щелчку пальцев, ему предшествуют десятилетия мирного сосуществования.

Психология прощения, как известно, лучше всего срабатывает, если обидчик и жертва связаны родством, дружбой или взаимной зависимостью. Неудивительно, что примирительные жесты успешнее прекращают гражданские войны, а не межгосударственные. Участники гражданской войны как-никак живут в пределах одной страны, объединенные в мнимую общность флагом и футбольной сборной. Часто их связи еще глубже. Враждующие могут иметь общую религию или язык, заниматься одним делом; их могут соединять семейные узы. В повстанческих войнах или конфликтах боевиков на разных сторонах порой сражаются соседские мальчишки, отцы и сыновья, дяди и племянники, и, если сообщества хотят залечить свои раны, им приходится принимать соучастников ужасных преступлений обратно в свои ряды. Связывающие их узы готовят почву для извинения и примирения. Такие жесты доброй воли эффективнее

механизмов примирения государств — дорогостоящих сигналов добрых намерений, потому что между сторонами гражданского конфликта не проведешь четкой границы, они не могут выступать с единых позиций, обмениваясь сообщениями и восстанавливая статус-кво, если инициатива провалится.

Лонг и Бреке изучили 11 случаев примирения в период с 1957 г., символически положивших конец гражданским конфликтам. В семи из них (64%) возврата к насилию не произошло. Цифры впечатляют: если примиряющего события не было, насилие прекращалось только в 9% случаев. И во всех историях с хорошим концом соблюдались похожие ритуалы примирения: общества прибегали к символическому и частичному правосудию — не старались простить и забыть, но и не гнались за окончательной справедливостью. Если поднести микрофон слишком близко к колонке, она усилит сигнал и издаст разрывающий уши вой; так и карательное правосудие, взимающее кровь за кровь, может раздуть жажду мести, вызвав новый виток насилия. Микрофон замолкает, если выключить усилитель, — и смягчение карательного правосудия разрывает порочный круг насилия в сообществе. Порой после гражданских конфликтов жажду справедливости приходится вынужденно глушить, поскольку институты правосудия — полиция и пенитенциарная система — в этот момент не только неустойчивы, но и сами могут числиться среди основных исполнителей насилия.

Классический пример урегулирования после гражданского конфликта — Южная Африка. Используя концепцию убунту (братства), Нельсон Мандела и Десмонд Туту учредили систему реституционного, а не карательного правосудия,

чтобы залечить раны страны после десятилетий жестоких репрессий и борьбы против режима апартеида. Подобно революциям прав, восстановительное правосудие Манделы и Туту и заимствовало идеи из общей базы способов ненасильственного разрешения конфликтов, и пополняло ее. Как утверждают Лонг и Бреке, подобные программы укрепили гражданский мир в Мозамбике, Аргентине, Чили, Уругвае и Сальвадоре. В состав удачного эликсира входят всего четыре ингредиента.

Во-первых, необходимо открыто рассказать правду и признать причиненный вред. Учреждаются комиссии по установлению истины и примирению, где исполнители публично признаются в совершенных преступлениях; организуются государственные комитеты по расследованию, чьи доклады широко освещаются в прессе и получают официальное одобрение. Их задача — разрушить эгоистичную психологию, питающую морализаторский разрыв. Хотя раскрытие истины не проливает крови, оно требует от сознающих принести болезненную эмоциональную жертву в форме стыда и вины; им приходится в одностороннем порядке сложить свое главное моральное оружие и отказаться от заявлений о своей невинности. Есть большая психологическая разница между преступлением, о котором каждый знает, но никто не говорит, и тем, которое «вышло наружу» и стало общим знанием. Подобно тому как румянец стыда и слезы помогают добиться прощения, публичное признание вины может изменить отношения между группами.

Во-вторых, для успешного примирения необходимо явным образом изменить социальную идентичность людей. Они должны придать новые

смыслы группам, с которыми себя идентифицируют. Вечные жертвы общества могут взять на себя ответственность за управление им. Бунтари становятся политиками, бюрократами или бизнесменами. Армия отказывается от миссии олицетворять собою нацию и берет на себя задачу поскромнее — защищать ее.

Третий ингредиент кажется ключевым: неполная справедливость. Вместо того чтобы уравнивать все счета, общество должно провести черту под прошлым и даровать помилование всем, кроме предводителей банд и самых отъявленных мерзавцев из рядовых, — даже если наказанием виновного станет всего лишь удар по репутации, престижу и привилегиям, а не отмщение кровью за кровь. Вдобавок можно заставить виновных возмещать ущерб, но значение реституций для восстановительного правосудия будет скорее эмоциональным, чем финансовым. Лонг и Бреке пишут:

В каждом случае успешного примирения (за исключением Мозамбика) справедливость была восстановлена, но ни разу не была достигнута в полной мере. С юридической или моральной точки зрения этот факт может быть достоин сожаления и даже трагичен, однако он отвечает нуждам восстановления общественного порядка, как и утверждается в гипотезе о прощении. Для успешного примирения нельзя ни полностью отказываться от карательного правосудия, ни стремиться достичь окончательной справедливости... Как бы это ни тревожило, люди, похоже, способны смириться со значительной несправедливостью амнистии во имя мира в обществе²¹⁵.

Другими словами, снимите с бампера наклейку «Хочешь мира — добивайся справедливости». И, следуя совету Джошуа Голдстейна, замените на другую: «Хочешь мира — добивайся мира»²¹⁶.

Наконец, бывшие враги должны обозначить свою преданность новым отношениям набором вербальных и невербальных сигналов. Как пишут Лонг и Бреке,

«принимаются официальные резолюции, подписываются мирные договоры, а главы враждовавших групп открывают объятия друг другу, в память о трагедии возводятся статуи и монументы, переписываются учебники и принимаются тысячи мелких и крупных мер, чтобы укрепить мнение, что, хотя прошлое достойно сожаления, будущее дарит надежду»²¹⁷.

Конфликт между Израилем и Палестиной для многих сегодня является примером самого трудноразрешимого, нескончаемого цикла кровной мести. Даже Поллианна тут не придумала бы, что делать. Прикладная психология примирения подтверждает взгляд израильского прозаика Амоса Оза на то, каким должно быть решение:

Трагедию можно закончить одним из двух способов: есть шекспировский финал и есть чеховский. В конце шекспировской трагедии сцена усеяна трупами и, возможно, какая-то там справедливость гордо реет поверху. Чеховская же трагедия заканчивается тем, что все сердца разбиты, надежды развеяны, герои разочарованы, огорчены и абсолютно сокрушены, но живы. И для израильско-палестинской трагедии я бы предпочел финал как у Чехова, а не как у Шекспира²¹⁸.

САДИЗМ

Сложно выделить самый отвратительный подвид людской порочности — слишком уж широк выбор, но если геноцид — худший в количественном отношении, то садизм, наверное, в качественном. Намеренное причинение боли без всякой другой цели, лишь ради того, чтобы насладиться чужими страданиями, не только чудовищно с моральной точки зрения, но и непостижимо с рациональной, потому что в обмен на агонию жертвы палач не получает никаких видимых личных или эволюционных

преимуществ. И в отличие от многих других грехов садизм вовсе не стыдное удовольствие, о котором люди втайне фантазируют; немногие из нас мечтают посмотреть, как сжигают кошек. Тем не менее пытки — рецидивирующее уродство, повторяющееся на всем протяжении истории человечества, вплоть до наших дней, и проявляется оно как минимум в пяти обстоятельствах.

Садизм может вырасти из инструментального насилия. Пытками можно запугать политических оппонентов, а для убедительности нужно время от времени приводить угрозы в исполнение. Под пытками можно получить информацию от подозреваемого или от политического противника. Полиция и силы безопасности самых разных государств прибегают к умеренным пыткам, маскируя их эвфемизмами вроде «допрос с пристрастием», «особые методы допроса», «физическое воздействие» — и иногда эти тактики эффективны²¹⁹. Философы-моралисты, начиная с Иеремии Бентама, указывали, что теоретически пытки могут быть оправданны, особенно в известном сценарии с тикающей бомбой: преступник знает, где должен произойти взрыв, который убьет и покалечит множество невинных людей, и только пытка заставит его рассказать, где заложена взрывчатка²²⁰.

Но среди множества аргументов против применения пыток есть и такой: этот вид насилия не может долго оставаться инструментальным. Палачи увлекаются. Они причиняют жертве столько боли, что она скажет все что угодно, лишь бы остановить истязание, или будет бредить в агонии и не сможет отвечать на вопросы²²¹. Часто жертва пыток умирает, что несколько затрудняет извлечение информации. А

в случаях вроде истязаний иракских узников американскими солдатами в тюрьме Абу-Грейб пытки, вместо того чтобы послужить полезной цели, стали стратегической катастрофой для страны, которая позволила такому случиться: они озлобили врагов и отвратили друзей.

Второе благоприятствующее обстоятельство — уголовное или религиозное наказание. Здесь опять есть зерно инструментальной мотивации: пытка помогает сдержать правонарушителей, угрожая им болью, сила которой полностью аннулирует их выгоду. Однако, как подчеркивал Беккариа и другие реформаторы Просвещения, любая разумная политика сдерживания может достичь той же цели, используя менее бесчеловечные, но зато неминуемые наказания. И если уж прибегать к смертной казни, нет никакой необходимости предварять ее длительной изуверской пыткой, как было принято во времена оны: казни уже достаточно для сдерживания. По сути, телесные наказания и мучительная смертная казнь превращались в оргию жестокости ради жестокости.

Мотивом для пыток может стать и желание развлечься — вспомните римский Колизей и кровавые забавы вроде травли медведей или сжигания кошек. Барбара Такман упоминает, что в Средние века французские города иногда перекупали у соседей осужденных преступников, чтобы развлечь своих горожан публичной казнью²²².

Впавшие в буйство солдаты, боевики и повстанцы могут предаваться чудовищным пыткам и изуверству, особенно если их внезапно отпустили страх и тревога, — феномен, который Рэндалл Коллинз назвал перенаправленной паникой. Такие зверства часто

сопровождают погромы, геноцид, полицейский беспредел, военные бунты и племенные войны.

Наконец, есть серийные убийцы — психопаты, которые преследуют, похищают, уродуют и убивают ради сексуального удовлетворения. Преступники вроде Теда Банди, Джона Уэйна Гэйси и Джеффри Дамера отличаются от заурядных массовых убийц²²³. Массовые убийцы — это мужчины, впавшие в амок, взбешенные почтальоны, мстящие за оскорбление и доказывающие свою силу, в последнем суицидальном припадке забирая на тот свет всех, кого только смогут. Мало чем отличаются от них и типы вроде вашингтонского стрелка Джона Мухаммада, который растянул свою месть на несколько недель. У серийных убийц другой мотив — садизм. Их возбуждает возможность пытаться, расчленять, потрошить и медленно забирать жизнь жертвы голыми руками. Даже самые пресыщенные потребители информации о человеческих зверствах будут шокированы страницами работы Гарольда Шехтера «Личные дела серийных убийц» (The Serial Killer Files).

При всей своей дурной славе, созданной рок-песнями, телесериалами и голливудскими блокбастерами, серийные убийцы — редкий феномен. Криминологи Джеймс Алан Фокс и Джек Левин отмечают, что, «возможно, в мире больше ученых, изучающих серийные убийства, чем преступников, их совершающих»²²⁴. И даже это небольшое количество (как и все прочие виды насилия, которые мы исследовали в этой книге) снижается. В 1980-х было известно о существовании примерно 200 преступников, которые убивали около 70 человек в год. В 1990-х серийных убийц насчитывалось 141, а в 2000-х только 61 человек²²⁵. Эти цифры могут быть

занижены (многие серийные убийцы охотятся на бродяг, проституток, бездомных и прочих маргиналов, чье исчезновение, скорее всего, не будет зарегистрировано как убийство), но в любом случае на свободе в США не может находиться больше двух-трех дюжин серийных убийц, и все вместе они несут ответственность за ничтожную долю от 17 000 убийств, которые происходят в стране ежегодно²²⁶.

В серийных убийствах нет ничего нового. Шехтер показал, что вопреки распространенной идее, что серийные убийцы — продукт больного современного общества, они тысячелетиями пятали кровью страницы истории. Калигула, Нерон, Синяя Борода (вероятно, его прототипом был рыцарь Жиль де Ре, живший в XV в.), Влад Дракула, Джек-потрошитель известны всем, и ученые вполне могут допустить, что легенды об оборотнях, женихах-грабителях и демонах-парикмахерах основаны на многожды пересказанных историях реальных серийных убийц. Новым стал лишь термин, который дошел до нас по милости самого известного из всех серийного мучителя Донасьена Альфонса Франсуа, также известного как маркиз де Сад. В прежние века серийных убийц-садистов называли убийцами-извергами, кровожадными монстрами, дьяволами в человеческом обличье или нравственно неменяемыми.

Хотя садизм серийных убийц встречается нечасто, садизм инквизиторов, погромщиков, любителей публичных казней, фанатов кровавого спорта и посетителей Колизея не редкость. И даже серийные убийцы не становятся таковыми благодаря некому гену, повреждению мозга, детским травмам или другим причинам, которые мы можем точно

определить²²⁷. (Они действительно чаще других становятся жертвами сексуального или физического насилия в детстве, но насилие переживают миллионы людей, и они не вырастают серийными убийцами.) Очень вероятно, что ответ на вопрос, как люди становятся серийными убийцами, поможет нам понять, что приводит к садизму обычных людей. Какой же смысл мы можем извлечь из самой бессмысленной разновидности насилия?

Для формирования садизма достаточно двух условий: мотивов, побуждающих наслаждаться страданиями других, и устранения ограничений, которые в норме препятствуют реализации таких мотивов.

Как ни больно это признавать, природе человека свойственны как минимум четыре мотива, побуждающие получать удовольствие от чужих страданий. Первый — это болезненный интерес к хрупкости жизни, феномен, точнее всего выражающийся словом «макабрический». Именно он побуждает мальчиков отрывать ножки кузнечiku и поджаривать муравьев с помощью увеличительного стекла. Это он заставляет взрослых выворачивать шеи, рассматривая место ДТП, — слабость, собирающая километровые пробки, — и платить деньги постановщикам кровавых зрелищ. Его конечной целью может быть ощущение контроля над миром живого, в том числе над собственной безопасностью. Макабрический вуайеризм словно предостерегает: «Лишний поворот руля или незапертая входная дверь — и со мной могло бы случиться то же самое»²²⁸.

Борьба за доминирование также превращает чужую боль в приятное переживание. Приятно

наблюдать, как князь падает в грязь, особенно если он один из ваших обидчиков. Если же смотреть на жизнь с вершины иерархической пирамиды, очень ободряет уверенность, что при необходимости можно применить силу и заставить окружающих повиноваться. Полная власть — это возможность причинять другим боль, когда тебе заблагорассудится²²⁹.

Сегодня нейрopsихологи часто используют магнитно-резонансный томограф в своих исследованиях. Насколько мне известно, никто еще не исследовал с помощью сканера садизм, однако ослабленный вариант садизма попадал в поле зрения японских экспериментаторов²³⁰. Речь о злорадстве. Используя магнитно-резонансную томографию (МРТ), исследователи предлагали юношам-студентам японских университетов поставить себя на место неудачливого выпускника. Бедолага мечтает работать в международной IT-корпорации, но учился он средне, в бейсбольной команде протирал скамейку запасных и в итоге, получив диплом, устроился продавцом, зарабатывает гроши, живет в крошечной квартирке и не может найти себе подружку. На встрече выпускников этот неудачник сталкивается с бывшим однокурсником, который сделал быструю карьеру, живет в роскошном кондоминиуме, водит модную машину, обедает во французских ресторанах, коллекционирует дорогие часы, на выходные улетает на курорты, а «после работы у него полно возможностей знакомиться с девушками». (Участники также должны были представить, что встретили двух однокурсниц, одна из которых добилась успеха, а вторая — нет. Но, как и предполагали японские исследователи, девушки никакой зависти у юношей-испытуемых не вызывали.) Затем испытуемый

неудачник читал о том, что произошло с однокурсником, которому он завидовал. На того, как на библейского Иова, обрушились несчастья: он стал жертвой мерзких слухов, подруга ему изменила, в его компании начались финансовые проблемы, зарплату ему урезали, машина сломалась, коллекцию часов украли, дом, в котором он живет, разрисовали вандалы, он отравился едой во французском ресторане, а его отпуск сорвался из-за тайфуна. В этот момент исследователи с помощью сканера могли в буквальном смысле слова видеть злорадство в мозге испытуемого. Когда испытуемые читали о несчастьях виртуальных соперников (женщин они не воспринимали в этом качестве), их полосатое тело — часть поисковой системы, обуславливающей желание и влечение, — загоралось, как токийский бульвар ночью. Реакция испытуемых женского пола на низвержение соперницы-женщины была такой же.

Третий свойственный природе человека мотив для садизма — это месть или та ее благопристойная версия с участием третьей стороны, которую мы называем правосудием. Сам смысл назидательного наказания заключается в том, чтобы правонарушитель пострадал за свои грехи, а месть, как мы уже знаем, может быть сладка. Она буквально выключает реакцию эмпатии (по крайней мере, у мужчин), и мститель останавливается лишь тогда, когда знает, что объект мести знает, что страдает, расплачиваясь за совершенное злодеяние²³¹. Есть ли лучший способ удостовериться в этом, чем причинить боль своими руками?

И наконец, четвертый мотив — сексуальный садизм. Садизм сам по себе довольно редкая перверсия, среди поклонников садомазохистских

сексуальных игр куда больше любителей «мазо», чем «садо», но более мягкие формы доминирования и подчинения не редкость в порнографии, вероятно, потому, что мужчины более пылкий, а женщины — более разборчивый пол²³². Нейронные цепи сексуальности и агрессивности переплетены в лимбической системе нашего мозга, и обе они реагируют на тестостерон²³³.

В мужской агрессивности присутствует сексуальный компонент. Говоря с интервьюером, солдаты часто описывают военные операции весьма эротическим языком. Один ветеран Вьетнама сказал: «Есть люди, для которых оружие в руках — как непрекращающийся стояк. Спуская курок, получаешь чисто сексуальный приход»²³⁴. Другой согласился: «Убив пятерых, ощущаешь невероятное могущество... Единственное, с чем я могу это сравнить, так это с эякуляцией. Просто несказанное чувство облегчения, понимаете»²³⁵. Узаконенные пытки тоже часто сексуализировались. В житиях святых описывается, как, пытая христианских мучениц, палачи увечили их половые органы, а когда в Средневековые стороны поменялись местами, теперь уже христианские заплочных дел мастера прикладывали пыточные инструменты к женским эрогенным зонам²³⁶. Вслед за мартирологами возникли и другие жанры макабрических развлечений, и везде — в бульварных романах, на сцене парижского театра «Гран-Гиньоль» и на страницах желтой прессы — нередко фигурировали женщины, которым грозили непристойные пытки или увечья²³⁷. Имеется масса свидетельств, что палачи, состоящие на службе в полицейских государствах, испытывают сексуальное

возбуждение от своих зверств. Ллойд Демос приводит рассказ человека, пережившего Холокост:

Когда узников били плетью, начальник лагеря стоял рядом со столбом, к которому их привязывали... Лицо его наливалось кровью в сладострастном возбуждении. Он засовывал руки глубоко в карманы брюк, и было очевидно, что он мастурбирует... Лично я более тридцати раз видел, как этот эсэсовец мастурбировал во время порки²³⁸.

Если серийные убийцы — это воплощение доведенного до предела желания грубого секса, то особого внимания заслуживают гендерные отличия между серийными убийцами разного пола. Шехтер скептически относится к самозванным «составителям психологических портретов преступников» вроде героя Джека Кроуфорда из «Молчания ягнят». Шехтер считает, что по «почерку» серийного убийцы можно сделать лишь одно достоверное умозаключение о его личности: «Когда полиция находит тело с перерезанной глоткой, вспоротым животом, удаленными внутренностями и отрезанными гениталиями, можно с полной уверенностью предположить, что преступник — мужчина»²³⁹. Не то чтобы из девочек не получают серийные убийцы; Шехтер приводит примеры нескольких «черных вдов» и «ангелов смерти». Но развлекаются они по-другому:

Есть однозначная параллель между такой агрессией [свойственной серийным убийцам-мужчинам] — фаллически агрессивной, проникающей, ненасытной и (так как для удовлетворения сойдет тело практически любого незнакомца), неразборчивой — и типичным паттерном мужского сексуального поведения. Исходя из этого, можно считать садистское убийство с членовредительством чудовищным искажением... нормальной мужской сексуальности...

Женщины-психопатки не менее порочны. Однако, как правило, грубая пенетрация их не заводит. Их возбуждает не проникновение в тело незнакомца фаллическим объектом, но гротескная, садистская пародия на любовь и близость: они могут накормить ядом с ложечки ничего не подозревающего пациента или задушить младенца, мирно спящего в колыбели. Короче говоря, они получают удовольствие, нежно превращая друга,

члена семьи или зависимого человека в труп — заняв его до смерти²⁴⁰.

Источников у садизма немало, тогда почему же в мире не так много садистов? Очевидно, разум человека должен быть оснащен некими предохранителями против причинения боли и садизм прорывается наружу, только когда эти тормоза отказывают.

Первое, что приходит на ум, — эмпатия. Если люди чувствуют боль друг друга, тогда чужая боль будет ощущаться как своя. Вот почему садизм чаще проявляется в ситуации, когда жертвы — демонизированные или дегуманизированные существа, выдавленные за рамки круга эмпатии. Но как я уже сказал (подробнее мы исследуем это в следующей главе), чтобы эмпатия могла остановить агрессию, нужно нечто большее, чем привычка проникать в сознание другого. В конце концов, садисты часто проявляют извращенную изобретательность, чтобы внутренним чутьем постичь, как болезненнее мучить своих жертв. Эмпатический ответ прежде всего должен подразумевать увязку собственного счастья со счастьем другого существа — способность, которую лучше называть сочувствием или состраданием, чем эмпатией. Баумайстер подчеркивает: чтобы подавить нежелательное поведение, должна включиться еще одна эмоция — вина. Вина, замечает он, срабатывает не только постфактум. Она приходит и заблаговременно — мы воздерживаемся от поступков, если знаем, что, совершив их, будем чувствовать себя скверно²⁴¹.

Второй тормоз садизма — это культурное табу — убеждение, что намеренное причинение боли

исключено, неважно, вызывает жертва у нас сочувствие или нет. Сегодня пытки запрещены Всеобщей декларацией прав человека и Женевскими конвенциями 1949 г.²⁴² В отличие от древности, Средневековья и раннего Нового времени, когда пытки были популярным развлечением, сегодня пытки по приказу правительств строго засекречиваются, а это значит, что табу стало общепризнанным, хотя, как и все остальные табу, временами лицемерно нарушается. В 2001 г. правовед Алан Дершовиц отреагировал на это лицемерие, предложив легальный механизм прекращения тайных пыток в демократических странах²⁴³. В его гипотетическом сценарии с тикающей бомбой полиция, прежде чем начать пытать подозреваемого, вытягивая из него информацию, которая может спасти жизни людей, должна получить на это особый ордер от незаинтересованного судьи; все другие формы допроса с пристрастием должны быть полностью запрещены. Предложение Дершовица было встречено с яростным негодованием. Рассматривая культурное табу, исследователь тем самым его нарушил: многие посчитали, что он защищает пытки, а не ищет способ их минимизировать²⁴⁴. Ряд самых сдержанных критиков подчеркивал, что табу на самом деле выполняет важную функцию. Если уж и возникнет сценарий с тикающей бомбой, говорили они, лучше подходить к нему ситуативно и, возможно, смириться с некоторым количеством тайных пыток, чем включить пытки в список используемых опций, откуда они могут распространиться на различные сценарии реальных или воображаемых угроз²⁴⁵.

Но, возможно, самый мощный ограничитель садизма одновременно является и самым простым: инстинктивное отвращение к причинению боли

другому человеку. Для большинства приматов крик боли, изданный собратом, — неприятный, отвращающий стимул, животные даже отказываются от пищи, если ее подача сопровождается криком боли или если их кормят в присутствии другого примата, которого бьют током²⁴⁶. Это душевное смятение отражает не «моральные принципы» обезьян, но страх дико разозлить сородича (а может быть, является реакцией на неизвестную внешнюю угрозу, которая заставляет другую обезьяну издавать сигнал тревоги)²⁴⁷. Участники известного эксперимента Стэнли Милгрэма, которые, следуя инструкции, били током подставных испытуемых, приходили в смятение, когда слышали пронзительные крики²⁴⁸. Даже в гипотетических, придуманных философами-моралистами сценариях респонденты выказывали отвращение к мысли бросить толстяка на рельсы под мчащуюся вагонетку, даже если это спасет пять невинных жизней²⁴⁹.

Все, что мы знаем о практическом насилии в реальном мире, согласуется с результатами лабораторных исследований. Драчуны действительно не готовы биться до последней капли крови, да и солдаты на поле боя порой не желают жать на курок²⁵⁰. Опрашивая нацистских резервистов, которым приказывали стрелять в евреев с близкого расстояния, историк Кристофер Браунинг узнал, что первой их реакцией было физиологическое отвращение к тому, что они делают²⁵¹. Резервисты не вспоминали о травме первого убийства в морально окрашенных выражениях, как можно было бы ожидать, — они не выказывали вины, не приносили запоздалых извинений. Вместо этого они рассказывали, как противно им было слышать стоны и

видеть кровь, говорили о неприятных ощущениях, сопровождающих стрельбу в людей в упор. Как подытожил их свидетельства Баумайстер, «первый день массовых убийств не сподвиг их к духовным поискам, скорее заставил в прямом смысле слова блевать»²⁵².

В человеческой природе имеются преграды садизму, но есть и обходные пути, иначе бы садизма просто не было. Самый незатейливый из них проявляется при вспышках массовой агрессии, когда открывается возможность уничтожить врага и отвращение к прямому насилию временно блокируется. Самый изощренный — когда мы заставляем себя поверить в предлагаемые обстоятельства и погружаемся в воображаемые миры. Какая-то часть сознания углубляется в них и даже немного балуется виртуальным садизмом. А чтобы внутренние ограничения не портили удовольствие, другая напоминает нам, что все это выдумка²⁵³.

Психопатия — это неисправимое повреждение механизмов, подавляющих садизм. У психопатов притуплена реакция миндалины и орбитальной коры на сигналы страдания, а кроме того, они практически не способны сопереживать другим²⁵⁴. Все серийные убийцы — психопаты, а оставшиеся в живых жертвы бесчеловечных допросов и жестокого давления, санкционированного властями, часто сообщают, что некоторые тюремщики выделяются своим садизмом — предположительно, и они тоже психопаты²⁵⁵. Тем не менее большая часть психопатов не становится ни серийными убийцами, ни садистами, зато практически любой человек в некоторых

обстоятельствах способен погрузиться в садизм — вспомните свидетелей публичных казней в средневековой Европе. Следовательно, нам необходимо определить путь, который ведет людей (одних быстрее, чем других) к причинению боли ради собственного удовольствия.

Садизм — это в буквальном смысле дело привычки²⁵⁶. Профессиональные палачи, полицейские дознаватели и тюремные надзиратели следуют парадоксальной карьерной траектории. Они не проходят путь от неопытных энтузиастов до искусных мастеров, точно знающих, сколько боли нужно причинить, чтобы добыть максимум ценной информации. Вместо этого они становятся изуверами, которые пытаются узников несоразмерно никаким разумным целям. Они начинают наслаждаться своей работой. Другие формы садизма тоже можно развить. Многие сексуальные садисты начинали орудовать плетью и ошейником в угоду более многочисленным мазохистам и со временем вошли во вкус. Да и серийные убийцы свое первое убийство совершают, испытывая смятение, отвращение и в итоге разочарование: опыт оказывается не настолько возбуждающим, как они себе воображали. Но со временем аппетит обостряется, следующее убийство дается им легче и приносит больше приятных ощущений, и, чтобы удовлетворить потребность, ставшую зависимостью, им приходится с каждым разом действовать все безжалостнее. Нетрудно себе представить, как публичные и обыденные пытки и казни средневековой Европы могли привить навык садизма населению в целом.

Считается, что люди могут терять восприимчивость к насилию, но, когда они обретают

вкус к пыткам, происходит нечто другое. Дело не в том, что люди не замечают чужих страданий, подобно тому как жители дома по соседству с заводом по переработке рыбы перестают чувствовать неприятный запах. Напротив, садисты получают удовольствие от страданий жертв, а серийные убийцы, безусловно, жаждут его²⁵⁷.

Баумайстер объясняет усвоение садизма с помощью теории мотивации, которую психолог Ричард Соломон предложил по аналогии с цветным зрением²⁵⁸. Соломон предполагает, что эмоции, подобно дополняющим цветам, ходят парами. Если долго носить розовые очки, зрение адаптируется и мы начинаем видеть мир в естественных оттенках. Но когда очки сняты, какое-то время все вокруг выглядит зеленее, чем есть на самом деле. Это происходит потому, что наше ощущение белого или серого на самом деле отражает неустойчивое равновесие между нейронными цепями, отвечающими за восприятие красного цвета (точнее, длинных световых волн), и цепями, отвечающими за восприятие зеленого (волн средней длины). Когда чувствительные к красному нейроны какое-то время интенсивно стимулируются, они привыкают и уступают лидерство нейронам, чувствительным к зеленому, и мы уже не видим розовый цвет таким ярким.

Когда же очки снимают, нейроны, чувствительные к красному и зеленому, стимулируются с одинаковой силой, но чувствительность к красному снижена, в то время как нейроны зеленого свежие и отдохнувшие. Зеленая сторона перетягивает одеяло на себя, и мир кажется нам зеленее.

Соломон предполагает, что наш эмоциональный статус, как и наше восприятие цветов, держится в

равновесии балансом противодействующих нейронных цепей. Страх уравнивается уверенностью, эйфория — депрессией, голод — насыщением. Главное отличие противоположных эмоций и дополняющих друг друга цветов — это то, как они изменяются с опытом. Что касается эмоций, первоначальная реакция человека со временем слабеет и уравнивающий импульс становится интенсивнее. С повторением опыта эмоциональный рикошет ощущается острее первоначальной эмоции. Первый прыжок с эмоциональной тарзанки пугает до дрожи, а внезапное обратное ускорение опьяняет; далее следует фаза расслабленной эйфории. Но с каждым следующим прыжком уверенность укрепляется, а значит, страх тает быстрее, а удовольствие приходит раньше. Если момент самого концентрированного удовольствия — это внезапное прекращение паники, на смену которой приходит уверенность, тогда ослабление панической реакции со временем может толкать прыгуна к все более опасным прыжкам в поисках прежнего уровня возбуждения. Динамика действия-противодействия заметна и в случае позитивного первоначального опыта. Первая доза героина вызывает эйфорию, и синдром отмены после нее умеренный. Но когда человек «подсаживается», удовольствие снижается, а симптомы отмены приходят все раньше и становятся все неприятнее, пока целью наркомана станет не получение удовольствия, а стремление избежать ломки.

Баумайстер считает, что садизм следует той же траектории²⁵⁹. Садисту неприятно причинять жертве боль, но дискомфорт не может длиться вечно, и со временем ободряющая и возбуждающая контрэмоция переустанавливает равновесие на ноль. Когда

припадки зверства повторяются, процесс обретения уверенности становится все сильнее и выключает отвращение все раньше. Со временем уверенность начинает доминировать и весь процесс сводится к удовлетворению, приятному возбуждению и новому витку вождления. Как выражается Баумайстер, все удовольствие в обратном потоке.

Сама по себе теория обратного процесса несколько примитивна: в рамках этой логики выходит, что люди будут бить себя по голове, потому что им будет очень приятно, когда они перестанут это делать. Явно не все виды опыта управляются тем же напряжением между реакцией и ответной реакцией и не тем же постепенным ослаблением первой и укреплением второй. Должна существовать разновидность негативных переживаний, которые особенно быстро истощаются. Психолог Пол Розин обнаружил синдром приобретенного вкуса, который он назвал мягким (доброкачественным) мазохизмом²⁶⁰. К таким парадоксальным удовольствиям относится употребление острого перца чили, сыров с резким запахом и сухого вина, а также пристрастие к экстремальным ощущениям — от посещения сауны до прыжков с парашютом, автогонок и скалолазания. Все это зрелые пристрастия: чтобы стать ценителем, неофит должен преодолеть первую реакцию боли, отвращения или страха. И все они достигаются контролируемым контактом с постепенно увеличивающимися дозами стресс-фактора. Это всегда объединение многообещающих целей (питание, здоровье, скорость, знакомство с новой средой) с высоким риском (отравление, уязвимость, несчастный случай). Приобретение такого вкуса дарит удовольствие от выхода из зоны комфорта, от осторожной проверки: как горячо, высоко, сильно,

быстро или далеко можно зайти, не повредив себе. Главная цель такого поведения — найти богатую ресурсами зону внутри знакомых переживаний, которая по умолчанию заблокирована рефлексивными страхами и осторожностью. Мягкий мазохизм — это преувеличенное желание покорить и освоить, и, как подчеркивают Соломон и Баумайстер, процесс отвращения — преодоления отвращения при этом может выйти за пределы и привести к зависимости. В случае садизма многообещающие преимущества — это доминирование, месть и секс, а высокие риски — месть со стороны жертвы или ее союзников. Садисты становятся ценителями — пыточные инструменты средневековой Европы, полицейские следственно-допросные центры и логовища серийных убийц могут быть зверски изощренными, и садисты могут становиться рабами привычки.

Тот факт, что садизм — дело привычки, и пугает, и обнадеживает. Садизм как путь, проложенный мотивационными системами мозга, представляет собой постоянную опасность для личности, сотрудников силовых структур или представителей субкультур, которые, сделав первый шаг в этом направлении, способны втайне от всех дойти до подлинной порочности. И в то же время, если остановить первые шаги в этом направлении, а остаток пути осветить ярким светом, мы можем преградить садизму дорогу.

ИДЕОЛОГИЯ

Люди и по отдельности не испытывают недостатка в эгоистичных мотивах насилия. Но количество жертв возрастает до чудовищных цифр, когда массы людей

воплощают в жизнь мотив, который выходит за пределы любого из них: идеологию. Подобно хищническому или инструментальному насилию, идеологическое насилие — это средство достижения цели. Но цель у идеологии идеалистическая: концепция высшего блага²⁶¹.

Однако при всем своем идеализме именно идеология управляла людьми, творившими самые худшие преступления: Крестовые походы, европейские религиозные войны, французские революционные и Наполеоновские войны, гражданские войны в России и Китае, Вьетнамскую войну, Холокост, геноцид, организованный Сталиным, Мао и Пол Потом. Идеология может быть опасной по нескольким причинам. Бесконечное благо, которое она обещает, не позволяет ее истовым последователям пойти на компромисс. Идеология не остановится перед необходимостью разбить сколь угодно много яиц, чтобы приготовить утопический омлет. Идеология представляет несогласных с нею носителями бесконечного зла, заслуживающими бесконечных страданий.

Мы уже знаем о психологических ингредиентах смертоносных идеологий. Их когнитивная предпосылка — наша способность составлять длинные цепи умозаключений о средствах и целях, что подталкивает нас прибегать к неприятным средствам ради достижения желаемого результата. В конце концов, в жизни цели иногда действительно оправдывают средства: например, чтобы вылечиться, мы принимаем горькие лекарства и проходим болезненные процедуры. Но размышления такого рода становятся опасными, когда достижение великой цели подразумевает причинение вреда человеческим

существам. Подтолкнуть мысль в этом направлении может само строение разума, с присущими ему мотивами доминирования и мести, с привычкой навешивать ярлыки и считать врагов демонами или вредителями, с нашим гибким кругом эмпатии и ошибкой эгоистичности, преувеличивающей нашу мудрость и добродетель. Идеология может подsunуть нам успокаивающее объяснение случайных событий и коллективных неудач, которое польстит добродетели и компетентности верных сторонников и при этом будет достаточно расплывчатым или конспирологическим, чтобы устоять перед скептическим взглядом²⁶². Дайте этим ингредиентам повариться в уме нарцисса, не способного к эмпатии, зато одержимого жаждой обожания, фантазиями о безграничном успехе, могуществе, славе и величии, и он возжаждет внедрить систему верований, которая приведет к гибели миллионов людей.

Но загадка идеологического насилия не столько психологическая, сколько эпидемиологическая: как токсичная идеология может распространиться от кучки фанатиков-нарциссов на всю популяцию, стремящуюся воплотить их планы? Часто идеологические убеждения не только порочны, но еще и заведомо абсурдны — эти идеи ни один здравомыслящий одиночка не поддержит. К примеру, сожжение ведьм за то, что они топят корабли и превращают людей в котов, уничтожение всех европейских евреев до последнего, потому что их кровь может загрязнить арийскую расу, и казнь камбоджийцев, которые носят очки (ведь очки доказывают, что этот человек — интеллигент, а значит, классовый враг). Как можно объяснить этот массовый морок и безумие толпы?

В группах могут возникать самые разнообразные патологии мышления. Одна из них — поляризация. Соберите вместе людей с примерно одинаковыми убеждениями с целью их прояснить, и их мнения обретут еще большее сходство да к тому же станут более радикальными²⁶³. Либералы станут еще либеральнее, консерваторы — еще консервативнее. Другая групповая патология — интеллектуальная узость, динамика, которую психолог Ирвинг Дженис назвал групповым мышлением (Groupthink)²⁶⁴. Члены группы предпочитают говорить своим лидерам то, что те хотят услышать, подавляют инакомыслие, подвергают цензуре собственные сомнения и отсеивают свидетельства, которые противоречат сложившемуся единомыслию. Третья патология, свойственная группам, — межгрупповая враждебность²⁶⁵. Представьте, что на несколько часов вы заперты в одной комнате с человеком, чьи убеждения вам не нравятся: скажем, вы либерал, а тот — консерватор, или наоборот; или вы симпатизируете Израилю, а тот — палестинцам или наоборот. Вероятно, ваша дискуссия будет вежливой, если даже и горячей. Но теперь представьте, что на вашей стороне еще шесть собеседников, и вашего оппонента также поддерживает группа единомышленников. Скорее всего, будет много крика и красных лиц, а то и небольшая потасовка. Общая проблема всех групп в том, что они обретают в сознании людей собственную идентичность, а желание индивидов быть принятыми группой и повысить положение своей группы может перевесить трезвый расчет.

Даже если люди не идентифицируют себя с конкретной группой, на них чрезвычайно сильно влияет среда. Один из основных уроков, преподанных широко известным среди психологов экспериментом

Стэнли Милгрэма по подчинению авторитету — это то, насколько сильно поведение испытуемых зависит от ближайшего социального окружения²⁶⁶. Перед экспериментом Милгрэм спросил у своих коллег, студентов и нескольких психиатров, насколько далеко, по их мнению, зайдут испытуемые, когда экспериментатор прикажет им бить человека током. Отвечающие сошлись во мнении, что несколько участников эксперимента превысят 150 вольт (момент, когда жертва требует, чтобы ее отпустили), только 4% дойдут до 300 вольт (на шкале вольтметра написано: «Опасно: сильный удар»), и лишь горстка психопатов пройдет весь путь до максимального напряжения (уровень, помеченный надписью «450 вольт — XXX»). В действительности же 65% участников прошли весь путь до максимума и продолжали нажимать на рычаг еще долго после того, как протесты агонизирующей жертвы сменились жутким молчанием. Они могли бы продолжать воздействовать током на потерявшего сознание участника (или его труп), если бы экспериментатор не прервал эксперимент. Доля таких участников не зависела ни от пола, ни от возраста, ни от профессии и лишь немного варьировала в зависимости от личностных характеристик. Значимым было только физическое присутствие других людей и их поведение. Когда экспериментатор находился в другом помещении и давал инструкции по телефону или приказы звучали в записи, уровень покорности падал. Если жертва находилась в той же комнате, а не в соседней кабинке, уровень покорности падал. Когда испытуемый работал в паре со вторым участником (помощником экспериментатора), если помощник отказывался подчиниться, так же поступал и испытуемый. Если помощник подчинялся приказам,

испытуемый более чем в 9 из 10 случаев делал то же самое.

Люди решают, как вести себя, наблюдая за другими людьми. Это важнейший вывод золотого века социальной психологии, когда эксперименты были чем-то вроде подпольных театральных постановок, цель которых — заставить людей осознать опасность бездумной конформности[123]. Заинтересовавшись почти полностью недостоверной новостью 1964 г., будто десятки ньюйоркцев никак не отреагировали на то, что на заднем дворе их многоквартирного дома изнасиловали и зарезали женщину по имени Китти Дженовезе, психологи Джон Дарли и Бибб Латане провели ряд экспериментов, исследуя феномен так называемого равнодушия свидетеля²⁶⁷. Психологи подозревали, что люди в группе могут не отреагировать на чрезвычайную ситуацию, которая заставит одиночку действовать, потому что в группе каждый считает, что, если никто ничего не делает, ситуация не так уж и опасна. В одном эксперименте, когда испытуемый заполнял опросник, он или она слышали громкий звук падения и голос, зовущий из-за перегородки: «Ох... моя нога... Я... не могу ею пошевелить; ой... лодыжка... не могу подвинуть». Верите или нет, если испытуемый был не один, а в компании помощника экспериментатора, который продолжал заполнять опросник, как будто ничего не произошло, 80% испытуемых также не двигались с места. Из тех же, кто заполнял опросник в одиночестве, никак не отреагировали только 30% испытуемых.

Людям не нужно непосредственно наблюдать, как другие ведут себя бездушно, чтобы вести себя нехарактерно бездушным образом. Достаточно

объединить их в фиктивную группу, которая якобы доминирует над другой. В классическом Стэнфордском тюремном эксперименте 1971 г. (проведенном еще до того, как комитеты по защите испытуемых положили конец подобным исследованиям) социальный психолог Филип Зимбардо устроил «тюрьму» в подвале факультета психологии, случайным образом разделив участников на «заключенных» и «охранников», и даже устроил так, что полиция Пало-Альто арестовала назначенных заключенными участников и доставила их в «тюрьму»²⁶⁸. Играя роль коменданта тюрьмы, Зимбардо предложил «охранникам» показать свою власть и запугать узников и усилил атмосферу группового доминирования: «охранников» одели в униформу, вручив им дубинки и зеркальные очки, «заключенных» облачили в униформы робы и головные уборы. Через два дня некоторые «охранники» полностью вжились в роль и начали унижать «заключенных»: их заставляли раздеваться догола и мыть унитазы голыми руками; «охранники» вставали им на спину и заставляли отжиматься, а также инсценировали изнасилование. Ради безопасности узников Зимбардо пришлось прекратить эксперимент через шесть дней. Много лет спустя Зимбардо написал книгу, в которой провел параллель между незапланированным насилием в его «тюрьме» с незапланированным насилием в настоящей тюрьме Абу-Грейб в Ираке, Зимбардо доказывал, что ситуация, в которой одной группе людей дана власть над другой, может провоцировать варварство в людях, которые никогда бы не продемонстрировали его в другой обстановке.

Многие историки геноцида, такие как Кристофер Браунинг и Бенджамин Валентино, обращались к

экспериментам Милгрэма, Дарли, Зимбардо и других социальных психологов, пытаюсь понять, как обычные люди могли принимать участие в неопикуемых зверствах или как минимум не противиться им. Свидетели часто поддаются окружающему безумию и присоединяются к мародерству, групповому изнасилованию или кровавой бойне. Во время Холокоста солдаты и полицейские окружали группу невооруженных гражданских лиц, выстраивали их в ряд у рва и расстреливали в упор — не из чувства вражды или преданности нацистской идеологии, а чтобы не уклоняться от своих обязанностей или не подвести братьев по оружию. Им даже, как правило, не угрожали наказанием за неподчинение. (Мой собственный опыт выполнения инструкций, предписывающих бить электротоком лабораторную крысу, чего я делать не хотел, заставляет меня согласиться с этим неприятным заявлением.) Историки обнаружили очень мало случаев, когда немецкие полицейские, солдаты или конвоиры подвергались наказаниям за неисполнение приказов нацистов²⁶⁹. И, как мы увидим в следующей главе, они даже морально оправдывали конформность и подчинение. Общий для многих культур ингредиент нравственного чувства — возведение конформности и послушания в ранг похвальных качеств.

Милгрэм проводил свои эксперименты в 1960-х и начале 1970-х гг., очевидно, подходы и взгляды с тех пор изменились. Естественно задаться вопросом, будут ли сегодня люди, являющиеся частью западного общества, по-прежнему подчиняться приказам облеченного властью лица и причинять боль незнакомцу. Стэнфордский тюремный эксперимент слишком эксцентричен, чтобы его можно было воспроизвести сегодня, но через 33 года после

последних исследований психологии подчинения социальный психолог Джерри Бургер придумал новый эксперимент, который в 2008 г. смог получить одобрение комиссии по этике²⁷⁰. Он заметил, что в исследовании Милгрэма отметка в 150 вольт, при которой жертва первый раз вскрикивала от боли и протестовала, оказывалась точкой невозврата. Если участник в этот момент подчинялся экспериментатору, тогда в 80% случаев он или она продолжали повышать напряжение до максимума. Поэтому Бургер в целом следовал процедуре Милгрэма, но прекращал эксперимент на отметке в 150 вольт, раскрывая его смысл испытуемым и предотвращая развертывание ужасного процесса, в котором так много людей пытали незнакомцев вопреки собственным сомнениям. Вопрос: после четырех десятилетий моды на бунтарство, наклейки на бамперах «Ставь авторитет под сомнение» и широкого осознания исторического опыта, высмеивающего оправдание «Я всего лишь выполнял приказ», продолжают ли люди подчиняться авторитету и причинять боль незнакомцам? Ответ: да, они продолжают это делать. 70% участников прошли путь до 150 вольт и наверняка добрались бы до смертельных уровней, если бы экспериментатор им позволил. Но есть и хорошие новости: в 2000-х экспериментатору не подчинилось почти в два раза больше испытуемых, чем в 1960-х (30% по сравнению с 17,5%), и цифра могла быть еще выше, если бы участников отбирали бы не из всех возможных демографических страт сегодняшнего пула, а, как раньше, из представителей белого среднего класса²⁷¹. Однако многие люди по-прежнему готовы причинять боль незнакомцу против собственного желания, если

думают, что принимают участие в социально одобряемом мероприятии.

Почему люди так часто ведут себя, как послушные овцы? Дело в том, что конформность не бессмысленна по своей природе²⁷². Одна голова хорошо, а две лучше, и разумнее доверять выстраданным истинам, которые разделяют миллионы людей вокруг, чем считать себя гением, способным изобрести все с нуля. Конформность может принести пользу и в так называемых координационных играх, когда индивид выбирает конкретную опцию только потому, что ее выбрали все остальные. Классический пример — левостороннее или правостороннее движение: в этом случае вы вряд ли захотите маршировать не в ногу. Бумажные деньги, интернет-протоколы и язык, на котором говорят вокруг вас, — другие примеры подобных игр.

Но иногда выгоды, которые конформность приносит каждому по отдельности, приводят к патологиям в группе в целом. Например, первичный технологический стандарт получает поддержку критической массы юзеров, которые выбирают его, потому что им пользуются все прочие, что не оставляет шансов конкурирующим стандартам, даже если они лучше. По некоторым теориям, эти «сетевые эффекты» объясняют успех английской орфографии, клавиатуры QWERTY, видеокассет VHS и программного обеспечения Microsoft (хотя в каждом случае находятся свои диссиденты). Еще один пример — непредсказуемый успех бестселлеров, фасонов одежды, музыкальных хитов и голливудских блокбастеров. Математик Данкан Уоттс запустил две

версии сайта, с которых посетители могли скачивать музыку любительских рок-групп²⁷³. На одном сайте не указывалось, сколько раз композиция уже была скачана. Разница в популярности песен здесь была незначительна и, как правило, с течением времени не изменялась (как и позиции песен в списке). На другом сайте можно было видеть, насколько популярна песня у пользователей. Посетители сайта старались скачивать популярные треки, делая их еще популярнее в разгоняющемся цикле положительной обратной связи. Изначально небольшая разница в популярности росла, и пропасть между несколькими хитами и массой остальных песен становилась непреодолимой, а хиты и «не выстрелившие» номера менялись местами в списке.

Как ни называй этот эффект — стадный инстинкт, культурная эхо-камера, правило «деньги к деньгам» или эффект Матфея, наша тенденция присоединяться к большинству может приводить к результатам, которые будут нежелательны для всех. Но продукты культуры в приведенных примерах — неудачное программное обеспечение, посредственные романы, мода 1970-х — более или менее безвредны. Может ли распространение конформности через социальные связи действительно заставить людей поддерживать идеологию, которая им не нравится и совершать поступки, которые они считают недопустимыми? С момента прихода к власти Гитлера не утихают споры между приверженцами двух точек зрения, которые кажутся равно неприемлемыми: что Гитлер в одиночку одурачил невинную нацию и что немцы устроили бы Холокост и без него. Внимательное изучение социальной динамики показывает, что ни одно из этих объяснений не является абсолютно

верным, но фанатичная идеология, вопреки здравому смыслу, довольно легко охватывает население.

В социальной динамике существует такой досадный феномен, как множественное невежество, спираль молчания, или парадокс Абилина, названный так по следам анекдота о семье из Техаса, которая в жаркий день отправляется в долгое и неприятное путешествие в Абилин, потому что каждый член семьи убежден, что все остальные очень этого хотят.^[124]²⁷⁴ Люди могут поддержать обычаи или мнения, которые в глубине души осуждают, только лишь потому, что ошибочно думают, будто все окружающие эти обычаи одобряют. Классический пример — значение, которое придают пьянству студенты колледжей. Опросы не раз показывали, что каждый студент по отдельности считает запойное пьянство ужасной идеей, но не сомневается, что все его друзья высоко оценивают такое поведение. Результаты других опросов предполагают, что преследование гомосексуалов, расовая сегрегация на американском Юге, убийства женщин из соображений чести в исламских странах и симпатии к Баскской террористической группировке ЭТА среди басков Франции и Испании могут быть обязаны своей живучестью спирали молчания.²⁷⁵ Сторонники этих форм группового насилия не столько считают поддерживаемую ими идею хорошей, сколько уверены, что ее считают таковой все остальные.

Может ли множественное невежество объяснить, как крайние идеологии пускают корни среди людей, которые могли бы и сообразить, что к чему? Социальные психологи давно знают, как это работает в случае простых суждений. Соломон Аш, автор еще одного эксперимента, вошедшего в золотой фонд психологии, ставил испытуемого перед дилеммой в

духе фильма «Газовый свет»^[125]²⁷⁶. Сидя за столом с другими участниками (как обычно, подручными экспериментатора), испытуемый должен был решить простую задачу: сказать, какая из трех показанных линий равна по длине образцу. До того как наступала его очередь отвечать, шесть подставных участников давали заведомо неверный ответ. В итоге три четверти испытуемых отказывались верить собственным глазам и присоединялись к большинству.

Но чтобы вызвать безумие толпы, недостаточно публичного одобрения чьей-либо лжи. Множественное невежество подобно карточному домику. Секрет открывается в сказке «Новое платье короля»: чтобы ложное единодушие лопнуло, как мыльный пузырь, нужен всего один маленький мальчик, нарушивший заговор молчания. Как только тот факт, что король голый, становится общим знанием, множественное невежество развеивается. По мнению социолога Майкла Мэйси, для того чтобы множественное невежество могло устоять перед маленькими мальчиками и другими правдорубами, ему нужен еще один ингредиент: принуждение²⁷⁷. Люди не только соглашаются с нелепицами, если считают, что с ними согласны все остальные, они еще и наказывают несогласных — в основном потому, что верят (также ошибочно), что все остальные стремятся укрепить единомыслие. Мэйси с коллегами считают, что показная конформность и показное принуждение могут усиливать друг друга, создавая порочный круг, способный заставить людей принять идеологию, которую почти никто по отдельности не поддерживает.

Почему люди наказывают еретиков, развенчивающих убеждения, которые они и сами-то

не принимают? Чтобы доказать свою искренность, считает Мэйси: показать блюстителям линии партии, что одобряют ее не только из практических соображений, а верят в нее всем сердцем. Это помогает им уберечься от наказания со стороны сограждан, которые, парадоксальным образом, наказывают отступников только из страха, что иначе накажут их самих.

Предположение, что неприемлемые идеологии способны витать в воздухе, поддерживаемые жестокими циклами наказания тех, кто не желает наказывать других, подтверждается историческими свидетельствами. Во время чисток и репрессий люди попадали в ловушку циклов упреждающего обличения — каждый старался найти врага до того, как тот обнаружит его. Знаки искренней убежденности становятся ценным товаром. Солженицын описывает партийный съезд в Москве, который закончился овацией Сталину. Все присутствующие встали и неистово аплодировали на протяжении трех минут, четырех, пяти... ладони жгло, но никто не осмеливался остановиться первым. Спустя 11 минут один из членов президиума, директор фабрики, наконец-то опустился на стул, а за ним и все благодарное собрание. Его арестовали в тот же вечер и отправили на 10 лет в лагерь²⁷⁸. Людям, живущим при тоталитарных режимах, приходится тщательно контролировать собственные мысли, чтобы ненароком не выдать себя. Юн Чжан, бывшая в рядах хунвейбинов, а впоследствии историк и биограф Мао, писала, как однажды увидела плакат, превозносящий мать Мао за то, что та давала деньги беднякам, и поймала себя на еретической мысли: значит, родители великого руководителя были богатыми крестьянами, сейчас бы их объявили классовыми врагами. Годы

спустя, услышав официальное объявление о смерти Мао, она была вынуждена призвать на помощь все свои актерские способности, чтобы притвориться плачущей²⁷⁹.

Чтобы доказать, что за спиралью неискренного принуждения может прятаться непопулярное убеждение, Мэйси и его коллеги Дэймон Сентола и Робб Уиллер сначала должны были показать, что их теория не только правдоподобна, но и математически обоснованна. Легко доказать, что множественное невежество, раз возникнув, обретает устойчивость — никто не готов быть единственным нарушителем в среде блюстителей существующего порядка. Сложнее объяснить, каким образом общество попадает из точки А в точку Б. Ганс Христиан Андерсен хотел, чтобы читатели поверили в фантастическую предпосылку, будто императору можно так втереть очки, что он выйдет на парад голышом; Аш платил подставным «испытуемым» за ложь. Но как ложный консенсус укореняется в реальном мире?

Три вышеупомянутых социолога — Мэйси, Сентола и Уиллер — создали компьютерную симуляцию небольшого сообщества, состоящего из двух видов агентов²⁸⁰. Среди них были истинно верующие, которые всегда соблюдали принятые нормы и разоблачали несговорчивых соседей, если тех становилось слишком много. И были тайные малодушные скептики: они подчинялись нормам, если кто-то из соседей на этом настаивал, а если большая часть соседей принуждала окружающих соблюдать нормы, они поступали так же. Если этих скептиков не принуждать к подчинению, они могут пойти другим путем и будут укреплять скептицизм среди соседей-конформистов. Мэйси и его коллеги обнаружили, что

укоренению непопулярных норм способствуют некоторые модели социальных связей. Если истинно верующие рассеяны по популяции, где каждый может взаимодействовать с каждым, популяции не грозит опасность заразиться непопулярным убеждением. Если же истинно верующие группируются, они могут насадить новую норму среди скептически настроенных соседей, которые, переоценив уровень согласия окружающих и доказывая, что не заслуживают наказания, принимают норму и сами начинают ее насаждать. Такая динамика может запустить каскад показного согласия и показного принуждения, которое охватит все сообщество.

Аналогия с реальными обществами здесь отнюдь не притянута за уши. Джеймс Пейн установил последовательность событий, в результате которых фашистская идеология в XX в. взяла верх в Германии, Италии и Японии. В каждом из этих случаев небольшая группа фанатиков принимала «простую, решительную идеологию, которая оправдывает крайние меры, в том числе насилие», собирала банду отморожков, готовую это насилие осуществлять, и запугивала все большую часть населения, подталкивая их к молчаливому согласию²⁸¹.

Мэйси и его коллеги разработали компьютерную симуляцию еще одного феномена, открытого Милгрэмом: как известно, все члены крупного сообщества связаны друг с другом короткой цепочкой общих знакомств — идея, которую также называют теорией шести рукопожатий²⁸². Ученые пронизали свои виртуальные сообщества несколькими случайными связями большой протяженности, которые позволяли агентам контактировать друг с другом через меньшее количество уровней. Благодаря

таким связям агенты могли измерить конформность ближайшего окружения, освободиться от иллюзии согласия и противостоять принуждению подчиняться норме или подкреплять ее. Открытость сообществ связям большой протяженности рассеивает силу фанатиков и не позволяет им запугать достаточно конформистов и поднять волну, которая захлестнет все сообщество. Так и хочется сказать, что открытые общества, где есть свобода слова и передвижений, а также развитые каналы коммуникации, менее всего рискуют попасть под влияние бредовой идеологии.

Затем Мэйси, Уиллер и Ко Кувабара намеревались продемонстрировать, какое влияние оказывает ложный консенсус на живых людей, — проверить, будут ли люди критиковать воззрения, с которыми согласны, из страха, что окружающие станут презирать их за выражение истинных взглядов²⁸³. Социологи не без умысла выбрали две области, где, как они считают, суждения сформированы скорее боязнью выглядеть необразованным, чем объективными критериями, — дегустацию вина и научную писанину.

В эксперименте с дегустацией вина ученые сначала загоняли испытуемых в угол: они говорили им, что для участия были выбраны самые рафинированные ценители высокого искусства виноделия. Теперь же этим избранным предстоит поучаствовать в «древнем ритуале» (придуманном экспериментаторами) под названием «Голландский раунд». Каждый любитель вина должен был сначала выставить оценки винам, а затем оценить умение остальных членов группы разбираться в них. Они получали по три бокала вина, которые нужно было оценить по букету, аромату, послевкусью, насыщенности и общему качеству. В

действительности вино во все три бокала наливали из одной бутылки, а в один из них еще и подмешивали уксус. Как и в эксперименте Аша, прежде чем высказать собственное мнение, участники выслушивали суждения четырех подставных знатоков, которые ставили образец с уксусом на второе место, а образец номер три (идентичный образцу номер один) назвали лучшим из всех. Неудивительно, но почти половина участников отказалась доверять собственному вкусу и присоединилась к общему хору.

Но затем шестой судья, также подставной, давал винам верную оценку. Вот теперь пора было любителям вина оценивать друг друга, причем одни делали это анонимно, а другие публично. Испытуемые, опрошенные анонимно, уважали точность честного участника и ставили ему высшую оценку, даже если сами проявляли конформность. Но те, кому пришлось озвучивать свой рейтинг, усугубляли собственное лицемерие и ставили честному эксперту низкую оценку.

Эксперимент с научными трудами почти ничем не отличался, кроме дополнительного условия в конце. Участникам, студентам-старшекурсникам, сказали, что их отобрали в элитную группу подающих надежды филологов для участия в почетном ритуале под названием «Литературный круглый стол Блумсбери». Они должны будут публично оценить некий текст, а затем дать оценку способностям остальных критиков. Участникам давали прочесть отрывок из работы доктора наук Роберта Нельсона, обладателя Макатуровского «гранта для гениев», почетного профессора философии Гарвардского университета (нет ни такого профессора, ни таких регалий). Отрывок под названием «Дифференциальная топология и гомология» был взят из работы Алана

Сокала «Переступая границы: навстречу трансформативной герменевтике квантовой гравитации». Это эссе послужило основой известной мистификации Сокала: в подтверждение своих худших подозрений о научных стандартах гуманитарных наук в эпоху постмодернизма этот физик написал уйму заумной чуши и опубликовал ее в престижном журнале *Social Text*²⁸⁴.

Испытуемые, к их чести, не были впечатлены эссе, когда читали его в одиночестве. Но, отзываясь о нем публично после того, как четверо подставных «экспертов» назвали текст блистательным, они тоже оценивали его высоко. Потом, оценивая своих коллег, в том числе шестого, давшего справедливую оценку тексту, анонимно они присваивали ему высокую оценку, а публично — низкую. И снова социологи показали, что люди не только поддерживают мнения, которые сами не разделяют, если думают, что их разделяют все окружающие, но и притворно обвиняют того, кто отказывается присоединиться к общему хору. По окончании эксперимента Мэйси и его коллеги попросили новую группу участников ответить, искренне ли студенты из первой группы верили в высокие достоинства бессмысленного эссе. Новички решили, что те, кто осуждал честного участника, искренне заблуждались — в отличие от тех, кто его анонимно поддержал. Это подтверждает подозрение Мэйси, что принуждение других воспринимается как знак искренности, а это, в свою очередь, подтверждает мысль, что люди насаждают убеждения, которые не разделяют сами, чтобы выглядеть искренне верующими. А это опять же укрепляет множественное невежество, и общество в целом начинает исповедовать убеждения, которые большинство людей не разделяет.

Сказать, что у кислого вина превосходный букет или что академическая белиберда логически непротиворечива, — это одно. И совсем другое — конфисковать последний фунт муки у голодающего украинского крестьянина или выстроить евреев в линию у рва и застрелить их. Как могли обычные люди заглушать голос собственной совести и совершать такие зверства, даже если они подчинялись идеологии, считая ее общепринятой?

Ответ возвращает нас к морализаторскому разрыву. Исполнители часто держат в запасе набор уловок и оправданий, к которым прибегают, чтобы представить свои действия спровоцированными, оправданными, вынужденными или незначительными. В примерах, которые я упоминал, объясняя, что такое морализаторский разрыв, исполнители рационализировали вред, причиненный ими из эгоистичных мотивов (несдержанное обещание, ограбление или изнасилование). Но люди рационализируют и вред, который им пришлось причинить, обслуживая эгоистичные мотивы других людей. Они способны отредактировать свои убеждения так, чтобы их действия выглядели оправданными в их собственных глазах и в глазах окружающих. Этот процесс называется снижением когнитивного диссонанса и является основной тактикой самообмана²⁸⁵. Социальные психологи вроде Милгрэма, Зимбардо, Баумайстера, Леона Фестингера, Альберта Бандуры и Герберта Келмана подтверждали, что люди изобрели массу способов снижать диссонанс между достойными сожаления вещами, которые они иногда делают, и их идеальным представлением о себе как о моральных агентах²⁸⁶.

Один из таких способов — эвфемизм, описание гнусного поступка словами, которые каким-то образом снижают его аморальность. В эссе «Политика и английский язык» (Politics and the English Language, 1946) Джордж Оруэлл блестяще разоблачил склонность правительств маскировать зверства бюрократическими оборотами:

В наше время политическая речь и письмо в большой своей части — оправдание того, чему нет оправдания. Продление британской власти над Индией, русские чистки и депортации, атомную бомбардировку Японии, конечно, можно оправдать, но только доводами, непереносимо жестокими для большинства людей, — и к тому же они несовместимы с официальными целями политических партий. Поэтому политический язык должен состоять по большей части из эвфемизмов, тавтологий и всяческих расплывчатостей и туманностей. Беззащитные деревни бомбят, жителей выгоняют в чистое поле, скот расстреливают из пулеметов, дома сжигают: это называется *миротворчеством*. Крестьян миллионами сгоняют с земли и гонят по дорогам только с тем скарбом, какой они могут унести на себе: это называется *перемещением населения* или *уточнением границ*. Людей без суда годами держат в тюрьме, убивают пулей в затылок или отправляют умирать от цинги в арктических лагерях: это называется *устранением ненадежных элементов*. Такая фразеология нужна, когда ты хочешь называть вещи, но не хочешь их себе представить.^{[126]²⁸⁷}

Оруэлл ошибался в одном — считая, что политические эвфемизмы появились в его время. Еще за 150 лет до него Эдмунд Берк жаловался на эвфемизмы, изобретенные в революционной Франции:

Синонимы и иносказания для зверской бойни и убийств ищутся во всем богатстве языка. Вещи больше не называют обычными именами. Резню переименовывают в волнение, иногда в брожение, иногда в крайность, а иногда именуют затаившимся эксцессом революционной власти.²⁸⁸

Последние десятилетия подарили нам несколько новых примеров политически эвфемизмов: «сопутствующий ущерб» (из 1970-х), «этнические чистки» (из 1990-х) и «чрезвычайная выдача» (из 2000-х).

Эвфемизмы эффективны по нескольким причинам. Слова-синонимы отличаются эмоциональной окраской: «тощий» и «стройный», «разжиревший» и «рубенсовский»; в этом же ряду находится обценная лексика и ее приемлемые заменители. В книге «Субстанция мышления» (The Stuff of Thought) я доказывал, что большинство эвфемизмов действуют гораздо коварнее: они не полагаются на эмоциональную окраску слова, но заставляют иначе интерпретировать факты²⁸⁹. Эвфемизм дает возможность правдоподобно отрицать наглую ложь. Не знакомый с фактами человек, услышав выражение «перемещение населения», может представить себе фургоны с мебелью и билеты на поезд. Подобранные слова, можно заставить людей по-другому думать о ваших мотивах, а следовательно, давать другую этическую оценку вашим действиям. Выражение «сопутствующий урон» предполагает, что ущерб был нанесен ненамеренно, что он был побочным продуктом, а не желаемым исходом, и разница моральных оценок здесь оправданна. Кое-кто, даже не моргнув глазом, может назвать «сопутствующим уроном» смерть горемыки, которого принесли в жертву, чтобы предотвратить гибель пяти рабочих под колесами вагонетки. С помощью этих феноменов — эмоциональных коннотаций, правдоподобного отрицания и приписывания нужных мотивов — можно изменить истолкование действия.

Второй механизм морального отчуждения — градуализм, постепенность. Люди не скатываются к варварству в одночасье, но с легкостью могут прийти к нему мелкими шажками, потому что ни в один отдельно взятый момент они не чувствуют, что совершают что-то ужасное, не соответствующее актуальной норме²⁹⁰.

Позорный пример из истории — умерщвление нацистами инвалидов и умственно отсталых и лишение их гражданских прав, а также травля, изоляция в гетто и депортация евреев, увенчавшиеся тем, что маскировали абсолютным эвфемизмом «окончательное решение». Еще один пример — поэтапность решения вступить в войну. Сначала союзнику оказывают материальную поддержку, затем помогать ему отправляются военные советники, а потом и солдаты, число которых постоянно растет, особенно в войне на истощение. Бомбардировка фабрик может перейти в бомбардировку фабрик, расположенных рядом с жилыми кварталами, а затем и в бомбардировку жилых районов. Вряд ли кто-то из участников эксперимента Милгрэма с первого раза пропустил бы через жертву ток в 450 вольт; участников подводили к этому напряжению постепенно, начиная с уровня мягкой вибрации. Эксперимент Милгрэма специалисты по теории игр могли бы назвать игрой «Эскалация», которая похожа на игру «Война на истощение»²⁹¹. Если участник отказывается продолжать, когда вольтаж повышается, он лишает себя удовлетворения, какое получил бы, если бы выполнил свои обязанности и помог науке. Если он остановится, ему нечем будет заглушить тревогу, которую он испытывал, и оправдать боль, которую причинил жертве. При каждом новом увеличении напряжения испытуемым казалось, что лучше остаться еще на один раунд и надеяться, что экспериментатор наконец объявит, что эксперимент завершен.

Третий механизм отчуждения — это переложение, или диффузия ответственности. Подставной экспериментатор Милгрэма всегда настаивал на том, что это он несет полную ответственность за

происходящее, что бы ни случилось. Когда же испытуемым сообщали, что ответственность лежит и на них тоже, они намного менее охотно подчинялись приказам. Мы уже читали, что в присутствии второго, послушного приказам участника первый с большей готовностью сотрудничает с экспериментатором. Альфред Бандура показал, что диффузия ответственности — это критически важный фактор²⁹². Когда участники экспериментов, подобных эксперименту Милгрэма, думали, что напряжение удара будет высчитываться как среднее значение между уровнем, выбранным ими и двумя другими участниками, они наносили более сильные удары. Исторические параллели очевидны. «Я всего лишь выполнял приказ» — обычная линия защиты обвиняемых в военных преступлениях. А кровожадные лидеры намеренно организуют армии, карательные отряды и стоящий за ними бюрократический аппарат таким образом, чтобы ни один человек не чувствовал, что от него что-то зависит²⁹³.

Четвертый способ сломать механизм моральной оценки — это дистанцирование. Если люди не чувствуют упоения боем и не погрязли в садизме, они, как мы уже знаем, не получают удовольствия от мучений находящихся рядом невинных людей²⁹⁴. Когда Милгрэм помещал испытуемого и его жертву в одну комнату, число участников, наносивших удар максимальной силы, снижалось на треть. А если от испытуемого требовалось своей рукой прижимать руку жертвы к электродной пластинке, число участников, наносивших удар максимального вольтажа, снижалось больше чем в половину. Можно с уверенностью сказать, что пилот самолета *Enola Gay*, сбросивший бомбу на Хиросиму, не согласился бы

испепелить из огнемета сотню тысяч людей по одному. И как мы прочли в главе 5, психолог Пол Словик экспериментально проверил суждение, приписываемое Сталину: одна смерть — трагедия, миллион смертей — статистика²⁹⁵. Люди не способны уместить в сознании огромное (и даже небольшое) количество абстрактных людей в опасности, но с готовностью бросаются на помощь живому человеку с именем и лицом.

Пятое средство обмануть моральное чувство — унижить жертву. Мы видели, как демонизация и дегуманизация группы может проложить дорогу к убийству ее членов. Альфред Бандура подтвердил эту закономерность, позволив отдельным испытуемым подслушать, как экспериментатор оскорбительно отзывается о национальности людей, которые (как они думали) принимают участие в исследовании²⁹⁶. Участники, слышавшие оскорбление, наносили представителям униженной группы удары большей силы. Причинно-следственная связь здесь может быть и обратной. Если людей заставляют причинить кому-то вред, они начинают хуже думать о пострадавших. Альфред Бандура обнаружил, что около половины участников, воздействовавших на жертву электротоком, полностью оправдывали свои действия. Многие делали это, обвиняя жертву (феномен, который Милгрэм тоже заметил) и комментируя свои действия примерно так: «Неудовлетворительное выполнение заданий говорит о лени и желании испытать терпение экспериментатора».

Социальные психологи определили и другие способы морального отчуждения, и участники эксперимента Бандуры продемонстрировали их все. Сюда относится преуменьшение вреда («Не так уж им

было и больно»), умаление его важности («Ну подумаешь, наказали — каждый день кого-то наказывают») и попытка прикрыться необходимостью выполнить задачу («Если в интересах дела я должен быть мерзавцем, то так тому и быть»). Единственное, что они упустили, — это так называемая тактика выгодного сравнения: «Другие делали вещи и похуже»²⁹⁷.

У нас нет средства против идеологии, потому что возникает она как раз из тех когнитивных способностей, которые и делают нас умными. Мы строим длинные, абстрактные цепочки причин и следствий. Мы учимся у других и координируем свои действия с их поведением, соблюдая общепринятые нормы. Мы работаем в команде, достигая целей, которых не добились бы поодиночке. Мы мыслим абстрактно, не углубляясь в детали. Мы интерпретируем действия множеством способов, различая их по целям и средствам, задачам и побочным продуктам.

Опасные идеологии возникают, когда эти способности складываются в токсичные комбинации. Некто теоретизирует, что ради достижения бесконечного блага нужно уничтожить дегуманизованную или демонизированную группу. Ячейка верных последователей распространяет идею, наказывая неверных. Людей убеждают или запугивают, заставляя принять эту идеологию. Скептиков затыкают или изолируют. Эгоистичные рационализации позволяют людям осуществлять планы, за которые они, хорошо подумав, никогда не взялись бы.

Гарантировать, что заразные идеологии не инфицируют страну, невозможно; но прививкой от них может послужить открытое общество, где люди и идеи перемещаются свободно, где никому не грозят кары за высказывание диссидентских взглядов, в том числе таких, которые, как кажется, противоречат общему мнению. Сравнительный иммунитет современных космополитичных демократий к геноцидам и идеологическим гражданским войнам в некотором роде доказывает это предположение. Доказывают его и рецидивы цензуры и самоизоляции в режимах, склонных к крупномасштабному насилию.

ЧИСТОЕ ЗЛО, ВНУТРЕННИЕ ДЕМОНЫ И СПАД НАСИЛИЯ

В начале этой главы я познакомил вас с теорией Баумайстера о мифе чистого зла. Когда люди размышляют с позиций морали, они принимают точку зрения жертвы и полагают, что исполнители насилия — садисты и психопаты. Моралисты смотрят на исторический спад насилия как на результат героической борьбы добра против зла. Великое поколение победило фашизм; движение за гражданские права победило расизм; наращивание вооружений в период президентства Рейгана ускорило коллапс коммунизма[127]. Да, в мире действительно есть порочные люди, например садисты-психопаты и деспоты-нарциссы, но есть и герои. И все же снижением уровня насилия мы в основном обязаны историческому прогрессу. Деспоты умирают, и на их место не приходят новые, диктаторские режимы прекращают существование сами по себе, а не погибают в кровавой схватке.

Мифу о существовании чистого зла можно противопоставить знание, что причина большинства бед, которые люди навлекают друг на друга, кроется в мотивах, которые присущи всем нам. Отсюда можно сделать вывод: уровень насилия снижается по большей части потому, что люди теперь испытывают эти побуждения не так часто, не в полном объеме или не во всех жизненных ситуациях. Добрые ангелы, противостоящие нашим внутренним демонам, — тема следующей главы. Но узнать наших внутренних демонов лучше — значит сделать первый шаг к контролю над ними.

Вторая половина XX в. была эрой психологии. Научные теории и результаты исследований, такие как иерархия доминирования, эксперименты Милгрэма и Аша или теория когнитивного диссонанса, все чаще становятся частью привычных представлений. Но в общественное сознание просочилась не только научная психология — стала общепринятой привычка смотреть на человеческие проблемы через психологические очки. Это было время роста мирового самосознания, вдохновленного грамотностью, мобильностью и новыми технологиями: «Так камера следит за каждым нашим движением, так мы смотрим друг на друга» (Пол Саймон). Все чаще мы изучаем свои мысли и чувства сразу с двух точек зрения: изнутри собственного черепа, где локализованы наши ощущения, и глазами ученого, для которого ощущения состоят из паттернов активности сформированного эволюцией мозга, со всеми его иллюзиями и заблуждениями.

Пока ни научная психология, ни житейская мудрость и близко не подошли к исчерпывающему ответу на вопрос, что же нами движет. Однако вода камень точит. Мне кажется, что всего несколько

особенностей нашего когнитивного и эмоционального устройства вызывают к жизни значительную долю людских невзгод, которых в принципе можно избежать²⁹⁸. Мне также кажется, что общее знание о существовании этих особенностей проредило зубцы в графиках насилия, а в будущем сможет выкорчевать гораздо больше. Каждый из пяти наших внутренних демонов имеет свои конструктивные особенности, которые нам стоило бы получше изучить.

Люди, особенно мужчины, слишком самоуверенны и переоценивают свои шансы на победу, а потому, когда они вступают в схватку, крови может пролиться больше, чем каждый из них рассчитывал. Люди, особенно мужчины, жаждут превосходства для себя и группы, к которой принадлежат, вступая в борьбу за доминирование, они не соизмеряют свои силы, и в результате страдают все. Люди жаждут мести, но считают обиды, преувеличивая собственную невиновность и злонамеренность врагов; если стороны ищут окончательной справедливости, они обрекают на конфликты и себя, и своих потомков. Люди способны не только превозмогать свое отвращение к насилию, но и обретать вкус к нему, а если они предаются ему в одиночестве или в сговоре с себе подобными, то могут стать садистами. А еще люди способны демонстрировать веру в убеждения, которых не придерживаются, потому что думают, что все вокруг их признают. Такие убеждения могут захлестнуть закрытое общество и подчинить его заклятию массового безумия.

Глава 9

ДОБРЫЕ АНГЕЛЫ

...Было бы в высшей степени абсурдно оспаривать, что в нашем сердце существует известная благожелательность, какой бы незначительной она ни была, и какая-то искра дружеского участия к человеческому роду, а в нашей природе есть некое голубиное начало наряду с началами волка и змеи. Допустим, что эти благородные чувства столь слабы, что они недостаточны даже для того, чтобы пошевелить рукой или пальцем, они должны, однако, направлять решения нашего ума и в тех случаях, когда все явления одинаковы, трезво отдавать предпочтение тому, что полезно и служит человечеству, перед тем, что пагубно и опасно.

ДЭВИД ЮМ. ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИНЦИПАХ МОРАЛИ[128].

Во все времена методы семейного воспитания позволяют заглянуть в принятую родителями концепцию человеческой природы. Когда родители верили во врожденную порочность детей, они лупили их за каждый чих; когда уверовали в их врожденную безгрешность, они запретили игру в вышибалы. Недавно, катаясь на велосипеде, я столкнулся с напоминанием о новейшей моде в понимании природы человека: я проезжал мимо матери, которая шла по тротуару в сопровождении двух своих детей — дошкольников. Девочка хныкала, а мать читала сыну

нотацию. Догнав троицу, я услышал, как женщина строго произнесла: «Эмпатия!»

Мы живем в век эмпатии. Так говорится в манифесте выдающегося приматолога Франса де Вааля, и его книга — только одна из многих работ, воспевающих эту человеческую способность в конце первых десяти лет нового тысячелетия¹. Вот примеры заголовков и подзаголовков книг, вышедших только в последние два года: «Век эмпатии» (The Age of Empathy), «Почему эмпатия важна» (Why Empathy Matters), «Социальная нейробиология эмпатии» (The Social Neuroscience of Empathy), «Наука эмпатии» (The Science of Empathy), «Эмпатический разрыв» (The Empathy Gap), «Почему эмпатия крайне важна (и находится в опасности)» (Why Empathy Is Essential (and Endangered)), «Эмпатия в мировом масштабе» (Empathy in the Global World) и «Почему компании процветают, если культивируют эмпатию» (How Companies Prosper When They Create Widespread Empathy). Еще в одной книге, «Цивилизация эмпатии» (The Empathic Civilization), гражданский активист Джереми Рифкин так объясняет это видение:

Биологи и когнитивные нейробиологи исследуют зеркальные нейроны — так называемые нейроны эмпатии, которые позволяют человеческим существам и другим животным ощущать и переживать чужие обстоятельства как свои собственные. Мы, как оказалось, самые общественные из всех животных и ищем душевного соучастия и близости с сородичами.

Социологи, в свою очередь, начинают пересматривать историю нашего вида через призму эмпатии и находят в саге о человечестве прежде неизвестные сюжеты, предполагающие, что эволюция человека измеряется не только расширением его власти над природой, но усилением и развитием эмпатии ко все более непохожим «другим», отделенным от нас временем и расстоянием. Все более увеличивающийся объем научных данных, свидетельствующих, что мы, по сути, эмпатичный вид, имеет всепроникающие и далеко идущие последствия для общества и может даже определить нашу судьбу как вида.

Что нам нужно сейчас, так это скачок к глобальному эмпатическому сознанию, и тогда меньше чем за поколение мы восстановим глобальную экономику и оздоровим биосферу. Вопрос стоит так: каков механизм, который позволяет эмпатической чувствительности укрепляться, а осознанности расширяться в исторической перспективе?²

Вот как! Возможно, вдалбливая в голову сына идею эмпатии, мать хотела не только заставить озорника не обижать сестру, но и стремилась расширить глобальную эмпатическую осознанность. Вероятно, на нее повлияли книги «Обучая эмпатии» (Teaching Empathy), «Обучая детей эмпатии» (Teaching Children Empathy) и «Корни эмпатии: изменяем мир ребенок за ребенком» (The Roots of Empathy: Changing the World Child by Child), авторы которых, следуя доводам педиатра Т. Берри Бразелтона, «стремятся обеспечить ни больше ни меньше как мир во всем мире и защитить будущее нашей планеты, начиная со школ и отдельных классов — по одному ребенку, родителю, учителю за раз»³.

Уточню: я ничего не имею против эмпатии. Я думаю, что эмпатия — в целом, хоть и не всегда — отличная вещь, и я несколько раз апеллировал к ней в этой книге. Распространение эмпатии помогает объяснить, почему люди в наши дни отказываются от жестоких наказаний и почему их все больше заботят гуманитарные последствия войны. Однако сегодня эмпатия становится тем, чем в 1960-х гг. была любовь — сентиментальным идеалом, который превозносят до небес броскими фразами (что движет миром; что нужно миру сегодня; все, что тебе нужно), притом что ее способность уменьшать количество насилия в мире преувеличена. Я не считаю, что любовь или эмпатия имели какое-то отношение к тому, что Америка и Советы перестали размахивать ядерными дубинками и разжигать марионеточные войны. И хотя мне

нравится думать, что эмпатии у меня не меньше, чем у других, вряд ли именно она не позволяет мне заказать убийство моих критиков, устроить драку из-за места на парковке, пригрозить жене, когда она говорит, что я веду себя глупо, или добиваться войны с Китаем, чтобы он не опередил нас по объемам производства. Мой разум не дает себе труда всерьез задуматься, каково это — пострадать от насилия и затем отказаться от него, почувствовав боль жертвы. Я вообще не рассуждаю так и не говорю ничего подобного, ведь это абсурдно, смехотворно, немыслимо. А вот для людей прошлых поколений в таком поведении не было ничего невообразимого. В какой-то мере снижение уровня насилия можно объяснить распространением эмпатии, но оно обусловлено и такими далекими от сантиментов качествами, как осмотрительность, расчетливость, справедливость, самоконтроль, нормы и табу, а также представлением о правах человека.

Эта глава посвящена добрым ангелам нашей природы: психологическим способностям, удерживающим нас от насилия. Их возрастающему со временем влиянию можно поставить в заслугу снижение уровня насилия. Эмпатия — одна из таких способностей, но не единственная. Как заметил более 250 лет назад Юм, оспаривать существование таких способностей абсурдно. И хотя и в наши дни порой приходится читать, что эволюция милосердия противоречит теории естественного отбора, парадокс этот разрешен уже несколько десятилетий назад. Расходясь во взглядах относительно деталей, биологи сегодня не сомневаются, что эволюционная динамика типа симбиоза, родства или различных форм взаимности может способствовать отбору по психологическим способностям, которые в

подходящих обстоятельствах приближают людей к мирному сосуществованию⁴. Слова, написанные Юмом в 1751 г., верны и сегодня:

Мыслители, которые так ревностно настаивают на том, что в человеческом роде преобладает эгоизм, никоим образом не будут шокированы, услышав о слабых чувствах добродетели, воплощенных в нашей натуре. Напротив, окажется, что они с одинаковой легкостью поддерживают как один, так и другой принцип и свойственный им дух сатиры (так как здесь скорее проявляется он, чем дух испорченности), естественно, вызывает к жизни оба мнения, которые воистину находятся в сильнейшей и почти неразрывной связи⁵.

Если сатирический дух заставляет меня доказывать, что значение эмпатии преувеличено, то это не для того, чтобы отрицать важность этого чувства добродетели или его неразрывную связь с природой человека.

По прочтении восьми глав, посвященных ужасным вещам, которые люди творят друг с другом, и темнейшим областям природы человека, которые их провоцируют, вы вправе предвкушать некоторый душевный подъем от главы о наших добрых ангелах. Но я устою перед искушением угодить читателю *слишком* уж счастливым концом. Зоны мозга, сдерживающие зловещие импульсы, имелись и у наших предков, которые держали рабов, сжигали ведьм и били детей, так что это явно не они делают людей добрыми по умолчанию. И вряд ли можно объяснить спад насилия, сказав, что в природе человека есть плохие черты, которые заставляют нас делать плохие вещи, и хорошие свойства, благодаря которым мы делаем вещи хорошие. (Война — я выиграл; мир — ты проиграл.) Изучение наших добрых ангелов должно показать, не только как они удерживают нас от насилия, но и почему это им так часто не удается, не только каким образом мы стали пользоваться ими чаще, но и почему истории

пришлось ждать так долго, чтобы задействовать их на полную катушку.

ЭМПАТИЯ

Слову «эмпатия» вряд ли больше 100 лет. Авторство часто приписывают американскому психологу Эдварду Титченеру, который произнес его на лекции в 1909 г., хотя Оксфордский словарь английского языка ссылается на британскую писательницу Вернон Ли, которая употребляла его еще в 1904 г.⁶ Оба отталкивались от немецкого слова *Einfühlung* («вчувствоваться») и использовали, чтобы обозначить вид эстетического восприятия: «чувство или движение мышц разума», к примеру когда мы смотрим на небоскреб и воображаем самих себя стоящими прямо и высоко. Популярность слова в англоязычной литературе стала расти в середине 1940-х гг. и вскоре обошла такие викторианские добродетели, как «сила воли» (в 1961 г.) и «самоконтроль» (в середине 1980-х)⁷.

Резкий рост числа употреблений слова «эмпатия» совпал с появлением его нового значения — ближе к «сочувствию» и «состраданию». Смещение смыслов отражает представление «народной» психологии, что благосклонность к ближнему опирается на способность представить себя на его месте, почувствовать то, что чувствует он, побыть в его одежках, встать на его точку зрения и увидеть мир его глазами⁸. Эта фолк-теория не является истиной, не требующей доказательств. В своем эссе «О некоторой слепоте у людей» Уильям Джеймс размышлял о связи между человеком и его лучшим другом:

Возьмем наших собак и самих себя. Связывающие нас узы теснее большинства уз в этом мире, и все же вне этих уз дружеского расположения сколь нечувствителен каждый из нас ко всему, что делает жизнь другого значимой: мы — к восторгу от костей под забором и запахов, исходящих от деревьев и столбов, они — к упоению литературой и искусством! Когда вы сидите, читая самый увлекательный роман из всех, которые вам доводилось читать, может ли быть судьей вашего поведения ваш фокстерьер? Как бы он ни был к вам расположен, природа вашего поведения совершенно недоступна его пониманию. Сидеть как бесчувственная статуя, в то время как вы могли бы взять его на прогулку и бросать палки, чтобы он их ловил! Что за странный недуг каждый день вас одолевает: держите какие-то вещи и вглядываетесь в них, проводя целые часы без движения и не подавая признаков сознательной жизни^[129]².

Эмпатию в том смысле, в каком ее так ценят сегодня — как альтруистическую заботу о других, — нельзя отождествлять со способностью думать так, как эти другие думают, или чувствовать то, что чувствуют они. Давайте уточним оттенки смыслов слова, которое в наши дни используется для обозначения самых разных состояний ума¹⁰.

Первоначальный и самый механистический смысл эмпатии — это *проекция*, способность поставить себя на место другого человека, животного или объекта и вообразить себе его ощущения в этой ситуации. Пример с небоскребом показывает, что объект эмпатии вообще не обязан иметь чувства, не говоря уж о тех, которые имеют значение для субъекта.

Близок к этому смыслу и навык *принятия перспективы*, а именно представления, как выглядел бы мир с точки зрения другого. Жан Пиаже гениально показал, что дети моложе шести лет не в состоянии представить себе расположение на столе трех игрушечных пирамидок с точки зрения человека, сидящего напротив, — незрелость, которую мы называем эгоцентризмом. Будем справедливы к детям, эта способность и взрослым нелегко дается. Чтение карт, интерпретация знака «Вы находитесь здесь»,

вращение в уме объемных предметов может озадачить и лучших из нас, но это не должно ставить под сомнение нашу способность к сопереживанию. В широком смысле принятие перспективы включает в себя еще и догадки о том, что человек чувствует и думает, а не только что видит, и это приводит нас к еще одному смыслу слова «эмпатия».

Чтение мыслей, понимание чужого сознания, ментализация или эмпатическая точность — это способность понять мысли и чувства другого по его выражению лица, поведению или обстоятельствам. Это умение позволяет нам догадываться, например, что человек, который только что опоздал на поезд, должен быть расстроен и сейчас пытается понять, как ему попасть в место назначения вовремя¹¹. Для чтения мыслей нам не нужно лично переживать подобный опыт, ситуация не обязательно должна нас как-то затрагивать, от нас требуется только способность догадаться, каковы переживания героя. Вообще говоря, чтение мыслей может объединять сразу две способности, одна — собственно чтение мыслей (чего не умеют аутисты), вторая — чтение эмоций (чего не умеют психопаты)¹². Есть умные психопаты, которые учатся считывать эмоциональные состояния окружающих, чтобы лучше манипулировать ими, но и они не в состоянии оценить истинную эмоциональную подоплеку этих состояний. Пример — насильник, который говорил о своих жертвах: «Они напуганы, так? Но знаете, я этого на самом деле не понимаю. Я и сам испытывал страх, и это не было неприятно»¹³. Понимают они эмоциональное состояние других людей или не понимают, им просто нет до него дела. Садизм, злорадство и безразличие к благополучию животных — другие примеры того, что человек может

полностью понимать умственное состояние других созданий, но хладнокровно им не сочувствовать.

И все-таки люди часто ощущают беспокойство при виде страданий другого человека¹⁴. Эта реакция не дает им ранить друг друга в драке; и именно она заставляла участников эксперимента Милгрэма нервничать, когда они били людей током, а нацистских резервистов — блевать, когда они первый раз стреляли в евреев в упор. Как совершенно ясно из этих примеров, смятение при виде страданий другого вовсе не то же самое, что сострадательная обеспокоенность его благополучием. Такое беспокойство может быть нежелательной реакцией, которую люди будут подавлять, или источником раздражения, которого они постараются избежать. Многие из нас чувствуют беспокойство, оказавшись в одном самолете с орущим младенцем, но наше сочувствие будет скорее на стороне родителя, чем на стороне ребенка, а нашим сильнейшим желанием может быть желание пересесть. Благотворительная организация «Спасем детей» много лет размещает в журналах душераздирающую фотографию обездоленного ребенка с подписью: «Вы можете спасти Хуана Рамоса за пять центов в день. Или перевернуть страницу». Большинство людей переворачивает страницу.

Эмоции могут *заражать*. Когда вы смеетесь, весь мир смеется с вами; вот почему в комедиях положений за кадром звучит записанный смех, а плохие комедианты оживляют свои шутки барабанной дробью, изображающей взрыв хохота¹⁵. Рыдания на свадьбе или похоронах, желание танцевать на развеселой вечеринке, паника во время воздушной тревоги и повальная морская болезнь при

корабельной качке — это тоже примеры эмоционального заражения. Слабый вариант эмоционального заражения — это викарные эмоции: реагирование за другого, как если мы содрогаемся из сочувствия к получившему травму спортсмену или сжимаемся, когда привязанного к стулу Джеймса Бонда лупят как грушу. Сюда же относится и моторная мимикрия: родитель непроизвольно открывает рот, пытаясь накормить ребенка яблочным пюре.

Сторонники эмпатии считают, будто эмоциональное заражение — основа «эмпатии» в том ее значении, которое важнее всего для благополучия человека. Тем не менее эмпатия в самом ценном для нас смысле — это другая реакция, которую лучше называть сопереживающим вниманием или просто сопереживанием. Сопереживая, мы увязываем благополучие другого с нашим собственным, основываясь на понимании его радостей и горестей. Спутать сопереживание с эмоциональным заражением нетрудно, но легко заметить, что это не одно и то же¹⁶. Если ребенок вопит от ужаса, испугавшись лая собаки, моим сочувственным откликом будет не вопить вместе с ним, но успокоить и защитить его. И напротив, я могу остро сочувствовать человеку, чьих переживаний я не испытывал, например женщине в родах, жертве изнасилования или онкобольному, страдающему от боли. К тому же наши эмоциональные реакции не повторяют реакции других автоматически и могут развернуться на 180 градусов в зависимости от того, чувствуем мы себя их сторонниками или же конкурентами. Когда болельщик смотрит домашнюю игру своей команды, он счастлив, когда толпа счастлива, и удручен, когда толпа удручена. Когда же его команда играет на выезде, он расстраивается,

когда толпа счастлива, и счастлив, когда толпа огорчена. Слишком часто сочувствие вызывает эмоциональное заражение, а не наоборот.

Нынешнее помешательство на эмпатии случилось из-за смешения различных значений этого слова. Путаница вылилась в идею, что зеркальные нейроны своего рода синоним сочувствия в смысле сострадания, жалости. Рифкин пишет о «так называемых нейронах эмпатии, которые позволяют человеческим существам и другим животным ощущать и переживать чужие обстоятельства как свои собственные» и приходит к выводу, что мы «по сути, эмпатичный вид», который «ищет душевного соучастия и близости с сородичами». Согласно теории зеркальных нейронов, доставшееся нам в наследство от приматов сопереживание (которое в данном случае путают с эмоциональным заражением) вмонтировано в наш мозг, и, чтобы наступил новый, счастливый век, этим механизмом нужно только воспользоваться или по крайней мере не подавлять его. К сожалению, обещанный Рифкиным «скачок к глобальному эмпатическому сознанию меньше чем за поколение» основан на сомнительной интерпретации открытий нейробиологии.

В 1992 г. нейробиолог Джакомо Риццолатти и его коллеги обнаружили в мозге мартышки нейроны, которые загорались и когда обезьяна сама брала изюм, и когда она видела, как изюм берет человек¹⁷. Другие нейроны отвечали на другие совершаемые или наблюдаемые действия, в том числе на прикосновения и царапины. Хотя нейробиологам обычно не дают напичкать электродами мозг испытуемых людей, есть все основания считать, что зеркальные нейроны имеются и у нас: в экспериментах с

нейровизуализацией обнаружилось зоны в теменной доле и в нижней части лобной доли, активирующиеся, когда человек сам двигается и когда наблюдает за движениями другого¹⁸. Обнаружение зеркальных нейронов важно, но не то чтобы совсем неожиданно: мы вряд ли могли бы употреблять один и тот же глагол и в первом лице и в третьем, если бы наш мозг не был способен представлять действие одинаково — независимо от того, кто его производит. Однако вокруг открытия зеркальных нейронов вскоре поднялась невероятная шумиха¹⁹. Один нейробиолог заявил, что для нейронауки это сравнимо с открытием ДНК для биологии²⁰. Другие специалисты, подстрекаемые научными журналистами, превозносили зеркальные нейроны как биологическую основу языка, целеполагания, подражания, культурного научения, моды и модных поветрий, феномена спортивных болельщиков, молитвы о нуждах другого и, конечно, эмпатии.

Но с теорией зеркальных нейронов есть небольшая проблема. Животные, у которых они были обнаружены, а именно макаки-резус, — это противные маленькие создания, не демонстрирующие никаких следов эмпатии (или подражания, не говоря уже о языке)²¹. Еще одна проблема — зеркальные нейроны в основном находятся в тех областях мозга, которые, согласно данным нейровизуализации, имеют мало отношения к эмпатии как сопереживанию²². Многие когнитивные нейробиологи подозревают, что зеркальные нейроны могут играть какую-то роль в умственном отображении концепции действия, хотя это еще не точно. Однако большинство отрицает экстравагантное заявление, что зеркальные нейроны способны объяснить уникальные способности

человека, и сегодня практически никто не уравнивает их активность с эмоцией сочувствия²³.

Действительно, в мозге, в частности в островке, есть области, которые метаболически активны, когда мы переживаем неприятный опыт сами или реагируем на неприятные переживания другого²⁴. Проблема в том, что такое совпадение скорее следствие, а не причина нашего сочувствия. Вспомните эксперимент, в котором островок загорался и когда участники получали удар током, и когда они наблюдали, как бьют током ни в чем не повинного человека. Но, если пострадавший перед этим обманул участника-мужчину, островок обманутого никак не реагировал, а вот полосатое тело и орбитальная кора загорались, сигнализируя о сладком чувстве мести²⁵.

Эмпатия в морально значимом смысле сопереживающего участия — это не автоматический рефлекс наших зеркальных нейронов. Ее можно включать, выключать и даже превращать в контрэмпатию (вы чувствуете себя хорошо, когда другому плохо, и наоборот). Месть — один из триггеров контрэмпатии, а изменчивые реакции спортивных болельщиков говорят нам, что соревнование тоже может ее вызывать. Психологи Джон Ланцетта и Бэзил Инглис прикрепили электроды к лицам и пальцам испытуемых и попросили их сыграть в игру «Инвестиция» с другим (подставным) участником²⁶. Им говорили, что они играют в паре либо соревнуются (хотя фактическая прибыль испытуемого не зависела от действий второго участника). О выигрыше сигнализировал щелчок счетчика, о потере денег — легкий удар током. Если испытуемые думали, что сотрудничают со вторым

участником, электроды считывали внутреннее спокойствие и тень улыбки, когда их партнер получал деньги, а вот когда его било током, испытуемые потели и хмурились. Когда же они считали, что соревнуются, все происходило наоборот: испытуемые расслаблялись и улыбались, когда партнер страдал, и напрягались и хмурились, когда он выигрывал.

Проблема с построением лучшего мира с помощью эмпатии в смысле эмоционального заражения, подражания, викарных эмоций и зеркальных нейронов состоит в том, что мы не можем рассчитывать на них как на триггер той эмпатии, которая нам нужна, а именно сопереживающей озабоченности благополучием другого. Сочувствие рождается внутри, оно следствие, а не причина отношения людей друг к другу. В зависимости от того, как наблюдатель расценивает отношения, его ответ на боль другого может быть эмпатическим, нейтральным или контрэмпатическим.

В главе 8 мы изучали структуры мозга, определяющие нашу склонность к насилию, теперь давайте взглянем на те его области, которые обуславливают существование наших добрых ангелов. Поиск сигналов эмпатии в мозге человека подтвердил, что викарные эмоции притупляются или усиливаются в зависимости от убеждений того, кто их испытывает. Клаус Ламм, Дэниел Батсон и Жан Декети просили участников эксперимента войти в положение пациента (подставного), страдающего от звона в ушах, — тот проходил «экспериментальное лечение»: в его наушники периодически подавался резкий звуковой сигнал, заставлявший человека заметно

морщиться²⁷. Паттерн активности мозга участников в процессе сопереживания пациенту совпадал с паттерном, возникавшим, когда они сами слышали шум. Во-первых, возбуждалась часть островка — зона коры, которая, как мы уже знаем, отвечает за внутренние телесные ощущения (см. рис. 8–3). Во-вторых, загоралась миндалина — орган в форме миндального зернышка, реагирующий на пугающие и тревожные стимулы (см. рис. 8–2). В-третьих, наблюдалась активность в передне-средней поясной коре (см. рис. 8–4) — это бороздка с внутренней стороны полушария головного мозга, которая вовлечена в обработку мотивационного аспекта боли — не самого болезненного ощущения, но сильного желания, чтобы оно прекратилось. (Исследования показывают, что восприятие чужой боли обычно не активизирует те части мозга, которые возбуждаются при реальных телесных ощущениях; это было бы ближе к галлюцинации, чем к эмпатии.) Участников никогда не помещали в ситуацию, которая могла бы вызвать контрэмпатию вроде соперничества или мести; они реагировали, исходя из когнитивного толкования ситуации. Если им говорили, что лечение сработало и пациент мучился не зря, активность их мозга, демонстрирующая тревогу и переживание чужой боли, затухала.

Общая картина, которую рисует нам изучение страдающего мозга, такова: не существует центра эмпатии с нейронами эмпатии, но существуют сложные паттерны активации и модуляции, которые зависят от того, как наблюдатель интерпретирует затруднения другого и природу своих отношений с ним. Приблизительный атлас эмпатии может выглядеть следующим образом²⁸. Височно-теменной узел и близлежащая извилина (желобок) в верхней

височной доле оценивают физическое и умственное состояние другого человека. Дорсолатеральная префронтальная кора и прилежащий лобный полюс (кончик лобной доли) вычисляют особенности ситуации и конечную цель. Орбитальная и вентромедиальная кора объединяют результаты этих вычислений и модулируют реакцию эволюционно старших, эмоциональных частей мозга. Миндалина реагирует на пугающие и тревожные стимулы, учитывая интерпретации, поступающие от расположенного неподалеку лобного полюса. Островок регистрирует отвращение, гнев и викарную боль. Передняя поясная кора переключает управление между системами мозга в ответ на срочные сигналы, посланные структурами, регистрирующими физическую или эмоциональную боль, или теми, что требуют взаимоисключающих реакций. К несчастью для теории зеркальных нейронов, наиболее ими богатые зоны мозга, то есть части лобных долей, планирующие моторные движения (самая задняя их область, расположенная над сильвиевой щелью), и зоны теменной доли, которые регистрируют телесные ощущения, по большей части не вовлечены в эмпатический ответ, за исключением областей теменных долей, отслеживающих положение тел присутствующих.

Но на самом деле ближайшие к эмпатии в смысле сострадания ткани мозга — это и не участки коры, и не подкорковые органы, а системы подводки и доставки гормонов. Окситоцин — это гормон, который вырабатывается гипоталамусом, он влияет на эмоциональные структуры мозга, включая миндалину и полосатое тело, и высвобождается гипофизом в кровеносную систему, через которую может воздействовать на весь организм²⁹. Исходной

эволюционной функцией окситоцина была инициация процессов материнства, в том числе родов, грудного вскармливания и возвращивания потомства. Однако в ходе эволюции способность гормона окситоцина снижать страх от близости к другим созданиям стала использоваться для поддержания других форм привязанности. К ним относятся сексуальное возбуждение, гетеросексуальная привязанность у моногамных видов, супружеская и дружеская любовь, а также сочувствие и доверие между неродственниками. По этим причинам окситоцин иногда называют «гормоном объятий». Такое его использование для поддержания столь многих форм человеческой близости подкрепляет предположение Батсона, что материнская забота — эволюционный предшественник других форм сострадания у человека³⁰.

В причудливом эксперименте по исследованию поведенческой экономики Эрнст Фер и его коллеги просили людей сыграть в игру «Доверие», когда испытуемые передавали деньги доверенному лицу; тот их приумножал и возвращал участнику сумму по своему выбору³¹. Половина участников вдыхала назальный спрей, содержащий окситоцин, который может проникать из носа в мозг, а другая вдыхала плацебо. Те, кто получал окситоцин, отдавали больше денег незнакомцу — и пресса ударилась в буйные фантазии о продавцах автомобилей, распыляющих гормон через вентиляционную систему шоурумов, чтобы облапошить доверчивых клиентов. (Хотя почему-то никто так и не предложил распылять его с самолетов, чтобы поторопить наступление эпохи глобальной эмпатии.) Другие эксперименты показали, что вдыхание окситоцина делает людей более щедрыми в игре «Ультиматум» (где раздающий делит

деньги, учитывая, что недовольный разделом принимающий может лишиться вознаграждения обоих), но не в игре «Диктатор» (где принимающий может взять предложенное или отказаться, а раздающий не должен учитывать его реакцию). Вероятно, окситоциновая система — важный триггер сочувственного отклика на убеждения и желания других людей.

В главе 5 я ссылаясь на гипотезу Питера Сингера о расширении круга эмпатии, точнее круга сочувствия. Его глубочайшая основа — потребность заботиться о своих детях, а самый надежный триггер этого желания — геометрия детского лица, феномен восприятия, который мы называем умилением. В 1950 г. этолог Конрад Лоренц заметил, что существа, чье телосложение типично для детенышей животных, вызывают у наблюдателя чувство нежности. Характерные черты — большие глаза, верхняя часть черепа и лоб и маленькие конечности, тело, носик и челюсть³². Рефлекс умиления первоначально был адаптацией, побуждающей матерей заботиться о своих отпрысках, но черты, которые его вызывают, могли быть преувеличены в самих младенцах (до той степени, пока это не мешает их здоровью), чтобы изменить реакцию матери от желания придушить дитя до желания о нем заботиться³³. Виды, которым повезло обладать детскими пропорциями тела, вызывают у человека реакцию «О, как мило!» и пользуются преимуществами сопереживающего участия. Мыши и кролики кажутся нам милее крыс и опоссумов, голуби — очаровательнее ворон, детеныши тюленей больше заслуживающими защиты, чем норки и другие юркие пушные зверьки.

Мультипликаторы, дизайнеры плюшевых мишек и иллюстраторы аниме эксплуатируют этот рефлекс, стараясь сделать своих героев максимально симпатичными. В известном эссе об эволюции образа Микки-Мауса Стивен Джей Гулд[130], описал постепенное увеличение размера глаз и черепа в те десятилетия, когда характер этого мышонка менялся от беспардонного паршивца до морально безупречного логотипа корпорации Уолта Диснея³⁴. Гулд не дожил до 2009 г. и не увидел, как компания Walt Disney, идя навстречу ожиданиям нынешних детей, которым нравятся более «резкие» и «опасные» персонажи, выпустила видеоигру, в которой черты Микки вновь стали более крысиными³⁵.

Мы читали в главе 8, что умиление публики по отношению к животным мешает экологам, поскольку приводит к непропорционально большой озабоченности благополучием всего нескольких харизматичных млекопитающих. Одна известная организация догадалась, как поставить эту реакцию себе на службу, и выбрала в качестве логотипа большеглазую панду. Тот же трюк используют гуманитарные организации, отыскивая для своих рекламных кампаний фотогеничных детей. Психолог Лесли Зебровиц показала, что к подзащитным с детскими чертами лица судьи относятся с бóльшим сочувствием, а в результате свойственное нам чувство сострадания оборачивается насмешкой над правосудием³⁶. Физическая красота может порождать еще одну несправедливость, вызванную сопереживанием. Непривлекательных детей родители и учителя наказывают строже, они чаще становятся жертвами жестокого обращения³⁷. Непривлекательных взрослых считают менее

честными, добрыми, чувствительными, достойными доверия и даже не очень умными³⁸.

Конечно, нам удастся сочувствовать нашим взрослым друзьям и родственникам, пусть даже и некрасивым. Но и в этом случае наше сострадание распространяется не на всех поголовно, а лишь внутри ограниченного круга лиц, к которым мы испытываем моральные эмоции. Сочувствию приходится действовать согласованно с этими эмоциями, поскольку социальная жизнь не похожа на излучение теплых чувств во всех направлениях. В обществе не избежать трений: люди наступают друг другу на ноги, не оправдывают ожиданий, глядят против шерсти. Вместе с состраданием мы ощущаем вину и прощение, и эти эмоции действуют в пределах одного круга: люди, которым мы сочувствуем, — это те же люди, перед которыми мы чувствуем вину, причинив им боль, и которых с большей легкостью прощаем, если они причинят боль нам³⁹. Рой Баумайстер, Арлин Стиллвелл и Тодд Хизертон обнаружили, что социальная психология вины идет рука об руку с эмпатией. Более эмпатичные люди чаще ощущают вину (особенно женщины, которые интенсивнее испытывают обе эти эмоции), а мы чувствуем себя виноватыми перед теми, кто вызывает у нас эмпатию. Неслучайно, когда людей просили вспомнить инциденты, в которых они чувствовали себя виноватыми, в 93% историй фигурировала семья, друзья и любимые, и только 7% рассказывали о вине перед шапочными знакомыми или посторонними. Когда же они вспоминали тех, кто был виноват перед ними, пропорция была похожа: мы вызываем чувство вины у друзей и семьи, а не у чужих или едва знакомых.

Баумайстер и его коллеги объясняют эту закономерность разделением, к которому мы еще вернемся в разделе, посвященном морали. Сочувствие и вина, заметили они, функционируют внутри круга *общинных* отношений⁴⁰. Меньше шансов почувствовать их в отношениях обмена или соблюдения равенства — в этот тип отношений мы вступаем со знакомцами, соседями, коллегами, клиентами и поставщиками услуг. Отношения обмена регулируются нормами справедливости и сопровождаются эмоциями, которые отражают скорее внешнюю любезность, чем неподдельное сопереживание. Когда нам причиняют вред или мы сами наносим ущерб другим, мы вступаем в переговоры о штрафах, возвратах и прочих формах компенсации и возмещения. Если компенсация невозможна, мы снижаем уровень дистресса, дистанцируясь от ненадежных партнеров или подрывая их репутацию [131]. Деловые переговоры по принципу «ты — мне, я — тебе», в ходе которых возобновляются отношения обмена, в общинных отношениях обычно табуированы, а решение разорвать эти отношения может дорого обойтись⁴¹. Восстанавливать их приходится с помощью более прочного эмоционального клея сочувствия, вины и прощения.

Какова же вероятность того, что мы сможем расширять круг эмпатии и включать в него не только младенцев, пушистых зверьков и людей, связанных с нами общинными отношениями, но и все более широкий круг незнакомцев? Правдоподобный ответ дает теория взаимного альтруизма, воплощенная в стратегии «Око за око» и подобных ей. В каком-то

смысле слова люди являются «добрыми», поскольку предполагают сотрудничество при первой итерации и исключают предательство, пока не столкнутся с ним. Если люди в этом смысле добры, они должны демонстрировать склонность проявлять сочувствие к незнакомцам с конечной (то есть с эволюционной) целью проверить возможность взаимовыгодных отношений с ними⁴². С наибольшей вероятностью сочувствие должно вступать в игру, когда есть шанс сделать благое дело для другого, не затратив при этом больших усилий, а именно когда мы сталкиваемся с человеком, которому нужна помощь. Кроме того, сочувствие должно возникать при наличии общих интересов, прокладывающих дорогу к взаимовыгодному сотрудничеству, например общих ценностей или принадлежности к одной коалиции.

Слабость, как и умиление, основной стимулятор сочувствия. Даже малыши бросают свои дела, чтобы помочь попавшему в беду или успокоить расстроенного⁴³. Изучая эмпатию, Батсон обнаружил, что студенты, встречая человека, нуждающегося в помощи, например пациента, выздоравливающего после операции на ноге, относятся к нему с сочувствием, даже если он не принадлежит к их кругу. Сочувствие включается и в том случае, если пациент тоже студент, или пожилой незнакомец, ребенок или даже щенок⁴⁴. На днях я наткнулся на пляже на перевернутого краба-мечехвоста, беспомощно сучившего всеми своими ножками в воздухе. Я перевернул его брюшком вниз и ощутил прилив счастья, когда мечехвост скользнул в волны.

Если помочь человеку не так легко, возрастает важность общих ценностей и других видов сходства⁴⁵. В знаменитом эксперименте психолог Деннис Кребс

заставлял студентов-испытуемых смотреть, как второй участник (подставной) играет в необычную рулетку — ему платили, если шарик останавливался на четном числе, и били током, если на нечетном⁴⁶. Испытуемым игрока представляли либо как студента той же специальности с похожими личностными чертами или как не студента с противоположными чертами характера. Если испытуемые считали, что игрок в рулетку похож на них, то видя, как его бьют током, они потели и их пульс учащался. Они говорили, что чувствуют себя неуютно, ожидая разряда, и чаще вызывались принять удар на себя или отказывались от платы за участие в эксперименте, лишь бы освободить беднягу от лишней боли.

Кребс объяснил самопожертвование ради товарища идеей, которую он назвал гипотезой эмпатии-альтруизма: эмпатия усиливает альтруизм⁴⁷. Слово «эмпатия», как мы помним, неоднозначно, так что на самом деле мы здесь имеем дело с двумя гипотезами. Одна, основанная на смысле «сочувствие», гласит, что наш эмоциональный репертуар включает состояние, в котором благополучие другого важно для нас: нам хорошо, когда он счастлив, и мы расстроены, когда он страдает, и это состояние заставляет нас помогать ему без всяких скрытых мотивов. Если так, эта идея — давайте назовем ее гипотезой сочувствия-альтруизма — опровергает пару старых теорий, например психологического гедонизма, согласно которой люди делают только вещи, которые доставляют им удовольствие, и психологического эгоизма, согласно которой люди делают только то, что приносит им выгоду. Конечно, есть рекурсивные версии этих теорий, утверждающие, что сам факт того, что человек кому-то помогает, является доказательством, что это

ему приятно или выгодно, хотя бы и для удовлетворения альтруистического порыва. Но любая доступная проверке версия этих циничных теорий должна идентифицировать какой-то *независимый* скрытый мотив для предложения помощи, например утолить собственное беспокойство, избежать публичного осуждения или же вызвать уважение к себе.

Слово «альтруизм» также двусмысленное. В рамках гипотезы эмпатии-альтруизма это психологический мотив помогать другому организму ради него самого, а не ради достижения какой-то иной цели⁴⁸. Иначе понимает альтруизм эволюционная биология, определяющая его с позиций поведения, а не мотивов: биологический альтруизм — это поведение, которое приносит пользу одному организму за счет другого⁴⁹. (Биологи используют этот термин, чтобы разделить два способа, которыми один организм может принести другому пользу. Второй способ называется мутуализмом — когда организм помогает другому, в то же время получая пользу сам: насекомые, питаясь, опыляют растения, птицы склевывают паразитов со спин млекопитающих, а соседи по общежитию с одинаковыми вкусами обмениваются музыкальными записями.)

На практике биологический и психологический смыслы альтруизма часто совпадают, ведь если у нас есть потребность сделать что-то, мы не против понести расходы, чтобы добиться своего. И вопреки распространенному, однако неверному пониманию эволюционное объяснение биологического альтруизма (организмы помогают родне или обмениваются одолжениями, потому что в конечном итоге это идет на пользу их генам) абсолютно не

противоречит психологическому альтруизму. Если, заботясь о долгосрочных выгодах для генов, естественный отбор благоприятствует склонности помогать родственникам или тем партнерам, которые могут вернуть одолжение, он делает это, наделяя мозг прямым мотивом помогать им, не задумываясь о собственном благополучии. Тот факт, что гены альтруиста в итоге получают преимущество, не выставляет альтруиста лицемером и не обесценивает его альтруистических мотивов, потому что сам он вообще не думал ни о каких генетических выгодах⁵⁰.

Таким образом, первая версия гипотезы эмпатии-альтруизма гласит, что психологический альтруизм существует и что его мотив — эмоция, которую мы называем сочувствием. Вторая версия основана на эмпатии в смысле проекции или принятия перспективы^{[132]⁵¹}. Согласно этой гипотезе, принятие чужой точки зрения — когда мы воображаем себя на месте этого человека или представляем, каково им быть, — возбуждает сочувствие к нему, что в том случае, если верна гипотеза сочувствия-альтруизма, побуждает проявлять альтруизм. Пожалуй, эту мысль можно назвать гипотезой принятия перспективы-сочувствия, и она возвращает нас к вопросу, поставленному в главах 4 и 5: действительно ли журналистика, мемуары, художественная литература, история и другие способы получения впечатлений из вторых рук расширили наше общее чувство сострадания и заложили основы Гуманитарной революции, Долгого мира, Нового мира и революций прав?

Хотя Батсон не всегда разделяет две гипотезы эмпатии-альтруизма, его исследовательский проект,

которому он посвятил 20 лет, подтверждает обе версии⁵².

Давайте начнем с гипотезы сочувствия-альтруизма и сравним ее с циничной альтернативой, гласящей, что люди помогают другим, только чтобы унять собственное беспокойство. Участники одного исследования наблюдали, как подставная испытуемая (Элейн) поминутно получала удары током в эксперименте по научению⁵³. (Участников-мужчин познакомили с Чарли, а не с Элейн.) По ходу сессии Элейн выглядела все более несчастной, и участницам предлагали занять ее место. В первом варианте эксперимента участница к тому времени уже выполняла свое задание и могла уйти, так что решение занять место Элейн было чисто альтруистическим жестом. Во втором варианте участница должна была наблюдать, как страдалицу бьют током на протяжении еще восьми сеансов. Батсон предположил, что если люди добровольно подменяют бедняжку Элейн только и исключительно ради того, чтобы унять собственную боль при виде ее страданий, они не станут утруждать себя, если могут просто уйти. И только в том случае, если им придется терпеть ее стоны, они предпочтут подставить под удар себя. Как и в эксперименте Кребса, сочувствием испытуемых манипулировали: одним говорили, что Элейн разделяет их ценности и интересы, другим — что она совсем на них не похожа (например, если испытуемая читала журнал *Newsweek*, ей сообщали, что Элейн обожает *Cosmo* и *Seventeen*). Как и следовало ожидать, если участница ощущала сходство с Элейн, она спасала ее в любом случае, независимо от того, должна она была наблюдать ее мучения или нет. Если же участница думала, что Элейн не ее поля ягода, она занимала ее место, только если иначе ей пришлось бы

смотреть на ее муки. Вкупе с другими исследованиями, эксперимент показывает, что по умолчанию люди помогают друг другу из эгоистичных соображений — чтобы снизить собственный стресс от необходимости наблюдать чужую боль. Но, если они сочувствуют жертве, их охватывает желание облегчить ее страдания независимо от того, уменьшит ли это их личный дискомфорт или нет.

В другой серии экспериментов проверялся второй скрытый мотив помощи — желание показать себя человеком, который совершает социально одобряемые поступки⁵⁴. Здесь, вместо того чтобы манипулировать сочувствием экспериментально, Бэтсон и его коллеги воспользовались фактом, что люди сами по себе различаются по способности к сочувствию. Перед экспериментом испытуемым давали возможность услышать, как Элейн тревожится из-за грозящих ей ударов тока, а затем просили оценить в баллах сочувствие, жалость, участие, сострадание, тепло и отзывчивость, которые вызывают у них слова девушки. Одни написали высокие цифры напротив этих пунктов; другие — низкие.

Когда процедура началась, бедняжку Элейн стало потряхивать, и ей это явно не нравилось, а экспериментаторы пошли на хитрость, чтобы узнать, что пробуждает в людях желание помочь Элейн — незамутненная любовь к ближнему или желание хорошо выглядеть. В одном эксперименте настрой участников выявляли с помощью опроса, а затем они могли или заслужить право освободить Элейн, качественно выполняя собственное задание, или просто ее отпустить, но в этом случае испытуемый не мог приписать спасение себе. Эмпаты чувствовали

облегчение в обоих случаях; неэмпаты — только если могли отнести спасение девушки на свой счет. В другом эксперименте испытуемый должен был заслужить право занять место Элейн, верно выполнив упражнение по вычеркиванию букв в тексте — задание, которое одним описывали как простое (чтобы у них не было возможности намеренно провалить его и сорваться таким образом с крючка), другим — как сложное (чтобы они могли сыграть в поддавки и под благовидным предлогом уклониться от самопожертвования). Неэмпаты играли в поддавки и плохо выполняли так называемое сложное задание; эмпаты при его выполнении старались даже сильнее, потому что знали, что им нужно приложить дополнительные усилия, чтобы пострадать вместо Элейн. Эмоция сострадания, таким образом, может привести к искреннему участию в кантовском смысле отношения к человеку как к цели, а не как к средству достижения цели — в данном случае средству почувствовать себя хорошим человеком, который помогает другим.

В этих экспериментах человека спасали от страданий, причиняемых кем-то другим, в данном случае экспериментатором. Но может ли вызванный сочувствием альтруизм подавить собственное желание попользоваться кем-то или отомстить за провокацию? Да, может. В других экспериментах Батсон заставлял женщин разыгрывать однократную дилемму заключенного, в которой испытуемая и вторая (подставная) участница делали ставки, которые могли вознаградить их различным количеством лотерейных билетов⁵⁵. Как правило, участницы придерживались оптимальной, по мнению специалистов по теории игр, стратегии: они предавали. Участницы ставили на карту, которая

защищала их от неудачи за счет партнерши, оставляя обоих игроков с результатом худшим, чем если бы они сотрудничали, выбрав другую карту. Но, если испытуемая читала личную, вызывающую сочувствие записку от партнерши, ее уровень сотрудничества подскакивал с 20% до 70%. Во втором эксперименте новая группа участниц разыгрывала повторяющуюся дилемму заключенного, которая давала им возможность отомстить за предательство партнерши, в свою очередь предав ее. Только в 5% случаев испытуемые сотрудничали в ответ на предательство. Но если до начала эксперимента их заставляли соперничать второй участнице, они прощали гораздо чаще и сотрудничали в 45% случаев⁵⁶. Значит, соперничество может смягчить нерациональную эксплуатацию и дорогостоящую месть.

В этих экспериментах психологи манипулировали сочувствием не напрямую — теперь они варьировали степень сходства ценностей участника и объекта сочувствия или же сочувствие было полностью эндогенным: экспериментаторы рассчитывали, что некоторые участники сами по себе окажутся эмпатичнее прочих — неважно, по какой причине. Ключевой вопрос, на который нужно ответить, чтобы объяснить снижение уровня насилия, звучит так: можно ли повлиять на сострадание извне?

Вспомните, что сочувствие чаще всего проявляется в общинных отношениях, для которых также характерны чувство вины и прощение. Следовательно, все, что такие отношения формирует, должно также порождать и сочувствие. Надежнейший способ построить общинные отношения — это побудить людей сотрудничать ради достижения общей цели. (Классический пример: воюющие мальчики из лагеря

«Пещера разбойников», которым пришлось вместе вытаскивать завязший в грязи автобус.) Многие рабочие группы по разрешению конфликтов работают по тому же принципу: неприятелей сводят вместе в радужной атмосфере, где те могут узнать друг друга получше, а затем ставят перед ними важную задачу — выяснить, как можно разрешить конфликт. Такие обстоятельства способны стимулировать взаимное сочувствие, и рабочие группы часто стараются усилить его, заставляя участников принимать точку зрения друг друга⁵⁷. Но во всех этих случаях людей так или иначе принуждают к сотрудничеству — очевидно, что собрать все население Земли в рабочую группу по разрешению конфликтов невозможно.

Самым полезным внешним триггером сочувствия был бы тот, который дешев, широко доступен и всегда под рукой; на эту роль отлично подходит принятие перспективы, к которому люди прибегают, читая художественную литературу, мемуары, автобиографии и документальные репортажи. Так что следующий вопрос, на который должна ответить наука об эмпатии: может ли принятие перспективы под влиянием массмедиа вызвать подлинное сочувствие людей к авторам текстов, выступающим на ТВ или радио, и к членам групп, которые они представляют?

В нескольких экспериментах команды Бэтсона испытуемым говорили, что они помогают изучать рыночный потенциал университетской радиостанции⁵⁸. Их просили оценить пробный выпуск передачи под названием «Новости от первого лица», которая должна «не просто описывать события, а рассказывать, как они повлияли на вовлеченных в них людей». Одну группу участников просили

«сфокусироваться на технической стороне» и «занять объективную позицию», не увлекаясь чувствами героя интервью. Другую группу просили «вообразить, что чувствует по поводу случившегося интервьюируемый человек и как произошедшее повлияло на его или ее жизнь» — такая манипуляция принятием перспективы должна была внушить испытуемым чувство сострадания. Нельзя не признать, что манипуляция была несколько нарочитой: людям, как правило, не сообщают, что нужно думать и чувствовать, когда они читают книгу или смотрят новости. Но писатели знают, что публика больше вовлекается в историю, если в ней есть герой, чью точку зрения их побуждают принять. Проверенный временем совет сценаристам: «Найди героя и заставь его попасть в неприятности». Возможно, массмедиа также ловят публику на сочувствие главному герою, не оговаривая этот момент особо.

Первый эксперимент показал, что сочувствие, вызванное принятием перспективы, было искренним — подобно тому что выявили эксперименты со страдающей Элейн⁵⁹. Участники слушали рассказ некой Кэти, которая потеряла родителей в автокатастрофе и теперь, преодолевая трудности, растит младших братьев. Позже испытуемым давали возможность немного ей помочь, например посидеть с детьми или подвезти куда-нибудь. При этом экспериментаторы показывали листы с подписями уже вызвавшихся помочь девушке: в одном случае казалось, что прийти на помощь готовы многие (это оказывало социальное давление на испытуемых, заставляя их поступать так же), в другом случае — что сердобольных нашлось только двое (это позволяло испытуемым не испытывать дискомфорт, игнорируя бедственное положение Кэти). Участники,

фокусирувавшиеся на технических аспектах интервью, вызывались помочь лишь в том случае, если то же самое делали многие их сверстники; те же, кто вник в положение Кэти, подписывались независимо от того, что делали другие.

Но сочувствовать человеку, попавшему в беду — это одно, а распространить сочувствие на всю группу, которую он представляет, — совсем другое. Сочувствуют ли читатели только дяде Тому или всем американским рабам? Оливеру Твисту или сиротам в целом? Анне Франк или всем жертвам Холокоста? В экспериментах, проведенных для проверки таких обобщений, студентам рассказывали о бедственном положении Джулии, молодой женщины, которая заразилась вирусом СПИДа во время переливания крови после автомобильной аварии. (Эксперимент проводился до открытия эффективного лечения этой зачастую смертельной болезни.)

Да что там говорить, это ужасно. Каждый раз, когда я кашляю или чувствую себя уставшей, я сразу думаю: это оно? Это начало — ну, вы понимаете — конца? Иногда я чувствую себя довольно хорошо, но в глубине души эта мысль меня не отпускает. В любой момент дело может принять плохой оборот [пауза]. И я знаю, что — как минимум в настоящий момент — выхода нет. Я знаю, они пытаются найти лекарство — и я понимаю, что мы все когда-нибудь умрем. Но все это так несправедливо. Так ужасно. Как ночной кошмар [пауза]. Я чувствую, будто только начала жить, а теперь вместо этого умираю [пауза]. Это может сломить любого⁶⁰.

Позже, когда студентов просили ответить на вопросы об их отношении к людям со СПИДом, те, кто поставил себя на место Джулии («приняли ее перспективу»), проявили к ним больше сочувствия, чем те, кто сосредотачивались на технической стороне, а значит, сочувствие действительно распространилось с личности на группу, которую она представляет. Но была замечена и важная

особенность. Эффект от принятия перспективы управлялся нравственным чувством — это неудивительно, ведь сочувствие не автоматический рефлекс. Если Джулия признавалась, что заразилась СПИДом, все лето занимаясь беспорядочным незащищенным сексом, те, кто ставил себя на ее место, проявляли больше сочувствия к жертвам СПИДа вообще, но их сочувствие к более узкой группе молодых женщин со СПИДом не росло. Похожие результаты были получены в исследовании, в котором студенты и студентки слушали историю мужчины, ставшего бездомным, — по одной версии, из-за болезни, по другой — потому, что ему просто надоело работать.

Далее команда психологов решила несколько раздвинуть границы допустимого и проверить, смогут ли они вызвать в людях сочувствие к осужденному убийце⁶¹. Конечно, не из желания, чтобы люди испытывали теплые чувства к убийцам. Некоторый уровень сочувствия к не вызывающим сочувствия людям может быть необходим для отказа от жестоких наказаний и истязаний, и вполне вероятно, что толика такого сочувствия могла привести к реформированию системы уголовных наказаний в ходе Гуманитарной революции. Вызывать сочувствие к душегубу-психопату Батсон не рискнул, но придумал историю об убийстве, которое спровоцировала жертва, ненамного более симпатичная, чем убийца. Вот рассказ Джеймса о том, как он убил своего соседа:

Вскоре дела пошли еще хуже. Он высыпал мусор на мой задний двор. Тогда я плеснул красную краску на стену его дома. А он поджег мой гараж. Знал, что машина — моя гордость и радость. Я обожал ее и содержал в идеальном состоянии. Я проснулся, и огонь удалось потушить, но машина сгорела — полностью! А он смеялся! Я как с ума сошел — не кричал, не сказал ничего, но меня так трясло, что я еле держался на ногах. И тогда решил, что он должен умереть. В ту ночь, когда он пришел домой, я ждал его

на крыльце с охотничьим ружьем в руках. Он снова посмеялся надо мной, сказал, что я трус, что у меня не хватит смелости сделать это. Но я это сделал. Я выстрелил в него четыре раза; он умер там же, на крыльце. Когда приехала полиция, я еще стоял там, держа ружье.

[Интервьюер: Вы сожалеете о том, что сделали?]

Сейчас? Конечно. Я знаю, что убийство — это неправильно. Никто не заслуживает такой смерти, даже он. Но все, чего я хотел в тот момент, так это заставить его дорого заплатить — и избавиться от него. [Пауза] Застрелив его, я почувствовал огромное облегчение. Я ощущал себя свободным. Ни гнева, ни страха, ни ненависти. Но это чувство продлилось минуту или две. На самом деле свободен был он; а мне придется провести остаток жизни в тюрьме. [Пауза] И вот я здесь.

Слушатели, ставившие себя на место Джеймса, действительно больше сочувствовали ему, чем те, кого просили оценить техническую сторону интервью, но это сочувствие очень мало меняло их отношение к убийцам в целом.

Но это еще не все. Неделю или две спустя участникам эксперимента звонил интервьюер, проводивший опрос о тюремной реформе. (Звонивший был в сговоре с экспериментатором, но никто из студентов об этом не догадался.) Среди прочих он задавал и вопрос об отношении к убийцам, похожий на тот, на который студенты отвечали в лаборатории. По прошествии времени эффект принятия перспективы переломил ситуацию. Студенты, которые пару недель назад попытались представить себе, что чувствовал Джеймс, демонстрировали заметное изменение своего отношения к осужденным убийцам. Ученые называют такое отложенное воздействие эффектом запаздывания. Сталкиваясь с информацией, которая может изменять установки таким образом, какой мы не одобрили бы, в нашем случае — вызвав теплые чувства к убийцам, люди знают, как это может на них повлиять, и сознательно подавляют такие чувства.

Позже, когда настороженность их отпускает, внутренние перемены становятся явными. Суть такова: даже если незнакомец принадлежит к группе, которую мы обоснованно не любим, увидев его историю его глазами, мы способны посочувствовать и распространить это сочувствие на всю группу, которую он представляет, — и не только на те несколько минут, пока мы слушаем этот рассказ.

В нашем тесном мире мы узнаем истории других людей через самые разные каналы связи: личные разговоры, интервью в СМИ, воспоминания и автобиографии. Но можно ли что-то сказать о доле этого информационного потока, состоящей из художественных книг, фильмов и телесериалов? Как влияют на аудиторию придуманные миры, в которые она погружается добровольно? Люди любят истории, потому что они дарят возможность принять точку зрения героя и в то же время посмотреть на нее другими глазами, с позиции остальных персонажей, рассказчика и самого читателя. Может ли выдумка исподволь побудить людей к расширению круга эмпатии? В своем эссе 1856 г. Джордж Элиот защищала эту психологическую гипотезу:

Призывы, основанные на обобщениях и статистике, требуют сострадания уже готового, нравственного чувства уже действующего; но изображение человеческой жизни, какое может дать великий художник, застаёт врасплох даже ограниченного и эгоистичного, привлекая внимание его к чему-то совсем от него далекому, и создает своего рода сырой материал для нравственного чувства. Когда Скотт помещает нас в хижину Лаки Маклбекит или рассказывает историю двух гуртовщиков, — когда Вордсворт воспекает мечтания бедной Сьюзен, — когда Кингсли показывает нам Элтона Локка, жадно глядящего за ворота, ведущие в лес, который он до того ни разу не видал, — когда Хорнунг живописует ватагу трубочистов, — больше делается для единения высших классов с низшими, для стирания вульгарности снобизма, чем могут сделать сотни проповедей и философских трактатов. Искусство ближе всего к жизни; это возможность усилить впечатления и укрепить связь с собратьями, чья судьба напрямую не связана с нашей⁶².

Сегодня историк Линн Хант, философ Марта Нуссбаум и психологи Раймонд Мар и Кит Отли, как и многие другие, пропагандируют чтение художественной литературы как способ расширения эмпатии и ускорения гуманитарного прогресса⁶³. Казалось бы, в наше время, когда студенты и бюджеты уходят из сферы гуманитарных наук, ученые-гуманитарии должны наперебой поддерживать эту идею, желая показать, что объект их исследований — сила, содействующая прогрессу. Но многим литературоведам, например Сюзанне Кин, написавшей книгу «Эмпатия и роман» (Empathy and the Novel), не нравится предположение, что чтение художественной литературы может способствовать нравственному развитию. Эта идея кажется им слишком обывательской, пошлой, сентиментальной и успокаивающей — слишком в стиле Опры Уинфри. Литература с той же легкостью может стимулировать злорадство, говорят они, начиная с удовольствия от несчастий несимпатичного персонажа. Она может укреплять высокомерные стереотипы по отношению к «другому». Может переключать наше сопереживание с живых существ, которым оно необходимо, на трогательных, но не существующих в реальности, выдуманных писателем бедолаг. К тому же, справедливо напоминают эти филологи, у нас нет лабораторных данных, доказывающих, что художественная литература расширяет круг сочувствия. Мар, Отли и их коллеги показали, что читатели художественной литературы набирают высокие баллы в тестах эмпатии и эмоционального интеллекта, но это не дает ответа на вопрос: чтение художественной литературы делает людей эмпатичными или же эмпатичные люди больше любят читать?⁶⁴

Было бы странно, если бы воображаемый опыт не оказывал такого же влияния, как реальный, потому что люди в своих воспоминаниях часто их путают⁶⁵. И некоторые эксперименты действительно дают основания предполагать, что художественная литература способна расширить круг сочувствия. В одном из экспериментов Батсона студенты должны были прослушать интервью с героинным наркоманом, при этом одной группе сообщали, что отвечает реальный человек, а другой — что это актер⁶⁶. Слушатели, которых попросили принять его точку зрения, начинали больше сочувствовать героинным наркоманам в целом, даже услышав историю из уст актера (хотя уровень сочувствия был выше у тех испытуемых, которые считали его настоящим). Когда вы встречаете умелого рассказчика, вымышленная жертва может вызвать даже больше сочувствия, чем настоящая. В книге «Моральная лаборатория» (The Moral Laboratory) литературовед Емельян Хакемулдер рассказал об эксперименте, участники которого узнавали о бедственном положении алжирских женщин, увидев ситуацию глазами героини романа Малики Мокеддем «Перемещенные» или прочитав разоблачительную документалистику Яна Гудвина «Цена чести»⁶⁷. Читатели романа сочувствовали алжирским женщинам сильнее, чем читатели документальной прозы; они реже обесценивали несчастья этих женщин, считая, что все это часть культурной и религиозной традиции. Эти эксперименты дают нам основания полагать, что последовательность событий Гуманитарной революции, когда исторические изменения следовали за популярными романами, может быть не просто совпадением: упражнения по

принятию перспективы действительно помогают расширить круг эмпатии.

Изучение эмпатии показало, что сочувствие может содействовать развитию истинного альтруизма и что его можно распространить на новые классы людей, если принимать перспективу представителей этих классов, пусть даже и вымышленных. Результаты этих исследований укрепляют предположение, что в какой-то мере гуманистические реформы приводит в движение повышенная чувствительность к опыту живых существ и искреннее желание облегчить их страдания. И если так, когнитивный процесс принятия перспективы и эмоцию сочувствия нужно учитывать при объяснении исторического сокращения самых разнообразных видов насилия. Я имею в виду узаконенное насилие вроде жестоких наказаний, рабства и ужасных казней, жестокое обращение с уязвимыми категориями населения вроде женщин, детей, гомосексуалов, расовых меньшинств и животных, а также войны, захваты и этнические чистки, безразличные к человеческим потерям.

В то же самое время исследования напоминают нам, почему мы не должны уповать на «Эпоху эмпатии» или на «эмпатическую цивилизацию» как на решение наших проблем. У эмпатии есть и темная сторона⁶⁸.

Во-первых, эмпатия может навредить благополучию людей, вступив в конфликт с более фундаментальным принципом — справедливостью. Батсон обнаружил: если люди сочувствуют Шери, десятилетней девочке с серьезным заболеванием, они хотят, чтобы именно она приняла участие в

тестировании экспериментального лекарства в обход других детей, которые ждали дольше или же больше нуждаются в лечении. Эмпатия могла бы обречь этих детей на смерть и страдание, потому что они безымянны и обезличенны. Люди, узнавшие о муках Шери, но не сочувствующие ей, действовали бы гораздо более справедливо⁶⁹. Другие эксперименты иллюстрируют это положение более обобщенно. Батсон обнаружил, что в игре «Общественное благо» (участники жертвуют деньги в общий котел, затем его содержимое умножается, а сумма делится на всех) игроки, которых склонили к сочувствию (например, сообщив, что одна из участниц только что рассталась с бойфрендом), отдавали свои пожертвования ей, обделяя общество, что вело к убыткам для всех⁷⁰.

Выбор между эмпатией и справедливостью — не просто интересный момент лабораторных экспериментов; это факт, который может иметь серьезнейшие последствия в реальном мире. Огромные убытки несут общества, когда политики и чиновники, поддавшись эмпатии, от всей души одаривают привилегиями родственников и друзей, вместо того чтобы бесстрастно отдать их незнакомым людям. Этот nepotизм не только лишает правомочности полицию, правительство и бизнес, но и обостряет конкуренцию с нулевой суммой за средства существования среди кланов и этнических групп, а она легко может привести к кровопролитию. Институты современности опираются на соблюдение абстрактных фидуциарных обязательств, которые выходят за рамки эмпатии.

Еще один недостаток эмпатии в том, что она слишком ограничена, чтобы принуждать к учету интересов всех других без разбору. У нас имеются

зеркальные нейроны, но эмпатия — это не рефлекс, заставляющий нас сочувствовать каждому, на кого упадет взгляд. Ее можно включать, выключать и разворачивать в обратном направлении в зависимости от того, как мы интерпретируем отношения, связывающие нас с этим человеком. Ее можно пробудить умилением, красотой, родством, дружбой, сходством и общинной солидарностью. Принятие перспективы может расширить круг эмпатии, но расширение это невелико, предупреждает Бэтсон, и может быть преходящим⁷¹. Надеяться, что градиент человеческой эмпатии можно сгладить так, чтобы незнакомец значил для нас не меньше, чем семья и друзья, — утопия в самом худшем смысле, который породило XX столетие, утопия, требующая невероятного и вряд ли желательного насилия над человеческой природой⁷².

Но в этом нет необходимости. Идеал расширяющегося круга не значит, что мы должны чувствовать боль каждого живого существа. Ни у кого нет для этого ни времени, ни энергии, и попытки размазать нашу эмпатию таким тонким слоем привели бы к эмоциональному выгоранию и притуплению чувства сострадания⁷³. Ветхий Завет призывает любить ближних, а Новый Завет — и врагов. Моральный смысл наказа, похоже, таков: любите ваших соседей и врагов, и тогда вы их не поубиваете. Но, честно говоря, я не люблю своих соседей, не говоря уж о врагах. Следующий идеал, как мне кажется, лучше: не убивайте своих соседей и врагов, даже если вы их не любите.

Что действительно расширилось, так это не столько круг эмпатии, сколько круг прав — приверженность идее, что другие живые существа,

неважно, насколько они нам неблизки и на нас непохожи, не заслуживают страданий и эксплуатации. Эмпатия, конечно, была исторически важна, чтобы осознать необходимость сочувствовать тем, на кого раньше не обращали внимания. Но внезапных озарений такого рода недостаточно. Чтобы эмпатия имела значение, она должна побуждать к изменениям стратегий и норм, определяющих отношение к бывшим париям. В переломные моменты вновь обретенная чувствительность к человеческой цене привычного хода вещей может повлиять на решения элит и расхожие мнения масс. Но, как мы увидим в части, посвященной разуму, чтобы преодолеть встроенные ограничения эмпатии, необходима еще и абстрактная моральная аргументация. Нашей конечной целью должны быть стратегии и нормы, которые становятся второй натурой и делают эмпатию необязательной. Эмпатия, как и любовь, — это еще не все, что нам нужно.

САМОКОНТРОЛЬ

С тех самых пор, как Адам и Ева съели яблоко, Одиссей привязал себя к мачте, Стрекоза пела, пока Муравей делал запасы на зиму, а святой Августин молился: «Боже, даруй мне целомудрие, но не сейчас», люди испытывали трудности с самоконтролем. В современных обществах эта добродетель в высшей степени необходима, потому что теперь, когда мы укротили природу, большую часть бедствий мы навлекаем на себя сами. Мы слишком много едим, пьем и курим, мы играем в азартные игры, превышаем лимит на кредитных картах, заводим опасные связи и впадаем в зависимость от героина, кокаина и интернета.

Насилие тоже главным образом проблема самоконтроля. Исследователи насчитали уйму факторов риска, провоцирующих насилие, включая эгоизм, оскорбления, ревность, трайбализм, фрустрацию, скученность, жару и принадлежность к мужскому полу. Однако почти половина населения Земли — мужского пола, и все мы выслушивали оскорбления, ревновали, разочаровывались и изнывали от жары, не бросаясь на людей с кулаками. Распространенность фантазий об убийстве показывает, что у нас нет иммунитета к соблазнам насилия, но мы научились им сопротивляться.

Самоконтролю принадлежит заслуга в одном из величайших сокращений насилия в истории — 30-кратном падении числа убийств в Европе в период от Средних веков до наших дней. Вспомните, что, согласно теории цивилизационного процесса Норберта Элиаса, укрепление государственной власти и развитие торговли не только сформировало систему стимулов, поощрявшую к отказу от разбоя. Оно еще и создало этику самоконтроля, сделавшую сдержанность и пристойность второй натурой. Люди перестали втыкать ножи в сотрапезников и отрезать носы врагам в то же самое время, когда перестали мочиться в чуланах, заниматься сексом на публике, испускать газы за обедом и бросать на общее блюдо обглоданные кости. Культура чести, которая ценит мужчин, реагирующих на оскорбление взрывом ярости, превратилась в культуру достоинства, где их уважают за умение контролировать свои импульсы. Обращение спада насилия вспять, случившееся в развитых странах в 1960-х гг. и в развивающемся мире после ликвидации колоний, сопровождалось и девальвацией самоконтроля: в те годы ценилась не

взрослая дисциплинированность, а юношеская порывистость.

Недостаток самоконтроля может спровоцировать и крупномасштабное насилие. Множество глупых войн и смут начались, когда лидеры или общества бросались в драку, реагируя на возмутительный произвол, а наутро сожалели о своем порыве. Поджоги и бесчинства в афроамериканских кварталах, которым предавались местные жители после убийства Мартина Лютера Кинга в 1968 г., и полное уничтожение инфраструктуры Ливана израильскими вооруженными силами в ответ на атаки «Хезболлы» в 2006-м только два тому примера⁷⁴.

В этом разделе я обращусь к нашим знаниям о самоконтроле, чтобы проверить, подтверждают ли они теорию цивилизационного процесса, подобно тому как в предыдущем разделе исследовал науку об эмпатии, чтобы выяснить, поддерживает ли она теорию расширяющегося круга. Теория цивилизационного процесса, подобно фрейдистской концепции «Оно» и «Эго», из которой она была выведена, делает несколько громких заявлений о нервной системе человека, которые мы тоже, в свою очередь, проверим. Действительно ли в мозге имеются конкурирующие системы влечений и самоконтроля? И действительно ли самоконтроль — единственная наша способность, ответственная за укрощение всех пороков, от переедания до промискуитета и прокрастинации, от мелких правонарушений до серьезной агрессии? И если это так, существуют ли способы укрепить свой самоконтроль? И могут ли эти механизмы регулирования распространиться в обществе, изменяя его характер в сторону большей сдержанности в целом?

В чем смысл идеи самоконтроля, в каких обстоятельствах он обоснован, а в каких нет?⁷⁵ Для начала на время отложим в сторону чистый эгоизм — поступки, которые на пользу нам самим, но вредят окружающим, — и сфокусируемся на потворстве своим желаниям, на поступках, которые удовлетворяют наши немедленные потребности, но вредят долгосрочной перспективе. Примеров масса. Еда сегодня, лишний вес завтра. Никотин сегодня, рак завтра. Секс сегодня, беременность, болезнь или ревность завтра. Выплеснуть гнев сегодня, разгребать последствия завтра. В общем, танцевали — веселились, подсчитали — прослезились.

В принципе, нет ничего сущностно иррационального в предпочтении немедленного удовольствия отложенному. В конце концов, во вторник ты заслуживаешь шоколадного батончика не меньше, чем в среду. Более того, во вторник ты заслуживаешь его больше. Если батончик достаточно велик, он поможет заморить червячка, так что съесть его во вторник — значит не испытать голода, в то время как решение сберечь его на среду обрекает тебя на голод во вторник. К тому же, если ты не съешь шоколадку во вторник, может случиться так, что до утра ты не доживешь, а значит, ни в среду, ни во вторник шоколада не попробуешь. И в довершение, если ты не съешь шоколад сейчас, его могут украсть, он может испортиться или его съест кто-то другой, опять-таки лишив удовольствия и нынешнего, и будущего тебя.

При прочих равных наслаждение моментом стоит того. Вот почему, ссужая деньги, мы настаиваем на проценте. Доллар завтра действительно стоит меньше,

чем доллар сегодня (даже без учета инфляции), и процент — это сумма, в которую мы оцениваем разницу. Процент рассчитывается по фиксированной ставке в единицу времени, то есть суммируется и растет экспоненциально. Это компенсирует вам ровно ту сумму, на которую уменьшится стоимость вернувшихся к вам через какое-то время денег, потому что она тоже снижается экспоненциально. Почему? Каждый новый день на йоту увеличивает вероятность вашей смерти или того, что заемщик сбежит или обанкротится и вы своих денежек вообще не увидите. Так как вероятность, что этого не случится, сокращается день за днем, компенсация, которую вы требуете, соответственно, умножается. Если же говорить об удовольствии, выбирая между наслаждением сегодня и наслаждением завтра, рациональный агент *должен* выбирать второй вариант, только если завтрашнее удовольствие будет экспоненциально больше. Другими словами, рациональный агент обязан пренебрегать будущим и наслаждаться жизнью сегодня, пусть даже на завтра удовольствий ему останется меньше. Нет смысла экономить всю жизнь, чтобы на 90-летие закатить отвязную вечеринку.

Потворство своим желаниям становится нерациональным, только если мы *слишком сильно* пренебрегаем будущим — когда мы недооцениваем наши будущие «я», назначая им цену намного ниже того, что они должны бы стоить, учитывая, что эти «я» все еще будут живы и смогут воспользоваться тем, что мы для них сберегли. Существует оптимальный уровень пренебрежения будущим — говоря математическим языком, оптимальная ставка дисконтирования, которая зависит от того, сколько вы рассчитываете прожить, какова вероятность того, что

у вас все еще будет доступ к вашим сбережениям, на какое время вам удастся растянуть этот ресурс и с какой силой вы будете наслаждаться им в разные моменты жизни (в добром здравии или в болезни). «Ешь, пей и веселись, потому что завтра мы умрем» — абсолютно разумное распределение ресурсов при условии, что мы действительно умрем завтра. Что неразумно, так это есть и пить, словно завтра не наступит, хотя в действительности оно никуда не делось. Слишком уж потакать своим желанием, ослабить самоконтроль — значит обесценить наши будущие «я» слишком сильно или, другими словами, потребовать слишком высокую процентную ставку за то, что мы ограничиваем наше нынешнее «я» ради выгод наших будущих «я». Никакая приемлемая ставка не поможет удовольствию от курения в 20 лет компенсировать онкологическую боль в 50.

Большая доля феноменов, которые сегодня кажутся нам слабостью самоконтроля, могут представлять собой применение ставки дисконтирования, встроенной в нашу нервную систему еще в доисторические времена, в ненадежном мире, где люди умирали гораздо более молодыми и где не было организаций, пускающих сбережения в оборот сегодня, чтобы вернуть их с прибылью завтра⁷⁶. Экономисты заметили, что, когда людям позволено решать самим, они откладывают на старость слишком мало, как будто рассчитывают умереть через несколько лет⁷⁷. На этом знании основан «либертарианский патернализм» Ричарда Талера, Касса Санстейна и других поведенческих экономистов, считающих, что правительство должно с согласия граждан подыгрывать их будущим «я» за счет нынешних⁷⁸. К примеру, по умолчанию ввести оптимальную пенсионную сберегательную

программу, от участия в которой наемные работники при желании могут отказаться, но не предлагать им ее как возможность, которую нужно сознательно выбирать. Или, например, поднять ставку налога с продаж для вредной еды.

Но слабость воли — вопрос не только чрезмерного пренебрежения будущим. Если бы нас просто мало заботили наши будущие «я», мы делали бы неверный выбор, но не меняли бы его с течением времени и появлением новых возможностей. Если внутренний голос, вопящий: «Десерт сейчас!», заглушает шепот: «Жир завтра», так будет всегда, неважно, когда мы сможем добраться до десерта — через пять минут или через пять часов. В реальности же наши предпочтения неминуемо изменяются со временем — этот феномен называют близоруким дисконтированием⁷⁹. Если мы с вечера заполняем и вешаем на дверную ручку карточку обслуживания в номере, заказывая завтрак на следующее утро, мы выбираем тарелку фруктов и обезжиренный йогурт. Но, делая выбор у стойки буфета, мы берем бекон и круассаны. Во множестве экспериментов на многих видах животных было показано: если два вознаграждения удалены во времени, организмы выбирают большее вознаграждение, которое поступит позже, а не меньшее, которое достанется раньше. Например, выбирая между 10 долларами через неделю и 11 долларами через восемь дней, вы выберете второй вариант. Но если вознаграждение можно взять прямо сейчас, самоконтроль сдается, предпочтения меняются, и мы выбираем меньше, но сразу, а не больше, но потом: 10 долларов сейчас, а не 11 завтра. В отличие от простого пренебрежения будущим, которое не бессмысленно, если верно установлена ставка дисконтирования, близорукое

дисконтирование с его изменением приоритетов вообще нельзя назвать рациональным. И тем не менее все мы близоруки.

Математически подкованные экономисты и психологи объясняют близорукую инверсию предпочтений тем, что организмы осуществляют скорее гиперболическое дисконтирование, чем более рациональное экспоненциальное⁸⁰. Обесценивая наши будущие «я», мы не умножаем субъективную ценность вознаграждения на постоянную величину в каждую единицу времени, которую придется его дожидаться (оценивая его в половину стоимости, затем в четверть, затем в $1/16$ и так далее). Вместо этого мы умножаем его первоначальную субъективную ценность на все меньшие и меньшие доли (оценивая его в половину стоимости, затем в треть, в четверть, в $1/5$ и так далее). Это понимание можно выразить и интуитивно, качественным, а не количественным образом. Гипербола — это кривая, похожая на согнутую в локте руку, где крутой спуск резко переходит в пологий (в отличие от более гладкой экспоненциальной кривой). Это соответствует психологической теории, утверждающей, что близорукое дисконтирование возникает, когда система мозга, отвечающая за немедленное удовлетворение, передает управление системе, которая имеет дело с отдаленным или гипотетическим будущим⁸¹. Как сказал Томас Шеллинг, «иногда люди ведут себя так, словно обладают двумя "я", одно из которых хочет иметь чистые легкие и долгую жизнь, а другому нравится курить; или одно хочет стройное тело, а другое — съесть десерт; или одно желает совершенствовать себя чтением эссе Адама Смита о самообладании, а другое хочет посмотреть старый фильм по телевидению»⁸².

Фрейдистская теория Ид («Оно») и Эго («Я») и более ранняя идея, что наши промахи — дело рук внутренних демонов («Бес попутал!»), тоже выражают ощущение, что самоконтроль — это битва фантомов в голове. Психологи Уолтер Мишел, автор «зефирного эксперимента» — классического исследования близорукого дисконтирования у детей (их ставили перед мучительным выбором между одной порцией зефира сейчас и двумя через 15 минут), и Джанет Меткалф предположили, что желание немедленного удовлетворения исходит из «пылкой (горячей) системы» мозга, в то время как терпение рождается в «хладнокровной (прохладной) системе»⁸³.

Мы уже можем догадаться, что это за пылкая и хладнокровная системы: лимбическая система (чьи основные части изображены на рис. 8–2) и лобные доли (см. рис. 8–3). В лимбическую систему входят контуры ярости, страха и доминирования, которые идут от среднего мозга через гипоталамус к миндалине, а также дофамин-чувствительная поисковая цепь, которая тянется от среднего мозга через гипоталамус к полосатому телу. Обе связаны двусторонними связями с орбитальной корой и другими областями лобных долей, которые, как мы уже знаем, могут регулировать активность этих эмоциональных цепей, вмешиваться в их деятельность и контролировать поведение. Можно ли интерпретировать самоконтроль как «перетягивание каната» между лимбической системой и лобными долями?

В 2004 г. экономисты Дэвид Лейбсон и Джордж Лоуэнстейн объединили усилия с психологом Сэмюэлем Макклюром и специалистом по нейровизуализации Джонатаном Коэном, чтобы

проверить, действительно ли парадокс близорукого дисконтирования можно объяснить как компромисс между двумя системами мозга (или, как сформулировали они сами, между лимбической Стрекозой и лобнодолевым Муравьем)⁸⁴. Испытуемые, лежа в сканере, выбирали между вознаграждением в 5 долларов, которые можно взять в ближайшее время, и вознаграждением в 40 долларов, выплачиваемым через несколько недель. Ученые искали ответ на вопрос, одинаково ли мозг воспринимает выбор, если это «5 долларов сейчас против 40 долларов через две недели» или же «5 долларов через две недели против 40 долларов через шесть недель»? Оказалось, по-разному. Выбор, который дразнит возможностью немедленного удовлетворения, возбуждает полосатое тело и медиальную орбитальную кору. Дорсолатеральная префронтальная кора, часть лобных долей, занятая хладнокровными, осознанными вычислениями, активизировалась и в том и в другом случае. С помощью сканера исследователи могли в буквальном смысле считывать активность различных зон мозга участников. Когда латеральная префронтальная кора была активнее лимбических зон, участники решали дожидаться крупного вознаграждения; когда такую же или более высокую активность проявляли лимбические зоны, испытуемые не могли устоять перед искушением меньшего, зато скорейшего вознаграждения.

На рис. 8–3 наглядно видно, что лобные доли — это массивные структуры, состоящие из множества областей; они отвечают за несколько разновидностей самоконтроля⁸⁵. Задний их край, примыкающий к теменной доле, называется моторной корой — она контролирует работу мышц. Сразу перед нею

находятся премоторные зоны, организующие простые моторные команды в сложные программы; именно здесь впервые были обнаружены зеркальные нейроны. Область перед ними называется префронтальной корой — в нее входят дорсолатеральная и орбитальная/вентромедиальная зоны, с которыми мы сталкивались уже множество раз, а также лобный полюс, венчающий каждое из полушарий. Лобный полюс часто называют «лобной долей лобной доли», он возбуждается вместе с дорсолатеральной префронтальной корой, когда люди предпочитают большее, но отложенное вознаграждение меньшему немедленному⁸⁶.

Рядовых неврологов (врачей, которые лечат пациентов с повреждениями головного мозга, а не засовывают студентов в сканеры) не удивило открытие, что за самоконтроль отвечают именно лобные доли. Множество невезучих пациентов оказываются в их клиниках из-за того, что слишком обесценили будущее и не пристегнулись ремнем безопасности или не надели велосипедный шлем. Ради мелкого немедленного вознаграждения (выехать на дорогу секундой раньше или ощутить ветер в волосах) они отказались от крупного отложенного — сохранить свои лобные доли в целости после ДТП. Это невыгодная сделка. Пациенты с повреждениями лобных долей руководствуются импульсами. Положите перед ними расческу, и они немедленно возьмут ее и начнут причесываться. Поставьте перед ними еду, и они отправят ее в рот. Позвольте им пойти в душ, и они будут стоять там, пока их не позовут. Функционирующие лобные доли необходимы нам, чтобы освободиться от контроля стимулов — поставить поведение человека на службу его целям и планам.

При ударе головой о твердую поверхность лобные доли ударяются о череп и хаотично повреждаются. Случай с Финеасом Гейджем, когда лом прошел точно сквозь орбитальную и венстромедиальную кору и почти не задел латеральные и фронтальные области, говорит о том, что различные зоны лобных долей отвечают за разные виды самоконтроля. Вспомните: о Гейдже говорили, что он утеряти равновесие «между интеллектуальными способностями и животными свойствами». Сегодня нейробиологи убеждены, что орбитальная кора — главный посредник между эмоциями и поведением. Пациенты с повреждениями орбитальной коры импульсивны, иррациональны, рассеянны и социально неадекватны, а иногда агрессивны. Нейробиолог Антонио Дамасио объяснил этот синдром нечувствительностью пациентов к эмоциональным сигналам. Он установил, что, делая рискованную ставку, то есть ставя деньги на карты, которые с разной вероятностью могут привести к выигрышу или же к проигрышу, такие пациенты, в отличие от обычных людей, не потеют от волнения⁸⁷. Этот управляемый эмоциями самоконтроль — который можно назвать опасением — эволюционно древний, о чем свидетельствует наличие хорошо развитой орбитальной коры у таких млекопитающих, как крысы (см. рис. 8–1).

Но самоконтроль бывает и другим — хладнокровным и подчиняющимся правилам; за такой самоконтроль отвечают внешние, выдающиеся части лобных долей — именно эти зоны мозга сильнее всего увеличились в процессе эволюции человека⁸⁸. Мы уже знаем, что дорсолатеральная кора занята рациональными подсчетами выгод и затрат, например когда человек делает выбор между двумя отложенными вознаграждениями или решает,

отправить ли мчащуюся вагонетку на боковой путь, где она убьет одного человека, или позволить ей катиться по основному пути, где она лишит жизни пятерых⁸⁹. Лобный полюс занимает высшую позицию в иерархии управления и, как считают нейробиологи, определяет гибкость согласования соперничающих жизненных потребностей⁹⁰. Он обеспечивает многозадачность, активизируется, когда мы сталкиваемся с новой проблемой или возобновляем деятельность после перерыва, а также когда мы перестаем витать в облаках и возвращаемся к окружающей действительности. Благодаря лобному полюсу мы можем отвлекаться на второстепенные действия, а затем возвращаться к основной задаче, например прервать приготовление обеда, сбегать в магазин за недостающим продуктом и снова взяться за дело. Нейробиолог Этьен Кёхлин описал работу лобных долей следующим образом: самые задние его зоны реагируют на *стимулы*, латеральная лобная кора реагирует на *контекст*, а лобный полюс реагирует на *ситуацию*. Когда звонит телефон и мы берем трубку, мы реагируем на стимул. Когда мы в гостях у друга и не берем трубку, позволяя телефону трезвонить, мы реагируем на контекст. А когда друг отправляется в душ и просит нас снять трубку, если зазвонит телефон, мы реагируем на ситуацию.

Импульсивное насилие может быть результатом дисфункции любого из этих уровней самоконтроля. Возьмем для примера жестокие наказания детей. Современные западные родители, усвоившие нормы, осуждающие насилие, испытывают почти физическое отвращение при мысли, что ребенка можно ударить; предположительно, эту реакцию усиливает префронтальная кора. Родители прежних времен и других культур (матери, которые говорят: «Ну,

погоды, вот вернется отец!») могут регулировать силу порки в соответствии с серьезностью проступка или в зависимости от того, находятся они дома или в общественном месте, а если они дома, тогда в зависимости от того, есть ли в доме посторонние. Но если их самоконтроль слаб или они пылают гневом из-за того, что считают грубейшим непослушанием, то могут потерять самообладание (это значит, что контур ярости выходит из-под контроля лобных долей) и отлупить ребенка так, что позже сами об этом пожалеют.

Эдриан Рейн, который первым показал, что орбитальная кора мозга психопатов и импульсивных убийц мала или неактивна, провел нейровизуализационный эксперимент в подтверждение идеи, что насилие возникает из-за дисбаланса между импульсами лимбической системы и самоконтролем, рождающимся в лобных долях⁹¹. Он сканировал мозг мужей, прежде избивавших своих жен, в тот момент, когда мужчины выполняли следующее задание: они должны были читать напечатанный текст, игнорируя значение слов, обозначающих негативные эмоции (злость, ненависть, ужас и страх и т.п.), и называть только цвета, которыми набраны буквы (тест на внимание под названием «задача Струпа»). Жестокие мужья называли цвета медленно, скорее всего, потому, что подавленный гнев делал их гиперчувствительными к негативным эмоциям, обозначенным словами. По сравнению с мозгом нормальных людей, которые способны изучать буквы, не отвлекаясь на значения слов, лимбические структуры мозга агрессивных мужчин (в том числе островок и полосатое тело) демонстрировали повышенную активность, в то время как дорсолатеральная лобная кора — пониженную.

Напрашивается вывод, что в мозге импульсивных негодяев агрессивные импульсы лимбической системы сильнее, а самоконтроль, создаваемый лобными долями, слаб.

Конечно, большинство из нас не настолько безвольны, чтобы постоянно срываться в насилие. Но и представители неагрессивного большинства отличаются по степени самоконтроля. Ни одна другая личностная черта, кроме интеллекта, не предсказывает здоровую и успешную жизнь с такой точностью⁹². Уолтер Мишел начал свои исследования отложенного удовлетворения (предлагая детям выбор между одной зефиркой сразу и двумя потом) в конце 1960-х гг. и наблюдал за детьми, пока они не выросли⁹³. Через десять лет он протестировал их снова и установил, что дети, демонстрировавшие больше силы воли в эксперименте, были уравновешеннее, учились лучше и продолжали образование. Их обследовали еще 10 и 20 лет спустя. Оказалось, что терпеливые дети выросли во взрослых, которые с меньшей вероятностью употребляли кокаин, чья самооценка была выше, а отношения с близкими — лучше, также они успешнее справлялись со стрессом, реже страдали от пограничного личностного расстройства, были лучше образованны и зарабатывали больше.

Другие исследования, проведенные на крупных выборках подростков и взрослых, дали похожие результаты. Взрослые могут ждать двух зефирок сколько угодно долго, но, как мы уже знаем, их можно поставить перед таким же сложным выбором, например: «Пять долларов сейчас или сорок долларов

через две недели?» Исследования Лейбсона, Кристофера Шабри, Криса Кирби, Анджелы Дакворт, Мартина Селигмана и других психологов выявили, что люди, способные потерпеть ради более крупного вознаграждения, лучше учатся, меньше весят, меньше курят, чаще занимаются спортом и пополняют счет своей кредитки вовремя⁹⁴.

Баумайстер и его коллеги измеряли самоконтроль другим способом⁹⁵. Они просили студентов университета оценить силу своего самоконтроля согласно следующим высказываниям:

Я могу устоять перед искушением.

Я говорю первое, что придет в голову.

Я никогда не теряю самообладания.

Чувства могут завести меня далеко.

Я легко теряю самообладание.

Я не очень хорошо храню секреты.

Мне было бы полезно думать, прежде чем что-то сделать.

Удовольствия и развлечения иногда отвлекают меня от дела.

Я никогда не опаздываю.

Сделав поправку на склонность людей приписывать себе социально одобряемые черты, исследователи на основе этих ответов вывели единый показатель привычного самоконтроля. Они обнаружили, что студенты, набравшие по этому показателю высокий балл, лучше учились, меньше пили алкоголь, реже страдали расстройствами пищевого поведения, реже жаловались на психосоматические боли, депрессии, тревожность, фобии и психозы; они были добросовестнее, их самооценка была выше, отношения с семьей — лучше, личные отношения — стабильнее, они реже занимались сексом, о котором позже сожалели, реже фантазировали об изменах, находясь в моногамных

отношениях, реже ощущали необходимость «расслабиться» или «спустить пар» и чаще испытывали чувство вины, но реже — стыда⁹⁶. Тем, кто способен контролировать себя, лучше удается встать на место других людей, они испытывают меньше стресса, откликаясь на их нужды, хотя сопереживают не больше и не меньше прочих. И вопреки расхожему мнению, гласящему, что люди с высоким уровнем самоконтроля скованны, сдержанны, невротичны, скрытны, раздражительны, обсессивно-компульсивны или застряли на анальной стадии психосексуального развития, команда Баумайстера пришла к заключению, что чем больше самоконтроля, тем лучше жизнь. Индивиды на самом верху шкалы самоконтроля были самыми здоровыми психически.

Действительно ли люди с низким уровнем самоконтроля чаще совершают акты насилия? Косвенные улики подтверждают это предположение. Вспомните теорию преступности, описанную в главе 3 (и отстаиваемую Майклом Готтфредсоном, Трэвисом Хирши, Джеймсом Уилсоном и Ричардом Хернштейном), согласно которой преступления совершают люди со слабым самоконтролем⁹⁷. Плодам многолетнего честного труда, в том числе благу не окончить свои дни за решеткой, они предпочитают мелкие, быстрые, нечестные вознаграждения. Склонные к насилию подростки и молодые люди, как правило, имеют за плечами историю противоправного поведения в школе и попадают в неприятности, которые говорят о нехватке самоконтроля: пьяное вождение, употребление алкоголя и наркотиков, ДТП, плохая успеваемость, небезопасный секс, нежелание работать и ненасильственные преступления типа грабежа, вандализма и угонов машин. Насильственные преступления зачастую удивительно

импульсивны. Человек может зайти в магазин за пачкой сигарет и под влиянием момента вытащить пистолет и ограбить кассу. Или же в ответ на оскорбление выхватить нож и зарезать обидчика.

Но для того чтобы собрать не только косвенные, но и прямые улики, придется показать, что психологическая концепция самоконтроля (выраженная выбором, который люди делают между мелким вознаграждением сейчас и крупным позже, или же силой их импульсивности) совпадает с криминологической концепцией самоконтроля (выраженной реальными вспышками насилия). Уолтер Мишел, проведя эксперименты в городских школах и в лагерях для трудных подростков, обнаружил, что дети, которые могли ждать дольше, чтобы получить больше драже M&M's, реже ввязывались в драки и задирали партнеров по играм⁹⁸. Изучение отчетов учителей подтверждает, что дети, которые казались им более импульсивными, вели себя агрессивнее⁹⁹. Особенно информативное исследование провели психологи Авшалом Каспи и Терри Моффитт. Они проследили судьбу абсолютно всех детей, родившихся в новозеландском городе Данидин в 1972–1973 гг.¹⁰⁰ Трехлетние дети, которые были отмечены как недостаточно управляемые (импульсивные, неусидчивые, негативистские, рассеянные и эмоционально неустойчивые), по достижении 21 года с гораздо большей вероятностью оказывались за решеткой. (В исследовании не делалось различий между насильственными и ненасильственными преступлениями, но позже изучение той же выборки показало, что эти два вида преступлений, как правило, неотделимы друг от друга.)¹⁰¹ И одной из причин их криминального поведения может быть неумение прогнозировать

последствия своих действий. Анализ опросов показал, что люди со слабым уровнем самоконтроля недооценивали вероятность, что понесут наказание за свои преступления и потеряют уважение семьи и друзей, если их противоправное поведение обнаружится.

Динамика преступности в подростковом возрасте и в молодости связана с усилением самоконтроля, который выражается в растущей готовности выбирать большее вознаграждение потом, а не мелкое сейчас. Этот сдвиг отчасти зависит от физиологического созревания мозга. Нейронные связи в префронтальной коре формируются до третьего десятилетия нашей жизни, а латеральные зоны коры и лобные полюса созревают в последнюю очередь¹⁰². Но самоконтроль — это еще не все. Если бы делинквентное (противоправное) поведение зависело *только* от самоконтроля, то подростки, взрослея, все реже попадали бы в неприятности, однако этого не происходит. Дело в том, что на уровень насилия влияет не только самоконтроль, но и импульсы, которые он должен контролировать¹⁰³. Юность — возраст, когда нарастает, а затем убывает импульс «поиска острых ощущений» — следствие активности поисковой системы, достигающей пика в 18 лет¹⁰⁴. Это еще и возраст активного межсамцового соперничества, подстегиваемого тестостероном¹⁰⁵. Нарастание жажды острых ощущений и доминирования может обогнать усиление самоконтроля, и тогда старшие подростки и 20-летние будут более склонны к насилию несмотря на активное развитие лобных долей. В долгосрочной перспективе подкрепленный опытом самоконтроль одерживает верх: молодежь осознает, что острые ощущения и соперничество имеют свою цену, а самоконтроль

вознаграждается. Динамика подростковой преступности — результат взаимодействия этих внутренних сил, тянущих и толкающих в противоположных направлениях¹⁰⁶.

Итак, самоконтроль — это характеристика, с раннего детства отличающая одних людей от других. Ученые не изучали усыновленных детей и не проводили близнецовых исследований, необходимых для доказательства того, что успешность в стандартных тестах на самоконтроль наследуется. Но я бы побился об заклад, что это так, поскольку практически все психологические черты частично наследуются¹⁰⁷. Самоконтроль отчасти коррелирует с интеллектом (с коэффициентом около 0,23 на шкале от -1 до +1), а две эти способности обеспечиваются одними и теми же частями мозга, хотя и не в точности одинаковым способом¹⁰⁸. Интеллект сам по себе сильно коррелирует с преступностью: глупые люди совершают больше насильственных преступлений и сами чаще становятся жертвами насильственных преступлений. И хотя нельзя исключить того, что влияние самоконтроля — это в действительности влияние интеллекта или наоборот, скорее всего, обе эти черты вносят свой вклад в отказ от насилия¹⁰⁹. Основания думать, что самоконтроль наследуется, дает и тот факт, что расстройство, характеризующееся нехваткой самоконтроля, — СДВГ, синдром дефицита внимания и гиперактивности (связанный и с делинквентным поведением, и с преступностью) — чаще других личностных черт передается по наследству¹¹⁰.

Все приведенные до сих пор доказательства теории, что причина насилия заключается в нехватке самоконтроля, корреляционны. Эта идея базируется

на том, что люди с низким уровнем самоконтроля чаще злятся, нарушают правила и совершают преступления. Но корреляция еще не доказывает причинности. Может быть, люди с низким уровнем самоконтроля чаще нарушают закон, потому что они менее умны, или потому что выросли в неблагополучном окружении, или на них повлияли какие-то другие неблагоприятные обстоятельства. И что самое важное, эта стабильная черта личности, выраженность которой у индивидов отличается, не может объяснить главного: почему уровень насилия меняется на протяжении истории человечества. Чтобы обосновать теорию нехватки самоконтроля, нужно показать, во-первых, что отдельные люди, ослабляя или усиливая самоконтроль, в результате ослабляют или усиливают свою склонность к насилию. Во-вторых, нужно продемонстрировать, что индивиды и общества могут со временем развивать способность к самоконтролю и таким образом понижать уровень насилия. Давайте попробуем обнаружить эти недостающие звенья.

Сопrotивляясь импульсу, человек ощущает это как усилие, требующее большого напряжения. Идиомы часто описывают самоконтроль через идею силы: «сила воли», «сдержанность», «самообладание», «выдержка». Лингвист Леонард Талми подметил, что язык самоконтроля заимствует слова и конструкции из языка силы, как будто самоконтроль — это гомункул, физически противостоящий некоему упрямому антагонисту под черепом¹¹¹. Мы используем одну и ту же конструкцию в предложениях «Салли заставила дверь открыться» и «Салли заставила себя приняться за работу», «Билл удержал собаку» и

«Билл сдержал гнев». Как и во многих других концептуальных метафорах, в идее, что самоконтроль — это физическое усилие, есть зерно нейробиологической реальности.

Проведя ряд интересных экспериментов, Баумайстер и его коллеги показали, что самоконтроль, подобно мышце, может утомляться. Процедуры, которые они использовали, наглядно описаны в одной из их работ:

Процедура. Участники согласились принять участие в изучении вкусовых ощущений. С каждым из них связались, чтобы назначить время индивидуальной сессии, и экспериментатор потребовала от участников пропустить один прием пищи перед экспериментом и не есть ничего как минимум за три часа до него.

К приходу испытуемых лабораторная комната была подготовлена. В маленькой печи, расположенной здесь же, выпекались шоколадные печенья, и лаборатория была наполнена вкуснейшим ароматом свежего шоколада и выпечки. Когда участник занимал свое место, перед ним на столе стояли два вида пищи. Первый — горка шоколадных печений, увенчанная парой шоколадных конфет. Второй — тарелка с красным и белым редисом¹¹².

Испытуемым говорили, что в эксперименте исследуется сенсорная память: участники должны были ощутить два разных вкуса и вспомнить их характеристики спустя какое-то время. Половине участников экспериментатор предлагала съесть два или три печенья, другой половине — две или три редиски. Затем она выходила из комнаты и наблюдала за участниками через одностороннее зеркало, чтобы убедиться, что они не обманывают. Описание гласит: «Некоторые проявили живой интерес к шоколаду: долго смотрели на него, некоторые даже брали печенье и нюхали его». Затем экспериментатор говорила испытуемым, что им нужно подождать 15 минут, прежде чем пройти тест на вкусовую память. Чтобы скоротать время, им предлагали решить

несколько головоломок — обвести геометрическую фигуру по контуру, не отрывая карандаша от бумаги и не проходя по одной и той же линии дважды. Усугубляя коварство, экспериментатор давала им головоломки, не имеющие решения, и замеряла, как долго участники будут упираться, прежде чем откажутся от своих попыток. Те, кто ел шоколад, продержались в среднем 18,9 минуты и сделали 34,3 попытки решить головоломку. Те же, кто ел редиску, потратили на головоломку 8,4 минуты и сделали лишь 19,4 попытки. Возможно, едоки редиски потратили так много умственных сил на сопротивление желанию съесть печенье, что оставшихся не хватило, чтобы проявить настойчивость в решении задачи. Баумайстер назвал этот эффект «истощением Эго», используя термин «Эго» во фрейдистском смысле психической сущности, контролирующей страсти.

Это исследование вызвало много возражений: может быть, едоки редиски были просто расстроены, или злы, или в плохом настроении, или голодны. Команда Баумайстера приняла вызов и позднее провела много новых экспериментов, доказывающих, что почти каждая задача, для выполнения которой нужна сила воли, затрудняет исполнение любой другой задачи, которая также требует приложения силы воли. Вот примеры заданий, истощающих наше Эго:

- Назвать цвета, которыми напечатаны слова (например, слово «красный» напечатано синими чернилами), игнорируя наименование написанного цвета (задача Струпа).
- Следить за движущимися на экране объектами (как в игре в наперстки) и не обращать

внимания на смешное видео на соседнем экране.

- Написать убедительную речь, обосновав, почему плата за обучение должна быть повышена.
- Написать рассказ о типичном дне из жизни толстяка, не используя никаких стереотипов.
- Посмотреть эпизод из фильма «Язык нежности», в котором умирающая Дебра Уингер прощается с детьми, не выказывая никаких эмоций.
- Для расово предубежденных людей — поддерживать разговор с афроамериканцем.
- Записать все свои мысли, но не думать о белом медведе¹¹³.

И вот несколько примеров того, как сила воли в результате давала сбой. Испытуемые:

- Раньше ослабляли рукопожатие, быстрее сдавались, решая анаграммы, или пялились в телевизор, пока что-нибудь их не отвлечет.
- Срывались, нарушали диету и поедали мороженое прямо из упаковки после того, как в ходе эксперимента им разрешали попробовать только ложечку.
- Выпивали больше пива в эксперименте по изучению вкусовых ощущений, даже зная, что сразу после этого им нужно будет проходить тест на симуляторе вождения.
- Терпели неудачу, подавляя мысли о сексе, и составляли из букв NISEP не слово SPINE, а слово PENIS.

- Не могли поддерживать беседу, обучая партнера правильному удару в гольфе.
- Были готовы платить больше за модные часы, машину или яхту.
- Выбрасывали на ветер деньги, полученные за участие в эксперименте, покупая жевательную резинку, конфеты, чипсы или игральные карты, которые им коварно предлагал экспериментатор.

Изменяя контролируемые условия, психологи исключили такие альтернативные объяснения феномена, как сложность задания, утомление и настроение участников, недостаток уверенности в себе. Единственным общим знаменателем экспериментов оставалась необходимость в самоконтроле.

Исследования позволили сделать важный вывод: самоконтроль способен сглаживать индивидуальные различия¹¹⁴. То, что поп-культура 1960-х, обесценивающая трезвость и самоконтроль, обесценивала и конформность, не было простым совпадением — вспомните характерный лозунг «Поступай по-своему».

Все мы поступаем по-своему, но общество требует единообразия, и нам приходится контролировать свои действия. Если самоконтроль действительно сглаживает индивидуальные различия, можно предположить, что при истощении Эго личностные особенности проявятся ярче. Именно это и обнаружила команда Баумайстера. Если в ходе эксперимента участникам приходилось пробовать мороженое, все участники — и те, кто придерживался диеты, и те, кто нет, — съедали одинаковое его

количество при условии, что их до того не заставляли тратить самоконтроль на другие вещи. Но если их воля была истощена, «худеющие» съедали больше. Истощение Эго демаскирует и другие личностные особенности: разницу в стереотипах у предрасположенных и непредвзятых людей, количество пива, выпитого алкоголиками и теми, кто пьет умеренно, и длительность разговора, поддерживаемого стеснительными и общительными людьми.

Группа Баумайстера подтвердила и викторианскую идею, что некоторым — а именно мужчинам — приходится прикладывать усилия, чтобы контролировать свои сексуальные аппетиты¹¹⁵. В одном исследовании психологи оценивали, какую степень эмоциональной близости испытуемые должны ощущать к другому человеку, прежде чем заняться с ним случайным сексом. И мужчины, и женщины различаются по этому параметру, но есть еще и жесткая разница между полами, подмеченная в диалоге из фильма, в котором Дайана Китон говорит: «Я думаю, секс без любви — бессмысленный опыт», а Вуди Аллен парирует: «Да, но из бессмысленных опытов этот — один из лучших». Половина участников исследования выполняла задания, вызывающие истощение Эго (они вычеркивали буквы согласно часто меняющимся правилам), а потом испытуемых просили представить, что каждый из них, находясь в серьезных романтических отношениях, внезапно оказывается в гостиничном номере в компании привлекательного представителя противоположного пола. Их просили ответить, воображали ли они, как поддаются искушению. Была их воля истощена или нет, участники (обоих полов), убежденные, что секс без любви — бессмысленный опыт, устояли перед

воображаемым искушением. На тех, кто проще относился к случайному сексу, мимолетная слабость воли повлияла: если Эго таких участников было утомлено, их воображаемые «я» чаще были готовы ответить согласием.

Выявились и соответствующие различия между полами. Ответы мужчин и женщин, чья сила воли была свежа, не различались: ни те ни другие не совершали воображаемой измены. Но среди испытуемых, чья сила воли была ослаблена, женщины по-прежнему сохраняли стойкость, а вот мужчины в своем воображении были не прочь сходить налево. Еще одно исследование также подтверждает, что верность требует самоконтроля: ученые сравнивали людей, сообщавших о своем сильном или слабом самоконтроле, не доводя до временного истощения их Эго. Ни мужчины, ни женщины с высоким самоконтролем не представляли, что изменяют партнеру, в то время как мужчины со слабым самоконтролем говорили, что, наверное, изменят. Такая закономерность предполагает, что в проявлениях самоконтроля кроется глубокое отличие мужчин и женщин. Лишенные силы воли мужчины склонны вести себя так, как предсказывает эволюционная психология.

Баумайстер и Галлиот рискнули провести еще один эксперимент, желая доказать, что самоконтроль влияет не только на воображаемую, но и на реальную сексуальную активность. Они пригласили в лабораторию пары, которые уже занимались сексом друг с другом, и влюбленных, которые еще не дошли до этого этапа в отношениях, разделили их и дали им задание, истощающее Эго (концентрироваться на скучном видео, не обращая внимания на отвлекающие моменты). Затем влюбленных снова сводили вместе, и

экспериментатор покидал комнату на три минуты, попросив пару проявить свои чувства друг к другу. Было бы бестактно наблюдать за участниками через одностороннее зеркало или же записывать их на видео, поэтому экспериментаторы попросили каждого из партнеров дать конфиденциальное описание того, что между ними происходило. Истощенная воля делала опытные пары чуть менее страстными, словно секс для них из удовольствия превратился в обязанность. А вот неопытные пары реагировали на истощение Эго с точностью до наоборот: «они долго и страстно целовались, трогали и ласкали друг друга (касаясь ягодиц и груди), и даже снимали кое-какую одежду, чтобы обнажить тело».

Согласно теории цивилизационного процесса, нехватка самоконтроля в средневековой Европе обуславливала такие непотребства, как нечистоплотность, раздражительность, распутство, грубость, опасное пренебрежение будущим и, самое главное, насилие. Изучение самоконтроля доказывает, что с помощью одного-единственного свойства нашего мозга можно нейтрализовать многие из этих беспутств. Но необходимо еще показать, что насилие тоже входит в их число. Мы знаем, что люди со слабым самоконтролем вспыльчивы и постоянно попадают в неприятности. Но можно ли, манипулируя самоконтролем, выпустить наружу зверя насилия?

Никто не хочет, чтобы в лаборатории вспыхнула драка, так что Баумайстер прибег к помощи острого соуса. Голодных участников попросили принять участие в исследовании о связи между вкусами пищи и выразительностью письменной речи¹¹⁶. Испытуемые

рассказывали о своих любимых и нелюбимых вкусах, писали эссе, выражая свой взгляд на проблему аборт, оценивали эссе подставного участника, оценивали вкус блюда, а в самом конце читали отзыв партнера на написанное ими эссе. Во вкусовом тесте половина из них должна была оценивать вкус, текстуру и запах пончика; другая половина — вкус, текстуру и аромат редиски. Но как только испытуемый подносил кусочек ко рту, экспериментатор восклицал: «Постойте! Извините, я все перепутал. Это не вам. Пожалуйста, не ешьте остальное. Дайте мне подумать, что делать дальше». Затем он оставлял испытуемого наедине с пончиком или редиской на пять минут. Все сомнения в том, что это валидный тест на самоконтроль, развеивает отрывок из описания:

Участники. В этом эксперименте, в обмен на зачет курса, приняли участие 40 студентов. Данные семи участников были исключены из анализа: четверо высказали сомнения в реальности отзыва на эссе, а трое съели пончик полностью.

После этого участники читали уничижительный отзыв на свое эссе и узнавали о пищевых предпочтениях его автора, в частности о том, что он не любит острую пищу. Затем их просили приготовить для него угощение, используя пакет чипсов и контейнер с острым соусом с надписью «острый». Количество использованного ими соуса определялось последующим взвешиванием контейнера. Испытуемых просили оценить свое настроение и чувства, в том числе злость. Участники, которым пришлось задействовать силу воли, чтобы отказаться от пончика, не злились — просто сводили счеты. Они вылили на 62% больше острого соуса на чипсы своего обидчика — предположительно потому, что не справились с желанием отомстить. Кроме того, испытуемые с истощенной волей чаще мучили своего

критика, от души налегая на кнопку звукового сигнала, чтобы оглушить его гудком каждый раз, когда он делал ошибку в компьютерной игре.

В другом исследовании, чтобы выявить агрессивные фантазии, участника просили вообразить, как он проводит время в баре в компании своей девушки, когда появляется соперник и, к ее видимому удовольствию, начинает с ней флиртовать. (Участницы должны были представить, как их парень непринужденно болтает с соперницей.) Затем испытуемый представлял, как он выказывает сопернику недовольство, тот швыряет его на барную стойку и в результате под рукой у него оказывается пивная бутылка. Участника спрашивали: «Какова вероятность, что вы схватите бутылку и треснете ею соперника по голове? Оцените шансы в баллах от -100 (абсолютно невероятно) до +100 (крайне вероятно)». Испытуемые со слабым самоконтролем, но не делавшие утомительных заданий, отвечали, что, скорее всего, не будут сводить счеты. Но после выполнения истощающего волю задания они отвечали, что, скорее всего, воспользуются возможностью поквитаться.

Учитывая 1) результаты экспериментов Баумайстера, обнаружившего, что снижение самоконтроля может усилить тягу к импульсивному сексу и насилию, 2) корреляцию между низким самоконтролем, с одной стороны, и детским непослушанием, аморальным поведением и преступностью, с другой стороны, 3) данные нейровизуализации, доказывающие корреляцию между активностью лобных долей и самоконтролем, 4) данные нейровизуализации, демонстрирующие связь между импульсивным насилием и нарушением функций лобных долей, мы получим картину,

подтверждающую вывод Элиаса: насилие может возникать по вине слабости нейронного механизма самоконтроля.

Но нарисованная нами картина все еще неполна. Существование черты, которая постоянно имеется у индивида на протяжении десятилетий, но истощается за несколько минут, ни объясняет, как может измениться общество за несколько столетий. Нам все еще нужно показать, что, с каким бы уровнем самоконтроля человек ни родился, у него или у нее есть возможность его укрепить. В том, что самоконтроль наследуется и при этом может укрепляться с течением времени, нет противоречия. Именно так и случилось с ростом: гены делают одних выше, других ниже, но по прошествии веков все люди стали выше¹¹⁷.

Во все времена, размышляя о самоконтроле, люди искали способы его усилить. Одиссей заставил команду залить уши воском, а его самого привязать к мачте, чтобы, услышав манящую песнь сирен, они не направили бы корабль на скалы. Стратегии самоконтроля, которыми нынешнее «я» ограничивает «я» будущее, в честь гомеровского героя иногда называют Одиссеевыми или Улиссовыми. Примеров можно найти сотни¹¹⁸. Мы избегаем закупать продукты на голодный желудок. Мы выбрасываем печенье, или сигареты, или спиртные напитки в момент, когда не хотим их, чтобы не дать себе сорваться, когда захотим. Мы ставим будильник в противоположном углу спальни, чтобы лишиться себя возможности выключить его и снова завалиться спать. Мы наделяем работодателей правом отчислять часть

нашего заработка в пенсионный фонд на будущее. Мы не покупаем интересную книгу или новый гаджет, чтобы не отвлекаться, пока не закончим важный проект. Мы передаем деньги компаниям вроде Stickk.com, которые обязуются вернуть их, если за оговоренное время мы достигнем оговоренной цели, а в противном случае — пожертвуют всю сумму политической партии, которую мы терпеть не можем. Мы делаем публичные заявления о желании измениться, зная, что наша репутация пострадает, если цели мы не достигнем.

В главе 3 упоминалось, как европейцы в раннее Новое время использовали Одиссеевы стратегии самоконтроля: они держали острые ножи подальше от обеденного стола. В салунах часто вешали объявление «Сдайте оружие при входе», служившее той же цели, что и нынешние законы о ношении оружия и соглашения по разоружению. Другой способ не вляпаться в неприятности — это, например, избегать мест, где часто бывает ваш злейший враг. Драчуны, позволяющие окружающим разнять их, пользуются той же тактикой — и заодно избегают необходимости проявить трусость или слабость, сдавшись.

Другие стратегии самоконтроля скорее умственные, чем телесные. Уолтер Мишел показал, что даже четырехлетки ждут двойной порции зефира дольше, если прикрывают лакомство салфеткой, отворачиваются от него, отвлекают себя пением или даже прибегают к рефреймингу: представляют, что перед ними пышное белое облачко, а не сладкое лакомство¹¹⁹. В случае насилия эквивалентом может быть когнитивный рефрейминг, превращающий оскорбление из разрушительного удара по репутации в неудавшуюся попытку оскорбить или в проявление

незрелости обидчика. Такой рефрейминг лежит в основе соответствующих советов («Не принимай на свой счет»), обесценивания («Он несет чушь», «Он всего лишь ребенок», «Пусть на себя посмотрит»), а также пословиц («Брань на ворота не виснет»).

Мартин Дэйли и Марго Уилсон, обратившись к экономической теории оптимальной ставки процента и биологической теории оптимального собирательства, предположили, что должен существовать и третий способ управления самоконтролем. Они выдвинули идею, что живые организмы оснащены внутренней переменной вроде корректируемой процентной ставки, которая определяет, насколько резко они дисконтируют (обесценивают) будущее¹²⁰. Значения переменной меняются в зависимости от стабильности или нестабильности среды существования и от того, как долго они планируют прожить. Зачем откладывать на завтра, если завтра не наступит или если окружающий мир настолько хаотичен, что вы не уверены, что сможете воспользоваться своими сбережениями. Сравнивая различные районы большого города, Дэйли и Уилсон обнаружили, что чем короче там ожидаемая продолжительность жизни (в силу всех причин, кроме насилия), тем выше уровень насильственных преступлений. Эта корреляция подтверждает гипотезу, что в одном и том же возрасте безответственнее ведут себя те, кто рискует меньшим количеством лет непрожитой жизни. Вполне разумная подгонка ставки дисконтирования под неопределенности условий жизни может создать порочный круг, потому что ваше собственное безрассудство заставляет окружающих тоже повышать свою ставку дисконтирования. Эффект Матфея, согласно которому в одних обществах все меняется к

лучшему, а в других, наоборот, может быть следствием неопределенности внешних обстоятельств и психологической недисциплинированности, подкрепляющих друг друга.

Еще один, четвертый способ укрепить самоконтроль — улучшить питание, вести трезвый образ жизни и укрепить здоровье. Лобные доли — это крупный пласт ресурсоемкой в плане метаболизма ткани с повышенной потребностью в глюкозе и других питательных веществах. Развивая метафору самоконтроля как физического усилия, Баумайстер обнаружил, что содержание сахара в крови падает, когда Эго испытуемых истощено задачами, требующими внимания и силы воли¹²¹. Но если они восстанавливают уровень, выпивая стакан лимонада (подслащенного сахаром, а не аспартамом), им не грозит характерный провал при выполнении следующей задачи. Вполне можно предположить, что факторы, ухудшающие работу лобных долей, — низкий уровень сахара в крови, алкоголизм, наркотики, паразиты и дефицит витаминов и минералов — могут разрушать самоконтроль и усиливать склонность к импульсивному насилию у представителей беднейших групп населения. Результаты нескольких плацебо-контролируемых исследований дают основания полагать, что включение в рацион заключенных определенных биологически активных добавок может снижать уровень импульсивного насилия в их среде¹²².

Баумайстер развил метафору самоконтроля как физического усилия еще дальше. Если сила воли подобна мышце, которая устает от нагрузки, забирает у тела энергию и восстанавливается после приема сахара, можно ли «накачать» ее упражнениями? Могут

ли люди развить силу воли, упражняя свою настойчивость и решимость? Метафору не стоит понимать буквально — вряд ли лобные доли наращивают ткани мозга как накачанный бицепс, но, возможно, нейронные связи между корой и лимбической системой можно укрепить соответствующими тренировками. Вероятно, люди могут за несколько недель или месяцев научиться стратегиям самоконтроля, обрести власть над своими импульсами, а затем перенести усвоенные приемы из одного сегмента поведенческого репертуара в другой.

Баумайстер и его коллеги проверили идею упражнения, заставив студентов-испытуемых в течение нескольких недель или даже месяцев придерживаться режима самоконтроля, прежде чем принять участие в экспериментах с истощением Эго¹²³. Им приходилось вести запись съеденного, регулярно заниматься спортом, посещать курсы по управлению личными финансами или улучшению учебных навыков, использовать неведущую руку для ежедневных операций вроде чистки зубов или управления компьютерной мышью. Еще одно задание требовало от студентов настоящих усилий: им запрещалось сквернословить, говорить неполными предложениями и начинать фразу с местоимения «я». Через несколько недель такой подготовки студенты повысили устойчивость к задачам по истощению Эго в лаборатории и укрепили свой самоконтроль в целом. Они меньше ели вредной еды, курили и употребляли алкоголя, меньше тратили денег и реже смотрели телевизор, больше времени посвящали учебе и чаще мыли посуду сразу после еды, не оставляя ее в раковине. Вот вам и еще одно очко в пользу догадки Элиаса, что самоконтроль в повседневной жизненной

рутине может стать для человека второй натурой и распространиться на все его поведение.

Итак, самоконтроль регулируется Одиссеевыми ограничениями, когнитивным рефреймингом, коррекцией внутренней ставки дисконтирования, правильным питанием и, подобно мышцам, укрепляется тренировками. Вдобавок самоконтроль подчиняется изменчивой моде¹²⁴. Бывают эпохи, когда именно самоконтроль определяет, кого считать приличным человеком: это взрослый, достойный, благородный джентльмен или леди. В другие времена такой образ высмеивается как чопорный, ханжеский, чванливый, пуританский и напыщенный. Совсем недавно, в 1960-х, людей призывали отказываться от самоконтроля: «Делай что хочешь», «Пошли все к черту», «Живи в кайф», «Переходи на темную сторону». Высшую степень вседозволенности демонстрируют рок-концерты той эпохи: музыканты так старались превзойти друг друга в импульсивности, что эта спонтанность казалась результатом тщательной подготовки.

Могут ли шесть этих мостиков к самоконтролю быть усвоенными обществом в целом и глобально изменить его нрав? Это было бы последним звеном в цепи рассуждений, составляющих теорию цивилизационного процесса. Экзогенное первое звено — изменение правоохранительной системы и появление возможностей для экономического сотрудничества, которые, по сути, изменяют систему вознаграждений таким образом, что откладывание удовлетворения «на потом» (в частности, отказ от импульсивного насилия) окупается в долгосрочной

перспективе. Эффект домино запускается укреплением мышц самоконтроля, что позволяет людям подавлять свои агрессивные импульсы сильнее, чем это необходимо для того, чтобы избежать наказания. Этот процесс может даже сам себя подкреплять в петле положительной обратной связи — «положительной» как в смысле конфигурации, так и смысле общечеловеческой ценности. В обществе, члены которого контролируют свою агрессивность, никому не нужно культивировать чувствительные триггеры мести, а это само по себе снимает часть давления с каждого, и так далее.

Чтобы навести мосты между психологией и историей, нам нужно изучить, как менялись показатели самоконтроля на уровне обществ. Как мы уже убедились, таким показателем является процентная ставка: она показывает, какую компенсацию требуют люди за то, что откладывают потребление на будущее. Конечно, размер процентной ставки определяется объективными факторами: инфляцией, ростом предполагаемого дохода и риском, что инвестиции никогда не вернутся. Но размер ее отчасти отражает и чисто психологическое предпочтение немедленного удовлетворения удовлетворению в будущем. По словам одного экономиста, шестилетний ребенок, который решает съесть одну зефирку сейчас, а не две через несколько минут, в действительности требует процентной ставки, равной 3% в день, или 150% в месяц¹²⁵.

Грегори Кларк, историк-экономист, с которым мы познакомились в главе 4, оценил процентную ставку, которую требовали англичане (взимая ренту за дома и землю) с 1170 по 2000 г.: на протяжении этого тысячелетия и разворачивался цивилизационный

процесс. До 1800 г., утверждает Кларк, не было инфляции, которая стоила бы упоминания, доходы были фиксированными, а риск, что собственник потеряет свое имущество, неизменно низким. Если так, эффективная процентная ставка как раз и отражает, насколько сильно люди предпочитали свои нынешние «я» будущим.

РИС. 9–1. Неявная процентная ставка в Англии, 1170–2000 гг.

Источник: график из Clark, 2007а, р. 33

Рис. 9–1 показывает, что в те века, когда число убийств в Европе сократилось, эффективная процентная ставка в Англии тоже снизилась — с 10% до 2%. Прочие европейские страны прошли через очень похожие изменения. Корреляция, конечно, не доказывает причинности, но согласуется с заявлением Элиаса, что снижение уровня насилия в Европе в период со Средневековья до наших дней было частью широкого тренда к укреплению самоконтроля и ориентации на будущее.

Можно ли измерить самоконтроль общества в целом? Годовая процентная ставка все-таки несколько отличается от мгновенного усилия воли, подавляющего позывы к насилию в обыденной жизни. Хотя здесь есть опасность эссенциализировать общество, приписывая ему характеристики, которые в

действительности нужно рассматривать на уровне отдельной личности (например, «яростный народ»), впечатление, что люди некоторых культур владеют собой лучше, не лишено оснований. Фридрих Ницше различал аполлоновские и дионисийские культуры, названные так по именам греческих богов, Аполлона — бога света и Диониса — бога вина; и эту дихотомию использовала антрополог Рут Бенедикт в классическом этнографическом труде «Модели культуры» (Patterns of Culture, 1934). Аполлоновские культуры — мыслящие, сдержанные, рациональные, логические и упорядоченные; дионисийские культуры — чувствующие, страстные, импульсивные, иррациональные и хаотические. Сегодня антропологи редко обращаются к этому противопоставлению, но количественный анализ мировых культур, осуществленный социологом Гертом Хофстеде, заново открыл это отличие в закономерностях ответов на опросы общественного мнения, проведенные среди представителей среднего класса более чем 100 стран.

По данным Хофстеде, страны различаются по шести измерениям¹²⁶. Одно из них — долгосрочная или краткосрочная ориентация: «Общества, ориентированные долгосрочно, поощряют прагматические добродетели, нацеленные на будущие вознаграждения, в частности экономию, настойчивость и адаптацию к изменяющимся обстоятельствам. Общества, ориентированные краткосрочно, поощряют добродетели, имеющие отношение к прошлому и настоящему, такие как национальная гордость, уважение к традициям, сохранение "лица" и выполнение социальных обязательств». Второе измерение — это допущение (индულгенция) либо сдерживание: «Допущение характеризует общество, позволяющее относительно

свободное удовлетворение основных и естественных человеческих желаний, связанных с наслаждением жизнью и получением удовольствий. Сдерживание соответствует обществу, которое контролирует удовлетворение потребностей и регулирует его с помощью строгих социальных норм». Оба этих параметра, конечно, концептуально связаны со способностью к самоконтролю, и не удивительно, что они коррелируют друг с другом (с коэффициентом 0,45 по 110 странам). Элиас предположил бы, что обе эти национальные черты должны коррелировать и с уровнем убийств в этих странах, и не ошибся бы. Граждане стран, ориентированных долгосрочно, совершают меньше убийств. То же самое можно сказать о странах, тяготеющих к сдерживанию, а не к допущению¹²⁷.

Итак, теория цивилизационного процесса, как и теория расширяющегося круга, нашла поддержку в экспериментах и базах данных, далеких от области ее происхождения. Психология, нейробиология и экономика подтвердили рассуждения Элиаса, утверждавшего, что люди наделены способностью к самоконтролю, управляющей как агрессивными, так и неагрессивными импульсами; эту способность можно усилить и расширить на протяжении жизни индивида, и сила ее может изменяться в разных обществах и в разные исторические периоды.

До сих пор я еще не упоминал другого объяснения долговременной тенденции к усилению самоконтроля, а именно процесса эволюции в биологическом смысле. Прежде чем перейти к нашим последним двум ангелам — морали и разуму, мне придется посвятить несколько страниц этому спорному вопросу.

НОВЕЙШАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ?

В обиходе слово «эволюция» используется применительно как к культурным изменениям (то есть к истории), так и к собственно биологической эволюции (то есть к изменению частотности генов в поколениях). Несомненно, культурная и биологическая эволюция могут влиять друг на друга. Например, когда племена Европы и Африки усвоили обычай держать молочный скот, они прошли через генетические изменения, позволившие им усваивать лактозу не только в детстве, но и в зрелости¹²⁸. Но все же это два разных процесса. Их всегда можно дифференцировать — теоретически, изучая младенцев, рожденных в одном обществе и отданных на усыновление в другое. Если биологическая эволюция происходит под влиянием специфической культуры одного из этих обществ, тогда приемные дети в среднем должны отличаться от местных сверстников.

Часто спрашивают: может ли оказаться, что насилие снизилось благодаря недавней биологической эволюции? Не изменился ли генетический облик человека в ответ на социальные процессы усмирения и цивилизации, в свою очередь помогая осуществлять эти изменения и непрерывно уменьшая предрасположенность людей к насилию? Любое такое изменение было бы, конечно, не проникновением культурного тренда в геном в духе представлений Ламарка, но дарвиновским ответом на изменившиеся условия выживания и размножения. Индивиды, которые оказались генетически приспособлены к изменившейся культуре, размножились бы успешнее соседей и передали бы больше своих генов

следующему поколению, постепенно изменяя генетический облик всей популяции.

Вполне можно предположить, например, что в обществе, которое проходило через процессы усмирения и цивилизации, склонность к импульсивному насилию была уже не так выгодна, как в дни гоббсовской анархии, потому что в новых условиях особо чувствительные триггеры мести были скорее вредны, чем полезны. Левиафан проредил бы ряды психопатов и сорвиголов, отправив их на виселицы и в темницы, а эмпаты и уравновешенные граждане растили бы своих детей в мире. Гены, укрепляющие эмпатию и самоконтроль, стали бы распространяться, а вот гены, потворствующие хищничеству, доминированию и мстительности, пошли бы на убыль.

Даже такие простые культурные изменения, как сдвиг от полигинии к моногамии, теоретически могут изменить направление отбора. Наполеон Шаньон писал, что мужчины народа яномамо, убивавшие других людей, имели больше жен и детей, чем те, кто никогда не убивал; те же схемы были обнаружены и у других племен, в частности у дживаро (шуар) в Эквадоре¹²⁹. Подобная арифметика, сохраняясь на протяжении жизни многих поколений, будет благоприятствовать генетической тенденции к проявлению таких качеств, как готовность и способность убивать. Общество, перешедшее к моногамии, напротив, избавляется от этого репродуктивного джекпота, что, по всей видимости, могло бы ослабить отбор по признаку агрессивности.

Везде в этой книге я исходил из того, что природа человека, в смысле когнитивного и эмоционального арсенала нашего биологического вида, не менялась в

те 10 000 лет, в течение которых наблюдались спады насилия, и что причиной всех поведенческих отличий разных обществ являются исключительно факторы внешней среды. Это стандартная предпосылка эволюционной психологии, основанная на том факте, что несколько веков и тысячелетий, на протяжении которых общества отделялись друг от друга и изменялись, — это лишь малая часть истории нашего вида¹³⁰. Так как наиболее адаптивные эволюционные изменения постепенны, большая часть наших биологических адаптаций должна быть адаптациями к стилю жизни собирателей, который человечество вело на протяжении десятков тысяч лет, а не к особенностям обществ, которые лишь недавно отказались от подобного существования и отделились друг от друга. В пользу этого предположения говорят и свидетельства психической общности человечества: во-первых, люди самых разных обществ обладают всеми базовыми человеческими способностями, такими как язык, рассуждение с позиций причины и следствия, интуитивная психология, сексуальная ревность, страх, злость, любовь и отвращение; а во-вторых, недавнее слияние человеческой популяции воедино не выявило качественных врожденных отличий среди представителей разных рас и национальностей¹³¹.

Но тезисы о почтенном возрасте наших адаптаций и психической общности человечества — это всего лишь предположения. Скорость биологической эволюции зависит от множества факторов, в том числе от силы давления отбора (средняя разница числа выживших потомков у носителей двух вариантов гена), демографических показателей, числа генов, необходимых для закрепления изменения, и схемы их взаимодействия¹³². Хотя для эволюции сложного

органа, созданного набором взаимодействующих генов, может потребоваться вечность, количественная регулировка, которая может быть внедрена одним геном или небольшим числом независимо действующих генов, может произойти всего за несколько поколений, — при условии, что ее влияние на приспособляемость достаточно велико¹³³. Не исключено, что человечество претерпело какие-то биологические изменения в те несколько тысяч или даже сотен лет, прошедших после выделения отдельных рас, этнических групп и национальностей.

Хотя иногда пишут, что предположения о ходе естественного отбора — это просто истории из серии «так уж случилось», которые невозможно проверить, пока кто-нибудь не изобретет машину времени, в действительности естественный отбор является особым механическим процессом, который оставляет следы и в строении тел организмов, и в структуре их геномов. По завершении в 2000 г. первой фазы проекта «Геном человека» поиск следов отбора стал одним из самых захватывающих направлений генетики¹³⁴. Разработана техника, позволяющая сопоставить человеческую версию гена с его аналогом у других видов и сравнить число молчащих мутаций (которые не влияют на организм и, должно быть, появились в результате случайного дрейфа) с числом мутаций, которые оказывают на него влияние (и значит, могут быть целью отбора). С помощью другой техники изучают изменчивость гена. Ген, подвергшийся отбору, должен отличаться у отдельных индивидов меньше, чем он отличается у людей в целом и других млекопитающих. Еще одна методика проверяет место расположения гена: если он находится внутри крупного участка хромосомы, идентичного у всех людей, — это признак недавнего

«выметания посредством отбора», которое переносит часть хромосомы вместе с удобным геном до того, как у мутаций будет шанс изменить ее или у половой рекомбинации — полностью перетасовать. Ученые придумали как минимум дюжину подобных техник и постоянно их совершенствуют. Есть техники, которые можно применить не только к отдельным генам, но и к геному в целом, что позволяет оценить, какая доля наших генов могла стать мишенью новейшего естественного отбора.

Эти исследования преподнесли нам сюрприз. Как подытожил генетик Джошуа Аки в своем убедительном критическом анализе, сделанном в 2009 г., «сегодня считается, что число строгих событий отбора в человеческом геноме значительно больше, чем представлялось еще десять лет назад... Положительный отбор повлиял [примерно] на 8% генома, а еще большая его часть, вероятно, подверглась умеренному давлению отбора»¹³⁵. Многие из генов, подвергшихся отбору, имеют отношение к функционированию нервной системы, поэтому теоретически могли повлиять на мышление и эмоции. Более того, схема отбора в разных популяциях отличается.

Некоторые журналисты, не понимая сути, приветствовали эти результаты, считая, что они опровергают эволюционную психологию и то, что считалось политически опасным ее следствием, — идею человеческой природы, сформированной приспособлением к стилю жизни охотников-собирателей. На самом же деле свидетельства новейшего отбора, касающиеся генов, влияющих на мышление и эмоции, дают право рассуждать о гораздо более радикальной форме эволюционной психологии,

в которой разум биологически сформирован не только древней, но и новейшей окружающей средой. А отсюда напрашивается провокационный вывод, будто аборигенные народы и мигранты из слаборазвитых стран менее биологически адаптированы к требованиям современной жизни, чем люди, чьи предки не одну тысячу лет прожили в развитых государственных образованиях. То, что эта гипотеза неудобна с политической точки зрения, еще не значит, что она неверна, но, прежде чем прийти к выводу о ее истинности, мы должны внимательно и осторожно изучить факты. Итак, есть ли у нас основания полагать, что снижение уровня насилия в отдельных обществах можно объяснить генетическими мутациями у его членов?

Нейробиология насилия включает множество объектов-целей для естественного отбора. С помощью селекционного разведения можно за четыре-пять поколений вывести линию мышей, заметно более или менее агрессивных по сравнению с обычной лабораторной мышью¹³⁶. Насилие у людей, конечно, устроено гораздо сложнее мышино, но, если предрасположенность к насилию или к миролюбию наследуется, отбор определенно благоприятствовал бы тем вариантам генов, носители которых оставляли бы после себя больше выживших потомков, что со временем изменило бы концентрацию агрессивных и умиротворяющих генов. Так что сначала нам нужно выяснить, действительно ли какая-то часть разброса по агрессивности у людей вызвана изменчивостью генов, то есть наследуется ли агрессивность.

Наследуемость можно измерить как минимум тремя способами¹³⁷. Во-первых, можно оценить корреляцию черт у идентичных близнецов, разделенных при рождении и выросших в разных семьях: у них одинаковые гены, но разная семейная среда (в диапазоне сред в выборке). Во-вторых, можно проверить, наблюдается ли более высокая корреляция у идентичных близнецов (у которых общие все гены и большая часть семейной среды), чем у неидентичных близнецов (у которых одинакова только половина изменчивых генов и большая часть семейной среды). В-третьих, можно посмотреть, выше ли эта корреляция у биологических сиблингов (у которых одинаковая половина генов и большая часть семейной среды), чем у приемных братьев и сестер (у которых нет общих изменчивых генов, но большая часть семейной среды одинакова). Каждый из этих методов имеет свои достоинства и недостатки (например, идентичные близнецы чаще становятся соучастниками преступления, чем неидентичные), но сильные и слабые стороны у них разные, так что, если результаты всех трех исследований сходятся в одной точке, есть все основания полагать, что изучаемая черта наследуется.

С помощью этих методов было показано, что асоциальные личностные черты и склонность иметь проблемы с законом в значительной степени наследуются, хотя влияние наследуемых компонентов иногда зависит от особенностей окружающей среды. В исследовании крупной выборки усыновленных детей, проведенном в 1984 г. в Дании, было установлено, что в семьях, где родитель был осужден за преступление, 25% выросших биологических детей преступников тоже шли по кривой дорожке, а из усыновленных в преступные семьи отпрысков добропорядочных

граждан за решетку попадали только 15%¹³⁸. В этом исследовании эффект биологического родства рассматривался только по отношению к ненасильственным преступлениям, таким как угон автомобиля, и во многих учебниках 1980-х гг. утверждалось, что наследуется только склонность к ненасильственным преступлениям, но не к насилию. Однако вывод был преждевременным. Насильственных преступлений вообще совершается меньше, так что сложно собрать крупную выборку подходящих семей, а значит, и заметить наследуемость сложнее. Кроме того, несовершенство системы уголовного правосудия может сыграть большую роль, чем наклонности преступника к насилию.

В сегодняшних исследованиях используются более точные инструменты измерения насилия, включая анонимные самоотчеты, проверенные шкалы агрессии и асоциального поведения, характеристики, данные учителями, друзьями и родителями (например, близкие могли заметить, что некто «делает людям больно, чтобы добиться своего» или «намеренно запугивает окружающих и причиняет им беспокойство»). Все эти показатели тоже коррелируют с вероятностью осуждения за насильственное преступление, но обеспечивают нас более чем достаточным количеством данных¹³⁹. Когда эти данные анализируют с помощью инструментов поведенческой генетики, все три вышеописанных метода выявляют значительную наследуемость агрессивных тенденций¹⁴⁰.

Изучение разделенных при рождении близнецов — редчайший из методов поведенческой генетики, потому что сегодня близнецов почти никогда не

отдают на воспитание в разные семьи. Но в самом крупном из таких исследований ученые Университета Миннесоты, изучавшие проявления агрессивности у идентичных близнецов, выросших в разных семьях, выявили коэффициент наследуемости, равный 0,38 (это значит, что около 38% изменчивости по агрессивности в этой выборке объясняется изменчивостью генов)¹⁴¹. Приемных детей исследуют чаще, и одно из лучших таких исследований оценивает наследуемость агрессивного поведения в выборке в 0,70¹⁴². Исследования, сравнивающие идентичных и неидентичных близнецов по таким проявлениям агрессии, как пререкания, драки, угрозы, повреждение имущества и непослушание родителям и учителям, дают оценку наследуемости от 0,4 до 0,6, особенно в детстве и во взрослом возрасте. (У подростков влияние сверстников часто перевешивает влияние генов.)¹⁴³

Поведенческие генетики Су Хён Ри и Ирвин Уолдман недавно проанализировали всю научную литературу по генетике агрессивности — а это более 100 близнецовых исследований и исследований приемных детей¹⁴⁴. Они выбрали 19 исследований, которые отвечали строгим критериям качества и фокусировались на агрессивных действиях (драки, жестокость к животным и травля одноклассников), а не на более широкой категории асоциальных тенденций. Кроме этого, они изучили все опубликованные исследования близнецов и приемных детей, подвергавшихся аресту или уголовному преследованию. Выведенная ими оценка наследуемости агрессивного поведения равна примерно 0,44, а наследуемости криминальных склонностей — около 0,75 (из которых 0,33 приходится на аддитивную наследуемость, то есть

изменчивость, которая передается по наследству, а 0,42 — на наследуемость неаддитивную, то есть изменчивость, обусловленную взаимодействием генов). Хотя собранная база данных не различает насильственные и ненасильственные преступления, ученые цитируют датское близнецовое исследование, где эти два вида преступности рассматривались по отдельности и наследуемость склонности к насильственным преступлениям достигла 0,50¹⁴⁵. Как в большинстве исследований поведенческой генетики, влияние воспитания в семье было настолько незначительным, что им можно было пренебречь, хотя другие аспекты среды, измерить которые методами поведенческой генетики не так-то легко (соседи, субкультура или уникальный личный опыт), несомненно, играют роль. Точность цифр не нужно воспринимать слишком серьезно, но сам факт, что все они значительно выше нуля, говорит о многом. Поведенческая генетика подтверждает, что агрессивные тенденции могут наследоваться, и это обеспечивает естественный отбор материалом для работы по изменению средней предрасположенности к насилию в популяции.

Наследуемость — необходимое условие эволюционных изменений, но этот показатель измеряет смесь разнородных источников поведения. Рассматривая их по отдельности, мы увидим, что у естественного отбора было немало возможностей отрегулировать нашу предрасположенность к насилию как в сторону ее увеличения, так и в сторону уменьшения. Давайте рассмотрим некоторые из них.

Самодоместикация (самоодомашнивание) и пedomорфия. Ричард Рэнгем заметил, что одомашнивание животных, как правило, замедляет развитие у них некоторых качеств, позволяя и в зрелости сохранять ювенильные черты, — это называют пedomорфией, или неотенией¹⁴⁶. Одомашненные линии и виды, как правило, обладают более детскими формами черепа и чертами, они демонстрируют меньше половых различий, более игривы и менее агрессивны. Эти изменения можно наблюдать у животных, одомашненных целенаправленно (лошади, коровы, козы, лисы^[133]), и у одного вида волков, который сам себя одомашнил тысячи лет назад, живя рядом со стоянками людей, подбирая объедки и эволюционировав со временем в собаку. В главе 2 мы читали, что бонобо произошли от своего похожего на шимпанзе предка путем пedomорфии, вследствие того что их образ жизни — собирательство — сделал агрессивность самцов менее выгодной. Основываясь на пedomорфических изменениях, обнаруженных в окаменелых останках палеолитических людей, Рэнгем предположил, что подобный процесс имел место и в эволюции человека в последние 30 000 или 50 000 лет, и может продолжаться до сих пор.

Строение мозга. Нейробиолог Пол Томпсон показал, что распределение серого вещества в коре мозга, в том числе в дорсолатеральной префронтальной области, в высшей степени наследуемо: оно практически одинаково у идентичных близнецов и сильнее отличается у неидентичных¹⁴⁷. Точно так же обстоят дела и с белым веществом, соединяющим лобную кору с другими областями мозга¹⁴⁸. Вероятно, нейронные сети лобных долей, которые осуществляют самоконтроль, у

разных людей генетически неидентичны, что делает их подходящей мишенью новейшего естественного отбора.

Окситоцин, так называемый «гормон объятий», поощряющий сочувствие и доверие, действует на рецепторы, расположенные в разных зонах мозга. Число и распределение этих рецепторов могут в значительной мере влиять на поведение. В известном эксперименте биологи ввели ген, формирующий рецепторы вазопрессина (похожий на окситоцин гормон, активный в мозге самцов), луговым полевым, агрессивному и неразборчивому в связях виду грызунов, у которого этого гена нет. И как по мановению волшебной палочки луговые полевки стали моногамными — как и их кузены по эволюционному древу, степные полевки, которые уже рождаются с соответствующими рецепторами¹⁴⁹. Эксперимент предполагает, что простое генетическое изменение в системе окситоцина-вазопрессина может оказать глубокое влияние на сочувствие, привязанность и опосредованно — на подавление агрессивности.

Тестостерон. Реакция человека на вызов в борьбе за доминирование зависит, в частности, от количества тестостерона, выделяющегося в кровь, и от распределения рецепторов этого гормона в его или ее мозге¹⁵⁰. Ген, кодирующий рецептор тестостерона, у разных людей отличается, отчего одинаковая концентрация тестостерона может влиять на человека по-своему. Мужчины, обладатели гена, кодирующего более чувствительный рецептор, испытывают сильный прилив тестостерона, разговаривая с привлекательной женщиной (что может привести к притуплению чувства страха и повышению

готовности к риску). В одном исследовании выяснилось, что среди осужденных насильников и убийц таких мужчин больше, чем в целом по популяции¹⁵¹. Генетические пути регуляции системы тестостерона сложны, но, оперируя ими, естественный отбор может изменить готовность людей принимать агрессивные вызовы.

Нейротрансмиттеры — это молекулы, которые высвобождаются нейроном, просачиваются через микроскопическую щель между нейронами и цепляются к рецептору на поверхности другого нейрона, изменяя его активность и позволяя нервному сигналу распространяться в мозге. Одна из крупных групп нейротрансмиттеров называется катехоламинами. К ним относятся дофамин, серотонин и норэпинефрин (последний еще называют норадреналином, он близок к адреналину — гормону, активирующему реакцию «бей или беги»). Катехоламины используются несколькими мотивационными и эмоциональными системами мозга, а их концентрация регулируется белками, которые расщепляют или перерабатывают их. Один из таких гормонов — моноамин оксидаза-А (МАО-А) — помогает разрушать эти нейротрансмиттеры, чтобы они не накапливались в мозге. В противном случае организм сильнее реагирует на угрозы и чаще прибегает к агрессии.

Подозрение, что МАО-А может влиять на насилие у людей, возникло после обнаружения у членов одной датской семьи редкой мутации, из-за которой половина мужчин в семье лишилась работающей версии гена¹⁵². (Ген находится в X-хромосоме, она у мужчин одна, и резервной копии, чтобы компенсировать дефективный ген МАО-А, у них нет.)

На протяжении как минимум пяти поколений задетые мутацией мужчины этой семьи отличались склонностью к вспышкам агрессии. Один, например, заставлял своих сестер раздеваться, угрожая им ножом, другой пытался переехать начальника автомобилем.

Более распространенный вид изменчивости обнаружен в той части гена, которая определяет, сколько MAO-A выделяется. В мозге людей, которым достался ген, кодирующий слабую активность, накапливается больше дофамина, серотонина и норэпинефрина. И они же чаще демонстрируют симптомы антисоциального личностного расстройства, признаются, что совершали акты насилия, осуждаются за насильственные преступления. Их миндалевидное тело острее (а орбитальная кора слабее) реагирует на злое или угрожающее выражение лица, и в экспериментах психологов именно эти испытуемые заставляют второго участника пить острый соус с целью отомстить¹⁵³. В отличие от многих других генов, влияющих на поведение, версия гена MAO-A, кодирующего низкую активность, кажется явно специфичной для агрессии, с другими личностными чертами она коррелирует незначительно¹⁵⁴.

Низкоактивная версия MAO-A гена увеличивает агрессивность, прежде всего если его носители росли в стрессогенной обстановке, например были жертвами жестокого или небрежного обращения со стороны родителей или второгодниками в школе¹⁵⁵. Трудно определить, какие конкретно стрессоры оказывают такое влияние, потому что непростая жизнь часто непроста во многих отношениях сразу. Вообще говоря, модулирующим фактором могут выступать

другие гены, которыми наградили человека родители, — гены, предрасполагающие к агрессивности как родителя, так и ребенка, что также может провоцировать негативную реакцию окружающих¹⁵⁶. Но каким бы ни был модулирующий фактор, на 180 градусов он действие низкоактивной версии не развернет. Во всех исследованиях ген обладал суммарным или основным эффектом в популяции, что могло сделать его мишенью отбора. Моффитт и Каспи (обнаружившие, что влияние гена на поведение зависит от стрессогенного опыта) считают, что интерес представляет не низкоактивная версия гена как причина насилия, а высокоактивная — как ингибитор насилия: она защищает людей от слишком интенсивной реакции на неблагоприятные жизненные условия. Генетики нашли статистические свидетельства отбора по гену MAO-A у людей, хотя не разделяли низко- и высокоактивную версии гена. Но это еще не доказывает, что ген отбирался по его воздействию на агрессивность¹⁵⁷.

Другие гены, влияющие на обмен дофамина, тоже были ассоциированы с делинквентностью, в том числе ген, регулирующий плотность дофаминовых рецепторов (DRD2), и ген, кодирующий дофаминовый транспорт (DAT1), который удаляет лишний дофамин из синапсов и переносит обратно к высвободившим его нейронам.¹⁵⁸ Все они могут быть легкой добычей для стремительного естественного отбора.

Итак, генетические особенности, склоняющие нас к насилию или отвращающие от него, теоретически могли закрепиться в периоды интересующих нас исторических переходов. Возникает вопрос: так

произошло это или нет? То, что такая возможность существует, еще не доказывает, что эти эволюционные изменения действительно имели место. Эволюция зависит не только от сырого генетического материала, но и от таких факторов, как демографические показатели (включая как абсолютные числа, так и степень проникновения иммигрантов из других групп), генетические и эволюционные случайности и размывание генных эффектов приспособлением к культурной среде.

Существуют ли свидетельства, что процессы усмирения или цивилизации когда-либо воспроизводили усмиренных или цивилизованных граждан, с рождения менее предрасположенных к насилию? Поверхностный взгляд может быть обманчив. История знает множество примеров, когда жители одной страны считали, что другая населена «дикарями» или «варварами», но впечатление это порождалось расизмом и бросающимися в глаза различиями социальных моделей, а не попытками разделить природу и воспитание. Между 1788 и 1868 гг. в каторжные поселения в Австралии сослали 168 000 осужденных из Британии, и можно было бы ожидать, что нынешние австралийцы унаследовали непокорный характер своих предков-основателей. Однако уровень убийств в Австралии не только ниже, чем в метрополии, но и вообще один из самых низких в мире. До 1945 г. немцев считали самым воинственным народом на Земле; сегодня они числятся среди самых миролюбивых.

Может быть, революция в эволюционной геномике способна обеспечить нас твердыми доказательствами? В своем манифесте «Взрыв через 10 000 лет: как цивилизация ускоряла эволюцию человека» (The 10,000 Year Explosion: How Civilization Accelerated

Human Evolution) физик Грегори Кохран и антрополог Генри Харпендинг изучили факты, свидетельствующие в пользу новейшего отбора у людей, и предположили, что он повлиял на наш темперамент и поведение. Однако ни один из описанных ими генов не имеет отношения к поведению, все ограничиваются лишь перевариванием пищи, сопротивляемостью болезням и пигментацией кожи¹⁵⁹.

Мне известно только о двух заявлениях по поводу недавней эволюции генов, имеющих отношение к насилию, для которых имеется хотя бы чуточка научных доказательств. Одно касается маори, полинезийского народа, осевшего в Новой Зеландии около 1000 лет назад. Подобно многим негосударственным охотникам-земледельцам, маори вели продолжительные войны, на их совести геноцид народа мориори на близлежащих островах Чатем. Сегодня культура маори сохранила множество символов воинственного прошлого, включая боевой танец хака, который теперь танцуют, чтобы поднять боевой дух перед играми All-Blacks — новозеландской регбийной сборной, и прекрасное нефритовое оружие. (У меня в офисе хранится замечательный боевой топор, подарок Университета Окленда, где я прочел курс лекций.) Известный фильм 1994 г. «Когда-то они были воинами» живо описывает преступность и бытовое насилие, охватившее недавно некоторые сообщества маори в Новой Зеландии.

На этом фоне новозеландская пресса срочно ухватилась за доклад 2005 г., в котором утверждалось, что низкоактивная версия гена MAO-A более распространена среди маори (70%), чем среди потомков европейцев (40%)¹⁶⁰. Ведущий генетик Род

Ли предположил, что маори прошли отбор по этому гену, потому что он повышал их готовность рисковать сначала во время опаснейших морских плаваний на каноэ, которые привели их в Новую Зеландию, а впоследствии — в ходе затяжных племенных войн. В СМИ этот ген окрестили «геном воинов» и писали, что он может объяснять высокий уровень социальной патологии среди маори в современной Новой Зеландии.

Теория гена воина не добилась успеха в войне со скептически настроенными учеными¹⁶¹. Первая ее проблема в том, что признаки отбора по гену с тем же успехом могут появиться в геноме благодаря генетическому бутылочному горлышку — так происходит, когда случайный набор генов, который несли в себе малочисленные отцы популяции, распространяется среди их расплодившихся потомков. Во-вторых, низкоактивная версия этого гена у китайцев встречается еще чаще (77% мужчин являются его носителями), а китайцы и не произошли от воинов, и не слишком склонны к социальной патологии в современных обществах. Третья проблема состоит в том, что связь между геном и агрессией не обнаружена у неевропейского населения, вероятно, потому, что они развили другой способ контролировать свой уровень катехоламинов¹⁶². (Работа генов часто регулируется петлями обратной связи, и, если в какой-то популяции определенный ген менее активен, другие гены для компенсации могут усилить свою активность.) На сегодняшний момент теории гена воина нанесены раны, которые могут оказаться смертельными.

Другие заявления о недавних эволюционных изменениях касаются скорее процесса цивилизации,

нежели усмирения. В книге «Прощай, нищета: краткая экономическая история мира» (A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World) Грегори Кларк ищет объяснения времени и месту индустриальной революции, которая впервые в истории улучшила материальное благосостояние быстрее, чем прирост благ мог быть поглощен ростом населения (см., например, рис. 4–6, взятый из его книги). Почему, спрашивает Кларк, именно Англия первой вырвалась из мальтузианской ловушки?

Ответ, предполагает он, в том, что природа англичан изменилась. С 1250 г., когда Англия начала превращаться из рыцарского общества в «нацию лавочников» (как позже пренебрежительно скажет Наполеон), обеспеченные простолюдины оставляли больше потомства, чем бедные, предположительно, потому, что женились раньше и могли себе позволить лучшую пищу и жилье. Кларк назвал это «выживанием богатейших»: богатые становятся еще богаче и рожают детей. Верхушка среднего класса в Англии начала размножаться быстрее аристократов, по-прежнему занятых проламыванием голов и отрубанием конечностей в турнирах и междоусобных войнах (вспомните рис. 3–7, который я также позаимствовал у Кларка). Поскольку экономический рост начался только в XIX в., дополнительным выжившим детям богатых купцов и торговцев некуда было двигаться по экономической лестнице, кроме как вниз. Они все больше замещали бедноту и привносили в общество свои буржуазные черты: бережливость, трудолюбие, самоконтроль, осторожное дисконтирование будущего и уклонение от насилия. Ценности среднего класса население Англии сформировало буквально в процессе эволюции. А это, в свою очередь, позволило им

воспользоваться новыми коммерческими возможностями, появившимися с приходом индустриальной революции. Хотя Кларк порой прячется от зоркого ока полиции политкорректности за замечанием, что ненасилие и самоконтроль может передаваться от родителей детям как культурная традиция, в публикации, озаглавленной «Генетический капиталист?», он полностью разворачивает свой тезис:

К 1800 году крайне капиталистическая природа английского общества — индивидуализм, низкая ставка временных предпочтений, долгий рабочий день, высокий уровень человеческого капитала — могла явиться следствием особенностей дарвиновской борьбы в очень стабильном аграрном обществе на длительном промежутке времени до индустриальной революции. Таким образом, победой капитализма в современном мире мы можем быть обязаны не только идеологии или рациональности, но и нашим генам¹⁶³.

Книга «Прощай, нищета» переполнена поучительной статистикой и представляет собой захватывающий рассказ об исторических предпосылках индустриальной революции. Однако теория генетического капиталиста не победила в борьбе за выживание среди прочих теорий экономического роста¹⁶⁴. Во-первых, потому, что до недавнего времени богатые размножались быстрее бедных практически повсеместно, а не только в обществе, которое позже разродилось индустриальной революцией. Во-вторых, пусть даже у аристократов и королей было не больше законных наследников, чем у буржуа, они без труда вырывались в этом смысле вперед за счет бастардов, что могло привести к непропорционально большому числу их генов в следующем поколении. Кроме того, со сменой институтов нация может быстро достичь значительного уровня экономического роста и без всякого отбора по ценностям среднего класса, как

случилось в Японии после Второй мировой войны и в посткоммунистическом Китае. А главное, Кларк не приводит никаких данных, свидетельствующих, что англичане по своей природе более сдержанны или менее агрессивны, чем граждане государств, не ставших колыбелью индустриальной революции.

Итак, недавняя биологическая эволюция теоретически могла слегка подрегулировать нашу предрасположенность к насилию или миролюбию, однако убедительных доказательств того, что это действительно произошло, нет. Зато перед глазами у нас — достоверные свидетельства перемен, которые никак не могут оказаться генетическими, поскольку уместились в слишком короткие отрезки времени, чтобы можно было объяснить их естественным отбором, даже учитывая новое знание о его недавнем воздействии. Отмена рабства и жестоких наказаний во времена Гуманитарной революции, спад насилия в отношении меньшинств, женщин, детей, гомосексуалов и животных в ходе революции прав, сокращение войн и случаев геноцида в период Долгого мира и Нового мира — все эти перемены укладывались в десятилетия или даже годы, совершаясь порой на глазах одного поколения. Особенно значительным спадом было сокращение почти в половину уровня убийств в Америке 1990-х. Скорость этого снижения составляла около 7% в год и была достаточной, чтобы насилие сократилось до 1% от его первоначального уровня всего за два поколения — без всяких изменений в частоте встречаемости генов. Невозможно оспорить, что культурные и социальные факторы способны регулировать настройки лучших ангелов человека (самоконтроля и

эмпатии) и таким образом контролировать нашу склонность к насилию. Следовательно, мы можем объяснить сокращение всех видов насилия, не обращаясь к новейшей биологической эволюции. По крайней мере, в настоящий момент мы можем обойтись и без этой гипотезы.

МОРАЛЬ И ТАБУ

В этом мире определено слишком много морали. Если сложить все убийства, совершенные ради восстановления «справедливости», добавить погибших в религиозных и революционных войнах, несчастных, казненных за мелкие правонарушения и за преступления, в которых не было пострадавшего, а также жертв идеологического геноцида, результат определенно будет выше числа смертей в ходе безнравственных захватов и завоеваний. Моральное чувство человека способно оправдать любое зверство в умах тех, кто его совершил; оно мотивирует их к насилию, которое не приносит никаких осязаемых выгод. Пытки еретиков и сменивших веру, сожжение ведьм, тюремные сроки для гомосексуалов и убийства не сохранивших девственности сестер и дочерей — это лишь некоторые из примеров. Страдания, навлеченные на мир людьми по высоконравственным причинам, неисчислимы — поневоле согласишься с комиком Джорджем Карлином, сказавшим: «Я думаю, мотивацию переоценивают. Покажите мне лентяя, который весь день валяется на диване и смотрит телешоу, не вынимая руки из штанов, и я покажу вам человека, который, мать вашу, не создает никому никаких проблем!»

Хотя общий вклад нравственного чувства в благополучие человечества вполне может оказаться отрицательным, во многих случаях оно вызывало колоссальные изменения к лучшему, включая гуманистические реформы эпохи Просвещения и случившиеся в последние десятилетия революции прав. Что касается опасных идеологий, здесь мораль может оказаться и болезнью, и лечением. Ментальность табу (как и ментальность морали, частью которой оно является) также может толкать общество в противоположных направлениях. Оно может превратить несогласие с религиозными или сексуальными практиками в ярость, утоляемую лишь ужасным наказанием, но оно же не позволяет нашему разуму уйти в опасные сферы завоевательных войн, применения химического и ядерного оружия, дегуманизирующих расовых стереотипов, убийств и шуточек по поводу изнасилований.

Как мы можем понять этого сумасшедшего ангела — часть природы человека, которая, кажется, сильнее прочих претендует на право называться источником наших добродетелей, но на самом деле может оказаться самым злобным из внутренних демонов?

Чтобы понять, какую роль в снижении уровня насилия сыграло нравственное чувство, нам нужно решить ряд психологических загадок. Первая из них: как случается, что люди разных эпох и культур руководствуются целями, которые, с их точки зрения, «моральны», но по нашим представлениям никакого отношения к морали не имеют? Вторая: почему нравственное чувство, как правило, не заставляет нас уменьшать объем страдания, но часто увеличивает его? Третья: как можно расщепить нравственное чувство — почему добропорядочные граждане бьют своих жен и детей, почему либеральные демократии

могут поддерживать рабство и колониальную систему, почему нацисты обращались с животными с непревзойденной добротой? Четвертая: почему, к добру или к худу, моральной оценке подвергаются не только поступки, но и мысли, что приводит к парадоксу табу? И конечно, самая главная загадка: что изменилось? Какой люфт в нравственном чувстве человека использовали исторические процессы, направляя насилие к снижению?

Для начала нужно отделить мораль как понятие философии (в частности, нормативной этики) от человеческого нравственного чувства, которое исследует психология. Если только вы не радикальный моральный релятивист, вы верите, что люди могут быть неправыми в своих нравственных убеждениях и что их оправдания геноцида, изнасилований, убийств во имя чести и пыток еретиков не просто оскорбляют наши чувства, но и грешат против истины¹⁶⁵. Моральные реалисты убеждены, что моральные истины объективны и существуют в реальности, подобно математическим истинам, или же допускают, что моральные утверждения до некоторой степени правомочны, потому что опираются на общепринятые убеждения или глубокое понимание, порожденное нашим коллективным рациональным рассуждением. Реалисты способны отделять вопросы морали от вопросов психологии морали. Последняя интересуется психическими процессами, которые ощущаются людьми как мораль и которые можно изучать в лабораторных и полевых исследованиях как любую другую когнитивную или эмоциональную способность.

Следующий шаг к пониманию нравственного чувства признать, что это отдельный способ осмысления действия, а не только уклонение от действия. Есть важное психологическое отличие между уклонением от действия из-за того, что оно считается аморальным («Убивать нельзя»), или же потому, что оно неприятно («Терпеть не могу цветную капусту»), немодно («Брюки-клеш, вчерашний день») или неблагоприятно («Не расчесывай комариные укусы»)¹⁶⁶.

Во-первых, разница в том, что осуждение морализованного действия распространяется на всех. Если вы считаете, что цветная капуста невкусная, вас не задевает тот факт, что другие ее едят. Но если вы убеждены, что убийства, пытки и изнасилования аморальны, тогда вы не можете просто воздерживаться от таких поступков и равнодушно наблюдать, как их совершают другие. Вы обязаны осуждать любого, кто так поступает.

Во-вторых, морализованные убеждения заставляют действовать. Конечно, людям не всегда удастся следовать афоризму Сократа «Знать, что есть правильно, значит правильно поступать», но они к этому стремятся. Моральное поведение само по себе считается целью, оправдывающей средства, и не нуждается в какой-либо дополнительной мотивации. Если люди уверены, что убийство аморально, им не нужно платить или благодарить их за то, что они никого не убили. Нарушив же моральное предписание, человек рационализирует неудачу, обращаясь к альтернативному правилу, отыскивая себе оправдание или признавая, что проявил достойную сожаления слабость. Кроме сказочных злодеев и разве что самого дьявола, никто не скажет:

«Я убежден, что убийство — это чудовищное зверство, и убиваю людей по мере надобности»¹⁶⁷.

И последнее: преступления против морали вызывают к наказанию. Если некто верит, что убивать нельзя, он не только имеет право знать, что убийца понес наказание, но и обязан этого добиваться. Он не может, как говорится, позволить убийце уйти безнаказанным. Теперь просто замените убийство на идолопоклонничество, или гомосексуализм, или богохульство, или непристойность, или неподчинение — и вы поймете, почему человеческое нравственное чувство может быть основным орудием зла.

Еще одна конструктивная особенность нравственного чувства — то, что многие моральные убеждения работают как нормы и табу, а не как принципы, которые поддаются формулировке и обоснованию. В известной концепции шести стадий нравственного развития, разработанной психологом Лоуренсом Кольбергом (от свойственного детям желания избежать наказания до универсальных философских принципов), средние две стадии (далее которых многие никогда не заходят) — это подчинение нормам с целью быть хорошим мальчиком или девочкой и соблюдение договоренностей для сохранения социальной стабильности. Размышляя над популяризированной Кольбергом моральной дилеммой и решая, должен ли Хайнц вломиться в аптеку и украсть дорогостоящее лекарство, которое спасет его умирающую жену, люди, чье нравственное развитие находится на одной из этих ступеней, не могут дать своим ответам лучшего обоснования, чем заявить, что Хайнц не должен красть лекарство, потому что красть плохо и незаконно — а он ведь не преступник, или же что

Хайнц должен украсть лекарство, потому что именно так поступил бы хороший муж¹⁶⁸. Немногие способны сформулировать принципиальное обоснование, сказав, что жизнь человека — ценность высшего порядка, которая важнее социальных норм, законопослушности и стабильности в обществе.

Психолог Джонатан Хайдт описал невозможность обоснования некоторых моральных норм, исследуя феномен, который он назвал нравственным потрясением. Если какой-то поступок аморален, люди мгновенно это осознают, а затем стараются — часто безуспешно — объяснить почему¹⁶⁹. Когда Хайдт спрашивал, например, можно ли брату и сестре заняться защищенным сексом по обоюдному согласию, можно ли почистить унитаз старым американским флагом, съесть свою собаку, которую сбила машина, использовать куриную тушку для сексуального удовлетворения или, нарушив клятву, данную умирающей матери, не прийти на ее могилу, люди в каждом случае говорили «нет». Но когда их просили объяснить почему, они сначала беспомощно барахтались, а потом сдавались и говорили: «Я не могу объяснить почему, но я точно знаю, что это неправильно».

Моральные нормы, даже те, что невозможно обосновать, способны эффективно тормозить агрессивное поведение. Сегодня люди западной культуры не прибегают к некоторым видам насилия (не убивают брошенного ребенка из сострадания, не мстят за оскорбление и не объявляют войну другому развитому государству) не потому, что раздумывают над нравственными вопросами, сочувствуют жертвам или сдерживают деструктивные порывы, но потому, что вообще не считают насильственное действие

вариантом выбора. Мы не обсуждаем и не избегаем таких поступков: они для нас немыслимы или нелепы.

Фундаментальные различия в видах поведения, морализуемого в разных культурах, в сочетании с нравственным потрясением, существующим в нашей собственной, могут создать впечатление, что нормы и табу случайны, что можно отыскать культуру, где аморально произносить предложение с четным количеством слов или отрицать, что вода в океане горячая, как кипяток. Однако антрополог Ричард Шведер и несколько его студентов и сотрудников обнаружили, что моральные нормы по всему миру группируются вокруг небольшого числа тем¹⁷⁰. Интуитивные представления, которые мы в современном западном мире считаем основой морали, — справедливость, честность, защита прав личности и предотвращение вреда — это только одна из нескольких проблемных сфер, в которых действуют когнитивные и эмоциональные инструменты морализации. Даже мимолетный взгляд на древние религии, например иудаизм, ислам и индуизм, напоминает нам, что они морализуют множество других вопросов, в числе которых верность, уважение, подчинение, аскетизм и свод правил, касающихся отправления телесных функций вроде питания, секса и менструации.

Шведер распределил все беспокоящие человечество вопросы морали по трем областям¹⁷¹. Свойственная современному Западу этика независимости предполагает, что социальный мир состоит из отдельных личностей и назначение морали — позволить им осуществлять свой выбор и уберечь

их от бед. Этика общности, напротив, видит социум как систему племен, кланов, семей, институтов, гильдий и прочих коалиций и уравнивает мораль с долгом, уважением, верностью и взаимозависимостью. Этика Божественности утверждает, что мир — воплощение божественной сущности, частички которой помещаются в телах, и что назначение морали — защитить дух от разложения и осквернения. Если тело — это всего лишьместилище души, которая полностью принадлежит богу или же является его частью, тогда у людей нет права делать со своим телом все что заблагорассудится. Они должны избегать осквернения, воздерживаясь от нечистых видов секса, еды и других физических удовольствий. Этика Божественности лежит в основе морализации физического отвращения и возвышения аскетизма и непорочности.

Взяв за основу трихотомии Шведера, Хайдт разделил две из его этик еще на две каждую, что в сумме дало пять сфер морали, которые он назвал моральными основаниями¹⁷². Этику общности он разделил на внутригрупповую лояльность и власть/уважение, а этику независимости на справедливость/взаимность (мораль, обеспечивающую взаимный альтруизм) и вред/заботу (поощрение доброты и сострадания и подавление жестокости и агрессии). Хайдт также дал этике Божественности светское имя — чистота/святость. Вдобавок к этим изменениям Хайдт упрочил доводы в пользу универсальности моральных оснований, показав, что все пять сфер можно обнаружить в интуитивных представлениях нерелигиозных носителей западной культуры. В придуманных им сценариях, вызывающих нравственное потрясение, чистота/святость,

например, поддерживает отвращение испытуемых к инцесту, зоофилии и употреблению в пищу любимца семьи, власть/уважение заставляет посещать могилу матери, а внутригрупповая лояльность запрещает осквернять американский флаг.

Систему, которую я нахожу наиболее полезной, разработал антрополог Алан Фиск. Он полагает, что морализация берет начало в одной из четырех реляционных моделей, каждая из которых представляет собой особый подход к осмыслению человеческих взаимоотношений¹⁷³. Цель теории — объяснить, как люди в том или ином обществе распределяют ресурсы, откуда в нашей эволюционной истории взялась одержимость моралью, как отличается мораль в разных обществах и как нам удастся расщеплять мораль и защищать ее с помощью табу. В таблице на с. 779 показано, как реляционные модели Фиска соотносятся с классификациями Шведера и Хайдта.

Этика Шведера	Божественность	Общность		Независимость	
Моральные основания Хайдта	Чистота/святость	Внутригрупповая лояльность	Власть/уважение	Вред/забота	Справедливость/взаимность
Реляционные модели Фиска	Общинное распределение		Распределение на основе авторитета	Соблюдение равенства	Рыночная оценка / рационально-дегальная модель

Первая модель — общинное распределение (для краткости — общинность) — объединяет внутригрупповую лояльность и чистоту/святость. Когда люди принимают установки общинности, они свободно делят ресурсы внутри группы, не считая, кто сколько дал или взял. Они считают группу «единой плотью», сплоченной общей сутью, которую нужно охранять от осквернения. Они усиливают это ощущение единства ритуалами присоединения и слияния — физической близостью, совместными

приемами пищи, синхронизированными движениями, песнопениями или молитвами в унисон, общим эмоциональным опытом, одинаковым украшением или повреждением тела — и обмениваются телесными жидкостями, вскармливая детей грудным молоком, занимаясь сексом и участвуя в кровавых ритуалах. Они подкрепляют свою связь мифами об общих исторических корнях, происхождении от одного праотца, о глубокой связи с землей, на которой живут, о родстве с тотемным животным. Корни общинности — в материнской заботе, родственном отборе и мутуализме, и эта модель в какой-то мере может быть представлена окситоциновой системой мозга.

Вторая реляционная модель Фиска — распределение на основе авторитета — это линейная иерархия, определяемая доминированием, статусом, возрастом, полом, размером, силой, здоровьем и предшествующей историей отношений. Она дает право вышестоящим брать то, что они хотят, взимать дань с нижестоящих и требовать их подчинения и верности. Она также наделяет их патерналистской обязанностью защищать нижестоящих («положение обязывает»). Предположительно, эта модель выросла из иерархии подчинения приматов и может быть представлена, хотя бы частично, чувствительными к тестостерону нейронными сетями мозга.

Модель соблюдения равенства объединяет взаимность по принципу «ты — мне, я — тебе» и другие схемы равного распределения ресурсов: очередность, случайность, уравнивание вкладов, разделение на равные порции и распределение согласно вербальным формулам наподобие детских считалок. Ярко выраженная взаимность редко наблюдается у животных, хотя шимпанзе демонстрируют зачатки чувства справедливости, по

крайней мере когда обделяют их самих. Нейронную основу соблюдения равенства представляют области мозга, регистрирующие намерения, обман, конфликт, принятие перспективы и осуществляющие вычисления, в том числе островок, орбитальная и передняя поясная кора, дорсолатеральная префронтальная кора, теменная кора и височно-теменной узел. Соблюдение равенства — основа нашего чувства справедливости и интуитивной экономики; эта модель связывает нас как коллег, соседей, знакомых и торговых партнеров, но не как близких друзей и соратников. Во многих традиционных племенах принят обычай ритуального обмена бесполезными подарками (что напоминает наш собственный обычай рождественских угощений) единственно ради укрепления отношений соблюдения равенства¹⁷⁴.

(Читатели, сравнивающие и противопоставляющие классификации, могут удивиться, почему категория Хайдта вред/забота относится к справедливости и сопоставляется с соблюдением равенства по Фиску, а не с более теплыми отношениями вроде общности или святости. Дело в том, что Хайдт измерял вред/заботу, расспрашивая об отношении к обобщенному «кому-то», а не к друзьям или родственникам, на которых забота обычно направлена. Ответы на эти вопросы идеально согласовываются с ответами на вопросы, касающиеся справедливости, и это не совпадение¹⁷⁵. Вспомните, какова логическая схема взаимного альтруизма, отражающая наше чувство справедливости: быть «добрым» и сотрудничать при первой встрече, не предавать, пока тебя не предали, и спасти попавших в беду незнакомцев, если это не требует от тебя больших усилий. Когда модель забота/

вред применяется за рамками близкого круга, она выступает как составная часть логики справедливости.)¹⁷⁶

Последняя реляционная модель Фиска — рыночная оценка — система денежных единиц, цен, ренты, зарплат, премий, процента, кредита и финансовых инструментов, которые приводят в движение современную экономику. Рыночная оценка опирается на числа, математические формулы, бухгалтерский учет, денежные переводы и язык официальных договоров. В отличие от трех других моделей, рыночная оценка далека от универсальной, так как невозможна без грамотности, в том числе математической, и новейших информационных технологий. Логика рыночной оценки по-прежнему чужда нашему разуму: вплоть до наступления современной эпохи начисление процента и извлечение прибыли не одобрялось обществом. Все эти модели, замечает Фиск, можно разместить на шкале, в какой-то мере отражающей порядок их возникновения в процессе эволюции, истории и развития ребенка: общинное распределение > распределение на основе авторитета > соблюдение равенства > рыночная оценка.

Мне кажется, что модель рыночной оценки не специфична ни для рынка, ни для оценки. На самом деле она относится к другим примерам формальной социальной организации, которые веками совершенствовались ради того, чтобы миллионы людей могли вести дела в технологически развитом обществе, и которые не могут возникнуть спонтанно в неподготовленном разуме¹⁷⁷. Один из таких институтов — политический аппарат демократии, где власть принадлежит не сильным (власть/уважение),

но представителям, избранным формальной процедурой голосования, чьи привилегии ограничены системой права. Другой — корпорации, университеты и некоммерческие организации. Люди, работающие в них, не могут по собственному желанию брать на работу своих друзей и родню (общинность) или в качестве любезности раздавать должности (соблюдение равенства), но ограничены должностными обязанностями и уставом. Уточнения, которые я внес в теорию Фиска, не случайны. Фиск пишет, что идеей рыночной оценки отчасти обязан концепции социолога Макса Вебера о «рационально-правовом» (в противоположность традиционному и харизматическому) принципе социальной легитимности — системе норм, разработанной на рациональных основаниях и внедренной с помощью формальных правил¹⁷⁸. Соответственно, я иногда буду ссылаться на эту реляционную модель, используя более широкий термин «рационально-легальная».

Несмотря на отличия в классификации, теории Шведера, Хайдта и Фиска одинаково понимают механизмы нравственного чувства. Ни одно общество не определяет добродетели и прегрешения, основываясь на золотом правиле или категорическом императиве. Напротив, мораль определяется через соблюдение или же ли попрание одной из этих реляционных моделей (этик, оснований): предательство, эксплуатация или измена союзу, осквернение себя или своей общины, отрицание или оскорбление законной власти, неспровоцированное причинение вреда, отказ платить по счетам, растрата или злоупотребление привилегиями.

~

Задача таких систематизаций — не рассортировать общества по категориям, но обеспечить разговор о социальных нормах необходимым языком¹⁷⁹. Этот язык должен выявлять общие паттерны, лежащие в основе различия культур и эпох (включая эпоху спада насилия), и предсказывать реакцию людей на нарушение господствующих норм, в том числе их нездоровую склонность к моральному расщеплению.

Некоторые социальные нормы — это просто решения для координационных игр, например правостороннее движение, использование бумажных денег и язык общения¹⁸⁰. Но у большинства норм есть нравственное содержание. Каждая нагруженная моральным смыслом норма — это своего рода ниша, вмещающая реляционную модель, одну или несколько социальных ролей (родитель, ребенок, учитель, студент, муж, жена, начальник, подчиненный, клиент, сосед, незнакомец), контекст (дом, улица, школа, место работы) и ресурс (еда, деньги, земля, помещение, время, совет, секс, труд). Быть социально компетентным представителем своей культуры — значит усвоить огромное количество таких норм.

Возьмем, к примеру, дружбу. Близкие друзья взаимодействуют, опираясь на модель общинного распределения. Они с удовольствием делятся едой на вечеринках и делают друг другу одолжения, не высчитывая, кто, кому и сколько должен. Но они принимают во внимание и особые обстоятельства, требующие применения другой реляционной модели. Например, друзья работают над задачей, в которой один из них — мастер своего дела и руководит действиями другого (распределение на основе авторитета), в складчину оплачивают бензин, путешествуя вместе (соблюдение равенства), или

закключают сделку купли-продажи автомобиля согласно его рыночной стоимости (рыночная оценка).

Нарушения реляционных моделей с моральной точки зрения воспринимаются как откровенно недопустимые. В рамках модели общинного распределения, которая, как правило, управляет дружбой, скупец и скряга будет считаться нарушителем. В рамках особого случая соблюдения равенства, касающегося оплаты бензина в путешествии, нарушением будет отказ внести свою долю. Соблюдение равенства в условиях продолжительных взаимоотношений позволяет вести подсчеты довольно небрежно: вспомните, как владельцы ранчо в округе Шапта компенсируют причиненный ущерб примерно равными одолжениями и прощают мелкие убытки¹⁸¹. Рыночная оценка и другие рационально-правовые модели не столь снисходительны. Клиент, не оплативший ужин в дорогом ресторане, не может рассчитывать, что владелец ресторана разрешит принести деньги когда-нибудь потом или вообще спустит это ему с рук. Скорее всего, ресторатор позвонит в полицию.

Когда человек нарушает правила реляционной модели, которые должен соблюдать по умолчанию, окружающие считают его паразитом или обманщиком и обрушивают на его голову моралистический гнев. Но, когда человек использует одну реляционную модель применительно к ресурсу, который обычно распределяется в рамках другой, в игру вступает иная психология, ведь он не столько нарушил правила, сколько «не понял» их. Реакция может варьировать от замешательства, смущения и неловкости до шока, обиды и ярости¹⁸². Представьте, например, как посетитель ресторана благодарит шеф-повара за

приятный вечер и приглашает его в свою очередь как-нибудь заглянуть на обед (трактуя взаимодействие в рамках рыночной оценки, как если бы это было общинное распределение). Или напротив, представьте реакцию хозяев вечеринки (общинное распределение), если гость вытащит кошелек и предложит заплатить им за ужин (рыночная оценка) или если хозяин попросит гостя помыть кастрюли, пока он сам приляжет отдохнуть перед телевизором (соблюдение равенства). Или, например, гость предлагает хозяину купить у него машину, а затем заламывает цену выше рыночной, или того пуще — хозяин предлагает присутствующим парам на полчаса обменяться партнерами и заняться сексом в завершение вечеринки.

Эмоциональная реакция на реляционное несоответствие зависит от того, случайное оно или намеренное, от того, какие модели меняются местами, и от природы ресурса. Психолог Филип Тетлок предположил, что психология табу — реакция ярости в ответ на озвучивание определенных мыслей — вступает в игру, когда дело касается ресурсов, считающихся священными¹⁸³. Священную ценность нельзя обменять ни на что другое. Священные ресурсы, как правило, распределяются в рамках примитивных моделей общинности и власти, а реакция табу возникает в ответ на обращение с ними с позиции более развитых моделей соблюдения равенства или рыночной оценки. Если некто предлагает купить у вас ребенка (внезапно выставляя отношения общинного распределения в свете рыночной оценки), вы не будете обсуждать цену, но будете оскорблены самой мыслью об этом. То же самое случится, если вам предложат продать дорогой вам подарок или фамильную драгоценность или за

определенную сумму предать друга, супруга или страну. Тетлок просил студентов сформулировать аргументы «за» и «против» свободной продажи священных ресурсов наподобие избирательных голосов, воинской обязанности, мест в жюри присяжных, донорских органов или детей, отдаваемых на усыновление, и выяснил, что большинство опрошенных не приводят убедительных аргументов «против» (например, что бедняки, попав в отчаянное положение, будут продавать свои органы), а возмущаются самой постановкой вопроса. Типичные «аргументы» в этом случае: «Это бесчеловечно, унижительно и неприемлемо» и «Да что же за люди мы тогда будем?».

Психологию табу не назовешь полностью иррациональной¹⁸⁴. Чтобы поддерживать важные для нас отношения, недостаточно говорить и делать правильные вещи. Нужно еще и демонстрировать, что у нас есть сердце, что мы не взвешиваем плюсы и минусы, раздумывая, не продать ли тех, кто нам доверяет. Если вы не отвечаете возмущенным отказом на непристойное предложение, вы открываете миру ужасную правду: вы не понимаете, что значит быть настоящим родителем, супругом или гражданином. Понимать такие вещи — значит усвоить культурную норму, которая приписывает простейшей реляционной модели священную ценность.

В старом анекдоте мужчина спрашивает женщину, переспит ли она с ним за миллион долларов, Та говорит, что подумает. Тогда он спрашивает: а за сотню? Женщина возмущается: «Да за кого вы меня принимаете?», и он отвечает: «Это мы уже выяснили, теперь обсуждаем цену». Чтобы понять эту шутку, нужно осознать, что большая часть священных

ценностей на самом деле псевдосвященна. Любого можно подтолкнуть к уступке, если напустить туману, иначе интерпретировать или перефразировать¹⁸⁵. (В этой шутке не зря фигурирует огромная сумма в «миллион долларов», потому что миллион долларов превращает обмен на деньги в шанс полностью изменить жизнь — стать миллионершей.) Когда на рынке впервые появилась услуга страхования жизни, людей возмущала сама идея оценивать человеческую жизнь в долларах и позволять женам заключать пари на дату смерти мужа — а ведь это технически точное описание того, как на самом деле работает страхование жизни¹⁸⁶. Страховщики в ответ запустили масштабную рекламную кампанию, которая заставляла думать о решении застраховать свою жизнь как об ответственном и предусмотрительном поступке супруга, который просто выполняет свой долг перед семьей, даже когда его уже нет рядом с ними.

Тетлок различает три вида выбора (компромисса). Обычный выбор укладывается в простую реляционную модель, например дружить не с тем, а с этим, купить не эту машину, а ту. Запретный (табуированный) выбор происходит между священной ценностью и ценностью материальной, например предательство друга или любимого человека, обмен или продажа органа или самого себя. При трагическом выборе выбирать приходится одну из двух священных ценностей, например между двумя пациентами, которым требуется донорский орган. Предельно трагический выбор — решение, которое должна была принять Софи, решая кого из двух ее детей оставить в живых^[134]. Искусство политики, подчеркивает Тетлок, — это в значительной мере умение превратить запретный выбор в трагический

(или наоборот, если вы политик оппозиционный). Политик, собирающийся реформировать систему социального страхования, должен переосмыслить идею, превратив ее из «нарушения обязательств перед пожилыми гражданами» (формулировка оппозиции) в «облегчение бремени тяжело работающих кормильцев семьи» или «возможность не экономить на образовании наших детей». Решение держать американские войска в Афганистане из идеи «подвергать наших солдат опасности» переформулируется в идею «подтвердить преданность Америки идеалам свободы» или «уничтожить терроризм». И, как будет показано далее, рефрейминг священных ценностей может оказаться перспективной тактикой миротворчества.

Новые теории нравственного чувства, таким образом, помогают объяснить моральные эмоции, расщепление морали и феномен табу. Давайте применим их к различиям в морали разных культур и, что важнее всего, к ходу истории.

Часто конкретному набору социальных ролей естественным образом соответствует определенная реляционная модель, характерная для всех обществ и, возможно, обусловленная биологически. Она включает общинное распределение между членами семьи, иерархию авторитетности в семье, заставляющую уважать старших, и обмен товарами и услугами в рамках соблюдения равенства. Однако в разные времена и в разных культурах одним и тем же ресурсам и социальным ролям могут соответствовать совершенно разные реляционные модели¹⁸⁷.

В традиционных браках на Западе, например, мужу принадлежала власть над женой. Эта модель практически прекратила свое существование в 1970-х, и некоторые пары под влиянием феминизма перешли к модели соблюдения равенства, поровну разделив работу по дому и обязанности в отношении детей и строго контролируя количество времени, которое каждый из супругов им посвящает. Так как бизнес-психология соблюдения равенства противоречит близости, которой муж и жена, как правило, дорожат, в большинстве современных браков пары приходят к общинному распределению. Но и здесь не все ладно, поскольку в рамках этой модели жены зачастую чувствуют: поскольку участие супругов в домашнем хозяйстве не отслеживается, женщины перерабатывают, а их вклад недооценивается. Кроме того, муж и жена могут оговаривать исключения, к которым применяется рационально-правовая модель: брачные контракты или же особые условия наследования для детей от предыдущих браков.

Вариативность связей между реляционными моделями и ресурсами или социальными ролями определяет различие культур. Члены одного общества допускают продажу или обмен земли, но будут возмущены, узнав, что в другом обществе считается нормальным обмен или продажа невест, и наоборот. В одной культуре женская сексуальность может подпадать под действие распределения на основе авторитета мужчин ее семьи, в другой женщина свободна делиться ею со своим избранником в рамках общинных отношений, а в третьей она может обменивать ее на необходимые услуги, не встречая осуждения, — по законам соблюдения равенства. В некоторых обществах родственники жертвы обязаны отомстить за убийство (соблюдение равенства), в

других можно возместить ущерб денежной компенсацией (рыночная оценка), в третьих убийство наказывается государством (распределение на основе авторитета).

Осознание, что нарушитель реляционной модели принадлежит к другой культуре, до некоторой степени смягчает возмущение, с которым люди обычно реагируют на такие нарушения. Это даже может стать поводом для шуток, как в старых комедиях, где беспомощный иммигрант или неотесанная деревенщина торгуется, покупая билет на поезд, пасет овцу в городском парке или предлагает вернуть долг, отдав в жены свою дочь. В фильме «Борат» комик Саша Барон Коэн выворачивает ситуацию наизнанку и высмеивает толерантных американцев, готовых терпеть вызывающее поведение беспардонного иммигранта. Но, если нарушитель покушается на священную ценность, любому терпению может прийти конец: общество не смирится с тем, что иммигранты в западных странах практикуют обрезание женских гениталий, убийства во имя чести или продажу несовершеннолетних невест, или с тем, что представители западной культуры проявляют неуважение к пророку Мухаммеду, изображая его в книгах, высмеивая в комиксах или позволяя школьникам называть в его честь плюшевых медвежат.

Разница в применении реляционных моделей определяет и политические идеологии¹⁸⁸. Фашизм, феодализм, теократия и другие атавистические идеологии основаны на примитивных реляционных моделях общинного распределения и распределения на основе авторитета. Интересы индивидов становятся неразличимыми в интересах сообщества

(слово «фашист» происходит от итальянского *fascio* — «связка»), а правят им военные, аристократические или церковные структуры. Идеологи коммунизма мечтали об общинном распределении ресурсов («от каждого по способностям, каждому по потребностям»), равных правах на средства производства и распределении политического контроля на основе авторитета (диктатура пролетариата, которая на деле обернулась номенклатурой комиссаров под руководством харизматичного диктатора). Популистский социализм стремится к соблюдению равенства на средства существования: землю, медицину, образование и детские дошкольные учреждения. На другом полюсе континуума — либертарианцы, чей дискурс позволяет практически любой ресурс обсуждать в рамках модели рыночной оценки, будь то донорские органы, младенцы, здравоохранение, сексуальность и образование.

Где-то между этими полюсами располагается знакомый нам либерально-консервативный континуум. В своих работах Хайдт показал, что либералы считают назначением морали предотвращение вреда и укрепление справедливости (ценностей, соответствующих независимости по Швейдеру, и модели соблюдения равенства по Фиску). Консерваторы придают одинаковый вес всем пяти моральным основаниям, в том числе внутригрупповой лояльности (таким ценностям, как стабильность, традиции и патриотизм), чистоте/святости (то есть приличиям, благопристойности и религиозным ритуалам) и власти/уважению (уважение к власти, почитание Бога, признание гендерных ролей и воинская повинность)¹⁸⁹. Американская культурная война, с ее бурными дебатами по вопросам налогов,

медицинской страховки, социальных пособий, однополых браков, абортов, численности вооруженных сил, преподавания основ эволюции в школе, сквернословия в СМИ, отделения церкви от государства, по большей части ведется из-за разных представлений о том, какие вопросы должны вызывать моральную обеспокоенность государства. Хайдт замечает, что идеологи на каждом из этих полюсов считают своих оппонентов аморальными, невзирая на тот факт, что нейронные цепи мозга, отвечающие за мораль, у всех нас загораются одинаково ярко, хоть и содержат разные концепции морали.

Прежде чем расшифровать связи между моральной психологией и насилием, позвольте мне использовать теорию реляционных моделей, чтобы разгадать психологическую загадку, которая все еще ждет своего решения. Нравственный прогресс зачастую достигался благодаря новому восприятию, в свете которого какие-то поступки выглядели скорее смешными, чем греховными, — так случилось с дуэлями, боями быков и ура-патриотическими войнами. Многие из успешных критиков общества, в том числе Свифт, Джонсон, Вольтер, Твен, Оскар Уайльд, Бертран Рассел, Том Лерер и Джордж Карлин, были хитроумными комедиантами, а не мечущими молнии пророками. Какие особенности нашей психологии позволяют шутке быть могущественнее меча?

Юмор работает, сталкивая аудиторию с нелепостью, избавиться от которой можно, только переключившись в другую систему координат. Но в этой другой системе координат мишень шутки

обретает низкий статус или выглядит недостойной¹⁹⁰. Когда Вуди Аллен говорит: «Я очень горжусь своими золотыми часами. Мой дедушка продал их мне на своем смертном одре», слушатели сначала удивлены, что ценное с эмоциональной точки зрения наследство можно продать, а не передать, причем продавец никак не сможет воспользоваться вырученными деньгами. Затем они осознают, что персонаж Вуди Аллена был нелюбимым ребенком и вырос в семье корыстных пройдох. Часто первая система координат, выявляющая нелепость, — это как раз ведущая реляционная модель, и, чтобы понять юмор, аудитория должна сделать шаг в сторону, например переключившись с идеи общинного распределения на рыночную оценку в шутке Вуди Аллена.

Юмор с политической или моральной подоплекой способен незаметно бросить вызов реляционной модели, которая стала второй натурой слушателей, заставляя их заметить, что она влечет за собой последствия, которые они и сами признают абсурдными. Готовность Руфуса Файрфлая, героя фильма «Утиный суп», объявить войну в ответ на полностью воображаемое оскорбление деконструирует идеал национального величия, существующий в рамках распределения на основе авторитета. Эту кинокомедию братьев Маркс оценили по достоинству в тот период, когда образ войны менялся с «волнующего и славного» дела на «бесполезное и глупое». Сатира ускорила социальные сдвиги недавнего времени, в 1960-х, например, изображая расистов и сексистов тупоголовыми неандертальцами, а сторонников войны во Вьетнаме — кровожадными психопатами. Советский Союз и его сателлитов тоже захлестнула подпольная волна сатиры — популярное в годы холодной войны

определение двух противоборствующих идеологий гласило: «Капитализм — это эксплуатация человека человеком, а коммунизм — наоборот».

Известная писательница XVIII в. Мэри Уортли-Монтегю писала: «Сатира, как остро отточенный нож, ранить должна незаметно». Но сатира редко отточена настолько остро, и те, на кого она нацелена, зачастую слишком хорошо осведомлены о подрывной силе юмора. Ярость, с которой они реагируют на шутку, вызвана умышленным оскорблением священной ценности, покушением на их достоинство и осознанием, что смех демонстрирует, что то и другое стало известно всем. Опаснейшие беспорядки 2005 г., спровоцированные карикатурами, напечатанными в датской газете *Jyllands-Posten* (одна изображала пророка Мухаммеда на небесах, приветствующего новоприбывшего террориста-смертника словами: «Стой, у нас закончились девственницы!»), доказывают, что, когда дело доходит до намеренного подрыва священной реляционной модели, шутки перестают быть смешными.

Как реляционные модели, придающие форму нравственному чувству, санкционируют самые разные виды насилия, считающиеся морально оправданными? И какая степень свободы позволяет обществам приостановить моралистическое насилие или даже развернуть его в обратном направлении? Все реляционные модели приветствуют назидательные наказания тех, кто нарушает порядок их применения. Но разные модели оправдывают разные виды насилия¹⁹¹.

Фиск замечает, что людям не обязательно взаимодействовать друг с другом при использовании любой из этих моделей — состояние, которое он назвал нулевым, или асоциальным взаимодействием. Выпадающие из реляционной модели чужаки дегуманизируются: им отказывают в обладании сущностными чертами человеческой природы и относятся практически как к неживым объектам, которые можно игнорировать, эксплуатировать или использовать как заблагорассудится¹⁹². Асоциальные отношения таким образом, готовят почву для хищнического насилия в форме войн, изнасилований, убийств, инфантицида, бомбардировок, изгнания коренного населения колоний и других преступлений, совершаемых по расчету.

Если вы помещаете других людей под защиту реляционной модели, вы должны хотя бы отчасти принимать их интересы во внимание. В модель общинного распределения встроено сочувствие и теплое отношение, но исключительно к членам группы. Коллега Фиска Ник Хаслам считает, что общинное распределение может провоцировать дегуманизацию другого вида — не *механистическую*, свойственную асоциальным взаимоотношениям, но *анималистическую*, которая отказывает чужакам в чертах, считающихся уникально человеческими, такими как разум, индивидуальность, самоконтроль, нравственность и культура¹⁹³. На них реагируют не бесчувственно и равнодушно — к чужакам относятся с отвращением и презрением. Общинное распределение может потворствовать такой дегуманизации: не принадлежащие к группе считаются лишёнными чистой и священной сути, общей для членов племени, — они опасны, потому что могут загрязнить группу примесью животного начала.

Каким бы милым ни казалось общинное распределение, оно поддерживает образ мысли, на который опираются идеологии, чреватые геноцидом и основанные на идее племени, расы, национальности и религии.

У распределения на основе авторитета тоже две стороны. Возлагая на власть имущих патерналистскую обязанность защищать и поддерживать тех, кто стоит ниже по иерархии, эта модель может послужить психологической основой процесса усмирения, при котором сюзерены защищают вассалов от междоусобного насилия. Тот же самый механизм конструирует и моральные рационализации, которыми пользуются работоторговцы, правители колоний и великодушные деспоты. Но распределение на основе авторитета оправдывает и жестокие наказания за дерзость, неподчинение, непокорность, предательство, кощунство, ересь и «оскорбление величества». В связке с общинным распределением оно поддерживает межгрупповое насилие, в том числе имперские завоевания, закабаление низших каст, колоний и рабов.

Обязательства взаимного обмена в рамках модели соблюдения равенства делают каждую из сторон заинтересованной в продлении существования и благополучии другой и отличаются бóльшим великодушием. Соблюдение равенства также побуждает время от времени вставать на место другого, что, как мы уже знаем, может превратиться в сострадание. Умиротворяющему эффекту торговли между людьми и странами мы можем быть обязаны мысленной установке, в которой партнеры по обмену, даже если и не искренне любят, то как минимум ценят друг друга. Однако, с другой стороны, требование соблюдения равенства лежит в основе сведения

счетов: око за око и зуб за зуб, жизнь за жизнь и кровь за кровь. Как мы видели в главе 8, даже представители современных обществ считают уголовное наказание справедливым возмездием, а не общим или индивидуальным сдерживанием¹⁹⁴.

Рационально-правовое мышление — дополнение к моральному репертуару в грамотных и обученных счёту обществах, не располагает собственными эмоциями и интуитивными представлениями и само по себе не поощряет и не подавляет насилия. Если не все члены общества явным образом наделены политическими правами и правом собственности на свое тело и имущество, аморальная погоня за прибылью в рыночной экономике приведет к их эксплуатации, работоторговле, траффикингу и попыткам выйти на заморские рынки с помощью военных кораблей. Количественные инструменты можно использовать и для того, чтобы взвинтить число потерь противника в высокотехнологичной войне. Но и рационально-правовое мышление, как мы увидим чуть позже, можно поставить на службу утилитарной морали, которая приносит большее благо для большего числа людей (помогая уменьшить численность полиции и армии до минимума, необходимого, чтобы снизить общий объем насилия)¹⁹⁵.

Каковы же тогда исторические сдвиги в психологии морали, которые воодушевили спады уровня насилия, принявшие форму Гуманитарной революции, Долгого мира и революций прав?

Что касается ведущих реляционных моделей, изменения довольно очевидны. Фиск и Тетлок

отмечают: «На протяжении последних трех столетий по всему миру наблюдалась усиливающаяся тенденция социальных систем двигаться от модели общинного распределения через распределение на основе авторитета и соблюдение равенства к рыночной оценке»¹⁹⁶. И если считать данные опросов, приведенные в главе 7, показателем того, что изменения установок начинаются с либералов, со временем затрагивая и консерваторов, тогда данные Хайдта, определяющие, какие вопросы морали беспокоят либералов, а какие — консерваторов, говорят о том же. Оценивая важность этих вопросов, помните, что либералы не придают большого значения идеям внутригрупповой лояльности, чистоты/святости (которые Фиск объединяет в модель общинного распределения) и власти/уважения. Вместо этого они вкладывают всю свою моральную озабоченность в идеи вреда/заботы и справедливости/взаимности. Консерваторы же обеспокоены всеми пятью основаниями морали¹⁹⁷. Движение к социальному либерализму — это движение от общинных и авторитарных ценностей к ценностям, в основе которых лежат равенство, справедливость, независимость и обеспеченные законом права. И либералы, и консерваторы могут отрицать существование этого тренда, но нужно учитывать, что ни один из нынешних консерваторов не обращается сегодня к традиции, авторитету, сплоченности или религии для того, чтобы оправдать расовую сегрегацию, запрет женщинам работать или уголовное наказание за гомосексуальность, — а ведь к таким аргументам они прибегали еще несколько десятилетий назад¹⁹⁸.

Почему отток морального капитала из общности, святости и авторитета может подавлять насилие? Во-

первых, общинность узаконивает трайбализм и агрессивный шовинизм, а авторитет оправдывает репрессии со стороны государства. Но главная причина в том, что, сужая область применения нравственного чувства, мы уменьшаем число грехов, подлежащих наказанию именем закона. Фундамент морали, на котором сходятся все — традиционалисты и прогрессисты, либералы и консерваторы, — независимость и справедливость. Никто не против того, чтобы правительство применяло силу, отправляя за решетку бандитов, насильников и убийц. Но защитники традиционной морали хотели бы добавить к ним и тех, кто нарушает правила, никому не принося вреда: гомосексуалов, тех, кто ведет себя распущенно или кощунственно, еретиков, неверных и оскорбляющих священные символы. Чтобы их моральное неодобрение было действенным, традиционалисты должны вынудить Левиафана наказывать и таких нарушителей тоже. Но, если эти нарушения не подпадают под действие уголовного кодекса, у властей остается меньше оснований прибегать к избиениям, наручникам, тюремным заключениям и казням.

Изменение социальных норм в сторону рыночной оценки у многих вызывает нервную дрожь, но, так или иначе, оно будет усиливать тенденцию к ненасилию. Радикальные либертарианцы, ярые поклонники рыночной оценки, хотели бы декриминализовать проституцию, хранение наркотиков и игорный бизнес и выпустить из тюрем миллионы людей, осужденных за эти преступления (что заставит сутенеров и наркобаронов повторить судьбу гангстеров эпохи «сухого закона»). Сдвиг в сторону свободы личности ставит вопрос, нравственно ли обменивать долю санкционированного обществом насилия на долю

поведения, которое многие люди считают принципиально неправильным: кощунство, гомосексуальность, употребление наркотиков и проституция. Но в этом и смысл: к худу или к добру, но отделение морального чувства от его традиционных сфер общинности, авторитета и чистоты влечет за собой снижение уровня насилия. Разрушение этой связи и составляет повестку дня классического либерализма: свобода личности от племенного и авторитарного давления, терпимость к личному выбору при условии, что он не ограничивает независимость и благополучие окружающих.

Исторически мораль в современных обществах не только удаляется от общинности и авторитета — она развивается в сторону рационально-правовой организации, и это тоже умиротворяющее усовершенствование. Фиск заметил, что утилитарная мораль с ее стремлением обеспечить большее благо большему числу людей — это классический пример рыночной оценки (которую, в свою очередь, можно считать особым случаем рационально-правового образа мысли)¹⁹⁹. Вспомните, что именно утилитаризм Чезаре Беккариа привел к пересмотру системы уголовного наказания, превратив его из утоления примитивной жажды мести во взвешенную политику сдерживания. Джереми Бентам прибег к логике утилитаризма, чтобы ослабить рационализации в пользу наказания гомосексуалов и жестокого обращения с животными, а Джон Стюарт Милль с ее помощью сформулировал первые феминистические идеи. В 1990-х Нельсон Мандела, Десмонд Туту и другие миротворцы отказались от карательного правосудия в пользу обнародования истины, амнистии и обоснованных наказаний для исполнителей самых отвратительных зверств. Это

движение национального примирения стало еще одним достижением на пути снижения насилия посредством обдуманно соразмерного его применения, наравне с политикой реагирования на международные провокации экономическими санкциями и тактиками сдерживания, а не ответными ударами.

Если новые теории психологии морали верны, тогда интуитивные представления об общности, власти, святости и табу являются частью человеческой природы и нам от них, скорее всего, никогда не избавиться, даже если мы попытаемся ослабить их влияние. Но это еще не причина для беспокойства. Реляционные модели можно комбинировать и интегрировать, а рационально-правовое мышление, которое стремится минимизировать суммарное насилие, способно оперативно задействовать другие ментальные модели безопасным образом²⁰⁰.

Если видоизмененное общинное распределение рассматривать как ресурс человеческой жизни и распространить на наш вид в целом, а не на отдельную семью, племя или нацию, оно послужит эмоциональным основанием абстрактного принципа прав человека. Мы все одна большая семья, и никто внутри нее не имеет права узурпировать жизнь и свободу другого. Распределение на основе авторитета поможет узаконить государственную монополию на насилие ради предотвращения еще большего насилия. А власть государства над своими гражданами может воплотиться в другое распределение на основе авторитета и принять форму демократических сдержек и противовесов, как, например, право

президента США накладывать вето на решения Конгресса и право Конгресса объявлять импичмент и смещать президента. Святыни и табу, которые их охраняют, можно привязать к ресурсам, которые мы считаем по-настоящему ценными, — жизни отдельных людей, национальные границы и запрет химического и ядерного оружия.

Изобретательное переключение психологии табу на службу миру исследовал недавно Скотт Атран в сотрудничестве с политологом Халилом Шикаки и психологами Джереми Джинджесом и Дугласом Медином²⁰¹. Теоретически мирные переговоры должны проводиться в рамках модели рыночной оценки. Когда противники складывают оружие, создается профицит средств, высвободившихся в результате сокращения военных расходов, так называемый дивиденд мира, и стороны примиряются, согласившись его разделить. Каждая сторона отказывается от завышенных запросов, чтобы получить свою долю профицита, которая превышает сумму, которая досталась бы им, если бы они покинули стол переговоров и продолжали воевать.

К несчастью, установка на сохранение святынь и незыблемость табу может спутать планы рациональных переговорщиков. Если ценность священна, тогда ее цена бесконечно высока и ее нельзя обменять ни на какую другую выгоду, как невозможно продать своего ребенка, сколько бы денег за него ни предлагали. Люди, охваченные националистической или религиозной лихорадкой, считают определенные ценности сакральными, например суверенитет над священной землей или признание факта зверств давнего прошлого. Предать их ради мира и процветания — табу. Сама мысль об

этом выставляет человека предателем, отступником, отщепенцем и изменником.

В одном смелом эксперименте исследователи не просто обеспечили себя обычной удобной выборкой из нескольких десятков студентов, заполняющих опросники ради денег на пиво. Они опросили реальных участников израильско-палестинского конфликта: более шести сотен еврейских поселенцев на Западном берегу реки Иордан, более 500 палестинских беженцев и более 700 палестинских студентов, половина из которых симпатизирует таким организациям, как ХАМАС или «Исламский джихад в Палестине». Ученым без труда удалось отыскать в каждой группе фанатиков, относившихся к своим требованиям как к священным ценностям. Почти половина израильских поселенцев отметила, что ни пяди израильской земли, в том числе Иудею и Самарию (Западный берег реки Иордан), израильтяне никогда не отдадут, неважно, насколько велика будет выгода. Более половины студентов-палестинцев сказали, что идти на компромиссы в вопросе суверенитета над Иерусалимом недопустимо, и неважно, насколько это может быть выгодно, а 80% беженцев утверждали, что компромисс в вопросе «права на возвращение» палестинцев в Израиль невозможен.

Исследователи разделили каждую из групп на три части и ознакомили участников с гипотетическим мирным договором, который требовал от одних сторон пойти на компромисс в вопросе священной ценности. Договор представлял собой двустороннее соглашение, по которому Израиль уходит с 99% территорий Западного берега и сектора Газа, но не обязан принимать палестинских беженцев. Как и ожидалось, предложение не пользовалось успехом.

Оно вызвало гнев и отвращение радикалов с обеих сторон, заявлявших, что при необходимости они прибегнут к насилию, чтобы противостоять такой сделке.

Для трети участников сделку подсластили денежной компенсацией от США и Евросоюза в размере миллиарда долларов в год в течение 100 лет в качестве гарантии, что люди будут жить в мире и процветании. Как и предполагалось, такие отступные побудили умеренных несколько смягчить сопротивление. Но радикалы, которых вынудили обдумывать запретный выбор, исполнились отвращения, гнева и готовности прибегнуть к насилию. Когда дело касается политико-религиозного конфликта, идея рационального агента себя не оправдывает.

Все это было бы достаточно грустно, если бы не замечание Тетлока, что многие из священных ценностей на самом деле псевдосвященные и их можно ослабить умелым рефреймингом запретного выбора. В третьем варианте гипотетического мирного договора к двустороннему соглашению было приложено чисто символическое заявление противника, в котором он поступался одной из собственных священных ценностей. В сделке, представленной израильским поселенцам, палестинцы «отказывались от всех заявлений о священном для них праве на возврат», или они «должны будут признать историческое и законное право еврейского народа на Землю Израильскую». В договоре, предъявленном палестинцам, Израиль «признавал законное и историческое право палестинцев на собственное государство и готов был извиниться за весь причиненный народу Палестины ущерб», или же он «отказывался от священного для

него права на Западный берег», или «символически признавал историческую законность права на возврат» (хоть и не давал никаких обещаний). Пустые, казалось бы, слова переломили ситуацию. В отличие от взятки деньгами или перспективой мирной жизни символическая уступка священной ценности, особенно если и противник признает ее важность для врага, уменьшала гнев и отвращение радикалов и их готовность прибегнуть к насилию. Конечно, радикалы с той и другой стороны не остались в меньшинстве, но пропорции изменились достаточно сильно, чтобы потенциально изменить результаты государственных выборов.

Область применения таких манипуляций психологией морали обширна. Найти *хоть что-то*, что может смягчить сопротивление израильских и палестинских фанатиков единственно возможному, по мнению мирового сообщества, способу разрешения конфликта почти чудо. Стандартные инструменты дипломатов, которые считают противников рациональными агентами и пытаются манипулировать выгодами и затратами мирного соглашения, могут вызвать обратный эффект. Если они хотят увидеть, как впереди забрезжит луч надежды, им лучше думать о противоборствующих сторонах как об агентах моральных и манипулировать символическими интерпретациями мирного соглашения. Нравственное чувство человека не всегда является препятствием к миру, но может им стать, если мышление в терминах святынь и табу ничем не ограничено. Только переориентировав его в соответствии с целями, поставленными разумом, мы можем достичь поистине высокоморального результата.

Осталось определить внешнюю, экзогенную причину сдвига нравственных интуиций, которые покидают области общности, власти и чистоты, направляясь в сторону справедливости, независимости и рациональности.

Первая очевидная сила — это географическая и социальная мобильность. Сегодня люди вовсе не обречены проводить жизнь в узком кругу семьи, деревни и племени, где конформность и солидарность — основа жизни, а остракизм и изгнание — социальная смерть. Они могут поискать удачи в других местах, познакомиться с альтернативными взглядами на мир и приблизиться к вселенской, всемирной морали, тяготеющей к правам личности, а не к шовинистическому благоговению перед группой.

По тем же причинам и открытые общества, где индивид благодаря собственным талантам, амбициям или удаче может повысить свой социальный статус, вряд ли сочтут механизм распределения на основе авторитета незыблемым законом природы, а скорее увидят в нем исторический артефакт или пережиток несправедливого прошлого.

Когда непохожие друг на друга люди общаются, торгуют и сотрудничают, добиваясь общих профессиональных и социальных целей высшего порядка, их интуитивные представления о чистоте размываются. В главе 7 упоминался один из примеров — бóльшая терпимость к гомосексуальности среди людей, лично знакомых с гомосексуалами. Хайт заметил, что, если поближе присмотреться к электоральной карте США, изучая не только общее разделение на голубые и красные штаты, но и более

мелкое — на голубые и красные округа, оказывается, что голубые округа, представляющие области, голосующие за более либеральных президентов, расположены вдоль побережий и крупных водных артерий. Именно в таких местах люди и их идеи особенно легко смешивались в эпоху, когда еще не было ни самолетов, ни федеральных автострад. Благодаря такому историческому преимуществу они стали крупными транспортными узлами, центрами торговли, прессы, науки и образования и по сей день остаются плюралистскими — и либеральными — областями. Хотя американский политический либерализм ни в коем случае не равен классическому либерализму, эти два течения совпадают в своей оценке моральных сфер. Микрогеография либерализма дает основания предполагать, что моральный тренд на отдаление от общности, власти и чистоты обусловлен влиянием мобильности и космополитизма²⁰².

Еще одна сила, способная расшатать основы общности, власти и чистоты — объективное изучение истории. Менталитет общности, замечает Фиск, считает группу вечной: она скреплена своей неизменной сущностью, а ее традиции восходят к началу времен²⁰³. Распределение на основе авторитета обычно тоже изображается существующим вечно, как порядок, предписанный богами или унаследованный от великой цепи бытия, формирующей Вселенную. И обе модели кичатся верностью благородству и чистоте как частью своей природной сути.

В этом пласте рационализаций настоящему историку рады не больше, чем скунсу на садовой вечеринке. Дональд Браун, прежде чем приняться за

исследования человеческих универсалий, пытался объяснить, почему индийская цивилизация, в отличие от соседней китайской, внесла столь небольшой вклад в серьезные исторические исследования²⁰⁴. Он предположил, что элиты наследственного кастового общества поняли, что рыскающие по архивам ученые ничего хорошего им не сулят — глядишь, наткнутся на свидетельства, опровергающие их претензии на происхождение от богов и героев. Браун на примере 25 цивилизаций Азии и Европы показал, что общества, расслоенные на наследственные классы, благосклонно воспринимают мифы, легенды, жизнеописания святых, но не поощряют историю, социологию, естественные науки, биографию как жанр, реалистическую портретную живопись и всеобщее образование. Не так давно националистические движения XIX и XX вв. нанимали бойких писак для сочинения лакированных историй о вечных ценностях и великом прошлом их наций²⁰⁵. Но в 1960-х и позже пересмотр истории, обнаживший поверхностные корни наций и явивший миру отвратительные злодеяния, травмировал не одну демократию. Закат патриотизма, трайбализма и доверия к иерархии отчасти заслуга новой историографии. Неслучайно содержание школьной программы и музейные экспозиции до сих пор вызывают ожесточенные споры либералов и консерваторов.

Хотя исторические факты лучшее противоядие от своекорыстных легенд, образы художественной литературы тоже способны переориентировать нравственное чувство аудитории. Героев множества историй мучил конфликт между моралью, определяемой как благонамеренность, послушание, патриотизм, следование долгу, закону или обычаям, и поступками, которые эта мораль с легкостью

оправдывает. В фильме 1967 г. «Хладнокровный Люк» тюремный надзиратель, запирая героя Пола Ньюмана в душном карцере, говорит: «Прости, я просто делаю свою работу. Ты должен меня понять». Люк отвечает: «Не-а, то, что ты называешь это своей работой, не оправдывает тебя, начальник».

Гораздо реже автору удается встряхнуть читателей, показав, что даже совесть может быть плохим советчиком в вопросах морали. Вспомним, как Гека Финна, сплавающегося на плоту по Миссисипи, внезапно охватывает чувство вины за то, что он помогает Джиму сбежать от его законного владельца и добраться до свободного штата:

Джим громко разговаривал все время, пока я думал про себя. Он говорил, что в свободных штатах он первым делом начнет копить деньги и ни за что не истратит зря ни единого цента; а когда накопит сколько нужно, то выкупит свою жену с фермы в тех местах, где жила мисс Уотсон, а потом они вдвоем с ней будут работать и выкупят обоих детей; а если хозяин не захочет их продать, то он подговорит какого-нибудь аболициониста, чтобы тот их выкрал.

От таких разговоров у меня по спине мурашки бегали. Прежде он никогда не посмел бы так разговаривать. Вы посмотрите только, как он переменялся от одной мысли, что скоро будет свободен! Недаром говорит старая пословица: «Дай негру палец — он заберет всю руку». Вот что, думаю, выходит, если действовать сгоряча, без соображения. Этот самый негр, которому я все равно что помогал бежать, вдруг набрался храбрости и заявляет, что он украдет своих детей, а я даже не знаю их хозяина и никакого худа от него не видал...

Совесть начала меня мучить пуще прежнего, пока, наконец, я не сказал ей: «Да оставь ты меня в покое! Ведь еще не поздно: я могу поехать на берег, как только покажется огонек, и заявить»... Все мои огорчения словно рукой сняло. Я стал глядеть, не покажется ли где огонек, и даже что-то напевал про себя. Наконец замигал огонек...

Он вскочил, приготовил челнок, положил на дно свою старую куртку, чтобы было мягче сидеть, подал мне весло, а когда я отчаливал, крикнул вслед:

— Скоро я прямо пойду плясать от радости, буду кричать, что это все из-за Гека! Я теперь свободный человек, а где ж мне было освободиться, если бы не он? Это все Гек сделал! Джим никогда

тебя не забудет, Гек! Такого друга у Джима никогда не было, а теперь ты и вовсе единственный друг у старика Джима.

Я греб, старался изо всех сил, спешил донести на него. Но как только он это сказал, у меня и руки опустились [\[135\]](#).

В этом душераздирающем отрывке совесть, руководствующаяся общими правилами, послушанием, чувством взаимности и сочувствия к незнакомцу, потянула Гека в неверном направлении, но прямой призыв к сочувствию со стороны друга (усиленный в уме читателя концепцией прав человека) вернул его на правильный путь. Вряд ли можно ярче изобразить уязвимость нравственного чувства человека перед его же противоречивыми убеждениями, большая часть из которых с нравственной точки зрения неверна.

РАЗУМ

Похоже, разум переживает не лучшие времена. Популярная культура все глубже погружается в пучину слабоумия, а американский политический дискурс превратился в гонку по нисходящей [206](#). Мы живем в эпоху научного креационизма, эзотерического вздора, многочисленных теорий заговора, спиритических сеансов и возрождения религиозного фундаментализма.

И словно этого расплзающегося абсурда недостаточно, комментаторы зачастую мобилизуют все силы своего ума лишь для того, чтобы доказать, что его значение преувеличено. В 2001 г., в первые недели после инаугурации Джорджа Буша-мл., авторы редакционных передовиц утверждали, что великому президенту не обязательно быть семи пядей во лбу, потому что доброе сердце и непоколебимые моральные принципы лучше, чем лукавая

научнообразная тарабарщина правителей, умных сверх меры. В конце концов, говорили они, именно выпускники Гарварда, лучшие и блестящие умы, втянули Америку в трясины Вьетнамской войны. Сторонники критической теории^[136] и постмодернисты на левом фланге и религиозные консерваторы на правом сходятся в одном: обе мировые войны и Холокост стали ядовитыми плодами древа познания и науки, которое западная культура возвращала со времен Просвещения²⁰⁷.

Даже ученые вносят свою лепту. Человеческие существа ведомы страстями, говорят психологи, они используют свой слабенький разум лишь для того, чтобы постфактум рационализировать внутреннее животное чутье. Поведенческие экономисты радостно демонстрируют, что человеческое поведение не согласуется с теорией рационального агента, а журналисты, освещающие их работы, в свою очередь не упускают возможности от души на этой теории оттоптаться. Подразумевается, что, если иррациональность неизбежна, нам остается только расслабиться и получать удовольствие.

В этом разделе, последнем перед заключительной главой, я попытаюсь убедить вас, что неверны как пессимистический взгляд на состояние рационального мышления в мире, так и ощущение, что иррациональность — это не так уж и плохо. При всей своей глупости современные общества становятся разумнее, а при прочих равных разумный мир — это мир, где меньше насилия.

Прежде чем перейти к доказательствам, позвольте мне отместить некоторые из предубеждений, касающихся разума. Теперь, когда президентский срок Джорджа Буша-мл. завершился, теория о

превосходстве неумных лидеров вызывает неловкость, основания для которой можно выразить количественно. Предпринимавшиеся в прошлом попытки измерить психологические черты публичных фигур, безусловно, не внушают доверия, но психолог Дин Саймонтон предложил для этого несколько надежных и валидных (в психометрическом смысле) и к тому же политически беспристрастных историометрических показателей²⁰⁸. Проанализировав данные 42 американских президентов, от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша, он обнаружил, что и сам по себе интеллект, и открытость новым идеям и ценностям в значительной мере коррелируют с достижениями конкретных президентов, как их оценивают независимые историки²⁰⁹. Хотя интеллект Джорджа Буша-мл. гораздо выше среднего по популяции, в списке президентов он оказался третьим с конца (и безнадежно последним по показателю открытости новому опыту — с твердокаменным показателем 0,0 по шкале от 0 до 100). Саймонтон опубликовал свою работу в 2006 г., когда Буш еще сидел в Белом доме, но и в трех более поздних исследованиях корреляция подтвердилась: Буш-мл. оказался на 37, 36 и 39-м месте из 42 президентов²¹⁰.

Что касается Вьетнама, предположение, что США избежали бы войны, если бы только советники Кеннеди и Джонсона были не так умны, кажется маловероятным: после того как они ушли со сцены, войну яростно продолжил Ричард Никсон, который никак не был ни лучшим, ни блестящим²¹¹. Зависимость между интеллектом президента и войной тоже измерима. С 1946 г. (с которого начинается набор данных PRIO) до 2008 г. IQ президентов был обратно пропорционален числу военных потерь США

в годы их президентства (с коэффициентом $-0,45$)²¹². Можно сказать, что с каждым дополнительным пунктом IQ президента число погибших в боях американцев снижается на 13 400 человек, но для ясности сформулируем так: три самых умных президента послевоенного периода, Кеннеди, Картер и Клинтон, не допускали участия страны в разрушительных войнах.

Мысль, что Холокост стал результатом Просвещения, абсурдна, если не омерзительна. Как мы знаем из главы 6, в XX в. не появился геноцид, а пришло понимание, что в геноциде есть что-то дурное. Технологическая и бюрократическая механика Холокоста мало повлияла на окончательное число его жертв, массовые убийства не зависят от новаций, о чем нам напоминают окровавленные мачете геноцида в Руанде. Нацистская идеология, как и национализм, романтический милитаризм и коммунизм той же эпохи, явилась продуктом Контрпросвещения XIX в., а не той линии мысли, что связывает Эразма, Бэкона, Гоббса, Спинозу, Локка, Юма, Канта, Бентама, Джефферсона, Мэдисона и Милля. Настоящая наука без труда доказывает, что научные претензии нацизма были смехотворно псевдонаучны. В недавнем блестящем эссе философ Яки Меншенфройнд критикует предположение, будто рациональная мысль Просвещения несет ответственность за Холокост:

Невозможно понять такую губительную стратегию, не признав, что нацистская идеология была по большей части не просто иррациональной — она была антирациональной. Она лелеяла языческое, дохристианское прошлое немецкого народа, переняла романтические идеи возврата к природе и «естественному» образу жизни, возвращала апокалиптические ожидания конца дней, когда завершится вечная расовая борьба. Отвержение рационализма, сопоставление его с презренным Просвещением пронизывает весь образ мысли нацизма; его идеологи постоянно подчеркивали противоречие между *weltanschauung*

(«мироощущением»), естественным и непосредственным восприятием мира, и welt-an-denken («миропониманием»), «разрушительной» интеллектуальной активностью, пропускающей реальность через концептуализацию, вычисление и теоретизацию. Вырожденческому почитанию разума либеральной буржуазией нацисты противопоставляли идею естественной, стихийной жизни, незатуманенной и необремененной никакими дилеммами и компромиссами²¹³.

И наконец, давайте рассмотрим предположение, что разум не способен устоять перед наплывом эмоций: хвост, который пытается вилять собакой. Психологи Дэвид Писарро и Пол Блум доказывают, что оно выросло из сверхинтерпретации феномена нравственного оцепенения и других инстинктивных реакций на моральные дилеммы²¹⁴. Даже если решение принимается на основе интуиции, сама интуиция — результат предшествующего морального рассуждения, которое могло совершаться или в самостоятельных раздумьях, или в спорах за обеденным столом, или через усвоение норм, сформулированных в предыдущих дебатах. Предметные исследования подтверждают, что в критические моменты жизни (например, женщина решает сделать аборт) или в переломные моменты в истории общества (борьба за гражданские права, права женщин и геев, участие страны в войне) люди предаются мучительным размышлениям и раздумьям. Мы видели, как мощные нравственные сдвиги начинались с идеи, ставшей результатом кропотливой мыслительной деятельности, идеи, которая, в свою очередь, сталкивалась с яростными возражениями. Но как только спор разрешен, одержавшее верх представление укореняется в человеческой душе и стирает все, что было до него. В наши дни вопрос, должны ли мы сжигать еретиков, держать рабов, сечь детей или колесовать преступников, вызывает недоумение, а ведь именно такие дебаты всерьез

велись столетия назад. Более того, Джошуа Грин, изучавший проблему вагонетки, сканируя мозг испытуемых, обнаружил и нейроанатомическую базу взаимных уступок интуиции и размышления: эти моральные способности опираются на разные нейробиологические структуры²¹⁵.

Когда Юм написал, что «разум является и должен быть только рабом страстей», он вовсе не имел в виду, что мы должны рубить сплеча, выходить из себя и по уши влюбляться не в тех, в кого надо²¹⁶. Он формулировал логическое утверждение: разум как таковой не более чем средство вывести одно верное заключение из другого, и для него не важен их нравственный смысл. Тем не менее существует ряд причин, почему разум, по словам Юма, объединяясь с «неким голубиным началом», имеющимся в нашей природе, должен «направлять решения нашего ума и в тех случаях, когда все явления одинаковы, трезво отдавать предпочтение тому, что полезно и служит человечеству, перед тем, что пагубно и опасно». Давайте рассмотрим те способы применения разума, что дают нам надежду на снижение уровня насилия.

Хронологический порядок, в котором Гуманитарной революции предшествуют Век разума и научная революция, напоминает нам об одной из основных причин — той, что отражена в остроте Вольтера: абсурд ведет к зверствам. Разоблачение вздора, вроде того что боги требуют жертвоприношений, ведьмы накладывают заклятья, еретики попадают в ад, евреи отравляют колодцы, животные ничего не чувствуют, дети одержимы, африканцы звероподобны, а короли — помазанники

Божьи, неизбежно подрывает многие обоснования насилия.

Второй умиротворяющий эффект разума состоит в том, что он неотделим от самоконтроля. Помните, что эти две черты статистически коррелируют, а их физиологические основы в структурах мозга частично совпадают²¹⁷. Именно разум, просчитывая долговременные последствия своих действий, мотивирует наше «я» контролировать себя.

К тому же самоконтроль — это не просто избегание опрометчивых выборов, способных повредить нашему будущему «я». Это еще и подавление некоторых базовых инстинктов ради мотивов, которые кажутся нам более достойными. Применяя изощренные лабораторные методы — измеряя скорость ассоциации белых и черных лиц со словами «плохой» и «хороший» и наблюдая за активностью миндалины в нейровизуализационных экспериментах, ученые показали, что у многих белых людей наблюдается небольшая висцеральная негативная реакция на афроамериканцев²¹⁸. Но глубокие изменения в установках относительно афроамериканцев, которые высказывают белые (см. рис. 7–6, 7–7 и 7–8), а также несомненная уживчивость представителей разных рас, живущих и работающих бок о бок, показывают, что люди способны отдать здравым рассуждениям приоритет над предвзятостью.

Мышление может взаимодействовать и с нравственным чувством. Каждая из четырех реляционных моделей, рождающих моральные побуждения, характеризуется определенным стилем мышления. Каждый из них можно соотнести с математической шкалой, и каждый снабжен

собственным набором когнитивных интуиций²¹⁹. Общинное распределение мыслит категориями «все» или «ничего» (это называется номинальной шкалой) — человек или принадлежит к избранной группе, или же нет. Этот тип мышления опирается на интуитивную биологию и принадлежащие ей представления о чистой сущности и возможных загрязнителях. Распределение на основе авторитета использует порядковую шкалу — линейное ранжирование иерархии доминирования. Ее когнитивное устройство — интуитивная физика пространства, силы и времени: людям высокого ранга приписываются больший размер, сила, рост и первый номер в ряду. Соблюдение равенства измеряется на шкале интервалов, что позволяет сравнить два количества и выяснить, какое из них больше; однако оно не имеет представления о пропорциональности. Соблюдение равенства опирается на такие процедуры, как размещение на одной оси, расчет по порядку или сравнение на шкале весов. Только рыночная оценка (и рационально-правовое мышление, частью которого она является) позволяет размышлять с точки зрения пропорциональности. Рационально-правовая модель требует неинтуитивных инструментов математики символов, таких как дроби, проценты и возведение в степень. И как я упоминал, рыночная оценка доступна далеко не всем, ибо требует навыков счета и письма, обогащающих мыслительный аппарат.

То, что слово «пропорциональность» имеет не только математический, но и моральный смысл, не просто совпадение. Только проповедники да поп-певцы могут заявлять, что насилие когда-нибудь полностью исчезнет с лица земли. Некоторая степень насилия, пусть даже и потенциального, будет нужна всегда. Нам необходимы полиция и армия, чтобы

обуздать разбой или обезоружить тех, кого невозможно сдержать. Тем не менее есть большая разница между тем минимумом насилия, что необходим для предотвращения насилия крупного, и вспышками ярости, которые неподготовленный разум превращает в жестокие акты самосуда. Вульгарное желание расплаты в духе «око за око», особенно поддержанное эгоистичными предубеждениями, порождает множество видов избыточного насилия, включая жестокие и несоразмерные наказания, безжалостные избиения непослушных детей, разрушительные ответные удары в войнах, смертельную месть за бытовые оскорбления и жестокое подавление оппозиции дрянными правительствами развивающегося мира. Поэтому многие моральные достижения заключались не в полном отказе от применения силы, но в применении ее в тщательно отмеренной дозе. В качестве примера можно назвать реформу системы уголовных наказаний, вызванную утилитарными доводами Беккариа, умеренное наказание детей просвещенными родителями, гражданское неповиновение и пассивное сопротивление, которое не переходит в насилие, взвешенный ответ современных демократий на провокации (военные маневры, предупредительные выстрелы, хирургически точные удары по военным сооружениям) и частичную амнистию в рамках примирения страны после гражданского конфликта. Эти способы снижения уровня насилия требуют чувства пропорциональности, привычки мышления, которая не появляется сама по себе — ее нужно возвращать сознательно.

Разум может противостоять насилию, если он распознает его как ментальную категорию и

рассматривает как проблему, которую нужно решить, а не как борьбу, в которой нужно одержать победу. Во времена Гомера греки считали свои опустошительные войны делом рук садистов-кукловодов с горы Олимп²²⁰. Конечно, чтобы придумать такое, необходимо прибегнуть к абстракции и подняться над точкой зрения, в которой вина за войну возлагается на вечно коварных врагов. Однако, обвиняя в своих бедах богов, простые смертные не отыщут практических возможностей снизить число войн. Развенчание войны с позиций морали тоже выделяет ее как сущность, но не подсказывает, что делать, когда чужая армия уже готовится перейти границу. Настоящие перемены пришли с сочинениями Гроция, Гоббса, Канта и других мыслителей Нового времени: они переосмыслили войну как проблему теории игр, открыв тем самым возможности для решения этой проблемы с помощью работающих на упреждение институциональных механизмов. Столетия спустя некоторые из этих механизмов, такие как кантовская триада «демократизация, торговля и международное сообщество», помогли снизить число войн в годы Долгого и Нового мира. А кубинский ракетный кризис был спущен на тормозах, когда Кеннеди и Хрущев сознательно переосмыслили его как ловушку, из которой обоим нужно выбраться, не потеряв лица.

Ни один из этих доводов в пользу рациональности не противоречит мысли Юма, что рациональность всего лишь средство достижения цели и эта цель зависит от страстей мыслящего. Разум может проложить путь к миру и гармонии, если мыслящий хочет мира и гармонии. Но он же может начертить маршрут к войне и раздору, если мыслящий хочет войны и

раздора. Можно ли ожидать, что рациональность будет направлять мыслящего к *желанию* снизить насилие?

Рассуждая строго логически, ответ должен быть отрицательным. Однако сделать его положительным не так уж сложно. Все, что нам нужно, — это соблюдение двух условий. Первое — мыслящие пекутся о собственном благополучии: они предпочитают жить, а не умереть, сохранить все части тела в целости, а не лишиться их и проводить свои дни в комфорте, а не в страданиях. С позиций строгой логики они не обязаны иметь таких пристрастий. Но любой продукт естественного отбора — абсолютно любой агент, которому удалось противостоять атакам энтропии достаточно долго, чтобы вообще начать размышлять, — по всей вероятности, будет их иметь.

Второе условие: мыслящие должны быть частью сообщества других агентов, которые могут влиять на их благополучие, обмениваться сообщениями и понимать рассуждения друг друга. Это предположение тоже не является логически необходимым. Можно представить себе Робинзона Крузо, размышляющего в одиночестве, или Императора галактики, который для своих подданных недостижим. Но, поскольку эволюция работает в популяциях, естественный отбор не смог бы произвести на свет одинокого мыслителя, а *Homo sapiens* в особенности не просто разумное животное, но животное социальное и использующее язык. Что касается Императора, то корона, как известно, тяжела. Даже он, в принципе, должен держать в уме вероятность потери власти, после чего ему придется иметь дело со своими бывшими подданными.

Как мы прочли в конце главы 4, эгоизм человека и его общественный инстинкт при содействии разума конструируют мораль, цель которой — ненасилие. Насилие — это дилемма заключенного, в которой каждая сторона может выиграть за счет другой, но будет лучше, если никто не предпримет такой попытки, потому что из схватки, вызванной взаимным своекорыстием, участники выйдут ранеными и окровавленными, если не мертвыми. По условиям дилеммы в том виде, в каком она сформулирована специалистами по теории игр, сторонам нельзя вступать в контакт, но даже если бы у них была такая возможность, у них не было бы оснований доверять друг другу. Однако в реальной жизни люди ведут переговоры и подкрепляют свои обязательства эмоциональными, социальными и юридическими гарантиями. Если одной стороне нужно уговорить другую не вредить ей, у нее не остается иного выбора, кроме как самой пообещать не вредить. Как только некто говорит «тебе же будет хуже, если ты меня заденешь», он соглашается, что «мне же будет хуже, если я задену тебя», потому что с точки зрения логики нет разницы между «ты» и «я». (В конце концов, в беседе их значение меняется со сменой говорящего.) Как сказал философ Уильям Годвин, «что за волшебство содержится в местоимении “мое”, что мы можем оправдаться им, опровергая суждения беспристрастной истины?»²²¹ Точно так же разум не видит разницы между Майком и Дэйвом, или Лизой и Эми, или любой другой парой индивидов, потому что с точки зрения формальной логики все они просто иксы и игреки. Поэтому, пытаясь убедить другого не вредить вам и называя причины, почему он не должен этого делать, вы неизбежно берете на себя обязательство избегать причинения вреда ему —

теперь это ваша общая задача. Если вы гордитесь своим разумом, стремитесь расширить сферу его применения, пользуетесь им, убеждая других, вы будете вынуждены прибегать к нему и для достижения общих целей, в том числе цели избежать насилия²²².

Люди, конечно, не явились на свет в состоянии Первородного Разума. Мы произошли от обезьян, провели сотни тысячелетий в небольших группах и развивали свои когнитивные процессы ради целей охоты, собирательства и общения. Только постепенно, с появлением грамотности, городов, дальних путешествий и коммуникации, наши предки смогли взрастить в себе способность рассуждать и применять эту способность к широкому кругу проблем — процесс, который все еще продолжается. Так как коллективный разум со временем совершенствуется, можно рассчитывать, что он будет все дальше вытеснять близорукие позывы к насилию и ко все большему числу рациональных агентов мы будем относиться так, как хотели бы, чтобы относились к нам.

Когнитивные способности человека не обязательно должны были эволюционировать в этом направлении. Но даже если наша незамкнутая система рассуждений развивалась ради решения бытовых задач вроде приготовления еды и укрепления союзов, ее невозможно удержать от производства предположений, вытекающих из других предположений. Когда вы обретаєте родной язык и начинаете понимать слова «Вот кот, который пугает и ловит синицу», ничто не мешает вам понять и фразу «Это веселая птица-синица, которая часто ворует пшеницу». Когда вы понимаете, как сложить 37 и 24, ничто не помешает вам сложить 32 и 47. Когнитивные

психологи называют это умение системностью и объясняют его комбинаторной способностью нейронных систем, отвечающих за язык и мышление²²³. Так что, если представители вида в силах взывать к разуму друг друга и у них достаточно возможностей его использовать, раньше или позже они осознают взаимную выгоду ненасилия и других форм учета интересов друг друга и начнут все чаще к ним прибегать.

Перед нами теория расширяющегося круга, как первоначально сформулировал ее Питер Сингер²²⁴. Хотя я позаимствовал эту метафору, чтобы дать имя историческому процессу, в рамках которого расширяющиеся познания побуждали людей сочувствовать все более отличающимся группам других людей, сам Сингер имел в виду не столько эмоции, сколько интеллект. Сингер — истинный философ, он утверждает, что за тысячелетия существования люди смогли буквально *додумать* до большего уважения интересов других. И это уважение невозможно ограничить только лишь интересами людей, с которыми мы сталкиваемся в узком кругу общения. Если в своем поведении вы руководствуетесь принципами, то не будете предпочитать себя другим и не сможете отдавать предпочтение членам своей группы перед представителями других групп. Сингер был убежден, что этический круг расширяет не благодушная эмпатия, в трезвый рассудок:

Начать мыслить — словно шагнуть на эскалатор, который движется вверх за пределы видимости. Как только мы делаем первый шаг, расстояние, которое нам придется проехать, уже не зависит от нашей воли и мы не можем знать заранее, где остановимся...

Не зная, что такое эскалатор, мы можем запрыгнуть на него, желая проехать лишь пару метров, и обнаружить, что, стоя там, очень трудно не проехать весь путь до конца. Точно так же, как

только рассуждение началось, сложно сказать, где оно закончится и куда нас приведет. Идея непредвзятой защиты чьих-либо действий возникает благодаря социальной природе человека и требованиям совместного существования, но в умах разумных существ она опирается на собственную логику, которая выходит за рамки группы²²⁵.

Сингер описывает историческую последовательность расширения этического круга, начиная с греков, чей круг был ограничен городом-государством, что ненамеренно забавно иллюстрирует эпитафия на могиле середины V в. до н.э.:

Этот памятный знак установлен над телом очень хорошего человека. Пифион из Мегариды убил семерых и сломал семь наконечников копий в их телах... Этот человек, спасший три афинских полка... не сделал зла никому из живущих на земле и сошел в подземный мир прославленным в глазах всех²²⁶.

Платон несколько расширил круг, доказав, что греки должны спасать других греков от истребления и порабощения, оставив эту горькую судьбу на долю тех, кто не принадлежит к их племени. Несколько позже европейцы распространяли правило не брать рабов на всех жителей Европы, но вот африканцы считались честной добычей. Сегодня, разумеется, рабство полностью под запретом.

Единственная проблема с метафорой Сингера в том, что история развития морали больше похожа не на эскалатор, а на лифт, который застревает на этаже на целую вечность, затем подскакивает на следующий этаж, где также стоит какое-то время, и так далее. В истории длиной в два с половиной тысячелетия Сингер обнаружил только четыре круга разного размера, а значит, наш эскалатор одолевает один лестничный пролет за 625 лет. Не очень-то плавно он движется. Сингер признает неравномерность морального прогресса и считает, что причина тому — дефицит великих мыслителей:

Что касается времени и шанса на появления пытливого духа, история — это череда случайностей. Тем не менее, если мышление расцветает в границах привычной морали, прогресс в долгосрочном периоде не случаен. Время от времени будут появляться на свет выдающиеся мыслители, которые озаботятся пределами, которыми обычай ограничивает мышление, потому что мышление по природе своей не любит знаков «вход воспрещен». Мышление по определению склонно к экспансии. Оно ищет универсального применения. Каждое новое его применение, если оно не сдастся под натиском противоборствующих сил, станет частью территории мышления, завещанной грядущим поколениям²²⁷.

Однако остается загадкой, почему эти выдающиеся мыслители так редко выходят на историческую сцену и почему экспансия мышления должна продвигаться столь медленно. Почему разуму человека требуются тысячи лет, чтобы прийти к заключению, что есть что-то чуточку неправильное в рабстве? Или в порке детей, насиловании женщин, уничтожении коренных народов, заключении гомосексуалов в тюрьму или в развязывании войн, призванных умаслить задетое самолюбие королей? Не надо быть Эйнштейном, чтобы до этого додуматься.

Может быть, теория эскалатора разума исторически неверна и по пути морального прогресса человечество шло за сердцем, а не за головой. Может быть, Сингер прав, хотя бы отчасти, но его эскалатор приводится в движение не только появлением время от времени выдающихся мыслителей, но и совершенствованием мышления каждого отдельного человека. Вероятно, мы становимся лучше, потому что становимся умнее.

Верьте или нет, мы действительно становимся умнее. В начале 1980-х философ Джеймс Флинн воскликнул: «Эврика!», заметив, что компании, разрабатывающие тесты IQ, время от времени заново нормируют шкалу

баллов²²⁸. По определению средний балл IQ должен быть равен 100, но нужно учитывать, что доля правильных ответов — это случайное число, которое зависит от того, насколько сложны вопросы. Компании, продающие тесты, должны связывать шкалу числа корректных ответов и шкалу баллов IQ по специальной формуле, но эта формула постоянно начинает давать сбои. Средние баллы коэффициента интеллекта десятилетиями ползли вверх, и, для того чтобы средний балл оставался равным 100, формулу регулярно приходилось менять таким образом, что испытуемым нужно было давать все больше правильных ответов, чтобы заработать все тот же балл IQ. Иначе нам грозила бы IQ-инфляция.

Флинн осознал, что эта инфляция не из тех, которые нужно сдерживать, — она сообщает нам нечто важное о новейшей истории и о человеческом разуме. Новые поколения, отвечая на те же вопросы, что предлагались их родителям, а еще раньше — дедам, дают больше правильных ответов. Какие бы умения ни измеряли тесты IQ, новые поколения, похоже, овладевают ими успешнее. В XX в. тесты IQ проводились на крупных выборках по всему миру, а в некоторых странах тестировались все школьники и призывники поголовно. Благодаря этому у нас есть возможность начертить график изменений коэффициента интеллекта в этих странах в зависимости от времени. Флинн обшарил весь мир в поисках наборов данных, где были бы собраны результаты одних и тех же тестов IQ за многие годы или же правила подсчета баллов позволяли бы сопоставить данные разных тестов. Результат был одинаков в каждой выборке: баллы IQ со временем возросли²²⁹. В 1994 г. Ричард Хернштейн и политолог

Чарльз Мюррей окрестили этот феномен эффектом Флинна, и название прижилось²³⁰.

Эффект Флинна был обнаружен в 30 странах, в том числе в странах развивающегося мира. Он наблюдается с тех самых пор, как тесты IQ начали массово применяться в годы Первой мировой войны²³¹. Более того, один из первых британских наборов данных позволяет предположить, что эффект Флинна мог начаться с когорты британцев, рожденных в 1877 г. (тестировали их, конечно, во взрослом возрасте)²³². Прирост не мал: в среднем три пункта IQ (одна пятая стандартного отклонения) за десять лет.

Следствия эффекта Флинна захватывают дух. Если бы сегодняшний среднестатистический подросток отправился назад во времени в 1950 г., его IQ там был бы равен 118 баллам. Попав в 1910 г., он набрал бы уже 130 баллов, оказавшись умнее 98% своих современников. Да, вы не ошиблись: если принять эффект Флинна за чистую монету, окажется, что типичный человек сегодня умнее 98% людей, живших в 1910 г. Можно представить это еще нагляднее: в наши дни типичный человек 1910 г. по результатам теста IQ получил бы 70 баллов, что граничит с умственной отсталостью. Что касается прогрессивных матриц Равена — теста, который, как говорят, точнее всего измеряет общий интеллект, здесь прирост еще выше. По ним обычный человек 1910 г. в наши дни получил бы 50 баллов, попав в центр промежутка умственной отсталости, между «умеренной» и «мягкой» отсталостью²³³.

Нам явно не стоит принимать эффект Флинна за чистую монету. Мир в 1910 г. не был населен людьми, которых сегодня сочли бы умственно отсталыми.

Многие исследователи искали способ избавиться от эффекта Флинна, но ни один из очевидных способов не сработал. Левые эгалитарянцы и правые, убежденные, что «каждый-может-добиться-успеха-надо-только-как-следует-постараться», долго пытались подорвать саму идею интеллекта и инструментов, которые, как утверждается, его измеряют. Но ученые, изучающие индивидуальные различия, практически единодушны: интеллект можно измерить, он относительно стабилен на протяжении жизни индивида и предсказывает академическую и профессиональную успешность на каждом уровне шкалы²³⁴. Вероятно, подумаете вы, дети стали лучше справляться с тестами, потому что школы десятилетиями натаскивают их на эти тесты до скрежета зубного. Но, как подчеркивает Флинн, IQ стабильно растет и в периоды, когда популярность тестирования снижается²³⁵. Тогда, может быть, ответы на вопросы теста (например, «Кто написал Ромео и Джульетту?») знает теперь каждый, или же слова из раздела словарных перешли в повседневную речь, или детей стали раньше обучать элементарной математике? Нет, самый большой прирост в тестах IQ отмечается в вопросах, которые проверяют не знания, словарный запас или умение считать²³⁶. Они обнаружены в заданиях, требующих абстрактного мышления: в задачах на сходство («Что общего у килограмма и сантиметра?»), на поиск аналогий («Птица относится к яйцу так же, как дерево к чему?») и решение визуальных матриц (где столбцы и строки таблицы заполнены геометрическими фигурами и испытуемые должны понять, что нарисовать в свободной клеточке справа внизу — например, слева направо в каждом ряду фигура может приобретать или терять линию, а затем какая-то ее часть

заштриховывается). Число правильных ответов в разделах, проверяющих словарный запас и математику, росло очень медленно, а в тестах, подобных SAT, которые почти полностью состоят из заданий такого типа, в некоторых возрастных группах в отдельные годы даже несколько уменьшалось²³⁷. Рис. 9–2 показывает прирост IQ в целом и в отдельности по некоторым разделам теста с конца 1940-х гг. в США.

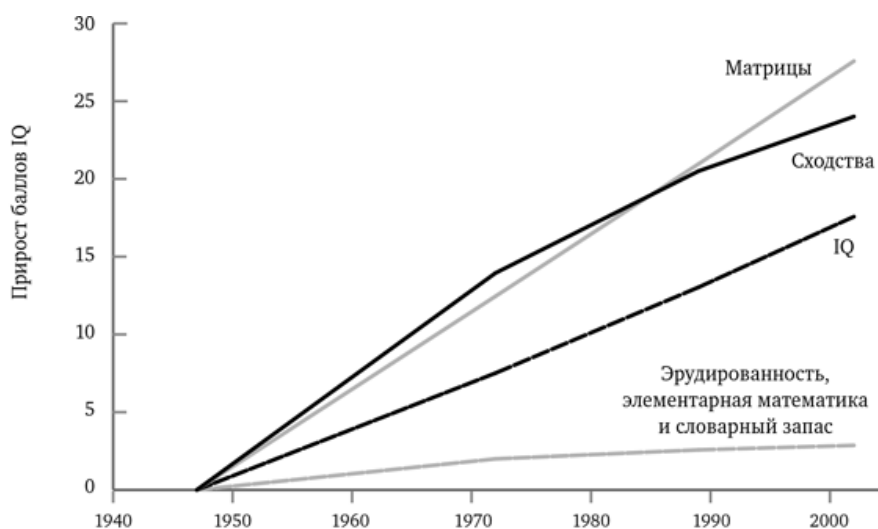

РИС. 9–2. Эффект Флинна: прирост баллов IQ, 1947–2002 гг.

Источник: Flynn, 2007, p. 8

Эффект Флинна стал научной сенсацией: если сосредоточиться только на улучшениях в разделах «Матрицы» и «Сходства», можно подумать, что в эти десятилетия вырос уровень *общего интеллекта*. «Матрицы» и «Сходства» считаются наилучшим инструментом измерения общего интеллекта: полученные результаты коррелируют с тем, насколько хорошо испытуемый справляется со множеством других разнородных тестов. Эту тенденцию назвали *g*, и существование *g* считается важнейшим открытием в области тестирования когнитивных способностей²³⁸. Какие бы задания, измеряющие интеллект, как мы его понимаем, ни предлагались людям — математика, словарный запас, геометрия, логика, понимание

текста, фактические знания, — те, кто хорошо справляется с одним из них, так же хорошо справляется и с остальными. Это далеко не очевидный факт. Все мы слышали о косноязычных гениях математики и красноречивых поэтах, не способных умножить два на два, и можно было бы подумать, что различные виды интеллекта конкурируют за ресурсы мозга: чем больше нервной ткани выделяется для математики, тем меньше остается для языка и наоборот. Это не так. Действительно, одним лучше прочих дается математика, а другие намного успешнее в языке, но в популяции в целом эти два таланта — как и все прочие таланты, которые мы ассоциируем с концепцией интеллекта, — как правило, взаимосвязаны.

Более того, общий интеллект в высшей степени наследуем, и семейное окружение влияния на него практически не оказывает (хоть он и подвержен влиянию окружения культурного)²³⁹. Мы это знаем, потому что показатели g строго коррелируют у взрослых идентичных близнецов, разлученных при рождении, и не коррелируют у приемных и сводных братьев и сестер, выросших в одной семье. Кроме того, общий интеллект коррелирует с некоторыми свойствами нейронной структуры мозга и особенностями его функционирования, в том числе со скоростью обработки информации, общим размером мозга, толщиной слоя серого вещества в коре больших полушарий и с плотностью белого вещества, соединяющего области коры²⁴⁰. Скорее всего, g отражает суммарный эффект многих генов, каждый из которых в какой-то мере влияет на функционирование мозга.

Сенсацией стало то, что эффект Флинна почти наверняка обусловлен средой. Скорость естественного отбора ограничена, она измеряется поколениями, но эффект Флинна наблюдается в масштабе десятилетий и даже лет. Флинну удалось также исключить из числа объяснений эффект улучшения в питании, общее состояние здоровья и неродственное скрещивание (брак, заключенный вне локального сообщества)²⁴¹. Что бы ни вызывало эффект Флинна, причины нужно искать скорее в *информационной* среде, а не в генах, диете, вакцинах или расширении круга возможных брачных партнеров.

Прорывом в разрешении загадки эффекта Флинна стало осознание, что он отражает вовсе не рост общего интеллекта²⁴². Если бы это было так, баллы выросли бы по всем разделам, включая словарный запас, математику и тесты на запоминание, — в той степени, в которой каждый из них коррелирует с g . В действительности же рост сконцентрировался в разделах вроде «Сходства» и «Матрицы». Каким бы ни был загадочный фактор, он затрагивает далеко не все стороны интеллекта — не силу природного ума, а способности, необходимые для получения высоких баллов в тестах на абстрактное мышление.

Наиболее вероятным кажется предположение, что причин у эффекта Флинна несколько и в разные периоды XX столетия они действовали с разной силой. Улучшения в разделе визуальных матриц могли быть вызваны высокотехнологичной и насыщенной символами окружающей средой, которая заставляет людей анализировать визуальные паттерны и связывать их с абстрактными правилами²⁴³. Но умение ловко управляться с образами вряд ли объяснит прирост интеллекта в областях, важных для

размышлений на темы морали. Флинн определил обретенную нами способность как *постнаучное* (в противоположность *донаучному*) мышление²⁴⁴. Возьмем для примера типичный вопрос IQ-теста из раздела «Сходства»: «Что общего у собак и кроликов?» Ответ, очевидный для нас, звучит так: они оба млекопитающие. Но в 1900 г. американцы легко могли ответить: «Собаки помогают охотиться на кроликов». Разница, замечает Флинн, в том, что сегодня мы спонтанно классифицируем мир в категориях науки, но еще не так давно «правильный» ответ казался заумным и не имеющим отношения к делу. «Да кому какая разница, млекопитающие они или нет?» — представляет себе Флинн реакцию испытуемого в 1900 г. «Для него была совершенно не важна эта информация о собаках и кроликах. Важны ориентация в пространстве и времени, знание, какие вещи можно использовать и какие явления подвластны нашему контролю»²⁴⁵.

Флинн говорит за людей, которых уже нет в живых, но такой стиль мышления был действительно описан психологами, изучавшими мышление примитивных народов, в том числе Майклом Коулом и Александром Лурией. Лурия записывал разговоры с советскими крестьянами из глубинки, которым он задавал вопросы о сходствах, похожие на те, что используются в IQ-тесте:

В: Что общего у рыбы и вороны?

О: Рыба — она живет в воде. Ворона летает. Если рыба плавает у поверхности, ворона может ее поймать. Ворона может съесть рыбу, а рыба не может съесть ворону.

В: Вы можете назвать их одним словом (например, животными)?

О: Называть их «животными» будет неправильно. Рыба не животное, и ворона тоже... Человек ест рыбу, а ворону не ест.

Собеседники Лурии отвергали и чисто гипотетический способ мышления — стадию интеллектуального развития, которую Жан Пиаже называл формальными операциями (в отличие от конкретных).

В: На Крайнем Севере, где снег, все медведи белые. Новая Земля — это Крайний Север. Какого цвета там медведи?

О: Я видел только черных медведей, я не говорю о том, чего не видел.

В: Но на какую мысль наводят мои слова?

О: Если человек не был там, он не может ничего утверждать, опираясь только на чужие слова. Если человеку шестьдесят или восемьдесят лет и он видел белого медведя и рассказал об этом — ему можно верить²⁴⁶.

Флинн замечает: «Крестьяне полностью правы. Они понимают разницу между аналитической и синтетической пропозицией: чистая логика не может утверждать ничего о фактах; важен только опыт. Но если бы им сегодня пришлось проходить тестирование интеллекта, это сослужило бы им плохую службу». Современные IQ-тесты требуют абстрактного, формального мышления — умения отказаться от узкого, ограниченного знания и исследовать выводы из чисто гипотетических постулатов.

Если Флинн прав и основная причина эффекта Флинна — усиление тенденции смотреть на мир сквозь, как он сформулировал, «научные очки», тогда каковы экзогенные причины доступности этих очков? Очевидный ответ: школьное образование. Мы знаем, что обучение помогает подросткам перешагнуть со стадии конкретных операций Пиаже на стадию формальных операций, хотя и не всем, даже обучаясь в школе, удастся совершить этот переход²⁴⁷. На протяжении XX в. детям по всему миру приходилось все больше времени проводить за партой. В 1900 г. средний американец имел семилетнее образование, а

четвертая часть граждан США обучалась в школе меньше четырех лет²⁴⁸. Только в 1903 г. старшие классы стали обязательными.

За прошедшие 100 лет суть школьного образования изменилась. В начале XX в. дети на уроках чтения вставляли и зачитывали вслух тексты из учебника. Как заметил исследователь образования Ричард Ротштейн, «многие из солдат Первой мировой проваливали базовые тесты на письменный интеллект отчасти потому, что, хотя они и посещали школу несколько лет и научились читать вслух, в армии от них требовали еще и понимать и интерпретировать прочитанное — навык, которому многие из них никогда не учились»²⁴⁹. Другой исследователь, Джереми Дженовезе, проследил, как в XX в. менялись цели образования, проанализировав содержание вступительных экзаменов в старшую школу в 1902–1913 гг. и сравнив их с тестами, которые проходили ученики того же возраста в 1990-х²⁵⁰. Когда дело касается фактических знаний, сегодня от подростков ожидают меньшего. Например, в итоговом тестировании по разделу «География» учеников просят показать США на карте мира! От их прабабушек и прадедушек требовалось «назвать штаты, которые пересекаешь, двигаясь по меридиану от города Колумбуса в штате Огайо к Мексиканскому заливу, а также назвать и показать столицу каждого». С другой стороны, типичный вопрос теста сегодня требует от студентов умения обращаться с долями, величинами, вероятностями и базовой экономикой:

Люди живут в местности, где мало питьевой воды. Чего им не следует делать, управляя своими водными ресурсами:

- а) увеличивать потребление воды;
- б) покупать воду у соседей;
- в) устанавливать сберегающие воду устройства в домах;

г) повышать тарифы на воду.

Любой, кто понимает смысл понятия «закон спроса и предложения», осознает, что вариант г) не может быть правильным. Но если вы просто представляете себе вид бассейна, из которого жители берут воду, связь между тем, сколько она стоит и как быстро бассейн осушается, неочевидна.

Флинн предположил, что в XX в. научное мышление из школ и других институций проникло в мышление повседневное. Все больше людей заняты в профессиях, требующих умения манипулировать символами, а не растениями, животными и машинами. У людей появилось больше времени для отдыха, и они тратят его на чтение, играют в комбинационные игры и стараются не отстать от прогресса. Как предполагает Флинн, научный образ мышления проник и в ежедневный дискурс в форме кодов абстракции. Код абстракции — это добытый ценой больших усилий инструмент технического анализа, который, будучи однажды усвоен, позволяет людям без труда манипулировать абстрактными закономерностями. Любой, кто способен прочесть эту книгу, даже если он и не изучал науку и философию, вероятно, усвоил сотни таких абстракций из обычного чтения, разговоров и СМИ. В их числе «пропорциональность», «процент», «корреляция», «причинность», «контрольная группа», «плацебо», «представительная выборка», «ложноположительный результат», «эмпирический», «апостериорный», «статистический», «медиана», «изменчивость», «порочный круг при доказательстве», «компромисс», «анализ экономической эффективности». Но каждая из них — даже такая близкая и понятная, как процент, — когда-то просочилась вниз из академических и прочих интеллектуальных источников знания, а на

протяжении XX в. все чаще использовалась в печати²⁵¹.

Но не только интеллигенция переняла коды абстракции от технократии. Лингвист Джеффри Нанберг прокомментировал строки Брюса Спрингстина из песни «Река»: «Я работал на стройке на компанию “Джонстаун”. Потом работы стало мало, все дело в экономике». Только в последние 40 лет, замечает Нанберг, обычные люди говорят об «экономике» как о природной силе со своими последствиями — вроде погоды²⁵². Раньше они могли сказать: «Потому что времена тяжелые». Или, мог бы добавить Нанберг, по вине евреев, или негров, или богатых крестьян.

Теперь мы можем объединить две главные идеи этого раздела: умиряющий эффект разума и эффект Флинна. У нас есть основания предположить, что возросшая мощь разума, а именно способность пренебречь непосредственным опытом, отказаться от узкой точки зрения, формулировать идеи в абстрактных, обобщенных терминах, побудит нас брать на себя и бóльшие моральные обязательства, в том числе обязательство избегать насилия. И как мы только что узнали, на протяжении XX в. умственные способности людей, в частности умение пренебречь непосредственным опытом, отказаться от узкой точки зрения и мыслить абстрактными понятиями, стабильно укреплялись. Можем ли мы объединить эти две идеи и объяснить спады насилия, зафиксированные во второй половине XX столетия, — Долгий мир, Новый мир и революции прав? Существует ли *моральный* эффект Флинна, когда

ускоряющийся эскалатор разума уносит нас прочь от импульсов, порождающих насилие?

Такое предположение не безумно. Когнитивный навык, сильнее прочих улучшившийся в эффекте Флинна, состоит в умении абстрагироваться от конкретных деталей непосредственного опыта — и это как раз то, что нужно, чтобы мысленно встать на место другого и расширить круг существ, достойных моральной заботы. Сам Флинн очертил эту связь, пересказав разговор со своим отцом-ирландцем, родившимся в 1884 г., — человеком весьма умным, но не очень образованным:

Мой отец таил в душе столько ненависти к англичанам, что там оставалось мало места для предубеждений против какой-либо другой группы. Но он был в какой-то степени еще и расистом, и мы с братом пытались его переубедить. «А вот если бы ты проснулся однажды утром и обнаружил, что твоя кожа стала черной? Неужели это сделало бы тебя человеком второго сорта?» Отец парировал: «Что за чушь вы несете! Не бывает такого, чтобы кожа человека за ночь почернела!»²⁵³

Подобно крестьянину, размышляющему о цвете медведей, отец Флинна застрял в конкретном, донаучном мышлении. Он отказывался войти в мир гипотетических предположений и рассмотреть их следствия — а это одна из возможностей пересмотреть свои моральные убеждения, в том числе трайбализм и расизм.

Вопрос школьного теста о потреблении воды в конкретном городе, помимо прочего, требует размышлений о пропорциях. Флинн замечает, что задания на пропорциональность удивительно трудны для многих подростков и входят в число навыков, улучшившихся в рамках эффекта Флинна²⁵⁴. Как мы видели, мышление в терминах пропорциональности исключительно важно для регулировки справедливого насилия уголовных наказаний и военных действий.

Нужно всего лишь заменить в вопросе теста фразу «управление водными ресурсами» на слова «управление уровнем преступности», чтобы увидеть, как прирост интеллекта может трансформироваться в более гуманные стратегии. Недавно психолог Майкл Сарджент провел исследование, показавшее, что люди с высокой «познавательной потребностью» — черта, позволяющая получать удовольствие от интеллектуальной работы, — поддерживают более мягкие подходы к уголовному правосудию, даже с учетом поправки на их возраст, пол, образование, доход и политические взгляды²⁵⁵.

Перед тем как подвергнуть проверке идею, что эффект Флинна ускорил эскалатор разума, расширил моральные горизонты и снизил уровень насилия, нам нужно сверить с реальностью сам эффект Флинна. Действительно ли люди в наше время настолько умнее людей прошлого? Сам Флинн в своих ранних работах с удивлением отмечал, что использование прежних норм подсчета баллов сегодня в некоторых странах привело бы к тому, что четверть учащихся были бы сочтены «одаренными», а число «гениев» выросло бы в 60 раз. «Результатом, — добавляет он скептически, — должен был бы стать культурный ренессанс — слишком огромный, чтобы остаться незамеченным»²⁵⁶. Но ведь в последние десятилетия действительно случился интеллектуальный ренессанс, возможно не в культуре, но уж в науке и технологиях бесспорно. Космология, физика частиц, геология, генетика, молекулярная биология, эволюционная биология и нейронаука совершили головокружительные прорывы в постижении мира, а технологии подарили нам такие чудеса, как замена частей тела, рутинное сканирование генома, потрясающие фотографии других планет и далеких

галактик и крошечные гаджеты, которые позволяют нам болтать с миллиардами людей, фотографировать, указывать свое местоположение на планете, слушать любую музыку, читать любые книги и получать доступ к диковинкам Всемирной сети. Эти чудеса нахлынули с такой скоростью, что мы не успели осознать грандиозности идей, которые сделали их возможными. Но ни один ученый, рассматривающий историю человечества в масштабе веков, не пройдет мимо факта, что мы сегодня живем в период экстраординарной мощи разума.

К сожалению, мы склонны не осознавать степень нравственного прогресса, но историков, которые видят дальше нас, завораживают моральные достижения последних шести десятилетий. Мы читали, как Долгий мир заставляет самых известных военных историков недоуменно трести головой. Революции прав подарили нам идеалы, которые сегодня образованные люди принимают как должное, но которые практически беспрецедентны в истории человечества: люди всех рас и верований достойны равных прав, женщины должны быть освобождены от любых форм принуждения, детей никогда и ни за что нельзя шлепать, школьников нужно защищать от травли, и нет ничего плохого в том, чтобы быть геем. Я считаю вполне вероятным, что всеми этими дарами мы в какой-то мере обязаны усовершенствованному и расширенному применению разума.

Еще один способ свериться с реальностью — поинтересоваться, действительно ли наших недавних предков можно считать морально отсталыми. Ответ, который я готов аргументировать: да. Все они, конечно, были приличными людьми с полностью функционирующими мозгами, но уровень нравственности культуры, в которой они жили, по

нынешним стандартам был так же примитивен, как водолечебницы и патентованные лекарства того времени в сравнении с современной медициной. Многие их убеждения были не только чудовищными, но в самом прямом смысле слова глупыми. Они не выдержали бы разумной критики, так как попросту противоречили ценностям, которых люди прошлого, по их собственным словам, придерживались, и продолжали существовать только потому, что узкий прожектор интеллекта редко тогда на них фокусировался.

Прежде чем вы решите, что это умозаключение — клевета на наших предков, подумайте о некоторых убеждениях — общепринятых до того, как стал накапливаться эффект усиления абстрактного мышления. Сто лет назад десятки великих писателей и художников восхваляли красоту и благородство войны и с жаром предвкушали Первую мировую. «Прогрессивный» президент Теодор Рузвельт писал, что уничтожение коренных американцев необходимо, чтобы континент не превратился в «охотничьи угодья отвратительных дикарей», и что в девяти случаях из десяти «хороший индеец — мертвый индеец»²⁵⁷. Другой президент, Вудро Вильсон, был убежден в превосходстве белых и, будучи президентом Принстона, не пускал черных в университет, поддерживал Ку-клукс-клан, уволил всех черных сотрудников федерального правительства, а об этнических иммигрантах говорил так: «Любой, кто привозит с собой свою национальность, привозит кинжал, который он при первой возможности воткнет в жизненно важные органы республики»²⁵⁸. Третий, Франклин Рузвельт, загнал сотни тысяч американских граждан в концентрационные лагеря, потому что они

были той же расы, что и японцы, — граждане страны-врага.

С другой стороны Атлантики молодой Уинстон Черчилль принимал участие, как писал он сам, «во множестве маленьких увеселительных войн против варварских народов» Британской империи. В одной такой милой маленькой войне, писал он, «мы упорно двигались вперед, от деревни к деревне, уничтожая дома, засыпая колодцы, взрывая башни, срубая дающие тень деревья, сжигая посевы и разрушая водохранилища в карательном опустошении». Черчилль оправдывал эти зверства тем, что «арийская раса обречена на победу», и решительно выступал «за использование отравляющих газов против нецивилизованных племен». Он обвинял народы Индии в голоде, вызванном ошибками британской администрации, потому что те якобы «плодятся как кролики», добавляя: «Я ненавижу индийцев. Это скотоподобный народ с гнусной религией»²⁵⁹.

Сегодня нас ставит в тупик противоречивая мораль этих людей, которые, безусловно, были просвещенными и гуманными, когда дело касалось их собственной расы. Однако они так и не додумались до идеи, которая побудила бы их относиться к людям других рас с тем же уважением. Я помню мягкие поучения матери, которая в начале 1960-х гг. говорила нам с сестрой, еще детям (как впоследствии говорили матери миллионам детей): «Есть плохие негры и есть хорошие негры, точно так же как есть плохие белые и хорошие белые. Невозможно сказать, хороший перед тобой человек или плохой, взглянув на цвет его кожи». «Да, многие их привычки кажутся нам смешными. Но и многие наши привычки кажутся смешными им». Такие уроки — это не идеологическая

обработка, это управляемое рассуждение, приводящее детей к выводам, которые они могут принять как собственную точку зрения. Наверняка подобное же размышление прокладывало себе путь в нейронных сетях великих государственных деятелей прошлого века. Разница в том, что нынешних детей поощряют совершать этот мысленный переход и в результате такое понимание становится для них второй натурой. Коды абстракции, такие как «свобода слова», «толерантность», «права человека», «гражданские права», «демократия», «мирное сосуществование» и «ненасилие» (и их антитезы «расизм», «геноцид», «тоталитаризм» и «военные преступления»), зарождаются в абстрактном политическом дискурсе и, распространяясь, проникают в инструментарий мышления каждого человека. Эти достижения без преувеличения можно назвать ростом интеллекта, они не слишком отличаются от тех, что спровоцировали прирост баллов в тестировании абстрактного мышления.

Моральная тупость была присуща не только политике, она была прописана в законах. Многие из читателей этой книги застали времена, когда расы на большей части США подвергались насильственной сегрегации, женщины не могли служить присяжными в делах об изнасилованиях якобы потому, что от смущения не смогли бы выслушивать показания, гомосексуальность была тяжким уголовным преступлением, мужьям было позволено насиловать своих жен, запирали их дома, а порой убивать изменниц и их любовников. И если вы думаете, что нынешние дебаты в Конгрессе глупы, вот вам выступление юриста, представлявшего в 1876 г. город Сан-Франциско в слушаниях о правах китайских иммигрантов:

Что касается религии китайцев, то это не наша религия. Это все, что нужно сказать; потому что если наша истинна, то их, очевидно, нет. (Вопрос: а какова наша религия?) Наша религия — это вера в существование Божественного провидения, которое держит в своих руках судьбу наций. Божественная мудрость гласит, что Господь отдаст Землю в наследство пяти великим родам; черным он отдаст Африку; белым — Европу; краснокожим — Америку, а Азию отдаст желтым расам. Он внушил нам стремление не только сохранять наше наследие, но и забрать Америку у краснокожих; и сегодня точно определено, что саксонская, американская или европейская семья народов, белая раса, должна наследовать и Европу и Америку, а желтые расы Китая должны довольствоваться тем, что Господь всемогущий отдал им первоначально; и так как они не избранный народ, им не позволено отнимать у нас то, что мы отняли у американских дикарей²⁶⁰.

Не только законодатели выставляли себя идиотами, когда дело касалось рассуждений о морали. В главе 6 я упоминал, что на рубеже XX в. многие известные писатели (в том числе Йейтс, Шоу, Флобер, Уэллс, Лоуренс, Вульф, Белл и Элиот) выражали отвращение к народным массам, граничащее с мечтами о геноциде²⁶¹. Многие другие литераторы поддержали фашизм, нацизм и сталинизм²⁶². Джон Кэри цитирует эссе Элиота, в котором тот пишет о духовном превосходстве одного великого поэта: «Как ни парадоксально, лучше творить зло, чем не делать ничего — по крайней мере, это значит, что мы существуем»^[137]. С высоты прошедших лет Кэри комментирует: «Эта ошеломительная сентенция, как можно заметить, не учитывает воздействия зла на его жертв»²⁶³.

Мысль, что перемены, породившие эффект Флинна, внесли свой вклад и в расширение морального круга, прошла проверку реальностью, но и это еще не доказывает ее истинности. Чтобы показать, что рост интеллекта привел к уменьшению объема насилия,

нужно как минимум доказать существование промежуточного звена: что в среднем, и при прочих равных, моральный круг людей с развитыми мыслительными способностями (что установлено на основании измерений уровня IQ и тому подобных экспериментов) шире, что они больше открыты сотрудничеству и меньше поддерживают насилие. А еще лучше бы показать, что общество, состоящее из интеллектуально развитых индивидов, выбирает менее насильственные стратегии. Если умные люди и умные общества более миролюбивы, тогда, возможно, недавний рост интеллекта может объяснить недавний спад насилия.

Прежде чем мы исследуем свидетельства в пользу этой гипотезы, позвольте мне прояснить вопрос, что таким свидетельством не является. Тип мышления, имеющий отношение к моральному прогрессу, — это не общий интеллект в смысле когнитивных способностей как таковых, но абстрактное мышление — разновидность интеллекта, повышающаяся в соответствии с эффектом Флинна. Они высоко коррелируют, так что показатели IQ в целом отражают уровень абстрактного мышления, но это не так важно для гипотезы эскалатора разума. По той же причине специфические свойства мышления, о которых я буду говорить, не обязательно наследуемы (несмотря на то, что общий интеллект в высшей степени наследуем), и я буду придерживаться предположения, что все различия между группами вызваны внешними условиями.

Важно также заметить, что гипотеза эскалатора говорит о влиянии *рациональности* — уровня абстрактного мышления в обществе, но не о влиянии *интеллектуалов*. Интеллектуалы, говоря словами писателя Эрика Хоффера, «не функционируют при

комнатной температуре»²⁶⁴. Их завораживают дерзкие мнения, оригинальные теории, масштабные идеологии и утопические воззрения — из тех, что принесли столько горя в XX столетии. Тип мышления, обостряющий нравственную чувствительность, берет начало не в грандиозных философских «системах», но в упражнении логики, ясности, объективности и пропорциональности. Такой склад ума во все времена неравномерно распределен в популяции, но эффект Флинна, подобно приливу, поднимает все лодки, и мы вполне можем рассчитывать, что микро- и мини-волны просвещения затронут как представителей элит, так и обычных граждан.

Позвольте мне представить вам семь промежуточных звеньев, более или менее непосредственно связывающих мыслительные способности и принципы ненасилия.

Интеллект и насильственные преступления. Первая связь самая прямая: умные люди совершают меньше насильственных преступлений и реже становятся их жертвами, при равенстве социоэкономического статуса и других переменных²⁶⁵. У нас нет возможности определить, что здесь причина, а что следствие: то ли умные люди осознают, что насилие дурно или бессмысленно, то ли они лучше себя контролируют, то ли они сознательно избегают опасных ситуаций. Но при прочих равных (не учитывая, например, колебания в уровне насилия с 1960-х до 1980-х гг.), по мере того как люди становятся умнее, насилие должно убывать.

Интеллект и сотрудничество. Глядя на другой конец шкалы абстрактности, рассмотрим идеальную модель, демонстрирующую, как абстрактное мышление разрушает искушение прибегнуть к

насилию, — дилемму заключенного. В своей популярной колонке в журнале *Scientific American* специалист в области информационных технологий Дуглас Хофштадтер однажды мучительно размышлял над фактом, что кажущийся самым рациональным ответ на однократную дилемму заключенного — это предать²⁶⁶. Вы не можете доверять намерению партнера сотрудничать, потому что у него нет оснований доверять вам, а если вы будете сотрудничать, когда партнер предает, вы придете к наихудшему из возможных результатов. Особенно взволновало Хофштадтера наблюдение, что, если оба участника посмотрят на дилемму отстраненно, свысока, отказавшись от своих ограниченных точек зрения, они должны догадаться, что лучший выход для обоих — сотрудничать. И если каждый точно знает, что другой это осознает, а другой уверен, что и его противник понимает ситуацию так же и так далее, оба перейдут к сотрудничеству и будут наслаждаться его плодами. Хофштадтер мечтал о сверхрациональности, при которой обе стороны уверены в здравом смысле друг друга, хотя с сожалением признал, что не понимает, как заставить людей стать сверхрациональными.

Может ли повышенный интеллект хотя бы склонить людей в направлении сверхрациональности? Точнее, действительно ли умные люди лучше понимают, что двустороннее сотрудничество выгодно обоим, приходят к выводу, что противник думает так же, и выигрывают, одновременно шагнув навстречу друг другу? Никто не предлагал разыгрывать однократную дилемму заключенного людям с разным уровнем интеллекта, но недавно проведенные эксперименты приблизились к ответу на этот вопрос, поставив испытуемых перед поэтапной однократной

дилеммой заключенного, в которой второй игрок действует только после того, как увидит ход первого игрока. Экономист Стивен Бёркс и его коллеги протестировали тысячу стажеров — водителей грузовиков IQ-тестом «Матрицы», а затем предложили им дилемму заключенного, используя деньги в качестве вознаграждений²⁶⁷. Более умные водители чаще сотрудничали на первом ходу, даже исключая влияние переменных возраста, расы, пола, образования и дохода. Исследователи изучали и реакцию второго игрока на ход, сделанный первым. Его действия не имели ничего общего со сверхрациональностью, но свидетельствовали о готовности сотрудничать в ответ на сотрудничество соперника, так что, если бы игра была повторяющейся, выиграли бы оба. Кроме того, оказалось, что умные водители чаще отвечали сотрудничеством на сотрудничество и предательством на предательство.

Экономист Гарретт Джонс нашел еще одну связь между интеллектом и решением дилеммы заключенного. Он просмотрел литературу по всем экспериментам с повторяющейся дилеммой заключенного, которые проводились в колледжах и университетах с 1959 по 2003 г.²⁶⁸ Изучив результаты 36 экспериментов, в которых принимали участие тысячи испытуемых, он обнаружил, что чем выше средний балл, полученный учащимся в школьном тесте SAT (который строго коррелирует со средним баллом IQ), тем чаще учащиеся прибегали к сотрудничеству. Таким образом, в двух совершенно разных исследованиях был получен один и тот же результат: интеллект укрепляет двустороннее сотрудничество в характерных ситуациях, где выигрыш можно просчитать заранее. Следовательно,

общество, которое становится умнее, будет и более открытым к сотрудничеству.

Интеллект и либерализм. Мы добрались до открытия, которое выглядит более тенденциозным, чем является на самом деле: умные люди более либеральны. Это утверждение заставит консерваторов расщепиться, ведь оно, похоже, подвергает сомнению их ум, а кроме того, дает им законное основание пожаловаться, что социологи (в подавляющем большинстве либералы или левые) применяют грязные приемчики, чтобы унижить правых, изучая консерватизм как психический дефект. (Тетлок и Хайдт оба обратили внимание на эту политизацию.)²⁶⁹ Так что, прежде чем обратиться к доказательствам связи между интеллектом и либерализмом, позвольте мне ее уточнить.

Во-первых, так как интеллект коррелирует с социальным классом, любая корреляция с либерализмом, не контролируемая статистически, может просто отражать политические предубеждения верхушки среднего класса. Принципиальная оговорка: теория эскалатора разума предсказывает, что интеллект должен коррелировать только с *классическим* либерализмом, который ставит независимость и благополучие индивидов выше ограничений, накладываемых племенем, властью и традицией. Ожидается, что интеллект будет коррелировать именно с классическим либерализмом, потому что классический либерализм сам по себе выводится из взаимозаменяемости перспектив (способности посмотреть на ситуацию с разных точек зрения), свойственной самой природе рассудка. Интеллект не обязательно должен коррелировать с другими идеологиями, которые сегодня объединились

в левую политическую коалицию, такими как популизм, социализм, политкорректность, политика идентичности и движение зеленых. На самом деле классический либерализм ближе к либертарианству и фракциям сегодняшней правоцентристской коалиции, выступающим против политкорректности. Но в целом опросы Хайдта показывают, что люди, определяющие свои взгляды как «либеральные», считают, что справедливость и независимость, главные добродетели классического либерализма, важнее общинности, авторитета и высшей чистоты²⁷⁰. И как мы читали в главе 7, люди, считающие себя либералами, становятся первопроходцами в вопросах личной независимости, а позиции, которых они придерживались десятилетия назад, все чаще разделяются нынешними консерваторами.

Психолог Сатоси Канадзава проанализировал две крупные американские базы данных и обнаружил, что в обеих интеллект коррелирует с политическим либерализмом опрашиваемых при поправке на статистически постоянном уровне переменных возраста, пола, расы, образования, дохода и религии²⁷¹. Среди более чем 20 000 молодых людей, принимавших участие в национальном многолетнем исследовании здоровья юношества, средний уровень IQ стабильно рос от тех, кто называл себя «очень консервативным» (94,8), до тех, кто считал себя «очень либеральным» (106,4). Всеобщее социологическое анкетирование демонстрирует схожую корреляцию, а также дает основания полагать, что показатели интеллекта повторяют траекторию скорее классического, чем левого либерализма. Более умные респонденты реже соглашались с тем, что правительство несет ответственность за перераспределение доходов между

богатыми и бедными (левацкое, а не классически либеральное мнение), и чаще с тем, что правительство должно помочь черным американцам компенсировать последствия прошлой дискриминации (формулировка либеральной позиции, мотивированная как раз ценностью справедливости).

Лучшее доказательство того, что интеллект склоняет к установкам классического либерализма, а не просто коррелирует с ними, дает исследование, проведенное психологом Айаном Дири и его коллегами. Они проанализировали набор данных, включающий каждого ребенка, рожденного в Британии в определенную неделю 1970 г. Название их работы говорит само за себя: «Одаренные дети становятся просвещенными взрослыми»²⁷². Под словом «просвещенные» они имели в виду образ мысли Просвещения, который вслед за «Кратким оксфордским словарем» определяли как «философию, которая ставит разум и индивидуализм выше традиции». Они обнаружили, что IQ детей в возрасте 10 лет (определенный тестами на абстрактное мышление) предсказывал антирасистские, либеральные и профеминистские взгляды в возрасте 30 лет, удерживая на постоянном уровне их социальный класс, образование, а также социальный класс их родителей. Социоэкономический контроль, а также 20-летний промежуток между измерением интеллекта и определением взглядов составляют достаточно серьезное доказательство того, что классический либерализм — следствие высокого интеллекта. Кроме того, в том же исследовании было показано, что более умные десятилетки, ставши взрослыми, чаще принимают участие в выборах и чаще голосуют за либеральных демократов (левые центристы / либертарианские коалиции) или за

«зеленых» и реже — за националистов и антииммигрантские партии. Этот факт также заставляет предположить, что высокий интеллект склоняет скорее к классическому либерализму, чем к левому: если выравнять социальную принадлежность испытуемых, то корреляция IQ-зеленые исчезала, но корреляция IQ-либеральные демократы сохранялась.

Интеллект и экономическая грамотность. А теперь займемся корреляцией, которая так же сильно придется не по нраву левым, как корреляция с либерализмом не понравилась правым. Экономист Брайан Каплан, изучив данные Всеобщего социологического анкетирования, обнаружил, что умные люди чаще думают как экономисты (даже в условиях статистического контроля образования, дохода, пола, политической партии и политической ориентации)²⁷³. Они чаще выступают за иммиграцию, свободный рынок и свободную торговлю и меньше симпатизируют протекционизму, политике искусственного создания рабочих мест и вмешательству правительства в бизнес. Конечно, ни один из этих вопросов не касается насилия напрямую. Но если присмотреться к континууму, на котором располагаются эти политические позиции, то можно утверждать, что те из них, что коррелируют с высоким интеллектом, исторически направлены в сторону мира. Думать как экономист — значит принимать классическую либеральную теорию мирной торговли, прославляющую преимущества равноценного обмена и постоянно растущие выгоды ширящихся сетей взаимодействия²⁷⁴. Такие установки противоположны популистскому, националистическому и коммунистическому образу мысли, который считает мировое богатство нулевой суммой и предполагает, что одна группа может обогатиться только за счет

другой. Исторически экономическая безграмотность часто приводила к этническому и классовому насилию, когда люди думали, что неимущие могут улучшить свою долю, только отняв материальные блага у богатеев и наказав их за коварство²⁷⁵. Как мы видели в главе 7, число этнических бунтов и случаев геноцида после Второй мировой войны сократилось, особенно на Западе, и, вероятно, свою роль в этом сыграло усилившееся интуитивное понимание законов экономики («в последнее время было не так много работы по экономическим причинам»). В последние полстолетия международная торговля стала побеждать протекционизм с его девизом «разори соседа», что, вкупе с демократией и появлением международного сообщества, внесло свой вклад в кантианский мир²⁷⁶.

Образование, интеллектуальные навыки и демократия. Если уж речь зашла о кантианском мире, разум мог укрепить и демократическую опору треугольника Канта. Одна из величайших загадок политологии — почему демократия приживается в одних странах, но не приживается в других? Почему, например, бывшие сателлиты и республики СССР, расположенные в Европе, совершили этот переход, а многочисленные среднеазиатские «станы» — нет? Неустойчивость демократий, силой насажденных в Ираке и Афганистане, делает проблему еще более острой.

Теоретики давно рассуждают о том, что образованное, обладающее знаниями население — необходимое условие функционирующей демократии. На одной улице с домом, где я пишу эти строки, расположено здание Бостонской публичной библиотеки, над входом в которую начертаны

волнующие слова: «В содружестве наций образование народа есть гарантия порядка и свободы». Вероятно, «образование», которое имели в виду резчики по камню, — это не способность назвать столицы всех штатов, которые проезжаешь по пути из Колумбуса к Мексиканскому заливу, но умение читать, считать, понимать принципы демократического правления и гражданского общества, способность давать оценку лидерам и их политике, уважение к другим людям и их культурам и осознание себя как члена содружества образованных людей, разделяющих это понимание²⁷⁷. Эти умения требуют толики абстрактного мышления и частично совпадают со способностями, которые улучшились, согласно эффекту Флинна, предположительно потому, что сам эффект Флинна вызван образованием.

Но теория Бостонской публичной библиотеки о предпосылках демократии до недавнего времени не подвергалась проверке. Давно известно, что в странах со зрелой демократией население умнее и хорошо образованно, но зрелые демократии благополучнее во всех отношениях, и мы не можем сказать, что здесь причина, а что — следствие. Скорее всего, демократические страны богаче и могут позволить себе больше школ и библиотек, что делает граждан образованнее и умнее, а не наоборот.

Психолог Хайнер Риндерманн попытался разрубить этот узел методом социологии, называемым перекрестно-запаздывающей корреляцией (мы видели пример применения этой техники в британском исследовании, показывающем, что умные дети становятся просвещенными взрослыми)²⁷⁸. Несколько наборов данных приписывают странам баллы, основываясь на их уровне демократии и верховенстве

закона. Кроме того, для многих стран доступны данные по числу лет обязательного среднего образования. Для некоторых стран Риндерманн также отыскал данные по средним баллам, набранным в популярных тестах интеллекта и в международных тестах академической успеваемости; он объединил эти данные в один показатель интеллектуальных способностей. Риндерманн проверил, предсказывает ли уровень образования и интеллектуальных способностей в стране в одну эпоху (1960–1972 гг.) уровень процветания, демократии и верховенства закона в ней же в последующую (1991–2003 гг.). Если теория Бостонской публичной библиотеки верна, эти корреляции должны быть прочными, даже если другие переменные, например благосостояние страны в предыдущий период, удерживаются на постоянном уровне. И что принципиально важно, они должны быть гораздо более сильными, чем корреляция между демократией и верховенством закона в предыдущий период и уровнем образования и интеллектуальных способностей в последующий, потому что прошлое влияет на настоящее, а не наоборот.

Давайте отдадим должное резчикам Бостонской публичной библиотеки. При прочих равных образование и интеллектуальные способности в прошлом действительно предсказывают уровень демократии и верховенства закона (а также процветание страны) в настоящем. А вот прошлое благосостояние, напротив, не предсказывает демократии в настоящем (хотя в некоторой степени предсказывает верховенство закона). Интеллектуальные способности оказались более мощным прогностическим признаком демократии, чем длительность школьного образования, и Риндерманн показал, что школьное образование

может предсказывать демократию только потому, что коррелирует с интеллектуальными способностями. Не будет преувеличением сказать, что вызванное образованием развитие мыслительных способностей подготовило к демократии по крайней мере некоторые части мира. Демократия по определению ассоциируется с меньшим количеством насилия со стороны правительства, и мы знаем, что она статистически связана с неприятием межгосударственных войн, кровавых этнических бунтов и геноцида и со снижением тяжести войн гражданских²⁷⁹.

Образование и гражданские войны. А как обстоят дела в развивающемся мире? В странах, где измерялись тренды, таких как Кения и Доминика, средние баллы по тестам интеллекта, хоть и низкие вначале, ощутимо росли²⁸⁰. Можем ли мы в какой-то мере отнести Новый мир на счет растущего уровня мышления в этих странах? Доказательства у нас косвенные, но дающие пищу для размышлений. Ранее мы видели, что Новый мир появился отчасти благодаря распространению демократии и открытой экономики, которые, как мы уже знаем, импонируют умным людям. Сложив два и два, мы можем предположить, что чем лучше образование, тем умнее граждане (в том смысле слова «умный», который для нас важен), а умные граждане смогут подготовить почву для демократии и открытой экономики, способствующей миру.

Непросто идентифицировать каждое звено этой цепи, но тесная связь между первым ее звеном и последним была продемонстрирована в недавней работе с говорящим названием: «А, Б, В, 1, 2, 3 и золотое правило: усмиряющее влияние образования

на гражданские войны, 1980–1999 гг.» (ABC's, 123's, and the Golden Rule: The Pacifying Effect of Education on Civil War, 1980–1999)²⁸¹. Политолог Клейтон Тайн проанализировал 160 стран и 49 гражданских войн, взяв их из набора данных Джеймса Фирона и Дэвида Лайтина, который мы обсуждали в главе 6. Тайн обнаружил, что четыре показателя уровня образования в стране — доля ВВП, инвестируемая в начальное образование, доля населения школьного возраста, посещающего начальную школу, доля подростков, переходящих в среднюю школу (особенно мальчиков) и (в меньшей степени) уровень грамотности взрослых — снижают вероятность того, что в стране в ближайший год начнется гражданская война. Эффект значительный: в стране, где доля поступающих в школу больше среднего значения на величину стандартного отклонения, вероятность начала гражданской войны в последующий год на 73% ниже, чем в стране, где доля поступающих настолько же ниже среднего уровня — при не изменившемся количестве предыдущих войн, доходе на душу населения, населении, экспорте нефти, уровне демократии и анократии, а также этническом и религиозном расслоении.

Мы не вправе сделать из этих корреляций вывод, что школьное образование делает людей умнее, что, в свою очередь, снижает риск гражданских войн. У образования есть и другие умиротворяющие эффекты. Оно укрепляет доверие к правительству, показывая, что власти хотя бы что-то способны делать как надо. Оно дает людям умения, которые можно применить в работе, а не в разбое и бандитизме, уводя с улицы и из банд мальчиков-подростков. Но эти корреляции очень соблазнительны, и Тайн утверждает, что как минимум часть умиротворяющего эффекта образования состоит

в «предоставлении людям инструментов, с помощью которых они могут разрешать конфликты мирным путем»²⁸².

Усложнение политического дискурса. И в конце посмотрим на политический дискурс, который, по мнению большинства, становится чем дальше, тем тупее. Нет такого понятия, как IQ речи, но Тетлок и другие специалисты в области политической психологии вывели показатель, который назвали интегративной сложностью. Уровень интегративной сложности отражает интеллектуальную сбалансированность и сложность высказывания, а также учет нюансов — в противоположность «черно-белому» мышлению²⁸³. Высказывание низкой интегративной сложности формулирует некое мнение и упрямо стоит на своем, не учитывая оттенков и полутонов. Минимальную сложность текста выдают слова «абсолютно», «всегда», «определенно», «полностью», «навсегда», «не подлежит обсуждению», «неопровержимо», «несомненно» и «неоспоримо». Интегративная сложность высказывания несколько повышается, если оратор оперирует словами «обычно», «почти», «но», «тем не менее» и «возможно». Более высокую оценку получает текст, в котором признается существование двух точек зрения, еще высшую — если высказывание обсуждает связи, обмен или компромиссы между ними, а самую высокую — если объясняет отношения, обращаясь к высшим принципам или системам. Интегративная сложность текста не равна интеллекту автора, но эти переменные связаны, особенно, согласно Саймонтону, применительно к американским президентам²⁸⁴.

Интегративная сложность имеет отношение и к насилию. Люди, чей язык менее интегративно сложен,

в среднем чаще реагируют на фрустрацию насилем и с большей вероятностью начинают войну в военных играх²⁸⁵. Тетлок в сотрудничестве с психологом Питером Сьюдфелдом определил интегративную сложность речей национальных лидеров в политических кризисах XX в., закончившихся миром (среди них блокада Западного Берлина в 1948 г. и Карибский кризис) или войной (в их числе Первой мировой и Корейской), и обнаружил, что, как только речи лидеров упрощаются, следует ждать войны²⁸⁶. В частности, была обнаружена связь между риторическим упрощением и военной конфронтацией в речах арабов и израильтян, а также США и СССР во времена холодной войны²⁸⁷. Мы не знаем точно, что значит эта корреляция: то ли тупоголовые неприятели не могут придумать способ прийти к соглашению, то ли воинственные противники упрощают свою риторику, чтобы обозначить непримиримую переговорную позицию. Тетлок предположил, что в таких конфликтах играют роль обе динамики²⁸⁸.

Можно ли сказать, что интегративная сложность политического дискурса возросла благодаря эффекту Флинна? Вероятно, да — предполагает исследование, осуществленное политологами Джеймсом Розенау и Майклом Фагеном²⁸⁹. Исследователи закодировали интегративную сложность выступлений в конгрессе и статей, освещавших их в прессе в начале (1916–1932) и в конце (1970–1993) XX столетия. Они изучали высказывания по поводу спорных вопросов примерно схожего содержания, например о законе Смута — Хоули о таможенном тарифе, ограничивавшем свободу торговли, и соглашении НАФТА, значительно ее расширившем, а также о предоставлении избирательных прав женщинам и принятии Поправки о равных правах (Equal Rights Amendment, ERA).

Опровергая худшие опасения нынешних политологов-любителей, практически в каждом случае интегративная сложность политического дискурса выросла. Единственным исключением стали заявления конгрессменов о правах женщин. Вот пример аргументации, использованной в 1917 г. для обоснования права женщин голосовать:

В великом штате Одинокой звезды^[138], 58 округов которого я имею честь представлять, в самом крупном штате Содружества, голосовать могут все люди старше 21 года, кроме преступников, сумасшедших и женщин. Я не желаю, чтобы в штате Одинокой звезды женщины помещались в один класс и категорию с сумасшедшими и преступниками²⁹⁰.

И вот пример аргументов против принятия поправки о равных правах, высказанных в 1972 г. сенатором Сэмом Эрвином, родившимся в 1896 г.:

[Поправка] гласит, что мужчины и женщины — идентичные и равные перед законом человеческие существа. Она утверждает множество подобных глупостей. Отнять у детей мать и отправить ее на войну, а отца оставить дома нянчить младенцев — абсолютно смехотворная идея! Возможно, сенатор из Индианы и считает, что это мудро, но я так не думаю. Я думаю, это чушь²⁹¹.

Но стабильный идиотизм сенаторских речей о правах женщин перекрывается 28 другими сопоставлениями, в которых на протяжении столетия обнаружился рост сложности. Эрвин, к слову, не был невежей, он был уважаемым сенатором, которого вскоре будут превозносить за то, как он справился с ролью председателя на слушаниях по Уотергейтскому скандалу, закончившемуся отставкой Ричарда Никсона. Тот факт, что его слова звучат сегодня так глупо, даже по низким стандартам сенаторских разглагольствований, напоминает нам, что не стоит впадать в ностальгию по политическому дискурсу прошлых десятилетий.

Но похоже, кое-где политики действительно идут против эффекта Флинна, и эта сфера — американские

президентские дебаты. Если вы следили за дебатами кандидатов в президенты на выборах 2008 г., вам достаточно будет напомнить о водопроводчике Джо[139]. Психологи Уильям Гортон и Джени Дильс просчитали этот тренд, вычислив уровень сложности президентских дебатов с 1960 до 2008 г.²⁹² Они обнаружили, что общая сложность высказываний снижалась с 1992 по 2008 г., а качество рассуждений, касающихся экономики, пошло на спад еще раньше, в 1984 г. Как это ни парадоксально, падение сложности президентских дебатов может быть результатом *роста* сложности политических стратегий. Телевизионные дебаты, которые традиционно проходят в последние недели кампании, нацелены на слой колеблющихся избирателей из самых мало информированных и слабо вовлеченных секторов электората. Они обычно делают выбор, прислушиваясь к понятным коротким фразам и броским лозунгам, так что политтехнологи советуют кандидатам не слишком задирать планку. Уровень сложности упал ниже плинтуса в 2000 и 2004 гг., когда демократические оппоненты Буша вынуждены были отвечать ему не остротой на остроту, а плоскостью на плоскость. Злоупотребление этой уязвимостью американской политической системы может объяснить, каким образом наша страна в эпоху крепнущего мира оказалась замешана в двух затянувшихся войнах.

Я намеренно обсуждал разум после всех прочих добрых ангелов нашей природы. Когда общество достигает определенного уровня цивилизованности, именно разум дарит нам самую большую надежду на дальнейшее снижение уровня насилия. Другие ангелы сопровождали род людской с момента его появления,

но до последнего времени не могли предотвратить войны, рабство, деспотизм, узаконенный садизм и дискриминацию женщин. Как бы ни были важны эмпатия, самоконтроль и нравственное чувство, присущее им свободное пространство слишком мало, а область их применения слишком ограничена, чтобы объяснить достижения последних десятилетий и веков.

Эмпатия — круг, способный растягиваться, но его эластичность ограничена родством, дружбой, сходством и умилением. Он достигает предела задолго до того, как вместит всех, кто, согласно аргументам разума, должен быть объектом нашей моральной заботы. Кроме того, от эмпатии всегда можно отмахнуться как от простой сентиментальности. Именно разум учит нас приемам расширения эмпатии, и разум говорит, как и когда мы должны конвертировать свое сострадание к несчастному незнакомцу в реальные действия.

Самоконтроль — мышца, которую можно развивать, но он способен предотвратить лишь тот вред, к которому мы сами внутренне склоняемся. К тому же лозунг 1960-х был справедлив в одном: в жизни действительно есть моменты, когда человек должен вырваться на свободу и сделать что-то по-своему. Разум уточняет, какие это моменты: ты можешь поступать по-своему, пока не ограничиваешь свободу других поступать так, как хотят они.

Нравственное чувство предлагает три этики, которые можно закрепить за социальными ролями и ресурсами. Но зачастую подходы, предлагаемые нравственным чувством, не особенно нравственны — они скорее племенные, авторитарные или пуританские, и именно разум говорит нам, какие из

них мы должны внедрять как норму. А этика, которую мы можем сформулировать, чтобы принести большее благо большему числу людей, — рационально-легальный образ мысли — вообще не является естественной частью нравственного чувства.

Разум же способен ответить на любые вызовы, потому что представляет собой открытую комбинаторную систему, мотор, бесконечно генерирующий новые идеи. И хоть первоначально он был оснащен лишь базовым эгоизмом и способностью контактировать с другими, собственная логика в конце концов заставит его уважать интересы все возрастающего числа других людей. Только разум способен заметить ошибки в собственных рассуждениях и усовершенствовать себя в ответ. И если вы заметите ошибку в этом аргументе, именно разум позволит вам указать на нее и обосновать альтернативу.

Адам Смит, друг Юма и еще один светоч шотландского Просвещения, впервые выдвинул этот аргумент в книге «Теория нравственных чувств» (The Theory of Moral Sentiments) — приведенный им в доказательство пронзительный пример и сегодня отзывается в сердце. Смит просит нас представить, как бы мы отреагировали на новость об ужасной катастрофе, выпавшей на долю большого числа незнакомых нам людей, например 100 млн китайцев, погибших в землетрясении. Если мы честны перед собой, нам придется признать, что наша реакция будет примерно такой: несколько минут неприятных ощущений, соболезнований жертвам и, возможно, размышлений о хрупкости жизни. Сегодня, мы, вероятно, выпишем чек или зайдём в интернет, чтобы узнать, как помочь выжившим. А затем мы вернемся к своим занятиям, поужинаем и отправимся спать, как

будто ничего не случилось. Но если беда затрагивает нас лично, даже если она ничтожна по сравнению с чужой бедой, к примеру лишиться мизинца, мы будем огорчены гораздо сильнее и не сможем перестать думать о своем несчастье.

Все это звучит ужасно цинично, но Смит продолжает. Представьте себе другой сценарий. В этот раз у вас есть выбор: или вы лишитесь мизинца, или погибнут сотни миллионов китайцев. Пожертвуете ли вы сотней миллионов людей ради своего мизинца? Смит предполагает, и я с ним согласен, что практически никто не выберет эту чудовищную альтернативу. Но почему нет, спрашивает Смит, учитывая, что наше сочувствие незнакомцам гораздо слабее переживаний по поводу личных невзгод? Смит разрешает этот парадокс, сравнивая наших добрых ангелов:

Ни слабое чувство человеколюбия, ни некоторая благожелательность, которая вложена природой в наше сердце, не в силах заглушить почти неодолимое чувство любви к самому себе. Власть более сильная и управляющая нами, так сказать, против нашей воли увлекает нас в подобном случае. Это — разум, правила поведения, совесть, носимая нами в душе, которые являются судьей и верховным арбитром нашего поведения. Когда мы уже готовы нарушить счастье нашего ближнего, тогда среди самых сильных и неукротимых страстей раздается голос совести и напоминает нам, что мы не более как только одно лицо среди множества других, лицо, которое, может быть, ни в каком отношении не лучше каждого другого; наконец, что, отдавая себе такое позорное слепое предпочтение, мы становимся предметом, достойным негодования и отвращения. Только в глазах совести, этого беспристрастного наблюдателя, обнаруживается все наше личное ничтожество и действительное значение окружающих нас предметов, а также исправляются естественные заблуждения, вытекающие из нашего пристрастия к самим себе. Она показывает нам достоинства великодушия и гнусность несправедливости; она склоняет нас к доводам, на основании которых мы должны жертвовать самыми важными личными интересами ради еще более важных интересов прочих людей и не нарушать их счастья, как бы велики ни были предстоящие нам от этого выгоды^{[140]293}.

Глава 10

НА КРЫЛЬЯХ АНГЕЛОВ

По мере того как человек подвигается в деле цивилизации и малые племена соединяются в более крупные общины, простейшие разумные побуждения указывают каждому члену общества, что он должен распространить свои социальные инстинкты и симпатии на всех членов данной нации, хотя бы ему лично не известных. Раз этот пункт достигнут, остается лишь искусственный барьер, препятствующий распространению его симпатий на людей всех наций и племен.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА[141]

Эта книга выросла из ответа на вопрос: «Что вселяет в вас оптимизм?», и я надеюсь, что собранные мною данные убедили вас отказаться от общепринятых трагических представлений о положении дел в мире. Но, фиксируя дюжины спадов, упразднений и нулей, я испытывал не столько оптимизм, сколько благодарность. Оптимизм требует некоторой самонадеянности, поскольку экстраполирует прошлое в неопределенное будущее. И хоть я убежден, что человеческие жертвоприношения, система рабского труда, обычай колесования и войны между демократическими странами в ближайшее время не возобновятся, утверждать, что нынешний уровень преступности, гражданских войн или терроризма не изменится, — значит углубляться в области, куда и

ангелы боятся заглядывать. В чем мы точно можем быть уверены, так это в том, что уровень многих видов насилия к нашему времени снизился, и мы можем попытаться понять почему. Как ученый, я должен сохранять скептицизм относительно некоей волшебной силы или Божественного провидения, которое вечно движет нас вперед. Спад насилия — продукт социальных, культурных и материальных условий. Если эти условия сохранятся, уровень насилия останется низким или даже продолжит падение; в противном случае этого не случится.

В завершающей главе я не стану делать прогнозов; не буду и давать советов политикам, полицейскому начальству или миротворцам — учитывая мою квалификацию, это было бы неправомерно. Что я постараюсь сделать, так это идентифицировать основные движущие силы, способствовавшие снижению уровня насилия. Я сосредоточу внимание на явлениях, которые регулярно всплывают в главах, посвященных истории (2–7), и опираются на способности разума, которые мы исследовали в главах, посвященных психологии (8–9). Я буду искать связующие нити между процессами усмирения и цивилизации, Гуманитарной революцией, Долгим миром, Новым миром и революциями прав. Каждое из этих явлений должно представлять собою процесс, в котором хищничество, доминирование, месть, садизм или идеология сдавались под натиском самоконтроля, эмпатии, морали и разума.

Вряд ли можно рассчитывать, что эти силы каким-то образом вытекают из теории Великого объединения [\[142\]](#). Спады, которые мы хотим объяснить, разворачивались на очень разных временных промежутках и уровнях разрушительности: подавление непрерывных набегов

и распрей, обуздание жестокого межличностного насилия вроде отрезания носов, упразднение обычаев человеческих жертвоприношений, мучительных казней и телесных наказаний, ликвидация институтов рабства и долговой кабалы, выход из моды кровавых развлечений и дуэлей, обесценение политических убийств и деспотизма, недавнее сокращение числа войн, погромов и проявлений геноцида, снижение насилия в отношении женщин, декриминализация гомосексуальности, меры по защите детей и животных. Единственное, что объединяет все эти вытесненные обычаи, — физическая боль, причиняемая жертвам, и потому только с позиции жертвы (что, как мы помним, есть точка зрения моралиста) можно мечтать о единой и окончательной теории. В глазах ученого мотивы исполнителей этого насилия могут быть самыми разными, а следовательно, будут отличаться и силы, им противостоящие.

В то же время все эти перемены однозначно указывают в одном направлении. Для потенциальных жертв насилия наши времена — лучшие в истории. Ведь вполне можно представить себе, что в ходе какой-нибудь другой истории различные обычаи развивались бы в разных направлениях: рабство, к примеру, отменено, но родители все строже наказывают детей или же государства стали гуманнее к своим гражданам, но чаще ввязываются в войны друг с другом. Этого не случилось. Большая часть обычаев сдвинулась в сторону меньшего насилия, и их слишком много, чтобы это могло быть простым совпадением.

Конечно, некоторые процессы развиваются в обратном направлении: разрушительность европейских войн, за счет Второй мировой затмившая

снижение их частоты (пока не обвалилось то и другое), апогей геноцида, устроенного диктаторами середины XX в., рост преступности в 1960-х и скачок числа гражданских войн в развивающемся мире после деколонизации. Но все эти процессы систематически обращались вспять, и сегодня большинство трендов направлено в сторону мира. Быть может, мы и не вправе замахиваться на «теорию всего», но нам нужна теория, способная объяснить, почему так много стрелок указывают в одном направлении.

ВАЖНОЕ, НО НЕСУЩЕСТВЕННОЕ

Позвольте мне начать с замечания о силах, которые кажутся важными для различных процессов, случаев усмирений и революций, описанных в главах 2–7, но, насколько мне известно, не подтвердивших свою значимость. Дело не в том, что эти силы в каком-то смысле незначительны — просто они не всегда способствовали снижению уровня насилия.

Оружие и разоружение. И у авторов, одержимых насилием, и у тех, кто ощущает к нему неприязнь, есть нечто общее: они очарованы оружием. Военные истории, написанные мальчиками для мальчиков, полны длинных луков, копий, пушек и танков. Многие ненасильственные движения выступали за разоружение: демонизировали «торговцев войной», проводили антиядерные демонстрации, инициировали кампании по контролю за вооружениями. И так же популярен противоположный, хоть и равно сфокусированный на оружии рецепт мира, согласно которому изобретение все более разрушительного оружия (динамита,

отравляющих газов, ядерных бомб) и войну тоже сделает невыносимой.

Бесспорно, военные технологии не раз изменяли ход истории, определяя победителей и побежденных, повышая убедительность сдерживания и умножая боевую мощь неприятелей. Никто, например, не станет утверждать, что распространение автоматического оружия в развивающихся странах способствовало делу мира. Однако не так легко отыскать в истории корреляцию между разрушительной силой оружия и числом жертв кровавых конфликтов. Оружие, как и прочие технологии, постоянно совершенствовалось на протяжении тысячелетий, но уровень насилия рос не плавно — он скакал вверх и вниз по наклонному пилообразному графику. Стрелы и копья догосударственных народов отправляли людей на тот свет в большей пропорции, чем любое современное вооружение (глава 2), а пехота и кавалеристы Тридцатилетней войны погубили больше жизней, чем артобстрелы и газовые атаки Первой мировой (глава 5). Военная революция XVI и XVII вв. была не столько гонкой вооружений, сколько соперничеством армий, численность и силу которых стремились нарастить государства. История геноцида показывает, что в отсутствие промышленных технологий людей с тем же успехом можно убивать и самым примитивным оружием (главы 5 и 6).

К тому же резкие спады насилия, случившиеся в периоды Долгого мира, Нового мира и беспрецедентного сокращения уровня преступности в США, не были следствием переплавки мечей на орала. История, как правило, развивалась в обратной последовательности: к примеру, разоружение как часть преимуществ мирного времени стало возможно

только по окончании холодной войны. Что касается ядерного оружия, то, учитывая его бесполезность в бою и разрушительную силу обычных вооружений, оно, судя по всему, не оказало значительного влияния на ход мировых событий (глава 5). Популярная (при всей своей экстравагантности) идея, что великие державы обязательно применяют ядерное оружие, хотя бы для того, чтобы оправдать стоимость его производства, оказалась абсолютно неверной.

Несостоятельность теории технологического детерминизма применительно к истории насилия не должна нас удивлять. Поведение людей определяется их целями, а не приводится в действие стимулами, и главный фактор возникновения насилия — желание одного человека лишить другого жизни. Сторонники свободного владения оружием правы в одном: убивает не оно, убивают люди (что само по себе не является аргументом ни в пользу контроля за оборотом оружия, ни против него). Массовую бойню можно устроить, используя орудия, предназначенные для охоты, сбора урожая, рубки дров или приготовления салата. Необходимость — мать изобретений, люди совершенствуют технологии, когда их вынуждает к этому опасность, исходящая от неприятеля. Другими словами, оружие оказывается скорее эндогенным фактором для исторической динамики, обуславливающей значительные спады насилия. Когда люди жаждут грабить или боятся нападения, они изобретают необходимое им оружие, когда же в обществе царит тишь да гладь, оружие ржавеет без дела.

Ресурсы и власть. В 1970-х, когда я учился в университете, у меня был преподаватель, готовый поведать каждому встречному и поперечному правду о Вьетнамской войне: на самом деле она велась из-за

вольфрама. В Южно-Китайском море, объяснял он, находятся крупнейшие месторождения этого металла, необходимого для производства нитей ламп накаливания и легирования стали. Разговоры о коммунизме, национализме, сдерживании агрессии всего лишь дымовая завеса, скрывающая битву сверхдержав за контроль над источником этого жизненно важного ресурса.

Вольфрамовая теория Вьетнамской войны — пример детерминизма ресурсов, идеи, что люди бесконечно воюют за исчерпаемые, конечные ресурсы: землю, воду, минералы и стратегически важные территории. Одна из версий этой теории гласит, что конфликты возникают из-за неравного распределения ресурсов и, как только удастся поделить их по справедливости, наступит мир во всем мире. Другая версия подкрепляет «реалистические» теории, считающие конфликт из-за земли или ресурсов вечной неотъемлемой чертой международных отношений, а мир — результатом баланса сил, в котором каждая сторона удерживается от вмешательства в сферы влияния другой.

Несмотря на то что борьба за ресурсы — важная движущая сила истории, она не объясняет крупных трендов динамики насилия. Самые разрушительные его вспышки в последние 500 лет возникали не из-за ресурсов, но из-за идеологий: источником насилия становились религии, революции, национализм, фашизм и коммунизм (глава 5). И хотя невозможно доказать, что все эти катаклизмы случились не из-за вольфрама или какого-либо другого ресурса, сама попытка такого доказательства будет выглядеть безумной теорией заговора. Если же говорить о балансе сил, слом прежнего миропорядка после распада СССР и объединения Германии не погрузил

мир в кровавую бойню. Этот слом вообще не оказал заметного влияния на процессы Долгого мира между развитыми странами и провозгласил наступление Нового мира между странами развивающимися. Ни один из этих приятных сюрпризов не был связан с обнаружением или перераспределением ресурсов. На деле для развивающихся стран ресурсы часто становятся проклятием, а не благословением. Государства, богатые нефтью или минералами, не спешат разделить доставшийся им куш между своими гражданами и оказываются в числе стран с самым высоким уровнем насилия (глава 6).

Слабая связь между контролем над ресурсами и насилием также не должна нас удивлять. Эволюционные психологи утверждают: не важно, богаты мужчины или бедны — они всегда будут драться за женщин, статус и доминирование. Экономисты же говорят, что богатство коренится не в земле и ее дарах, а в смекалке и изобретательности, в готовности сотрудничать и превращать эти дары в полезный продукт. Разделяя труд и обмениваясь его плодами, все люди становятся богаче, выигрывает каждый. Значит, конкуренция за обладание ресурсами не постоянная величина, а переменная, эндогенная по отношению к хитросплетению социальных сил, в число которых входит насилие. В зависимости от инфраструктуры и психологических установок люди в разные века и в разных странах решают: обмениваться ли им готовым продуктом, вступая в игру с положительной суммой, или же конкурировать за сырье, выбирая игру с нулевой суммой (а на деле даже с отрицательной, поскольку из стоимости завоеванного сырья придется вычесть цену войны). США, конечно, могут пойти войной на Канаду, чтобы захватить принадлежащую ей часть акватории

Великих озер или запасы никеля, но какой в этом смысл, если всем этим США уже пользуются благодаря торговле?

Достаток. На протяжении тысячелетий богатство и благополучие в мире накапливаются, а насилия в нем становится меньше. Может быть, уровень миролюбия растет вместе с уровнем богатства? Что, если бытовые тяготы и безысходность нищеты озлобляют людей и вынуждают их вырывать последний кусок изо рта соседа, а изобилие благополучного общества дает причины больше ценить свою жизнь и, как следствие, жизни других?

Тем не менее жесткую корреляцию между достатком и ненасилием отыскать сложно, а некоторые корреляции даже идут в противоположном направлении. Что касается догосударственных народов, то часто оседлые племена, живущие в средних широтах, в местах, богатых рыбой и дичью, к примеру на северо-западном побережье Тихого океана, держали рабов, строили кастовое общество и лелеяли культ войны, а племена !кунг-сан и семаи, чей достаток всегда был гораздо скромнее, располагаются на самом мирном краю распределения (глава 2). В великих же процветающих империях Древнего мира были рабство, распятия на кресте, бои гладиаторов, безжалостные завоевания и человеческие жертвоприношения (глава 1).

Идеи, заложившие основы демократии и других гуманистических реформ, расцвели в XVIII в., но рост материального благополучия начался значительно позже (глава 4). Страны Запада начали богатеть только с началом индустриальной революции XIX в., а здоровье и продолжительность жизни улучшились в результате успехов здравоохранения, пришедших в

конце того же столетия. Не столь заметные флуктуации в уровне достатка тоже не попадают в такт с озабоченностью правами человека. Предполагается, что суды Линча на Юге Америки вспыхнули с понижением цен на хлопок, но основным трендом первой половины XX в. все же было экспоненциальное затухание линчеваний, не прекращавшееся ни в десятилетие «ревущих двадцатых», ни в годы Великой депрессии (глава 7). И пока у нас есть основания говорить, что революции прав, начавшиеся в конце 1950-х, не ускорялись и не затормаживались, следуя за подъемами и спадами экономических циклов. Революции прав не вытекают автоматически из современного уровня материального благополучия, доказательство тому — сравнительно высокая терпимость к бытовому насилию и жестокому обращению с детьми в ряде благополучных азиатских стран (глава 7).

Динамика насилия не следует за экономическими показателями. Колебания уровня убийств в США в XX в. не показывают корреляции с показателями достатка: уровень убийств снизился в середине Великой депрессии, резко возрос в период экономического бума 1960-х и достиг нового дна во время начавшейся в 2007 г. Великой рецессии (глава 3). Слабую связь можно было бы спрогнозировать по полицейским рапортам: люди чаще убивают не ради денег и еды, а по моральным мотивам, желая отомстить за оскорбление или измену.

Прочную связь богатства и насилия мы наблюдаем, только анализируя различия между странами, расположившимися в самом низу экономической шкалы (глава 6). Как мы видели, вероятность возникновения острого гражданского конфликта в стране начинает повышаться, когда ежегодный доход

на душу населения падает ниже 1000 долларов. Тем не менее определить причины этой корреляции непросто. За деньги, как известно, можно много чего купить, и неясно, что именно из того, что люди больше не могут себе позволить, запускает рост насилия. Возможно, это лишения, от которых страдают отдельные люди, — плохое питание и медицинское обслуживание, а может быть, лишения, касающиеся страны в целом, — отсутствие нормальных школ, эффективной полиции и приличного правительства (глава 6). И так как война — это развитие в обратном направлении, мы даже не можем узнать, в какой степени бедность приводит к войне или война — к бедности.

И хотя нищета связана с гражданской войной, она, как кажется, не имеет отношения к геноциду. В бедных странах политические кризисы, которые могут привести к геноциду, разражаются чаще, но, если страна уже переживает кризис, бедность не повышает вероятность геноцида (глава 6). На противоположном конце шкалы экономического достатка мы находим Германию, которая в конце десятилетия 1930-х, пройдя страшный экономический кризис, превращалась в мощную индустриальную державу. Однако именно в этот период страну захлестнули зверства, заставившие изобрести слово «геноцид».

Запутанные отношения между достатком и насилием напоминают нам, что не хлебом единым жив человек. Мы — верующие животные, наделенные моралью, и большая доля насилия у нашего вида порождается деструктивными идеологиями, а не нехваткой материальных благ. Плохо это или хорошо (обычно плохо), но люди часто готовы обменять материальный комфорт на то, что они воспринимают

как духовную чистоту, национальную славу и истинную справедливость.

Религия. Кстати, об идеологиях. Мы уже убедились, что древние племенные нормы принесли нам не так чтобы много хорошего. Вера в сверхъестественное повсеместно допускала человеческие жертвоприношения для задабривания кровожадных богов и охоту на ведьм в отместку за их злые чары (глава 4). Бог священных писаний одобряет геноцид, изнасилование, рабство и убийство послушников, и, основываясь на этом, люди на протяжении тысячелетий оправдывали уничтожение неверных, право собственности на женщин, избиеение детей, власть над животными, казни еретиков и гомосексуалов (главы 1, 4, и 7). Гуманитарные реформы — запрет жестоких наказаний, распространение пробуждающих эмпатию романов и отмена рабства — встречали яростное сопротивление со стороны церковных властей и их апологетов (глава 4). Возвышение узких и ограниченных ценностей до уровня святынь позволяет не обращать внимания на интересы других людей и не предусматривает возможности компромисса (глава 9). Такие взгляды подливали масла в огонь европейских религиозных войн, второго по кровопролитности периода современной западной истории, да и в наши дни накаляют обстановку на Ближнем Востоке и в некоторых частях исламского мира. Популярная сегодня среди религиозных правых и их сторонников идея, что религия — это мирная сила, не подтверждается историческими фактами.

Защитники религии заявляют, что фашизм и коммунизм, две кровожадные идеологии XX в., были атеистическими. Но первое заявление ошибочно, а второе не релевантно (глава 4). Фашизм успешно

сосуществовал с католицизмом в Испании, Италии, Португалии и Хорватии, и, хотя Гитлер нечасто апеллировал к христианству, он, конечно, не был атеистом и заявлял, что следует божественному плану¹. Историки установили, что многие представители нацистской элиты объединяли нацизм и германское христианство в синкретическую веру, основываясь на откровении о «тысячелетнем царстве» и долгой истории антисемитизма². Многие представители духовенства и прихожане с радостью поддержали нацистов, преследуя общие с ними интересы — сопротивление толерантной, светской, космополитичной культуре Веймарской эпохи³.

Что до безбожного коммунизма, он действительно был безбожным. Но отречение от одной нетерпимой идеологии не дарует автоматического иммунитета к другим. Марксизм, как заметил Даниэль Широ (см. с. 411), заимствовал из христианской Библии ее худшую идею — об Апокалипсисе, который принесет Утопию и восстановит невинность, царившую до грехопадения. Он агрессивно отвергал гуманизм и либерализм Просвещения, считавший независимость и благо человека важнейшей целью политических систем⁴.

Однако истории известны примеры отдельных религиозных движений, действительно противостоявших насилию. Порою религиозные институты в зонах анархии служили цивилизующей силой, а так как они часто заявляли исключительное право на мораль, у них была возможность подготовить почву для переосмысления норм и подтолкнуть к действиям, продиктованным моральными соображениями. Квакеры, опираясь на сформулированные мыслителями Просвещения доводы против рабства и войны, организовали

успешные пацифистские и аболиционистские движения, а другие либеральные протестантские конфессии XIX в. их поддержали (глава 4). Протестантские церкви помогли укротить фронт — дикие рубежи американского Юга и Запада (глава 3). Афроамериканские церкви своей организационной инфраструктурой и силой убеждения поддерживали движение за гражданские права (однако, как хорошо известно, Мартин Лютер Кинг отверг каноническую христианскую теологию и черпал вдохновение в светской западной философии, идеях Ганди и трудах непризнанных церковью теологов-гуманистов). Эти церкви брали на себя функции правоохранительных и общественных организаций, способствуя снижению уровня преступности в афроамериканских гетто в 1990-х (глава 3). Десмонд Туту и другие религиозные лидеры развивающихся стран сотрудничали с политиками и неправительственными организациями в рамках политики примирения, залечивая раны апартеида и успокаивая гражданские волнения (глава 8).

Так что подзаголовок атеистического бестселлера Кристофера Хитченса «Как религия отравляет все вокруг» (How Religion Poisons Everything) — это все же преувеличение. У религии нет своей отдельной роли в истории насилия, потому что религия не была единственной движущей силой в истории чего бы то ни было вообще. У разнообразных движений, которые мы называем религией, мало общего, кроме того что они отличаются от светских институтов, появившихся на исторической сцене сравнительно недавно. И верования, и религиозные практики, несмотря на заявления об их Божественном происхождении, обусловлены обстоятельствами человеческого существования и отвечают на актуальные

интеллектуальные и социальные течения. Когда течения направлены к просвещению, религии часто приспособляются к ним, что особенно заметно сегодня в предусмотрительном пренебрежении кровожадными пассажирами Ветхого Завета. Не везде эти приспособления так очевидны, как в мормонской церкви, чьи лидеры в 1890 г. удостоились откровения от самого Иисуса Христа, предписывающего церкви отказаться от полигамии, — как раз в то время, когда полигамия мешала вступлению штата Юта в Содружество; еще одна истина снизошла на них в 1978 г., известив, что и черные мужчины тоже могут служить в церкви (до того считалось, что они отмечены печатью Каина). Но менее заметные компромиссы по инициативе отколовшихся конфессий, движений за реформы, экуменических соборов и других сил либерализации помогали гуманистическому приливу увлечь за собой и религии. И только когда фундаменталисты, пытаясь сдержать этот прилив, насаждали племенные, авторитарные и пуританские ограничения, религия становилась силой, поддерживающей насилие.

ДИЛЕММА ПАЦИФИСТА

Давайте же перейдем от исторических сил, которые, похоже, не способны значительно снизить насилие, к тем, что могут это сделать. Я хочу попытаться свести эти силы в некую систему — тогда, вместо того чтобы ставить галочки напротив строк списка, мы сможем увидеть, что у них есть общего. Нам необходимо понять, почему насилие всегда было так соблазнительно, почему люди во все времена стремились его сократить, почему это было так сложно и почему некоторые преобразования

действительно снижали его уровень. Чтобы что-то объяснять, эти изменения должны быть внешними, экзогенными, они должны быть не частью того самого спада, который мы пытаемся понять, а независимыми переменными, которые предшествовали ему и стали его причиной.

Хороший способ понять изменяющуюся динамику насилия — вспомнить хрестоматийную матрицу выгод сотрудничества (в данном случае — отказа от агрессии), а именно дилемму заключенного (глава 8). Давайте поменяем название и дадим ей имя «дилемма пацифиста». Человек или коалиция могут соблазниться выгодами, которые даст им победа в захватнической агрессии (эквивалент «предательства» сотрудничающего), и постараются избежать потерь в результате предательства соперника, действующего, исходя из тех же соображений. Но если обе стороны выбирают агрессию, они ввязываются в карательные войны (взаимное предательство) и оказываются в худшем положении, чем если бы выбрали плоды мира (двустороннее сотрудничество). Рис. 10–1 изображает дилемму пацифиста; значения потерь и приобретений случайны, но адекватно отражают трагическую структуру дилеммы.

		Выбор другого	
		Пацифист	Агрессор
Собственный выбор	Пацифист	Мир (5) Мир (5)	Поражение (-100) Победа (10)
	Агрессор	Победа (10) Поражение (-100)	Война (-50) Война (-50)

РИС. 10–1. Дилемма пацифиста

Дилемма пацифиста ни в коей мере не математическая модель, но я буду ссылаться на нее, чтобы еще одним способом выразить те идеи, которые пытаюсь объяснить словами. Цифры в таблице

отражают двойную трагедию насилия: во-первых, пока матрица вознаграждений в нашем мире выглядит таким образом, пацифистом быть неразумно. Если ваш противник — пацифист, вас так и тянет воспользоваться его уязвимостью (десять очков победы лучше пяти очков мира), а если он агрессор, вам выгоднее понести потери войны (минус 50 очков), чем по причине вашей наивности позволить ему сожрать вас (ужасные потери 100 очков). В любом случае агрессия — разумный выбор.

Вторая сторона трагедии в том, что потери жертвы (–100 в данном случае) совершенно непропорциональны выигрышу агрессора (10). Если только противники не сцепились не на жизнь, а на смерть, агрессия — игра не с нулевой суммой, а с отрицательной; для обоих было бы лучше не прибегать к ней, несмотря на преимущества, которые сулит победа. Выигрыш завоевателя, завладевшего клочком земли, несопоставим с проигрышем убитой им семьи, а несколько мгновений разрядки напряжения насильника совершенно непропорциональны страданиям его жертв. Эта асимметрия — следствие закона энтропии: лишь бесконечно малая толика состояний Вселенной упорядочена настолько, чтобы поддерживать жизнь и счастье, поэтому ломать — не строить, а причинять страдания проще, чем дарить счастье. А из этого следует, что незаинтересованный наблюдатель, хладнокровно и расчетливо сравнивая сумму счастья и несчастья, сочтет насилие нежелательным, потому что оно приносит жертвам больше горя, чем счастья — исполнителям, и тем самым понижает совокупный объем счастья в мире.

Но, расставшись с надмирной точкой зрения незаинтересованного наблюдателя и спустившись на

бренную землю, мы понимаем, почему так сложно избавиться от насилия. Никто не хочет оказаться единственным, выбравшим мирную стратегию: ведь если противник соблазнится агрессией, пацифисту придется заплатить ужасную цену. Проблема «другого парня» объясняет, почему пацифистским призывам подставить другую щеку и перековать мечи на орала не удалось значительно снизить насилие: эти стратегии работают, только если ваш противник чувствует то же самое одновременно с вами. Я думаю, та же проблема помогает нам понять, почему не раз в истории насилие совершенно непредсказуемо взлетало до небес или проваливалось вниз. Каждой из сторон приходится быть агрессивной, чтобы не стать легкой добычей для врага, и часто лучшая защита — это нападение. Взаимный страх растет, заманивая противников в гоббсовскую ловушку (дилемму безопасности), что усиливает воинственные настроения с обеих сторон (глава 2). Даже если дилемма возникает неоднократно и угроза ответных действий теоретически должна сдерживать противников, стратегическое преимущество чрезмерной самонадеянности и другие эгоистические искажения могут вместо этого привести к циклам междоусобиц. Соответственно, на убедительный жест доброй воли противник время от времени может отвечать взаимностью, что ослабляет спираль насилия и снижает его уровень, когда этого вообще никто не ожидает.

И здесь ключ к определению того общего, что объединяет исторические силы, способствующие снижению уровня насилия. Каждая из них должна изменять матрицу вознаграждений дилеммы пацифиста — цифры в клеточках — таким образом,

чтобы заманить игроков в левую верхнюю клетку, ту, что вознаграждает обоих преимуществами мира.

Я думаю, что в свете исторических и психологических знаний, изложенных в этой книге, нам удастся установить пять обстоятельств, подталкивающих человечество в сторону мира. Каждое из них, хоть и в разной степени, проявляет себя в целом ряду исторических последовательностей, числовых наборов данных и экспериментальных исследований. И каждое, что нетрудно продемонстрировать, меняет матрицу вознаграждений дилеммы пацифиста таким образом, чтобы переманить людей в драгоценную мирную ячейку. Давайте пробежимся по ним в порядке их появления в предыдущих главах.

ЛЕВИАФАН

Государство, пользующееся монополией на насилие, чтобы защищать своих граждан друг от друга, скорее всего, самый значительный фактор снижения уровня насилия из всех, о которых мы узнали в этой книге. Его простая логика изображена в треугольнике агрессор–жертва–наблюдатель на рис. 2–1, и ее нетрудно переформулировать в терминах дилеммы пацифиста. Если государство накладывает на агрессора достаточно крупный штраф, превышающий полученную им прибыль, скажем делает агрессивность в три раза невыгоднее миролюбия, оно выворачивает наизнанку матрицу вознаграждений потенциального агрессора, делая мир для него привлекательнее войны (рис. 10–2).

Кроме того что Левиафан меняет арифметику рационального агента, он (или скорее его женское

воплощение у римлян — богиня правосудия Юстиция) — это незаинтересованная третья сторона: взыскания, которые она накладывает, не завышены из-за эгоистического искажения и не вызывают желания отомстить. Рефери, наблюдающий за игрой, снижает мотивацию вашего противника к превентивному или оборонительному удару, что уменьшает уже ваше стремление занять агрессивную позицию, а это, в свою очередь, успокаивает оппонента и так далее и может ослабить туго затянутую спираль враждебности. А благодаря обобщенному эффекту самоконтроля, продемонстрированному в лабораториях психологов, сдерживание агрессивных порывов может войти в привычку и цивилизованные стороны станут подавлять соблазн атаковать, даже если Левиафан повернется к ним спиной.

		Выбор другого	
		Пацифист	Агрессор
Собственный выбор	Пацифист	Мир (5) Мир (5)	Поражение (-100) Победа-Взыскание (10-15 = -5)
	Агрессор	Победа-Взыскание (10-15 = -5) Поражение (-100)	Война-Взыскание (-50-150 = -200) Война-Взыскание (-50-150 = -200)

РИС. 10-2. Как Левиафан решает дилемму пацифиста

Эффект Левиафана лежит в основе процессов умирения и цивилизации, которым посвящены главы 2 и 3. Когда банды, племена и племенные союзы подчинились контролю первых государств, подавление набегов и уوبيц способствовало пятикратному снижению числа насильственных смертей (глава 2). Когда же европейские феодалы объединились в королевства и суверенные государства, укрепление сил правопорядка со временем снизило уровень убийств еще в 30 раз (глава 3). Зоны анархии, до которых не может дотянуться правительство, сохраняют в неизменности

жестокую культуру чести: в пример можно привести горные деревни Европы, Дикий Запад и южный фронт Америк (глава 3). То же самое верно в отношении социоэкономических зон анархии: низших классов, лишенных эффективной охраны порядка, и нелегального бизнеса, который не может обратиться за защитой в полицию (глава 3). Когда правоохранительные органы ослабляют хватку, например во времена стремительной деколонизации, забастовок полиции, в недееспособных государствах, анократиях или в ряде стран Запада в 1960-х, насилие получает шанс наверстать упущенное (главы 3 и 6). Неумелое правление повышает риск гражданских войн и, вероятно, является принципиально важным отличием раздираемого насилием развивающегося мира от более благополучного развитого (глава 6). Граждане стран, где закон слаб, в психологических лабораториях предаются нелепой злобной мести, от которой страдают все (глава 8).

Гоббс снабдил Левиафана мечом, меч держит в руках и статуя Фемиды в здании суда. Но порой ей достаточно весов и повязки на глазах. Люди стараются избежать ударов по репутации, телу и банковскому счету, и иногда «мягкая сила» влиятельной третьей стороны или угроза позора и остракизма может приструнить нарушителя не хуже грубой силы полиции или армии. Эта мягкая сила критически важна на международной арене, где мировое правительство не больше чем фантазия, но мнение третьей стороны, периодически подкрепляемое санкциями или демонстрацией силы, может творить чудеса. Если страны состоят в международных организациях или пускают к себе международные миротворческие силы, риск войны снижается — и здесь усмиряющий эффект действий невооруженной

или легковооруженной третьей стороны можно измерить (главы 5 и 6).

Когда же Левиафан хватается за меч, результат зависит от того, насколько взвешенно он применяет свою силу, добавляя взыскания в «агрессивные» ячейки матрицы решений своих граждан. Без разбору ужесточая наказания во всех четырех клетках, терроризируя подданных, лишь бы не лишиться власти, Левиафан способен причинить вреда не меньше, чем предотвратить (главы 2 и 4). Преимущество демократий перед автократиями и анократиями проявляется в том, как осторожно демократическое правительство отмеряет нужное количество силы в нужные клеточки матрицы вознаграждений, что делает выбор в пользу мира не мучительно недостижимым идеалом, но неизбежным решением.

МИРНАЯ ТОРГОВЛЯ

Мысль, что обмен выгодами способен превратить нулевую сумму войны в положительную сумму двусторонней прибыли, была одной из ключевых идей Просвещения, и уже в наши дни биологи прибегли к ней для объяснения эволюции сотрудничества между людьми, не связанными родством. Мирная торговля изменяет дилемму пацифиста, подсластив опцию взаимного миролюбия взаимной выгодой обмена (рис. 10–3).

		Выбор другого	
		Пацифист	Агрессор
Собственный выбор	Пацифист	Мир + Прибыль (5 + 100 = 105) Мир + Прибыль (5 + 100 = 105)	Поражение (-100) Победа (10)
	Агрессор	Победа (10) Поражение (-100)	Война (-50) Война (-50)

РИС. 10-3. Как торговля решает дилемму пацифиста

Хотя мирная торговля не исключает трагедии предательского нападения, она устраняет побуждение противника атаковать (ведь он тоже выигрывает от мирного обмена) и таким образом вычеркивает этот повод для беспокойства. Доходность двустороннего сотрудничества как минимум частично экзогенна, поскольку зависит не только от желания агентов торговать, так же сильно она зависит от того, нуждаются ли партнеры в продукции, производимой другой стороной, и от наличия инфраструктуры, упрощающей обмен: транспорта, финансов, бухгалтерии и договорного права. Когда люди втянуты в добровольный обмен, они заинтересованы принимать перспективу друг друга, смотреть на мир глазами партнера, чтобы заключить выгодную сделку («клиент всегда прав»), что, в свою очередь, может заставить их уважительно относиться к интересам других, хоть и не обязательно испытывать к ним теплые чувства.

Норберт Элиас считал государство-Левиафан и мирную торговлю двумя основными движущими силами европейского процесса цивилизации (глава 3). Сформировавшись в позднем Средневековье, растущие королевства не только наказывали за грабеж и национализировали правосудие, но обеспечивали инфраструктуру обмена, в том числе деньги и правовую поддержку соблюдения договоров. Эта инфраструктура, вместе с технологическими

достижениями, такими как дороги и часы, а также отмена табу на проценты на капитал, инновации и конкуренцию, повысила привлекательность торговли, и в результате рыцарей и солдат сменили купцы, мастера и бюрократы. Теория была подтверждена историческими данными, показывающими, что рост торговли начался в позднем Средневековье, и данными криминологов, показавшими, что уровень насильственных смертей тогда действительно резко упал (9 и 3 главы 9 и 3).

Торговле между крупными образованиями, такими как города и государства, способствовали появление океанских кораблей и новых финансовых институтов и угасание политики торговых ограничений. Эти усовершенствования можно частично отнести на счет превращения воинственных империй XVIII столетия — Швеции, Дании, Нидерландов и Испании — в причинявшие меньше неприятностей торговые государства (глава 5). Два столетия спустя переход Китая и Вьетнама от авторитарного коммунизма к авторитарному капитализму сопровождался снижением готовности ввязываться в идеологические войны до последней капли крови (глава 6). В прочих регионах мира сдвиг системы ценностей от национальной славы в сторону зарабатывания денег тоже, кажется, выбил почву из-под ног вечно недовольных реваншистских движений (главы 5 и 6). Сдвиг этот частично случился из-за того, что идеологии, чье моральное банкротство стало очевидным, ослабили свою хватку, а частично благодаря соблазну щедрых вознаграждений глобальной экономики.

Эти тезисы подтверждаются количественными исследованиями. В послевоенные десятилетия, ставшие свидетелями наступления Долгого и Нового

мира, объемы международной торговли взлетели до небес — а мы убедились, что страны, торгующие друг с другом, при прочих равных реже скрещивают шпаги (глава 5). Вспомните также, что страны, открытые мировой экономике, реже подвергаются опасности геноцида и гражданских войн (глава 6). Правительства, основывающие благополучие нации на добыче нефти, минералов и бриллиантов, а не на добавленной стоимости коммерции и торговли, тянут страну в противоположную сторону и подвергают ее опасности гражданской войны (глава 6).

Теория мирной торговли не только подтверждается цифрами международных наборов данных, но и соответствует феномену, давно известному антропологам: многие культуры поддерживают активную сеть обменов, даже если обмениваются при этом совершенно бесполезными подарками: они знают, что это помогает сохранять мирные отношения⁵. Это один из тех этнографических феноменов, что навели Алана Фиска и его коллег на предположение, что, когда дело доходит до соблюдения равенства и рыночной оценки, люди чувствуют, что связаны взаимными обязательствами, и меньше дегуманизируют друг друга, в отличие от ситуации, когда они состоят в нулевых или асоциальных отношениях (глава 9).

Состояние умов, на котором держится мирная торговля, в отличие от других умиротворяющих сил, которые я перечисляю в данной главе, не тестировалось напрямую в психологических лабораториях. Мы знаем, что, когда люди (и, кстати, обезьяны тоже) участвуют в играх с положительной суммой, требующих от них сотрудничества ради достижения желанной общей цели, враждебное

напряжение между ними ослабевает (глава 8). Мы знаем и то, что и в реальном мире обмен может быть прибыльной игрой с положительной суммой. Но мы не знаем, сам ли по себе обмен снижает враждебную напряженность. Насколько я знаю, прочитав массу литературы по эмпатии, сотрудничеству и агрессии, никто не проверял экспериментально, действительно ли люди, прибегающие к взаимовыгодным обменам, реже бьют друг друга током и не поливают еду товарища огненно-острым соусом. Я подозреваю, дело в том, что мирная торговля не очень привлекательная для исследователей идея. Культурные и интеллектуальные элиты всегда ощущали свое превосходство над бизнесменами и предпринимателями, им и в голову не приходит приписать этим низменным торговцам нечто столько благородное, как мир⁶.

ФЕМИНИЗАЦИЯ

Не так давно скончавшийся Цутому Ямагути — или самый счастливый человек в мире, или же самый невезучий — это как посмотреть. Ямагути выжил в атомной бомбардировке Хиросимы, а затем принял неверное решение, куда бежать от беды, и отправился в Нагасаки. Он выжил и в этом взрыве и прожил еще 65 лет, скончавшись в 2010 г. в возрасте 93 лет. Человек, переживший оба ядерных взрыва, заслуживает самого уважительного внимания с нашей стороны. Перед смертью он предложил рецепт мира в ядерном веке: «Единственные, кому должно быть позволено управлять ядерными странами, — это кормящие матери»⁷.

Ямагути обратился к базовому эмпирическому обобщению о насилии, а именно что оно по большей части совершается мужчинами. С детства мальчики играют в более агрессивные игры, чем девочки, больше фантазируют о насилии, увлекаются жестокими развлечениями, совершают львиную долю насильственных преступлений, получают больше удовольствия от мести и расправы, чаще глупо рискуют, бросаясь в атаку, голосуют за воинственных политиков и лидеров, планируют и воплощают в реальность практически все войны и все проявления геноцида (главы 2, 3, 7 и 8). Даже когда разница подобных показателей у разных полов невелика, она может решить исход выборов, сжать спираль враждебности, когда каждой стороне приходится быть чуть более воинственной, чем другой. Исторически женщины становились лидерами пацифистских и гуманистических движений куда чаще, чем позволяло им их влияние в других политических институтах своего времени, а в последние десятилетия, когда влияние женщин и их интересов беспрецедентно выросло во всех слоях общества, войны между развитыми странами стали считаться невыносимыми (главы 5 и 7). Джеймс Шихан охарактеризовал послевоенную трансформацию миссии европейского государства как переход от науки побеждать в сражениях к пожизненной заботе о гражданах, что выглядит почти карикатурой на традиционные гендерные роли.

Рецепт, предложенный Ямагути, конечно, следует обсудить. Бывший госсекретарь Джордж Шульц вспоминает: когда он в 1986 г. сказал Маргарет Тэтчер, что поддерживает Рональда Рейгана, предложившего Михаилу Горбачеву взаимно отказаться от ядерного оружия, та треснула его

сумочкой⁸. Но как мог бы возразить Ямагути, дети Тэтчер к тому времени уже выросли и в любом случае ее взгляды были сформированы миром, где правят мужчины. Так как в ближайшее время женщины, не говоря уже о кормящих матерях, не возглавят все ядерные державы разом, мы не сможем проверить, работает ли рецепт Ямагути. Но в его мысли, что феминизированный мир более миролюбив, есть здоровое зерно.

Ценности, близкие женщинам, способны снижать уровень насилия благодаря психологическим следствиям базового биологического различия между полами: самцы вынуждены конкурировать за доступ к самкам, а самки предпочитают держаться в стороне от рискованных предприятий, которые могут оставить их детей сиротами. Конкуренцией с нулевой суммой, в племенных и рыцарских обществах принимавшей форму соперничества из-за женщин, а в современных — за честь, статус, доминирование и славу, чаще одержимы мужчины, а не женщины. Представьте, что в дилемме пацифиста какая-то доля вознаграждения за победу и потерь от предательства, скажем 80%, заключается в раздувании или ущемлении мужского Эго. Если же выбор будут осуществлять женщины, важность этих эмоциональных вознаграждений соответственно сократится (на рис. 10–4 я для ясности удалил симметричный выбор другого). Теперь мир соблазнительнее победы, а война дороже предательства. Пацифист легко выигрывает. Изменение будет даже более впечатляющим, если мыотрегулируем клетку «война» так, чтобы она отражала бóльшую цену жестокого конфликта для женщин, чем для мужчин.

		Выбор другого	
		Пацифист	Агрессор
Собственный выбор	Пацифист	Мир (5)	Поражение без унижения ($-100 + 80 = -20$)
	Агрессор	Победа без славы ($10 - 8 = 2$)	Война (-50)

РИС. 10-4. Как феминизация может решить дилемму пацифиста

Определенно, сдвиг от мужского к женскому влиянию в принятии решений может быть не полностью экзогенным. В условиях, когда жестокие захватчики могут напасть в любой момент, цена поражения для обоих полов будет катастрофической и приверженность любым ценностям, кроме милитаристских, станет чистым самоубийством. Сдвиг системы ценностей в сторону интересов женщин — роскошь, доступная лишь обществу, которому больше не грозят хищнические вторжения. Но относительный сдвиг власти в сторону интересов женщин может быть инициирован и экзогенными силами, не имеющими отношения к насилию. В традиционных обществах одна из этих сил — жизненные устои: жизнь женщин легче в обществах, в которых они остаются с родной семьей под крылом отцов и братьев, а мужья их навещают, а не там, где они переходят жить в клан мужа и будут подчиняться супругу и его родне (глава 7). В современных обществах в число таких экзогенных сил входят технологические и экономические улучшения, освобождающие женщин от непрерывной заботы о детях и домашних обязанностях: готовая еда, бытовая техника, контрацепция, возросшая продолжительность жизни и переход к информационной экономике.

Общества, где условия сделки для женщин лучше — и традиционные, и современные, — это, как

правило, общества, в которых меньше организованной преступности (глава 8). Это очевидно в случае племен и коалиций, которые готовы к военным действиям, чтобы похищать чужих женщин или мстить за похищение своих: вспомним, например, яномамо и греков гомеровских времен (главы 1 и 2). Но и для современных стран это положение подтверждается контрастом между низким уровнем политического и судебного насилия в ультрафеминистических демократиях Западной Европы и высоким его уровнем в живущих по законам шариата государствах Африки и Азии, где практикуют женское обрезание, побивание камнями за адюльтер и обязательное ношение паранджи (глава 6).

Феминизация не сводится к буквальному наделению женщин правом решающего голоса по вопросам вступления в войну. Она может принимать форму отказа общества от культуры мужской чести, одобряющей жестокое возмездие за оскорбления, закалку мальчиков физическими наказаниями и прославление воинской славы (глава 8). Этим путем шел прогресс в демократиях Европы и развитого мира, а также в голосующих за демократов штатах Америки (главы 3 и 4). Некоторые консервативные исследователи с горечью убеждали меня, что современный Запад ослаблен потерей таких добродетелей, как храбрость и доблесть, и расцветом материализма, легкомыслия, распущенности и женоподобия. Я исхожу из допущения, что насилие всегда плохо, если только оно не помогает предотвратить еще большее насилие, но мои оппоненты правы — это оценочное суждение и нет никаких логических оснований во всех случаях ставить мир выше чести и славы. Но я думаю, что потенциальные жертвы всей этой мужественности

заслуживают права слова в нашем споре, а они вряд ли согласятся, что их жизнь и здоровье — справедливая цена за прославление маскулинных добродетелей.

Феминизация — усмиряющий фактор еще по одной причине. Социальные и сексуальные установления, учитывающие интересы женщин, осушают болота, в которых кишит жестокая межсамцовая конкуренция. Одно из таких установлений — брак, где мужчины обязуются инвестировать в детей, которых они произвели на свет, а не конкурировать с другими мужчинами за сексуальные возможности. Брак снижает уровень тестостерона у мужчин, как и вероятность того, что они будут вести преступную жизнь, и, как мы уже знаем, уровень убийств в Америке упал в 1940–1950-х гг., когда браков заключалось больше обычного, вырос в отрицающих брак 1960-х и 1970-х и остается высоким в афроамериканских кварталах, где характерны низкие показатели заключения браков (глава 3).

Численное равновесие тоже помогает осушать эти болота. Неконтролируемые сообщества, целиком состоящие из мужчин, какими были ковбойские и шахтерские городки американского фронта, практически всегда переполнены насилием (глава 3). Запад был диким, потому что заселялся молодыми мужчинами, в то время как молодые женщины оставались на Востоке. Но в обществе может наблюдаться перевес мужчин и по другой, более зловещей причине — потому что часть женщин была абортирована или убита при рождении. В статье «Избыток мужчин, дефицит мира» (“A Surplus of Men, a Deficit of Peace”) политологи Валери Хадсон и Андреа ден Боер показали, что давняя китайская традиция убивать новорожденных девочек привела к росту

числа не нашедших себе пару мужчин². Это всегда бедные мужчины, потому что у богатых больше шансов найти себе женщину. Эти «сухие ветки», как называют их в Китае, сбиваются в банды искателей приключений, которые конфликтуют друг с другом, грабят и терроризируют оседлое население. Они могут составить настоящую армию, угрожающую как местной, так и центральной власти. Выбор у правительства невелик: либо безжалостно громить такие банды, либо попытаться привлечь их к сотрудничеству, что обычно требует принятия мачистской философии. Лучшее, что может придумать лидер, так это перенаправить разрушительную энергию в другое русло, отослав членов банд в чужие земли в качестве рабочих мигрантов, колонистов или солдат. Если же лидеры враждующих стран попытаются избавиться от лишних мужчин одновременно, результатом может стать безжалостная война на истощение. Хадсон и ден Боер пишут: «В каждом обществе полно сухих веток, которыми можно пожертвовать в таком конфликте — и заботливое правительство будет счастливо избавиться от них»¹⁰.

Традиционный фемцид, к которому в 1980-х присоединилась индустрия выборочных абортов, ввел дозу лишних мужчин в структуру населения Афганистана, Бангладеш, Китая, Пакистана и некоторых частей Индии (глава 7)¹¹. Излишек мужчин не сулит ничего хорошего для мира и демократии в этих регионах в ближайшем будущем. В долгосрочной перспективе усилия феминистских и гуманитарных организаций, озабоченных правом эмбрионов женского пола дожить до своего первого вдоха, помогут уравновесить соотношение полов. Да и правительства этих стран могут наконец разобраться в основах демографии и начать поощрять желание

растить дочерей. Благодатный поток новорожденных девочек приведет с течением времени к снижению жестокости общества. Но пока не родится и не вырастут первые когорты с равным соотношением полов, этим социумам предстоит трудная дорога.

Уважение, которое общество проявляет к интересам женщин, связано с уровнем насилия еще и следующим образом. Насилие — проблема не только слишком большого числа мужчин, но и слишком большого числа *молодых* мужчин. Как минимум в двух крупных исследованиях было показано, что страны, где доля молодых мужчин велика, чаще вступают в межгосударственные и гражданские войны (глава 6)¹². Демографическая пирамида с высоким процентом молодежи в основании опасна не только потому, что молодые мужчины, превосходя по численности старшее, более осторожное население, способны устроить ад на земле. Опасность еще и в том, что эти молодые мужчины будут лишены статуса и партнерши. Неэффективная экономика стран развивающегося мира не может легко приспособить избыток молодежи к делу, оставляя множество мужчин безработными или недостаточно занятыми. А если в обществе к тому же принята официальная или фактическая полигиния и молодые женщины узурпируются старшими и богатыми мужчинами, излишек непристроенной молодежи превращается в излишек непристроенных молодых мужчин. Терять им нечего, и они могут найти себе занятие и цель в бандах, вооруженных формированиях и террористических ячейках (глава 6).

Название «Секс и война» (Sex and War) звучит как идеальная приманка для парней, но эта вышедшая недавно книга — манифест, призывающий к

расширению прав женщин¹³. В ней репродуктивный биолог Малкольм Поттс, политолог Марта Кэмпбелл и журналист Томас Хэйден убедительно доказали: в обществах, где женщины получают доступ к контрацепции и вольны выходить замуж на собственных условиях, они производят на свет меньше потомков, чем там, где мужчины превращают их в репродуктивные машины. А это, в свою очередь, значит, что основание демографической пирамиды в таких странах становится уже. (Сегодня социологи уже не считают, что снижению скорости прироста населения должен предшествовать рост благосостояния страны.) Поттс и его соавторы доказывают, что предоставить женщинам контроль над их репродуктивными возможностями (вечное поле битвы в биологическом сражении полов) сегодня, вероятно, самый эффективный способ снизить уровень насилия в горячих точках мира. Но эмансипация часто сталкивается с сопротивлением со стороны патриархальных мужчин, желающих сохранить контроль над репродуктивными возможностями женщин, и религиозных институтов, запрещающих контрацепцию и аборты.

Таким образом, феминизация — а именно прямое наделение женщин политической властью, девальвация понятия мужской чести, популяризация брака на условиях женщин, поддержка права девочек на рождение, а женщин — на контролирование своих репродуктивных возможностей — это сила, снижающая уровень насилия. Регионы, отставшие от этого исторического марша, отстали и в снижении уровня насилия. Но данные переписей населения по всему миру показывают, что даже в самых темных в этом отношении странах существует значительный подавленный запрос на предоставление женщинам

прав и возможностей, и многие международные организации стараются его развить (главы 6 и 7). И это вселяет надежду на дальнейшее уменьшение числа жестоких конфликтов в мире — если не сегодня, то хотя бы в будущем.

РАСШИРЯЮЩИЙСЯ КРУГ

Последние две умиротворяющие силы лишают насилие его психологических выгод. Первая из них — расширение круга сочувствия. Предположим, жизнь в космополитическом обществе, в котором нам приходится вступать в контакт с различными группами людей и порою смотреть на мир с их точки зрения, меняет нашу эмоциональную реакцию на обстоятельства их жизни. Доведем это рассуждение до логического конца: наше собственное благополучие теперь так тесно зависит от благополучия окружающих и наоборот, что мы действительно любим наших врагов и чувствуем их боль. Выигрыши потенциальных соперников будут просто суммироваться с нашими собственными, и пацифизм станет гораздо предпочтительнее агрессии (рис. 10–5).

		Выбор другого	
		Пацифист	Агрессор
Собственный выбор	Пацифист	Мир ($5 + 5 = 10$) Мир ($5 + 5 = 10$)	Поражение ($-100 + 10 = -90$) Победа ($10 + -100 = -90$)
	Агрессор	Победа ($10 + -100 = -90$) Поражение ($-100 + 10 = -90$)	Война ($-50 + -50 = -100$) Война ($-50 + -50 = -100$)

РИС. 10–5. Как эмпатия и разум решают дилемму пацифиста

Конечно, абсолютное совпадение интересов всех живых существ недостижимо, как нирвана. Но если интересы других станут для нас хотя бы чуточку важнее, скажем повысится наша восприимчивость к

уколам совести при мысли о порабощении, пытках или убийстве других, вероятность агрессивных действий в их отношении может снизиться.

Мы познакомились с доказательствами существования двух этих звеньев причинно-следственной цепи: внешние события расширяют возможности для принятия перспективы, а психологическая реакция превращает принятие перспективы в сочувствие (главы 4 и 9). Технологический прогресс в книгопечатании и логистике, начавшись в XVII столетии, создал Государство словесности и проложил дорогу революции чтения, из которой выросла революция Гуманитарная (глава 4). Все больше людей читали книги, в том числе художественные, которые помогали им проникнуть в чужое сознание, и сатирические, побуждавшие их подвергать сомнению принятые в обществе нормы. Наглядное изображение страданий, причиняемых рабством, садистскими наказаниями, войной, жестокостью к детям и животным, предшествовало реформам, которые запрещали или ограничивали такие обычаи. Конечно, «после того» не значит «вследствие того», но лабораторные исследования показывают, что выслушивание или чтение рассказа от первого лица может пробудить сочувствие людей к рассказчику или как минимум сделать такое сочувствие возможным (глава 9).

Грамотность, урбанизация, мобильность и доступность средств массовой информации в XIX и XX вв. непрерывно росли, а во второй половине XX в. возникла глобальная деревня, обитатели которой получали все больше информации о жизни других, непохожих на них людей (главы 5 и 7). Как Государство словесности и революция чтения

проложили путь Гуманитарной революции XVIII в., так глобальная деревня и электронная революция, возможно, поспособствовали Долгому миру, Новому миру и революциям прав XX столетия. Хотя мы не можем доказать экспериментально, что воздействие средств массовой информации ускорило движение за гражданские права, усилило антивоенные настроения и способствовало падению коммунизма, исследования принятия перспективы-эмпатии выглядят многообещающе, а ряд связей между космополитическим смешением народов и распространением гуманистических ценностей доказан статистически (главы 7 и 9)¹⁴.

ЭСКАЛАТОР РАЗУМА

Расширяющийся круг и эскалатор разума приводятся в движение одними и теми же экзогенными причинами, в частности грамотностью, космополитизмом и образованием¹⁵. Усмиряющий эффект того и другого можно проиллюстрировать и совпадением интересов в дилемме пацифиста. Но расширяющийся круг (в том смысле, в каком я использовал этот термин) и эскалатор разума концептуально различны (глава 9). Первый — это принятие точки зрения другого и представление себе его или ее эмоций, как если бы они были вашими. Второй — восхождение к высшей, сверхрациональной точке зрения, принятие перспективы вечности, взгляд из ниоткуда — и уравнивание своих интересов с интересами ближнего.

У эскалатора разума есть и дополнительный внешний источник — природа реальности с ее логическими отношениями и эмпирическими

фактами, которые не зависят от психологического склада мыслящего, пытающегося ими овладеть. Люди постоянно совершенствовали институты знания и разума, выкорчевывали предрассудки и противоречия из своей системы убеждений, а значит, просто обязаны были прийти к определенным выводам, подобно тому как человек, овладевший правилами арифметических действий, обязательно придет к совершенно определенным результатам вычислений (главы 4 и 9). И зачастую выводы, к которым приходят люди, побуждают их реже прибегать к насилию.

В этой книге мы не раз читали, насколько полезно бывает решать проблемы, прибегая к помощи разума. В разные исторические периоды убийства из суеверия — человеческие жертвоприношения, охота на ведьм, кровавые наветы, инквизиция и огульные обвинения по этническому признаку — прекращались, как только фактические предпосылки, на которых они основывались, рассыпались под испытующим взглядом интеллектуально развитых личностей (глава 4). Тщательно обоснованные выступления против рабства, деспотизма, пыток, религиозных преследований, жестокости к животным, грубого обращения с детьми, насилия в отношении женщин, необоснованных войн и преследования гомосексуалов были не просто пустой болтовней — они влияли на решения, принимаемые людьми и организациями, которые прислушивались к аргументам и начинали реформы (главы 4 и 7).

Конечно, не всегда можно отделить эмпатию от разума, сердце от головы. Но ограниченный радиус действия эмпатии, ее ограниченность похожими на нас и близкими к нам, предполагает: эмпатия нуждается в том, чтобы свойственное разуму стремление к справедливости сдвигало стратегии и

нормы в сторону реального сокращения насилия в мире (глава 9). Я имею в виду не только законодательные запреты актов насилия, но и институты, созданные специально, чтобы ослабить его соблазны. В ряду этих тщательно продуманных приспособлений — демократическое правительство, антивоенные меры Канта, движения по примирению в развивающемся мире, ненасильственные движения сопротивления, международные миротворческие операции, реформы, направленные на профилактику преступности и цивилизационные достижения 1990-х, а также тактики сдерживания, санкций и осмотрительного взаимодействия на международной арене, созданные, чтобы дать лидерам стран дополнительные возможности, не ограничивая их игрой в «кто первый струсит», которая привела к Первой мировой войне, или политикой умиротворения агрессора, которая привела ко Второй (главы 3–8).

Что еще важнее, эскалатор разума, порою замедляясь, останавливаясь, а то и давая задний ход, увозит нас прочь от трайбализма, идеалов авторитета и высшей чистоты в сторону гуманизма, классического либерализма, независимости и прав человека (глава 9). Гуманистическая система ценностей, которая ставит на первое место благополучие человека — продукт разума, потому что ее можно обосновать. С ее постулатами согласится любое сообщество мыслящих людей, каждый из которых ценит собственные интересы и готов договариваться с другими, опираясь на разумные доводы, в то время как общинные и авторитарные ценности ограничены племенем или иерархией (главы 4 и 9).

Когда волна космополитизма привносит в общественный диалог самые разные мнения, когда свобода слова позволяет дискуссии развиваться в любом направлении, когда уроки провалившихся исторических экспериментов известны всем, системы ценностей развиваются в направлении либерального гуманизма (главы 4–9). Это подтверждается недавним крахом тоталитарных идеологий, сокращением числа проявлений геноцида и войн, разожженных ими, это демонстрирует динамика революций прав, в ходе которых аргументы, доказывающие необоснованность подавления расовых меньшинств, распространились и на дискриминацию женщин, детей, гомосексуалов и животных (глава 7). И столь же ясно это заметно в том, что со временем такие перемены захватили и консерваторов, которые первоначально им сопротивлялись. Исключения лишь подтверждают правило: замкнутые общества, изолированные от идей внешнего мира, где правительство и Церковь затыкают рот прессе, — это как раз те общества, что наиболее упрямо сопротивляются гуманизму и преданы своим племенным, авторитарным и религиозным идеологиям (глава 6). Но и они не смогут вечно сопротивляться либерализующей волне нового электронного Государства словесности.

Метафора эскалатора, предполагающая, что изменчивая идеологическая мода все же развивается в определенном направлении, может показаться слишком уж прогрессистской, либеральной и исторически наивной. Но факты ее подтверждают. Мы видели множество примеров тому, как либеральные реформы, зародившиеся в Западной Европе или на берегах Америки, со временем заимствовались и более консервативными регионами мира (главы 4, 6 и 7). И мы наблюдали корреляции и даже одну-две

причинно-следственные связи между хорошо развитыми мыслительными способностями и открытостью к сотрудничеству, демократии, классическому либерализму и ненасилию (глава 9).

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снижение уровня насилия, скорее всего, самое значительное и самое недооцененное достижение в истории нашего вида. Его последствия затрагивают самую суть наших верований и ценностей — ничто для нас не может быть важнее ответа на вопрос, изменяются ли с ходом веков условия человеческого существования, а если да, то к лучшему или же к худшему. На кону стоят концепция грехопадения, моральный авторитет религиозных писаний и священноначалия, вопрос о врожденной безнравственности или, наоборот, милосердия, свойственной природе человека, проблемы движущих сил истории и этической оценки природы, общества, традиций, чувств, разума и науки. Пытаясь описать и объяснить спады насилия, я извел тонну бумаги и не готов известить еще столько же, изучая их последствия. Но я все же закончу свою книгу двумя наблюдениями над вероятными следствиями исторического спада насилия.

Первое касается вопроса, как нам следует оценивать современность — изменение жизни человека с помощью науки, технологии и разума и сопутствующий ей отказ от идеалов веры, обычая, общинности, традиционных авторитетов и единения с природой.

Презрение к современности — неизменная составляющая социальной критики наших дней. Скучают ли люди по тихой жизни в маленьких городках, по экологической безопасности, общинной

сплоченности, по семейным ценностям или религиозной вере, по примитивному коммунизму или жизни в гармонии с природой, все они страстно желают повернуть время вспять. Что дали нам технологии, говорят они, кроме отчуждения, эксплуатации, социальной патологии, потерянного смысла жизни и культуры потребления, разрушающей планету, лишь бы обеспечить желающих типовыми домами, внедорожниками и телевизионными реалити-шоу?

Жалобы на изгнание из рая далеко не новость, как показал историк Артур Херман в книге «Идея упадка в западной истории» (The Idea of Decline in Western History)¹. В 1970-х, когда романтическая ностальгия по прошлому окончательно укоренилась, статистики и историки начали копить факты в ее опровержение. Заголовки их книг говорят сами за себя: «Хорошая новость: плохие новости неверны» (The Good News Is the Bad News Is Wrong), «Время работает на нас» (It's Getting Better All the Time), «Старые добрые деньки были ужасны!» (The Good Old Days — They Were Terrible!), «Обоснование разумного оптимизма» (The Case for Rational Optimism), «Мир становится лучше» (The Improving. State of the World), «Парадокс прогресса» (The Progress Paradox) и опубликованные недавно книги Мэтта Ридли «Разумный оптимист» (The Rational Optimist) и Чарльза Кенни «Перемены к лучшему»².

Защитники современности рассказывают, как выглядела ежедневная жизнь до века технологий и изобилия. Наши предки, напоминают они, страдали от вшей и паразитов и жили над выгребными ямами, переполненными их собственными нечистотами. Питание было невкусным, однообразным и

нерегулярным. Медицина не продвинулась дальше пилы хирурга и щипцов дантиста. Мужчины и женщины работали от рассвета и до заката, а с закатом погружались в кромешную тьму. Зима означала месяцы голода, скуки и невыносимого одиночества в заметенных снегом фермерских домишках.

Но нашим предкам приходилось обходиться не только без телесного комфорта в быту. Они были лишены высших, благородных сторон жизни — знаний, красоты, контактов между людьми. До недавнего времени никто никогда не уезжал дальше нескольких миль от места, где родился. Никто ничего не знал о необъятном космосе, предыстории цивилизации, происхождении жизни, генетическом коде, микромире и составных элементах материи и жизни. О музыкальных записях, доступных книгах, мгновенно поступающих мировых новостях, о репродукциях великих картин, о кинофильмах нельзя было и мечтать, не говоря уже о том, чтобы всегда иметь их под рукой — в коробочке, вмещающейся в карман рубашки. Если дети уезжали в другую страну, родители могли больше никогда не увидеть их лиц, не услышать голоса и не познакомиться с внуками. А ведь есть еще и дар самой жизни, преподнесенный нам современностью: ее значительно увеличившаяся продолжительность, матери, не умирающие в родах, дети, пережившие младенчество. Прогуливаясь по старым кладбищам Новой Англии, я всегда ужасаюсь обилию крошечных могил и горьких эпитафий: «Эльвина Мария, умерла 12 июля 1845 года в возрасте 4 лет и 9 месяцев. Прости наши слезы и рыдания родителей. Здесь спит вечным сном увядший цветочек».

Ни один романтик никогда не сел бы в машину времени, чтобы отправиться в прошлое, но, даже зная об этом, ностальгирующие всегда могли выложить моральный козырь: переизбыток насилия в наши дни. Как минимум, говорят они, нашим предкам не приходилось беспокоиться об уличном бандитизме, школьной стрельбе, террористических атаках, Холокосте, мировых войнах, «полях смерти», напалме, ГУЛАГе и ядерном уничтожении. Да, ни один «боинг», антибиотик или айфон не стоит страданий, которыми нам грозят современные технологические прорывы.

И вот тут-то несентиментальная история и статистическая грамотность способны изменить наш взгляд на современность. Они демонстрируют, что ностальгия по мирному прошлому — крупнейшее заблуждение из всех. Сегодня мы знаем, что у нецивилизованных народов, чья жизнь так романтизирована в современных детских книжках, уровень насильственной смертности был выше, чем у солдат двух мировых войн. Романтический взгляд на европейское Средневековье предпочитает не замечать изысканно оформленных пыточных инструментов и ничего не знает о тридцатикратно большем риске насильственной смерти в те времена. В века, по которым люди испытывают ностальгию, жене прелюбодея могли отрезать нос, восьмилетнего ребенка — повесить за кражу, семью заключенного — заставить платить за снятие оков, женщин, обвиненных в ведьмовстве, распиливали пополам, а матросов секли до кровавого месива. Общепринятые моральные принципы нашего века, осуждение рабства, войны и пыток в те времена показались бы слащавой сентиментальностью, а наше представление об универсальных правах человека никому не было бы понятно. Геноцид и военные преступления не

попадали в исторические хроники только потому, что в прошлом им не придавали большого значения. С расстояния 70 лет, прошедших с последней мировой войны и геноцида первой половины XX в., мы видим: они не предвещали худшие времена и не стали новой нормой, к которой придется привыкать. Это были локальные вершины трагедии, с которых человечество неравномерными шагами спускалось все эти годы. Идеологии, вдохновлявшие их, не стали частью современности — это атавизмы, закончившие свои дни в мусорной корзине истории.

Силы современности — разум, наука, гуманизм, права человека, — конечно, не толкали мир только и исключительно в одну сторону; они не перенесут нас в Утопию и не положат конец всем страданиям и столкновениям, сопутствующим человеку на жизненном пути. Но кроме преимуществ в здоровье, знаниях и опыте, которые принесла современность, нам стоит отдать ей должное и за ту роль, что она сыграла в снижении уровня насилия.

Для авторов, заметивших спады насилия, их изобилие, наблюдающееся на множестве временных шкал и уровне магнитуд, окутано тайной. Джеймс Пейн писал о соблазне списать их на «работу высших сил», о процессе, который кажется «почти магическим»³. Роберт Райт чуть не поддался этому соблазну, задавшись вопросом, не является ли сокращение конкуренции с нулевой суммой «доказательством бытия Бога», намеком на «существование высшего смысла» или историей, написанной «космическим автором»⁴.

Я без труда могу справиться с этим искушением, но соглашусь, что огромное количество наборов данных, подтверждающих, что насилие, хоть и неравномерно, но сокращается, — загадка, над которой стоит задуматься. Какой смысл можем мы извлечь из ощущения, что история человечества движется в направлении, указанном некой стрелкой? Где эта стрелка, вправе мы спросить, и кто ее начертал? И если тот факт, что столь многие исторические силы развиваются в благоприятном для нас направлении, не предполагает божественной принадлежности руки, нарисовавшей стрелку, может ли он подтвердить идею морального реализма о том, что нравственные истины находятся где-то вне нас и нам нужно их открывать, так же как мы открываем законы естественных наук и математики?⁵

Мой взгляд таков: дилемма пацифиста как минимум проясняет эту загадку и показывает, что неслучайное направление исторического развития берет начало в реальности, которая формирует наши концепции морали и смысла. Человечеству от этой дилеммы не избавиться, потому что интересы людей не совпадают, физическая уязвимость делает нас легкой добычей, а искушение эксплуатировать других, чтобы не позволить им поживиться за наш счет, обрекает стороны на конфликт и взаимные убытки. Односторонний пацифизм — проигрышная стратегия, а взаимный мир недостижим. Эти сводящие с ума обстоятельства прописаны в математической структуре матрицы вознаграждений, и в этом смысле они часть природы реальности. Неудивительно, что древние греки обвиняли в своих войнах капризных богов, а евреи и христиане звали к высоконравственному божееству, которое может подкрутить баланс вознаграждений в ином мире и,

следовательно, изменить структуру стимулирования в этом.

Природа человека, какой оставила ее нам эволюция, не способна перенести нас в благословенную мирную клетку в верхнем левом углу матрицы. Мотивы вроде алчности, страха, доминирования и похоти продолжают тянуть нас в сторону агрессии. И хотя основной обходной путь — угроза отплатить той же монетой — может привести нас к сотрудничеству в повторных раундах игры, в реальной жизни месть, неверно отмеренная искажениями эгоистичности, часто приводит нас к повторяющимся циклам вражды, а не к стабильному сдерживанию.

Но природе человека свойственны и мотивы, влекущие нас в мирную клетку — сочувствие и самоконтроль. Она оснащена каналами связи — языком — и оборудована открытой системой комбинаторного мышления. Когда система очищается в горниле полемики, а продукты ее сохраняются в письменности и в других формах культурной памяти, она способна придумать способы изменить структуру вознаграждений и сделать мирную клетку неотразимо привлекательной. Не последняя среди этих тактик — сверхрациональное обращение к другой абстрактной черте реальности — взаимозаменяемости перспектив, неуникальности наших узких и ограниченных точек зрения. Это разрушает дилемму, объединяя вознаграждения антагонистов в одно.

Только раздутое чувство собственной значимости может заставить считать наше желание избавиться от дилеммы пацифиста высшей целью Вселенной. Но это желание, как кажется, действительно связано с не совсем материальными обстоятельствами и потому

отличается от желаний, подтолкнувших нас к изобретению рафинированного сахара и центрального отопления. Сводящая с ума структура дилеммы пацифиста — абстрактная черта реальности. Абстрактно и самое целостное ее решение, взаимозаменяемость перспектив, — принцип, лежащий в основе Золотого правила и его аналогов, сформулированных во множестве других моральных традиций. Наш разум боролся с этими аспектами реальности на протяжении всей истории — точно так же, как бился над законами логики и геометрии.

Отказаться от разрушительного противостояния — цель не космическая, но человеческая. Защитники религии долго настаивали, что в отсутствие божественных эдиктов мораль никогда не найдет внешней по отношению к человеку точки опоры. Люди смогут преследовать лишь эгоистичные интересы, возможно слегка облагороженные вкусом или модой, и будут приговорены к жизни в релятивизме и нигилизме. Теперь мы понимаем, почему этот аргумент ложный. Поиск земных путей, какими человеческие существа могут прийти к процветанию, в том числе приемов, призванных преодолеть трагедию внутренней склонности к агрессии, — самая достойная цель для каждого из нас. Эта цель благородней присоединения к небесному хору, растворения в космическом духе или реинкарнации в высшую форму жизни, потому что ее может обосновать любой мыслящий — ее не нужно внушать случайным группам людей с помощью силы, традиции или харизмы вождя. Факты и цифры, собранные в этой книге, показывают, что на пути к этой цели мы способны добиться прогресса — прогресса неполного и неравномерного и тем не менее бесспорного.

И последнее. Работая над этой книгой, я усвоил аналитическую, а временами легкомысленную интонацию, поскольку убежден, что вокруг этой темы слишком много пиетета и слишком мало понимания. Но я ни на секунду не забывал о реальности, стоящей за цифрами. Обозревать историю насилия — значит беспрерывно ужасаться жестокости и бессмысленности происходящего, и временами меня переполняли гнев, отвращение и безмерная тоска. За сухими графиками я воочию вижу юношу, которого накрывает волна боли, и он чувствует, как жизнь медленно покидает его, и понимает, что у него отняли десятилетия бытия. Я вижу жертву пыток — невыносимая агония вытеснила из ее сознания все мысли и желания, кроме одного: чтобы само сознание наконец угасло. Я вижу женщину, узнавшую, что ее муж, отец и братья лежат мертвые во рву, а сама она скоро «в руки попадет горячего и буйного насилия»^[143]⁶. Было бы ужасно, если бы все эти бедствия выпали на долю одного человека или десяти, или сотни. Но речь идет не сотнях, не о тысячах и даже не о миллионах, а о сотнях миллионов — магнитуда, которую мозг отказывается принимать, с глубочайшим ужасом осознавая, сколько страданий причинила голая обезьяна своему собственному виду⁷.

Но между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, наш вид отыскал и способы снизить эти цифры, что позволило все большему числу людей жить в мире и умирать от естественных причин⁸. При всех невзгодах нашей жизни, при всех проблемах, существующих в мире, спад насилия — это достижение, которым мы

можем наслаждаться, и повод ценить силы цивилизации и просвещения, которые сделали его ВОЗМОЖНЫМ.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Оценка вероятности в зависимости от доступности в памяти: Slovic, 1987; Tversky & Kahneman, 1973.
2. Понятие Долгого мира (The Long Peace) ввел в употребление Джон Гэддис в 1986 г.
3. Обсуждение спада насилия в моих предыдущих книгах: Pinker, 1997, pp. 518–19; Pinker, 2002, pp. 166–69, 320, 330–36.
4. Другие книги, посвященные спаду насилия: Elias, 1939/2000; Human Security Research Project, 2011; Keeley, 1996; Muchembled, 2009; Mueller, 1989; Nazaretyan, 2010; Payne, 2004; Singer, 1981/2011; Wright, 2000; Wood, 2004.

Глава 1. Другая страна

1. Данные обзоров. Мы с Беннетом Хазелтоном опросили 265 пользователей интернета — какой исторический период в предложенных пяти парах характеризуется, по их мнению, более высоким уровнем насильственных смертей: доисторические сообщества охотников-собирателей или первые государства; современные сообщества охотников-собирателей или современные западные общества; Англия XIV в. или XX в.; войны 1950-х или 2000-х гг.; США в 1970-х или в 2000-х гг. В каждом случае респонденты считали более поздние культуры более жестокими, в диапазоне с коэффициентом отличия от 1,1 до 4,6 раз. На самом деле, как мы увидим, более жестокими были более ранние культуры, с коэффициентом от 1,6 до 30 раз.
2. Эци: В. Cullen, “Testimony from the Iceman,” *Smithsonian*, Feb. 2003; С. Holden, “Iceman’s final hours,” *Science*, 316, Jun. 1, 2007, p. 1261.
3. Кенневикский человек: McManamon, 2004; С. Holden, “Random samples,” *Science*, 279, Feb. 20, 1998, p. 1137.
4. Человек из Линдоу: Joy, 2009.
5. Череп с сохранившимся мозгом: “2000-year old brain found in Britain,” *Boston Globe*, Dec. 13, 2008.
6. Убитая семья: С. Holden, “A family affair,” *Science*, 322, Nov. 21, 2008, p. 1169.
7. Войны во времена Гомера: Gottschall, 2008.
8. Агамемнон подталкивает к геноциду: Homer, 2003, p. 101.

- [9.](#) «Быстрые корабли с малой осадкой»: Gottschall, 2008, p. 1
- [10.](#) «Холодная бронза прорезает с удивительной легкостью»: Gottschall, 2008, pp. 143–144.
- [11.](#) «Так я под Троею сколько ночей» Гомер. Илиада. Песнь девятая, 325–27. Перевод Н. Гнедича.
- [12.](#) Ветхий Завет: Kugel, 2007.
- [13.](#) «А разве можно поступать с сестрой нашей»: Бытие 34:25–31.
- [14.](#) «Убить всех мужеского полу»: Числа 31.
- [15.](#) «Не оставляй в живых ни одной души»: Второзаконие 20:16–17.
- [16.](#) «Предали заклятию все»: Иерихон: Книга Иисуса Навина 6.
- [17.](#) «Все дышащее предал заклятию»: Книга Иисуса Навина 10:40–41.
- [18.](#) «Теперь иди и порази»: 1-я Царств 15:3.
- [19.](#) Саул замышляет убийство: 1-я Царств 18:25.
- [20.](#) «Умерщвлял их пилами, железными молотилами и секирами»: 1-я Паралипоменон 20:3
- [21.](#) Божественная мудрость Соломона: 1-я Царств 3:23–28.
- [22.](#) Подсчет библейских убийств: Schwager, 2000, pp. 47, 60.
- [23.](#) Жертвы Всемирного потопа: буквалисты — исследователи библейских текстов датируют потоп 2300 г. до н.э. Макэведи и Джонс, 1978, оценивали население Земли в 3000 г. до н.э. примерно в 14 млн человек и в 27 млн человек в 2000 г. до н.э.
- [24.](#) Настоящая и выдуманная библейская история: Kugel, 2007.
- [25.](#) Авторство христианской Библии: Ehrman, 2005.
- [26.](#) Языческие Иисусы: В. G. Walker, “Theother Easters,” *Freethought Today*, Apr. 2008, pp. 6–7; Smith, 1952.
- [27.](#) Римские развлечения: Kyle, 1998.
- [28.](#) Медицинское исследование распятия: Edwards, Gabel, & Hosmer, 1986.
- [29.](#) Жития святых: Gallonio, 1903/2004; Kay, 2000.
- [30.](#) «Мать присутствовала»: процитировано у Gallonio, 1903/2004, p. 133.
- [31.](#) Наказание за семь смертных грехов: Lehner & Lehner, 1971.
- [32.](#) Инквизиция: Grayling, 2007; Rummel, 1994.
- [33.](#) «Когда рычаги были нажаты»: Bronowski, 1973, p. 216.
- [34.](#) Статистика расправы над «ведьмами»: Rummel, 1994.
- [35.](#) Августин о змеях и сухих ветках: Grayling, 2007, p. 25.
- [36.](#) Евангелие от Иоанна 15:6.
- [37.](#) «Если останавливаться только на эпизодах, которые поддаются подсчету»: Каеуер, 2000, p. 24.

- [38.](#) «Никогда не убивать рыцаря, умоляющего о пощаде»: процитировано у Kaemper, 2000, p. 31.
- [39.](#) «Может взять даму или девицу, как только он пожелает»: процитировано у Kaemper, 2000, p. 30.
- [40.](#) Сожжение ведьм: Tatar, 2003, p. 207.
- [41.](#) Сказки братьев Гримм: Tatar, 2003.
- [42.](#) Панч и Джуди: Schechter, 2005, pp.83–84.
- [43.](#) Насилие в детских потешках: Davies, Lee, Fox, & Fox, 2004.
- [44.](#) Гамильтон: Chernow, 2004.
- [45.](#) Дуэль Гамильтона: A. Krystal, “En garde! The history of dueling,” *New Yorker*, Mar. 12, 2007.
- [46.](#) История дуэлей: Krystal, 2007; Schwartz, Baxter, & Ryan, 1984.
- [47.](#) Юмор как оружие против чести: Pinker, 1997, chap. 8.
- [48.](#) Насмешки остановили дуэлянтов: Stevens, 1940, pp. 280–83, цит. в Mueller, 1989, p. 10.
- [49.](#) Военная культура и ее упадок: Sheehan, 2008; van Creveld, 2008.
- [50.](#) Германия: игры без насилия: A. Curry, “Monopoly killer,” *Wired*, Apr. 2009.
- [51.](#) Снижение числа убийств среди знати: Cooney, 1997.
- [52.](#) Мизогинная реклама: Ad Nauseam, 2000. The Chase & Sanborn ad ran in *Life* magazine on Aug. 11, 1952.
- [53.](#) Изменения восприятия слова *rape*: Том Джонс, в личном письме, 19 ноября 2010 г. С разрешения автора.
- [54.](#) Физические наказания в школе: личные беседы с друзьями из Британии и с друзьями-католиками, а также S. Lyall, “Blaming church, Ireland details scourge of abuse: Report spans 60 years,” *New York Times*, May 21, 2009.

Глава 2. Процесс усмирения

- [1.](#) Карикатура Боба Манкоффа.
- [2.](#) Дарвин, генетика и теория игр: Maynard Smith, 1998; Maynard Smith & Szathmáry, 1997.
- [3.](#) О машинах выживания: Dawkins, 1976/1989, p. 66 / Ричард Докинз. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. О. Фоминой.
- [4.](#) Насилие у животных: Williams, 1988; Wrangham, 1999a.
- [5.](#) Три причины конфликтов: Hobbes, 1651/1957, p. 185 / Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского// Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991.
- [6.](#) Конкуренция за самок: Darwin, 1874; Trivers, 1972.
- [7.](#) Непонимание сексуального отбора: Pinker, 1997, 2002.
- [8.](#) Дилемма безопасности: Schelling, 1960.

9. «Нет ничего более кроткого, чем человек в его первоначальном состоянии»: Rousseau, 1755/1994, pp. 61–62 / Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. — М.: КАНОН-пресс, 1998.
10. Мафия мира и гармонии: Van der Dennen, 1995, 2005.
11. Насилие у шимпанзе: Goodall, 1986; Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a} Mitani, Watts, & Amsler, 2010.
12. Демонстрации агрессии у животных: Maynard Smith, 1988; Wrangham, 1999a.
13. Шокирующее открытие Гудолл: Goodall, 1986.
14. Смертельное насилие у шимпанзе: Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a; Wrangham, Wilson, & Muller, 2006.
15. Адаптивный аспект убийств у шимпанзе: Wilson & Wrangham, 2003; Wrangham, 1999a; Wrangham & Peterson, 1996. Mitani et al., 2010.
16. Бонобо: de Waal & Lanting, 1997; Furuichi & Thompson, 2008; Wrangham & Peterson, 1996. Bonobos and popular culture: I. Parker, “Swingers,” *New Yorker*, Jul. 30, 2007; M. Dowd, “The Baby Bust,” *New York Times*, Apr. 10, 2002.
17. Бонобо как модель предка человека: de Waal, 1996; de Waal & Lanting, 1997.
18. Бонобо в дикой природе: Furuichi & Thompson, 2008; Wrangham & Peterson, 1996; I. Parker, “Swingers,” *New Yorker*, Jul. 30, 2007.
19. Бонобо как исключение: Wrangham & Pilbeam, 2001.
20. Половой диморфизм и конкуренция самцов: Plavcan, 2000.
21. *Ardipithecus ramidus*: White et al., 2009.
22. Половой диморфизм и конкуренция самцов у вида *Homo*: Plavcan, 2000; Wrangham & Peterson, 1996, pp. 178–82.
23. Неолитическая революция: Diamond, 1997; Gat, 2006; Otterbein, 2004.
24. Распространение сельского хозяйства: Cavalli-Sforza, 2000; Gat, 2006.
25. Виды обществ: Gat, 2006.
26. Первые государства: Diamond, 1997; Gat, 2006; Kurtz, 2001; Otterbein, 2004.
27. Современные союзы племен: Goldstein, 2011.
28. Ранние государства как «крыша»: Gat, 2006; Kurtz, 2001; North, Wallis, & Weingast, 2009; Otterbein, 2004; Steckel & Wallis, 2009; Tilly, 1985.
29. Женственные чамбри: Daly & Wilson, 1988, p. 152.
30. Грязные махинации по отношению к антропологам: Freeman, 1999; Pinker, 2002, chap. 6; Dreger, 2011; C. C. Mann, «Chagnon

critics overstepped bounds, historian says», *Science*, Dec. 11, 2009.

- [31.](#) Мифы о безобидности войн первобытных народов: Keeley, 1996.
- [32.](#) «Не из-за чего воевать»: Eckhardt, 1992, p. 1.
- [33.](#) Догосударственное насилие: Keeley, 1996; LeBlanc, 2003; Gat, 2006; Van der Dennen, 1995; Thayer, 2004; Wrangham & Peterson, 1996.
- [34.](#) Набеги в войнах первобытных народов: Chagnon, 1996; Gat, 2006; Keeley, 1996; LeBlanc, 2003; Thayer, 2004; Wrangham & Peterson, 1996.
- [35.](#) Примитивное оружие: Keeley, 1996.
- [36.](#) «Им нравится мучить людей»: процитировано у Schechter, 2005, p. 2.
- [37.](#) Набеги яномамо: Valero & Biocca, 1970.
- [38.](#) Набеги ватаурунгов: Morgan, 1852/1979, pp. 43–44.
- [39.](#) Набеги инупиатов: Burch, 2005, p. 110.
- [40.](#) Каннибализм: Fernández- Jalvo, Diez, Bermúdez de Castro, Carbonell, & Arsuaga, 1996; Gibbons, 1997.
- [41.](#) Прионные болезни: E. Pennisi, “Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans”, *Science*, Apr. 11, 2003, pp. 227–28.
- [42.](#) Насмешки война маори: A. Vayda’s *Maori Warfare* (1960), цит. в Keeley, 1995, p. 100.
- [43.](#) Причины первобытных войн: Chagnon, 1988; Daly & Wilson, 1988; Gat, 2006; Keeley, 1996; Wiessner, 2006.
- [44.](#) Мужчины яномамо «устали от войн»: цит. в Wilson, 1978, pp. 119–20.
- [45.](#) Универсальность мести: Daly & Wilson, 1988; McCullough, 2008.
- [46.](#) Потери убитыми в догосударственных обществах: Bowles, 2009; Gat, 2006; Keeley, 1996.
- [47.](#) Судебно-медицинская археология: Keeley, 1996; McCall & Shields, 2007; Steckel & Wallis, 2009; Thorpe, 2003; Walker, 2001.
- [48.](#) Насильственные смерти в доисторических обществах: Bowles, 2009; Keeley, 1996.
- [49.](#) Насильственные смерти у охотников-собирателей: Bowles, 2009.
- [50.](#) Насильственные смерти у охотников-земледельцев и крестьян племенных сообществ: Gat, 2006; Keeley, 1996.
- [51.](#) Насильственные смерти в государственных обществах: Keeley, 1996.
- [52.](#) Уровень смертей в войнах: оценка в 3% взята из Wright, *A Study of War*, 1942, p. 245. Первая редакция была закончена в ноябре 1942 г., до самых разрушительных моментов Второй мировой. Тем не менее цифры не были изменены в переиздании 1965 г.

(Wright, 1942/1965, p. 245, и в сокращенном издании 1964 г. Wright, 1942/1964, p. 60), хотя в последнем упоминаются Дрезден, Хиросима и Нагасаки. Я полагаю, что цифры намеренно оставлены без изменений и что дополнительное количество жертв Второй мировой компенсировались миллиардом человек, рожденных в послевоенные десятилетия.

53. XX в. в Европе и США: Keeley, 1996, from Harris, 1975.
54. Цифры «гибели в бою» с 1900 по 1945 г. включительно взяты из трех баз данных проекта «Корреляты войн» (Interstate, Extrastate и Intrastate), учитывалась большая цифра из колонок «потери государства» и «общие потери» (Sarkees, 2000; <http://www.correlatesofwar.org>), вместе со средним геометрическим от «гибель в бою, минимум» и «гибель в бою, максимум» с 1946 до 2000 г. включительно из PRIO Battle Deaths Dataset Gleditsch, Wallensteen, Eriksson, Sollenberg, & Strand, 2002; Lacina & Gleditsch, 2005; <http://www.prio.no/Data/>.
55. Гибель в бою в XX в.: цифра в 6 млрд смертей основан на оценке, согласно которой на протяжении XX в. на Земле жили 12 млрд человек (Mueller, 2004b, p. 193) и около 5,75 млрд были живы к концу столетия.
56. 180 млн насильственных смертей: White, in press; 3% получается, если взять 6,25 млрд как общее количество смертей, см. прим. 55.
57. Жертвы в Ираке и Афганистане: Iraq Coalition Casualty Count, www.icasualties.org.
58. Смертность в войнах: Human Security Report Project, 2008, p. 29. Число смертей по всему миру оценивается в 56,5 млн чел. по данным ВОЗ. Множитель 20 основан на оценке ВОЗ (310 000 смертей, связанных с войной, в 2000 г.), самые свежие данные, доступные в World Report on Violence and Health. См. Krug, Dahlberg, Mercy, Zwi, & Lozano, 2002, p. 10.
59. Насильственные смерти в догосударственных обществах в сравнении с централизованными государствами: Steckel & Wallis, 2009.
60. Уровень бытовых убийств в современной Европе: Eisner, 2001.
61. Уровень бытовых убийств в США в 1970-е и 1980-е гг.: Daly & Wilson, 1988.
62. Ацтеки: Keeley, 1996, table 6. 1, p. 195.
63. Смертность во Франции, России, Германии и Японии: Keeley, 1996, table 6. 1, p. 195; цифры за отсутствующие годы XX в. выведены пропорционально.
64. Смерти американцев в войнах: Leland & Oboroceanu, 2010, “Total Deaths” column. Цифры взяты из результатов переписи населения США, http://www.census.gov/compendia/statab/hist_stats.html.
65. Все насильственные смерти в XX в.: цифры основаны на оценке Уайта — 180 млн при среднегодовом населении Земли в XX в.,

оцениваемом в 3 млрд человек.

- [66.](#) Гибель в бою в 2005 г.: United States: www.icasualties.org. World: UCDP/PRIО Armed Conflict Dataset, Human Security Report Project, 2010; см. Human Security Centre, 2005, частично основано на данных Gleditsch et al., 2002 и Lacina & Gleditsch, 2005.
- [67.](#) Частота войн среди охотников-собирателей: Divale, 1972; Ember, 1978; Keeley, 1996. См. также Chagnon, 1988; Gat, 2006; Knauft, 1987; Otterbein, 2004. Van der Dennen, 2005.
- [68.](#) Андаманцы: «Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans», *Economist*, Dec. 19, 2007.
- [69.](#) Побежденные беглецы: Gat, 2006; Keeley, 1996; Van der Dennen, 2005.
- [70.](#) Жестокое прошлое народа !кунг: Goldstein, 2001, p. 28.
- [71.](#) Насилие у семаев: Knauft, 1987.
- [72.](#) !Кунг и инуиты: Gat, 2006; Lee, 1982.
- [73.](#) Уровень убийств в США: Fox & Zawitz, 2007 и Zahn & McCall, 1999; Ботсванский мир: Gat, 2006.
- [74.](#) Канадский мир: Chirot & McCauley, 2006, p. 114.
- [75.](#) «Жизнь стала лучше, с тех пор как пришло правительство»: цит. в Thayer, 2004, p. 140.
- [76.](#) Возмездие, кровная месть и судебные приговоры: Ericksen & Horton, 1992.
- [77.](#) Рост насилия с деколонизацией: Wiessner, 2006.
- [78.](#) Опасность цивилизации для здоровья: Steckel & Wallis, 2009; Diamond, 1997.
- [79.](#) Изгнание из рая и первые цивилизации: Kugel, 2007.
- [80.](#) Сделка «охота или земледелие»: Gat, 2006; North et al., 2009; Steckel & Wallis, 2009.
- [81.](#) Первые государства: Steckel & Wallis, 2009.
- [82.](#) Жестокость и деспотизм в ранних государствах: Betzig, 1986; Otterbein, 2004; Spitzer, 1975.

Глава 3. Цивилизационный процесс

- [1.](#) Norbert Elias: Fletcher, 1997.
- [2.](#) График убийств в Англии: Gurr, 1981.
- [3.](#) Опрос о восприятии насилия: см. прим. 1 к главе 1.
- [4.](#) История убийств: Cockburn, 1991; Eisner, 2001, 2003; Johnson & Monkkonen, 1996; Monkkonen, 1997; Spierenburg, 2008.
- [5.](#) Долгосрочная динамика убийств: Eisner, 2003.
- [6.](#) Убийства в Кенте: Cockburn, 1991.

- [7.](#) Корреляция убийств и других видов насилия: Eisner, 2003, pp. 93–94; Zimring, 2007; Marvell, 1999; Daly & Wilson, 1988.
- [8.](#) Коновалы: Keeley, 1996, pp. 94–97; Eisner, 2003, pp. 94–95.
- [9.](#) Постоянные характеристики убийств: Eisner, 2003, 2009. Daly & Wilson, 1988.
- [10.](#) Спад насилия среди элит: Eisner, 2003; Cooney, 1997; Clark, 2007a, p. 122.
- [11.](#) Закон Веркко: Daly & Wilson, 1988; Eisner, 2003; Eisner, 2008.
- [12.](#) «Средневековая домовая книга»: Elias, 1939/2000, p. 513–16; p. 172–82; Graf zu Waldburg Wolfegg, 1988.
- [13.](#) Дикий азарт благородного уничтожения: Tuchman, 1978, p. 8.
- [14.](#) Бытовое насилие в средневековой Европе: Elias, 1939/2000, p. 168.
- [15.](#) «Мозги у него вылетели»: Hanawalt, 1976, pp. 311–12, цит. в Monkkonen, 2001, p. 154.
- [16.](#) Жестокие средневековые развлечения: Tuchman, 1978, p. 135.
- [17.](#) Отрезание носов: Groebner, 1995.
- [18.](#) «Может ли отрезанный нос снова отрасти»: Groebner, 1995, p. 4.
- [19.](#) Несдержанность в Средневековье: Elias, 1939/2000, pp. 168–169.
- [20.](#) «Детскость средневекового поведения»: Tuchman, 1978, p. 52.
- [21.](#) «Чуть заметно сжав губы»: D. L. Sayers, introduction, *The song of Roland* (New York: Viking, 1957), p. 15, цит. в Kaeuper, 2000, p. 33.
- [22.](#) «Жемчуга и рубины» в носовом платке: Elias, 1939/2000, p. 123.
- [23.](#) «Гнойные выделения»: Elias, 1939/2000, p. 130.
- [24.](#) Отвращение как адаптация: Curtis & Biran, 2001; Pinker, 1997; Rozin & Fallon, 1987, chap. 6.
- [25.](#) Изменения в ругательствах: Pinker, 2007b, chap. 7.
- [26.](#) «Одуванчик» и «пустельга»: Hughes, 1991/1998, p. 3.
- [27.](#) Самоконтроль: Daly & Wilson, 2000; Pinker, 1997, chap. 6; Schelling, 1984.
- [28.](#) Универсальные правила приличия: Brown, 1991; Duerr, 1988–97, но см. также Mennell & Goudsblom, 1997.
- [29.](#) «Точки отсчета не существует»: Elias, 1939/2000, pp. 135, 181, 403, 421.
- [30.](#) Число политических единиц в Европе: Wright, 1942, p. 215; Richardson, 1960, pp. 168–69.
- [31.](#) Революция в военном деле: Levy, Walker, & Edwards, 2001.
- [32.](#) Государства порождают войны. И наоборот: Tilly, 1985.
- [33.](#) Королевский мир: Daly & Wilson, 1988, p. 242.
- [34.](#) Плата за кровь и коронеры: Daly & Wilson, 1988, pp. 241–245.

- [35.](#) «Деньги — зло»: Tuchman, 1978, p. 37.
- [36.](#) «Законы о коммерции запрещали»: Tuchman, 1978, p. 37.
- [37.](#) Эволюция сотрудничества: Cosmides & Tooby, 1992; Ridley, 1997; Trivers, 1971.
- [38.](#) Свободный рынок и эмпатия: Mueller, 1999, 2010b.
- [39.](#) Благотворная торговля: цит. в Fukuyama, 1999, p. 254.
- [40.](#) Главные этапы эволюции: Maynard Smith & Szathmary, 1997. Обзор см. Pinker, 2000.
- [41.](#) Игры с положительной суммой и прогресс: Wright, 2000.
- [42.](#) Процесс децивилизации в нацистской Германии: de Swaan, 2001; Fletcher, 1997; Krieken, 1998; Mennell, 1990; Steenhuis, 1984.
- [43.](#) Количество убийств в нацистской Германии продолжало уменьшаться: Eisner, 2008.
- [44.](#) Недостатки теории процесса цивилизации: Eisner, 2003.
- [45.](#) Легитимность государства и ненасилие: Eisner, 2003; Roth, 2009.
- [46.](#) Неформальные нормы сотрудничества: Ellickson, 1991; Fukuyama, 1999; Ridley, 1997.
- [47.](#) Соблюдение равенства: Fiske, 1992; также «Мораль и табу» в главе 9 этой книги.
- [48.](#) Уровень убийств у ранчero: Roth, 2009, p. 355. Как предлагает Рот на с. 495 своей книги, значения уровня убийств на 100 000 взрослых из диаграммы 7.2 умножены на 0,65, чтобы получить данные на 100 000 населения в целом.
- [49.](#) Изменение социально-экономического профиля насилия: Cooney, 1997; Eisner, 2003.
- [50.](#) «Я поколотил многих»: цит. в Wouters, 2007, p. 37.
- [51.](#) «Есть люди, образумить которых»: цит. в Wouters, 2007, p. 37.
- [52.](#) «С помощью боевого топора»: S. Sailer, 2004, “More diversity = Less welfare?” <http://www.vdare.com/sailer/diverse.htm>.
- [53.](#) Цивилизация среднего и рабочего класса: Spierenburg, 2008; Wiener, 2004; Wood, 2004.
- [54.](#) Преступление как самостоятельное отправление правосудия: Black, 1983; Wood, 2003.
- [55.](#) Мотивы убийств: Black, 1983; Daly & Wilson, 1988; Eisner, 2009.
- [56.](#) Убийцы как мученики: Black, 1983, p. 39.
- [57.](#) Насилие как проблема общественного здоровья: Pinker, 2002, chap. 17.
- [58.](#) Определение психического расстройства: болезнь: Wakefield, 1992.
- [59.](#) Полиция и афроамериканцы: Black, 1980, 134–141, цит. в Cooney, 1997, p. 394.

- [60.](#) Уголовное правосудие «не заинтересовано в людях низших классов»: Cooney, 1997, p. 394.
- [61.](#) «Известный на весь район болван»: MacDonald, 2006.
- [62.](#) Самостоятельное правосудие в бедных районах: Wilkinson, Beaty, & Lurry, 2009.
- [63.](#) Живучесть кланового насилия в Европе: Eisner, 2003; Gat, 2006.
- [64.](#) Тонкая граница между гражданской войной и организованной преступностью: Mueller, 2004a.
- [65.](#) Надежность международной статистики преступности: LaFree, 1999; LaFree & Tseloni, 2006.
- [66.](#) Данные по уровню убийств в отдельных странах предоставлены UN Office on Drugs and Crime, 2009. Если оценка ВОЗ была доступна, я ее использовал; если нет, указывал среднее геометрическое между максимальной и минимальной оценками.
- [67.](#) Мировой уровень убийств: Krug et al., 2002, p. 10.
- [68.](#) Европейцы едят кинжалами: Elias, 1939/2000, p. 107.
- [69.](#) Низкая преступность в автократиях и прочных демократиях: LaFree & Tseloni, 2006; Patterson, 2008; O. Patterson, “Jamaica’s bloody democracy,” *New York Times*, May 26, 2010. Гражданские войны в анократиях: Gleditsch, Hegre, & Strand, 2009; Hegre, Ellingsen, Gates, & Gleditsch, 2001; Marshall & Cole, 2008. Гражданские войны повышают уровень преступности: Mueller, 2004.
- [70.](#) Насилие после деколонизации в Новой Гвинее: Wiessner, 2006.
- [71.](#) Поговорки энга: Wiessner, 2006, p. 179.
- [72.](#) Цивилизационные наступления: Spierenburg, 2008; Wiener, 2004; Wood, 2003, 2004.
- [73.](#) Цивилизационное наступление в Новой Гвинее: Wiessner, 2010.
- [74.](#) Досушие объяснения насилия в Америке: Pinker, 2002, pp. 308–9.
- [75.](#) Американцы более агрессивны: Monkkonen, 1989, 2001. Около 65% убийств в Америке совершаются с применением огнестрельного оружия: Cook & Moore, 1999, p. 279; U. S. Department of Justice, 2007, Expanded Homicide Data. Table 7. Это значит, что уровень убийств без использования огнестрельного оружия в Америке выше, чем общий уровень убийств в большинстве европейских стран.
- [76.](#) Статистика убийств по странам и регионам: см. прим. 66.
- [77.](#) Уровень убийств среди черных и белых американцев: *Homicide Trends in the US*, Fox & Zawitz, 2007.
- [78.](#) Расовый разрыв в обзорах преступности: Skogan, 1989, pp. 240–41.
- [79.](#) Разница между Севером и Югом не равна разнице между белым и черным населением: Courtwright, 1996, p. 61; Nisbett & Cohen,

1996.

- [80.](#) Насилие в Америке XIX в.: Gurr, 1981; Gurr, 1989a; Monkkonen, 1989, 2001; Roth, 2009.
- [81.](#) Убийства среди ирландских иммигрантов: Gurr, 1981; Gurr, 1989a; Monkkonen, 1989, 2001.
- [82.](#) Спад уровня убийств в городах северо-востока: Gurr, 1981; Gurr, 1989a.
- [83.](#) История расового разрыва: Monkkonen, 2001; Roth, 2009. Увеличивающийся разрыв в уровне убийств между белыми и черными: Gurr, 1989b, p. 39.
- [84.](#) Кодекс улиц: Anderson, 1999.
- [85.](#) Демократия пришла слишком рано: Spierenburg, 2006.
- [86.](#) «На Юге государство намеренно оставалось слабым»: Monkkonen, 2001, p. 157.
- [87.](#) Большинство убийств было обоснованно: Monkkonen, 1989, p. 94.
- [88.](#) Справедливость по Джексону: цит. в Courtwright, 1996, p. 29.
- [89.](#) Более высокий уровень насилия на Юге США: Monkkonen, 2001, pp. 156–57; Nisbett & Cohen, 1996; Gurr, 1989a, pp. 53–54, note 74.
- [90.](#) Южная культура чести: Nisbett & Cohen, 1996.
- [91.](#) Убийство ради защиты чести в сравнении с угоном машины: Cohen & Nisbett, 1997.
- [92.](#) Оскорбленные южане: Cohen, Nisbett, Bowdle, & Schwarz, 1996.
- [93.](#) Забыть это: Ellickson, 1991. Herding and violence: Chu, Rivera, & Loftin, 2000.
- [94.](#) Кулаки, которыми можно оглушить быка: Nabokov, Lolita, 1955/1997, pp. 171–72 / Владимир Набоков. Лолита.
- [95.](#) Пьяные ковбои: Courtwright, 1996, p. 89.
- [96.](#) Уровень убийств на Диком Западе: Courtwright, 1996, pp. 96–97. Уичита: Roth, 2009, p. 381.
- [97.](#) Неэффективное правосудие на Диком Западе: Courtwright, 1996, p. 100.
- [98.](#) «Он назвал Билла Смита лжецом»: Courtwright, 1996, p. 29.
- [99.](#) Один был мертв и трое ранены: Courtwright, 1996, p. 92.
- [100.](#) Право собственности во времена Золотой лихорадки: Umbeck, 1981, p. 50.
- [101.](#) Гоморра: Courtwright, 1996, pp. 74–75.
- [102.](#) Насилие в жизни молодежи: Daly & Wilson, 1988; Eisner, 2009; Wrangham & Peterson, 1996.
- [103.](#) Эволюционная психология мужского насилия: Buss, 2005; Daly & Wilson, 1988; Geary, 2010; Gottschall, 2008.

- [104.](#) «На пути к репродуктивному провалу»: Daly & Wilson, 1988, p. 163.
- [105.](#) Алкоголь и насилие: Bushman, 1997; Bushman & Cooper, 1990.
- [106.](#) Запад умилили женщины: Courtwright, 1996.
- [107.](#) Умиротворяющее влияние брака: Sampson, Laub, & Wimer, 2006.
- [108.](#) Скачок насилия в 1960-х: Eisner, 2003; Eisner, 2008; Fukuyama, 1999; Wilson & Herrnstein,
- [109.](#) Подъем числа убийств: U. S. Bureau of Justice Statistics, Fox & Zawitz, 2007.
- [110.](#) Уровень убийств среди чернокожих: Zahn & McCall, 1999.
- [111.](#) Бум свадеб: Courtwright, 1996.
- [112.](#) Беби-бум не может объяснить скачок преступности: Zimring, 2007, pp. 59–60; Skogan, 1989.
- [113.](#) Вечное нашествие варваров: Wilson, 1974, pp. 58–59, цит. в Zimring, 2007, pp. 58–59.
- [114.](#) Относительных размеров когорт недостаточно: Zimring, 2007, pp. 58–59.
- [115.](#) Общее знание и солидарность: Pinker, 2007b, chap. 8; Chwe, 2001.
- [116.](#) Деформализация в одежде и манерах: Lieberman, 2000. Деформализация обращений: Pinker, 2007b, ch. 8.
- [117.](#) Спад доверия к общественным институтам: Fukuyama, 1999.
- [118.](#) Пролетаризация: Arnold Toynbee; расширение границ нормы: Daniel Patrick Moynihan; цит. в Charles Murray, “Prole Models,” *Wall Street Journal*, Feb. 6, 2001
- [119.](#) Контроль времени и самоконтроль: Elias, 1939/2000, p. 380.
- [120.](#) Обман интеллектуалов: см, например, Pinker, 2002, pp. 261–62.
- [121.](#) Изнасилование как радикальный жест: см. Brownmiller, 1975, pp. 248–55, and chap. 7.
- [122.](#) Изнасилование как бунт: Cleaver, 1968/1999, p. 33. Также см. Brownmiller, 1975, pp. 248–53.
- [123.](#) Интеллигентный и красноречивый насильник: Jacket and interior blurbs in Cleaver, 1968/1999.
- [124.](#) Отступление системы уголовного правосудия: Wilson & Herrnstein, 1985, pp. 424–25. См. также Zimring, 2007, figure 3. 2, p. 47.
- [125.](#) Декриминализация общественных расстройств: Fukuyama, 1999.
- [126.](#) Незащищенность афроамериканцев: Kennedy, 1997.
- [127.](#) Паранойя по отношению к полиции: Wilkinson et al., 2009.
- [128.](#) Доклад Мойнихэна: Massey & Sampson, 2009.
- [129.](#) Безрассудное распределение льгот: Fukuyama, 1999; Murray, 1984.

- [130.](#) Скептицизм насчет воспитательных возможностей родителей: Harris, 1998/2008, Pinker, 2002, chap. 19; Wright & Beaver, 2005.
- [131.](#) Уровень убийств в США: FBI Uniform Crime Reports 1950–2005, U. S. Federal Bureau of Investigation, 2010b.
- [132.](#) Уровень убийств в Канаде: Gartner, 2009.
- [133.](#) Уровень убийств в Европе: Eisner, 2008.
- [134.](#) Сокращение других преступлений: U. S. Bureau of Justice Statistics, *National Crime Victimization Survey*, and 2000, цит. в Zimring, 2007, p. 8.
- [135.](#) Туча на горизонте: цит. в Zimring, 2007, p. 21.
- [136.](#) Кровавая баня: цит. в Levitt, 2004, p. 169.
- [137.](#) Суперзлодеи: цит. в Levitt, 2004, p. 169.
- [138.](#) Готэм-сити без Бэтмена: цит. в Gardner, 2010, p. 225.
- [139.](#) Меньшая криминально опасная когорта: Zimring, 2007, pp. 22, 61–62.
- [140.](#) Различные графики безработицы в Канаде и США: Zimring, 2007.
- [141.](#) Безработица и насилие движутся в разных направлениях: Eisner, 2008.
- [142.](#) Безработица не предсказывает насильственные преступления: Zimring, 2007, p. 63; Levitt, 2004; Raphael & Winter-Ebmer, 2001.
- [143.](#) «И никогда не была»: цит. в A. Baker, “In this recession, bad times do not bring more crime (if they ever did),” *New York Times*, Nov. 30, 2009.
- [144.](#) Неравенство и насилие: Daly, Wilson, & Vasdev, 2001; LaFree, 1999.
- [145.](#) Индекс Джини для США: U. S. Census Bureau, 2010b.
- [146.](#) Возможно, неравенство не провоцирует преступность: Neumayer, 2003, 2010.
- [147.](#) Заявление, что аборты понижают преступность: Donohue & Levitt, 2001.
- [148.](#) Аборты как одна из четырех причин спада насилия: Levitt, 2004.
- [149.](#) Недостатки корреляции абортс с преступностью: Joyce, 2004; Lott & Whitley, 2007; Zimring, 2007; Foote & Goetz, 2008; S. Sailer & S. Levitt, “Does abortion prevent crime?” *Slate*, August 23, 1999, <http://www.slate.com/id/33569/entry/33571/>. Levitt’s reply: Levitt, 2004; see also his responses to Sailer in *Slate*.
- [150.](#) Больше проблемных детей после закона Роу против Уэйда: Lott & Whitley, 2007; Zimring, 2007.
- [151.](#) Женщины, делающие аборты, более ответственные: Joyce, 2004.
- [152.](#) Сверстники авторитетнее родителей: Harris, 1998/2008, chaps. 9, 12, 13; Wright & Beaver, 2005.

- [153.](#) Неверные предсказания о возрастных когортах: Foote & Goetz, 2008; Lott & Whitley, 2007; S. Sailer & S. Levitt, “Does abortion prevent crime?” *Slate*, August 23, 1999, <http://www.slate.com/id/33569/entry/33571/>.
- [154.](#) Объяснение спада насилия в 1990-х: Blumstein & Wallman, 2006; Eisner, 2008; Levitt, 2004; Zimring, 2007.
- [155.](#) Американская мания тюремных посадок: J. Webb, “Why we must fix our prisons,” *Parade*, Mar. 29, 2009.
- [156.](#) Американцы за решеткой: Zimring, 2007, figure 3. 2, p. 47; J. Webb, “Why we must fix our prisons,” *Parade*, Mar. 29, 2009.
- [157.](#) Небольшая когорта совершает большую часть преступлений: Wolfgang, Figlio, & Sellin, 1972.
- [158.](#) У преступников низкий уровень самоконтроля: Gottfredson & Hirschi, 1990; Wilson & Herrnstein, 1985.
- [159.](#) Сдерживание работает: Levitt & Miles, 2007; Lott, 2007; Raphael & Stoll, 2007.
- [160.](#) Забастовка монреальской полиции: “City without cops,” *Time*, Oct. 17, 1969, p. 47; in Kaplan, 1973, p. 20.
- [161.](#) Узкие места «тюремной» версии: Eisner, 2008; Zimring, 2007.
- [162.](#) Уменьшение числа повторных тюремных заключений: Johnson & Raphael, 2006.
- [163.](#) Эффективность увеличения численности полиции: Levitt, 2004.
- [164.](#) Охрана правопорядка в Бостоне: F. Butterfield, “In Boston, nothing is something,” *New York Times*, Nov. 21, 1996; Winship, 2004.
- [165.](#) Охрана правопорядка в Нью-Йорке: MacDonald, 2006.
- [166.](#) Теория разбитых окон: Wilson & Kelling, 1982.
- [167.](#) История нью-йоркского успеха: Zimring, 2007; MacDonald, 2006.
- [168.](#) «Крупнейшее достижение в области предотвращения в истории»: Zimring, 2007, p. 201
- [169.](#) Трудности теории разбитых окон: Levitt, 2004; В. Е. Harcourt, “Bratton’s ‘broken windows’: No matter what you’ve heard, the chief’s policing method wastes precious funds,” *Los Angeles Times*, Apr. 20, 2006.
- [170.](#) «Разбитые окна» в Голландии: Keizer, Lindenberg, & Steg, 2008.
- [171.](#) Упрямые статистики: Eisner, 2008; Rosenfeld, 2006. See also Fukuyama, 1999.
- [172.](#) Черные женщины и деятели церкви как цивилизационные силы: Anderson, 1999; Winship, 2004.
- [173.](#) Бостонское чудо: Winship, 2004; P. Shea, “Take us out of the old brawl games” *Boston Globe*, Jun. 30, 2008; F. Butterfield, “In Boston, nothing is something”, *New York Times*, Nov. 21, 1996.

- [174.](#) M. Cramer, “Homicide rate falls to lowest level since ’03,” *Boston Globe*, Jan. 1, 2010.
- [175.](#) Мелкие предсказуемые против крупных непредсказуемых наказаний: J. Rosen, “Prisoners of parole,” *New York Times Magazine*, Jan. 10, 2010.
- [176.](#) Отсутствие образа будущего: Daly & Wilson, 2000; Hirschi & Gottfredson, 2000; Wilson & Herrnstein, 1985. См. также “Самоконтроль” в гл. 9 этой книги.
- [177.](#) Доминирование против справедливости: Fiske, 1991; Fiske, 1992, 2004a. См. также “Мораль и табу” в гл. 9 этой книги.
- [178.](#) «Инспектор невзлюбил меня»: J. Rosen, “Prisoners of parole,” *New York Times Magazine*, Jan. 10, 2010.
- [179.](#) Кант и предотвращение преступлений: J. Seabrook, “Don’t shoot: A radical approach to the problem of gang violence,” *New Yorker*, Jun. 22, 2009.
- [180.](#) Дом в огне: J. Seabrook, “Don’t shoot: A radical approach to the problem of gang violence”, *New Yorker*, Jun. 22, 2009, pp. 37–38.
- [181.](#) Восстановление социального порядка: Fukuyama, 1999, p. 271; “Positive trends recorded in U.S. data on teenagers,” *New York Times*, Jul. 13, 2007.
- [182.](#) Деформализация и третья натура: Wouters, 2007.

Глава 4. Гуманитарная революция

- [1.](#) Музей пыток: <http://www.museodellatortura.com/>.
- [2.](#) Иллюстрированные альбомы, посвященные пыткам: Held, 1986; Puppi, 1990.
- [3.](#) Средневековые пытки: Held, 1986; Levinson, 2004b; Mannix, 1964; Payne, 2004; Puppi, 1990.
- [4.](#) Папа Павел VI, святой палач: Held, 1986, p. 12.
- [5.](#) Бессмысленные пытки: Mannix, 1964, p. 123–24.
- [6.](#) Повсеместность пыток: Davies, 1981; Mannix, 1964; Payne, 2004; Spitzer, 1975.
- [7.](#) Критические теории: Menschenfreund, 2010. Христианский консерватизм: Linker, 2007.
- [8.](#) Гуманизм в Азии: Bourgon, 2003; Kurlansky, 2006; Sen, 2000.
- [9.](#) Человеческие жертвоприношения: Davies, 1981; Mannix, 1964; Otterbein, 2004; Payne, 2004.
- [10.](#) «Из детей твоих не отдавай»: 4 Царств 23:10.
- [11.](#) Число жертвоприношений у ацтеков: White, M. 2011.
- [12.](#) Обычай Сати: White, M., 2011.
- [13.](#) Суеверное обоснование человеческих жертвоприношений: Payne, 2004, pp. 40–41.

- [14.](#) Цит. в М. Gerson, “Europe’s burqa rage,” *Washington Post*, May 26, 2010.
- [15.](#) Обман богов: Payne, 2004, p. 39.
- [16.](#) Колдовство и войны у охотников-собирателей: Chagnon, 1997; Daly & Wilson, 1988; Gat, 2006; Keeley, 1996; Wiessner, 2006.
- [17.](#) Поиски причин: Atran, 2002.
- [18.](#) Обвинения в колдовстве: Daly & Wilson, 1988, pp. 237, 260–261.
- [19.](#) Навязывание непопулярных норм: Willer, Kuwabara, & Masy, 2009. См. также McKay, 1841/1995.
- [20.](#) «Malleus Maleficarum»: Mannix, 1964; A. Grafton, “Say anything,” *New Republic*, Nov. 5, 2008.
- [21.](#) 60 000 жертв охоты на ведьм: White, M. 2011: 100 000 жертв: Rummel, 1994, p. 70.
- [22.](#) Охота на ведьм: Rummel, 1994, p. 62. A. Grafton, “Say anything,” *New Republic*, Nov. 5, 2008.
- [23.](#) Кровавые наветы: Rummel, 1994, p. 56.
- [24.](#) Скептическое отношение к колдовству: Mannix, 1964, pp. 133–134.
- [25.](#) Экспериментальная проверка колдовства: Mannix, 1964, pp. 134–135, McKay, 1841/1995.
- [26.](#) Закат эпохи ведьм: Thurston, 2007; Mannix, 1964, p. 137.
- [27.](#) Наука о насилии: Rummel, 1994; Rummel, 1997; White, M., 2011, White, M., 2010b.
- [28.](#) Смерти в войнах христиан и из-за геноцида: в White, M., 2011, приводятся следующие оценки: крестовые походы — 3 млн, уничтожение альбигойцев — 1 млн, гугенотские войны — 2–4 млн, Тридцатилетняя война — 7,5 млн. Уайт не приводит собственной оценки количества жертв инквизиции, но цитирует данные, названные генеральным секретарем инквизиции в 1808 г., — 32 000.
- [29.](#) 400 млн человек: оценка населения Земли в 1200 г.: “*Historical estimates of world population*“, U. S. Census Bureau, 2010a.
- [30.](#) Крестовый поход против альбигойцев: Rummel, 1994, p. 46.
- [31.](#) Крестовый поход против альбигойцев как геноцид: Chalk & Jonassohn, 1990; Kiernan, 2007; Rummel, 1994.
- [32.](#) Попытки за чистое бельё: Mannix, 1964, стр. 50–51.
- [33.](#) Количество жертв испанской Инквизиции: Rummel, 1994, стр. 70.
- [34.](#) Религиозные преследования: Grayling, 2007.
- [35.](#) Лютер и евреи: Lull, 2005.
- [36.](#) Жан Кальвин, “Проповедь о Второзаконии”: Grayling, 2007, p. 41.
- [37.](#) Кровавый Кальвин: Grayling, 2007.

- [38.](#) Генрих VIII: Payne, 2004, p. 17.
- [39.](#) Европейские религиозные войны: Wright, 1942, p. 198.
- [40.](#) Количество жертв религиозных войн: см. таблицу на с. 248–249.
- [41.](#) Число жертв Гражданской войны в Англии: Schama, 2001, p. 13. Шама заявляет о «как минимум четверти миллиона» погибших в Англии, Уэльсе и Шотландии и предполагает еще 200 000 смертей в Ирландии, притом что на Британских островах в то время жили 5 млн человек.
- [42.](#) Обиженный папа римский: Holsti, 1991, p. 25.
- [43.](#) Закат инквизиции: Perez, 2006.
- [44.](#) Эразм Роттердамский и другие скептики: Popkin, 1979.
- [45.](#) Пересмотр идеи религиозных преследований: Grayling, 2007.
- [46.](#) «Кальвин говорит, что он прав»: *Concerning Heretics, Whether They are to be Persecuted*, см. Grayling, 2007, стр. 53–54.
- [47.](#) Скептик Фрэнсис Бэкон: Grayling, 2007, стр. 102.
- [48.](#) Сжигание кошек: Payne, 2004, p. 126.
- [49.](#) Пипс: см. Clark, 2007a, p. 182.
- [50.](#) Убийства у позорного столба: Mannix, 1964, p. 132–133.
- [51.](#) Смертельные порки: Mannix, 1964, pp. 146–47. Также Payne, 2004, chap 9.
- [52.](#) Бесчеловечные тюрьмы: Payne, 2004, p. 122.
- [53.](#) Тюремная реформа: Payne, 2004, p. 122.
- [54.](#) Позорное сжигание на костре: Mannix, 1964, p. 117.
- [55.](#) Колесование: *Trewlicher Bericht eynes scrocklichen Kindermords beym Hexensabath*. Hamburg, Jun. 12, 1607. <http://www.borndigital.com/wheeling.htm>.
- [56.](#) Зловещее колесование: Hunt, 2007, pp. 70–76.
- [57.](#) Сочувствие жертве колесования: Hunt, 2007, p. 99.
- [58.](#) Вольтер о пытках: см. Hunt, 2007, p. 75.
- [59.](#) Лицемерие христиан: Montesquieu, 1748/2002.
- [60.](#) «Принцип милосердия»: Hunt, 2007, pp. 112, 76.
- [61.](#) Раш о перевоспитании преступников: Hunt, 2007, p. 98.
- [62.](#) «Притупление чувств»: Hunt, 2007, p. 98.
- [63.](#) Беккариа: Hunt, 2007.
- [64.](#) Защита пыток со стороны церкви: Hunt, 2007, chap. 2.
- [65.](#) Раннее движение в защиту прав животных: Gross, 2009; Shevelow, 2008.
- [66.](#) Смертные казни за мелкие проступки: Rummel, 1994, p. 66; Payne, 2004.

- [67.](#) Быстрые суды: Payne, 2004, p. 120.
- [68.](#) Число смертных казней за мелкие проступки: Rummel, 1994, p. 66.
- [69.](#) Уменьшение количества смертных казней: Payne, 2004, p. 119.
- [70.](#) Мораторий ООН: E. M. Lederer, “ UN General Assembly calls for death penalty moratorium,” *Boston Globe*, Dec. 18, 2007
- [71.](#) США как исключение: смертные казни отменены на Аляске, в Иллинойсе, на Гавайях, в Айове, Мэине, Массачусетсе, Мичигане, Миннесоте, Нью-Гэмпшире, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Нью-Йорке, Северной Дакоте, в Род-Айленде, Вермонте, Западной Виргинии, Висконсине и в округе Колумбия. Последняя гражданская казнь в Канзасе состоялась в 1965 г.
- [72.](#) Число казней в США: ежегодно, начиная с 2000 г., около 16 500 человек становятся жертвами убийств и только 55 убийц казнят.
- [73.](#) Уменьшение числа казней в США в 2000-х: Death Penalty Information Center, 2010b.
- [74.](#) Смертные приговоры за преступления, отличные от убийств: Death Penalty Information Center, 2010a.
- [75.](#) «Реформа за реформой»: Payne, 2004, p. 132.
- [76.](#) История рабства: Davis, 1984; Patterson, 1985; Payne, 2004; Sowell, 1998.
- [77.](#) Недавние запреты рабства: Rodriguez, 1999.
- [78.](#) “Report on the coast of Africa made by Captain George Collier, 1918–19”, Eltis & Richardson, 2010.
- [79.](#) Статистика работорговли: Rummel, 1994, p. 48, 70. White, M., 2011: 16 млн человек стали жертвами трансокеанской работорговли, еще 18,5 млн — торговли рабами на Ближнем Востоке.
- [80.](#) Рабство как игра с отрицательной суммой: Smith, 1776/2009, p. 281 / Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2016.
- [81.](#) «Рабовладельцы были плохими бизнесменами»: Mueller, 1989, p. 12.
- [82.](#) Экономика рабства на Юге США: Fogel & Engerman, 1974.
- [83.](#) Британский запрет работорговли: Nadelmann, 1990, p. 492.
- [84.](#) Гуманистические мотивы запрета работорговли в Британии: Nadelmann, 1990, p. 493; Ray, 1989, p. 415.
- [85.](#) Гуманистические мотивы запрета рабства: Davis, 1984; Grayling, 2007; Hunt, 2007; Mueller, 1989; Payne, 2004; Sowell, 1998.
- [86.](#) «Люди не рождаются с седлом на спине»: Thomas Jefferson, “To Roger C. Weightman,” Jun 24, 1826, см. Portable Thomas Jefferson, p. 585.
- [87.](#) Долговая кабала: Payne, 2004, p. 193–199.

- [88.](#) Возмущение долговой кабалой: Payne, 2004, p. 196.
- [89.](#) Сбор долгов как насилие: Payne, 2004, p. 197.
- [90.](#) Торговля людьми: Feingold, 2010, p. 49,
- [91.](#) Сомнительная статистика: ресурс Free the Slaves (<http://www.freetheslaves.net/>, последнее посещение 19 октября 2010) заявляет, что «сегодня в мире 27 млн рабов» — число, которое на порядок выше, чем данные UNESCO Trafficking Statistic Project; Feingold, 2010. Рабство сегодня: S. L. Leach, “Slavery is not dead, just less recognizable” *Christian Science Monitor*, Sept 1, 2004.
- [92.](#) Деспотизм: Betzig, 1986.
- [93.](#) Общее количество казней в деспотиях: Davies, 1981, p. 94.
- [94.](#) Политические убийства: Payne, 2004, гл. 7; Woolf, 2007.
- [95.](#) Цареубийства: Eisner, 2011.
- [96.](#) Смерти от руки государства: Rummel, 1994; Rummel, 1997.
- [97.](#) Спад политических убийств: Payne, 2004, стр. 88–94; Eisner, 2011.
- [98.](#) «Согласиться, как и все остальные... отказаться от права на все вещи: Hobbes, 1651/1957, p. 190.
- [99.](#) «Сделать для себя исключение и не подчиняться»: Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. С. 137–405. Глава XII. О законодательной, исполнительной и федеративной власти в государстве.
- [100.](#) Отцы-основатели и природа человека: Pinker, 2002, chap. 16; McGinnis, 1996, 1997.
- [101.](#) «Если бы люди были ангелами»: Federalist Papers No. 51, цит. по Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1994. С. 345–351.
- [102.](#) «Честолюбию должно противостоять честолюбие»: Federalist Papers No. 51, цит. по Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1994. С. 345–351.
- [103.](#) Отцы-основатели и игра с положительной суммой: McGinnis, 1996, 1997.
- [104.](#) Мо-цзы о войне и зле: цит. по В. В. Соколов и др. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. — М.: Мысль (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие), 1969.
- [105.](#) Мечи на орала: Ис. 2:4.
- [106.](#) «Любите врагов ваших»: Лк. 6: 27–29.
- [107.](#) Война как состояние по умолчанию в Средние века: G. Schwarzenberger, Международное право, *New Encyclopaedia Britannica*, 15th ed., цит. в Nadelmann, 1990.
- [108.](#) Количество войн: см. рис. 5–17, основанный на данных Peter Brecke’s Conflict Catalog, который рассматривается в главе 5;

также Brecke, 1999, 2002; Long & Brecke, 2003.

- [109.](#) Преследование пацифистов: Kurlansky, 2006.
- [110.](#) Фальстаф о чести: Король Генрих IV. Часть первая. Акт V сцена 1. Пер. Вл. Морица и М. А. Кузмина / Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1937, Т. 3.
- [111.](#) Джонсон о европейской войне: *Idler*, No. 81 [82], Nov 3, 1759, цит. по Greene, 2000, p. 296–97.
- [112.](#) «Порода маленьких отвратительных гадов»: «Путешествия Гулливера», часть II, гл. 6. Пер. под ред. А. А. Франковского.
- [113.](#) Антивоенные «Мысли»: “Справедливость и Здравый смысл,” «Мысли». 293. Пер. Юлии Гинзбург.
- [114.](#) Торговля как антивоенная тактика: Bell, 2007a; Mueller, 1989, 1999; Russett & Oneal, 2001; Schneider & Gleditsch, 2010.
- [115.](#) “Дух торговли”: Kant, 1795/1983 / Кант И. К вечному миру // Соч. в 8 т. — М., 1994. Т. 7.
- [116.](#) Предприимчивые квакеры: Mueller, 1989, p. 25.
- [117.](#) «К вечному миру»: Kant, 1795/1983 / Кант И. К вечному миру // Соч. в 8 т. — М., 1994. Т. 7.
- [118.](#) Заявления королей о миролюбии: Luard, 1986, 346–47.
- [119.](#) “Теперь было невозможно заявить”: Mueller, 1989, p. 18, основано на исследовании Luard, 1986.
- [120.](#) Отказаться от завоевательных игр: Mueller, 1989, pp. 18–21.
- [121.](#) Войны между крупными державами менее частые, но более разрушительные: Levy, 1983.
- [122.](#) Загадочное снижение насилия: Payne, 2004, p. 29.
- [123.](#) Ненасилие предшествовало демократии: Payne, 2005, Payne, 2004.
- [124.](#) Этические дискуссии и работоторговля: Nadelmann, 1990.
- [125.](#) Фантазии о насилии и сексе: Buss, 2005; Symons, 1979.
- [126.](#) Уравнивание физиологического отвращения с отвращением моральным: Haidt, Vjcklund, & Murphy, 2000; Rozin, 1997.
- [127.](#) Деградация и притеснение: Glover, 1999.
- [128.](#) Возрождение в Средние века судебных пыток, свойственных римскому праву: Langbein, 2005.
- [129.](#) Жизнь не ценилась: Payne, 2004, p. 28.
- [130.](#) Книгопечатание: Clark, 2007a, p. 251–52.
- [131.](#) Библиотеки и романы: Keen, 2007, p. 45.
- [132.](#) Рост грамотности: Clark, 2007a, p. 178–80; Vincent, 2000; Hunt, 2007, p. 40–41.

- [133.](#) Рост грамотности во Франции: Houdailles & Blum, 1985. В других странах Европы: Vincent, 2000, pp. 4, 9.
- [134.](#) Революция чтения: Darnton, 1990; Outram, 1995.
- [135.](#) «Поворотный пункт» в чтении: Darnton, 1990, p. 166.
- [136.](#) Расширяющийся круг: Singer, 1981/2011.
- [137.](#) История романа: Hunt, 2007; Price, 2003. Количество опубликованных романов: Hunt, 2007, p. 40.
- [138.](#) Плачущий офицер: Hunt, 2007, p. 47–48.
- [139.](#) Похвальная речь Ричардсону: Hunt, 2007, p. 55.
- [140.](#) Осуждение романов: Hunt, 2007, p. 51.
- [141.](#) Романы, повлиявшие на мораль: Keen, 2007.
- [142.](#) Глобальный кампус: Lodge, 1988, p. 43–44 / Дэвид Лодж. Мир тесен // Независимая газета, 2004.
- [143.](#) Государство словесности: P. Cohen, “Digital keys for unlocking the humanities’ riches”, *New York Times*, Nov 16, 2010.
- [144.](#) Комбинаторный разум: Pinker, 1999/2011, chap. 10; Pinker, 1997, chap. 2; Pinker, 2007b, chap. 9. Государство словесности: P. Cohen, “Digital keys for unlocking the humanities’ riches”, *New York Times*, Nov 16, 2010.
- [145.](#) Спиноза: Goldstein, 2006.
- [146.](#) Города как подрывной элемент: E. L. Glaeser, “Revolution of urban rebels,” *Boston Globe*, Jul. 4, 2008.
- [147.](#) Скептицизм как источник современного мышления: Popkin, 1979.
- [148.](#) Взаимозаменяемость точек зрения как основа морали: Nagel, 1970; Singer, 1981/2011.
- [149.](#) Гуманистическая революция в Азии: Bourgon, 2003; Sen, 2000; Kurlansky, 2006.
- [150.](#) Трагический взгляд на участь человеческую: Burke, 1790/1967; Sowell, 1987.
- [151.](#) Готовность к демократии: Payne, 2005; Rindermann, 2008.
- [152.](#) Мэдисон, правительство и природа человека: *Federalist Papers* No. 51, см. В Rossiter, 1961, p. 3. См. также McGinnis, 1996, 1997; Pinker, 2002, chap. 16.
- [153.](#) “Французский народ как будто опередил”: Bell, 2007a, p. 77 / Максимилиан Робеспьер. Избранные произведения. — М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 161–199.
- [154.](#) Трагическое и утопическое видение: первоначально у Sowell, 1987, который писал об «ограниченном» и «неограниченном» видении; Pinker, 2002, chap 16.
- [155.](#) Контрпросвещение: Berlin, 1979; Garrard, 2006; Howard, 2001; Howard, 2007; Chirot, 1995; Menschenfreund, 2010.

- [156.](#) *Schwerpunkt*: Berlin, 1979, p. 11.
- [157.](#) Космополитизм — не добродетель: Berlin, 1979, p. 12.
- [158.](#) «Жар! Кровь! Жизнь!»: цит. в Berlin, 1979, p. 14 / Противники Просвещения в кн.: Исая Берлин. Философия свободы. Европа // Новое литературное обозрение, 2001.
- [159.](#) Сверхличный организм: Berlin, 1979, p. 18 / Противники Просвещения в кн.: Исая Берлин. Философия свободы. Европа // Новое литературное обозрение, 2001.
- [160.](#) «Человек жаждет гармонии»: Bell, 2007a, p. 81.
- [161.](#) Миф социал-дарвинизма: Claeys, 2000; Johnson, 2010; Leonard, 2008. Этот миф обязан своим появлением политизированной истории Ричарда Хофштадера *Social Darwinism in American thought* (1944).
- [162.](#) Война благородна: Mueller, 1989, p. 39.

Глава 5. Долгий мир

- [1.](#) «Вторая мировая — не кульминация»: War and Civilization (1950), p. 4, цит. в Mueller, 1995, p. 191.
- [2.](#) Предсказания конца света: Mueller, 1989, 1995.
- [3.](#) Льюис Ф. Ричардсон: Hayes, 2002; Richardson, 1960; Wilkinson, 1980.
- [4.](#) Долгое будущее без мировой войны: Richardson, 1960, p. 133.
- [5.](#) Гемоклизм: White, 2004.
- [6.](#) Беспощадные диагнозы современности: Menschenfreund, 2010. Prominent examples include Sigmund Freud, Michel Foucault, Zygmunt Bauman, Edmund Husserl, Theodor Adorno, Max Horkheimer, and Jean- François Lyotard.
- [7.](#) Долгий мир: Gaddis, 1986, 1989. Гэддис ссылаясь на отсутствие войн между США и СССР, но я расширил его умозаключения до мира между великими державами и развитыми государствами в целом.
- [8.](#) Слишком оптимистичная индейка: авторство обычно приписывается экономисту Нассиму Николасу Талебу.
- [9.](#) Население мира: Historical population estimates from McEvedy & Jones, 1978.
- [10.](#) Связь субъективной вероятности с доступностью воспоминаний: Tversky & Kahneman, 1973; Tversky & Kahneman, 1974.
- [11.](#) Неверная оценка рисков: Gardner, 2008; Ropeik & Gray, 2002; Slovic, Fischhoff, & Lichtenstein, 1982.
- [12.](#) Наихудшие вещи, которые люди устраивали друг другу: White, M. 2010a. См. также: White, M., 2011.
- [13.](#) Мятаж Лу Шаня: Уайт замечает, что эти данные противоречивы. Некоторые историки приписывают их усилившейся миграции

или же провалу переписи населения; другие считают достоверными, потому что выживание крестьян зависело от ирригационной инфраструктуры, которая была разрушена.

- [14.](#) Ассирийские колесницы: Keegan, 1993, p. 166.
- [15.](#) Отвратительные зверства: Saunders, 1979, p. 65.
- [16.](#) «Величайшее счастье мужчины»: см., напр., Gat, 2006, p. 427.
- [17.](#) Y-хромосома Чингисхана: Zerjal et al., 2003.
- [18.](#) Башни из черепов: Rummel, 1994, p. 51.
- [19.](#) Забытые зверства: White, M.. 2011.
- [20.](#) Список войн с 3000 до н.э.: Eckhardt, 1992.
- [21.](#) График войн в виде «хоккейной клюшки»: Eckhardt, 1992, p. 177.
- [22.](#) Associated Press против монахов XVI в.: Payne, 2004, pp. 69.
- [23.](#) Историческая близорукость как источник искажений трендов войны: Payne, 2004, pp. 67–70.
- [24.](#) Измерение исторической близорукости линейкой: Taagerera & Colby, 1979.
- [25.](#) Горизонт войны: Keegan, 1993, pp. 121–122.
- [26.](#) Зло войны перевешивает ее пользу: Richardson, 1960, p. xxxvii.
- [27.](#) «Много осуждать — значит мало понимать»: Richardson, 1960, p. xxxv.
- [28.](#) «Объектность распадается»: Richardson, 1960, p. 35.
- [29.](#) Работоторговля как война: Richardson, 1960, p. 113.
- [30.](#) Неучтенные малые войны: Richardson, 1960, pp. 112, 135–36.
- [31.](#) Порция против Ричардсона: Richardson, 1960, p. 130.
- [32.](#) Общая картина и проверка гипотез: Richardson, 1960; Wilkinson, 1980.
- [33.](#) Иллюзия кластеризации: Feller, 1968.
- [34.](#) Ошибка игрока: Kahneman & Tversky, 1972; Tversky & Kahneman, 1974.
- [35.](#) Светлячки и созвездия: Gould, 1991.
- [36.](#) Singer and Small's Correlates of War Project, Singer & Small, 1972, pp. 205–6 (см. также Helmbold, 1998); Quincy Wright's *A Study of War* database, Richardson, 1960, p. 129; Pitrim Sorokin's 2, 500-year list of wars, Sorokin, 1957, p. 561; Levy's Great Power War database, Levy, 1983, p. 136–37.
- [37.](#) Экспоненциальное распределение длительности войн также было обнаружено в Conflict Catalog, Brecke, 1999, 2002.
- [38.](#) С наибольшей вероятностью война закончится в первый год: Wilkinson, 1980.

- [39.](#) Отсутствие циклов: Richardson, 1960, pp. 140–41; Wilkinson, 1980, pp. 30–31; Levy, 1983, pp. 136–38; Sorokin, 1957, pp. 559–63; Luard, 1986, p. 79.
- [40.](#) История не станок: Sorokin, 1957, p. 563.
- [41.](#) Самая важная личность XX в.: White, M., 1999.
- [42.](#) Первая мировая не была predetermined: Lebow, 2007.
- [43.](#) Историки о Гитлере: цит. в Mueller, 2004a, p. 54.
- [44.](#) Не было бы Гитлера, не было бы и Второй мировой: Mueller, 2004a, p. 54.
- [45.](#) Не будь Гитлера, не было бы Холокоста: Goldhagen, 2009; Himmelfarb, 1984, p. 81; Fischer, 1998, p. 288; Valentino, 2004.
- [46.](#) Вероятность выпадения орла: Keller, 1986. Перси Диаконис, статистик и фокусник, мог выбросить орла десять раз подряд; см. E. Landuis, “Lifelong debunker takes on arbiter of neutral choices,” *Stanford Report*, Jun. 7, 2004.
- [47.](#) Анри Пуанкаре: *Science and Method*, цит. в Richardson, 1960, p. 131.
- [48.](#) «Человечество стало менее воинственным»: Richardson, 1960, p. 167.
- [49.](#) Подтверждение на других наборах данных: Sorokin, 1957, p. 564: «Как в данных, представленных здесь, ничто не подтверждает заявления об отсутствии войн в прошлом, так же нет и доказательств утверждения (несмотря на исключительно высокие цифры для XX в.), что существует (или будет) стабильная тенденция к увеличению войн. Наблюдаются колебания, и не более того». Singer & Small, 1972, p. 201: «Учащаются ли войны, как склонны верить многие ученые и обычные люди нашего поколения? Ответом, кажется, будет весьма категоричное “нет”». Luard, 1986, p. 67: «Общая частота войн [с 1917 по 1986] не очень отличается от таковой в предшествующий период [1789–1917]... Среднее число войн на страну, наиболее значимый параметр, сегодня ниже, если сравнивать с периодом 1789–1914. По сравнению с годами 1815–1914 наблюдается небольшой спад».
- [50.](#) Войн меньше, но они смертоноснее: Richardson, 1960, p. 142.
- [51.](#) Строго говоря они не «пропорциональны», а «линейно связаны».
- [52.](#) Степенное распределение в Correlates of War Dataset: Cederman, 2003.
- [53.](#) График степенного распределения: Newman, 2005.
- [54.](#) Степенное распределение, теория и данные: Mitzenmacher, 2004, 2006; Newman, 2005.
- [55.](#) Закон Ципфа: Zipf, 1935.
- [56.](#) Типы слов и частота словоупотреблений: Francis & Kucera, 1982.

- [57.](#) Величины, распределенные по степенному закону: Hayes, 2002; Newman, 2005.
- [58.](#) Примеры нормального и степенного распределения: Newman, 2005.
- [59.](#) Ньюман использовал точное значение числа жителей городов, а не диапазон значений, чтобы единицы были сопоставимы в линейном и логарифмическом графике (из личной беседы 1 февраля 2011 г.).
- [60.](#) Причины войны: Levy & Thompson, 2010; Vasquez, 2009.
- [61.](#) Механизмы, генерирующие степенное распределение: Mitzenmacher, 2004; Newman, 2005.
- [62.](#) Степенное распределение для кровопролитных конфликтов и размера городов: Richardson, 1960, pp. 154–56.
- [63.](#) Самоорганизованная критичность и масштаб войн: Cederman, 2003; Roberts & Turcotte, 1998.
- [64.](#) Игра «Война на истощение»: Maynard Smith, 1982, 1988; Dawkins, 1976/1989.
- [65.](#) «Боязнь потери»: Kahneman & Renshon, 2007; Kahneman & Tversky, 1979, 1984; Tversky & Kahneman, Sunk costs in nature: Dawkins & Brockmann, 1980.
- [66.](#) Более смертоносные войны длятся дольше: Richardson, 1960, p. 130; Wilkinson, 1980, pp. 20–30.
- [67.](#) Нелинейный рост издержек в длительных войнах: число жертв 79 войн в «Correlates of War interstate war database» (Sarkees, 2000) лучше прогнозируется на основе экспоненциальной функции длительности (отвечающей за 48% вариабельности), чем на основе длительности самой по себе (отвечающей за 18% вариабельности).
- [68.](#) Закон Вебера в восприятии смертей: Richardson, 1960, p. 11.
- [69.](#) Повторное открытие закона Вебера в восприятии смертей: Slovic, 2007.
- [70.](#) Истощение вместе с боязнью потерь генерирует степенное распределение: Wilkinson, 1980, pp. 23–26; Weiss, 1963; Jean-Baptiste Michel, в личном разговоре.
- [71.](#) Правило 80:20: 2005.
- [72.](#) Интерполяция мелких конфликтов: Richardson, 1960, pp. 148–50.
- [73.](#) Убийства в США: Fox & Zawitz, 2007; Число убийств в 2006–2009 г. составляет в среднем 17 000 в год, что в целом дает 955 603.
- [74.](#) Убийства превосходят войны по числу жертв: Krug et al., 2002, p. 10; см. также прим. 76.
- [75.](#) Болезни смертоноснее войн: Richardson, 1960, p. 153.
- [76.](#) Болезни по-прежнему смертоноснее войн: В 2000 г., согласно докладу ВОЗ, в мире случилось 520 000 убийств и 310 000

случаев смерти по причине войны. Всего в том году умерло примерно 56 млн человек, следовательно, доля насильственных смертей составила 1,5%. Эту цифру нельзя сравнивать непосредственно с данными Ричардсона, поскольку его оценки для 1820–1952 гг. не настолько полны.

- [77.](#) Правило 80:2: Основано на 94 войнах магнитудой 4–7, по которым Ричардсон владел данными о количестве жертв.
- [78.](#) Великие державы: Levy, 1983; Levy et al., 2001.
- [79.](#) Несколько великих держав участвуют в подавляющем количестве войн: Levy, 1983, p. 3.
- [80.](#) Великие державы все еще часто воюют: Gleditsch et al., 2002; Lacina & Gleditsch, 2005; <http://www.prio.no/Data/>.
- [81.](#) Больше всего людей гибнет в войнах великих держав: Levy, 1983, p. 107.
- [82.](#) Данные за последнюю четверть XX в.: Correlates of War Inter-State War Dataset, 1816–1997 (v3.0) <http://www.correlatesofwar.org/>; Sarkees, 2000.
- [83.](#) Войны с участием (но не обязательно с обеих сторон) великих держав: Леви не включал колониальные войны, если только великие державы не воевали в союзе с повстанцами против колониальных властей.
- [84.](#) Короткие войны в конце XX в.: Correlates of War Inter-State War Dataset, 1816–1997 (v3.0), <http://www.correlatesofwar.org/>, Sarkees, 2000; война в Косово, PRIO Battle Deaths Dataset, 1946–2008, Version 3.0, <http://www.prio.no/CSCW/Datasets/Armed-Conflict/Battle-Deaths/>, Gleditsch et al., 2002; Lacina & Gleditsch, 2005.
- [85.](#) Conflict Catalog: Brecke, 1999, 2002; Long & Brecke, 2003.
- [86.](#) Определение «Европы»: хотя я опирался на схему Каталога конфликтов, другие базы данных определяют эти страны как азиатские (см., напр., Human Security Report Project, 2008).
- [87.](#) Те же самые данные, нанесенные на логарифмическую шкалу, выглядят подобно рис. 5–15, отражая степенное распределение, в котором крупнейшие войны (с участием великих держав, большая часть которых европейские) отвечают за большую часть военных смертей. Но по причине значительного спада смертности в европейских войнах после 1950 г. логарифмическая шкала зрительно увеличивает небольшой скачок в последней четверти XX в.
- [88.](#) Каталог конфликтов и Каталог европейских конфликтов до 1400 г.: Long & Brecke, 2003; Brecke, 1999, 2002.
- [89.](#) Забытые войны: ни одна из них не была упомянута примерно в тысяче ответов, полученных в моем исследовании, когда я просил сотню пользователей интернета назвать все войны, которые они могут вспомнить.

- [90.](#) Война как часть естественного хода вещей: Howard, 2001, pp. 12, 13.
- [91.](#) Жертвы ничего не значили: Luard, 1986, p. 240.
- [92.](#) Сексуальная жизнь европейских королей: Betzig, 1986, 1996a; Betzig, 2002.
- [93.](#) Господство: Luard, 1986, p. 85.
- [94.](#) Королевское соперничество: Luard, 1986, pp. 85–86, 97–98, 105–6.
- [95.](#) Габсбурги: *Black Lamb and Grey Falcon* (1941), цит. в Mueller, 1995, p. 177.
- [96.](#) Биология и династии: Betzig, 1996a; Betzig, 1996b, 2002.
- [97.](#) Убийство людей, молившихся не тому богу: Luard, 1986, pp. 42–43.
- [98.](#) Религия останавливает дипломатию: Mattingly, 1958, p. 154, цит. в Luard, 1986, p. 287.
- [99.](#) Уменьшение количества политических единиц в Европе: Wright, 1942, p. 215; Gat, 2006, p. 456.
- [100.](#) Революция в военном деле: Gat, 2006; Levy & Thompson, 2010; Levy et al., 2001; Mueller, 2004a.
- [101.](#) Солдаты и отморозки: Tilly, 1985, p. 173.
- [102.](#) «Хватай деньги и беги»: Mueller, 2004a, p. 17.
- [103.](#) Военная эволюция: Gat, 2006, pp. 456–80.
- [104.](#) Наполеон и тотальная война: Bell, 2007a.
- [105.](#) Сравнительно мирный XVIII век: Brecke, 1999; Luard, 1986, p. 52; Bell, 2007a, p. 5. «Дрессированные пудели — цитата из Michael Howard.
- [106.](#) Идеология, национализм и Просвещение: Howard, 2001.
- [107.](#) Одержимая Наполеоновская Франция: Bell, 2007a.
- [108.](#) Искажение идей Просвещения: Bell, 2007a, p. 77.
- [109.](#) Диалектика Просвещения и Контрпросвещения: Howard, 2001, p. 38.
- [110.](#) Европейское согласие как продукт Просвещения: Howard, 2001, p. 41; см. также Schroeder, 1994.
- [111.](#) Нации должны проложить себе дорогу: Howard, 2001, p. 45.
- [112.](#) Консерваторы и националисты объединились: Howard, 2001, p. 54.
- [113.](#) Национализм Гегеля: Luard, 1986, p. 355.
- [114.](#) Марксизм и национализм: Glover, 1999.
- [115.](#) Самоопределение народов как бомба с зажженным фитилем: цит. в Moynihan, 1993, p. 83.

- [116.](#) Война — это хорошо: цит. из Mueller, 1989, pp. 38–51.
- [117.](#) Погрязнет в материализме: цит. в Mueller, 1995, p. 187.
- [118.](#) Мир — это плохо: цит. в Mueller, 1989, pp. 38–51.
- [119.](#) Моральный эквивалент войны: James, 1906/1971.
- [120.](#) Беллок желает войны: Mueller, 1989, p. 43.
- [121.](#) Валери желает войны: Bell, 2007a, p. 311.
- [122.](#) Шерлок Холмс желает войны: Gopnik, 2004.
- [123.](#) Почему разразилась великая война: Ferguson, 1998; Gopnik, 2004; Lebow, 2007; Stevenson, 2004.
- [124.](#) 8,5 млн: Correlates of War Interstate War Dataset, Sarkees, 2000; 15 млн: White, M., 2011.
- [125.](#) Идеологии Контрпросвещения в Германии, Италии и Японии: Chirot, 1995; Chirot & McCauley, 2006.
- [126.](#) Холодная война как сдерживание коммунистического экспансионизма: Mueller, 1989, 2004a.
- [127.](#) Мирные движения XIX в.: Howard, 2001; Kurlansky, 2006; Mueller, 1989, 2004a; Payne,
- [128.](#) Высмеивание пацифистов: Mueller, 1989, p. 30.
- [129.](#) Под аккомпанемент Шоу: цит. в Wearing, 2010, p. viii.
- [130.](#) О чем на самом деле писал Энджелл: Ferguson, 1998; Gardner, 2010; Mueller, 1989.
- [131.](#) Войну «больше нельзя оправдать»: Luard, 1986, p. 365.
- [132.](#) Remarque, 1929/1987, pp. 222–25 / Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. — М.: Правда, 1985.
- [133.](#) «Гора не может оскорбить гору»: Ремарк Э. М, там же
- [134.](#) Неприятие войны немцами в 1930-х: Mueller, 1989, 2004a.
- [135.](#) Соперники Гитлера, вероятно, не начали бы мировую войну: Turner, 1996.
- [136.](#) Злой гений Гитлера: Mueller, 1989, p. 65. Гитлер манипулировал миром: Mueller, 1989, p. 64.
- [137.](#) Мы обречены: Mueller, 1989, p. 271, notes 2 and 4, and p. 98.
- [138.](#) Моргентау о Третей мировой: цит. в Mueller, 1995, p. 192.
- [139.](#) Сверхдержавы не вмешивались в дела друг друга: это касается Корейской войны, в которой Советский Союз обеспечивал лишь ограниченную поддержку с воздуха своему северному союзнику, и никогда не приближался к линии фронта на расстояние меньше 60 миль.
- [140.](#) Самый долгий мир между великими державами со времен Римской империи: Mueller, 1989, pp. 3–4; Gaddis, 1989.
- [141.](#) Ни одна армия не форсировала Рейн: В. DeLong, “Let us give thanks (Wacht am Rhein Department),” Nov. 12, 2004, <http://www.j>

[-bradford-delong.net/movable_type/2004-2_archives/000536.html](http://bradford-delong.net/movable_type/2004-2_archives/000536.html).

142. Отсутствие межгосударственных войн в Западной Европе: Correlates of War Interstate War Database v3. 0, Sarkees, 2000.
143. Отсутствие межгосударственных войн в Восточной Европе: Correlates of War Interstate War Database v3. 0, Sarkees, 2000. В «Кореллятах войны» *международная война* определяется как конфликт минимум с тысячей жертв в год, в котором с каждой стороны участвуют члены межгосударственной системы. Бомбардировка Югославии силами НАТО в 1999 г. на настоящий момент не включена в базу данных КВ, которая оканчивается в 1997 г.; База данных PRIO рассматривает ее как интернациональную гражданскую войну, потому что НАТО вторглась в страну, оказывая поддержку Армии освобождения Косово. Заметьте, что Леви классифицировал бы этот эпизод как войну с участием великих держав.
144. Отсутствие войн между развитыми странами: Mueller, 1989, pp.4, 271 note 5.
145. Уменьшение числа завоевательных войн с 1948 г.: исчерпывающий обзор политолога Марка Захера (Zacher, 2001) насчитывает семь: Индия — Гоа (1961), Индонезия— Западный Ириан (1961–1962), Китай —Индия (1962), Израиль / Иерусалим / Западный берег / Газа / Голан (1967), Северный Вьетнам — Южный Вьетнам (1975), Иран — острова Ормузского пролива (1971) и Китай — Парасельские острова (1974). Несколько других успешных нападений привели к незначительным изменениям или к образованию новых политических единиц.
146. Величайшая передача власти в истории: Sheehan, 2008, pp. 167–71.
147. Больше никаких колониальных или имперских войн: Human Security Centre, 2005; Human Security Report Project, 2008.
148. Ни одно государство не исчезло: Zacher, 2001.
149. Двадцать два государства оккупированы в первой половине XX в., ни одно — во второй половине: Russett & Oneal, 2001, p. 180.
150. Датчане жаждут драки: Mueller, 1989, p. 21.
151. Самый длинный период мира между великими державами: Levy et al., 2001, p. 18.
152. Вероятность одной войны великих держав за 65 лет: в 1991 г. Леви пришлось исключить Корейскую войну, чтобы оценить вероятность числа наблюдаемых войн между великими державами с конца Второй мировой войны в 0.005 (Levy et al., 2001, note 11). Двамя десятилетиями позже нам не нужно прибегать к такому субъективному приему, чтобы достичь существенной статистической значимости.
153. Маловероятность долгого мира: число новых войн в год между великими державами и с участием великих держав как минимум с одной стороны между 1495 и 1945 гг. взяты у Levy, 1983, table 4.

1, pp. 88–91. Число войн в год между европейскими странами с 1815 по 1945 г. взято из базы данных «Корреляты войны»; Sarkees, 2000. Данные были умножены на 65 для получения параметра лямбда для потока Пуассона, и вероятность получения наблюдаемого или меньшего числа была выведена из этого распределения.

- [154.](#) Прогнозы уменьшения числа войн: Levi, 1981; Gaddis, 1986; Holsti, 1986; Luard, 1988; Mueller, 1989; Fukuyama, 1989; Ray, 1989; Kaysen, 1990
- [155.](#) «Послевоенный» мир: Jervis, 1988, p. 380.
- [156.](#) Волнующие предсказания: Kaysen, 1990, p. 64
- [157.](#) Война нежелательна: Keegan, 1993, p. 59.
- [158.](#) Войны могут и не возобновиться: Howard, 1991, p. 176.
- [159.](#) Впечатляющий перелом: Luard, 1986, p. 77
- [160.](#) Такого в истории еще не было: Gat, 2006, p. 609.
- [161.](#) Банды вербовщиков: Payne, 2004, p. 73.
- [162.](#) Сокращение призыва: Sheehan, 2008, p. 217
- [163.](#) Призыв в 48 странах: Payne, 2004; International Institute for Strategic Studies, 2010; Central Intelligence Agency, 2010.
- [164.](#) Пропорция военнослужащих как лучший индикатор милитаризма: Payne, 1989.
- [165.](#) Средняя пропорция военнослужащих: Unweighted average of 63 countries in existence during the entire timespan, from Correlates of War National Material Capabilities Data Set (1816–2001); Sarkees, 2000; <http://www.correlatesofwar.org/>.
- [166.](#) Беспокойство насчет Всеобщей декларации прав человека: Hunt, 2007, pp. 202–3.
- [167.](#) Снижение важности национального государства: V. Havel, “How Europe could fail,” *New York Review of Books*, Nov. 18, 1993, p.3.
- [168.](#) Значение территориальных вопросов: Vasquez, 2009, pp. 165–66.
- [169.](#) Норма территориальной целостности: Zacher, 2001.
- [170.](#) Психологические ориентиры в переговорах с положительной суммой: Schelling, 1960.
- [171.](#) Повышение ценности жизни: Luard, 1986, p. 268.
- [172.](#) Хрущев: цит. в Mueller, 2004a, p. 74.
- [173.](#) Сдержанность Картера: “Carter defends handling of hostage crisis,” *Boston Globe*, Nov. 17, 2009.
- [174.](#) Сохранить лицо в Карибском кризисе: Glover, 1999, p. 202.
- [175.](#) Роберт Кеннеди о Карибском кризисе: Kennedy, 1969/1999, p. 49.
- [176.](#) Хрущев и Кеннеди развязывают узел: цит. в Glover, 1999, 202.
- [177.](#) Холодная война: лестница или эскалатор: Mueller, 1989.

- [178.](#) Неприятие военными неоправданных убийств: Hoban, 2007; Jack Hoban, в личном разговоре, 14 ноября 2009.
- [179.](#) Высоконравственный воин: Hoban, 2007, 2010.
- [180.](#) «Случай на охоте»: Humphrey, 1992.
- [181.](#) Сравнительно низкое число боевых потерь: в соответствии с базой данных PRIO (Lacina & Gleditsch, 2005), с 2001 по 2008 г. в Афганистане насчитывается 14 200 погибших в бою и 13 500 — в Ираке. Число непрямых случаев смерти выше; они будут обсуждаться в следующей главе.
- [182.](#) Новая кампания против повстанцев: N. Shachtman, “The End of the Air War,” *Wired*, Jan. 2010, pp. 102–9.
- [183.](#) Интеллектуальное нацеливание снижает потери среди мирного населения: Goldstein, 2011.
- [184.](#) Гибель мирного населения в Афганистане: Bohannon, 2011. 5300 в период 2004–2010 гг. — это сумма 4024 случаев гибели мирных жителей за 2004–2009 гг. и 1152 случаев смерти за 2010 г. (55% от общего числа в 2537 за 2009–2010 гг.). Гибель мирного населения в ходе военных действий во Вьетнаме оценивается в 843 000 (Rummel, 1997, table 6.1A. Это не противоречит оценке общего числа погибших (гражданские плюс солдаты) в 1,6 млн в PRIO *New war* (Gleditsch et al., 2002; Lacina, 2009) и предположению, которое обсуждается в главе 6, что примерно половина потерь в результате военных действий приходится на долю гражданских лиц.
- [185.](#) Европейцы с Венеры: Kagan, 2002.
- [186.](#) «Хватит с нас»: Sheehan, 2008.
- [187.](#) «Это уже не вермахт»: e-mail from Kabul, Dec. 11, 2003.
- [188.](#) Запуганы до смерти ядерной угрозой: Mueller, 1989, p. 271, note 3. Также: van Creveld, 2008.
- [189.](#) Залог безопасности: W. Churchill, “Never Despair,” speech to House of Commons, Mar. 1, 1955.
- [190.](#) «Нобелевка» за бомбу: цит. в Mueller, 2004a, p. 164.
- [191.](#) Долгий мир — не ядерный мир: Mueller, 1989, chap. 5; Ray, 1989, pp. 429–31.
- [192.](#) Мир, обеспеченный динамитом: цит. в Ray, 1989, p. 429.
- [193.](#) Провал нового оружия в обеспечении дела мира: Ray, 1989, pp. 429–30.
- [194.](#) Отравляющие газы с аэропланов: Mueller, 1989.
- [195.](#) Оружие массового уничтожения не обеспечивает мир: Luard, 1986, p. 396.
- [196.](#) Развенчание ядерного блефа: Ray, 1989, p. 430; Huth & Russett, 1984; Kugler, 1984; Gochman & Maoz, 1984, pp. 613–15.
- [197.](#) Ядерное табу: Schelling, 2000, 2005; Tannenwald, 2005b.

- [198.](#) Нейтронная бомба не противоречит справедливой войне: Tannenwald, 2005b, p. 31.
- [199.](#) Не совсем табу: Paul, 2009; Tannenwald, 2005b.
- [200.](#) Ролик с ромашкой: “Daisy: the Complete History of an Infamous and Iconic Ad,” <http://www.conelrad.com/daisy/index.php>.
- [201.](#) «Печать Каина»: цит. в Tannenwald, 2005b, p. 30.
- [202.](#) Сакрализация Хиросимы: цит. в Schelling, 2005, p. 373.
- [203.](#) Постепенное оформление ядерного табу: Schelling, 2005; Tannenwald, 2005b. Dulles quote from Schelling, 2000, p. 1.
- [204.](#) Эйзенхауэр о ядерной бомбе: Schelling, 2000, p.2.
- [205.](#) Джонсон ратифицирует табу: Schelling, 2000, p. 3.
- [206.](#) Предсказание Кеннеди о распространении ядерного оружия: Mueller, 2010a, p. 90.
- [207.](#) Ожидание, что Германия и Япония станут ядерными державами: Mueller, 2010a, p. 92.
- [208.](#) «Осуждено цивилизованным миром»: цит. в Price, 1997, p. 91.
- [209.](#) Черчилль о химическом оружии: цит. в Mueller, 1989, p. 85 / Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014 г., с. 451.
- [210.](#) Случайная утечка отравляющего газа: Mueller, 1989, p. 85; Price, 1997, p. 112.
- [211.](#) Саддама повесили за химическую атаку: “Charges facing Saddam Hussein,” BBC News, Jul. 1, 2004, http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3320293.stm.
- [212.](#) Небольшое число погибших от газа: Mueller, 1989, p. 84; Mueller, 2004a, p. 43.
- [213.](#) Женщины-отравительницы: Haillissy, 1987, pp. 5–6, цит. в Price, 1997, p. 23.
- [214.](#) «Мир, свободный от ядерного оружия»: Perry, Shultz, Kissinger, & Nunn, 2008; Shultz, Perry, Kissinger, & Nunn, 2007
- [215.](#) Три четверти бывших министров обороны и госсекретарей и советников по безопасности: Shultz, 2009, p. 81. Global Zero: www.globalzero.org.
- [216.](#) Дорожная карта к «Глобальному нулю»: Global Zero Commission, 2010.
- [217.](#) Скепсис относительно «Глобального нуля»: Schelling, 2009; H. Brown & J. Deutch, “The nuclear disarmament fantasy,” *Wall Street Journal*, Nov. 19, 2007, p. A19. Global Zero planning: B. Blechman, “Stop at Start,” *New York Times*, Feb. 19, 2010.
- [218.](#) Демократия устарела: D. Moynihan, “The American experiment,” *Public Interest*, Fall 1975, цит. в Mueller, 1995, p. 192. Еще примеры см. в Gardner, 2010.

- [219.](#) Демократии и автократии: Marshall & Cole, 2009.
- [220.](#) Споры о демократическом мире: Mueller, 1989, 2004a; Ray, 1989; Rosato, 2003; White, M., 2005b.
- [221.](#) Демократический мир как мир по-американски: Rosato, 2003.
- [222.](#) Демократический мир наносит ответный удар: Russett & Oneal, 2001; White, M., 2005b
- [223.](#) Демократический мир в свете статистики: Russett & Oneal, 2001.
- [224.](#) Вооруженные межгосударственные противостояния: Gochman & Maoz, 1984; Jones, Bremer, & Singer, 1996.
- [225.](#) Многочисленные вооруженные межгосударственные противостояния: The analysis presented in Russett & Oneal, 2001, was based on the Correlates of War Project's Militarized Interstate Dispute 2. 1 database (Jones et al., 1996), which runs from 1885 to 1992 (see also Gochman & Maoz, 1984). Russett, 2008, has since extended it with data from the 3. 0 database (Ghosn, Palmer, & Bremer, 2004), which runs through 2001.
- [226.](#) В поддержку демократического мира: Russett & Oneal, 2001, pp. 108–11; Russett, 2008, 2010
- [227.](#) Демократии более миролюбивы на международной арене: Russett & Oneal, 2001, p. 116.
- [228.](#) Автократического мира не существует: Russett & Oneal, 2001, p. 115
- [229.](#) Демократический мир — не Pax Americana: Russett & Oneal, 2001, p. 112.
- [230.](#) Не существует ни Pax Americana, ни Pax Britannica: Russett & Oneal, 2001, p. 188–89.
- [231.](#) Мир между новыми демократиями: Russett & Oneal, 2001, p. 121.
- [232.](#) В XIX в. демократического мира не было: Russett & Oneal, 2001, p. 114.
- [233.](#) Либеральный мир: Gleditsch, 2008; Goldstein & Pevehouse, 2009; Schneider & Gleditsch, 2010.
- [234.](#) «Мир золотых арок»: идея обычно приписывается журналисту Томасу Фридману. Ранее исключением стала атака США на Панаму в 1989 г., но число смертей было настолько малым, что это событие не удовлетворяет общепринятому определению войны. Каргильскую войну 1999 г. между Пакистаном и Индией можно расценивать как еще одно исключение. Это зависит от того, считать ли силы Пакистана повстанческими или же правительственными. См. White, M., 2005b.
- [235.](#) Скептики, сомневающиеся том, что есть связь между торговлей и состоянием мира: Gaddis, 1986, p. 111; Ray, 1989.
- [236.](#) Торговля и грабеж: Keegan, 1993, e. g., p. 126.
- [237.](#) Торговля между Англией и Германией перед Первой мировой войной: Ferguson, 2006.

- [238](#). Экономические причины Первой мировой войны: Gat, 2006, p. 554–57; Weede, 2010.
- [239](#). Торговля утихомиривает конфликт: Russett & Oneal, 2001, pp. 145–48. Даже контролируя рост экономики: p. 153.
- [240](#). Торговля и развитие: Negre, 2000.
- [241](#). Открытость глобальной экономики: Russett & Oneal, 2001, p. 148.
- [242](#). Демократия и торговля: McDonald, 2010; Russett, 2010.
- [243](#). Капиталистический мир: Gartzke, 2007; Gartzke & Hewitt, 2010; McDonald, 2010; Mousseau, 2010; Mueller, 1999, 2010b; Rosecrance, 2010; Schneider & Gleditsch, 2010; Weede, 2010.
- [244](#). Противопоставление демократии и капитализма: Gartzke & Hewitt, 2010; McDonald, 2010; Mousseau, 2010; но см. также Russett, 2010.
- [245](#). «Делайте деньги, а не войну»: Gleditsch, 2008.
- [246](#). Ученые и мировое правительство: Mueller, 1989, p. 98.
- [247](#). Бертран Рассел и превентивный ядерный удар: Mueller, 1989, pp. 109–10; Sowell, 2010, chap. 8.
- [248](#). Европейские экономические сообщества: Sheehan, 2008, pp. 158–59.
- [249](#). Мир и европейские межправительственные организации: Sheehan, 2008.
- [250](#). Все три переменные: Russett, 2008.
- [251](#). Международные отношения и моральные нормы: Cederman, 2001; Mueller, 1989, 2004a, 2007; Nadelmann, 1990; Payne, 2004; Ray, 1989.
- [252](#). «Реализм» в международных отношениях: Goldstein & Pevehouse, 2009; Ray, 1989; Thayer, 2004.
- [253](#). Идеи и окончание холодной войны: Bennett, 2005; English, 2005; Tannenwald, 2005a; Tannenwald & Wohlforth, 2005; Thomas, 2005.
- [254](#). Гласность: A. Brown, “When Gorbachev took charge,” *New York Times*, Mar. 11, 2010.
- [255](#). Кант об обучении наций на опыте: Kant, 1784/1970, p. 47, цит. в Cederman, 2001 / Кант, Иммануил. Сочинения в шести томах. — М., Мысль, 1966. (Философ. наследие). Т. 6. 1966.
- [256](#). Назад к Канту: Cederman, 2001.
- [257](#). Учиться на ошибках: см. также Dershowitz, 2004a.

Глава 6. Новый мир

- [1](#). Предсказания экспертов: Gardner, 2010; Mueller, 1995, 2010a.
- [2](#). Соперничество великих держав: Quoted in S. McLemee, “What price Utopia?” (review of J. Gray’s *Black Mass*); *New York Times Book Review*, Nov. 25, 2007, p. 20.

3. Облагренный кровью курс: S. Tanenhaus, "The end of the journey: From Whittaker Chambers to George W. Bush," *New Republic*, Jul. 2, 2007, p. 42.
4. Один только терроризм и геноцид: Quoted in C. Lambert, "Le Professeur," *Harvard Magazine*, Jul. — Aug., 2007, p. 36.
5. Опаснее, чем когда-либо: цит. в С. Lambert, "Reviewing 'reality,'" *Harvard Magazine*, Mar. — Apr. 2007, p. 45.
6. То же самое: M. Kinsley, "The least we can do," *Atlantic*, Oct. 2010.
7. Ложное чувство опасности: Leif Wenar, цит. в Mueller, 2006, p. 3.
8. Новые войны: Kaldor, 1999.
9. Экзистенциальная угроза: Mueller, 2006, p. 6, 45.
10. Спад насилия и перемещение «новых войн»: Melander, Oberg, & Hall, 2009; Goldstein, 2010; Human Security Report Project, 2011.
11. Каталог конфликтов: Brecke, 1999, 2002; Long & Brecke, 2003.
12. PRIO Battle Deaths Dataset: Lacina & Gleditsch, 2005; <http://www.prio.no/CSCWDatasets/Armed-Conflict/Battle-Deaths/>.
13. Связанные базы данных: UCDP: <http://www.prio.no/CSCW/Datasets/Armed-Conflict/UCDPPRIO/>; SIPRI: www.sipri.org; Stockholm International Peace Research Institute, 2009. Human Security Report Project: <http://www.hsrgroup.org/>; Human Security Centre, 2005, 2006; Human Security Report Project, 2007, 2008, 2009.
14. Категории вооруженных конфликтов: Human Security Report Project, 2008, p. 10; Hewitt, Wilkenfeld, & Gurr, 2008; Lacina, 2009.
15. Большая деструктивность геноцида: подсчеты, доказывающие, что в XX в. геноцид унес жизней больше, чем войны, впервые были выполнены Руммелем, 1994, воспроизведены Уайтом, 2005а, и отражены в названии книги Голдхагена «Хуже, чем война» (Worse than War). Мэттью Уайт подчеркнул, что результат сравнения зависит от того, как классифицируются случаи геноцида военного времени, ответственные за половину всех смертей от геноцида. Большая часть смертей во время Холокоста, например, связана с завоеванием Германией стран Европы. Если проявления геноцида во время войны добавить к боевым потерям, тогда войны более смертоносны: 105 млн против 40 млн жертв. Если включить их в общий список случаев геноцида, тогда более смертоносен геноцид: 81 млн против 64 млн. (Эти цифры не включают гибель от голода.)
16. База данных по случаям геноцида: Eck & Hultman, 2007; Harff, 2003, 2005; Rummel, 1994; Rummel, 1997; "One-Sided Violence Dataset," <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/>.
17. Категории смертности: PRIO Documentation of Coding Decisions 2009, pp. 5–6; Human Security Report Project, 2008.
18. Концепция причинности: Pinker, 2007b, pp. 65–73, 208–25.
19. Первая мировая война и пандемия «испанки»: Oxford et al., 2002.

- [20.](#) Низкий уровень боевых потерь: Average for 2000–2005, from the state-based battle death figures reported in Human Security Report Project, 2007, based on the UCDP/PRIO dataset, Gleditsch et al., 2002. Population figures are from International Data Base, U. S. Census Bureau, 2010c.
- [21.](#) Средний уровень убийств: Krug et al., 2002, p. 10.
- [22.](#) Все данные о смертях в этих параграфах взяты из PRIO dataset: Gleditsch et al., 2002; Lacina, 2009; Lacina & Gleditsch, 2005. The dataset differs slightly from the UCDP/PRIO dataset that went into the three graphs: Human Security Centre, 2006; Human Security Report Project, 2007.
- [23.](#) Межгосударственные войны: PRIO New war dataset, “Best Estimates” for battle fatalities. Gleditsch et al., 2002; Lacina, 2009.
- [24.](#) Мирное развитие Китая: Bijian, 2005; Weede, 2010; Human Security Report Project, 2011. Политика Турции «ноль проблем с соседями»: “Ahmet Davutoglu,” *Foreign Policy*, Dec. 2010, p. 45. Бразилия: S. Glasser, “The FP Interview: The Soft-Power Power” (interview with Celso Amorim), *Foreign Policy*, Dec. 2010, p. 43.
- [25.](#) Восточноазиатский мир: Human Security Report Project, 2011, chaps. 1, 3.
- [26.](#) Снижение летальности гражданских войн: Marshall & Cole, 2009, p. 114.
- [27.](#) Снижение летальности всех войн: Human Security Report Project, 2009, p. 2.
- [28.](#) Бедность и война: Human Security Centre, 2005, p. 152, using data from Macartan Humphreys and Ashutosh Varshney.
- [29.](#) Бедность может подтолкнуть жестокую конкуренцию за ресурсы: Fearon & Laitin, 2003; Theisen, 2008.
- [30.](#) Война — это развитие наоборот: Human Security Report Project, 2008, p. 5; Collier, 2007.
- [31.](#) Богатые правительства могут поддерживать мир: Human Security Report Project, 2011, chaps. 1, 3.
- [32.](#) Структурные переменные меняются медленно: Human Security Report Project, 2007, p. 27.
- [33.](#) Любовь под прицелом полиции: Goldhagen, 2009, p. 212.
- [34.](#) Неэффективная правоохранительная система: Fearon & Laitin, 2003; Mueller, 2004a.
- [35.](#) Наш сукин сын: возможно, высказывание принадлежит не Рузвельту: <http://message.snopes.com/showthread.php?t=8204>.
- [36.](#) Опосредованные войны ответственны лишь за часть спада: Human Security Centre, 2005, p. 153.
- [37.](#) Мао равнодушен к смертям: Glover, 1999, p. 297.
- [38.](#) Мао готов примириться с гибелью половины человечества: Mueller, 2010a.

- [39.](#) Вьетнамцы готовы переносить потери: Mueller, 2004a, pp. 76–77. Недооценка со стороны Америки: Blight & Lang, 2007.
- [40.](#) Отрастить бороду или остаться в Европе: C. J. Chivers & M. Schwartz, “Georgian president vows to rebuild army,” *New York Times*, Aug. 24, 2008.
- [41.](#) Анократии: Human Security Report Project, 2007, 2008; Marshall & Cole, 2009.
- [42.](#) Проблемы с анократиями: Marshall & Cole, 2008. См. также Pate, 2008, p. 31.
- [43.](#) Распределение анократий: Human Security Report Project, 2008, pp. 48–49.
- [44.](#) Проклятие ресурсов: Collier, 2007; Faris, 2007; Ross, 2008.
- [45.](#) Беднейший миллиард живет в 14-м веке: Collier, 2007, p. 1.
- [46.](#) Пережитки войны: Mueller, 2004a, p. 1.
- [47.](#) Генерал Голозад: Mueller, 2004a, p. 103.
- [48.](#) Статистика гражданских войн: Fearon & Laitin, 2003, p. 76.
- [49.](#) Усовершенствование африканских правительств: Human Security Report Project, 2007, pp. 26–27.
- [50.](#) Демократические лидеры Африки: R. Rotberg, “New breed of African leader,” *Christian Science Monitor*, Jan. 9, 2002.
- [51.](#) Международное давление: Human Security Report Project, 2007, pp. 28–29; Human Security Centre, 2005, pp. 153–55.
- [52.](#) В демократических странах не бывает крупных гражданских войн: Gleditsch, 2008; Lacina, 2006.
- [53.](#) Глобализация снижает число гражданских конфликтов: Blanton, 2007; Bussman & Schneider, 2007; Gleditsch, 2008, pp. 699–700.
- [54.](#) Миротворцы: Fortna, 2008; Goldstein, 2011.
- [55.](#) Гражданские войны накапливаются: Hewitt et al., 2008, p. 24; Human Security Report Project, 2008, p. 45. Rates of onset and termination: Fearon & Laitin, 2003.
- [56.](#) Рост миротворчества и международных активистских движений: Human Security Centre, 2005, pp. 153–55; Fortna, 2008; Gleditsch, 2008; Goldstein, 2011.
- [57.](#) Господи, благослови миротворцев: Fortna, 2008, p. 173.
- [58.](#) Мир и коктейльные вечеринки: Fortna, 2008, p. 129.
- [59.](#) Если придет Кабба: Fortna, 2008, p. 140.
- [60.](#) Миротворцы спасают репутации: Fortna, 2008, p. 153.
- [61.](#) Недостаток учета в ООН: Human Security Centre, 2005, p. 19.
- [62.](#) Число жертв: Rummel, 1994, p. 94.
- [63.](#) Уменьшение числа смертей в негосударственных конфликтах: Human Security Report Project, 2007, pp. 36–37; Human Security

Report Project, 2011.

- [64.](#) Число жертв войны в Ираке: Fischer, 2008.
- [65.](#) Демократическая Республика Конго (ДРК): общее число погибших — 147 618 — это сумма «наилучшей оценки» гибели в ходе боевых действий за 1998–2008 гг. Общее число жертв войны, равное 9,4 млн чел., — это геометрическое среднее низшей и высшей оценки погибших в ходе боевых действий. Оценки взяты из PRIO Battle Deaths Dataset, 1946–2008, Version 3.0, <http://www.prio.no/CSCW/Datasets/Armed-Conflict/Battle.Deaths/>, Lacina & Gleditsch, 2005.
- [66.](#) Миф об изменении пропорций смертности гражданских лиц в войне: Human Security Centre, 2005, p. 75; Goldstein, 2011; Roberts, 2010; White, in press.
- [67.](#) Гибель мирного населения в Гражданской войне: Faust, 2008.
- [68.](#) Исследования Lancet: Burnham et al., 2006.
- [69.](#) Ошибки в эпидемиологических исследованиях: Human Security Report Project, 2009; Johnson et al., 2008; Spagat, Mack, Cooper, & Kreutz, 2009.
- [70.](#) Поправочный коэффициент: Bohannon, 2008.
- [71.](#) Ретроспективный обзор гибели в войнах: Obermeyer, Murray, & Gakidou, 2008.
- [72.](#) Проблемы с обзорами: Spagat et al., 2009.
- [73.](#) Заявления о 5,4 млн смертей в ДРК: Coghlan et al., 2008.
- [74.](#) Трудности в оценке данных по ДРК: Human Security Report Project, 2009.
- [75.](#) Уменьшение голода и болезней во время войн: Human Security Report Project, 2009.
- [76.](#) Вакцинация спасает жизни: Human Security Report Project, 2009, p. 3.
- [77.](#) Непрямая смертность, вероятно, снизилась: Human Security Report Project, 2009, p. 27.
- [78.](#) Определения геноцида, политицида и демоцида: Rummel, 1994, p. 31. Reviews of genocide: Chalk & Jonassohn, 1990; Chirot & McCauley, 2006; Glover, 1999; Goldhagen, 2009; Harff, 2005; Kiernan, 2007; Payne, 2004; Power, 2002; Rummel, 1994; Valentino, 2004.
- [79.](#) 170 млн жертв демоцида: Rummel, 1994, 1997.
- [80.](#) Завышенные оценки Руммеля: White, 2010c, note 4; Dulić, 2004a, 2004b; Rummel, 2004.
- [81.](#) Более сдержанные оценки числа жертв демоцида: White, 2005a, in press.
- [82.](#) Демоциды в военное время: White, in press; see also note 15, this chapter.

- [83.](#) Массовые утопления: Bell, 2007а, pp. 182–83; Payne, 2004, p. 54.
- [84.](#) Айнзацкоманды погубили больше людей, чем газовые камеры: Goldhagen, 2009, p. 124. Earlier mobile killing squads: Keegan, 1993, p. 166.
- [85.](#) Техники массовых убийств хуту: Goldhagen, 2009, p. 120.
- [86.](#) Что значит «завоевание и разрушение»: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 7.
- [87.](#) Голодная смерть по-библейски: Второзаконие 28: 52–57; синодальный перевод.
- [88.](#) пытки и нанесение увечий в геноцидах: Goldhagen, 2009; Power, 2002; Rummel, 1994.
- [89.](#) Артистическая жестокость: Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Ч.2.
- [90.](#) Число жертв «культурной революции»: Rummel, 1994, p. 100. Харфф дает более сдержанную оценку.
- [91.](#) Налеты хунвейбинов: Glover, 1999, p. 290.
- [92.](#) Кристиан Вирт: Glover, 1999, p. 342.
- [93.](#) Психология категоризации: Pinker, 1997, pp. 306–13; Pinker, 1999/2011, chap. 10.
- [94.](#) Точность стереотипов: Jussim, McCauley, & Lee, 1995; Lee, Jussim, & McCauley, 1995; McCauley, 1995.
- [95.](#) Применение стереотипов к категориям в ситуации психологического давления: Jussim et al., 1995.
- [96.](#) Категории отражают подходы: Jussim et al., 1995; Lee et al., 1995; McCauley, 1995.
- [97.](#) Эссенциализация социальных групп: Gelman, 2005; Gil-White, 1999; Haslam, Rothschild, & Ernst, 2000; Hirschfeld, 1996; Prentice & Miller, 2007.
- [98.](#) Таксономия мотивов геноцида: Chalk & Jonassohn, 1990; Chirot & McCauley, 2006; Goldhagen, 2009; Harff, 2003; Valentino, 2004.
- [99.](#) Геноцид ради получения выгоды: Goldhagen, 2009.
- [100.](#) Резня александрийских евреев: Glover, 1999; Goldhagen, 2009.
- [101.](#) Гоббсовская ловушка в бывшей Югославии: Glover, 1999; Goldhagen, 2009.
- [102.](#) Аристотель о ненависти: Chirot & McCauley, 2006, pp. 72–73.
- [103.](#) Геноцид дживаро: Daly & Wilson, 1988, p. 232.
- [104.](#) Геноцид фанди: Daly & Wilson, 1988, pp. 231–32.
- [105.](#) Метафоры и аналогии в мышлении: Pinker, 2007b, chap. 5.
- [106.](#) Метафоры вредителей: Chirot & McCauley, 2006; Goldhagen, 2009; Kane, 1999; Kiernan, 2007.
- [107.](#) «Раздавить гнид»: Kane, 1999. Kiernan, 2007, p. 606.

- [108.](#) Юки: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 198.
- [109.](#) Шайен: Kiernan, 2007, p. 606; Kane, 1999.
- [110.](#) Биологические метафоры для евреев: Chirot & McCauley, 2006, pp. 16, 42; Goldhagen, 2009.
- [111.](#) Психология отвращения: Curtis & Biran, 2001; Rozin & Fallon, 1987; Rozin, Markwith, & Stoess, 1997.
- [112.](#) Морализация отвращения: Haidt, 2002; Haidt et al., 2000; Haidt, Koller, & Dias, 1993; Rozin et al., 1997; Shweder, Much, Mahapatra, & Park, 1997. See also “Morality and Taboo” in chap. 9 of this book.
- [113.](#) Примо Леви. Канувшие и спасенные. — М.: Новое издательство, 2010. С. 25.
- [114.](#) Дегуманизация и демонизация при геноциде: Goldhagen, 2009. See also Haslam, 2006.
- [115.](#) Смертельная идеология: эпиграф к этой главе. Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1973/1991. С. 173–174.
- [116.](#) Мифы о предках: Geary, 2002.
- [117.](#) Интуитивная экономика: Caplan, 2007; Caplan & Miller, 2010; Fiske, 1991, 1992, 2004a; Sowell, 1980, 2005.
- [118.](#) Мобильность посреднических меньшинств: Sowell, 1996.
- [119.](#) Насилие по отношению к посредническим меньшинствам: Chirot, 1994; Courtois et al., 1999; Glover, 1999; Horowitz, 2001; Sowell, 1980, 2005.
- [120.](#) Марксизм и христианство: Chirot & McCauley, 2006, pp. 142–43.
- [121.](#) Нацизм и Откровение Иоанна Богослова: Chirot & McCauley, 2006, p. 144. See also Ericksen & Heschel, 1999; Goldhagen, 1996; Heschel, 2008; Steigmann-Gall, 2003.
- [122.](#) Психологические черты утопических тиранов: Chirot, 1994; Glover, 1999; Oakley, 2007.
- [123.](#) Жестокость Мао: Glover, 1999, p. 291.
- [124.](#) Безрассудные планы Мао: Chirot & McCauley, 2006, p. 144; Glover, 1999, pp. 284–86.
- [125.](#) Соседствующие этнические группы обычно не совершают геноцида: Brown, 1997; Fearon & Laitin, 1996; Harff, 2003; Valentino, 2004.
- [126.](#) Немцы — антисемиты, но не сторонники геноцида: Valentino, 2004, p. 24.
- [127.](#) Демоцид совершает вооруженное меньшинство: Mueller, 2004a; Payne, 2005; Valentino, 2004.
- [128.](#) Разделение труда при геноциде: Valentino, 2004. See also Goldhagen, 2009.
- [129.](#) Когда лидеры умирают или теряют власть, геноцид заканчивается: Valentino, 2004.

- [130.](#) Историки античности: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 58.
- [131.](#) Геноцид — ровесник истории: Chalk & Jonassohn, 1990, p. xvii.
- [132.](#) Оглавление книги о геноциде: Kiernan, 2007, p. 12.
- [133.](#) Счетчики геноцида: Rummel, 1994, pp. 45, 70; see also Rummel, 1997, for the raw data. Оценки Руммеля не претендуют на точность, но дают возможность верифицировать его источники и вычисления.
- [134.](#) Инкрис Мэзер прославляет геноцид: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 180.
- [135.](#) Моавитяне наносят ответный удар: Payne, 2004, p. 47.
- [136.](#) Бессмертная душа оправдывает убийство: Bhagavad-Gita, 1983, pp. 74, 87, 106, 115, quoted in Payne, 2004, p. 51.
- [137.](#) Кромвель: Quoted in Payne, 2004, p. 53.
- [138.](#) Реакция парламентариев: Quoted in Payne, 2004, p. 53.
- [139.](#) Глас в пустыне: Quoted in Kiernan, 2007, pp. 82–85.
- [140.](#) Военный кодекс чести: Chirot & McCauley, 2006, pp. 101–2. Nothing wrong with genocide: Payne, 2004, pp. 54–55; Chalk & Jonassohn, 1990, pp. 199, 213–14; Goldhagen, 2009, p. 241.
- [141.](#) Рузвельт об индейцах: Courtwright, 1996, p. 109.
- [142.](#) Лоуренс и камера смерти: Carey, 1993, p. 12.
- [143.](#) Истребление японцев: Mueller, 1989, p. 88.
- [144.](#) Происхождение слова «геноцид»: Chalk & Jonassohn, 1990.
- [145.](#) Отрицание Холокоста: Payne, 2004, p. 57.
- [146.](#) Новизна воспоминаний о геноциде: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 8.
- [147.](#) Концепция истории: Chalk & Jonassohn, 1990, p. 8.
- [148.](#) Методы оценки Руммеля: Rummel, 1994, pp. xvi–xx; Rummel, 1997. См. также: White, 2010c, note 4, for caveats.
- [149.](#) Определение демоцида: Rummel, 1994, chap 2.
- [150.](#) Большой скачок вперед: Руммель изменил свое мнение, когда были обнародованы факты, указывающие, что Мао знал о причиненном им опустошении (Rummel, 2002), но я буду придерживаться его первоначальных цифр.
- [151.](#) Псевдоправительства в сравнении с признанными правительствами: White, 2010c, note 4.
- [152.](#) Правительства предотвращают больше смертей, чем причиняют: White, 2007.
- [153.](#) Число погибших в крупных проявлениях демоцида: Rummel, 1994, p. 4.
- [154.](#) Демократические, авторитарные и тоталитарные правительства и смерти, за которые они ответственны: Rummel, 1997, p. 367.

- [155.](#) Уровень смертности от рук демократических, авторитарных и тоталитарных правительств: Rummel, 1994, p. 15.
- [156.](#) Тоталитарные правительства против демократических: Rummel, 1994, p. 2.
- [157.](#) Форма правления имеет значение: Rummel, 1997, pp. 6–10; see also Rummel, 1994.
- [158.](#) Проблема демоцида и ее решение: Rummel, 1994, p. xxi.
- [159.](#) Гемоклизм: заметьте, что рис. 6–7 дважды учитывает некоторые смерти, указанные на рис. 6–1, потому что Руммель часто относил гибель мирных граждан в ходе боев на счет демоцида. Также дважды сосчитаны некоторые смерти в таблице Мэттью Уайта (жертвы геноцида военного времени отнесены на счет общих потерь в войне).
- [160.](#) Тренды демоцида и демократии: Rummel, 1997, p. 471. Тем не менее регрессионный анализ, выполненный Руммелем и подтверждающий этот момент, вызывает вопросы.
- [161.](#) Исполнители геноцида в Руанде: Mueller, 2004a, p. 100.
- [162.](#) Геноцид в Руанде можно было предотвратить: Goldhagen, 2009; Mueller, 2004a; Power, 2002.
- [163.](#) Новый набор данных по случаям геноцида: Harff, 2003, 2005; Marshall et al., 2009.
- [164.](#) UCDP One-sided Violence Dataset: Kreutz, 2008; Kristine & Hultman, 2007; <http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/>.
- [165.](#) Массовые убийства в середине 1960-х и конце 1970-х: цифры смертей представляют собой геометрическое среднее диапазонов таблицы 8–1 у Харфф, 2005, за исключением Дарфура, которые взяты путем преобразования масштаба чисел из набора данных РИТФ в геометрическое среднее диапазонов, взятых у Маршалла, 2009, и суммирования по годам с 2003-го до 2008-го.
- [166.](#) Завышение числа жертв геноцида: например, в боснийской резне скорее погибло 100 000, чем 200 000 человек; Nettelfield, 2010. Число конфликтов см.: Andreas & Greenhill, 2010.
- [167.](#) Факторы риска демоцида: Harff, 2003, 2005.
- [168.](#) Влияние нестабильности: Harff, 2003, p. 62.
- [169.](#) Шаги к геноциду: Harff, 2003, p. 61.
- [170.](#) Гитлер читал Маркса: Watson, 1985. Родные братья: P. Chaunu, cited in Besançon, 1998. См. также: Bullock, 1991; Courtois et al., 1999; Glover, 1999.
- [171.](#) Спад демоцида и закат коммунизма: Valentino, 2004, p. 150.
- [172.](#) Утопический омлет: иногда приписывается журналисту Уолтеру Дуранти, корреспонденту *New York Times* в СССР в 1930-х, но в 17-м издании словаря цитат Bartlett's Familiar Quotations определяется как «анонимная, французская».
- [173.](#) Люди не яйца: Pipes, 2003, p. 158.

- [174.](#) Меньше случаев демоцида в будущем веке: Valentino, 2004, p. 151.
- [175.](#) Не было бы Гитлера, не было бы Холокоста: Himmelfarb, 1984.
- [176.](#) Не было бы Сталина, не было бы чисток: цит. в Valentino, 2004, p. 61.
- [177.](#) Не было бы Мао, не было бы «культурной революции». Цит. в Valentino, 2004, p. 62.
- [178.](#) Число жертв терроризма по миру в целом: Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (набор данных больше недоступен), по сообщению Human Security Centre, 2006, p. 16.
- [179.](#) Экзистенциальная угроза: см. Mueller, 2006.
- [180.](#) Пророчество террористического уничтожения: R. A. Clarke, “Ten years later,” *Atlantic*, Jan. — Feb. 2005.
- [181.](#) Террористические атаки распределяются по степенному закону: Clauset, Young, & Gleditsch, 2007.
- [182.](#) Серьезные террористические атаки редки: Global Terrorism Database, START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2010; <http://www.start.umd.edu/gtd/>), accessed on Apr. 21, 2010. Террористические атаки в процессе геноцида в Руанде не включены.
- [183.](#) Неадекватный страх терроризма: Mueller, 2006.
- [184.](#) Уровень смертности: National Vital Statistics for the year 2007, Xu, Kochanek, & Tejada-Vera, 2009, table 2.
- [185.](#) При встречах с оленями гибнет больше людей, чем от терроризма: Mueller, 2006, note 1, pp. 199–200; National Safety Council statistics conveniently summarized in <http://danger.mongabay.com/injurydeath.htm>.
- [186.](#) Дополнительные смерти из-за избегания воздушных перелетов: Gigerenzer, 2006.
- [187.](#) Психология риска: Slovic, 1987; Slovic et al., 1982. См. также Gigerenzer, 2006; Gigerenzer & Murray, 1987; Kahneman, Slovic, & Tversky, 1982; Ropeik & Gray, 2002; Tversky & Kahneman, 1973, 1974, 1983.
- [188.](#) Другие выгоды от преувеличения опасности: Daly & Wilson, 1988, pp. 231–32, 237, 260–61.
- [189.](#) Искажение политических решений из-за когнитивных иллюзий: Mueller, 2006; Slovic, 1987; Slovic et al., 1982; Tetlock, 1999.
- [190.](#) Неистовство Бен Ладена: “Timeline: The al-Qaida tapes,” <http://www.guardian.co.uk/alqaida/page/0,12643,839823,00.html>. См. также Mueller, 2006, p. 3.
- [191.](#) Оплошность Керри: цит. в M. Bai, “Kerry’s undeclared war,” *New York Times*, Oct. 10, 2004.
- [192.](#) История терроризма: Payne, 2004, pp. 137–40; Cronin, 2009, p. 89.

- [193.](#) Террористы 1970-х: Abrahms, 2006; Cronin, 2009; Payne, 2004.
- [194.](#) Большинство террористических групп не достигают своих целей; все распадаются: Abrahms, 2006; Cronin, 2009; Payne, 2004.
- [195.](#) Терроризм не работает: см. также Cronin, 2009, p. 91.
- [196.](#) Государства бессмертны, террористические группировки — нет: Cronin, 2009, p. 110.
- [197.](#) Террористические группировки никогда не приходили к власти: Cronin, 2009, p. 93. 6 percent success rate: Cronin, 2009, p. 215.
- [198.](#) Правила приличия как международный язык: Cronin, 2009, p. 114. The Oklahoma City death toll of 165 по данным Global Terrorism Database (see n. 182).
- [199.](#) Global Terrorism Database, START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism), 2010; accessed on Apr. 6, 2010.
- [200.](#) Входные критерии: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, 2009.
- [201.](#) Рост терроризма исламистов-смертников: Atran, 2006.
- [202.](#) Доля смертей от суннитского терроризма: National Counterterrorism Center, 2009.
- [203.](#) Смертность от терроризма смертников: Cronin, 2009, p. 67; note 145, p. 242. Меньшая часть атак, большее число жертв: Atran, 2006.
- [204.](#) Ингредиенты атак террористов-смертников: цит. в Atran, 2003.
- [205.](#) Риск на поле боя: Tooby & Cosmides, 1988.
- [206.](#) Трусливые солдаты: Chagnon, 1997.
- [207.](#) «Меж двух огней»: Valentino, 2004, p. 59.
- [208.](#) Поддержка семейного отбора: Gaulin & McBurney, 2001; Lieberman, Tooby, & Cosmides, 2002.
- [209.](#) Жители деревни яномамо — родственники: Chagnon, 1988, 1997.
- [210.](#) Банды шимпанзе: Wilson & Wrangham, 2003.
- [211.](#) Восприятие родства и действительное родство: Daly, Salmon, & Wilson, 1997; Lieberman et al., 2002; Pinker, 1997.
- [212.](#) Родство: Johnson, Ratwik, & Sawyer, 1987; Lieberman et al., 2002; Salmon, 1998.
- [213.](#) Солдаты воюют за братьев: Mueller, 2004a; Thayer, 2004.
- [214.](#) Манчестер о братьях по оружию: цит. в Thayer, 2004, p. 183.
- [215.](#) Почему мужчины любят воевать: Broyles, 1984.
- [216.](#) Выгода самоубийственных миссий: Rapoport, 1964, pp. 88–89; Tooby & Cosmides, 1988.
- [217.](#) Психологический профиль террориста-смертника: Atran, 2003, 2006, 2010.

- [218.](#) Заградотряды «Тамильских тигров»: Atran, 2006.
- [219.](#) Пряник ХАМАС: Atran, 2003; Blackwell & Sugiyama, 2008.
- [220.](#) Мужчины в группах делают глупости: Willer et al., 2009.
- [221.](#) Священные ценности и терроризм смертников: Atran, 2006, 2010; Ginges et al., 2007; McGraw & Tetlock, 2005.
- [222.](#) Заключение по терроризму смертников: Atran, 2010.
- [223.](#) Судьба терроризма смертников в Израиле: Cronin, 2009, pp. 48–57, 66–67.
- [224.](#) Физические заграждения от терроризма: Cronin, 2009, p. 67. Примеры включают США в Багдаде и правительства Северной Ирландии, Кипра и Ливана.
- [225.](#) Палестинское ненасилие: E. Bronner, “Palestinians try a less violent path to resistance,” *New York Times*, Apr. 6, 2010.
- [226.](#) Недавний спад терроризма смертников: S. Shane, “Rethinking which terror groups to fear,” *New York Times*, Sept. 26, 2009.
- [227.](#) Уменьшение симпатий к «Аль-Каиде»: Human Security Report Project, 2007.
- [228.](#) «Поощрение терроризма смертников»: цит. в F. Zakaria, “The jihad against the jihadis,” *Newsweek*, Feb. 12, 2010.
- [229.](#) «Брат мой»: цит. в P. Bergen & P. Cruickshank, “The unraveling: Al Qaeda’s revolt against bin Laden,” *New Republic*, Jun. 11, 2008.
- [230.](#) Поддержка критики «Аль-Каиды»: P. Bergen & P. Cruickshank, “The unraveling: Al Qaeda’s revolt against bin Laden,” *New Republic*, Jun. 11, 2008.
- [231.](#) Фетва муфтия: F. Zakaria, “The jihad against the jihadis,” *Newsweek*, Feb. 12, 2010.
- [232.](#) Джихад как нарушение шариата: цит. в P. Bergen & P. Cruickshank, “The unraveling: Al Qaeda’s revolt against bin Laden,” *New Republic*, Jun. 11, 2008.
- [233.](#) Убийство невинных: цит. в P. Bergen & P. Cruickshank, “The unraveling: Al Qaeda’s revolt against bin Laden,” *New Republic*, Jun. 11, 2008.
- [234.](#) Одобрение насилия в отношении мирных граждан: цит. в F. Zakaria, “The jihad against the jihadis,” *Newsweek*, Feb. 12, 2010.
- [235.](#) Общественное мнение в зонах военных действий: Human Security Report Project, 2007, p. 19.
- [236.](#) Снижение: F. Zakaria, “The only thing we have to fear...,” *Newsweek*, Jun. 2, 2008.
- [237.](#) Противодействие нападениям на мирных граждан: Human Security Report Project, 2007, p. 15.
- [238.](#) Число погибших в Ираке: Iraq Body Count, <http://www.iraqbodycount.org/database/>, accessed Nov. 24, 2010. См. Также: Human Security Report Project, 2007, p. 14.

- [239.](#) Пробуждение суннитов: Human Security Report Project, 2007, p. 15.
- [240.](#) Говорят эксперты: Gardner, 2010; Mueller, 1995, 2010a.
- [241.](#) Вооруженные конфликты мусульман: Nineteen out of 36 armed conflicts for 2008 in the PRIO database involved a Muslim country: Israel-Hamas, Iraq-Al-Mahdi, Philippines-MILF, Sudan-JEM, Pakistan-BLA, Afghanistan-Taliban, Somalia-Al-Shabaab, Iran-Jandulla, Turkey-PKK, India-Kashmir Insurgents, Mali-ATNMC, Algeria-AQIM, Pakistan- TTP, United States-Al Qaeda, Thailand-Pattani insurgents, Niger-MNJ, Russia-Caucasus Emirate, India-PULF, Djibouti-Eritrea. Thirty of 44 foreign terrorist organizations in the U. S. State Department's Country Reports on Terrorism 2008: <http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2008/122449.htm>, accessed Apr. 21, 2010.
- [242.](#) Армии мусульманских стран: Payne, 1989.
- [243.](#) Мусульманские террористические организации: Thirty of 44 foreign terrorist organizations in the U. S. State Department's Country Reports on Terrorism 2008, <http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2008/122449.htm>, accessed Apr. 21, 2010.
- [244.](#) Немногочисленность мусульманских демократий: Esposito & Mogahed, 2007, p. 30.
- [245.](#) Сомнительные демократии: Esposito & Mogahed, 2007, p. 30.
- [246.](#) В мусульманских странах прав у граждан меньше: Pryor, 2007, pp. 155–56.
- [247.](#) Жестокие наказания: Payne, 2004, p. 156.
- [248.](#) Дискриминация женщин: Esposito & Mogahed, 2007, p. 117.
- [249.](#) Рабство в мусульманском мире: Payne, 2004, p. 156.
- [250.](#) Наказание за колдовство: A. Sandels, "Saudi Arabia: Kingdom steps up hunt for 'witches' and 'black magicians'," *Los Angeles Times*, Nov. 26, 2009.
- [251.](#) Раздутая культура чести: Fattah & Fierke, 2009; Ginges & Atran, 2008.
- [252.](#) Цитаты о геноциде: Goldhagen, 2009, pp. 494–504; Mueller, 1989, pp. 255–56.
- [253.](#) Arab Human Development Report: United Nations Development Programme, 2003; см. также R. Fisk, "UN highlights uncomfortable truths for Arab world," *Independent*, Jul. 3, 2002.
- [254.](#) Изоляция: "A special report on the Arab world," *Economist*, Jul. 23, 2009.
- [255.](#) Толерантность у мусульман: Lewis, 2002, p. 114.
- [256.](#) Книгопечатание как святотатство: Lewis, 2002, p. 142.
- [257.](#) Подрывные гуманитарные дисциплины: "Iran launches new crackdown on universities," Radio Free Europe/Radio Liberty, August 26, 2010; http://www.rferl.org/content/Iran_Launches_New_Crackdown_On_Universities/2138387.html.

- [258.](#) Столкновение цивилизаций: Huntington, 1993.
- [259.](#) Что на самом деле думает миллиард мусульман: Esposito & Mogahed, 2007.
- [260.](#) Мусульманские политические организации, поддерживающие насилие: Asal, Johnson, & Wilkenfeld, 2008.
- [261.](#) Степенное распределение террористических атак: Clauset & Young, 2005; Clauset et al., 2007.
- [262.](#) Время, необходимое для планирования терактов: Mueller, 2006, р. 179.
- [263.](#) Ошибка конъюкции: Tversky & Kahneman, 1983.
- [264.](#) Подсчет сценариев против суммирования вероятностей: Slovic et al., 1982.
- [265.](#) Более высокий спрос на страховки от терроризма: Johnson et al., 1993.
- [266.](#) Предсказание Тейлора: Mueller, 2010a, р. 162.
- [267.](#) Предсказание Эллисона: Mueller, 2010a, р. 181.
- [268.](#) Предсказание Фалькенрата: цит. в Parachini, 2003.
- [269.](#) Предсказания Негропонте и Гарвина: Mueller, 2010a, р. 181.
- [270.](#) Репутация экспертов не страдает от неверных предсказаний: Gardner, 2010.
- [271.](#) Оценка рисков ядерного терроризма: Levi, 2007; Mueller, 2010a; Parachini, 2003; Schelling, 2005.
- [272.](#) «Не очень массовое» уничтожение: Mueller, 2006; Mueller, 2010a.
- [273.](#) Три теракта с необычным оружием: Parachini, 2003.
- [274.](#) Страны серьезно относятся к ядерному оружию: цит. в Mueller, 2010a, р. 166.
- [275.](#) К власти в Пакистане не придут экстремисты: Human Security Report Project, 2007, р. 19.
- [276.](#) Радиоактивный металлолом: Mueller, 2010a, р. 166.
- [277.](#) Неподъемные вызовы, стоящие перед ядерным терроризмом: цит. в Mueller, 2010a, р. 185.
- [278.](#) Закон Мерфи для ядерного терроризма: Levi, 2007, р. 8.
- [279.](#) Война с Ираном неизбежна: J. T. Kuhner, “The coming war with Iran: Real question is not if, but when,” *Washington Times*, Oct. 4, 2009.
- [280.](#) Не конец света: Mueller, 2010a, pp. 153–55; Lindsay & Takeyh, 2010; Procida, 2009; Riedel, 2010; P. Scoblic, “What are nukes good for?” *New Republic*, Apr. 7, 2010.
- [281.](#) Фетва против исламской ядерной бомбы: “Iran breaks seals at nuclear plant,” CNN, Aug. 10, 2005, <http://edition.cnn.com/2005/WORLD/europe/08/10/iran.iaea.1350/index.html>.

282. Критические сроки пройдены: С. Krauthammer, “In Iran, arming for Armageddon,” *Washington Post*, Dec. 16, 2005. By 2009: Y. K. Halevi & M. Oren, “Contra Iran,” *New Republic*, Feb. 5, 2007.
283. Интервью Ахмадинежада: М. Ahmadinejad, interview by A. Curry, NBC News, Sept. 18, 2009, http://www.msnbc.msn.com/id/32913296/ns/world_news-mideastn_africa/print/1/displaymode/1098/.
284. «Стереть Израиль с карты»: Е. Bronner, “Just how far did they go, those words against Israel?” *New York Times*, Jun. 11, 2006.
285. Предсказания последствий обретения атомной бомбы Северной Кореей: Mueller, 2010а, p. 150.
286. Появление ядерных марионеток маловероятно: Mueller, 2010а; Procida, 2009.
287. «Слишком ценная, чтобы тратить ее на убийство людей»: Schelling, 2005.
288. Изменения климата не лучше ядерной бомбы: Т. F. Homer-Dixon, “Terror in the weather forecast,” *New York Times*, Apr. 24, 2007.
289. Изменения климата и война с терроризмом: цит. в S. Giry, “Climate conflicts,” *New York Times*, Apr. 9, 2007; see also Salehyan, 2008.
290. Изменения климата могут и не привести к войне: Buhaug, 2010; Gleditsch, 1998; Salehyan, 2008; Theisen, 2008.
291. Террористы — это не бедные фермеры: Atran, 2003.

Глава 7. Революции прав

1. Грубые игры: Boulton & Smith, 1992; Geary, 2010; Maccoby & Jacklin, 1987.
2. Драки для развлечения: Geary, 2010; Ingle, 2004; Nisbett & Cohen, 1996.
3. Смертельные этнические бунты: Horowitz, 2001.
4. Анатомия погрома: Horowitz, 2001, chap. 1.
5. «Зачитать акт»: Payne, 2004, pp. 173–75.
6. Погромы в Америке: Payne, 2004, p. 180–81.
7. История линчеваний в Америке: Waldrep, 2002.
8. Групповое насилие в отношении черных: Payne, 2004, p. 180.
9. Уменьшение числа погромов: Payne, 2004, pp. 174, 180–82; Horowitz, 2001, p. 300.
10. «Странный плод»: “The best of the Century,” *Time*, Dec. 31 1999.
11. Статистика ФБР по преступлениям ненависти: <http://www.fbi.gov/hq/cid/civilrights/hate.htm>.
12. На Западе больше нет этнических беспорядков: Horowitz, 2001, p. 561.

13. Беспорядки 1960-х не были этническими: Horowitz, 2001, p. 300–301.
14. Окончание этнических беспорядков в западных странах: Horowitz, 2001, p. 561.
15. Руби Нелл Бриджес: Steinbeck, 1962/1997, p. 194.
16. Преступления ненависти и поджоги церквей не эпидемия: La Griffe du Lion, 2000; M. Fumento, “A church arson epidemic? It’s smoke and mirrors,” *Wall Street Journal*, Jul. 8 1996.
17. Мусульмане не подвергаются нападениям: Human Rights First, 2008. Наиболее похожими случаями были: 1) убийство датского подростка турецкого происхождения, но полиция не считает, что мотивом был расизм, и 2) видеозапись стилизованного под казнь убийства двух мужчин, вероятно дагестанца и таджика, совершенного русской неонацистской группировкой.
18. Усмирение бунтов: Horowitz, 2001, p. 518–21.
19. Дискриминационные стратегии предрекают этническое насилие: Gurr & Monty, 2000; Asal & Pate, 2005, pp. 32–33.
20. Сокращение этнической дискриминации: Asal & Pate, 2005.
21. Дискриминация в мире: Asal & Pate, 2005, pp. 35–36.
22. Сокращение дискриминации: Asal & Pate, 2005, p. 38.
23. Прогнозы бунта афроамериканцев: A. Hacker, The end of the American era, цит. в Gardner, 2010, p. 96.
24. «Огромный расовый разрыв»: Hacker, The end of the American era, цит. в Gardner, 2010, p. 219.
25. Белл о расизме: цит. в Vobo, 2001.
26. Отношение белых к черным: Vobo, 2001; см. также Patterson, 1997.
27. Исчезли из опросников: Vobo, 2001.
28. Религиозная толерантность: Caplow, Hicks, & Wattenberg, 2001, p. 116.
29. Расист Багз Банни: поиск по запросу “racist Bugs Bunny” на Youtube.com.
30. «Смешная рожица»: <http://theimaginaryworld.com/ffpac.html>.
31. Запрет некоторых выражений в кампусах: Kors & Silverglate, 1998. Также Foundation for Individual Rights in Education, www.thefire.org.
32. Самопародия: “Political correctness versus freedom of thought — The Keith John Sampson story,” <http://www.thefire.org/article/10067.html>; “Brandeis University: Professor found guilty of harassment for protected speech,” <http://www.thefire.org/case/755.html>.
33. Расовая бесчувственность: Kors & Silverglate, 1998.

- [34.](#) Изнасилования в войнах и при геноциде: Goldhagen, 2009; Horowitz, 2001; Rummel, 1994. Изнасилования на войне: Brownmiller, 1975; Rummel, 1994.
- [35.](#) Традиционная концепция изнасилования: Brownmiller, 1975; Wilson & Daly, 1992.
- [36.](#) Шуточки юристов об изнасиловании: Brownmiller, 1975, p. 312.
- [37.](#) Шуточки полицейских об изнасиловании: Brownmiller, 1975, p. 364–66.
- [38.](#) Женщин не допускали в присяжные: Brownmiller, 1975, p. 296.
- [39.](#) Заинтересованные стороны: Thornhill & Palmer, 2000; Wilson & Daly, 1992; Jones, 1999.
- [40.](#) Экономика секса: A. Dworkin, 1993, p. 119.
- [41.](#) Сексуальный отбор: Archer, 2009; Clutton-Brock, 2007; Symons, 1979; Trivers, 1972.
- [42.](#) Домогательства и изнасилования у других приматов: Jones, 1999.
- [43.](#) Факторы риска изнасилования: Jones, 1999, 2000; Thornhill & Palmer, 2000.
- [44.](#) Беременность в результате изнасилования: Gottschall & Gottschall, 2003; Jones, 1999.
- [45.](#) Ревность: Buss, 2000; Symons, 1979; Wilson & Daly, 1992.
- [46.](#) Особенности ревности у полов: Buss, 2000.
- [47.](#) Женщины как собственность мужчин: Brownmiller, 1975; Wilson & Daly, 1992.
- [48.](#) Изменения в средневековых законах об изнасиловании: Brownmiller, 1975. Современные пережитки: Wilson & Daly, 1992.
- [49.](#) Противоправные решения жюри: Brownmiller, 1975, p. 374.
- [50.](#) Муж жертвы изнасилования: цит. по Wilson & Daly, 1992. Последующий развод: Brownmiller, 1975.
- [51.](#) Развитие неприязни к изнасилованию: Symons, 1979; Thornhill & Palmer, 2000.
- [52.](#) Страдание из-за изнасилования: Buss, 1989; Thornhill & Palmer, 2000.
- [53.](#) Принцип автономии: Hunt, 2007; Macklin, 2003.
- [54.](#) Изменения в законах об изнасиловании: Brownmiller, 1975.
- [55.](#) Мэри Эстелл: цит. в Jaggar, 1983, p. 27.
- [56.](#) Рецензия на «Заводной апельсин» в *Newsweek*: цит. в Brownmiller, 1975, p. 302.
- [57.](#) Кубрик: цит. в Brownmiller, 1975, p. 302.
- [58.](#) Изнасилование в браке: United Nations Development Fund for Women, 2003.

- [59.](#) Табу на изнасилование в видеоиграх: личное сообщение от F. X. Shen, Jan. 13, 2007. Грубое нарушение: <http://www.gamegrene.com/node/447>; <http://www.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/03/30/japan.video.game.rape/index.html>.
- [60.](#) Статистика изнасилований может завышаться: Taylor & Johnson, 2008.
- [61.](#) Ложная статистика изнасилований: Sommers, 1994, chap 10; MacDonald, 2008.
- [62.](#) Национальное виктимизационное исследование: U. S. Bureau of Justice Statistics, Maston, 2010.
- [63.](#) Изменения в отношении к женщинам: Spence, Helmreich, & Stapp, 1973; Twenge, 1997.
- [64.](#) Разница в восприятии эротики: Salmon & Symons, 2001, p. 4.
- [65.](#) Мужчины недооценивают, женщины переоценивают: Buss, 1989.
- [66.](#) Функция изнасилования: Brownmiller, 1975, p. 15.
- [67.](#) Мирмидонцы: Brownmiller, 1975, p. 209.
- [68.](#) Проблемы с теорией мирмидонцев: Check & Malamuth, 1985; Gottschall & Gottschall, 2001; Jones, 1999, 2000; MacDonald, 2008; Sommers, 1994; Thornhill & Palmer, 2000; Pinker, 2002, chap. 18.
- [69.](#) Марксистская основа теории мирмидонцев: Brownmiller, 1975, p. 210–11.
- [70.](#) Чего хотят парни: MacDonald, 2008.
- [71.](#) Мотивы супружеского насилия: Kimmel, 2002; Wilson & Daly, 1992.
- [72.](#) Охрана партнера и домашнее насилие: Buss, 2000; Symons, 1979; Wilson & Daly, 1992.
- [73.](#) Женщины как собственность: Wilson & Daly, 1992.
- [74.](#) Законы, позволяющие мужьям наказывать жен: Suk, 2009, p. 13.
- [75.](#) Изменения в законах, позволяющих охрану партнера: Wilson & Daly, 1992.
- [76.](#) Обязательные защитные ордера и судебное преследование: Suk, 2009, p. 10.
- [77.](#) Бить женщин — это пустяки: Rossi, Waite, Bose, & Berk, 1974.
- [78.](#) Когда мужчина нападает на женщину: Shotland & Straw, 1976.
- [79.](#) Сейчас избивание жен — серьезное дело: Johnson & Sigler, 2000.
- [80.](#) Избивание жены ремнем: Johnson & Sigler, 2000.
- [81.](#) Гендерная симметрия в домашнем насилии: Archer, 2009; Straus, 1977/1978; Straus & Gelles, 1988.
- [82.](#) Стереотипы о скалке: Straus, 1977/1978, p. 447–48.
- [83.](#) Виды супружеского насилия: Johnson, 2006; Johnson & Leone, 2005.

- [84.](#) Супружеское насилие со стороны мужей более опасно: Dobash et al., 1992; Graham- Kevan & Archer, 2003; Johnson, 2006; Johnson & Leone, 2005; Kimmel, 2002; Saunders, 2002.
- [85.](#) Мелкие акты агрессии: Straus, 1995; Straus & Kantor, 1994.
- [86.](#) Спад начался в 1985 г.: Straus & Kantor, 1994, 2.
- [87.](#) Убежища для женщин спасают жизни мужей-абыюзеров: Browne & Williams, 1989.
- [88.](#) Виктимизационное исследование в Великобритании не отслеживает тенденции домашнего насилия: Jansson, 2007.
- [89.](#) Межнациональные отличия в домашнем насилии: Archer, 2006а.
- [90.](#) ВОЗ о домашнем насилии в мире: Heise & Garcia-Moreno, 2002.
- [91.](#) От одной пятой до половины: United Nations Population Fund, 2000.
- [92.](#) Законы против насилия над женщинами: United Nations Development Fund for Women, 2003, appendix 1.
- [93.](#) Жестокость по отношению к женщинам: Kristof & WuDunn, 2009; United Nations Development Fund for Women, 2003.
- [94.](#) Усиление влияния женщин и индивидуализма коррелирует с меньшим уровнем насилия в отношении женщин: Archer, 2006а. Корреляции, о которых сообщается в этой работе, не учитывают переменную богатства страны, однако в разговоре с автором книги 18 мая 2010 г. Арчер подтвердил, что обе они остаются статистически значимыми, когда в регрессии учитывается ВВП на душу населения.
- [95.](#) Борьба за прекращение насилия в отношении женщин: Kristof & WuDunn, 2009; United Nations Development Fund for Women, 2003.
- [96.](#) Международные кампании: Nadelmann, 1990.
- [97.](#) Движение против насилия в отношении женщин: Statement by I. Alberdi, “10th Anniversary Statement on the UN International Day for the Elimination of Violence Against Women,” UNIFEM, http://www.unifem.org/news_events/story_detail.php?StoryID=976.
- [98.](#) Всеобщая поддержка гендерного равенства: Pew Research Center, 2010.
- [99.](#) Отношение мусульман к росту влияния женщин: Esposito & Mogahed, 2007; Mogahed, 2006.
- [100.](#) Легенды о брошенных детях: Milner, 2000, p. 206–8.
- [101.](#) Инфантицид: Breiner, 1990; Daly & Wilson, 1988; deMause, 1998; Hrды, 1999; Milner, 2000; Piers, 1978; Resnick, 1970; Williamson, 1978.
- [102.](#) Инфантицид в разных культурах: Williamson, 1978. См. также Daly & Wilson, 1988; Divale & Harris, 1976; Hrды, 1999; Milner, 2000.
- [103.](#) От 10% до 50%: Milner, 2000, p. 3; см. также Williamson, 1978.

- [104.](#) «Все семьи»: deMause, 1974, цит. в Milner, 2000, p. 2.
- [105.](#) История детства: Breiner, 1990; deMause, 1974, 1998, 2008; Heywood, 2001; Hrdy, 1999; Milner, 2000.
- [106.](#) Инфантицид как «естественное явление»: Milner, 2000, p. 537.
- [107.](#) Теория жизненного цикла: Daly & Wilson, 1988; Hagen, 1999; Hawkes, 2006; Hrdy, 1999; Maynard Smith, 1988, 1998.
- [108.](#) Грудное вскармливание более затратно: Hagen, 1999.
- [109.](#) Избегание невозвратных затрат: Maynard Smith, 1998. Исключения из правила избегания невозвратных затрат: Dawkins & Brockmann, 1980.
- [110.](#) Инфантицид как расстановка приоритетов: Daly & Wilson, 1988; Hagen, 1999; Hrdy, 1999.
- [111.](#) Практическая проверка теории расстановки приоритетов: Daly & Wilson, 1988, p. 37–60.
- [112.](#) Инфантицид у яномамо: Цит. по Daly & Wilson, 1988, p. 51.
- [113.](#) Отсутствие корреляции между инфантицидом и воинственностью: Williamson, 1978, p. 64.
- [114.](#) Тэйлор: цит. в Milner, 2000, p. 12.
- [115.](#) Отвратительные новорожденные: Плутарх. «О любви к потомству. Цит. в Milner, 2000, p. 508. Русский перевод: <http://simposium.ru/ru/node/14068>.
- [116.](#) Послеродовая депрессия как адаптация: Hagen, 1999; Daly & Wilson, 1988, p. 61–77.
- [117.](#) Церемонии признания ребенка: Daly & Wilson, 1988; Milner, 2000.
- [118.](#) Сто миллионов исчезнувших девочек: Sen, 1990; Milner, 2000, chap. 8; N. D. Kristof, “Stark data on women: 100 million are missing,” *New York Times*, Nov. 5, 1991.
- [119.](#) Древняя история инфантицида девочек: Milner, 2000, p. 236–45; см. также Hudson & den Boer, 2002.
- [120.](#) «Если заболел мальчик»: цит. в N. D. Kristof, “Stark data on women: 100 million are missing,” *New York Times*, Nov. 5, 1991.
- [121.](#) Фемицид: Milner, 2000, гл. 8; Hrdy, 1999; Hawkes, 1981; Daly & Wilson, 1988, p. 53–56.
- [122.](#) Новорожденные на свалке: Breiner, 1990, p. 6–7.
- [123.](#) Инфантицид в средневековой Европе и в Европе раннего Нового времени: Milner, 2000; Hanlon, 2007; Hynes, 2011.
- [124.](#) Эволюция соотношения полов: Maynard Smith, 1988, 1998.
- [125.](#) Теория нулевого прироста населения: Divale & Harris, 1976. Недостатки теории: Chagnon, 1997; Daly & Wilson, 1988; Hawkes, 1981.

- [126.](#) Теория Триверса — Уилларда: Trivers & Willard, 1973. Проблемы: Hawkes, 1981; Hrdy, 1999.
- [127.](#) Выбор наследника подтверждает теорию: Hrdy, 1999.
- [128.](#) Редкость убийства сыновей: исключения — провинция Шэньси в Китае: Milner, 2000, p. 238; группа народов Рендилле в Кении: Williamson, 1978, примечание 33; бедные городские работники в Парме XVII в.: Hynes, 2011.
- [129.](#) Фемицид как проблема безбилетника: Gottschall, 2008.
- [130.](#) Фемицид как порочный круг: Chagnon, 1997; Gottschall, 2008.
- [131.](#) Фемицид и наследование: Hawkes, 1981; Sen, 1990.
- [132.](#) «Дочь — это пролитая вода»: цит. в Milner, 2000, p. 130.
- [133.](#) Индия и Китай сегодня: Milner, 2000, pp. 236–45.
- [134.](#) Фемицид сегодня, проблемы завтра: Hudson & den Boer, 2002.
- [135.](#) Инфантицид в США сегодня: “2007: Crime in the United States,” http://www2.fbi.gov/ucr/cius2007/offenses/expanded_information/data/shrtable_02.html.
- [136.](#) Убийства детей матерями в Америке: Milner, 2000, p. 124; Daly & Wilson, 1988; Resnick, 1970.
- [137.](#) Запрет инфантицида в иудаизме и христианстве: Milner, 2000, chap. 2; Breiner, 1990.
- [138.](#) Мерсье о новорожденных: цит. в Milner, 2000, p. 512.
- [139.](#) Мораль инфантицида и табу человеческой жизни: Brock, 1993; Glover, 1977; Green, 2001; Kohl, 1978; Singer, 1994; Tooley, 1972.
- [140.](#) Инфантицид отличают от других видов детоубийств: Milner, 2000, p. 16.
- [141.](#) Помилование в делах об инфантициде: Resnick, 1970.
- [142.](#) Убийства из милосердия: из воспоминаний Бенджамена Франклина Бонни, цит. в Courtwright, 1996, p. 118–19.
- [143.](#) Скользящая дорожка Холокоста: Glover, 1999.
- [144.](#) Неопределенность границы жизни: Brock, 1993; Gazzaniga, 2005; Green, 2001; Singer, 1994.
- [145.](#) Холодное равнодушие: W. Langer, цит. по Milner, 2000, p. 68. Также Hanlon, 2007; Hynes, 2011.
- [146.](#) Инфантицид в Средневековье: Milner, 2000, p. 70.
- [147.](#) Младенцы в отхожих местах: цит. в deMause, 1982, p. 31.
- [148.](#) Инквизиция для служанок: Milner, 2000, p. 71.
- [149.](#) Фактический инфантицид в Европе: Milner, 2000, p. 99–107. См. также главы 3–5 этой книги.
- [150.](#) Британский коронер: цит. в Milner, 2000, p. 100.
- [151.](#) Статистика абортотворения: Henshaw, 1990; Sedgh et al., 2007.

- [152.](#) Начало нейронной активности: Gazzaniga, 2005.
- [153.](#) Концепция разумности плодов и других существ: Gray, Gray, & Wegner, 2007.
- [154.](#) Охотники-собиратели умеренно применяли телесные наказания: Levinson, 1989; Milner, 2000, p. 267.
- [155.](#) Пожалеешь розги: Milner, 2000, p. 257.
- [156.](#) Варианты «пожалеешь розги»: Heywood, 2001, p. 100.
- [157.](#) Телесные наказания в средневековой Европе: deMause, 1998.
- [158.](#) Доля детей, подвергавшихся избиениям: Heywood, 2001, p. 100.
- [159.](#) Казни детей: A. Helms, “Review of Peter Martin’s ‘Samuel Johnson: A Biography,’ *Boston Globe*, Nov. 30, 2008.
- [160.](#) Немецкое воспитание: deMause, 2008, p. 10.
- [161.](#) Наказания в древности: Milner, 2000, p. 267.
- [162.](#) Японское воспитание: deMause, 2008.
- [163.](#) Английская колыбельная: Piers, 1978, цит. в Milner, 2000, p. 266.
- [164.](#) Стишок на идиш: Milner, 2000, p. 386–89; см. также: Heywood, 2001, p. 94–97; Daly & Wilson, 1999; Tatar, 2003.
- [165.](#) Конфликт отцов и детей: Dawkins, 1976/1989; Hrdy, 1999; Trivers, 1974, 1985.
- [166.](#) Немецкий священник: цит. в Heywood, 2001, p. 33.
- [167.](#) Локк, Руссо и революция детства: Heywood, 2001, p. 23–24.
- [168.](#) Локк: Heywood, 2001, p. 23.
- [169.](#) Руссо: Heywood, 2001, p. 24 / Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. — М.: Педагогика, 1981. Т. 1.
- [170.](#) Реформы на рубеже XIX–XX вв.: Heywood, 2001; Zelizer, 1985.
- [171.](#) Экономически бессмысленно, эмоционально бесценно: Zelizer, 1985.
- [172.](#) Движение по исследованию детства и стратегии благополучия детей: White, 1996.
- [173.](#) Жестокое обращение с детьми приравнивалось к жестокому обращению с животными: H. Markel, “Case shined first light on abuse of children,” *New York Times*, Dec. 15, 2009.
- [174.](#) Трудности детства в истории: Heywood, 2001.
- [175.](#) Советы против битья: Harris, 1998/2008; Straus, 1999.
- [176.](#) Детей вообще нельзя бить: Straus, 2005.
- [177.](#) Сомнения во вредоносности порки: Harris, 1998/2008.
- [178.](#) Культура чести: Nisbett & Cohen, 1996.
- [179.](#) Изучение порки: www.surveyyusa.com/50StateDisciplineChild0805SortedbyTeacher.htm. «Красные» и «синие» штаты определены согласно голосованию на выборах президента США в 2004 г.

- www.surveyusa.com/50StateDisciplineChild0805SortedbyTeacher.htm.
181. Тенденции в одобрении порок: данные по General Social Survey, <http://www.norc.org/GSS+Website/>.
182. Спад телесных наказаний: Straus, 2001, pp. 27–29; Straus, 2009; Straus & Kantor, 1995.
183. Спад в Европе: Straus, 2009.
184. Телесные наказания в мире: Straus, 2009.
185. Этнические различия в сфере телесных наказаний: Harris, 1998/2008.
186. Уменьшение оправданий порок во всех этнических группах: данные General Social Survey, <http://www.norc.org/GSS+Website/>.
187. Запрет порки: Straus, 2009.
188. Запрет телесных наказаний в американских школах: www.surveyusa.com/50StateDisciplineChild0805SortedbyTeacher.htm.
189. Международное осуждение телесных наказаний: Human Rights Watch, 2008.
190. Анкета по жестокому обращению с детьми: Straus & Kantor, 1995.
191. Жестокое обращение с детьми — серьезная проблема: опросы за 1976 и 1985 гг.: Straus & Gelles, 1986. Опрос 1999 г.: PR Newswire, <http://www.nospank.net/n-e62.htm>.
192. Уровень насильственной гибели детей: A. Gentleman, “The fear is not in step with reality,” *Guardian*, Mar. 4, 2010.
193. Школа «Колумбайн»: Cullen, 2009.
194. Последствия буллинга: P. Klass, “At last, facing down bullies (and their enablers),” *New York Times*, Jun. 9, 2009.
195. Движение против буллинга: J. Saltzman, “Antibully law may face free speech challenges,” *Boston Globe*, May 4 2010; W. Hu, “Schools’ gossip girls and boys get some lessons in empathy,” *New York Times*, Apr. 5, 2010; P. Klass, “At last, facing down bullies (and their enablers),” *New York Times*, Jun. 9, 2009.
196. Опра Уинфри против буллинга: “The truth about bullying,” Oprah Winfrey Show, May 6, 2009; <http://www.oprah.com/relationships/School-Bullying>.
197. Преступность и безопасность в школах: DeVoe et al., 2004.
198. Девушки пустились во все тяжкие: M. Males & M. Lind, “The myth of mean girls,” *New York Times*, Apr. 2, 2010; W. Koch, “Girls have not gone wild, juvenile violence study says,” *USA Today*, Nov. 20, 2008. См также Girls Study Group, 2008, data 2004 г.
199. Предпосылки воспитания: Harris, 1998/2008; см также Pinker, 2002, гл. 19; Harris, 2006; Wright & Beaver, 2005.

- [200.](#) Дети бросают друг в друга едой: S. Saulny, “25 Chicago students arrested for a middle-school food fight,” *New York Times*, Nov. 11, 2009.
- [201.](#) Младший скаут и двенадцатилетняя девочка: Urbina, “It’s a fork, it’s a spoon, it’s a... weapon?” *New York Times*, Oct. 12, 2009; I. Urbina, “After uproar on suspension, district will rewrite rules,” *New York Times*, Oct. 14, 2009. Старший скаут: “Brickbats,” *Reason*, Apr. 2010.
- [202.](#) Тренеры для перемен: W. Hu, “Forget goofing around: Recess has a new boss,” *New York Times*, Mar. 14, 2010.
- [203.](#) Цифровое разоружение: Schechter, 2005.
- [204.](#) Зомби — нет, морковка — да: J. Steinhauer, “Drop the mask! It’s Halloween, kids, you might scare somebody,” *New York Times*, Oct. 30, 2009.
- [205.](#) Преступления ненависти: Skenazy, 2009, p. 161.
- [206.](#) Кошмар на улице Сезам: Skenazy, 2009, p. 69.
- [207.](#) Паника по поводу похищения детей: Skenazy, 2009; Finkelhor, Hammer, & Sedlak, 2002; “Phony numbers on child abduction,” STATS at George Mason University; http://stats.org/stories/2002/phony_aug01_02.Htm.
- [208.](#) Происхождение термина «игровая встреча»: Google Books, анализ Bookworm, Michel et al., 2011; см. также подпись к рис. 7–1 в главе 7.
- [209.](#) Перемены в прогулках и играх: Skenazy, 2009.
- [210.](#) Дети на свободе: Skenazy, 2009.
- [211.](#) Вычисления Кэрнса: Skenazy, 2009, p. 16.
- [212.](#) «Правоохранительный театр»: D. Bennett, “Abducted: The Amber Alert system is more effective as theater than as a way to protect children,” *Boston Globe*, Jul. 20, 2008.
- [213.](#) Дети, сбитые водителями, которые везли своих детей: Skenazy, 2009, p. 176.
- [214.](#) Контрпродуктивные сигналы о похищениях: D. Bennett, “Abducted: The Amber Alert system is more effective as theater than as a way to protect children,” *Boston Globe*, Jul. 20, 2008.
- [215.](#) Алан Тьюринг: Hodges, 1983.
- [216.](#) Машина Тьюринга: Turing, 1936.
- [217.](#) Могут ли машины думать? — Turing, 1950.
- [218.](#) Гомофобия, насаждаемая государством, в прошлом: Fone, 2000. Present: Ottosson, 2009.
- [219.](#) Геи-мужчины чаще сталкиваются с гомофобией: Fone, 2000. Мужская гомосексуальность чаще подвергается законодательному запрету: Ottosson, 2006.

- [220.](#) Мужчины-геи чаще становятся жертвами преступлений ненависти: U. S. Department of Justice, FBI, 2008 *Hate crime statistics*, table 4, http://www2.fbi.gov/ucr/hc2008/data/table_04.html.
- [221.](#) Биология гомосексуальности: Bailey, 2003; Hamer & Copeland, 1994; LeVay, 2010; Peters, 2006.
- [222.](#) Женская сексуальность гибче: Baumeister, 2000.
- [223.](#) Преимущества для женской фертильности: Hamer & Copeland, 1994.
- [224.](#) Кросс-культурная нераспространенность гомосексуальности: Broude & Greene, 1976.
- [225.](#) Кросс-культурное неодобрение гомосексуальности: Broude & Greene, 1976.
- [226.](#) На пересечении морали и отвращения: Haidt, 2002; Rozin, 1997.
- [227.](#) История гомофобии: Fone, 2000.
- [228.](#) Пересмотр отношения к гомосексуальности в эпоху Просвещения: Fone, 2000.
- [229.](#) Гомофобия, насаждаемая государством: Ottosson, 2006, 2009.
- [230.](#) Пиллэй: цит. в Ottosson, 2009.
- [231.](#) Мнение Кеннеди: Lawrence v. Texas (02–102), 2003, <http://www.law.cornell.edu/supct/html/02-102.ZO.html>.
- [232.](#) Роджер Браун: Pinker, 1998.
- [233.](#) Отношение к гомосексуальности: Gallup, 2008.
- [234.](#) Влияние личного знакомства с геем: Gallup, 2009.
- [235.](#) «Гей? Да как скажешь, чувак»: Gallup, 2002.
- [236.](#) Статистика ФБР по преступлениям ненависти: <http://www.fbi.gov/hq/cid/civilrights/hate.htm>.
- [237.](#) Проблемы со статистикой ФБР по преступлениям ненависти: Harlow, 2005.
- [238.](#) Статистика преступлений ненависти за 2008 г.: FBI, 2008, <http://www2.fbi.gov/ucr/hc2008/index.html>. Статистика преступлений, 2008: FBI, 2008, <http://www2.fbi.gov/ucr/cius2008/index.html>.
- [239.](#) Убийства на почве ненависти: FBI, 2008, <http://www2.fbi.gov/ucr/hc2008/index.html>. В 1996–2005 гг. было совершено 115 преступлений на почве ненависти, примерно 20% из них — против гомосексуалов.
- [240.](#) Ученые уверены, что животные чувствуют боль: Herzog, 2010, р. 209.
- [241.](#) История обращения с животными: Gross, 2009; Harris, 1985; Herzog, 2010; Spencer, 2000; Stuart, 2006.
- [242.](#) Люди плотоядны: Boyd & Silk, 2006; Harris, 1985; Herzog, 2010; Wrangham, 2009a.

- [243.](#) Плотоядность и эволюция человека: Boyd & Silk, 2006; Cosmides & Tooby, 1992; Tooby & DeVore, 1987.
- [244.](#) Мясной голод, пиршества и секс: Boyd & Silk, 2006; Harris, 1985; Symons, 1979.
- [245.](#) Охрана природы и милые животные: Herzog, 2010.
- [246.](#) Жестокость хопи к животным: Brandt, 1974.
- [247.](#) Рецепт жареной черепахи: www.nativetech.org/recipes/recipe.php?recipeid=211.
- [248.](#) Ходячие буфеты: Wrangham, 2009а.
- [249.](#) Избиение и поедание собак: Gray & Young, 2011; цитата по С. Turnbull.
- [250.](#) Аристотель: цит. в Stuart, 2006, р. xviii.
- [251.](#) Цельсий: цит. в Spencer, 2000, р. 210.
- [252.](#) Гален: цит. в Gross, 2009.
- [253.](#) Фома Аквинский: Gross, 2009.
- [254.](#) Разум неделим: Descartes, 1641/1967.
- [255.](#) Вивисекторы раннего Нового времени: Spencer, 2000, р. 210.
- [256.](#) Размягчение мяса в XVII в.: P. C. D. Brears, *The gentlewoman's kitchen*, 1984, цит. в Spencer, 2000, р. 205.
- [257.](#) Агропромышленные фермы XVII в.: P. Pullar, *Consuming passions*, 1970, цит. в Spencer, 2000, р. 206.
- [258.](#) Мотивы вегетарианства: Herzog, 2010; Rozin et al., 1997; Spencer, 2000; Stuart, 2006.
- [259.](#) Нравственность уравнивается с чистотой и аскетизмом: Haidt, 2002; Rozin et al., 1997; Shweder et al., 1997.
- [260.](#) Ты то, что ты ешь: Rozin, 1996.
- [261.](#) Вегетарианство и романтизм: Spencer, 2000; Stuart, 2006.
- [262.](#) Петушиные бои и классовая борьба: Herzog, 2010.
- [263.](#) Кашрут: Schechter, Greenstone, Hirsch, & Kohler, 1906.
- [264.](#) Раннее вегетарианство: Spencer, 2000.
- [265.](#) Священные коровы: Harris, 1985.
- [266.](#) Нацизм и права животных: Herzog, 2010; Stuart, 2006.
- [267.](#) Вольтер: цит. в Spencer, 2000, р. 210 / Вольтер. Животные: Собр. соч. в 3 т. Т. 3. — М.: РИК Русанова, Сигма-пресс, 1998.
- [268.](#) Права животных как повод для веселья: N. Kristof, "Humanity toward animals," *New York Times*, Apr. 8, 2009.
- [269.](#) Права животных в XIX в.: Gross, 2009; Herzog, 2010; Stuart, 2006.
- [270.](#) Оруэлл о любителях фруктовых соков: *The road to Wigan Pier*, quoted in Spencer, 2000, р. 278–79 / Оруэлл Дж. Дорога на Уиган-Пирс // Наперекор порядку вещей. — М.: Знание, 2014.

- [271.](#) «Революция прав» в 1970-х: Singer, 1975/2009; Spencer, 2000.
- [272.](#) Бриджид Брофи: цит. в Spencer, 2000, p. 303.
- [273.](#) «Освобождение животных»: Singer, 1975/2009.
- [274.](#) «Расширяющийся круг»: Singer, 1981/2011.
- [275.](#) Виртуальная лягушка: K. W. Burton, “Virtual dissection,” *Science*, Feb. 22, 2008.
- [276.](#) Петушинные бои: Herzog, 2010, p. 155–62.
- [277.](#) Запрет показа корриды по ТВ: D. Woolls, “Tuning out tradition: Spain pulls live bullfights off state TV,” *Boston Globe*, Aug. 23, 2007.
- [278.](#) Охотники становятся все старше: K. Johnson, “For many youths, hunting loses the battle for attention,” *New York Times*, Sept. 25, 2010.
- [279.](#) Охота против наблюдения за природой: U. S. Fish and Wildlife Service, 2006.
- [280.](#) Охота на местных диких животных: S. Rinella, “Locavore, get your gun,” *New York Times*, Dec. 14, 2007.
- [281.](#) Гуманная рыбалка: P. Bodo, “Hookless fly-fishing is a humane advance,” *New York Times*, Nov. 7, 1999.
- [282.](#) Ни одно животное не пострадало: American Humane Association Film and Television Unit, 2010; <http://www.americanhumane.org/protecting-animals/programs/no-animals-were-harmed/>.
- [283.](#) Не вредить животным: American Humane Association Film and Television Unit, 2009.
- [284.](#) Верховный дезинсектор: M. Leibovich, “What’s white, has 132 rooms, and flies?” *New York Times*, Jun. 18, 2009.
- [285.](#) Революция бройлеров: Herzog, 2010.
- [286.](#) Куриного мяса съедается больше, чем говядины: U. S. Department of Agriculture, Economic Research Service, graphed at <http://www.humanesociety.org/assets/pdfs/farm/Per-Cap-Cons-Meat-1.pdf>.
- [287.](#) 200 цыплят = 1 корова: Herzog, 2010, p. 193.
- [288.](#) Мясо без ножек: J. Temple, “The no-kill carnivore,” *Wired*, Feb. 2009.
- [289.](#) Бывших вегетарианцев в три раза больше: Herzog, 2010, p. 200.
- [290.](#) Свободное определение вегетарианства: Herzog, 2010; C. Stahler, “How many vegetarians are there?” *Vegetarian Journal*, Jul. — Aug. 1994.
- [291.](#) Вегетарианство и расстройства пищевого поведения: Herzog, 2010, p. 198–99.
- [292.](#) Снижение употребления в пищу млекопитающих: U. S. Department of Agriculture, Economic Research Service, graphed at <http://www.humanesociety.org/assets/pdfs/farm/Per-Cap-Cons-Meat-1.pdf>.

[tp://www.humanesociety.org/assets/pdfs/farm/Per-Cap-Cons-Meat-1.Pdf](http://www.humanesociety.org/assets/pdfs/farm/Per-Cap-Cons-Meat-1.Pdf).

293. Цыплят травят газом: W. Neuman, “New way to help chickens cross to other side,” *New York Times*, Oct. 21, 2010.
294. 80% британцев хотят, чтобы условия содержания животных были улучшены: 2000 Taylor Nelson Poll for the RSPCA, цит. в Vegetarian Society, 2010.
295. Опросы Института Гэллапа о защите животных: Gallup, 2003.
296. Аризона, Колорадо, Флорида, Орегон: N. D. Kristof, “A farm boy reflects,” *New York Times*, Jul. 31, 2008.
297. Правила, принятые в Евросоюзе: http://ec.europa.eu/food/animal/index_en.Htm.
298. «Адвокат для животных»: L. Hickman, “The lawyer who defends animals,” *Guardian*, Mar. 5, 2010.
299. Опросы, касающиеся благополучия животных: Gallup, 2003.
300. Вегетарианство среди сторонников Дина: “The Dean activists: Their profile and prospects,” Pew Research Center for the People & the Press, 2005, <http://people-press.org/report/?pageid=936>.
301. Обдумываемая жизнь и смерть человека: Singer, 1994.
302. Трудная проблема сознания: Pinker, 1997, 2, 8.
303. Уничтожение хищников: J. McMahon, “The meat eaters,” *New York Times*, Sept. 19, 2010.
304. Консерватизм сдвинулся влево: Nash, 2009, p. 329; Courtwright, 2010.
305. Пятикратный рост книгоиздания: Caplow et al., 2001, p. 267.
306. Территория сбора инноваций: Diamond, 1997; Sowell, 1994, 1996, 1998.
307. Паломничество к ненасилию: King, 1963/1995.
308. Дуга справедливости: Parker, 1852/2005, “Of Justice and Conscience,” in *Ten Sermons of Religion*.

Глава 8. Внутренние демоны

1. Нежелание признавать темную сторону: см. Pinker, 2002.
2. «Ужасные два»: Côté et al., 2006.
3. Трембли о младенцах с пистолетами: цит. в C. Holden, “The violence of the lambs,” *Science*, 289, 2000, p. 580–81.
4. Фантазии об убийстве: Kenrick & Sheets, 1994; Buss, 2005, pp. 5–8.
5. Фантазии о мести: цит. в Buss, 2005, pp. 6–7.
6. Спецэффекты: Schechter, 2005, p. 81.
7. История жестоких развлечений: Schechter, 2005.

- [8.](#) Вымышленное насилие как инструкция: Pinker, 1997, chap. 8. Нездоровый интерес к насилию: Baumeister, 1997; Tiger, 2006.
- [9.](#) Секс и сознание: Symons, 1979.
- [10.](#) Агрессивный кот: Panksepp, 1998, p. 194.
- [11.](#) Желание укусить хирурга: Цит. в Hitchcock & Cairns, 1973, pp. 897, 898.
- [12.](#) Ругательства: Pinker, 2007b, chap. 7.
- [13.](#) Солдаты, не желающие стрелять: Collins, 2008; Grossman, 1995; Marshall, 1947/1978.
- [14.](#) Проблемы с сообщениями о солдатах, не желающих стрелять: Bourke, 1999; Spiller, 1988.
- [15.](#) Скучные драки: Collins, 2008.
- [16.](#) Упоение в бою: Bourke, 1999; Collins, 2008; Thayer, 2004.
- [17.](#) Триггер насилия у шимпанзе: Wrangham, 1999a.
- [18.](#) Насилие по отношению к исследователям насилия: Pinker, 2002, chap. 6; Dreger, 2011.
- [19.](#) Способность творить зло: Baumeister, 1997; Baumeister & Campbell, 1999.
- [20.](#) Рассказы об ущербе: Baumeister, Stillwell, & Wotman, 1990.
- [21.](#) Уровень гнева: Baumeister et al., 1990.
- [22.](#) Рассказы об ущербе в условиях контроля ущерба: Stillwell & Baumeister, 1997.
- [23.](#) Ошибка эгоистичности: Goffman, 1959; Tavis & Aronson, 2007; Trivers, in press; von Hippel & Trivers, 2011; Kurzban, 2011.
- [24.](#) Когнитивный диссонанс: Festinger, 1957. Эффект озера Вобегон и другие позитивные иллюзии: Taylor, 1989.
- [25.](#) Нравственные чувства как основа для сотрудничества: Haidt, 2002; Pinker, 2008; Trivers, 1971.
- [26.](#) Преимущества морализаторского разрыва: Baumeister, 1997; Baumeister et al., 1990; Stillwell & Baumeister, 1997.
- [27.](#) Самообман как адаптация: Trivers, 1976, 1985, in press; von Hippel & Trivers, 2011.
- [28.](#) Оруэлл: цит. в Trivers, 1985 // Оруэлл Дж. 1984.
- [29.](#) Проблемы самообмана: Pinker, 2011.
- [30.](#) Истинный самообман: Valdesolo & DeSteno, 2008.
- [31.](#) Противоречивые исторические свидетельства: Baumeister, 1997.
- [32.](#) Притесняемые сербы: Baumeister, 1997, pp. 50–51; van Evera, 1994.
- [33.](#) Правдоподобие печально известной речи Рузвельта: Mueller, 2006.

- [34.](#) Точка зрения злодея: Baumeister, 1997, chap. 2.
- [35.](#) Гитлер как идеалист: Baumeister, 1997, chap. 2; Bullock, 1991; Rosenbaum, 1998.
- [36.](#) Массовый убийца: цит. в J. McCormick & P. Annin, "Alienated, marginal, and deadly," *Newsweek*, Sept. 19, 1994.
- [37.](#) Серийный насильник: цит. в Baumeister, 1997, p. 41.
- [38.](#) Gacy: цит. в Baumeister, 1997, стр. 49.
- [39.](#) Преступление как общественный контроль: Black, 1983. Индуцирование домашнего насилия: Buss, 2005; Collins, 2008; Straus, 1977/1978.
- [40.](#) Перспективы для жертвы, преступника, ученого и моралиста: Baumeister, 1997.
- [41.](#) Аморальность объяснений Холокоста: Shermer, 2004, pp. 76–79; Rosenbaum, 1998.
- [42.](#) Банальность зла: Arendt, 1963.
- [43.](#) Эйхман: Goldhagen, 2009.
- [44.](#) Исследования, вдохновленные Ханной Арендт: Milgram, 1974.
- [45.](#) Хищничество и агрессия у млекопитающих: Adams, 2006; Panksepp, 1998.
- [46.](#) Поддельная и реальная ярость: Panksepp, 1998.
- [47.](#) Модулярность двигательных программ и эмоциональный статус: Adams, 2006.
- [48.](#) Контур ярости: Panksepp, 1998.
- [49.](#) Агрессия у крыс: Adams, 2006; Panksepp, 1998.
- [50.](#) Боль, фрустрация и агрессия: Renfrew, 1997, chap. 6.
- [51.](#) Орбитофронтальная и вентромедиальная кора: Damasio, 1994; Fuster, 2008; Jensen et al., 2007; Kringelbach, 2005; Raine, 2008; Scarpa & Raine, 2007; Seymour, Singer, & Dolan, 2007.
- [52.](#) Поисковая система: Panksepp, 1998.
- [53.](#) Самостимуляция: Olds & Milner, 1954.
- [54.](#) Нападение и защита: Adams, 2006; Panksepp, 1998.
- [55.](#) Страх и ярость: Adams, 2006; Panksepp, 1998.
- [56.](#) Система доминирования: Panksepp, 1998.
- [57.](#) Сексуальность и агрессия у самцов: Panksepp, 1998, p. 199
- [58.](#) Тестостерон: Archer, 2006b; Dabbs & Dabbs, 2000; Panksepp, 1998.
- [59.](#) Финеас Гейдж: Damasio, 1994; Macmillan, 2000.
- [60.](#) Гейдж больше не Гейдж: цит. в Macmillan, 2000.
- [61.](#) Связи орбитофронтальной и вентромедиальной коры с миндалиной: Damasio, 1994; Fuster, 2008; Jensen et al., 2007;

- Kringelbach, 2005; Raine, 2008; Scarpa & Raine, 2007; Seymour et al., 2007.
- [62.](#) Гнев и несправедливость активизируют островок: Sanfey et al., 2003.
  - [63.](#) Орбитофронтальная кора в сравнении с вентромедиальной: Jensen et al., 2007; Kringelbach, 2005; Raine, 2008; Seymour et al., 2007.
  - [64.](#) Современный Финеас Гейдж: Séguin, Sylvers, & Lilienfeld, 2007, p. 193.
  - [65.](#) Черты характера пациентов с повреждениями лобных долей: Scarpa & Raine, 2007, p. 153.
  - [66.](#) Мозг психопатов, убийц и асоциальных личностей: Blair & Cipolotti, 2000; Blair, 2004; Raine, 2008; Scarpa & Raine, 2007.
  - [67.](#) Повреждения орбитальной коры влияют на иерархию: Séguin et al., 2007, p. 193.
  - [68.](#) Повреждения орбитальной коры, социальная неловкость и эмпатия: Stone, Baron-Cohen, & Knight, 1998.
  - [69.](#) Повреждения орбитальной коры и стыд: Raine et al., 2000.
  - [70.](#) Вина и МРТ: Young & Saxe, 2009.
  - [71.](#) Теория разума и височно-теменной узел: Saxe & Kanwisher, 2003.
  - [72.](#) Плачущие младенцы и несущиеся вагонетки: Greene, in press; Greene & Haidt, 2002; Pinker, 2008.
  - [73.](#) Мозг и мораль: Greene, 2011; Greene & Haidt, 2002; Greene et al., 2001.
  - [74.](#) Дорсолатеральная префронтальная кора: Fuster, 2008.
  - [75.](#) Классификация насилия: Baumeister, 1997.
  - [76.](#) Адаптация для получения выгоды: Buss & Duntley, 2008.
  - [77.](#) Кастрация коня: From F. Zimring, цит. в Kaplan, 1973, p. 23.
  - [78.](#) Эмпатия и выслеживание добычи: Liebenberg, 1990.
  - [79.](#) Зверства в Уганде: Baumeister, 1997, p. 125.
  - [80.](#) Психопаты: Hare, 1993; Lykken, 1995; Mealey, 1995; Raine, 2008; Scarpa & Raine, 2007.
  - [81.](#) Доля психопатов среди преступников, совершающих насильственные преступления: G. Miller, "Investigating the psychopathic mind," *Science*, 5 сентября, 2008, p. 1284–86; Hare, 1993; Baumeister, 1997, p. 138.
  - [82.](#) Мозг психопатов: Raine, 2008.
  - [83.](#) Наследуемость психопатических симптомов: Hare, 1993; Lykken, 1995; Mealey, 1995; Raine, 2008. Психопатия как стратегия обмана: Kinner, 2003; Lalumière, Harris, & Rice, 2001; Mealey, 1995; Rice, 1997.

- [84.](#) Психопаты в геноциде и гражданских войнах: Mueller, 2004a; Valentino, 2004.
- [85.](#) Скатывание к эмоциональным категориям: Cosmides & Tooby, 1992; Pinker, 2007b, главы 5 и 9.
- [86.](#) Отвращение, ненависть, злость: Tooby & Cosmides, 2010.
- [87.](#) Позитивные иллюзии: Johnson, 2004; Tavris & Aronson, 2007; Taylor, 1989.
- [88.](#) Самообман и распознавание лжи: von Hippel & Trivers, 2011.
- [89.](#) Выгоды самообмана: Trivers, 1976, in press; von Hippel & Trivers, 2011.
- [90.](#) Черчилль: цит. в Johnson, 2004, p. 1.
- [91.](#) Охваченные иллюзиями военачальники: Luard, 1986, pp. 204, 212, 268–69.
- [92.](#) Зачинщики войны часто проигрывают: Johnson, 2004, p. 4; Lindley & Schildkraut, 2005; Luard, 1986, p. 268.
- [93.](#) Военная некомпетентность как самообман: Wrangham, 1999b.
- [94.](#) Игра в войну: Johnson et al., 2006.
- [95.](#) Групповое мышление в администрации Буша: К. Alter, “Is Groupthink driving us to war?” *Boston Globe*, Sept. 21, 2002.
- [96.](#) Групповое мышление: Janis, 1982.
- [97.](#) Логика бытовых конфликтов: Daly & Wilson, 1988, 127.
- [98.](#) Логика доминирования: Daly & Wilson, 1988; Dawkins, 1976/1989; Maynard Smith, 1988.
- [99.](#) Союзы в доминировании: Boehm, 1999; de Waal, 1998.
- [100.](#) Демонстрации доминирования: Dawkins, 1976/1989; Maynard Smith, 1988.
- [101.](#) Общие знания: Chwe, 2001; Lee & Pinker, 2010; Lewis, 1969; Pinker, 2007b.
- [102.](#) Культура чести прогнозирует насилие: Brezina, Agnew, Cullen, & Wright, 2004.
- [103.](#) Эффект наблюдателя: Felson, 1982; Baumeister, 1997, стр. 155–56. См. также McCullough, 2008; McCullough, Kurzban, & Tabak, 2010.
- [104.](#) Доминирование и размер группы: Baumeister, 1997, p. 167.
- [105.](#) Прощение у приматов: de Waal, 1996; McCullough, 2008.
- [106.](#) Прощение только среди родственников или союзников: McCullough, 2008.
- [107.](#) Шимпанзе не мирятся с членами других стай: Van der Dennen, 2005; Wrangham & Peterson, 1996; Wrangham et al., 2006.
- [108.](#) Мужчины больше озабочены статусом: Browne, 2002; Susan M. Pinker, 2008; Rhoads, 2004.

- [109.](#) Мужчины больше рискуют: Byrnes, Miller, & Schafer, 1999; Daly & Wilson, 1988; Johnson, 2004; Johnson et al., 2006; Rhoads, 2004.
- [110.](#) Экономисты в области трудовых отношений о гендерном разрыве: Browne, 2002; Susan M. Pinker, 2008; Rhoads, 2004.
- [111.](#) Гендерный разрыв в насилии: Archer, 2006b, 2009; Buss, 2005; Daly & Wilson, 1988; Geary, 2010; Goldstein, 2001.
- [112.](#) Биологическая основа половых различий: Geary, 2010; Pinker, 2002, chap. 18; Archer, 2009; Blum, 1997; Browne, 2002; Halpern, 2000.
- [113.](#) Косвенная агрессия: Geary, 2010; Crick, Ostrov, & Kawabata, 2007.
- [114.](#) Доминирование и сексуальная привлекательность: Buss, 1994; Daly & Wilson, 1988; Ellis, 1992; Symons, 1979.
- [115.](#) Немонетарные привилегии доминирования в древности: Betzig, 1986; Betzig, Borgerhoff Mulder, & Turke, 1988.
- [116.](#) Сексуальная привлекательность доминирования в наши дни: Buss, 1994; Ellis, 1992.
- [117.](#) Различия мозга у полов: Blum, 1997; Geary, 2010; Panksepp, 1998.
- [118.](#) Мужское поведение: N. Angier, "Does testosterone equal aggression? Maybe not," *New York Times*, Jun. 20, 1995.
- [119.](#) Тестостерон и вызовы: Archer, 2006b; Dabbs & Dabbs, 2000; Johnson et al., 2006; McDermott, Johnson, Cowden, & Rosen, 2007.
- [120.](#) Родительство и партнерство: Buss, 1994; Buss & Schmitt, 1993.
- [121.](#) Парадокс большей готовности рисковать в юном возрасте: Daly & Wilson, 2005.
- [122.](#) Насилие на протяжении жизни: Daly & Wilson, 1988, 2000; Rogers, 1994.
- [123.](#) Миф о самооценке: Baumeister, 1997; Baumeister, Smart, & Boden, 1996.
- [124.](#) «Суперталантливые суперпобедители»: Цит. в Baumeister, 1997, p. 144.
- [125.](#) Объясняя Гитлера: Rosenbaum, 1998, p. xii.
- [126.](#) Нарциссическое личностное расстройство в DSM-IV: American Psychiatric Association, 2000.
- [127.](#) Нарциссическое, пограничное и психопатическое расстройства у тиранов: Bullock, 1991; Oakley, 2007; Shermer, 2004. См. также Chirot, 1994; Glover, 1999.
- [128.](#) Социальная идентичность: Brown, 1985; Pratto, Sidanius, & Levin, 2006; Sidanius & Pratto, 1999; Tajfel, 1981; Tooby, Cosmides, & Price, 2006.
- [129.](#) Настроение и спортивные команды: Brown, 1985.
- [130.](#) Тестостерон после спортивного матча: Archer, 2006b; Dabbs & Dabbs, 2000; McDermott et al., 2007.

- [131.](#) Тестостерон после выборов: Stanton et al., 2009.
- [132.](#) Внутригрупповой фаворитизм: Brown, 1985; Hewstone, Rubin, & Willis, 2002; Pratto et al., 2006; Sidanius & Pratto, 1999; Tajfel, 1981.
- [133.](#) Маленькие расисты: Aboud, 1989. Младенцы, раса и акцент: Kinzler, Shutts, DeJesus, & Spelke, 2009.
- [134.](#) Социальное доминирование: Pratto et al., 2006; Sidanius & Pratto, 1999.
- [135.](#) Расы и коалиции: Kurzban, Tooby, & Cosmides, 2001; Sidanius & Pratto, 1999.
- [136.](#) Акцент и предубеждение: Tucker & Lambert, 1969; Kinzler et al., 2009.
- [137.](#) Ресентимент: Chirof, 1994, chap. 12; Goldstein, 2001, p. 409; Baumeister, 1997, p. 152.
- [138.](#) Немецкий ресентимент: Chirof, 1994, chap. 12; Goldstein, 2001, p. 409; Baumeister, 1997.
- [139.](#) Исламский ресентимент: Fattah & Fierke, 2009.
- [140.](#) «Голландизация»: Mueller, 1989.
- [141.](#) Скептицизм относительно древней ненависти: Brown, 1997; Fearon & Laitin, 1996; Fearon & Laitin, 2003; Lacina, 2006; Mueller, 2004a; van Evera, 1994.
- [142.](#) Количество языков: Pinker, 1994, chap. 8.
- [143.](#) Добрососедские отношения между национальностями в развивающемся мире: Brown, 1997.
- [144.](#) Приструнить опасных типов: Fearon & Laitin, 1996.
- [145.](#) Хитроумное правительство: Asal & Pate, 2005; Bell, 2007b; Brown, 1997; Mnookin, 2007; Sowell, 2004; Tyrrell, 2007. Команда по регби как объединяющий фактор: Carlin, 2008.
- [146.](#) Идентичность и насилие: Appiah, 2006; Sen, 2006.
- [147.](#) Мужчины по обе стороны расизма: Pratto et al., 2006; Sidanius & Pratto, 1999; Sidanius & Veniegas, 2000.
- [148.](#) War and Gender: Goldstein, 2001.
- [149.](#) Королевы, начинавшие войны: Luard, 1986, p. 194.
- [150.](#) Война как мужская игра: Gottschall, 2008.
- [151.](#) Феминизм и пацифизм: Goldstein, 2001; Mueller, 1989.
- [152.](#) Гендерный разрыв в опросах общественного мнения: Goldstein, 2001, pp. 329–30.
- [153.](#) Гендерный разрыв в выборах президента: “Exit polls, 1980–2008,” *New York Times*, <http://elections.nytimes.com/2008/results/president/exit-polls.html>.
- [154.](#) Гендерный разрыв уже, чем расхождение мнений в целом в обществе: Goldstein, 2001, pp. 329–30.

- [155.](#) Феминистский разрыв на Ближнем Востоке: Goldstein, 2001, pp. 329–30.
- [156.](#) Отношение к женщинам и война в разных культурах: Goldstein, 2001, pp. 396–99.
- [157.](#) Женщины и война в современных государствах: Goldstein, 2001, pp. 399.
- [158.](#) Влияние женщин и неприкаянные мужчины: Hudson & den Boer, 2002; Potts & Hayden, 2008.
- [159.](#) Лексика доминирования: Google Books, проанализировано при помощи Bookworm (см. подпись к рис. 7–1), Michel et al., 2011.
- [160.](#) «Славный» и «почетный»: Google Books, проанализировано при помощи Bookworm (см. подпись к рис. 7–1) 7–1), Michel et al., 2011.
- [161.](#) «блеск глаз»: Цит. в Daly & Wilson, 1988, p. 228.
- [162.](#) «вырастают крылья»: Цит. в J. Diamond, “Vengeance is ours,” *New Yorker*, Apr. 21, 2008.
- [163.](#) «разгоряченный... упоением боя»: Цит. в Daly & Wilson, 1988, p. 230.
- [164.](#) Универсальность мести: McCullough, 2008, стр. 74–76; Daly & Wilson, 1988, pp. 221–27. Мечь в племенных войнах: Chagnon, 1997; Daly & Wilson, 1988; Keeley, 1996; Wiessner, 2006.
- [165.](#) Убийства, стрельба, взрывы из мести: McCullough et al., 2010.
- [166.](#) Терроризм, бунты и войны из мести: Atran, 2003; Horowitz, 2001; Mueller, 2006.
- [167.](#) Объявление войны в состоянии гнева: Luard, 1986, p. 269.
- [168.](#) Взрыв гнева: G. Prange, цит. в Mueller, 2006, p. 59.
- [169.](#) Альтернатива мести не рассматривалась после нападения на Пёрл-Харбор и атаки 9/11: Mueller, 2006.
- [170.](#) Бен Ладен: “Full text: Bin Laden’s ‘Letter to America,’ ” *Observer*, Nov. 24, 2002; <http://www.guardian.co.uk/world/2002/nov/24/th/eobserver>.
- [171.](#) Фантазии о мести: Buss, 2005; Kenrick & Sheets, 1994.
- [172.](#) Мечь в лаборатории: McCullough, 2008.
- [173.](#) Пьянство для утоления неотмщенной обиды: Giancola, 2000.
- [174.](#) Контур ярости: Panksepp, 1998.
- [175.](#) Гнев в островке: Sanfey et al., 2003.
- [176.](#) Нейробиология мести: de Quervain et al., 2004.
- [177.](#) Нейробиология мести и эмпатии и пол: Singer et al., 2006.
- [178.](#) Мужчины с планеты справедливости, женщины с планеты милосердия: Gilligan, 1982.
- [179.](#) Относительная агрессия у женщин: Crick et al., 2007; Geary, 2010.

- [180.](#) Месть как болезнь, прощение как лекарство: McCullough, 2008; McCullough et al., 2010.
- [181.](#) Логика сдерживания: Daly & Wilson, 1988, p. 128.
- [182.](#) Модели эволюции сотрудничества: Axelrod, 1984/2006; Axelrod & Hamilton, 1981; McCullough, 2008; Nowak, 2006; Ridley, 1997; Sigmund, 1997.
- [183.](#) Дилемма заключенного как отличная идея: Poundstone, 1992.
- [184.](#) Первый повторяющийся турнир дилеммы заключенного: Axelrod, 1984/2006; Axelrod & Hamilton, 1981.
- [185.](#) Взаимный альтруизм: Trivers, 1971.
- [186.](#) Недавние турниры: McCullough, 2008; Nowak, May, & Sigmund, 1995; Ridley, 1997; Sigmund, 1997.
- [187.](#) Компоненты стратегии «Око за око»: Axelrod, 1984/2006.
- [188.](#) Непрямая взаимность: Nowak, 2006; Nowak & Sigmund, 1998.
- [189.](#) Игра «Общественное благо»: Fehr & Gächter, 2000; Herrmann, Thöni, & Gächter, 2008a; Ridley, 1997.
- [190.](#) Трагедия общин: Hardin, 1968.
- [191.](#) Эффективность сдерживания в экономических играх: Fehr & Gächter, 2000; Herrmann, Thöni, & Gächter, 2008b; McCullough, 2008; McCullough et al., 2010; Ridley, 1997.
- [192.](#) Страх возмездия смягчает месть: Diamond, 1977; Ford & Blegen, 1992.
- [193.](#) Неумолимость возмездия: Frank, 1988; Schelling, 1960. Самосуд: Black, 1983; Daly & Wilson, 1988.
- [194.](#) Мстительный гнев как механизм перенастройки: Sell, Tooby, & Cosmides, 2009.
- [195.](#) Цель должна знать, что выбрана для мести: Gollwitzer & Denzler, 2009.
- [196.](#) Влияние наблюдателей на месть: Bolton & Zwick, 1995; Brown, 1968; Kim, Smirth, & Brigham, 1998.
- [197.](#) Влияние наблюдателей на драки: Felson, 1982.
- [198.](#) Игра «Ультиматум»: Bolton & Zwick, 1995; Fehr & Gächter, 2000; Ridley, 1997; Sanfey et al., 2003.
- [199.](#) Игра «Ультиматум» в сканере: Sanfey et al., 2003.
- [200.](#) Морализаторский разрыв и эскалация мести: Baumeister, 1997.
- [201.](#) Мальчики на заднем сиденье: D. Gilbert, "He who cast the first stone probably didn't," *New York Times*, Jul. 24, 2006.
- [202.](#) Два глаза за один: Shergill, Bays, Frith, & Wolpert, 2003.
- [203.](#) Торжество справедливости как обоснование уголовного наказания: Kaplan, 1973.
- [204.](#) Жаргон справедливости: Daly & Wilson, 1988, p. 256.

- [205.](#) Сдерживание и торжество справедливости: Carlsmith, Darley, & Robinson, 2002.
- [206.](#) Заслуженное возмездие как стратегия против мошенников: Pinker, 2002, chap. 10.
- [207.](#) Неформальное сотрудничество в округе Шафта: Ellickson, 1991.
- [208.](#) Наказания в разных обществах: Herrmann et al., 2008a, 2008b.
- [209.](#) Прощение как регулятор мести: McCullough, 2008; McCullough et al., 2010.
- [210.](#) Прощение у приматов: de Waal, 1996.
- [211.](#) Мальчики, воюющие в летнем лагере: Sherif, 1966.
- [212.](#) Вина, стыд, смущение: Baumeister, Stillwell, & Heatherton, 1994; Haidt, 2002; Trivers, 1971.
- [213.](#) Общее знание: Chwe, 2001; Lee & Pinker, 2010; Lewis, 1969; Pinker, 2007b; Pinker, Nowak, & Lee, 2008.
- [214.](#) Извинения в политике: Dodds, 2003b, последний доступ 28 июня 2010. См. также Dodds, 2003a.
- [215.](#) Вытерпеть несправедливость: Long & Brecke, 2003, p. 70–71.
- [216.](#) «Хочешь мира — добивайся мира»: Goldstein, 2011.
- [217.](#) Примирительные жесты: Long & Brecke, 2003, стр. 72.
- [218.](#) Трагедии Шекспира и Чехова: Oz, 1993, p. 260.
- [219.](#) Попытки иногда оправданны: Levinson, 2004a, p. 34; P. Finn, J. Warrick, & J. Tate, “Detainee became an asset,” *Washington Post*, Aug. 29, 2009.
- [220.](#) Частичная оправданность пыток: Levinson, 2004a; Posner, 2004; Walzer, 2004.
- [221.](#) Неэффективность большинства пыток: A. Grafton, “Say anything,” *New Republic*, Nov. 5, 2008.
- [222.](#) Казнь как развлечение: Tuchman, 1978.
- [223.](#) Серийные и массовые убийцы: Schechter, 2003.
- [224.](#) Исследователей, изучающих серийных убийц, больше, чем самих убийц: Fox & Levin, 1999, p. 166.
- [225.](#) Снижение числа серийных убийц: C. Beam, “Blood loss: The decline of the serial killer,” *Slate*, Jan. 5, 2011.
- [226.](#) Число серийных убийц и их жертв: Fox & Levin, 1999, стр. 167; J. A. Fox, cited in Schechter, 2003, p. 286.
- [227.](#) Невозможность определить причину появления серийных убийц: Schechter, 2003.
- [228.](#) Болезненный интерес: Nell, 2006; Tiger, 2006; Baumeister, 1997.
- [229.](#) Садизм как доминирование: Potegal, 2006.
- [230.](#) Злорадство под сканером: Takahashi et al., 2009.

- [231.](#) Месть исключает эмпатию: Singer et al., 2006. Месть требует уверенности, что жертва о ней осведомлена: Gollwitzer & Denzler, 2009.
- [232.](#) Больше «мазо», чем «садо»: Baumeister, 1997; Baumeister & Campbell, 1999.
- [233.](#) Цепи сексуальности и агрессивности переплетены: Panksepp, 1998.
- [234.](#) Пистолет как эрекция: Цит. в Thayer, 2004, p. 191.
- [235.](#) Убийство как оргазм: Цит. в Baumeister, 1997, p. 224.
- [236.](#) Жития святых: Gallonio, 1903/2004; Puppi, 1990.
- [237.](#) Женщины в опасности: Schechter, 2005.
- [238.](#) Возбуждение от порки: Theweleit, 1977/1987, цит. в deMause, 2002, p. 217.
- [239.](#) Серийные убийцы-мужчины: Schechter, 2003, p. 31.
- [240.](#) Серийные убийцы-женщины: Schechter, 2003, p. 31.
- [241.](#) Опережающая вина: Baumeister, 1997, chap. 10; Baumeister et al., 1994
- [242.](#) Запреты пыток: Levinson, 2004b.
- [243.](#) Пыточные ордера: Dershowitz, 2004b.
- [244.](#) Реакция на пыточные ордера: Dershowitz, 2004b; Levinson, 2004a.
- [245.](#) Табу против пыток полезно: Levinson, 2004a; Posner, 2004.
- [246.](#) Отвращающий эффект образа страдающего сородича: de Waal, 1996; Preston & de Waal, 2002.
- [247.](#) Причины отвращающего воздействия страдания: Hauser, 2000, p. 219–23.
- [248.](#) Тревога при причинении боли другому: Milgram, 1974.
- [249.](#) Проблема вагонетки: Greene & Haidt, 2002; Greene et al., 2001.
- [250.](#) Отвращение к прямому насилию: Collins, 2008.
- [251.](#) Обычные немцы: Browning, 1992.
- [252.](#) Тошнота и духовные поиски: Baumeister, 1997, p. 211.
- [253.](#) Отличать вымысел от реальности: Sperber, 2000.
- [254.](#) Притупленные эмоции психопатов: Blair, 2004; Hare, 1993; Raine et al., 2000.
- [255.](#) Отличия у охранников: Baumeister, 1997, chap. 7.
- [256.](#) Садизм как дело привычки: Baumeister, 1997, chap. 7; Baumeister & Campbell, 1999.
- [257.](#) Нарастающий садизм и серийные убийцы: Baumeister, 1997; Schechter, 2003.
- [258.](#) Теория мотивации обратного процесса: Solomon, 1980.

- [259.](#) Садизм и теория конкурирующих процессов: Baumeister, 1997, chap 7; Baumeister & Campbell, 1999.
- [260.](#) Мягкий мазохизм: Rozin, 1996. Мягкий мазохизм как адаптация: Pinker, 1997, p. 389, 540.
- [261.](#) Идеологическое насилие: Baumeister, 1997, chap. 6; Chirot & McCauley, 2006; Glover, 1999; Goldhagen, 2009; Kiernan, 2007; Valentino, 2004.
- [262.](#) Благодарю Дженнифер Шихи-Скеффинг за эту информацию.
- [263.](#) Поляризация в группе: Myers & Lamm, 1976.
- [264.](#) Групповое мышление: Janis, 1982.
- [265.](#) Межгрупповая враждебность: Hoyle, Pinkley, & Insko, 1989; см. также Baumeister, 1997, pp. 193–94.
- [266.](#) Эксперименты по подчинению: Milgram, 1974.
- [267.](#) Факты и вымысел в деле Китти Дженовезе: Manning, Levine, & Collins, 2007. Равнодушие свидетеля: Latané & Darley, 1970.
- [268.](#) Стэнфордский тюремный эксперимент: Zimbardo, 2007; Zimbardo, Maslach, & Haney, 2000.
- [269.](#) Немцев не наказывали за неподчинение: Goldhagen, 2009.
- [270.](#) Повторение эксперимента Милгрэма: Burger, 2009. О частичном воспроизведении Стэнфордского тюремного эксперимента см. Reicher & Haslam, 2006, но различий в условия экспериментов слишком много, чтобы делать выводы о временных трендах.
- [271.](#) Уровень подчинения мог быть еще ниже: Twenge, 2009.
- [272.](#) Преимущества конформности: Deutsch & Gerard, 1955.
- [273.](#) Позитивная петля обратной связи в популярности: Salganik, Dodds, & Watts, 2006.
- [274.](#) Множественное невежество: Centola, Willer, & Macy, 2005; Willer et al., 2009.
- [275.](#) Спираль молчания и баскский терроризм: Spencer & Croucher, 2008.
- [276.](#) Эксперимент Аша по изучению конформности: Asch, 1956.
- [277.](#) Принуждение и множественное невежество: Centola et al., 2005; Willer et al., 2009.
- [278.](#) Слишком запуганы, чтобы перестать хлопать: Glover, 1999, стр. 242.
- [279.](#) Контроль мыслей в маоистском Китае: Glover, 1999, стр. 292–93.
- [280.](#) Симуляция множественного невежества: Centola et al., 2005.
- [281.](#) Укрепление фашизма: Payne, 2005.
- [282.](#) Теория шести рукопожатий: Travers & Milgram, 1969.
- [283.](#) Множественное невежество в лаборатории: Willer et al., 2009.
- [284.](#) Мистификация Сокала: Sokal, 2000.

- [285.](#) Когнитивный диссонанс: Festinger, 1957.
- [286.](#) Моральное оправдание: Bandura, 1999; Bandura, Underwood, & Fromson, 1975; Kelman, 1973; Milgram, 1974; Zimbardo, 2007; Baumeister, 1997, part 3.
- [287.](#) Politics and the English Language: Orwell, 1946/1970.
- [288.](#) Берк: цит. в Nunberg, 2006, p. 20.
- [289.](#) Эвфемизм, рефрейминг и правдоподобное отрицание: Pinker, 2007b; Pinker et al., 2008.
- [290.](#) Постепенное погружение в варварство: Glover, 1999; Baumeister, 1997, chap 8–9.
- [291.](#) Эксперимент Милгрэма как игра «Эскалация»: Katz, 1987.
- [292.](#) Диффузия ответственности: Bandura et al., 1975; Milgram, 1974.
- [293.](#) Диффузия ответственности в армейских подразделениях и бюрократическом аппарате: Arendt, 1963; Baumeister, 1997; Browning, 1992; Glover, 1999.
- [294.](#) Нежелание причинять вред своими руками: Greene, 2007.
- [295.](#) Бесчувственность к большим цифрам: Slovic, 2007.
- [296.](#) Унижение жертвы: Bandura et al., 1975.
- [297.](#) Выгодное сравнение: Bandura, 1999; Gabor, 1994.
- [298.](#) Психология: вода камень точит: См. также Kahneman & Renshon, 2007.

Глава 9. Добрые ангелы

- [1.](#) Век эмпатии: de Waal, 2009.
- [2.](#) Цивилизация эмпатии: Rifkin, 2009. См.: http://www.huffingtonpost.com/jeremy-rifkin/the-empathic-civilization_b_416589.html.
- [3.](#) Обеспечение мира, ребенок за ребенком: Gordon, 2009.
- [4.](#) Способность к мирному сосуществованию: Dawkins, 1976/1989; McCullough, 2008; Nowak, 2006; Ridley, 1997.
- [5.](#) Чувства добродетели: Hume, 1751/2004.
- [6.](#) Титченер об эмпатии: Titchener, 1909/1973.
- [7.](#) Популярность слов «эмпатия», «воля», «самоконтроль»: Based on an analysis of Google Books by the Bookworm program, Michel et al., 2011; см. подпись к рис. 7–1.
- [8.](#) Значения слова «эмпатия»: Batson, Ahmad, Lishmer, & Tsang, 2002; Hoffman, 2000; Keen, 2007; Preston & de Waal, 2002.
- [9.](#) Уильям Джеймс о симпатии и фокстерьерах: James, 1977.
- [10.](#) Смысл эмпатии: Batson et al., 2002; Hoffman, 2000; Keen, 2007; Preston & de Waal, 2002.
- [11.](#) Эмпатия как чтение мыслей: Baron-Cohen, 1995.
- [12.](#) Разделение чтения мыслей и эмоций: Blair & Perschardt, 2002.

- [13.](#) Психопаты считывают эмоции, но не чувствуют их: Hare, 1993; Mealey & Kinner, 2002.
- [14.](#) Эмпатия и дистресс при виде страданий других: Batson et al., 2002.
- [15.](#) Заражение эмоциями: Preston & de Waal, 2002.
- [16.](#) Сочувствие не равно эмоциональному заражению: Bandura, 2002.
- [17.](#) Открытие зеркальных нейронов: di Pellegrino, Fadiga, Fogassi, Gallese, & Rizzolatti, 1992.
- [18.](#) Зеркальные нейроны у человека: Iacoboni et al., 1999.
- [19.](#) Мания зеркальных нейронов: Iacoboni, 2008; J. Lehrer, "Built to be fans," *Seed*, Feb. 10, 2006, pp. 119–20; C. Buckley, "Why our hero leapt onto the tracks and we might not," *New York Times*, Jan. 7, 2007; S. Vedantam, "How brain's 'mirrors' aid our social understanding," *Washington Post*, Sept. 25, 2006.
- [20.](#) Зеркальные нейроны как ДНК: Ramachandran, 2000.
- [21.](#) Противные макаки: McCullough, 2008, p. 125.
- [22.](#) Эмпатия и мозг: Lamm, Batson, & Decety, 2007; Moll, de Oliveira-Souza, & Eslinger, 2003; Moll, Zahn, de Oliveira-Souza, Krueger, & Grafman, 2005.
- [23.](#) Скептицизм относительно зеркальных нейронов: Csibra, 2008; Alison Gopnik, 2007; Hickok, 2009; Hurford, 2004; Jacob & Jeannerod, 2005.
- [24.](#) Наслоение в островке: Singer et al., 2006; Wicker et al., 2003.
- [25.](#) Зеркальные нейроны островка не реагируют в ситуации мести: Singer et al., 2006.
- [26.](#) Контрэмпатия в соревновании: Lanzetta & Englis, 1989.
- [27.](#) Эмпатия и мозг: Lamm et al., 2007.
- [28.](#) Атлас эмпатии: Damasio, 1994; Lamm et al., 2007; Moll et al., 2003; Moll et al., 2005; Raine, 2008.
- [29.](#) Окситоцин: Pfaff, 2007.
- [30.](#) Материнская забота как предшественник сострадания: Batson et al., 2002; Batson, Lishner, Cook, & Sawyer, 2005.
- [31.](#) Окситоцин заставляет доверять: Kosfeld et al., 2005; Zak, Stanton, Ahmadi, & Brosnan, 2007.
- [32.](#) Миловидность: Lorenz, 1950/1971.
- [33.](#) Дети пользуются реакцией на милость: Hrdy, 1999.
- [34.](#) Эволюция Микки-Мауса: 1980.
- [35.](#) Опасный Микки: В. Barnes, "After Mickey's makeover, less Mr. Nice Guy," *New York Times*, Nov. 4, 2009.
- [36.](#) Подсудимые с детскими лицами: Zebrowitz & McDonald, 1991.

- [37.](#) Некрасивых детей наказывают чаще: Berkowitz & Frodi, 1979.
- [38.](#) Непривлекательных взрослых судят строже: Etcoff, 1999.
- [39.](#) Прощение, сочувствие, вина: Baumeister et al., 1994; Hoffman, 2000; McCullough, 2008; McCullough et al., 2010.
- [40.](#) Общинные отношения и отношения сотрудничества: Baumeister et al., 1994; Clark, Mills, & Powell, 1986; Fiske, 1991; Fiske, 1992, 2004a.
- [41.](#) Табу в общинных отношениях: Fiske & Tetlock, 1997; McGraw & Tetlock, 2005.
- [42.](#) Минимум сочувствия незнакомцам: Axelrod, 1984/2006; Baumeister et al., 1994; Trivers, 1971.
- [43.](#) Малыши помогают и утешают людей в тяжелой ситуации: Warneken & Tomasello, 2007; Zahn-Waxler, Radke-Yarrow, Wagner, & Chapman, 1992.
- [44.](#) Симпатия к попавшим в беду: Batson et al., 2005b.
- [45.](#) Сходство имеет значение: Preston & de Waal, 2002, p. 16; Batson, Turk, Shaw, & Klein, 1995c.
- [46.](#) Общие черты и спасение от ударов током: Krebs, 1975.
- [47.](#) Гипотеза эмпатии-альтруизма: Batson & Ahmad, 2001; Batson et al., 2002; Batson, Ahmad, & Stocks, 2005a; Batson, Duncan, Ackerman, Buckley, & Birch, 1981; Batson et al., 1988; Krebs, 1975.
- [48.](#) Психологическое определение альтруизма: Batson et al., 2002; Batson et al., 1981; Batson et al., 1988.
- [49.](#) Эволюционное определение альтруизма: Dawkins, 1976/1989; Hamilton, 1963; Maynard Smith, 1982.
- [50.](#) Путаница с альтруизмом: Pinker, 1997, chaps. 1, 6; Pinker, 2006.
- [51.](#) Гипотеза эмпатии-альтруизма: Batson & Ahmad, 2001; Batson et al., 2002; Batson et al., 2005a; Batson et al., 1981; Batson et al., 1988.
- [52.](#) Исследование эмпатии-альтруизма Батсоном: Batson et al., 2002; Batson et al., 2005a.
- [53.](#) Схожесть, эмпатия и возможность отказаться: Batson et al., 1981.
- [54.](#) Эмпатия и социальное одобрение: Batson et al., 1988.
- [55.](#) Эмпатия и однократная дилемма узника: Batson & Moran, 1999.
- [56.](#) Эмпатия и повторяющаяся дилемма узника: Batson & Ahmad, 2001.
- [57.](#) Эмпатия в целях высшего порядка и в группах по разрешению конфликтов: Batson et al., 2005a, pp. 367–68; Stephan & Finlay, 1999.
- [58.](#) Сочувствие к группам через принятие перспективы: Batson et al., 1997.

- [59.](#) Принятие точки зрения жертвы вызывает альтруизм: Batson et al., 1988.
- [60.](#) Принятие точки зрения жертвы вызывает альтруизм в отношении группы: Batson et al., 1997.
- [61.](#) Сочувствие осужденным убийцам: Batson et al., 1997.
- [62.](#) Джордж Элиот об эмпатии благодаря художественной литературе: "The natural history of German life," quoted in Keen, 2007, p. 54.
- [63.](#) Литература как усилитель эмпатии: Hunt, 2007; Mar & Oatley, 2008; Mar et al., 2006; Nussbaum, 1997, 2006.
- [64.](#) Эмпаты читают художественную литературу: Mar et al., 2006.
- [65.](#) Смущающие данные о художественной литературе: Strange, 2002.
- [66.](#) Эмпатия к вымышленному герою и его группе: Batson, Chang, Orr, & Rowland, 2008.
- [67.](#) Художественная литература как лаборатория по изучению морали: Hakemulder, 2000.
- [68.](#) Темная сторона эмпатии: Batson et al., 2005a; Batson et al., 1995a; Batson, Klein, Highberger, & Shaw, 1995b; Prinz, 2011.
- [69.](#) Эмпатия нарушает справедливость: Batson et al., 1995b.
- [70.](#) Эмпатия и общее благо: Batson et al., 1995a.
- [71.](#) Преходящие преимущества эмпатии: Batson et al., 2005a, p. 373.
- [72.](#) Утопия в противовес природе человека: Pinker, 2002.
- [73.](#) Выгорание и усталость от излишней эмпатии: Batson et al., 2005a.
- [74.](#) Ливанская война как потеря самоконтроля: Mueller & Lustick, 2008.
- [75.](#) Логика самоконтроля: Ainslie, 2001; Daly & Wilson, 2000; Kirby & Herrnstein, 1995; Schelling, 1978, 1984, 2006.
- [76.](#) Атавистические и современные ставки дисконтирования: Daly & Wilson, 1983, 2000, 2005; Wilson & Daly, 1997.
- [77.](#) Недалновидное планирование пенсии: Akerlof, 1984; Frank, 1988.
- [78.](#) Либертарианский патернализм: Thaler & Sunstein, 2008.
- [79.](#) Близорукое дисконтирование: Ainslie, 2001; Kirby & Herrnstein, 1995.
- [80.](#) Гиперболическое дисконтирование: Ainslie, 2001; Kirby & Herrnstein, 1995.
- [81.](#) Гиперболическое дисконтирование как совокупность двух механизмов: Pinker, 1997, p. 396; Laibson, 1997.
- [82.](#) Два «я»: Schelling, 1984, p. 58.

- [83.](#) «Пылкая» и «хладнокровная» системы мозга: Metcalfe & Mischel, 1999.
- [84.](#) Лимбическая стрекоза и лобнодолевой муравей: McClure, Laibson, Loewenstein, & Cohen, 2004.
- [85.](#) Лобные доли: Fuster, 2008.
- [86.](#) Лобные доли и временное дисконтирование: Shamosh et al., 2008.
- [87.](#) Гейдж и его современные двойники: Anderson et al., 1999; Damasio, 1994; Macmillan, 2000; Raine, 2008; Raine et al., 2000; Scarpa & Raine, 2007.
- [88.](#) Увеличение коры в процессе эволюции: Hill et al., 2010.
- [89.](#) Дорсолатеральная префронтальная кора и анализ выгод-затрат: Greene et al., 2001; McClure et al., 2004.
- [90.](#) Лобный полюс: Gilbert et al., 2006; Koechlin & Hyafil, 2007; L. Helmuth, "Brain model puts most sophisticated regions front and center," *Science*, 302, p. 1133.
- [91.](#) Лимбические и префронтальные реакции у жестоких мужей: Lee, Chan, & Raine, 2008.
- [92.](#) Важность высокого интеллекта: Gottfredson, 1997a, 1997b; Neisser et al., 1996.
- [93.](#) Зефирный эксперимент: Metcalfe & Mischel, 1999; Mischel et al., in press.
- [94.](#) Умеренное дисконтирование и жизненные результаты: Chabris et al., 2008; Duckworth & Seligman, 2005; Kirby, Winston, & Santiesteban, 2005.
- [95.](#) Личные оценки самоконтроля: Tangney, Baumeister, & Boone, 2004.
- [96.](#) Преимущества самоконтроля: Tangney et al., 2004.
- [97.](#) Преступления и самоконтроль: Gottfredson, 2007; Gottfredson & Hirschi, 1990; Wilson & Herrnstein, 1985.
- [98.](#) Отложенное удовлетворение и агрессия: Rodriguez, Mischel, & Shoda, 1989.
- [99.](#) Учительские рейтинги импульсивности и агрессивности: Dewart et al., 2007; Tangney et al., 2004.
- [100.](#) Лонгитюдное исследование темперамента: Caspi, 2000. See also Beaver, DeLisi, Vaughn, & Wright, 2008.
- [101.](#) Насильственные и ненасильственные преступления в новозеландской выборке: Caspi et al., 2002.
- [102.](#) Созревание лобных долей: Fuster, 2008, pp. 17–19.
- [103.](#) Что коррелирует с подростковой делинквентностью: Wilson & Daly, 2006.

- [104.](#) Поиск острых ощущений достигает пика к 18 годам: Romer, Duckworth, Sznitman, & Park, 2010.
- [105.](#) Тестостерон: Archer, 2006b.
- [106.](#) Лебедь, Рак и Щука подросткового мозга: Romer et al., 2010.
- [107.](#) Все психологические черты наследуемы: Bouchard & McGue, 2003; Harris, 1998/2008; McCrae et al., 2000; Pinker, 2002; Plomin, DeFries, McClearn, & McGuffin, 2008; Turkheimer, 2000.
- [108.](#) Самоконтроль коррелирует с интеллектом: Burks, Carpenter, Goette, & Rustichini, 2009; Shamosh & Gray, 2008. Самоконтроль и интеллект в лобных долях: Shamosh et al., 2008.
- [109.](#) Интеллект и совершение преступлений: Herrnstein & Murray, 1994; Neisser et al., 1996. Интеллект и жертвы убийства: Batty, Deary, Tengstrom, & Rasmussen, 2008.
- [110.](#) Наследуемость СДВГ и связь его с преступностью: Beaver et al., 2008; Wright & Beaver, 2005.
- [111.](#) Метафоры динамики силы и самоконтроль: Talmy, 2000; Pinker, 2007b, chap. 4.
- [112.](#) Утомляющийся самоконтроль: Baumeister et al., 1998; quote from p. 1254.
- [113.](#) Изучение истощения эго: Baumeister et al., 1998; Baumeister, Gailliot, Dewart, & Oaten, 2006; Dewart et al., 2007; Gailliot & Baumeister, 2007; Gailliot et al., 2007; Hagger, Wood, Stiff, & Chatzisarantis, 2010.
- [114.](#) Самоконтроль маскирует индивидуальные различия: Baumeister et al., 2006.
- [115.](#) Самоконтроль и мужская сексуальность: Gailliot & Baumeister, 2007.
- [116.](#) Истощение эго и насилие: Dewart et al., 2007.
- [117.](#) Наследуемость роста: Weedon & Frayling, 2008.
- [118.](#) Одиссеев самоконтроль: Schelling, 1984, 2006.
- [119.](#) Стратегии самоконтроля у детей: Metcalfe & Mischel, 1999.
- [120.](#) Уровень дисконтирования как внутренняя переменная: Daly & Wilson, 2000, 2005; Wilson & Daly, 1997, 2006.
- [121.](#) Самоконтроль и глюкоза: Gailliot et al., 2007.
- [122.](#) Алкоголь и насилие: Baumeister, 1997; Bushman, 1997. Nutritional supplements in prisons: J. Bohannon, "The theory? Diet causes violence. The lab? Prison," *Science*, 325, Sept. 25, 2009.
- [123.](#) Тренировка воли: Baumeister et al., 2006.
- [124.](#) Мода на самоконтроль и достоинство: Eisner, 2008; Wiener, 2004; Wouters, 2007.
- [125.](#) Процентная ставка у детей: Clark, 2007a, p. 171.
- [126.](#) Разница культур: Hofstede & Hofstede, 2010.

- [127.](#) Долгосрочная ориентация и убийства: корреляция между долгосрочной ориентацией и уровнем убийств по 95 странам, для которых доступны данные, равна 0,325. Корреляция между допущением и уровнем убийств равна 0,25. Обе оценки статистически значимы. Оценки долгосрочной ориентации и допущения: <http://www.geerthofstede.nl/research-vsm/dimension-data-matrix.aspx>. Данные по убийствам — максимальные оценки из данных международной статистики убийств: United Nations Office on Drugs and Crime, 2009.
- [128.](#) Усваиваемость лактозы во взрослом возрасте: Tishkoff et al., 2006.
- [129.](#) Убийцы-яномамо: Chagnon, 1988; Chagnon, 1997. Убийцы-дживаро: Redmond, 1994.
- [130.](#) Предположение о небольших эволюционных изменениях за последние 10 000 лет: Pinker, 1997; Tooby & Cosmides, 1990a, 1990b.
- [131.](#) Психическая общность человечества: Brown, 1991, 2000; Tooby & Cosmides, 1990a, 1992.
- [132.](#) Механика естественного отбора: Maynard Smith, 1998.
- [133.](#) Количественная регулировка одним геном или небольшим числом и эволюционная психология: Tooby & Cosmides, 1990a.
- [134.](#) Следы отбора в геномных тестах: Akey, 2009; Kreitman, 2000; Przeworski, Hudson, & Di Rienzo, 2000.
- [135.](#) Отбор в человеческом геноме: Akey, 2009, p. 717.
- [136.](#) Селекционный отбор по агрессивности у мышей: Cairns, Gariépy, & Hood, 1990.
- [137.](#) Измерения наследуемости: Plomin et al., 2008; Pinker, 2002, chap. 19.
- [138.](#) Датское исследование приемных детей: Mednick, Gabrielli, & Hutchings, 1984.
- [139.](#) Показатели агрессивности коррелируют с насильственными преступлениями: Caspi et al., 2002; Guo, Roettger, & Cai, 2008b.
- [140.](#) Наследуемость агрессивности: Plomin et al., 2008, chap. 13; Bouchard & McGue, 2003; Eley, Lichtenstein, & Stevenson, 1999; Ligthart et al., 2005; Lykken, 1995; Raine, 2002; Rhee & Waldman, 2007; Rowe, 2002; Slutske et al., 1997; van Beijsterveldt, Bartels, Hudziak, & Boomsma, 2003; van den Oord, Boomsma, & Verhulst, 1994.
- [141.](#) Агрессивность у разделенных близнецов: Bouchard & McGue, 2003, table 6.
- [142.](#) Агрессивность у приемных детей: van den Oord et al., 1994; see also Rhee & Waldman, 2007.
- [143.](#) Агрессивность у близнецов: Cloninger & Gottesman, 1987; Eley et al., 1999; Ligthart et al., 2005; Rhee & Waldman, 2007; Slutske et al., 1997; van Beijsterveldt et al., 2003.

- [144.](#) Метаанализ поведенческой генетики агрессивности: Rhee & Waldman, 2007.
- [145.](#) Насильственные преступления у близнецов: Cloninger & Gottesman, 1987.
- [146.](#) Педоморфия и самоодомашнивание: Wrangham, 2009b; Wrangham & Pilbeam, 2001.
- [147.](#) Наследуемость распределения серого вещества: Thompson et al., 2001.
- [148.](#) Наследуемость развитости сети связей белого вещества: Chiang et al., 2009.
- [149.](#) Как сделать полевок моногамными: McGraw & Young, 2010.
- [150.](#) Тестостерон и агрессивные вызовы: Archer, 2006b; Dabbs & Dabbs, 2000.
- [151.](#) Изменчивость рецепторов тестостерона: Rajender et al., 2008; Roney, Simmons, & Lukaszewski, 2009.
- [152.](#) Инверсия MAO-A и насилие у людей: Brunner et al., 1993.
- [153.](#) Версии MAO-A и агрессия: Alia-Klein et al., 2008; Caspi et al., 2002; Guo, Ou, Roettger, & Shih, 2008a; Guo et al., 2008b; McDermott et al., 2009; Meyer-Lindenberg, 2006.
- [154.](#) Специфичность MAO-A для насилия: N. Alia-Klein, quoted in Holden, 2008, p. 894; Alia-Klein et al., 2008.
- [155.](#) Влияние MAO-A зависит от жизненного опыта: Caspi et al., 2002; Guo et al., 2008b.
- [156.](#) Модулирующим фактором для MAO-A могут быть другие гены: Harris, 2006; Guo et al., 2008b, p. 548.
- [157.](#) Отбор гена MAO-A: Gilad, 2002.
- [158.](#) Дофаминовые рецепторы и гены-транспортеры: Guo et al., 2008b; Guo, Roettger, & Shih, 2007.
- [159.](#) Не приводится доказательств недавнего отбора генов, влияющих на поведение: Cochran & Harpending, 2009. See also Wade, 2006.
- [160.](#) Ген воинов: Holden, 2008; Lea & Chambers, 2007; Merriman & Cameron, 2007.
- [161.](#) Проблемы с гипотезой гена воинов: Merriman & Cameron, 2007.
- [162.](#) Провал попыток доказать связь MAO-A-насилие у небелых рас: Widom & Brzustowicz, 2006.
- [163.](#) «Генетический капиталист?»: Clark, 2007b, p. 1. См. также Clark, 2007a, p. 187.
- [164.](#) Проблемы с теорией генетического капиталиста: Betzig, 2007; Bowles, 2007; Pomeranz, 2008.
- [165.](#) Мораль как факт: Harris, 2010; Nagel, 1970; Railton, 1986; Sayre-McCord, 1988.

- [166.](#) Морализованные и неморализованные предпочтения: Haidt, 2002; Rozin, 1997; Rozin et al., 1997.
- [167.](#) Моральные рационализации: Bandura, 1999; Baumeister, 1997.
- [168.](#) Необоснованные нормы морального развития: Kohlberg, 1981.
- [169.](#) Нравственное потрясение: Haidt, 2001.
- [170.](#) Кросскультурно возникающие моральные темы: Fiske, 1991; Haidt, 2007; Rai & Fiske, 2011; Shweder et al., 1997.
- [171.](#) Три этики: Shweder et al., 1997.
- [172.](#) Пять оснований: Haidt, 2007.
- [173.](#) Четыре реляционные модели: Fiske, 1991, 1992, 2004a, 2004b; Haslam, 2004; Rai & Fiske, 2011.
- [174.](#) Ритуальный обмен подарками: Mauss, 1924/1990.
- [175.](#) Суждения на основе вреда/заботы повторяют суждения на основе справедливости/взаимности: Haidt, 2007.
- [176.](#) Почему вред/забота в отношении незнакомцев повторяют справедливость/взаимность: Axelrod, 1984/2006; Trivers, 1971.
- [177.](#) Перенос рыночной оценки на официальные организации: Pinker, 2007b, chaps. 8 & 9; Lee & Pinker, 2010; Pinker et al., 2008; Pinker, 2010.
- [178.](#) Рационально-правовое размышление и рыночная оценка: Fiske, 1991, pp. 435, 47; Fiske, 2004b, p. 17.
- [179.](#) Язык социальных и моральных норм: Fiske, 2004b.
- [180.](#) Неморализованные социальные нормы: Fiske, 2004b.
- [181.](#) Нормы округа Шаста: Ellickson, 1991.
- [182.](#) «Непонимание» социальных норм: Fiske & Tetlock, 1999; Tetlock, 1999.
- [183.](#) Священные ценности и психология табу: Fiske & Tetlock, 1999; Tetlock, 1999; Tetlock et al., 2000.
- [184.](#) Смысл табу: Fiske & Tetlock, 1999; Tetlock, 2003.
- [185.](#) Рефрейминг табуированных сделок: Fiske & Tetlock, 1997; McGraw & Tetlock, 2005; Tetlock, 1999, 2003.
- [186.](#) Страхование жизни: Zelizer, 2005.
- [187.](#) Культурные различия и реляционные модели: Fiske, 1991, 1992, 2004a; Rai & Fiske, 2011..
- [188.](#) Политические идеологии и реляционные модели: Fiske & Tetlock, 1999; McGraw & Tetlock, 2005; Tetlock, 2003.
- [189.](#) Моральные основания и культурная война между либералами и консерваторами: Haidt, 2007; Haidt & Graham, 2007; Haidt & Hersh, 2001.
- [190.](#) Логика юмора: Koestler, 1964; Pinker, 1997, chap. 8.
- [191.](#) Реляционные модели и насилие: Fiske, 1991, pp. 46–47, 130–33.

- [192.](#) Нулевая/асоциальная реляционная модель: Fiske, 2004b.
- [193.](#) Два вида дегуманизации: Haslam, 2006.
- [194.](#) Уголовное наказание как возмездие: Carlsmith et al., 2002; see also Sargent, 2004.
- [195.](#) Рационально-правовое мышление, рыночная оценка и утилитаризм: Rai & Fiske, 2011; Fiske, 1991, p. 47; McGraw & Tetlock, 2005.
- [196.](#) Исторический сдвиг от общинного распределения к рыночной оценке: Fiske & Tetlock, 1997, p. 278, note 3.
- [197.](#) Либералы и консерваторы: Haidt, 2007; Haidt & Graham, 2007; Haidt & Hersh, 2001.
- [198.](#) Мы все сегодня либералы: Courtwright, 2010; Nash, 2009.
- [199.](#) Рыночная оценка и утилитаризм: Rai & Fiske, 2011; Fiske, 1991, p. 47; McGraw & Tetlock, 2005.
- [200.](#) Грамматика реляционных моделей: Fiske, 2004b; Fiske & Tetlock, 1999; Rai & Fiske, 2011.
- [201.](#) Табу, священные ценности и израильско-палестинский конфликт: Ginges et al., 2007.
- [202.](#) Красные и голубые округа: Haidt & Graham, 2007; see also <http://elections.nytimes.com/2008/results/president/map.html>.
- [203.](#) Общинное распределение полагает, что группа вечна: Fiske, 1991, p. 44.
- [204.](#) Иерархия и историческая литература: Brown, 1988.
- [205.](#) Национализм и подставные историки: Bell, 2007b; Scheff, 1994; Tyrrell, 2007; van Evera, 1994.
- [206.](#) Автор использует термин *dumbth*, придуманный Стивом Алленом.
- [207.](#) Возложение вины за Холокост на Просвещение: See Menschenfreund, 2010. Примеры слева включают: Zygmunt Bauman, Michel Foucault, and Theodor Adorno; примеры со стороны защитников религии и религиозных консерваторов: Dinesh D'Souza in *What's so great about Christianity?*; Richard John Neuhaus; see linkjr, 2007.
- [208.](#) Историометрия: Simonton, 1990.
- [209.](#) Интеллект, открытость и достижения президентов США: Simonton, 2006.
- [210.](#) Буш — третий с конца среди президентов: C-SPAN 2009 Historians presidential leadership survey, C-SPAN, 2010; J. Griffin & N. Hines, "Who's the greatest? The Times U. S. presidential rankings," *New York Times*, Mar. 24, 2010; Siena Research Institute, 2010.
- [211.](#) И не лучшие, и не блестящие: Никсон занял 38, 27 и 30-е места среди 42 президентов в опросах историков, упомянутых в

примечании 210, и 25-е — по интеллекту: Simonton, 2006, table 1, p. 516, column I–C (здесь показатели IQ самые достоверные).

- [212.](#) Корреляции и оценки взяты из статистического анализа, где военные потери для всех лет войн, в которых США были основным или второстепенным участником, подвергли регрессии относительно IQ президента. Battle deaths are the “Best Estimate” figures from the PRIO Battle Deaths Dataset (Lacina, 2009); IQ estimates from Simonton, 2006, table 1, p. 516, column I–C.
- [213.](#) Рациональность и Холокост: Menschenfreund, 2010.
- [214.](#) Эмоциональная «собака» и рациональный «хвост»: Haidt, 2001. Моральная интуиция и моральное размышление: Pizarro & Bloom, 2003.
- [215.](#) Моральная интуиция и моральное размышление в структурах мозга: Greene, 2011; Greene et al., 2001.
- [216.](#) Разум — раб страстей: Hume, 1739/2000, p. 266.
- [217.](#) Связь интеллекта с самоконтролем: Burks et al., 2009; Shamosh & Gray, 2008. Самоконтроль и интеллект в структурах мозга: Shamosh et al., 2008.
- [218.](#) Эмоциональная реакция на другие расы: Phelps et al., 2000.
- [219.](#) Реляционные модели, математическая шкала и мышление: Fiske, 2004a.
- [220.](#) Кукловоды-садисты: Gottschall, 2008.
- [221.](#) Годвин: Singer, 1981/2011, pp. 151–52.
- [222.](#) Логика морали: Nagel, 1970; Singer, 1981/2011
- [223.](#) Систематичность мышления: Fodor & Pylyshyn, 1988; Pinker, 1994, 1997, 1999, 2007b.
- [224.](#) Расширяющийся круг: Singer, 1981/2011.
- [225.](#) Эскалатор разума: Singer, 1981/2011, pp. 88, 113–14.
- [226.](#) Греческая эпитафия: Singer, 1981/2011, p. 112.
- [227.](#) Выдающиеся мыслители: Singer, 1981/2011, pp. 99–100.
- [228.](#) Озарение Флинна: Flynn, 1984; Flynn, 2007.
- [229.](#) Рост IQ в мире: Flynn, 2007, p. 2; Flynn, 1987.
- [230.](#) Наименование эффекта Флинна: Herrnstein & Murray, 1994.
- [231.](#) Тридцать стран: Flynn, 2007, p. 2.
- [232.](#) Эффект Флинна стартовал в 1877 г.: Flynn, 2007, p. 23.
- [233.](#) Взрослые из 1910 г. считались бы умственно отсталыми сегодня: Flynn, 2007, p. 23.
- [234.](#) Единодушие ученых в вопросе интеллекта: Deary, 2001; Gottfredson, 1997a; Neisser et al., 1996. Интеллект как прогностический фактор жизненного успеха: Gottfredson, 1997b; Herrnstein & Murray, 1994.

- [235.](#) Эффект Флинна не коррелирует с модой на тестирование: Flynn, 2007, p. 14.
- [236.](#) Эффект Флинна не наблюдается в математике, словарном запасе, знаниях: Flynn, 2007; Greenfield, 2009. See also Wicherts et al., 2004.
- [237.](#) Легкий спад в SAT: Flynn, 2007, p. 20; Greenfield, 2009.
- [238.](#) Общий интеллект: Deary, 2001; Flynn, 2007; Neisser et al., 1996.
- [239.](#) Наследуемость интеллекта, отсутствие влияния семейного воспитания: Bouchard & McGue, 2003; Harris, 1998/2008; Pinker, 2002; Plomin et al., 2008; Turkheimer, 2000.
- [240.](#) Общий интеллект и мозг: Chiang et al., 2009; Deary, 2001; Thompson et al., 2001.
- [241.](#) Эффект Флинна не объясняется аутбридингом: Flynn, 2007, pp. 101–2. Причина эффекта Флинна не в улучшении здоровья и питания: Flynn, 2007, pp. 102–6.
- [242.](#) Эффект Флинна и показатель g : Flynn, 2007; Wicherts et al., 2004.
- [243.](#) Визуальная сложность и IQ: Greenfield, 2009.
- [244.](#) Донаучное и постнаучное мышление: Flynn, 2007. See also Neisser, 1976; Tooby & Cosmides, in press; Pinker, 1997, pp. 302–6.
- [245.](#) Собаки и кролики: Flynn, 2007, p. 24.
- [246.](#) Диалоги о сходствах и гипотетических предположениях: Cole, Gay, Glick, & Sharp, 1971; Luria, 1976; Neisser, 1976.
- [247.](#) Школьное образование и абстрактное логическое мышление: Flynn, 2007, p. 32.
- [248.](#) Улучшение школьного образования: Flynn, 2007, p. 32.
- [249.](#) Понимание прочитанного: Rothstein, 1998, p. 19.
- [250.](#) Изменения в школьных тестах: Genovese, 2002.
- [251.](#) Доступные абстракции: частота употребления этих терминов на протяжении XX в. возросла: Based on an analysis of Google Books by the Bookworm program, Michel et al., 2011; see the caption to figure 7–1.
- [252.](#) «из-за экономики»: G. Nunberg, Language commentary segment on Fresh Air, National Public Radio, 2001.
- [253.](#) Конкретные операции мышления на примере отца Флинна: J. Flynn, “What is intelligence: Beyond the Flynn effect,” Harvard Psychology Department Colloquium, Dec. 5, 2007; see also “The world is getting smarter,” *Economist/Intelligent Life*, Dec. 2007; <http://moreintelligentlife.com/node/654>.
- [254.](#) Трудности с пропорциями: Flynn, 2007, p. 30.
- [255.](#) Думающие люди менее склонны карать: Sargent, 2004.
- [256.](#) «Культурный Ренессанс»: Flynn, 1987, p. 187.

- [257.](#) «Отвратительные дикари»: Roosevelt, *The winning of the West* (Whitefish, Mont.: Kessinger), vol. 1, p. 65. “Мертвые индейцы”: Quoted in Courtwright, 1996, p. 109.
- [258.](#) Расизм Вудро Вильсона: Loewen, 1995, pp. 22–31.
- [259.](#) Расизм Черчилля: Toye, 2010; quotes excerpted in J. Hari, “The two Churchills,” *New York Times*, Aug. 12, 2010.
- [260.](#) Глупые слушания в Конгрессе: Courtwright, 1996, pp. 155–56.
- [261.](#) Отвращение литераторов к массам: Carey, 1993.
- [262.](#) Интеллектуалы поддерживали тоталитаризм: Carey, 1993; Glover, 1999; Lilla, 2001; Sowell, 2010; Wolin, 2004.
- [263.](#) Ошеломительный Элиот: Carey, 1993, p. 85.
- [264.](#) Интеллектуалы создают проблемы: Carey, 1993; Glover, 1999; Lilla, 2001; Sowell, 2010; Wolin, 2004.
- [265.](#) Умные люди реже прибегают к насилию: Herrnstein & Murray, 1994; Wilson & Herrnstein, 1985; Farrington, 2007, pp. 22–23, 26–27.
- [266.](#) Сверхрациональность в дилемме заключенного: Hofstadter, 1985.
- [267.](#) IQ водителей грузовиков и дилемма заключенного: Burks et al., 2009.
- [268.](#) Баллы SAT студентов и дилемма заключенного: Jones, 2008.
- [269.](#) Политизация социальных наук: Haidt & Graham, 2007; Tetlock, 1994.
- [270.](#) Либералы и справедливость: Haidt, 2007; Haidt & Graham, 2007.
- [271.](#) Либерализм и интеллект в США: Kanazawa, 2010.
- [272.](#) Одаренные дети становятся просвещенными взрослыми: Deary, Batty, & Gale, 2008.
- [273.](#) Умные люди размышляют как экономисты: Caplan & Miller, 2010.
- [274.](#) Рыночная экономика как умиротворяющая сила: Kant, 1795/1983; Mueller, 1999; Russett & Oneal, 2001; Schneider & Gleditsch, 2010; Wright, 2000 Mueller, 2010b.
- [275.](#) Богатство как нулевая сумма и классовое и этническое насилие: Sowell, 1980, 1996.
- [276.](#) Кантианский мир: Gleditsch, 2008; Russett, 2008; Russett & Oneal, 2001.
- [277.](#) Когнитивные предпосылки демократии: Rindermann, 2008.
- [278.](#) Интеллектуальные способности и демократия: Rindermann, 2008.
- [279.](#) Демократия и насилие: Gleditsch, 2008; Harff, 2003, 2005; Lacina, 2006; Pate, 2008; Rummel, 1994; Russett, 2008; Russett & Oneal, 2001.
- [280.](#) Эффект Флинна в Кении и Доминике: Flynn, 2007, p. 144.

- [281.](#) Образование и гражданская война: Thune, 2006.
- [282.](#) Усмиряющий эффект образования: Thune, 2006, p. 733.
- [283.](#) Интегративная сложность: Suedfeld & Coren, 1992; Tetlock, 1985; Tetlock, Peterson, & Lerner, 1996.
- [284.](#) Корреляция между IQ и интегративной сложностью: Suedfeld & Coren, 1992. Среди президентов США корреляция равна 0,58: Simonton, 2006.
- [285.](#) Интегративная сложность и насилие: Tetlock, 1985, pp. 1567–68.
- [286.](#) Интегративная сложность и большие войны: Suedfeld & Tetlock, 1977.
- [287.](#) Интегративная сложность и арабо-израильские войны: Suedfeld, Tetlock, & Ramirez, 1977. Интегративная сложность и действия США и СССР: Tetlock, 1985.
- [288.](#) Дифференциация эффектов интегративной сложности: Tetlock, 1985; Tetlock et al., 1996.
- [289.](#) Интегративная сложность американского политического дискурса: Rosenau & Fagen, 1997.
- [290.](#) Бестолковый конгрессмен из 1917 г.: Quoted in Rosenau & Fagen, 1997, p. 676.
- [291.](#) Бестолковый сенатор из 1972 г.: Rosenau & Fagen, 1997, p. 677.
- [292.](#) Уровень сложности президентских дебатов в США: Gorton & Diels, 2010.
- [293.](#) Беспристрастная совесть: Smith, 1759/1976, p. 136.

Глава 10. На крыльях ангелов

- [1.](#) Гитлер не был атеистом: Murphy, 1999.
- [2.](#) Нацизм и христианство: Ericksen & Heschel, 1999; Goldhagen, 1996; Heschel, 2008; Steigmann-Gall, 2003; Chirot & McCauley, 2006, p. 144.
- [3.](#) Совпадение интересов нацизма и Церкви в Германии: Ericksen & Heschel, 1999, p. 11.
- [4.](#) Марксизм и христианство: Chirot & McCauley, 2006, pp. 142–43; Chirot, 1995.
- [5.](#) Подарки и мирные отношения: Mauss, 1924/1990.
- [6.](#) Неинтересные торговцы: Mueller, 1999, 2010b.
- [7.](#) Только кормящие матери должны управлять ядерными государствами: D. Garner, “After atom bomb’s shock, the real horrors began unfolding,” *New York Times*, Jan. 20, 2010.
- [8.](#) Избиение сумочкой: Shultz, 2009.
- [9.](#) Избыток мужчин, дефицит мира: Hudson & den Boer, 2002.
- [10.](#) Избавиться от «сухих веток»: Hudson & den Boer, 2002, p. 26.

11. Лишние мужчины: Hudson & den Boer, 2002.
12. Число молодых мужчин и вероятность войны: Fearon & Laitin, 2003; Mesquida & Wiener, 1996.
13. «Секс и война»: Potts, Campbell, & Hayden, 2008.
14. Смешение народов возвращает гуманизм: в странах, где выше влияние женщин, меньше бытового насилия (Archer, 2006a); люди, лично знакомые с гомосексуалами, менее гомофобны (см. прим. 232 к главе 7); американские избирательные округа, расположенные вдоль океанских побережий и водных артерий, более либеральны (Haidt & Graham, 2007).
15. Эскалатор разума, расширяющийся круг: Singer, 1981/2011.

В заключение

1. Идея упадка: Herman, 1997.
2. Разумный оптимист: Bettmann, 1974; Easterbrook, 2003; Goklany, 2007; Kenny, 2011; Ridley, 2010; Robinson, 2009; Wattenberg, 1984.
3. Высшая сила? — Payne, 2004, p. 29.
4. Доказательство бытия Божия? — Wright, 2000, p. 319. Высший смысл? — Wright, 2000, p. 320. Космический автор? — Wright, 2000, p. 334.
5. Моральный реализм: Nagel, 1970; Railton, 1986; Sayre-McCord, 1988; Shafer-Landau, 2003; Harris, 2010.
6. «горячего и буйного насилия»: Шекспир У. Генрих V, акт 3, сцена 3.
7. Сотни миллионов убитых: Rummel, 1994, 1997. «Голая обезьяна»: Desmond Morris.
8. «Между тем как наша планета продолжает вращаться»: заключительная фраза «Происхождения видов» Чарльза Дарвина.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ABC News. 2002. Most say spanking's OK by parents but not by grade-school teachers. *ABC News Poll*. New York. <https://abcnews.go.com/images/PollingUnit/903a1Spanking.pdf>.
- About, F. E. 1989. *Children and prejudice*. Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Abrahms, M. 2006. Why terrorism does not work. *International Security*, 31, 42–78.
- Ad Nauseam. 2000. "You mean a woman can open it ... ?": *The woman's place in the classic age of advertising*. Holbrook, Mass.: Adams Media.
- Adams, D. 2006. Brain mechanisms of aggressive behavior: An updated review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 30, 304–18.
- Ainslie, G. 2001. *Breakdown of will*. New York: Cambridge University Press.
- Akerlof, G. A. 1984. *An economic theorist's book of tales*. New York: Cambridge University Press.
- Akey, J. M. 2009. Constructing genomic maps of positive selection in humans: Where do we go from here? *Genome Research*, 19, 711–22.
- Alia-Klein, N., Goldstein, R. Z., Kriplani, A., Logan, J., Tomasi, D., Williams, B., Telang, F., Shumay, E., Biegon, A., Craig, I. W., Henn, F., Wang, G. J., Volkow, N. D., & Fowler, J. S. 2008. Brain monoamine oxidase-A activity predicts trait aggression. *Journal of Neuroscience*, 28, 5099–5104.
- American Humane Association Film and Television Unit. 2009. *No animals were harmed: Guidelines for the safe use of animals in filmed media*. Englewood, Colo.: American Humane Association.
- American Humane Association Film and Television Unit. 2010. No animals were harmed: A legacy of protection. <https://humanehollywood.org>.
- American Psychiatric Association. 2000. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-IV-TR*, 4th ed. Washington, D. C.: American Psychiatric Association.
- Amnesty International. 2010. Abolitionist and retentionist countries. <http://www.amnesty.org/en/what-we-do/death-penalty/>.
- Anderson, E. 1999. *The code of the street: Violence, decency, and the moral life of the inner city*. New York: Norton.
- Anderson, S. W., Bechara, A., Damasio, H., Tranel, D., & Damasio, A. R. 1999. Impairment of social and moral behavior related to early damage in human prefrontal cortex. *Nature Neuroscience*, 2, 1032–37.

- Andreas, P., & Greenhill, K. M., eds. 2010. *Sex, drugs, and body counts: The politics of numbers in global crime and conflict*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Appiah, K. A. 2006. *Cosmopolitanism: Ethics in a world of strangers*. New York: Norton.
- Archer, J. 2006a. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: A social role analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 10, 133–53.
- Archer, J. 2006b. Testosterone and human aggression: An evaluation of the challenge hypothesis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 30, 319–45.
- Archer, J. 2009. Does sexual selection explain human sex differences in aggression? *Behavioral & Brain Sciences*, 32, 249–311.
- Arendt, H. 1963. *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*. New York: Viking Press.
- Asal, V., Johnson, C., & Wilkenfeld, J. 2008. Ethnopolitical violence and terrorism in the Middle East. In J. J. Hewitt, J. Wilkenfeld & T. R. Gurr, eds., *Peace and conflict 2008*. Boulder, Colo.: Paradigm.
- Asal, V., & Pate, A. 2005. The decline of ethnic political discrimination 1950–2003. In M. G. Marshall & T. R. Gurr, eds., *Peace and conflict 2005: A global survey of armed conflicts, self-determination movements, and democracy*. College Park: Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland.
- Asch, S. E. 1956. Studies of independence and conformity I: A minority of one against a unanimous majority. *Psychological Monographs: General and Applied*, 70, Whole No. 416.
- Atran, S. 2002. *In gods we trust: The evolutionary landscape of supernatural agency*. New York: Oxford University Press.
- Atran, S. 2003. Genesis of suicide terrorism. *Science*, 299, 1534–39.
- Atran, S. 2006. The moral logic and growth of suicide terrorism. *Washington Quarterly*, 29, 127–47.
- Atran, S. 2010. Pathways to and from violent extremism: The case for science-based field research (Statement Before the Senate Armed Services Subcommittee on Emerging Threats & Capabilities, March 10, 2010). *Edge*. <https://www.edge.org/conversation/pathways-to-and-from-violent-extremism-the-case-for-science-based-field-research>.
- Axelrod, R. 1984/2006. *The evolution of cooperation*. New York: Basic Books.
- Axelrod, R., & Hamilton, W. D. 1981. The evolution of cooperation. *Science*, 211, 1390–96.
- Bailey, M. 2003. *The man who would be queen: The science of gender-bending and transsexualism*. Washington, D.C.: National Academies Press.
- Bandura, A. 1999. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality & Social Psychology Review*, 3, 193–209.

- Bandura, A. 2002. Reflexive empathy: On predicting more than has ever been observed. *Behavioral & Brain Sciences*, 25, 24–25.
- Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M. E. 1975. Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–69.
- Baron-Cohen, S. 1995. *Mindblindness: An essay on autism and theory of mind*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Batson, C. D., & Ahmad, N. 2001. Empathy-induced altruism in a prisoner's dilemma II: What if the partner has defected? *European Journal of Social Psychology*, 31, 25–36.
- Batson, C. D., Ahmad, N., Lishmer, D. A., & Tsang, J.-A. 2002. Empathy and altruism. In C. R. Snyder & S. J. Lopez, eds., *Handbook of positive psychology*. Oxford, U. K.: Oxford University Press.
- Batson, C. D., Ahmad, N., & Stocks, E. L. 2005. Benefits and liabilities of empathy-induced altruism. In A. G. Miller ed., *The social psychology of good and evil*. New York: Guilford Press.
- Batson, C. D., Batson, J. G., Todd, M., Brummett, B. H., Shaw, L. L., & Aldeguer, C. M. R. 1995. Empathy and the collective good: Caring for one of the others in a social dilemma. *Journal of Personality & Social Psychology*, 68, 619–31.
- Batson, C. D., Chang, J., Orr, R., & Rowland, J. 2008. Empathy, attitudes, and action: Can feeling for a member of a stigmatized group motivate one to help the group? *Personality & Social Psychology Bulletin*, 28, 1656–66.
- Batson, C. D., Duncan, B. D., Ackerman, P., Buckley, T., & Birch, K. 1981. Is empathic emotion a source of altruistic motivation? *Journal of Personality & Social Psychology*, 40, 292–302.
- Batson, C. D., Dyck, J. L., Brandt, R. B., Batson, J. G., Powell, A. L., McMaster, M. R., & Griffitt, C. 1988. Five studies testing two new egoistic alternatives to the empathy-altruism hypothesis. *Journal of Personality & Social Psychology*, 55, 52–77.
- Batson, C. D., Klein, T. R., Highberger, L., & Shaw, L. L. 1995b. Immorality from empathy-induced altruism: When compassion and justice conflict. *Journal of Personality & Social Psychology*, 68, 1042–54.
- Batson, C. D., Lishner, D. A., Cook, J., & Sawyer, S. 2005b. Similarity and nurturance: Two possible sources of empathy for strangers. *Basic & Applied Social Psychology*, 27, 15–25.
- Batson, C. D., & Moran, T. 1999. Empathy-induced altruism in a prisoner's dilemma. *European Journal of Social Psychology*, 29, 909–24.
- Batson, C. D., Polycarpou, M. R., Harmon-Jones, E., Imhoff, H. J., Mitchener, E. C., Bednar, L. L., Klein, T. R., & Highberger, L. 1997. Empathy and attitudes: Can feeling for a member of a stigmatized group improve feelings toward the group? *Journal of Personality & Social Psychology*, 72, 105–18.

- Batson, C. D., Turk, C. L., Shaw, L. L., & Klein, T. R. 1995. Information function of empathic emotion: Learning that we value the other's welfare. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 300–313.
- Batty, G. D., Deary, I. J., Tengstrom, A., & Rasmussen, F. 2008. IQ in early adulthood and later risk of death by homicide: Cohort study of 1 million men. *British Journal of Psychiatry*, 193, 461–65.
- Baumeister, R. F. 1997. *Evil: Inside human violence and cruelty*. New York: Holt.
- Baumeister, R. F. 2000. Gender differences in erotic plasticity: The female sex drive as socially flexible and responsive. *Psychological Bulletin*, 126, 347–74.
- Baumeister, R. F., Bratslavsky, E., Muraven, M., & Tice, D. M. 1998. Ego depletion: Is the active self a limited resource? *Journal of Personality & Social Psychology*, 24, 1252–65.
- Baumeister, R. F., & Campbell, W. K. 1999. The intrinsic appeal of evil: Sadism, sensational thrills, and threatened egotism. *Personality & Social Psychology Review*, 3, 210–21.
- Baumeister, R. F., Gailliot, M., Dewall, C. N., & Oaten, M. 2006. Self-regulation and personality: How interventions increase regulatory success, and how depletion moderates the effects of traits on behavior. *Journal of Personality*, 74, 1773–1801.
- Baumeister, R. F., Smart, L., & Boden, J. M. 1996. Relation of threatened egotism to violence and aggression: The dark side of high self-esteem. *Psychological Review*, 103, 5–33.
- Baumeister, R. F., Stillwell, A. M., & Wotman, S. R. 1990. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger. *Journal of Personality & Social Psychology*, 59, 994–1005.
- Baumeister, R. F., Stillwell, A. M., & Heatherton, T. F. 1994. Guilt: An interpersonal approach. *Psychological Bulletin*, 115, 243–67.
- Beaver, K. M., DeLisi, M., Vaughn, M. G., & Wright, J. P. 2008. The intersection of genes and neuropsychological deficits in the prediction of adolescent delinquency and low self-control. *International Journal of Offender Therapy & Comparative Criminology*, 54, 22–42.
- Bell, D. A. 2007a. *The first total war: Napoleon's Europe and the birth of warfare as we know it*. Boston: Houghton Mifflin.
- Bell, D. A. 2007b. Pacific nationalism. *Critical Review*, 19, 501–10.
- Bennett, A. 2005. The guns that didn't smoke: Ideas and the Soviet non-use of force in 1989. *Journal of Cold War Studies*, 7, 81–109.
- Berkowitz, L., & Frodi, A. 1979. Reactions to a child's mistakes as affected by her/his looks and speech. *Social Psychology Quarterly*, 42, 420–25.
- Berlin, I. 1979. The counter-enlightenment. *Against the current: Essays in the history of ideas*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Besançon, A. 1998. Forgotten communism. *Commentary*, Jan., 24–27.

- Bettmann, O. L. 1974. *The good old days — they were terrible!* New York: Random House.
- Betzig, L. L. 1986. *Despotism and differential reproduction*. Hawthorne, N. Y.: Aldine de Gruyter.
- Betzig, L. L. 1996a. Monarchy. In D. Levinson & M. Ember, eds., *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. New York: Holt.
- Betzig, L. L. 1996b. Political succession. In D. Levinson & M. Ember, eds., *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. New York: Holt.
- Betzig, L. L. 2002. British polygyny. In M. Smith, ed., *Human biology and history*. London: Taylor & Francis.
- Betzig, L. L. 2007. The son also rises. *Evolutionary Psychology*, 5, 733–39.
- Betzig, L. L., Borgerhoff Mulder, M., & Turke, P. 1988. *Human reproductive behavior: A Darwinian perspective*. New York: Cambridge University Press.
- Bhagavad-Gita. 1983. *Bhagavad-Gita as it is*. Los Angeles: Bhaktivedanta Book Trust.
- Bijian, Z. 2005. China's "peaceful rise" to great-power status. *Foreign Affairs*, Sept./Oct.
- Black, D. 1983. Crime as social control. *American Sociological Review*, 48, 34–45.
- Blackwell, A. D., & Sugiyama, L. S. 2008. When is self-sacrifice adaptive? In L. S. Sugiyama, M. Scalise Sugiyama, F. White, D. Kenneth, & H. Arrow, eds., *War in Evolutionary Perspective*.
- Blair, R. J. R. 2004. The roles of orbital frontal cortex in the modulation of antisocial behavior. *Brain & Cognition*, 55, 198–208.
- Blair, R. J. R., & Cipolotti, L. 2000. Impaired social response reversal: A case of "acquired sociopathy." *Brain*, 123, 1122–41.
- Blair, R. J. R., & Perschardt, K. S. 2002. Empathy: A unitary circuit or a set of dissociable neurocognitive systems? *Behavioral & Brain Sciences*, 25, 27–28.
- Blanton, R. 2007. Economic globalization and violent civil conflict: Is openness a pathway to peace? *Social Science Journal*, 44, 599–619.
- Blight, J. G., & Lang, J. M. 2007. Robert McNamara: Then and now. *Daedalus*, 136, 120–31.
- Blum, A., & Houdailles, J. 1985. L'alphabétisation au XVIIIe et XIXe siècle. L'illusion parisienne. *Population*, 6.
- Blum, D. 1997. *Sex on the brain: The biological differences between men and women*. New York: Viking.
- Blumstein, A., & Wallman, J., eds. 2006. *The crime drop in America*, rev. ed. New York: Cambridge University Press.
- Bobo, L. D. 2001. Racial attitudes and relations at the close of the twentieth century. In N. J. Smelser, W. J. Wilson, & F. Mitchell, eds.,

- America becoming: Racial trends and their consequences*. Washington, D. C.: National Academies Press.
- Bobo, L. D., & Dawson, M. C. 2009. A change has come: Race, politics, and the path to the Obama presidency. *Du Bois Review*, 6, 1–14.
- Boehm, C. 1999. *Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Bohannon, J. 2008. Calculating Iraq's death toll: WHO study backs lower estimate. *Science*, 319, 273.
- Bohannon, J. Bolton, G. E., & Zwick, R. 1995. Anonymity versus punishment in ultimatum bargaining. *Games & Economic Behavior*, 10, 95–121.
- Bouchard, T. J., Jr., & McGue, M. 2003. Genetic and environmental influences on human psychological differences. *Journal of Neurobiology*, 54, 4–45.
- Boulton, M. J., & Smith, P. K. 1992. The social nature of play fighting and play chasing: Mechanisms and strategies underlying cooperation and compromise. In J. Barkow, L. Cosmides, & J. Tooby, eds., *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press.
- Bourgon, J. 2003. Abolishing “cruel punishments”: A reappraisal of the Chinese roots and long-term efficiency of the Xinzheng legal reforms. *Modern Asian Studies*, 37, 851–62.
- Bourke, J. 1999. *An intimate history of killing: Face-to-face killing in 20th-century warfare*. New York: Basic Books.
- Bowles, S. 2007. Genetically capitalist? *Science*, 318, 394–95.
- Bowles, S. 2009. Did warfare among ancestral hunter-gatherers affect the evolution of human social behaviors? *Science*, 324, 1293–98.
- Boyd, R., & Silk, J. B. 2006. *How humans evolved*, 4th ed. New York: Norton.
- Brandt, R. B. 1974. *Hopiethics: A theoretical analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brecke, P. 1999. *Violent conflicts 1400 A. D. to the present in different regions of the world*. Paper presented at the 1999 Meeting of the Peace Science Society (International).
- Brecke, P. 2002. Taxonomy of violent conflicts. <https://brecke.inta.gatech.edu/research/conflict/taxonomy-of-violent-conflict/>.
- Breiner, S. J. 1990. *Slaughter of the innocents: Child abuse through the ages and today*. New York: Plenum.
- Brezina, T., Agnew, R., Cullen, F. T., & Wright, J. P. 2004. The code of the street: A quantitative assessment of Elijah Anderson's subculture of violence thesis and its contribution to youth violence research. *Youth Violence & Juvenile Justice*, 2, 303–28.
- Brock, D. W. 1993. *Life and death: Philosophical essays in biomedical ethics*. New York: Cambridge University Press.

- Bronowski, J. 1973. *The ascent of man*. Boston: Little, Brown.
- Broude, G. J., & Greene, S. J. 1976. Cross-cultural codes on twenty sexual attitudes and practices. *Ethnology*, 15, 409–29.
- Brown, B. R. 1968. The effects of need to maintain face on interpersonal bargaining. *Journal of Experimental Social Psychology*, 4, 107–22.
- Brown, D. E. 1988. *Hierarchy, history, and human nature: The social origins of historical consciousness*. Tucson: University of Arizona Press.
- Brown, D. E. 1991. *Human universals*. New York: McGraw-Hill.
- Brown, D. E. 2000. Human universals and their implications. In N. Roughley, ed., *Being humans: Anthropological universality and particularity in transdisciplinary perspectives*. New York: Walter de Gruyter.
- Brown, M. E. 1997. The impact of government policies on ethnic relations. In M. Brown & S. Ganguly, eds., *Government policies and ethnic relations in Asia and the Pacific*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Brown, R. 1985. *Social psychology: The second edition*. New York: Free Press.
- Browne, A., & Williams, K. R. 1989. Exploring the effect of resource availability and the likelihood of female-perpetrated homicides. *Law & Society Review*, 23, 75–94.
- Browne, K. 2002. *Biology at work*. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press.
- Browning, C. R. 1992. *Ordinary men: Reserve police battalion 101 and the final solution in Poland*. New York: HarperCollins.
- Brownmiller, S. 1975. *Against our will: Men, women, and rape*. New York: Fawcett Columbine.
- Broyles, W. J. 1984. Why men love war. *Esquire* (November).
- Brunner, H. G., Nelen, M., Breakfield, X. O., Ropers, H. H., & van Oost, B. A. 1993. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A. *Science*, 262, 578–80.
- Buhaug, H. 2010. Climate not to blame for African civil wars. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 16477–82.
- Bullock, A. 1991. *Hitler and Stalin: Parallel lives*. London: HarperCollins.
- Burch, E. S. 2005. *Alliance and conflict*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Burger, J. M. 2009. Replicating Milgram: Would people still obey today? *American Psychologist*, 64, 1–11.
- Burke, E. 1790/1967. *Reflections on the revolution in France*. London: J. M. Dent & Sons.
- Burks, S. V., Carpenter, J. P., Goette, L., & Rustichini, A. 2009. Cognitive skills affect economic preferences, strategic behavior, and job attachment. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106, 7745–50.

- Burnham, G., Lafta, R., Doocy, S., & Roberts, L. 2006. Mortality after the 2003 invasion of Iraq: A cross-sectional cluster sample survey. *Lancet*, 368, 1421–28.
- Bushman, B. J. 1997. Effects of alcohol on human aggression: Validity of proposed explanations. *Recent Developments in Alcoholism*, 13, 227–43.
- Bushman, B. J., & Cooper, H. M. 1990. Effects of alcohol on human aggression: An integrative research review. *Psychological Bulletin*, 107, 341–54.
- Buss, D. M. 1989. Conflict between the sexes. *Journal of Personality & Social Psychology*, 56, 735–47.
- Buss, D. M. 1994. *The evolution of desire*. New York: Basic Books.
- Buss, D. M. 2000. *The dangerous passion: Why jealousy is as necessary as love and sex*. New York: Free Press.
- Buss, D. M. 2005. *The murderer next door: Why the mind is designed to kill*. New York: Penguin.
- Buss, D. M., & Duntley, J. D. 2008. Adaptations for exploitation. *Group Dynamics: Theory, Research, & Practice*, 12, 53–62.
- Buss, D. M., & Schmitt, D. P. 1993. Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating. *Psychological Review*, 100, 204–32.
- Bussman, M., & Schneider, G. 2007. When globalization discontent turns violent: Foreign economic liberalization and internal war. *International Studies Quarterly*, 51, 79–97.
- Byrnes, J. P., Miller, D. C., & Schafer, W. D. 1999. Gender differences in risk-taking: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 125, 367–83.
- C-SPAN. 2010. C-SPAN 2009 Historians presidential leadership survey.
- Cairns, R. B., Gariépy, J.-L., & Hood, K. E. 1990. Development, microevolution, and social behavior. *Psychological Review*, 97, 49–65.
- Capital Punishment U. K. 2004. *The end of capital punishment in Europe*. <http://www.capitalpunishmentuk.org/europe.html>.
- Caplan, B. 2007. *The myth of the rational voter: Why democracies choose bad policies*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Caplan, B., & Miller, S. C. 2010. Intelligence makes people think like economists: Evidence from the General Social Survey. *Intelligence*, 38, 636–47.
- Caplow, T., Hicks, L., & Wattenberg, B. 2001. *The first measured century: An illustrated guide to trends in America, 1900–2000*. Washington, D. C.: AEI Press.
- Carey, J. 1993. *The intellectuals and the masses: Pride and prejudice among the literary intelligentsia, 1880–1939*. New York: St. Martin's Press.
- Carlin, J. 2008. *Playing the enemy: Nelson Mandela and the game that made a nation*. New York: Penguin.

- Carlsmith, K. M., Darley, J. M., & Robinson, P. H. 2002. Why do we punish? Deterrence and just deserts as motives for punishment. *Journal of Personality & Social Psychology*, 83, 284–99.
- Carswell, S. 2001. *Survey on public attitudes towards the physical punishment of children*. Wellington: New Zealand Ministry of Justice.
- Caspi, A. 2000. The child is father of the man: Personality continuities from childhood to adulthood. *Journal of Personality & Social Psychology*, 78, 158–72.
- Caspi, A., McClay, J., Moffitt, T. E., Mill, J., Martin, J., Craig, I. W., Taylor, A., & Poulton, R. 2002. Evidence that the cycle of violence in maltreated children depends on genotype. *Science*, 297, 727–42.
- Cavalli-Sforza, L. L. 2000. *Genes, peoples, and languages*. New York: North Point Press.
- Cederman, L.-E. 2001. Back to Kant: Reinterpreting the democratic peace as a macrohistorical learning process. *American Political Science Review*, 95, 15–31.
- Cederman, L.-E. 2003. Modeling the size of wars: From billiard balls to sandpiles. *American Political Science Review*, 97, 135–50.
- Center for Systemic Peace. 2010. Integrated network for societal conflict research data page. <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>.
- Centola, D., Willer, R., & Macy, M. 2005. The emperor's dilemma: A computational model of self-enforcing norms. *American Journal of Sociology*, 110, 1009–40.
- Central Intelligence Agency. 2010. *The world factbook*. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>.
- Chabris, C. F., Laibson, D., Morris, C. L., Schuldt, J. P., & Taubinsky, D. 2008. Individual laboratory-measured discount rates predict field behavior. *Journal of Risk & Uncertainty*, 37, 237–69.
- Chagnon, N. A. 1988. Life histories, blood revenge, and warfare in a tribal population. *Science*, 239, 985–92.
- Chagnon, N. A. 1996. Chronic problems in understanding tribal violence and warfare. In G. Bock & J. Goode, eds., *The genetics of criminal and antisocial behavior*. New York: Wiley.
- Chagnon, N. A. 1997. *Yanomamö*, 5th ed. New York: Harcourt Brace.
- Chalk, F., & Jonassohn, K. 1990. *The history and sociology of genocide: Analyses and case studies*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Check, J. V. P., & Malamuth, N. 1985. An empirical assessment of some feminist hypotheses about rape. *International Journal of Women's Studies*, 8, 414–23.
- Chernow, R. 2004. *Alexander Hamilton*. New York: Penguin.
- Chiang, M. C., Barysheva, M., Shattuck, D. W., Lee, A. D., Madsen, S. K., Avedissian, C., Klunder, A. D., Toga, A. W., McMahon, K. L., de Zubicaray, G. I., Wright, M. J., Srivastava, A., Balov, N., & Thompson,

- P. M. 2009. Genetics of brain fiber architecture and intellectual performance. *Journal of Neuroscience*, 29, 2212–24.
- China (Taiwan), Republic of, Department of Statistics, Ministry of the Interior. 2000. The analysis and comparison on statistics of criminal cases in various countries. https://www.moi.gov.tw/files/site_node_file/7334/89criminal.htm.
- Chirot, D. 1994. *Modern tyrants*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Chirot, D. 1995. Modernism without liberalism: The ideological roots of modern tyranny. *Contention*, 5, 141–82.
- Chirot, D., & McCauley, C. 2006. *Why not kill them all? The logic and prevention of mass political murder*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Chu, R., Rivera, C., & Loftin, C. 2000. Herding and homicide: An examination of the Nisbett- Reeves hypothesis. *Social Forces*, 78, 971–87.
- Chwe, M. S.-Y. 2001. *Rational ritual: Culture, coordination, and common knowledge*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Claeys, G. 2000. “The survival of the fittest” and the origins of Social Darwinism. *Journal of the History of Ideas*, 61, 223–40.
- Clark, G. 2007a. *A farewell to alms: A brief economic history of the world*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Clark, G. 2007b. Genetically capitalist? The Malthusian era and the formation of modern preferences. <http://faculty.econ.ucdavis.edu/faculty/gclark/papers/Capitalism%20Genes.pdf>.
- Clark, M. S., Mills, J., & Powell, M. C. 1986. Keeping track of needs in communal and exchange relationships. *Journal of Personality & Social Psychology*, 51, 333–38.
- Clauset, A., & Young, M. 2005. Scale invariance in global terrorism. <http://arxiv.org/abs/physics/0502014>.
- Clauset, A., Young, M., & Gleditsch, K. S. 2007. On the frequency of severe terrorist events. *Journal of Conflict Resolution*, 51, 58–87.
- Cleaver, E. 1968/1999. *Soul on ice*. New York: Random House.
- Cloninger, C. R., & Gottesman, I. I. 1987. Genetic and environmental factors in antisocial behavior disorders. In S. A. Mednick, T. E. Moffitt, & S. A. Stack, eds., *The causes of crime: New biological approaches*. New York: Cambridge University Press.
- Clutton-Brock, T. 2007. Sexual selection in males and females. *Science*, 318, 1882–85.
- Cochran, G., & Harpending, H. 2009. *The 10,000 year explosion: How civilization accelerated human evolution*. New York: Basic Books.
- Cockburn, J. S. 1991. Patterns of violence in English society: Homicide in Kent, 1560–1985. *Past & Present*, 130, 70–106.

- Coghlan, B., Ngoy, P., Mulumba, F., Hardy, C., Bemo, V. N., Stewart, T., Lewis, J., & Brennan, R. 2008. *Mortality in the Democratic Republic of Congo: An ongoing crisis*. New York: International Rescue Committee. https://www.rescue.org/sites/default/files/document/661/2006-7c_ongomortalitysurvey.pdf.
- Cohen, D., & Nisbett, R. E. 1997. Field experiments examining the culture of honor: The role of institutions in perpetuating norms about violence. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 23, 1188–99.
- Cohen, D., Nisbett, R. E., Bowdle, B., & Schwarz, N. 1996. Insult, aggression, and the southern culture of honor: An “experimental ethnography.” *Journal of Personality & Social Psychology*, 20, 945–60.
- Cole, M., Gay, J., Glick, J., & Sharp, D. W. 1971. *The cultural context of learning and thinking*. New York: Basic Books.
- Collier, P. 2007. *The bottom billion: Why the poorest countries are failing and what can be done about it*. New York: Oxford University Press.
- Collins, R. 2008. *Violence: A micro-sociological theory*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Cook, P. J., & Moore, M. H. 1999. Guns, gun control, and homicide. In M. D. Smith & M. A. Zahn, eds., *Homicide: A sourcebook of social research*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Cooney, M. 1997. The decline of elite homicide. *Criminology*, 35, 381–407.
- Cosmides, L., & Tooby, J. 1992. Cognitive adaptations for social exchange. In J. H. Barkow, L. Cosmides, & J. Tooby, eds., *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press.
- Côté, S. M., Vaillancourt, T., LeBlanc, J. C., Nagin, D. S., & Tremblay, R. E. 2006. The development of physical aggression from toddlerhood to pre-adolescence: A nationwide longitudinal study of Canadian children. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 34, 71–85.
- Courtois, S., Werth, N., Panné, J.-L., Paczkowski, A., Bartosek, K., & Margolin, J.-L. 1999. *The black book of communism: Crimes, terror, repression*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Courtwright, D. T. 1996. *Violent land: Single men and social disorder from the frontier to the inner city*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Courtwright, D. T. 2010. *No right turn: Conservative politics in a liberal America*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Crick, N. R., Ostrov, J. M., & Kawabata, Y. 2007. Relational aggression and gender: An overview. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Cronin, A. K. 2009. *How terrorism ends: Understanding the decline and demise of terrorist campaigns*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.

- Csibra, G. 2008. Action mirroring and action understanding: An alternative account. In P. Haggard, Y. Rosetti, & M. Kawamoto, eds., *Attention and performance XXII: Sensorimotor foundations of higher cognition*. New York: Oxford University Press.
- Cullen, D. 2009. *Columbine*. New York: Twelve.
- Curtis, V., & Biran, A. 2001. Dirt, disgust, and disease: Is hygiene in our genes? *Perspectives in Biology & Medicine*, 44, 17–31.
- Dabbs, J. M., & Dabbs, M. G. 2000. *Heroes, rogues, and lovers: Testosterone and behavior*. New York: McGraw Hill.
- Daly, M., Salmon, C., & Wilson, M. 1997. Kinship: The conceptual hole in psychological studies of social cognition and close relationships. In J. Simpson & D. Kenrick, eds., *Evolutionary social psychology*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Daly, M., & Wilson, M. 1983. *Sex, evolution, and behavior*, 2nd ed. Belmont, Calif.: Wadsworth.
- Daly, M., & Wilson, M. 1988. *Homicide*. New York: Aldine De Gruyter.
- Daly, M., & Wilson, M. 1999. *The truth about Cinderella: A Darwinian view of parental love*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Daly, M., & Wilson, M. 2000. Risk-taking, intrasexual competition, and homicide. *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Daly, M., & Wilson, M. 2005. Carpe diem: Adaptation and devaluing of the future. *Quarterly Review of Biology*, 80, 55–60.
- Daly, M., Wilson, M., & Vasdev, S. 2001. Income inequality and homicide rates in Canada and the United States. *Canadian Journal of Criminology*, 43, 219–36.
- Damasio, A. R. 1994. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: Putnam.
- Darnton, R. 1990. *The kiss of Lamourette: Reflections in cultural history*. New York: Norton.
- Darwin, C. R. 1874. *The descent of man, and selection in relation to sex*, 2nd ed. New York: Hurst & Co.
- Davies, N. 1981. *Human sacrifice in history and today*. New York: Morrow.
- Davies, P., Lee, L., Fox, A., & Fox, E. 2004. Could nursery rhymes cause violent behavior? A comparison with television viewing. *Archives of Diseases of Childhood*, 89, 1103–5.
- Davis, D. B. 1984. *Slavery and human progress*. New York: Oxford University Press.
- Dawkins, R. 1976/1989. *The selfish gene*, new ed. New York: Oxford University Press. Русский перевод: Докинз Р. ЭГОИСТИЧНЫЙ ГЕН. — М.: АСТ, 2013.
- Dawkins, R., & Brockmann, H. J. 1980. Do digger wasps commit the Concorde fallacy? *Animal Behavior*, 28, 892–96.

- de Quervain, D. J.-F., Fischbacher, U., Treyer, V., Schellhammer, M., Schnyder, U., Buck, A., & Fehr, E. 2004. The neural basis of altruistic punishment. *Science*, 305, 1254–58.
- de Swaan, A. 2001. Dycivilization, mass extermination, and the state. *Theory, Culture, & Society*, 18, 265–76.
- de Waal, F. B. M. 1996. *Good natured: The origins of right and wrong in humans and other animals*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- de Waal, F. B. M. 1998. *Chimpanzee politics: Power and sex among the apes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- de Waal, F. B. M. 2009. *The age of empathy: Nature's lessons for a kinder society*. New York: Harmony Books.
- de Waal, F. B. M., & Lanting, F. 1997. *Bonobo: The forgotten ape*. Berkeley: University of California Press.
- Deary, I. J. 2001. *Intelligence: A very short introduction*. New York: Oxford University Press.
- Deary, I. J., Batty, G. D., & Gale, C. R. 2008. Bright children become enlightened adults. *Psychological Science*, 19, 1–6.
- Death Penalty Information Center. *Death penalty for offenses other than murder*. <https://deathpenaltyinfo.org/facts-and-research/crimes-punishable-by-death/death-penalty-for-offenses-other-than-murder>.
- Death Penalty Information Center. *Facts about the death penalty*. <https://files.deathpenaltyinfo.org/documents/pdf/FactSheet.f1594301372.pdf>
- deMause, L. 1974. *The history of childhood*. New York: Harper Torchbooks.
- deMause, L. 1982. *Foundations of psychohistory*. New York: Creative Roots.
- deMause, L. 1998. The history of child abuse. *Journal of Psychohistory*, 25, 216–36.
- deMause, L. 2002. *The emotional life of nations*. New York: Karnac.
- deMause, L. 2008. The childhood origins of World War II and the Holocaust. *Journal of Psychohistory*, 36, 2–35.
- Dershowitz, A. M. 2004a. *Rights from wrongs: A secular theory of the origins of rights*. New York: Basic Books.
- Dershowitz, A. M. 2004b. Tortured reasoning. In S. Levinson, ed., *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Descartes, R. 1641/1967. Meditations on first philosophy. In R. Popkin, ed., *The philosophy of the 16th and 17th centuries*. New York: Free Press.
- Deutsch, M., & Gerard, G. B. 1955. A study of normative and informational social influence upon individual judgment. *Journal of Abnormal & Social Psychology*, 51, 629–36.
- DeVoe, J. F., Peter, K., Kaufman, P., Miller, A., Noonan, M., Snyder, T. D., & Baum, K. 2004. *Indicators of school crime and safety: 2004*.

- Washington, D. C.: National Center for Education Statistics and Bureau of Justice Statistics.
- Dewall, C., Baumeister, R. F., Stillman, T., & Gailliot, M. 2007. Violence restrained: Effects of self-regulation and its depletion on aggression. *Journal of Experimental Social Psychology*, 43, 62–76.
- Dewar Research. 2009. *Government statistics on domestic violence: Estimated prevalence of domestic violence*. Ascot, U. K.: Dewar Research. <http://www.dewar4research.org/DOCS/DVGovtStatsAug09.pdf>.
- di Pellegrino, G., Fadiga, L., Fogassi, L., Gallese, V., & Rizzolatti, G. 1992. Understanding motor events: a neurophysiological study. *Experimental Brain Research*, 91, 176–80.
- Diamond, J. M. 1997. *Guns, germs, and steel: The fates of human societies*. New York: Norton.
- Diamond, S. R. 1977. The effect of fear on the aggressive responses of anger-aroused and reventgemotivated subjects. *Journal of Psychology*, 95, 185–88.
- Divale, W. T. 1972. System population control in the Middle and Upper Paleolithic: Inferences based on contemporary hunter-gatherers. *World Archaeology*, 4, 222–43.
- Divale, W. T., & Harris, M. 1976. Population, warfare, and the male supremacist complex. *American Anthropologist*, 78, 521–38.
- Dobash, R. P., Dobash, R. E., Wilson, M., & Daly, M. 1992. The myth of sexual symmetry in marital violence. *Social Problems*, 39, 71–91.
- Dodds, G. G. 2003a. Political apologies and public discourse. In J. Rodin & S. P. Steinberg, eds., *Public discourse in America*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Dodds, G. G. 2003b. Political apologies: Chronological list. <http://reserve.mg2.org/apologies.htm>.
- Dodds, G. G. 2005. Political apologies since update of 01/23/03. Concordia University.
- Donohue, J. J., & Levitt, S. D. 2001. The impact of legalized abortion on crime. *Quarterly Journal of Economics*, 116, 379–420.
- Dostoevsky, F. 1880/2002. *The Brothers Karamazov*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Dreger, A. 2011. Darkness's descent on the American Anthropological Association: A cautionary tale. *Human Nature*. DOI 10. 1007/s12110-011-9103-y.
- Duckworth, A. L., & Seligman, M. E. P. 2005. Self-discipline outdoes IQ in predicting academic performance of adolescents. *Psychological Science*, 16, 939–44.
- Duerr, H.-P. 1988–97. *Der Mythos vom Zivilisationsprozess*, vols. 1–4. Frankfurt: Suhrkamp.
- Dulić, T. 2004a. A reply to Rummel. *Journal of Peace Research*, 41, 105–6.

- Dulić, T. 2004b. Tito's slaughterhouse: A critical analysis of Rummel's work on democide. *Journal of Peace Research*, 41, 85–102.
- Dworkin, A. 1993. *Letters from a war zone*. Chicago: Chicago Review Press.
- Easterbrook, G. 2003. *The progress paradox: How life gets better while people feel worse*. New York: Random House.
- Eck, K., & Hultman, L. 2007. Violence against civilians in war. *Journal of Peace Research*, 44, 233–46.
- Eckhardt, W. 1992. *Civilizations, empires, and wars*. Jefferson, N. C.: McFarland & Co.
- Edwards, W. D., Gabel, W. J., & Hosmer, F. 1986. On the physical death of Jesus Christ. *Journal of the American Medical Association*, 255, 1455–63.
- Ehrman, B. D. 2005. *Misquoting Jesus: The story behind who changed the Bible and why*. New York: HarperCollins.
- Eisner, M. 2001. Modernization, self-control, and lethal violence: The long-term dynamics of European homicide rates in theoretical perspective. *British Journal of Criminology*, 41, 618–38.
- Eisner, M. 2003. Long-term historical trends in violent crime. *Crime & Justice*, 30, 83–142.
- Eisner, M. 2008. Modernity strikes back? A historical perspective on the latest increase in interpersonal violence 1960–1990. *International Journal of Conflict & Violence*, 2, 288–316.
- Eisner, M. 2009. The uses of violence: An examination of some cross-cutting issues. *International Journal of Conflict & Violence*, 3, 40–59.
- Eisner, M. 2011. Killing kings: Patterns of regicide in Europe, 600–1800. *British Journal of Criminology*, 51, 556–77.
- Eley, T. C., Lichtenstein, P., & Stevenson, J. 1999. Sex differences in the etiology of aggressive and nonaggressive antisocial behavior: Results from two twin studies. *Child Development*, 70, 155–68.
- Elias, N. 1939/2000. *The civilizing process: Sociogenetic and psychogenetic investigations*, rev. ed. Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Ellickson, R. C. 1991. *Order without law: How neighbors settle disputes*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ellis, B. J. 1992. The evolution of sexual attraction: Evaluative mechanisms in women. In J. Barkow, L. Cosmides, & J. Tooby, eds., *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press.
- Eltis, D., & Richardson, D. 2010. *Atlas of the transatlantic slave trade*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Ember, C. 1978. Myths about hunter-gatherers. *Ethnology*, 27, 239–48.
- English, R. 2005. The sociology of new thinking: Elites, identity change, and the end of the Cold War. *Journal of Cold War Studies*, 7, 43–80.

- Ericksen, K. P., & Horton, H. 1992. "Blood feuds": Cross-cultural variation in kin group vengeance. *Behavioral Science Research*, 26, 57–85.
- Ericksen, R. P., & Heschel, S. 1999. *Betrayal: German churches and the Holocaust*. Minneapolis: Fortress Press.
- Esposito, J. L., & Mogahed, D. 2007. *Who speaks for Islam? What a billion Muslims really think*. New York: Gallup Press.
- Espy, M. W., & Smykla, J. O. 2002. Executions in the United States, 1608–2002. Death Penalty Information Center. <https://deathpenaltyinfo.org/executions/executions-overview/executions-in-the-u-s-1608-2002-the-espy-file>.
- Etcoff, N. L. 1999. *Survival of the prettiest: The science of beauty*. New York: Doubleday.
- Faris, S. 2007. Fool's gold. *Foreign Policy*, July.
- Farrington, D. P. 2007. Origins of violent behavior over the life span. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Fattah, K., & Fierke, K. M. 2009. A clash of emotions: The politics of humiliation and political violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*, 15, 67–93.
- Faust, D. 2008. *The republic of suffering: Death and the American Civil War*. New York: Vintage.
- Fearon, J. D., & Laitin, D. D. 1996. Explaining interethnic cooperation. *American Political Science Review*, 90, 715–35.
- Fearon, J. D., & Laitin, D. D. 2003. Ethnicity, insurgency, and civil war. *American Political Science Review*, 97, 75–90.
- Fehr, E., & Gächter, S. 2000. Fairness and retaliation: The economics of reciprocity. *Journal of Economic Perspectives*, 14, 159–81.
- Feingold, D. A. 2010. Trafficking in numbers: The social construction of human trafficking data. In P. Andreas & K. M. Greenhill, eds., *Sex, drugs, and body counts: The politics of numbers in global crime and conflict*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Feller, W. 1968. *An introduction to probability theory and its applications*. New York: Wiley.
- Felson, R. B. 1982. Impression management and the escalation of aggression and violence. *Social Psychology Quarterly*, 45, 245–54.
- Ferguson, N. 1998. *The pity of war: Explaining World War I*. New York: Basic Books.
- Ferguson, N. 2006. *The war of the world: Twentieth-century conflict and the descent of the West*. New York: Penguin.
- Fernández-Jalvo, Y., Diez, J. C., Bermúdez de Castro, J. M., Carbonell, E., & Arsuaga, J. L. 1996. Evidence of early cannibalism. *Science*, 271, 277–78.

- Festinger, L. 1957. *A theory of cognitive dissonance*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Finkelhor, D., Hammer, H., & Sedlak, A. J. 2002. *Nonfamily abducted children: National estimates and characteristics*. Washington, D. C.: U. S. Department of Justice, Office of Justice Programs: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention.
- Finkelhor, D., & Jones, L. 2006. Why have child maltreatment and child victimization declined? *Journal of Social Issues*, 62, 685–716.
- Fischer, H. 2008. *Iraqi civilian deaths estimates*. Washington, D. C.: Library of Congress.
- Fischer, K. P. 1998. *The history of an obsession: German Judeophobia and the Holocaust*. New York: Continuum.
- Fiske, A. P. 1991. *Structures of social life: The four elementary forms of human relations*. New York: Free Press.
- Fiske, A. P. 1992. The four elementary forms of sociality: Framework for a unified theory of social relations. *Psychological Review*, 99, 689–723.
- Fiske, A. P. 2004a. Four modes of constituting relationships: Consubstantial assimilation; space, magnitude, time, and force; concrete procedures; abstract symbolism. In N. Haslam, ed., *Relational models theory: A contemporary overview*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Fiske, A. P. 2004b. Relational models theory 2. 0. In N. Haslam, ed., *Relational models theory: A contemporary overview*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Fiske, A. P., & Tetlock, P. E. 1997. Taboo trade-offs: Reactions to transactions that transgress the spheres of justice. *Political Psychology*, 18, 255–97.
- Fiske, A. P., & Tetlock, P. E. 1999. Taboo trade-offs: Constitutive prerequisites for social life. In S. A. Renshon & J. Duckitt, eds., *Political psychology: Cultural and cross-cultural perspectives*. London: Macmillan.
- Fletcher, J. 1997. *Violence and civilization: An introduction to the work of Norbert Elias*. Cambridge, U. K.: Polity Press.
- Flynn, J. R. 1984. The mean IQ of Americans: Massive gains 1932 to 1978. *Psychological Bulletin*, 95, 29–51.
- Flynn, J. R. 1987. Massive IQ gains in 14 nations: What IQ tests really measure. *Psychological Bulletin*, 101, 171–91.
- Flynn, J. R. 2007. *What is intelligence?* Cambridge, U. K.: Cambridge University Press.
- Fodor, J. A., & Pylyshyn, Z. 1988. Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis. *Cognition*, 28, 3–71.
- Fogel, R. W., & Engerman, S. L. 1974. *Time on the cross: The economics of American Negro slavery*. Boston: Little, Brown & Co.
- Fone, B. 2000. *Homophobia: A history*. New York: Picador.

- Foote, C. L., & Goetz, C. F. 2008. The impact of legalized abortion on crime: Comment. *Quarterly Journal of Economics*, 123, 407–23.
- Ford, R., & Blegen, M. A. 1992. Offensive and defensive use of punitive tactics in explicit bargaining. *Social Psychology Quarterly*, 55, 351–62.
- Fortna, V. P. 2008. *Does peacekeeping work? Shaping belligerents' choices after civil war*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Fox, J. A., & Levin, J. 1999. Serial murder: Popular myths and empirical realities. In M. D. Smith & M. A. Zahn, eds., *Homicide: A sourcebook of social research*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Fox, J. A., & Zawitz, M. W. 2007. Homicide trends in the United States. <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/homicide/homtrnd.cfm>.
- Francis, N., & Kučera, H. 1982. *Frequency analysis of English usage: Lexicon and grammar*. Boston: Houghton Mifflin.
- Frank, R. H. 1988. *Passions within reason: The strategic role of the emotions*. New York: Norton.
- Freeman, D. 1999. *The fateful hoaxing of Margaret Mead: A historical analysis of her Samoan research*. Boulder, Colo.: Westview Press.
- French Ministry of Foreign Affairs. 2007. *The death penalty in France*. http://franceintheus.org/IMG/pdf/Death_penalty.pdf.
- Fukuyama, F. 1989. The end of history? *National Interest*, Summer.
- Fukuyama, F. 1999. *The great disruption: Human nature and the reconstitution of social order*. New York: Free Press.
- Furuichi, T., & Thompson, J. M. 2008. *The bonobos: Behavior, ecology, and conservation*. New York: Springer.
- Fuster, J. M. 2008. *The prefrontal cortex*, 4th ed. New York: Elsevier.
- Gabor, T. 1994. *Everybody does it! Crime by the public*. Toronto: University of Toronto Press.
- Gaddis, J. L. 1986. The long peace: Elements of stability in the postwar international system. *International Security*, 10, 99–142.
- Gaddis, J. L. 1989. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press.
- Gailliot, M. T., & Baumeister, R. F. 2007. Self-regulation and sexual restraint: Dispositionally and temporarily poor self-regulatory abilities contribute to failures at restraining sexual behavior. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 33, 173–86.
- Gailliot, M. T., Baumeister, R. F., Dewall, C. N., Maner, J. K., Plant, E. A., Tice, D. M., Brewer, L. E., & Schmeichel, B. J. 2007. Self-control relies on glucose as a limited energy source: Willpower is more than a metaphor. *Journal of Personality & Social Psychology*, 92, 325–36.
- Gallonio, A. 1903/2004. *Tortures and torments of the Christian martyrs*. Los Angeles: Feral House.
- Gallup. 2001. American attitudes toward homosexuality continue to become more tolerant. <https://news.gallup.com/poll/4432/America>

[n-Attitudes-Toward-Homosexuality-Continue-Become-More-Tolerant.aspx](#).

- Gallup. 2002. Acceptance of homosexuality: A youth movement. <https://news.gallup.com/poll/5341/acceptance-homosexuality-youth-movement.aspx>.
- Gallup. 2003. Public lukewarm on animal rights. <https://news.gallup.com/poll/8461/public-lukewarm-animal-rights.aspx>.
- Gallup. 2008. Americans evenly divided on morality of homosexuality. <https://news.gallup.com/poll/108115/americans-evenly-divided-morality-homosexuality.aspx>.
- Gallup. 2009. Knowing someone gay/lesbian affects views of gay issues. <https://news.gallup.com/poll/118931/knowning-someone-gay-lesbian-affects-views-gay-issues.aspx>.
- Gallup. 2010. Americans' acceptance of gay relations crosses 50% threshold. <https://news.gallup.com/poll/135764/americans-acceptance-gay-relations-crosses-threshold.aspx>.
- Gallup, A. 1999. *The Gallup poll cumulative index: Public opinion, 1935–1997*. Wilmington, Del.: Scholarly Resources. Gardner, D. 2008. *Risk: The science and politics of fear*. London: Virgin Books.
- Gardner, D. 2010. *Future babble: Why expert predictions fail — and why we believe them anyway*. New York: Dutton.
- Garrard, G. 2006. *Counter-Enlightenments: From the eighteenth century to the present*. New York: Routledge.
- Gartner, R. 2009. Homicide in Canada. In J. I. Ross, ed., *Violence in Canada: Sociopolitical perspectives*. Piscataway, N. J.: Transaction.
- Gartzke, E. 2007. The capitalist peace. *American Journal of Political Science*, 51, 166–91.
- Gartzke, E., & Hewitt, J. J. 2010. International crises and the capitalist peace. *International Interactions*, 36, 115–45.
- Gat, A. 2006. *War in human civilization*. New York: Oxford University Press.
- Gaulin, S. J. C., & McBurney, D. H. 2001. *Psychology: An evolutionary approach*. Upper Saddle River, N. J.: Prentice Hall.
- Gazzaniga, M. S. 2005. *The ethical brain*. New York: Dana Press.
- Geary, D. C. 2010. *Male, female: The evolution of human sex differences*, 2nd ed. Washington, D. C.: American Psychological Association.
- Geary, P. J. 2002. *The myth of nations: The medieval origins of Europe*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Gelman, S. A. 2005. *The essential child: Origins of essentialism in everyday thought*. New York: Oxford University Press.
- Genovese, J. E. C. 2002. Cognitive skills valued by educators: Historical content analysis of testing in Ohio. *Journal of Educational Research*, 96, 101–14.

- Ghosn, F., Palmer, G., & Bremer, S. 2004. The MID 3 Data Set, 1993–2001: Procedures, coding rules, and description. *Conflict Management & Peace Science*, 21, 133–54.
- Giancola, P. R. 2000. Executive functioning: A conceptual framework for alcohol-related aggression. *Experimental & Clinical Psychopharmacology*, 8, 576–97.
- Gibbons, A. 1997. Archeologists rediscover cannibals. *Science*, 277, 635–37.
- Gigerenzer, G. 2006. Out of the frying pan into the fi re: Behavioral reactions to terrorist attacks. *Risk Analysis*, 26, 347–51.
- Gigerenzer, G., & Murray, D. J. 1987. *Cognition as intuitive statistics*. Hillsdale, N. J.: Erlbaum.
- Gil-White, F. 1999. How thick is blood? *Ethnic & Racial Studies*, 22, 789–820.
- Gilad, Y. 2002. Evidence for positive selection and population structure at the human MAO-A gene. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 99, 862–67.
- Gilbert, S. J., Spengler, S., Simons, J. S., Steele, J. D., Lawrie, S. M., Frith, C. D., & Burgess, P. W. 2006. Functional specialization within rostral prefrontal cortex (Area 10): A meta- analysis. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 18, 932–48.
- Gilligan, C. 1982. *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Ginges, J., & Atran, S. 2008. Humiliation and the inertia effect: Implications for understanding violence and compromise in intractable intergroup conflicts. *Journal of Cognition & Culture*, 8, 281–94.
- Ginges, J., Atran, S., Medin, D., & Shikaki, K. 2007. Sacred bounds on rational resolution of violent political conflict. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 104, 7357–60.
- Girls Study Group. 2008. *Violence by teenage girls: Trends and context*. Washington, D. C.: U. S. Department of Justice: Office of Justice Programs. <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/ojjdp/218905.pdf>.
- Gleditsch, K. S. 2002. Expanded trade and GDP data. *Journal of Conflict Resolution*, 46, 712–24.
- Gleditsch, N. P. 1998. Armed conflict and the environment: A critique of the literature. *Journal of Peace Research*, 35, 381–400.
- Gleditsch, N. P. 2008. The liberal moment fifteen years on. *International Studies Quarterly*, 52, 691–712.
- Gleditsch, N. P., Hegre, H., & Strand, H. 2009. Democracy and civil war. In M. Midlarsky, ed., *Handbook of war studies III*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gleditsch, N. P., Wallensteen, P., Eriksson, M., Sollenberg, M., & Strand, H. 2002. Armed conflict 1946–2001: A new dataset. *Journal of Peace Research*, 39, 615–37.

- Global Zero Commission. 2010. *Global Zero action plan*. http://static.globzero.org/files/docs/GZAP_6.0.pdf.
- Glover, J. 1977. *Causing death and saving lives*. London: Penguin.
- Glover, J. 1999. *Humanity: A moral history of the twentieth century*. London: Jonathan Cape.
- Gochman, C. S., & Maoz, Z. 1984. Militarized interstate disputes, 1816–1976: Procedures, patterns, and insights. *Journal of Conflict Resolution*, 28, 585–616.
- Goffman, E. 1959. *The presentation of self in everyday life*. New York: Doubleday.
- Goklany, I. M. 2007. *The improving state of the world: Why we're living longer, healthier, more comfortable lives on a cleaner planet*. Washington, D. C.: Cato Institute.
- Goldhagen, D. J. 1996. *Hitler's willing executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. New York: Knopf.
- Goldhagen, D. J. 2009. *Worse than war: Genocide, eliminationism, and the ongoing assault on humanity*. New York: PublicAffairs.
- Goldstein, J. S. 2001. *War and gender*. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press.
- Goldstein, J. S. 2011. *Winning the war on war: The surprising decline in armed conflict worldwide*. New York: Dutton.
- Goldstein, J. S., & Pevehouse, J. C. 2009. *International relations*, 8th ed., 2008–2009 update. New York: Pearson Longman.
- Goldstein, R. N. 2006. *Betraying Spinoza: The renegade Jew who gave us modernity*. New York: Nextbook/Schocken.
- Gollwitzer, M., & Denzler, M. 2009. What makes revenge sweet: Seeing the offender suffer or delivering a message? *Journal of Experimental Social Psychology*, 45, 840–44.
- Goodall, J. 1986. *The chimpanzees of Gombe: Patterns of behavior*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Gopnik, Adam. 2004. The big one: Historians rethink the war to end all wars. *New Yorker* (August 23).
- Gopnik, Alison. 2007. Cells that read minds? What the myth of mirror neurons gets wrong about the human brain. *Slate* (April 26).
- Gordon, M. 2009. *Roots of empathy: Changing the world child by child*. New York: Experiment.
- Gorton, W., & Diels, J. 2010. Is political talk getting smarter? An analysis of presidential debates and the Flynn effect. *Public Understanding of Science* (March 18).
- Gottfredson, L. S. 1997a. Mainstream science on intelligence: An editorial with 52 signatories, history, and bibliography. *Intelligence*, 24, 13–23.
- Gottfredson, L. S. 1997b. Why g matters: The complexity of everyday life. *Intelligence*, 24, 79–132.

- Gottfredson, M. R. 2007. Self-control and criminal violence. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Gottfredson, M. R., & Hirschi, T. 1990. *A general theory of crime*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Gottschall, J. 2008. *The rape of Troy: Evolution, violence, and the world of Homer*. New York: Cambridge University Press.
- Gottschall, J., & Gottschall, R. 2003. Are per-incident rape-pregnancy rates higher than per-incident consensual pregnancy rates? *Human Nature*, 14, 1–20.
- Gould, S. J. 1980. A biological homage to Mickey Mouse. *The panda's thumb: More reflections in natural history*. New York: Norton.
- Gould, S. J. 1991. Glow, big glowworm. *Bully for brontosaurus*. New York: Norton.
- Graf zu Waldburg Wolfegg, C. 1988. *Venus and Mars: The world of the medieval housebook*. New York: Prestel.
- Graham-Kevan, N., & Archer, J. 2003. Intimate terrorism and common couple violence: A test of Johnson's predictions in four British samples. *Journal of Interpersonal Violence*, 18, 1247–70.
- Gray, H. M., Gray, K., & Wegner, D. M. 2007. Dimensions of mind perception. *Science*, 315, 619.
- Gray, P. B., & Young, S. M. 2010. Human-pet dynamics in cross-cultural perspective. *Anthrozoos* 1, 24, 17–30.
- Grayling, A. C. 2007. *Toward the light of liberty: The struggles for freedom and rights that made the modern Western world*. New York: Walker.
- Green, R. M. 2001. *The human embryo research debates: Bioethics in the vortex of controversy*. New York: Oxford University Press.
- Greene, D., ed. 2000. *Samuel Johnson: The major works*. New York: Oxford University Press.
- Greene, J. D. In press. *The moral brain and what to do with it*.
- Greene, J. D., & Haidt, J. 2002. How (and where) does moral judgment work? *Trends in Cognitive Science*, 6, 517–23.
- Greene, J. D., Sommerville, R. B., Nystrom, L. E., Darley, J. M., & Cohen, J. D. 2001. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment. *Science*, 293, 2105–8.
- Greenfield, P. M. 2009. Technology and informal education: What is taught, and what is learned. *Science*, 323, 69–71.
- Groebner, V. 1995. Losing face, saving face: Noses and honour in the late medieval town. *History Workshop Journal*, 40, 1–15.
- Gross, C. G. 2009. Early steps toward animal rights. *Science*, 324, 466–67.
- Grossman, L.C.D. 1995. *On killing: The psychological cost of learning to kill in war and society*. New York: Back Bay Books.

- Guo, G., Ou, X.-M., Roettger, M., & Shih, J. C. 2008a. The VNTR 2 repeat in MAOA and delinquent behavior in adolescence and young adulthood: Associations and MAOA promoter activity. *European Journal of Human Genetics*, *16*, 626–34.
- Guo, G., Roettger, M. E., & Cai, T. 2008b. The integration of genetic propensities into social-control models of delinquency and violence among male youths. *American Sociological Review*, *73*, 543–68.
- Guo, G., Roettger, M. E., & Shih, J. C. 2007. Contributions of the DAT1 and DRD2 genes to serious and violent delinquency among adolescents and young adults. *Human Genetics*, *121*, 125–36.
- Gurr, T. R. 1981. Historical trends in violent crime: A critical review of the evidence. In N. Morris & M. Tonry, eds., *Crime and justice*, vol. 3. Chicago: University of Chicago Press.
- Gurr, T. R. 1989a. Historical trends in violent crime: Europe and the United States. In T. R. Gurr, ed., *Violence in America*, vol. 1: *The history of crime*. Newbury Park, Calif.: Sage.
- Gurr, T. R., ed. 1989b. *Violence in America*, vol. 1. London: Sage.
- Gurr, T. R., & Monty, M. G. 2000. Assessing the risks of future ethnic wars. In T. R. Gurr, ed., *Peoples versus states*. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press.
- Hagen, E. H. 1999. The functions of postpartum depression. *Evolution & Human Behavior*, *20*, 325–59.
- Hagger, M., Wood, C., Stiff, C., & Chatzisarantis, N. L. D. 2010. Ego depletion and the strength model of self-control: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, *136*, 495–525.
- Haidt, J. 2001. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological Review*, *108*, 813–34.
- Haidt, J. 2002. The moral emotions. In R. J. Davidson, K. R. Scherer, & H. H. Goldsmith, eds., *Handbook of affective sciences*. New York: Oxford University Press.
- Haidt, J. 2007. The new synthesis in moral psychology. *Science*, *316*, 998–1002.
- Haidt, J., Bjorklund, F., & Murphy, S. 2000. Moral dumbfounding: When intuition finds no reason. University of Virginia.
- Haidt, J., & Graham, J. 2007. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize. *Social Justice Research*, *20*, 98–116.
- Haidt, J., & Hersh, M. A. 2001. Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals. *Journal of Applied Social Psychology*, *31*, 191–221.
- Haidt, J., Koller, H., & Dias, M. G. 1993. Affect, culture, and morality, or is it wrong to eat your dog? *Journal of Personality & Social Psychology*, *65*, 613–28.
- Hakemulder, J. F. 2000. *The moral laboratory: Experiments examining the effects of reading literature on social perception and moral self-concept*.

Philadelphia: J. Benjamins.

- Hallissy, M. 1987. *Venomous woman: Fear of the female in literature*. Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Halpern, D. F. 2000. *Sex differences in cognitive abilities*, 3rd ed. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Hamer, D. H., & Copeland, P. 1994. *The science of desire: The search for the gay gene and the biology of behavior*. New York: Simon & Schuster.
- Hamilton, W. D. 1963. The evolution of altruistic behavior. *American Naturalist*, 97, 354–56.
- Hanawalt, B. A. 1976. Violent death in 14th and early 15th-century England. *Contemporary Studies in Society & History*, 18, 297–320.
- Hanlon, G. 2007. *Human nature in rural Tuscany: An early modern history*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hardin, G. 1968. The tragedy of the commons. *Science*, 162, 1243–48.
- Hare, R. D. 1993. *Without conscience: The disturbing world of the psychopaths around us*. New York: Guilford Press.
- Harff, B. 2003. No lessons learned from the Holocaust? Assessing the risks of genocide and political mass murder since 1955. *American Political Science Review*, 97, 57–73.
- Harff, B. 2005. Assessing risks of genocide and politicide. In M. G. Marshall & T. R. Gurr, eds., *Peace and conflict 2005: A global survey of armed conflicts, self-determination movements, and democracy*. College Park, Md.: Center for International Development & Conflict Management, University of Maryland.
- Harlow, C. W. 2005. *Hate crime reported by victims and police*. Washington, D. C.: U. S. Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. <http://www.bjs.gov/content/pub/pdf/hcrvp.pdf>.
- Harris, J. R. 1998/2008. *The nurture assumption: Why children turn out the way they do*, 2nd ed. New York: Free Press.
- Harris, J. R. 2006. *No two alike: Human nature and human individuality*. New York: Norton.
- Harris, M. 1975. *Culture, people, nature*, 2nd ed. New York: Crowell.
- Harris, M. 1985. *Good to eat: Riddles of food and culture*. New York: Simon & Schuster.
- Harris, S. 2010. *The moral landscape: How science can determine human values*. New York: Free Press.
- Haslam, N. 2006. Dehumanization: An integrative review. *Personality & Social Psychology Review*, 10, 252–64.
- Haslam, N., ed. 2004. *Relational models theory: A contemporary overview*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Haslam, N., Rothschild, L., & Ernst, D. 2000. Essentialist beliefs about social categories. *British Journal of Social Psychology*, 39, 113–27.

- Hauser, M. D. 2000. *Wild minds: What animals really think*. New York: Henry Holt.
- Hawkes, K. 1981. A third explanation for female infanticide. *Human Ecology*, 9, 79–96.
- Hawkes, K. 2006. Life history theory and human evolution. In K. Hawkes and R. Paine, eds., *The evolution of human life history*. Oxford: SAR Press.
- Hayes, B. 2002. Statistics of deadly quarrels. *American Scientist*, 90, 10–15.
- Hegre, H. 2000. Development and the liberal peace: What does it take to be a trading state? *Journal of Peace Research*, 37, 5–30.
- Hegre, H., Ellingsen, T., Gates, S., & Gleditsch, N. P. 2001. Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and civil war 1816–1992. *American Political Science Review*, 95, 33–48.
- Heise, L., & Garcia-Moreno, C. 2002. Violence by intimate partners. In E. G. Krug, L. L. Dahlberg, J. A. Mercy, A. B. Zwi, & R. Lozano, eds., *World report on violence and health*. Geneva: World Health Organization.
- Held, R. 1986. *Inquisition: A selected survey of the collection of torture instruments from the Middle Ages to our times*. Aslockton, Notts, U. K.: Avon & Arno.
- Helmbold, R. 1998. How many interstate wars will there be in the decade 2000–2009? *Phalanx*, 31, 21–23.
- Henshaw, S. K. 1990. Induced abortion: A world review, 1990. *Family Planning Perspectives*, 22, 76–89.
- Herman, A. 1997. *The idea of decline in Western history*. New York: Free Press.
- Herrmann, B., Thöni, C., & Gächter, S. 2008a. Antisocial punishment across societies. *Science*, 319, 1362–67.
- Herrmann, B., Thöni, C., & Gächter, S. 2008b. Antisocial punishment across societies: Supporting online material. <http://www.umass.edu/preferen/You%20Must%20Read%20This/herrmann-thoni-gachter.pdf>.
- Herrnstein, R. J., & Murray, C. 1994. *The bell curve: Intelligence and class structure in American life*. New York: Free Press.
- Herzog, H. 2010. *Some we love, some we hate, some we eat: Why it's so hard to think straight about animals*. New York: HarperCollins.
- Heschel, S. 2008. *The Aryan Jesus: Christian theologians and the Bible in Nazi Germany*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Hewitt, J. J., Wilkenfeld, J., & Gurr, T. R., eds. 2008. *Peace and conflict 2008*. Boulder, Colo.: Paradigm.
- Hewstone, M., Rubin, M., & Willis, H. 2002. Intergroup bias. *Annual Review of Psychology*, 53, 575–604.
- Heywood, C. 2001. *A history of childhood*. Malden, Mass.: Polity.

- Hickok, G. 2009. Eight problems for the mirror neuron theory of action understanding in monkeys and humans. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 21, 1229–43.
- Hill, J., Inder, T., Neil, J., Dierker, D., Harwell, J., & Van Essen, D. 2010. Similar patterns of cortical expansion during human development and evolution. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 13135–40.
- Himmelfarb, M. 1984. No Hitler, no Holocaust. *Commentary*, March, 37–43.
- Hirschfeld, A. O. 1996. *Race in the making: Cognition, culture, and the child's construction of human kinds*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hirschi, T., & Gottfredson, M. R. 2000. In defense of self-control. *Theoretical Criminology*, 4, 55–69.
- Hitchcock, E., & Cairns, V. 1973. Amygdalotomy. *Postgraduate Medical Journal*, 49, 894–904.
- Hoban, J. E. 2007. The ethical marine warrior: Achieving a higher standard. *Marine Corps Gazette* (September), 36–40.
- Hoban, J. E. 2010. Developing the ethical marine warrior. *Marine Corps Gazette* (June), 20–25.
- Hobbes, T. 1651/1957. *Leviathan*. New York: Oxford University Press.
- Hodges, A. 1983. *Alan Turing: The enigma*. New York: Simon & Schuster.
- Hoffman, M. L. 2000. *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press.
- Hofstadter, D. R. 1985. Dilemmas for superrational thinkers, leading up to a Luring lottery. In *Metamagical themas: Questing for the essence of mind and pattern*. New York: Basic Books.
- Hofstede, G., & Hofstede, G. J. 2010. Dimensions of national cultures. http://my.uopeople.edu/pluginfile.php/57436/mod_book/chapter/38890/BUS2207U2Text2.pdf.
- Holden, C. 2008. Parsing the genetics of behavior. *Science*, 322, 892–95.
- Holsti, K. J. 1986. The horsemen of the apocalypse: At the gate, detoured, or retreating? *International Studies Quarterly*, 30, 355–72.
- Holsti, K. J. 1991. *Peace and war: Armed conflicts and international order 1648–1989*. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press.
- Homer. 2003. *The Iliad*, trans. E. V. Rieu & P. Jones. New York: Penguin.
- Horowitz, D. L. 2001. *The deadly ethnic riot*. Berkeley: University of California Press.
- Howard, M. 1991. *The lessons of history*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Howard, M. 2001. *The invention of peace and the reinvention of war*. London: Profile.
- Howard, M. 2007. *Liberation or catastrophe? Reflections on the history of the twentieth century*. London: Continuum.

- Hoyle, R. H., Pinkley, R. L., & Insko, C. A. 1989. Perceptions of social behavior: Evidence of differing expectations for interpersonal and intergroup interaction. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 15, 365–76.
- Hrdy, S. B. 1999. *Mother nature: A history of mothers, infants, and natural selection*. New York: Pantheon.
- Hudson, V. M., & den Boer, A. D. 2002. A surplus of men, a deficit of peace: Security and sex ratios in Asia's largest states. *International Security*, 26, 5–38.
- Hughes, G. 1991. *Swearing: A social history of foul language, oaths, and profanity in English*. New York: Penguin.
- Human Rights First. 2008. *Violence against Muslims: 2008 hate crime survey*. New York: Human Rights First.
- Human Rights Watch. 2008. *A violent education: Corporal punishment of children in U. S. public schools*. New York: Human Rights Watch.
- Human Security Centre. 2005. *Human Security Report 2005: War and peace in the 21st century*. New York: Oxford University Press.
- Human Security Centre. 2006. *Human Security Brief 2006*. Vancouver, B. C.: Human Security Centre.
- Human Security Report Project. 2007. *Human Security Brief 2007*. Vancouver, B. C.: Human Security Report Project.
- Human Security Report Project. 2008. *MiniAtlas of human security*. Washington, D.C.: World Bank.
- Human Security Report Project. 2009. *Human Security Report 2009: The shrinking costs of war*. New York: Oxford University Press.
- Human Security Report Project. 2011. *Human Security Report 2009/2010: The causes of peace and the shrinking costs of war*. New York: Oxford University Press.
- Hume, D. 1739/2000. *A treatise of human nature*. New York: Oxford University Press.
- Hume, D. 1751/2004. *An enquiry concerning the principles of morals*. Amherst, N. Y.: Prometheus Books.
- Humphrey, R. L. 1992. *Values for a new millennium*. Maynardville, Tenn.: Life Values Press.
- Hunt, L. 2007. *Inventing human rights: A history*. New York: Norton.
- Huntington, S. P. 1993. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Под общ. ред. К. Королева; пер. с англ. Ю. Новикова, Т. Велимеева. — М.: АСТ, 2003 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3893>.
- Hurford, J. R. 2004. Language beyond our grasp: What mirror neurons can, and cannot, do for language evolution. In D. K. Oller & U. Griebel, eds., *Evolution of communication systems: A comparative approach*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

- Huth, P., & Russett, B. 1984. What makes deterrence work? Cases from 1900 to 1980. *World Politics*, 36, 496–526.
- Hynes, L. In press. Routine infanticide by married couples in Parma, 16th–18th century. *Journal of Early Modern History*.
- Iacoboni, M. 2008. *Mirroring people: The new science of how we connect with others*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Iacoboni, M., Woods, R. P., Brass, M., Bekkering, H., Mazziotta, J. C., & Rizzolatti, G. 1999. Cortical mechanisms of human imitation. *Science*, 286, 2526–28.
- Ingle, D. 2004. Recreational fighting. In G. S. Cross, ed., *Encyclopedia of recreation and leisure in America*. New York: Scribner.
- International Institute for Strategic Studies. 2010. *The military balance 2010*. London: Routledge.
- Jacob, P., & Jeannerod, M. 2005. The motor theory of social cognition: A critique. *Trends in Cognitive Sciences*, 9, 21–25.
- Jaggar, A. M. 1983. *Feminist politics and human nature*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.
- James, W. 1906/1971. The moral equivalent of war. *The moral equivalent of war and other essays*. New York: Harper & Row.
- James, W. 1977. On a certain blindness in human beings. In J. J. McDermott, ed., *The writings of William James*. Chicago: University of Chicago Press.
- Janis, I. L. 1982. *Groupthink: Psychological studies of policy decisions and fiascoes*, 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin.
- Jansson, K. 2007. *British crime survey: Measuring crime for 25 years*. London: U. K. Home Office.
- Jensen, J., Smith, A. J., Willeit, M., Crawley, A. P., Mikulis, D. J., Vitcu, I., & Kapur, S. 2007. Separate brain regions code for salience versus valence during reward prediction in humans. *Human Brain Mapping*, 28, 294–302.
- Jervis, R. 1988. The political effects of nuclear weapons. *International Security*, 13, 80–90.
- Johnson, D. D. P. 2004. *Overconfidence and war: The havoc and glory of positive illusions*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Johnson, D. D. P., McDermott, R., Barrett, E. S., Cowden, J., Wrangham, R., McIntyre, M. H., & Rosen, S. P. 2006. Overconfidence in war games: Experimental evidence on expectations, aggression, gender and testosterone. *Proceedings of the Royal Society B*, 273, 2513–20.
- Johnson, E. A., & Monkkonen, E. H. 1996. *The civilization of crime*. Urbana: University of Illinois Press.
- Johnson, E. J., Hershey, J., Meszaros, J., & Kunreuther, H. 1993. Framing, probability distortions, and insurance decisions. *Journal of Risk & Uncertainty*, 7, 35–41.

- Johnson, E. M. 2010. Deconstructing social Darwinism. *Primate Diaries*. <https://scienceblogs.com/primatediaries/2010/01/05/deconstructing-social-darwinis>.
- Johnson, G. R., Ratwik, S. H., & Sawyer, T. J. 1987. The evocative significance of kin terms in patriotic speech. In V. Reynolds, V. Falger & I. Vine, eds., *The sociobiology of ethnocentrism*. London: Croon Helm.
- Johnson, I. M., & Sigler, R. T. 2000. The stability of the public's endorsements of the definition and criminalization of the abuse of women. *Journal of Criminal Justice*, 28, 165–79.
- Johnson, M. P. 2006. Conflict and control: Gender symmetry and asymmetry in domestic violence. *Violence Against Women*, 12, 1003–18.
- Johnson, M. P., & Leone, J. M. 2005. The differential effects of intimate terrorism and situational couple violence: Findings from the National Violence Against Women Survey. *Journal of Family Issues*, 26, 322–49.
- Johnson, N. F., Spagat, M., Gourley, S., Onnela, J.-P., & Reinert, G. 2008. Bias in epidemiological studies of conflict mortality. *Journal of Peace Research*, 45, 653–63.
- Johnson, R., & Raphael, S. 2006. How much crime reduction does the marginal prisoner buy? University of California, Berkeley.
- Jones, D. M., Bremer, S., & Singer, J. D. 1996. Militarized interstate disputes, 1816–1992: Rationale, coding rules, and empirical patterns. *Conflict Management & Peace Science*, 15, 163–213.
- Jones, G. 2008. Are smarter groups more cooperative? Evidence from prisoner's dilemma experiments, 1959–2003. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 68, 489–97.
- Jones, L., & Finkelhor, D. 2007. *Updated trends in child maltreatment, 2007*. Durham, N. H.: Crimes Against Children Research Center, University of New Hampshire.
- Jones, O. D. 1999. Sex, culture, and the biology of rape: Toward explanation and prevention. *California Law Review*, 87, 827–942.
- Jones, O. D. 2000. Reconsidering rape. *National Law Journal*, A21.
- Joy, J. 2009. *Lindow Man*. London: British Museum Press.
- Joyce, T. 2004. Did legalized abortion lower crime? *Journal of Human Resources*, 39, 1–28.
- Jussim, L. J., McCauley, C. R., & Lee, Y.-T. 1995. Why study stereotype accuracy and inaccuracy? In Y.-T. Lee, L. J. Jussim, & C. R. McCauley, eds., *Stereotype accuracy: Toward appreciating group differences*. Washington, D. C.: American Psychological Association.
- Kaeuper, R. W. 2000. Chivalry and the “civilizing process.” In R. W. Kaeuper, ed., *Violence in medieval society*. Rochester, N. Y.: Boydell & Brewer.
- Kagan, R. 2002. Power and weakness. *Policy Review*, 113, 1–21.

- Kahneman, D., & Renshon, J. 2007. Why hawks win. *Foreign Policy*, December.
- Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A. 1982. *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. New York: Cambridge University Press.
- Kahneman, D., & Tversky, A. 1972. Subjective probability: A judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*, 3, 430–54.
- Kahneman, D., & Tversky, A. 1979. Prospect theory: An analysis of decisions under risk. *Econometrica*, 47, 313–27.
- Kahneman, D., & Tversky, A. 1984. Choices, values, and frames. *American Psychologist*, 39, 341–50.
- Kaldor, M. 1999. *New and old wars: Organized violence in a global era*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Kanazawa, S. 2010. Why liberals and atheists are more intelligent. *Social Psychology Quarterly*, 73, 33–57.
- Kane, K. 1999. Nits make lice: Drogheda, Sand Creek, and the poetics of colonial extermination. *Cultural Critique*, 42, 81–103.
- Kant, I. 1784/1970. Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose. In H. Reiss, ed., *Kant's political writings*. New York: Cambridge University Press.
- Kant, I. 1795/1983. Perpetual peace: A philosophical sketch. In *Perpetual peace and other essays*. Indianapolis: Hackett. Кант И. К вечному миру. Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 7.
- Kaplan, J. 1973. *Criminal justice: Introductory cases and materials*. Mineola, N. Y.: Foundation Press.
- Katz, L. 1987. *Bad acts and guilty minds: Conundrums of criminal law*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kay, S. 2000. The sublime body of the martyr. In R. W. Kaeuper, ed., *Violence in medieval society*. Woodbridge, U. K.: Boydell.
- Kaysen, C. 1990. Is war obsolete? *International Security*, 14, 42–64.
- Keegan, J. 1993. *A history of warfare*. New York: Vintage.
- Keeley, L. H. 1996. *War before civilization: The myth of the peaceful savage*. New York: Oxford University Press.
- Keen, S. 2007. *Empathy and the novel*. Oxford, U. K.: Oxford University Press.
- Keizer, K., Lindenberg, S., & Steg, L. 2008. The spreading of disorder. *Science*, 322, 1681–85.
- Keller, J. B. 1986. The probability of heads. *American Mathematical Monthly*, 93, 191–97.
- Kelman, H. C. 1973. Violence without moral restraint: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of Social Issues*, 29, 25–61.
- Kennedy, R. 1997. *Race, crime, and the law*. New York: Vintage.

- Kennedy, R. F. 1969/1999. *Thirteen days: A memoir of the Cuban missile crisis*. New York: Norton.
- Kenny, C. 2011. *Getting better: Why global development is succeeding — and how we can improve the world even more*. New York: Basic Books.
- Kenrick, D. T., & Sheets, V. 1994. Homicidal fantasies. *Ethology & Sociobiology*, *14*, 231–46.
- Kiernan, B. 2007. *Blood and soil: A world history of genocide and extermination from Sparta to Darfur*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Kim, S. H., Smirth, R. H., & Brigham, N. L. 1998. Effects of power imbalance and the presence of third parties on reactions to harm: Upward and downward revenge. *Personality & Social Psychology Bulletin*, *24*, 353–61.
- Kimmel, M. S. 2002. “Gender symmetry” in domestic violence. *Violence Against Women*, *8*, 1332–63.
- King, M. L., Jr. 1963/1995. Pilgrimage to nonviolence. In S. Lynd & A. Lynd, eds., *Nonviolence in America: A documentary history*. Maryknoll, N. Y.: Orbis Books.
- Kinner, S. 2003. Psychopathy as an adaptation: Implications for society and social policy. In R. W. Bloom & N. Dess, eds., *Evolutionary psychology and violence: A primer for policymakers and public policy advocates*. Westport, Conn.: Praeger.
- Kinzler, K. D., Shutts, K., DeJesus, J., & Spelke, E. S. 2009. Accent trumps race in guiding children’s social preferences. *Social Cognition*, *27*, 623–34.
- Kirby, K. N., & Herrnstein, R. J. 1995. Preference reversals due to myopic discounting of delayed reward. *Psychological Science*, *6*, 83–89.
- Kirby, K. N., Winston, G., & Santiesteban, M. 2005. Impatience and grades: Delay-discount rates correlate negatively with college GPA. *Learning and Individual Differences*, *15*, 213–22.
- Knauff, B. 1987. Reconsidering violence in simple human societies. *Current Anthropology*, *28*, 457–500.
- Koechlin, E., & Hyafil, A. 2007. Anterior prefrontal function and the limits of human decisionmaking. *Science*, *318*, 594–98.
- Koestler, A. 1964. *The act of creation*. New York: Dell.
- Kohl, M., ed. 1978. *Infanticide and the value of life*. Buffalo, N. Y.: Prometheus Books.
- Kohlberg, L. 1981. *The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice*. San Francisco: Harper & Row.
- Kors, A. C., & Silverglate, H. A. 1998. *The shadow university: The betrayal of liberty on America’s campuses*. New York: Free Press.
- Kosfeld, M., Heinrichs, M., Zak, P. J., Fischbacher, U., & Fehr, E. 2005. Oxytocin increases trust in humans. *Nature*, *435*, 673–76.

- Krebs, D. L. 1975. Empathy and altruism. *Journal of Personality & Social Psychology*, 32, 1134–46.
- Kreitman, M. 2000. Methods to detect selection in populations with applications to the human. *Annual Review of Genomics & Human Genetics*, 1, 539–59.
- Kreutz, J. 2008. *UCDP one-sided violence codebook version 1.3*. <https://ucdp.uu.se/downloads/old/os/ucdp-onesided-13-2011.pdf>.
- Krieken, R. V. 1998. Review article: What does it mean to be civilised? Norbert Elias on the Germans and modern barbarism. *Communal/Plural: Journal of Transnational & Cross-Cultural Studies*, 6, 225–33.
- Kringelbach, M. L. 2005. The human orbitofrontal cortex: Linking reward to hedonic experience. *Nature Reviews Neuroscience*, 6, 691–702.
- Kristine, E., & Hultman, L. 2007. One-sided violence against civilians in war: Insights from new fatality data. *Journal of Peace Research*, 44, 233–46.
- Kristof, N. D., & WuDunn, S. 2009. *Half the sky: Turning oppression into opportunity for women worldwide*. New York: Random House.
- Krug, E. G., Dahlberg, L. L., Mercy, J. A., Zwi, A. B., & Lozano, R., eds. 2002. *World report on violence and health*. Geneva: World Health Organization.
- Krystal, A. 2007. En garde! The history of dueling. *New Yorker* (March 12).
- Kugel, J. L. 2007. *How to read the Bible: A guide to scripture, then and now*. New York: Free Press.
- Kugler, J. 1984. Terror without deterrence. *Journal of Conflict Resolution*, 28, 470–506.
- Kurlansky, M. 2006. *Nonviolence: Twenty-five lessons from the history of a dangerous idea*. New York: Modern Library.
- Kurtz, D. V. 2001. Anthropology and the study of the state. *Political anthropology: Power and paradigms*. Boulder, Colo.: Westview Press.
- Kurzban, R. 2011. *Why everyone (else) is a hypocrite: Evolution and the modular mind*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Kurzban, R., Tooby, J., & Cosmides, L. 2001. Can race be erased? Coalitional computation and social categorization. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 98, 15387–92.
- Kyle, D. G. 1998. *Spectacles of death in ancient Rome*. New York: Routledge.
- La Griffe du Lion. 2000. Analysis of hate crime. *La Griffe du Lion*, 2(5). <http://lagriffedulion.f2s.com/hatecrime.htm>.
- Lacina, B. 2006. Explaining the severity of civil wars. *Journal of Conflict Resolution*, 50, 276–89.
- Lacina, B. 2009. *Battle Deaths Dataset 1946–2009: Codebook for version 3.0*. Center for the Study of Civil War, and International Peace Research Institute Oslo (PRIO).

- Lacina, B., & Gleditsch, N. P. 2005. Monitoring trends in global combat: A new dataset in battle deaths. *European Journal of Population*, 21, 145–66.
- Lacina, B., Gleditsch, N. P., & Russett, B. 2006. The declining risk of death in battle. *International Studies Quarterly*, 50, 673–80.
- LaFree, G. 1999. A summary and review of cross-national comparative studies of homicide. In M. D. Smith & M. A. Zahn, eds., *Homicide: A sourcebook of social research*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- LaFree, G., & Tseloni, A. 2006. Democracy and crime: A multilevel analysis of homicide trends in forty-four countries, 1950–2000. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 605, 25–49.
- Laibson, D. 1997. Golden eggs and hyperbolic discounting. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 443–77.
- Lalumiere, M. L., Harris, G. T., & Rice, M. E. 2001. Psychopathy and developmental instability. *Evolution and Human Behavior*, 22, 75–92.
- Lamm, C., Batson, C. D., & Decety, J. 2007. The neural substrate of human empathy: Effects of perspective-taking and cognitive appraisal. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 19, 42–58.
- Lane, R. 1989. On the social meaning of homicide trends in America. In T. R. Gurr, ed., *Violence in America*, vol. 1: *The history of crime*. Newbury Park, Calif.: Sage.
- Langbein, J. H. 2005. The legal history of torture. In S. Levinson, ed., *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Lanzetta, J. T., & Englis, B. G. 1989. Expectations of cooperation and competition and their effects on observers' vicarious emotional responses. *Journal of Personality & Social Psychology*, 56, 543–54.
- Latané, B., & Darley, J. M. 1970. *The unresponsive bystander: Why doesn't he help?* New York: Appleton-Century Crofts.
- Lea, R., & Chambers, G. 2007. Monoamine oxidase, addiction, and the “warrior” gene hypothesis. *Journal of the New Zealand Medical Association*, 120.
- LeBlanc, S. A. 2003. *Constant battles: The myth of the noble savage and a peaceful past*. New York: St. Martin's Press.
- Lebow, R. N. 2007. Contingency, catalysts, and nonlinear change: The origins of World War I. In J. S. Levy & G. Goertz, eds., *Explaining war and peace: Case studies and necessary condition counterfactuals*. New York: Routledge.
- Lee, J. J., & Pinker, S. 2010. Rationales for indirect speech: The theory of the strategic speaker. *Psychological Review*, 117, 785–807.
- Lee, R. 1982. Politics, sexual and non-sexual, in egalitarian society. In R. Lee & R. E. Leacock, eds., *Politics and history in band societies*. New York: Cambridge University Press.
- Lee, T. M. C., Chan, S. C., & Raine, A. 2008. Strong limbic and weak frontal activation to aggressive stimuli in spouse abusers. *Molecular Psychiatry*, 13, 655–60.

- Lee, Y.-T., Jussim, L. J., & McCauley, C. R., eds. 1995. *Stereotype accuracy: Toward appreciating group differences*. Washington, D. C.: American Psychological Association.
- Lehner, E., & Lehner, J. 1971. *Devils, demons, and witchcraft*. Mineola, N. Y.: Dover.
- Leiter, R. A., ed. 2007. *National survey of state laws*, 6th ed. Detroit: Thomson/Gale.
- Leland, A., & Oboroceanu, M.-J. 2010. *American war and military operations casualties: Lists and statistics*. https://www.everycrsreport.com/files/20100226_RL32492_ad8525ca31e0a52af48490e28222e085649687bd.pdf.
- Leonard, T. 2009. Origins of the myth of Social Darwinism: The ambiguous legacy of Richard Hofstadter's "Social Darwinism in American thought." *Journal of Economic Behavior & Organization*, 71, 37–59.
- LeVay, S. 2010. *Gay, straight, and the reason why: The science of sexual orientation*. New York: Oxford University Press.
- Levi, M. A. 2007. *On nuclear terrorism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Levi, W. 1981. *The coming end of war*. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications.
- Levinson, D. 1989. *Family violence in cross-cultural perspective*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Levinson, S., ed. 2004a. Contemplating torture: An introduction. In S. Levinson, ed., *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Levinson, S. 2004b. *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Levitt, S. D. 2004. Understanding why crime fell in the 1990s: Four factors that explain the decline and six that do not. *Journal of Economic Perspectives*, 18, 163–90.
- Levitt, S. D., & Miles, T. J. 2007. Empirical study of criminal punishment. In A. M. Polinsky & S. Shavell, eds., *Handbook of law and economics*, vol. 1. Amsterdam: Elsevier.
- Levy, J. S. 1983. *War in the modern great power system 1495–1975*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Levy, J. S., & Thompson, W. R. 2010. *Causes of war*. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell.
- Levy, J. S., & Thompson, W. R. 2011. *The arc of war: Origins, escalation, and transformation*. Chicago: University of Chicago Press.
- Levy, J. S., Walker, T. C., & Edwards, M. S. 2001. Continuity and change in the evolution of warfare. In Z. Maoz & A. Gat, eds., *War in a changing world*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lewis, B. 2002. *What went wrong? The clash between Islam and modernity in the Middle East*. New York: HarperPerennial.

- Lewis, D. K. 1969. *Convention: A philosophical study*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Liebenberg, L. 1990. *The art of tracking: The origin of science*. Cape Town, South Africa: David Philip.
- Lieberman, D., Tooby, J., & Cosmides, L. 2002. Does morality have a biological basis? An empirical test of the factors governing moral sentiments relating to incest. *Proceedings of the Royal Society of London B*, 270, 819–26.
- Lieberson, S. 2000. *A matter of taste: How names, fashions, and culture change*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Lighthart, L., Bartels, M., Hoekstra, R. A., Hudziak, J. J., & Boomsma, D. I. 2005. Genetic contributions to subtypes of aggression. *Twin Research & Human Genetics*, 8, 483–91.
- Lilla, M. 2001. *The reckless mind: Intellectuals in politics*. New York: New York Review of Books.
- Lindley, D., & Schildkraut, R. 2005. *Is war rational? The extent of miscalculation and misperception as causes of war*. Paper presented at the International Studies Association. <https://www3.nd.edu/~dlindley/handouts/APSA2003.htm>.
- Lindsay, J. M., & Takeyh, R. 2010. After Iran gets the bomb. *Foreign Affairs*.
- Linker, D. 2007. *The theocons: Secular America under siege*. New York: Anchor.
- Lodge, D. 1988. *Small world*. New York: Penguin.
- Loewen, J. W. 1995. *Lies my teacher told me: Everything your American history textbook got wrong*. New York: New Press.
- Long, W. J., & Brecke, P. 2003. *War and reconciliation: Reason and emotion in conflict resolution*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lorenz, K. 1950/1971. Part and parcel in animal and human societies. *Studies in animal and human behavior*, vol. 2. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Lott, J. 2007. Crime and punishment. *Freedomnomics: Why the free market works and other half-baked theories don't*. Washington, D. C.: Regnery.
- Lott, J. R., Jr., & Whitley, J. E. 2007. Abortion and crime: Unwanted children and out-of-wedlock births. *Economic Inquiry*, 45, 304–24.
- Luard, E. 1986. *War in international society*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Luard, E. 1988. *The blunted sword: The erosion of military power in modern world politics*. New York: New Amsterdam Books.
- Lull, T. F., ed. 2005. *Martin Luther's basic theological writings*. Minneapolis: Augsburg Fortress.
- Luria, A. R. 1976. *Cognitive development: Its cultural and social foundations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

- Lykken, D. T. 1995. *The antisocial personalities*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N. 1987. *The psychology of sex differences*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- MacDonald, H. 2006. New York cops: Still the finest. *City Journal*, 16.
- MacDonald, H. 2008. The campus rape myth. *City Journal*, 18.
- Macklin, R. 2003. Human dignity is a useless concept. *British Medical Journal*, 327, 1419–20.
- Macmillan, M. 2000. *An odd kind of fame: Stories of Phineas Gage*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Manning, R., Levine, M., & Collins, A. 2007. The Kitty Genovese murder and the social psychology of helping: The parable of the 38 witnesses. *American Psychologist*, 62, 555–62.
- Mannix, D. P. 1964. *The history of torture*. Sparkford, U. K.: Sutton.
- Mar, R. A., & Oatley, K. 2008. The function of fiction is the abstraction and simulation of social experience. *Perspectives on Psychological Science*, 3, 173–92.
- Mar, R. A., Oatley, K., Hirsh, J., dela Paz, J., & Peterson, J. B. 2006. Bookworms versus nerds: Exposure to fiction versus non-fiction, divergent associations with social ability, and the simulation of fictional social worlds. *Journal of Research in Personality*, 40, 694–717.
- Marshall, M. G., & Cole, B. R. 2008. Global report on conflict, governance, and state fragility, 2008. *Foreign Policy Bulletin*, 18, 3–21.
- Marshall, M. G., & Cole, B. R. 2009. *Global report 2009: Conflict, governance, and state fragility*. Arlington, Va.: George Mason University Center for Global Policy.
- Marshall, M. G., Gurr, T. R., & Harff, B. 2009. *PITF State Failure Problem Set: Internal wars and failures of governance 1955–2008. Dataset and coding guidelines*. Political Instability Task Force. <http://globalpolicy.gmu.edu/pitf/pitfdata.htm>.
- Marshall, S. L. A. 1947/1978. *Men against fire: The problem of battle command in future war*. Gloucester, Mass.: Peter Smith.
- Marvell, T. B. 1999. Homicide trends 1947–1996: Short-term versus long-term factors. *Proceedings of the Homicide Research Working Group Meetings, 1997 and 1998*. Washington, D. C.: U. S. Department of Justice.
- Massey, D. S., & Sampson, R., eds. 2009. Special issue: The Moynihan report revisited: Lessons and reflections after four decades. *Annals of the American Academy of Political & Social Science*, 621, 6–326.
- Maston, C. T. 2010. Survey methodology for criminal victimization in the United States, 2007. <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/pub/pdf/cvus/cvus07mt.pdf>.
- Mattingly, G. 1958. International diplomacy and international law. In R. B. Wernham, ed., *The New Cambridge Modern History*, vol. 3. New York: Cambridge University Press.

- Mauss, M. 1924/1990. *The gift: The form and reason for exchange in archaic societies*. New York: Norton.
- Maynard Smith, J. 1982. *Evolution and the theory of games*. New York: Cambridge University Press.
- Maynard Smith, J. 1988. *Games, sex, and evolution*. New York: Harvester Wheatsheaf.
- Maynard Smith, J. 1998. *Evolutionary genetics*, 2nd ed. New York: Oxford University Press.
- Maynard Smith, J., & Szathmáry, E. 1997. *The major transitions in evolution*. New York: Oxford University Press.
- McCall, G. S., & Shields, N. 2007. Examining the evidence from small-scale societies and early prehistory and implications for modern theories of aggression and violence. *Aggression and Violent Behavior*, 13, 1–9.
- McCauley, C. R. 1995. Are stereotypes exaggerated? A sampling of racial, gender, academic, occupational, and political stereotypes. In Y.-T. Lee, L. J. Jussim, & C. R. McCauley, eds., *Stereotype accuracy: Toward appreciating group differences*. Washington, D. C.: American Psychological Association.
- McClure, S. M., Laibson, D., Loewenstein, G., & Cohen, J. D. 2004. Separate neural systems value immediate and delayed monetary rewards. *Science*, 306, 503–7.
- McCrae, R. R., Costa, P. T., Ostendorf, F., Angleitner, A., Hrebickova, M., Avia, M. D., Sanz, J., Sanchez-Bernardos, M. L., Kusdil, M. E., Woodfield, R., Saunders, P. R., & Smith, P. B. 2000. Nature over nurture: Temperament, personality, and life span development. *Journal of Personality & Social Psychology*, 78, 173–86.
- McCullough, M. E. 2008. *Beyond revenge: The evolution of the forgiveness instinct*. San Francisco: Jossey-Bass.
- McCullough, M. E., Kurzban, R., & Tabak, B. A. 2010. Revenge, forgiveness, and evolution. In M. Mikulincer & P. R. Shaver, eds., *Understanding and reducing aggression, violence, and their consequences*. Washington, D.C.: American Psychological Association.
- McDermott, R., Johnson, D., Cowden, J., & Rosen, S. 2007. Testosterone and aggression in a simulated crisis game. *Annals of the American Association for Political & Social Science*, 614, 15–33.
- McDermott, R., Tingley, D., Cowden, J., Frazzetto, G., & Johnson, D. D. P. 2009. Monoamine oxidase A gene (MAOA) predicts behavioral aggression following provocation. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106, 2118–23.
- McDonald, P. J. 2010. Capitalism, commitment, and peace. *International Interactions*, 36, 146–68.
- McEvedy, C., & Jones, R. 1978. *Atlas of world population history*. London: A. Lane.

- McGinnis, J. O. 1996. The original constitution and our origins. *Harvard Journal of Law & Public Policy*, 19, 251–61.
- McGinnis, J. O. 1997. The human constitution and constitutive law: A prolegomenon. *Journal of Contemporary Legal Issues*, 8, 211–39.
- McGraw, A. P., & Tetlock, P. E. 2005. Taboo trade-offs, relational framing, and the acceptability of exchanges. *Journal of Consumer Psychology*, 15, 2–15.
- McGraw, L. A., & Young, L. J. 2010. The prairie vole: An emerging model organism for understanding the social brain. *Trends in Neurosciences*, 33, 103–9.
- McKay, C. 1841/1995. *Extraordinary popular delusions and the madness of crowds*. New York: Wiley.
- McManamon, F. P. 2004. Kennewick Man. *Archeology Program*. <http://www.nps.gov/archeology/kennewick/index.htm>.
- Mealey, L. 1995. The sociobiology of sociopathy: An integrated evolutionary model. *Behavioral & Brain Sciences*, 18, 523–41.
- Mealey, L., & Kinner, S. 2002. The perception-action model of empathy and psychopathic “coldheartedness.” *Behavioral & Brain Sciences*, 42, 42–43.
- Mednick, S. A., Gabrielli, W. F., & Hutchings, B. 1984. Genetic factors in criminal behavior: Evidence from an adoption cohort. *Science*, 224, 891–93.
- Melander, E., Oberg, M., & Hall, J. 2009. *Are “new wars” more atrocious?* Paper presented at the annual meeting of the International Studies Association: Exploring the Past, Anticipating the Future.
- Mennell, S. 1990. Decivilising processes: Theoretical significance and some lines of research. *International Sociology*, 5, 205–23.
- Mennell, S., & Goudsblom, J. 1997. Civilizing processes — myth or reality? A comment on Duerr’s critique of Elias. *Comparative Studies in Society & History*, 39, 729–33.
- Menschenfreund, Y. 2010. The holocaust and the trial of modernity. *Azure*, 39, 58–83.
- Merriman, T., & Cameron, V. 2007. Risk-taking: Behind the warrior gene story. *Journal of the New Zealand Medical Association*, 120.
- Mesquida, C. G., & Wiener, N. I. 1996. Human collective aggression: A behavioral ecology perspective. *Ethology & Sociobiology*, 17, 247–62.
- Metcalf, J., & Mischel, W. 1999. A hot/cool system analysis of delay of gratification: Dynamics of willpower. *Psychological Review*, 106, 3–19.
- Meyer-Lindenberg, A. 2006. Neural mechanisms of genetic risk for impulsivity and violence in humans. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 103, 6269–74.
- Michel, J.-B., Shen, Y. K., Aiden, A. P., Veres, A., Gray, M. K., The Google Books Team, Pickett, J. P., Hoiberg, D., Clancy, D., Norvig, P., Orwant, J., Pinker, S., Nowak, M., & Lieberman-Aiden, E. 2011. Quantitative

- analysis of culture using millions of digitized books. *Science*, 331, 176–82.
- Milgram, S. 1974. *Obedience to authority: An experimental view*. New York: Harper & Row.
- Milner, L. S. 2000. *Hardness of heart / Hardness of life: The stain of human infanticide*. New York: University Press of America.
- Mischel, W., Ayduk, O., Berman, M. G., Casey, B. J., Gotlib, I., Jonides, J., Kross, E., Teslovich, T., Wilson, N., Zayas, V., & Shoda, Y. I. In press. “Willpower” over the life span: Decomposing impulse control. *Social Cognitive & Affective Neuroscience*.
- Mitani, J. C., Watts, D. P., & Amsler, S. J. 2010. Lethal intergroup aggression leads to territorial expansion in wild chimpanzees. *Current Biology*, 20, R507–8.
- Mitzenmacher, M. 2004. A brief history of generative models for power laws and lognormal distributions. *Internet Mathematics*, 1, 226–51.
- Mitzenmacher, M. 2006. Editorial: The future of power law research. *Internet Mathematics*, 2, 525–34.
- Mnookin, R. H. 2007. Ethnic conflicts: Flemings and Walloons, Palestinians and Israelis. *Daedalus*, 136, 103–19.
- Mogahed, D. 2006. *Perspectives of women in the Muslim world*. Washington, D. C.: Gallup.
- Moll, J., de Oliveira-Souza, R., & Eslinger, P. J. 2003. Morals and the human brain: A working model. *NeuroReport*, 14, 299–305.
- Moll, J., Zahn, R., de Oliveira-Souza, R., Krueger, F., & Grafman, J. 2005. The neural basis of human moral cognition. *Nature Reviews Neuroscience*, 6, 799–809.
- Monkkonen, E. 1989. Diverging homicide rates: England and the United States, 1850–1875. In T. R. Gurr, ed., *Violence in America*, vol. 1: *The history of crime*. Newbury Park, Calif.: Sage.
- Monkkonen, E. 1997. Homicide over the centuries. In L. M. Friedman & G. Fisher, eds., *The crime conundrum: Essays on criminal justice*. Boulder, Colo.: Westview Press.
- Monkkonen, E. 2001. *Murder in New York City*. Berkeley: University of California Press.
- Montesquieu. 1748/2002. *The spirit of the laws*. Amherst, N. Y.: Prometheus Books.
- Moore, S., & Simon, J. L. 2000. *It's getting better all the time: Greatest trends of the last 100 years*. Washington, D.C.: Cato Institute.
- Morgan, J. 1852/1979. *The life and adventures of William Buckley: Thirty-two years as a wanderer amongst the aborigines*. Canberra: Australia National University Press.
- Mousseau, M. 2010. Coming to terms with the capitalist peace. *International Interactions*, 36, 185–92.

- Moynihan, D. P. 1993. *Pandaemonium: Ethnicity in international politics*. New York: Oxford University Press.
- Muchembled, R. 2009. *Une histoire de la violence*. Paris: Seuil.
- Mueller, J. 1989. *Retreat from doomsday: The obsolescence of major war*. New York: Basic Books.
- Mueller, J. 1995. *Quiet cataclysm: Reflections on the recent transformation of world politics*. New York: HarperCollins.
- Mueller, J. 1999. *Capitalism, democracy, and Ralph's Pretty Good Grocery*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Mueller, J. 2004a. *The remnants of war*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Mueller, J. 2004b. Why isn't there more violence? *Security Studies*, 13, 191–203.
- Mueller, J. 2006. *Overblown: How politicians and the terrorism industry inflate national security threats, and why we believe them*. New York: Free Press.
- Mueller, J. 2007. The demise of war and of speculations about the causes thereof. Paper presented at the national convention of the International Studies Association.
- Mueller, J. 2010a. *Atomic obsession: Nuclear alarmism from Hiroshima to Al-Qaeda*. New York: Oxford University Press.
- Mueller, J. 2010b. Capitalism, peace, and the historical movement of ideas. *International Interactions*, 36, 169–84.
- Mueller, J., & Lustick, I. 2008. Israel's fight-or-flight response. *National Interest* (November 1).
- Murphy, J. P. M. 1999. Hitler was *not* an atheist. *Free Inquiry*, 9.
- Murray, C. A. 1984. *Losing ground: American social policy, 1950–1980*. New York: Basic Books.
- Myers, D. G., & Lamm, H. 1976. The group polarization phenomenon. *Psychological Bulletin*, 83, 602–27.
- Nabokov, V. V. 1955/1997. *Lolita*. New York: Vintage.
- Nadelmann, E. A. 1990. Global prohibition regimes: The evolution of norms in international society. *International Organization*, 44, 479–526.
- Nagel, T. 1970. *The possibility of altruism*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Nash, G. H. 2009. *Reappraising the right: The past and future of American conservatism*. Wilmington, Del.: Intercollegiate Studies Institute.
- National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2009. *Global terrorism database: GTD variables and inclusion criteria*. College Park: University of Maryland.
- National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2010. Global Terrorism Database. <http://www.start.umd.edu>

[du/gtd](#).

- National Counterterrorism Center. 2009. *2008 Report on terrorism*. Washington, D. C.: National Counterterrorism Center. <https://fas.org/irp/threat/nctc2008.pdf>.
- Nazaretyan, A. P. 2010. *Evolution of non-violence: Studies in big history, self-organization, and historical psychology*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Neisser, U. 1976. General, academic, and artificial intelligence: Comments on the papers by Simon and by Klahr. In L. Resnick, ed., *The nature of intelligence*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Neisser, U., Boodoo, G., Bouchard, T. J. Jr., Boykin, A. W., Brody, N., Ceci, S. J., Halpern, D. F., Loehlin, J. C., Perloff, R., Sternberg, R. J., & Urbina, S. 1996. Intelligence: Knowns and unknowns. *American Psychologist*, 51, 77–101.
- Nell, V. 2006. Cruelty's rewards: The gratifications of perpetrators and spectators. *Behavioral & Brain Sciences*, 29, 211–57.
- Nettelfield, L. J. 2010. Research and repercussions of death tolls: The case of the Bosnian book of the dead. In P. Andreas & K. M. Greenhill, eds., *Sex, drugs, and body counts*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Neumayer, E. 2003. Good policy can lower violent crime: Evidence from a cross-national panel of homicide rates, 1980–97. *Journal of Peace Research*, 40, 619–40.
- Neumayer, E. 2010. Is inequality really a major cause of violent crime? Evidence from a cross-national panel of robbery and violent theft rates. London School of Economics.
- Newman, M. E. J. 2005. Power laws, Pareto distributions and Zipf's law. *Contemporary Physics*, 46, 323–51.
- Nisbett, R. E., & Cohen, D. 1996. *Culture of honor: The psychology of violence in the South*. New York: HarperCollins.
- North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press.
- Nowak, M. A. 2006. Five rules for the evolution of cooperation. *Science*, 314, 1560–63.
- Nowak, M. A., May, R. M., & Sigmund, K. 1995. The arithmetic of mutual help. *Scientific American*, 272, 50–55.
- Nowak, M. A., & Sigmund, K. 1998. Evolution of indirect reciprocity by image scoring. *Nature*, 393, 573–77.
- Nunberg, G. 2006. *Talking right: How conservatives turned liberalism into a tax-raising, latte-drinking, sushi-eating, Volvo-driving, New York Times-reading, body-piercing, Hollywood-loving, left-wing freak show*. New York: PublicAffairs.
- Nussbaum, M. 1997. *Cultivating humanity: A classical defense of reform in liberal education*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

- Nussbaum, M. 2006. Arts education: Teaching humanity. *Newsweek* (August 21–28).
- Oakley, B. 2007. *Evil genes: Why Rome fell, Hitler rose, Enron failed, and my sister stole my mother's boyfriend*. Amherst, N. Y.: Prometheus Books.
- Obermeyer, Z., Murray, C.J.L., & Gakidou, E. 2008. Fifty years of violent war deaths from Vietnam to Bosnia: Analysis of data from the World Health Survey Programme. *BMJ*, 336, 1482–86.
- Olds, J., & Milner, P. 1954. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain. *Journal of Comparative & Physiological Psychology*, 47, 419–27.
- Orwell, G. 1946/1970. Politics and the English language. In *A collection of essays*. Boston: Mariner Books.
- Otterbein, K. F. 2004. *How war began*. College Station, Tex.: Texas A&M University Press.
- Ottosson, D. 2006. *LGBT world legal wrap up survey*. Brussels: International Lesbian and Gay Association.
- Ottosson, D. 2009. *State-sponsored homophobia*. Brussels: International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans, and Intersex Association.
- Outram, D. 1995. *The enlightenment*. New York: Cambridge University Press.
- Oxford, J. S., Sefton, A., Jackson, R., Innes, W., Daniels, R. S., & Johnson, N. P. 2002. World War I may have allowed the emergence of “Spanish” influenza. *Lancet Infectious Diseases*, 2, 111–14.
- Oz, A. 1993. A postscript ten years later. In A. Oz, *In the land of Israel*. New York: Harcourt.
- Panksepp, J. 1998. *Affective neuroscience: The foundations of human and animal emotions*. New York: Oxford University Press.
- Parachini, J. 2003. Putting WMD terrorism into perspective. *Washington Quarterly*, 26, 37–50.
- Parker, T. 1852/2005. *Ten sermons of religion*. Ann Arbor: University of Michigan Library.
- Pate, A. 2008. Trends in democratization: A focus on instability in anocracies. In J. J. Hewitt, J. Wilkenfeld, & T. R. Gurr, eds., *Peace and conflict 2008*. Boulder, Colo.: Paradigm.
- Patterson, O. 1985. *Slavery and social death*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Patterson, O. 1997. *The ordeal of integration*. Washington, D. C.: Civitas.
- Patterson, O. 2008. Democracy, violence, and development in Jamaica: A comparative analysis. Harvard University.
- Paul, T. V. 2009. *The tradition of non-use of nuclear weapons*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Payne, J. L. 1989. *Why nations arm*. New York: Blackwell.

- Payne, J. L. 2004. *A history of force: Exploring the worldwide movement against habits of coercion, bloodshed, and mayhem*. Sandpoint, Idaho: Lytton.
- Payne, J. L. 2005. The prospects for democracy in high-violence societies. *Independent Review*, 9, 563–72.
- Perez, J. 2006. *The Spanish Inquisition: A history*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Perry, W. J., Shultz, G. P., Kissinger, H. A., & Nunn, S. 2008. Toward a nuclear-free world. *Wall Street Journal*, A13 (January 15).
- Peters, N. J. 2006. *Conundrum: The evolution of homosexuality*. Bloomington, Ind.: AuthorHouse.
- Pew Research Center. 2010. *Gender equality universally embraced, but inequalities acknowledged*. Washington, D. C.: Pew Research Center. <https://www.pewresearch.org/global/2010/07/01/gender-equality/>.
- Pfaff, D. W. 2007. *The neuroscience of fair play: Why we (usually) follow the golden rule*. New York: Dana Press.
- Phelps, E. A., O'Connor, K. J., Cunningham, W. A., Funayama, E. S., Gatenby, J. C., Gore, J. C., & Banaji, M. R. 2000. Performance on indirect measures of race evaluation predicts amygdale activation. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 12, 729–38.
- Piers, M. W. 1978. *Infanticide: Past and present*. New York: Norton.
- Pinker, S. 1994. *The language instinct*. New York: HarperCollins.
- Pinker, S. 1997. *How the mind works*. New York: Norton.
- Pinker, S. 1998. Obituary: Roger Brown. *Cognition*, 66, 199–213.
- Pinker, S. 1999. *Words and rules: The ingredients of language*. New York: HarperCollins.
- Pinker, S. 2000. Review of John Maynard Smith and Eörs Szathmáry's "The origins of life: From the birth of life to the origin of language." *Trends in Evolution & Ecology*, 15, 127–28.
- Pinker, S. 2002. *The blank slate: The modern denial of human nature*. New York: Viking.
- Pinker, S. 2006. Deep commonalities between life and mind. In A. Grafen & M. Ridley, eds., *Richard Dawkins: How a scientist changed the way we think*. New York: Oxford University Press.
- Pinker, S. 2007a. A history of violence. *New Republic* (March 19).
- Pinker, S. 2007b. *The stuff of thought: Language as a window into human nature*. New York: Viking.
- Pinker, S. 2008. The moral instinct. *New York Times Sunday Magazine* (January 13).
- Pinker, S. 2010. The cognitive niche: Coevolution of intelligence, sociality, and language. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107, 8993–99.

- Pinker, S. 2011. Two problems with invoking self-deception too easily: Self-serving biases versus genuine self-deception, and distorted representations versus adjusted decision criteria. *Behavioral & Brain Sciences*, 34, 35–37.
- Pinker, S., Nowak, M. A., & Lee, J. J. 2008. The logic of indirect speech. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 105, 833–38.
- Pinker, Susan M. 2008. *The sexual paradox: Men, women, and the real gender gap*. New York: Scribner.
- Pipes, R. 2003. *Communism: A history*. New York: Modern Library.
- Pizarro, D. A., & Bloom, P. 2003. The intelligence of the moral intuitions: A comment on Haidt (2001). *Psychological Review*, 110, 193–96.
- Plavcan, J. M. 2000. Inferring social behavior from sexual dimorphism in the fossil record. *Journal of Human Evolution*, 39, 327–44.
- Plomin, R., DeFries, J. C., McClearn, G. E., & McGuffin, P. 2008. *Behavior genetics*, 5th ed. New York: Worth.
- Pomeranz, K. 2008. A review of “A farewell to alms” by Gregory Clark. *American Historical Review*, 113, 775–79.
- Popkin, R. 1979. *The history of skepticism from Erasmus to Spinoza*. Berkeley: University of California Press.
- Posner, R. A. 2004. Torture, terrorism, and interrogation. In S. Levinson, ed., *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Potegal, M. 2006. Human cruelty is rooted in the reinforcing effects of intraspecific aggression that subserves dominance motivation. *Behavioral & Brain Sciences*, 29, 236–37.
- Potts, M., & Hayden, T. 2008. *Sex and war: How biology explains warfare and terrorism and offers a path to a safer world*. Dallas, Tex.: Benbella.
- Poundstone, W. 1992. *Prisoner's dilemma: Paradox, puzzles, and the frailty of knowledge*. New York: Anchor.
- Power, S. 2002. *A problem from hell: America and the age of genocide*. New York: HarperPerennial.
- Pratto, F., Sidanius, J., & Levin, S. 2006. Social dominance theory and the dynamics of intergroup relations: Taking stock and looking forward. *European Review of Social Psychology*, 17, 271–320.
- Prentice, D. A., & Miller, D. T. 2007. Psychological essentialism of human categories. *Current Directions in Psychological Science*, 16, 202–6.
- Preston, S. D., & de Waal, F. B. M. 2002. Empathy: Its ultimate and proximate bases. *Behavioral & Brain Sciences*, 25, 1–72.
- Price, L. 2003. *The anthology and the rise of the novel: From Richardson to George Eliot*. New York: Cambridge University Press.
- Price, R. M. 1997. *The chemical weapons taboo*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Prinz, J. J. Is empathy necessary for morality? In P. Goldie & A. Coplan, eds., *Empathy: Philosophical and psychological perspectives*. Oxford:

Oxford University Press.

- Procida, F. 2009. Overblown: Why an Iranian nuclear bomb is not the end of the world. *Foreign Affairs*.
- Pryor, F. L. 2007. Are Muslim countries less democratic? *Middle East Quarterly*, 14, 53–58.
- Przeworski, M., Hudson, R. R., & Di Rienzo, A. 2000. Adjusting the focus on human variation. *Trends in Genetics*, 16, 296–302.
- Puppi, L. 1990. *Torment in art: Pain, violence, and martyrdom*. New York: Rizzoli.
- Rai, T., & Fiske, A. P. 2011. Moral psychology is relationship regulation: Moral motives for unity, hierarchy, equality, and proportionality. *Psychological Review*, 118, 57–75.
- Railton, P. 1986. Moral realism. *Philosophical Review*, 95, 163–207.
- Raine, A. 2002. The biological basis of crime. In J. Q. Wilson & J. Petersilia, eds., *Crime: Public policies for crime control*. Oakland, Calif.: ICS Press.
- Raine, A. 2008. From genes to brain to antisocial behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 17, 323–28.
- Raine, A., Lencz, T., Bihrl, S., LaCasse, L., & Colletti, P. 2000. Reduced prefrontal gray matter volume and reduced autonomic activity in antisocial personality disorder. *Archives of General Psychiatry*, 57, 119–29.
- Rajender, S., Pandu, G., Sharma, J. D., Gandhi, K.P.C., Singh, L., & Thangaraj, K. 2008. Reduced CAG repeats length in androgen receptor gene is associated with violent criminal behavior. *International Journal of Legal Medicine*, 122, 367–72.
- Ramachandran, V. S. 2000. Mirror neurons and imitation learning as the driving force behind “the great leap forward” in human evolution. *Edge*. http://www.edge.org/3rd_culture/ramachandran/ramachandran_index.html.
- Raphael, S., & Stoll, M. A. 2007. *Why are so many Americans in prison?* Berkeley: University of California Press.
- Raphael, S., & Winter-Ebmer, R. 2001. Identifying the effect of unemployment on crime. *Journal of Law & Economics*, 44, 259–83.
- Rapoport, A. 1964. *Strategy and conscience*. New York: Harper & Row.
- Ray, J. L. 1989. The abolition of slavery and the end of international war. *International Organization*, 43, 405–39.
- Redmond, E. M. 1994. *Tribal and chiefly warfare in South America*. Ann Arbor: University of Michigan Museum.
- Reicher, S., & Haslam, S. A. 2006. Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study. *British Journal of Social Psychology*, 45, 1–40.
- Remarque, E. M. 1929/1987. *All quiet on the western front*. New York: Ballantine.

- Renfrew, J. W. 1997. *Aggression and its causes: A biopsychosocial approach*. New York: Oxford University Press.
- Resnick, P. J. 1970. Murder of the newborn: A psychiatric review of neonaticide. *American Journal of Psychiatry*, 126, 58–64.
- Rhee, S. H., & Waldman, I. D. 2007. Behavior-genetics of criminality and aggression. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Rhoads, S. E. 2004. *Taking sex differences seriously*. San Francisco: Encounter Books.
- Rice, M. 1997. Violent offender research and implications for the criminal justice system. *American Psychologist*, 52, 414–23.
- Richardson, L. F. 1960. *Statistics of deadly quarrels*. Pittsburgh: Boxwood Press.
- Ridley, M. 1997. *The origins of virtue: Human instincts and the evolution of cooperation*. New York: Viking.
- Ridley, M. 2010. *The rational optimist: How prosperity evolves*. New York: HarperCollins.
- Riedel, B. 2010. If Israel attacks. *National Interest* (August 24).
- Rifkin, J. 2009. *The empathic civilization: The race to global consciousness in a world in crisis*. New York: J. P. Tarcher/Penguin.
- Rindermann, H. 2008. Relevance of education and intelligence for the political development of nations: Democracy, rule of law and political liberty. *Intelligence*, 36, 306–22.
- Roberts, A. 2010. Lives and statistics: Are 90% of war victims civilians? *Survival*, 52, 115–36.
- Roberts, D. C., & Turcotte, D. L. 1998. Fractality and self-organized criticality of wars. *Fractals*, 6, 351–57.
- Robinson, F. S. 2009. *The case for rational optimism*. New Brunswick, N.J.: Transaction.
- Rodriguez, J. P. 1999. *Chronology of world slavery*. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.
- Rodriguez, M. L., Mischel, W., & Shoda, Y. 1989. Cognitive person variables in the delay of gratification of older children at risk. *Journal of Personality & Social Psychology*, 57, 358–67.
- Rogers, A. R. 1994. Evolution of time preference by natural selection. *American Economic Review*, 84, 460–81.
- Romer, D., Duckworth, A. L., Sznitman, S., & Park, S. 2010. Can adolescents learn self-control? Delay of gratification in the development of control over risk taking. *Prevention Science*, 11, 319–30.
- Roney, J. R., Simmons, Z. L., & Lukaszewski, A. W. 2009. Androgen receptor gene sequence and basal cortisol concentrations predict

- men's hormonal responses to potential mates. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 277, 57–63.
- Ropeik, D., & Gray, G. 2002. *Risk: A practical guide for deciding what's really safe and what's really dangerous in the world around you*. Boston: Houghton Mifflin.
- Rosato, S. 2003. The flawed logic of democratic peace theory. *American Political Science Review*, 97, 585–602.
- Rosecrance, R. 2010. Capitalist influences and peace. *International Interactions*, 36, 192–98.
- Rosenau, J. N., & Fagen, W. M. 1997. A new dynamism in world politics: Increasingly skillful individuals? *International Studies Quarterly*, 41, 655–86.
- Rosenbaum, R. 1998. *Explaining Hitler: The search for the origins of his evil*. New York: Random House.
- Rosenfeld, R. 2006. Patterns in adult homicide: 1980–1995. In A. Blumstein & J. Wallman, eds., *The crime drop in America*, rev. ed. New York: Cambridge University Press.
- Ross, M. L. 2008. Blood barrels: Why oil wealth fuels conflict. *Foreign Affairs*.
- Rossi, P. H., Waite, E., Bose, C., & Berk, R. A. 1974. The structuring of normative judgements concerning the seriousness of crimes. *American Sociological Review*, 39, 224–37.
- Rossiter, C., ed. 1961. *The Federalist Papers*. New York: New American Library.
- Roth, R. 2001. Homicide in early modern England, 1549–1800: The need for a quantitative synthesis. *Crime, History & Societies*, 5, 33–67.
- Roth, R. 2009. *American homicide*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Rothstein, R. 1998. *The way we were? The myths and realities of America's student achievement*. New York: Century Foundation Press.
- Rousseau, J.-J. 1755/1994. *Discourse upon the origin and foundation of inequality among mankind*. New York: Oxford University Press.
- Rowe, D. C. 2002. *Biology and crime*. Los Angeles: Roxbury.
- Rozin, P. 1996. Towards a psychology of food and eating: From motivation to module to model to marker, morality, meaning, and metaphor. *Current Directions in Psychological Science*, 5, 18–24.
- Rozin, P. 1997. Moralization. In A. Brandt & P. Rozin, eds., *Morality and health*. New York: Routledge.
- Rozin, P., & Fallon, A. 1987. A perspective on disgust. *Psychological Review*, 94, 23–41.
- Rozin, P., Markwith, M., & Stoess, C. 1997. Moralization and becoming a vegetarian: The transformation of preferences into values and the recruitment of disgust. *Psychological Science*, 8, 67–73.

- Rummel, R. J. 1994. *Death by government*. Piscataway, N. J.: Transaction.
- Rummel, R. J. 1997. *Statistics of democide*. Piscataway, N. J.: Transaction.
- Rummel, R. J. 2002. 20th century democide. <https://www.hawaii.edu/powerkills/20TH.HTM>.
- Rummel, R. J. 2004. One-thirteenth of a data point does not a generalization make: A reply to Dulić. *Journal of Peace Research*, 41, 103–4.
- Russett, B. 2008. Peace in the twenty-first century? The limited but important rise of influences on peace. Yale University.
- Russett, B. 2010. Capitalism or democracy? Not so fast. *International Interactions*, 36, 198–205.
- Russett, B., & Oneal, J. 2001. *Triangulating peace: Democracy, interdependence, and international organizations*. New York: Norton.
- Sagan, S. D. 2009. The global nuclear future. *Bulletin of the American Academy of Arts & Sciences*, 62, 21–23.
- Sagan, S. D. 2010. Nuclear programs with sources. Stanford University.
- Salehyan, I. 2008. From climate change to conflict? No consensus yet. *Journal of Peace Research*, 45, 315–26.
- Salganik, M. J., Dodds, P. S., & Watts, D. J. 2006. Experimental study of inequality and unpredictability in an artificial cultural market. *Science*, 311, 854–56.
- Salmon, C. A. 1998. The evocative nature of kin terminology in political rhetoric. *Politics & the Life Sciences*, 17, 51–57.
- Salmon, C. A., & Symons, D. 2001. *Warrior lovers: Erotic fiction, evolution, and female sexuality*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Sampson, R. J., Laub, J. H., & Wimer, C. 2006. Does marriage reduce crime? A counterfactual approach to within-individual causal effects. *Criminology*, 44, 465–508.
- Sanfey, A. G., Rilling, J. K., Aronson, J. A., Nystrom, L. E., & Cohen, J. D. 2003. The neural basis of economic decision-making in the ultimatum game. *Science*, 300, 1755–58.
- Sargent, M. J. 2004. Less thought, more punishment: Need for cognition predicts support for punitive responses to crime. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 30, 1485–93.
- Sarkees, M. R. 2000. The Correlates of War data on war: An update to 1997. *Conflict Management & Peace Science*, 18, 123–44.
- Saunders, D. G. 2002. Are physical assaults by wives and girlfriends a major social problem? A review of the literature. *Violence Against Women*, 8, 1424–48.
- Saunders, J. J. 1979. *The history of the Mongol conquests*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Saxe, R., & Kanwisher, N. 2003. People thinking about thinking people: The role of the temporoparietal junction in “theory of mind.”

- NeuroImage*, 19, 1835–42.
- Sayre McCord, G. 1988. *Essays on moral realism*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Scarpa, A., & Raine, A. 2007. Biosocial bases of violence. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Schama, S. 2001. *A history of Britain*, vol. 2: *The wars of the British 1603–1776*. New York: Hyperion.
- Schechter, H. 2003. *The serial killer files: The who, what, where, how, and why of the world's most terrifying murderers*. New York: Ballantine.
- Schechter, H. 2005. *Savage pastimes: A cultural history of violent entertainment*. New York: St. Martin's Press.
- Schechter, S., Greenstone, J. H., Hirsch, E. G., & Kohler, K. 1906. Dietary laws. *Jewish encyclopedia*.
- Scheff, T. J. 1994. *Bloody revenge: Emotions, nationalism, and war*. Lincoln, Neb.: iUniverse.com.
- Schelling, T. C. 1960. *The strategy of conflict*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schelling, T. C. 1978. *Micromotives and macrobehavior*. New York: Norton.
- Schelling, T. C. 1984. The intimate contest for self-command. *Choice and consequence: Perspectives of an errant economist*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schelling, T. C. 2000. The legacy of Hiroshima: A half-century without nuclear war. *Philosophy & Public Policy Quarterly*, 20, 1–7.
- Schelling, T. C. 2005. An astonishing sixty years: The legacy of Hiroshima. In K. Grandin, ed., *Les Prix Nobel*. Stockholm: Nobel Foundation.
- Schelling, T. C. 2006. *Strategies of commitment, and other essays*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schelling, T. C. 2009. A world without nuclear weapons? *Daedalus*, 138, 124–29.
- Schneider, G., & Gleditsch, N. P. 2010. The capitalist peace: The origins and prospects of a liberal idea. *International Interactions*, 36, 107–14.
- Schroeder, P. W. 1994. *The transformation of European politics, 1763–1848*. New York: Oxford University Press.
- Schuman, H., Steeh, C., & Bobo, L. D. 1997. *Racial attitudes in America: Trends and interpretations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schwager, R. 2000. *Must there be scapegoats? Violence and redemption in the Bible*. New York: Crossroad.
- Schwartz, W. F., Baxter, K., & Ryan, D. 1984. The duel: Can these men be acting efficiently? *Journal of Legal Studies*, 13, 321–55.

- Sedgh, G., Henshaw, S. K., Singh, S., Bankole, A., & Drescher, J. 2007. Legal abortion worldwide: Incidence and recent trends. *International Family Planning Perspectives*, 33, 106–16.
- Séguin, J. R., Sylvers, P., & Lilienfeld, S. O. 2007. The neuropsychology of violence. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman, eds., *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. New York: Cambridge University Press.
- Sell, A., Tooby, J., & Cosmides, L. 2009. Formidability and the logic of human anger. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 106, 15073–78.
- Sen, A. 1990. More than 100 million women are missing. *New York Review of Books* (December 20).
- Sen, A. 2000. East and West: The reach of reason. *New York Review of Books* (July 20).
- Sen, A. 2006. *Identity and violence: The illusion of destiny*. New York: Norton.
- Seymour, B., Singer, T., & Dolan, R. 2007. The neurobiology of punishment. *Nature Reviews Neuroscience*, 8, 300–311.
- Shafer-Landau, R. 2003. *Moral realism: A defence*. Oxford: Clarendon Press.
- Shamosh, N. A., De Young, C. G., Green, A. E., Reis, D. L., Johnson, M. R., Conway, A.R.A., Engle, R. W., Braver, T. S., & Gray, J. R. 2008. Individual differences in delay discounting: Relation to intelligence, working memory, and anterior prefrontal cortex. *Psychological Science*, 19, 904–11.
- Shamosh, N. A., & Gray, J. R. 2008. Delay discounting and intelligence: A meta-analysis. *Intelligence*, 38, 289–305.
- Sheehan, J. J. 2008. *Where have all the soldiers gone? The transformation of modern Europe*. Boston: Houghton Mifflin.
- Shergill, S. S., Bays, P. M., Frith, C. D., & Wolpert, D. M. 2003. Two eyes for an eye: the neuroscience of force escalation. *Science*, 301, 187.
- Sherif, M. 1966. *Group conflict and cooperation: Their social psychology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Shermer, M. 2004. *The science of good and evil: Why people cheat, gossip, care, share, and follow the golden rule*. New York: Holt.
- Shevelov, K. 2008. *For the love of animals*. New York: Holt.
- Shotland, R. L., & Straw, M. K. 1976. Bystander response to an assault: When a man attacks a woman. *Journal of Personality & Social Psychology*, 34, 990–99.
- Shultz, G. P. 2009. A world free of nuclear weapons. *Bulletin of the American Academy of Arts & Sciences*, 62, 81–82.
- Shultz, G. P., Perry, W. J., Kissinger, H. A., & Nunn, S. 2007. A world free of nuclear weapons. *Wall Street Journal* (January 4).

- Shweder, R. A., Much, N. C., Mahapatra, M., & Park, L. 1997. The “big three” of morality (autonomy, community, and divinity) and the “big three” explanations of suffering. In A. Brandt & P. Rozin, eds., *Morality and health*. New York: Routledge.
- Sidanius, J., & Pratto, F. 1999. *Social dominance*. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press.
- Sidanius, J., & Veniegas, R. C. 2000. Gender and race discrimination: The interactive nature of disadvantage. In S. Oskamp, ed., *Reducing prejudice and discrimination: The Claremont symposium on applied social psychology*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Siena Research Institute. 2010. *American presidents: Greatest and worst. Siena's 5th presidential expert poll*. Loudonville, N. Y.: Siena College. http://www.siena.edu/uploadedfiles/home/parents_and_community/community_page/sri/independent_research/Presidents%20Release2010_final.pdf.
- Sigmund, K. 1997. Games evolution plays. In A. Schmitt, K. Atzwanger, K. Grammer, & K. Schäfer, eds., *Aspects of human ethology*. New York: Plenum.
- Simons, O. 2001. *Marteaues Europa oder Der Roman, bevor er Literatur wurde*. Amsterdam: Rodopi.
- Simonton, D. K. 1990. *Psychology, science, and history: An introduction to historiometry*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Simonton, D. K. 2006. Presidential IQ, openness, intellectual brilliance, and leadership: Estimates and correlations for 42 U. S. chief executives. *Political Psychology*, 27, 511–26.
- Singer, D. J., & Small, M. 1972. *The wages of war 1816–1965: A statistical handbook*. New York: Wiley.
- Singer, P. 1975/2009. *Animal liberation: The definitive classic of the animal movement*, updated ed. New York: HarperCollins.
- Singer, P. 1981/2011. *The expanding circle: Ethics and sociobiology*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Singer, P. 1994. *Rethinking life and death: The collapse of our traditional ethics*. New York: St. Martin's Press.
- Singer, T., Seymour, B., O'Doherty, J. P., Stephan, K. E., Dolan, R. J., & Frith, C. D. 2006. Empathic neural responses are modulated by the perceived fairness of others. *Nature*, 439, 466–69.
- Skenazy, L. 2009. *Free-range kids: Giving our children the freedom we had without going nuts with worry*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Skogan, W. 1989. Social change and the future of violent crime. In T. R. Gurr, ed., *Violence in America*, vol. 1: *The history of crime*. Newbury Park, Calif.: Sage.
- Slovic, P. 1987. Perception of risk. *Science*, 236, 280–85.
- Slovic, P. 2007. “If I look at the mass I will never act”: Psychic numbing and genocide. *Judgment & Decision Making*, 2, 79–95.

- Slovic, P., Fischhoff, B., & Lichtenstein, S. 1982. Facts versus fears: Understanding perceived risk. In D. Kahneman, P. Slovic, & A. Tversky, eds., *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. New York: Cambridge University Press.
- Slutske, W. S., Heath, A. C., Dinwiddie, S. H., Madden, P. A.F., Bucholz, K. K., Dunne, M. P., Statham, D. J., & Martin, N. G. 1997. Modeling genetic and environmental influences in the etiology of conduct disorder: A study of 2,682 adult twin pairs. *Journal of Abnormal Psychology, 106*, 266–79.
- Smith, A. 1759/1976. *The theory of moral sentiments*. Indianapolis: Liberty Classics.
- Smith, A. 1776/2009. *The wealth of nations*. New York: Classic House Books.
- Smith, H. 1952. *Man and his gods*. Boston: Little, Brown.
- Sokal, A. D. 2000. *The Sokal hoax: The sham that shook the academy*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Solomon, R. L. 1980. The opponent-process theory of acquired motivation. *American Psychologist, 35*, 691–712.
- Solzhenitsyn, A. 1973/1991. *The Gulag archipelago*. New York: HarperPerennial.
- Sommers, C. H. 1994. *Who stole feminism?* New York: Simon & Schuster.
- Sorokin, P. 1957. *Social and cultural dynamics: A study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships*. Boston: Extending Horizons.
- Sowell, T. 1980. *Knowledge and decisions*. New York: Basic Books.
- Sowell, T. 1987. *A conflict of visions: Ideological origins of political struggles*. New York: Quill.
- Sowell, T. 1994. *Race and culture: A world view*. New York: Basic Books.
- Sowell, T. 1996. *Migrations and cultures: A world view*. New York: Basic Books.
- Sowell, T. 1998. *Conquests and cultures: An international history*. New York: Basic Books.
- Sowell, T. 2004. *Affirmative action around the world: An empirical study*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Sowell, T. 2005. Are Jews generic? In T. Sowell, *Black rednecks and white liberals*. New York: Encounter.
- Sowell, T. 2010. *Intellectuals and society*. New York: Basic Books.
- Spagat, M., Mack, A., Cooper, T., & Kreutz, J. 2009. Estimating war deaths: An arena of contestation. *Journal of Conflict Resolution, 53*, 934–50.
- Spence, J. T., Helmreich, R., & Stapp, J. 1973. A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS). *Bulletin of the Psychonomic Society, 2*, 219–20.

- Spencer, A. T., & Croucher, S. M. 2008. Basque nationalism and the spiral of silence: An analysis of public perceptions of ETA in Spain and France. *International Communication Gazette*, 70, 137–53.
- Spencer, C. 2000. *Vegetarianism: A history*. New York: Four Walls Eight Windows.
- Sperber, D., ed. 2000. *Metarepresentations: A multidisciplinary perspective*. New York: Oxford University Press.
- Spierenburg, P. 2006. Democracy came too early: A tentative explanation for the problem of American homicide. *American Historical Review*, 111, 104–14.
- Spierenburg, P. 2008. *A history of murder: Personal violence in Europe from the Middle Ages to the present*. Cambridge, U. K.: Polity.
- Spiller, R. J. 1988. S. L. A. Marshall and the ratio of fire. *RUSI Journal*, 133, 63–71.
- Spitzer, S. 1975. Punishment and social organization: A study of Durkheim's theory of penal evolution. *Law & Society Review*, 9, 613–38.
- Stanton, S. J., Beehner, J. C., Saini, E. K., Kuhn, C. M., & LaBar, K. S. 2009. Dominance, politics, and physiology: Voters' testosterone changes on the night of the 2008 United States presidential election. *PLoS ONE*, 4, e7543.
- Statistics Canada. 2008. Table 1: Homicide rates by province/territory, 1961 to 2007. <http://www.statcan.gc.ca/pub/85-002-x/2008009/article/t/5800411-eng.htm>.
- Statistics Canada. 2010. Homicide offences, number and rate, by province and territory. <http://www40.statcan.ca/101/cst01/legal12a-eng.htm>.
- Steckel, R. H., & Wallis, J. 2009. Stones, bones, and states: A new approach to the Neolithic Revolution. <http://conference.nber.org/confer/2007/daes07/steckel.pdf>.
- Steenhuis, A. 1984. We have not learnt to control nature and ourselves enough: An interview with Norbert Elias. *De Groene Amsterdammer* (May 16), 10–11.
- Steigmann-Gall, R. 2003. *The Holy Reich: Nazi conceptions of Christianity, 1919–1945*. New York: Cambridge University Press.
- Steinbeck, J. 1962/1997. *Travels with Charley and later novels, 1947–1962*. New York: Penguin.
- Stephan, W. G., & Finlay, K. 1999. The role of empathy in improving intergroup relations. *Journal of Social Issues*, 55, 729–43.
- Stevens, W. O. 1940. *Pistols at ten paces: The story of the code of honor in America*. Boston: Houghton Mifflin.
- Stevenson, D. 2004. *Cataclysm: The first world war as political tragedy*. New York: Basic Books.
- Stillwell, A. M., & Baumeister, R. F. 1997. The construction of victim and perpetrator memories: Accuracy and distortion in role-based accounts.

Personality & Social Psychology Bulletin, 23, 1157–72.

- Stockholm International Peace Research Institute. 2009. *SIPRI yearbook 2009: Armaments, disarmaments, and international security*. New York: Oxford University Press.
- Stone, V. E., Baron-Cohen, S., & Knight, R. T. 1998. Frontal lobe contributions to theory of mind. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 10, 640–56.
- Strange, J. J. 2002. How fictional tales wag real-world beliefs: Models and mechanisms of narrative influence. In M. C. Green, J. J. Strange, & T. C. Brock, eds., *Narrative impact: Social and cognitive foundations*. New York: Routledge.
- Straus, M. A. 1977/1978. Wife-beating: How common, and why? *Victimology*, 2, 443–58.
- Straus, M. A. 1995. Trends in cultural norms and rates of partner violence: An update to 1992. In S. M. Stith & M. A. Straus, eds., *Understanding partner violence: Prevalence, causes, consequences, and solutions*. Minneapolis: National Council on Family Relations.
- Straus, M. A. 1999. Corporal punishment by American parents: National data on prevalence, chronicity, severity, and duration, in relation to child, and family characteristics. *Clinical Child & Family Psychology Review*, 2, 55–70.
- Straus, M. A. 2001. *Beating the devil out of them: Corporal punishment in American families and its effects on children*, rev. ed. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Straus, M. A. 2005. Children should never, ever be spanked no matter what the circumstances. In D. R. Loseke, R. J. Gelles & M. M. Cavanaugh eds., *Current controversies about family violence*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Straus, M. A. 2009. Differences in corporal punishment by parents in 32 nations and its relation to national differences in IQ. Paper presented at the 14th International Conference on Violence, Abuse, and Trauma. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=67FA94BA4ADD3176462A5410C43E7983?doi=10.1.1.579.7110&rep=rep1&type=pdf>.
- Straus, M. A., & Gelles, R. J. 1986. Societal change and change in family violence from 1975 to 1985 as revealed by two national surveys. *Journal of Marriage & the Family*, 48, 465–80.
- Straus, M. A., & Gelles, R. J. 1988. How violent are American families? Estimates from the National Family Violence Resurvey and other studies. In G. T. Hotaling, D. Finkelhor, J. T. Kirkpatrick, & M. A. Straus, eds., *Family abuse and its consequences: New directions in research*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Straus, M. A., & Kantor, G. K. 1994. Change in spouse assault rates from 1975 to 1992: A comparison of three national surveys in the United States. Paper presented at the 13th World Congress of Sociology. <http://pubpages.unh.edu/~mas2/V55.pdf>.

- Straus, M. A., & Kantor, G. K. 1995. Trends in physical abuse by parents from 1975 to 1992: A comparison of three national surveys. Paper presented at the American Society of Criminology.
- Straus, M. A., Kantor, G. K., & Moore, D. W. 1997. Changes in cultural norms approving marital violence from 1968 to 1994. In G. K. Kantor & J. L. Jasinski, eds., *Out of the darkness: Contemporary perspectives on family violence*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Stuart, T. 2006. *The bloodless revolution: A cultural history of vegetarianism from 1600 to modern times*. New York: Norton.
- Suedfeld, P., & Coren, S. 1992. Cognitive correlates of conceptual complexity. *Personality & Individual Differences*, *13*, 1193–99.
- Suedfeld, P., & Tetlock, P. E. 1977. Integrative complexity of communications in international crises. *Journal of Conflict Resolution*, *21*, 169–84.
- Suedfeld, P., Tetlock, P. E., & Ramirez, C. 1977. War, peace, and integrative complexity: UN speeches on the Middle East problem 1947–1976. *Journal of Conflict Resolution*, *21*, 427–42.
- Suk, J. 2009. *At home in the law: How the domestic violence revolution is transforming privacy*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Symons, D. 1979. *The evolution of human sexuality*. New York: Oxford University Press.
- Taagepera, R., & Colby, B. N. 1979. Growth of western civilization: Epicyclical or exponential? *American Anthropologist*, *81*, 907–12.
- Tajfel, H. 1981. *Human groups and social categories*. New York: Cambridge University Press.
- Takahashi, H., Kato, M., Matsuura, M., Mobbs, D., Suhara, T., & Okubo, Y. 2009. When your gain is my pain and your pain is my gain: Neural correlates of envy and schadenfreude. *Science*, *323*, 937–39.
- Talmy, L. 2000. Force dynamics in language and cognition. *Toward a cognitive semantics 1: Concept structuring systems*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Tangney, J. P., Baumeister, R. F., & Boone, A. L. 2004. High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success. *Journal of Personality*, *72*, 272–324.
- Tannenwald, N. 2005a. Ideas and explanation: Advancing the theoretical agenda. *Journal of Cold War Studies*, *7*, 13–42.
- Tannenwald, N. 2005b. Stigmatizing the bomb: Origins of the nuclear taboo. *International Security*, *29*, 5–49.
- Tannenwald, N., & Wohlforth, W. C. 2005. Introduction: The role of ideas and the end of the Cold War. *Journal of Cold War Studies*, *7*, 3–12.
- Tatar, M. 2003. *The hard facts of the Grimm's fairy tales*, 2nd rev. ed. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Tavris, C., & Aronson, E. 2007. *Mistakes were made (but not by me): Why we justify foolish beliefs, bad decisions, and hurtful acts*. Orlando, Fla.:

Harcourt.

- Taylor, S., & Johnson, K. C. 2008. *Until proven innocent: Political correctness and the shameful injustices of the Duke lacrosse rape case*. New York: St. Martin's Press.
- Taylor, S. E. 1989. *Positive illusions: Creative self-deception and the healthy mind*. New York: Basic Books.
- Tetlock, P. E. 1985. Integrative complexity of American and Soviet foreign policy rhetoric: A timeseries analysis. *Journal of Personality & Social Psychology*, 49, 1565–85.
- Tetlock, P. E. 1994. Political psychology or politicized psychology: Is the road to scientific hell paved with good moral intentions? *Political Psychology*, 15, 509–29.
- Tetlock, P. E. 1999. Coping with tradeoffs: Psychological constraints and political implications. In A. Lupia, M. McCubbins, & S. Popkin, eds., *Political reasoning and choice*. Berkeley: University of California Press.
- Tetlock, P. E. 2003. Thinking the unthinkable: Sacred values and taboo cognitions. *Trends in Cognitive Sciences*, 7, 320–24.
- Tetlock, P. E., Kristel, O. V., Elson, B., Green, M. C., & Lerner, J. 2000. The psychology of the unthinkable: Taboo tradeoffs, forbidden base rates, and heretical counterfactuals. *Journal of Personality & Social Psychology*, 78, 853–70.
- Tetlock, P. E., Peterson, R. S., & Lerner, J. S. 1996. Revising the value pluralism model: Incorporating social content and context postulates. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna, eds., *The psychology of values: The Ontario symposium*, vol. 8. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. 2008. *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Thayer, B. A. 2004. *Darwin and international relations: On the evolutionary origins of war and ethnic conflict*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Theisen, O. M. 2008. Blood and soil? Resource scarcity and internal armed conflict revisited. *Journal of Peace Research*, 45, 801–18.
- Theweleit, M. 1977/1987. *Male fantasies*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Thomas, D. C. 2005. Human rights ideas, the demise of communism, and the end of the Cold War. *Journal of Cold War Studies*, 7, 110–41.
- Thompson, P. M., Cannon, T. D., Narr, K. L., van Erp, T.G.M., Poutanen, V.-P., Huttunen, M., Lönqvist, J., Standertskjöld-Nordenstam, C.-G., Kaprio, J., Khaledy, M., Dail, R., Zoumalan, C. I., & Toga, A. W. 2001. Genetic influences on brain structure. *Nature Neuroscience*, 4, 1–6.
- Thornhill, R., & Palmer, C. T. 2000. *A natural history of rape: Biological bases of sexual coercion*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Thorpe, I. J. N. 2003. Anthropology, archaeology, and the origin of war. *World Archaeology*, 35, 145–65.

- Thurston, R. 2007. *Witch hunts: A history of the witch persecutions in Europe and North America*. New York: Longman.
- Thyne, C. L. 2006. ABC's, 123's, and the golden rule: The pacifying effect of education on civil war, 1980–1999. *International Studies Quarterly*, 50, 733–54.
- Tiger, L. 2006. Torturers, horror films, and the aesthetic legacy of predation. *Behavioral & Brain Sciences*, 29, 244–45.
- Tilly, C. 1985. War making and state making as organized crime. In P. Evans, D. Rueschemeyer, & T. Skocpol, eds., *Bringing the state back in*. New York: Cambridge University Press.
- Tishkoff, S. A., Reed, F. A., Ranciaro, A., Voight, B. F., Babbitt, C. C., Silverman, J. S., Powell, K., Mortensen, H. M., Hirbo, J. B., Osman, M., Ibrahim, M., Omar, S. A., Lema, G., Nyambo, T. B., Ghorji, J., Bumpstead, S., Pritchard, J. K., Wray, G. A., & Deloukas, P. 2006. Convergent adaptation of human lactase persistence in Africa and Europe. *Nature Genetics*, 39, 31–40.
- Titchener, E. B. 1909/1973. *Lectures on the experimental psychology of the thought-processes*. New York: Arno Press.
- Tooby, J., & Cosmides, L. 1988. The evolution of war and its cognitive foundations. *Institute for Evolutionary Studies Technical Report*.
- Tooby, J., & Cosmides, L. 1990a. On the universality of human nature and the uniqueness of the individual: The role of genetics and adaptation. *Journal of Personality*, 58, 17–67.
- Tooby, J., & Cosmides, L. 1990b. The past explains the present: Emotional adaptations and the structure of ancestral environments. *Ethology & sociobiology*, 11, 375–424.
- Tooby, J., & Cosmides, L. 1992. Psychological foundations of culture. In J. Barkow, L. Cosmides, & J. Tooby, eds., *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press.
- Tooby, J., & Cosmides, L. 2010. Groups in mind: The coalitional roots of war and morality. In H. Høgh-Olesen, ed., *Human morality and sociality: Evolutionary and comparative perspectives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tooby, J., & Cosmides, L. In press. Ecological rationality and the multimodular mind: Grounding normative theories in adaptive problems. In K. I. Manktelow & D. E. Over, eds., *Reasoning and rationality*. London: Routledge.
- Tooby, J., Cosmides, L., & Price, M. E. 2006. Cognitive adaptations for n-person exchange: The evolutionary roots of organizational behavior. *Managerial & Decision Economics*, 27, 103–29.
- Tooby, J., & DeVore, I. 1987. The reconstruction of hominid evolution through strategic modeling. In W. G. Kinzey, ed., *The evolution of human behavior: Primate models*. Albany, N. Y.: SUNY Press.
- Tooley, M. 1972. Abortion and infanticide. *Philosophy & Public Affairs*, 2, 37–65.

- Toye, R. 2010. *Churchill's empire: The world that made him and the world he made*. New York: Henry Holt.
- Travers, J., & Milgram, S. 1969. An experimental study of the small-world problem. *Sociometry*, 32, 425–43.
- Trivers, R. L. 1971. The evolution of reciprocal altruism. *Quarterly Review of Biology*, 46, 35–57.
- Trivers, R. L. 1972. Parental investment and sexual selection. In B. Campbell, ed., *Sexual selection and the descent of man*. Chicago: Aldine.
- Trivers, R. L. 1974. Parent-offspring conflict. *American Zoologist*, 14, 249–64.
- Trivers, R. L. 1976. Foreword. In R. Dawkins, ed., *The selfish gene*. New York: Oxford University Press.
- Trivers, R. L. 1985. *Social evolution*. Reading, Mass.: Benjamin/Cummings.
- Trivers, R. L. 2011. *Deceit and self-deception: Fooling Yourself the Better to Fool Others*. London: Penguin Books.
- Trivers, R. L., & Willard, D. E. 1973. Natural selection of parental ability to vary the sex ratio of offspring. *Science*, 179, 90–91.
- Tuchman, B. W. 1978. *A distant mirror: The calamitous 14th century*. New York: Knopf.
- Tucker, G. R. & Lambert, W. E. 1969. White and Negro listeners' reactions to various American-English dialects. *Social Forces*, 47, 465–68.
- Turing, A. M. 1936. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*, 42, 230–65.
- Turing, A. M. 1950. Computing machinery and intelligence. *Mind*, 59, 433–60.
- Turkheimer, E. 2000. Three laws of behavior genetics and what they mean. *Current Directions in Psychological Science*, 5, 160–64.
- Turner, H. A. 1996. *Hitler's thirty days to power: January 1933*. New York: Basic Books.
- Tversky, A., & Kahneman, D. 1973. Availability: A heuristic for judging frequency and probability. *Cognitive Psychology*, 4, 207–32.
- Tversky, A., & Kahneman, D. 1974. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185, 1124–31.
- Tversky, A., & Kahneman, D. 1981. The framing of decisions and the psychology of choice. *Science*, 211, 453–58.
- Tversky, A., & Kahneman, D. 1983. Extensions versus intuitive reasoning: The conjunction fallacy in probability judgment. *Psychological Review*, 90, 293–315.
- Twenge, J. M. 1997. Attitudes toward women, 1970–1995: A meta-analysis. *Psychology of Women Quarterly*, 21, 35–51.

- Twenge, J. M. 2009. Change over time in obedience: The jury's still out, but it might be decreasing. *American Psychologist*, 64, 28–31.
- Tyrrell, M. 2007. Homage to Ruritania: Nationalism, identity, and diversity. *Critical Review*, 19, 511–12.
- Umbeck, J. 1981. Might makes rights: A theory of the formation and initial distribution of property rights. *Economic Inquiry*, 19, 38–59.
- United Kingdom. Home Office. 2010. Research development statistics: Crime. <http://rds.homeOffice.gov.uk/rds/bcs1.html>.
- United Kingdom. Office for National Statistics. 2009. Population estimates for U. K., England and Wales, Scotland, and Northern Ireland — Current datasets. <http://www.statistics.gov.uk/statbase/Product.asp?vlnk=15106>.
- United Nations. 2008. *World population prospects: Population database*, 2008 rev. <http://esa.un.org/unpp/>.
- United Nations Development Fund for Women. 2003. *Not a minute more: Ending violence against women*. New York: United Nations.
- United Nations Development Programme. 2003. *Arab Human Development Report 2002: Creating opportunities for future generations*. New York: Oxford University Press.
- United Nations Office on Drugs and Crime. 2009. *International homicide statistics*. <http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/IHS-rates-05012009.pdf>.
- United Nations Population Fund. 2000. *The state of world population: Lives together, worlds apart — Men and women in a time of change*. New York: United Nations.
- U. S. Bureau of Justice Statistics. 2009. *National crime victimization survey spreadsheet*. <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/glance/sheets/viortrd.csv>.
- U. S. Bureau of Justice Statistics. 2010. *Intimate partner violence in the U. S.* <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/intimate/victims.cfm>.
- U. S. Bureau of Justice Statistics. 2011. *Homicide trends in the U. S.: Intimate homicide*. <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/homicide/intimates.cfm>.
- U. S. Census Bureau. 2010a. *Historical estimates of world population*. <http://www.census.gov/ipc/www/worldhis.html>.
- U. S. Census Bureau. 2010b. *Income. Families*. Table F-4: Gini ratios of families by race and Hispanic origin of householder. <http://www.census.gov/hhes/www/income/data/historical/families/index.html>.
- U. S. Census Bureau. 2010c. *International data base (IDB): Total midyear population for the world: 1950–2020*. <http://www.census.gov/ipc/www/idb/worldpop.php>.
- U. S. Federal Bureau of Investigation. 2007. *Crime in the United States*. <http://www.fbi.gov/ucr/cius2007/index.html>.

- U. S. Federal Bureau of Investigation. 2010a. *Hate crimes*. http://www.fbi.gov/about-us/investigate/civilrights/hate_crimes/hate_crimes.
- U. S. Federal Bureau of Investigation. 2010b. *Uniform crime reports*. <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/ucr>.
- U.S. Federal Bureau of Investigation. 2011. *Preliminary annual uniform crime report, January – December 2010*. <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/crime-in-the-u.s/2010/preliminary-annual-ucr-jan-dec-2010>.
- U. S. Fish and Wildlife Service. 2006. *National survey of fishing, hunting, and wildlife-associated recreation*. https://www.fws.gov/fisheries/pdf_files/nat_survey2006.pdf.
- Valdesolo, P., & DeSteno, D. 2008. The duality of virtue: Deconstructing the moral hypocrite. *Journal of Experimental Social Psychology*, 44, 1334–38.
- Valentino, B. 2004. *Final solutions: Mass killing and genocide in the 20th century*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Valero, H., & Biocca, E. 1970. *Yanoama: The narrative of a white girl kidnapped by Amazonian Indians*. New York: Dutton.
- van Beijsterveldt, C. E. M., Bartels, M., Hudziak, J. J., & Boomsma, D. I. 2003. Causes of stability of aggression from early childhood to adolescence: A longitudinal genetic analysis in Dutch twins. *Behavior Genetics*, 33, 591–605.
- van Creveld, M. 2008. *The culture of war*. New York: Ballantine.
- van den Oord, E. J. C. G., Boomsma, D. I., & Verhulst, F. C. 1994. A study of problem behaviors in 10- to 15-year-old biologically related and unrelated international adoptees. *Biological Genetics*, 24, 193–205.
- Van der Dennen, J. M. G. 1995. *The origin of war: The evolution of a male-coalitional reproductive strategy*. Groningen, Netherlands: Origin Press.
- Van der Dennen, J. M. G. 2005. *Querela pacis: Confession of an irreparably benighted researcher on war and peace. An open letter to Frans de Waal and the “Peace and Harmony Mafia.”* University of Groningen.
- van Evera, S. 1994. Hypotheses on nationalism and war. *International Security*, 18, 5–39.
- Vasquez, J. A. 2009. *The war puzzle revisited*. New York: Cambridge University Press.
- Vegetarian Society. 2010. Information sheet. <http://www.vegsoc.org/info/statveg.html>.
- Vincent, D. 2000. *The rise of mass literacy: Reading and writing in modern Europe*. Malden, Mass.: Blackwell.
- von Hippel, W., & Trivers, R. L. 2011. The evolution and psychology of self-deception. *Behavioral & Brain Sciences*, 34, 1–56.
- Wade, N. 2006. *Before the dawn: Recovering the lost history of our ancestors*. New York: Penguin.

- Wakefield, J. C. 1992. The concept of mental disorder: On the boundary between biological facts and social values. *American Psychologist*, 47, 373–88.
- Waldrep, C. 2002. *The many faces of Judge Lynch: Extralegal violence and punishment in America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Walker, A., Flatley, J., Kershaw, C., & Moon, D. 2009. *Crime in England and Wales 2008/09*. London: U. K. Home Office.
- Walker, P. L. 2001. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *Annual Review of Anthropology*, 30, 573–96.
- Walzer, M. 2004. Political action: The problem of dirty hands. In S. Levinson, ed., *Torture: A collection*. New York: Oxford University Press.
- Warneken, F., & Tomasello, M. 2007. Helping and cooperation at 14 months of age. *Infancy*, 11, 271–94.
- Watson, G. 1985. *The idea of liberalism*. London: Macmillan.
- Wattenberg, B. J. 1984. *The good news is the bad news is wrong*. New York: Simon & Schuster.
- Wearing, J. P., ed. 2010. *Bernard Shaw on war*. London: Hesperus Press.
- Weede, E. 2010. The capitalist peace and the rise of China: Establishing global harmony by economic independence. *International Interactions*, 36, 206–13.
- Weedon, M., & Frayling, T. 2008. Reaching new heights: Insights into the genetics of human stature. *Trends in Genetics*, 24, 595–603.
- Weiss, H. K. 1963. Stochastic models for the duration and magnitude of a “deadly quarrel.” *Operations Research*, 11, 101–21.
- White, M. 1999. Who’s the most important person of the twentieth century? <http://users.erols.com/mwhite28/20c-vip.htm>.
- White, M. 2004. 30 worst atrocities of the 20th century. <http://users.erols.com/mwhite28/atrox.htm>.
- White, M. 2005a. Deaths by mass unpleasantness: Estimated totals for the entire 20th century. <http://users.erols.com/mwhite28/warstat8.htm>.
- White, M. 2005b. Democracies do not make war on each other... or do they? <http://users.erols.com/mwhite28/demowar.htm>.
- White, M. 2007. Death tolls for the man-made megadeaths of the 20th century: FAQ. <http://users.erols.com/mwhite28/war-faq.htm>.
- White, M. 2010a. Selected death tolls for wars, massacres and atrocities before the 20th century. <http://users.erols.com/mwhite28/warstat0.htm>.
- White, M. 2010b. Selected death tolls for wars, massacres and atrocities before the 20th century, page 2. <http://users.erols.com/mwhite28/warstatv.htm#Primitive>.
- White, M. 2010c. Death tolls for the man-made megadeaths of the twentieth century. <http://users.erols.com/mwhite28/battles.htm>.

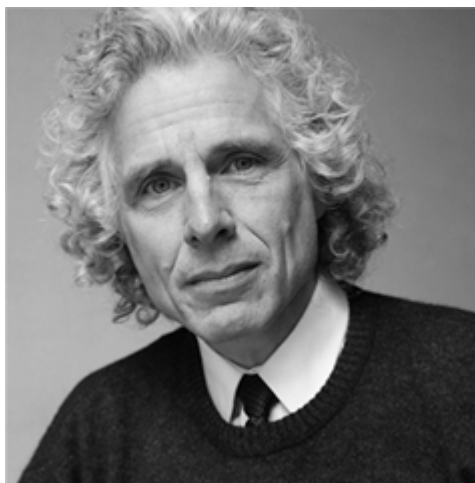
- White, M. 2011. *The great big book of horrible things. The definitive chronicle of history's 100 worst atrocities*. New York: Norton.
- White, S. H. 1996. The relationships of developmental psychology to social policy. In E. Zigler, S. L. Kagan, & N. Hall, eds., *Children, family, and government: Preparing for the 21st century*. New York: Cambridge University Press.
- White, T. D., Asfaw, B., Beyene, Y., Haile-Selassie, Y., Lovejoy, C. O., Suwa, G., & WoldeGabriel, G. 2009. *Ardipithecus ramidus* and the paleobiology of early hominids. *Science*, 326, 64–86.
- Wicherts, J. M., Dolan, C. V., Hessen, D. J., Oosterveld, P., Van Baal, G. C. M., Boomsma, D. I., & Span, M. M. 2004. Are intelligence tests measurement invariant over time? Investigating the nature of the Flynn effect. *Intelligence*, 32, 509–37.
- Wicker, B., Keysers, C., Plailly, J., Royet, J.-P., Gallese, V., & Rizzolatti, G. 2003. Both of us are disgusted in my insula: The common neural basis of seeing and feeling disgust. *Neuron*, 40, 655–64.
- Widom, C., & Brzustowicz, L. 2006. MAOA and the “cycle of violence”: Childhood abuse and neglect, MAOA genotype, and risk for violent and antisocial behavior. *Biological Psychiatry*, 60, 684–89.
- Wiener, M. J. 2004. *Men of blood: Violence, manliness, and criminal justice in Victorian England*. New York: Cambridge University Press.
- Wiessner, P. 2006. From spears to M-16s: Testing the imbalance of power hypothesis among the Enga. *Journal of Anthropological Research*, 62, 165–91.
- Wiessner, P. 2010. Youth, elders, and the wages of war in Enga Province, PNG. *Working Papers in State, Society, and Governance in Melanesia*. Canberra: Australian National University.
- Wilkinson, D. 1980. *Deadly quarrels: Lewis F. Richardson and the statistical study of war*. Berkeley: University of California Press.
- Wilkinson, D. L., Beaty, C. C., & Lurry, R. M. 2009. Youth violence — crime or self help? Marginalized urban males’ perspectives on the limited efficacy of the criminal justice system to stop youth violence. *Annals of the American Association for Political Science*, 623, 25–38.
- Willer, R., Kuwabara, K., & Macy, M. 2009. The false enforcement of unpopular norms. *American Journal of Sociology*, 115, 451–90.
- Williams, G. C. 1988. Huxley’s evolution and ethics in sociobiological perspective. *Zygon: Journal of Religion and Science*, 23, 383–407.
- Williamson, L. 1978. Infanticide: An anthropological analysis. In M. Kohl, ed., *Infanticide and the value of life*. Buffalo, N. Y.: Prometheus Books.
- Wilson, E. O. 1978. *On human nature*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wilson, J. Q. 1974. *Thinking about crime*. New York: Basic Books.
- Wilson, J. Q., & Herrnstein, R. J. 1985. *Crime and human nature*. New York: Simon & Schuster.

- Wilson, J. Q., & Kelling, G. 1982. Broken windows: The police and neighborhood safety. *Atlantic Monthly*, 249, 29–38.
- Wilson, M., & Daly, M. 1992. The man who mistook his wife for a chattel. In J. H. Barkow, L. Cosmides, & J. Tooby, eds., *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press.
- Wilson, M., & Daly, M. 1997. Life expectancy, economic inequality, homicide, and reproductive timing in Chicago neighborhoods. *British Medical Journal*, 314, 1271–74.
- Wilson, M., & Daly, M. 2006. Are juvenile offenders extreme future discounters? *Psychological Science*, 17, 989–94.
- Wilson, M. L., & Wrangham, R. W. 2003. Intergroup relations in chimpanzees. *Annual Review of Anthropology*, 32, 363–92.
- Winship, C. 2004. The end of a miracle? Crime, faith, and partnership in Boston in the 1990's. In R. D. Smith, ed., *Long march ahead: The public influences of African American churches*. Raleigh, N.C.: Duke University Press.
- Wolfgang, M., Figlio, R., & Sellin, T. 1972. *Delinquency in a birth cohort*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wolin, R. 2004. *The seduction of unreason: The intellectual romance with fascism from Nietzsche to postmodernism*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Wood, J. C. 2003. Self-policing and the policing of the self: Violence, protection, and the civilizing bargain in Britain. *Crime, History, & Societies*, 7, 109–28.
- Wood, J. C. 2004. *Violence and crime in nineteenth-century England: The shadow of our refinement*. London: Routledge.
- Woolf, G. 2007. *Et tu, Brute? A short history of political murder*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wouters, C. 2007. *Informalization: Manners and emotions since 1890*. Los Angeles: Sage.
- Wrangham, R. W. 1999a. Evolution of coalitionary killing. *Yearbook of Physical Anthropology*, 42, 1–30.
- Wrangham, R. W. 1999b. Is military incompetence adaptive? *Evolution & Human Behavior*, 20, 3–17.
- Wrangham, R. W. 2009a. *Catching fire: How cooking made us human*. New York: Basic Books.
- Wrangham, R. W. 2009b. The evolution of cooking: A talk with Richard Wrangham. *Edge*. http://www.edge.org/3rd_culture/wrangham/wrangham_index.html.
- Wrangham, R. W., & Peterson, D. 1996. *Demonic males: Apes and the origins of human violence*. Boston: Houghton Mifflin.
- Wrangham, R. W., & Pilbeam, D. 2001. African apes as time machines. In B. M. F. Galdikas, N. E. Briggs, L. K. Sheeran, G. L. Shapiro, & J.

- Goodall, eds., *All apes great and small*. New York: Kluwer.
- Wrangham, R. W., Wilson, M. L., & Muller, M. N. 2006. Comparative rates of violence in chimpanzees and humans. *Primates*, 47, 14–26.
- Wright, J. P., & Beaver, K. M. 2005. Do parents matter in creating self-control in their children? A genetically informed test of Gottfredson and Hirschi's theory of low self-control. *Criminology*, 43, 1169–202.
- Wright, Q. 1942. *A study of war*, vol. 1. Chicago: University of Chicago Press.
- Wright, Q. 1942/1964. *A study of war*, 2nd ed. Abridged by Louise Leonard Wright. Chicago: University of Chicago Press.
- Wright, Q. 1942/1965. *A study of war*, 2nd ed., with a commentary on war since 1942. Chicago: University of Chicago Press.
- Wright, R. 2000. *Nonzero: The logic of human destiny*. New York: Pantheon.
- Xu, J., Kochanek, M. A., & Tejada-Vera, B. 2009. *Deaths: Preliminary data for 2007*. Hyattsville, Md.: National Center for Health Statistics.
- Young, L., & Saxe, R. 2009. Innocent intentions: A correlation between forgiveness for accidental harm and neural activity. *Neuropsychologia*, 47, 2065–72.
- Zacher, M. W. 2001. The territorial integrity norm: International boundaries and the use of force. *International Organization*, 55, 215–50.
- Zahn, M. A., & McCall, P. L. 1999. Trends and patterns of homicide in the 20th century United States. In M. D. Smith & M. A. Zahn, eds., *Homicide: A sourcebook of social research*. Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Zahn-Waxler, C., Radke-Yarrow, M., Wagner, E., & Chapman, M. 1992. Development of concern for others. *Developmental Psychology*, 28, 126–36.
- Zak, P. J., Stanton, A. A., Ahmadi, S., & Brosnan, S. 2007. Oxytocin increases generosity in humans. *PLoS ONE*, 2, e1128.
- Zebrowitz, L. A., & McDonald, S. M. 1991. The impact of litigants' babyfacedness and attractiveness on adjudications in small claims courts. *Law & Human Behavior*, 15, 603–23.
- Zelizer, V. A. 1985. *Pricing the priceless child: The changing social value of children*. New York: Basic Books.
- Zelizer, V. A. 2005. *The purchase of intimacy*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Zerjal, T., Xue, Y., Bertorelle, G., Wells, R. S., Bao, W., Zhu, S., Qamar, R., Ayub, Q., Mohyuddin, A., Fu, S., Li, P., Yuldasheva, N., Ruzibakiev, R., Xu, J., Shu, Q., Du, R., Yang, H., Hurles, M. E., Robinson, E., Gerelsaikhan, T., Dashnyam, B., Mehdi, S. Q., & Tyler-Smith, C. 2003. The genetic legacy of the Mongols. *American Journal of Human Genetics*, 72, 717–21.

- Zimbardo, P. G. 2007. *The Lucifer effect: Understanding how good people turn evil*. New York: Random House.
- Zimbardo, P. G., Maslach, C., & Haney, C. 2000. Reflections on the Stanford prison experiment: Genesis, transformations, consequences. In T. Blass, ed., *Current perspectives on the Milgram paradigm*. Mahwah, N. J.: Erlbaum.
- Zimring, F. E. 2007. *The great American crime decline*. New York: Oxford University Press.
- Zipf, G. K. 1935. *The psycho-biology of language: An introduction to dynamic philology*. Boston: Houghton Mifflin.

ОБ АВТОРЕ

Стивен Пинкер — канадский ученый, нейропсихолог, лингвист, почетный профессор психологии Гарвардского университета, дважды лауреат Пулитцеровской премии, просветитель и популяризатор науки. Он также преподавал в Стэнфордском университете и Массачусетском технологическом институте. Его исследования языка и мышления были удостоены наград Национальной академии наук США, Королевского института Великобритании, Американской психологической ассоциации и Международного общества когнитивной нейронауки. Пинкер — обладатель нескольких наград как преподаватель, восьми почетных докторских степеней и множества литературных премий за написанные им девять книг, в числе которых «Чистый лист», «Язык как инстинкт», «Как работает мозг» и «Лучшее в нас».

Пинкер был назван «Гуманистом года» и вошел в список «100 самых влиятельных личностей

современности», составленный журналом *Foreign Policy*. Сейчас он занимает кресло председателя языковой коллегии словаря *The American Heritage Dictionary* и часто публикуется в газете *The New York Times*, журналах *Time*, *The New Republic* и других периодических изданиях.

[1] Перевод Ю. Гинзбург.

[2] Точка Омега — термин, введенный французским философом и теологом Пьером Тейяром де Шарденом (1881–1955) для обозначения состояния наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому эволюционирует Вселенная. — *Прим. пер.*

[3] Персонаж комедийных телешоу американского актера и режиссера Мела Брукса. — *Прим. науч. ред.*

[4] Перевод В. В. Вересаева.

[5] Перевод Н. И. Гнедича.

[6] Числа, 31. — *Прим. науч. ред.*

[7] Газовые камеры в нацистских лагерях смерти маскировались под душевые комнаты. — *Прим. пер.*

[8] Английская хеви-метал-группа Iron Maiden. — *Прим. пер.*

[9] Перевод Е. Бируковой.

[10] Ультиматум Генриха V: Шекспир, «Генрих V», акт 3, сцена III.

[11] Перевод Б. Пастернака.

[12] «Федералист» («Записки Федералиста», The Federalist Papers) — сборник статей в поддержку ратификации Конституции США. Отдельным изданием вышел в 1788 г. — *Прим. пер.*

[13] Перевод Н. О. Фоминой.

[14] Перевод А. Гутермана.

[15] Гоббс употребляет слово *diffidence* — «неуверенность в себе», «робость». — *Прим. пер.*

[16]. Термин *self-serving bias* также переводят как «ошибка самообслуживания», искажение когнитивных и перцептивных процессов для поддержания собственной самооценки и чувства правоты. — *Прим. пер.*

[17]. Перевод Н. Гнедича.

[18]. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — *Прим. науч. ред.*

[19]. Одуванчик использовали как мочегонное средство.

[20]. Неточно цитируемое «Толкование на Псалом 125-й» Бл. Августина. — *Прим. науч. ред.*

[21]. Перевод И. Бернштейн.

[22]. Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский филолог, критик, издатель и поэт, составитель толкового словаря английского языка. — *Прим. ред.*

[23]. Рэсколизм (от искаж. англ. *rascal* — «мошенник», «жулик») — сеть молодежных банд и криминальная субкультура в Папуа — Новой Гвинее. Специализация: убийства, насилие, грабежи, вымогательство, «идейная борьба» с полицией. — *Прим. пер.*

[24]. Джамиль Абдулла аль-Амин (Хьюберт Браун, р. 1943), также известный как Х. Рэп Браун, председатель Ненасильственного координационного комитета студентов в 1960-х. При нем комитет заключил союз с партией «Черных пантер». Отбывает пожизненное заключение за убийство полицейских в 2000 г. — *Прим. ред.*

[25]. Реплика из фильма Романа Полански «Китайский квартал» (1974). — *Прим. пер.*

[26]. Строчка из песни “A Wonderful Guy” Текса Бенеке: “I’m as corny as Kansas in August, I’m as normal as blueberry pie”. — *Прим. пер.*

[27]. “Because you’re mine, I walk the line”. — *Прим. пер.*

[28]. Строка из студийной версии песни “Revolution 1”. Джон Леннон поет: “But when you talk about destruction, don’t you know that you can count me out... in”, делая фразу менее категоричной: «Ты не знаешь, сможешь ли рассчитывать на меня». На «Белом альбоме» The Beatles звучит «консервативный» вариант: “You can count me out” — «Можешь на меня не рассчитывать». — *Прим. пер.*

[29]. Отсылка к песне Боба Дилана “Ballad of a Thin Man” (1965): “Something is happening here but you don’t know what it is. Do you, Mr. Jones?”. — *Прим. пер.*

[30]. Цитата из песни Боба Дилана “Maggie’s Farm” (1965). — *Прим. пер.*

[31]. В текущей версии английской и русской «Википедии» этот пассаж отсутствует. Ситуация описывается иначе: «После того как толпа... опрокинула мотоцикл одного из ”охранников”, агрессия “Ангелов ада” лишь увеличилась, в том числе против исполнителей. Так, один из “ангелов” ударил по голове Марти Балина из группы Jefferson Airplane так, что тот потерял сознание. Группа Grateful Dead должна была выступить между Crosby, Stills, Nash & Young и The Rolling Stones, однако после того, как ударник Майкл Шрив рассказал им об инциденте с Балином, Grateful Dead отказались выступить и

покинули Альтамонт, сославшись на ухудшение ситуации с безопасностью». — *Прим. науч. ред.*

[32]. Американский социолог, соавтор криминологической теории разбитых окон: «Если разбито стекло и его не вставляют, то через некоторое время в этом здании не останется ни одного целого окна». — *Прим. науч. ред.*

[33]. «Свинья в питоне» — так иногда описывали поколение беби-бума из-за его огромных размеров и силы. — *Прим. пер.*

[34]. «Вернем себе ночь» (Take Back the Night / Reclaim the Night) — международные акции протеста против сексуального насилия. — *Прим. науч. ред.*

[35]. Ящик Скиннера — лабораторный прибор, используемый для изучения поведения животных. — *Прим. науч. ред.*

[36]. Луис Фаррахан — лидер радикального движения афроамериканцев «Нация ислама». — *Прим. пер.*

[37]. Вольтер. Вопросы о чудесах. Письмо одиннадцатое. 1765 г.: «Бог подарил вам разум, и если вы не противопоставляете его приказу верить в несуряицу, то подаренное вам чувство справедливости вы не противопоставите приказу совершить зло. Когда одно из душевных качеств подавлено, остальные следуют за ним. Это и порождает все преступления во имя веры, которыми полон мир». — *Прим. науч. ред.*

[38]. Friedrich Spee. Cautio Criminalis («Предостережение обвинителей»). — *Прим. науч. ред.*

[39]. В 1981 г. Хинкли совершил покушение на президента Рональда Рейгана. — *Прим. пер.*

[40]. Джон Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644). Современные проблемы. Вып. 1 (М. — Нск, март 1997). — *Прим. науч. ред.*

[41]. Мораторий на смертную казнь действует в России с 1996 г. — *Прим. пер.*

[42]. Перевод В. Морица и М. А. Кузмина.

[43]. Перевод под ред. А. Франковского.

[44]. Перевод Ф. Сологуба.

[45]. Перевод О. Макаровой.

[46]. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

[47]. Отсылка к крылатому изречению Платона: «Необходимость — мать всех изобретений». — *Прим. пер.*

[48]. Ср.: «Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора. Он желает жить беспечно и весело, а природа желает, чтобы он вышел из состояния нерадивости и бездеятельного довольства и окунулся с головой в работу и испытал трудности, чтобы найти средство разумного избавления от этих трудностей» (Кант И. Сочинения: в 6 т. — М.: 1964–1966. Т. 6. С. 12). — *Прим. науч. ред.*

[49]. Внешнеполитическое ведомство Великобритании. — *Прим. пер.*

[50]. От др.-греч. αἷμα, гема — «кровь», по аналогии с κατακλυσμός, катаклизм — «потоп». — *Прим. пер.*

[51]. «Прогресс вовсе не заключается в изменчивости, напротив, он зависит от способности сохранять. Когда изменения абсолютны, улучшать становится нечего, нет и направления для будущих улучшений. Те, кто, подобно дикарям, не сохраняют опыта, пребывают в вечном младенчестве. Те, кто не в состоянии помнить прошлое, обречены повторять его» («Жизнь разума» (The Life of Reason, v. 1–5. N. Y., 1905–1906), т. 1. «Разум в здравом смысле»). — *Прим. науч. ред.*

[52]. Мода (в статистике) — значение переменной, которое наиболее часто встречается во множестве наблюдений. — *Прим. пер.*

[53]. «Моголами» население Индии называло мусульман Северной Индии и Центральной Азии. — *Прим. пер.*

[54]. Перевод В. Сапова

[55]. «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29). — *Прим. науч. ред.*

[56]. Them that's got shall have/Them that's not shall lose — из песни “God Bless The Child” джазовой певицы Билли Холидэй, 1939 г. — *Прим. пер.*

[57]. “How Ya Gonna Keep ‘em Down on the Farm after They’ve Seen Paree?” — американская песня времен Первой мировой, ставшая популярной в исполнении киноактрисы Джуди Гарленд. — *Прим. пер.*

[58]. Песня Пита Сигера “Waist Deep in the Big Muddy”. Перевод Сергея Сухарева.

[59]. Кант И. К вечному миру // Соч. в 8 т. — М., 1994. Т. 7. С. 5–56. — *Прим. науч. ред.*

[60]. О научных способах исследования естественного права, 1802 г. Цит. по: Фишер К. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом // История новой философии. Т. VIII. — М.; Л., 1933. С. 213–214. — *Прим. науч. ред.*

[61]. «Моральный эквивалент войны», 1910 г. Цит. по: История философии. Т. 20. 2015. С. 220.

[62]. Там же, с. 226.

[63]. Там же, с. 228.

[64]. Перевод Н. Дехтеревой.

[65]. Перевод Марины Викторовой.

[66]. Здесь и далее перевод Ю. Афонькина.

[67]. В Польше и Сербии больше не проводится призыв в мирное время. — *Прим. науч. ред.*

[68]. Всеобщая декларация прав человека. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. — *Прим. науч. ред.*

[69]. Собирательный образ англичанина. — *Прим. пер.*

[70]. Таубман У. Хрущев. — М.: Молодая гвардия, 2008. С. 624–625. Вторая фраза в книге Таубмана не приводится. — *Прим. науч. ред.*

[71]. Запрещена в РФ. — *Прим. пер.*

[72]. См. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 г. <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm>. — *Прим. науч. ред.*

[73]. Polity IV Project — проект по созданию политологической базы данных, объединяющей

несколько индексов (показателей), широко использующихся в политической науке. — *Прим. науч. ред.*

[74]. Поллианна — героиня романа-бестселлера детской писательницы Элинор Портер, символ несправимого оптимизма. — *Прим. пер.*

[75]. Лагерь принудительного труда Белжец, в 1941 г. переформированный в первый лагерь уничтожения в рамках операции «Рейнхард». Считается, что с марта по декабрь 1942 г. в Белжеце погибли 600 000 евреев и 2000 цыган. — *Прим. науч. ред.*

[76]. Перевод Е. Б. Дмитриевой.

[77]. Социолог Хелен Фейн использовала выражение «вселенная обязательств» (universe of obligation) для описания группы лиц, «по отношению к которым у общества возникают обязательства... и чьи раны требуют исцеления». Иными словами, вселенная обязательств включает людей, которые, по мнению общества, заслуживают уважения и чьи права необходимо защищать. — *Прим. пер.*

[78]. Terror в переводе с английского — «ужас». — *Прим. пер.*

[79]. Перевод Е. Бируковой.

[80]. Отсылка к книге Бернарда Льюиса «Что пошло не так? Западное воздействие и ближневосточный ответ» (What Went Wrong? Western Impact and Middle Eastern Response, 2002). — *Прим. пер.*

[81]. В книге «Столкновение цивилизаций» (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, 1996) Хантингтон писал: «Ни одно утверждение... не навлекло на меня больше критических стрел, чем это: “У ислама — кровавые границы”. Такую оценку я

сделал на основе беглого обзора межцивилизационных конфликтов. Количественные данные, взятые из любого незаинтересованного источника, убедительно демонстрируют ее обоснованность». Перевод Л. Королева. — *Прим. пер.*

[82]. Ошибка конъюнкции, она же проблема Линды (conjunction fallacy, Linda problem) — когнитивное искажение, когда совместные события считают более вероятными, чем эти же события по отдельности. Сформулировано Амосом Тверски и Даниэлем Канеманом. — *Прим. науч. ред.*

[83]. В августе 2013 г. президентом Ирана стал Хасан Рухани. — *Прим. науч. ред.*

[84]. Пыльный котел, Пыльная чаша (Dust Bowl) — серия катастрофических пыльных бурь, случившихся в прериях США и Канады между 1930 и 1936 гг. — *Прим. пер.*

[85]. Чавизм — левая идеология, по имени Уго Чавеса, президента Венесуэлы (1999–2013 гг.) — *Прим. пер.*

[86]. Кларенс Томас — юрист, второй афроамериканец, ставший судьей Верховного суда США (с 1991 г.). — *Прим. науч. ред.*

[87]. В современном английском языке имеет переносное значение «устроить нагоняй». — *Прим. пер.*

[88]. Перевод Н. Волжиной.

[89]. Декларация убеждений (Declaration of Sentiments) была принята по образцу Декларации независимости США делегатами Первой конференции по правам женщин в Сенека-Фоллз (штат Нью-Йорк) в 1848 г. — *Прим. пер.*

[90]. Плодородный полумесяц (Fertile Crescent) — ближневосточный регион, к которому относят территории Ливана, Израиля, Сирии, Ирака, а также части Турции, Ирана и Иордании. Считается колыбелью современной цивилизации. — *Прим. пер.*

[91]. Френсис Бомонт, Джон Флетчер. Ум без денег (1639). Подразумевается известная английская поговорка Charity begins at home: «Милосердие (или благотворительность) начинается дома». — *Прим. науч. ред.*

[92]. Ральф и Элис Крамден — персонажи ситкома 1950-х гг. «Новобрачные» (The Honeymooners). — *Прим. пер.*

[93]. Эффект Матфея — феномен неравномерного распределения преимуществ в прямой зависимости от уже имеющихся («Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет». Мф. 25:29). Сформулирован в 1986 г. социологом Робертом Мертоном. — *Прим. пер.*

[94]. Перевод А. В. Кривцовой.

[95]. Перевод Б. Заходера.

[96]. Мэзеры — династия известных в США пуританских проповедников и богословов. Инкриз и Коттон Мэзеры были президентами Гарварда. — *Прим. пер.*

[97]. Перевод П. Д. Первова.

[98]. Дети, растущие в приемной семье на деньги, выплачиваемые родителями (baby-farming), часто умирали, порой их убивали. Разоблачение таких убийц вызвало скандалы на рубеже XIX–XX вв. — *Прим. пер.*

[99]. Усилению готовности американцев исповедоваться на людях способствовало телешоу Опры Уинфри. — *Прим. пер.*

[100]. Считается, что так называемые Стоунволлские волнения, или Стоунволлское восстание, дали начало движению за соблюдение прав человека в отношении ЛГБТ в США и во всем мире. — *Прим науч. ред.*

[101]. Перевод И. Меламеда.

[102]. Пропетивный дуализм (символический физикализм) утверждает, что сознание «составляет группа независимых свойств, которые появляются из мозга, но оно не является отдельной субстанцией». — *Прим. науч. ред.*

[103]. Перевод Веры Домитеевой.

[104]. Цитата из монолога Фальстафа о чести. Шекспир. Генрих IV. Ч. I. — *Прим. науч. ред.*

[105]. Перевод Е. М. Доброхотовой-Майковой

[106]. Том Лерер (р. 1928) — американский математик, автор-исполнитель юмористических песен. — *Прим. пер.*

[107]. Элмер Дж. Фадд, он же Умник, — герой мультсериала и комиксов серии Looney Tunes, охотник, преследующий кролика Багза Банни. — *Прим. пер.*

[108]. Движение чаепития (Tea Party movement) — консервативное крыло Республиканской партии США, возникшее в 2009 г. среди несогласных с экономической и налоговой политикой федеральных властей и реформой медицинского страхования. — *Прим. науч. ред.*

[109] Строчки из песни Пола Саймона “The Boy in the Bubble” (1986). — *Прим. пер.*

[110] Перевод М. А. Зенкевича.

[111] Кларенс Дарроу (1857–1938) — знаменитый американский адвокат. — *Прим. пер.*

[112] Автор ссылается на следующее место из работы Фрейда «Толкования сновидений» (1900): «... уместно запомнить слова Платона, что добродетельный человек ограничивается тем, что ему лишь снится то, что дурной делает». — *Прим. науч. ред.*

[113] Гобелен из Байё (англ. Bayeux Tapestry; фр. Tapisserie de Bayeux) — памятник средневекового искусства (конец XI в.), вышивка по льняному полотну длиной около 70 м. Изображает сцены нормандского завоевания Англии и битвы при Гастингсе. — *Прим. науч. ред.*

[114] В фильме «Невероятная жизнь Уолтера Митти» (The Secret Life of Walter Mitty, 1947 и 2013 гг.) скромный мечтатель Митти волей случая переживает удивительные приключения в разных частях света. — *Прим. пер.*

[115] Перевод В. П. Голышева.

[116] Уильям Джеймс (1842–1910) — американский психолог, один из отцов современной психологии и основателей философии прагматизма и функционализма. — *Прим. науч. ред.*

[117] Ричард Рэнгем (Richard Wrangham, р. 1948) — биолог, ученик Джейн Гудолл, исследователь социальных систем у приматов и эволюционной истории человеческой агрессии. — *Прим. науч. ред.*

[118]. Отсылка к песне Чака Берри “Brown-Eyed Handsome Man” (1956): “Milo Venus... lost both her arms in a wrestling match / To meet a brown-eyed handsome man”. — *Прим. пер.*

[119]. Психоистория — попытка изучения мотивов поведения людей в прошлом на стыке социальных наук и психотерапии (в частности, фрейдистской). — *Прим. науч. ред.*

[120]. Джерри Сайнфелд (р. 1954) — американский стендап-комик и актер, известный по популярному телесериалу «Сайнфелд» (1989–1998). — *Прим. науч. ред.*

[121]. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

[122]. Виртуальный организм — компьютерная модель живого организма. — *Прим. науч. ред.*

[123]. Конформность — изменение в поведении или мнении человека под влиянием реального или воображаемого давления со стороны другого человека или группы людей. В отличие от «конформизма» этот термин эмоционально не окрашен. — *Прим. пер.*

[124]. Множественное (плюралистическое) невежество — заблуждение относительно группы, поддерживаемое самой группой («никто не верит, но все думают, что все верят»). — *Прим. пер.*

[125]. «Газовый свет» (Gaslight, 1944) — фильм режиссера Джорджа Кьюкора. В статье «Википедии» говорится: от названия фильма «образован в английском языке термин “газлайтинг”. Это тип психологического насилия, состоящий в манипуляциях с целью посеять у индивида сомнения в действительности происходящего и в обоснованности собственного восприятия реальности. Под влиянием

газлайтинга человек начинает видеть в себе сумасшедшего». — *Прим. пер.*

[126] Перевод В. П. Голышева.

[127] «Великое поколение» (англ.: The Greatest Generation) — название, данное журналистом Томом Брокау поколению американцев, которые участвовали в боях Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

[128] Юм Д. Соч. в 2 т. / Под общ. ред. и с прим. И. С. Нарского. Пер. с англ. — М.: Мысль, 1965.

[129] Перевод В. Г. Николаева.

[130] Стивен Джей Гулд (1941–2002) — американский биолог и популяризатор науки. — *Прим. науч. ред.*

[131] Дистресс — стресс, связанный с выраженными негативными эмоциями и оказывающий вредное влияние на здоровье. — *Прим. пер.*

[132] Автор использует термин *perspective taking*, означающий видение ситуации с точки зрения других людей. Мы, как это принято в отечественной психологической литературе, будем переводить термин как «принятие перспективы». — *Прим. пер.*

[133] Имеется в виду многолетний эксперимент по одомашниванию лис, начатый в СССР генетиками Дмитрием Беляевым и Людмилой Трут. — *Прим. науч. ред.*

[134] Коллизия романа писателя Уильяма Стайрона «Выбор Софи» (*Sophie's Choice*, 1979). — *Прим. пер.*

[135] Перевод Н. Дарузес.

[136]. Критическая теория — ряд направлений социальной и культурной теории, стремящихся «одновременно объяснять современное общество и менять его» (А. Хитров), основываясь на идеях Фрейда, Ницше и Маркса. — *Прим. науч. ред.*

[137]. Имеется в виду Шарль Бодлер. — *Прим. пер.*

[138]. «Штатом Одинокой звезды» называют Техас. — *Прим. пер.*

[139]. Водопроводчик Джо (*Joe the Plumber*) — американский водопроводчик, который, поговорив с Бараком Обамой во время его поездки по стране, стал воплощением среднего американца, к которому апеллировали кандидаты на пост президента США. — *Прим. пер.*

[140]. Цит. по: Смит А. Теория нравственных чувств. Гл. III / Подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова. — М.: Республика, 1997.

[141]. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. 1871–1874. — Москва — Ленинград: 1927.

[142]. Она же «теория всего» — гипотетическая физико-математическая теория, описывающая все известные фундаментальные взаимодействия. — *Прим. пер.*

[143]. Перевод Е. Бируковой.

Переводчики *Галина Бородина, Светлана Кузнецова*

Научный редактор *Екатерина Шульман, канд. полит. наук*

Редактор *Владимир Потапов*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Корректоры *О. Сметанникова, С. Чупахина*

Арт-директор *Ю. Буга*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Книжные проекты
Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зими́н — основатель компании «Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зими́на» вы найдете на сайте

ziminbookprojects.ru

© Steven Pinker, 2011

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2021

Пинкер С.

Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / Стивен Пинкер; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

ISBN 978-5-0013-9386-3